
VE RI
TAS

ЖУРНАЛЪ
МИНИСТЕРСТВА
НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

СЕДЬМОЕ ДЕСЯТИЛѢТІЕ.

ЧАСТЬ CCCXXXV.

1901.

МАЙ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Типографія „В. С. Балашевъ и К°", Наб. Фонтанки, д. 95.
1901

СОДЕРЖАНІЕ.

Правительственныя распоряженія.

Критика и библіографія.

(*См. 3-ю стр. обложки*).

ЖУРНАЛЪ

МИНИСТЕРСТВА

НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

СЕДЬМОЕ ДЕСЯТИЛѢТІЕ

ЧАСТЬ CCCXXXV.

1901.

МАЙ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія „В. С. Балашевъ и К°". Наб. Фонтанки, 95.

1901.

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

I. ВЫСОЧАЙШІЙ РЕСКРИПТЪ,

данный на имя члена государственнаго совѣта, генералъ-адъютанта, генерала-отъ-инфантеріи Ванновскаго.

Петръ Семеновичъ. Правильное устройство народнаго образованія составляло всегда одну изъ главныхъ заботъ Русскихъ Государей, твердо, но постепенно стремившихся къ его усовершенію въ соотвѣтствіи съ основными началами русской жизни и потребностями времени. Опытъ послѣднихъ лѣтъ указалъ однако на столь существенные недостатки нашего учебнаго строя, что Я признаю благовременнымъ безотлагательно приступить къ коренному его пересмотру и исправленію.

Высоко цѣня вашу государственную опытность и просвѣщенный умъ, Я избралъ васъ въ сотрудники Себѣ въ дѣлѣ обновленія и устроительства русской школы и, призывая васъ на особо важную нынѣ должность министра народнаго просвѣщенія, твердо увѣренъ, что вы строго и неуклонно будете идти къ намѣченной Мною цѣли и въ дѣло воспитанія русскаго юношества внесете умудренный опытомъ разумъ и сердечное о немъ попеченіе.

Да благословитъ Господь Наши труды; да помогутъ Намъ въ нихъ родители и семьи, ближайшимъ образомъ обязанные пещись о своихъ дѣтяхъ, и тогда скоро наступитъ время, когда Я и со Мною весь народъ будемъ съ гордостью и утѣшеніемъ видѣть въ молодомъ по-

колѣніи твердую и вѣрную надежду Отечества и стойкую опору его въ будущемъ.

На подлинномъ собственною Его Императорскаго Величества рукою написано:

„*Искренно уважающій Васъ*

НИКОЛАЙ".

Царское Село.
25-го марта 1901 года.

II. ИМЕННЫЕ ВЫСОЧАЙШІЕ УКАЗЫ.

Правительствующему Сенату.

24-го марта 1901 года. „Нашему генералъ-адъютанту, члену государственнаго совѣта, генералу-отъ-инфантеріи *Ванновскому*—Всемилостивѣйше повелѣваемъ быть министромъ народнаго просвѣщенія, съ оставленіемъ въ званіи генералъ-адъютанта и членомъ государственнаго совѣта".

1-го апрѣля 1901 года. „Начальнику главнаго тюремнаго управленія, сенатору, тайному совѣтнику *Мѣщанинову*—Всемилостивѣйше повелѣваемъ быть товарищемъ министра народнаго просвѣщенія, съ оставленіемъ сенаторомъ".

Государственному Совѣту.

1-го апрѣля 1901 года. „Попечителю Кавказскаго учебнаго округа, тайному совѣтнику *Яновскому*—Всемилостивѣйше повелѣваемъ быть членомъ государственнаго совѣта".

III. ВЫСОЧАЙШАЯ ГРАМОТА.

Нашему дѣйствительному тайному совѣтнику, почетному опекуну, члену совѣта министра народнаго просвѣщенія Ивану Корнилову.

Въ справедливомъ вниманіи къ долголѣтнему, отлично-усердному служенію вашему Престолу и Отечеству и въ изъявленіе признательности Нашей за ваши ревностные труды по вѣдомству учрежденій Императрицы Маріи, Всемилостивѣйше пожаловали Мы васъ кавалеромъ Императорскаго ордѐна Нашего *святаго равноапостольнаго князя Владиміра первой степени*, знаки коего, при семъ препровождая,

повелѣваемъ возложить на себя и носить по установленію. Пребываемъ къ вамъ Императорскою милостію Нашею благосклонны.

На подлинной собственною Его Императорскаго Величества рукою написано:

„НИКОЛАЙ".

Въ С.-Петербургѣ.
1-го апрѣля 1901 года.

IV. ВЫСОЧАЙШІЯ ПОВЕЛѢНІЯ.

1. (27-го декабря 1900 года). *О предоставленіи Ярославскому губернскому земству права избирать почетнаго попечителя при Ярославской гимназіи и имѣть въ ней 20 безплатныхъ вакансій для земскихъ стипендіатовъ.*

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу министра народнаго просвѣщенія, въ 17-й день декабря 1900 г., Высочайше соизволилъ на предоставленіе Ярославскому губернскому земству права избирать почетнаго попечителя при Ярославской гимназіи и имѣть въ ней 20 безплатныхъ вакансій для земскихъ стипендіатовъ. (*Собр. узакон. и расп. Правит.*, 10-го апрѣля 1901 г., № 34, ст. 657).

2. (27-го декабря 1900 года). *О принятіи Жиздринскаго городского училища подъ Августѣйшее покровительство Его Императорскаго Высочества Государя Наслѣдника и Великаго Князя Михаила Александровича.*

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу министра народнаго просвѣщенія, въ 27-й день декабря 1900 г., Высочайше соизволилъ на принятіе Жиздринскаго городского училища съ дополнительными классами по садоводству и огородничеству подъ Августѣйшее покровительство Его Императорскаго Высочества Государя Наслѣдника и Великаго Князя Михаила Александровича, съ наименованіемъ сего училища „Михайловскимъ".

(Тамъ же, ст. 658).

3. (7-го января 1901 года). *Объ установленіи форменной одежды для студентовъ Томскаго технологическаго института Императора Николая II.*

Представивъ на Высочайшее Его Императорскаго Величества утвержденіе рисунки знака на околышѣ фуражки и наплечниковъ на

форменной одеждѣ для студентовъ Томскаго технологическаго института Императора Николая II, министръ народнаго просвѣщенія всеподданнѣйше испрашивалъ Всемилостивѣйшее Его Величества соизволеніе на введеніе установленной для студентовъ высшихъ техническихъ учебныхъ заведеній министерства народнаго просвѣщенія форменной одежды и для студентовъ названнаго института.

Государь Императоръ, въ 7-й день января 1901 г., на сіе Высочайше соизволилъ.

(*Собран. узакон. и расп. Правит.*, 13-го марта 1901 г., № 26, ст. 539).

4. (30-го января 1901 года). *О преобразованіи Семипалатинской четырехклассной мужской прогимназіи въ шестиклассный составъ.*

Его Императорское Величество воспослѣдовавшее мнѣніе въ департаментѣ промышленности, наукъ и торговли государственнаго совѣта, о преобразованіи Семипалатинской четырехклассной мужской прогимназіи въ шестиклассный составъ, Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить.

Подписалъ: предсѣдатель государственнаго совѣта *Михаилъ*.

Мнѣніе государственнаго совѣта.

Государственный совѣтъ, въ департаментѣ промышленности, наукъ и торговли, разсмотрѣвъ представленіе министерства народнаго просвѣщенія, о преобразованіи Семипалатинской четырехклассной мужской прогимназіи въ шестиклассный составъ, *мнѣніемъ положилъ*:

I. Преобразовать, съ 1-го іюля 1901 г., Семипалатинскую мужскую четырехклассную прогимназію въ шестиклассный составъ.

II. Ассигновать изъ государственнаго казначейства на содержаніе вновь открываемыхъ классовъ означенной въ отд. I прогимназіи: въ 1901 г. *одну тысячу семьсотъ сорокъ пять* руб., въ 1902 г.—*четыре тысячи шестьсотъ девнадцать* руб. *пятьдесятъ* коп. и съ 1903 г.—по *пяти тысячъ семисотъ тридцати пяти* рублей, показывая по доходной смѣтѣ министерства народнаго просвѣщенія пособіемъ казнѣ отъ Семипалатинскаго городского общества въ 1901 г. *двѣсти шестьдесятъ пять* руб. и съ 1902 г. по *пятисотъ тридцати* рублей ежегодно.

Подлинное мнѣніе подписано въ журналѣ предсѣдателемъ и членами.

(Тамъ же, ст. 524).

5. (12-го февраля 1901 года). *О дополненіи штата С.-Петербургскаго женскаго медицинскаго института.*

Его Императорское Величество воспослѣдовавшее мнѣніе въ общемъ собраніи государственнаго совѣта, о дополненіи штата С.-Петербургскаго женскаго медицинскаго института, Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить.

Подписалъ: предсѣдатель государственнаго совѣта *Михаилъ.*

Мнѣніе государственнаго совѣта.

Государственный совѣтъ, въ департаментѣ промышленности, наукъ и торговли и въ общемъ собраніи, разсмотрѣвъ представленіе министра народнаго просвѣщенія о дополненіи штата С.-Петербургскаго женскаго медицинскаго института, *мнѣніемъ положилъ*:

I. Высочайше утвержденный, 1-го іюня 1895 г., штатъ С.-Петербургскаго женскаго медицинскаго института (собр. узак., ст. 904) дополнить: 1) учрежденіемъ тринадцати должностей ассистентовъ при клиникахъ, съ присвоеніемъ имъ VIII класса по должности, VII разряда по шитью на мундирѣ и оклада содержанія по 1.200 рублей въ годъ, и шести должностей помощниковъ прозекторовъ, съ присвоеніемъ имъ VIII класса по должности, VIII разряда по шитью на мундирѣ и оклада содержанія по 500 рублей въ годъ, и 2) увеличеніемъ числа прозекторовъ до шести и числа лаборантовъ до четырнадцати.

II. Вызываемый указанными мѣрами (отд. I) расходъ отнести на спеціальныя средства института.

Подлинное мнѣніе подписано въ журналахъ предсѣдателями и членами.

(*Собран. узакон. и расп. Правит.*, 30-го марта 1901 г., № 31, ст. 626).

6. (12-го февраля 1901 года). *О кредитѣ на увеличеніе окладовъ содержанія личнаго состава женскихъ гимназій, ремесленныхъ и городскихъ училищъ Приамурскаго края.*

Его Императорское Величество воспослѣдовавшее мнѣніе въ общемъ собраніи государственнаго совѣта, о кредитѣ на увеличеніе окладовъ содержанія личнаго состава женскихъ гимназій, ремесленныхъ и городскихъ училищъ Приамурскаго края, Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить.

Подписалъ: предсѣдатель государственнаго совѣта *Михаилъ.*

Мнѣніе государственнаго совѣта.

Государственный совѣтъ, въ департаментѣ государственной экономіи и въ общемъ собраніи, разсмотрѣвъ представленіе министерства народнаго просвѣщенія о кредитѣ на увеличеніе окладовъ содержанія личнаго состава женскихъ гимназій, ремесленныхъ и городскихъ училищъ Приамурскаго края, *мнѣніемъ положилъ*:

I. Дѣйствіе Высочайше утвержденнаго, 1-го марта 1899 года, мнѣнія государственнаго совѣта, о присвоеніи служащимъ въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ Приамурскаго края полуторныхъ окладовъ содержанія (собр. узак. 1899 г., ст. 687) распространить съ 1-го января 1901 года на ремесленныя и городскія, по положенію 1872 г., училища и на женскія гимназіи Приамурскаго края.

II. На осуществленіе мѣры, изложенной въ отд. I, отпускать ежегодно изъ государственнаго казначейства, начиная съ 1901 г.: 1) *четырнадцать тысячъ семьсотъ сорокъ семь* рублей *пятьдесятъ* копѣекъ, въ дополненіе къ кредитамъ, ассигнуемымъ нынѣ на содержаніе ремесленныхъ и городскихъ училищъ Приамурскаго края, и 2) *восемь тысячъ двѣсти пятьдесятъ* рублей, въ дополненіе къ пособіямъ, производимымъ изъ средствъ казны на содержаніе Владивостокской, Хабаровской, Благовѣщенской, Читинской и Троицкосавской женскихъ гимназій, по 1.650 руб. на каждую гимназію.

Подлинное мнѣніе подписано въ журналахъ предсѣдателями и членами.

(Тамъ же, 3-го апрѣля 1901, № 32, ст. 684).

V. ВЫСОЧАЙШАЯ НАГРАДА.

Награждается орденомъ св. равноапостольнаго князя Владиміра 4-й степени, членъ археографической коммисіи, приватъ-доцентъ Императорскаго С.-Петербургскаго университета, докторъ русской исторіи, надворный совѣтникъ Николай *Лихачевъ*.

VI. ВЫСОЧАЙШІЕ ПРИКАЗЫ ПО ВѢДОМСТВУ МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

(12-го марта 1901 года № 15). *Производятся*, за выслугу лѣтъ: со старшинствомъ: изъ коллежскихъ въ *статскіе совѣтники:* по

Московскому учебному округу: старшій помощникъ инспектора студентовъ Императорскаго Московскаго университета *Корнѣевъ* — съ 16-го ноября 1898 г.; инспекторъ народныхъ училищъ Тверской губ. *Чистяковъ* — съ 1-го октября 1900 г.; прозекторы Императорскаго Московскаго университета: при каѳедрѣ нормальной анатоміи, *Алтуховъ*—съ 31-го октября 1899 г. и при каѳедрѣ патологической анатоміи *Кишенскій*—съ 8-го октября 1898 г.; воспитатель при Нижегородскомъ дворянскомъ институтѣ Императора Александра II *Дементьевъ*—съ 1-го августа 1900 г.; учителя: Коломенской гимназіи *Стельмаховичъ* и *Любимовъ*, Рославльской мужской прогимназіи, *Рапчинскій*, всѣ трое—съ 1-го августа 1900 г., Нижегородскаго Владимірскаго реальнаго училища, *Надежинъ*—съ 1-го сентября 1900 г.; преподаватель Комисаровскаго техническаго училища, *Кульчицкій*—съ 1-го августа 1900 г.; по Одесскому учебному округу: учителя гимназій: Бахмутской, *Степановъ*—съ 15-го іюня 1900 г., Императора Александра III въ Болградѣ, *Виренъ*—съ 13-го сентября 1900 г., Одесской 3-й, *Флеровъ*—съ 11-го іюня 1900 г., Херсонской, *Щегловъ* — съ 13-го сентября 1900 г. и Вознесенской прогимназіи, *Павловъ* — съ 1-го сентября 1900 г.; изъ надворныхъ въ *коллежскіе совѣтники*: по Московскому учебному округу: инспекторъ народныхъ училищъ Тверской губерніи *Назарьевскій*—съ 9-го января 1899 г; Императорскаго Московскаго университета: сверхштатные ассистенты: при клиникахъ: дѣтскихъ болѣзней, *Остроградскій* — съ 24-го января 1900 г., и акушерской, *Побѣдинскій* — съ 22-го марта 1900 г., помощники прозектора: при каѳедрѣ анатоміи, *Карузинъ*—съ 31-го мая 1900 г. и при институтѣ судебной медицины (штатный) *Покровскій*—съ 11-го декабря 1899 г., лаборанты: при технической лабораторіи, штатный, *Орловъ*—съ 1-го декабря 1899 г., при фармацевтическомъ кабинетѣ съ лабораторіею, сверхштатный, *Мильковскій* — съ 26-го ноября 1899 г. и въ органической лабораторіи, *Поляковъ*—съ 23-го сентября 1900 г.; учителя: гимназій: Московской 3-й, *Языковъ* и Московской 4-й, *Поперэкъ*, оба — съ 1-го сентября 1900 г., Иваново-Вознесенскаго реальнаго училища, *Богодаровъ* — съ 1-го октября 1900 г., средняго механико-техническаго училища при Нижегородскомъ Владимірскомъ реальномъ училищѣ, *Хмельницкій*—съ 1-го февраля 1900 г.; преподаватель ручнаго труда въ Московскомъ учительскомъ институтѣ *Касаткинъ*—съ 1-го августа 1900 г.; наставникъ Новинской учительской семинаріи *Бѣлюстинъ*—съ 30-го сентября 1900 г.; учителя: частныхъ женскихъ гимназій въ Москвѣ: С. А. Арсеньевой, *Соловьевъ* — съ

14-го декабря 1900 г., З. Д. Перепелкиной, *Каллашъ* — съ 15-го ноября 1900 г., Макарьевскаго ремесленнаго училища, имени Ѳ. В. Чижова, *Тарбѣевъ*—съ 8-го января 1900 г.; по Одесскому учебному округу: инспекторъ народныхъ училищъ Екатеринославской губерніи *Павленко* — съ 1-го января 1897 г.; учителя: Симферопольской гимназіи, *Олѣницкій*—съ 1-го апрѣля 1900 г., Николаевской Маріинской женской гимназіи, *Воскобойниковъ* — съ 20-го декабря 1899 г., Николаевской 2-й женской гимназіи, *Евстратовъ*—съ 15-го октября 1900 г., реальныхъ училищъ: Николаевскаго, *Терещенко*—съ 1-го августа 1900 г. и Одесскаго св. Павла (сверхштатный) *Бишелли*—съ 10-го октября 1900 г.; врачъ Севастопольскаго еврейскаго одноклассснаго начальнаго училища *Гинсбургъ* — съ 9-го ноября 1900 г.; изъ коллежскихъ ассессоровъ въ *надворные совѣтники:* по Московскому учебному округу: ассистенты Императорскаго Московскаго университета: при глазной клиникѣ, *Головинъ* — съ 20-го августа 1899 г. и при госпитальной хирургической клиникѣ, *Зыковъ* — съ 30-го декабря 1899 г., сверхштатные: при факультетской терапевтической клиникѣ, *Лавровскій*—съ 10-го мая 1900 г., нейрологическомъ музеѣ имени А. Кожевникова, *Прибытковъ*—съ 3-го августа 1899 г., при амбулаторіи имени В. А. Алексѣевой, *Комаровъ*—съ 16-го марта 1900 г., при психіатрической клиникѣ, *Сухановъ*—съ 10-го декабря 1899 г., при гинекологической клиникѣ, *Благоволинъ*—съ 20-го января 1900 г., при хирургическомъ клиническомъ отдѣленіи, находящемся въ Императорской Екатерининской больницѣ, *Мартыновъ*—съ 28-го апрѣля 1900 г., при андрологической клиникѣ, *Вагановъ*—съ 21-го мая 1900 г., при пропедевтической клиникѣ, *Предтеченскій* — съ 4-го мая 1900 г.; сверхштатный лаборантъ при паталого-анатомическомъ институтѣ *Шамшинъ* — съ 28-го ноября 1899 г. и сверхштатный ассистентъ при терапевтическомъ отдѣленіи клиникъ, находящемся въ Императорской Екатерининской больницѣ, *Поляковъ*—съ 23-го ноября 1899 г.; воспитатели: Калужскаго дворянскаго Имени Императора Александра II пансіонъ-пріюта, *Савельевъ*—съ 27-го мая 1899 г. и пансіона при Московской 4-й гимназіи, *Мощанскій* — съ 10-го ноября 1899 г.; учителя: Рязанской прогимназіи, *Булатовъ*—съ 4-го января 1900 г., реальнаго училища при реформатской церкви въ Москвѣ, *Триллингъ* — съ 23-го сентября 1898 г., Иваново-Вознесенскаго низшаго механико-техническаго училища, *Шейманъ* — съ 1-го августа 1899 г., учитель-инспекторъ Жиздринскаго городского училища *Крюковъ* — съ 1-го іюля 1899 г.; учитель-инспекторъ Ба-

лахнинскаго трехкласснаго городского училища *Ильинъ*—съ 5-го сентября 1900 г.; инспекторъ школы ремесленныхъ учениковъ княгини Тенишевой, при Брянскомъ заводѣ, *Смирновъ* — съ 22-го сентября 1898 г.; врачи: Мценскаго городского училища, *Александровъ* — съ 22-го февраля 1895 г. и частной женской гимназіи, Л. Ѳ. Ржевской, въ Москвѣ, *Миловидовъ*—съ 4-го октября 1899 г.; хранитель минералогическаго кабинета Императорскаго Московскаго университета *Щировскій*—съ 15-го января 1900 г.; помощники классныхъ наставниковъ гимназій, Костромской, *Веригинъ*—съ 24-го февраля 1900 г.; Рязанской, *Ивановъ*—съ 1-го августа 1900 г. и Рязанской прогимназіи, *Морозовъ*—со 2-го марта 1900 г.; учителя городскихъ училищъ: Нижегородскаго трехкласснаго, имени св. князя Владиміра, *Шихиревъ*—съ 4-го сентября 1899 г., Мценскаго, *Шелапутинъ* — съ 1-го іюля 1900 г., 1-го Смоленскаго, *Городецкій* — съ 1-го августа 1900 г., Рославльскаго, *Козьминъ*—съ 1-го іюля 1900 г. и Романово-Борисоглѣбскаго, *Благовѣщенскій* — съ 1-го іюля 1900 г.; по Одесскому учебному округу: учитель Херсонской гимназіи *Мироничъ*—съ 15-го октября 1899 г.; учитель-инспекторъ Старо-Крымскаго городского трехкласснаго училища *Мырза* — съ 19-го октября 1900 г.; врачъ Павлоградской гимназіи *Бархашъ*—съ 27-го января 1898 г.; учитель Ананьевской школы ремесленныхъ учениковъ *Калачевъ*—съ 18-го декабря 1900 г.; изъ титулярныхъ совѣтниковъ въ *коллежскіе ассесоры:* по Московскому учебному округу, Императорскаго Московскаго университета: сверхштатные ассистенты при клиникахъ: госпитальной терапевтической, *Кабановъ*—съ 10-го августа 1897 г., факультетской терапевтической, *Серебренниковъ*—съ 3-го октября 1897 г., факультетской хирургической, *Добротворскій*—съ 9-го іюня 1895 г., сверхштатный помощникъ прозектора при каѳедрѣ оперативной хирургіи, *Дешинъ* — съ 15-го мая 1898 г., лаборанты: (штатный) при лабораторіи органической и аналитической химіи, *Дорошевскій*—съ 19-го января 1900 г., сверхштатные: при лабораторіи органической и аналитической химіи, *Зерновъ* — съ 19-го ноября 1899 г., при каѳедрѣ сравнительной анатоміи, *Сушкинъ* — съ 14-го октября 1899 г., при гигіеническомъ институтѣ, *Ильkевичъ* — съ 27-го февраля 1898 г., ассистенты (сверхштатный) при астрономической обсерваторіи, *Блажко*—съ 11-го января 1900 г., (штатный) при зоологическомъ музеѣ, *Богоявленскій* — съ 28-го сентября 1899 г., секретарь по студенческимъ дѣламъ университета, *Преображенскій* — съ 10-го февраля 1900 г.; учитель Костромскаго реальнаго училища, *Краузъ*—съ 5-го

апрѣля 1900 г.; руководитель работъ Тульскаго ремесленнаго училища *Аристовъ*—съ 7-го апрѣля 1898 г.; помощникъ классныхъ наставниковъ: гимназій: Калужской, *Глухаревъ*—съ 1-го августа 1900 г. Коломенской, *Шумовъ*—съ 1-го сентября 1900 г.; Касимовскаго средняго семиклассная техническаго училища, *Стенькинскій*—съ 1-го іюля 1900 г.; учитель завѣдующій общими классами Жиздринскаго городского училища, съ двумя дополнительными классами по садоводству и огородничеству, *Скворцовъ* — съ 1-го іюля 1900 г.; учителя: городскихъ училищъ: Солодовниковскаго, въ Москвѣ, *Дорманъ* (Иванъ)—съ 24-го августа 1900 г., Сычевскаго, *Васильевъ* — съ 20-го марта 1899 г., Епифанскаго, *Сахаровъ* — съ 1-го іюля 1900 г., Даниловскаго, *Дорманъ* (Николай)—съ 1-го сентября 1900 г., Мышкинскаго, (бывшій, нынѣ въ отставкѣ) *Шигинъ*—съ 1-го іюля 1898 г., Солигаличскаго уѣзднаго училища, *Николаевскій* — съ 12-го октября 1900 г.; по Одесскому учебному округу: врачъ Новобугской учительской семинаріи *Рабиновичъ* — съ 18-го мая 1898 г.; помощникъ библіотекаря Императорскаго Новороссійскаго университета *Шестериковъ* — съ 22-го декабря 1898 г.; учитель-инспекторъ Екатеринославскаго 2-го городского трехклассная училища *Остерманъ* — съ 15-го ноября 1897 г.; помощникъ столоначальника канцеляріи попечителя *Злочевскій* — съ 26-го октября 1900 г.; учителя городскихъ училищъ: шестиклассныхъ: Николаевскаго, *Ключковъ*—съ 1-го августа 1900 г. и Одесскаго имени В. Н. Лигина, *Пановъ*—съ 1-го сентября 1900 г., Славяносербскаго трехклассная, *Зиньковскій* — съ 15-го октября 1899 г.; изъ коллежскихъ секретарей въ *титулярные совѣтники*: по Московскому учебному округу: Императорскаго Московскаго университета: сверхштатные лаборанты: при лабораторіи органической и аналитической химіи, *Крапивинъ*—съ 17-го января 1900 г., при физическомъ кабинетѣ, *Щукаревъ* — съ 21-го февраля 1900 г., сверхштатные ассистенты: при кабинетѣ анатоміи и физіологіи растеній, *Крашенинниковъ*—съ 2-го ноября 1899 г., при зоологическомъ музеѣ, *Щелкановцевъ* — съ 24-го марта 1900 г., помощникъ библіотекаря университета *Страховъ*—съ 17-го августа 1874 г.; письмоводитель и бухгалтеръ общаго управленія промышленныхъ училищъ Костромской губерніи имени Ѳ. В. Чижова *Суворовъ*—съ 21-го марта 1899 г.; помощники классныхъ наставниковъ: гимназій: Московской 5-й *Гогель* — съ 15-го марта 1900 г. и Сергіевской, въ Сергіевомъ посадѣ, *Благонравовъ* — съ 1-го октября 1898 г.; реальныхъ училищъ: Калужскаго, *Яшуковъ*—съ 1-го февраля 1900 г., Костромскаго *Полян-*

скій-Жирковичъ — съ 1-го ноября 1898 г.; учителя городскихъ училищъ: Макарьевскаго двухкласснаго, *Гладковъ* — съ 17-го февраля 1898 г., 1-го Московскаго, *Коптевъ* — съ 1-го августа 1898 г., Звенигородскаго, *Афанасьевъ*—съ 1-го іюля 1898 г., Можайскаго, *Королевъ* — съ 1-го іюля 1897 г., Арзамасскаго четырехкласснаго, *Козыревъ*—съ 15-го октября 1895 г., Рославльскаго, *Николаевъ* — съ 1-го августа 1898 г., Одоевскаго, *Бѣлоруссовъ* — съ 9-го декабря 1898 г. и Рыбинскаго (сверхштатный) *Докукинъ* — съ 1-го сентября 1897 г.; по Одесскому учебному округу, лаборантъ ботаническаго кабинета Императорскаго Новороссійскаго университета *Зеленецкій* — съ 11-го декабря 1899 г.; изъ губернскихъ въ *коллежскіе секретари*: по Московскому учебному округу, учителя: уѣздныхъ училищъ: Боровскаго, *Кокушкинъ* — съ 1-го августа 1897 г., Ветлужскаго, *Шаровъ* — съ 14-го апрѣля 1898 г., Тезинскаго двухкласснаго, *Мараевъ*—съ 1-го сентября 1898 г.; помощникъ учителя Дорогобужскаго городского училища *Алмазовъ*—съ 10-го февраля 1899 г.; по Одесскому учебному округу, бухгалтеръ канцеляріи попечителя *Знаковскій*—съ 1-го февраля 1901 г.; учителя городскихъ училищъ: Александрійскаго четырехкласснаго, *Рашкевичъ*—съ 3-го октября 1898 г. и Екатеринославскаго 1-го трехкласснаго, *Ковтунъ*—съ 26-го августа 1900 г.; изъ коллежскихъ регистраторовъ въ *губернскіе секретари*: по Московскому учебному округу: почетный смотритель Мещовскаго городского двухкласснаго училища *Кашкинъ* — съ 19-го декабря 1899 г.; учитель Тробчевскаго приходскаго училища *Понтрягинъ* — съ 1-го января 1900 г.; помощникъ учителя Солодовниковскаго городского училища *Рыкуновъ* — съ 19-го декабря 1898 г. и учитель Благовѣщенскаго, въ Нижнемъ-Новгородѣ, приходскаго училища, *Гаревскихъ* (онъ же Грецковъ) — съ 9-го сентября 1892 г.; въ *коллежскіе регистраторы*: по Московскому учебному округу: учителя: городскихъ приходскихъ училищъ: Мосальскаго, *Знаменскій*—съ 25-го октября 1898 г., Панинскаго, *Миньковъ* — съ 5-го января 1896 г., Карачевскаго, *Шестаковъ* — съ 12-го марта 1898 г., Кузнецовскаго сельскаго двухкласснаго приходскаго, *Арбузовъ*—съ 1-го марта 1900 г. и 3-го Елецкаго, *Гринеръ*—съ 1-го іюля 1900 г.

Утверждаются въ чинахъ, со старшинствомъ: *коллежскаго совѣтника*, по Московскому учебному округу, инспекторъ Костромскаго промышленнаго училища имени Ѳ. В. Чижова *Зографъ* — съ 29-го сентября 1898 г.; *надворнаго совѣтника*: по Московскому учебному округу, преподаватель Императорскаго Московскаго техническаго

училища *Кузнецовъ*—съ 1-го сентября 1900 г.; преподаватель, исполняющій обязанности инспектора Иваново-Вознесенскаго низшаго механико-техническаго училища, *Шаблинскій*—съ 9-го августа 1896 г.; *коллежскаго ассессора*: по Московскому учебному округу: лаборантъ по каѳедрѣ физики Императорскаго Московскаго техническаго училища *Кругъ* — съ 21-го сентября 1900 г.; воспитатель пансіона при Нижегородскомъ дворянскомъ институтѣ Императора Александра II *Архангельскій*—съ 5-го августа 1896 г.; учитель Владимирской гимназіи *Шестаковъ*—съ 17-го сентября 1896 г.; воспитатель при пансіонѣ Московской 1-й гимназіи *Стоюгъ* — съ 27-го октября 1896 г.; учителя: гимназій: Московской 2-й, *Мейеръ*—съ 13-го апрѣля 1896 г., Московской 5-й, *Трескинъ* — съ 23-го сентября 1896 г., Рязанской: *Биттъ* — съ 2-го августа 1896 г. и *Смирновъ* — съ 20-го октября 1896 г., Петропавловскаго мужскаго училища, въ Москвѣ, *Михайловъ* — съ 1-го августа 1896 г.; воспитатель пансіона при Тульской гимназіи *Лапшинъ* — съ 1-го сентября 1896 г.; учителя: Иваново-Вознесенскаго реальнаго училища, *Саммгинъ* — съ 4-го сентября 1896 г., Смоленскаго Александровскаго реальнаго училища, *Унтиловъ*—съ 1-го іюля 1896 г., Тверскаго реальнаго училища *Мухинъ*—съ 5-го августа 1896 г., частнаго реальнаго училища К. К. Мазинга въ Москвѣ, *Нечаевъ* — съ 1-го августа 1895 г., Кологривскаго низшаго сельскохозяйственно-техническаго училища имени Ѳ. В. Чижова, *Гусаровъ* — съ 31-го декабря 1892 г., Костромскаго средняго механико-техническаго училища имени Ѳ. В. Чижова: *Либерманъ* — съ 19-го августа 1894 г. и *Соболевъ*—съ 27-го августа 1894 г.; бывшій руководитель практическихъ работъ въ мастерскихъ Костромскаго низшаго химико-техническаго училища имени Ѳ. В. Чижова *Орловъ* — съ 1-го іюля 1895 г.; руководитель практическихъ работъ по льнообдѣлочному и маслобойному производству Кологривскаго низшаго сельско-хозяйственнаго техническаго училища имени Ѳ. В. Чижова *Култашевъ* — съ 1-го февраля 1896 г.; надзиратель Костромскаго средняго механико-техническаго училища имени Ѳ. В. Чижова, *Колесовъ*—съ 7-го ноября 1895 г.; руководитель практическихъ работъ средняго механико-техническаго училища при Нижегородскомъ Владимірскомъ реальномъ училищѣ, *Яхонтовъ*—съ 9-го іюля 1896 г.; наставники учительскихъ семинарій: Алферовской, *Никольскій* — съ 18-го сентября 1896 г. и Карачевской, *Горовой* — съ 15-го августа 1896 г.; сверхштатный преподаватель Московскаго учительскаго института *Богдановъ* — съ 18-го сентября 1895 г.; учителя частныхъ

женскихъ гимназій, въ Москвѣ: М. Ѳ. Калайдовичъ, *Каринскій* — съ 15-го ноября 1896 г. и Л. Ѳ. Ржевской, *Серегинъ*—съ 7-го октября 1895 г.; по Одесскому учебному округу: учителя гимназій: Кишиневской 1-й, *Смирновъ*—съ 5-го декабря 1896 г., Кишиневской 2-й, *Литинскій* — съ 13-го ноября 1896 г.; врачъ Симферопольской татарской учительской школы *Казасъ* — съ 26-го апрѣля 1896 г., по степени доктора медицины; *титулярнаго совѣтника*: по Московскому учебному округу, Императорскаго Московскаго университета: сверхштатные ассистенты: при госпитальной хирургической клиникѣ, *Биттъ*—съ 8-го марта 1896 г., при глазной клиникѣ, *Маклаковъ*— съ 19-го марта 1896 г., при факультетской хирургической клиникѣ, *Алексинскій* — съ 6-го ноября 1895 г., при госпитальномъ хирургическомъ отдѣленіи, находящемся въ Императорской Екатерининской больницѣ, *Ивенсенъ* — съ 12-го іюня 1895 г., при хирургическомъ отдѣленіи той же больницы *Фейденгольдъ*—съ 11-го января 1895 г., всѣ пятеро — по степени лѣкаря; учителя: Макарьевскаго ремесленнаго училища, имени Ѳ. В. Чижова, *Реформатскій*—съ 13-го сентября 1893 г. и *Агаповъ* — съ 20-го сентября 1895 г., Нижегородскаго Кулибинскаго ремесленнаго училища, *Ивановъ* — съ 1-го мая 1896 г.; по Одесскому учебному округу: врачи при приходскихъ училищахъ: Шабскомъ двухклассномъ, *Шнейдеровъ* — съ 20-го іюля 1896 г., Аккерманскихъ 1-мъ и 2-мъ мужскихъ и 1-мъ женскомъ, *Шапиро* — съ 15-го октября 1896 г., оба—по степени лѣкаря; *коллежскаго секретаря*: по Московскому учебному округу: почетный членъ попечительнаго совѣта Комисаровскаго техническаго училища *Шуховъ* — съ 15-го марта 1895 г. по степени инженеръ-механика; помощникъ инспектора студентовъ Императорскаго Московскаго техническаго училища *Каптеревъ* — съ 6-го марта 1900 г. по степени кандидата богословія; Императорскаго Московскаго университета: исправляющій должность штатнаго лаборанта при фармакологическомъ институтѣ, *Кальнингъ* — съ 14-го февраля 1896 г., по степени провизора; сверхштатные: лаборантъ при лабораторіи органической и аналитической химіи, *Шиловъ* — съ 22-го сентября 1899 г., ассистентъ при каѳедрѣ геологіи, *Боголюбовъ* — съ 21-го мая 1899 г., оба — по дипломамъ 1-й степени Императорскаго университета; учитель городского при Московскомъ учительскомъ институтѣ училища *Коротинъ*—съ 15-го августа 1896 г.; помощникъ классныхъ наставниковъ Калужскаго реальнаго училища *Каштаневъ* — съ 1-го сентября 1896 г.; учителя: приготовительнаго класса Костромскаго низ-

шаго химико-техническаго училища, имени Θ. В. Чижова, *Дроздовъ*—съ 15-го сентября 1895 г., городскихъ училищъ: Клинскаго, *Знаменскій*—съ 1-го іюля 1896 г., Семеновскаго трехклассмаго, *Мельниковъ*—съ 1-го декабря 1895 г., Нижегородскаго четырехклассмаго, *Захаровъ*—съ 15-го августа 1896 г., Лукояновскаго, двухклассмаго, *Лебедевъ*—съ 29-го іюля 1896 г., Елецкаго, *Кабаковъ*—съ 16-го сентября 1894 г., Осташковскаго, *Субботинъ*—съ 1-го сентября 1896 г., Новоторжскаго, *Богомоловъ*—съ 15-го августа 1896 г., Весьегонскаго, *Бредковъ*—съ 1-го сентября 1896 г.; по Одесскому учебному округу: лаборантъ при геологическомъ кабинетѣ Императорскаго Новороссійскаго университета *Григоровичъ-Березовскій*—съ 24-го февраля 1899 г., по диплому 1-й степени Императорскаго университета; учителя городскихъ училищъ: Ольвіопольскаго трехклассмаго, *Дубовикъ*—съ 1-го августа 1896 г., Аккерманскаго пятиклассмаго, *Райчевъ* — съ 1-го августа 1896 г., Павлоградскаго четырехклассмаго, *Узунъ* — съ 8-го октября 1896 г.; *губернскаго секретаря:* по Московскому учебному округу: помощники инспектора студентовъ Императорскаго Московскаго техническаго училища: *Славскій* и *Смирновъ*, оба — съ 6-го марта 1900 г., изъ нихъ: Славскій, по званію дѣйствительнаго студента и Смирновъ, по диплому 2-й степени Императорскаго университета; учитель приготовительнаго класса Иваново-Вознесенскаго реальнаго училища *Митюшинъ* — съ 17-го августа 1895 г.; по Одесскому учебному округу: исправляющій должность архитектора при управленіи Одесскаго учебнаго округа *Шмидтъ* — съ 1-го сентября 1900 г.; лаборантъ при физическомъ кабинетѣ Императорскаго Новороссійскаго университета *Точидловскій*—съ 18-го декабря 1899 г., по диплому 2-й степени Императорскаго университета; учителя Хотинскаго уѣзднаго училища: *Николаевъ*—съ 9-го сентября 1896 г. и *Бѣлозеровъ* — съ 11-го октября 1896 г.; *коллежскаго регистратора*: по С.-Петербургскому учебному округу: домашній учитель *Александровъ*—съ 10-го декабря 1900 г.; по Московскому учебному округу: помощники учителя городскихъ училищъ: 3-го Московскаго *Коверенковъ*—съ 1-го октября 1896 г. и *Бадьевъ*—съ 8-го октября 1896 г.; учителя чистописанія и рисованія городскихъ училищъ: 3-го Московскаго, *Гельфенбейнъ* — съ 1-го августа 1896 г. и 1-го Московскаго, *Райковъ* — съ 23-го сентября 1896 г.; помощникъ учителя Епифанскаго трехклассмаго городскаго училища *Нестеровъ*—съ 1-го іюля 1896 г.

(19-го марта 1901 года, № 18). *Опредѣляются* на службу, изъ

отставныхъ: коллежскій ассессоръ *Амировъ*—съ назначеніемъ его почетнымъ попечителемъ Эриванской учительской семинаріи, на три года; отставной поручикъ гвардіи *Юматовъ*—съ утвержденіемъ его почетнымъ попечителемъ Вольской учительской семинаріи, согласно избранію, на три года.

Назначаются: привать-доцентъ Императорскаго С.-Петербургскаго университета, докторъ сравнительнаго языковѣдѣнія, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Бодуэнъ-де-Куртенэ*—ординарнымъ профессоромъ того же университета, по каѳедрѣ сравнительнаго языкознанія; сверхштатный астрономъ Николаевской главной астрономической обсерваторіи, окончившій курсъ наукъ въ Императорскомъ университетѣ съ дипломомъ 1-й степени *Орбинскій*—старшимъ астрономомъ отдѣленія той же обсерваторіи въ гор. Одессѣ; директоръ Московской шестиклассной прогимназіи, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Михайловскій*, директоръ Астраханской гимназіи, статскій совѣтникъ *Смольяниновъ* и инспекторъ Сумской Александровской гимназіи, статскій совѣтникъ *Грековъ*—директорами: Михайловскій—Московской второй гимназіи, Смольяниновъ — Московской шестиклассной прогимназіи, согласно прошенію, и Грековъ—острогожской гимназіи; прозекторъ и привать-доцентъ Императорскаго Московскаго университета, докторъ медицины, надворный совѣтникъ *Минаковъ*—экстраординарнымъ профессоромъ того же университета, по каѳедрѣ судебной медицины.

Умершіе исключаются изъ списковъ: ординарный профессоръ Императорскаго университета св. Владиміра, статскій совѣтникъ *Покровскій*, съ 18-го февраля; директоръ Саратовской первой гимназіи, статскій совѣтникъ *Боголюбовъ*, съ 17-го февраля.

Производятся, за выслугу лѣтъ, со старшинствомъ: изъ коллежскихъ въ *статскіе совѣтники*: по С.-Петербургскому учебному округу: преподаватель С.-Петербургскаго практическаго технологическаго института Императора Николая I *Коялович*ъ—съ 1-го ноября 1900 г.; инспекторъ С.-Петербургской Ларинской гимназіи *Суровцовъ*—съ 1-го іюля 1900 г.; преподаватели: С.-Петербургской Введенской гимназіи, *Суровцевъ*—съ 16-го октября 1900 г.; училища при евангелическо-лютеранской церкви св. Анны въ С.-Петербургѣ, *Барминскій*—съ 20-го сентября 1900 г.; С.-Петербургскаго реальнаго училища Гуревича, *Фельи*—съ 1-го сентября 1900 г., Нарвской гимназіи, *Антроповъ*—съ 6-го октября 1900 г., Вологодской гимназіи, *Проскуряковъ*—съ 1-го іюля 1900 г.; инспекторъ С.-Петербургскаго 1-го реальнаго училища *Пишковскій*—съ 1-го сентября 1900 г.; наставникъ Чере-

повецкой учительской семинаріи *Шухаревъ*—съ 12-го октября 1900 г.; по Кіевскому учебному округу, учителя гимназій: Кіевской 4-й, *Александровичъ* и Острожской, *Рекало*, оба—съ 24-го сентября 1900 г., Новгородсѣверской, *Ходиковъ* и Бѣлоцерковской, *Владиміровъ*, оба—съ 20-го октября 1900 г., Кіевской 3-й, *Абри*—съ 7-го мая 1900 г.; по Виленскому учебному округу: учитель Виленской 1-й гимназіи *Ивановъ*—съ 18-го сентября 1900 г.; преподаватель Виленскаго Маріинскаго высшаго женскаго училища *Изенфламъ*—съ 11-го сентября 1900 г.; изъ надворныхъ въ *коллежскіе совѣтники*: по С.-Петербургскому учебному округу, преподаватель С.-Петербургскаго практическаго технологическаго института Императора Николая I *Баумгартенъ*—съ 28-го января 1900 г.; врачи: С.-Петербургской Ларинской гимназіи, докторъ медицины *Соколовъ*—съ 19-го апрѣля 1896 г. и С.-Петербургской 7-й гимназіи, докторъ медицины *Хетагуровъ*—съ 1-го августа 1899 г.; преподаватели: гимназій: С.-Петербургской 7-й, *Реха*, С.-Петербургской Введенской, *Якобсонъ*, оба—съ 1-го августа 1900 г., Архангельской: *Зотиковъ*—съ 1-го іюля 1899 г., *Корчагинъ*—съ 1-го августа 1899 г. и *Глѣбовскій*—съ 1-го августа 1900 г., училища при евангелическо-лютеранской церкви св. Петра въ С.-Петербургѣ: *Зейботъ*—съ 1-го іюля 1900 г. и *Піотровскій*—съ 1-го августа 1900 г., реальныхъ училищъ: С.-Петербургскаго 2-го, *Ильинскій*—съ 1-го сентября 1900 г., С.-Петербургскаго частнаго К. Мая, *Ядрышевъ*—съ 1-го августа 1900 г., Вологодскаго Александровскаго, *Беккеръ*—съ 11-го ноября 1900 г.; по Кіевскому учебному округу: учителя: гимназій: Кіевской 3-й, *Родіоновъ*—съ 11-го декабря 1899 г., Глуховской, Степанъ *Живаго*—съ 15-го сентября 1900 г., Новгородсѣверской, Михаилъ *Живаго*—съ 15-го сентября 1900 г., Бѣлоцерковской, *Семеновъ*—съ 25-го іюня 1900 г., реальныхъ училищъ: Кременчугскаго, *Корфъ*—съ 20-го октября 1900 г. и Кіевскаго, *Тумасовъ*—съ 15-го сентября 1900 г.; по Виленскому учебному округу, учитель приготовительнаго класса Полоцкой учительской семинаріи *Савицкій*—съ 1-го августа 1900 г.; изъ коллежскихъ ассессоровъ въ *надворные совѣтники*: по С.-Петербургскому учебному округу: инспекторъ народныхъ училищъ Новгородской губерніи *Шевяковъ*—съ 15-го сентября 1896 г.; хранитель зоологическаго кабинета Императорскаго С.-Петербургскаго университета *Страховскій*—съ 1-го ноября 1900 г.; лаборантъ технической лабораторіи С.-Петербургскаго практическаго технологическаго института Императора Николая I *Тизенгольтъ*—съ 1-го декабря 1900 г.; воспитатель при

пансіонѣ С.-Петербургской 3-й гимназіи *Соколовъ*—съ 14-го марта 1900 г.; учителя городскихъ училищъ: Царскосельскаго четырехкласснаго, *Тимоѳеевъ*—съ 1-го августа 1900 г., Устюжнскаго трехклассцаго, *Копыловъ*—съ 13-го октября 1898 г.; по Кіевскому учебному округу: учителя: гимназій: Черкасской, *Рюмшинъ*—съ 1-го іюля 1899 г., Немировской, *Рѣпинъ*—съ 1-го апрѣля 1900 г., прогимназій: Луцкой: *Тальвинскій*—съ 20-го сентября 1899 г., *Гаевскій*—съ 16-го октября 1899 г. и *Мироновъ*—съ 7-го декабря 1899 г., Стародубской, *Альбертъ*—съ 21-го апрѣля 1899 г., Полтавскаго реальнаго училища, *Штроманъ*—съ 22-го февраля 1899 г.; наставникъ студентовъ и преподаватель историко-филологическаго института князя Безбородко въ Нѣжинѣ *Гвзановъ*—съ 10-го сентября 1895 г.; штатные смотрители городскихъ училищъ: Сквирскаго двухклассцаго, *Курындинъ*—съ 15-го декабря 1899 г., Черкасскаго двухклассцаго, *Янъ*—съ 13-го марта 1894 г.; учитель Стародубскаго городского двухклассцаго училища *Турченко*—съ 5-го ноября 1900 г.; учителя-завѣдующіе двухклассными городскими училищами: Лохвицкимъ, *Дмитревскій*—съ 1-го іюля 1899 г., Пирятинскимъ, *Карпенко*—съ 12-го марта 1897 г.; учитель Роменскаго трехклассцаго городского училища *Болобанъ*—съ 8-го сентября 1899 г.; почетный смотритель Кременчугскаго четырехклассцаго городского училища *Устимовичъ*—съ 22-го августа 1898 г.; по Виленскому учебному округу: преподаватель Ковенской гимназіи *Бугославскій*—съ 16-го августа 1899 г.; штатный врачъ Гродненскаго начальнаго еврейскаго училища *Роутенштейнъ*—съ 25-го августа 1900 г.; помощникъ классныхъ наставниковъ Виленскаго реальнаго училища *Григорикъ*—съ 1-го ноября 1900 г.; изъ титулярныхъ совѣтниковъ въ *коллежскіе ассессоры*: по С.-Петербургскому учебному округу: помощникъ библіотекаря Императорскаго С.-Петербургскаго университета *Аменде*—съ 1-го ноября 1900 г.; учитель Петрозаводскаго ремесленнаго училища *Елецкій*—съ 1-го августа 1900 г.; помощникъ классныхъ наставниковъ Кронштадтскаго реальнаго училища *Брюховъ*—съ 1-го сентября 1896 г.; учителя городскихъ училищъ: С.-Петербургскаго Андреевскаго четырехклассцаго, *Никоновъ*—съ 22-го августа 1900 г., Царскосельскаго четырехклассцаго, *Ровинскій*—съ 1-го апрѣля 1900 г., Новгородскаго трехклассцаго, *Ершовъ*—съ 1-го іюля 1898 г., Старорусскаго пятиклассцаго, *Фещукъ*—съ 1-го іюля 1894 г., Кирилловскаго трехклассцаго, *Свѣтловъ*—съ 1-го февраля 1897 г.; врачъ Маловишерскаго трехклассцаго городскаго училища *Кохъ*—съ 15-го сентября 1895 г.; по Кіевскому учебному

округу: врачи начальныхъ еврейскихъ училищъ: Радомысльскаго одноклассного, *Цвейфель*—съ 14-го октября 1896 г., Житомирскаго двухклассного, *Полонскій*—съ 15-го октября 1896 г. и Переяславскаго одноклассного, *Юдинъ*—съ 31-го января 1896 г.; учителя городскихъ училищъ: Кременчугскаго четырехклассного, *Головко*—съ 23-го марта 1898 г.. Кобелякскаго трехклассного, *Величко*—съ 1-го іюля 1892 г.; учитель Нѣжинскаго Александровскаго греческаго училища *Бойко*—съ 21-го сентября 1899 г.; по Виленскому учебному округу: штатный врачъ Брестскаго начальнаго еврейскаго училища *Шерешевскій*—съ 6-го ноября 1895 г.; преподаватель Бѣлостокской Николаевско-Александринской женской гимназіи *Якубовскій*—съ 18-го декабря 1900 г.; учитель-завѣдующій Рѣчицкимъ городскимъ училищемъ *Астаповичъ*—съ 12-го сентября 1900 г.; учителя: Минскаго городского училища. *Косцкевичъ*—съ 7-го сентября 1900 г., Бѣльскаго уѣзднаго училища, *Рублевскій*—съ 11-го сентября 1899 г.; изъ коллежскихъ секретарей въ *титулярные совѣтники*: по С.-Петербургскому учебному округу: бухгалтеръ С.-Петербургскаго практическаго технологическаго института Императора Николая I *Александровъ*—съ 19-го октября 1900 г.; лаборантъ химической лабораторіи Императорскаго С.-Петербургскаго университета *Биронъ*—съ 1-го октября 1900 г.; помощникъ инспектора студентовъ Императорскаго С.-Петербургскаго университета *Вердеревскій*—съ 15-го октября 1899 г.; преподаватель С.-Петербургской Введенской гимназіи *Шеповальниковъ*—съ 1-го августа 1898 г.; наставникъ Тотемской учительской семинаріи *Дилакторскій*—съ 31-го августа 1897 г.; казначей Императорскаго С.-Петербургскаго университета *Кириловъ*—съ 20-го мая 1900 г.; помощникъ дѣлопроизводителя (онъ же архиваріусъ) С.-Петербургскаго практическаго технологическаго института Императора Николая I *Прокофьевъ*—съ 18-го ноября 1900 г.; учителя городскихъ училищъ: С.-Петербургскаго Андреевскаго четырехклассного, *Чернышевъ* (онъ же Яковлевъ)—съ 16-го февраля 1900 г., Бѣлозерскаго трехклассного, *Семеновъ*—съ 1-го іюля 1891 г., Устюжнскаго трехклассного, *Кедринскій*—съ 1-го августа 1896 г., Маловишерскаго трехклассного, *Ширѣиновъ* — съ 15-го сентября 1897 г., Вытегорскаго двухклассного, *Смоленцевъ* — съ 1-го іюля 1898 г.; по Кіевскому учебному округу: помощникъ классныхъ наставниковъ Луцкой прогимназіи *Клепчиновъ*—съ 1-го сентября 1898 г.; учителя: городскихъ двухклассныхъ училищъ: Зѣньковскаго, *Зѣнченко* — съ 18-го октября 1897 г., Радомысльскаго, *Рознатовскій* — съ 29-го

октября 1896 г., Сквирскаго, *Самусь* — съ 10-го октября 1900 г., Таращанскаго, *Чернышъ* — съ 26-го октября 1900 г., Черкасскаго, *Олесаренко* (онъ же Слюсарь)—съ 8-го марта 1895 г., приготовительнаго класса Кіевской 3-й гимназіи *Войтовичъ* — съ 13-го декабря 1899 г.; по Виленскому учебному округу: учитель рисованія и чистописанія Мозырской прогимназіи *Ивановъ*—съ 26-го октября 1899 г.; преподаватель Двинской женской гимназіи *Матвѣевъ*—съ 1-го августа 1898 г.; помощникъ классныхъ наставниковъ Витебской гимназіи *Вылинъ*—съ 16-го февраля 1899 г.; изъ губернскихъ въ *коллежскіе секретари:* по Кіевскому учебному округу: учителя городскихъ двухклассныхъ училищъ: Пирятинскаго, *Храбровъ* — съ 3-го сентября 1896 г., Житомирскаго: *Олейниченко* — съ 26-го октября 1897 г. и *Яловий-Горбатенко*—съ 25-го ноября 1898 г., Летичевскаго, *Михайловъ*—съ 8-го ноября 1898 г., Житомирскаго, *Садиленко* — съ 20-го сентября 1898 г.; помощникъ учителя Полтавскаго трехкласснаго городского училища *Пашковскій*—съ 24-го февраля 1898 г.; по Виленскому учебному округу: письмоводитель Бобруйской прогимназіи *Ильинъ* (онъ же Ильинчикъ) — съ 1-го января 1901 г.; комнатный надзиратель общей ученической квартиры (конвиктъ) при Виленской 1-й гимназіи *Савинскій*—съ 1-го октября 1900 г.; изъ коллежскихъ регистраторовъ въ *губернскіе секретари*: по С.-Петербургскому учебному округу: помощникъ учителя Вытегорскаго двухкласснаго городского училища *Успенскій* — съ 25-го января 1897 г.; домашній учитель *Гиппъ*—съ 15-го ноября 1900 г.; по Кіевскому учебному округу: письмоводитель Острожскаго женскаго графа Д. Н. Блудова училища *Пушкаревъ*—съ 29-го апрѣля 1900 г.; учителя: Нѣжинскаго четырехкласснаго городского училища, *Нечаевъ* — съ 25-го ноября 1898 г., Лохвицкаго городского двухкласснаго училища, *Хомутовъ*—съ 20-го сентября 1895 г., приготовительнаго класса Житомирскаго двухкласснаго городского училища, *Абрамовичъ* (онъ же Гарбарчукъ)—съ 1-го сентября 1900 г.; въ *коллежскіе регистраторы:* по Кіевскому учебному округу: помощникъ библіотекаря Императорскаго университета св. Владиміра *Тимченко* — съ 30-го марта 1899 г.; исправляющій должность бухгалтера и казначея историко-филологическаго института князя Безбородко въ Нѣжинѣ *Максимковъ*—съ 12-го сентября 1900 г.; учителя приходскихъ училищъ: Гадячскаго городского, *Бойко* — съ 20-го ноября 1896 г., Лубенскаго городского, *Злотниковъ-Ходкевичъ* — съ 1-го ноября 1900 г., Мизочскаго одноклассного фундушеваго, *Честилинъ*—съ 1-го сентября 1897 г., Златопольскаго одноклассного,

Лорченковъ — съ 1-го сентября 1888 г., Орловецкаго одноклассснаго, *Кедреновскій* — съ 17-го февраля 1894 г.; по Виленскому учебному округу: учителя приходскихъ училищъ: Минскаго 2-го, *Ярмоловичъ*— съ 1-го сентября 1900 г., Индурскаго, *Потѣйкинъ*—съ 1-го сентября 1898 г., Костюковичскаго (бывшій, нынѣ въ отставкѣ) *Сущинскій*— съ 1-го октября 1896 г.

Утверждаются: въ чинахъ, со старшинствомъ: *надворнаго совѣтника*, по С.-Петербургскому учебному округу, преподаватель С.-Петербургскаго практическаго технологическаго института Императора Николая I, коллежскій секретарь *Петровскій*—съ 1-го ноября 1900 г.; *коллежскаго ассессора*: по С.-Петербургскому учебному округу: сверхштатный преподаватель С.-Петербургской Ларинской гимназіи *Станевичъ*—съ 20-го октября 1896 г.; преподаватели: училища при реформатскихъ церквахъ въ С.-Петербургѣ, *Лященко* — съ 1-го октября 1896 г.; Архангельской гимназіи, *Климъ* — съ 16-го іюня 1895 г., Новгородскаго реальнаго училища, *Бакулинъ*—съ 1-го августа 1896 г., Новгородской гимназіи, *Лагутко*—съ 28-го августа 1896 г.; по Кіевскому учебному округу: учителя: Винницкаго реальнаго училища, *Кореневъ*—съ 10-го октября 1896 г., Бѣлоцерковской гимназіи, *Аллемапъ*—съ 18-го января 1900 г., Черкасской гимназіи, *Будянскій*— съ 17-го сентября 1896 г., Черниговской гимназіи, *Тутолминъ*—съ 1-го ноября 1896 г.; штатный смотритель Гейсинскаго двухклассснаго городского училища *Мещевцевъ*—съ 1-го іюля 1896 г.; по Виленскому учебному округу: преподаватели: Ковенской гимназіи, *Фридрихъ*—съ 6-го октября 1896 г. и Бѣлостокскаго реальнаго училища, *Чеботаревъ* — съ 1-го декабря 1896 г.; по Казанскому учебному округу, бывшій учитель Казанскаго учительскаго института *Ѳедоровъ*—съ 1-го іюня 1894 года; *титулярнаго совѣтника*: по С.-Петербургскому учебному округу, сверхштатный лаборантъ ботаническаго кабинета С.-Петербургскаго практическаго технологическаго института Императора Николая I *Набокихъ*—съ 1-го сентября 1900 г.; по Кіевскому учебному округу: штатный смотритель Гадячскаго уѣзднаго училища *Дмитренко*—съ 4-го октября 1895 г.; врачъ Острожскаго начальнаго еврейскаго училища *Сегалъ*—съ 1-го іюля 1896 г., по степени лекаря; *коллежскаго секретаря*: по С.-Петербургскому учебному округу: помощники классныхъ наставниковъ: С.-Петербургскаго 3-го реальнаго училища *Евсѣевъ*—съ 1-го ноября 1896 г. и С.-Петербургской частной гимназіи Гуревича, *Троицкій*—съ 1-го октября 1896 г.; по Кіевскому учебному округу: помощники классныхъ наставниковъ: Луцкой

прогимназіи, *Грищинскій*—съ 1-го февраля 1889 г., Кіевскаго реальнаго училища, *Лакерда*—со 2-го сентября 1896 г., Острожской гимназіи, *Бѣлинскій*—съ 7-го января 1896 г., Ровенскаго реальнаго училища, *Лозинъ*—съ 1-го декабря 1896 г. и Черкасской гимназіи, *Орловскій*—съ 15-го сентября 1896 г.; по Виленскому учебному округу, помощникъ классныхъ наставниковъ Мозырской прогимназіи *Кильчевскій*—съ 28-го октября 1896 г.; *губернскаго секретаря*: по С.-Петербургскому учебному округу, учитель приготовительнаго класса Новгородскаго реальнаго училища *Махаевъ*—съ 1-го сентября 1896 г.; по Кіевскому учебному округу: учителя двухклассныхъ городскихъ училищъ: Винницкаго, *Левченко*—съ 1-го ноября 1896 г., Гайсинскаго: *Соколовскій*—съ 1-го августа 1896 г. и *Каминскій*—съ 7-го октября 1895 г., Овручскаго *Семеновъ*—съ 1-го сентября 1896 г., Чигиринскаго, *Кривченко*—съ 1-го февраля 1896 г.; *коллежскаго регистратора*: по С.-Петербургскому учебному округу: домашніе учителя: *Мироновъ*—съ 28-го сентября 1900 г., *Васильевъ*—съ 10-го января 1901 г., *Хохловкинъ*—съ 10-го января 1901 г., *Ляшенко*—съ 14-го января 1901 г.; по Кіевскому учебному округу: помощникъ учителя Черниговскаго трехкласснаго городского училища *Ивановъ*—съ 27-го октября 1895 г.; учитель чистописанія, черченія и рисованія Луцкаго двухкласснаго городского училища *Романовъ*—съ 11-го сентября 1896 г.; бывшій помощникъ учителя, нынѣ учитель приготовительнаго класса Прилукской гимназіи *Плевако*—съ 28-го сентября 1895 г.; бывшій помощникъ учителя Кременчугскаго четырехкласснаго городского училища, нынѣ учитель того же училища *Каплюченко*—съ 7-го октября 1895 г.; бывшій помощникъ учителя, нынѣ учитель Черниговскаго городского трехкласснаго училища *Мѣлинцевъ*—съ 1-го августа 1896 г.; бывшій помощникъ учителя Козелецкаго городского двухкласснаго училища *Шкробъ*—съ 20-го августа 1890 г.

(27-го марта 1901 года, № 19). *Назначаются*: директоръ Брянскаго средняго техническаго училища, инженеръ-механикъ, статскій совѣтникъ *Докторовъ*—окружнымъ инспекторомъ Московскаго учебнаго округа; инспекторъ Симбирской гимназіи, статскій совѣтникъ *Кулагинъ*—директоромъ Саратовской первой гимназіи; кандидатъ правъ *Булочкинъ* и коллежскій регистраторъ *Кекинъ*—почетными попечителями: первый—вновь, Московской шестиклассной прогимназіи, а второй—Казанской второй гимназіи, оба на три года; причисленный къ министерству, коллежскій совѣтникъ *Петровскій*—чиновникомъ особыхъ порученій VI класса при министрѣ.

Утверждаются: въ должности егермейстера Высочайшаго Двора, дѣйствительный статскій совѣтникъ князь *Голицынъ*—почетнымъ попечителемъ Саратовскаго Александро-Маріинскаго реальнаго училища, согласно избранію, на три года, съ оставленіемъ его въ должности егермейстера; исправляющіе должности: директора народныхъ училищъ Гродненской губерніи, статскій совѣтникъ *Ѳивейскій* и экстраординарнаго профессора Императорскаго С.-Петербургскаго университета, докторъ римскаго права, статскій совѣтникъ *Гриммъ* — въ исправляемыхъ ими должностяхъ, изъ нихъ послѣдній—съ 18-го декабря 1900 г.

Переводится на службу по вѣдомству министерства народнаго просвѣщенія, ассистентъ с.-петербургскаго клиническаго военнаго госпиталя, приватъ-доцентъ Императорской военно-медицинской академіи, докторъ медицины, надворный совѣтникъ *Андогскій* — исправляющимъ должность профессора С.-Петербургскаго женскаго медицинскаго института, по офтальмологіи.

Умершій исключается изъ списковъ, членъ совѣта министра, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Ремезовъ*, съ 12-го марта.

Производятся, за выслугу лѣтъ, со старшинствомъ: изъ коллежскихъ въ *статскіе совѣтники*: по Харьковскому учебному округу: преподаватель, исполняющій обязанности инспектора Ростовской-на-Дону гимназіи *Балагуровъ*—съ 10-го августа 1900 г.; учителя: Елатомской гимназіи, *Сазонтьевъ* — со 2-го мая 1900 г., Воронежской прогимназіи, *Григорьевъ*—съ 17-го сентября 1900 г. и Курскаго реальнаго училища, *Алферовъ*—съ 12-го сентября 1899 г.; наставникъ Воронежской учительской семинаріи *Владиміровъ* — съ 17-го ноября 1900 г.; по Казанскому учебному округу: инспекторы народныхъ училищъ, губерній: Казанской, *Краснодубровскій* — съ 3-го марта 1897 г., Самарской, *Орловъ* — съ 9-го сентября 1899 г.; прозекторы Императорскаго Казанскаго университета: *Подбѣльскій* — съ 25-го сентября 1900 г. и *Ѳедоровъ* (исправляющій должность) — съ 29-го декабря 1898 г.; учителя: гимназій: Астраханской: *Лобовиковъ* — съ 24-го августа 1900 г., *Кууль* — съ 1-го сентября 1900 г. и *Адріановъ*—съ 1-го октября 1900 г., Саратовской 1-й, *Волочковъ*—съ 19-го января 1901 г., Казанской Ксеніинской женской, *Почуевъ* — съ 6-го сентября 1900 г., реальныхъ училищъ: Елабужскаго, *Емельяновъ*—съ 25-го іюня 1900 г., Камышинскаго, *Вагинъ*—съ 1-го декабря 1900 г. и Самарскаго, *Юргенсонъ* — съ 27-го октября 1900 г.; по Оренбургскому учебному округу: инспекторъ народныхъ училищъ Тургайской

области *Алекторовъ* — съ 1-го іюля 1900 г.; преподаватель Нижне-тагильскаго горнозаводскаго училища *Квятковскій* — съ 1-го іюля 1900 г.; преподаватель, исполняющій обязанности инспектора Уральскаго реальнаго училища *Сивицкій*—съ 12-го сентября 1900 г.; завѣдующій учебною частью техническихъ классовъ Красноуфимскаго промышленнаго училища *Агровъ*—съ 9-го ноября 1900 г. и преподаватель того же училища *Любченко* — съ 25-го января 1901 г.; по Кавказскому учебному округу: инспекторы народныхъ училищъ губерній: Эриванской, *Воробьевъ* — съ 1-го ноября 1899 г., Бакинской и Дагестанской области, *Плохотниковъ*—съ 1-го января 1900 г.; по Западно-Сибирскому учебному округу: учителя гимназій: Омской, *Шамаевъ*—съ 1-го ноября 1900 г. и Томской, *Раковскій* — съ 22-го декабря 1900 г.; изъ надворныхъ въ *коллежскіе совѣтники*: по Харьковскому учебному округу: учителя гимназій: Харьковской 2-й: *Маляренко*—съ 19-го декабря 1899 г., *Вальтеръ*—съ 25-го іюля 1900 г. и *Краевскій*—съ 14-го августа 1900 г., Бѣлогородской, герцога Эдинбургскаго, *Прядкинъ* — съ 20-го октября 1900 г., Новочеркасской. *Маляровъ*—съ 21-го октября 1900 г., Ростовской-на-Дону, *Ивановъ*—съ 21-го мая 1900 г., женскихъ: Харьковской Маріинской, *Шатохинъ*—съ 10-го августа 1899 г., Донской Маріинской, *Воиновъ*—съ 7-го октября 1900 г.; наставникъ Воронежской учительской семинаріи *Вагановъ*—съ 19-го октября 1899 г.; врачъ Новочеркасской учительской семинаріи *Норкинъ*—съ 21-го октября 1899 г.; по Казанскому учебному округу: исправляющій должность инспектора Казанской татарской учительской школы *Пинегинъ* — съ 29-го ноября 1900 г.; ассистенты Императорскаго Казанскаго университета: при клиникѣ кожныхъ и венерическихъ болѣзней, *Бургдорфъ* — съ 12-го декабря 1900 г., при факультетской терапевтической клиникѣ (сверхштатный), *Троицкій* — съ 4-го марта 1900 г. и помощникъ библіотекаря того же университета *Смоленскій* — съ 9-го іюня 1900 г.; учителя: Императорской Казанской 1-й гимназіи, *Пермяковъ*—съ 10-го ноября 1898 г. и Елабужскаго реальнаго училища, *Славинъ*—съ 21-го сентября 1900 г.; по Оренбургскому учебному округу: преподаватели: Уральской женской гимназіи, *Галлеръ* — съ 20-го сентября 1900 г., Троицкой гимназіи, *Киселевъ*—съ 19-го октября 1900 г., Уральскаго реальнаго училища, *Шапошниковъ* — съ 1-го сентября 1900 г.; по Кавказскому учебному округу: инспекторъ народныхъ училищъ Бакинской губерніи и Дагестанской области *Коптѣловъ* — съ 1-го сентября 1900 г.; учителя: гимназій: Тифлисской 3-й, *Джавариешей-*

швили—съ 1-го іюля 1900 г., Бакинской Императора Александра III, *Ершовъ*—съ 5-го сентября 1900 г., Ставропольской, *Добровольскій*—съ 27-го сентября 1900 г., Екатеринодарской: *Сысоевъ* — съ 28-го сентября 1900 г., *Дьячковъ-Тарасовъ*, *Некрасовъ* и *Брокъ*, всѣ трое—съ 1-го сентября 1900 г., реальныхъ училищъ: Тифлисскаго, *Гуладзе*—съ 22-го ноября 1900 г., Майкопскаго, *Харламовъ*—съ 8-го сентября 1900 г., Бакинскаго, *Стасъ*—съ 27-го сентября 1900 г., Тифлисской 1-й, Великой Княгини Ольги Ѳеодоровны, женской гимназіи, *Филимоновъ* — съ 1-го ноября 1900 г.; по Западно-Сибирскому учебному округу, учитель Томской гимназіи *Бобовъ*—съ 1-го сентября 1900 г.; по Рижскому учебному округу: инспекторъ народныхъ училищъ учебнаго округа *Болотовъ*—съ 1-го октября 1900 г.; преподаватели Рижскаго политехническаго института: *Луцъ* и *фонъ-Вестерманъ*, оба—съ 1-го іюля 1900 г.; ассистентъ того же института *Дауге*—съ 1-го сентября 1900 г.; доцентъ Императорскаго Юрьевскаго университета *Придикъ*—съ 1-го января 1901 г.; учителя: Ревельскаго реальнаго училища: *Шпрекельсенъ* и *Банге*, оба—съ 1-го іюля 1899 г., Аренсбургской гимназіи, *Нагель* — съ 1-го августа 1900 г.; изъ коллежскихъ ассессоровъ въ *надворные совѣтники*: по Харьковскому учебному округу: инспекторъ народныхъ училищъ Воронежской губерніи *Сербиновъ*—съ 1-го октября 1899 г.; архитекторъ учебнаго округа *Величко*—съ 12-го октября 1900 г.; учителя: гимназій: Елатомской, *Крыловъ*—съ 1-го сентября 1899 г., Ростовской-на-Дону, *Панчишка*—съ 30-го сентября 1896 г., Ростовской-на-Дону Екатерининской женской, *Хлыстовъ*—съ 26-го іюля 1897 г., реальныхъ училищъ: Харьковскаго, *Вахнинъ* — съ 8-го ноября 1899 г., Ростовскаго-на-Дону Петровскаго, *Линицкій*—съ 18-го февраля 1900 г., почетный смотритель Воронежскаго уѣзднаго училища *Шуриновъ* — съ 1-го октября 1900 г. и врачъ Ростовской-на-Дону Екатерининской женской гимназіи *Козловъ* — съ 11-го марта 1899 г.; по Казанскому учебному округу: учителя: гимназій: Астраханской, *Щукинъ*—съ 11-го октября 1899 г., Вятской, *Зубовъ* — съ 14-го октября 1899 г., Вятской женской, *Васильевъ*—съ 1-го сентября 1899 г., Вятскаго реальнаго училища, *Эрдманъ*—съ 7-го февраля 1900 г.; учителя-инспекторы городскихъ трехклассныхъ училищъ: Царицынскаго, *Лазаревъ* — съ 28-го августа 1900 г. и Глазовскаго, *Петровъ* — съ 24-го іюля 1900 г.; учителя городскихъ училищъ: Астраханскаго 1-го четырехкласснаго, *Мордвинкинъ*—съ 7-го августа 1900 г. и Яранскаго трехкласснаго, *Бѣляевъ* — съ 12-го февраля 1900 г.; помощникъ классныхъ настав-

никовъ Вятской гимназіи *Кашменскій* — съ 16-го сентября 1899 г.; по Оренбургскому учебному округу: учитель-инспекторъ Верхотурскаго городского училища *Мартыновъ* — съ 1-го іюля 1891 г.; преподаватели Бирской инородческой учительской школы: *Гарницкій* — съ 1-го октября 1899 г. и *Степановъ* — съ 15-го октября 1899 г.; по Кавказскому учебному округу: учителя гимназій: Кутаисской, *Богославскій*—съ 8-го августа 1900 г., Ставропольской, *Франтопуло*—съ 1-го сентября 1899 г., Екатеринодарской городской, *Галакъ* — съ 24-го августа 1899 г.; врачъ Елисаветпольской гимназіи *Паталовъ*—съ 5-го сентября 1899 г.; учитель Ставропольскаго городского шестиклассного училища *Лозовой* — съ 15-го августа 1900 г.; учитель-завѣдывающій Сацхенисскимъ двухкласснымъ училищемъ *Черкасовъ*—съ 21-го октября 1893 г.; по Западно-Сибирскому учебному округу: приватъ-доцентъ Императорскаго Томскаго университета и врачъ Томской гимназіи, докторъ медицины *Тимашевъ*, лаборанты того же университета: при каѳедрѣ гигіены *Бутягинъ* и при каѳедрѣ діагностики, докторъ медицины *Левашовъ*, всѣ трое—съ 1-го января 1901 г.; по Рижскому учебному округу: бывшій штатный смотритель упраздненнаго нынѣ Дерптскаго уѣзднаго училища *Шварцъ*—съ 1-го іюля 1884 г.; учителя: Аренсбургской гимназіи, *Лаэуринъ* — съ 15-го августа 1900 г., городскихъ трехклассныхъ училищъ: Александровскаго эстонскаго, *Николаевъ* — съ 1-го августа 1898 г.; Аренсбургскаго, *Казикъ* — съ 1-го августа 1900 г.; Митавскаго Александровскаго, *Бохонко* — съ 1-го октября 1900 г.; врачъ Рижскаго казеннаго приходскаго училища *Баронъ* и библіотекарь Рижскаго политехническаго института *Лейландъ*, оба—съ 1-го ноября 1900 г.; изъ титулярныхъ совѣтниковъ въ *коллежскіе ассессоры*: по Харьковскому учебному округу: сверхштатный ассистентъ при каѳедрѣ накожныхъ и сифилитическихъ болѣзней Императорскаго Харьковскаго университета *Щекинъ*—съ 26-го апрѣля 1896 г.; учителя гимназій: Харьковской 1-й (сверхштатный), *Клюшниковъ*—съ 12-го апрѣля 1894 г., Нахичеванской-на-Дону, Екатерининской женской, *Тикиджи-Хамбуровъ*—съ 1-го августа 1899 г.; помощники классныхъ наставниковъ гимназій: Воронежской, *Абрамовъ* и Ростовской-на-Дону, *Занкевичъ*, оба—съ 1-го сентября 1900 г.; учитель Воронежскаго уѣзднаго училища *Гравировскій*—съ 19-го октября 1900 г.; по Казанскому учебному округу: сверхштатный лаборантъ при каѳедрѣ фармакологіи Императорскаго Казанскаго университета *Николаевъ*—съ 27-го ноября 1898 г. и секретарь правленія того же университета *Муравцевъ*—съ 29-го мая 1900 г.;

архитекторъ учебнаго округа *Бечко-Друзинъ*—съ 5-го октября 1899 г.; учителя четырехклассныхъ городскихъ училищъ: Астраханскаго 1-го, *Петровъ-Кобяковъ*—съ 24-го сентября 1898 г., Царицынскаго, *Егоршинъ*—съ 30-го октября 1897 г., Астраханскаго 2-го, *Пименовъ*—съ 3-го октября 1900 г., Балашовскаго, *Матвѣевъ*—съ 12-го сентября 1900 г.; помощникъ классныхъ наставниковъ Саратовскаго реальнаго училища *Врацкій*—съ 16-го августа 1899 г.; по Оренбургскому учебному округу, надзиратель Оренбургской киргизской учительской школы *Лапшинъ*—съ 8-го октября 1900 г.; по Кавказскому учебному округу: учителя: приготовительнаго класса Новороссійской гимназіи, *Колосовъ*—съ 30-го августа 1900 г., приготовительнаго класса Бакинскаго реальнаго училища, *Герасименко*—съ 1-го октября 1900 г., городскихъ училищъ: Ставропольскаго шестиклассиаго, *Леденевъ*—съ 15-го ноября 1896 г., трехклассиаго при Александровскомъ учительскомъ институтѣ, *Колесниковъ*—съ 11-го мая 1898 г.; учитель-смотритель Кизилъ-Закирскаго нормальнаго двухклассиаго сельскаго училища *Маркарьянцъ*—съ 1-го іюля 1900 г.; по Западно-Сибирскому учебному округу, учитель Томской гимназіи *Быстржицкій*—съ 20-го сентября 1900 г.; по Рижскому учебному округу: учителя: Аренсбургской гимназіи, *Боде*—съ 4-го мая 1898 г., городскихъ училищъ: Юрьевскаго четырехклассиаго, *Сироткинъ*—съ 15-го августа 1900 г., трехклассныхъ: Александровскаго эстонскаго, *Рійкманъ*—съ 1-го сентября 1897 г. и Баускаго, *Дьекоцинъ*—съ 25-го августа 1900 г.; изъ коллежскихъ секретарей въ *титулярные совѣтники:* по Харьковскому учебному округу: помощникъ инспектора студентовъ Императорскаго Харьковскаго института *Долженко*—съ 17-го августа 1899 г.; помощники классныхъ наставниковъ: Борисоглѣбской Александровской гимназіи, *Веселовскій*—съ 3-го декабря 1898 г., реальныхъ училищъ: Харьковскаго, *Хараковъ*—съ 11-го мая 1898 г., Ростовскаго-на-Дону Петровскаго, *Карповъ*—съ 25-го августа 1898 г.; дѣлопроизводитель дирекціи народныхъ училищъ Тамбовской губерніи *Акаевскій*—съ 9-го сентября 1900 г.; учитель приготовительнаго класса Елатомской гимназіи *Дмитріевскій*—съ 5-го декабря 1898 г.; по Казанскому учебному округу: лаборанты Императорскаго Казанскаго университета: *Картиковскій*—съ 24-го октября 1900 г., сверхштатные: при каѳедрѣ неорганической химіи, *Кузнецовъ*—съ 6-го марта 1899 г., при агрономическомъ кабинетѣ, *Зайцевъ*—съ 10-го ноября 1900 г., при магнитно-метеорологической обсерваторіи, *Котеловъ*—съ 10-го ноября 1900 г. и хранитель геологическаго кабинета того же университета

Янишевскій—съ 8-го мая 1900 г.; учителя городскихъ училищъ: четырехклассныхъ: Царицынскаго, *Коровяковъ*—съ 1-го августа 1896 г., Астраханскаго 3-го: *Златницынъ*—съ 13-го марта 1898 г. и *Остреуовъ*—съ 15-го іюня 1898 г., трехклассныхъ: Аткарскаго, *Комаровъ*—съ 16-го октября 1895 г., Вольскаго, *Каменскій*—съ 28-го сентября 1895 г., Царицынскаго, *Тудаковъ*—со 2-го сентября 1897 г. и Глазовскаго, *Пашинъ*—съ 22-го августа 1898 г.; помощники классныхъ наставниковъ реальныхъ училищъ: Сызранскаго, *Умниковъ*—съ 11-го декабря 1898 г., Камышинскаго: *Яблонскій*—съ 7-го ноября 1898 г. и *Апушкинъ* (бывшій, нынѣ въ отставкѣ)—съ 16-го августа 1898 г.; учитель приготовительнаго класса Казанскаго реальнаго училища *Павловъ*—съ 1-го февраля 1898 г.; по Оренбургскому учебному округу: учителя городскихъ училищъ: Шадринскаго, *Златинъ*—съ 10-го іюля 1897 г., Пермскаго, *Поповъ*—съ 24-го октября 1898 г., Екатеринбургскаго 2-го (сверхштатный) *Шагинъ*—съ 15-го февраля 1899 г.; по Кавказскому учебному округу: учитель приготовительнаго класса Пятигорской прогимназіи *Столбунъ*—съ 18-го января 1899 г.; преподаватель Александровскаго учительскаго института *Блатовъ*—съ 15-го августа 1898 г.; почетный смотритель Шемахинскаго трехкласснаго городского училища *Лалаевъ*—со 2-го іюня 1889 г.; учителя: Ставропольскаго городского шестикласснаго училища: *Алборашвили*—съ 1-го іюля 1896 г. и *Ивановъ*—съ 6-го сентября 1896 г., приготовительнаго класса Назрановской городской школы, *Поликарповъ*—со 2-го апрѣля 1891 г.; по Рижскому учебному округу: ассистентъ при минералогическомъ кабинетѣ Императорскаго Юрьевскаго университета *Култашевъ*—съ 1-го ноября 1900 г.; учитель Верроскаго трехкласснаго городскаго училища *Флору*—съ 1-го октября 1897 г.; помощникъ классныхъ наставниковъ Ревельской Александровской гимназіи *Протасовъ*—съ 1-го августа 1898 г.; изъ губернскихъ въ *коллежскіе секретари:* по Харьковскому учебному округу, сверхштатный учитель Харьковскаго уѣзднаго училища *Трофимовъ*—съ 25-го января 1894 г.; по Казанскому учебному округу: учителя: Ардатовской женской прогимназіи, *Киселевъ*—съ 1-го іюня 1896 г. и приготовительнаго класса Казанскаго реальнаго училища, *Твердышевъ*—съ 1-го февраля 1899 г.; по Оренбургскому учебному округу, помощникъ столоначальника канцеляріи попечителя *Горбуновъ*—съ 6-го сентября 1900 г.; по Кавказскому учебному округу: учителя городскихъ училищъ: Ставропольскаго шестикласснаго, *Хечуевъ*—съ 24-го іюля 1895 г. и Георгіевскаго четырехкласснаго (сверхштатный) *Карамби-*

ровъ—съ 28-го сентября 1900 г.; по Западно-Сибирскому учебному округу, учитель Ишимскаго уѣзднаго училища *Тимофеевъ*—съ 15-го сентября 1898 г.; изъ коллежскихъ регистраторовъ въ *губернскіе секретари:* по Харьковскому учебному округу, помощникъ бухгалтера Императорскаго Харьковскаго университета *Брайловскій* — съ 27-го сентября 1900 г. и учитель Новохоперскаго городского приходскаго училища, Воронежской губерніи, *Малеинъ*—съ 19-го сентября 1900 г.; по Казанскому учебному округу, журналистъ и архиваріусъ канцеляріи попечителя *Ливатовъ*—съ 19-го іюля 1900 г.; по Оренбургскому учебному округу: учителя Уфимскихъ городскихъ приходскихъ училищъ: 1-го, *Поповъ*—съ 15-го августа 1894 г., 2-го, *Мухачевъ*—съ 15-го августа 1892 г.; по Кавказскому учебному округу, письмоводитель тифлисской 3-й гимназіи *Гарковенко*—съ 1-го января 1901 г.; по Рижскому учебному округу: канцелярскій чиновникъ канцеляріи медицинскаго факультета Императорскаго Юрьевскаго университета *Верманъ*—съ 3-го мая 1897 г.; бывшій учитель Феллинскаго городского мужскаго начальнаго училища *Блумбергъ*—съ 4-го марта 1898 г.; въ *коллежскіе регистраторы:* по Харьковскому учебному округу: письмоводитель Новочеркасскаго реальнаго училища *Плаховъ*—съ 18-го января 1894 г.; учителя городскихъ приходскихъ училищъ: 3-го Воронежскаго, *Михайловскій*—съ 1-го октября 1894 г., 5-го Тамбовскаго, *Николаевскій* и 4-го Козловскаго, Тамбовской губерніи, *Романовъ*, оба—съ 1-го сентября 1900 г.; по Казанскому учебному округу: учитель Новоузенскаго 4-го городского приходскаго училища *Кандарацкій*—съ 1-го сентября 1884 г. и фельдшеръ при факультетской терапевтической клиникѣ Императорскаго Казанскаго университета, *Кондаковъ*—съ 17-го августа 1900 г.; по Оренбургскому учебному округу: письмоводитель Пермскаго реальнаго училища и горнозаводскаго при немъ отдѣленія *Мякинъ* (онъ же Мяка)—съ 10-го декабря 1899 г.; учителя приходскихъ училищъ: Уфимскаго 5-го, *Лебедевъ* — съ 20-го августа 1899 г. и Архангелопашійскаго, Пермской губерніи, *Козельскій*—съ 20-го апрѣля 1896 г.; по Кавказскому учебному округу: учителя-завѣдывающіе училищами: Владикавказскимъ начальнымъ городскимъ общества ремесленниковъ, *Денбновецкій*—съ 25-го сентября 1887 г. и Сунженскимъ станичнымъ, *Милославскій*—съ 1-го октября 1900 г.; учитель-смотритель Мартвильскаго двухкласснаго сельскаго училища *Санодзе*—съ 1-го августа 1900 г.; по Западно-Сибирскому учебному округу: помощникъ библіотекаря Императорскаго Томскаго университета *Милютинъ*—съ 15-го

марта 1900 г. и исправляющій должность помощника столоначальника канцеляріи попечителя *Фиксенъ*—съ 3-го октября 1900 г.

Утверждаются въ чинахъ, со старшинствомъ: *надворнаго совѣтника*: по Харьковскому учебному округу, преподаватели Харьковскаго технологическаго института Императора Александра III: инженеръ-механикъ *Васильевъ*—съ 1-го октября 1900 г., титулярный совѣтникъ *Красускій*—съ 1-го іюля 1900 г., *Пестриковъ* и инженеръ-механикъ *Миловичъ*, оба—съ 1-го сентября 1900 г.; по Рижскому учебному округу: преподаватели Рижскаго политехническаго института: *фонъ-Бюнгнеръ* (бывшій)—съ 1-го іюля 1896 г. и *фонъ-Геденштремъ* — съ 1-го сентября 1900 г., ассистентъ того же института *Прѣдитъ*—съ 1-го іюля 1900 г.; *коллежскаго ассессора*: по С.-Петербургскому учебному округу: преподаватели С.-Петербургскаго частнаго реальнаго училища К. Мая: *Поліевктовъ*—съ 1-го ноября 1896 г. и *Ястребовъ*—съ 1-го сентября 1896 г.; по Харьковскому учебному округу, учитель Харьковской 1-й гимназіи *Порошинъ*—съ 27-го сентября 1896 г.; по Казанскому учебному округу: учителя: Императорской Казанской 1-й гимназіи: *Аѳанасьевъ*—съ 1-го августа 1896 г. и *Пономаревъ*—съ 9-го ноября 1896 г., реальныхъ училищъ: Вольскаго, *Ковалевскій*—съ 24-го августа 1896 г. и *Зибертъ*—съ 5-го октября 1896 г., Казанскаго (сверхштатный) *Колесниковъ* — съ 22-го августа 1896 г. и Камышинскаго, *Соколовъ* — съ 16 августа 1896 г.; по Оренбургскому учебному округу: преподаватели: Пермской гимназіи, *Мальевъ* — съ 15-го августа 1896 г. и Пермскаго реальнаго училища, *Спасскій* — съ 1-го сентября 1896 г.; по Кавказскому учебному округу: учителя: гимназіи: Кутаисской, *Шузаевъ*—съ 5-го сентября 1896 г. и Елисаветпольской, *Тактаковъ*—съ 7-го сентября 1896 г., реальныхъ училищъ: Бакинскаго, *Еремѣевъ*—съ 1-го октября 1896 г., Кутаисскаго, *Коляnковскій* — съ 23-го іюня 1896 г., Темиръ-Ханъ-Шуринскаго, (сверхштатный) *Зефировъ* — съ 1-го сентября 1896 г., Владикавказскаго, (сверхштатный) *Соколовскій*—съ 30-го сентября 1896 г., Тифлисской 2-й, Великой Княгини Ольги Ѳеодоровны, женской гимназіи, *Отрошкевичъ* — съ 1-го октября 1896 г.; преподаватели Бакинскаго низшаго механико- и химико-техническаго училища и ремесленной при немъ школы: *Скибинскій* и *Бойчевскій*, оба — съ 1-го сентября 1896 г.; по Рижскому учебному округу: учителя реальныхъ училищъ: Юрьевскаго, (сверхштатный) *Грассъ*—съ 10-го января 1896 г., Рижскаго Императора Петра I: *Осмоловскій* и *Попелишевъ*, оба — съ 13-го іюня 1896 г.; врачъ Рижскаго политехническаго института

Вольферцъ — съ 1-го іюля 1896 г., по степени доктора медицины; *титулярнаго совѣтника*: по Харьковскому учебному округу, лаборантъ при химической лабораторіи Харьковскаго технологическаго института Императора Александра III *Поповъ* — съ 1-го сентября 1900 г.; по Казанскому учебному округу, исправляющій должность ассистента при дѣтской клиникѣ Императорскаго Казанскаго университета *Борманъ*—съ 3-го февраля 1895 г., сверхштатный ассистентъ при клиникѣ дѣтскихъ болѣзней сего университета *Дьяконовъ* — съ 29-го января 1896 г. и сверхштатный ординаторъ при клиникѣ кожныхъ и венерическихъ болѣзней того же университета *Рукавишниковъ*—съ 25-го января 1896 г., всѣ трое — по степени лѣкаря; по Оренбургскому учебному округу, учитель ручнаго труда Благовѣщенской учительской семинаріи *Мелицкій* — съ 8-го ноября 1896 г.; по Западно-Сибирскому учебному округу, сверхштатный ординаторъ при каѳедрѣ госпитальной хирургической клиники Императорскаго Томскаго университета *Добромысловъ* — съ 16-го ноября 1896 г., по степени лѣкаря; *коллежскаго секретаря*: по Харьковскому учебному округу, помощникъ библіотекаря Императорскаго Харьковскаго университета *Миллеръ*—съ 21-го апрѣля 1895 г., по степени кандидата Императорскаго университета; по Казанскому учебному округу: учителя: городскихъ училищъ: трехклассныхъ: Уржумскаго, *Морозовъ*— съ 1-го іюля 1895 г., Вольскаго, *Бѣлоусовъ*—съ 1-го сентября 1896 г. и Буинскаго, *Орѣшниковъ* — съ 7-го сентября 1896 г., Орловскаго двухкласснаго, *Каляевъ*—съ 28-го августа 1895 г., Казанской татарской учительской школы, *Тагировъ* — съ 27-го апрѣля 1896 г.; помощникъ классныхъ наставниковъ Казанской 3-й гимназіи *Петровъ*— съ 1-го сентября 1896 г.; по Оренбургскому учебному округу: учителя городскихъ училищъ: Троицкаго, *Гречкинъ* — съ 18-го іюля 1895 г., Шадринскаго, *Мокѣйкинъ*—съ 1-го сентября 1896 г.; надзиратель Нижнетагильскаго горнозаводскаго училища *Коробовъ*—съ 1-го іюля 1896 г.; по Кавказскому учебному округу: помощники классныхъ наставниковъ: гимназіи: Тифлисской 3-й, *Кохреидзе*—съ 1-го сентября 1896 г., Кубанскаго Александровскаго реальнаго училища, *Кусковъ*— съ 23-го сентября 1896 г.; помощникъ воспитателя пансіона Бакинскаго реальнаго училища *Семеновъ* — съ 1-го октября 1896 г.; учитель-инспекторъ Петровскаго Николаевскаго городского четырехкласснаго училища *Кончухидзе* — съ 1-го октября 1896 г.; учителя: городскихъ училищъ: Ставропольскаго шестиклассснаго, *Чконія* — со 2-го сентября 1895 г., Дербентскаго четырехкласснаго, *Менабде* —

съ 1-го сентября 1896 г., Бакинскаго Михайловскаго трехкласснаго, *Бежановъ*—съ 16-го ноября 1896 г., Ставропольскаго Михайловскаго ремесленнаго училища, *Николаевъ* — съ 20-го августа 1894 г.; по Западно-Сибирскому учебному округу, хранитель минералогическаго кабинета Императорскаго Томскаго университета *Емельяновъ* — съ 1-го августа 1900 г., по диплому первой степени Императорскаго университета; по Рижскому учебному округу, сверхштатный учитель Рижскаго четырехкласснаго городского училища Императрицы Екатерины II *Дружинскій*—съ 10-го февраля 1896 г.; *губернскаго секретаря*; по Харьковскому учебному округу, учитель Воронежской женской гимназіи, содержимой Нечаевой, *Магалифъ* — со 2-го сентября 1894 г.; по Казанскому учебному округу: учитель приготовительнаго класса Камышинскаго реальнаго училища *Зиминъ*—съ 7-го сентября 1896 г. и бывшій учитель Вольской женской гимназіи *Цареградцевъ*— съ 10-го декабря 1893 г.; по Кавказскому учебному округу, учитель-надзиратель Нальчикской окружной горской школы *Крешковъ* — съ 1-го января 1896 г.; по Западно-Сибирскому учебному округу: учителя уѣздныхъ училищъ: Тарскаго, *Мельниковъ* и Ишимскаго, *Кузнецовъ*, оба—съ 1-го августа 1896 г.; по Рижскому учебному округу: сверхштатный ассистентъ при астрономической обсерваторіи Императорскаго Юрьевскаго университета *Блокъ*—съ 1-го октября 1900 г., по званію дѣйствительнаго студента Императорскаго университета; *коллежскаго регистратора*: по Оренбургскому учебному округу, учитель рисованія и чистописанія Шадринскаго городского училища *Лукашевичъ* — съ 3-го октября 1896 г.; помощникъ учителя Верхне-Уральскаго городского училища *Бѣлобородовъ*—съ 1-го января 1897 г.

(5-го апрѣля 1901 года, № 23). *Назначается* начальникъ главнаго тюремнаго управленія, сенаторъ, тайный совѣтникъ *Мѣщаниновъ*—товарищемъ министра народнаго просвѣщенія, съ 1-го апрѣля, съ оставленіемъ его сенаторомъ.

VII. ПРИКАЗЫ МИНИСТРА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

(27-го марта 1901 года, № 1). Именнымъ Высочайшимъ указомъ, даннымъ въ 24-й день текущаго марта правительствующему сенату, Государю Императору благоугодно было повелѣть мнѣ быть министромъ народнаго просвѣщенія.

Вступивъ въ управленіе ввѣреннымъ мнѣ министерствомъ, объявляю о семъ по вѣдомству.

(2-го апрѣля 1901 года, № 2). Державною волею Государя Императора я призванъ на особо важную нынѣ должность министра народнаго просвѣщенія. Я приложу всѣ силы моего разумѣнія, чтобы оправдать высокое довѣріе Монарха и исполнить Высочайше возложенное на меня порученіе.

Въ Высочайшемъ рескриптѣ, коимъ Его Императорскому Величеству благоугодно было удостоить меня въ 25-й день марта сего года, указана въ краткихъ словахъ вся программа предстоящей мнѣ дѣятельности. Это: коренной пересмотръ и исправленіе нашего учебнаго строя, обновленіе и устроительство русской школы и внесеніе въ дѣло воспитанія русскаго юношества разума и сердечнаго о немъ попеченія.

Точное и неуклонное исполненіе этой, Высочайше предначертанной, программы должно быть почитаемо священнымъ долгомъ подвѣдомственныхъ мнѣ учрежденій, причемъ первая, важнѣйшая часть программы—реформа учебнаго строя, къ чему, во исполненіе Высочайшей воли, будетъ приступлено безотлагательно, во всякомъ случаѣ потребуетъ для полнаго ея осуществленія извѣстнаго времени; вторая, не менѣе важная ея часть — внесеніе въ дѣло воспитанія юношества разума, любви и сердечнаго попеченія—всегда была ближайшею задачею учебнаго персонала, который и примѣнялъ ее съ бо́льшимъ или меньшимъ успѣхомъ; отнынѣ это поставляется ему въ первую, неуклонную и непремѣнную обязанность.

Надѣясь, что ближайшіе мои сотрудники и всѣ служащіе по ввѣренному мнѣ нынѣ министерству окажутъ мнѣ полное содѣйствіе въ исполненіи Высочайше возложеннаго на меня порученія, я приглашаю ихъ къ совмѣстной, дружной и неустанной работѣ по пути осуществленія Высочайше указанной программы; я приглашаю преподавательскій персоналъ войти въ ближайшее общеніе съ учащеюся молодежью и, независимо отъ преподаванія, споспѣшествовать воспитанію юношества на почвѣ любви и сердечнаго къ нему отношенія; я приглашаю родителей и семьи учащихся путемъ домашняго воздѣйствія на дѣтей помочь ввѣренному мнѣ министерству въ осуществленіи великаго дѣла воспитанія молодого поколѣнія, памятуя, что основа воспитанія лежитъ въ семьѣ и преуспѣяніе его возможно лишь при взаимномъ содѣйствіи семьи и школы и ихъ постоянномъ общеніи; я приглашаю учащуюся молодежь съ довѣріемъ относиться къ

мѣропріятіямъ Правительства, вѣрить въ неустанныя о ней попеченія, помнить свой долгъ, исполнять свои обязанности и, спокойно занимаясь изученіемъ наукъ, дать намъ возможность посвятить свое время и силы на устроительство русской школы и учебнаго дѣла.

Я глубоко убѣжденъ и свято вѣрю, что при дружномъ единеніи и взаимномъ содѣйствіи мы, съ Божьею помощью, въ ближайшемъ будущемъ будемъ поставлены въ возможность исполнить желаніе возлюбленнаго Монарха видѣть въ русской молодежи твердую и вѣрную надежду отечества и стойкую опору его въ будущемъ.

(2-го апрѣля 1901 года, № 3). Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему ходатайству моему, Высочайше соизволилъ на учрежденіе еще одной должности товарища министра народнаго просвѣщенія и на назначеніе на сію должность начальника главнаго тюремнаго управленія, сенатора, тайнаго совѣтника *Мѣщанинова*, съ оставленіемъ его сенаторомъ.

Указъ правительствующему сенату о таковомъ назначеніи состоялся 1-го апрѣля текущаго года.

(3-го апрѣля 1901 года, № 4). Назначенному на учрежденную еще одну должность товарища министра народнаго просвѣщенія, тайному совѣтнику *Мѣщанинову* предложено мною вступить сего же числа въ исполненіе обязанностей по должности.

Объ этомъ объявляю по вѣдомству.

VIII. МИНИСТЕРСКІЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

1. (30-го декабря 1900 года). *Положеніе о стипендіи имени бывшаго ученика VI класса Самарской гимназіи Сергѣя Шишкина при Самарской мужской гимназіи.*

(На основаніи Высочайшаго повелѣнія 26-го мая 1897 года, утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. На счетъ процентовъ съ капитала въ *одну тысячу триста* руб., пожертвованнаго самарскимъ купцомъ Николаемъ Павловичемъ Шишкинымъ и его женою Евдокіею Петровною, учреждается въ память покойнаго сына ихъ, бывшаго ученика VI класса Самарской гимназіи Сергѣя Шишкина, одна стипендія при Самарской мужской гимназіи.

§ 2. Означенный капиталъ, заключающійся въ листахъ государственной 4% ренты, остается неприкосновеннымъ на вѣчныя времена,

хранится въ Самарскомъ губернскомъ казначействѣ въ числѣ спеціальныхъ средствъ Самарской гимназіи и составляетъ неотъемлемую собственность оной.

§ 3. Проценты съ сего капитала назначаются въ плату за ученіе одного бѣднаго ученика гимназіи, исключительно православнаго исповѣданія, безъ различія сословій, съ хорошими успѣхами и поведеніемъ, преимущественно изъ сиротъ.

§ 4. Право избранія стипендіата, по соглашенію съ педагогическимъ совѣтомъ гимназіи, при жизни Н. П. и Е. П. Шишкиныхъ принадлежитъ имъ, послѣ же ихъ смерти переходитъ къ педагогическому совѣту.

§ 5. Избранный на сію стипендію ученикъ именуется стипендіатомъ бывшаго ученика Самарской гимназіи Сергѣя Шишкина.

§ 6. При неодобрительномъ поведеніи и неудовлетворительныхъ успѣхахъ стипендіатъ можетъ быть лишенъ стипендіи по опредѣленію педагогическаго совѣта, но оставленіе стипендіата въ томъ же классѣ на 2-й годъ по причинамъ, признаннымъ со стороны педагогическаго совѣта уважительными, не должно лишать его права пользованія стипендіею.

§ 7. Пользованіе стипендіей не соединяется ни съ какимъ обязательствомъ для стипендіата.

2. (12-го января 1901 года). *Положеніе о стипендіи имени генералиссимуса графа Ал. В. Суворова-Рымникскаго при Симферопольскомъ Императора Николая II реальномъ училищѣ.*

(На основаніи Высочайшаго повелѣнія 26-го мая 1897 года, утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. Означенная стипендія учреждается Симферопольскимъ купеческимъ обществомъ въ память столѣтней годовщины кончины генералиссимуса графа А. В. Суворова-Рымникскаго.

§ 2. Стипендія обезпечивается ассигновками въ *пятьдесятъ* руб. изъ средствъ Симферопольскаго купеческаго общества, вносимыхъ ежегодно въ смѣту.

§ 3. Стипендія предназначается для взноса платы за право ученія нуждающагося въ заведеніи воспитанника изъ дѣтей обѣднѣвшихъ купеческихъ семей г. Симферополя.

Примѣчаніе. Стипендіатъ назначается Симферопольскимъ купеческимъ обществомъ по соглашенію съ педагогическимъ совѣ-

томъ Симферопольскаго Императора Николая II реальнаго училища.

§ 4. Въ случаѣ неодобрительнаго поведенія или неудовлетворительныхъ успѣховъ, стипендіатъ можетъ быть лишенъ стипендіи—по опредѣленію педагогическаго совѣта училища и по соглашенію съ Симферопольскимъ купеческимъ обществомъ.

§ 5. Въ случаѣ преобразованія Симферопольскаго Императора Николая II реальнаго училища, ассигнуемыя на стипендію деньги, съ тѣмъ же назначеніемъ, могутъ быть переданы и другому среднему учебному заведенію, по усмотрѣнію министерства народнаго просвѣщенія.

§ 6. Пользованіе стипендіей не налагаетъ на стипендіата никакихъ обязательствъ.

3. (12-го января 1901 года). *Положеніе о стипендіи имени поэта Ал. С. Пушкина при Симферопольскомъ Императора Николая II реальномъ училищѣ.*

(На основаніи Высочайшаго повелѣнія 26-го мая 1897 года, утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. Означенная стипендія учреждается Симферопольскимъ купеческимъ обществомъ въ память 100-лѣтняго юбилея со дня рожденія великаго поэта россійскаго Ал. С. Пушкина.

§ 2. Стипендія обезпечивается ассигновками въ *пятьдесятъ* руб. изъ средствъ Симферопольскаго купеческаго общества, вносимыхъ ежегодно въ смѣту.

§ 3. Стипендія употребляется на взносъ платы за право ученія нуждающагося воспитанника въ заведеніи изъ дѣтей обѣднѣвшихъ купеческихъ семей г. Симферополя.

> *Примѣчаніе.* Стипендіатъ назначается Симферопольскимъ купеческимъ обществомъ по соглашенію съ педагогическимъ совѣтомъ Симферопольскаго Императора Николая II реальнаго училища.

§ 4. Въ случаѣ неодобрительнаго поведенія или неудовлетворительныхъ успѣховъ, стипендіатъ можетъ быть лишенъ стипендіи по опредѣленію педагогическаго совѣта училища и по соглашенію съ Симферопольскимъ купеческимъ обществомъ.

§ 5. Въ случаѣ преобразованія Симферопольскаго Императора Николая II реальнаго училища, ассигнуемыя на стипендію деньги, съ

тѣмъ же назначеніемъ, могутъ быть переданы другому учебному заведенію по усмотрѣнію министерства народнаго просвѣщенія.

§ 6. Пользованіе стипендіей не налагаетъ на стипендіата никакихъ обязательствъ.

4. (13-го января 1901 года). *Положеніе о стипендіи имени дворянина Яцентія-Петра Яновича при Шавельской мужской гимназіи.*

(На основаніи Высочайшаго повелѣнія 26-го мая 1897 года, утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. На счетъ процентовъ съ завѣщаннаго дворяниномъ Яцентіемъ-Петромъ Яновичемъ капитала въ *одну тысячу* рублей (1000 р.) учреждается при Шавельской мужской гимназіи одна стипендія имени завѣщателя.

§ 2. Стипендіальный капиталъ, заключающійся въ государственныхъ процентныхъ бумагахъ, хранится въ Шавельскомъ уѣздномъ казначействѣ въ числѣ спеціальныхъ средствъ Шавельской мужской гимназіи, оставаясь навсегда неприкосновеннымъ.

§ 3. Проценты со стипендіальнаго капитала, наросшіе за каждое изъ полугодій учебнаго года, за удержаніемъ изъ нихъ въ казну 5% государственнаго налога, выдаются на руки родителямъ или опекунамъ стипендіата пополугодно въ качествѣ стипендіи до истеченія сроковъ, установленныхъ для взноса платы за ученіе.

§ 4. При жизни душеприказчика завѣщателя стипендіи, коллежскаго секретаря Адама Домбровскаго, выборъ стипендіата предоставляется душеприказчику, по соглашенію съ которымъ педагогическій совѣтъ назначаетъ стипендію бѣднѣйшему ученику гимназіи православнаго или римско-католическаго исповѣданій, заслуживающему ея по своему поведенію и успѣхамъ, преимущественно изъ числа родственниковъ завѣщателя.

§ 5. Послѣ смерти душеприказчика выборъ и назначеніе стипендіата предоставляется, съ соблюденіемъ прочихъ условій предыдущаго пункта, педагогическому совѣту гимназіи.

§ 6. Стипендіатъ лишается стипендіи, если онъ будетъ оставленъ въ томъ же классѣ по причинамъ неуважительнымъ, или если его поведеніе будетъ признано неодобрительнымъ.

§ 7. Пользованіе стипендіей не налагаетъ на стипендіата никакихъ обязательствъ.

§ 8. Могущіе образоваться почему-либо остатки отъ стипендіаль-

ной суммы присоединяются къ основному капиталу для увеличенія размѣра стипендіи.

§ 9. Въ случаѣ закрытія Шавельской гимназіи, стипендіальный капиталъ передается съ тѣмъ же назначеніемъ въ другое подобное учебное заведеніе Ковенской губерніи, по усмотрѣнію попечителя Виленскаго учебнаго округа.

§ 10. Всѣ недоразумѣнія, какія могутъ возникнуть при примѣненіи настоящаго положенія о стипендіи, разрѣшаются попечителемъ Виленскаго учебнаго округа.

5. (23-го января 1901 года). *Положеніе о стипендіи имени тайнаго совѣтника Василія Васильевича Борисова въ Кіевской 2-ой гимназіи.*

(На основаніи Высочайшаго повелѣнія 26-го мая 1897 года, утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. На проценты съ капитала въ *пять тысячъ* руб., пожертвованнаго вдовою тайнаго совѣтника Софіею Аггеевною Борисовою, учреждается при Кіевской 2-ой мужской гимназіи одна стипендія съ наименованіемъ ея: стипендія имени тайнаго совѣтника Василія Васильевича Борисова.

§ 2. Стипендія предназначается для приходящихъ учениковъ Кіевской 2-ой гимназіи исключительно сыновей русскихъ, православнаго исповѣданія, бѣднѣйшихъ штатныхъ чиновниковъ, состоящихъ на службѣ въ Кіевской контрольной палатѣ.

§ 3. Съ переходомъ отца стипендіата на службу въ другое вѣдомство или въ другую контрольную палату, а также съ выходомъ его въ отставку не по разстроенному здоровью и неспособности къ труду, буде о томъ послѣдуетъ сообщеніе управляющаго Кіевскою контрольною палатою, дальнѣйшая выдача сыну его стипендіи, по окончаніи учебнаго года, прекращается.

§ 4. Право представленія кандидатовъ къ полученію стипендіи принадлежитъ управляющему Кіевской контрольной палатой. Въ случаѣ малоуспѣшности или не вполнѣ одобрительнаго поведенія избраннаго стипендіата, педагогическій совѣтъ къ концу учебнаго полугодія доводитъ о томъ до свѣдѣнія управляющаго Кіевской контрольной палатой, отъ усмотрѣнія котораго зависитъ, оставить ли временно стипендію за прежнимъ стипедіатомъ или немедленно передать ее другому, достойнѣйшему.

§ 5. Накопившаяся отъ % сумма за время отсутствія кандидатовъ на полученіе стипендіи выдается въ размѣрѣ, непревышающемъ 100 рублей, окончившему успѣшно, при отличномъ поведеніи, курсъ наукъ въ гимназіи и получившему аттестатъ зрѣлости стипендіату; излишекъ же отъ 100 руб., буде таковой окажется, выдается бѣднѣйшимъ русскимъ, православнаго исповѣданія, ученикамъ гимназіи на уплату за право ученія по усмотрѣнію педагогическаго совѣта гимназіи.

§ 6. Пользованіе стипендіей не налагаетъ на стипендіата никакихъ обязательствъ.

6. (3-го февраля 1901 года). *Положеніе о стипендіи имени дворянина Л. Ѳ. Липянскаго при Ровенскомъ реальномъ училищѣ.*

(На основаніи Высочайшаго повелѣнія 26-го мая 1897 года, утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. На % съ капитала въ *одну тысячу* руб., изъ коихъ 800 р. завѣщаны Ровенскому реальному училищу дворяниномъ Леонардомъ Липянскимъ, а 200 р. пожертвованы наслѣдницею его мѣщанкою Анной Цѣхонскою, учреждается при названномъ училищѣ стипендія имени дворянина Леонарда Ѳомича Липянскаго.

§ 2. Означенный стипендіальный капиталъ, состоящій въ двухъ свидѣтельствахъ 4% государственной ренты 500-рублеваго достоинства, составляетъ неприкосновенную собственность Ровенскаго реальнаго училища и хранится въ мѣстномъ уѣздномъ казначействѣ.

§ 3. Проценты съ означеннаго капитала, за удержаніемъ 5% государственнаго налога, выдаются въ сентябрѣ и мартѣ одному изъ бѣднѣйшихъ учениковъ Ровенскаго реальнаго училища, римско-католическаго вѣроисповѣданія, отличающемуся благонравіемъ и успѣхами въ преподаваемыхъ предметахъ и происходящему изъ дворянъ Ровенскаго или Дубенскаго уѣздовъ.

§ 4. Выборъ стипендіата, согласно волѣ завѣщателя, принадлежитъ законоучителю Ровенскаго реальнаго училища римско-католическаго вѣроисповѣданія, при чемъ выборъ этотъ производится въ засѣданіи педагогическаго совѣта изъ числа учениковъ, удовлетворяющихъ, по мнѣнію совѣта, требованіямъ, означеннымъ въ п. 3 настоящаго положенія.

Примѣчаніе. Въ случаѣ, если должность законоучителя римско-католическаго вѣроисповѣданія будетъ въ Ровенскомъ реаль-

номъ училищѣ вакантною, выборъ стипендіата принадлежитъ педагогическому совѣту.

§ 5. Педагогическій совѣтъ, въ случаѣ пониженія успѣшности ученика и въ особенности его поведенія, можетъ лишить его стипендіи.

§ 6. Размѣръ выдаваемой стипендіи зависитъ отъ усмотрѣнія педагогическаго совѣта.

§ 7. Могущіе быть остатки % съ стипендіальнаго капитала пріобщаются къ процентнымъ деньгамъ будущаго времени и расходуются согласно параграфамъ 3 и 6 настоящаго положенія.

§ 8. Пользованіе стипендіею Липянскаго не налагаетъ на стипендіата никакихъ обязательствъ.

7. (3-го февраля 1901 года). *Положеніе о капиталѣ имени умершей жены генералъ-маіора Александры Павловны Череповой при С.-Петербургскомъ женскомъ медицинскомъ институтѣ.*

(На основаніи Высочайшаго повелѣнія 1-го августа 1873 года, утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. На основаніи Высочайшаго повелѣнія 26-го мая 1897 года, при С.-Петербургскомъ женскомъ медицинскомъ институтѣ учреждается капиталъ въ *шесть тысячъ сто семьдесятъ пять* рублей *двадцать два* коп., имени умершей жены генералъ-маіора Александры Павловны Череповой, завѣщанный ею съ этою цѣлью.

§ 2. Означенный капиталъ, по обращеніи его въ государственныя или гарантированныя правительствомъ процентныя бумаги, хранится въ числѣ специальныхъ средствъ института и, составляя его неотъемлемую собственность, остается навсегда неприкосновеннымъ. Въ случаѣ же выхода процентныхъ бумагъ въ тиражъ погашенія онѣ обмѣниваются правленіемъ института на другія правительственныя процентныя бумаги.

§ 3. Проценты съ капитала за удержаніемъ изъ нихъ государственнаго сбора по закону 20-го мая 1885 г., употребляются, по опредѣленію правленія института, на взносъ платы за слушаніе лекцій наиболѣе бѣдныхъ слушательницъ института, православнаго вѣроисповѣданія.

§ 4. Могущіе образоваться по какимъ-либо причинамъ отъ процентовъ съ капитала остатки обращаются правленіемъ института въ государственныя процентныя бумаги и присоединяются къ основному капиталу.

§ 5. Пользованіе процентами съ упомянутаго капитала не налагаетъ на слушательницу никакихъ обязательствъ.

8. (6-го февраля 1901 года). *Положеніе о стипендіи имени поэта А. С. Пушкина при Маріупольской Александровской гимназіи.*

(На основаніи Высочайшаго повелѣнія 26-го мая 1897 года, утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. На счетъ ежегодно ассигнуемыхъ Маріупольскою городскою думою средствъ учреждается при Маріупольской Александровской гимназіи стипендія имени А. С. Пушкина въ размѣрѣ *семидесяти пяти* руб.

§ 2. Стипендія эта предназначается для взноса ежегодно въ гимназію платы за право ученія одного изъ бѣднѣйшихъ учениковъ и для выдачи ему же остатка на пріобрѣтеніе учебныхъ пособій.

§ 3. Стипендіатомъ можетъ быть ученикъ старшихъ классовъ (V—VIII), уроженецъ г. Маріуполя, обнаруживающій при отличномъ поведеніи хорошіе успѣхи по русскому языку и удовлетворительные по остальнымъ предметамъ.

§ 4. Стипендіатъ избирается Маріупольской городской думой изъ кандидатовъ, представляемыхъ педагогическимъ совѣтомъ гимназіи.

> *Примѣчаніе.* Стипендіатъ въ случаѣ неодобрительнаго поведенія или дурныхъ успѣховъ, по опредѣленію педагогическаго совѣта, можетъ быть лишенъ стипендіи.

§ 5. Стипендія обезпечивается ассигнованіемъ семидесяти пяти руб. изъ общихъ городскихъ средствъ, вносимыхъ ежегодно въ городскую смѣту.

§ 6. Пользованіе стипендіей не налагаетъ никакихъ обязательствъ на стипендіата.

9. (8-го февраля 1901 года). *Положеніе о четырехъ стипендіяхъ имени учредителя пароходства „Зевеке" Альфонса Александровича Зевеке при Нижегородскомъ Кулибинскомъ ремесленномъ училищѣ.*

(На основаніи Высочайшаго повелѣнія 26-го мая 1897 года, утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. На счетъ процентовъ съ капитала въ *одну тысячу двѣсти* р., собраннаго бывшими служащими пароходства „А. А. Зевеке", учреждаются при Нижегородскомъ Кулибинскомъ ремесленномъ училищѣ

четыре стипендіи имени учредителя пароходства „Зевеке“ Альфонса Александровича Зевеке.

§ 2. Стипендіальный капиталъ, заключающійся въ процентныхъ бумагахъ, составляетъ собственность училища и, оставаясь неприкосновеннымъ, хранится въ мѣстномъ казначействѣ въ числѣ другихъ капиталовъ училища.

§ 3. Проценты со стипендіальнаго капитала, за удержаніемъ изъ нихъ 5% государственнаго налога, употребляются на взносъ платы за обученіе стипендіатовъ.

§ 4. На стипендіи назначаются бѣднѣйшіе приходящіе ученики, православнаго вѣроисповѣданія, отличающіеся безукоризненнымъ поведеніемъ и оказывающіе удовлетворительные успѣхи въ наукахъ и ремеслѣ, при чемъ преимущественное право на занятіе стипендій предоставляется дѣтямъ лицъ, служившихъ на пароходахъ общества „А. А. Зевеке“, или служащихъ въ пароходномъ обществѣ компаніи „Надежда“.

§ 5. Выборъ стипендіатовъ предоставляется учредителямъ стипендій по соглашенію съ педагогическимъ совѣтомъ училища.

§ 6. Могущіе образоваться остатки отъ стипендіальнаго капитала употребляются на пріобрѣтеніе учебныхъ пособій для тѣхъ же стипендіатовъ.

§ 7. При повышеніи платы за ученіе число стипендіатовъ должно быть такое, чтобы проценты со стипендіальнаго капитала покрывали плату за обученіе ихъ въ училищѣ.

§ 8. Пользованіе стипендіей не налагаетъ на стипендіата никакихъ обязательствъ.

10. (17-го февраля 1901 года). *Положеніе о стипендіи имени Евгеніи Пышкиной при Новочеркасской мужской гимназіи.*

(На основаніи Высочайшаго повелѣнія 26-го мая 1897 года, утверждено г. временно-управляющимъ министерствомъ народнаго просвѣщенія, товарищемъ министра).

§ 1. На проценты съ капитала въ *шесть тысячъ* руб., пожертвованнаго отставнымъ есауломъ Александромъ Васильевымъ Пышкинымъ и заключающагося въ свидѣтельствахъ 4% государственной ренты, учреждается при Новочеркасской мужской гимназіи одна стипендія имени дочери жертвователя Евгеніи Пышкиной.

§ 2. Стипендіальный капиталъ составляетъ неотъемлемую собственность Новочеркасской мужской гимназіи и, оставаясь навсегда непри-

косновеннымъ, хранится въ Новочеркасскомъ казначействѣ въ числѣ спеціальныхъ средствъ гимназіи.

§ 3. Проценты съ неприкосновеннаго капитала, за вычетомъ изъ нихъ 5°/о государственнаго сбора по закону 20-го мая 1885 г., составляютъ стипендію, которая выдается одному изъ учениковъ Новочеркасской мужской гимназіи по выбору педагогическаго совѣта оной.

§ 4. Пользованіе стипендіей не налагаетъ на стипендіата никакихъ обязательствъ.

11. (23-го февраля 1901 года). *Положеніе о двухъ стипендіяхъ имени помѣщика Бобруйскаго уѣзда, Минской губерніи, Іосифа Матвѣева Круковскаго-Ждановича при Минской женской гимназіи вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія.*

(На основаніи Высочайшаго повелѣнія 1-го августа 1873 года, утверждено г. временно-управляющимъ министерствомъ народнаго просвѣщенія, товарищемъ министра).

§ 1. На основаніи Высочайшихъ повелѣній 5-го декабря 1881 года и 26-го мая 1897 года, при Минской женской гимназіи вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія учреждаются двѣ стипендіи имени помѣщика Бобруйскаго уѣзда, Минской губерніи, Іосифа Матвѣева Круковскаго-Ждановича, на счетъ процентовъ съ капитала въ *7115* рублей, образовавшагося съ 5000 рублей, пожертвованныхъ имъ съ этою цѣлью по духовному завѣщанію отъ 4-го декабря 1842 года.

§ 2. Стипендіальный капиталъ, заключающійся нынѣ въ билетѣ коммиссіи погашенія долговъ 5°/о займа на 5000 рублей, въ билетахъ государственной 4°/о ренты на 2100 рублей и 15 рублей 51 коп. наличными деньгами, хранится въ Минскомъ губернскомъ казначействѣ, въ числѣ спеціальныхъ средствъ Минской женской гимназіи и, составляя ея неотъемлемую собственность, остается навсегда неприкосновеннымъ.

§ 3. Проценты со стипендіальнаго капитала, за удержаніемъ изъ нихъ въ казну государственнаго сбора, по закону 20-го мая 1885 года, назначаются двумъ избраннымъ стипендіаткамъ, по 155 рублей въ годъ каждой и выдаются на руки родителямъ стипендіатокъ, или лицамъ, заступающимъ ихъ мѣсто, пополугодно въ мартѣ и сентябрѣ мѣсяцахъ.

§ 4. Право назначать стипендіатокъ предоставляется педагогическому совѣту Минской женской гимназіи.

§ 5. Стипендіатки избираются изъ числа бѣднѣйшихъ ученицъ гимназіи, христіанскихъ исповѣданій, дворянскаго происхожденія, от-

личающихся хорошимъ поведеніемъ и успѣхами въ наукахъ, при чемъ преимущество имѣютъ родственники завѣщателя Іосифа Матвѣева Круковскаго-Ждановича.

§ 6. Объ открывшейся вакансіи на стипендію начальствомъ гимназіи публикуется въ мѣстныхъ губернскихъ вѣдомостяхъ, для приглашенія родственниковъ завѣщателя заявить о своемъ желаніи воспользоваться правомъ на стипендію. Расходы по публикаціи объ открывшейся вакансіи производятся изъ % со стипендіальнаго капитала.

§ 7. Лица, желающія воспользоваться стипендіей по праву своего родства съ завѣщателемъ, должны представить при прошеніи о назначеніи стипендіи удостовѣреніе о родствѣ отъ Бобруйскаго уѣзднаго предводителя дворянства.

§ 8. Если по прошествіи шести мѣсяцевъ со времени публикаціи никто изъ родственниковъ завѣщателя не предъявитъ своихъ правъ, то педагогическій совѣтъ избираетъ стипендіатокъ изъ наличнаго числа ученицъ гимназіи согласно § 5 настоящаго положенія, и такія стипендіатки пользуются стипендіей до окончанія курса, или пока не будутъ лишены этого права педагогическимъ совѣтомъ за малоуспѣшность или неодобрительное поведеніе, или не уволятся изъ гимназіи ранѣе окончанія оной, хотя бы и оказались кандидатки для занятія стипендій изъ родственницъ завѣщателя.

§ 9. Могущіе образоваться по какимъ-либо причинамъ отъ процентовъ со стипендіальнаго капитала остатки присоединяются къ основному капиталу, для увеличенія размѣра стипендій.

§ 10. Пользованіе стипендіями не налагаетъ на стипендіатокъ никакихъ обязательствъ.

§ 11. Въ случаѣ закрытія Минской женской гимназіи вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія стипендіи имени І. М. Круковскаго-Ждановича переводятся на тѣхъ же основаніяхъ въ однородное среднее учебное заведеніе Виленскаго учебнаго округа, по распоряженію попечителя округа.

12. (24-го февраля 1901 года). *Положеніе о стипендіи имени вдовы Московскаго купца Юліи Андреевны Борисовой при Московской 6-й гимназіи.*

(На основаніи Высочайшаго повелѣнія 26-го мая 1897 года, утверждено г. временно-управляющимъ министерствомъ народнаго просвѣщенія, товарищемъ министра).

§ 1. На счетъ процентовъ съ капитала въ *двѣ тысячи* руб., пожертвованнаго вдовою московскаго купца Юліей Андреевной Бори-

совой и заключающагося въ двухъ свидѣтельствахъ 4%-ой государственной ренты по 1000 руб. каждое, учреждается при Московской 6-й гимназіи одна стипендія имени жертвовательницы.

§ 2. Стипендіальный капиталъ составляетъ неотъемлемую собственность Московской 6-й гимназіи и, оставаясь неприкосновеннымъ, хранится въ Московскомъ губернскомъ казначействѣ, въ числѣ спеціальныхъ средствъ гимназіи.

§ 3. Проценты съ означеннаго капитала, за удержаніемъ изъ нихъ установленнаго закономъ 20-го мая 1885 г. налога, употребляются для внесенія платы за ученіе одного изъ бѣднѣйшихъ учениковъ Московской 6-й гимназіи.

§ 4. Правомъ на полученіе стипендіи пользуются ученики всѣхъ классовъ гимназіи православнаго вѣроисповѣданія, заслуживающіе того по своему поведенію и успѣхамъ въ наукахъ.

§ 5. Выборъ стипендіата, при жизни жертвовательницы Юліи Андреевны Борисовой, предоставляется ей самой, а по ея смерти—педагогическому совѣту Московской 6-й гимназіи.

§ 6. Образующійся остатокъ отъ процентовъ со стипендіальнаго капитала, на случай увеличенія размѣра платы за ученіе, причисляется къ капиталу и, по достаточномъ увеличеніи, обращается въ правительственныя или гарантированныя правительствомъ процентныя бумаги.

§ 7. При увеличеніи, въ будущемъ, капитала до такого размѣра, когда проценты съ него будутъ превышать хотя бы и увеличенный, противъ существующаго въ настоящее время, размѣръ платы за ученіе, остатокъ отъ процентовъ выдается стипендіату, въ видѣ пособія въ извѣстной формѣ, по усмотрѣнію педагогическаго совѣта Московской 6-й гимназіи.

§ 8. Пользованіе стипендіей не налагаетъ на стипендіата никакихъ обязательствъ.

13. (12-го марта 1901 года). *Положеніе о стипендіи имени бывшаго учителя Бауского городского училища Фридриха Адамовича при названномъ городскомъ училищѣ.*

(На основаніи Высочайшаго повелѣнія 1-го августа 1873 года, утверждено г. временно-управляющимъ министерствомъ народнаго просвѣщенія, товарищемъ министра).

§ 1. На основаніи Высочайшихъ повелѣній 5-го декабря 1881 года и 26-го мая 1897 года, при Баускомъ городскомъ училищѣ учре-

ждается стипендія имени бывшаго учителя Бауской городского училища Фридриха Адамовича, на счетъ процентовъ съ капитала въ *двѣсти семьдесятъ три* рубля *пятьдесятъ* коп., собраннаго по добровольной подпискѣ между знакомыми Адамовича, въ память четырнадцатилѣтней службы его въ названномъ училищѣ.

§ 2. Стипендіальный капиталъ, по обращеніи его въ государственныя или гарантированныя правительствомъ процентныя бумаги, хранится въ Митавскомъ губернскомъ казначействѣ, въ числѣ спеціальныхъ средствъ Бауского городского училища и, составляя его неотъемлемую собственность, остается навсегда неприкосновеннымъ.

§ 3. Въ случаѣ же выхода въ тиражъ процентныхъ бумагъ, въ которыхъ заключается стипендіальный капиталъ, педагогическій совѣтъ училища пріобрѣтаетъ новыя соотвѣтственной цѣнности государственныя или гарантированныя правительствомъ процентныя бумаги.

§ 4. Проценты со стипендіальнаго капитала, за удержаніемъ изъ нихъ въ казну 5% государственнаго сбора по закону 20-го мая 1885 года, употребляются на взносъ платы за ученіе стипендіата и выдаются педагогическимъ совѣтомъ училища стипендіату или родителямъ его пополугодно впередъ,—въ январѣ и августѣ.

§ 5. Стипендіатъ избирается изъ числа бѣднѣйшихъ учениковъ училища, отличающихся хорошимъ поведеніемъ и успѣхами въ наукахъ, безъ различія вѣроисповѣданія и національности.

§ 6. Выборъ стипендіата предоставляется усмотрѣнію педагогическаго совѣта Бауского городского училища.

§ 7. Стипендіатъ лишается получаемой имъ стипендіи: 1) при оставленіи имъ училища, 2) вслѣдствіе малоуспѣшности, неодобрительнаго поведенія или другихъ какихъ-либо уважительныхъ причинъ, согласно постановленію педагогическаго совѣта училища.

§ 8. Могущіе образоваться по какимъ-либо причинамъ отъ процентовъ со стипендіальнаго капитала остатки прибавляются, для увеличенія размѣра стипендіи, къ основному капиталу, который можетъ увеличиваться путемъ новыхъ пожертвованій на сей предметъ со стороны знакомыхъ Адамовича.

§ 9. Пользованіе стипендіею не налагаетъ на стипендіата никакихъ обязательствъ.

14. (13-го марта 1901 года). *Положеніе о стипендіи имени Александра Сергѣевича Пушкина при Маріупольской Маріинской женской гимназіи.*

(На основаніи Высочайшаго повелѣнія 1-го августа 1873 года, утверждено г. временно-управляющимъ министерствомъ народнаго просвѣщенія, товарищемъ министра).

§ 1. На основаніи Высочайшихъ повелѣній 5-го декабря 1881 года и 26-го мая 1897 года, при Маріупольской Маріинской женской гимназіи учреждается стипендія имени Александра Сергѣевича Пушкина, на счетъ *семидесяти пяти* рублей, ежегодно ассигнуемыхъ изъ средствъ Маріупольской городской думы.

§ 2. Стипендіальная сумма употребляется на взносъ платы за ученіе въ гимназіи избранной стипендіатки и на пріобрѣтеніе для нея учебныхъ пособій.

§ 3. Стипендія назначается бѣднѣйшей ученицѣ старшихъ (V—VIII) классовъ гимназіи, изъ уроженокъ гор. Маріуполя, отличающейся хорошимъ поведеніемъ и успѣхами въ наукахъ, а въ особенности по русскому языку.

§ 4. Выборъ стипендіатки предоставляется усмотрѣнію попечительнаго совѣта Маріупольской Маріинской женской гимназіи.

§ 5. Въ случаѣ неодобрительнаго поведенія или малоуспѣшности въ наукахъ стипендіатка, по опредѣленію педагогическаго совѣта, лишается стипендіи.

§ 6. Пользованіе стипендіей не налагаетъ на стипендіатку никакихъ обязательствъ.

15. (17-го марта 1901 года). *Положеніе о двухъ стипендіяхъ Имени Его Императорскаго Величества Государя Императора Николая II при Краснослободскомъ городскомъ четырехклассномъ училищѣ.*

(На основаніи Высочайшаго повелѣнія 1-го августа 1873 года, утверждено г. временно-управляющимъ министерствомъ народнаго просвѣщенія, товарищемъ министра).

§ 1. На основаніи Высочайшаго повелѣнія 13-го марта 1901 года, при Краснослободскомъ городскомъ четырехклассномъ училищѣ учреждаются двѣ стипендіи Имени Его Императорскаго Величества Государя Императора Николая II, въ ознаменованіе исцѣленія Его Величества въ 1900 году отъ тяжкаго недуга, на счетъ процентовъ съ капитала въ *триста* рублей, пожертвованнаго потомственнымъ почетнымъ гражданиномъ Алексѣемъ Андреевичемъ Соловьевымъ.

§ 2. Стипендіальный капиталъ, заключающійся въ двухъ свидѣтельствахъ 4% государственной ренты, изъ которыхъ одно въ двѣсти и одно въ сто рублей, хранится въ Краснослободскомъ уѣздномъ казначействѣ въ числѣ спеціальныхъ средствъ училища, составляя его неотъемлемую собственность и оставаясь навсегда неприкосновеннымъ.

§ 3. Проценты съ означеннаго капитала, за удержаніемъ изъ нихъ въ казну 5% государственнаго сбора по закону 20-го мая 1885 года, употребляются на взносъ платы за ученіе избранныхъ стипендіатовъ, а остатки выдаются на руки стипендіатамъ для покупки книгъ и учебныхъ пособій.

§ 4. Право выбора стипендіатовъ принадлежитъ педагогическому совѣту по соглашенію съ жертвователемъ А. А. Соловьевымъ или съ его прямыми наслѣдниками, проживающими въ гор. Краснослободскѣ; въ случаѣ же, когда всѣ наслѣдники будутъ проживать въ другихъ мѣстностяхъ,—по соглашенію съ тѣми изъ нихъ, о мѣстопребываніи которыхъ будетъ извѣстно педагогическому совѣту и которые пожелаютъ принять участіе въ выборѣ стипендіатовъ.

§ 5. Стипендіаты избираются изъ числа бѣднѣйшихъ учениковъ городского училища, лучшихъ по успѣхамъ и поведенію, православнаго вѣроисповѣданія, безъ различія сословій изъ дѣтей жителей гор. Краснослободска.

§ 6. Въ случаѣ малоуспѣшности и неодобрительнаго поведенія, стипендіатъ лишается стипендіи по опредѣленію педагогическаго совѣта училища.

§ 7. Могущіе образоваться, въ случаѣ незамѣщенія одной или обѣихъ стипендій, отъ процентовъ со стипендіальнаго капитала остатки выдаются бѣднымъ ученикамъ изъ числа окончившихъ курсъ на проѣздъ для поступленія въ другое учебное заведеніе; за неимѣніемъ же таковыхъ—бѣднымъ ученикамъ, обучающимся въ училищѣ.

§ 8. Пользованіе стипендіями не налагаетъ на стипендіатовъ никакихъ обязательствъ.

§ 9. Въ случаѣ преобразованія городского училища въ какое-либо другое учебное заведеніе, стипендіальный капиталъ передается въ послѣднее, для употребленія по назначенію, въ случаѣ же совершеннаго закрытія городского училища, капиталъ этотъ передается въ одно изъ начальныхъ городскихъ и приходскихъ училищъ гор. Краснослободска—мужское или женское, по усмотрѣнію начальства Харьковскаго учебнаго округа.

16. (19-го марта 1901 года). *Положеніе о двухъ стипендіяхъ имени поэта Александра Сергѣевича Пушкина при Шуйскомъ городскомъ четырехклассномъ училищѣ.*

(На основаніи Высочайшаго повелѣнія 1-го августа 1873 года, утверждено г. временно-управляющимъ министерствомъ народнаго просвѣщенія, товарищемъ министра).

§ 1. На основаніи Высочайшихъ повелѣній 5-го декабря 1881 года и 26-го мая 1897 года, при Шуйскомъ городскомъ четырехклассномъ училищѣ учреждаются двѣ стипендіи имени поэта Александра Сергѣевича Пушкина, на счетъ процентовъ съ капитала въ *двѣсти семьдесятъ* рублей, пожертвованнаго съ этою цѣлью Шуйскою городскою думою.

§ 2. Стипендіальный капиталъ, по обращеніи въ государственныя или гарантированныя правительствомъ процентныя бумаги, хранится въ мѣстномъ казначействѣ, въ числѣ спеціальныхъ средствъ училища, составляя неотъемлемую его собственность и оставаясь навсегда неприкосновеннымъ.

§ 3. Проценты со стипендіальнаго капитала, за удержаніемъ изъ нихъ въ казну 5% государственнаго сбора по закону 20-го мая 1885 года, употребляются на взносъ платы за ученіе двухъ избранныхъ стипендіатовъ.

§ 4. Стипендіаты избираются изъ числа бѣднѣйшихъ учениковъ училища, православнаго вѣроисповѣданія, отличающихся хорошимъ поведеніемъ и успѣхами въ наукахъ.

§ 5. Выборъ стипендіатовъ предоставляется усмотрѣнію педагогическаго совѣта Шуйскаго городского училища.

§ 6. Пользованіе стипендіями не налагаетъ на стипендіатовъ никакихъ обязательствъ.

§ 7. Могущіе образоваться по какимъ-либо причинамъ отъ процентовъ со стипендіальнаго капитала остатки прибавляются къ основному капиталу, для увеличенія размѣра стипендій.

§ 8. Въ случаѣ преобразованія Шуйскаго городского училища въ какое-либо другое учебное заведеніе, стипендіальный капиталъ передается на тѣхъ же основаніяхъ въ вѣдѣніе послѣдняго, по назначенію городской думы.

Начиная со второй половины минувшаго января мѣсяца, въ большинствѣ высшихъ учебныхъ заведеній различныхъ вѣдомствъ происходили въ разное время студенческіе безпорядки, повлекшіе за собою во многихъ изъ сихъ заведеній пріостановку учебныхъ занятій передъ наступленіемъ пасхальныхъ вакацій. Эта пріостановка занятій, воспрепятствовавшая нормальному ихъ завершенію, создала такое положеніе, при которомъ учащіеся могутъ быть поставлены въ необходимость или потерять учебный годъ, или даже, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, въ силу дѣйствующихъ правилъ,—оставить учебное заведеніе. Такія послѣдствія должны тягостно отозваться на судьбѣ учащихся, а для многихъ изъ нихъ, по личному и семейному ихъ положенію, были бы истиннымъ бѣдствіемъ.

Созванное, съ Высочайшаго соизволенія, подъ предсѣдательствомъ министра народнаго просвѣщенія, особое совѣщаніе главныхъ начальниковъ вѣдомствъ, въ коихъ имѣются высшія учебныя заведенія, признало необходимымъ для возстановленія правильнаго теченія учебной жизни въ означенныхъ заведеніяхъ, принять слѣдующія мѣры:

1. Въ теченіе апрѣля мѣсяца въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ возобновить учебныя занятія или же, по распоряженію подлежащаго учебнаго начальства, непосредственно приступить къ переводнымъ и окончательнымъ испытаніямъ въ сроки, опредѣляемые обычными расписаніями экзаменовъ.

2. Если для окончанія учебныхъ занятій и производства экзаменовъ времени до начала лѣтнихъ вакацій оказалось бы недостаточно, то продолжить эти занятія и экзамены на вакаціонное время, предоставивъ подлежащему учебному начальству опредѣлить необходимые для сего сроки.

3. Неявившихся на экзамены безъ особо уважительной причины или не выдержавшихъ таковые подвергать всѣмъ послѣдствіямъ, указаннымъ дѣйствующими на сей предметъ въ отдѣльныхъ учебныхъ заведеніяхъ правилами.

4. Въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, въ видѣ исключенія, дозволять въ текущемъ году осенніе экзамены и переэкзаменовки въ особо уважительныхъ случаяхъ для отдѣльныхъ лицъ, по ходатайствамъ сихъ послѣднихъ, разрѣшаемымъ подлежащимъ учебнымъ начальствомъ.

IX. ОПРЕДѢЛЕНІЯ УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

Опредѣленіями ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, утвержденными г. управляющимъ министерствомъ, постановлено:

— Книгу: „По великой русской рѣкѣ. Очерки и картины Поволжья. *А. П. Валуевой* (*Мунтъ*). Рисунки скомпанованы Т. И. Никитинымъ. С.-Пб. Изданіе М. М. Ледерле и К°. 1895. Стр. 230+II. Цѣна не обозначена"—допустить въ ученическія, средняго и старшаго возрастовъ, библіотеки мужскихъ и женскихъ гимназій, реальныхъ училищъ, учительскихъ институтовъ и семинарій и городскихъ училищъ, а также и въ безплатныя народныя читальни.

— Книгу: „Д-ръ *В. Барингеръ*. Что нужно знать по электротехникѣ? (Was muss man von der Elektrotechnik wissen?) Переводъ съ послѣдняго нѣмецкаго изданія *Θ. Ф. Александрова*. С.-Пб. Изданіе книжнаго магазина П. В. Луковникова. 1901. Стр. 108. Цѣна 35 коп."—допустить въ ученическія, старшаго возраста, библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній министерства, а также въ безплатныя народныя читальни и библіотеки.

— Книгу: „Изданіе Акціонернаго Южно-Русск. О—ва Печатнаго Дѣла. Латинская этимологія въ таблицахъ. Пособіе при изученіи первоначальныхъ правилъ латинской грамматики. Составилъ *А. Григорьевъ*, преподаватель Одесской Четвертой гимназіи. Одесса. 1901. Стр. 17. Цѣна 20 коп."—допустить въ ученическія, младшаго возраста, библіотеки мужскихъ гимназій и прогимназій.

— Книгу: „*Камиллъ Фламмаріонъ*. Небесныя свѣтила. (Les merveilles célestes). Вечернія бесѣды. Переводъ съ послѣдняго французскаго изданія *Θ. Ф. Александрова*. Со 107 рисунками. С.-Пб. Изданіе книжнаго магазина П. В. Луковникова. 1901. Стр. VIII+317. Цѣна 1 руб., въ перепл. 1 руб. 60 коп." — допустить въ ученическія, средняго и старшаго возрастовъ, библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній министерства.

— Брошюру: „Всѣмъ заботящимся о новорожденныхъ и малолѣтнихъ дѣтяхъ. Какъ предохранять и лечить глаза дѣтей преимущественно отъ гнойнаго воспаленія. (Въ общедоступномъ изложеніи). Д-ра *М. Рейха*, Непремѣннаго Члена В. Медиц. Ученаго Комитета. (Изданіе Попечительства Императрицы Маріи Александровны о слѣ-

ныхъ). (3-е изданіе). (Съ таблицею рисунковъ). С.-Пб. 1900. Стр. VI+40. Цѣна не обозначена" — рекомендовать для пріобрѣтенія въ фундаментальныя библіотеки всѣхъ среднихъ учебныхъ заведеній, въ учительскія библіотеки низшихъ училищъ министерства и въ библіотеки учительскихъ институтовъ и семинарій, а также допустить въ безплатныя народныя читальни и библіотеки.

— Книгу: „Жизнь животныхъ *Брэма*. Полный переводъ со второго нѣмецкаго изданія, вновь обработаннаго *Рихардомъ Шмидтлейномъ* для школы и домашняго чтенія, подъ редакціей профессора *П. Ф. Лесгафта*. Первый томъ. — Млекопитающія. Съ 10 хромолитографіями, 15 черными таблицами и 221 рисункомъ въ текстѣ, исполненными Л. Бекманомъ, В. Кампгаузеномъ, Р. Кречмеромъ, В. Кюнертомъ, Г. Мютцелемъ, Фр. Шпехтомъ и др. С.-Пб. Книгоиздательское Товарищество „Просвѣщеніе". 1900. Стр. XXI+853. Цѣна не обозначена" — одобрить для ученическихъ, старшаго возраста, библіотекъ всѣхъ средне-учебныхъ заведеній, учительскихъ институтовъ и семинарій и городскихъ училищъ и для выдачи въ награду ученикамъ старшихъ классовъ, а также и для безплатныхъ народныхъ читаленъ и библіотекъ.

— Книгу: „*Фуртье и Мольтени*. Научныя демонстраціи при помощи волшебнаго фонаря (Les projections scientifiques). Руководство къ употребленію волшебнаго фонаря для демонстраціи опытовъ по физикѣ и химіи. Перевелъ *М. П. Воскресенскій*. М. 1900. Стр. 136+1. Цѣна 1 руб."—одобрить для фундаментальныхъ библіотекъ всѣхъ среднихъ учебныхъ заведеній министерства, для библіотекъ учительскихъ институтовъ и для учительскихъ библіотекъ городскихъ училищъ и допустить въ безплатныя народныя читальни и библіотеки.

— Книгу: „Изданіе редакціи журнала „Образованіе". Исторія новѣйшей философіи. Очеркъ исторіи философіи отъ Канта до нашихъ дней. *Г. Геффдинга*, Профессора Копенгагенскаго университета. Переводъ съ нѣмецкаго. С.-Пб. 1900. Стр. VIII+496. Цѣна 2 руб."—одобрить для фундаментальныхъ библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній министерства.

— Книгу: „Современная метеорологія. Очеркъ ея прошлаго и настоящаго. *Франка Вальдо*, бывшаго профессора „Сигнальнаго бюро" въ Сѣв.-Америк. Соединенныхъ Штатахъ. Переводъ съ англійскаго *М. П. Косача* подъ редакціею профессора *Б. И. Срезневскаго*. Съ 112 рисунками. С.-Пб. Изданіе А. Ф. Девріена. 1897. Стр. XII+380. Цѣна 2 руб. 75 коп."—рекомендовать для фундаментальныхъ и уче-

ническихъ, старшаго возраста, библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній министерства.

— Книгу: „Сборникъ Ученo-Литературнаго Общества при Императорскомъ Юрьевскомъ Университетѣ. Томъ III. Юрьевъ. 1900. Стр. XL+238. Цѣна 2 руб." — рекомендовать для пріобрѣтенія въ фундаментальныя библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній министерства, какъ всѣхъ вообще, такъ и, въ особенности, Рижскаго учебнаго округа.

— Книгу: „*А. П. Постниковъ*. Элементарный курсъ электротехники. М. 1901. Стр. III+158+II. Цѣна 1 р. 50 коп."—рекомендовать для ученическихъ, старшаго возраста, и для основныхъ библіотекъ всѣхъ среднихъ учебныхъ заведеній вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія, для библіотекъ учительскихъ институтовъ и семинарій и городскихъ училищъ и для безплатныхъ народныхъ читаленъ.

— Книгу: „Исторія нѣмецкой литературы отъ древнѣйшихъ временъ до настоящаго времени проф. *Фридриха Фогта* и проф. *Макса Коха*. Переводъ, съ разрѣшенія издателей оригинала, *А. Л. Погодина*, прив.-доцента С.-Пб. университета, преподавателя Археологическаго Института. Съ 72 художественно исполненными рисунками въ текстѣ, 2 гравюрами, 18 хромолитографіями и 6 черными картинами. С.-Пб. 1901. Стр. XII+802. Цѣна: 15 выпусковъ по 50 коп.; въ роскош. перепл. 8 р. 60 коп." — рекомендовать для фундаментальныхъ и ученическихъ, старшаго возраста, библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній министерства.

— Книги: 1) „Иліада *Гомера*. Пѣснь XXII. Объяснилъ *С. Радецкій*, инспектирующій преподаватель Московской 7-й гимназіи. Изданіе второе. М. Изданіе книжнаго магазина В. Думнова подъ фирмой «Наслѣдники бр. Салаевыхъ». 1900. Стр. III+48. Цѣна 35 коп." — 2) „То же. Пѣснь XXIV. Изданіе второе. М. 1900. Стр. III+70. Цѣна 45 коп." — одобрить въ качествѣ учебныхъ пособій для мужскихъ гимназій и прогимназій, но съ тѣмъ, чтобы слѣдующія изданія этихъ книгъ печатались болѣе крупными и четкими шрифтами и на лучшей, по возможности, бумагѣ.

— Книги: 1) „*Фридрихъ фонъ-Гельвальдъ*. Земля и ея народы. Переводъ съ послѣдняго нѣмецкаго изданія, въ 4-хъ томахъ, подъ редакціей *Ф. Груздева*, Редактора журнала «Природа и Люди». Томъ III. Живописная Европа. (Съ картою и рисунками). С.-Пб. Изданіе П. П. Сойкина. 1898. Стр. 728+II. Цѣна не обозначена". — 2) „То же.

Томъ IV. Живописная Африка, Австралія съ Океаніей и Полярныя страны. (Съ картами и рисунками). Спб. 1899. Стр. 160+100+I. Цѣна не обозначена" — одобрить первую для фундаментальныхъ, а вторую для фундаментальныхъ и ученическихъ, старшаго возраста, библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній министерства.

— Книгу: „*Виталій Эйнгорнъ*. Очерки изъ исторіи Малороссіи въ XVII в. I. Сношенія малороссійскаго духовенства съ Московскимъ правительствомъ въ царствованіе Алексѣя Михайловича. М. 1899. Стр. XIV+1104. Цѣна 5 р."—рекомендовать для фундаментальныхъ библіотекъ всѣхъ вообще среднихъ учебныхъ заведеній министерства народнаго просвѣщенія и одобрить для ученическихъ, старшаго возраста, библіотекъ мужскихъ среднихъ учебныхъ заведеній.

— Книгу: „Изданіе О. Н. Поповой. Разсказы о разныхъ странахъ и народахъ. Крыша міра. Описаніе Центральной Азіи. По Пржевальскому, Геддину и Саваджу составила *Д. Котляръ*. Съ 18 рисунками и картою. С.-Пб. 1900. Стр. IX+171. Цѣна 80 коп." — допустить въ ученическія, младшаго и средняго возрастовъ, библіотеки всѣхъ среднихъ учебныхъ заведеній, мужскихъ и женскихъ, а равно въ библіотеки городскихъ училищъ и въ безплатныя народныя читальни.

— Книги: 1) „*Н. Л. Шапошниковъ*. Учебникъ алгебры, примѣненный къ программамъ среднихъ учебныхъ заведеній. Четвертое изданіе, напечатанное съ третьяго безъ измѣненія. (Въ двухъ частяхъ). Часть первая. Курсы третьяго и четвертаго классовъ гимназій съ дополнительными статьями. Изданіе книжнаго магазина В. В. Думнова подъ фирмою «Наслѣдники Братьевъ Салаевыхъ». М. 1900. Стр. III+174. Цѣна 70 коп." — 2) „То же. Часть вторая. Курсы старшихъ классовъ гимназій и среднихъ классовъ реальныхъ училищъ. Четвертое обработанное изданіе. М. 1900. Стр. 149+1. Цѣна 70 коп." — одобрить въ качествѣ учебныхъ руководствъ для мужскихъ среднихъ учебныхъ заведеній министерства.

— Книгу: „Dr. *Georg Curtius*' Griechische Schulgrammatik. Einundzwanzigste Auflage, bearbeitet von Dr. *Wilhelm von Hartel*, ord. Professor der klassischen Philologie an der Universität Wien. Leipzig. Verlag von G. Freytag. 1891. VIII+304 S. Preis: geheftet 2 M., gebunden 2 M. 40 Pf." — одобрить для употребленія, въ качествѣ учебнаго руководства, въ училищахъ съ нѣмецкимъ преподавательскимъ языкомъ.

— Книги: 1) „Griechisches Elementarbuch zunächst nach den Gram-

matiken von Curtius-Hartel, Kägi, Koch und Franke-Bamberg bearbeitet von Dr. *P. Wesener*. Neue Ausgabe nach den Bestimmungen der preussischen Lehrpläne vom Jahre 1891. Erster Teil. Das Nomen und das regelmässige Verbum auf ω. Sechste unveränderte Doppel-Auflage. Leipzig. Druck und Verlag von B. G. Teubner. 1900. VIII+143 S.“—2) „То же. Zweiter Teil. Verba auf μι und unregelmässige Verba. Vierte Doppel-Auflage. Leipzig. 1900. IV+158 S.“—3) „Dr. *Moritz Seyffert's* Übungsbuch zum Übersetzen aus dem Deutschen in das Griechische. Durchgesehen und erweitert von Dr. *Albert von Bamberg*, Herzogl. Sächs. Oberschulrat, Direktor des Gymnasium Ernestinum zu Gotha. Zweiter Teil: Beispiele zur Syntax und zusammenhängende Übungsstücke. Zwölfte verbesserte Auflage. Berlin. Verlag von Julius Springer. 1897. XII+250 S. Preis 2 M.“—одобрить для употребленія, въ качествѣ учебныхъ пособій, въ училищахъ съ нѣмецкимъ преподавательскимъ языкомъ.

— Книги: 1) „Греческая христоматія, т. I. Избранныя мѣста изъ греческихъ классиковъ, съ біографіями писателей и объяснительными примѣчаніями. Составили *С. Ф. Орловскій* и *В. Н. Фаминскій*. Выпускъ пятый: Пять рѣчей *Демосѳена*. 3 изданіе. С.-Пб. 1899. Стр. 76. Цѣна 45 коп.“—2) „То же, т. II. Выпускъ первый: Апологія, Критонъ и Федонъ *Платона*. Изданіе третье. М. 1899. Стр. IV+128. Цѣна 45 коп.“—3) „То же, т. II. Выпускъ третій: Избранныя мѣста изъ Меморабилій *Ксенофонта*. М. 1899. Стр. 76. Цѣна 30 коп.“—одобрить въ качествѣ учебныхъ пособій для мужскихъ гимназій, но съ тѣмъ, чтобы слѣдующія изданія этихъ книгъ были напечатаны болѣе крупными и четкими шрифтами.

— Стѣнную таблицу: „Мѣры метрической или десятичной системы. Изданіе К. Тихомирова. Цѣна 75 коп.“—одобрить для ученическихъ библіотекъ среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній министерства и для вывѣшиванія въ классахъ означенныхъ заведеній на стѣнѣ.

— Книгу: „Сберегательныя кассы. (Соціально-экономическое значеніе сберегательныхъ кассъ, иностранное законодательство, историческій очеркъ и современная постановка сберегательнаго строя въ Россіи). *Н. Н. Бѣляевскаго*. С.-Пб. 1896. Стр. III+215+1. Цѣна 1 руб. 50 коп.“—одобрить для фундаментальныхъ и ученическихъ, старшаго возраста, библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній и для учительскихъ библіотекъ низшихъ училищъ министерства, а также допустить въ безплатныя народныя читальни и библіотеки.

— Книгу: „Избранныя произведенія нѣмецкихъ и французскихъ

писателей для класснаго и домашняго чтенія. *Xavier de Maistre*. Prascovie ou La jeune Sibérienne. (*Ксавье де-Местръ*. Параша-Сибирячка). Текстъ съ введеніемъ, примѣчаніями и словаремъ. Объяснила *А. М. Пильцъ*. Изданіе третье. С. Пб. Изданіе С. А. Манштейна. 1901. Стр. 110+1 (въ текстѣ) +36 (въ отдѣльномъ словарѣ). Цѣна со словаремъ 30 коп., въ папкѣ 40 коп."—рекомендовать въ качествѣ учебнаго пособія для всѣхъ среднихъ учебныхъ заведеній министерства, а также и для ученическихъ библіотекъ означенныхъ заведеній.

— Книгу: „Краткій курсъ педагогики. Руководство для женскихъ заведеній съ двугодовымъ курсомъ педагогики. Проф. *М. Олесницкаго*. Выпускъ первый: Теорія воспитанія. 2-е изданіе. Кіевъ. 1896. Стр. IV+147. Цѣна 60 коп. — Выпускъ второй: Теорія обученія. 2-е изданіе. Кіевъ. 1895. Стр. VI+151. Цѣна 60 коп." — допустить въ качествѣ учебнаго руководства для тѣхъ среднихъ учебныхъ заведеній министерства, въ коихъ преподается педагогика, но съ тѣмъ непремѣннымъ условіемъ, чтобы при слѣдующемъ изданіи сочиненіе это было тщательно пересмотрѣно и переработано по замѣчаніямъ ученаго комитета.

— Книгу: „Русскій Чудо-Вождь. Графъ Суворовъ-Рымникскій, князь Италійскій, его жизнь и подвиги. Соч. *А. И. Красницкаго*. Съ 40 рисунками академика Н. С. Самокиша. С.-Пб. Изданіе А. Ф. Девріена. 1900. Стр. 378+II. Цѣна 3 руб."—одобрить для ученическихъ, всѣхъ возрастовъ, библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній и городскихъ училищъ министерства, а также для безплатныхъ народныхъ читаленъ и библіотекъ.

— Изданія: 1) „Картины Родины. Европейская Россія. Составилъ Дѣйствительный Членъ Императорскаго Русскаго Географическаго Общества *Дм. Дубенскій*. С.-Пб. 1900."—2) „Дѣйствительный членъ Императорскаго Русскаго Географическаго Общества *Дм. Дубенскій*. Поясненія къ „Картинамъ Родины". Европейская Россія. Приложеніе къ художественной картинѣ того же названія, исполненной худ. Н. Фокинымъ. С.-Пб. 1900. Стр. 25. Цѣна „Картинамъ Родины" съ приложеніемъ 3 руб. 50 коп., безъ пересылки"—допустить для пріобрѣтенія въ ученическія библіотеки приготовительнаго и первыхъ двухъ классовъ всѣхъ среднихъ мужскихъ и женскихъ учебныхъ заведеній.

— Книгу: „Письма *Иннокентія*, Митрополита Московскаго и Коломенскаго 1865—1878. С.-Пб. Собраны *Иваномъ Барсуковымъ*, дѣйствительнымъ членомъ Императорскаго Общества Исторіи и Древ-

ностей Россійскихъ при Московскомъ Университетѣ, Общества ревнителей русскаго Историческаго просвѣщенія въ память Императора Александра III и членомъ-корреспондентомъ Императорскаго Общества Любителей Древней Письменности. Книга третья. С.-Пб. 1901. Общество ревнителей русскаго историческаго просвѣщенія въ память Императора Александра III. Стр. VI+398. Цѣна 2 руб. 50 коп."—рекомендовать для фундаментальныхъ библіотекъ всѣхъ среднихъ учебныхъ заведеній министерства.

— Книгу: „Отголоски старины. Сборникъ историческихъ разсказовъ *П. Н. Полевого*. Съ 12 иллюстраціями К. В. Лебедева и Н. С. Самокиша. С.-Пб. Изданіе А. Ф. Девріена. 1900. Стр. XI+174+1. Цѣна 2 руб. 25 коп."—одобрить для ученическихъ, старшаго и средняго возраста, библіотекъ всѣхъ среднихъ учебныхъ заведеній министерства.

— Книгу: „Русская исторія (въ связи съ исторіей Великаго Княжества Литовскаго). Курсъ III класса гимназій и реальныхъ училищъ. Составилъ *Ар. Турцевичъ*. Преподаватель Виленской 1-й гимназіи. Пятое изданіе безъ перемѣнъ съ приложеніемъ 5 картъ, 22 рисунковъ и вопросовъ для повторенія, а также родословной и хронологической таблицъ. Вильна. 1900. Стр. VII+156. Цѣна 50 коп."—одобрить въ качествѣ учебнаго руководства для III класса гимназій и реальныхъ училищъ, признавъ при этомъ желательнымъ, чтобы въ слѣдующемъ изданіи книги примѣчанія были напечатаны, по возможности, еще болѣе крупнымъ шрифтомъ.

— Книгу: „Одинъ изъ богатырей XIX вѣка. Популярный очеркъ (съ картами). *А. Струсевича*. Посвящается юнымъ воинамъ XX-го вѣка. Островъ. 1899. Стр. 287. Цѣна 1 руб. 50 коп."—допустить въ ученическія, старшаго возраста, библіотеки мужскихъ среднихъ учебныхъ заведеній.

— Книгу: „Подвиги русскихъ адмираловъ Петра Михайлова, Спиридова, Ушакова, Сенявина, гр. Гейдена, Лазарева, Нахимова, Корнилова и ихъ сподвижниковъ. *М. А. Ляликой*. Съ 33 рисунками. С.-Пб. Изданіе А. Ф. Девріена. 1900. Стр. VII+305+II. Цѣна 2 руб. 25 коп."—одобрить для ученическихъ, средняго и старшаго возрастовъ, библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній министерства, а равно и для безплатныхъ читаленъ.

— Книгу: „Историческій очеркъ русской школы. Составилъ *В. В. Григорьевъ*. М. 1900. Стр. XII+587+1. Цѣна 2 руб."—одобрить для фундаментальныхъ и для ученическихъ, старшаго возраста, библіотекъ

среднихъ учебныхъ заведеній министерства, мужскихъ и женскихъ, для библіотекъ учительскихъ институтовъ и семинарій и для учительскихъ библіотекъ городскихъ училищъ.

— Книгу: „Lehrbuch der Algebra nebst einer Sammlung von Übungsaufgaben. Für Gymnasien und Realschulen bearbeitet von *A. Belikow* und *A. Nathing*, Lehrern der Mathematik an der Hauptschule zu St. Petri. Zweite Auflage. I. Teil. St. Petersburg. 1901. VII+166 S. Preis 1 Rbl." — одобрить въ качествѣ учебнаго руководства для тѣхъ среднихъ учебныхъ заведеній, гдѣ преподаваніе ведется на нѣмецкомъ языкѣ.

— Книги: 1) „Methodisch geordnete arithm. Aufgaben für das Kopf- und Tafelrechnen von *Richard Kalnin*, Lehrer an der St. Annen-Schule zu St. Petersburg. Erstes Heft. A. (Ergänzungsheft). (Kursus der [A] unteren Vorbereitungs-Klasse). Die vier Species im Zahlenraume von 1—100. Vierte unveränderte Auflage. Складъ изданія въ книжныхъ магазинахъ Н. П. Карбасникова. С.-Пб.—М.—Варшава. 1900. 47 S. Preis: Gebunden 40 Kop." — 2) То же. Erstes Heft B. (Kursus der B Klasse). Die vier Species im unbegrenzten Zahlenraume mit unbenannten und einfach benannten ganzen Zahlen. Vierte unveränderte Auflage. 1899. 48 S. Preis: Gebunden 40 Kop."—3) „То же. Zweites Heft. (Kursus der ersten Klasse). Die vier Species mit unbenannten und benannten ganzen Zahlen. Einführung in die Bruchrechnung. Vierte unveränderte Auflage. 1899. 61+I S. Preis gebunden 50 Kop."—4) То же. Drittes Heft. (Kursus der zweiten Klasse). Die vier Species in gewöhnlichen und Decimalbrüchen. Verhältnisse und Proportionen. Einfache und zusammengesetzte Regeldetri. Dritte vermehrte Auflage. 1896. 64 S. Preis: Gebunden 55 Kop."—5) „То же. Viertes Heft. (Kursus der dritten Klasse). Die bürgerlichen Rechnungsarten und Wiederholungsaufgaben über den ganzen arithmetischen Kursus Dritte verbesserte umgearbeitete Auflage. 1898. 73 S. Preis: Gebunden 65 Kop."—6) „Die wichtigsten arithmetischen Regeln nebst Musterbeispielen von *Richard Kalnin*, Lehrer an der St. Annen-Schule zu St. Petersburg. Складъ изданія въ книжныхъ магазинахъ Н. П. Карбасникова. С.-Пб.—М.—Варшава. 1896. 62+I S. Preis: Gebunden 75 Kop."—одобрить, какъ весьма полезныя учебныя пособія при прохожденіи ариѳметики въ тѣхъ учебныхъ заведеніяхъ, въ которыхъ преподаваніе ведется на нѣмецкомъ языкѣ.

— Книгу: „*А. В. Половцовъ*. Прогулка по русскому музею Императора Александра III въ С.-Петербургѣ. Съ 39-ю рисунками. М.

1900. Стр. IX+172+1. Цѣна 60 коп.“—одобрить для ученическихъ, средняго и старшаго возрастовъ, библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній министерства и городскихъ училищъ, для учительскихъ библіотекъ начальныхъ народныхъ училищъ и для безплатныхъ народныхъ читаленъ и библіотекъ.

— Книгу: „Изданіе О. Н. Поповой. Образовательная библіотека. Серія III, № 5. *Дж. Т. Лэддъ* (*Ladd*). Очеркъ элементарной психологіи. (Primer of psychology). Перев. съ англ. *Н. Спиридонова* подъ ред. *Б. А. Кистяковскаго*. С.-Пб. 1900. Стр. III + 162 + 2. Цѣна 80 коп.“—одобрить для ученическихъ, старшаго возраста, библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній министерства, съ тѣмъ, чтобы при слѣдующихъ изданіяхъ книга печаталась болѣе четкимъ шрифтомъ.

— Книгу: „Исторія среднихъ вѣковъ. (Курсъ систематическій). Примѣнительно къ послѣдней примѣрной программѣ, утвержденной г. министромъ народнаго просвѣщенія. Составилъ *К. А. Ивановъ*, преподаватель С.-Пб. Высшихъ женскихъ курсовъ. Пятой гимназіи и Патріотическаго института. Изданіе четвертое. С.-Пб. Изданіе „Петербургскаго Учебнаго Магазина“. 1901. Стр. VII+186+IV. Цѣна 80 коп.“—одобрить въ качествѣ учебнаго руководства для среднихъ учебныхъ заведеній министерства, мужскихъ и женскихъ.

— Книгу: „Русская исторія для мужскихъ среднихъ учебныхъ заведеній. Курсъ систематическій. Составилъ *П. Полевой*. 4-е исправленное изданіе. С.-Пб. Изданіе Д. Д. Полубояринова. 1900. Стр. 820. Цѣна 1 руб. 25 коп.“—одобрить въ качествѣ учебнаго руководства для старшихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній министерства.

— Книгу: „Война и приключенія оловянныхъ солдатиковъ. Изъ воспоминаній реалиста. Разсказъ. С.-Пб. Изданіе К. Ф. Попова. 1900. Стр. 48. Цѣна 20 коп.“ — допустить въ библіотеки приготовительнаго и перваго классовъ мужскихъ гимназій и реальныхъ училищъ.

— Книгу: „Библіотека „Дѣтскаго Чтенія“. Мирный завоеватель. Историческая повѣсть изъ жизни Іоганна Гуттенберга, изобрѣтателя книгопечатанія. 1420—1468 гг. *К. А. Соловьева-Несмѣлова*. Съ рисунками. Изданіе редакціи журнала „Дѣтское Чтеніе“. М. 1900. Стр. III+158. Цѣна 40 коп.“—допустить въ ученическія библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній.

— Книгу: „Дешевая библіотека № 318. Басни *Крылова*. Полное собраніе. Съ біографіей и примѣчаніями. (Два портрета, виды памятника, могилы Крылова и 15 рисунковъ). Изданіе пятое. С.-Пб. Изданіе А. С. Суворина. 1899. Стр. LX + II + 300 + I. Цѣна 15 коп.,

въ папкѣ 23 коп., въ переплетѣ 30 коп." — допустить въ ученическія библіотеки среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній министерства, а также и въ безплатныя народныя читальни.

— Книгу: „Дешевая библіотека. № 114. Фаустъ. Драматическая поэма *Вольфганга Гёте*. Часть I. Переводъ *Николая Холодковскаго*. Изданіе четвертое. С.-Пб. Изданіе А. С. Суворина. 1900. Стр. 250. Цѣна 25 коп., въ папкѣ 33 коп., въ перепл. 45 коп." — рекомендовать для ученическихъ, старшаго возраста, библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній министерства.

— Книгу: „Дешевая библіотека. №№ 311—313. *Викторъ Гюго*. Соборъ Парижской Богоматери (Notre-Dame de Paris). Изданіе второе. С.-Пб. Изданіе А. С. Суворина. Томъ первый. Стр. 238+II. — Томъ второй. Стр. 224+II.—Томъ третій. Стр. 213+I. Цѣна за 3 т. 60 коп., въ папкѣ 68 коп., въ перепл. 75 коп."—одобрить для ученическихъ, старшаго возраста, библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній министерства.

— Книгу: „Страданія молодого Вертера. Романъ *В. Гёте*. Переводъ съ нѣмецкаго *А. Р. Эйгеса* со статьей о „Вертерѣ". С.-Пб. Изданіе А. С. Суворина. 1893. (Новая библіотека Суворина). Стр. 202. Цѣна 60 коп."—одобрить для ученическихъ, старшаго возраста, библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній министерства.

— Книгу: „*Е. Фуксъ*. Анекдоты князя Италійскаго, графа Суворова Рымникскаго. Изданіе А. Радонежскаго. Прибыль отъ продажи поступитъ на памятникъ Суворову. С.-Пб. 1900. Стр. 3+XI+152. Цѣна 50 коп."—допустить какъ въ ученическія, средняго возраста, библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній министерства, такъ и въ безплатныя читальни.

— Книгу: „Избранныя произведенія нѣмецкихъ и французскихъ писателей для класснаго и домашняго чтенія. *Rudolf Baumbach*. Ausgewählte Erzählungen. *Рудольфъ Баумбахъ*. Избранные разсказы изъ „Sommermärchen", „Es war einmal" и „Erzählungen und Märchen". Текстъ съ введеніемъ, примѣчаніями, сборникомъ словъ и оборотовъ и алфавитнымъ словаремъ. Съ разрѣшенія автора для русскихъ учебныхъ заведеній обработалъ *К. Р. Берентъ*. Изданіе С. А. Манштейна. С.-Пб. 1901. Стр. 102+I (въ текстѣ) и 83 + 6 (въ приложеніяхъ). Цѣна съ приложеніями 50 коп."—рекомендовать какъ пособіе при преподаваніи нѣмецкаго языка во всѣхъ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ министерства народнаго просвѣщенія, какъ муж-

скихъ, такъ и женскихъ, а также для ученическихъ библіотекъ средняго и старшаго возраста тѣхъ же учебныхъ заведеній.

X. ОПРЕДѢЛЕНІЯ ОСОБАГО ОТДѢЛА УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

Опредѣленіями особаго отдѣла ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, утвержденными г. товарищемъ министра, постановлено:

— Книжку: „Для народа. Разсказы *И. Н. Захарьина (Якунина)*. Изданіе П. П. Сойкина. С.-Пб., 1897. Стр. 77+1. Цѣна 20 коп."— допустить въ безплатныя народныя читальни и библіотеки.

— Книгу: „Сборникъ, заключающій въ себѣ годичный кругъ поученій, примѣнительныхъ къ быту и пониманію простого народа. Составилъ священникъ *А. А. Тресвятскій*. Самара. 1900. Стр. XII+512. Цѣна 1 р. 50 коп."—допустить въ учительскія библіотеки низшихъ училищъ и въ безплатныя народныя читальни и библіотеки.

— Фабрикуемые *Д. А. Митропольскимъ* въ селѣ Бологомъ (по Николаевской жел. дор.): 1) Митрофонъ № 3, Альтъ (цѣна 15 р.) и 2) Подвижныя ноты (цѣна листу, пенаклеенному на щитъ, со всѣми металлическими принадлежностями, 2 рубля, съ перес. 2 р. 50 к.)— допустить къ употребленію, наравнѣ со скрипкой, во всѣ тѣ низшія учебныя заведенія вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія, гдѣ дѣти, между прочимъ, обучаются и пѣнію.

— Брошюры: 1) „Гигіена глаза. Публичная лекція врача *А. Тельнихина*. Изданіе журнала „Помощь самообразованію". Саратовъ 1891. Стр. 19. Цѣна 30 коп."—2) „О томъ, какъ надо жить, чтобы быть здоровымъ. Бесѣды о воздухѣ, жилищѣ, одеждѣ, пищѣ, питьѣ, работѣ, отдыхѣ и прочемъ. Врача *В. В. Рахманова*. Съ рисунками. № 390. М. 1900. Стр. 131. Цѣна 35 коп."—допустить въ учительскія библіотеки низшихъ учебныхъ заведеній.

— Брошюру: „Бесѣды о скарлатинѣ и дифтеритѣ. 2-е изданіе, исправленное и дополненное. Составленное врачемъ *П. Н. Соколовымъ*, Изданіе Саратовскаго Губернскаго Земства. Саратовъ. 1900. Стр. 18. Цѣна 5 коп."—одобрить для ученическихъ библіотекъ низшихъ училищъ, безплатныхъ народныхъ читаленъ и библіотекъ и для чтеній въ народныхъ аудиторіяхъ.

— Книги: 1) „Краткій курсъ естественной исторіи. Составилъ

согласно съ утвержденной Г. Министромъ Народнаго Просвѣщенія учебною програмой для городскихъ училищъ *М. Варавва*. Курсъ 1-го и 2-го года. Со многими политипажами въ текстѣ. Изд. 10-е, исправленное и дополненное. М. 1899. Стр. V+328. Цѣна 1 р. 50 к."— 2) „Краткій курсъ естественной исторіи. Составилъ согласно съ утвержденной Г. Министромъ Народнаго Просвѣщенія учебною программою для городскихъ училищъ *М. Варавва*. Описаніе человѣческаго тѣла съ гигіеническими указаніями, общій обзоръ животнаго, растительнаго и минеральнаго царствъ и краткія свѣдѣнія изъ анатоміи и физіологіи растеній. Курсъ 3-го года. Съ 154 политипажами въ текстѣ. Изд. 6-е, исправленное. М. 1898. Стр. VII+184. Цѣна 1 р." — 3) „Руководство естественной исторіи для городскихъ училищъ, съ вопросами и задачами. Составилъ *М. Варавва*. Ботаника. Годъ 1-й. Со многими рисунками въ текстѣ. Изд. 3-е, исправленное и дополненное. М. 1894. Стр. IV+56. Цѣна 50 к." — 4) „Руководство естественной исторіи для городскихъ училищъ съ вопросами и задачами. Составилъ *М. Варавва*. Ботаника. Годъ 2-й и 3-й. Со многими политипажами въ текстѣ, съ приложеніемъ задачъ по ботаникѣ и двухъ таблицъ для опредѣленія растеній. Изд. 6-е. М. 1898. Стр. VIII+184. Цѣна 90 коп." — 5) „Руководство естественной исторіи для городскихъ училищъ, съ вопросами и задачами. Составилъ *М. Варавва*. Зоологія. Годъ 1-й. Со многими рисунками въ текстѣ. Изд. 5-е, исправленное и дополненное. М. 1894. Стр. II+184+1. Цѣна 80 к."—6) „Руководство естественной исторіи для городскихъ училищъ, съ вопросами и задачами. Составилъ *М. Варавва*. Зоологія. Годъ 2-й и 3-й. Со многими рисунками въ текстѣ. Изд. 3-е, измѣненное. М. 1893. Стр. IV+236. Цѣна 1 р."— первыя двѣ одобрить, а прочія четыре допустить, въ качествѣ учебныхъ руководствъ, къ употребленію въ городскихъ, по положенію 31-го мая 1872 г. училищахъ, а равно въ учительскія библіотеки начальныхъ народныхъ училищъ и въ безплатныя народныя читальни и библіотеки.

— Книги: 1) „*Д. Г. Булгаковскій*. На помощь. Сборникъ статей о вредномъ вліяніи спиртныхъ напитковъ на здоровье, матеріальное благосостояніе и нравственность. Для народа. С.-Пб. 1901. Стр. 207. Цѣна 40 к." — 2) „*Д. Г. Булгаковскій*. Новая русская хрестоматія, съ подборомъ статей о вредномъ вліяніи спиртныхъ напитковъ на здоровье, матеріальное благосостояніе и нравственность. Для школъ въ борьбѣ съ народнымъ пьянствомъ. С.-Пб. 1901. Стр. 165. Цѣна 30 к."—допустить первую въ безплатныя народныя читальни и би-

бліотеки, вторую—въ ученическія библіотеки низшихъ училищъ, въ безплатныя народныя читальни и библіотеки и для чтеній въ народныхъ аудиторіяхъ.

— Брошюру: „*Д. Г. Булгаковскій*. Съ хмелемъ спознаться — съ честью разстаться. Народное чтеніе съ свѣтовыми картинами. С.-Пб. 1901. Стр. 24. Цѣна 15 к."—включить въ каталогъ книгъ, разрѣшенныхъ для публичныхъ народныхъ чтеній.

— Брошюру: „Генералиссимусъ Александръ Васильевичъ Суворовъ-Рымникскій, князь Италійскій. Къ столѣтней годовщинѣ со дня его кончины. (1800 — 6 мая — 1900 гг.). Составилъ *Иванъ Студитскій*. Кострома. 1900. Стр. 22. Цѣна не обозначена"—допустить въ ученическія библіотеки начальныхъ народныхъ училищъ.

— Брошюры, составленныя агрономомъ *К. Дмитріевымъ* и изданныя Обществомъ распространенія полезныхъ книгъ, подъ общимъ заглавіемъ: „Бесѣды по сельскому хозяйству": 1) „Крестьянскій домашній огородъ. М. 1900. Стр. 31. Цѣна 5 к."—2) „Огородничество какъ доходная статья въ хозяйствѣ. Общія правила воздѣлыванія огородныхъ овощей. М. 1900. Стр. 48. Цѣна 8 к."—3) „Огородничество какъ доходная статья въ хозяйствѣ. Дыни, спаржа, артишокъ, горохъ. М. 1900. Стр. 31. Цѣна 5 коп."—4) „Огородничество какъ доходная статья въ хозяйствѣ. Картофель, огурцы, тыква и арбузы. М. 1900. Стр. 31. Цѣна 5 к."—5) „Огородничество какъ доходная статья въ хозяйствѣ. Свекла, рѣпа, брюква, морковь, сельдерей, петрушка, рѣдька, радисъ, хрѣнъ, цикорій, лукъ, лукъ-порей, чеснокъ. М. 1900. Стр. 32. Цѣна 5 к."—6) „Огородничество какъ доходная статья въ хозяйствѣ. Фасоль, бобы, томаты (амурное яблоко) и садовая земляника. М. 1900. Стр. 30. Ц. 5 к."—7) „Сѣнокосныя угодья и выгоны. Какъ улучшить ихъ качества и увеличить количество кормовыхъ средствъ въ хозяйствѣ. М. 1899. Стр. 46. Цѣна 5 коп." — 8) „Мое четырехполье. Озимые посѣвы. М. 1899. Стр. 32. Цѣна 5 к."—допустить въ учительскія библіотеки низшихъ училищъ и въ безплатныя народныя читальни и библіотеки.

— Книгу: „*В. Правдинъ*. Учебникъ географіи для начальныхъ училищъ Рижскаго учебнаго округа. Составленъ примѣнительно къ Примѣрнымъ программамъ этихъ училищъ, изданнымъ въ 1899 году. Изданіе Ф. И. Трескиной. Рига. 1901. Стр. 74. Цѣна 25 к." — допустить къ классному употребленію въ начальныхъ народныхъ училищахъ Рижскаго учебнаго округа.

— Изданіе: „Русское Чтеніе. Общедоступная газета съ рисун-

ками и картинками. Выходитъ 2 раза въ недѣлю, по средамъ и субботамъ. Цѣна за годъ 2 р. 50 коп. Издатели: С. Н. Колачевскій и Д. Н. Дубенскій. Редакторъ *Дм. Дубенскій.*" — разрѣшить къ выпискѣ, при настоящей его редакціи, учительскими библіотеками всѣхъ низшихъ учебныхъ заведеній и сельскихъ школъ вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія.

— Изданіе: „Сельско-хозяйственный альбомъ. Вредныя насѣкомыя. Составилъ *К. Ѳ. Линдеманъ.* (Текстъ). С.-Пб. 1895. Стр. 15. Альбомъ: 8 раскраш. таблицъ. Цѣна обоимъ вмѣстѣ 3 р. (Приложеніе къ журналу „Хозяинъ" за 1895 г.)"—допустить въ учительскія библіотеки всѣхъ низшихъ училищъ и въ безплатныя народныя читальни и библіотеки.

— Брошюру: „*Ѳедоръ Самаринъ.* Пособіе къ чтенію шестопсалмія. М. 1899. Стр. 62. Цѣна 30 к." — допустить въ учительскія библіотеки низшихъ училищъ и въ безплатныя народныя читальни и библіотеки.

— Книгу: „Книга для первоначальнаго чтенія въ народныхъ школахъ. Часть I. Съ 40 рисунками и 3 геогр. картами. Изданіе 20-е, безъ перемѣнъ. Составилъ *В. Водовозовъ.* С.-Пб. 1896. Стр. VIII+288. Цѣна 45 коп." — допустить къ классному употребленію въ начальныхъ народныхъ училищахъ вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія.

— Изданія: 1) „Картины Родины. Европейская Россія. Составилъ Дѣйствительный Членъ Императорскаго Русскаго Географическаго Общества *Дм. Дубенскій.* С.-Пб. 1900. 1 листъ 126 × 90 сантим."—2) „Поясненія къ „Картинамъ Родины". Европейская Россія. Приложеніе къ художественной картинѣ того же названія, исполненной худ. Н. Фокинымъ. С.-Пб. 1900. Стр. 25. Цѣна „Картинамъ Родины" съ приложеніемъ 3 р. 50 к., безъ пересылки." — одобрить для вывѣшиванія въ классахъ низшихъ учебныхъ заведеній въ качествѣ полезнаго нагляднаго пособія при прохожденіи учениками начальной школы курса родиновѣдѣнія.

— Брошюры изданія редакціи журнала „Досугъ и Дѣло": 1) „Царь и казакъ. *В. Желиховской.* С.-Пб. 1886. Стр. 36. Цѣна 10 к." — 2) „Въ плѣну. *С. К. Аникинъ.* С.-Пб. 1890. Стр. 44. Цѣна 10 коп."— 3) „Лапотникъ и бархатникъ. (Изъ воспоминаній стараго солдата). Разсказъ *Н. И. Соловьева,* С.-Пб. 1885. Стр. 20. Цѣна 10 к." — допустить въ безплатныя народныя читальни и библіотеки и для чтеній въ народныхъ аудиторіяхъ.

— Книжки изданія М. В. Клюкина: 1) „*Ив. Ив. Козловъ*. Три поэмы. Чернецъ. Н. Б. Долгорукая. Безумная. М. 1900. Стр. 80. Цѣна 15 к."—2) „Пѣсни и думы кобзаря. *Т. Г. Шевченко*. Въ пер. *И. А. Бѣлоусова*. М. 1900. Стр. 43. Цѣна 20 к." — допустить въ ученическія библіотеки низшихъ учебныхъ заведеній и въ безплатныя народныя читальни и библіотеки.

— Книги изданія Т—ва И. Д. Сытина: 1) „Дочь волны. Повѣсть изъ быта исландскихъ рыбаковъ. М. 1897. Стр. 159. Цѣна 30 к." — 2) „Слѣпой братъ. Повѣсть *Грэнъ*. Переводъ съ англійскаго. *М. Кр...* М. 1896. Стр. 117. Цѣна 50 к." — допустить въ ученическія библіотеки низшихъ училищъ и въ безплатныя народныя читальни и библіотеки.

— Книгу: „Заупокойное Богослуженіе. Объясненіе обрядовъ, предшествующихъ погребенію, чина погребенія и обрядовъ, послѣдующихъ за погребеніемъ. Составилъ *Георгій Орловъ*. Изданіе А. Д. Ступина. М. 1900. Стр. 116. Цѣна 40 к." — допустить въ ученическія библіотеки низшихъ училищъ и въ безплатныя народныя читальни и библіотеки.

— Журналъ: „Воскресеніе. Иллюстрированный журналъ. Выходитъ еженедѣльно. Цѣль журнала дать учащимся дѣтямъ, нижнимъ чинамъ войскъ и народу полезное и интересное чтеніе. XV годъ. С.-Пб. 1900. За редактора-издателя *В. Саговскій*." — разрѣшить къ выпискѣ, при настоящей его редакціи, въ ученическія библіотеки низшихъ учебныхъ заведеній.

— Журналъ: „Народное Здравіе, подъ редакціей: профессоровъ *Н. И. Быстрова*, *В. П. Доброклонскаго*, *С. І. Залѣсскаго*, *А. К. Лимберга*, *Е. В. Павлова*, *А. В. Пеля*, *А. Г. Полотебнова*, *В. В. Строганова*, *Н. И. Тихоміpова* и *В. Ф. Чижа*. Выходитъ по четвергамъ, въ объемѣ двухъ листовъ (32 столбца) журнальнаго формата. Въ годъ 52 № журнала и 24 книжки „Библіотеки Народнаго Здравія". Цѣна съ перес. и дост. въ годъ 4 руб." — разрѣшить къ выпискѣ, при настоящей его редакціи, въ учительскія библіотеки низшихъ учебныхъ заведеній.

— „Еженедѣльный литературно-художественный журналъ «Сѣверъ». За редактора издатель *Н. Ѳ. Мертцъ*. Безъ доставки въ С.-Пб. Цѣна 6 руб. Съ пересылкою во всѣ мѣстности Россіи 7 р."— изъять изъ числа періодическихъ изданій, допущенныхъ въ учительскія библіотеки низшихъ училищъ и въ безплатныя народныя читальни и библіотеки.

ОТКРЫТІЕ УЧИЛИЩЪ.

— Въ минувшемъ 1900 году преобразованы въ двухклассныя слѣдующія одноклассныя училища министерства народнаго просвѣщенія: Бисертское, при 135 учащихся, Верхне-Сергинское, при 204 учащихся, Иргинское, при 104, Уткинское, при 175 и Шайтанское, при 114 учащихся [означенныя училища преобразованы 1-го сентября 1900 года] и въ Камышловскомъ уѣздѣ: 10-го сентября—Катайское, при 130 учащихся и 16-го того же мѣсяца—Талицкое, при 106 учащихся.

— 12-го февраля 1901 года состоялось открытіе Кабановскаго одноклассинаго народнаго училища Радомысльскаго уѣзда, Кіевской губерніи, при 20 учащихся.

— 20-го февраля 1901 года открыто въ с. Сидоровичахъ, Радомысльскаго уѣзда, Кіевской губерніи, одноклассное начальное училище, при 49 учащихся.

ПОВѢСТЬ О КОРОЛЕВИЧѢ ВАЛТАСАРѢ И БЫЛИНЫ О САМСОНѢ-СВЯТОГОРѢ.

По наблюденію Вс. Ѳ. Миллера содержаніе велико-русскихъ былинъ даетъ основаніе для раздѣленія нашихъ эпическихъ пѣсенъ на два отдѣла. Къ одному изъ этихъ отдѣловъ относятся „былины *богатырскаго* характера, въ которыхъ изображаются подвиги богатырей, ихъ битвы съ татарами и разными чудищами — змѣемъ Горынычемъ, Тугариномъ, Идолищемъ" и т. п. Другой отдѣлъ составляютъ „былины не воинскаго характера, напоминающія иногда новеллы, иногда фабліо,—такія, которыхъ сюжетомъ служатъ событія городской жизни, напримѣръ, случаи непомѣрной роскоши и богатства, распри городскихъ фамилій, любовныя приключенія, похищенія невѣстъ и т. п." [1]). Большая часть былинъ второго отдѣла, по мнѣнію проф. Миллера,—новгородскаго происхожденія. Такова, напримѣръ, былина о Чурилѣ. „Типъ Чурилы-богача-красавца, опаснаго для мужей, не исключая и князя Владиміра, продуктъ культуры богатаго города, въ которомъ развитіе промышленности и торговли отразилось на нравахъ его обитателей въ пышности бытовой обстановки, разнузданности и насильничаніи молодыхъ людей и распущенности женщинъ" [2]). Большой городъ, на который намекаетъ былина о Чурилѣ,—Великій Новгородъ. На Новгородъ же указываетъ и содержаніе былины о Хотѣнѣ Блудовичѣ. „Сюжетъ ея представляетъ мало чудеснаго и сказочнаго... Пѣсня разсказываетъ о ссорѣ двухъ городскихъ фамилій, начавшейся на пиру и кончившейся дракой, убійствомъ и свадьбой. Все это несложное событіе разсказано съ такими реальными жизненными чер-

[1]) Очерки русской народной словесности, стр. 30.
[2]) Ibid. 198.

тами, хотя кое-гдѣ и пріукрашенными фантазіей, что намъ представляется вѣроятной „историческая“ основа былины. Думаемъ, что нѣчто близкое къ содержанію былины дѣйствительно произошло въ Новгородѣ: одинъ изъ такихъ городскихъ скандаловъ, въ которомъ фигурировали представители выдающихся фамилій, почему-либо надѣлалъ много шума и въ свое время былъ разсказанъ пѣснью. Матеріалъ для пѣсни былъ данъ самымъ событіемъ, характеръ же ея опредѣлялся вкусами слагателя и городской публики, падкой до скандаловъ“ [1]).

Съ замѣчаніемъ проф. Миллера о разнородномъ составѣ былинъ нельзя не согласиться, но соображенія уважаемаго изслѣдователя о новгородскомъ происхожденіи всѣхъ былинъ, „напоминающихъ новеллы или фабліо“, вызываютъ нѣкоторыя сомнѣнія. „Весьма сомнительными во многихъ случаяхъ,—замѣчаетъ проф. Архангельскій,—кажутся намъ выводы изслѣдователя о принадлежности того или другого былиннаго типа именно Новгороду, о происхожденіи тѣхъ или другихъ дошедшихъ до насъ былинъ изъ новгородской культурной области, а не какой-либо другой, напримѣръ, кіевской или позднѣйшей московской“ [2]). Основаніе для такихъ сомнѣній даетъ самъ же авторъ „Очерковъ русской народной словесности“. Останавливаясь на вопросѣ о слагателяхъ и исполнителяхъ русскаго эпоса, В. Ѳ. Миллеръ указываетъ на слѣды вліянія старо-русскихъ скомороховъ на извѣстную теперь редакцію нашихъ былевыхъ пѣсенъ: „думается мнѣ,—замѣчаетъ почтенный изслѣдователь,—что анализъ (былевыхъ сюжетовъ) долженъ привести къ заключенію, что среди былинъ нашихъ найдется не мало такихъ, которыя носятъ яркіе признаки скоморошьей обработки. Таковы, напримѣръ, былины о гостѣ Терентьищѣ и Ставрѣ Годиновичѣ“ [3]). Такова же и былина о Чурилѣ: „въ былинахъ о Чурилѣ отражаются легкія понятія о нравственности какихъ-нибудь скомороховъ, которые любили обработывать пикантные сюжеты, не стѣсняясь нравственными требованіями, лишь бы позабавить публику“ [4]).

Вліяніе скоморошьей среды на нашъ былевой эпосъ можетъ быть подтверждено вѣскими доводами. Но если это вѣрно, если дѣйстви-

---

[1]) Ibid. 232.

[2]) Извѣстія отдѣл. русск. языка и словесности Академіи Наукъ, 1898, т. III, кн. 3, стр. 909 (въ ст. объ „Очеркахъ“ Вс. Ѳ. Миллера).

[3]) Очерки... стр. 63.

[4]) Ibid. стр. 200.

тельно сюжеты и обработка былинъ, напоминающихъ новеллы или фабліо, указываютъ на литературную работу „веселыхъ людей", то нѣтъ достаточныхъ основаній объяснять особенности этихъ былинъ отраженіемъ въ нихъ именно новгородскаго быта. Скоморошество—явленіе общерусское. Царь Иванъ Васильевичъ въ вопросахъ, предложенныхъ Стоглавому собору, указывалъ на то, что „по дальнимъ странамъ ходятъ скоморохи, совокупяся ватагами многими, по шестьдесятъ и по семьдесятъ и до ста человѣкъ". Но если скоморохи появлялись даже въ „дальнихъ странахъ", если они встрѣчались по глухимъ окраинамъ, то въ центрѣ Московской Руси они бывали постоянно. Чтобы не ходить далеко за доказательствами, укажемъ на свидѣтельства московскаго писателя начала XVI вѣка—митрополита Даніила. „Ты вся въ бѣсовскую славу твориши,—обличаетъ Даніилъ современнаго ему москвича,—позорища, играніа, плясаніа събираеши и къ симъ паче течеши, неже къ божественнымъ церквамъ, и не точію се, но и в домъ свой, къ женѣ и къ дѣтемъ, приводиши скомрахи, плясцы, сквернословцы, погубляя себе и дѣти, и жену и вся сущая въ дому паче потопа онаго" [1]).

По вѣрному замѣчанію проф. Архангельскаго, поученія митрополита Даніила даютъ намъ яркія картины развитія городской роскоши въ Москвѣ [2]). Въ этихъ картинахъ можно найти цѣлый рядъ аналогій съ тѣми былинными описаніями и разсказами, въ которыхъ предполагается отраженіе новгородскаго быта. Найдемъ у Даніила портретъ щеголя и волокиты, напоминающій Чурилу Пленковича, найдемъ описанія роскоши и веселаго житья, найдемъ и указанія на распущенность нравовъ [3]). Было бы, конечно, ошибкой думать, что обличенія митрополита Даніила могли быть примѣнены только къ москвичамъ XVI вѣка. Нѣтъ сомнѣнія, что матеріалъ для такихъ обличеній могла дать какъ Москва, такъ и другіе болѣе древніе русскіе города, не исключая, конечно, и Великаго Новгорода. То же нужно сказать и о былинныхъ описаніяхъ и разсказахъ, сходныхъ съ обличеніями проповѣдниковъ. Поэтому представляется не безопаснымъ, *при неимѣніи какихъ-либо иныхъ указаній*, объяснять эти подробности былинъ отраженіемъ быта того или другого города, той или другой русской области.

[1]) *Жмакинъ*, Митр. Даніилъ и его сочиненія, прилож. стр. 21.
[2]) Op. cit. стр. 918.
[3]) *Жмакинъ*, стр. 19—20, 27, 36.

Обличая современниковъ, которые заводили у себя „игранія и плясанія“, которые приглашали къ себѣ скомороховъ, митрополитъ Даніилъ говоритъ: „всему же злу ты бываеши ходатай. Ей, не азъ. рече, но они плясци и глумотворци. Како глаголеши: они? Все твое есть: аще бы ты не хотѣлъ, ни они бы глумотворили и плясали“ [1]). Проповѣдникъ былъ правъ. Конечно, если скоморошьи пѣсни, игры и пляски имѣли успѣхъ, то это объясняется только тѣмъ, что репертуаръ скоморошьихъ увеселеній отвѣчалъ художественно-литературнымъ вкусамъ современнаго имъ общества. Потѣхи и шутки „веселыхъ людей“ повторялись и внѣ скоморошьей среды. „Ты непрестанно всѣ человѣки съблажняеши, говорилъ митрополитъ Даніилъ. обращаясь къ представителю московскаго общества, якоже самый той сатана, *баснословиши, притчи смѣхотворныя приводиши,* грохощеши, смѣешися, всякую кознь, всякаа ухитренія твориши смѣхотворнаа, да человѣкомъ бѣсовскаа оученія приносиши“ [2]). Въ этой тирадѣ обращаетъ особенное вниманіе упоминаніе о „смѣхотворныхъ притчахъ“ и баснословіи. указывающее на запасъ какихъ-то веселыхъ и занимательныхъ разсказовъ, обращавшихся въ старо-русскомъ обществѣ. Даніилъ говоритъ только объ устной передачѣ смѣхотворныхъ притчъ, о баснословіи среди бесѣды. Но и письменность наша не отказывалась въ этомъ случаѣ идти объ руку съ устной словесностью. Работы книжныхъ людей увеличивали постепенно объемъ той повѣствовательной литературы, которая нравилась любителямъ баснословія и смѣхотворныхъ притчъ.

Въ дальнѣйшемъ изложеніи мы познакомимся съ однимъ изъ образцовъ той новеллистики, которая извѣстна была старо-русскимъ читателямъ, а именно съ „повѣстью о королевичѣ Валтасарѣ“. Повѣсть эта интересна особенно по нѣкоторой близости ея къ произведеніямъ нашего народнаго творчества. Одинъ изъ эпизодовъ повѣсти сходенъ съ былиннымъ разсказомъ о женѣ Святогора. Все содержаніе повторяется въ одной изъ русскихъ народныхъ сказокъ. Такая связь „Валтасара“ съ памятниками русской народной литературы придаетъ переводной повѣсти нѣкоторое историческое значеніе. Считаю поэтому не излишнимъ сообщить свѣдѣнія объ этой повѣсти, остановиться на вопросѣ объ ея составѣ и литературныхъ отношеніяхъ.

---

[1]) Ibid. 21.
[2]) Ibid. 19.

I.

Donne, e voi che le donne avete in pregio,
Per Dio, non date a questa istoria orecchia....
Ariosto (Or. f. XXVIII).

Въ исторіи старо-русской письменности имя Валтасара, какъ героя какой-то новеллы, извѣстно давно. Оно указано впервые въ извѣстномъ трудѣ А. Н. Пыпина: „Очеркъ литературной исторіи старинныхъ повѣстей и сказокъ русскихъ" (1858). Авторъ „Очерка" нашелъ это имя въ заглавіи какой-то повѣсти, написанномъ въ рукописномъ сборникѣ XVIII вѣка, принадлежащемъ г. Забѣлину. „Кажется, замѣчаетъ почтенный академикъ, существовалъ какой-то романъ или исторія „*о Валтасарѣ, королѣ Табурецкомъ*", имя которой написано два раза въ сборникѣ Забѣлина № 67; списки ея намъ не попадались" [1]).

Списка повѣсти, вполнѣ отвѣчающаго заглавію рукописи Забѣлина, не было отмѣчено и позднѣйшими изслѣдователями, но повѣсть съ похожимъ заглавіемъ извѣстна. Я имѣю при этомъ въ виду „Повѣсть о Валтасарѣ кралевичѣ, како služи нѣкоему царю", отмѣченную покойнымъ А. Е. Викторовымъ [2]) въ описаніи рукописей Пискарева.

Повѣсть о Валтасарѣ, сохраненная рукописью Пискарева,—переводная, занесенная съ запада; въ повѣсти упоминаются крали, кралевичи, рыцари, жена Валтасара носитъ имя: Флорента прекрасная и пр. Но при несомнѣнности перевода въ языкѣ нашей повѣсти нѣтъ, однако, тѣхъ грубыхъ варваризмовъ, которые пестрятъ обыкновенно изложеніе переводныхъ повѣстей стараго времени. Въ „Валтасарѣ" замѣтны напротивъ ясные слѣды русской обработки. При разсказѣ о женскихъ измѣнахъ приводится отрывокъ изъ поученія о злыхъ женахъ въ томъ видѣ, какъ оно было извѣстно по славянскимъ спискамъ: „О злое, острое дияволе оружие, о зло всего злее—злая жена! По истиннѣ (рече) Иоаннъ своими златыми усты: лутче железо варити, нежели злую жену учити; паки рече: лутче жити в земли пустѣ, нежели жити з женою злоязычною и пронырливою" [3]). Царь

---

[1]) Ученыя записки втораго отдѣленія Академіи Наукъ, кн. IV (1858), стр. 289.

[2]) Каталогъ слав.-русскихъ рукописей Пискарева, стр. 44, № 172.

[3]) Ср. Историч. чтенія о языкѣ и словесности 1855 года, стр. 172, 177, 182, 186 (въ ст. М. Ив. Сухомлинова: „О псевдонимахъ въ древней Русской Словес-

недовольный своимъ сосѣдомъ, угрожаетъ нападеніемъ и высказываетъ эту угрозу въ такихъ выраженіяхъ: „аще, царю, того... кралевича в наше государство не отпустишь, и мы изволяемъ твою *землю всю подъ мечь подклонити* и твое величество жива полонити". Казнь измѣнницы изображается съ подробностями, напоминающими наши сказки: измѣнницу и ея любовника приказано *повѣсить на воротахъ* и разстрѣлять, а тѣла ихъ бросить „псомъ на ѣденіе". Странствованія Валтасара и его спутника описаны въ такихъ выраженіяхъ: „и поидоша по далнымъ странамъ и по пустымъ мѣстамъ". На пути они встрѣчаютъ „нѣкоего рыцаря, сирѣчь *богатыря*". Описывается шатеръ этого богатыря: „паидоши на лугу... шатеръ велми прекрасенъ: маковица у того шатра красна и золота и велми той шатеръ ухищренъ всякими ухищрении". Подобныя описанія шатровъ часто встрѣчаются, какъ извѣстно, и въ пѣсняхъ, и въ сказкахъ [1]). Всѣ эти примѣры указываютъ на нѣкоторое сближеніе переводной повѣсти съ памятниками старо-русской письменности и народной словесности. Сближеніе это обнаруживается, правда, въ мелкихъ подробностяхъ, въ отдѣльныхъ выраженіяхъ, но оно не лишено значенія. Текстъ повѣсти, сохранившій слѣды русской обработки, заставляетъ предполагать другой, болѣе древній текстъ, — текстъ, представлявшій не передѣлку, а болѣе или менѣе близкій переводъ оригинала. Нужно конечно допустить, что нѣкоторый, вѣроятно не малый, промежутокъ времени отдѣлялъ одинъ текстъ отъ другого, а это соображеніе даетъ основаніе утверждать, что первоначальный переводъ повѣсти о Валтасарѣ появился, конечно, значительно раньше того времени, къ которому относится списокъ повѣсти, сохранившійся въ рукописи Пискарева.

ности"); Слово Даніила Заточника съ предисл. и примѣч. И. А. Шляпкина. (Памятники древней письменности, № LXXXI), стр. 26, 50, 77—78.

[1]) Напримѣръ, въ былинѣ о Ставрѣ: „И какъ будетъ грозенъ посолъ младъ Василій Ивановичъ близко столнова града Киева, въ тѣхъ лугахъ государевыхъ, и тутъ велѣлъ бѣлы шатры бѣло белчетыя разставити, а посолской шатеръ не мешается съ тѣми: маковка у шатра золотая, золота аравитскаго" (Русскія былины старой и новой записи подъ ред. Тихонравова и Миллера, стр. 56). Въ былинѣ объ Ильѣ Муромцѣ и Калинѣ царѣ:

А увидѣлъ: въ поли стоятъ бѣлы шатры,
А вѣдь бѣлыя шатры полотняныя,
А вѣдь маковки были золоченыя,

(*Гильфердингъ*, Онежскія былины, 1296).

Тема повѣсти о Валтасарѣ—„женская лукавая любовь“, женскія хитрости и обманы, жертвами которыхъ бываютъ довѣрчивые любовники и мужья. Старинные новеллисты, касавшіеся этой темы, не останавливались, какъ извѣстно, передъ передачей интимныхъ подробностей любовныхъ отношеній. Не задумывался надъ сообщеніемъ нескромныхъ подробностей и авторъ „Валтасара“. Пряныя приправы приходились, какъ видно, по вкусу читателей стараго времени. „Валтасаръ“ могъ нравиться этимъ читателямъ, какъ нравились имъ и многія другія новеллы эротическаго содержанія.

Начало повѣсти застаетъ королевича Валтасара на службѣ нѣкоего царя. „Бысть в некоеі странѣ градъ великъ и славенъ зѣло, и в томъ градѣ былъ царь велми богатъ и славенъ зѣло, и много земель богатыхъ имелъ у себя в покореніі. И бѣ служа ему некоего краля сынъ, именемъ Валтасаръ, и собою вельми пърекрасенъ и разуменъ, что в державѣ его таковаго лѣпотою не обретеся. И любяше его царь велъми за красоту лица его и за умную речь, и учинилъ его предъ собою стоять и бѣ отъ всехъ чтимъ“. Царь женилъ своего любимца на дочери одного изъ вельможъ, прекрасной Флорентѣ. Бракъ былъ счастливый: „кралевичь нача жити съ сожителницею своею велми любезно, что и людемъ житию ихъ позавидети“. Прибылъ разъ ко двору того царя, у котораго жилъ Валтасаръ, посолъ „изъ некоего славнаго далнаго царства“. Увидѣвъ королевича, посолъ былъ пораженъ его красотой „и рекъ в себѣ: подобенъ сей кралевичъ царю нашему красотою лица своего, и нача во умѣ своемъ держати, чтобъ по возвращеніі в царство свое про красоту того кралевича царю своему возвѣстити“. Посолъ исполнилъ то, что задумалъ: сказалъ своему царю о Валтасарѣ, объ его красотѣ. „Слышавъ же се царь, и повелѣ к царю тому готову быти нѣкоему велможе своему посланому. По указу же цареву написаша к тому царю о кралевиче листы по царскому уставу“. Царь требовалъ прислать къ нему Валтасара. Требованіе сопровождалось приведенной выше угрозой: „аще... кралевича в наше государство не отпустишъ, и мы изволяемъ твою землю всю подъ мечь подкланити и самого тя в тотъ чинъ предъ нашимъ величествомъ учинити. Аще ли же наше повелѣние сотвориши, то вѣчный миръ с нами восприімеши“. Принявъ посла и взявъ отъ него письмо, царь, у котораго жилъ Валтасаръ, „повелѣ вычесть предъ собою, и услыша писанное о кралевиче, рече послу тому со гнѣвомъ: иди ты к царю своему тощъ и скажи ему, чтобъ онъ не труждался всуе и не мыслилъ, что кралевичю быть у

него в царствѣ, и не даде ему кралевича. Посолъ же тотъ отъиде отъ царства вотще". Когда посолъ удалился, думцы царскіе стали ему говорить, что „ради единаго человѣка" онъ хочетъ „все царство свое погубити": тотъ царь, отъ котораго приходилъ посолъ, — говорили думцы, — „сильнѣе и богатѣе твоего царства и можетъ сотворити противъ послания своего". Царь не могъ не согласиться съ доводами думцевъ. Скрѣпя сердце, онъ рѣшился разстаться съ своимъ любимцемъ. Сильно горевалъ Валтасаръ, узнавъ о царскомъ рѣшеніи: онъ долженъ былъ отправиться одинъ, долженъ былъ разстаться съ „прекрасною сожительницею своею". Передъ отъѣздомъ мужа Флорента указала ему „хартию, и чернилы, и разные вапы и даде ему трость в руцѣ его". Она хотѣла, чтобы мужъ оставилъ ей свой портретъ. „Язъ, говорила она, поставлю его в ложницѣ своей в честнѣмъ мѣстѣ и стану на него зрѣти и тебе, сожителника своего драгаго, поминати; вспаметовавши твою премногую ко мнѣ любовь, начну горко плакати и отъ горести сердца своего сей твой начертанный образъ начну любезно лобзати". Королевичъ исполнилъ желаніе жены. Когда портретъ былъ оконченъ, онъ простился съ Флорентой и пустился въ путь вмѣстѣ съ купцомъ, который отправлялся „в то царство для торговли с товары".

Дорогой Валтасаръ сильно скучалъ. Купецъ „яко благоразсмотрителенъ" предложилъ королевичу вернуться вмѣстѣ домой и посмотрѣть, что дѣлаютъ безъ нихъ ихъ жены. При этомъ купецъ взялъ съ королевича слово, что тотъ удалится, не давая о себѣ знать, что бы ни увидѣлъ. Вернулись. Подошли сначала къ „палатѣ купцевой, гдѣ мать его пребываетъ", посмотрѣли въ скважню и увидѣли, что она молится Богу. Затѣмъ поглядѣли въ палату, гдѣ купцева жена пребываетъ; оказалось, что и она занята тѣмъ же, чѣмъ и ея свекровь. Направились далѣе къ палатѣ, гдѣ пребываетъ „кралевичева сожительница". Увидѣли нѣчто неожиданное: „у сожителницы в полатѣ сидитъ на кровати любовникъ ея, котораго имѣла еще при немъ, кралевиче. Образомъ же той любовникъ зѣло не искусенъ и нимало не дошелъ до кралевича, и сидя на ложницѣ бияше по ланитома". Валтасаръ готовъ былъ вскрикнуть, но удержался, вспомнивъ объ уговорѣ. „И естьли бы у кралевича мечъ в руцѣ былъ, тобъ могль самъ себя заклати". Любовнику попался на глаза портретъ царевича. Онъ потребовалъ, чтобы жена Валтасара била его портретъ. „Плакавъ же она нача персону мужа своего по ланитома

бити. Посемъ нача с нею на ложницѣ опочивати и что имъ годѣ творити".

Послѣ тяжолаго испытанія, пережитаго Валтасаромъ, красота его измѣнилась. Царь, къ которому королевичъ поступилъ на службу, посовѣтовалъ ему гулять въ чудесномъ саду; прогулки въ этомъ саду могли возстановить силы и красоту. Однажды во время прогулки королевичъ „подъ нѣкоимъ прекраснымъ древомъ узрилъ ложе царское: и постеля, и возглавие, и одеяло, и помысли в себѣ, что царь опочиваетъ". Оказалось иное. „Видитъ кралевичъ: ползетъ на коленехъ межъ древесъ к ложу нѣкакой поползень на древяныхъ колодкахъ. Прииде же той поползень к ложу і колодки повергъ на землю, самъ же вынявъ испод возглавия одежду царскую и облечеся, и сѣде на ложе. Времени же малу минувши, приіиде к нему царица царя того с треми своими дѣвками. Той же поползень нача царицу ругати и бити по ланитома. Бивши же приглашаетъ, чего ради замешкала к нему прийтти. Она же рече ему: царь долго убирался, не ехалъ за охотою в поле. А тотъ царь полевую охоту зѣло любилъ и непрестанно ездилъ. Поползень же той нача с царицею творити беззаконие, и паки разыдошеся". Увидѣвъ это, королевичъ подумалъ: „виждь, каковъ сей царь славенъ и образомъ прекрасенъ, а жена его такъ озорничаетъ, не токмо моя сожителница оставшаяся. И отверже всю свою печаль отъ сердца, бысть в три дни прекрасенъ и здравъ паче прежняго".

Царь замѣтилъ перемѣну въ Валтасарѣ и пожелалъ узнать, что съ нимъ было, отчего онъ захворалъ и какъ поправился. Королевичъ разсказалъ о своихъ страданіяхъ, о невѣрности жены, но о томъ, что видѣлъ въ саду, только намекнулъ: онъ посовѣтовалъ царю отправиться вмѣстѣ съ нимъ на охоту и затѣмъ неожиданно вернуться домой. Такъ и сдѣлали. Пришли въ садъ, нашли приготовленное ложе, забрались на дерево и увидѣли то же, что видѣлъ раньше Валтасаръ. Царица и поползень казнены.

Спустя нѣкоторое время царь сказалъ королевичу: „брате мой, Валтасаре кралевичю, послушай моего добраго совету, что язъ тебѣ ізреку; виждь, что наши сожительницѣ с нами в любви живучи чинили, і ныне, брате, возмемъ мы моего царства нѣкую прекрасную із женъ і станемъ с нею жить вмѣсте, аки с сожителницею. А посадимъ ея в высокую ст(р)елню і приставимъ стражу крепкую, а двери для вѣрности межъ себя станемъ печатми своими печатать, а

ради любви, чтобъ межъ нами не было какие вражды, — потому что сие дѣло зѣло мнително, — положимъ межъ себя заповѣдь, а ей тое заповѣди не объявимъ". Заповѣдь была такая: „пришедъ в стрѣлню оба і положимъ ея на ложе, а сами ляжемъ по обѣма сторонама ея, единъ одесную, а вторый ошуюю страну, и кий из насъ похощетъ с нею пребыти, той втораго ногою своею потрогай, и котораго тронетъ, той в тоя поры лежи ничь на ложи не трогася, а той с нею пребуди". Такъ уговорились и стали жить въ тройномъ союзѣ. „И живше с тою любовницею многое время по той заповѣди безложно, любовница же ихъ по нѣкоему случаю изведавъ ихъ советъ, паки и заповѣдь, і в нѣкое время поглядѣвъ из стрѣлни в оконце и увиде на земли нѣкоего отрока и, разгорѣвся к нему любовию похоти, спусти в оконце холстъ и подыме его тѣмъ холстомъ отъ земли в оконце, пребывъ с нимъ на ложи. По времени же приідоша к ней царь и кралевичъ по обычаю своему, любовница же ихъ, яко лукава зѣло, услыша приходъ ихъ к себѣ, сохрани отрока того отъ нихъ в сундукъ свой. Царь же і кралевичъ пришедъ і по обычаю своему легше с нею на ложи, і она бѣ лукава зѣло и злохитра: тронула ихъ своима ногама обѣихъ вдругъ. Они же легше оба ничь на ложи і держаша во умѣ своемъ другъ на друга,...... а в тоя поры тотъ ея любовникъ, вышедъ изъ сундука і ляже межъ ними". Такая продѣлка стала повторяться. Царь и королевичъ сердились другъ на друга, подозрѣвая одинъ другого въ нарушеніи уговора. Наконецъ дѣло разъяснилось. Любовникъ былъ открытъ и разсказалъ все. Наложница и любовникъ казнены: ихъ повѣсили на воротахъ и разстрѣляли.

Царь и Валтасаръ „велми съто(ско)ваху ни о чесомъ же, но токмо о безчастіи своемъ и о беззаконіи и о лукавствѣ женъ своихъ. І в нѣкое время рече царь кралевичю в великой печали своей: брате мой и господине, виждь своего, паки и моего лицъ зракъ доброты і велие наше несчастие и виждь, како прежніі наши законные сожителницы с нами лестно и лукаво жили, паки и ся наша общая наложница, сотанина угодница... (Слѣдуетъ приведенныя выше изреченія о злыхъ женахъ), и ныне, брате, отвержемъ отъ сердца всю печаль свою и пойдемъ по далнымъ странамъ стыда ради здѣшнихъ жителей. Кралевичъ же рече: буди, господине, на волю твою, якоже хощещи, азъ радъ твоего добронравнаго глагола во всемъ слушати. И поидоша по далнымъ странамъ и по пустымъ местамъ и ходивше много дней, яко близъ и годиннаго времени, і в нѣкоей странѣ наидоша на лугу... шатеръ велми прекрасенъ: маковица у того шатра

красна и золота, и велми той шатеръ ухищренъ всякими ухищрении. И недошедъ они до того шатра, подумавше промежь себя много, что мочноль итти в той шатеръ, и стояху на многъ часъ, и паки положиша упование на Господа Бога, поидоша вкупѣ к шатру. Пришедше же в шатеръ той зѣло дерзостно и опасно, чаяху нѣкоего рыцаря, і сирѣчь богатыря, и паки в шатрѣ никого же обрѣтоша. И начаша прилѣжно искати на лугу около шатра и искавше много, яко вдолѣе і поприща отъ шатра того, и ничтоже обрѣтоша, и бысть в себѣ яко ужасны зѣло. Нашедше же на томъ лугу нѣкую стезицу малу, яко вполу поприща отъ шатра того, и поидоша по ней къ шатру и увидѣша близь тое стези рѣчку; пришедше к ней по стези той и приідоша в близость того шатра увидѣша близъ стези тое и реки и шатра древо нѣкое велми прекрасно при іныхъ древесехъ и высоко необычно, влѣзше на него и начаша ждати, да ли кто по стези той к шатру приідетъ. По малу времени зрятъ они, ажно бѣжитъ тою стезею левъ звѣрь велми пристрашенъ, изо устъ у него пламя, а изъ ушей дымъ чернъ і во устѣхъ несетъ, яко видимо имъ отъ древа, колцо златое, аки отъ солнечнаго блистания лучи испущаетъ отъ колца того. Приіде же тотъ левъ в шатеръ и удари тое колцо переднею своею ногою і выиде ис того колца пречюдная и прекрасная жена, а левъ превратися во образъ пре(кра)снаго воина, во образѣ нѣкоего царя пречюдна, и легъ с нею в томъ шатре любезно опочивати". Царь и королевичъ продолжали сидѣть на деревѣ, боясь спуститься: „да ни коимъ обыкновениемъ (левъ) ихъ увидитъ и поястъ". — „Опочивавше же той царь, мнимый левъ, с тою ізшедшею іс колца златого женою на многъ часъ, і посла ю той царь со златымъ кубцомъ для почерпствия воды. Она же пришедши к рекѣ близъ того древа, на немъже вседяше царь и кралевичъ, нача тѣмъ кубцомъ воду черпати и увиде вкупѣ два зрака человѣческаго образа, и бысть во ужасѣ мня, яко привидение нѣкое отъ сатаны, и ту воду ис купка вылила, и паки почерпе с молитвою, и видѣ то, что и в прежнемъ купцѣ и наіпаче краснѣе образы тѣ и прежнихъ образовъ. И дивився велми, и нача озиратися сѣмо и овамо и напрасно взглянувъ на то древо, увидѣ царя и кралевича в лице и рада бысть к растлѣнию грѣха с ними, потому что они зѣло прекрасни ей показалися. А той царь, мнимый левъ, в тоя пору в шатрѣ опочива(лъ), ождая ю с водою к себѣ. Она же ихъ увидѣвъ, нача со древа звати, обѣщаяся имъ вмѣсто смерти животъ, едва со древа к ней сойдутъ"... На этихъ словахъ

обрывается текстъ повѣсти въ рукописи Пискарева. Окончаніе повѣсти можетъ быть однако возстановлено въ общихъ чертахъ, если сравнимъ „Валтасара“ съ другими разсказами сходнаго содержанія.

II.

Повѣсть о Валтасарѣ представляетъ соединеніе нѣсколькихъ разсказовъ, сходныхъ по основной темѣ. Женская невѣрность и хитрость иллюстрируются въ повѣсти рядомъ примѣровъ: жена Валтасара измѣняетъ своему красавцу мужу; царица любитъ какого-то уродливаго „furrowed brow“; сожительница Валтасара и царя прячетъ своего любовника въ сундукѣ; женщина, которую носитъ въ кольцѣ левъ, готова отдаться первому встрѣчному.

Всѣ эти разсказы и въ отдѣльности, и въ томъ литературномъ комплексѣ, который находимъ въ „Валтасарѣ“, повторяются въ нѣсколькихъ варіантахъ, различающихся одинъ отъ другого лишь нѣкоторыми подробностями. Остановимся сначала на варіантахъ сходныхъ, имѣющихъ ближайшее отношеніе къ разсматриваемой нами повѣсти. Варіанты эти слѣдующіе:

A) Вступительная повѣсть въ извѣстномъ сказочномъ сборникѣ: „Тысяча одна ночь“. Въ повѣсти разсказывается о двухъ братьяхъ Шахріарѣ и Шахзенанѣ. Первый изъ нихъ былъ султаномъ въ Индіи, второй получилъ въ управленіе Татарію. Братья не видались десять лѣтъ: „Шахріаръ, соскучившись такой долгой разлукой, страстно желая увидать своего брата, рѣшилъ пригласить его на свиданіе въ Индію. Немедленно, по монаршему повелѣнію, снарядилось посольство съ великимъ визиремъ во главѣ, съ почетной свитой, подобающей его высокому сану, и поспѣшно отправилось въ путь“. Шахзенанъ съ честью принялъ посольство и выразилъ согласіе на сдѣланное приглашеніе. Сдѣлавъ нужныя распоряженія, онъ выѣхалъ изъ своей столицы и остановился на нѣкоторое время въ лагерѣ, гдѣ жило посольство. Передъ отъѣздомъ изъ лагеря Шахзенанъ захотѣлъ еще разъ проститься съ любимой женой. „Уступая этому невольному порыву, онъ одинъ, безъ провожатыхъ, вернулся во дворецъ и прямо прошелъ въ опочивальню царицы. Она не ждала его, думая, что онъ уже далеко, и пользуясь его отсутствіемъ, приняла на свое ложе одного изъ послѣднихъ дворцовыхъ слугъ. Была глубокая ночь, они легли уже давно и теперь оба спали безмятежнымъ сномъ. Султанъ вошелъ тихо, ему заранѣе улыбалась мысль,

какъ онъ обрадуетъ жену своимъ нежданнымъ появленіемъ; но каково же было его чувство, когда при свѣтѣ факеловъ, неугасимо горящихъ ночью въ опочивальняхъ царицъ и царевенъ, онъ увидалъ человѣка, лежавшаго въ объятіяхъ его жены... Объятый гнѣвомъ, онъ, какъ разъяренный звѣрь, бросился къ постели и однимъ ударомъ сабли совершилъ быстрый переходъ отъ временнаго сна къ вѣчному". Трупы измѣнницы и ея любовника брошены въ ровъ.

Съ тоской на сердцѣ отправился Шахзенанъ въ путь. Тоска не покидала его и во время пребыванія у брата. „Великолѣпныя празднества, полныя разнообразія и шумнаго веселья, не только не исцѣляли его сердечной раны, но казалось, еще болѣе растравляли ее". Разъ Шахріаръ отправился на охоту. Шахзенанъ, отговорившись нездоровьемъ, остался дома. Изъ окна своей комнаты онъ увидѣлъ. какъ отворилась потайная дверь дворца и изъ нея вышла султанша съ толпой служанокъ. „Шахзенанъ, побуждаемый любопытствомъ, поспѣшно скрылся за оконницей и сталъ наблюдать. Вдругъ сама султанша, а за нею и всѣ разомъ сбросили съ себя длинныя чадры, сняли верхнія одежды, стѣснявшія ихъ движенія, и остались въ однихъ легкихъ шароварахъ да короткихъ юбочкахъ, затканныхъ золотомъ. Велико было изумленіе Шахзенана, когда онъ увидалъ среди этой группы молодыхъ прекрасныхъ женщинъ десять черныхъ негровъ невольниковъ, изъ которыхъ каждый тотчасъ же выбралъ себѣ пару и удалился съ ней подъ тѣнистые куполы алоэ и пальмъ. Затѣмъ сама повелительница звонко ударила въ ладони и крикнула два раза: Мазудъ! Мазудъ! Немедленно на этотъ зовъ съ вершины одного изъ высокихъ деревьевъ быстро, какъ бѣлка, соскользнулъ могучій, статный негръ и бросился въ ея объятія"...

Измѣна султанши успокоительно подѣйствовала на Шахзенана. „Неразуменъ я былъ, считая свое горе какимъ-то исключительнымъ, говорилъ онъ себѣ въ утѣшеніе. Видно, это общая доля всѣхъ мужей... Даже братъ мой, величайшій монархъ, властитель столькихъ государствъ, и тотъ не могъ избѣгнуть ея. А если это такъ, то стоитъ ли смущать себя воспоминаніями о такомъ ничтожествѣ и носить изъ-за него печаль въ своемъ сердцѣ. Кончено! отброшу свое малодушіе, не стану больше поддаваться тоскѣ... Сказалъ, и въ ту же минуту съ него словно спало тяжелое бремя".

Шахріаръ, замѣтивъ перемѣну въ настроеніи брата, проситъ его открыть ему причину этой перемѣны. Тотъ разсказываетъ и объ измѣнѣ своей жены, и о продѣлкахъ жены Шахріара. Султанъ жела-

етъ удостовѣриться въ словахъ брата: уѣзжаетъ на охоту, возвращается и видитъ картину своего позора. „О, Боже всемогущій! воскликнулъ онъ въ порывѣ неудержимаго гнѣва, куда же дѣвались стыдъ и совѣсть, если ихъ нѣтъ даже среди нашихъ царицъ!.. Вотъ что, братъ мой,—бросимъ этотъ постылый свѣтъ,... уйдемъ куда-нибудь въ далекую, чужую сторону, гдѣ бы никто не зналъ насъ, и тамъ похоронимъ свое горе и скроемъ свой позоръ". Шахзенанъ согласился. „Ты знаешь, братъ мой, сказалъ онъ, что я всегда готовъ слѣпо повиноваться твоей волѣ и охотно пойду за тобой хоть на край свѣта, но только обѣщай мнѣ, что ты вернешься немедленно, если встрѣтишь человѣка несчастнѣе насъ". Шахріаръ согласился.

Братья отправились странствовать. Однажды они остановились отдохнуть на берегу моря. Вдругъ изъ воды появилось чудовищное существо: „то былъ одинъ изъ тѣхъ злобныхъ геніевъ, которые искони вѣковъ питаютъ непримиримую ненависть къ человѣчеству. Весь черный, страшный, чудовищно громадный, онъ медленно подвигался къ берегу, несъ на головѣ стеклянный сосудъ, замкнутый четырьмя блестящими замками". Братья влѣзли на дерево и наблюдали за дѣйствіями великана. Онъ снялъ съ головы ящикъ и открылъ его: изъ ящика вышла прекрасная молодая женщина. Затѣмъ „онъ грузно повалился на землю, вытянулся во всю длину, такъ что ноги его простерлись до самаго края берега и, положивъ свою чудовищную голову на колѣни красавицы, мгновенно заснулъ, захрапѣвъ при этомъ съ такой страшной силой, что дрогнула земля. Въ ту же минуту красавица, переводя скучающіе взоры съ предмета на предметъ, случайно глянула вверхъ и увидала тамъ на самой вершинѣ дерева двухъ статныхъ, красивыхъ мужчинъ. Нисколько не смутившись, она улыбнулась имъ и выразительнымъ знакомъ пригласила сойти къ ней на землю. Но тѣ, увидавъ свое убѣжище открытымъ, перепугались еще болѣе и такими же знаками умоляли ее не требовать отъ нихъ повиновенія и не выдавать ихъ. Тогда въ отвѣтъ, осторожно приподнявъ съ своихъ колѣнъ громадную голову генія и сложивъ ее на землю, она подошла къ самому дереву и тихо, но твердо проговорила: Я хочу и требую, чтобы вы сошли ко мнѣ оба. Напрасно братья новыми жестами старались объяснить ей, что они не могутъ преодолѣть своего страха и просятъ ее не настаивать. —Довольно, сказала она уже гнѣвно, слѣзайте, или я сама разбужу гиганта и потребую вашей смерти. Послѣ такого рѣшительнаго приказанія, имъ ничего болѣе не оставалось какъ повиноваться безпрекословно, и

они тихо, принимая всѣ предосторожности, чтобы не разбудить спящее чудовище, спустились на землю. Тогда красавица, взявъ ихъ за руки, отошла съ ними къ другому дереву и тамъ свободно выразила свое влеченіе къ нимъ обоимъ. Въ виду страшной опасности, ежеминутно грозившей имъ со стороны гиганта, они пытались отговориться всевозможными доводами, но красавица осталась непреклонной и угрозами принудила исполнить ея волю. Замѣтивъ на пальцахъ обоихъ братьевъ дорогіе перстни, красавица пожелала взять ихъ на память. Перстни переданы. „Она возвратилась на прежнее мѣсто, открыла стеклянный сундукъ и достала оттуда длинную нить различныхъ перстней съ драгоцѣнными каменьями... По этимъ кольцамъ, сказала она, я веду счетъ тѣмъ, кого я, какъ и васъ, дарила своими ласками. Здѣсь девяносто восемь, съ вашими будетъ ровно сто... Затѣмъ усѣвшись на прежнее мѣсто, приподняла голову все также крѣпко спавшаго гиганта, снова положила ее на свои колѣни и жестомъ показала братьямъ, чтобы они поспѣшили удалиться". Встрѣча съ красавицей и гигантомъ убѣдила Шахріара въ томъ, что „вѣрность женщины не пріобрѣтается даже чарами и что никакая сила не преодолѣетъ ея хитрости". Шахзенанъ согласился съ этимъ. „Ты долженъ также убѣдиться и въ томъ, замѣтилъ онъ брату, что этотъ могучій геній во сто разъ несчастнѣе обоихъ насъ. А если это такъ, то мы нашли, чего искали, вернемся же теперь въ свои владѣнія и снова вступимъ въ бракъ". Такъ и сдѣлали. „На третій день по уходѣ они снова вернулись въ свой охотничій станъ" [1]).

Б) Новелла Джіованни Серкамби, итальянскаго писателя XV вѣка († 1424): „De ingenio mulieris adultera". Въ Неаполѣ, во времена короля Манфреда, жилъ рыцарь (cavalieri) Астульфъ, женатый на красавицѣ Лагринтѣ. Приглянулся этой красавицѣ одинъ изъ оруженосцевъ мужа, по имени Ніери. Разъ, когда Астульфа не было дома, Лагринта и оруженосецъ отдались взаимнымъ ласкамъ. Астульфъ неожиданно вернулся. Измѣна была уличена. Астульфъ поселился у короля Манфреда. Королева оказалась такой же измѣнницей, какъ и Лагринта. Астульфъ видѣлъ, какъ къ дверямъ дворца подползъ какой-то калѣка (uno cattivello, che andava col culo in nel catino).

---

[1]) Текстъ сказки приводится по новому русскому переводу Доппельмайера (М. 1899 г.). Обзоръ изданій, переводовъ и изслѣдованій арабскаго сказочнаго сборника, см. въ ст. Горстера и Крымскаго: „Къ литературной исторіи „Тысячи и одной ночи". Съ дополненіями и указателемъ литературы". (Юбилейный сборникъ въ честь Вс. Ѳ. Миллера, стр. 225—240).

Черезъ нѣкоторое время дверь дворца открылась и изъ нея вышла королева. Калѣка сталъ упрекать ее за то, что ему пришлось долго ждать. Оказалось, что несчастный непозень былъ любовникомъ королевы.—Настроеніе духа Астульфа, до тѣхъ поръ мрачное, прояснилось. Манфредъ спрашиваетъ рыцаря о томъ, что его печалило и что облегчило эту печаль? Астульфъ разсказываетъ о своей бѣдѣ и объ отношеніяхъ королевы къ калѣкѣ. Увѣрившись, что жена его дѣйствительно любила какого-то непозня, Манфредъ предлагаетъ своему другу удалиться изъ Неаполя. Во время странствованія имъ пришлось увидѣть нѣчто необыкновенное. Однажды, когда Астульфъ и Манфредъ прилегли отдохнуть, замѣтили они, что къ нимъ приближается какой-то человѣкъ съ большимъ ящикомъ на спинѣ. Король и рыцарь спрятались въ лѣсу и подсматривали. Силачъ остановился, снялъ со спины ящикъ и открылъ его. Изъ ящика вышла прекрасная женщина. Силачъ поѣлъ и легъ отдохнуть, положивъ голову на грудь женщины. Когда онъ уснулъ, красавица, осторожно сдвинувъ его голову, встала и подошла къ королю и его спутнику. Изъ разговора съ нею путешественники узнали, что силачъ запираетъ свою красавицу изъ ревнивой осторожности. Эта осторожность не достигаетъ однако цѣли. Послѣ этого приключенія Манфредъ и Астульфъ рѣшили вернуться домой, убѣдившись, что отъ женскихъ обмановъ и уловокъ одинаково страдаютъ всѣ мужчины [1]).

B) Разсказъ объ Астольфѣ и Жокондѣ въ XXVIII пѣснѣ поэмы Аріосто († 1533): „Orlando furioso". Ломбардскій король Астольфъ славился и гордился своей красотой: „онъ придавалъ менѣе цѣны могуществу, богатству, славѣ, чѣмъ счастью не имѣть соперниковъ въ изяществѣ и красотѣ". Одинъ изъ любимцевъ короля, римскій рыцарь Фаусто, заявилъ, что братъ его Жокондъ равенъ Астольфу красотой, быть можетъ, даже превосходитъ его. Астольфъ приглашаетъ къ себѣ Жоконда, предлагая ему богатые дары. Фаусто ѣдетъ въ Римъ и уговариваетъ брата отправиться въ Павію. Жена Жоконда съ плачемъ провожаетъ мужа; прощаясь она даетъ ему на память крестикъ съ святыми мощами. Жокондъ оставляетъ Римъ. Отъѣхавъ двѣ мили отъ города, онъ вспомнилъ, что не взялъ съ собой подарка жены. Нужно было вернуться. Жокондъ „направляется къ своему дому, сходитъ съ коня, поднимается по лѣстницѣ и приближается къ по-

---

[1]) Novelle inedite di Giovanni Sercambi tratte per cura di *Rodolfo Renier* (= Biblioteca di testi inediti o rari IV), Tor. 1880, № 84, стр, 291—299.

стели, гдѣ покоится его жена. Онъ тихо раскрываетъ пологъ и съ удивленіемъ видитъ, что его цѣломудренная и вѣрная супруга спитъ въ объятіяхъ молодого человѣка темнаго происхожденія, выросшаго среди слугъ его дома". Жокондъ готовъ поразить виновныхъ, но „остатокъ любви удерживаетъ его руку". Горе измѣнило наружность римскаго рыцаря: „лицо его, сіявшее здоровьемъ, уже не то; глаза ввалились, носъ вытянулся, губы изсохли и слабые слѣды его прежней красоты не могли бы выдержать сравненія съ красотой короля". Жокондъ ласково принятъ Астольфомъ, но ни вниманіе короля, ни веселые пиры и игры не могутъ развлечь и успокоить Жоконда. Разъ, прогуливаясь по дворцовой галлереѣ, онъ заглянулъ въ щель ставня, которымъ было прикрыто окно одной изъ комнатъ королевы: „Жокондъ смотритъ и видитъ вещь невѣроятную... видитъ, какъ супруга Астольфа борется съ карликомъ, который сжимаетъ ее въ своихъ объятіяхъ. Негодяй былъ настолько ловокъ, что одержалъ побѣду... На слѣдующій день онъ снова видитъ въ тотъ же часъ на томъ же мѣстѣ, какъ королева и карликъ наносятъ королю самое жестокое оскорбленіе... При видѣ этого къ Жоконду возвращается его прежнее спокойствіе; онъ снова становится веселъ и достоинъ своего имени. Съ хорошимъ расположеніемъ духа появляются его краски и полнота". Астольфъ проситъ рыцаря открыть причину этой счастливой перемѣны. Жокондъ разсказываетъ объ измѣнѣ своей жены и о любви королевы къ карлику. Король подсматриваетъ въ указанное ему окно и убѣждается въ справедливости словъ Жоконда. Обманутые своими женами король и рыцарь рѣшаются искать утѣшенія въ ухаживаніи за чужими женами. „Надо, говоритъ Жокондъ, не заботясь объ этихъ вѣроломныхъ, испытать добродѣтели другихъ женъ: сдѣлаемъ мужьямъ ихъ то, что сдѣлали намъ самимъ". Астольфъ и Жокондъ оставляютъ Италію и отправляются въ чужіе края. Они проѣзжаютъ Францію, Италію, Фландрію и Англію, и всѣ женщины подчиняются ихъ власти. Продолжительное странствованіе и постоянныя ухаживанія наскучили Астольфу и Жоконду. У нихъ явился новый планъ: жить вмѣстѣ съ общей пріятельницей. Выборъ ихъ остановился на Фіаметтѣ, дочери трактирщика въ Валенсіи. „Отецъ, обремененный дѣтьми и страшась нищеты, соглашается безъ большихъ затрудненій на предложеніе щедрыхъ иностранцевъ, которые обѣщаютъ ему никогда не покидать его дочь". Мирное сожительство Астольфа, Жоконда и Фіаметты продолжалось не долго. Вскорѣ оказалось, что Фіаметта, не довольствуясь двумя поклонниками, нашла

средство сблизиться съ своимъ прежнимъ другомъ, слугой въ гостинницѣ, гдѣ остановились Астольфъ и Жокондъ. „Грекъ является къ дверямъ, толкаетъ ихъ и подвигается впередъ, какъ человѣкъ, который боится разбить оконныя стекла или идетъ по яицамъ. Руки его не менѣе осторожны; вытянутыя, онѣ встрѣчаютъ подножіе кровати и онъ влѣзаетъ туда головою впередъ. Онъ нащупываетъ ноги Фіаметты, лежавшей на спинѣ, скользитъ до высоты ея лица и держитъ ее въ своихъ объятіяхъ все время, пока длится ночь". Король и рыцарь ссорятся, подозрѣвая одинъ другого въ злоупотребленіи общимъ правомъ. Дѣло однако разъясняется признаніемъ самой Фіаметты. Обманутые любовники рѣшаются возвратиться домой: „Вернемся, сказали они, къ нашимъ супругамъ, онѣ не лучше и не хуже другихъ. — При этихъ словахъ они посылаютъ за возлюбленнымъ Фіаметты и даютъ ее въ жены ему вмѣстѣ съ хорошимъ приданымъ. Потомъ, сѣвъ на своихъ коней, они возвращаются назадъ и живутъ близъ своихъ женъ, не безпокоясь болѣе объ ихъ заблужденіяхъ" [1]).

---

[1]) Первое изданіе поэмы Аріосто появилось въ 1516 году. Далѣе слѣдуетъ длинный рядъ позднѣйшихъ изданій, выходившихъ въ XVI, XVII, XVIII, XIX вѣкахъ. (Перечень старѣйшихъ изданій см. въ Bibliografia dei romanzi di cavalleria publ. da *G. Melzi*, riv. da *P. A. Tosi*, Mil. 1865; p. 23 sq.) Рядомъ съ изданіями поэмы появлялись подражанія тому или другому отдѣлу произведенія Аріосто. Не позже XVI вѣка появилась Hystoria del Re di Pavia, il quale havendo ritrovata la Regina in adulterio se dispose insieme con uno compagno di cercare piu paesi et far con le femine d'altrui, quel che le loro haucano fatto ab ambedui, — подражаніе интересующей насъ XXVIII пѣснѣ „Орланда". Къ XVII вѣку относятся два французскія подражанія этой же пѣсни: Histoire de Joconde traduite et imitée de l'Arioste par Bouillon и Joconde, nouvelle tirée de l'Arioste знаменитаго Лафонтена.—Въ XVIII вѣкѣ разсказъ Лафонтена „Joconde" послужилъ основаніемъ для оперы съ такимъ же заглавіемъ. Русскіе переводы поэмы Аріосто перечислены въ трудѣ г. Венгерова: „Русскія книги" вып. VIII, стр. 373—374. Была у насъ переведена и упомянутая опера: Жокондъ, или искатели приключеній, соч. Этьена. (Спб. 1816). У меня подъ руками были итальянское изданіе поэмы 1836 г. и русскій переводъ Зотова. (Спб. 1892 г.). Соображенія и догадки относительно новеллъ Аріосто и Серкамби см. въ трудахъ *Pio Rajna*. Le Fonti dell' Orlando furioso (Firenze 1876, cap. XV, p. 382—400), Di una novella ariostea e del suo riscontro orientale attraverso ad un nuovo spiraglio (Rendiconti dell' Accademia dei Lincei, Serie 4a, vol. V, 1-o sem. del 1889, p. 268--277); *F. L. Pullè*. Originali indiani della novella ariostea nel XXVIII canto del Furioso. (Giornale della società asiatica italiana, vol. IV, 1890. 129 — 165); *P. E. Pavolini*. Di alcuni altri paralleli orientali alla Novella del Canto XXVIII del Furioso. (Giorn. della soc. asiat. ital. vol, XI, 1897—1898, p. 165—173).

Сходство приведенныхъ разсказовъ очевидно. Въ повѣсти о Валтасарѣ, въ сказкѣ Тысячи одной ночи, въ новеллѣ Серкамби, въ эпизодѣ Неистоваго Орланда мы знакомимся съ варіантами одного и того же повѣствованія. Преимущество старшинства принадлежитъ арабскому варіанту. Слѣдуетъ поэтому согласиться съ тѣмъ давно высказаннымъ мнѣніемъ, что разсказъ Аріосто, а также и другіе западные варіанты, ведутъ свое начало, если не прямо отъ сказки Тысячи одной ночи, то во всякомъ случаѣ отъ той восточной сказки, старѣйшій варіантъ которой извѣстенъ теперь по упомянутому арабскому сборнику. Такой условный выводъ необходимо сдѣлать въ виду того, что арабская сказка не вполнѣ совпадаетъ съ западными варіантами. Сказка Тысячи одной ночи не знаетъ одного изъ эпизодовъ, передаваемаго Аріосто, а именно отвратительной картины тройного сожительства. Изображеніе чудовища съ ящикомъ, въ которомъ прячется женщина, встрѣчается въ арабской сказкѣ и у Серкамби; у Аріосто этого эпизода нѣтъ. Повѣсть о Валтасарѣ отличается отъ другихъ варіантовъ замѣчательной полнотой содержанія: въ повѣсти находимъ всѣ эпизоды, встрѣчаемые въ другихъ варіантахъ. Разсказъ о красотѣ Валтасара и царя и о приглашеніи Валтасара на царскую службу близокъ къ варіанту, передаваемому Аріосто; изображеніе любви царицы къ поползню совпадаетъ съ новеллой Серкамби; тройное сожительство находимъ въ „Валтасарѣ" и у Аріосто; разсказъ о женщинѣ, запираемой въ ящикѣ, повторяется въ сказкѣ Тысячи одной ночи и у Серкамби. Особенностью „Валтасара" представляется изображеніе льва, — оборотня, подъ видомъ котораго скрывается „прекрасный воинъ", но и это изображеніе встрѣтится намъ въ одномъ изъ варіантовъ, отдѣльно передающемъ этотъ эпизодъ изучаемаго нами сказанія. Такимъ образомъ „Валтасаръ" представляется какъ бы итогомъ, сводомъ другихъ болѣе раннихъ разсказовъ сходнаго содержанія.

Для изучающихъ факты русской литературной старины и русской народной словесности переводъ Валтасара представляетъ особый интересъ. По содержанію повѣсть о Валтасарѣ—восточная сказка. Слѣды русской обработки, замѣчаемые въ Валтасарѣ, указываютъ на то, что захожая сказка интересовала нашихъ писателей и читателей стараго времени. Но какимъ путемъ зашла къ намъ эта интересная восточная сказка? Она зашла къ намъ съ запада, появилась у насъ въ видѣ

переводной европейской новеллы. Повѣсть о Валтасарѣ представляетъ такимъ образомъ любопытный примѣръ проникновенія къ намъ разсказовъ восточнаго происхожденія черезъ посредство западно-европейскихъ литературъ. Это наблюденіе можетъ служить нѣкоторымъ предостереженіемъ для тѣхъ изслѣдователей нашей словесности, которые съ особенной охотой отыскиваютъ въ русскомъ эпическомъ матеріалѣ слѣды восточныхъ вліяній. Наличность этихъ вліяній доказывается. обыкновенно, большимъ или меньшимъ сходствомъ произведеній русскаго эпоса съ сказаніями восточными. Но на этомъ сходствѣ, какъ бы ясно оно ни было, не всегда можно основывать заключенія относительно путей перехода восточныхъ сказаній. „Валтасаръ" вышелъ съ востока, но къ намъ перебрался черезъ западную границу.

Предостереженіе, даваемое „Валтасаромъ", получитъ еще большее значеніе, если обратимъ вниманіе на литературный фактъ, отмѣченный выше: варіантъ того же комплекса разсказовъ, который находимъ въ Валтасарѣ, Жокондѣ и пр., встрѣчается въ формѣ русской народной сказки. Я имѣю при этомъ въ виду сказку, записанную г. Добровольскимъ въ Смоленской губерніи: „якъ купецъ Гулитыу и Ваксонскій каралевичъ ѣздили умѣсти и къ женскимъ увергкамъ присматривались". Жилъ въ Петербургѣ купецъ Гулитовъ, у котораго былъ сынъ, большой красавецъ. По торговымъ дѣламъ Гулитовъ отправился въ Ваксонію. Король Ваксонскій вывелъ на показъ своего сына и сталъ хвастать его красотой. По поводу этого хвастовства петербургскій купецъ замѣтилъ: „харошъ твой сынъ, пригожъ твой сынъ, а у мяне іость сынъ, ня будить хужій твайго"! По приглашенію короля красивый купчикъ вызванъ въ Ваксонію. Когда онъ уже сѣлъ на корабль. вспомнилъ, что не взялъ съ собой карманныхъ часовъ. „Пубижаў іонъ самъ за часами... Прибѣгъ у домъ, а часы яво были у спальни. Іонъ какъ бѣгъ, такъ прямо у спальню. Ускачіў у спальню и заспѣў прикащика са сваею женою. Іонъ вочинь улякнуўся и узгарѣў, но ни сказаў ничога и паѣхаў у Ваксонію. Пробыўши у Ваксонію, яво прямa требуютъ къ царю. Атецъ, на яво какъ пасматрѣў, такъ и спужаўся: увесь іонъ стаў чоринъ и нипригожъ". За ложную похвальбу Ваксонскій король хотѣлъ было купца посадить въ острогъ, а сыну его отрубить голову, но другіе короли отговорили: „Нѣтъ, ета ни пу правилу, штоба бязвинному чиловѣку голыву рубить: іонъ первый разъ ѣздіў пу вадѣ. дыкъ іонъ спужаўся. а дайтя ему на 6 мѣсицуў сроку, хорошія питаннё, тады увидимъ". Королевскій сынъ взялъ къ себѣ въ домъ молодого купца: вмѣстѣ они ѣли, вмѣстѣ гуляли

въ саду. Въ саду была бесѣдка, а въ ней „канапея съ падушками". Разъ, когда королевича не было дома, пришелъ въ бесѣдку хромой шорникъ и легъ на кровати. „Чиризъ минуту приходитъ каралевичина жина, а шорникъ гаворить: «што ты ета ня скоро? Увидютъ, дыкъ будить нахлабучка».—Извинитя; я толька што улажила свайво атца зъ матирью спать.—Палягли аны на кравать и давай грѣхъ дѣлать". Молодой купецъ видѣлъ все это и подумалъ: „Ну, чаго я улякнуўся, када заспѣў свою жану съ прикащикымъ? Хуть жа прикащикъ, а то каралеўская дочка съ храмымъ чортымъ!" Стаў іонъ посли етыва веселъ". Не скрылъ онъ и отъ королевича того, что видѣлъ. Убѣдившись въ измѣнѣ жены, королевичъ сказалъ купцу: „Пайдемъ у свѣтъ: коли найдемъ ящо такъ, то вернимся двору, а ни найдемъ, то и ни пойдемъ назадъ". Пошли. „Зайшли яны верстъ за триста. Вышли яны на палянку; мужикъ пашить у адну саху, а за спиною у яво привязанъ мѣхъ... Аны глидять. Мужикъ пиристаў пахать, скинуў съ плечъ мяшокъ, развизаў и вышла аттоль жонка, стала яму давать абѣдать. Аны смотрють. Мужикъ утаміўся и абѣдаўши заснуў. Какъ іонь заснуў, то ина махнула платкомъ — изъ кустоў выбигъ парень и давай зъ ею грѣхъ дѣлать". Когда мужикъ проснулся, парень поспѣшно прыгнулъ въ мѣхъ; туда же помѣстилась и жена. Мужикъ вскинулъ мѣшокъ за спину и принялся за прерванную работу. По просьбѣ королевича и купца онъ остановился и развязалъ мѣшокъ: „аттудава выскачіў парнѣнь да ў кусты и схуваўся. Мужикъ давай сваю жонку пароть. Дали яны яму горсть золыта и пашли дальши". Пришли они въ чужое королевство и здѣсь женились оба на одной женѣ. Уговоръ о пользованіи супружескими правами по очереди передается сходно съ повѣстью о Валтасарѣ. Далѣе, какъ и въ Валтасарѣ, слѣдуетъ разсказъ о любовникѣ, пробравшемся въ спальню двухъ мужей. Измѣна не долго остается тайной. Королевичъ и его другъ замѣтили, какъ „аткрылыся вакно, на халстини спустіўся чилавѣкъ прама къ ей. Яны разымъ скатилися и паймали яво". Пойманный оказался сапожникомъ Юдой. „Ну, пращаимъ тябе, сказали королевичъ и купецъ..., видна, какъ у насъ, такъ и у васъ. Пустили яго. Вышли яны и гаворють: Ну, паѣдимъ дамой: видна, какъ у насъ, такъ и у ихъ". Королевичъ отправился въ Ваксонію, а Гулитовъ въ Петербургъ [1]).

---

[1]) Смоленскій этнографическій сборникъ, ч. I.(= Записки русскаго географическаго общества по отдѣл. этнографіи, т. XX), стр. 337—340.

Ближайшее сходство смоленской сказки съ повѣстью о Валтасарѣ очевидно. Въ сказкѣ повторяются всѣ четыре эпизода, вошедшіе въ составъ Валтасара, а такой именно сводный составъ нашей повѣсти отличаетъ ее, какъ мы видѣли, отъ другихъ сходныхъ съ нею разсказовъ. Поэтому можно было бы предположить, что смоленская сказка представляетъ лишь устный пересказъ книжной повѣсти. Отсутствіе имени Валтасара не можетъ, конечно, служить помѣхой къ такому предположенію: имя могло быть забыто, въ памяти удержался лишь занимательный разсказъ. Болѣе важное препятствіе для прямого сближенія повѣсти и сказки представляютъ тѣ особенности, съ какими передается въ сказкѣ встрѣча королевича и купца съ человѣкомъ, носившимъ на плечахъ тяжелый мѣшокъ. Въ повѣсти о Валтасарѣ передъ путешественниками появляется левъ-оборотень съ золотымъ кольцомъ въ пасти. Оборотень принимаетъ видъ „царя пречюдно"; изъ кольца выходитъ красавица. Въ сказкѣ вмѣсто кольца—мѣшокъ, вмѣсто оборотня—пахарь. Какъ объяснить эти особенности сказки? Появились ли онѣ подъ вліяніемъ случайностей устной передачи, допускающей измѣненіе и путаницу подробностей, или изображеніе пахаря съ мѣшкомъ указываетъ на какую-то особую редакцію занимающаго насъ разсказа?

Отвѣтомъ на эти вопросы можетъ служить сличеніе нашей сказки съ параллельной ей сказкой венгерской. Вотъ содержаніе этой сказки: Жилъ нѣкогда на свѣтѣ человѣкъ необыкновенной красоты. Портретъ этого человѣка попадаетъ въ руки королевы. По ея желанію, король приказываетъ отыскать и пригласить ко двору интереснаго красавца. Красавецъ отысканъ; по приглашенію короля, пускается въ путь, но замѣтивъ дорогой, что забылъ взять съ собой молитвенникъ, онъ возвращается домой. Жена красавца оказывается такой же измѣнницей, какъ и жена Валтасара: вернувшійся мужъ застаетъ жену въ объятіяхъ любовника. Пораженный невѣрностью любимой женщины красавецъ измѣнился въ лицѣ, подурнѣлъ. Ему теперь совсѣмъ не по душѣ приглашеніе ко двору, но отказаться отъ этого приглашенія онъ не могъ; лица, посланныя королемъ, настаивали на исполненіи воли своего повелителя. Красавецъ представляется королевѣ. Сличивъ оригиналъ съ портретомъ, она находитъ, что художникъ до крайности преувеличилъ привлекательность изображеннаго лица. Заѣзжій красавецъ проситъ позволенія отдохнуть нѣсколько дней, увѣряя, что такой отдыхъ вернетъ ему красоту. По желанію гостя ему отвели во дворцѣ тихую, уединенную комнату, окна которой выходили въ садъ. Разъ,

когда гость короля сидѣлъ у окна и смотрѣлъ въ садъ, онъ увидѣлъ, какъ изъ дворца крадучись вышла королева на свиданіе съ отвратительнымъ негромъ, въ котораго была влюблена. Эта сцена свиданія королевы и негра вылѣчила тоскующаго человѣка. Далѣе слѣдуетъ, какъ и въ другихъ варіантахъ, разсказъ о томъ, какъ король, узнавшій объ измѣнѣ жены, и гость короля оставляютъ дворецъ и отправляются странствовать. Однажды, во время этого странствованія, они подошли къ полю, по которому тащилась четверка воловъ, запряженныхъ въ плугъ. Плугъ поддерживала женщина, а мужъ ея шелъ рядомъ и несъ тяжелый ящикъ. По просьбѣ путешественниковъ ящикъ былъ раскрытъ. Оттуда выскакиваетъ толстый парень, любовникъ жены пахаря. Путешественники убѣждаются, что ихъ судьба еще не самая жалкая: жены обманули ихъ, но, по крайней мѣрѣ, не требовали отъ нихъ заботъ о своихъ поклонникахъ [1]).

Въ этой сказкѣ нѣтъ полнаго сходства съ русской. Венгерскій варіантъ не знаетъ одного изъ эпизодовъ нашей сказки,—описанія тройного сожительства, встрѣчающагося также въ разсказѣ Аріосто и въ повѣсти о Валтасарѣ. При отсутствіи полнаго параллелизма венгерскій варіантъ представляетъ, однако, замѣчательное частичное сходство съ смоленской сказкой. Какъ въ нашей, такъ и въ угорской сказкѣ находимъ разсказъ о встрѣчѣ короля и его спутника съ пахаремъ; пахарь тащитъ на себѣ ящикъ (или мѣшокъ), въ которомъ помѣщается жена земледѣльца или ея любовникъ. Такое сходство подробностей не можетъ быть случайнымъ. Нужно предположить, что и русская, и венгерская сказки идутъ отъ какого-то особаго извода

---

[1]) Revue des traditions populaires, t. IV (1889), p. 44—46. Напомнимъ еще ингушскую сказку, отмѣченную Вс. Ѳ. Миллеромъ. „Князь, узнавъ отъ своего вѣрнаго узденя объ измѣнѣ своей жены, покидаетъ свой домъ и ѣдетъ вмѣстѣ съ нимъ, куда глаза глядятъ". Во время странствованій увидѣли они человѣка, „который пахалъ на 8 парахъ быковъ: самъ и быками управляетъ, и плугъ держитъ, да еще на спинѣ несетъ большой сундукъ". Въ сундукѣ оказались жена пахаря и молодой человѣкъ; по словамъ жены, этотъ человѣкъ успѣлъ къ ней забраться при такихъ обстоятельствахъ: „Ты самъ,—сказала она мужу,—оставилъ ящикъ въ полѣ въ одинъ жаркій день, когда быки побѣжали отъ оводовъ, и самъ погнался за ними. Мнѣ стало скучно, я вышла изъ ящика, вижу: идетъ молодой человѣкъ, я и пригласила его къ себѣ въ ящикъ, чтобы мнѣ не было скучно. Съ тѣхъ поръ мы и живемъ вмѣстѣ въ ящикѣ". „Обманутые мужья поняли, что сколько жену ни карауль, а все-таки ее не укараулишь, и порѣшили возвратиться къ прежнимъ своимъ женамъ". (Очерки русской народной словесности, стр. 402—403. Ср. Экскурсы въ область русскаго народнаго эпоса, приложеніе, стр. 12).

повѣсти о женскихъ измѣнахъ,—извода, не вполнѣ совпадающаго съ указанными выше литературными пересказами.

Повѣсть о Валтасарѣ нельзя признать прямой, непосредственной основой сказки о Гулитовѣ. Но интересенъ самый фактъ параллелизма книжной повѣсти и народной сказки. Очевидно, повѣсть о невѣрныхъ женахъ занесена была дважды, въ двухъ не совсѣмъ сходныхъ редакціяхъ. Книжная повѣсть предполагаетъ западный оригиналъ. На такой же оригиналъ намекаетъ и устный пересказъ. Дѣйствующіе лица сказки: петербургскій купецъ, саксонскій (ваксонскій) король и его сынъ. Мѣсто дѣйствія сказки—земля ваксонская. Эта ваксонская земля и ея король едва-ли могли быть вставлены въ сказку смоленскими бахарями.

И. Ждановъ.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

КРАСНОЯРСКІЙ БУНТЪ 1695—1698 ГГ.

(Къ исторіи народныхъ движеній XVII вѣка).

Бунты и „шатость“ сибирскихъ служилыхъ людей XVII вѣка заслуживаютъ особеннаго вниманія и изученія. Сравнительно съ служилыми людьми московской Руси сибирскіе „государевы холопы“ пользовались фактически значительною долею независимости и самостоятельности. Находясь вдали отъ непосредственнаго вліянія московскихъ традицій и дисциплины, они могли свободнѣе обнаруживать свои стремленія и упорнѣе добиваться удовлетворенія ихъ. Всего ярче и полнѣе эта относительная самостоятельность сибирскихъ служилыхъ людей выступаетъ именно въ ихъ частыхъ и рѣзкихъ бунтахъ противъ воеводской власти.

Нигдѣ кромѣ Сибири злоупотребленія воеводъ не доходили до той грандіозной степени, когда населенію становилось совершенно „не мочно жить“ и оно, послѣ безплодныхъ воплей къ великому государю о смѣнѣ воеводъ, открыто поднимало противъ нихъ бунтъ и пыталось своими силами и средствами оградить себя отъ „воеводъразорителей, грабителей, мучителей“.

Насколько грандіозны были воеводскія злоупотребленія въ Сибири, настолько же поражаютъ своими размѣрами и вызванные ими бунты. Иногда бунты длились по нѣскольку лѣтъ, переходя въ открытыя военныя дѣйствія противъ воеводъ и ихъ сторонниковъ, которыхъ возставшее населеніе держало „въ осадѣ“ и преслѣдовало всячески, воеводамъ „отказывали отъ воеводства“ или прямо изгоняли ихъ изъ городовъ.

На мѣсто упраздненной воеводской власти, или совмѣстно съ нею, служилые люди избирали своихъ выборныхъ властей — „выборныхъ

судеекъ" и др., заводили „мірскіе круги, совѣты, думы", руководившіе борьбою съ воеводами и всѣмъ вообще движеніемъ. При отсутствіи воеводъ эти „воровскія (то-есть, незаконныя, вольныя) думы" брали на себя всѣ функціи воеводской власти и отправляли на мѣстѣ всякія „государевы дѣла".

Конечно, такія возстанія были только временными явленіями, и рѣдко сибирскимъ служилымъ людямъ удавалось надолго оградить себя отъ „лихихъ воеводъ". На мѣсто изгнанныхъ населеніемъ, или смѣненныхъ по его челобитьямъ воеводъ, пріѣзжали изъ Москвы другіе, которые жили первое время еще „съ опаскою", въ виду мѣстныхъ „воровскихъ (то есть вольныхъ) людей", а потомъ все забывалось и снова затягивалась старинная пѣсня на безконечную тему воеводскихъ злоупотребленій, тянувшаяся вплоть до новаго взрыва народнаго негодованія, съ новымъ изгнаніемъ или смѣною зарвавшихся воеводъ и т. д. и т. д. Иные изъ сибирскихъ служилыхъ и жилецкихъ людей не мирились съ такими „порядками" родной земли и уходили искать „новыхъ землицъ", гдѣ можно было бы „жить особо" если не „отъ великаго государя" (бывалъ и этотъ мотивъ) [1]), то хотя „отъ лихихъ воеводъ". Уходили „за окіянъ, на острова", за Байкальское море, въ Даурію и т. п. Образовался многочисленный и предпріимчивый классъ „охочихъ служилыхъ людей", которые на свой рискъ и страхъ шли открывать новыя земли (открытія Семеномъ Дежневымъ Берингова пролива, Ерофѣемъ Хабаровымъ р. Амура и т. п.).

Красноярская „шатость" 1695—1698 гг., закончившаяся открытымъ бунтомъ, выросла на той же почвѣ воеводскихъ злоупотребленій и является типичнымъ представителемъ бунтовъ сибирскихъ служилыхъ людей XVII вѣка. Красноярскій бунтъ почти неизвѣстенъ въ литературѣ [2]), а между тѣмъ о немъ сохранилось громадное дѣло среди столбцовъ Сибирскаго Приказа, хранящихся въ Московскомъ архивѣ министерства юстиціи [3]), и дѣло это заслуживаетъ обстоятельнаго изученія.

---

[1]) См. мое „Обозр. Сибир. Приказа", I, 193—195 и мои же очерки „Бунтъ и побѣгъ на Амуръ воровск. полка М. Сорокина" (*Русская Старина*, 1896, № 1) и „Нерчин. заговоръ" (ibid., № 10).

[2]) Краткія свѣдѣнія о немъ см. въ „Лѣтоп. занятій Археогр. ком.", II, 69 и въ „Памятник. сиб. ист. XVIII вѣка", I, 38.

[3]) Столбцы 366, 1288, 1291, 1417, 1418, 1569.—Всего болѣе матеріаловъ о бунтѣ даютъ столбцы 366 и 1288. — Краткое обозрѣніе дѣла о Красноярскомъ

Прежде всего Красноярскій бунтъ поражаетъ своею продолжительностію: онъ длился около трехъ лѣтъ. Все это время существовала въ Красноярскѣ выборная организація среди служилыхъ людей: движеніемъ руководили „выборные судьи (судейки)". Послѣдовательно тремъ воеводамъ—стольникамъ Алексѣю и Мирону Игнатьевичамъ Башковскимъ и Семену Ивановичу Дурново—красноярцы „отказывали отъ воеводства" и добивались ихъ офиціальнаго смѣщенія. Всего круче они обошлись съ самымъ „лихимъ" изъ этихъ воеводъ — съ Дурново, котораго не только держали нѣсколько мѣсяцевъ „въ осадѣ" (какъ и Мирона Башковскаго), но въ концѣ концовъ изгнали изъ города, при чемъ воевода только случайно сохранилъ свою жизнь.

Любопытны и другія стороны этого бунта, особенно группировка воеводской и оппозиціонной партій. Послѣдняя, представляя громадное большинство служилыхъ людей, состояла главнымъ образомъ изъ старожилыхъ красноярцевъ, издавна здѣсь поселившихся. Воеводское же меньшинство (около 4-ой части всѣхъ служилыхъ людей) набралось преимущественно изъ новоселовъ — „ссыльныхъ людей", среди которыхъ замѣтную группу составляла часть „ссыльныхъ литовскихъ людей и черкасъ" (другая часть ихъ — почти половина — принадлежала къ бунтовщикамъ), имѣя во главѣ боярскаго сына Василія Игнатьевича Многогрѣшнаго (брата бывшаго малороссійскаго гетмана Демьяна Многогрѣшнаго). Возможно, что опальное состояніе ссыльныхъ людей заставляло ихъ больше держаться воеводской партіи, чтобы не ухудшить своего положенія. Но и помимо того, здѣсь сказался всегдашній антагонизмъ между коореннымъ и пришлымъ населеніемъ и обычный сибирскій протестъ противъ ссыльной колонизаціи, замѣтный еще съ XVII вѣка.

Въ Красноярскомъ бунтѣ участвовали преимущественно служилые люди, но „шатость" была и между жилецкими людьми города и уѣзда— между посадскими, крестьянами и ясачными людьми. По крайней мѣрѣ жилецкіе люди если не всегда участвовали открыто въ бунтѣ, то всегда неизмѣнно сочувствовали и всячески содѣйствовали ему тайно, а явно подавали челобитныя на злоупотребленія воеводъ. „Весь городъ и уѣздъ" добровольно и охотно признавали власть „выборныхъ судей".

Спеціальный „розыскъ" о Красноярскомъ бунтѣ производили въ

бунтѣ см. въ главѣ XXVI III части „Обозрѣнія столбцовъ и книгъ Сибирскаго Приказа".

1695—1699 гг. московскіе „сыщики" думный дьякъ Данило Леонтьевичъ Полянскій и дьякъ Данило Андреевичъ Берестовъ, посланные Петромъ Великимъ въ Сибирь для „большаго сыска" о злоупотребленіяхъ всѣхъ вообще сибирскихъ воеводъ и другихъ служилыхъ людей [1]). Къ сожалѣнію, этотъ розыскъ сохранился не весь цѣликомъ, да и не былъ законченъ. Въ нижеслѣдующемъ изложеніи мы и представляемъ довольно полное обозрѣніе этого дѣла.

I.

Фамилія Башковскихъ хорошо была извѣстна въ Красноярскѣ. Еще въ 1686—1688 гг. здѣсь воеводствовалъ Игнатій Васильевичъ Башковскій [2]) — отецъ Алексѣя и Мирона, бывшихъ воеводами въ 90-хъ годахъ, когда разгорѣлась Красноярская смута. Съ отцомъ этихъ „лихихъ воеводъ" красноярцы, повидимому, ладили, по крайней мѣрѣ обвинительныхъ челобитныхъ на него не было и въ Красноярскѣ при немъ было спокойно. Послѣ него воеводствовали два его сына. Первымъ воеводствовалъ въ Красноярскѣ старшій сынъ Игнатія Алексѣй Башковскій, въ 1694—95 гг. Не прошло и года съ его назначенія, какъ на него посыпались челобитья служилыхъ, жилецкихъ и ясачныхъ людей, обвинявшихъ воеводу въ лихоимствѣ и всевозможныхъ „обидахъ и разореніяхъ".

Свои грабительства А. Башковскій производилъ такъ безцеремонно, что вызвалъ даже порубежныя осложненія—съ сосѣдними калмыцкими и киргизскими землями. Правда, эти затрудненія начались давно—съ 1666 года, при воеводѣ Герасимѣ Петровичѣ Никитинѣ (1663—1666 гг.), который всячески притѣснялъ и грабилъ калмыцкихъ и киргизскихъ торговыхъ людей, приходившихъ въ Красноярскъ. Позже былъ „такой же воевода разоритель и грабитель" Данило Григорьевичъ Загряжской (1678—1679 гг.), не щадившій и зарубежныхъ сосѣдей, которые вынуждены были въ отместку дѣлать набѣги на Красноярскій уѣздъ. То же самое повторилось и при А. Башковскомъ: съ пріѣзжавшихъ въ Красноярскъ бухарскихъ и калмыцкихъ торговыхъ людей онъ бралъ „великія взятки" деньгами, товарами, „ясыремъ" и проч., а въ результатѣ—калмыцкіе и киргизскіе „воин-

---

[1]) См. объ этомъ грандіозномъ „сыскѣ" конца XVII вѣка (неизвѣстномъ литературѣ) въ главѣ XXVI III части „Обозрѣнія Сибир. Приказа".

[2]) Извѣстенъ своимъ доносомъ на патріарха Никона (см. *Соловьевъ*, III, 818).

скіе люди" стали „приходить войною" на Енисейскій и Красноярскій уѣзды.

Мало того: красноярцы прямо обвиняли этого „воеводу грабителя и разорителя" въ „измѣнномъ дѣлѣ" изъ корыстолюбивыхъ побужденій. Они утверждали, что онъ посылалъ въ киргизскую „немирную орду" своего человѣка Якова Аргамачка съ свинцомъ, порохомъ, „добрыми конями" и съ разными товарами. Все это выгодно продавалось киргизамъ, которые съ этимъ же порохомъ и свинцомъ приходили „воевать" съ красноярцами...

Красноярцы убѣдились, что съ А. Башковскимъ имъ „жить не мочно", и подняли противъ него бунтъ. Недовольные воеводою служилые люди стали собираться въ „круги" и устраивать свои „думы и совѣты". Руководителями движенія были боярскіе дѣти Трифонъ Еремѣевъ, Дмитрій Тюменцовъ, Кононъ Самсоновъ, Григорій Ермолаевъ и Алексѣй Ярлыковъ. Всѣ они были старослужилые красноярцы. мѣстные уроженцы, пользовавшіеся большимъ вліяніемъ на товарищей, примкнувшихъ къ нимъ въ большинствѣ. Во главѣ воеводской партіи — слабой и количественно и качественно, сталъ боярскій сынъ изъ ссыльныхъ черкасъ Василій Многогрѣшный, потянувшій за собою другихъ ссыльныхъ людей.

Не смотря на противодѣйствіе воеводскихъ сторонниковъ Трифонъ Еремѣевъ съ товарищи добились своего: 16-го мая 1695 года они собрались толпою предъ приказною избою и объявили вышедшему на шумъ воеводѣ А. И. Башковскому, что „отказываютъ" ему „отъ воеводства". Воевода сталъ угрожать толпѣ карами и требовалъ выдачи „пущихъ заводчиковъ", но толпа продолжала шумѣть, настаивая на своемъ „отказѣ отъ воеводства", а часть бунтовщиковъ пошла на воеводскій дворъ и начала грабить „животы" Башковскаго. Въ то же время другая толпа разсѣялась по городу и принялась „разорять домишка и грабить животишка" служилыхъ людей изъ воеводской партіи. Послѣдніе пробовали защищать свое имущество, но бунтовщики „били смертнымъ боемъ" всѣхъ сопротивлявшихся [1]). Башковскій поспѣшилъ уѣхать въ Енисейскъ, опасаясь за свою жизнь.

Бунтовщики торжествовали, когда добились отъѣзда воеводы, и городъ фактически оказался въ ихъ рукахъ. Немедленно они принялись за организацію своего управленія: главные руководители дви-

[1]) См. напр. въ столбцѣ 1288 обширную челобитную казака Семена Надѣжина, избитаго тогда и ограбленнаго бунтовщиками Васильемъ Обуховымъ, Игнатомъ Ендоуровымъ, Иваномъ Скобелинымъ и др.

женія Трифонъ Еремѣевъ и Дмитрій Тюменцовъ были избраны „судьями", вѣдавшими городъ и уѣздъ, т. е. замѣнившими воеводу въ предѣлахъ его власти, но ограниченными „совѣтомъ" старшихъ служилыхъ людей (боярскихъ дѣтей, „начальныхъ людей" — атамановъ, пятидесятниковъ и др.) и всенародною „думою", т. е. собраніемъ всѣхъ участниковъ движенія. Послѣ судей главную роль играли боярскій сынъ Кононъ Самсоновъ и казачій атаманъ Аника Тюменцовъ, братъ судьи.

Первымъ дѣломъ судей было остановить начавшійся грабежъ въ городѣ. Это имъ удалось настолько, что даже большая часть пожитковъ А. Башковскаго была спасена и положена на храненіе въ приказную избу. Не удалось только отстоять обширные „съѣстные и питейные припасы" Башковскаго. Правда, 3 бочки вина (одна съ „двойнымъ виномъ") судьи отобрали у толпы, но по ея „челобитью" и „по приговору всякихъ чиновъ служилыхъ людей" согласились раздать то вино „въ дуванъ" всѣмъ участникамъ и сторонникамъ бунта.

Затѣмъ судьи принялись за борьбу съ происками воеводской партіи. Послѣдняя получила неожиданное подкрѣпленіе въ лицѣ только что прибывшаго въ Красноярскъ послѣ годовой службы „на приказѣ" въ Удинскомъ острогѣ боярскаго сына Степана Иванова, человѣка очень энергичнаго и преданнаго Башковскому, въ благодарность за полученіе богатаго „приказа". На встрѣчу Иванову, возвращавшемуся съ „государевою соболиною казною" и съ собственными, награбленными въ Удинскѣ „животами", выѣзжали воеводскіе сторонники казачій десятникъ Евсѣй Олферьевъ, казаки Яковъ Щепетовъ, Кириллъ Нѣмчиновъ и др., и вели съ Ивановымъ какіе-то переговоры. По пріѣздѣ въ Красноярскъ Ивановъ сразу сталъ въ непріязненныя отношенія къ выборнымъ судьямъ и ихъ товарищамъ; тѣ схватили его, отобрали у него соболиную казну и всѣ его пожитки, а самого его убили.

Когда всѣ эти волненія улеглись, судьи съ товарищами отправили въ Москву челобитную на А. Башковскаго, въ дополненіе къ прежнимъ. Они не скрывали ничего изъ послѣднихъ событій, закончившихся изгнаніемъ воеводы, сознавали свою вину предъ „великимъ государемъ", но въ то же время твердо стояли на томъ, что имъ стало „жить не мочно" съ этимъ „лихимъ воеводою". Въ концѣ концовъ они просили прислать „добраго воеводу"...

Воеводу имъ дали, но родного брата только что изгнаннаго ими А. И. Башковскаго...

Повидимому, у Башковскихъ была сильная рука въ Сибирскомъ приказѣ, устроившая это неожиданное назначеніе. Въ Красноярскѣ ожидался „сыщикъ“ для „сыска“ о злоупотребленіяхъ А. Башковскаго, доведшихъ красноярцевъ до бунта. Какъ бы ни былъ этотъ сыщикъ самостоятеленъ и неподкупенъ, но онъ не могъ не считаться съ разными мѣстными вліяніями, среди которыхъ воеводское вліяніе было преобладающимъ. Воевода могъ направить розыскъ куда ему желательно, оказывать давленіе на участниковъ и свидѣтелей бунта, заметать слѣды злоупотребленій своего предшественника, словомъ могъ всячески мѣшать розыску. Всего этого слѣдовало ожидать отъ новаго Красноярскаго воеводы—Мирона Игнатьевича Башковскаго, явившагося не умирителемъ мѣстной „шатости“, но мстителемъ за брата, пострадавшаго отъ нея. Тяжелые дни наступали для Красноярска, смущеннаго ожиданіемъ новаго воеводы...

II.

Съ Мирономъ Башковскимъ, который пробылъ въ Красноярскѣ воеводой съ августа 1695 года по августъ 1696 года, вернулся въ Красноярскъ и Алексѣй Башковскій, который долженъ былъ сдать брату городъ, государеву казну, служилыхъ людей и прочее, и во всемъ этомъ „росписаться“ съ нимъ, т. е. получить „росписной списокъ“ отъ новаго воеводы. Но Алексѣй испугался начавшагося въ городѣ броженія служилыхъ людей, и Миронъ вынужденъ былъ его „отпустить изъ Красноярска, не счетчи“ по казнѣ и не росписавшись съ нимъ.

Никакихъ злоупотребленій Миронъ Башковскій не успѣлъ еще совершить, но для красноярцевъ было достаточно, что Миронъ родной братъ только что изгнаннаго ими воеводы. Они предчувствовали, что братъ будетъ мстить за брата, и сразу стали въ непріязненныя отношенія къ Мирону, находя для себя оправданіе въ томъ, что онъ дѣйствительно въ самомъ же началѣ сталъ отличать друзей отъ недруговъ, относясь къ послѣднимъ съ естественною недовѣрчивостью и подозрительностью.

Еще въ ожиданіи М. Башковскаго и предстоящаго розыска о майскомъ бунтѣ, многіе служилые люди выѣхали изъ Красноярска, скрываясь по своимъ деревнямъ, или у родныхъ и знакомыхъ. Оставшіеся въ городѣ служилые люди вступили въ сношенія съ этими „деревенцами“ и стали требовать возвращенія ихъ въ городъ, для

борьбы съ новымъ воеводою. Въ сентябрѣ „деревенцы“ потянулись въ Красноярскъ.

Воевода узналъ, что большая партія деревенцовъ подъ начальствомъ Василія Обухова направляется въ городъ. На встрѣчу имъ онъ отправилъ своихъ сторонниковъ, Анисима Путимцова и другихъ. Путимцовъ съ товарищи должны были заявить „деревенцамъ всякихъ чиновъ служилымъ людямъ“, чтобы они „въ Красноярскъ многолюдствомъ не ѣздили, а буде кому какая нужда, и они бы ѣхали въ городъ человѣка по три, или по пяти, или по шести“. Но Обуховъ не послушался и со всѣмъ отрядомъ сталъ подвигаться дальше.

14-го сентября воевода послалъ въ дер. Севастьянову казачьяго десятника Илью Сурикова, съ 10 казаками, давши ему „наказную память“, чтобы онъ доставилъ въ городъ „смутителей“ Василія Обухова и Ивана Гендоурова. Суриковъ предъявилъ память приказному человѣку дер. Севастьяновой боярскому сыну Ѳедору Самсонову, чтобы онъ тѣхъ „бунтовщиковъ сыскавъ, отдалъ“ ему. Но Самсоновъ, уже примкнувшій къ партіи Обухова, отказалъ Сурикову въ какомъ бы то ни было содѣйствіи и посовѣтовалъ вернуться въ городъ. Тотъ такъ и сдѣлалъ. На обратной дорогѣ, въ дер. Хлоптуновой онъ встрѣтилъ новый отрядъ деревенцовъ, около 40 человѣкъ, собравшихся здѣсь изъ села Бузинскаго и деревень Юксѣевской, Нахвальной, Шиверской, Шандринской и др.

Деревенцы не обратили никакого вниманія на приказъ воеводы, „учинились великихъ государей указу сильны и непослушны, и тѣхъ заводчиковъ и смутителей не выдали“; они говорили прямо, что если воевода выйдетъ съ ссыльными людьми на поле, они съ ними будутъ биться.

Между тѣмъ, и въ городѣ началось броженіе, когда деревенцы появились въ окрестностяхъ Красноярска, а часть ихъ проникла въ самый городъ. На городскихъ площадяхъ собирались „народные воровскіе круги“, которыми руководили боярскіе дѣти Григорій Ермолаевъ, Кононъ Самсоновъ, Алексѣй Ерлыковъ — „заводчики“ бунта при А. Башковскомъ, затѣмъ новые дѣятели—атаманъ Михаилъ Злобинъ, сотникъ Иванъ Поспѣловъ и др.

Видя растущій мятежъ, воевода грозилъ „городъ выжечь и вырубить“. Но угроза подлила масла въ огонь. Намѣреніе воеводы было предупреждено заговорщиками: стали горѣть отъ поджоговъ дома воеводскихъ сторонниковъ — казаковъ Ѳомы Терскаго, Замятни Селиванова и др. Дома другихъ стали подвергаться грабежу.

Такъ прошелъ октябрь, а въ ноябрѣ броженіе вылилось въ открытый бунтъ: 11-го ноября воевода Миронъ Башковскій вынужденъ былъ запереться съ своими сторонниками „въ маломъ городѣ" (крѣпости), гдѣ и пробылъ съ тѣхъ поръ „въ осадѣ" до конца августа 1696 года. Съ нимъ находилось около 50 человѣкъ, но за стѣнами крѣпости, недурно вооруженной и съ значительными боевыми припасами, эта кучка людей чувствовала себя достаточно сильною предъ своими противниками.

14-го ноября ударили въ набатъ въ Покровской церкви, куда стали собираться служилые люди съ оружіемъ, посадскіе люди, подгородные крестьяне и ясачные татары. Затѣмъ все это „многолюдство, съ ружьемъ, съ копьями и со знамены" двинулось къ „малому городу", подъ начальствомъ боярскаго сына Григорья Ермолаева, атамана Михаила Злобина и сотниковъ Симона Бѣлянина и Ивана Поспѣлова. Воевода вышелъ на крѣпостную стѣну и выслушалъ отъ Ермолаева „отказъ отъ воеводства", подкрѣпленный всею толпою. Толпа разграбила оставшіеся въ большомъ городѣ „животы" Башковскаго—„всѣ безъ остатку", а также дома воеводскихъ сторонниковъ, засѣвшихъ съ воеводою въ маломъ городѣ.

III.

Пока осада малаго города красноярцами не была строго организована, Миронъ Башковскій поспѣшилъ отписать въ Москву, Тобольскъ и Енисейскъ, прося помощи противъ бунтовщиковъ. Первымъ откликнулся тобольскій воевода, ближній стольникъ Андрей Ѳедоровичъ Нарышкинъ, назначившій, по указу Сибирскаго приказа, тобольскаго дворянина Ѳедора Степановича Тутолмина временнымъ красноярскимъ воеводою „на перемѣну" Мирона Башковскаго.

Тутолминъ былъ назначенъ въ ноябрѣ 1695 г., пріѣхалъ онъ въ Красноярскъ въ февралѣ 1696 г., но не могъ вступить на воеводство, встрѣтивши противодѣйствіе какъ со стороны Мирона Башковскаго — номинальнаго воеводы, продолжавшаго сидѣть „въ осадѣ", такъ и со стороны „выборныхъ судеекъ"—фактическихъ воеводъ въ Красноярскѣ, управлявшихъ городомъ и уѣздомъ съ половины ноября 1695 г. до 20-го августа 1696 г., когда на смѣну Башковскаго и Тутолмина прибылъ изъ Москвы стольникъ Дурново.—Возвращаемся къ событіямъ послѣ бунта 14-го ноября.

Черезъ нѣсколько дней народная „дума" занялась избраніемъ су-

дей. На этотъ разъ дума избрала 7 судей: боярскаго сына Григорья Ермолаева, атамана Михаила Злобина, сотниковъ Ивана Поспѣлова и Симона Бѣлянина, пятидесятниковъ Петра Муравьева и Ларіона Ростовца, десятника Тимофея Потылицына. Только послѣдній былъ изъ черкасъ, остальные изъ красноярцевъ.

Любопытенъ этотъ составъ судей. Изъ служилой аристократіи города избраны только 2 лица (Ермолаевъ и Злобинъ), слѣдующіе 4 судьи (сотники и пятидесятники) принадлежали къ низшимъ начальнымъ людямъ (т. е. по нашей терминологіи — къ оберъ-офицерамъ), а послѣдній судья былъ представителемъ рядовыхъ служилыхъ людей (десятникъ=унтеръ-офицеру). Допущеніе десятника въ составъ судей и равноправное положеніе его съ остальными судьями, представителями офицерства, говоритъ о значительномъ развитіи выборнаго начала въ красноярской „народной думѣ". Слѣдуетъ также отмѣтить слабое участіе въ составѣ судей представителей служилой аристократіи, сильной своимъ положеніемъ, вліяніемъ и матеріальными средствами. Большинство составили „середніе люди", стоявшіе между высшими начальными людьми и рядовой массой.

Всѣмъ этимъ „выборнымъ судьямъ" служилые люди „выборъ дали", т. е. составили актъ избранія и подписали его въ лицѣ своихъ представителей.

Для завѣдыванія разными хозяйственными дѣлами и спеціально кружечнымъ дворомъ дума избрала цѣловальникомъ посадскаго человѣка Ивана Ростового.

Послѣ отказа Мирону Башковскому Григорій Ермолаевъ, бывшій тотъ годъ приказнымъ человѣкомъ въ селѣ Ясауловѣ, вернулся на свой приказъ, выжидая событій въ то „отказное время". Избравши его въ число судей, дума послала къ нему нѣсколькихъ служилыхъ людей, съ приглашеніемъ прибыть въ Красноярскъ. Ермолаевъ почему-то сталъ отказываться, но долженъ былъ уступить настояніямъ прибывшихъ служилыхъ людей и мѣстныхъ крестьянъ: его почти „сильно" привезли изъ Ясаулова въ Красноярскъ.

При равноправіи всѣхъ 7 судей, Григорій Ермолаевъ былъ старшимъ товарищемъ среди нихъ и оставался въ этой роли до апрѣля 1696 г., когда былъ смѣщенъ съ судейскаго мѣста. Чѣмъ онъ провинился предъ красноярцами—неизвѣстно, по крайней мѣрѣ онъ самъ не объясняетъ этого въ своей позднѣйшей челобитной, гдѣ разсказываетъ о времени своего судейства. Онъ говоритъ, что въ апрѣлѣ толпа красноярцевъ, подъ предводительствомъ судьи Симона Бѣля-

нина и конныхъ казаковъ Емельяна Смольянинова, Герасима Ошарова и др., явилась къ нему и „отъ судной избы и ото всякихъ дѣлъ отказали, со всякимъ безчестьемъ"... Мало того, его арестовали и посадили „въ судную избу, и на цѣпь сковали, и приковали къ стѣнѣ, и убить хотѣли", издѣваясь надъ нимъ всячески.

На мѣсто Григорія Ермолаева никого не выбирали, находя достаточнымъ составъ въ 6 судей. Роль старшаго изъ нихъ перешла къ казачьему атаману Михаилу Злобину. Такимъ образомъ, всѣ судьи оказались представителями казаковъ—главной массы служилыхъ людей, а боярскіе дѣти — высшая служилая аристократія города — не имѣла среди судей ни одного представителя. Здѣсь сказалась обычная въ Сибири XVII вѣка антипатія казаковъ къ боярскимъ дѣтямъ, мѣстами доходившая до открытой „розни" между ними и нежеланія служить другъ съ другомъ [1]).

По даннымъ розыскнаго о бунтѣ дѣла нельзя вполнѣ возстановить той рядовой дѣятельности красноярскихъ выборныхъ судей 1695—1696 гг., которая замѣнила соотвѣтствующую воеводскую дѣятельность. Мы знаемъ, что дѣлопроизводство судной избы исчезло, а документы розыска касаются этой стороны мимоходомъ. Разсмотримъ эти немногіе намеки.

Прежде всего слѣдуетъ отмѣтить, что красноярская „судная изба" была учрежденіемъ коллегіальнымъ. Во всѣхъ случаяхъ, когда документы говорятъ, что напримѣръ судья Ермолаевъ, или судьи Ермолаевъ и Злобинъ сдѣлали то-то, то обязательно прибавляется, что они сдѣлали это „съ товарищи", т. е. по распоряженію всѣхъ 7 судей. Случаи единоличныхъ распоряженій кого-либо изъ судей встрѣчаются лишь тогда, когда рѣчь идетъ о злоупотребленіяхъ того судьи.

Какъ выражаются документы, судьи „дѣлали всякіе государевы дѣла", т. е. все то, что дѣлали воеводы. Такъ, съ ясачныхъ людей они собирали ясакъ, съ посадскихъ и крестьянъ оброчныя деньги, съ торговыхъ и промышленныхъ таможенные сборы и проч.

Было обвиненіе противъ судей, что при нихъ очень мало собрано ясачной казны (мягкой рухляди) и именно благодаря тому обстоятельству, что они свободно отпускали промышленныхъ людей во всякое время на „соболиные промыслы" въ „ясачныя землицы", напри-

---

[1]) См. напр., мой очеркъ „Якутскій розыскъ о розни боярскихъ дѣтей и казаковъ" въ *Русской Старинѣ*, 1897, № 8, стр. 375—392.

мѣръ, промышленнаго человѣка Константина Котюхина съ товарищи отпустили въ Камасинскую землю, не собравши съ нея государева ясака. Обыкновенно воеводы разрѣшали частнымъ лицамъ соболиный промыселъ только послѣ сбора ясака, чтобы лучшіе соболи попали въ государеву казну, а не въ руки торговыхъ и промышленныхъ людей.

Сборы судьями ясака съ ясачныхъ людей, хлѣба съ „пашенныхъ крестьянъ", оброчныхъ денегъ съ „оброчныхъ крестьянъ" и посадскихъ людей—всѣ эти факты несомнѣнно говорятъ, что „весь городъ" и „весь уѣздъ" добровольно и безъ всякихъ замѣшательствъ подчинились красноярскимъ „выборнымъ судьямъ" и стали легко забывать порядки воеводскаго управленія.

О послѣднихъ напомнилъ красноярцамъ пріѣздъ въ февралѣ 1696 г. тобольскаго дворянина Ѳ. С. Тутолмина, назначеннаго „на перемѣну" Мирона Башковскаго. Но здѣсь дѣло обошлось мирно: красноярцы не предпочли Тутолмина своимъ выборнымъ судьямъ, и новый воевода „бездѣльно" прожилъ въ Красноярскѣ полгода (до пріѣзда Дурново), не имѣя даже той тѣни воеводской власти, какая еще была за М. Башковскимъ, продолжавшимъ сидѣть въ осадѣ въ маломъ городѣ.

Получилось любопытное явленіе — троевластіе: одновременно въ Красноярскѣ находились—а) номинальный старый воевода М. Башковскій, не хотѣвшій хотя бы формально (въ дѣйствительности онъ не могъ) сдать воеводство Тутолмину, б) номинальный новый воевода Ѳ. Тутолминъ, жаждавшій получить воеводство, но не знавшій, отъ кого онъ его получитъ, в) фактическій воевода—красноярскій „міръ", твердо державшій въ своихъ рукахъ, въ лицѣ своихъ 7 судей, всѣ функціи воеводской власти и не желавшій никому ихъ уступить. Побѣда (правда, временная) оказалась на сторонѣ послѣдняго.

Когда Тутолминъ сообщилъ Мирону Башковскому о своемъ пріѣздѣ и потребовалъ сдачи воеводства, то Миронъ „въ малой городъ его не пустилъ, и печать и казны и дѣлъ не отдалъ". Тутолминъ послалъ о томъ отписку въ Москву, а самъ остался жить въ Красноярскѣ „бездѣльно". Онъ поселился подъ Красноярскомъ въ деревнѣ Ладесской, откуда пробовалъ вступить въ сношенія съ выборными судьями, чтобы при ихъ содѣйствіи выжить Мирона изъ малаго города и самому усѣсться на его мѣсто. Онъ посовѣтовалъ красноярцамъ „морить голодною смертію осадныхъ сидѣльцевъ". Красноярцы сначала послушались, „морили ихъ голодомъ трои сутки", не подпуская къ

малому городу женъ осажденныхъ, приносившихъ имъ хлѣбъ и другіе съѣстные припасы. Но потомъ бросили эту мѣру, вѣроятно, рѣшивши, что спокойно сидѣвшій въ осадѣ Миронъ лучше неизвѣстнаго имъ Тутолмина.

Тутолминъ понялъ, что съ „міромъ" неудобно ссориться, и мирно зажилъ съ красноярцами, не вмѣшиваясь болѣе въ ихъ дѣла. Онъ занялся „виннымъ куреньемъ", благо красноярцы обильно доставляли ему хлѣбъ, поднося его „для пропитанія, въ почесть". На „пиры" съ этимъ „воровскимъ виномъ" ѣздили къ Тутолмину судьи М. Злобинъ, И. Поспѣловъ и др.

IV.

Лѣтомъ 1696 г. красноярцы узнали, что къ нимъ ѣдетъ изъ Москвы назначенный царемъ новый воевода стольникъ Семенъ Ивановичъ Дурново, которому вмѣстѣ съ тѣмъ поручено произвести розыскъ о злоупотребленіяхъ Алексѣя и Мирона Башковскихъ и о красноярской „шатости". По слухамъ, шедшимъ изъ Москвы, Дурново былъ человѣкомъ суровымъ, даже жестокимъ, способнымъ черезчуръ строго обойтись съ красноярцами, отбившимися въ послѣднее время отъ воеводскихъ рукъ.

Эти слухи произвели большое смущеніе въ Красноярскѣ. Какъ ни извольничались красноярцы, большинство ихъ не покидала мысль о своей „великой винѣ" предъ государемъ, и только у меньшинства бродили мечты о возможности устроиться самостоятельно навсегда. Большинство же мечтало объ одномъ—объ избавленіи отъ „лихихъ воеводъ" и вѣрило въ возможность существованія воеводъ, съ которыми „жить мочно". На свои бунты оно смотрѣло какъ на протесты противъ воеводскихъ насилій и разоренія, и какъ на урокъ зарвавшимся воеводамъ. Если это умѣренное большинство легко отнеслось къ назначенному изъ Тобольска Тутолмину и не признало его воеводою, то оно не могло не признать Дурново, назначеннаго царемъ. Оно надѣялось, что новый воевода произведетъ розыскъ по справедливости и снисходительно отнесется къ разгорѣвшимся среди красноярцевъ страстямъ. Большинство рѣшилось подчиниться Дурново, предпочитая худой миръ доброй ссорѣ. Неопредѣленное положеніе тяготило ихъ и заставляло стремиться къ какому бы то ни было концу. Крайніе возставали противъ такого рѣшенія, совѣтуя продолжать борьбу съ воеводами и дальше, но умѣренное большинство взяло верхъ. Въ

ожиданіи предстоящаго розыска красноярцы начали заметать свои слѣды недавней шатости, отворачивались отъ своихъ выборныхъ судей, перестали признавать ихъ власть.

Среди партіи крайнихъ начались раздоры, интриги, появились измѣнники мірскому дѣлу. Григорій Ермолаевъ былъ смѣщенъ съ судейства еще въ апрѣлѣ и съ тѣхъ поръ отсталъ отъ мірского дѣла. Во главѣ его стоялъ Михаилъ Злобинъ; при Дурново онъ совсѣмъ измѣнилъ міру и перешелъ на воеводскую сторону. Понятно. что при такомъ руководителѣ мірское дѣло заглохло, и ко времени пріѣзда Дурново судьи какъ-то незамѣтно стушевались и волею-неволею выпустили власть изъ своихъ рукъ.

Первые шаги воеводы Дурново были тонко расчитаны и произвели надлежащее впечатлѣніе па красноярцевъ. Въ городъ, объятый мятежемъ и упразднившій воеводскую власть, Дурново смѣло вступилъ съ небольшою кучкою своей свиты и собственныхъ людей, совершенно игнорируя красноярцевъ и не вступая ни въ какіе переговоры съ ними. 20-го августа онъ вошелъ въ „малый городъ", гдѣ сидѣлъ въ осадѣ Миронъ Башковскій съ своими „осадными сидѣльцами". Послѣднимъ Дурново велѣлъ тотчасъ разойтись по домамъ, обнадеживая, что „воры" ихъ не тронутъ. Но какъ только воеводскіе сторонники вышли изъ крѣпости и стали группами расходиться по городу, по своимъ домамъ, партія крайнихъ стала ихъ обезоруживать и бить. Впрочемъ, это была уже послѣдняя вспышка улегавшейся шатости, остановленная умѣреннымъ большинствомъ, открыто ставшимъ на сторону Дурново. Послѣдній не обратилъ вниманіе на эту вспышку и даже не сталъ удерживать въ городѣ тѣхъ осадныхъ сидѣльцевъ, которые изъ страха начали выѣзжать въ Енисейскъ и другія мѣста.

Отъ М. Башковскаго онъ „принялъ" городъ, но по документамъ его „не считалъ", такъ какъ Миронъ торопился уѣхать въ Енисейскъ, „убоясь отъ красноярцевъ себѣ смертного убойства". Миронъ выѣхалъ изъ Красноярска ночью. Позже Дурново спохватился, что онъ нарушилъ здѣсь первое предписаніе „воеводскаго наказа"—не отпускать стараго воеводу, не „росписавшись" съ нимъ. Дурново сталъ вызывать М. Башковскаго „для счету" чрезъ Енисейскаго воеводу Михаила Римскаго-Корсакова. Но Миронъ отказался вернуться въ Красноярскъ, гдѣ снова начались тогда волненія.

Затѣмъ, Дурново допустилъ и другое отступленіе отъ обычной воеводской практики: обычнаго при вступленіи на воеводство

„смотру служилымъ людямъ не было и милостиваго государского жалованнаго слова къ нимъ не было". Очевидно, не было и того, что всегда слѣдовало за смотромъ—раздачи казеннаго вина. Служилые и ясачные татары также жаловались потомъ, что и имъ воевода не сдѣлалъ смотра и не передалъ „жалованнаго слова".

Такъ Дурново вступилъ на воеводство. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ уже посыпались въ Москву и къ сыщику думному дьяку Д. Л. Полянскому челобитныя на Дурново, начавшаго свои гоненія на противниковъ Алексѣя и Мирона Башковскихъ. Вмѣсто снисходительнаго отношенія къ „воровскимъ людямъ", подвигнутымъ на „воровство" воеводскими злоупотребленіями, вмѣсто безпристрастнаго разбора ихъ жалобъ на воеводъ, началось повальное гоненіе на правыхъ и виноватыхъ, и явное стремленіе обѣлить „лихихъ воеводъ". Къ ихъ числу красноярцы скоро причислили и Дурново, не съумѣвшаго воспользоваться наступившимъ предъ его пріѣздомъ затишьемъ и думавшаго удержать народъ въ повиновеніи силою и угрозами. Красноярскій „міръ" опять сталъ бурлить и втягиваться въ борьбу съ новымъ воеводою. Общее недовольство воеводою снова объединило и крайнихъ, и отчасти прежнихъ умѣренныхъ.

Дѣйствительно суровый и жестокій воевода на каждомъ шагу подливалъ масла въ огонь своими злоупотребленіями. Первая челобитная на Дурново послана лѣтомъ 1697 г., какъ только въ Красноярскѣ узнали о пріѣздѣ въ Сибирь московскихъ сыщиковъ Полянскаго и Верестова. На встрѣчу имъ, въ Кецкой острогъ, выѣхали съ челобитными боярскій сынъ Иванъ Злобинъ (сынъ атамана Михаила Злобина, бывшаго судьи) и служилый татаринъ Кочка Торомовъ, оба съ товарищами. Злобинъ привезъ челобитную отъ служилыхъ русскихъ людей, Торомовъ отъ служилыхъ и ясачныхъ татаръ. Обѣ эти челобитныя не сохранились, но уцѣлѣла третья челобитная, полученная Полянскимъ 18-го октября 1697 г.

Она доставлена боярскимъ сыномъ Ѳедоромъ Самсоновымъ съ товарищи и подана отъ имени 16 служилыхъ людей. Они жалуются на своего „разорителя" Дурново, который съ самаго пріѣзда, „дружа и норовя стольникамъ А. и М. Башковскимъ", началъ преслѣдовать челобитчиковъ на этихъ воеводъ, вымучивая у нихъ „угрозами и побоями" разныя „вымышленныя сказки и составныя челобитныя" въ пользу Башковскихъ.

От „всякихъ страстей и гоненія и нападокъ" воеводы многіе служилые люди и татары „разбѣжались" изъ Красноярска. Другіе

бросились съ челобитьями къ Полянскому, но тотъ отослалъ ихъ обратно въ Красноярскъ, въ виду ожидавшагося нападенія „непріятельскихъ воинскихъ людей" (зарубежныхъ киргизовъ и калмыковъ).

Дурново узналъ объ этомъ челобитьѣ на него и началъ недовольныхъ „изгонять и разорять пуще прежняго": велѣлъ „ссыльнымъ людямъ", съ которыми вступилъ въ союзъ подобно Башковскимъ, „хватать" челобитчиковъ и „батоги билъ многихъ до полусмерти". Ссыльные люди неистовствовали съ воеводскаго разрѣшенія: они врывались въ дома челобитчиковъ „съ бердыши и оружьемъ", били ихъ, увѣчили, „по избамъ и по клѣтямъ" шарили.

Въ февралѣ тотъ же Ѳ. Самсоновъ и другой боярскій сынъ Матвѣй Еремѣевъ (братъ прежняго выборнаго судьи Трифона Еремѣева) подали Полянскому новую челобитную на „гонителя и разорителя" Дурново. Челобитье шло уже отъ 31 человѣка. Челобитчики жалуются, что воевода началъ сильно ихъ „тѣснить—въ тюрьму и за караулы безвинно сажать, и въ оковы ножные и въ ручные желѣза назадъ руки заковывать, и мучить, и своими руками бить", какъ напримѣръ, избилъ собственноручно коннаго казака Алексѣя Смольянинова, котораго свезли съ воеводскаго двора „убитаго до смерти". Вообще, вмѣстѣ съ „присыльными людьми" Дурново „многихъ людей переувѣчилъ—головы испроломилъ палками" и т. п. По словамъ челобитныхъ, Дурново „научалъ" ссыльныхъ людей возбуждать противъ „градскихъ и уѣздныхъ людей" многіе „иски непомѣрные", отъ которыхъ отвѣтчики „откупалися многими посулы" и терпѣли „многое разореніе".

Вообще, Дурново всячески привлекалъ къ себѣ ссыльныхъ людей, пользуясь для этого разными незаконными мѣрами, въ ущербъ интересамъ коренныхъ красноярцевъ. Такъ, жалованье за прошлые три года (изъ присланной „денежной и товарной казны") воевода выдавалъ служилымъ людямъ „не въ ровенствѣ—иному много, а иному мало, а инымъ ничего не далъ". А между тѣмъ, изъ той же казны—жаловались челобитчики—„изъ нашихъ окладовъ", онъ даетъ „жалованье присыльнымъ людямъ, которые присланы въ посадъ и въ пашню", а не на службу. Совершая это незаконное дѣло, воевода идетъ дальше—тратитъ на тѣхъ же ссыльныхъ людей доходы кружечнаго двора и таможни. Точно также онъ злоупотребляетъ, когда бережетъ для своихъ сторонниковъ, ссыльныхъ людей, хлѣбные запасы, собранные съ „Красноярской пахоты", которые слѣдовало раздать въ хлѣбное

жалованье „безпахотнымъ“ служилымъ людямъ, а они не получили его „ни по единой пяди“.

Челобитчики обвиняютъ Дурново въ прямомъ взяточничествѣ: такъ, съ атамана пѣшихъ казаковъ Өедора Кольцова, посланнаго въ 1697 г. для ясачнаго сбора въ Канской острогъ, съ 20 казаками, воевода взялъ „посулу“ изъ ихъ жалованья 40 руб. Такую же сумму онъ взялъ изъ жалованья 40 „годовальщиковъ“, посланныхъ на годовую службу въ Верхній Караульный острогъ. Послѣднимъ онъ не далъ ни пороха, ни свинцу, а когда они стали бить о томъ челомъ, воевода велѣлъ „бить батоги на смерть“ челобитчика казака И. Трофимова, который отъ того боя долго лежалъ больнымъ.

Дурново нашелъ поддержку въ присланномъ изъ Енисейска для розыска боярскомъ сынѣ Яковѣ Елагинѣ, „соединяся“ съ которымъ „вымучивалъ“ показанія въ пользу Башковскихъ и проч.

Главные руководители прежнихъ бунтовъ не были, конечно, оставлены Дурново въ покоѣ. Изъ челобитной Трифона Еремѣева—бывшаго судьи (послѣ изгнанія Алексѣя Башковскаго), поданной Полянскому, узнаемъ, что Дурново „почалъ изгонять и разорять“ Еремѣева за участіе его въ челобитьяхъ служилыхъ людей на Башковскихъ, которымъ Дурново „во всемъ дружитъ и норовитъ, для того, чтобы ихъ во всемъ оправить, а Красноярскихъ служилыхъ людей обвинить“... Воевода требовалъ отъ челобитчика разныхъ обвинительныхъ „сказокъ“ противъ служилыхъ людей, а когда тотъ не далъ ихъ, сталъ „мучить за карауломъ по многія времена“: 6 недѣль лежалъ онъ „въ немочи“ въ городѣ, а воевода не отпускалъ его въ деревню и „все вымучивалъ скаски и хотѣлъ пытать невѣдомо за что“. Когда Енисейскій воевода М. И. Римскій-Корсаковъ прислалъ въ Красноярскъ для розыска боярскаго сына Я. Елагина, Дурново „соединяся съ нимъ“ усилилъ гоненія на служилыхъ людей и „вымучилъ“ нужную ему сказку у Еремѣева. Онъ проситъ не вѣрить этой сказкѣ, какъ и другимъ „намученнымъ и составнымъ и вымышленнымъ скаскамъ“, добытымъ Дурново у служилыхъ людей. Еремѣевъ былъ человѣкъ грамотный — самъ „руку приложилъ“ къ своей челобитной.

О томъ же били челомъ атаманъ конныхъ казаковъ Михаилъ Злобинъ (судья второго выбора, при М. Башковскомъ) и боярскій сынъ Кононъ Самсоновъ (дѣятель перваго бунта, при А. Башковскомъ). И у нихъ Дурново „вымучилъ“, держа подъ карауломъ, ложныя „скаски“ въ пользу Башковскихъ, и они просятъ „не вѣрить“ тѣмъ сказкамъ.

Изъ двухъ другихъ челобитныхъ узнаемъ, что всѣ челобитчики были схвачены по приказу Дурново и „скованные" отправлены въ Енисейскъ, гдѣ воевода М. И. Римской-Корсаковъ посадилъ ихъ въ тюрьму и „морилъ томною голодною смертью напрасно", а за что— они „не вѣдаютъ и сидятъ безвинно"...

Дурново былъ обвиненъ въ прямомъ убійствѣ коннаго казака Алексѣя Смольянинова, одного изъ дѣятелей Красноярскихъ бунтовъ. Братъ его Артемій заявилъ Полянскому, что во время убійства не былъ въ Красноярскѣ, ѣздилъ въ Москву съ ясачною казною, но вернувшись слышалъ отъ многихъ товарищей, что Алексѣй убитъ воеводою Дурново собственноручно. Свидѣтелей убійства не было, или вѣрнѣе они были, но уклонились отъ показаній, опасаясь мести Дурново. Во всякомъ случаѣ очевидцы показали, что Алексѣй „объявился на воеводскомъ дворѣ мертвъ". Дурново не отвергалъ этого, но объяснялъ, будто Алексѣй „умре скоропостижною смертью". Нѣкоторые свидѣтели воеводы видѣли Алексѣя на воеводскомъ дворѣ „въ саняхъ мертвого", а подлѣ стоялъ соборной попъ Семенъ и красноярцы, говорившіе будто Алексѣй „опился вина и попъ Семенъ мазалъ его дехтемъ" (sic). Но на розыскѣ попъ Семенъ (перешедшій въ это время въ Енисейскъ) заявилъ, что въ воскресенье на масляной недѣлѣ 1697 г. приходилъ къ Дурново „прощаться" (передъ постомъ) и увидѣлъ на воеводскомъ дворѣ Алексѣя уже мертвымъ, при чемъ замѣтилъ на немъ „битыя мѣста".

Розыскъ Полянскаго, явно благоволившаго Дурново, не раскрылъ всѣхъ обстоятельствъ этого темнаго дѣла, да и не стремился къ тому. Во всякомъ случаѣ, даже этотъ пристрастный розыскъ не могъ скрыть того обстоятельства, что А. Смольяниновъ умеръ на воеводскомъ дворѣ съ знаками побоевъ.

Видя такой оборотъ розыска, братъ убитаго Артемій уѣхалъ изъ Енисейска „до вершенья" дѣла, имъ поднятаго. Долго онъ гдѣ-то скрывался отъ преслѣдованій Дурново, а въ январѣ 1698 г. вернулся въ Красноярскъ и тотчасъ же пострадалъ отъ воеводы. Артемій жалуется въ своей челобитной: „приходили на домишко ко мнѣ въ 6-мъ часу ночи, присыльные люди Савостька Хлыновской съ товарищи, и били меня на смерть, и разорили меня безъ остатку". Онъ подалъ свою челобитную случившемуся въ Красноярскѣ Енисейскому боярскому сыну Григорью Троцкому, для передачи сыщику Полянскому, въ Енисейскѣ.

Посыпались на Дурново челобитныя и отъ угнетаемыхъ имъ ино-

родцевъ. Представитель служилыхъ и ясачныхъ татаръ 5 улусовъ „всей Качинской землицы" Корочанъ Тайларовъ съ товарищи жаловались на многія притѣсненія отъ Дурново, вызванныя прежними челобитьями татаръ на Башковскихъ. Такъ, въ 1697 г. Дурново „поставилъ заставу въ тайгѣ на Ботойской вершинѣ" изъ 7 казаковъ, которые не пускали ясачныхъ татаръ „въ тайгу на соболиные промыслы". Двое татаръ рискнули пробраться въ тайгу за соболями, но вернуться назадъ въ свои юрты не посмѣли — „забрели въ тайгу и замерли".

Въ декабрѣ того же года татары пріѣхали въ Красноярскъ вносить ясакъ, при чемъ Дурново „отметывалъ прочь" такихъ соболей, которыхъ прежніе воеводы принимали. Былъ обычай, что послѣ пріема ясака воевода угощалъ инородцевъ государевымъ виномъ и обѣдомъ. Но Дурново, жалуются татары, „насъ государскою милостью не обнадежилъ — не далъ намъ питья, ни хлѣба, только далъ намъ теленка годового", а затѣмъ приказалъ ссыльнымъ людямъ „выбить съ дубьемъ" татаръ изъ города на р. Енисей, при чемъ трехъ человѣкъ татаръ „били на смерть батоги безвинно".

Скоро появились новыя челобитныя татаръ, сообщавшія о новыхъ злоупотребленіяхъ Дурново. Напримѣръ: въ апрѣлѣ 1697 г. воевода послалъ въ улусъ Карочана Тайларова пятидесятника съ 50 казаками, которые у Карочана 6 юртъ „розбили и розвоевали и животы ихъ розграбили", а женщинъ захватили „въ полонъ". Самого Карочана Тайларова воевода собирается „пытать и повѣсить" за его челобитья на Башковскихъ и на Дурново. Многіе изъ служилыхъ и ясачныхъ татаръ отъ притѣсненія Дурново „разбѣжались по тайгамъ и лѣсамъ".

Пятидесятникъ Иванъ Сиротининъ показалъ на розыскѣ Полянскаго, что въ апрѣлѣ 1697 г. Дурново посылалъ его въ улусъ Карочана Тайларова, чтобъ доставить его въ Красноярскъ. Но Карочанъ не поѣхалъ, опасаясь, что воевода станетъ его „пытать". Сиротининъ не сталъ брать его силою и вернулся въ Красноярскъ, увѣряя, что онъ татаръ не грабилъ. Ограбилъ же ихъ пріѣхавшій послѣ него атаманъ Михаилъ Злобинъ съ казаками.

Бывшій „выборный судья" въ это время перешелъ на воеводскую сторону и превратился въ ревностнаго слугу Дурново. Карочанъ успѣлъ бѣжать отъ Злобина, который за то схватилъ его жену и сестру и ограбилъ „рухлядь" татарина.

Отъ всѣхъ этихъ притѣсненій Дурново инородцы откочевали отъ Красноярска на „дальнее разстояніе" и перестали ѣздить въ городъ

съ ясакомъ, „опасаясь его, С. Дурново". Также и изъ русскихъ служилыхъ и жилецкихъ людей многіе ушли въ Енисейскъ и другіе города, а иные „разбѣжались по лѣсамъ и островамъ", прячась отъ Дурново. Между тѣмъ, въ августѣ 1687 года, получена была въ Енисейскѣ вѣсть, что „князцы" Киргинской землицы собираются идти войною подъ Красноярскъ, гдѣ служилыхъ людей почти „никого нѣтъ, всѣхъ разогналъ" воевода С. Дурново.

V.

Дурново, конечно, защищался противъ такихъ обвиненій. Онъ утверждалъ, будто тѣмъ вооружилъ противъ себя красноярцевъ, что служитъ „великому государю радѣтельно" и ищетъ ему „во всѣхъ сборахъ прибыли", а злоупотребленія служилыхъ людей преслѣдуетъ. Однако изъ послѣднихъ онъ могъ указать въ своемъ отвѣтѣ только одну пустую вину служилыхъ людей—ихъ „воровское" винокуреніе, сплошь практиковавшееся въ Сибири даже среди воеводъ.

Въ другихъ своихъ оправдательныхъ челобитныхъ Дурново приводитъ единственный фактъ злоупотребленія служилыхъ людей: онъ напоминаетъ, что въ 1697 году боярскій сынъ Титъ Саламатовъ и пятидесятникъ Ларіонъ Потылицынъ, служившіе ясачными сборщиками въ Саянской землицѣ, „биты кнутомъ" въ Енисейскѣ, по приказу сыщика Полянскаго, „за кражу ясачной соболиной казны".

Стараясь побольше собрать такихъ фактовъ, Дурново возбудилъ массу „розысковъ" о злоупотребленіяхъ служилыхъ людей оппозиціонной партіи. Онъ привязывался къ малѣйшему слуху, раздувалъ ничтожные факты, ловилъ пустыя рѣчи и т. п., и все это съ цѣлью забрать въ свои руки опасныхъ для себя людей, внести смуту въ партію крайнихъ и ослабить ее насколько возможно. При такой подкладкѣ этихъ сысковъ нѣтъ нужды разсматривать всю массу ихъ, но достаточно остановиться надъ нѣкоторыми изъ нихъ.

Въ числѣ первыхъ былъ сыскъ о выборномъ судьѣ Григорьѣ Ермолаевѣ, на котораго какіе-то неизвѣстные (именъ ихъ нѣтъ) служилые люди изъ воеводской партіи подали „извѣтъ", обвиняя его въ произнесеніи оскорбительныхъ рѣчей о Дурново, именно словъ: „если не отпустишь моего полоненика, то мы-де станемъ тебя трепать по бокамъ!" Когда воевода посадилъ Ермолаева за караулъ въ приказную избу на цѣпь, собираясь отправить его въ Енисейскъ, онъ жаловался на это и говорилъ свидѣтелямъ: „какъ-де я Григорей

стану гнуть на свою сторону, и въ то-де время и сердцо бросить (воевода) подъ лавку, а та-де чепь (цѣпь) оборотится ему Семену Ивановичю самому!"

На розыскѣ Ермолаевъ иначе приводилъ послѣднюю свою фразу: онъ говорилъ, зачѣмъ-де воевода посадилъ его на цѣпь „издѣваючись, не за дѣло, а та-де цѣпь общая—нынѣ на немъ Григорьѣ, а въ иное время будетъ и на иномъ". Свидѣтели настаивали на своихъ показаніяхъ и вообще винили Ермолаева, что онъ „возмущаетъ" народъ противъ Дурново, какъ раньше возмущалъ противъ Башковскихъ.

Въ роли „извѣтчиковъ" (доносителей) являлись особенно часто „пристава", исполнявшіе при воеводахъ обязанности полицейскихъ и судебныхъ приставовъ. Такъ, приставъ Ѳедосъ Матвѣевъ извѣщалъ воеводѣ, что въ домѣ пятидесятника Ивана Кожуховскаго попъ Покровской церкви Савинъ Петровъ (приводившій красноярцевъ къ „мірской присягѣ" во время бунта при М. Башковскомъ) „бранилъ всякою м . . . , бранью". Дурново за то, что тотъ избилъ палкою попова шурина казака Емельяна Смольянинова. Попъ грозилъ, что „онъ доищется его Семена Ивановича головы"!

Попъ Савинъ былъ привлеченъ къ отвѣту; допросъ съ него снималъ игуменъ Красноярскаго Введенскаго монастыря. Свое участіе въ мірской присягѣ попъ голословно отвергъ, а относительно рѣчей въ домѣ Кожуховскаго („на бракѣ") замѣтилъ, что „возмутительныхъ словъ" противъ Дурново не говорилъ, но будучи пьянъ, жаловался, что воевода напрасно-де считаетъ его „воромъ": „воровства" за собою онъ не знаетъ и „въ бунтовомъ стоятельствѣ и во всенародномъ возмущеніи" онъ не участвовалъ.

Боярскій сынъ Кононъ Самсоновъ (дѣятель перваго бунта) подалъ нѣсколько доносовъ, когда былъ освобожденъ Дурново изъ за караула за доносы на товарищей. Онъ донесъ на Михаила Злобина, что въ его домѣ собираются заговорщики противъ Дурново; это была правда, и Злобинъ, уже колебавшійся въ послѣднее время, послѣ доноса Конона окончательно перешелъ на воеводскую сторону, открыто разорвавъ съ своимъ сыномъ Иваномъ, однимъ изъ главныхъ руководителей движенія противъ Дурново.

Иванъ Злобинъ былъ арестованъ, но въ маѣ 1697 года бѣжалъ ночью, когда караульные спали, разбивши кандалы. По приказу Дурново караульные „вмѣсто кнута биты батогомъ нещадно". Въ погоню за Иваномъ посланы подьячій Алексѣй Пословинъ, боярскій сынъ Тимофей Метельской, пятидесятникъ Григорій Махотинъ и 3 казака.

Они отправились на заимку Ивана, гдѣ надѣялись его захватить, а въ случаѣ отсутствія взять его сына Прохора и всѣ „животы" Ивана „переписать и запечатать". Но посланные не нашли Злобиныхъ на заимкѣ, а только переписали ихъ животы и отдали на храненіе казаку А. Фокину. Тогда Дурново послалъ другихъ людей на заимку Михаила Злобина, на рч. Березовкѣ, и тамъ былъ взятъ другой сынъ атамана и привезенъ къ воеводѣ.

Пока Михаилъ Злобинъ былъ еще въ числѣ колебавшихся, Дурново возбудилъ противъ него нѣсколько сысковъ о прежнихъ винахъ атамана, напримѣръ о его „воровскомъ винномъ куреніи", когда онъ былъ въ 1695 году приказнымъ человѣкомъ въ с. Ясауловѣ. Злобинъ сознался, что дѣйствительно курилъ тамъ вино, предъ Рождествомъ, не для продажи, а „на себя, для скорби своей" и притомъ „малое число—пуда съ четыре". Кромѣ того атаманъ былъ уличенъ въ „торговлѣ съ ясачными иноземцы" — продавалъ имъ вино, табакъ и пр., за что велѣно доправить на немъ 2 сорока 13 соболей, которые частью уже взысканы съ него, а „достальные соболи за бунтомъ и за великою Красноярскою шатостію не доправливаны". Съ переходомъ М. Злобина на воеводскую сторону всѣ сыски о немъ были прекращены и затушованы.

Всѣмъ этимъ сыскамъ Дурново сильно мѣшалъ О. С. Тутолминъ, при М. Башковскомъ бездѣйствовавшій, а съ пріѣздомъ Дурново пріобрѣвшій неожиданно большое значеніе въ Красноярскѣ. Въ августѣ 1696 года Тутолмину, по государеву указу и по челобитью красноярцевъ, поручено произвести розыскъ о „налогахъ" и „обидахъ" красноярцамъ отъ воеводы Алексѣя Башковскаго. Въ мартѣ 1697 года дано ему изъ Москвы еще болѣе серьезное порученіе розыскать, „отчего въ Красноярску учинился бунтъ и мятежъ?" Къ сожалѣнію, этотъ любопытный розыскъ не сохранился, и мы знаемъ о немъ только по немногимъ намекамъ.

Тутолминъ, мирволившій „воровскимъ людямъ", былъ невыносимъ для Дурново, старавшагося во что бы ни стало очернить Тутолмина, чтобы прекратить его сыски, направленные противъ Башковскихъ и Дурново. Случай скоро представился. Присланный съ Тутолминымъ Тобольскій подьячій Василій Ипатьевъ, не ладившій съ нимъ изъ-за споровъ о „перстосложеніи", подалъ Дурново „извѣтъ" на Тутолмина, жалуясь, что Тутолминъ его ограбилъ и избилъ. Онъ увѣрялъ, будто въ розыскѣ о злоупотребленіяхъ А. Башковскаго сыщикъ „чинилъ красноярцамъ поноровку для своей бездѣльной взятки",

взялъ съ нихъ „бѣлью хрептовую шубу". Видя такой „неправый розыскъ" Тутолмина, подьячій „отъ розыску отсталъ". Въ новомъ розыскѣ о причинахъ красноярской шатости Ипатьевъ не принималъ никакого участія, такъ какъ въ царской грамотѣ Тутолмину не было упомянуто о подьячемъ, да и самъ онъ сознаетъ, что „за ссорою" съ сыщикомъ не можетъ быть съ нимъ у розыска. Подьячій проситъ отпустить его въ Тобольскъ. Дурново схватился за извѣтъ Ипатьева, но обвиненія подьячаго оказались голословными, и только позже Дурново добился отозванія Тутолмина и прекращенія его розысковъ.

Воеводская партія старалась поддержать Дурново своими челобитными въ защиту его и противъ челобитій „воровскихъ людей". Воеводскіе сторонники говорятъ, что они не имѣютъ „соединенія" съ „возмутителями", „никакого зла не мыслятъ" на воеводу, отъ котораго „обидъ и налогъ нѣтъ и не бывало", который такъ усердно хлопочетъ о „прибыли" для государевой казны и т. п. Они просятъ не вѣрить „затѣйнымъ ложнымъ челобитнымъ" на Дурново, которыя писалъ бывшій „выборный подьячій" по наущенью „воровскихъ людей". Изъ челобитныхъ этихъ узнаемъ о составѣ и численности воеводской партіи. Во главѣ ея стояли В. Многогрѣшный, Ѳ. Кольцовъ и А. Пословинъ, затѣмъ видную роль играли боярскіе дѣти Прокофій Чанчиковъ, М. Ближневскій, Микулай Врублевскій, Парфенъ Дорошкѣевъ и казачьи пятидесятники Ив. Саротининъ и Ѳ. Моисѣевъ. Къ этой же партіи принадлежало духовенство города (за исключеніемъ попа Савина Петрова)—игуменъ Филиппъ, соборный протопопъ Дмитрій Матвѣевъ и др., также таможенныя власти—голова Е. Андреевъ и подьячій Алексѣй Михайловъ.

Какъ уже отмѣчено, въ воеводской партіи было немало „черкасъ и литовскихъ (бѣлорусскихъ и польскихъ) ссыльныхъ людей", напримѣръ: Григорій Пахоруковъ, К. Круглой, Ѳ. Смоленской, Б. Лазицкой, П. Рачковской, С. Криской, Т. Метельской, И. Собачевской, М. Воробьевской, И. Кручинка, М. Чеснокъ, Н. Холай, А. Ханда и др.

VI.

Мы видѣли, что ко времени пріѣзда Дурново „мірское дѣло" сильно пошатнулось и пошло „врознь". Прежніе главные дѣятели „шатости" затихли, попрятались, частью даже измѣнили „міру", или прикидывались воеводскими сторонниками, спасая себя. Но нѣкоторые изъ прежнихъ дѣятелей продолжали вести борьбу съ Дурново, какъ

раньше боролись съ Башковскими. Это были—Дмитрій Тюменцовъ, его братъ, атаманъ пѣшихъ казаковъ, Аника Тюменцовъ, Тимофей Потылицынъ, выборный подьячій Михаилъ Семеновъ, служилые люди С. Потѣхинъ, Г. Ошаровъ и др. Впослѣдствіи къ нимъ примкнули почти всѣ прежніе дѣятели шатости.

На подмогу руководителямъ прежнихъ бунтовъ выступали новые дѣятели изъ молодыхъ служилыхъ людей, именно, родственники прежнихъ дѣятелей: Иванъ Злобинъ (сынъ судьи), Матвѣй Еремѣевъ (братъ судьи), Ѳедоръ и Петръ Самсоновы (родственники Конона Самсонова).

Въ числѣ воеводскихъ противниковъ немало было черкасъ и Литвы. Во главѣ ихъ слѣдуетъ поставить многочисленную фамилію Потылицыныхъ: кромѣ бывшаго выборнаго судьи Тимофея Потылицына, на одной челобитной находимъ еще 15 казаковъ Потылицыныхъ. Затѣмъ въ той же челобитной встрѣчаемъ—четырехъ Терскихъ, И. Шувайко, Д. Черкашенина, А. Южакова, Ѳ. Портнягу, Д. и М. Грицьковыхъ, С. Стальковскаго, Д. Поляка и др., всего около 30 человѣкъ изъ 158 челобитчиковъ.

Число „воровскихъ людей" росло постепенно: на первой челобитной противъ Дурново находимъ 16 челобитчиковъ, на второй 31 чел., на третьей 128 чел. (14 боярскихъ дѣтей, 2 начальныхъ людей—атаманъ и сотникъ, 44 конныхъ казака и 68 пѣшихъ казака), на четвертой 158 чел., на пятой 223 челобитчика и т. д.

Несомнѣнно, выборная организація существовала въ Красноярскомъ „мірѣ" и во время мятежа противъ Дурново, но она держалась въ такой глубокой тайнѣ отъ большинства, что даже розыскъ сыщика Полянскаго не открылъ намъ именъ „выборныхъ судей" этого времени.

Уже въ концѣ 1696 года, т. е. черезъ 3 или 4 мѣсяца по пріѣздѣ на воеводство, Дурново послѣдовалъ примѣру Башковскихъ—оставилъ „большой городъ" и „въ малой городъ самохотно большими воротами затворился". Съ Дурново сѣли въ „самохотное" заключеніе многіе изъ прежнихъ „осадныхъ сидѣльцевъ" временъ Башковскихъ, т. е. главнымъ образомъ „присыльные люди", съ боярскимъ сыномъ Васильемъ Многогрѣшнымъ во главѣ.

Но въ первое время воевода, „затворившись" въ маломъ городѣ, по дѣламъ продолжалъ выѣзжать и въ большой городъ, и въ уѣздъ. Красноярцы и не думали сначала держать воеводу „въ осадѣ" и удивлялись его переселенію въ малый городъ, откуда всѣ „пушки воевода велѣлъ снарядить на большой городъ".

Красноярцы только жаловались, что воевода оставилъ ихъ безъ церковной службы: соборная церковь въ запертомъ для нихъ маломъ городѣ была недоступна, а въ единственной Покровской церкви большого города не было службы — попъ этой церкви Савинъ Петровъ былъ высланъ воеводою въ Енисейскъ, къ розыску Полянскаго. Красноярцы подали челобитную на то, что они остались безъ богослуженія, и на то, что вообще Дурново первый началъ противъ нихъ непріязненныя дѣйствія: хватаетъ красноярцевъ „по единому" въ малый острогъ, бьетъ ихъ, мучитъ и т. п. Все это служилые люди „не могли перетерпѣть" и послали „ото всего града" челобитную въ Москву съ казакомъ Ѳ. Чанчиковымъ. На этой челобитной „нашихъ градскихъ жителей рукъ малое число (т. е. подписей), потому что мы домовъ своихъ многіе отстали и жили въ побѣгахъ по лѣсамъ, и по островамъ, и по тайгамъ".

Между тѣмъ, Дурново продолжалъ укрѣпляться въ маломъ городѣ, свозя туда орудія, оружіе и боевые припасы. Изъ большого города были свезены въ малый всѣ пушки, запасные мушкеты, пищали, ядра, порохъ, свинецъ и пр. „Большую ломовую пушку", находившуюся на Алексѣевской башнѣ, воевода взялъ настоящею вылазкою изъ малаго города: отрядъ ссыльныхъ людей, подъ командою Ѳ. Шарыгина, напалъ на караулъ у пушки, и „у караульщиковъ отбили (пушку) ночью, воровски, и утащили въ малый городъ".

Такимъ образомъ, большой городъ на половину былъ обезоруженъ. Правда, въ рукахъ служилыхъ людей оставалось ихъ оружіе, но пороху и другихъ припасовъ было мало.

Городъ все болѣе и болѣе волновался. Уже въ концѣ 1696 г. недовольные стали обсуждать свое положеніе — „была дума". Заговорщики собирались „по ночамъ" въ домахъ атамана Михаила Злобина, казаковъ Ильи и Петра Суриковыхъ, Ивана Кузнецова и др. Собирались тутъ „многіе служилые люди", убѣжденные, что „вся ссора идетъ во градѣ отъ ссыльныхъ людей", отъ которыхъ „имъ житья нѣтъ и лучше-де будетъ, „какъ-де осадныхъ людей Василья Многогрѣшного съ товарищи вырубимъ". Многіе уже тогда настаивали, чтобы немедленно „отказать" Дурново отъ воеводства, какъ было съ Башковскими. Этотъ замыселъ предполагали исполнить послѣ утрени на Рождество Христово, когда надѣялись, что воевода пуститъ ихъ въ соборную церковь (въ маломъ городѣ), а они принесутъ туда оружіе „подъ полами".

Но этотъ планъ былъ отвергнутъ. Подъ Рождество воевода, дѣй-

ствительно, пустилъ красноярцевъ въ соборъ, и крайніе хотѣли воспользоваться случаемъ, чтобы „вырубить" воеводу и его сторонниковъ, но умѣренное большинство не допустило ихъ до того, можетъ быть еще и потому, что не хотѣло проливать крови въ такой день и въ такомъ мѣстѣ.

Случай былъ упущенъ, и малый городъ снова сталъ недоступенъ для большинства красноярцевъ. Воевода немедленно отписалъ въ Москву и Енисейскъ (сыщику Полянскому) объ этомъ неудавшемся замыслѣ бунтовщиковъ; послѣдніе пытались перехватить на дорогѣ воеводскія отписки, но это не удалось.

4-го января 1697 г. произведено было покушеніе на жизнь Дурново. Исполнителемъ взялся быть казакъ Емельянъ Смольяниновъ (братъ котораго Алексѣй позже былъ убитъ воеводою): вечеромъ подъ какимъ-то предлогомъ онъ пробрался въ малый городъ, но когда къ нему вышелъ воевода и спросилъ, зачѣмъ онъ такъ поздно пришелъ, Смольяниновъ смутился, выронилъ ножъ и былъ схваченъ.

Но наканунѣ этого покушенія къ Дурново явились два главные руководителя прежнихъ бунтовъ — М. Злобинъ, а за нимъ бывшій выборный судья Трофимъ Еремѣевъ, и оба они подали „извѣты" о замыслахъ красноярцевъ „отказать" воеводѣ и „избить осадныхъ людей".

Всѣ оговоренные этими „извѣтчиками" были немедленно арестованы воеводою. Большинство во всемъ „запирались", ничего не открыли воеводѣ и никого изъ товарищей не выдали; но Кононъ Самсоновъ, старый „воръ и бунтовщикъ", противъ котораго было слишкомъ много уликъ, вдругъ перемѣнилъ свой фронтъ и сталъ выдавать многое, не щадя особенно Злобиныхъ.

Кононъ показалъ, что въ домѣ у Петра Сурикова собиралась „дума" служилыхъ людей. Здѣсь были Злобины, Еремѣевы и др. Всѣ, а преимущественно-де Михаилъ Злобинъ, его сыновья Иванъ и Данило, да Трифонъ Еремѣевъ, „подговаривали" Конона принять участіе въ избіеніи осадныхъ людей—„вырубить всѣхъ".

Заварился розыскъ, гдѣ молодежь „запиралась" во всемъ, а старики уличали другъ друга, спасая себя. На очной ставкѣ отца съ сыномъ М. Злобинъ старался „уличить" Ивана, но тотъ отмалчивался. Иванъ Злобинъ и его товарищи, около 30 человѣкъ, „посажены были за караулъ", а ихъ отцы и старшіе братья разгуливали на свободѣ, представляясь, или дѣйствительно состоя воеводскими сторонниками.

Тяжелыя для Дурново вѣсти стали получаться и изъ Красноярскаго уѣзда. 31-го января посадскій человѣкъ „извѣщалъ" воеводѣ, что въ деревнѣ Павловской и въ другихъ деревняхъ служилые люди Потапъ Балаганъ, В. Капкаринъ, И. Шудровъ и другіе „возмущаютъ народъ, и собираются по деревнямъ, и становятся кругами", намѣреваясь идти къ Красноярску, чтобы „осадныхъ людей всѣхъ вырубить", а съ Дурново поступить такъ же, какъ съ прежними воеводами. Изъ деревни Нахвальной извѣщали, что казачій сынъ Иванъ Плишкинъ уговариваетъ жителей присоединяться къ бунтовщикамъ, у которыхъ-де „такая дума есть", что если сыщикъ Полянской скоро не пріѣдетъ въ Красноярскъ, то они возьмутъ малый городъ приступомъ, а Дурново откажутъ отъ воеводства.

Словомъ, новый бунтъ готовъ былъ разразиться уже въ началѣ 1697 г., но его остановила измѣна мірскому дѣлу „отцовъ", выдавшихъ воеводѣ своихъ „дѣтей", главныхъ вожаковъ новаго движенія. Съ арестомъ Ивана Злобина и его 30 товарищей движеніе почти затихло, и Дурново сталъ успокоиваться. Онъ продолжалъ сидѣть въ маломъ городѣ, дѣятельно занимаясь новымъ и самымъ интереснымъ для себя розыскомъ—о заговорѣ противъ него „воровскихъ людей". Розыскъ сопровождался всяческими насиліями надъ уличенными и заподозрѣнными въ заговорѣ. Начинавшее было улегаться волненіе снова и по винѣ Дурново стало возростать.

VII.

До мая 1697 г. открытыхъ вспышекъ недовольства на Дурново не обнаруживалось; но скрытое озлобленіе противъ него продолжало рости и все шире распространяться. Производимый имъ съ чрезвычайною жестокостью розыскъ о январскихъ событіяхъ 1697 г. захватилъ въ свои сѣти почти весь Красноярскъ. Наряду съ этимъ шли обычныя воеводскія злоупотребленія, затрогивавшія повседневную жизнь красноярцевъ и практиковавшіяся Дурново весьма широко.

Въ маѣ 1697 г. бѣжали изъ-подъ караула не безъ содѣйствія караульныхъ (Дурново жестоко ихъ наказалъ) всѣ главные дѣятели изъ молодыхъ—Иванъ Злобинъ, Матвѣй Еремѣевъ и др., а также нѣкоторые изъ стариковъ, бывшій „выборный подъячій" Михаилъ Семеновъ, служилые люди Данило Потѣхинъ, Герасимъ Ошаровъ и др. Всего бѣжало 30 человѣкъ, направившихся въ Енисейскъ и другія мѣста.

Въ іюлѣ 1697 г. часть бѣглецовъ, М. Семеновъ, Потѣхинъ, Ошаровъ и др., появились въ Красноярскомъ уѣздѣ и стали „жителей возмущать“ къ бунту противъ Дурново. Движеніе скоро перешло въ Красноярскъ, гдѣ во главѣ его сталъ Григорій Ермолаевъ, повидимому, снова избранный воровскими людьми въ судьи.

Дурново на этотъ разъ почувствовалъ себя въ маломъ городѣ дѣйствительно осажденнымъ. Красноярцы вспомнили совѣтъ Ѳ. С. Тутолмина относительно М. Башковскаго — выжить его голодомъ, и повторили тотъ же пріемъ съ Дурново: они прекратили доставку съѣстныхъ припасовъ въ малый городъ.

14-го августа сыщикъ Полянскій получилъ въ Енисейскѣ тревожную отписку Дурново. Воевода писалъ, что онъ сидитъ „запершись въ маломъ городѣ отъ воровъ“ Григорья Ермолаева съ товарищи, „слыша ихъ воровское злое намѣреніе—побить до смерти“ воеводу и сидящихъ съ нимъ „въ осадѣ“ служилыхъ людей В. Многогрѣшнаго съ товарищи. Послѣднихъ воры преслѣдуютъ за то, что „они къ ихъ воровству не пристаютъ“ и защищаютъ воеводу. Воевода и „осадные сидѣльцы помираютъ голодною смертію“, такъ какъ красноярцы не пропускаютъ къ нимъ съѣстныхъ припасовъ.

Полянскій принялъ мѣры, чтобы смягчить обострившіяся отношенія сторонъ. Пріѣхавшимъ въ Енисейскъ челобитчикамъ онъ пообѣщалъ скоро прибыть въ Красноярскъ и на мѣстѣ произвести серьезный розыскъ о всѣхъ „неправдахъ“ Дурново. Но Полянскій вмѣстѣ съ тѣмъ потребовалъ, чтобы красноярцы пребывали „въ послушаніи“ у воеводы и немедленно сняли тѣсную блокаду малаго города. Челобитчики обѣщали исполнить требованія думнаго дьяка. Съ другой стороны послѣдній посовѣтовалъ Дурново смягчить свои отношенія къ красноярцамъ. На время между враждующими наступило перемиріе; Дурново продолжалъ сидѣть попрежнему, запершись въ маломъ городѣ и не допуская туда противниковъ, но уже не голодалъ, какъ недавно, получая теперь съѣстные припасы. Григорій Ермолаевъ съ товарищи зорко наблюдали за малымъ городомъ, опасаясь выпустить воеводу изъ рукъ до пріѣзда и розыска Полянскаго. Но Полянскій, занятый своими обширными, раскинувшимися по всей Сибири розысками „про воеводъ и про ясачныхъ сборщиковъ“ и другихъ служилыхъ людей, сидѣлъ въ Енисейскѣ, надѣясь, вѣроятно, и отсюда управиться съ красноярцами, такъ мирно уступившими ему и быстро успокоившимися послѣ внушеній сыщика.

Но онъ ошибался: перемиріе скоро окончилось, и Красноярскъ

снова началъ волноваться, обманувшись въ расчетахъ на немедленный пріѣздъ сыщика. Дурново съ своей стороны забылъ благоразумные совѣты Полянскаго на счетъ сдержанности и опять принялся за свою прежнюю политику розысковъ и всяческихъ злоупотребленій.

„Воры" все еще не теряли надежды на розыскъ Полянскаго на мѣстѣ и рѣшили пока не сходить съ законной почвы самозащиты отъ воеводской „наглости". Въ это именно время (октябрь 1697 г.—февраль 1698 г.) посыпалась къ Полянскому та масса челобитныхъ на Дурново отъ служилыхъ людей и инородцевъ, съ которыми мы познакомились выше, говоря о злоупотребленіяхъ и притѣсненіяхъ этого „лихого воеводы".

Всѣ эти челобитныя неизмѣнно заканчиваются горячими просьбами о смѣнѣ Дурново и производствѣ розыска надъ нимъ. Напримѣръ, въ одной челобитной 1697 г. служилые люди бьютъ челомъ, чтобы Полянскій „принялъ" Красноярскъ отъ Дурново, который, „ріясь на нихъ", замышляетъ всѣхъ челобитчиковъ истребить, посылаетъ ихъ противъ „немирныхъ иноземцевъ въ маломъ числѣ". Въ другой челобитной того же года красноярцы плачутся: „быть намъ съ нимъ (Дурново) невозможно", просятъ перемѣнить его и „дать съ нимъ судъ и очныя ставки". Въ челобитной 1698 г. челобитчики говорятъ: „лутче бы намъ на твоей государской службѣ головы свои положить, нежели бы отъ нихъ лихихъ воеводъ въ темницахъ закованными томною голодною смертью помереть!" О томъ же били челомъ служилые и ясачные татары Красноярскаго уѣзда, прося перемѣнить Дурново и розыскать о его злоупотребленіяхъ. На одной челобитной ихъ выставлены „знамена" (вмѣсто подписей) 68 татаръ.

Эти дружныя челобитныя русскихъ и инородцевъ, наконецъ, подѣйствовали: Полянскій и Берестовъ рѣшились смѣнить Дурново съ воеводства и начать о немъ розыскъ. 12-го февраля 1698 г. были призваны на съѣзжій дворъ красноярскіе челобитчики, и имъ объявленъ слѣдующій указъ (приводимъ его въ извлеченіи):

„Красноярцы дѣти боярскіе и казаки, служилые и ясачные иноземцы, челобитчики Ѳедька Самсоновъ, Матюшка Еремѣевъ съ товарищи и иноземцы Карочикъ Тайларовъ съ товарищи жъ! Великій государь указалъ вамъ сказать: въ прошломъ въ 205-мъ и въ нынѣшнемъ въ 206-мъ годѣхъ били челомъ великому государю вы, а въ Енисейску на съѣзжемъ дворѣ подали заручныя челобитныя на воеводу на Семена Дурново, а въ тѣхъ вашихъ челобитныхъ написано...". Далѣе приводятся краткія извлеченія изъ извѣстныхъ уже

намъ челобитныхъ, при чемъ въ „указѣ“ сыщиковъ всѣ вины Дурново излагаются съ оговоркою, „будто-де“ воевода сдѣлалъ то-то и то-то. За то обвиненія Дурново противъ красноярцевъ сыщики излагаютъ съ полною вѣрою въ его показанія, напримѣръ:

„А онъ Семенъ къ великому государю... на васъ красноярцовъ... о вашихъ шатостяхъ и о непослушаньи и о бунтѣ писалъ“ и прислалъ чрезъ сыщиковъ челобитную, „что ему отъ тѣхъ вашихъ шатостей и бунтовъ и въ государевыхъ дѣлахъ непослушаньи—въ Красноярску на воеводствѣ никоторыми дѣлы быть невозможно, потому что вы... сходясь на площади, и становясь кругами, и сбираясь въ домы по ночамъ тайно, чините умыслы и думы ко всякому злому дѣлу и къ бунту“... И вы „въ той своей злой мысли многихъ свою братью побили до смерти, а у иныхъ домы разграбили“, воеводу съ самаго пріѣзда его держите „въ осадѣ, въ маломъ острогѣ, во всякой нуждѣ“ и въ страхѣ за жизнь. Воевода просилъ государя „вывести“ его съ семьей въ Енисейскъ и „про ваше непослушанье и злые умыслы розыскать“...

Дѣйствительно ли Дурново просилъ о томъ, сомнительно, судя по его дальнѣйшимъ дѣйствіямъ; позже Дурново добился новаго возвращенія на воеводство, хотя не надолго; вѣроятнѣе, это была мѣра, придуманная сыщиками для умиротворенія Красноярска, одобренная Москвою, но вопреки желаніямъ самого Дурново, видѣвшаго здѣсь большую уступку бунтовщикамъ.

Далѣе „указъ“ продолжаетъ: „осадные сидѣльцы“ съ воеводою, Василій Многогрѣшный съ товарищи, били челомъ, обличая „тѣ ваши шатости, и къ злому дѣлу умыслы, и сходы, и тайныя по ночамъ думы атамановъ вашихъ и иныхъ“... „И великій государь указалъ по тому его Семенову (Дурново) челобитью — его Семена изъ Красноярска взять въ Енисейскъ, съ женою и съ дѣтьми и съ людьми“, а городъ у него „принять“ и „вѣдать“ Енисейскому „письменному головѣ“ Степану Самойлову Лисовскому. Относительно же челобитій на красноярцевъ отъ Алексѣя и Мирона Башковскихъ, отъ Дурново, Тутолмина, В. Многогрѣшнаго съ товарищи и „противъ вашихъ челобитій“ на воеводъ, государь велѣлъ „розыскать и указъ учинить... думному дьяку Данилѣ Леонтьевичу да дьяку Данилѣ Берестову“.

Затѣмъ „указъ“ распространяется по поводу назначенія Лисовскаго: принявши городъ у Дурново, новый воевода долженъ отпустить его въ Енисейскъ съ семьей, со всею „рухлядью“ и съ „провожатыми“ для охраны въ пути. „Осадныхъ сидѣльцевъ“ Лисовскій

долженъ распустить по домамъ „до пріѣзду нашего въ Красноярскъ и до подлиннаго розыску. А вамъ съ ними и имъ съ вами ни о чемъ ссоръ, и задоровъ, и бою, и смертныхъ убойствъ отнюдь не чинить, жить смирно, и мятежей никакихъ, и бунтовъ никакихъ не чинить, и у Степана Лисовскаго быть во всякомъ послушаніи“. Если же кто учинитъ Лисовскому, или сторонникамъ Дурново „хотя малую какую обиду и задоръ“, тѣмъ „учинена будетъ смертная казнь безъ всякого розыску и милосердія и пощады“, и не только явнымъ виновникамъ, но „и тѣмъ, которые къ тому дѣлу въ мысли съ ними будутъ, или кто вѣдая, или слышавъ о томъ не извѣститъ“ воеводѣ...

Часть наличныхъ челобитчиковъ, 10 русскихъ и 2—3 инородца изъ „лутчихъ людей“, оставляются въ Енисейскѣ до пріѣзда Дурново, въ качествѣ заложниковъ. Остальные отпускаются, но съ тѣмъ, „чтобъ имъ С. Дурново отъ Красноярска до Енисейска проводить въ цѣлости“, а затѣмъ-де они будутъ „отпущены попрежнему“. Велѣно имъ также „поимать“ и доставить въ Енисейскъ къ розыску бунтовщиковъ Евтихія Старцова и Григорія Плишкина.

Этимъ заканчивается „указъ и скаска“, на оборотѣ которыхъ идутъ подписи выслушавшихъ указъ челобитчиковъ.

Челобитчики поговорили между собою и представили сыщикамъ „имянную роспись“ тѣхъ товарищей своихъ, которые оставались заложниками въ Енисейскѣ: это были главари послѣдняго движенія— Ѳ. Самсоновъ, М. Еремѣевъ, И. Кузнецовъ, И. Мезенинъ и еще 6 человѣкъ менѣе видныхъ дѣятелей.

Съ Лисовскимъ отпущены въ Красноярскъ енисейцы боярскій сынъ Борисъ Серебренниковъ [1]), пятидесятникъ Ив. Москвитиновъ, десятникъ и 10 казаковъ. Онъ повезъ въ Красноярскъ отписку Полянскаго и Берестова къ Дурново, которая предписывала послѣднему сдать городъ Лисовскому и ѣхать въ Енисейскъ.

Что Дурново оставлялъ воеводство вопреки своему желанію, это показываютъ челобитныя воеводскихъ сторонниковъ, написанныя по внушенію воеводы и полученныя сыщиками послѣ указа 12-го февраля. Такъ, въ мартѣ В. Многогрѣшный, М. Врублевскій съ товарищи, всего 23 „осадныхъ сидѣльца“ били челомъ: узнали они, что по челобитьямъ „воровскихъ людей“ велѣно Дурново „перемѣнить“, а насъ распустить по домамъ. „И мы, видя отъ нихъ красноярцовъ всякое

[1]) Довольно извѣстный служилый человѣкъ изъ подьячихъ—см. „Обозрѣніе Сибирскаго Приказа“, I, 67, 68, 75 и др., II, 71.

нынѣ и прежнее ихъ къ себѣ ругательство, опасны себѣ смертного убойства и ночного разоренья", а потому просятъ—не перемѣнять Дурново до пріѣзда въ Красноярскъ Полянскаго и „до подлинного розыску" о бунтѣ.

О томъ же проситъ другая мартовская челобитная, поданная отъ имени игумена Филиппа, соборнаго протопопа Дмитрія Матвѣева, боярскаго сына В. Многогрѣшнаго, атамана Ѳ. Кольцова и другихъ служилыхъ людей, всего отъ 76 челобитчиковъ, т. е. отъ всего состава воеводской партіи.

Но эти челобитныя не имѣли успѣха, и Дурново долженъ былъ оставить Красноярскъ.

VIII.

„Воровскіе люди" торжествовали и съ радостью встрѣтили новаго воеводу С. С. Лисовскаго, котораго знали по его долголѣтней службѣ въ Енисейскѣ и считали своимъ сибирскимъ, а не московскимъ служилымъ человѣкомъ, хотя онъ былъ добровольнымъ выходцемъ изъ Москвы и носилъ званіе московскаго „жильца". Красноярцы знали, что это былъ человѣкъ, съ которымъ „жить мочно". Лучшаго выбора нельзя было сдѣлать для умиротворенія взволнованнаго Красноярска. Лисовской сразу поладилъ съ красноярцами, и въ продолженіе почти полгода красноярская „шатость" совсѣмъ затихла.

18-го февраля Лисовской получилъ „наказную память" отъ Полянскаго и Берестова, на имя которыхъ онъ долженъ былъ посылать „отписки", а не въ Сибирскій приказъ, въ Москву. Это означало, что назначеніе Лисовскаго было временное, „до государева указу", т. е. до окончанія розыска сыщиковъ о Дурново, или до присылки изъ Москвы новаго воеводы. Въ званіи также временнаго воеводскаго товарища посланъ съ Лисовскимъ боярскій сынъ Борисъ Серебренниковъ, раньше бывшій въ Енисейскѣ подьячимъ, т. е. человѣкъ опытный по письменной части. Выѣхали они изъ Енисейска 21-го февраля.

Въ мартѣ Лисовской писалъ сыщикамъ, что онъ „принялъ" Красноярскъ отъ С. И. Дурново, но „росписаться" съ нимъ и „счесть" его по документамъ „не успѣлъ", такъ какъ Дурново торопился уѣхать, опасаясь отъ красноярцевъ „какова дурна". Но для будущаго „счета" по воеводству Дурново Лисовской взялъ съ красноярскихъ 3 подьячихъ, Алексѣя Пословина съ товарищи, „скаски", гдѣ они пишутъ, что если при счетѣ Дурново окажутся какіе начеты, то они подьячіе

будутъ его „во всякихъ начетныхъ статьяхъ очищать", а если „денегъ и товаровъ не явится, и та начтенная казна" должна быть доправлена на подьячихъ.

Лисовской долженъ былъ отпустить Дурново съ „провожатыми", съ тѣми енисейскими казаками, которые провожали Лисовскаго до Красноярска, съ красноярскими челобитчиками на Дурново и съ воеводскими „осадными сидѣльцами", „сколько человѣкъ пригоже". Конечно, енисейцы и воеводскіе сторонники отправились провожать Дурново, выѣхавшаго изъ Красноярска 1-го апрѣля. „А челобитчики Ѳ. Чанчиковъ съ товарищи въ Енисейскъ не поѣхали" и подали Лисовскому челобитную, прося освободить ихъ отъ этой посылки. Лисовской переслалъ челобитную сыщикамъ.

Челобитчики (153 человѣка) замѣчаютъ, что такъ какъ они на Дурново били челомъ „въ обидахъ, и въ налогахъ, и во всякомъ разореніи", то имъ „за нимъ стольникомъ С. Дурново въ провожатыхъ ѣхать невозможно, потому что онъ... ріясь на насъ..., писалъ... всякія затѣйныя небылыя дѣла", и они опасаются, что онъ также будетъ предъ Полянскимъ „затѣвать всякія небылыя дѣла" на тѣхъ челобитчиковъ, которые станутъ его провожать до Енисейска. Красноярцы отказались затѣмъ ѣхать въ Енисейскъ на вызовъ Полянскаго. Они просили сыщиковъ перенести розыскныя дѣйствія въ Красноярскъ.

Видя невозможность взять къ розыску всѣхъ выдающихся бунтовщиковъ, сыщики послали въ апрѣлѣ указъ Лисовскому, чтобы челобитчики на Дурново „выбрали межъ себя человѣкъ двухъ или трехъ добрыхъ людей, кому за нихъ красноярцовъ противъ ихъ заручного челобитья быть въ очныхъ ставкахъ" съ А. и М. Башковскими и Дурново, и прислали бы этихъ выборныхъ людей въ Енисейскъ.

Но и это требованіе не было исполнено красноярцами, указывавшими, что въ рукахъ сыщиковъ находится слишкомъ достаточное количество „добрыхъ людей"—Ѳ. Самсоновъ, М. Еремѣевъ съ товарищи, всего 10 человѣкъ, вполнѣ пригодныхъ для очныхъ ставокъ съ Дурново.

По грамотѣ Сибирскаго приказа велѣно Полянскому вернуть въ Красноярскъ А. и М. Башковскихъ для „счета" и „росписки" по сдачѣ воеводства. Но Лисовской отъ 12-го апрѣля писалъ Полянскому, что Башковскіе не ѣдутъ въ Красноярскъ.

Дурново пріѣхалъ въ Енисейскъ въ апрѣлѣ, а его семья—въ началѣ іюля. Они прибыли на двухъ „дощаникахъ" (по р. Енисею) съ богатою „рухлядью", людьми и проч. Полянскій назначилъ ко-

миссію (дьяка Д. Берестова, „розыскныхъ дѣлъ подьячихъ“ Андрея Завьялова и Ивана Мишагина, енисейскаго таможеннаго голову и служилыхъ людей) для обыска въ имуществѣ Дурново „заповѣдныхъ товаровъ“ и „лишнихъ животовъ“ [1]). Комиссія донесла Полянскому, будто ничего „заповѣднаго“ (чернобурыхъ лисицъ и другой цѣнной мягкой рухляди, табаку, ревеню и проч.) и „лишняго“ сверхъ нормы не оказалось въ воеводскихъ животахъ.

Вообще, сыщики видимо благоволили къ Дурново и явно направляли розыскъ къ его оправданію. Пользуясь присутствіемъ на розыскѣ Дурново, сыщики оказывали такое давленіе на челобитчиковъ, что нѣкоторые изъ нихъ стали отказываться отъ обвиненія противъ воеводы и переходили на его сторону. Сторонники Дурново прибыли въ Енисейскъ почти въ полномъ составѣ и обѣляли воеводу всячески. Главари движенія, арестованные въ Енисейскѣ, отказались отъ дачи показаній въ виду пристрастности розыска и лишенія свободы.

При такомъ результатѣ розыска Дурново смѣло подалъ въ іюлѣ челобитную Полянскому, гдѣ проситъ „отпустить“ его снова на воеводство въ Красноярскъ, такъ какъ-де „никакой вины“ за нимъ „не явилось“, Ѳедоръ Самсоновъ съ товарищи „въ очныя ставки со мною не пошли“, красноярцы же не прислали „выборныхъ своей братьи“, а находившіеся въ Енисейскѣ челобитчики (т. е. воеводскіе сторонники) „дали скаски, за руками, что на меня... нынѣ... и впредь не челобитчики“... На основаніи этого, 24-го іюля 1698 г. Полянскій объявилъ такой „указъ“: „стольника Семена Иванова сына Дурново отпустить“ въ Красноярскъ на воеводство по прежнему великаго государя указу и по наказу, каковъ ему данъ на Москвѣ изъ Сибирскаго приказа.

25-го іюля сыщики послали „указъ“ Лисовскому о „сдачѣ“ Красноярска Дурново, о „роспискѣ“ съ нимъ и возвращеніи въ Енисейскъ.

Въ концѣ іюля Дурново смѣло отправился въ Красноярскъ, не предчувствуя, что на этотъ разъ онъ будетъ тамъ воеводствовать всего нѣсколько часовъ. Объ этихъ часахъ сохранились подробныя извѣстія, представляющія значительный бытовой интересъ.

---

[1]) Какъ извѣстно, сибирскимъ воеводамъ дозволялось ввозить и вывозить изъ Сибири „животы“ только на 800 р., а остальные—„лишніе“—конфисковались въ государеву казну, равно какъ и всѣ „заповѣдные товары“.

IX.

Вѣсть о возвращеніи Дурново на воеводство быстро достигла Красноярска и вызвала взрывъ негодованія. Къ движенію противъ воеводы примкнули всѣ колебавшіеся доселѣ, или измѣнявшіе временно „міру", или относившіеся индифферентно къ его интересамъ. Было рѣшено принять самыя крайнія мѣры, чтобы не допустить Дурново на воеводство.

Дурново приплылъ въ Красноярскъ на разсвѣтѣ 2-го августа 1698 г. Первымъ дѣломъ онъ отправился въ приказную избу, куда потребовалъ тотчасъ старшаго подьячаго Алексѣя Пословина; ему и другимъ подьячимъ Дурново объявилъ о своемъ назначеніи на воеводство и послалъ за Лисовскимъ. Тотъ обѣщалъ придти, но Дурново не сталъ его дожидаться и отправился въ соборъ.

Еще до прихода Пословина въ приказную избу, Дурново взялъ изъ ящика въ воеводскомъ столѣ красноярскую „государеву печать" и „положилъ на себя" (надѣлъ на шею), собираясь посылать отписку Полянскому о пріемѣ города. Это было незаконно, такъ какъ Дурново еще не „объявилъ" Лисовскому указа о своемъ назначеніи и не принялъ отъ него города. Но Дурново уже считалъ себя полноправнымъ воеводою и, идучи въ соборъ, отдалъ первое и послѣднее свое воеводское приказаніе—арестовать боярскаго сына Савватія Хлыновскаго и пристава Ѳедоса Матвѣева и посадить ихъ „за рѣшетку", не объявляя мотивовъ ареста. Въ соборѣ было отслужено по требованію Дурново торжественное молебствіе.

Вѣсть о прибытіи Дурново стала распространяться по городу, и, несмотря на ранній часъ („первый часъ дня", т. е. около 5 часовъ утра), красноярцы потянулись въ малый городъ, чтобы провѣрить справедливость этой вѣсти. Когда они подходили къ собору, Дурново уже выходилъ оттуда. Изъ собора Дурново отправился на воеводскій дворъ. Дорогою столкнулся съ нимъ казакъ Артемъ Смольяниновъ, который сталъ бранить воеводу и кричалъ ему, что онъ имъ ненадобенъ; Дурново, по словамъ очевидца, „ничего не говорилъ" на рѣчи Смольянинова и молча шелъ на воеводскій дворъ.

Когда Дурново вошелъ въ „переднюю горницу" воеводскихъ хоромъ, къ нему вышелъ С. С. Лисовскій. Поздоровавшись, Лисовской удивился, увидѣвши у Дурново „на вороту (кафтана) государеву красноярскую печать", и спрашивалъ, откуда Дурново ее взялъ. Дур-

ново отвѣтилъ, что взялъ ее изъ ящика, и вышелъ „изъ горницы, въ одномъ полукафтаньѣ, на переходы (галлерею), умываться". Лисовской и подьячій Пословинъ пошли за нимъ, расправшивая о государевомъ указѣ. Дурново только тутъ, „на переходахъ", вынулъ и отдалъ Лисовскому указъ о сдачѣ города и „списокъ" съ указа. Лисовской съ подошедшимъ подьячимъ К. Елисѣевымъ прочитали указъ и провѣрили съ нимъ списокъ. На послѣднемъ Лисовскій росписался въ пріемѣ подлиннаго указа, который взялъ себѣ, а списокъ отдалъ Дурново. Лисовскій требовалъ дѣйствительной „росписки" по сдачѣ города и для этого звалъ Дурново въ приказную избу, чтобы произвести тамъ „счетъ" казны, запасовъ и пр. Но Дурново торопился повидаться съ своими сторонниками, чувствуя себя безъ нихъ не въ безопасности. Воеводскіе приверженцы уже пришли въ воеводскія хоромы, но въ ничтожномъ количествѣ. Собралось ихъ „на поклонъ" и „по обыкности, съ хлѣбомъ и съ солью и съ колачами", всего около 10 человѣкъ. Дурново говорилъ позже, что къ нему приходили 2-го августа на поклонъ „многіе жители", однако, самъ же онъ могъ перечислить только 8 лицъ. Изъ другихъ показаній извѣстны еще 2 казака, участвовавшіе въ подношеніи хлѣба-соли. Если сюда прибавить 2 подьячихъ и еще 5—6 служилыхъ людей, явившихся позже, то это и была вся „партія" Дурново.

Вслѣдъ за воеводскими сторонниками къ крыльцу хоромъ подошла толпа „воровскихъ людей"—около 50 человѣкъ. Кромѣ русскихъ служилыхъ людей, здѣсь были и служилые татары, съ ихъ предводителемъ Карочаномъ Тайларовымъ.

Толпа шумѣла, вызывала Дурново и кричала, что „отказываетъ ему отъ воеводства". Дурново не вышелъ. Тогда Чанчиковъ, Смольяниновъ, В. Торгошинъ и другіе вошли въ переднюю горницу, куда явился и Дурново. Депутація заявила ему „отказъ отъ воеводства". Находившіеся тутъ же воеводскіе сторонники подьячіе А. Пословинъ и К. Елисѣевъ, пятидесятникъ И. Сиротининъ и др. заставили Чанчикова съ товарищи оставить хоромы. Тѣ ушли, браня всячески Дурново, чѣмъ особенно выдѣлялся А. Смольяниновъ. Въ „переднихъ сѣняхъ" ихъ встрѣтила толпа единомышленниковъ, набившихся со двора. Они вызвали въ сѣни Лисовскаго и потребовали, чтобы онъ Дурново „въ государевыхъ хоромахъ отнюдь не держалъ и выслалъ вонъ". Лисовской ничего имъ не обѣщалъ, но уговорилъ толпу оставить воеводскія хоромы и дворъ. Толпа послушалась и ушла.

X.

Въ большомъ городѣ и на площади составился „воровской кругъ“, болѣе чѣмъ изъ 300 человѣкъ. Какъ и во всѣхъ событіяхъ этого дня (2-го августа), во главѣ круга находились служилые люди Ѳедоръ Чанчиковъ, Иванъ Мезенинъ, Афанасій Шалковъ, Артемъ Смольяниновъ, Андрей Путимцовъ, Яковъ Потѣхинъ, Герасимъ Ошаровъ, Петръ Суриковъ, Данило Старцовъ, Иванъ Юшковъ и другіе рядовые дѣятели прежнихъ бунтовъ и послѣдней шатости при Дурново.

Всенародная „дума“ красноярцевъ на площади продолжалась болѣе часа и порѣшила употребить силу противъ Дурново, если онъ добровольно не оставитъ города. Поставивши у Спасской башни караулъ въ 30 человѣкъ и направивши большинство толпы къ собору, съ приказомъ дожидаться его тамъ, Ѳедоръ Чанчиковъ съ ближайшими товарищами и съ частью толпы отправился въ малый городъ, къ воеводскому двору.

Здѣсь они вызвали Лисовскаго, и снова стали требовать удаленія Дурново изъ города, говоря: „намъ на воеводство Семена Дурново не надобно!“. Лисовскій обѣщалъ переговорить съ Дурново и для этого отправился въ „мыльню“, гдѣ тотъ отдыхалъ послѣ обѣда. Около 4-хъ часовъ дня толпа подошла къ банѣ и заявила вышедшему къ ней Дурново, чтобы онъ уѣзжалъ, что до воеводства его не допустятъ. Никакихъ резоновъ отъ Дурново бунтовщики не принимали, и послѣ взаимныхъ упрековъ и утвержденій со стороны Дурново, что онъ долженъ исполнить государевъ указъ, Дурново ушелъ обратно въ мыльню, куда часть бунтовщиковъ ворвалась за нимъ. Дурново сталъ на нихъ кричать и бранить ихъ. Онъ лежалъ на постели „въ одномъ кафтанѣ исподнемъ“. Вдругъ на него бросились Мезенинъ и Шалковъ, „съ постели сдернули за ногу, и били подъ бока, и за волосы драли“. Лисовскій „унималъ и прочь отталкивалъ, но они и его стали бить“. Затѣмъ, Дурново вытащили на дворъ, толпа подхватила его, била по щекамъ, за волосы драла, издѣвалась всячески. Лисовскій нѣсколько разъ бросался въ толпу и пробовалъ „отнимать“ Дурново, но его выталкивали вонъ и не слушали никакихъ усовѣщиваній. Съ воеводскаго двора повели Дурново къ собору, гдѣ находились остальные красноярцы, сильно волновавшіеся въ ожиданіи вѣстей.

Немедленно устроили подлѣ собора „воровской кругъ“ и стали обсуждать, чтó дѣлать съ Дурново? Толковали „съ четверть часа“ и почти единогласно рѣшили прибѣгнуть къ старинному пріему —

„посадить въ воду“ Дурново, т. е. утопить. Это рѣшеніе объявили Дурново, „поставя во многонародный свой воровской кругъ“, при чемъ снова били его. Въ это время „прибѣжалъ“ къ собору Лисовскій и сталъ отнимать Дурново, но Чанчиковъ съ товарищи „его Семена у него Степана изъ рукъ выхватили“ и повели дальше, направляясь изъ малаго города къ р. Енисею.

Лисовскій шелъ слѣдомъ за ними и все время уговаривалъ толпу отпустить Дурново. Уговариванія Лисовскаго начинали дѣйствовать на болѣе благоразумныхъ изъ толпы. Подъ ихъ вліяніемъ толпа, пройдя Спасскими воротами въ „большой городъ“, остановилась здѣсь на торговой площади и снова составила „кругъ“, чтобы еще разъ обсудить дѣло.

Пока часть толпы разсуждала и „думала“, болѣе рьяные продолжали бить Дурново и издѣваться надъ нимъ, били палкою, таскали за волосы и проч. Затѣмъ повели его къ Енисею, при чемъ все еще раздавались голоса, требовавшіе казни. Но на рѣкѣ убѣжденія Лисовскаго взяли верхъ: рѣшено было посадить Дурново въ лодку и отправить вонъ. Среди ругательствъ, а частью и ударовъ озвѣрѣвшей толпы, избитаго Дурново втолкнули въ лодку. Многіе изъ толпы стали бросать туда „каменьемъ, для того чтобъ тое лодку угрузить и его Семена утопить“. Тогда нѣсколько сторонниковъ Дурново и четверо его слугъ вскочили съ плота въ лодку, стали выбрасывать камни въ воду и готовились отчалить. Вслѣдъ за ними вскочилъ въ лодку и Лисовскій, рѣшившійся не оставлять Дурново, пока онъ не выйдетъ изъ опасности. Толпа стала требовать, чтобы Лисовскій вышелъ изъ лодки, что они его изъ Красноярска „не отпустятъ, для того, что быть ему Степану у нихъ вмѣсто воеводы по прежнему“. Нѣсколько рукъ протянулось, чтобы выхватить Лисовскаго изъ лодки, но онъ отбивался и кричалъ: „развѣ-де вы меня связана въ городъ поведете!“ Тогда Чанчиковъ съ товарищи, „ухватя С. Лисовского за рукавъ, изъ лодки выдернули вонъ на берегъ, а С. Дурново въ лодкѣ (съ его 9 спутниками) отъ плота отпихнули прочь на рѣку“.

Благодаря этому эпизоду съ Лисовскимъ Дурново спасся; лодка поплыла прочь отъ города, только толпа на берегу продолжала нѣсколько времени осыпать лодку камнями.

XI.

Во все время, пока Дурново водили по городу, Красноярская „государева печать“ красовалась у него на вороту кафтана и была

увезена имъ въ Енисейскъ. Толпа въ минуты буйства не обратила вниманія на печать. Но Лисовскій отлично замѣтилъ увозъ печати Дурново и былъ поставленъ этимъ обстоятельствомъ въ затруднительное положеніе. Фактически онъ остался воеводою, но безъ печати не могъ въ дѣйствительности воеводствовать, не могъ, напримѣръ, послать отписку въ Москву, не могъ скрѣплять разныхъ другихъ актовъ и пр. На берегу Енисея, когда лодка съ Дурново еще была въ виду толпы, нѣкоторые изъ служилыхъ людей спохватились о государевой печати и спросили Лисовскаго: у него она или у Дурново? Лисовской побоялся сказать правду, опасаясь за жизнь Дурново, если красноярцы вздумаютъ его догонять. Онъ отвѣтилъ, что печать у него. Вернувшись на воеводскій дворъ, Лисовскій послалъ за старшимъ подьячимъ Пословинымъ и сообщилъ ему, что Дурново увезъ съ собою государеву печать. Они порѣшили между собой, что на другой день Пословинъ поѣдетъ въ Енисейскъ за печатью, съ казаками И. Иконниковымъ и Е. Крестешниковымъ. Лисовской послалъ съ подьячимъ свою отписку Полянскому, хотя и не могъ запечатать ее государевою печатью. Онъ ожидалъ отъ Полянскаго разъясненій, остается ли въ Красноярскѣ въ качествѣ воеводы, или долженъ сдать кому городъ?

Между тѣмъ, въ городѣ власть ускользала отъ Лисовскаго и переходила въ руки возбужденной толпы. Ночью О. Чанчиковъ съ товарищи поставили по городу нѣсколько карауловъ. Лисовскій требовалъ, чтобы караулы эти были сняты, но Чанчиковъ не послушался и продолжалъ разставлять караулы. На другой день были разговоры, что напрасно С. Дурново отпустили живымъ, что слѣдовало его убить. Но въ слѣдующіе дни волненіе улеглось, безполезные караулы были сняты, и красноярцы подчинились Лисовскому.

Пословинъ выѣхалъ 3-го августа и приплылъ въ Енисейскъ 5-го августа. Дурново былъ уже тамъ, на нѣсколько часовъ раньше Пословина. Плаваніе его прошло благополучно, и самъ онъ успѣлъ нѣсколько оправиться отъ нанесенныхъ побоевъ. Всѣ прибывшіе немедленно допрошены Полянскимъ и Берестовымъ, которые были поражены явнымъ бунтомъ красноярцевъ.

Дурново, не желая сознаться, что красноярцы прогнали его единственно за его прежніе грѣхи передъ ними, сдѣлалъ попытку взвалить вину изгнанія на Лисовскаго и представилъ дѣло такъ, будто Лисовскій не хотѣлъ отдавать ему воеводства, „стакался“ съ „вор-

скими людьми" и съ ихъ помощью изгналъ Дурново изъ Красноярска. Но сыщики, хотя явно благоволившіе къ Дурново, не дали полной вѣры доносу его на Лисовскаго, имѣя массу показаній сторонниковъ Дурново въ пользу Лисовскаго. Теперь Дурново перестал добиваться новой посылки на воеводство и поспѣшилъ уѣхать въ Москву, подъ предлогомъ болѣзни, не дожидаясь окончанія розыска Полянскаго по всѣмъ возбужденнымъ Дурново дѣламъ. 10-го августа Дурново подалъ Полянскому челобитную объ отпускѣ въ Москву, съ семьей, о выдачѣ „проѣзжаго письма" и „подорожной". 13-го августа Полянской приказалъ отпустить Дурново и дать подорожную на 15 подводъ. 17-го августа Д. Берестовъ, трое „розыскныхъ дѣлъ подьячихъ" (Иванъ Пермяковъ, Трифонъ Семеновъ и Василій Плохой) и др. вновь осмотрѣли „животы" Дурново и снова не нашли въ нихъ ничего „заповѣднаго" и „лишняго". Въ концѣ августа Дурново уѣхалъ въ Москву.

13-го августа Полянской послалъ указъ приказному человѣку Рыбнаго острожка, московскому дворянину Якову Афанасьевичу Бейтону (Бейтонову, Байтону), сыну извѣстнаго Албазинскаго воеводы, о немедленномъ пріѣздѣ въ Енисейскъ „для государева дѣла". Онъ скоро прибылъ и 22-го августа получилъ „наказную память" о пріемѣ Красноярска у С. С. Лисовскаго и о „роспискѣ" съ нимъ по воеводству. Въ тотъ же день Бейтонъ выѣхалъ, съ 3 провожатыми, нарочно данными „для обережи въ дорогѣ Красноярской государевой печати", отобранной Полянскимъ у Дурново и теперь переданной Бейтону; Пословину сыщикъ не отдалъ печати.

Кромѣ обычныхъ статей по пріему города, наказъ Бейтону заключалъ еще спеціальныя статьи относительно Лисовскаго. Такъ, Бейтонъ долженъ допросить его: почему онъ „не отдалъ" города Дурново въ его послѣдній пріѣздъ, 2-го августа? Почему Лисовской не высылаетъ къ сыщикамъ Ѳ. Чанчикова, В. Саламатова, Е. Старцова и др. красноярскихъ „воровъ"? Почему онъ не исполняетъ приказа сыщиковъ, чтобы боярскій сынъ Титъ Саламатовъ и пятидесятникъ Ларіонъ Потылицынъ были низведены въ рядовые казаки за ихъ „воровство" и чтобы ихъ „по очередямъ ставить на караулы"? По всѣмъ этимъ вопросамъ Бейтонъ долженъ розыскать, также и о продажѣ пива на воеводскомъ дворѣ человѣкомъ Лисовскаго Осипомъ Захаровымъ.

22-го же августа Полянскій послалъ указъ Лисовскому о сдачѣ

города Бейтону, при чемъ сдѣлана была, очевидно подъ вліяніемъ навѣтовъ Дурново, слѣдующая оговорка: „а будетъ ты Якову Бейтонову города и острога... по пріѣзду его вскорѣ не отдашь..., и соединясь съ ворами и бунтовщиками съ Ѳедькою Чанчиковымъ съ товарищи буде также учинишь (?), какъ и надъ С. Дурнымъ (sic) учинили, или въ какую росправу межъ красноярцы за симъ великого государя указомъ вступишь, и учнешь въ приказную избу ходить, и дѣла самовольно дѣлать, и за то тебѣ Степану отъ великаго государя быть въ смертной казни безо всякого милосердія и пощады"...

Мы знаемъ, что С. Лисовскій и раньше не былъ „въ соединеніи съ ворами", и теперь не думалъ противиться государеву указу, т. е. указу московскихъ сыщиковъ. Но красноярцы думали иначе и захотѣли силою удержать Лисовскаго, который былъ „любъ" имъ, какъ воевода „доброй". О пріемѣ, устроенномъ ими Бейтону, послѣдній сообщилъ Полянскому въ отпискѣ, полученной сыщикомъ въ началѣ сентября. Пріѣхалъ онъ въ Красноярскъ 28-го августа. На торговой площади встрѣтила его многолюдная толпа красноярцевъ, задержала Бейтона и „долгое время" не пропускала въ малой городъ; слышались голоса, что другого воеводы, кромѣ Лисовскаго, красноярцы не желаютъ. Когда Бейтонъ показалъ толпѣ привезенную имъ государеву печать и сталъ говорить, что эту печать увезъ Дурново, а нынѣ онъ присланъ съ тою великого государя печатью въ Красноярскъ и велѣно ему быть на мѣстѣ Лисовскаго „до указу великаго государя", то въ отвѣтъ послышались крики толпы, что ей „государева печать на городѣ не надобна", что прислалъ Бейтона „воръ Полянскій", на котораго они будутъ бить челомъ въ Москвѣ и проч.

Однако, въ концѣ концовъ Бейтонъ пробрался въ малый городъ и поселился на воеводскомъ дворѣ. На другой день, вмѣстѣ съ Лисовскимъ онъ отправился въ приказную избу, чтобы „принять" городъ. Туда же явились Смольяниновъ съ товарищи и начали Бейтона „высылать изъ приказной избы", угрожая, что если онъ „изъ приказу честью не выйдетъ", то поступятъ съ нимъ такъ же, какъ съ Дурново. Послѣ долгихъ и грубыхъ возраженій вошедшихъ въ приказную избу казаковъ, Лисовскій успѣлъ ихъ, однако, выпроводить, и сдалъ Бейтону городъ. Въ первой отпискѣ Полянскому Бейтонъ сообщалъ, что онъ живетъ въ великомъ береженьи отъ „воровъ", но, повидимому, это была послѣдняя вспышка красноярской „шатости", по крайней мѣрѣ въ другихъ отпискахъ Бейтонъ уже не упоминаетъ о своемъ

„великомъ опасеніи“. Очевидно, Лисовскому удалось смирить красноярцевъ и подчинить ихъ новому воеводѣ.

Бейтонъ скоро прислалъ Полянскому „распросныя рѣчи“ Лисовскаго о событіяхъ 2-го августа, совершенно и доказательно отвергавшія ложные оговоры Дурново. Относительно присылки „воровъ“ въ Енисейскъ Лисовскій замѣчаетъ, что Өедора Чанчикова и нѣкоторыхъ другихъ онъ уже отослалъ, а остальныхъ не могъ выслать: одни находятся въ разныхъ служебныхъ посылкахъ, другіе выѣхали изъ города и гдѣ-то скрываются.

16-го сентября Лисовскій прибылъ въ Енисейскъ и тотчасъ былъ допрошенъ сыщиками на „съѣзжемъ дворѣ“. И этотъ допросъ, какъ и всѣ показанія свидѣтелей, былъ въ пользу Лисовскаго. Но сыщикамъ, явно не благоволившимъ къ нему, нуженъ былъ хотя какой-нибудь предлогъ, чтобы оставить Лисовскаго въ подозрѣніи: за неимѣніемъ лучшаго, они привязались къ доносу Дурново на одного изъ людей Лисовскаго; хотя и это дѣло сыщикамъ пришлось скоро прекратить, однако къ Лисовскому они продолжали относиться неблагосклонно. Въ февралѣ 1699 г. Лисовскій подалъ сыщикамъ челобитную объ отпускѣ на его прежній (до Красноярска) „приказъ“ въ Братской острогъ, при чемъ жалуется, что съ 28-го августа „въ Енисейску я задержанъ и живу многое время, дѣла никакого за собою я не вѣдаю“.

Въ обширной „выписи“ (справкѣ) съѣзжаго двора по челобитной Лисовскаго приведено между прочимъ извлеченіе изъ отписки Бейтона Полянскому, что при „счетѣ“ Степана Лисовскаго по воеводству „великого государя казны никакой въ начетѣ на него Степана неявилось“. Замѣчена только неправильная выдача жалованья на 205 годъ одному умершему и двумъ служилымъ людямъ, „тюремнымъ сидѣльцамъ“, всего на 27 руб. 13 алтынъ 2 деньги. Но Лисовскій объяснилъ, что это жалованье выдано семьямъ тѣхъ служилыхъ людей, „по словесному челобитью женъ ихъ и дѣтей“, одной семьѣ „на поминовеніе“, а двумъ семьямъ тюремныхъ сидѣльцевъ потому, что ихъ братья и дѣти отбываютъ за нихъ государеву службу „на стѣнныхъ и на отъѣзжихъ караулахъ“.

„Выпись“ съѣзжаго двора не могла не сознаться и въ томъ, что никакого „челобитья отъ красноярцовъ на Степана Лисовского ни отъ кого ни въ чемъ нѣтъ“.

Несмотря на всѣ эти благопріятныя для Лисовскаго данныя, сыщики нашли явно недобросовѣстный предлогъ задержать его въ

Енисейскѣ еще на нѣкоторое время. Въ приговорѣ отъ 12-го февраля Полянскаго и Берестова читаемъ: „Енисейского письменного голову Степана Лисовского отослать въ приказную избу, съ памятью, для того, что въ отпискѣ изъ Красноярска Якова Бейтонова, ноября 26-го числа нынѣшняго 207 года, написано, что о пивной продажѣ Степанова человѣка Лисовскаго Оськи Захарова ноября по 16-е число красноярцы допрашиваны 56 человѣкъ, а ноября съ 16-го числа красноярцы въ приказную избу къ допросу нейдутъ. А будетъ С. Лисовской по Красноярскимъ дѣламъ и по сыску Я. Бейтонова въ какихъ дѣлахъ впредь на съѣзжой дворъ понадобится, и о немъ Степанѣ великого государя указъ въ приказную избу присланъ будетъ", т. е. къ Енисейскому воеводѣ, къ вѣдомству котораго принадлежалъ Лисовской.

Но сыщики отлично знали, что кромѣ ноябрьскаго сыска Бейтона о Захаровѣ (о 56-ти свидѣтеляхъ), былъ уже полученъ отъ него и январскій сыскъ, закончившій розыскъ и давшій показанія 82 свидѣтелей, въ дополненіе къ прежнимъ 56 показаніямъ. Придирка къ Лисовскому была явная и слишкомъ недобросовѣстная. Но Лисовскому пришлось подчиниться этому незаконному приговору.

XII.

Въ 1699 г. продолжался розыскъ Полянскаго и Берестова о Красноярской „шатости". Розыскъ не давалъ никакихъ осязательныхъ результатовъ, такъ какъ большинство „воровъ" добровольно не ѣхали въ Енисейскъ, а Бейтонъ не имѣлъ силъ выслать ихъ къ сыщикамъ. Послѣдніе рѣшили перенести розыскную дѣятельность въ самый Красноярскъ, куда и отправились въ концѣ лѣта.

Въ одной изъ своихъ отписокъ царю [1]) Полянскій разсказываетъ, какъ встрѣтили его красноярцы. Сыщики плыли въ „дощаникѣ" по р. Енисею. За 40 верстъ до Красноярска встрѣтили ихъ на рѣкѣ красноярцы, съ извѣстнымъ дѣятелемъ послѣдняго бунта Артемомъ Смольяниновымъ во главѣ. Красноярцы остановили дощаникъ и говорили сыщикамъ „съ невѣжествомъ, съ крикомъ и съ шумомъ, что они насъ, холопей твоихъ, въ Красноярскъ *не пропустятъ*, и послушны ни въ чемъ не будутъ, и въ розыскъ себя никого не дадутъ". Сила оказалась на сторонѣ красноярцевъ, и они „пять дней держали" здѣсь сыщиковъ. Затѣмъ обѣ стороны пошли на какой-то

[1]) Сибирскаго приказа столбецъ № 1417.

компромиссъ (Полянскій не объясняетъ), и Смольяниновъ съ товарищи пропустили наконецъ сыщиковъ въ Красноярскъ.

Но и здѣсь Полянскій съ Берестовымъ должны были скоро прервать свой розыскъ о красноярскихъ бунтахъ, такъ какъ ихъ розыскная дѣятельность была прекращена вслѣдствіе возбужденныхъ противъ нихъ обвиненій въ злоупотребленіяхъ по ихъ многочисленнымъ сибирскимъ сыскамъ [1]). Енисейскій воевода Б. Д. Глѣбовъ началъ розыскъ о „воровствѣ" самихъ сыщиковъ, розыскивавшихъ про сибирскихъ „воровъ".

Повидимому, дѣло о Красноярскомъ бунтѣ было предано волѣ Божіей. Красноярскъ успокоился и мирно принялъ въ 1700 г. присланныхъ изъ Москвы новыхъ воеводъ, смѣнившихъ Я. А. Бейтона: это были Петръ Савичъ и сынъ его Өедоръ Мусины-Пушкины. Отецъ уже былъ извѣстенъ красноярцамъ: онъ воеводствовалъ у нихъ какъ разъ передъ Башковскими (въ 1692 — 1693 гг.) и оставилъ по себѣ добрую память. Именно потому Москва вновь послала его въ Красноярскъ, надѣясь, что онъ умиротворитъ красноярцевъ окончательно. Это и сбылось: Мусины-Пушкины воеводствовали въ Красноярскѣ много лѣтъ, напр., мы встрѣчаемъ ихъ тамъ въ 1705 г. [2]).

Красноярская „шатость" 1695 — 1698 гг. не прошла безслѣдно для Сибири, съ интересомъ слѣдившей за борьбою „воровскихъ людей" съ воеводами. Есть доказательства, что многіе сибирскіе города были въ дѣятельныхъ сношеніяхъ съ красноярскими бунтовщиками. Строились какіе-то общіе планы дѣйствій, намѣчалась отдаленная цѣль, развивалась солидарность интересовъ. Красноярскъ обронилъ какую-то новую мысль, надъ которою „думали" и другіе сибирскіе города.

Въ „наказной памяти" Полянскаго Я. А. Бейтону, отъ 22-го августа 1698 г. [3]), находимъ между прочимъ такую „статью": Бейтонъ долженъ допросить С. С. Лисовскаго, почему онъ не исполняетъ приказа сыщиковъ—отыскать въ Красноярскѣ тѣхъ „*иркутчанъ*, которые живутъ въ домахъ у воровъ и бунтовщиковъ, *укрываючись тайно*, въ городѣ у Мишки Иконникова—Лучка Микифоровъ, да въ селѣ Ясауловѣ у Өедьки Чанчикова (живутъ) переходя два человѣка"... Этихъ 3-хъ иркутчанъ велѣно допросить: „*для чего* они изъ

---

[1]) См. XXVI главу въ III части „Обозрѣнія столбцовъ и книгъ Сибирскаго приказа".

[2]) Ibid., ч. I, с. 249.

[3]) Сибирскаго приказа столбецъ № 366.

Иркутска въ Красноярскъ пришли и живутъ въ ухоронкахъ, тайно"? Затѣмъ, „оковать и за карауломъ прислать" въ Енисейскъ.

Если вспомнимъ, что Ѳ. Чанчиковъ игралъ руководящую роль въ послѣднемъ бунтѣ противъ Дурново, то станетъ очевиднымъ, что пребываніе у него 2-хъ иркутчанъ не было случайностью и говоритъ именно о существованіи какихъ-то сношеній между Красноярскомъ и Иркутскомъ, сдѣлавшихся извѣстными и сыщикамъ. Бейтонъ не нашелъ ни Луки Микифорова, ни остальныхъ иркутчанъ: красноярцы скрыли ихъ отъ поисковъ воеводы.

Что въ Иркутскѣ дѣйствительно шло какое-то броженіе въ связи съ красноярскою шатостью, объ этомъ говоритъ розыскное дѣло Полянскаго и Берестова, производившееся въ 1698—1699 гг., о ссыльномъ человѣкѣ изъ крестьянъ Юрьевца-Повольскаго Терентьѣ Копытовѣ [1]). Копытовъ обвинялся въ какихъ-то сношеніяхъ съ красноярскими „воровскими людьми" и состоялъ въ перепискѣ съ нѣкоторыми иркутскими служилыми людьми. Сыщикамъ была доставлена „грамотка" Копытова, посланная въ 1698 г. изъ Илимскаго острога въ Енисейскъ, къ находившемуся тамъ иркутскому казаку Титу Евсевьеву. Копытовъ спрашивалъ между прочимъ въ „грамоткѣ" Евсевьева о красноярскихъ воровскихъ людяхъ: „что у нихъ чинится? и *крѣпко ли они въ дѣлѣ стоятъ*"? Именно за эту фразу Копытова сослали въ Туруханскъ.

Одновременно съ Красноярскою шатостью происходили [2]) въ 1695—1696 гг. „бунтовскіе замыслы и мятежъ" служилыхъ людей Селенгинскаго, Удинскаго, Кабанскаго и другихъ остроговъ Иркутскаго уѣзда противъ приказныхъ людей этихъ остроговъ—Андрея Бейтона (брата Якова) и др. У бунтовщиковъ былъ между прочимъ замыселъ идти въ Иркутску и овладѣть имъ. Розыскъ объ этой шатости производилъ на мѣстѣ, въ 1697 — 1698 гг., Иркутскій боярскій сынъ Андрей Москвитиновъ съ товарищи, передавшій затѣмъ свой розыскъ московскимъ сыщикамъ Полянскому и Берестову.

Дальнѣйшее изученіе документовъ Сибирскаго приказа, вѣроятно, раскроетъ новыя данныя какъ о Красноярской шатости 1695—1698 гг. такъ и о вызванномъ ею броженіи въ другихъ мѣстахъ Сибири.

Н. Оглоблинъ.

---

[1]) Столбецъ № 1418.

[2]) Столбцы №№ 1367, 1667, 1697.

О СОСТАВѢ ЗАПАДНО-РУССКИХЪ, ТАКЪ НАЗЫВАЕМЫХЪ ЛИТОВСКИХЪ ЛѢТОПИСЕЙ [1]).

Что касается до состава полнаго свода литовской лѣтописи за остальное время княженія Витовта, то въ ней нельзя не замѣтить многихъ извѣстій, взятыхъ изъ народныхъ преданій и не отличающихся исторической достовѣрностью; иногда проявляется желаніе возвысить литовцевъ сравнительно съ поляками; такъ сообщается, что на убѣжденія цезаря римскаго, прибывшаго на коронацію Витовта, побрататься съ поляками, литовскіе паны будто бы отвѣтили, что они старая шляхта римская; это будто бы подтвердилъ и цезарь, назвавъ ихъ шляхтой высшей, чѣмъ поляки и т. д. Въ записи о коронаціи Витовта много выдуманнаго; такъ, напримѣръ, разсказывается, что римскій императоръ пріѣзжалъ на коронацію Витовта самъ; изъ краткаго же свода литовской лѣтописи видно, что были только его послы; значитъ нужно предполагать, что и всѣ разговоры о коронаціи между Витовтомъ и императоромъ выдуманы и относятся къ позднѣйшему времени; при перечисленіи гостей, прибывшихъ на коронацію, позднѣйшій составитель лѣтописи пользовался тѣми же источниками, какіе находились подъ руками у составителя краткаго свода.

Извѣстіе о походѣ Витовта противъ Василія Димитріевича и съѣздѣ на рѣкѣ Угрѣ тоже не отличается достовѣрностью; на это указываетъ желаніе объяснить происхожденіе фамиліи Немировичей (38 стр.); точно такою же недостовѣрностью отличается и извѣстіе объ отношеніяхъ Витовта къ Новгороду и Пскову (38, 39); при этомъ нужно замѣтить, что послѣднее извѣстіе записано уже послѣ смерти Витовта;

---

[1]) *Окончаніе*. См. мартовскую книжку *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія* за 1901 годъ.

потому что въ лѣтописи сказано: „Y dawali Nowhorodcy wychodu kniaziu welikomu Witoltu na każdy hod.... y w kożdy hod Nowhorodcy po tolku dawali“, чего, конечно, нельзя было бы сказать, если бы запись сдѣлана была при жизни Витовта.

Извѣстіе о женахъ Витовта (39) не имѣетъ никакой связи ни съ предыдущимъ, ни съ послѣдующимъ. Очевидно, что оно взято изъ другого источника, есть какъ бы какой-то отрывокъ изъ жизнеописанія князя; всѣ эти извѣстія имѣютъ характеръ воспоминаній или замѣтокъ, составленныхъ послѣ, а не погодныхъ записей.

Извѣстіе о битвѣ подъ Дубровной (39, 40), можетъ быть, составляло отдѣльное сказаніе, какъ это видно по формѣ изложенія. Сказаніе составлено, очевидно, литовцемъ; вездѣ говорится только о литовцахъ; имъ приписывается вся побѣда надъ нѣмцами; о полякахъ съ негодованіемъ говорится, что нѣкоторыя польскія войска совсѣмъ не помогали литовцамъ, а только смотрѣли на битву.

Извѣстіе о коронаціи Витовта тоже несогласно съ дѣйствительностью; тутъ говорится, что мысль просить королевскій титулъ подана была Витовту Ягайломъ; говорится, что посланные за короной были задержаны въ Римѣ въ теченіе трехъ лѣтъ вслѣдствіе смутъ въ Валахіи и уже во Львовѣ узнали о смерти Витовта; въ этомъ отношеніи краткій сводъ передаетъ дѣло совершенно правдоподобно и не искажаетъ истины, какъ позднѣйшій составитель.

Причина смѣны Свитригайла по краткому своду весьма простая: „не оуправляше земли“ (У. З. А. Н. 50 стр.). Между тѣмъ въ полномъ сводѣ причина приводится политическаго характера; тутъ говорится, что Свитригайло поссорился съ Ягайломъ изъ-за Подоліи; причемъ смѣна представляется дѣломъ Ягайла, который послалъ даже своихъ пословъ къ папѣ съ просьбою разрѣшить литовцевъ отъ присяги, данной ими Свитригайлѣ (Лѣт., изд. Нарб. 45, 46).

Извѣстіе о борьбѣ Свитригайла съ Сигизмундомъ вошло въ полный сводъ изъ краткаго свода [1]); что это извѣстіе заимствовано, на это указываетъ самъ составитель полнаго свода; перечисляя князей, павшихъ въ битвѣ Сигизмунда съ Свитригайломъ подъ Вилькомиромъ, составитель позднѣйшаго свода говоритъ: „a innych wsich imen ne wypisano“ (Лѣт., изд. Нарб. 47).

Подробный разсказъ объ убіеніи Сигизмунда (48—50) представляетъ изъ себя, по всей вѣроятности, отдѣльное сказаніе, какъ это

[1]) Разнорѣчія указаны выше при обозрѣніи краткаго свода.

видно по самому началу и по тону, отличному отъ предыдущаго изложенія. Сказаніе проникнуто нелюбовію къ Сигизмунду; непріязненный тонъ слышенъ повсюду. Сигизмундъ сильныя жестокости чинилъ надъ шляхтою, которую онъ безъ милости казнилъ невинно; по жестокости онъ сравнивается съ Антіохомъ Сирійскимъ, Иродомъ Іерусалимскимъ и съ предкомъ своимъ Тройденомъ. Но несмотря на это, шляхта, какъ вѣрные рабы, терпѣливо сносила его жестокости; ничего злого ему не дѣлала и не мыслила; онъ же, окаянный, не насытясь своей злостью, замыслилъ въ своемъ сердцѣ совершенно истребить весь шляхетскій родъ и возвысить родъ холопскій, „псю кровь". Вотъ главная причина его убійства. Сказаніе это, составленное вѣроятно современникомъ, заканчивается слѣдующими словами: „a kniaź Zygimont w tot czas żywota dokonał, poweleniem wojewody Wilenskoho Dowgirda.... ubijen byst u werbnuiu nedelu, mca....". Подобное окончаніе тоже указываетъ на отдѣльность этого сказанія [1]).

Разсматривая лѣтописныя извѣстія за время княженія Казимира, мы прежде всего выдѣлимъ извѣстія, помѣщенныя въ краткомъ сводѣ литовскихъ лѣтописей; извѣстія эти: о бунтѣ въ Смоленскѣ и битвѣ Казимира съ Москвою (Нарб. 53—55. Ср. У. З. А. Н. 54—54—56).

Затѣмъ мы видимъ, что описаніе борьбы Казимира съ Михаиломъ Сигизмундовичемъ до извѣстія о смерти послѣдняго (Нарб. 50—53—55, 56), по всей вѣроятности, составляло отдѣльное сказаніе; извѣстіе это отличается цѣльностію, систематичностію и не имѣетъ характера погодныхъ записей; судьба Михаила изображается здѣсь безъ всякихъ перерывовъ отъ смерти Сигизмунда до его смерти, которая, по Стрыйковскому (II, 212), послѣдовала въ 1448 году; всѣ факты, касающіеся жизни Михаила, собраны здѣсь въ одно цѣлое и не пріурочены ни къ какому году; это и заставляетъ насъ признать его за отдѣльное сказаніе или отдѣльную запись. Можетъ быть, эта запись составлена немного послѣ описываемыхъ въ ней событій, на что указываетъ выраженіе относительно продолжительности управленія Контовта Жмудью: „y kak try hody wyszli, y Kezgał starostoiu Zomoytskim po staromu był, a Kontowta otniali" (Нарб. 53). Въ сказаніе о борьбѣ Казимира съ Михаиломъ вставлено извѣстіе о смерти Довгирда,

---

[1]) Выраженіе: „Krow skoczyła z hołowy na stenu, kotoraiaż y do dnes iest na stene w łożnicy ieho na weży u bolszom zamku Trockom" (Нарб. 49) могло принадлежать позднѣйшему составителю лѣтописнаго свода.

виленскаго воеводы, и опредѣленіи на его мѣсто Ивана Гастольда (Нарб. 55).

За сказаніемъ о борьбѣ Казимира съ Михаиломъ идетъ рядъ краткихъ извѣстій о прибытіи князя Михаила Олельковича къ великому князю, о назначеніи его кіевскимъ княземъ, о возвращеніи Свитригайла изъ Валахіи и о назначеніи ему Луцка, о прибытіи пословъ отъ перекопскихъ татаръ съ просьбою назначить имъ въ ханы Ацгирея. Послѣднее извѣстіе записано не одновременно съ событіемъ, а нѣсколько послѣ, какъ это видно изъ словъ: „y wsi tyi hody za hospodarstwa Kazimirowa y za żywota toho cara Aczgireja upokoy był, meży kniastwom Litowskim y ordoiu Perekopskoiu“ ...„Za jeho carstwa ni odna noha pohanskaia Tatarskaia bezbożnych Izmailitian u Litwe y w Łasech ne postala.... y Boha chwalili, szto tak weliki dołhi upokoy meli od pohań“ (Нарб. 56). Можно даже предположить, что эта запись сдѣлана нѣсколько лѣтъ спустя послѣ смерти хана Ацгирея, въ то время, когда записано было извѣстіе объ избраніи Казимира въ польскіе короли, что случилось, по извѣстію Литовской лѣтописи, черезъ семь лѣтъ по избраніи его въ литовскіе князья (на самомъ дѣлѣ это случилось нѣсколько раньше, именно въ 1447 г.); извѣстіе о сеймѣ въ Парцовѣ, гдѣ будто бы литовскихъ пановъ всѣхъ хотѣли перебить поляки, принадлежитъ, по всей вѣроятности, перу современника; выраженіе: „y mnoho sam hospodar o tom mislił poki ich zweł u zhodu“ (Нарб. 58) такъ и кажется, что вышло изъ-подъ пера современника. Извѣстія о нападеніи Казимира на Маріенбургъ и о войнѣ его съ Георгіемъ Подибрадомъ, королемъ чешскимъ, записано, безъ сомнѣнія, современникомъ (Лѣт., изд. Нарб., 58—61). Запись эта особенно драгоцѣнна по указанію на личность ея автора; говоря о пораженіи соединенныхъ польскихъ и литовскихъ силъ подъ Хвойницами, авторъ прибавляетъ, что это случилось „Bożyim hnewom, hrych rady naszych“ (Нарб. 59) [1]).

[1]) Выраженія: „kotory potom był okolniczym Smolenskim“.... „sedeli try hody“, встрѣчающіяся (60, 61) въ послѣднемъ извѣстіи, могли принадлежать составителю свода, какъ и извѣстіе о мѣстѣ погребенія королевы Елизаветы, супруги Казимира (63 стр.). Слѣдуетъ замѣтить, что хотя извѣстія записывались или современникомъ, или вскорѣ послѣ самыхъ событій, но нельзя не видѣть, что дѣла польско-литовскія были извѣстны автору въ самыхъ общихъ чертахъ; такъ онъ баснословно разсказываетъ о смерти Владислава Чешскаго; знаетъ только о сеймѣ, собиравшемся въ Парцовѣ; знаетъ, что литовскіе паны побросали польскіе гербы, но не знаетъ, на какомъ это было сеймѣ; битва подъ Хвойницами, по

Далѣе идетъ нѣсколько погодныхъ записей (Лѣт., изд. Нарб. 61), преимущественно касающихся судьбы князя Александра Владимировича кіевскаго и его дѣтей; по всей вѣроятности, извѣстія эти вошли въ лѣтописный сводъ или изъ кіевскихъ или изъ какихъ-либо частныхъ источниковъ. Намъ извѣстно, что двумъ литовскимъ родамъ: Одинцевичамъ и Слуцкимъ принадлежали два списка краткаго свода литовскихъ лѣтописей (У. З. А. Н. 25); можетъ быть, извѣстія о родѣ слуцкихъ князей (изъ нихъ Настасья Александровна и Семенъ Александровичъ называются благовѣрными) и вошли въ сводъ изъ частныхъ архивовъ этого княжескаго дома. Извѣстія подъ 1486 годомъ о съѣздѣ на Коломыѣ литовскаго великаго князя съ валашскимъ господаремъ Стефаномъ, о прибытіи Михаила Борисовича тверскаго къ Казиміру и о выпаденіи снѣга записаны современникомъ; особенно печатью современности запечатлѣно послѣднее извѣстіе: „tohož leta miesiaca maja druhoho dnia wypał sneh tak weliki, iako moszczno było sanmi iezdyty; tohož miesiaca maja dwadcat perwoho dnia wypał sneh w połholeni czełoweku y była studen welikaia welmi“ (Лѣт., изд. Нарб., 62). Затѣмъ, упомянувъ о неоднократныхъ посѣщеніяхъ Казиміромъ Литвы, Лѣтопись прямо передаетъ извѣстіе о его смерти; извѣстіе это записано современникомъ, что видно по числовымъ даннымъ; съ точностію опредѣляется время его смерти и погребенія (Лѣт., изд. Нарб., 63). Съ этого времени въ литовской лѣтописи погодныя записи идутъ постоянной чередой, безъ пропусковъ; извѣстія отличаются обстоятельностью, подробностію; тонъ и пріемы вездѣ одни и тѣ же, поэтому нужно признать въ авторѣ лѣтописныхъ извѣстій отъ 1492 [1]) года до конца лѣтописи, т. е. до 1506 года одно лицо. Родиной этихъ записей слѣдуетъ считать Волынскую землю.

Княженіе Александра изложено въ Лѣтописи въ видѣ погодныхъ записокъ современникомъ. Точно опредѣляется время прибытія Елены въ Вильну „pered welikimi zapusty za dwe nedeli“ (Лѣт., изд. Нарб. 64).

его разсказу, происходила съ Георгіемъ Подибрадомъ; между тѣмъ какъ она была съ нѣмцами. Ближе лѣтописцу извѣстны дѣла югозападной Руси, т. е. Кіева.

[1]) Или лучше съ извѣстія о смерти Казиміра; вѣроятно, извѣстіе о послѣднихъ годахъ его царствованія записано по памяти и послѣ; потому что допущены хронологическія ошибки: послѣ свиданія Казиміра съ валашскимъ господаремъ, что было по лѣтописи въ 1486 году, король жилъ въ Литвѣ семь лѣтъ, потомъ годъ въ Польшѣ, потомъ опять годъ въ Литвѣ, такъ что, если бы хронологія была вѣрна, то смерть короля относилась бы не къ 1492 году, а къ 1495 году; выраженія: „семь лѣтъ“ и т. п., тоже говорятъ о томъ, что запись сдѣлана послѣ.

Современникъ и участникъ виденъ въ описаніи битвы при Ведрошѣ (ibid. 68. 69); съ точностію опредѣляется мѣстность битвы: литовцы не дошли до села Ведроши за двѣ мили, какъ узнали о томъ, что москвитяне ждутъ ихъ. Дорога отъ села Лопатина до Ведроши была грязна, и литовцы едва прошли черезъ лѣсъ съ большою нуждою и трудностью: призвавши Бога на помощь, они рѣшились сражаться съ москвитянами, несмотря на численное превосходство послѣднихъ. Опредѣляется число литовскихъ войскъ.

Подъ 1500 годомъ авторъ дѣлаетъ указаніе на себя: говоря о князѣ Михаилѣ Глинскомъ, онъ замѣчаетъ: „o kotorom budem daley mnoho dywnoho pisaty“ (Лѣт., изд. Нарб. 70).

Подъ 1502 годомъ авторъ говоритъ о себѣ опять въ первомъ лицѣ: „Bożyim perepuszczeniem hrych naszych rady Tatarowe naszych pobili“ (Лѣт., изд. Нарб. 73).

Описаніе нападенія татаръ на Слуцкъ 30-го августа сдѣлано несомнѣнно въ Слуцкѣ, какъ это видно по подробностямъ: количество татаръ было 6 тысячъ. Князь слуцкій Семенъ Михаиловичъ былъ тогда въ Слуцкѣ и, посмотрѣвъ съ церкви св. Юрія за рѣку Случъ, внезапно увидѣлъ татаръ, скачущихъ на коняхъ и забирающихъ въ плѣнъ мужчинъ и женщинъ. Князь и окружающіе подивились такому наглому и быстрому нападенію татаръ, потому что они, перешедши Припять, прошли до Слуцка 25 миль; а другіе дошли до Копыла, дальше отъ Слуцка на 5 миль. Князь недоумѣвалъ, что дѣлать. Царевичъ сталъ кошемъ за Умолемъ; татары, пограбивъ около Клецка и Несвижа, съ Искольты вернулись назадъ. Въ извѣстіи о нападеніи татаръ въ 1503 году на Литву и Русь виденъ авторъ и современникъ: „Bożyiu pomoszczyiu naszy pobili ich“... Мѣсяца ноября 4-го съ среды на четвергъ умеръ благовѣрный и христолюбивый князь Семенъ Михаиловичъ Слуцкій—это опять указываетъ на запись въ Слуцкѣ (Лѣт., изд. Нарб. 73).

Война съ татарами въ 1506 году описана современникомъ и участникомъ въ битвѣ, что видно по подробностямъ относительно времени и мѣста. Литовцы въ Новгородкѣ стояли три дня; изъ Новгородка выѣхали 6-го августа въ понедѣльникъ вечеромъ передъ сумерками (76). Ночевали во вторникъ въ селѣ Налипой, не доходя Молева; въ среду 6-го августа на Преображеніе, вставъ рано, пошли ко Клецку. Очевидецъ виденъ въ слѣдующихъ словахъ: „kak pryszli pod Kleczesk k' rece Łanie do Krasnoho stawu ot południ, y z hory czerez reku wzreli połki tatarskije stoiaczy pohotowe na boy“ (Нарб. 77). Авторъ

указываетъ на себя въ словахъ: „a potom y tyie ludy naszy z prawoie ruki poprawiwszysia“ (ibid. 77). Авторъ, какъ и понятно, держитъ сторону Литвы: литовцы собираются идти на враговъ, „wzemszy Boha wzederżytela na pomocz“... одерживаютъ побѣду „Bożyiu miłostyiu“ (ibid. 76 стр.). О татарскихъ же царевичахъ говорится, что они наполнены гордостью и высокоуміемъ.

Сдѣлавъ подробное обозрѣніе содержанія полнаго свода Литовской лѣтописи, мы можемъ теперь перечислить тѣ элементы, тѣ составныя части, которыя вошли въ нее.

1. Народныя сказанія и преданія:

Преданія: a) о первоначальной исторіи Литвы до вокняженія Миндовга.

b) О смѣнѣ князей отъ Войшелга до Гедимина.

c) Объ основаніи Вильны.

d) О нападеніи Ольгерда на Москву.

e) О чудѣ отъ св. креста.

f) О распрѣ Витовта съ Москвой.

g) О стремленіи Витовта къ коронѣ.

2. Заимствованія изъ южно-русскаго свода (о Миндовгѣ, Войшелгѣ, объ убіеніи Товтивила и Тройнаты и о Тройденѣ).

3. Отдѣльныя сказанія и записи:

a) Вошедшія въ краткій сводъ и

b) Являющіяся въ полномъ сводѣ въ первый разъ.

Къ числу первыхъ принадлежатъ:

a) Объ изгнаніи Явнута.

b) О борьбѣ Ягайла съ Кейстутомъ и Витовтомъ.

c) О борьбѣ съ смоленскими князьями.

d) О бракѣ Василія Дмитріевича съ дочерью Витовта.

e) О покореніи Витовтомъ русскихъ княжествъ.

f) О смерти Скиригайла.

g) О покореніи Смоленска и свиданіи Витовта съ Василіемъ Дмитріевичемъ.

h) О битвѣ съ Тохтамышемъ (Темиркутлуемъ) на Ворсклѣ.

i) О дѣлахъ подольскихъ.

k) О коронаціи Витовта.

l) О борьбѣ Свидригайла съ Сигизмундомъ.

m) О бунтѣ въ Смоленскѣ и войнѣ Казимира съ Москвой.

Къ числу извѣстій, являющихся въ полномъ сводѣ въ первый разъ, принадлежатъ:

a) Извѣстіе о битвѣ подъ Дубровной.
b) О распрѣ Свидригайла съ Ягайломъ.
c) Объ убіеніи Сигизмунда.
d) О борьбѣ Михаила Сигизмундовича съ Казиміромъ.
e) О борьбѣ Казиміра съ тевтонами и Георгіемъ Подибрадомъ.

4. Погодныя записи.

Литовскія лѣтописи носятъ на себѣ особый отпечатокъ, котораго нѣтъ, напримѣръ, въ русскихъ лѣтописяхъ. Такимъ своеобразнымъ характеромъ литовскія лѣтописи обязаны особому направленію исторической жизни Литвы послѣ соединенія ея съ Польшей при Ягайлѣ. Литовская національность стремится обособиться, отдѣлиться отъ Польши, составить изъ себя отдѣльное и независимое государство; Польша, наоборотъ, стремится подчинить себѣ Литву, завладѣть тою или другою литовскою или русскою областью; отсюда у литовцевъ антагонизмъ, нетерпимость, нелюбовь ко всему польскому и чрезвычайное восхваленіе всего литовскаго, поклоненіе, доходящее чуть не до обожанія всякаго литовскаго князя, стоявшаго за свою народность, чрезвычайное восхваленіе Витовта, стремившагося къ отдѣленію Литвы отъ Польши; Литовская лѣтопись поэтому живо отражаетъ въ себѣ всѣ національныя чувства; вся борьба Литвы съ поляками видна въ лѣтописи, какъ въ зеркалѣ. Поляки изъявляютъ притязанія на Подолію, хотятъ отнять ее у литовцевъ; лѣтописецъ заявляетъ, что Подолія добыта Витовтомъ при помощи однихъ только литовскихъ силъ; ему никто не помогалъ (У. З. А. Н. 45). Полякамъ приписываются самыя звѣрскія намѣренія; такъ, на сеймѣ въ Парцовѣ они хотѣли будто бы, по сказанію, сохраненному въ лѣтописи, перебить всѣхъ литовскихъ пановъ; когда Литва и поляки заодно принимаютъ участіе въ войнѣ, поляки обыкновенно выставляются ничего недѣлающими, трусами; вся честь сраженія и побѣды принадлежитъ литовцамъ; въ битвѣ подъ Дубровной нѣкоторыя польскія войска нисколько Литвѣ не помогали, только смотрѣли на битву; послѣ битвы подъ Хвойницами король Казиміръ такъ отвѣчаетъ одному поляку: „вы, поляки, мылись въ банѣ водою, а мои вѣрные слуги, Литва, въ рукахъ непріятельскихъ омылись кровію". Это высокомѣріе литовцевъ проглядываетъ вездѣ; они называютъ себя „старою шляхтою", „первою", „римскою", не хотятъ брататься съ поляками. Литвѣ все удается; въ лѣтописи самымъ баснословнымъ образомъ описанъ походъ Ольгерда подъ Москву, гдѣ онъ будто бы прислонилъ къ стѣнѣ копье; почти о каждомъ князѣ сказано, что ему покорился тотъ или другой

народъ; тотъ или другой князь платилъ дань или просилъ помощи. Такимъ образомъ, вся Литовская лѣтопись есть панегирикъ своимъ князьямъ; прославить ихъ, возвысить свой народъ, унизить противниковъ—вотъ, повидимому, цѣль этой лѣтописи. Вслѣдствіе ограниченности этой цѣли, мы мало видимъ въ лѣтописи извѣстій посторонниxъ: вся лѣтопись почти исключительно наполнена одними извѣстіями о литовскихъ князьяхъ, и потому мы по справедливости можемъ назвать ее государственною.

Къ отличительнымъ чертамъ Литовской лѣтописи нужно отнести и то, что извѣстія, записанныя въ ней, по большей части, не отличаются лѣтописнымъ характеромъ: это не погодныя записи, а какъ бы сводъ сказаній или болѣе подробныхъ извѣстій о томъ или другомъ важномъ для литовца событіи; повидимому, у литовцевъ не было постоянныхъ ежегодныхъ записей о событіяхъ, совершавшихся въ Литвѣ, а всякое происшествіе, выходящее изъ ряда обыкновенныхъ, всякая внѣшняя война или внутренняя борьба между князьями были сначала записаны отдѣльно и потомъ уже собраны въ одинъ сводъ какимъ-либо любителемъ отечественной старины.

Что касается до хронологіи [1]) литовскихъ лѣтописей, то какъ въ полномъ, такъ и въ краткомъ сводахъ литовскія событія, по большей части, не пріурочены къ извѣстнымъ годамъ; въ краткомъ сводѣ только смоленскія и южно-русскія извѣстія отмѣчены годами; въ полномъ же сводѣ появляются хронологическія данныя съ начала XV вѣка; а въ XIV вѣкѣ годы поставлены только при четырехъ извѣстіяхъ; при этомъ въ полномъ сводѣ лѣтописи нѣкоторыя событія перемѣшаны, хронологической послѣдовательности между ними искать не всегда возможно; такъ, за сказаніемъ о битвѣ подъ Дубровной, относящейся по Стрыйковскому къ 1412 г., идетъ въ лѣтописи, изданной Нарбутомъ, извѣстіе о съѣздѣ Витовта съ Ягайломъ въ Перемышлѣ, съѣздѣ, бывшемъ, по извѣстію того же хрониста, въ 1401 г. За извѣстіемъ о нападеніи Казимира на тевтонскихъ рыцарей, относящемся по Стрыйковскому къ 1457 г., въ лѣтописи, изданной Нарбутомъ, идетъ лѣтописное извѣстіе о паденіи Константинополя. Только съ этого извѣстія и до конца лѣтописи хронологическія данныя дѣлаются постоянными.

---

[1]) *Бѣльскій* (I, 257) и *Стрыйковскій* (I, 244) говорятъ въ своихъ хроникахъ, что только съ 1220 г. литовскіе лѣтописцы начали ставить годы при событіяхъ. Правда, въ лѣтописи, изданной *Нарбутомъ*, поставленъ 1176 годъ (6 стр.) при извѣстіи о смерти Скирмунта, но онъ совершенно вымышленъ.

Извѣстія, заимствованныя польскими хронистами изъ литовскихъ лѣтописей.

Разсматривая извѣстія о литовскихъ событіяхъ, находящіяся въ русскихъ лѣтописныхъ сборникахъ, мы можемъ сдѣлать заключеніе, что составители русскихъ сборниковъ не пользовались литовскими лѣтописями, а писали о тѣхъ или другихъ событіяхъ по слуху; всѣ эти извѣстія отличаются краткостію; при томъ большинство ихъ касается Литвы только тогда, когда литовцы чѣмъ-либо заявляли себя въ исторіи Россіи; такъ, очень много извѣстій о войнахъ, веденныхъ Литвою съ русскими княжествами, о нападеніяхъ литовскихъ князей на Псковъ и Новгородъ, Москву, Смоленскъ, Рязань и т. п.; извѣстій же, касающихся одной только Литвы, въ русскихъ лѣтописныхъ сборняхъ очень немного; вотъ они: извѣстіе о смерти Гедимина (П. С. Р. Л. V, 223. Нов. I. П. С. Р. Л. III, 81), о занятіи Ольгердомъ и Кейстутомъ Вильны и изгнаніи оттуда Явнута (Соф. I. П. С. Р. Л. V. 224. Нов. IV. П. С. Р. Л. IV, 57), о битвѣ литовцевъ съ нѣмцами на рѣкѣ Стравѣ (Соф. I. П, С. Р. Л. 225, Нов. IV. П. С. Р. Л. IV, 58), объ убіеніи Евстафія, православнаго Литвина (Соф. I. П. С. Р. Л. V, 226), о смерти Ольгерда; его характеристика; перечисленіе дѣтей Гедимина и Ольгерда (Соф. I. П. С. Р. Л. V, 185, 236. Воскр. П. С. Р. Л. VIII, 25. Лѣтоп. Авраамки 103. Нов. IV, 72); объ убіеніи Кейстута (Воскр. П. С. Р. Л. VIII, 33); о женитьбѣ Ягайла на Ядвигѣ и нападеніи Скиригайла на Полоцкъ (П. С. Р. Л. V, 238. Воскр. VIII, 51. Нов. IV, 83. Нов. I, П. С. Р. Л. III, 92), о вступленіи Витовта на литовское княженіе (Воскр. П. С. Р. Л. VIII, 62), о съѣздѣ Витовта и Ягайла въ Милолюбѣ (ibid. 77), о битвѣ подъ Дубровной (ibid. 85), о нападеніи на Маріенбургъ (ibid. 86), о митрополитѣ Григоріѣ Цамблакѣ (ibid. 89. 90. Лѣт. Авраамки 166), о возвращеніи Свитригайла изъ Венгріи въ Литву (Воскр. П. С. Р. Л. VIII, 90), о вторичномъ походѣ литовцевъ на Маріенбургъ (ibid. 91), объ убіеніи Сигизмунда княземъ Александромъ Чарторижскимъ (ibid. 107, также Твер. П. С. Р. Л. XV, 491), о походѣ Казимира подъ Маріенбургъ (Лѣт. Авр., 194). Чтобы дать понятіе о тѣхъ извѣстіяхъ о литовскихъ событіяхъ, которыя находятся въ русскихъ лѣтописяхъ, приведемъ нѣкоторыя изъ нихъ: подъ 1347 годомъ записано: „того же лѣта убіенъ бысть отъ великаго князя Ольгерда литовскаго Круглецъ, нареченный во святомъ

крещеніи Еустафій, за правовѣрную вѣру христіанскую; и положенъ бысть у святого Николы въ Вильнѣ, съ сродникы своими въ гробѣ, съ великыма мученикома Антоніемъ и Іоанномъ, еже пострадаша за правовѣрную вѣру христіяньскую и пріяша вѣнца небесныя отъ руки Господня". О битвѣ подъ Дубровной записано такъ: „Того же лѣта бысть побоище королю Ягайлу Ольгердовичю, нареченному Володиславу, и князю великому литовьскому Витофту Кестутьевичу съ Нѣмцы и съ Прусы, въ земли ихъ Пруской, межы городовъ Дубровны и Острода. И убиша местера и маршалка, и кундыры побиша, и всю силу ихъ нѣмецкую побиша и городы ихъ нѣмецкіе поимаша; но только три гогороды не вдашася королю и Витовту. И бысть тое осени Ляхомъ и Литвѣ 3 побоища съ Нѣмцы; а на всѣхъ трехъ Нѣмецъ избиваху; много же христіянъ и Литвы и Ляховъ избито бѣ отъ Нѣмецъ. И стояша подъ Марьинымъ городомъ 8 недѣль, и взяша около его два охабня, а третьяго вышнего не взяша города; ходиша же по нѣмецкой земли полдругонадцаты недѣли". За исключеніемъ этихъ двухъ извѣстій всѣ остальныя отличаются краткостью; но и вышеприведенныя извѣстія, несмотря на свою сравнительную подробность, не отличаются точностію, носятъ на себѣ характеръ извѣстій, записанныхъ по слуху. Иногда же литовскія извѣстія записывались по случаю. Такъ, напр., извѣстіе о съѣздѣ Ягелло съ Витовтомъ въ Милолюбѣ вошло въ лѣтописный сборникъ потому, что на этомъ съѣздѣ былъ митрополитъ московскій Кипріанъ, который привезъ съ собою въ Москву туровскаго митрополита Антонія.

Но если русскіе бытописатели не пользовались литовскими лѣтописями, то нельзя этого сказать относительно польскихъ историковъ: польскіе хронисты исторію Литвы разсказываютъ по большей части по литовскимъ лѣтописямъ; всего больше изъ литовскихъ лѣтописей взялъ Стрыйковскій, всего меньше Длугошъ; Бѣльскій въ этомъ отношеніи занимаетъ середину. Что касается до Длугоша, то онъ взялъ изъ литовскихъ лѣтописей только перечисленіе дѣтей Гедимина, извѣстіе о сверженіи Явнута, описаніе борьбы Ягайла съ Кейстутомъ и Витовтомъ, извѣстіе о смерти Кейстута до водворенія Витовта въ Литвѣ включительно. Дальнѣйшее описаніе литовскихъ событій взято Длугошемъ не изъ литовскихъ лѣтописей.

При составленіи своей хроники Бѣльскій, излагая исторію Литвы, пользовался литовскими лѣтописями; литовскихъ лѣтописей у него было подъ руками нѣсколько редакцій. Говоря о Палемонѣ, онъ заявляетъ, что, по свидѣтельству русскихъ лѣтописцевъ, Палемонъ убѣжалъ

отъ жестокости Нерона, но другіе русскіе лѣтописцы [1]) пишуть, что причиною бѣгства былъ страхъ предъ Атилою (Kronika Polska Bielskiego. Sanok 1856. I. 253). Лѣтописи литовскія и русскія Бѣльскій не различаетъ; по его мнѣнію — и совершенно справедливому — это все равно. И дѣйствительно, у него безъ разбора попадаются ссылки на литовскія и русскія лѣтописи; такъ, въ вышеприведенной цитатѣ онъ ссылается на русскихъ лѣтописцевъ; но какихъ русскихъ лѣтописцевъ могло интересовать происхожденіе и судьба Литвы, какъ не тѣхъ, которые писали о Литвѣ? Упоминая имя Палемона, Бѣльскій замѣчаетъ „какъ литовскія хроники свидѣтельствуютъ"; но имя Палемона встрѣчается тамъ же, гдѣ говорится о происхожденіи Литвы, а о происхожденіи Литвы, по свидѣтельству Бѣльскаго, говорится у русскихъ лѣтописцевъ; и такъ выходитъ, что русскіе лѣтописцы писали литовскія хроники. Говоря о смерти Параскевы, Бѣльскій опять ссылается на русскія хроники (Бѣл. I. 256). Но объ этомъ ни въ какой русской хроникѣ нельзя найти, кромѣ той, въ которой говорится о Палемонѣ; изъ этого выходитъ, что русская и литовская хроника одно и то же. Въ этомъ убѣждаетъ насъ самъ Бѣльскій. Пріурочивая присоединеніе Пинска и Турова къ литовскому княжеству къ 1220 году, онъ замѣчаетъ: „съ этого времени литовскіе *или русскіе* лѣтописцы были болѣе рачительны въ писаніи исторіи, нежели передъ тѣмъ; потому что уже полагали годъ, въ которомъ что происходило" (Бѣл. I. 257). И такъ литовскіе лѣтописцы или русскіе — одно и тоже; значитъ и литовскія лѣтописи и русскія — одно и то же; два названія прилагаются къ одному и тому же предмету. Одно названіе—русскія—прилагается къ лѣтописямъ по ихъ внѣшнему виду, потому что онѣ писаны по русски. Другое названіе: литовскія—прилагается къ лѣтописямъ по ихъ содержанію, потому что онѣ излагаютъ судьбы литовскаго народа и государства.

Литовскими лѣтописями Бѣльскій пользовался во многихъ мѣстахъ, но не такъ, какъ Стрыйковскій. Какъ Стрыйковскій лѣтописныя извѣстія по большей части распространялъ различными вставками, такъ наоборотъ Бѣльскій передавалъ содержаніе кратко; изрѣдка можно подмѣтить у него буквальное заимствованіе. Иногда же у Бѣльскаго есть только ссылки на литовскія лѣтописи; излагая что-либо по польскимъ историкамъ, онъ указываетъ на ихъ противорѣчіе съ лѣтописями; такъ, говоря (по Длугошу) о враждѣ Скиригайла и Свитригайла съ

[1]) Въ рук. Кр. читаемъ первое извѣстіе, а у Быховца второе.

Витовтомъ, онъ замѣчаетъ: „но литовская исторія не упоминаетъ о Скиригайлѣ, а только объ одномъ братѣ его Корибутѣ, который, вступивъ въ битву съ Витовтомъ, потерпѣлъ отъ него пораженіе и убѣжалъ въ Новгородъ, гдѣ у него была жена съ дѣтьми. Витовтъ и тамъ его досталъ и взялъ въ плѣнъ" (Бѣл. I. 488). Дѣйствительно, въ литовскихъ лѣтописяхъ упоминается только о Корибутѣ [1]). Говоря о томъ, что литовцы послали полякамъ въ помощь противъ Тевтонскихъ рыцарей 8 т. конницы подъ начальствомъ Ходкевича и дали 80 т. злотыхъ, Бѣльскій ссылается на литовскія лѣтописи: „jako latopiscowe ich świadcza" (Бѣл. II, 740. Ср. Лѣт., изд. Нарб. 60 стр.). На русскихъ лѣтописцевъ ссылается Бѣльскій, говоря о количествѣ дани, платимой новгородцами Витовту (Бѣл. II, 878. Лѣт., издан. Нарб. 59). Что же именно взялъ Бѣльскій изъ Литовскихъ лѣтописей?

Изъ Литовскихъ лѣтописей въ трудъ Бѣльскаго вошли слѣдующія извѣстія: о прибытіи Палемона со спутниками (кратко); о дѣтяхъ Палемона и построеніи ими городовъ, при чемъ Сперу приписывается построеніе города Вилькомира, построеніе котораго по лѣтописи, изданной Нарбутомъ, приписывается Довспрунгу, совсѣмъ не упоминаемому у Бѣльскаго [2]). О завоеваніи литовцами Полоцка и Брацлавля сообщается кратко сравнительно съ Литовскою лѣтописью, изданною Нарбутомъ. О нападеніи Зивибунда на русскіе города сходно съ лѣтописями; только въ послѣднихъ нападеніе приписывается Монтивилу (Лѣт., изд. Нарб. 4. Позн. рук. 16. Рук. Кр. 5. Бѣл. I 254). О раздѣленіи Зивибундомъ завоеваній между своими сподвижниками взято изъ лѣтописей; разница между лѣтописями и Бѣльскимъ состоитъ въ томъ, что Довойнъ по лѣтописямъ происходитъ отъ Эйкшиса, а по Бѣльскому отъ Гравзуса (Лѣт. изд. Нарб. 4. Позн. рук. 19. Кр. 5. Бѣл. I. 254). О дѣтяхъ и внукахъ Мингайла взято изъ лѣтописей (Лѣт. изд. Нарб. 5. Позн. рук. 22—26. Рук. Крас. 6. Бѣл. I. 255, 256). Битва Скирмунта съ Мстиславомъ луцкимъ по лѣтописи происходила на этой сторонѣ Яцольды, а по Бѣльскому на той (owej); эта разница объясняется мѣстомъ жительства составителя лѣтописи и Бѣльскаго. Что для составителя лѣтописи, писавшаго, по всей вѣроятности, въ Вильнѣ, было на этой сторонѣ, то для Бѣльскаго, писавшаго свою хронику въ Польшѣ, непремѣнно должно быть на той сторонѣ. О

[1]) Литов. лѣт., издан. Нарб. 83. У. З. А. Н. 38. Позн. р. 133. Рук. Кр. 26.

[2]) Въ рукописяхъ Позпанской и Красинскаго ни о построеніи Вилькомира, ни о Довспрунгѣ не упоминается.

Куковойтѣ, о походѣ Скирмунта на Балаклая царя и раздѣленіи государства Скирмунтомъ между своими сыновьями взято тоже изъ лѣтописей, при чемъ старшимъ сыномъ называется Любартъ, между тѣмъ какъ въ лѣтописяхъ старшимъ названъ Тройнатъ, Любартъ— вторымъ (Лѣт. издан. Нарб. 6. Позн. 29—31; у Бѣльскаго I, 257, вмѣсто Скирмунта вездѣ называется Шварнъ, какъ въ рук. Кр. 7, 8 стр.).

О Поятѣ, Утенусѣ, битвѣ русскихъ съ татарами взято изъ лѣтописей (Бѣл. I, 257, 258. Позн. рук. 32—37).

О Рингольтѣ сходно съ лѣтописями (Лѣт. изд. Нарб. 7. Позн. рук. 37—39. Рук. Кр. 10. Бѣл. I, 259). Объ убіеніи Миндовга и Войшелга у Бѣльскаго съ фактической стороны излагается сходно съ Волынскою лѣтописью, но только гораздо короче (Бѣл. I, 260, 261). О князьяхъ изъ рода Свинторога Утенесовича, о междоусобіяхъ въ его домѣ, объ избраніи Витенеса Бѣльскій также заимствовалъ изъ Литовскихъ лѣтописей (Лѣт. изд. Нарб. 10—14. Позн. рук. 40—64. Бѣл. I, 261—265). Всѣ эти извѣстія Бѣльскій передаетъ гораздо короче, чѣмъ они сообщаются въ лѣтописяхъ, кромѣ одного убіенія Тройдена. Тутъ у Бѣльскаго сообщаются подробности, которыхъ мы не находимъ въ изданныхъ до настоящаго времени Литовскихъ лѣтописяхъ: говорится, что когда онъ вышелъ изъ бани, ему заступили дорогу шесть человѣкъ, какъ бы жалуясь на свои обиды. Тройденъ въ то время не имѣлъ около себя свиты и, очутившись такимъ образомъ въ срединѣ заговорщиковъ, былъ забитъ палками (Лѣт., изд. Нарб. 13. Позн. рук. 58. Бѣл. I, 263). Эта подробность, встрѣчающаяся и у Стрыйковскаго, объясняется безъ сомнѣнія тѣмъ, что и тотъ и другой имѣли подъ руками еще нѣкоторыя особыя редакціи Литовскихъ лѣтописей, сравнительно съ тѣми, которыми мы пользуемся.

О дѣтяхъ Гедимина взято изъ Литовскихъ лѣтописей; при чемъ по Бѣльскому Наримонтъ получаетъ Дренскъ вмѣсто Пинска и называется Гаримонтомъ (послѣдняя разница могла произойти отъ переписчика); о занятіи Ольгердомъ Виленскаго престола также взято изъ лѣтописей, но излагается не буквально. Перечень дѣтей Ольгерда нѣсколько разнится отъ перечня, находящагося въ Литовскихъ лѣтописяхъ: всѣ дѣти приписываются одной матери; всѣ они одной православной вѣры; кромѣ того въ лѣтописяхъ нѣтъ именъ Наримунта, Любарта и Бутава (Лѣт. изд. Нарб. 22. Позн. рук. 91, 92) [1].

---

[1]) По лѣтописи, изд. Нарб., у Ольгерда отъ обѣихъ женъ было по 6 сыно-

Не произошла ли разница въ названіяхъ отъ того, что у Бѣльскаго перечисляются дѣти Ольгерда языческими именами безъ соотвѣтствующихъ христіанскихъ именъ? или можетъ быть два имени, языческое и христіанское, принадлежавшія одному лицу, приписываются двумъ лицамъ? На послѣднее предположеніе наводитъ упоминаніе двухъ именъ, принадлежавшихъ одному и тому же князю: Вигунта и Андрея. Въ перечнѣ дѣтей Кейстута упоминается какой-то сынъ Согиздъ вмѣсто Сигизмунда. О Войдилѣ (который по Бѣльскому былъ мельникомъ), о распрѣ между Кейстутомъ и Ягайломъ и убійствѣ Кейстута взято, безъ сомнѣнія, изъ лѣтописей, но только короче; имена убійцъ Кейстута переиначены; кромѣ Прокши упоминается Готка Древлянинъ. О погребеніи Кейстута въ Литовскихъ лѣтописяхъ ничего нѣтъ; у Бѣльскаго же сказано, что онъ былъ погребенъ по языческому обряду въ оружіи, съ конями, собаками и т. д. Между убитыми отъ Ягайла упоминается Ботринъ, внукъ Войдиллы. Говорится, что Витовтъ сначала убѣжалъ къ Мазовецкому князю, а потомъ въ Пруссію. (Замѣтимъ, что всѣ эти разнорѣчія съ Литовскими лѣтописями мы находимъ также и у Длугоша). Когда Ягайло позвалъ его въ Литву, то Витовтъ, чтобы не являться въ отечество съ пустыми руками, захватилъ у нѣмцевъ три замка: Юргембургъ, Маріенбургъ и Навандъ. Вильну Витовтъ хотѣлъ захватить при помощи слѣдующей хитрости: на сто саней подъ кожу наложилъ вооруженныхъ людей; но эта хитрость не удалась, и Витовтъ убѣжалъ къ нѣмцамъ. Ягайло уступилъ Витовту Гродно, Брестъ, Мѣльникъ, Бѣльскъ, Дрогичинъ, Суражъ, Каменецъ и Вилькомиръ съ тѣмъ, чтобы Витовтъ былъ въ подчиненіи у Ягайло и безъ его воли никуда пословъ не посылалъ. (Послѣднихъ двухъ условій въ лѣтописяхъ нѣтъ. Бѣльскій, I, 447—452).

Бѣльскій пользовался Литовскими лѣтописями при извѣстіи о нападеніи пруссовъ на Литву въ 1388 г.: „русская исторія", говоритъ онъ, „гласитъ, что это сдѣлали ливонцы, а не прусы" (Бѣл. I, 476. Лѣт. изд. Нарб. 29. У. З. А. Н. 34, 35. Позн. рук. 118, 119. Рук. Кр. 22).

Извѣстіе о нападеніи Святослава смоленскаго на Оршу и пораженіи его подъ Мстиславлемъ Бѣльскій заимствовалъ изъ лѣтописей; но есть вставки изъ другихъ источниковъ (Лѣт. изд. Нарб. 30. У. З.

вей; по Позн. рук. и русскимъ лѣтописямъ (Соф. II. С. Р. Л. V, 236. Воскр. VIII, 25) отъ первой жены было у Ольгерда 5, а отъ второй 7 сыновей. Впрочемъ перечень у *Бѣльскаго* и *Длугоша* одинаковъ; изъ чего можно заключить, что Бѣльскій литовскими лѣтописями пользовался не всегда непосредственно.

А. Н. 35, 36. Позн. рук. 120—125. Рук. Кр. 22. Хрон. Бѣльскаго I, 476).

Изъ Литовскихъ лѣтописей, на которыя ссылается Бѣльскій, взяты слѣдующія извѣстія: о взятіи Витовтомъ Орши, Витебска, Кіева, Житоміра, о смерти Скиргайла, о нападеніи Витовта на Рязань и Смоленскъ, о свиданіи съ Василіемъ Васильевичемъ Московскимъ, о захватѣ Подольской земли у Θедора Коріатовича (Лѣт. изд. Нарб. 33—35. У. З. А. Н. 39—41. Позн. 134—143. Рук. Кр. 22—30. Бѣл. I, 488, 489). Бѣльскій кратко перечисляетъ эти событія. Извѣстіе, находящееся въ Литовскихъ лѣтописяхъ, о передачѣ Подоліи Витовтомъ королю Ягайлу за 40 т. злотыхъ Бѣльскій опровергаетъ (Ibid. I, 489). По Литовскимъ лѣтописямъ Подолія была уступлена Ягайлу за 20 т. (У. З. А. Н. 46 стр.).

Извѣстіе о смерти Сигизмунда литовскаго взято изъ лѣтописей (Лѣт. изд. Нарб. 48—50. Бѣл. I, 651, 652).

Говоря о сеймѣ въ Парцовѣ въ 1453 г., Бѣльскій опровергаетъ Литовскія лѣтописи, откуда также приводитъ разсказъ объ этомъ сеймѣ (Лѣт. изд. Нарб., 57, 58). Имена пославшихъ свои печати сходны съ именами, упоминаемыми въ лѣтописи; только вмѣсто Петра Монгирдовича поставленъ Радзивиллъ (Бѣл. II, 722).

Извѣстіе о нападеніи Ивана Васильевича на владѣнія великаго князя литовскаго Александра въ 1493 г. взято Бѣльскимъ изъ Литовскихъ лѣтописей, но кратко (Лѣт. изд. Нарб. 63, 64. Бѣл. II, 892); о прибытіи Елены въ Вильну взято также изъ лѣтописей (Лѣт. изд. Нарб., 64. Бѣл. II, 894); сохранено даже лѣтописное выраженіе: „wyjechawzy z bur“. Извѣстія о войнѣ Ивана Васильевича съ Литвою и битвѣ при Ведрошѣ Бѣльскій взялъ изъ Литовскихъ лѣтописей, какъ это видно изъ сравненія; заимствованіе вездѣ не буквальное; Бѣльскій передаетъ событія короче (Бѣл. II, 907—909. Лѣт. изд. Нарб., 67—69). Причина этой войны по Бѣльскому была та, что Александръ, князь литовскій, не построилъ церкви для Елены; этой причины въ Литовскихъ лѣтописяхъ нѣтъ.

Извѣстія о нападеніи татаръ на Польшу и Волынь, о нападеніи москвитянъ на Смоленскъ взяты изъ лѣтописей, но Бѣльскій пользовался иногда и польскими извѣстіями; напримѣръ, о назначеніи поляка Яна Карнковскаго начальникомъ надъ наемными войсками (Бѣл. II, 909, 910. Лѣт. изд. Нарб. 70, 71).

Извѣстія о нападеніи Шихъ-Ахмата на земли великаго князя московскаго въ 1501 г., объ избраніи Александра въ короли польскіе

взяты изъ Литовскихъ лѣтописей (Бѣл. II, 912, 918. Лѣт. изд. Нарб. 71, 72); изъ лѣтописей же взято извѣстіе о пораженіи, нанесенномъ Шихъ-Ахмату Менгли-Гиреемъ (Бѣл. II, 915, 916. Лѣт. изд. Нарб. 72); впрочемъ, Бѣльскій пользовался и другими источниками.

О мирѣ между Москвою и Литвой взято изъ лѣтописей (Бѣл. II, 917. Лѣт., изд. Нарб. 72); разница только въ томъ, что у Бѣльскаго сказано, что князь Острожскій не былъ возвращенъ полякамъ.

Взятое изъ лѣтописей извѣстіе о двукратномъ нападеніи татаръ на Слуцкъ и пораженіи ихъ (Лѣт., изд. Нарб., 72, 73. Бѣл. II, 919) Бѣльскимъ сокращено.

О сеймѣ въ Брестъ-Литовскѣ въ 1505 году взято Бѣльскимъ изъ лѣтописей не буквально (Бѣл. II, 921. Лѣт. изд. Нарб. 74); вѣроятно, изъ Литовскихъ лѣтописей взято и извѣстіе о нападеніи крымскихъ татаръ на Литву въ 1505 году (Бѣл. II, 925—926. Лѣт. изд. Нарб. 74). Къ сожалѣнію, въ Литовской лѣтописи, изданной Нарбутомъ, въ данномъ мѣстѣ недостаетъ нѣсколькихъ листовъ; выраженіе Бѣльскаго (II, 926) „jako powiadają", вѣроятно, нужно относить къ лѣтописямъ.

Извѣстія о морѣ въ Минскѣ, о смерти Ивана Васильевича III, о походѣ москвитянъ на Казань взяты изъ литовскихъ лѣтописей (Бѣл. II, 926, 927. Лѣт. изд. Нарб. 74, 75). Замѣтимъ, что въ лѣтописи, изданной Нарбутомъ, смерть Ивана Васильевича относится къ 1503 году.

Въ извѣстіе о нападеніи татаръ на Литву въ 1506 году, заимствованное изъ лѣтописей, Бѣльскимъ вставлено многое, не находящееся въ имѣющейся у насъ подъ руками литовской лѣтописи; напримѣръ, приводятся имена тѣхъ, которые несли на себѣ короля Александра изъ Лиды въ Вильну; способъ перенесенія его; число павшихъ въ битвѣ татаръ и другія подробности, не находящіяся въ лѣтописи, изданной Нарбутомъ (Бѣл. II. 930—932. Лѣт. изд. Нар. 75—78).

Всего больше извѣстій о Литовскихъ лѣтописяхъ и извлеченій изъ нихъ дано Стрыйковскимъ; можно даже сказать, что мы, не имѣя еще отдѣльнаго изданія Литовскихъ лѣтописей, уже знали ихъ по сочиненію этого почтеннаго каноника. „Онъ первый исторгнулъ изъ забвенія событія Литвы, съ тѣмъ, чтобы ихъ сохранить для потомства", говоритъ Даниловичъ о Стрыйковскомъ (*Журн. Мин. Нар. Прос.* 1840, № 6, 80).

При составленіи своего монументальнаго труда, предпринятаго по желанію самогитскаго епископа Мельхіора Гедройца, Стрыйковскій пользовался не однимъ какимъ-либо спискомъ Литовскихъ лѣтописей,

а имѣлъ подъ руками до 12 и 13 рукописей, и даже до 15 [1]); собиралъ ихъ повсюду, гдѣ только могъ, сличалъ ихъ, свѣрялъ, дѣлалъ объ нихъ критическія замѣтки. Даниловичъ предполагаетъ пять лѣтописей, которыми пользовался Стрыйковскій: 1) двѣ чисто-литовскія лѣтописи, изъ соединенія которыхъ, говоритъ Даниловичъ, Стрыйковскій составилъ свое сочиненіе; эти лѣтописи Стрыйковскій называетъ *древними* и къ нимъ примѣняетъ выраженіе: *что Литва и Самогитія искони пользуются ими, какъ достовѣрными лѣтописями* (*Жур. Мин. Нар. Просв.* 1840, № 6. 80). Изъ обѣихъ онъ напечаталъ извѣстія о началѣ Литвы. Сравнивая эти извѣстія въ той и другой лѣтописяхъ, мы можемъ придти къ заключенію, что обѣ лѣтописи суть двѣ редакціи одного и того же произведенія. Вся разница заключается только въ томъ, что по первой редакціи Палемонъ бѣжалъ отъ жестокости Нерона, а по другой отъ жестокости Аттилы. Со словъ же: „W ten czas jedno xiąźę rzymskie rzeczony Palemon" и т. д. (Хрон. Стр. I. 55) разсказъ въ той и другой лѣтописяхъ сходенъ, иногда даже буквально (сравн. I, 55. 56. 57); имена фамилій римскихъ, описаніе пути переселенцевъ [2]), описаніе мѣстности, найденной пришельцами около Нѣмана, въ той и другой лѣтописяхъ сходны, такъ что, сравнивъ и то и другое начало лѣтописей, мы не находимъ возможности вмѣстѣ съ Даниловичемъ, видѣть двухъ лѣтописей, а видимъ только двѣ редакціи одной и той же лѣтописи.

Можетъ быть, разница этой лѣтописи отъ другихъ, бывшихъ у Стрыйковскаго, только этимъ и ограничивалась; во всемъ остальномъ она была сходна съ прочими лѣтописями, чѣмъ и объясняется, что Стрыйковскій далѣе нигдѣ о ней не упоминаетъ. Сравнивая же эти лѣтописи съ извѣстными намъ лѣтописями: изданною Нарбутомъ и рукописью Красинскаго, мы видимъ, что первая редакція лѣтописи сходна съ послѣднею рукописью, а вторая съ лѣтописью, изданною Нарбутомъ; такимъ образомъ нужно предположить, что первая лѣтопись Стрыйковскаго одно и то же съ лѣтописью, сохраненной въ рукописи Красинскаго, а вторая съ изданною Нарбутомъ. Соображенія

---

[1]) Стр. I, 57. 83. 87. II. 58. 229. 232.

[2]) Разность чтенія собственныхъ именъ, встрѣчающихся при описаніи пути, могла зависѣть просто отъ переписчика; собственныя имена все-таки и въ той и другой редакціи сходны между собою или по произношенію, или по написанію; въ одной редакціи упоминается Франція и Англія, въ другой Фландрія и Англія; рѣка Szuma первой редакціи напоминаетъ Zund второй; остальныя названія собственныхъ именъ въ обѣихъ редакціяхъ сходны.

Даниловича относительно времени написанія первой Литовской лѣтописи не прежде 1413 года, когда были приняты Литвою упоминаемые въ лѣтописи итальянскіе гербы, мы принять не можемъ; составленіе лѣтописи, какъ мы уже показали выше, не восходитъ ранѣе второй половины XVI вѣка.

2) Точно также мы не можемъ принять вмѣстѣ съ Даниловичемъ за особую литовскую лѣтопись ту, о которой Стрыйковскій отзывается какъ о хромой, бездоказательной и для чтенія неудобной; посмотримъ, гдѣ у Стрыйковскаго находятся подобные отзывы о лѣтописяхъ. На страницѣ 229 перваго тома читается: „Latopiscze Litewskie stare, bez dowodu słusznego spisane, tak swoją rzecz prowadzą: czasu panowania Montwila, Gimbutowego syna, powstał carz Tatarski Batti i wszystkę ziemię Ruską.... zwojował, i stolec wszytkiej ziemie Ruskiej Kijów spalił, i pusty udziałał, aż xiądz wielki Kijowski Dimitriej na Czernieow zbiegł", etc. Сравнимъ теперь, что говорится объ этомъ въ Литовской лѣтописи, изданной Нарбутомъ: „w czasu panowania Montwiłowa, powstał Car Batyi, y poszoł na Ruskuiu zemlu, y wsiu zemlu Ruskuiu zwojewal', y kniazcy Ruskich mnohich postynał, a inszych w połoń poweł, y stolec wseje zemli Ruskoie horod Kijew zożoh y pust wczynił. A kniaź weliki Kijewski Dmitrey bojaczysia welikoje siły y mocy ieho zbieh z Kijewa w hord Czernihow" (Лѣт., изд. Нарб., 3. 4 стр. Рукопись Красинскаго 4 стр. Позн. р. 14 стр.). Оказывается, что эта бездоказательная лѣтопись очень сходна съ лѣтописью, изданною Нарбутомъ, и другими лѣтописями. Во II т. на 173 стр. у Стрыйковскаго читается: „A Latopiszcze Litewskie bez dowodu inaczej to być świadczą, jacoby posłowie Witołtowi, trzy lata mieli mieszkać we Włoszech, bo korony nieść nie śmieli dla wielkich wojen na ten czas w Włoskiej ziemi wzburzonych. A potym jakoby im Polacy koronę we Lwowie mieli odjąć, nieżycząc jej Litwie". Точно то же мы читаемъ и въ литовской лѣтописи, изданной Нарбутомъ: „a meszkali w Ryme try hody, dla toho iż walka była we Włoszech, y dla toho ne smeli z korunoiu iechaty, a west' ich zaszła we Lwowe o smerty welikoho kniazia Witolta, szto umer, y Lachowe neżyczeczy koruny Litwe, y korunu w nich tuiu otniali." (44 стр.) Стрыйковскій называетъ писателя лѣтописи дьякомъ, писаремъ, простакомъ (II, 255. 256), а лѣтописи бездоказательными (ibid. 245), когда говоритъ о несогласіи показаній Литовской лѣтописи съ дѣйствительностью; именно по Литовской лѣтописи Казимиръ подъ Хвойницами сражался съ Ирикомъ чешскимъ, между тѣмъ какъ на самомъ дѣлѣ война была съ Тевтон-

скими рыцарями; въ лѣтописи, изданной Нарбутомъ, битва подъ Хвойницами тоже приписывается Казимиру съ Ирикомъ (59 стр.); Стрыйковскій называетъ лѣтописцевъ безмозглыми писарями, говоря о хронологіи (I, 243), что лѣтописцы не обозначаютъ, когда то или другое происшествіе случилось; дѣйствительно въ изданныхъ лѣтописяхъ какъ полнаго, такъ и краткаго сводовъ, почти всѣ собственно литовскія извѣстія не обозначены годами.

И такъ изъ сравненія тѣхъ мѣстъ, гдѣ говорится о бездоказательныхъ лѣтописяхъ, написанныхъ какъ бы какимъ-то неучемъ-дьякомъ, съ лѣтописью, изданною Нарбутомъ, мы можемъ сказать, вопреки Даниловичу, что это не были отдѣльныя лѣтописи, а тѣ же самыя, которыми Стрыйковскій пользовался и въ другихъ мѣстахъ; называетъ же онъ ихъ хромыми и бездоказательными только потому, что онѣ не согласуются съ историческою истиною или съ польскими историками [1]).

Такимъ образомъ, если такъ называемыя Стрыйковскимъ первая и вторая Литовскія лѣтописи суть только двѣ редакціи одной и той же Литовской лѣтописи; если вторая Литовская лѣтопись очень сходна съ лѣтописью, изданною Нарбутомъ; наконецъ, если лѣтопись хромая и бездоказательная, писанная какъ будто бы какимъ-то простакомъ-дьякомъ, есть одно и то же, что и лѣтопись, изданная Нарбутомъ, то нужно предположить, что у Стрыйковскаго были только различныя редакціи одной и той же Литовской лѣтописи, и между прочимъ той, которую мы имѣемъ въ изданіи Нарбута; предполагать же вмѣстѣ съ Даниловичемъ существованіе различныхъ Литовскихъ лѣтописей сочиненія Стрыйковскаго намъ не даютъ права; Стрыйковскій пользовался разными редакціями Литовскихъ лѣтописей, иногда болѣе полными, чѣмъ мы имѣемъ, но не разными лѣтописями, съ отличнымъ составомъ отъ извѣстныхъ намъ сводовъ.

3) У Стрыйковскаго (I, 253) есть еще указаніе на то, что онъ имѣлъ подъ руками лѣтописи, добытыя у Александра Ходкевича,

---

[1]) У *Стрыйковскаго* есть впрочемъ одно мѣсто, гдѣ онъ приводитъ изъ хромого лѣтописца извѣстіе, не находящееся въ доступныхъ намъ лѣтописяхъ; именно о Миндовгѣ. „Иные лѣтописцы,—говоритъ онъ,—о Миндовгѣ не упоминаютъ, а такъ заканчиваютъ по своему обычаю, неосновательному въ доводахъ и чтеніи, описаніе княженія Рингольта: княжилъ Рингольтъ въ Новгородкѣ много лѣтъ и потомъ умеръ; а нѣкоторые говорятъ, что онъ послѣ битвы съ русскими имѣлъ трехъ сыновъ; только неизвѣстно, какія дѣла эти его дѣти совершили" (Стр. I, 253).

старосты гродненскаго; но и самъ Даниловичъ не придаетъ имъ большого значенія и не считаетъ ихъ за отдѣльныя лѣтописи, а за списки Волынской лѣтописи, на томъ основаніи, что въ нихъ говорится только о Миндовгѣ, „дѣянія котораго описаны лучше всего (а мы скажемъ: единственно) въ одной только Волынской лѣтописи" (*Журн. Мин. Нар. Прос*. 1840, № 6, 95, 96).

4) Даниловичъ, перечисляя лѣтописи, которыя служили источникомъ Стрыйковскому, упоминаетъ еще о Супрасльской рукописи, изданной княземъ Оболенскимъ (М. 1836). Относительно первой части этой рукописи, содержащей въ себѣ сокращенную Новгородскую лѣтопись, Даниловичъ говоритъ: „вся лѣтопись исполнена важныхъ обстоятельствъ, касающихся исторіи Литвы" (*Журн. Мин. Нар. Прос*. 1840, № 6, 108); но никакихъ новыхъ извѣстій въ этой рукописи нѣтъ сравнительно съ Новгородскими I и IV лѣтописями. Вторая часть этой рукописи, содержащая въ себѣ сокращенную Кіевскую лѣтопись, имѣетъ значеніе собственно для Кіевской и Волынской области и при томъ только съ 1491—1516 г.; потому что только за эти годы событія описаны современникомъ [1]). Но и этой лѣтописью Стрыйковскій, вѣроятно, не пользовался; по крайней мѣрѣ у него мы не видимъ извѣстій той редакціи, которая находится въ Супрасльской рукописи.

Чтобы составить себѣ понятіе о томъ, какъ пользовался Стрыйковскій Литовскими лѣтописями, возьмемъ для сравненія нѣсколько выдержекъ изъ его хроники и изъ Литовскихъ лѣтописей. (Изъ этого отрывка мы можемъ также видѣть сходство Познанской рукописи съ лѣтописью, изданною Нарбутомъ).

---

[1]) Лѣтопись распадается на четыре части: первая отъ 862 по 1500 г., вторая представляетъ отдѣльныя извѣстія 1449, 1482, 1491 гг., уже раньше описанныхъ; затѣмъ два извѣстія—краткое о взятіи москвитянами Смоленска въ 1515 г. и пространное о побоищѣ при Оршѣ съ похвалой князю Острожскому—составляютъ третью часть; четвертая часть состоитъ изъ одной записи о посѣщеніи Супрасльскаго монастыря королемъ Сигизмундомъ II въ 1543 г. Первая часть 1453 и 1483 гг., помѣщенными внѣ хронологическаго порядка, раздѣляется на двѣ половины: въ первой большинство извѣстій новгородскихъ и смоленскихъ (до 1415 г.), во второй смоленскихъ и еще больше волынскихъ. Въ сказаніи о битвѣ при Оршѣ точка зрѣнія литовская. Какъ самая Супрасльская рукопись, такъ и повторенныя въ ней извѣстія объ однихъ и тѣхъ же событіяхъ служатъ доказательствомъ, что въ литовской Руси, и въ частности въ Смоленскѣ и на Волыни—лѣтописныя записи велись одновременно въ разныхъ мѣстахъ.

Познанская рукопись.	*Лѣтопись, изданная Нарбутомъ.*	*Хроника Стрыйковскаго.*
А четвертый братъ его Гольша перешедшы реку Велью и нашолъ гору красную межы горами надъ рекою Вилнею у мили отъ устья реки Вельи [1]), гдѣ упадываетъ въ реку Велью противъ Раконтишокъ и вѣчынилъ городъ и назоветь егоименемъ своимъ Гольшане. И немного бывшы тамъ и ѣздечы отголь у ловы у пущу за десеть миль отъ того города своего и найдеть гору красную и ровънинами великими обълеглую и обфитостями наполъненую и сподобалося ему тамъ и онъ тамъ поселилъся и на той горе учынилъ [городъ] [2]) надъ рѣчкою Кораблемъ и перенесеться отголе и тамъ почнеть княжыти и назоветься княземъ Гольшанскимъ. (Позн. рукоп., 49, 50).	A czetwerty brat Holszysz, pereszod reku Wellu, y naszoł horu krasnuiu meży horami nad rekoiu Wilnoju, w mili od ustija reki Wilni, hde upadywaet w reku Wellu, protyw Rokontyszok y wczynił horod, y nazowe imenem swoim Holszany, y nemnoho bywszy tam, y iezdiaczy od toli w łowy w puszczu za desiat mil, od toho horoda swojeho, y nayde horu krasnu, y rowninami welikimi oblehłuiu, y obfitostiami napołnennuiu, y spodobałosia iemu tam, y on tam poselilsia, y na toy hore wczynił horod, nad rekoiu Korablem, y perenesetsia odtoli, y tam naczne kniażyty, y nazowetsia kniazem Holszanskim. (Лѣт. изд. Нарбутомъ 11 стр.).	Holszy zasią od Wilny rzeki aż do Korabla błotnego rzeczyszcza, dał udział z siołami, z dwory i z miasteczkami, gdzie naprzód w mili od uścia Wilny rzeki, nalazł górę ozdobną, pagórkami i lasmi zewsząd ogrodzoną, nad tąż rzeką Wilną, przeciw Rakanczyszkam, tam zamek i osadę zbudował, który od swego imienia Holszany mianował. A potym jeżdżąc stamtąd często w łowy, zajechał w puszczą dziesięć mil od pierwszego zamku, gdzie nalazł górę krasną nad rzeką Korablem, równinami wielkiemi obległą, której rozłogi i wdzięcznie w on czas położenie miejsca ulubiwszy, obesłał włości swoje i zbudował tam drugi zamek, który także od swego imienia Holszany mianował. (Стр. I, 317, 318).

Potom nastawszu letu od poczatka swita sedmotysiacznomu tretemu, a bo Bożym Narożeniju tysiaszcza czotorysta dewiatydesiat piatoho, posłał kniaż weliki Alexandro Litowski do Moskwy, k welikomu kniaziu Iwanu Moskowskomu, po welikuiu kniażnu Olenu, pana Wilenskoho, namiestnika

Potym w roku od narodzenia Christusa Pana 1495, kniaź Wielki Alexander, posłał do Moskwy po małżonkę xiężnę Helenę pany radne swoje, to jest: pana Wileńskiego namiestnika Grodzieńskiego, kniazia Alexandra Juriewica, a pana Trockiego, namiestnika Połockiego, pana Jana Jurgewica Zabrzezień-

[1]) Рукопись графа *Красинскаго*, 12, Вилни.
[2]) Тамъ же нѣтъ.

Horodenskoho kniazia Alexandra Iurjewicza, pana Trockoho, namestnika Połockoho, pana Jurjewicza, Zaberezinskoho, a namestnika Brasławskoho, pana Jurija Zenowewicza, pisara derżawcu Stoklizskaho, pana Fedka Hrehoriewicza; oniże jechawsze, wzemsze welikuiu kniażnu Olenu, y pryneśli ieie do Litwy, a s neiu byli posłi posłany ot otca ieie welikoho kniazia Moskowskoho Iwana Wasiliiewicza, na imia kniaź Semen Rapołowski. Michayło Rusałka, Iwan Skuratow, diak Wasiley Kuleszyn, y pryneśli ieie k horodu k Wilni, pered welikimi zapusty za dwe nedeli; weliki że kniaź Alexandro, so wsimi pany radnymi y z dworany y z mnohimi ludmi stryte ieie wyiechawszy z hur, a pospołu wjechali w horod Wilniu, y było tam wczyneno welikoie weselie, iako na welikich hospodarcy należyt, y to było na neskolko nedel; a potom po weseli posły Moskowskiie z welikoiu czestyiu, y z mnohimi dary otpuszczony wo swoiasi.

(Лѣт. изд. Нарбутомъ, 64 стр).

skiego, a namiestnika Brasławskiego, pana Iuria Zienowica; przy nich pisarza swego dzierżawcę Stokliskiego, Fiedora Hrehorowica; którzy xiężnę Helenę przynieśli do Litwy. A ociec jej, kniaź Iwan Wasilewic Moskiewski, posłał z nią posły, naprzod: kniazia Siemiona Ropołoskiego, Michała Rusałkę, Iwana Skuratowa i pisarza swego Iwana Kuleszyna; a przynieśli ją w tymże roku wyzszej pomienionym do Wilna przed Zapusty rzymskimi dwie niedzieli. A kniaź Wielki Alexander, ze wszytkimi pany radnymi i ze wszytkim dworem swym i z wielą zebrania ludzi, podkał ją, wyjachawszy z gór Wileńskich, i społem wjechali w zamek Wileński: tam przez kilka niedziel byli posłowie Moskiewscy, a potym z wielką tcią i z wielkimi dary odpuszczono ich do Moskwy.

(Стр. II, 297, 298).

У Стрыйковскаго находятся слѣдующія извѣстія, взятыя изъ литовскихъ лѣтописей: о прибытіи въ Литву Палемона съ другими римлянами; сказаніе это, помѣщенное въ хроникѣ литовской и жмудской, взятой, по заявленію Стрыйковскаго, у князей Заславскихъ, почти дословно сходно съ таковымъ же сказаніемъ, находящимся въ Литовской лѣтописи, изданной Нарбутомъ (Стр. I, 55—57. Нарбутъ, 1. 2 Позн. рук. 1 — 8). Извѣстіе о дѣтяхъ Палемона вошло въ сочиненіе каноника Стрыйковскаго, съ нѣсколькими несущественными добавленіями, прямо изъ лѣтописей, на которыя онъ ссылается нѣ-

сколько разъ; такъ, говоря о Довспрунгѣ, одномъ изъ спутниковъ Палемона, что онъ основалъ городъ, Стрыйковскій добавляетъ, „который, согласно лѣтописямъ, назвалъ Вилькомиромъ“ (Стр. 1, 85). Вилькомиромъ этотъ городъ названъ и въ лѣтописи, изданной Нарбутомъ. Разница между лѣтописью, изданною Нарбутомъ, и Стрыйковскимъ только та, что Боркъ по лѣтописямъ умеръ позже Спера (Нарб. 2. Позн. рук. 10. Рук. Кр. 3 стр.), а у Стрыйковскаго наоборотъ. Извѣстіе о Кирнусѣ и Гимбутѣ, о названіи Литвы отъ латинскихъ словъ: litus и tuba, о нападеніи Кирнуса и Гимбута на Бреславль и Полоцкъ взяты Стрыйковскимъ изъ Литовскихъ лѣтописей, на что указываетъ какъ сходство въ изложеніи, такъ и указанія самого составителя хроники. Такъ, производя названіе Литвы отъ латинскихъ словъ litus и tuba, Стрыйковскій замѣчаетъ: „относительно этого согласны всѣ старые лѣтописцы русскіе, литовскіе и жмудскіе“ (Стр. 1, 86. Лѣт., изд. Нарб. 3. Рук. Кр. 4. Позн. рук. 13). Походъ литовскихъ князей на Русь у Стрыйковскаго изложенъ пространнѣе, чѣмъ въ лѣтописяхъ, хотя при изложеніи событій этого похода онъ пользовался лѣтописцами, на которыхъ и ссылается; причина похода, по Литовскимъ лѣтописямъ, желаніе расширить предѣлы своего государства, а по Стрыйковскому — месть за нападеніе русскихъ и желаніе воспользоваться внутренними междоусобицами князей, „о чемъ“, замѣчаетъ Стрыйковскій, „лѣтописцы не упоминаютъ“; при этомъ нападеніе Кирнуса и Гимбута Стрыйковскій, неизвѣстно на какомъ основаніи, относитъ къ 1065 году. (Стр. I, 85 — 87. Нарб. 2, 3. Позн. рук. 11—13). Извѣстіе о преемникѣ Кирнуса, Зивибундѣ, у Стрыйковскаго не согласуется съ лѣтописью, изданною Нарбутомъ; по послѣдней, Зивибундъ былъ сыномъ Кирнуса; по Стрыйковскому Кирнусъ не имѣлъ потомства мужскаго пола, а принялъ къ себѣ сына или просто потомка Довспрунга Зивибунда, за котораго отдалъ свою дочь Пояту, о которой въ лѣтописи, изданной Нарбутомъ, нѣтъ никакого упоминанія. Въ этомъ случаѣ Стрыйковскій очень сходно разсказываетъ съ такъ называемой Познанской рукописью и Красинскаго (14 стр. и Кр. 4); разница только въ томъ, что въ нихъ Зивибундъ называется Кирусомъ. Въ другомъ мѣстѣ Стрыйковскій возстаетъ противъ лѣтописца, который считаетъ Пояту женою Кируса; „другіе лѣтописцы, хоть бы ихъ и тысячу сравнить, никакого другаго Кируса или Гедруса, кромѣ одного сына Романа или Ромунта, не знаютъ“ (Стр. I, 246), говоритъ Стрыйковскій.

Извѣстіе о нападеніи Монтвила на русскую землю взято изъ

Литовскихъ лѣтописей; во многихъ мѣстахъ разсказъ Стрыйковскаго буквально сходенъ съ лѣтописью, изданною Нарбутомъ; кромѣ того самъ Стрыйковскій указываетъ на лѣтопись, какъ на источникъ, откуда онъ бралъ свои извѣстія (Стр. I, 229, 234 — 236). Изъ числа городовъ, занятыхъ Эрдивиломъ, сыномъ Монтивила Гимбутовича, не упоминаемыхъ въ лѣтописи, изданной Нарбутомъ, находятся: Суражъ, Брянскъ и Бѣльскъ; походъ этотъ предпринятъ Эрдивиломъ вмѣстѣ съ Зивибундомъ Довспрунговичемъ; Литовская лѣтопись, изданная Нарбутомъ, объ немъ тоже не упоминаетъ; кромѣ того у Стрыйковскаго приводится титулъ Эрдивила: „Эрдивилъ Монтивиловичъ, Жмудской и Литовской земли наслѣдникъ, первый великій князь Русскій Новгородскій". Упоминаніе о подаркахъ, посланныхъ Эрдивиломъ отцу, и о смерти Монтвила въ Юрбургѣ составляетъ также подробность, которую мы не находимъ въ Литовскихъ лѣтописяхъ. Эрдивилъ Монтвиловичъ раздѣлилъ предводителямъ войскъ, съ которыми онъ совершилъ походъ, завоеванную землю; этихъ предводителей было трое: Грумпій, Эйкшисъ и Гравзусъ. Грумпій получилъ островъ рѣки Ошмяны съ округомъ; Эйкшисъ округъ, который по нему получилъ названіе Эйкшисскаго; Гравзусъ округъ, названный по его имени Гравжисками. Все это сходно съ Литовскими лѣтописями, на которыя дѣлаетъ ссылку Стрыйковскій въ подтвержденіе тѣхъ или другихъ своихъ словъ. Отъ Грумпіуса родился Гастольдъ, отъ Эйкшиса — Монивидъ или Монтивидъ, отъ Гравзуса — Довойна; такъ утвердительно говоритъ Стрыйковскій. „Всѣ лѣтописцы единогласно свидѣтельствуютъ (говоритъ онъ) одно; хотя бы кто хотѣлъ согласовать или снести ихъ в тысячу, не найдетъ иначе". Между тѣмъ въ лѣтописи, изданный Нарбутомъ, въ рукописяхъ Познанской и Красинскаго отъ Эйкшиса производится Довойнъ, а Монивидъ отъ Гравзуса. (Стр. I, 236, 237. Нарб. 4. Позн. рук. 19. Рук. Кр. 5).

Извѣстія о смерти Викинта и Эрдивила взяты Стрыйковскимъ изъ Литовскихъ лѣтописей, съ нѣкоторыми отличіями отъ лѣтописей намъ извѣстныхъ; такъ въ послѣднихъ говорится, что сначала умеръ Викинтъ, и престолъ его перешелъ къ Зивибунду; затѣмъ умеръ Эрдивилъ, и послѣ него вступилъ на престолъ сынъ Мингайло. (Лѣт. изд. Нарб. 4. Позн. рук. 20. Рук. Кр. 6; въ послѣдней вмѣсто Викинта называется Немоносъ, вмѣсто Зивибунда Кгирусъ и вмѣсто Эрдивила Скирмунтъ). По Стрыйковскому по смерти Викинта престолъ его переходитъ къ Эрдивилу, а отъ Эрдивила къ Мингайлу. При этомъ, на основаніи нѣкоторыхъ списковъ лѣтописей, намъ еще теперь неиз-

вѣстныхъ, говорится также, что Викинтъ былъ убитъ на войнѣ противъ русскихъ. (Стр. I, 239).

Краткій разсказъ лѣтописи о княженіи Мингайла у Стрыйковскаго расширенъ разными добавленіями, не измѣняющими впрочемъ сущности дѣла (Стр. I, 239, 240. Нарб. 4, 5. Позн. рук. 20, 21; рукопись Красинскаго 6 стр.). Извѣстіе о княженіи дѣтей Мингайла Стрыйковскій взялъ изъ Литовскихъ лѣтописей, какъ это видно изъ почти буквальнаго ихъ сходства. Точно также лѣтописями пользовался Стрыйковскій при описаніи княженія Бориса Гинвиловича, Рогвольда Борисовича, при извѣстіи о княжнѣ Прасковьѣ полоцкой. Что у Стрыйковскаго были подъ руками лѣтописи, это доказывается какъ его указаніями, такъ иногда дословнымъ сходствомъ его разсказа съ разсказомъ лѣтописнымъ. (Нарб. 5, 6. Стр. I, 240—243, Позн. рук. 22—26). Одну только разность можно найти между Стрыйковскимъ и Литовскими лѣтописями: по Литовскимъ лѣтописямъ Борисъ построилъ три церкви въ Полоцкѣ: св. Софіи, св. Спаса дѣвичій монастырь и третью церковь и монастырь свв. Бориса и Глѣба (Лѣт. изд. Нар. 5. Позн. рук. 23. Рук. Кр. 6) по Стрыйковскому (241) построенныхъ церквей было четыре: св. Софія, свв. Бориса и Глѣба, церковь въ дѣвичьемъ монастырѣ, имъ же основанномъ, и св. Спаса. Эта разница могла произойти отъ невѣрнаго прочтенія Стрыйковскимъ рукописей.

Извѣстіе о нападеніи Мстислава, князя луцкаго и пинскаго, на Скирмунта съ цѣлью отнять у послѣдняго его волость взято Стрыйковскимъ тоже изъ лѣтописей, на которыя онъ дѣлаетъ нѣсколько разъ ссылки (Нарб. 5, 6. Стр. I, 243, 244. Позн. рук. 26; въ рук. Гр. Красинскаго 7 стр. вмѣсто Скирмунта называется Шварнъ). Описавъ пораженіе Мстислава соединенными силами литовскими и жмудскими, Стрыйковскій говоритъ: „i wołała Ruś (jak Latopisze świadczą) z wielkim placzem, iż tak wielkie wojska ich, były okrutnie pobite od bezwiernej Litwy“. Почти эти же самыя слова читаемъ въ Литовскихъ лѣтописяхъ. (Позн. р. 28. Рук. Кр. 7 стр. Лѣт. изд. Нарбутомъ стр. 6). Впрочемъ у Стрыйковскаго есть нѣкоторыя добавленія и измѣненія противъ лѣтописей; такъ въ числѣ городовъ, подвергшихся нападенію со стороны Мстислава, упоминается Дрогичинъ, не находящійся въ лѣтописяхъ. Зивибундъ, къ которому Скирмунтъ обратился за помощью, названъ у Стрыйковскаго княземъ жмудскимъ и Литвы завилейской; въ лѣтописяхъ онъ названъ княземъ литовскимъ; битва по лѣтописямъ происходила *на этой* сторонѣ рѣки

Яцольды, по Стрыйковскому *на той*. Эта разница произошла по той же причинѣ, какъ и у Бѣльскаго [1]).

Извѣстіе о смерти Пояты, объ отправленіи Скирмунтомъ Куковойта къ отцу, о смерти Зивибунда Довспрунговича, о постановкѣ Куковойтомъ памятника въ честь Пояты взято Стрыйковскимъ изъ лѣтописей; при чемъ онъ замѣчаетъ, что „одинъ только лѣтописецъ грубо обманулся, считая Пояту дочерью Куковойта, между тѣмъ какъ она была его матерью. Ложь заключается и въ томъ извѣстіи этого лѣтописца, что по смерти Куковойта, своего отца, она поставила въ честь его памятникъ на одной горѣ надъ рѣкою Святой; она поставила колонну въ память своего отца Кирпуса, на что указываютъ всѣ другіе лѣтописцы, которымъ приличнѣе вѣрить, чѣмъ одному, такъ какъ онъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ явно отступилъ отъ истины". (Стр. I, 244. 245. Рук. Кр. 8. 9; въ лѣт. изд. Нарбутомъ 6 стр. упоминается только о второмъ и третьемъ извѣстіяхъ) [2]).

Извѣстіе о нападеніи Балаклая-царя на литовскую землю, о пораженіи его Скирмунтомъ у Койданова, о занятіи литовскимъ княземъ русскихъ городовъ Мозыря, Чернигова, Стародуба и Карачева и о раздѣленіи литовской земли между своими сыновьями взято Стрыйковскимъ изъ Литовскихъ лѣтописей, какъ это видно изъ сравненія перваго съ послѣдними. Единственное дополненіе противъ лѣтописей заключается въ томъ, что Скирмунтъ, по Стрыйковскому, по прибытіи татарскихъ пословъ, разослалъ по русской и литовской землѣ требованіе быть готовыми противъ наѣздовъ татарскихъ. Остальныя вставки не измѣняютъ сущности дѣла. [Лѣт., изд. Нарб., 6. Позн. рук. 29—31. Лѣт. по рукописи Красинскаго (8 стр.) Стр. I. 247. 248]. Извѣстіе о дѣтяхъ Скирмунта у Стрыйковскаго не согласуется съ лѣтописями. Старшій сынъ Скирмунта по лѣтописямъ былъ Тройнатъ, а по Стрыйковскому Любартъ; второй сынъ по лѣтописямъ былъ Любартъ, а по Стрыйковскому Писимонтъ; третій сынъ по лѣтописямъ

---

[1]) См. выше 82 стр. Нужно, впрочемъ, замѣтить, что Стрыйковскій весьма часто пользуется Литовскими лѣтописями не непосредственно, а изъ вторыхъ рукъ, напримѣръ, чрезъ Мѣховита, Бѣльскаго, Кромера, и тогда эта разница объясняется простымъ заимствованіемъ.

[2]) *Стрыйковскій* (I, 246) опровергаетъ показаніе одной Литовской лѣтописи, въ которой говорится, что Поята дочь Кирпуса, была женой Кируса. Дѣйствительно, въ рук. *Красинскаго* (4 стр.) находится такое извѣстіе. На 316 стр. I т. *Стрыйковскій* опять опровергаетъ извѣстіе этого же лѣтописца, котораго онъ уже называетъ русскимъ, что онъ приписываетъ пять сыновей *Трабусу* вм. Римонта или Романа. (Но у Кр. 12 и Нарб. 11 ошибки нѣтъ).

былъ Писимонтъ, а по Стрыйковскому Тройнатъ. По лѣтописямъ Любартъ получилъ Корачевъ, а по Стрыйковскому еще и Черниговъ; Писимонтъ вмѣстѣ съ Туровомъ, упоминаемымъ въ лѣтописи, получаетъ Стародубье; Тройнатъ получилъ въ удѣлъ кромѣ Новгородка, о которомъ говорится въ лѣтописи, еще Подлясье и Повилейскую Литву [Нарб. 6. Позн. рук. 31. Въ рук. Красинскаго (8 стр.), Тройнатъ называется Скиргайломъ. Стр. I, 248]. О постановкѣ Куковойту памятника сыномъ его Утенусомъ взято Стрыйковскимъ иза Литовскихъ лѣтописей. (Позн. рук. 33. 34 Рук. Кр. 9. Въ рукоп., издан. Нарбутомъ, здѣсь пропускъ. Стр. II, 248).

О битвѣ русскихъ [1]) и литовскихъ князей за Мозыремъ на рѣкѣ Окуневкѣ съ татарскимъ царемъ Курдасомъ взято изъ лѣтописей, на которыя Стрыйковскій ссылается, говоря о продолжительности битвы. (Позн. рук. 34—37. Рук. Кр. 9. Стр. I. 249—250).

Извѣстіе о битвѣ Святослава Кіевскаго, Льва Владимірскаго и Дмитрія Друцкаго съ Рингольтомъ при Могильнѣ надъ Нѣманомъ взято Стрыйковскимъ изъ Литовскихъ лѣтописей, на которыя онъ ссылается, тоже говоря о продолжительности битвы; разсказъ въ иныхъ мѣстахъ сходенъ почти буквально. Объ участи князей русскихъ у Стрыйковскаго сказано, что они едва убѣгли до Луцка. „А другіе лѣтописцы свидѣтельствуютъ“, говоритъ далѣе Стрыйковскій, „что названные князья остались на полѣ битвы“. Объ участіи князей извѣстныя намъ Литовскія лѣтописи молчатъ; точно также онѣ не называютъ по имени татарскаго хана, помогавшаго русскимъ князьямъ; Стрыйковскій же называетъ его Курдасомъ. (Нарб. 7. Позн. рук. 37—39. Рук. Кр. 10. Стр. I, 251, 252).

О Миндовгѣ, о его обращеніи съ родственниками и принятіи имъ христіанской вѣры Стрыйковскій заимствовалъ изъ „стародавняго лѣтописца“, котораго онъ досталъ у князей Заславскихъ. (Стр. I, 286—288). Сравнивая извѣстія о Миндовгѣ, помѣщенныя въ лѣтописи князей Заславскихъ, съ лѣтописью, изданною Нарбутомъ, мы находимъ большое сходство между ними, сходство иногда буквальное. Но извѣстія о Миндовгѣ, помѣщенныя въ лѣтописи, изданной Нарбутомъ, почти буквально сходны съ сводомъ южно-русскимъ; слѣдовательно, и лѣтопись князей Заславскихъ принадлежала къ одной изъ редакцій этого свода. Посмотримъ, какія особенности представляетъ лѣтопись князей Заславскихъ сравнительно съ извѣстнымъ намъ южно-русскимъ

[1]) У *Стрыйковскаго* противъ лѣтописей прибавленъ Святославъ князь Кіевск...

сводомъ, помѣщеннымъ въ Ипатьевскомъ спискѣ (Лѣт. по Ипат. сп. 541—543), и въ Литовской лѣтописи, изданной Нарбутомъ (7. 8 стр.). Вмѣстѣ съ князьями, отправленными Миндовгомъ въ походъ на Русь, находилось много Жмуди (въ Ипатьевскомъ спискѣ и лѣтописи, изданной Нарбутомъ, упоминается только объ участіи Литвы). Пришедши на Русь, по лѣтописи князей Заславскихъ, Товтивилъ занялъ Полоцкъ, Викинтъ—Витебскъ, а Эрдивилъ—Смоленкъ и въ Друцкомъ княжествѣ нѣсколько пригородковъ съ волостями. Занявши русскія области, они, для большаго единенія съ подданными, приняли и вѣру по русскому закону. Мало того, они совсѣмъ не хотѣли быть подъ верховной зависимостью Миндовга. Послѣдній, желая наказать ихъ, какъ противниковъ и измѣнниковъ, послалъ противъ нихъ свои войска. Такимъ образомъ, по лѣтописи князей Заславскихъ, Миндовгъ совсѣмъ не представляется такимъ извергомъ, который не щадилъ своихъ родственниковъ для того только, чтобы одному властвовать, и какимъ мы привыкли его себѣ представлять на основаніи словъ южно-русскаго свода лѣтописи: „нача избивати братью свою и сыновицѣ свої" (Ип. сп. 567). О посольствѣ Миндовга къ Даніилу и Васильку въ лѣтописи князей Заславскихъ не упоминается. Условія, на которыхъ ливонскіе нѣмцы согласились помогать русскимъ князьямъ противъ Миндовга, были слѣдующія: уступка имъ половины Жмудской земли до Ливоніи, половины Ятвяжской земли на Подлясьѣ Прусскимъ Крестоносцамъ и уплата военныхъ издержекъ. Объ осадѣ Миндовгомъ Полоцка въ южно-русскомъ сводѣ не упоминается. Осада была неудачна; Товтивилъ съ нѣмецкими войсками отбилъ Миндовга отъ Полоцка, поразивъ ихъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ, и, перемѣнивъ въ Ригѣ православную вѣру на католическую, возвратился въ Полоцкъ. Между тѣмъ русскіе князья выступили противъ Миндовга и заняли нѣсколько городовъ; между занятыми городами упоминается Мецибоговъ, не упоминаемый южно-русскимъ сводомъ. Услышавъ объ этомъ, Миндовгъ послалъ пословъ къ Даніилу и Васильку, прося у нихъ мира; послалъ въ заложники даже своего старшаго сына Волстиника (Войшелга); объ этомъ посольствѣ тоже нѣтъ упоминанія въ южно-русскомъ сводѣ. Но Даніилъ и Василько пословъ не приняли; Волстиника отослали въ Слонимъ, а пословъ въ Волковишки, гдѣ стерегли ихъ подъ стражей. Между тѣмъ Товтивилъ съ ливонцами много зла причинилъ Литовской землѣ; а Генрихъ [1]), ливонскій гроссмейстеръ, въ

[1]) Русскій лѣтописецъ, по замѣчанію *Стрыйковскаго* (I, 287), называетъ его Андреемъ. Такъ въ Лѣт. изд. Нарб. 8.

третій разъ обѣщалъ ему помощь; хотѣлъ даже самъ выйти въ походъ—объ этомъ въ русско-южномъ сводѣ тоже ничего не упоминается. Далѣе все почти буквально сходно съ южно-русскимъ сводомъ. Оканчивается выписка изъ лѣтописей князей Заславскихъ извѣстіемъ о крещеніи Миндовга. (Стр. I, 285—288, лѣт., изд. Нарб., 7. 8) [1]).

Объ убійствѣ Миндовга и о послѣдующихъ событіяхъ до вступленія на престолъ Войшелга (Стр. I, 297—299) Стрыйковскій приводитъ подлинныя слова одного стараго литовскаго лѣтописца. Сравнивая это извѣстіе стараго лѣтописца съ извѣстіемъ о томъ же самомъ, сохраненнымъ въ южно-русскомъ сводѣ, мы видимъ иногда буквальное сходство. Но, несмотря на это, есть между этими двумя извѣстіями и значительныя разницы; именно: по стародавнему литовскому лѣтописцу, причиною отъѣзда Войшелга отъ отца къ Даніилу и Васильку была нелюбовь къ Миндовгу за то, что послѣдній оставилъ христіанскую вѣру и опять обратился къ язычеству; Войшелгъ былъ христіаниномъ-католикомъ; потомъ, принявъ православіе, поступилъ въ монахи; Даніилъ и Василько называются главными непріятелями Миндовга, такъ какъ между ними былъ споръ изъ-за границъ; Войшелгъ не могъ дойти до Св. Горы и Царьграда за дальностью дороги [2]). Миндовгъ былъ убитъ ночью во время сна; Войшелгъ, услышавъ объ убійствѣ отца, убѣжалъ въ Пинскъ въ монастырь. А Тройнатъ сталъ пановать на великомъ княжествѣ литовскомъ и жмудскомъ въ 1263 году отъ Р. Хр. „И такъ кончилось“, говоритъ Стрыйковскій, „въ тотъ часъ королевство литовское вмѣстѣ съ королемъ Миндовгомъ, бывшимъ княземъ одинадцать лѣтъ, отъ 1252 года, въ которомъ былъ коронованъ“. Товтивилъ, князь полоцкій, прибывъ къ брату, сталъ злоумышлять на него, имѣя уговоръ съ Войшелгомъ, который склонялъ Товтивила убить брата-язычника и обѣщалъ уступить ему всѣ права на престолъ, какъ христіанину и брату, если только онъ убьетъ Тройната; убійцы Тройната скрылись въ Пинскѣ у Войшелга. Вотъ главнѣйшія отличія стараго литовскаго лѣтописца отъ южно-русскаго свода. (Лѣтоп. по Ипат. сп. 567—569).

Извѣстіе объ убіеніи Войшелга Стрыйковскій заимствовалъ изъ лѣтописей, на которыя онъ дѣлаетъ ссылку два раза; сходство съ

---

[1]) Въ Познанской рукописи и рукописи *Красинскаго* совсѣмъ не упоминается о Миндовгѣ: у *Стрыйковскаго* тоже были списки лѣтописей, въ которыхъ о Миндовгѣ не упоминалось. (Стр. I, 253).

[2]) По лѣтописямъ: „зане мятежь бысть великъ тогда в тыхъ земляхъ“ (Лѣт. по Ип. сп. 568. Лѣт., изд. Нарб., 9).

лѣтописью, изданною Нарбутомъ, иногда буквальное, но есть существенная разница; именно: Войшелгъ пріѣхалъ во Владиміръ для того, чтобы окончить миромъ войну свою со Львомъ Владимірскимъ; причина убіенія Войшелга по литовской лѣтописи—месть со стороны Льва за жестокость Миндовга относительно русской земли; по южнорусскому своду, съ которымъ это извѣстіе въ общихъ чертахъ имѣетъ сходство, причина убійства—нелюбовь Льва къ Войшелгу за то, что онъ отдалъ свое княжество Шварну. (Лѣт. по Ипат. сп. 573. Лѣт., изд. Нарб. 10. Стр. I, 305, 306). Замѣчаніе Стрыйковскаго, что со смертію Войшелга прекратилась династія Палемона, взято изъ Литовской лѣтописи. (Лѣт., изд. Нарб., 10. Стр. I, 306). О княженіи Свинторога Утенесовича и завѣщаніи его похоронить себя, а впослѣдствіи хоронить и всѣхъ князей литовскихъ, о погребеніи Свинторога и замѣтка объ обычаяхъ литовскихъ при погребеніи—все это взято изъ лѣтописей и почти буквально съ ними сходно. (Позн. рук. 40—44. Рук. Кр. 11, Лѣт., изд. Нарб., 10, 11. Стр. I, 308, 309). При извѣстіяхъ о сыновьяхъ Романовыхъ Стрыйковскій кромѣ Длугоша и Мѣховита пользовался также и лѣтописями, на что онъ самъ указываетъ, говоря о воинственномъ характерѣ младшаго изъ нихъ Тройдена. (Стр. I, 316, 317, 318, 320 и 321. Лѣт., изд. Нарб., II. 12. Рукоп. гр. Крас. 12, 13. Позн. рукоп. 47—59).

Изъ лѣтописей и при томъ почти буквально взято Стрыйковскимъ извѣстіе о враждѣ между Наримунтомъ и Довмонтомъ. (Позн. рук. 52—55. Лѣт., изд. Нарб., 12. Стр. I, 322, 323). При изложеніи извѣстій объ избраніи Тройдена на литовское княжество, о нападеніи Довмонта на Полоцкъ и убіеніи Тройдена Стрыйковскій имѣлъ въ виду и лѣтописи, какъ это видно изъ сравненія. Но у Стрыйковскаго, вѣроятно, были подъ руками списки лѣтописей болѣе подробные, чѣмъ тѣ, которые мы имѣемъ; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ сообщаются подробности, которыхъ нѣтъ въ извѣстныхъ намъ спискахъ лѣтописей, напр., что убійцы приступили къ князю подъ видомъ жалобы; перечисляются дѣти князя Гольши и Гидруса. (Лѣт., изд. Нарб., 13. Позн. рук. 57—59. Стр. I, 327). Борьба Лавраша или Римонта съ Довмонтомъ изложена согласно съ лѣтописями, на которыя есть ссылка. Рѣчь Римонта, краткая въ лѣтописи, Стрыйковскимъ распространена, хотя существенной разницы между ними нѣтъ (Лѣт., изд. Нарб., 13. Позн. рук, 60 — 63. Стр. I. 328, 329). Объ избраніи Витенеса у Стрыйковскаго сходно съ лѣтописями, на которыя онъ ссылается. (Лѣт., изд. Нарб., 13, 14. Позн. 63, 64. Стр. I, 329, 330).

Говоря о происхожденіи Гедимина, Стрыйковскій приводитъ буквальное выраженіе изъ литовскихъ лѣтописей (Ср. лѣт., изд. Нарб., 14. Позн. рук. 65, 66. I, 354). Изъ нихъ же Стрыйковскій взялъ между прочимъ извѣстія о нападеніи на Гедимина нѣмцевъ и плѣнѣ Гастольда, о войнѣ Гедимина съ южно-русскими князьями и покореніи южной Руси, о бракѣ Станислава, кіевскаго князя, съ Ольгою, дочерью рязанскаго князя, и о перенесеніи столицы въ Вильну. Этими извѣстіями Стрыйковскій пользовался впрочемъ не буквально; по большей части онъ ихъ распространялъ или извѣстіями изъ другихъ источниковъ, или чаще своими собственными разсужденіями (ср. Лѣт., изд. Нарб., 14 — 17. Позн. рук. 66, 67, 69 — 84. Стр. I, 357, 358, 363 — 366, 369 — 373). Единственная фактическая разность между Стрыйковскимъ и лѣтописями заключается въ томъ, что намѣстникомъ въ Кіевѣ Гедиминъ, по лѣтописямъ, оставилъ Ольгимунта, Миндовгова сына, князя Гольшанскаго; а по Стрыйковскому—Миндовга, князя Гольшанскаго, сына Гольши; эта разница могла произойти или отъ недосмотра Стрыйковскаго, или у него могъ находиться списокъ лѣтописи, въ которомъ такъ читалось это извѣстіе.

Сравнивая литовскую лѣтопись, изданную Нарбутомъ, съ хроникой Стрыйковскаго за время княженія Ольгерда, мы видимъ, что литовская лѣтопись вошла въ трудъ краковскаго каноника вся цѣликомъ, частію буквально, а больше перефразирована. За перечисленіемъ дѣтей Гедимина съ назначенными имъ удѣлами, перечисленіемъ, сходнымъ и въ томъ и въ другомъ трудѣ (Лѣт., изд. Нарб., 17. Позн. рук. 84, 85. Рукоп. Крас. 14. Лѣт. Авр. 1. Лѣт., изд. Поповымъ, 27. Стр. I, 381, 382), въ лѣтописи, изданной Нарбутомъ, идетъ небольшой разсказъ о женитьбѣ Витовта; разсказъ этотъ почти буквально вошелъ въ трудъ Стрыйковскаго. (Лѣт., изд. Нарб., 17, 18. Позн. рук. 86—88, Стр. II, 43, 44). На заимствованіе его изъ русскихъ лѣтописей указываетъ самъ авторъ.

Извѣстіе объ отнятіи Ольгердомъ и Кейстутомъ виленскаго стола у Явнута Стрыйковскій заимствовалъ изъ литовскихъ лѣтописей и только распространилъ его своими собственными вымышленными подробностями; такъ, напримѣръ, говорится, что Кейстутъ со слезами просилъ отказывавшагося Ольгерда сѣсть на виленскомъ столѣ. Одна только подробность у Стрыйковскаго имѣетъ существенное значеніе—это обозначеніе числа, когда была занята Вильна Кейстутомъ; это занятіе произошло 12 ноября (Лѣт., изд. Нарб., 18. Позн. рук. 88—91, Рук. Кр. 14, 15. Лѣт., изд. Поповымъ, 27, 28. Стр. II, 2, 3).

Извѣстіе о пораженіи татаръ у Синей воды Стрыйковскій взялъ изъ литовскихъ лѣтописей, но распространилъ его своими собственными вымышленными подробностями. Битва при Синей водѣ по литовской лѣтописи, изданной Нарбутомъ, была въ 1351 году, а по Стрыйковскому въ 1331 г. (Лѣт., изд. Нарб., 19. Стр. II. 6, 7).

Извѣстія о Подоліи у Стрыйковскаго (II, 7, 8, 18, 19) взяты изъ литовскихъ лѣтописей (Лѣт., изд. Поповымъ, 44 стр. Рук. Кр. 28. Лѣт., изд. Нарб., 19); точно также изъ литовскихъ и русскихъ лѣтописей взяты извѣстія о князьяхъ Коріатовичахъ, какъ самъ Стрыйковскій заявляетъ объ этомъ нѣсколько разъ (8, 18, 19). Впрочемъ между литовскими лѣтописями и Стрыйковскимъ есть въ нѣкоторыхъ мѣстахъ разница; первый городъ, построенный Коріатовичами, былъ, по лѣтописямъ, Смотричъ, а второй Бокота; а у Стрыйковскаго наоборотъ; затѣмъ онъ опровергаетъ, на основаніи польскихъ хронистовъ Длугоша и Кромера, извѣстіе лѣтописи относительно смерти Александра Коріатовича; „литовскіе лѣтописцы“, говоритъ Стрыйковскій, „свидѣтельствуютъ, что и Александръ Коріатовичъ умеръ тотчасъ послѣ братьевъ Константина и Юрія, и что Ѳедоръ, четвертый братъ, по ихъ смерти, занялъ Подолію“; то же мы читаемъ и въ литовскихъ лѣтописяхъ краткой редакціи (Лѣт., изд. Поповымъ, 45 стр. Рук. Кр. 29). О смерти Александра въ лѣтописи, изданной Нарбутомъ, не упоминается. (Лѣт., изд. Нарб., 19. Стр. II, 19). Далѣе у Стрыйковскаго относительно Ѳедора Коріатовича сказано, что онъ умеръ въ изгнаніи въ Венгріи, — этого нѣтъ въ извѣстныхъ намъ до сихъ поръ литовскихъ лѣтописяхъ (это извѣстіе, вѣроятно, и взято не изъ лѣтописей).

О нападеніи Ольгерда на Москву (Лѣт., изд. Нарб., 20, 21. Стр. II, 10 — 12) Стрыйковскій взялъ изъ литовскихъ лѣтописей, писанныхъ по-русски, какъ онъ самъ заявляетъ. Сравнивая это извѣстіе съ записью въ литовской лѣтописи, изданной Нарбутомъ, мы находимъ значительное сходство, но много и разностей; такъ у Стрыйковскаго разсказывается, что Ольгердъ держалъ у себя пословъ, присланныхъ къ нему Дмитріемъ Іоанновичемъ, и отпустилъ ихъ только тогда, когда уже съ войскомъ былъ у Можайска, около котораго онъ имѣлъ стоянку; вѣсть о нападеніи Ольгерда застигла князя идущимъ въ церковь къ утрени; по лѣтописи, изданной Нарбутомъ, князь узналъ о прибытіи Ольгерда, идя изъ церкви отъ утрени; по Стрыйковскому, Ольгердъ въѣзжалъ въ добровольно отворенныя ворота города и сокрушилъ копье о стѣны кремля; въ лѣтописи, изданной Нарбутомъ,

не сказано, что онъ въѣзжалъ въ городъ, но сказано только, что онъ прислонилъ копье къ стѣнѣ; впрочемъ Стрыйковскому были извѣстны лѣтописи и этой редакціи; „а другіе лѣтописцы свидѣтельствуютъ“, замѣчаетъ онъ, „что онъ (Ольгердъ) только приставилъ копье, чтобы Москва помнила, что Литва съ Ольгердомъ приставляла свое копье подъ замокъ московскій“ (Стр. II, 12). Почти то же самое мы читаемъ и въ лѣтописи, изданной Нарбутомъ. Относительно границъ, положенныхъ по миру, заключенному между Ольгердомъ и Дмитріемъ Іоанновичемъ, Стрыйковскій приводитъ два свидѣтельства: по однимъ лѣтописцамъ, Ольгердъ требовалъ, чтобы граница была по рѣкѣ Угрѣ; по другимъ, чтобы по Можайскъ и по Угру; утверждена была граница съ одной стороны по Можайскъ и съ другой по Угру; въ лѣтописи, изданной Нарбутомъ, граница была по Можайскъ и Коломну. (Лѣт., изд. Нарб., 21. Стр. II, 12).

Извѣстіе о Гастольдѣ взято изъ лѣтописей; такъ, говоря о томъ, что Гастольдъ былъ воеводою Подольскимъ, Стрыйковскій ссылается на русскія лѣтописи. (Лѣт., изд. Нарб., 20. Стр. II. 14). Весь разсказъ о водвореніи католическихъ монаховъ въ Литвѣ, убійствѣ ихъ и наказаніи убійцъ Ольгердомъ во многомъ напоминаетъ намъ лѣтопись, изданную Нарбутомъ. Фактическая разница между нашею редакціею литовской лѣтописи и той, которою пользовался Стрыйковскій, заключается только въ слѣдующемъ: виленскіе граждане убили монаховъ, когда Гастольдъ былъ въ Цѣхоцинѣ; по нашей редакціи, въ походѣ подъ Москвою; слова, съ которыми обратились виленскіе граждане къ монахамъ, по Стрыйковскому, были слѣдующія: „Плывите на томъ сосудѣ, который вы намъ приказывали прославлять и о которомъ вы намъ проповѣдывали“ (Стр. II, 14). По лѣтописи, изданной Нарбутомъ, мятежники говорили монахамъ, привязаннымъ ко крестамъ и пущеннымъ по Виліи: „съ захода солнца пришли, на заходъ и ступайте. Зачѣмъ истребили нашихъ боговъ“? (Лѣт., изд. Нарб., 21, 22).

Перечень дѣтей Ольгерда Стрыйковскій взялъ изъ лѣтописей; этотъ перечень сходенъ съ подобнымъ же перечнемъ, находящимся въ лѣтописи, изданной Нарбутомъ. (Лѣт., изд. Нарб., 12. Стр. II, 57, 58). Извѣстіе о числѣ женъ у Ольгерда Стрыйковскій тоже заимствовалъ изъ старыхъ лѣтописцевъ русскихъ и литовскихъ, „соглашая ихъ для отысканія правды цѣлыхъ пятнадцать“. Первая жена у Ольгерда была Іуліянія, а вторая Марія; въ лѣтописи, изданной Нарбутомъ, наоборотъ. Безъ сомнѣнія, изъ литовскихъ же лѣтописей

взялъ Стрыйковскій перечень дѣтей Кейстута [1]) и объ отношеніяхъ Ольгерда и Кейстута къ своимъ сыновьямъ Ягайлу и Витовту. (Лѣт., изд. Нарб., 22, 23. Стр. II. 58, 59).

Разсматривая описаніе событій, слѣдовавшихъ за смертію Ольгерда: непріязнь между Ягайломъ и Кейстутомъ, плѣнъ Ягайла, захватъ Ягайломъ въ плѣнъ Кейстута и Витовта, освобожденіе послѣдняго и бѣгство его къ нѣмцамъ, мы видимъ, что Стрыйковскій пользовался въ значительной степени при описаніи этихъ событій лѣтописнымъ разсказомъ, хотя есть указанія на то, что у него были подъ руками и другіе источники. Лѣтописями Стрыйковскій пользовался не буквально; по большей части краткій лѣтописный разсказъ онъ распространялъ несущественными вставками, передавалъ своими словами, иногда же сокращалъ. Собственныя слова дѣйствующихъ лицъ у Стрыйковскаго не сохранены: передана только мысль подлинника. Существенныхъ отличій разсказа Стрыйковскаго отъ лѣтописей не много. Перечислимъ ихъ: Войдилло по литовскимъ лѣтописямъ получилъ Лиду въ управленіе при Ольгердѣ, у Стрыйковскаго при Ягайлѣ послѣ женитьбы Войдилла на княгинѣ Маріи; у Стрыйковскаго говорится, что когда нѣмцы [2]) съ литовскими и русскими войсками осаждали Полоцкъ подъ Андреемъ Горбатымъ, сыномъ Кейстута, въ то же самое время самъ Ягайло съ прусскими нѣмцами пришелъ противъ самого Кейстута. О нападеніи Кейстута на Ягайло у Стрыйковскаго разсказывается подробнѣе; у него объ этомъ говорится такъ: сначала Кейстутъ послалъ триста мужей испытанной вѣрности, шляхтичей жмудскихъ, которые, придя въ Вильну, размѣстились по гостинницамъ; потомъ на четырехъ стахъ подводахъ отправилъ шестьсотъ человѣкъ, скрытыхъ подъ шкурами, сѣномъ и соломой; а наконецъ и самъ тайно двинулся отъ Трокъ съ тысячью казаковъ; тотчасъ по взятіи Вильны, Кейстутъ велѣлъ повѣсить на Лысой горѣ Войдиллу, который заварилъ это пиво [3]); въ лѣтописяхъ говорится, что

[1]) Между сыновьями Кейстута у Стрыйковскаго пропущенъ Андрей Полоцкій, и самые князья перечислены не въ томъ порядкѣ, какъ въ лѣтописи.

[2]) Объ участіи нѣмцевъ говорится только въ Рук. Кр. 16 и познанской (Prochaska, Latopis Litewsky, 11 стр.). Впрочемъ едва ли Стрыйковскій пользовался въ данномъ случаѣ подлинными списками лѣтописей, а не латинскимъ переводомъ сказанія о междоусобной войнѣ Ягайла и Кейстута; на эту мысль наводитъ одна общая ошибка; именно въ числѣ убійцъ Кейстута вездѣ называется „Билгинъ“; очевидно, испорченное лѣтописное: „были иныи“.

[3]) Такъ, впрочемъ, и въ Позн. рк.

Войдиллу Кейстутъ велѣлъ повѣсить, когда отправлялся въ походъ подъ Новгородъ-Сѣверскъ. О погребеніи Кейстута по языческому обряду Стрыйковскій взялъ, вѣроятно, изъ Бѣльскаго и другихъ польскихъ хронистовъ. Въ числѣ подвергшихся казни отъ Ягайла за смерть Войдиллы былъ Видимонтъ, тесть Кейстута; всѣ его имѣнія въ Жмуди и Литвѣ Ягайло отдалъ Монтивиду, литовскому пану, до котораго онъ былъ ласковъ, *по свидѣтельству лѣтописцевъ.* (Стр. II, 66 стр.). Въ извѣстныхъ намъ спискахъ лѣтописей объ этомъ не упоминается. По Стрыйковскому Витовтъ сначала убѣжалъ къ Янушу, мазовецкому князю, а отсюда къ прусскимъ нѣмцамъ; въ лѣтописяхъ сказано прямо, что онъ бѣжалъ къ прусскимъ крестоносцамъ. По возвращеніи отъ нѣмцевъ, Витовтъ получилъ отъ Ягайло Луцкъ съ Волынью и всю Подолію; при этомъ Стрыйковскій ссылается на литовскихъ лѣтописцевъ. Въ литовскихъ лѣтописяхъ, изд. Поповымъ и Нарбутомъ, а также лѣт. Аврамки, про Подолію ничего не говорится [о ней упоминается въ рук. Крас. (21 стр.) и Позн. 116 стр.]; изъ этихъ разногласій Стрыйковскаго съ напечатанными литовскими лѣтописями мы въ правѣ заключить, что онъ имѣлъ подъ руками списки литовскихъ лѣтописей, отличающіеся отъ списковъ изданныхъ лѣтописей. (Лѣт., изд. Нарб., 23—27. Стр. II, 60—67).

Извѣстіе о нападеніи Ягайла на Польшу и плѣненіи Креста Господня Стрыйковскій взялъ (въ иныхъ мѣстахъ почти буквально) изъ Литовскихъ лѣтописей, на которыя онъ нѣсколько разъ ссылается. Впрочемъ, между лѣтописью, бывшею въ рукахъ у Стрыйковскаго, и лѣтописью, изданною Нарбутомъ, есть нѣкоторая разница: имени Радзивилла нѣтъ въ послѣдней; совѣтъ закидать Завихвость кіями по лѣтописи, изданной Нарбутомъ, принадлежитъ Ягайлу, по Стрыйковскому тоже Радзивиллу. (Лѣт., изд. Нарб.. 27, 28. Стр. II, 68, 69).

Говоря о женихахъ Ядвиги, Стрыйковскій опровергаетъ русскихъ и литовскихъ лѣтописцевъ, которые называютъ женихомъ Фридриха, князя Померанскаго; въ лѣтописи, изданной Нарбутомъ, женихъ называется тоже Фридрихомъ. (Лѣт., изд. Нарб., 28. Стр. II, 73).

Разсказъ о нападеніи князя Андрея Полоцкаго съ ливонскими и прусскими нѣмцами на Литву Стрыйковскій составилъ изъ извѣстій Длугоша и лѣтописныхъ. Изъ лѣтописи взято слѣдующее: о нападеніи Святослава Смоленскаго на Витебскъ и Оршу; жестокость, съ которою онъ велъ войну, описывается тѣми же самыми словами, какъ и въ лѣтописи; изъ лѣтописи же взято описаніе осады Мстиславля и извѣстіе о сынѣ Святослава — Юріи. Но нѣкоторыя

данныя заставляютъ предполагать, что Стрыйковскій пользовался нѣсколько иными списками литовскихъ лѣтописей, чѣмъ тѣ, которые мы имѣемъ въ печатныхъ изданіяхъ; такъ у него Святославъ по жестокости сравнивается съ Нерономъ и Камбизомъ, по лѣтописямъ съ Антіохомъ Сирійскимъ и Юліаномъ Отступникомъ; приводится подробность относительно смерти Святослава; именно, что онъ былъ насквозь пронзенъ пикой однимъ литвиномъ [1]). (Лѣт., изд. Нарб., 29—31. У. З. А. Н. I, 35, 36. Лѣт. Авр. 8, 9. Рук. Кр. 22, 23. Стр. II, 76, 77).

Излагая борьбу Витовта съ Ягайломъ по хроникамъ Длугоша, Мѣховита и Кромера, Стрыйковскій имѣлъ подъ руками русскія и литовскія лѣтописи, на которыя онъ два раза дѣлаетъ ссылки,—одинъ разъ приводя извѣстіе, что Жмудь была заложена нѣмцамъ за 300 т. злотыхъ, а въ другой разъ опровергая ихъ показаніе, что Витовтъ занялъ нижній городъ; дѣйствительно, въ литовскихъ лѣтописяхъ говорится, что Витовтъ взялъ „кривый городъ", а кривой городъ иначе называется нижнимъ городомъ. (Лѣт., изд. Нарб., 31. 32. Лѣт., изд. Поповымъ, 37. Лѣт. Авр. 11. Рук. Кр. 25. Стр. 84, 85, 89). Перечисленіе князей, убитыхъ подъ Вильной, сдѣлано согласно съ литовскими лѣтописями; только въ послѣднихъ называются: князь Иванъ и Левъ Плаксичъ, а у Стрыйковскаго Иванъ Львовичъ (тамъ же).

Извѣстія о битвѣ Витовта съ Корибутомъ и занятіи Новгородъ-Сѣверскаго княжества, объ отнятіи Кіева у Владиміра Ольгердовича, о смерти Скиригайла, о занятіи Витовтомъ Подоліи [2]) и судьбѣ ея

[1]) Такъ и въ русскихъ лѣтописныхъ сборникахъ. См. Новг. IV. (П. С. Р. Л. IV. 93), Соф. I (V, 240); впрочемъ изъ изложенія Стрыйковскаго не видно, чтобы онъ пользовался извѣстіемъ, вошедшимъ въ эти сборники.

[2]) По мнѣнію *Стрыйковскаго* (II, 101), Подолія была завоевываема литовскими князьями два раза: въ первый разъ Ольгердомъ въ 1339 г., а во второй Витовтомъ въ 1395 г., и два были Θедора Коріатовича — одинъ былъ выгнанъ Ольгердомъ, а другой Витовтомъ. Это объясняется тѣмъ, что въ полномъ сводѣ Литовскихъ лѣтописей завоеваніе Подоліи приписывается Ольгерду (Лѣт., изд. Нарб., 19, 20), а въ краткомъ — Витовту (У. З. А. Н. I, 45, Рук. Кр. 29), хотя извѣстія въ обоихъ сводахъ буквально сходны. Говоря о завоеваніи Подоліи Ольгердомъ, *Стрыйковскій* пользовался извѣстіемъ, вошедшимъ въ полный сводъ, такъ какъ сказано, что, завоевавъ Подолію и плѣнивъ Нестака-воеводу, Ольгердъ посадилъ въ Каменцѣ Гастольда. Объ этомъ Гастольдѣ упоминается только въ полномъ сводѣ. (Лѣт., изд. Нарб., 20. Стр. II 18). Кромѣ того невѣрно сказано у *Стрыйковскаго*, что Θедоръ Коріатовичъ былъ взятъ въ плѣнъ и отосланъ въ Вильну; по лѣтописямъ Витовтъ „воеводу князя Θедорова поймалъ", а самъ князь убѣжалъ къ венграмъ.

при Витовтѣ заимствованы Стрыйковскимъ (Стр. II, 101—104) изъ литовскихъ лѣтописей (Лѣт., изд. Нарб., 33, 34. Лѣт. Авр. 12—15. Рук. Кр. 26, 27. Лѣт., изд. Поп., 38—40), на которыя онъ дѣлаетъ ссылки нѣсколько разъ. О борьбѣ Витовта съ князьями Стрыйковскій краткія лѣтописныя извѣстія по большей части распространяетъ. Есть впрочемъ нѣсколько новыхъ извѣстій, которыхъ нѣтъ въ литовскихъ лѣтописяхъ; именно: Корибутъ Ольгердовичъ въ борьбѣ съ Витовтомъ получилъ помощь отъ князя Тверскаго; по занятіи Новгорода онъ былъ посланъ въ оковахъ съ семействомъ въ Вильну; послы Ягайла уговорили Владимира Кіевскаго добровольно уступить Кіевъ Витовту и не сопротивляться ему. О смерти Скиригайла, равно какъ и о судьбѣ Подоліи при Витовтѣ, Стрыйковскій почти буквально взялъ изъ лѣтописей.

Въ главѣ о Подоліи (II, 105—107) Стрыйковскій пользовался русскими и литовскими старыми лѣтописцами, изъ которыхъ приводитъ обширные отрывки: о передачѣ Витовтомъ половины Подоліи Ягайлу и объ обратномъ возвращеніи ея Витовту; по сличеніи эти отрывки оказываются сходными съ извѣстными намъ сказаніями о Подоліи. (У. З. И. А. Н. I. 45. 46. Позн. рук. 148—152. Кр. рук. 30. О захватѣ Подоліи поляками послѣ смерти Витовта и объ убіеніи Довгирда, Подольскаго воеводы, см. также II, 178, 179) [1]). Въ спискѣ, бывшемъ у Стрыйковскаго, занятіе ея Витовтомъ отнесено къ 1394 г., а возвращеніе ея Ягайломъ вторично Витовту къ 1423 г. (II, 105. 106).

Извѣстіе о томъ, какъ Витовтъ отнялъ у Свидригайла Витебскъ, Стрыйковскій заимствовалъ изъ лѣтописей, съ которыми разсказъ его имѣетъ большое сходство; есть впрочемъ нѣкоторыя добавленія, заимствованныя изъ другихъ источниковъ; именно: говорится, что Свидригайло, увидѣвъ, что Витебскъ отданъ въ управленіе Θедору Веснѣ, убѣжалъ къ нѣмцамъ и, возвратившись оттуда, убилъ Весну. О бѣгствѣ къ нѣмцамъ въ лѣтописяхъ нѣтъ. Витовтъ занялъ сначала

---

[1]) *Стрыйковскій* опровергаетъ извѣстіе объ убіеніи Довгирда, указывая на то, что въ лѣтописяхъ подъ 1440 г. Довгирдъ упоминается виленскимъ воеводою. Дѣйствительно упоминаніе о немъ находится во всѣхъ спискахъ лит. лѣт. (Лѣт., изд. Нарб., 48. У. З. И. А. Н. 51. Рук. Кр. 36). Подобное же опроверженіе находится у *Стрыйковскаго* еще на 198 стр. II т. Въ рук. Кр. про Довгирда сказано, что его „забили"; въ рук., изд. Поповымъ, „имяли". У *Стрыйковскаго* были списки, сходные съ рук. Кр., такъ какъ и онъ ссылается на лѣтописи, въ которыхъ есть выраженіе „sabili".

Оршу, а потомъ Друцкъ; въ лѣтописяхъ наоборотъ. (Лѣт., изд. Нарб., 33. У. З. А. Н. I. 39. Рук. Кр. 26. Лѣт. Авр. 13. Стр. II, 108, 109).

Извѣстіе о нападеніи Витовта на Смоленскъ и завоеваніи его Стрыйковскій, безъ сомнѣнія, взялъ изъ лѣтописей, на которыя онъ нѣсколько разъ дѣлаетъ ссылки. Сходство Стрыйковскаго съ извѣстными намъ лѣтописями почти буквальное. (Лѣт., изд. Нарб., 34. 35. У. З. А. Н. I. 40. 41. Рук. Кр. 28. Стр. II, 110, 111) [1]).

Почти буквально Стрыйковскимъ взято изъ лѣтописей извѣстіе о свиданіи Василія Дмитріевича съ Витовтомъ (цѣль свиданія—борьба съ Темиръ-Кутлуемъ—не указана въ лѣтописи) и нападеніи Витовта на рязанское княжество. (Лѣт., изд. Нарб., 35. У. З. А. Н. I. 41. Рук. Кр. 28. Стр. II, 111).

Изъ Литовскихъ лѣтописей взятъ Стрыйковскимъ перечень русскихъ князей, убитыхъ въ битвѣ на Ворсклѣ. (Лѣт., изд. Нарб., 36. У. З. А. Н. I. 42. Стр. II, 116).

Стрыйковскій опровергаетъ разсказъ лѣтописей русскихъ и литовскихъ объ условіи, заключенномъ между Ягайломъ и Витовтомъ въ Перемышлѣ относительно престолонаслѣдія, при чемъ дѣлаетъ выписку изъ нихъ почти буквальную, со ссылкою на источникъ. (Лѣт., изд. Нарб., 40. 41. Стр. II, 118).

Разсказъ о нападеніи въ 1401 г. Юрія Святославича съ Олегомъ рязанскимъ на Смоленскъ Стрыйковскій взялъ изъ Литовскихъ лѣтописей, съ которыми сходство почти буквальное [2]). (Лѣт., изд. Нарб., 36. Стр. II, 120). Извѣстіе о томъ, что смоленское княжество было обращено въ воеводство и присоединено къ литовскому княжеству, взято не изъ лѣтописей. Въ краткомъ сводѣ Литовскихъ лѣтописей и въ русскихъ сводахъ походъ Витовта представляется неудачнымъ. (У. З. А. Н. I. 42. 43. Новг. IV, 105. Супр. рук., изд. Обол. 136. Соф. I, V, 252. Воскр. VIII, 75, Рук. Крас. 32. Бѣлокуровъ, 56).

Хотя у Стрыйковскаго изложено стихами о войнѣ съ московскимъ княземъ и объ установленіи границъ между Литвой и Москвой по рѣку Угру, тѣмъ не менѣе можно замѣтить, что Стрыйковскій имѣлъ

---

[1]) У *Стрыйковскаго* былъ списокъ родственный напечатанному по рукописи Красинскаго: въ обоихъ сказано, что Юрій Святославовичъ получилъ отъ Витовта городъ Жеславль; между тѣмъ какъ во всѣхъ остальныхъ спискахъ названъ Рославль.

[2]) Но ближе къ полному своду, такъ какъ сказано, что Смольняне убили Романа Брянскаго, Витольдова воеводу; по краткому своду Романъ Брянскій убитъ Витовтомъ.

въ виду Литовскія лѣтописи; такъ поводъ къ войнѣ, самый съѣздъ Витовта съ Василіемъ Московскимъ и эпизодъ съ литвинскимъ паномъ Андреемъ изложены согласно съ Литовской лѣтописью. (Лѣт., изд. Нарб., 37. 38. Стр. II, 122, 123).

Въ стихотворномъ описаніи битвы при Танненбергѣ Стрыйковскій взялъ изъ Литовскихъ лѣтописей имена литовскихъ предводителей Ивана Зедевида и Яна Гаштольда, ведшихъ литовцевъ въ битву. (Лѣт., изд. Нарб., 40. Стр. II, 130).

Извѣстіе о нападеніи Витовта на Псковъ и Новгородъ Стрыйковскій взялъ изъ лѣтописей, на которыя онъ ссылается. Разсказъ испещренъ собственными разсужденіями автора. Существенная разница между Стрыйковскимъ и лѣтописью заключается въ опредѣленіи количества дани, которую обязались платить новгородцы съ псковитянами. Новгородцы должны были платить, по Стрыйковскому, 10 тыс. злотыхъ, по сту фрезовъ нѣмецкихъ, по десяти сороковъ всякихъ шкуръ („въ другихъ лѣтописяхъ", замѣчаетъ онъ, „по сороку"); а псковичи платятъ половину; по лѣтописи, изданной Нарбутомъ, новгородцы давали Витовту выхода по десяти тысячъ золотыхъ, по сорока „hynstow, kotoryi nyni zowut fryzy", по сорока сороковъ шкуръ собольихъ, рысьихъ, куньихъ, лисьихъ, горностаевыхъ и бѣличьихъ. (Лѣт., изд. Нарб., 39. Стр. II, 151. 283).

О женахъ Витовта у Стрыйковскаго буквально сходно съ лѣтописью, изданною Нарбутомъ. (Лѣт., изд. Нарб., 39. Стр. II, 155).

О съѣздѣ въ Луцкѣ и о стремленіи Витовта украситься королевской короной у Стрыйковскаго разсказано по польскимъ историкамъ; изъ литовскихъ же лѣтописей взятъ перечень князей и владѣтельныхъ особъ, бывшихъ въ Луцкѣ, и списокъ продовольствія, отпускавшагося ежедневно Витовтомъ на пропитаніе гостей; перечень этотъ ближе подходитъ къ перечню, сохраненному въ полномъ сводѣ; а упоминаніе о подаркахъ, полученныхъ Цезаремъ отъ Витовта, и между прочимъ о турьемъ рогѣ, находится только въ этомъ сводѣ (Лѣт., изд. Нарб., 42—44. Стр. II, 168—170).

На литовскую лѣтопись указываетъ Стрыйковскій, опровергая показаніе ея относительно причины, по которой послы не могли придти съ королевской короной къ Витовту (Лѣт., изд. Нарб., 44. Стр. II. 173), относительно времени женитьбы Ягайла на Софіи и ея происхожденія [1]) (Лѣт., изд. Нарб., 36, 37. Стр. II, 159).

---

[1]) По Стрыйковскому, свадьба была не въ 1405 г. послѣ взятія Смоленска,

На литовско-русскія лѣтописи ссылается Стрыйковскій, говоря, что Литва при Витовтѣ давала царей сначала татарамъ заволжскимъ, а потомъ перекопскимъ. Дѣйствительно, въ Похвалѣ Витовту упоминается (У. З. И. А. Н. 49, 50. Рук. Кр. 35) о томъ, что онъ давалъ татарамъ царей.

О размолвкѣ Свидригайла съ Ягайломъ изъ за Подоліи у Стрыйковскаго (II, 179) сходно съ лѣтописью, изд. Нарбутомъ (45 стр).

При описаніи борьбы Свидригайла съ Сигизмундомъ Стрыйковскій отчасти пользовался литовскими лѣтописями; такъ изъ нихъ взято извѣстіе о помощи Свидригайлу со стороны Тверскаго князя; при перечнѣ князей, взятыхъ въ плѣнъ и убитыхъ въ битвѣ при Ошмянахъ, Стрыйковскій тоже, кажется, пользовался лѣтописями, и этотъ перечень ближе подходитъ къ лѣтописямъ краткой редакціи, чѣмъ полной; извѣстіе о войнѣ 1433 г. тоже во многомъ напоминаетъ литовскія лѣтописи. (Уч. З. И. А. Н. 50 — 59. Рук. Кр. 36, 37. Лѣт., изд. Нарб., 46, 47. Стр. II, 187—189). Извѣстія о нападеніи Свидригайла на русскую землю, о потопленіи кн. Семена Гольшанскаго (по лѣтописямъ Михаила) и объ осадѣ Мстиславля Сигизмундомъ при значительномъ сходствѣ у Стрыйковскаго съ лѣтописями представляютъ существенную разницу, состоящую въ томъ, что по лѣтописямъ походъ представляется неудачнымъ, а по Стрыйковскому удачнымъ. (Лѣт., изд. Нарб., 47. Стр. II, 190. У. З. И. А. Н. 52. Рук. Кр. 37). Въ рук. Кр. и лѣт., изд. Нарб., сказано, что Сигизмундъ пошелъ на „русскую землю"; такъ и у Стрыйковскаго; въ лѣт., изд. Поповымъ, „на Литовьскоую"; значитъ у Стрыйковскаго были рукописи сходныя съ первыми списками.

Извѣстія о смерти Сигизмунда, великаго князя литовскаго, объ освобожденіи изъ темницы Олелька и Юрія Лунгвеневича, объ отправленіи Юрія Гольшанскаго въ Берестье, Стрыйковскій заимствовалъ изъ Литовскихъ лѣтописей; разсказъ его во многомъ напоминаетъ лѣтописный разсказъ; фактическія разницы хотя и есть, но несущественныя; онѣ слѣдующія: заговорщики въ каждомъ возу сѣна скрыли по два человѣка, въ лѣтописи по пяти; по Стрыйковскому убійца Сигизмунда называется Иваномъ, по лѣтописи Александромъ; кромѣ того у Стрыйковскаго есть подробность, не встрѣчающаяся въ

какъ въ лѣтописяхъ, а въ 1422 г., и Софія, супруга Ягайла, была дочерью не Андрея Ольгимунтовича Гольшанскаго, а Андрея Ивановича Друцкого. Въ лит. лѣт. излагается именно то, что опровергаетъ Стрыйковскій; опроверженіе лѣтописей о происхожденіи Софіи есть и дальше (II, 261).

извѣстной намъ Литовской лѣтописи: убитый князь на саняхъ былъ вывезенъ на озеро. Всѣ эти различія слѣдуетъ отнести на счетъ той редакціи Литовскихъ лѣтописей, которою пользовался Стрыйковскій. (Лѣт., изд. Нарб., 48—50. Стр. II, 202—205).

Изложивъ разсказъ объ избраніи Казимира Ягелловича на литовскій столъ по польскимъ историкамъ Длугошу, Мѣховиту, Кромеру, Ваповскому, Стрыйковскій приводитъ разсказъ литовскихъ лѣтописцевъ какъ объ избраніи Казимира, такъ и о первыхъ шагахъ его дѣятельности; разсказъ этотъ почти буквально сходенъ съ литовскою лѣтописью, изданною Нарбутомъ; разница заключается въ слѣдующемъ: тетка Михаила, княгиня Мазовецкая, въ лѣтописи называется Янушовей, у Стрыйковскаго Болеславовой; Юрій Носута передался Михаилу съ городами Бѣльскомъ, Дрогичиномъ и Минскомъ; перечисленія городовъ въ лѣтописи нѣтъ. Во всемъ остальномъ сходно. (Лѣт., изд. Нарб., 51, 52. Стр. II, 206, 207) [1]).

О волненіи въ Смоленскѣ и Жмуди Стрыйковскій почти буквально взялъ изъ Литовскихъ лѣтописей [2]). (Лѣт., изд. Нарб., 52 — 54. Стр. II, 208, 209).

При описаніи войны литовскаго князя съ Москвою Стрыйковскій преимущественно пользовался польскими историками; но у него были и Литовскія лѣтописи, на которыя онъ ссылается, говоря, что война Литвы съ Москвою происходила во время похода московскаго князя на татаръ, когда онъ самъ былъ взятъ въ плѣнъ подъ Суздалемъ. Дѣйствительно въ краткомъ сводѣ Литовскихъ лѣтописей есть подобное извѣстіе. (У. З. А. Н. I. 56, 57. Позн. рук. 194. Рукоп. Красинск. 41 [3]). Бѣлокуровъ 78. Стр. II, 210).

Дальнѣйшія извѣстія: о возвращеніи Михаила Сигизмундовича въ свою отчину, о попыткѣ его захватить Казимира, бѣгствѣ въ Москву

---

[1]) Стрыйковскій опровергаетъ показаніе лѣтописей относительно возраста Казимира, при вступленіи его на престолъ; именно ему было не 13 л., какъ въ лѣтописяхъ, а 16; кромѣ того онъ былъ посаженъ на столъ не въ Брестѣ, а въ Вильнѣ—оба опровергаемыя извѣстія читаются въ лѣт., изд. Нарб.

[2]) И при томъ по списку, сходному съ изданнымъ Нарбутомъ; потому что какъ въ лѣтописи, такъ и у Стрыйковскаго сказано, что польскія войска стояли подъ Смоленскомъ „*три* недѣли"; въ краткихъ сводахъ (У. З. II. А. Н. 55. Рук. Кр. 40. Бѣлокурова 77) „полтрѣтьи".

[3]) Въ рук. Кр. сказано, что „москвичи, собравшися за девять *дней*"; у Стрыйковскаго сказано, что литовцы 9 дней опустошали русскія волости; въ рук. изд. Поп. о дняхъ ничего не сказано („за Ф и Х", т.-е. число относится къ москвичамъ). Значитъ, Стрыйковскій пользовался спискомъ близкимъ къ рук. Кр.

и смерти, а также о возвращеніи Олельку Ольгердовичу Кіева, о возвращеніи Свидригайла изъ Валахіи въ Литву, о смерти Довгирда, о назначеніи Казиміромъ Ацгирея Перекопскимъ царемъ по просьбѣ татаръ—всѣ эти извѣстія иногда буквально вошли въ хронику Стрыйковскаго изъ Литовскихъ лѣтописей. (Лѣт., изд. Нарб., 55, 56. Стр. II. 211—213).

Выписка у Стрыйковскаго изъ лѣтописцевъ русскихъ и литовскихъ о сеймѣ поляковъ и литовцевъ въ Парцовѣ почти буквально сходна съ лѣтописью, изданною Нарбутомъ (Нарб. 57, 58. Стр. II. 232, 233). Ссылка на лѣтопись о причинахъ неудачи этого сейма (II, 236).

Что Стрыйковскій пользовался Литовскими лѣтописями при стихотворномъ описаніи несчастной битвы, данной Казиміромъ прусскимъ крестоносцамъ (а не Георгію Подибраду, какъ въ лѣтописи), подъ Хойницами, на это онъ самъ указываетъ нѣсколько разъ, какъ при самомъ описаніи битвы, такъ и при указаніи лѣтописныхъ недостатковъ (Лѣт., изд. Нарб., 58—60. Стр. II, 241—247 [1]).

О смерти Олелька Владиміровича, внука Ольгердова, взято изъ Литовскихъ лѣтописей (Лѣт., изд. Нарб., 61. Стр. II, 248).

Выписка у Стрыйковскаго о помощи, которую литовцы оказали Казиміру противъ прусскихъ крестоносцевъ (въ лѣтописи противъ Георгія Подибрада), почти буквально сходна съ лѣтописью, изданною Нарбутомъ (Нарб., 60. Стр. II, 248, 256).

Извѣстіе подъ 1460 г. о смерти Виленскаго воеводы Яна Гастольда взято изъ Литовскихъ лѣтописей (Лѣт., изд. Нарб., 61. Стр. II, 257).

О смерти епископа Кафинскаго Симона въ Кіевѣ при извѣстіи о взятіи Кафы турками вошло въ трудъ Стрыйковскаго изъ лѣтописей, какъ онъ самъ свидѣтельствуетъ (Лѣт., изд. Нарб., 61. Стр. II, 280).

На Литовскія лѣтописи ссылается Стрыйковскій (II, 285) и дѣ-

[1]) Такъ, согласно съ лѣтописями показано, что литовцы послали полякамъ на помощь 5 т. подъ начальствомъ Судимонтовича и другихъ воеводъ (241), которые при королѣ во время битвы оставались одни, между тѣмъ какъ всѣ разбѣжались; что Воль, одинъ изъ воеводъ, далъ ему своего коня и стрѣлялъ въ нѣмцевъ (244); разсказъ о поздравленіи короля паномъ Рутвянскимъ и отвѣтъ короля изложенъ по лѣтописямъ съ слѣдующимъ добавленіемъ: въ лѣтописи сказано: „Lytwa.... krowiju sia obmywajut“: у Стрыйковскаго: „Polacy z Litwą przy mnie krowią się własną myli.“; доказывается (245, 246, 256) ошибочность лѣтописи относительно разсказа ея о битвѣ и приводится изъ нея нѣсколько буквальнымъ выдержекъ.

лаетъ изъ нихъ буквальную выписку (II, 288) о томъ, что Казимиръ находился въ Литвѣ семь лѣтъ (Лѣт., изд. Нарб., 62).

Извѣстіе о заключеніи договора между Казимиромъ и Стефаномъ, воеводою Волошскимъ, и о съѣздѣ ихъ при Коломыѣ, Стрыйковскій составлялъ по разнымъ источникамъ, между которыми находились и Литовскія лѣтописи (Нарб. 61, 62. Стр. II, 287, 288). По указанію Стрыйковскаго, изъ лѣтописи взято имъ извѣстіе о томъ, что съ воеводою Стефаномъ былъ посланъ и сынъ Казимира, Янъ Альбрехтъ; въ лѣтописи, изданной Нарбутомъ, сказано только, что Казимиръ послалъ съ нимъ „королевичей".

Дальнѣйшія извѣстія: о прибытіи короля въ Литву, куда прибѣжалъ къ нему тверской князь Михаилъ Борисовичъ, и о выпаденіи снѣга 21-го мая, взяты изъ Литовскихъ лѣтописей, на которыя у Стрыйковскаго есть ссылки (Лѣт., изд. Нарб., 62. Стр. II, 288).

При извѣстіи о смерти Казимира Стрыйковскій тоже пользовался Литовскими лѣтописями, изъ которыхъ взято извѣстіе о раздѣленіи владѣній между его сыновьями, и есть ссылка при обозначеніи дня смерти (Лѣт., изд. Нарб., 62, 63. Стр. II, 291).

Извѣстія о занятіи московскимъ княземъ Іоанномъ Васильевичемъ нѣкоторыхъ городовъ и областей литовскихъ, о женитьбѣ Александра на московской княжнѣ Еленѣ, о прибытіи королевы матери въ Вильну, о сеймѣ въ Парцовѣ взяты изъ Литовскихъ лѣтописей почти буквально (Лѣт., изд. Нарб., 63, 64. Стр. II. 295—298).

При описаніи похода Яна Альбрехта на Валашскаго воеводу Стефана Стрыйковскій пользовался Литовскими лѣтописями тамъ, гдѣ дѣло касалось Литвы; именно изъ Литовскихъ лѣтописей взято извѣстіе объ отказѣ литовцевъ идти за своимъ княземъ, такъ какъ онъ съ ними не посовѣтовался, и объ отправленіи Александромъ вспомогательнаго отряда на помощь брату (Лѣт., изд. Нарб., 65. Стр. II, 299). Кромѣ того есть нѣсколько ссылокъ на Литовскія лѣтописи (Стр. II, 302, 303, 304. Лѣт., изд. Нарб., 66, 67).

Извѣстія о пораженіи литвою татаръ около Брясλавля, о распространеніи французской болѣзни и о голодѣ въ Литвѣ взято изъ лѣтописей (Лѣт., изд. Нарб., 67. Стр. II, 304).

О назначеніи гетманомъ князя Константина Острожскаго Стрыйковскимъ взято почти буквально изъ Литовскаго лѣтописца, на котораго онъ ссылается (Лѣт., изд. Нарб., 65. Стр. II, 305).

Извѣстія о войнѣ съ Москвой 1499 г., о Ведрошской битвѣ, объ осадѣ Смоленска и Мстиславля москвитянами, объ опустошеніи та-

тарами Волыни и Подоліи, о назначеніи Александромъ въ маршалы Михаила Глинскаго Стрыйковскій взялъ почти буквально изъ Литовскихъ лѣтописей, на которыя онъ нѣсколько разъ дѣлаетъ ссылки. Разсказъ его очень сходенъ съ лѣтописью, изданною Нарбутомъ; но были у него и другіе лѣтописные списки, изъ которыхъ, по свидѣтельству Стрыйковскаго, взяты имена нѣкоторыхъ (именно: Ивана Яцинича, Юрья Воловича, Федора Немиру, Богдана Маскевича) раненыхъ въ битвѣ при Ведрошѣ, которые убѣжали рѣкою въ лѣсъ; оттуда же, вѣроятно, взято изложеніе причинъ второй войны съ Москвою; именно: то, что князь Александръ не построилъ церкви для своей супруги, и желаніе московскаго князя занять русскія области, находившіяся подъ владычествомъ Литвы. Фактическихъ отступленій отъ лѣтописи, изданной Нарбутомъ, у Стрыйковскаго мало, и они незначительны: напримѣръ, въ числѣ городовъ, укрѣпленныхъ Александромъ, Стрыйковскій называетъ Оршу; кромѣ Люблина упоминается и еще нѣсколько городовъ, опустошенныхъ татарами; чехъ, нанятый на службу Александромъ Литовскимъ, у Стрыйковскаго называется Яномъ Чернымъ, въ лѣтописи Яномъ Гирнинымъ (Лѣт., изд. Нарб., 67—71. Стр. II, 308—311). Эта разница могла произойти отъ недосмотра переписчика.

Извѣстіе объ опустошеніи заволжскимъ царемъ Шихъ-Ахматомъ, сыномъ Ахмата, пришедшимъ на помощь литовскому князю, волостей Московскаго князя, очень сходно съ Литовскою лѣтописью, изданною Нарбутомъ (Нарб., 71, 72; Стр. II, 313). Только въ лѣтописи, изданной Нарбутомъ, нѣтъ упоминанія о пораженіи Менгли-Гирея Шихъ-Ахматомъ и о числѣ войскъ послѣдняго. Въ виду близкаго сходства обоихъ повѣствованій можно предположить, что или въ лѣтописи, изданной Нарбутомъ, въ данномъ случаѣ пропускъ, или у Стрыйковскаго находился другой списокъ лѣтописи. Мы болѣе склонны къ послѣднему предположенію.

Извѣстіе о пораженіи Шихъ-Ахмата Менгли-Гиреемъ взято Стрыйковскимъ изъ лѣтописи почти буквально (Лѣт., изд. Нарб., 72; Стр. II, 316). О желаніи Шихъ-Ахмата бѣжать послѣ пораженія къ Баязету турецкому взято не изъ лѣтописи, а изъ Мѣховита, которымъ Стрыйковскій пользовался при изложеніи этого событія.

Извѣстія о заключеніи перемирія между московскимъ государемъ и литовскимъ княземъ на шесть лѣтъ, объ опустошеніи татарами литовской земли, о пораженіи литовскаго войска на рѣкѣ Узѣ, о вторичномъ опустошеніи перекопскими татарами Литвы и двукратномъ

нападенін ихъ на Слуцкъ [1]), о смерти князя Симеона Слуцкаго, объ истребленіи Махметомъ, казанскимъ ханомъ, въ Казани всѣхъ московскихъ купцовъ, о смерти воеводы кіевскаго, князя Дмитрія Путятича, и старосты луцкаго, Семена Гольшанскаго, и о назначеніи на ихъ мѣста—взяты Стрыйковскимъ изъ Литовскихъ лѣтописей. При этомъ, имѣя въ виду, что эти извѣстія почти буквально сходны съ лѣтописью, изданною Нарбутомъ, и при томъ Стрыйковскій ссылается при нѣкоторыхъ фактахъ на одного только *лѣтописца*, мы въ правѣ предположить, что этотъ лѣтописецъ принадлежалъ къ одному разряду съ тѣмъ, который извѣстенъ намъ по изданію Нарбута (Нарб. 72—74; Стр. II, 817—319).

Извѣстія о причинѣ гнѣва короля Александра на литовскихъ бояръ, о сеймахъ въ Брестѣ-Литовскомъ и Радомлѣ Стрыйковскій, какъ онъ самъ заявляетъ нѣсколько разъ, взялъ изъ лѣтописца. Сравнивая разсказъ Стрыйковскаго съ лѣтописью, изданною Нарбутомъ, мы опять видимъ почти буквальное сходство, что̀ вновь наводитъ насъ на мысль, что у Стрыйковскаго былъ подъ руками списокъ лѣтописей, сходный съ такъ называемой лѣтописью Быховца [2]) (Нарб. 74, 75; Стр. II, 324, 325).

При описаніи нападенія татаръ на литовскую землю Стрыйковскій, безъ сомнѣнія, пользовался Литовскою лѣтописью, какъ это видно изъ сравненія конца этого извѣстія (начала въ рукописи, съ которой Нарбутъ издалъ Литовскую лѣтопись, не достаетъ) съ повѣствованіемъ Стрыйковскаго; польскими хронистами: Кромеромъ, Мѣховитомъ и другими, онъ пользовался при обозначеніи числа плѣнныхъ, уведенныхъ татарами (Лѣт., изд. Нарб., 74; стр. II, 326, 327) [3]).

О морѣ въ Минскѣ и другихъ мѣстахъ Литвы взято изъ лѣтописи (Лѣт., изд. Нарб., 74; стр. II, 328).

Извѣстіе о пораженіи московской рати подъ Казанью почти бук-

---

[1]) Съ пропускомъ нѣсколькихъ строкъ по лѣтописи отъ словъ: „y newiedaiuczy ni oczom...“ до „powidaiuczy o tom“ (Лѣт., изд. Нарб., 73; Стр. II, 318). Тутъ же *Стрыйковскій* опровергаетъ показанія лѣтописи, что эти событія были въ 1502 году.

[2]) Впрочемъ, по извѣстію этого лѣтописца, второй сеймъ былъ не въ Радомлѣ, а въ Сандомирѣ, что *Стрыйковскій* опровергаетъ (Стр. II, 322).

[3]) *Стрыйковскій* неоднократно ссылается на лѣтопись по вопросамъ хронологическимъ; такъ онъ опровергаетъ неправильныя показанія ея годовъ смерти Іоанна III, нападенія татаръ, сейма въ Брестѣ и года прибытія короля Александра въ Вильну и приводитъ по разнымъ случаямъ буквальныя изъ нея выдержки. Неправильныя даты и приводимыя выдержки вполнѣ согласуются съ лѣтописью, изданною Нарбутомъ.

вально сходно съ лѣтописью, изданною Нарбутомъ. (Нарб. 74, 75; стр. II. 328).

О пораженіи татаръ подъ Клецкомъ Стрыйковскій взялъ изъ разныхъ источниковъ (Кромера и Мѣховита); между прочимъ пользовался и Литовскими лѣтописями, на которыя онъ ссылается. Страницы 331 и 332 у Стрыйковскаго иногда почти буквально сходны съ 75 и 76 страницами Литовской лѣтописи, изданной Нарбутомъ.

Итакъ, разсмотрѣвъ хронику Стрыйковскаго и сличивъ ее съ Литовскими лѣтописями, мы видимъ, что сообщаемыя ею извлеченія и ссылки, которыхъ разсѣяно въ его трудѣ до 180 [1]), въ значительной степени подтверждаются извѣстными намъ списками Литовскихъ лѣтописей [2]).

---

[1]) I, 55, 56, 57, 60, 65, 67, 73, 79, 81 (два раза), 83, 84, 85, 86 (три раза), 87, 229, 234, 235, 236, 237 (три раза), 239, 242, 243 (четыре раза), 244, 245 (четыре раза), 246 (два раза), 249, 252 (три раза), 253, 287, 288, 297, 298, 299, 305, 306, 314, 316, 320, 321 (два раза), 322 (два раза), 324, 328, 329, 348, 349 (два раза), 353, 354, 356, 357, 358, 371 (два раза), 386. II, 3, 6, 8, 11 (два раза), 12, 14, 18, 19, 41, 43, 58, 66, 67, 68 (два раза), 69 (три раза), 73, 84, 85, 98, 103, 104, 105, 106, 108, 110 (два раза), 111 (два раза), 113, 118, 120, 140, 145, 151, 157, 159, 168, 169, 173, 178, 198, 206 (два раза), 207, 211, 226, 229, 232, 236, 243, 244 (пять разъ), 245 (два раза), 246 (два раза), 248, 255, 256, 257, 261, 265, 272, 280, 283, 284, 285, 287, 288 (два раза), 291, 295, 299, 302 (два раза), 303, 304 (два раза), 305, 308, 309, 310 (два раза), 311, 313, 316, 317, 318, 321 (четыре раза), 322, 323, 325, 326, 328, 329, 331, 332.

[2]) Извѣстій, сообщаемыхъ *Стрыйковскимъ* изъ Литовскихъ лѣтописей и не находящихся въ изданныхъ до сихъ поръ спискахъ, очень немного; въ разныхъ мѣстахъ мы на нихъ указывали; укажемъ на остальныя: подъ 1397 г. говорится о битвѣ литовцевъ подъ начальствомъ воеводы Витовтова Ольгерда съ татарами, когда погибли три татарскихъ царевича (Стр. II, III), и о счастливомъ походѣ самого Витовта, пригнавшаго въ Литву цѣлую татарскую орду (II, 113). Эти извѣстія приводятся имъ на основаніи *Кромера*, заимствовавшаго ихъ въ свою очередь изъ литовскихъ лѣтописей; затѣмъ *Стрыйковскій* (II, 284) опровергаетъ показаніе Русской лѣтописи относительно времени и причины отъѣзда изъ Литвы въ Польшу короля Казимира въ 1479 г., когда король согласился съ Ахматомъ воевать Москву. „Лѣтописецъ русскій,—говоритъ *Стрыйковскій*:—относитъ это событіе къ 1471 г. и причину полагаетъ въ томъ, что чешскіе послы по смерти Георгія Подибрада пришли къ королю съ просьбою дать имъ въ короли Владислава; но Георгій Подибрадъ, на мѣсто котораго былъ избранъ Владиславъ, умеръ въ 1471 году; такъ что русскій лѣтописецъ ошибся на 8 лѣтъ". Изъ всѣхъ русскихъ лѣтописей, въ которыхъ находится извѣстіе о походѣ Ахмата, только въ одной Новгородской IV лѣтописи приводится причина, почему Казимиръ не пришелъ на помощь къ Ахмату, но не та, которую опровергаетъ *Стрый*-

Стрыйковскій пользуется Литовскими лѣтописями самымъ разнообразнымъ образомъ: то онъ приводитъ изъ нихъ болѣе или менѣе значительныя выдержки для подтвержденія извѣстій, заимствованныхъ изъ другихъ источниковъ, то съ цѣлью показать ихъ ошибочность въ фактическомъ или хронологическомъ отношеніяхъ; иногда разсказъ, составленный по посторонним источникамъ, онъ подтверждаетъ авторитетомъ лѣтописи; иногда же въ разсказъ, составленный по лѣтописямъ, онъ дѣлаетъ ту или другую вставку изъ польскихъ или нѣмецкихъ хронистовъ.

Послѣ сличенія монументальнаго труда Стрыйковскаго съ Литовскими лѣтописями, послѣ провѣрки его цитатъ, трудно уже говорить о недобросовѣстности почтеннаго каноника, называть сочиненіе его полубаснословнымъ и недостойнымъ вѣры, какъ это дѣлали до сихъ поръ: онъ пользовался своими источниками по большей части добросовѣстно, насколько позволяли ему его научныя силы, а потому онъ достовѣренъ настолько, насколько достовѣрны его источники.

Н. Тихомировъ.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

Извѣстія въ хроникѣ Стрыйковскаго относительно древнѣйшаго періода исторіи Литвы, не находящіяся въ изданныхъ лѣтописяхъ.

Roku Bożego 401, powstał jest Atila, ktory zwan jest Biez Boży, ktory wyszedł od rzeki Juhri, a Jura i teraz jest w ziemi Jwaka Cara, ojca jego zwali Mandazig, wyszedł z trzema braty swoimi: Aczar, Rohas i Bledą, wyszedł morzem Oceanem i przyszedł w morze ziemkię, które jest między Francią i Hispanią, a gdy wszedł w to morze, w ten czas niesiono z Britaniej Krolewnę imieniem Orsulę, za Syna krola Angelskiogo, przy której krolewniey bylo jedenaście tysiąc panien. Atyła samę krolewnę i tych wszystkich jedenaście ty-

---

ковскій: „а король самъ къ нему не поидетъ“, сказано въ ней: „ни силы своея не посла, понеже бо бѣша ему свои усобица“ (П. С. Р. Л. IV, 154); на русскія лѣтописи есть ссылка (I, 324) при извѣстіи о нападеніи пруссовъ и жмуди на тевтонскихъ рыцарей; на старыхъ русскихъ лѣтописцевъ ссылается *Стрыйковскій* (I. 349), приводя извѣстіе, что въ 1307 г. литовцы взяли Полоцкъ, но только они не пишутъ, какъ и подъ кѣмъ; на I, 358 стр. есть указаніе на подробное извѣстіе въ русскихъ лѣтописяхъ о нападеніи нѣмцевъ на жмудь; ссылка на лѣтописи есть при извѣстіи о благосклонности Ягайла къ Монвиду (II, 66); на II, 265 есть ссылка на русскія лѣтописи, въ которыхъ говорится, что литовцы на Петроковскомъ соймѣ сильно говорили о Подоліи.

siąc panien przy niej zabił, a ony dla imienia Chrystusowego stały się męczennicami. To pierwsze uczinił okrucieństwo nad narodem chrześciańskim. Potym obszedł ziemię Francuzką i Włoską i poszedł morzem do ziemie Charwackiej, tam wyszedl z morza i wziął przez moc ziemię Karwacką. Podbił też ziemię Węgerską i zbudował zamek Budzyń i nazwał się ie królem węgerskim, a bracia jego Athar i Rohas pomarli. A gdy budował Budzyń i obwodził mur około miasta, w ten czas trzeciego brata swego Bledona zabił, a sam królował na wszystkiéj ziemi Węgierskiej i podbił pod moc swoję wiele państw i opanował ich, i jeszezę z początku jako przesladował chrześtiaństwo, tak osiadwszy na tym państwie, w żadnej rzeczy umysłu swego nie odmienił, ale się jeszcze tym więtszym przesliadowcą stał nad Chrześciany. I zebrawszy pięć set ludu swojego, pociągnął na ziemię Włoską, i przyszedł pod miasto, którę zowią Aquileja, kiore miasto w ten czas było pod cesarzem Marcianem, i obegnał Aquileją, a to miasto było bardzo mocne, i rycerstwem rzymskim dobrze opatrzone, przeto gdy go nie mogł rychło dostać, nie chciał dłużéj czasu trawić, pociągnął dalej w ziemię Włoską ku Rzymowi, a xiażęta i senatorowie, którzy byli [1]) w tym mieście, bacząc tak wielką moc ludu jego okrutnego, byli ogarnieni strachem wielkim i rozbiegli się z miasta, a niektórzy pobiegli do ribolowow swych i poczęli się budować na ostrowie, które miasto nazwalo sie potym Wenecią. (Стр. I, 56 и 57).

Kajdan, carz Zawolski, hetman, albo towarzysz carza Batego (bo go tak Miechovius pisze) jako był zniewolił xiążęta Ruskie w ich niezgodzie i do tributu albo dani włożonej przymusił i baskaki albo starosty i poborce swoje w Ruskich xięstwach chował, tak i w ten czas skoro usłyszał iż nowe Xiążę Erdziwił, z niesłychanego sobie Żmodzkiego narodu, Nowogrodzkie, Podlaskie, Brzeskie, Drobiczinskie i insze, od Wiliej az do Możera, xięstwa Ruskie opanował, posłał do niego jako był zwykł do inszych xiążąt Ruskich, baskaki i poborce swoje, upominając się dani, dochodow i posłuszeństwa z tych xięstw Ruskich, które trzymał, aby zarazem wszystko zapłacił, jakohołdownik. Co usłyszawszy Erdziwił, wziął sobie na rozmyślenie, a potym sprosną bojaźń, dla nieśmiertelnej sławy i wolnosci miłej na stronę odłożywszy, posłow zatrzymał, obiecując im w rychle dań hołdowną zgotować i odesłać carzowi. A w tym cicho wojska Ruskie, (slubując im ku pierwszej wolności do gardła przeciw sprosnym Tataram pomoc) spissował i zbierał; też brata Wikinta, Żmodzkie, i Żywibunda, Litewskie xiążąta, obesłał, prosząc o gwałtowny ratunek według braterskiej spolnej i powinnej sąsiedzkiej miłosci. A gdy się już Ruskie wojsko niemale do niego ze wszech stron, wolności chęcią zapalone, Zebrało i pomodc z Żmodzi i z Litwy przybyła, zaraz onym posłam dań wypowiedział, a carzowi Kajdanowi parę strzal miasto złotych kleinotow posłał, i odprawiwszy ich, sam za nimi ku Mozerowi nad Pripieczą ciągnął, gdzie miał wieść o carzu Kajdanie, iż tamtą stroną przez Dniepr miał się z hordą przeprawić na wojowanie i plundrowanie zwykłe Ruskich krain. A gdy posłowie carzowi Kajdanowi onę zuphałą odpowiedz Erdziwiłowę i upominki, parę strzał oddali, wnet się z onej lekkości hołdownika swego (jako mniemał) rozgniewawszy, wojsko hordy Zawolskiej przez

[1]) Съ этого слова начинается лѣтопись, изданная Нарбутомъ.

Dniepr przeprawił, a przyciągnąwszy pod Mozer i zagony na burzenie Ruskiej ziemie rospuściwszy, sam się kossem położył nad Dnieprem na uściu Perepiecy. A w tym Erdziwił z Rusią, z Nowogrodzany, Słonimsczany, Pinsczany i z Zmodzkim i Litewsktm poszilecznym wojskiem, puszczami bez wieści przyciągnąwszy, uderzył na świtaniu z wielkim okrzykiem na kosz Tatarski, gdzie sam carz głową lezał. Tatarowie też acz się mężnie za zdrowie carskie i z zuchfalstwa wrodzonego bronili, wszakże niegotowi a bezpieczni, odgotowych Russaków, którym szło o przywrócenie wolności utraconych i od Litwy przełomieni, tak iż rożno i tam i sam po lassach, po błotach i starzynach się rozpierschnęli; na placu ich tez wielkość poległa, a sam carz ledwow małej drużynie uciekł, inszy w Dnieprze i w Perepieczy potonęli, drugich po różnych zagonach snadnie, gdy głowa zfankowała, Russacy pogromili i łupy wszystki z więźniami wyswobodziwszy, wrocili się do Nowogrodka z xiążęciem swoim Erdżiwiłem, który to pirwsze zwycięstwo z Litwą nad Tatary otrzymał. (Стр. I. 238 и 239).

Ginwil z Pskowiany i z Smolienszczany dłuą wojnę wiódł, i spór o granice przyległe. (Стр. I, 241).

Xiążę Boris wiodł tož wojnę dla spólnych granic z Smolensczany, z Witebskim xięzęciem i ze Pskowiany.

Reçhwold ten Pskowiany długą wojną przymusił do hołdu i postąpienia niktórych wołośći, które byli od xięstwa Połockiego oderwali. (Стр. I, 242),

Po tym zwycięstwie, które nad Kurdassem Zawolskim carzem Trojnata Skirmuntowic otrzymał, Algimunta syna w Nowogrodku na stolicy swojej zostawił, a sam do Starodubia, Czerniehowa, Karaczowa, i do Turowa odjechał, wwiązał się w ty xięstwa Siewierskiej Ruskiej ziemie, które nań spadły prawem przyrodzonym po Lubarcie i Pissimontu, bratach rodzonych, w przerzeczonej bitwie od Tatar zabitych.

Algimuntum miał trochę zatarzki z Dawidem Mścisławowicem, xiążęciem Luckim i Belskim o granice Podlaskie, Brzeskie.

Tegoż też czassu Utenus, albo Utinuerus, xiążę Żmodzkie i Litwy Zawilijskiej, umarł, a za żywota swojego zlecił w opiekę Ringoltowi, syna jedynaka Swintoroha, w dziecinnych leciech, xięstwa też Żmodzkie, Litewskie i Kurskie, polecił mu w obronę wespołek z synem. A tak Ringolt gdy się wwiązał w Żmodzką i Litewską ziemię, jako opiekun, a k temu miał ojczystych xięstw Ruskich kilko, zwłaszcza: Nowogrodzkie, Siewierskie, Starodubskie, Karaczowskie, Turowskie, Cernihowskie i Podlaskie, dopiero się począł pisać Wielkim Xiędzom Litewskim, Żmodzkim i Ruskim, którego tytulu przodtym jego przodkowie nie używali, ani używać mogli, bo ty państwa zawżdy osobne pany miewały. (Стр. I, 250. Извѣстія эти находятся и въ познанской рукописи).

Nalazlem też w starych latopiszczach, z których mam kilko exemplarzów, iż Litwa roku 1307 Połocko wzięła, ale jako i pod kim, nie pisze. (Стр. I, 349).

ЛАТИНО-ШВЕДСКІЙ УНИВЕРСИТЕТЪ ВЪ ДЕРПТѢ И ВЪ ПЕРНОВѢ ВЪ XVII И НАЧАЛѢ XVIII ВѢКА.

Городъ Юрьевъ, основанный съ этимъ именемъ великимъ княземъ Ярославомъ I, сыномъ Владиміра Святого, въ 1030 году [1]) и позднѣе принявшій другое названіе, извѣстное въ многочисленныхъ измѣненіяхъ несомнѣнно эстонскаго происхожденія и породившее собою позднѣйшее нѣмецкое „Dorpat" и русское „Дерптъ" [2]), послѣ почти 200-лѣтняго владычества русскихъ перешелъ въ 1224 году во власть ордена меченосцевъ и вскорѣ сдѣлался мѣстомъ пребыванія особаго Дерптскаго епископа; подъ властію епископовъ, Дерптъ пробылъ болѣе 300 лѣтъ, когда въ 1558 году покоренъ былъ царемъ Іоанномъ Грознымъ; въ 1582 году онъ перешелъ къ Польшѣ и оставался въ числѣ польскихъ владѣній до 1625 года, когда долженъ былъ уступить силѣ войскъ короля Густава Адольфа, включившаго Дерптъ въ составъ новыхъ пріобрѣтеній шведской короны. Въ эти почти шестьсотъ лѣтъ своей исторіи Юрьевъ-Дерптъ, переходя отъ одного характера управленія къ другому, то свободный, то подчиненный чужой волѣ, видѣлъ дни славы и униженія, силы и слабости, богатства и бѣдности, процвѣтанія и упадка; но, занимая центральное положеніе въ краѣ, будучи долгое время членомъ Ганзейскаго торговаго союза, онъ постоянно видѣлъ надъ собой движеніе жизни, и среди городовъ старой Ливоніи немного можно назвать

---

[1]) *Соловьевъ*, Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ. Изд. товарищества „Общественная Польза", кн. I, 206.

[2]) *Meyer. L.*, Ueber den Namen Dorpat. „Nordlivländische Zeitung", 1898, №№ 58, 59, 60.

такихъ, которые бы болѣе его подвергались разнообразнымъ перемѣнамъ судьбы.

Шведское господство въ XVII вѣкѣ застало Ливонію въ полномъ упадкѣ. Постоянныя войны почти совершенно убили земледѣліе, промышленность и торговлю; коренное, латышское и эстонское, населеніе обѣднѣло и погружалось въ невѣжество и грубость; школъ почти не существовало. Густавъ Адольфъ, этотъ „первый евангелическій государь своего времени", горячій сторонникъ и носитель высокихъ идеаловъ нравственно-религіознаго просвѣщенія, овладѣвъ Ливоніей, немедленно же обратилъ вниманіе на ея внутреннее устройство и на созданіе лучшихъ условій жизни. Генералъ-губернаторомъ Ливоніи, съ присоединеніемъ къ ней Кореліи и Ингерманландіи, назначенъ былъ одинъ изъ выдающихся по уму, образованію и энергіи государственныхъ шведскихъ людей того времени Іоаннъ Скитте, вполнѣ входившій въ намѣренія своего государя и преданный ему сотрудникъ.

Изъ ливонскихъ городовъ Дерптъ въ особенности привлекъ на себя вниманіе короля какъ въ силу прежняго значенія этого города въ странѣ, такъ и по его положенію въ срединѣ Ливоніи и по довольно раннимъ успѣхамъ въ немъ дорогого королю протестантизма, главнымъ образомъ благодаря проповѣди Мельхіора Гофмана и Сильвестра Тегельмейера, въ 1524—1525 годахъ. Дерптъ долженъ былъ, по мысли короля, сосредоточить въ себѣ не только высшія, судебное и церковно-административное, учрежденія края („гофъ-герихтъ" и „оберъ-консисторіумъ"), но и сдѣлаться центромъ просвѣщенія для Ливоніи. 18-го октября 1630 года открыта была въ Дерптѣ „королевская гимназія", явившаяся съ задачами высшаго учебнаго заведенія — приготовлять лицъ, способныхъ занять въ странѣ духовныя и свѣтскія должности; въ ней преподавались математика, краснорѣчіе, юриспруденція, медицина, языки еврейскій, греческій, латинскій, французскій, нѣмецкій, латышскій и эстонскій, а также нѣкоторыя „свободныя искусства". Для преподаванія въ этой гимназіи назначено было 8 профессоровъ; такъ какъ поступленіе въ нее ожидалось и со стороны бѣдныхъ классовъ населенія, то учреждены были отъ правительства стипендіи и пропитаніе натурою для извѣстнаго числа учащихся за весьма дешевую плату [1]). Это учебное

[1]) Офиціальное объявленіе объ этомъ учрежденіи, отъ 18-го августа 1630 года, по повелѣнію короля, отъ лица Іоанна Скитте, см. въ сочиненіи проф. *Сом-*

заведеніе съ самаго же начала обнаружило столько жизнеспособности, оказалось столь отвѣчающимъ нуждамъ края, что не замедлила возникнуть мысль о преобразованіи его въ настоящую „академію" или „университетъ", со всѣми особенностями, средствами, правами и обязанностями подобныхъ же высшихъ учебныхъ заведеній въ Западной Европѣ.

1. Первый латино-шведскій университетъ въ Дерптѣ (1632—1656).

Король Густавъ Адольфъ подписалъ декретъ о преобразованіи Дерптской гимназіи въ университетъ 30-го іюня 1632 года въ лагерѣ подъ Нюренбергомъ, за четыре мѣсяца до своей смерти (въ сраженіи при Люценѣ, въ Саксоніи 6-го ноября 1632 года). Въ этомъ декретѣ король, желая обезпечить всестороннее благосостояніе завоеванныхъ провинцій, опирающееся на „страхѣ Божіемъ и справедливости", объявлялъ о своемъ рѣшеніи достигнуть поставленной цѣли путемъ основанія высшаго учебнаго заведенія въ Дерптѣ; университетъ долженъ былъ состоять изъ обычныхъ четырехъ факультетовъ—богословскаго, юридическаго, медицинскаго и философскаго. Для новаго учебнаго заведенія не было издано особаго устава; ему просто были усвоены всѣ тѣ постановленія и привилегіи, которыми пользовался старый Упсальскій университетъ, основанный еще въ 1476 году [1]).

Въ отношеніи преподавательскаго состава новый университетъ, или, какъ онъ тогда назывался, Academia Gustaviana, организованъ былъ слѣдующимъ образомъ: на богословскомъ факультетѣ положено было четыре профессора, на юридическомъ—два, на медицинскомъ—два, на философскомъ — одиннадцать (въ частности: на политику, этику, физику, исторію и древности, восточные языки, греческій языкъ, краснорѣчіе, логику и поэтику—по одному, а на математику—два [2]); кромѣ того, былъ преподаватель французскаго языка. Высшими

мелiуса „Regiae academiae Gustavo-Carolinae sive Dorpato-Pernaviensis historiae. V. I, Lundae 1796", стр. 7—9, по латыни, и въ современной событію „реляціи" проф. *Менiуса*, въ Archiv für die Geschichte Liv,- Ehst- und Kurlands, B. VII. Reval. 1854, стр. 247—249, по-нѣмецки.

[1]) Декретъ напечатанъ у *Бакмейстера* „Nachrichten von den ehemaligen Universitäten zu Dorpat und Pernau" въ Sammlung Russischer Geschichte Мюллера, ч. I, изд. 1777, стр. 179 — 182; у *Соммелiуса*, назв. соч. стр. 16 — 19; у *Менiуса*, назв. соч. стр. 260 — 262. Постановленія Упсальскаго университета перепечатаны *А. Бухгольцемъ* въ Mittheilungen aus dem Gebiete der Geschichte Liv,- Ehst- und Kurlands, B. VII. Riga. 1854, стр. 202—208.

[2]) *Соммелiусъ*, стр. 19 — 20; *Менiусъ*, стр. 263; у *Бакмейстера*, стр. 182 —

начальниками университета были канцлеръ и проканцлеръ, назначавшіеся королемъ и являвшіеся посредниками между университетомъ и королевской властью. Внутреннее управленіе университета принадлежало коллегіи профессоровъ, во главѣ которой стоялъ ректоръ, утверждавшійся въ этой должности канцлеромъ; спеціальные вопросы по преподаванію разрѣшались въ факультетахъ, которые, совмѣстно съ ректоромъ, вырабатывали и планъ преподаванія на каждый предстоящій семестръ; планъ этотъ утверждался канцлеромъ и до начала занятій публиковался отдѣльной брошюрой. Профессора обязаны были читать какъ „публичныя" лекціи, такъ и вести частныя занятія (privatissima) со студентами, а также принимать участіе въ диспутахъ и произносить при разныхъ случаяхъ рѣчи. Университетъ представлялъ собою и судебное учрежденіе для его членовъ, какъ учащихъ, такъ и учащихся, при чемъ первой инстанціей былъ ректоръ, второй—коллегія профессоровъ, а третьей и послѣдней — канцлеръ. Посѣщеніе университета учащимися обезпечено было закономъ, по которому каждый, желавшій вступить на государственную службу или быть учителемъ въ государственной или частной школѣ, долженъ былъ выдержать соотвѣтственный экзаменъ въ университетѣ; кромѣ того, въ немъ обязанъ былъ подвергнуться особому коллоквіуму по части вѣроученія всякій, кто желалъ отправиться заграницу для продолженія своихъ занятій. На содержаніе университета назначено было ежегодно 5.333¼ рейхсталера, при чемъ эта сумма должна была получаться отъ доходовъ съ особо указанныхъ на то имѣній въ Ингерманландіи [1]).

Назначенный канцлеромъ университета генералъ-губернаторъ Іоаннъ Скитте, особой публикаціей отъ 21-го сентября 1632 года, опредѣлилъ день торжественнаго открытія его 15-го октября того же года. Торжество это въ назначенный день дѣйствительно состоялось— вѣроятно, въ зданіи бывшей „гимназіи" [2])—въ присутствіи канцлера,

183, не показанъ профессоръ этики. Болѣе подробно, но съ нѣкоторой разницей въ числѣ профессоровъ по факультетамъ, противъ указанныхъ источниковъ, см. въ Archiv für die Geschichte Liv-, Ehst- und Kurlands. B. VI. Reval. 1850, стр. 108—109.

[1]) *Schirren*, Zur Geschichte der schwedischen Universität in Livland. Mittheilungen aus dem Gebiete der Geschichte Liv-, Ehst- und Kurlands B. VII. Riga. 1854, стр. 7—8; *Backmeister*, назв. соч., стр. 183—184.

[2]) По словамъ *Бакмейстера*, назв. соч. стр. 178, гимназія помѣщалась „in dem gewesenen Jesuitencollegio in der Steinstrasse", но гдѣ именно было это мѣ-

профессоровъ, представителей лифляндскаго и эстляндскаго дворянства, городовъ Риги, Ревеля, Пернова, Нарвы и Дерпта, гофъ-герихта Лифляндіи, Ингерманландіи и Кореліи, духовенства и многочисленнаго собранія разныхъ другихъ приглашенныхъ лицъ. Первую рѣчь, на латинскомъ языкѣ, держалъ канцлеръ Іоаннъ Скитте, въ которой указывалъ на цѣли, руководившія королемъ при рѣшеніи преобразовать Дерптскую гимназію въ университетъ, и на средства достиженія этихъ цѣлей совокупными усиліями будущихъ членовъ новаго учрежденія; на эту рѣчь отъ имени университета отвѣчалъ профессоръ краснорѣчія М. Г. Ольденбургъ, выразившій благодарность королю за его высокій просвѣтительный подвигъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ желаніе и надежду, что вновь основанный университетъ будетъ въ состояніи выполнить то дѣло, къ которому онъ призывается волею монарха; далѣе слѣдовала проповѣдь профессора богословія А. Віргиніуса на текстъ изъ 117 псалма, послѣ которой профессоръ Г. Манцеліусъ произнесъ латинскую рѣчь на тему „о совѣсти". Затѣмъ, первымъ ректоромъ университета провозглашенъ былъ сынъ канцлера Яковъ Скитте, а проректоромъ профессоръ Віргиніусъ. Названныя части торжества отдѣлялись одна отъ другой музыкой соотвѣтствующаго характера. Кромѣ того, по окончаніи своей рѣчи канцлеръ университета предъявилъ и прочелъ упомянутую выше учредительную грамоту короля, а въ концѣ торжества ректору переданы были уставъ университета, книга матрикулъ, печать, ключъ отъ карцера, ректорская мантія и два серебряныхъ скипетра, какъ эмблема двойной, административной и судебной, власти главы университета [1]).

Первый шведскій университетъ въ Дерптѣ существовалъ 24 года. Основатель его скончался, какъ упомянуто, черезъ нѣсколько недѣль послѣ его открытія, и дальнѣйшая жизнь перваго высшаго разсадника наукъ въ Дерптѣ протекла первыя 12 лѣтъ (1632 — 1644) въ правленіе опекуновъ малолѣтней королевы Христины (род. 8-го декабря 1626), дочери Густава Адольфа, а потомъ 10 лѣтъ (1644—1654)

сто соотвѣтственно нынѣшнему плану города, съ точностью указать мы не имѣемъ возможности.

[1]) Объ этомъ торжествѣ мы знаемъ изъ упомянутой выше „реляціи" проф. *Меніуса*, бывшаго очевидцемъ этого событія и напечатавшаго свое описаніе тогда же, въ Дерптѣ въ 1632 году, отдѣльно; перепечатано оно цѣликомъ въ Archiv für die Geschichte Liv-, Ehst- und Kurlands. B. VII. Reval. 1854, стр. 242—271.

подъ самостоятельнымъ управленіемъ королевы; остальные два года (1654—1656) прошли подъ правленіемъ короля Карла X. Опекунское управленіе отнеслось весьма сочувственно къ университету, чтя въ немъ слѣды просвѣтительной дѣятельности Густава Адольфа; за университетомъ остались всѣ дарованныя ему королемъ-основателемъ матеріальныя средства и разныя права и привилегіи; въ 1639 и 1640 годахъ выстроено было для него новое зданіе [1]) и освящено 2-го ноября 1641 года; позднѣе королева пожертвовала университету собраніе книгъ весьма разнообразнаго содержанія по предметамъ, входящимъ въ составъ наукъ богословскихъ, медицинскихъ, юридическихъ и философскихъ.

Положенныя по штату профессуры для новаго университета не могли быть замѣщены сразу; нѣкоторыя лица занимали одновременно двѣ каѳедры. Изъ профессоровъ прежней гимназіи назначены были профессорами университета шесть лицъ (именно: Манцеліусъ, Ранкусъ, Савоніусъ, Ольденбургъ, Меніусъ и Варнеке); остальные приглашены были частію изъ Швеціи, но главнымъ образомъ изъ Германіи [2]); вообще въ первомъ шведскомъ университетѣ въ Дерптѣ, въ теченіе всего времени его существованія, въ составѣ профессоровъ значительное большинство принадлежало нѣмцамъ и меньшинство—шведамъ. Преподаваніе велось, по обычаю того времени, на латинскомъ языкѣ, который употреблялся въ извѣстныхъ случаяхъ и какъ языкъ офиціальныхъ документовъ; переписка университета съ канцлеромъ производилась частью по-нѣмецки, частью по-шведски, т.-е. именно обращенія университета къ канцлеру писались обыкновенно на нѣмецкомъ языкѣ, а обратныя—на шведскомъ [3]); въ устномъ обиходѣ универ-

[1]) Сколько можно заключать по планамъ стараго Дерпта, это зданіе находилось по теперешней Яковлевской улицѣ, противъ праваго крыла нынѣшняго главнаго университетскаго зданія, по лѣвую сторону отъ большой аллеи, ведущей отъ университета на Домскую гору; въ настоящее время мѣсто это не застроено и составляетъ часть парка Домской горы. Сообщеніемъ картъ и разъясненіями въ указанномъ смыслѣ обязанъ я любезности университетскаго архитектора Р. Ф. Гулеке.

[2]) Перечень ихъ именъ, съ біографическими данными и указаніями на ихъ труды, имѣется у *Сommeліуса* въ назв. соч. стр. 158—291, а также въ статьѣ *А. Бухгольца* „Verzeichniss sämmtlicher Professoren der ehemaligen Universitäten zu Dorpat und Pernau und der academischen Beamten“, въ Mittheilungen aus dem Gebiete der Geschichte Liv-, Ehst- und Kurlands. B. VII, стр. 168—175.

[3]) *Aug. Buchholtz*, назв. ст., стр. 177.

ситетской жизни рядомъ съ тремя названными языками употреблялся еще и финскій.

Вызовъ изъ-за границы нѣмецкихъ ученыхъ для перваго шведскаго университета въ Дерптѣ объясняется не столько давними историческими связями Ливоніи съ Германіей, сколько тогдашней скудостью ученыхъ силъ въ самой Швеціи. Шведское правительство смотрѣло на Ливонію какъ на завоеванную силою оружія страну, и это обстоятельство, въ связи съ духомъ обособленности нѣмецкаго элемента въ краѣ, было одной изъ немаловажныхъ причинъ того обоюднаго отчужденія двухъ національностей, которое на первыхъ же порахъ не замедлило явиться въ профессорской средѣ новаго университета; къ этому присоединилось самолюбіе, обидчивость, невоздержность въ словахъ и поступкахъ и извѣстная эксцентричность, особенно свойственная ученому сословію того времени; наконецъ—разнаго рода денежные счеты, соперничество изъ-за постороннихъ должностей, въ виду недостаточной обезпеченности жалованьемъ; все это вмѣстѣ давало множество поводовъ къ столкновеніямъ между собою членовъ университетской ученой корпораціи, нерѣдко влекшимъ за собою жалобы и разнаго рода обращенія къ высшему начальству въ лицѣ канцлера [1]).

Дѣйствительно, матеріальное положеніе университета было весьма непрочно и средства недостаточны. Доходы съ имѣній въ Ингерманландіи, долженствовавшіе идти на содержаніе университета, съ самаго же начала оказались невѣрными: арендаторы запаздывали уплатой, и это самымъ чувствительнымъ образомъ отражалось на университетской казнѣ, не имѣвшей другихъ ресурсовъ; поэтому, уже въ 1635 году правительство, управлявшее имѣніями черезъ особыхъ чиновниковъ, чтобы снять съ себя отвѣтственность за неаккуратную доставку университетскихъ суммъ, передало управленіе названными имѣніями самому университету; но отъ этого главная причина неудобнаго положенія вещей нисколько не была устранена, а на университетъ взвалена была посторонняя для его прямыхъ задачъ обязанность управлять отдаленными имѣніями, при чемъ онъ по прежнему долженъ былъ подвергаться всѣмъ случайностямъ неаккуратнаго поступленія арендной платы, такъ что вскорѣ управленіе имѣніями снова перешло къ казнѣ, и правительство обѣщало выплачивать университету поло-

[1]) О нѣкоторыхъ подобныхъ случаяхъ разсказываетъ *Ширренъ* въ наз. соч. Zur Geschichte der schwedischen Universität in Livland, стр. 8—13.

женную на его содержаніе сумму въ извѣстный срокъ наличными деньгами, независимо отъ имѣній [1]). Впрочемъ, обѣщаніе это въ полной мѣрѣ не было выполнено. Жалованье профессоровъ было весьма скудное [2]) и часто не выплачивалось въ срокъ; нерѣдко вмѣсто денегъ платили натурою—рожью и пшеницей, при чемъ расчетъ производился по цѣнамъ стокгольмскаго рынка, которыя были выше цѣнъ дерптскихъ [3]); поэтому, многіе изъ профессоровъ принуждены были искать другихъ занятій: для богослововъ открыты были городскія пасторскія мѣста, юристамъ—засѣданіе въ королевскомъ гофъ-герихтѣ, а члены философскаго факультета брали на себя обязанности секретаря, казначея, управителя университетскихъ имѣній, библіотекаря и т. п. Кромѣ того, профессора не отказывались и отъ разнаго рода частныхъ занятій, а нѣкоторые изъ нихъ пользовались первымъ удобнымъ случаемъ, чтобы покинуть службу въ университетѣ для какого-нибудь болѣе обезпечивающаго положенія. Иные изъ профессоровъ отягощены

---

[1]) *Backmeister*, назв. соч., стр. 184—185. Нѣкоторые относящіеся сюда документы напечатаны у *Бухгольца* въ Verzeichniss sämmtlichen Professoren... и т. д. стр. 213—214, 219—222, 228—238.

[2]) Вотъ штатъ, утвержденный 20-го августа 1688 года: первому профессору (ординарному) богословія—500 рейхсталеровъ, второму профессору (экстраординарному) богословія—350, первому профессору юридическихъ наукъ—400, второму профессору юридическихъ наукъ—300, профессору медицины—350, исторіи и политики—400, ораторскаго искусства и поэзіи—400, логики и этики—400, физики и астрономіи—400, геометріи и ариѳметики—400, еврейскаго и греческаго языковъ—400, секретарю—50, казначею—150, двумъ управляющимъ университетскими имѣніями—800, двумъ педелямъ—50, типографщику—50, всего—4.900 рейхсталеровъ (*Buchholtz*, назв. соч. стр. 225—226). Какъ примѣненъ былъ этотъ штатъ къ опредѣленнымъ лицамъ, видно изъ таблицы расходовъ университета, относящейся къ 1654 году; дѣйствительная цифра расходовъ выставлена тутъ 8.700 рейхсталеровъ, что̀ объясняется съ одной стороны назначеніемъ особой стипендіальной суммы (на 80 студентовъ) 2.800 рт., а съ другой—нѣкоторыми измѣненіями и дополненіями къ штату: напримѣръ, за исполненіе обязанностей библіотекаря одинъ профессоръ получалъ 100 рт. добавочныхъ, казначей получалъ не 150, а 200 рт.; положено было на увеличеніе библіотеки 150 рт.; имѣлся, кромѣ двухъ профессоровъ на богословскомъ факультетѣ, еще „адъюнктъ богословія", котораго обязанности возложены были, впрочемъ, на профессора логики и этики М. П. Линденіуса съ особымъ вознагражденіемъ въ 150 рт.; подобное совмѣщеніе должностей въ одномъ лицѣ бывало и въ другихъ случаяхъ: профессоръ физики и астрономіи Д. І. Штернштраль былъ въ то же время профессоромъ права, съ прибавкой за послѣднюю должность 200 рт.; профессоръ исторіи и политики М. О. Вексіоніусъ занималъ въ то же время и каѳедру краснорѣчія, съ прибавкой въ 800 рт. и т. д. (*Schirren*, назв. соч., стр. 43).

[3]) Dörptsche Studentenleben im XVII Jahrhundert. Inland 1852, № 42, ст. 791.

были большими долгами, и былъ даже случай, когда одинъ изъ нихъ, исполнявшій обязанности библіотекаря, стѣсненный денежными затрудненіями, прибѣгъ къ самовольному позаимствованію изъ библіотечныхъ средствъ недоданной ему части жалованья [1]).

Въ полномъ соотвѣтствіи со скудостью денежныхъ средствъ находилось и состояніе учебно-вспомогательныхъ учрежденій университета и разнаго рода коллекцій предметовъ, необходимыхъ для преподаванія, а также библіотеки; несмотря на упомянутое выше пожертвованіе королевы Христины, библіотека даже къ концу существованія перваго университета въ Дерптѣ, по позднѣйшей описи 1688 года, заключала въ себѣ сравнительно лишь весьма небольшое книжное собраніе [2]).

Что касается учащихся, то въ годъ открытія университета имматрикулировано было 84 студента, въ слѣдующемъ 1633 году—44 [3]), въ 1634 году—30 и т. д. По подсчету *Ширрена*, на основаніи подлинныхъ именныхъ списковъ студентовъ, имматрикулированныхъ за годы съ 1632 по 1656, когда первый шведскій университетъ въ Дерптѣ прекратилъ свое существованіе [4]), выходитъ, что за указанный промежутокъ времени имматрикулировано было: изъ Швеціи и Финляндіи—595, изъ Лифляндіи, Эстляндіи и Курляндіи—310, изъ-за границы —106, а всего—1011 [5]). По національности и мѣсту происхожденія составъ студентовъ былъ, какъ видно, въ большинствѣ шведскій, и такимъ образомъ численное отношеніе въ университетѣ двухъ національностей, нѣмецкой и шведской, среди учащихся было обратное отношенію этихъ національностей между профессорами: профессоровъ было больше нѣмцевъ, а студентовъ шведовъ; что касается учащихся,

---

[1]) *Schirren*, назв. соч., стр. 14.

[2]) *Schirren*, назв. соч., стр. 15—16, 47—62.

[3]) Извѣстіе Адама Олеарія, который проѣзжалъ черезъ Дерптъ 28 — 29-го декабря 1633 года, что тогда въ университетѣ студентовъ было „всего 10 шведовъ и нѣсколько человѣкъ изъ чуди (Finnen)“, явно неточно и объясняется, быть можетъ, отсутствіемъ въ эти дни студентовъ въ Дерптѣ по случаю зимнихъ вакацій. Подробное описаніе путешествія Голштинскаго посольства въ Московію въ 1633, 1636 и 1638 годахъ, составленное секретаремъ посольства *Адамомъ Олеаріемъ*. Пер. съ нѣм. *Павелъ Барсовъ*. М. 1870, стр. 12—18. Ср. (*Th. Beise*), Die Kaiserliche Universität Dorpat während der ersten fünfzig Jahre ihres Bestehens und Wirkens. Dorpat (1853), стр. 10, прим. 16.

[4]) Опубликованы *Ѳ. Бейзе* въ Mittheilungen aus dem Gebiete der Geschichte Liv-, Ehst- und Kurlands. B. VIII. Riga 1857, стр. 150—188.

[5]) Inland, 1857, № 21, ст. 354.

пріѣхавшихъ изъ-за границы, то между ними были изъ Помераніи, Бранденбурга, Мекленбурга, Голштиніи, Вестфаліи, Саксоніи, Австріи, Седмиградія и т. д. [1]). Соотвѣтственно указанному отношенію двухъ національностей среди учащихся, изъ 202 диссертацій, вышедшихъ изъ-подъ пера воспитанниковъ перваго шведскаго университета въ Дерптѣ съ 1632 по 1655 годъ и перечисленныхъ у *Соммеліуса* [2]), около 170 принадлежатъ студентамъ изъ Швеціи и Финляндіи и только около 30—студентамъ мѣстнаго происхожденія и нѣкоторымъ иностранцамъ [3]). Причины этого сравнительно слабаго посѣщенія университета мѣстной молодежью лежали, главнымъ образомъ, въ томъ, отчасти скрытомъ, нерасположеніи, съ которымъ встрѣчено было мѣстнымъ дворянствомъ основаніе шведскаго университета въ Дерптѣ и въ нежеланіи сближаться съ офиціально господствующей національностью въ краѣ; поэтому, многіе дворяне продолжали отсылать своихъ сыновей учиться въ заграничные, главнымъ образомъ нѣмецкіе университеты, слѣдуя въ этомъ старой привычкѣ, установившейся еще съ XV вѣка [4]); не мало нѣмецкихъ семействъ въ это время переселилось заграницу. Съ другой стороны, и шведское правительство склонно было давать разнаго рода преимущества представителямъ своей національности, особенно при распредѣленіи казенныхъ должностей въ краѣ, право на которыя для всѣхъ обусловлено было университетскимъ дипломомъ; то же самое наблюдалось и въ присужденіи стипендій и пособій между студентами университета [5]).

Указанныя неблагопріятныя обстоятельства жизни перваго шведскаго университета въ Дерптѣ могли уступить дѣйствію времени въ будущемъ, при необходимомъ условіи продолжительныхъ и крѣпкихъ связей Швеціи съ присоединеннымъ краемъ; антагонизмъ національностей могъ смягчиться путемъ обоюднаго пониманія и вѣрной оцѣнки себя и другихъ, внесеніемъ справедливости во взаимныя отношенія съ той и другой стороны; денежные недостатки представляли наи-

---

[1]) *Backmeister*, назв. соч., стр. 185—186.

[2]) Назв. соч., стр. 49—68.

[3]) *Schirren*, Zur Geschichte der schwedischen Universität in Livland, стр. 8.

[4]) См. *Aug. Seraphim*, Liv-, Est- und Kurländer auf der Universität zu Königsberg i. Pr. Th. I—II. Ein Beitrag zur baltischen Bildungsgeschichte, въ Mittheilungen aus dem Gebiete der Geschichte Liv-, Est- und Kurlands. B. XVI. Riga, 1896, стр. 1—261, 337—514.

[5]) См. списокъ именъ студентовъ, допущенныхъ къ пользованію дешевымъ казеннымъ столомъ, передъ самымъ открытіемъ университета: *Buchholtz*, Verzeichniss sämmtlicher Professoren... и т. д. стр. 288—289.

меньшую трудность для ихъ устраненія. Но для всего этого нужно было именно время; а между тѣмъ не прошло и полной четверти столѣтія, не успѣло вырости даже одного новаго поколѣнія людей, какъ Ливонія снова сдѣлалась ареной войны, и ей опять приходилось ожидать новаго рѣшенія судьбы въ смыслѣ характера своего политическаго существованія. Дѣйствительно, въ августѣ 1656 года царь Алексѣй Михайловичъ, вступивъ въ борьбу съ Карломъ X, лично явился во главѣ своего войска для осады города Риги, а князь Трубецкой съ 40.000-мъ отрядомъ отправленъ былъ для взятія Дерпта; несмотря на то, что осада Риги оказалась неудачной и была вскорѣ снята, Дерптъ 12-го октября 1656 года капитулировалъ передъ русскими войсками, въ виду крайней слабости находившагося въ немъ гарнизона и измѣны со стороны нѣкоторыхъ его жителей [1]).

Этимъ положенъ былъ конецъ шведскому владычеству въ Дерптѣ, а вмѣстѣ съ тѣмъ прекратили свое существованіе и находившіяся въ немъ шведскія государственныя учрежденія, въ томъ числѣ и университетъ. Профессора и студенты разошлись въ разныя стороны, кто куда хотѣлъ или могъ. Университетская библіотека и типографія были замурованы, во время осады города, въ подвалахъ церкви св. Маріи, гдѣ и найдены потомъ, по указанію проф. І. Г. Гезеліуса въ 1688 году; эта церковь, нынѣ не существующая (на ея мѣстѣ стоитъ теперь правое крыло нынѣшняго главнаго зданія университета), дала въ своихъ стѣнахъ пріютъ университету и до постройки особаго зданія для него въ 1641 году [2]).

Первый латино-шведскій университетъ въ Дерптѣ, существовавшій 24 года, выпустилъ изъ своихъ стѣнъ не мало лицъ, которыя занимали потомъ тѣ или другія государственныя должности въ краѣ, а нѣкоторыя изъ нихъ являются и въ числѣ профессоровъ второго шведскаго университета въ Дерптѣ и Перновѣ.

2. Второй латино-шведскій университетъ въ Дерптѣ и Перновѣ (1690—1710).

Дерптъ оставался на этотъ разъ въ русскихъ рукахъ недолго. 13-го февраля 1660 года умеръ шведскій король Карлъ X, и ему наслѣдовалъ сынъ его Карлъ XI, бывшій тогда въ дѣтскомъ возрастѣ;

---

[1]) *Соловьевъ*, Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ, кн. II, 1698.

[2]) *Schirren*, Zur Geschichte der schwedischen Universität in Livland, стр. 15; *Backmeister*, назв. соч., стр. 185.

правленіе страною перешло къ регентамъ, которые и поспѣшили заключить миръ со всѣми государствами, съ которыми въ предшествующее царствованіе Швеція вела войну; 21-го іюня 1661 года подписанъ былъ въ Кардисѣ съ Россіей мирный договоръ, по которому Дерптъ былъ уступленъ обратно Швеціи.

Тогда шведское правительство снова стало думать о возстановленіи университета, но мысль эта получила осуществленіе нескоро.

Послѣ погрома 1656 года нѣкоторые изъ профессоровъ перекочевали въ Ревель, оставшійся во власти шведовъ, и пытались продолжать тамъ свою академическую дѣятельность: таковы были, напр., богословъ А. Виргиніусъ и Г. Эльверингъ, философъ Г. Прейссіусъ, математикъ I. Шеленіусъ [1]). Нельзя сказать, чтобы эта дѣятельность въ Ревелѣ была совершенно частная; названные профессора пользовались покровительствомъ и содѣйствіемъ, хотя и не единодушнымъ, шведскихъ государственныхъ и городскихъ ревельскихъ властей; по прежнему велись матрикулы вновь поступающимъ студентамъ, которыхъ было, впрочемъ, весьма немного: въ 1657 году—5, въ 1658—6, въ 1659—2, въ 1660—8, въ 1661—15 и т. д., а всего за годы съ 1657 по 1665—49 человѣкъ [2]). Преподаваніе велось тутъ по весьма немногимъ предметамъ, безъ надлежащихъ приспособленій, отрывочно и безъ общаго плана; это была, такъ сказать, агонія смерти закончившаго свою дѣятельность перваго шведскаго университета въ Дерптѣ, послѣдніе остатки потухавшей жизни.

Первый серьезный шагъ шведскаго правительства къ возобновленію университета относится къ 1665 году, когда послѣдовалъ королевскій указъ на имя генералъ-губернатора Лифляндіи сдѣлать объ этомъ соотвѣтствующее представленіе, запросивъ предварительно мнѣніе рыцарства и другихъ сословій страны; въ томъ же году со стороны регентства, управлявшаго государствомъ во время малолѣтства короля Карла XI (1660—1697), послѣдовало обращеніе къ мѣстнымъ жителямъ о назначеніи будущему университету необходимыхъ средствъ въ видѣ доходныхъ участковъ земли въ Эстляндіи и Ингерманландіи;

---

[1]) Интересныя подробности объ этомъ переданы въ статьѣ *I. Ф. Зиберта*, Vorlesungen Dorpatschen Professoren zu Reval im Jahre 1657 въ Archiv für die Gesehcihte Liv-, Est- und Kurlands. B. VII. Reval 1850, стр. 105—108.

[2]) Mittheilungen. B. VIII, стр. 187—188. Такимъ образомъ, если присоединить эту цифру къ указанной выше общей суммѣ 1011 за годы 1632—1656, то получится общее число всѣхъ имматрикулированныхъ въ первомъ шведскомъ университетѣ въ Дерптѣ и Ревелѣ—1060.

мысль эта занимала шведское правительство и въ 1667 году, при чемъ вопросъ о мѣстѣ возобновленія университета сразу же получилъ направленіе въ пользу Пернова сравнительно съ Дерптомъ. Въ предпочтеніи Пернова Дерпту въ глазахъ правительства наибольшую роль играло, вѣроятно, удобство сообщенія этого города съ Швеціей моремъ и связанная съ этимъ большая независимость отъ мѣстныхъ условій, а также сравнительная безопасность отъ вражескаго вторженія съ востока. Къ предварительной разработкѣ вопроса особенно привлечены были генералъ-губернаторъ графъ Тоттъ и генералъ-суперинтендентъ Прейссіусъ, которые, по тогдашнему обычаю, имѣлись въ виду первый—на должность канцлера, а второй вице-канцлера будущаго университета; они въ особенности заняты были изысканіемъ необходимыхъ матеріальныхъ средствъ и высшимъ наблюденіемъ за ходомъ работъ по постройкѣ новаго университетскаго зданія. Но дѣло въ общемъ подвигалось весьма слабо. Въ виду плохого состоянія государственныхъ финансовъ Швеціи, истощенныхъ продолжительными и дорого стоившими войнами, шведская казна не могла выдѣлить изъ себя для университета нужныхъ средствъ; начатая еще въ предшествовавшее царствованіе „редукція" въ пользу казны дворянскихъ имѣній продолжалась и при Карлѣ XI и, разумѣется, всего менѣе могла расположить болѣе обезпеченные классы населенія къ какой-либо добровольной жертвѣ; начатая постройка университетскихъ зданій въ Перновѣ не могла идти успѣшно столько же по недостатку отпускаемыхъ средствъ, сколько и по безпорядочности веденія самого дѣла, встрѣчавшаго на своемъ пути постоянныя затрудненія и задержки; дѣло не обходилось и безъ денежныхъ растратъ и разнаго рода злоупотребленій со строительнымъ матеріаломъ [1]).

Болѣе энергическій ходъ дѣлу данъ былъ лишь въ 1687 году, при чемъ весьма заинтересованнымъ лицомъ въ немъ явился самъ король Карлъ XI, объявленный въ 1672 году совершеннолѣтнимъ и, по устраненіи регентства, проявившій наклонность къ самостоятельному управленію государственными дѣлами. Обративши вниманіе на заброшенный было вопросъ объ университетѣ въ Лифляндіи, король пожелалъ поставить его какъ-бы заново, и потребовалъ отъ генералъ-губернатора графа Гастфера мнѣнія о томъ, гдѣ предпочтительнѣе возобновить университетъ — въ Перновѣ или въ Дерптѣ. Гастферъ отнесся къ вопросу съ большимъ вниманіемъ и старался разсмотрѣть

[1]) *Schirren*, назв. соч. стр. 21—24.

его, повидимому, совершенно независимо отъ какихъ-либо вліяній и по возможности съ разныхъ сторонъ: признавая за Дерптомъ преимущество центральнаго положенія въ странѣ и удобство доставленія средствъ продовольствія для будущихъ академическихъ гражданъ, онъ находилъ однако же, что городъ этотъ слишкомъ разоренъ, плохо укрѣпленъ на случай нападенія врага, и въ немъ нѣтъ готоваго университетскаго зданія [1]), тогда какъ Перновъ послѣднимъ условіямъ удовлетворяетъ лучше, и потому онъ высказался за Перновъ [2]). Не трудно однако же видѣть, что въ этомъ рѣшеніи немалую роль играли матеріальныя соображенія и боязнь передъ обременительными расходами, которыхъ такъ боялся бережливый король, а этого, конечно, не могъ не имѣть въ виду Гастферъ. Къ обсужденію вопроса привлечено было и еще одно лицо, генералъ-суперинтендентъ Фишеръ, который высказалъ мнѣніе, что лучшимъ мѣстомъ для возобновляемаго университета была бы Рига [3]). Но король не согласился ни съ тѣмъ, ни съ другимъ мнѣніемъ своихъ совѣтниковъ; собственной волею рѣшилъ онъ вопросъ въ пользу Дерпта, мотивируя это рѣшеніе (отъ 18 марта 1688 года) тѣмъ, что въ Дерптѣ уже былъ университетъ, что тамъ находится въ настоящее время королевскій гофъ-герихтъ, а также и другими „обстоятельствами", на которыя король точно не указывалъ [4]); быть можетъ, подъ послѣдними онъ разумѣлъ необходи-

---

[1]) Зданіе перваго университета въ Дерптѣ сгорѣло, вѣроятно, въ 1686 году: *Backmeister*, назв. соч., стр. 190.

[2]) *Fr. Bienemann jun.*, Zur Gründungsgeschichte der zweiten schwedisch-livländischen Universität in Dorpat. Mittheilungen aus dem Gebiete der Geschichte Liv-, Est- und Kurlands. B. XV. Riga 1893, стр. 399—401, 404.

[3]) Въ несомнѣнной связи съ этими разсужденіями находится одинъ современный, точно не датированный, документъ, въ видѣ черновой записки, въ которой разсматриваются достоинства и недостатки Пернова, Дерпта и Риги примѣнительно къ вопросу о мѣстѣ возобновленія университета. Выходя изъ той мысли, что избранный для этой цѣли городъ долженъ: 1) во время войны и мира представлять безопасность для студентовъ, 2) обладать дешевизной жизненныхъ продуктовъ, 3) располагать здоровымъ воздухомъ и водой, 4) имѣть достаточное количество квартиръ для студентовъ и 5) представлять возможность учащимся находить хорошее общество среди жителей,—неизвѣстный авторъ высказывается за то, что, въ противоположность Пернову и Дерпту, Рига удовлетворяетъ всей совокупности указанныхъ условій и потому всего болѣе имѣетъ право на учрежденіе въ ней университета: Die Universität in Livland. Ein deutsches Brouillon vom Jahre 1687, ohne Datum, aus den Acten, die im Regierungsarchiv in Riga aufbewahrt werden. *Inland* 1852 № 47, ст. 869—871.

[4]) *Fr. Bienemann*, назв. соч., стр. 409—410.

мость сдѣлать пріятное вліятельному въ странѣ лифляндскому дворянству и въ то же время болѣе естественнымъ образомъ поставить университетъ въ желательную для короля матеріальную зависимость этого учрежденія отъ мѣстнаго населенія.

Когда, такимъ образомъ, мѣсто для университета было окончательно выбрано, Гастферъ занялся обсужденіемъ вопроса объ университетскомъ зданіи въ Дерптѣ, т.-е. слѣдуетъ ли возстановить старое или построить новое; и тутъ король, выходя главнымъ образомъ изъ экономическихъ соображеній, самъ рѣшилъ вопросъ въ первомъ смыслѣ. 28 января 1689 года утвержденъ былъ королемъ уставъ возобновленнаго университета [1]). Въ томъ же году Гастферъ назначенъ былъ канцлеромъ университета, и 18 августа 1690 года произошло торжественное его открытіе въ присутствіи многочисленныхъ депутатовъ отъ дворянства, духовенства, городского сословія и немалаго числа приглашенныхъ частныхъ лицъ [2]).

Возобновленный университетъ получилъ названіе Academia Gustavo-Carolina, указывая этимъ на свою преемственную связь съ созданіемъ короля Густава Адольфа, чему, очевидно, придавалъ значеніе и самъ Карлъ XI, какъ это видно изъ приведенной выше мотивировки имъ своего рѣшенія возобновить университетъ именно въ Дерптѣ. Нельзя отрицать, что характеръ и условія существованія второго университета были тѣ же, что и перваго, но органическая связь обоихъ университетовъ была въ дѣйствительности весьма ничтожной. Отъ перваго университета въ Дерптѣ въ наслѣдство второму не осталось ничего, кромѣ обгорѣлыхъ стѣнъ стараго зданія, реставрированнаго заново, да развѣ части типографіи и библіотеки, оставшейся отъ перваго университета, въ 1656 году замурованной и теперь снова найденной въ подвалахъ церкви св. Маріи, которая въ 1689 и 1690 годахъ, какъ и раньше въ 1639 и 1640 годахъ, дала временный пріютъ университетскимъ занятіямъ, до офиціальнаго открытія новаго университета.

Второй шведскій университетъ въ Лифляндіи существовалъ нѣсколько менѣе перваго, всего 20 лѣтъ. Эта двадцатилѣтняя жизнь его распадается на двѣ, почти равныя, части, изъ которыхъ первая прошла въ Дерптѣ, а вторая въ Перновѣ. Уже самъ сторонникъ во-

---

[1]) Въ цѣломъ видѣ до насъ не дошедшій: *Bienemann*, стр. 417; *Backmeister*, стр. 194—196, *Buchholtz*, стр. 178, 289—246.

[2]) *Backmeister*, назв. соч., стр. 191—198.

зобновленія университета въ Дерптѣ король Карлъ XI усмотрѣлъ въ 1695 году, въ виду надвигавшейся военной грозы, необходимость перенесенія университета въ Перновъ; но выполненіе этого дѣла выпало на долю его преемника на шведскомъ престолѣ, знаменитаго Карла XII (1697—1718); несмотря на то, что въ это время раздавались голоса, шедшіе особенно изъ профессорской среды, за перенесеніе университета въ Ревель, воля короля рѣшила въ пользу Пернова, гдѣ уже для университета былъ построенъ домъ, обращенный потомъ въ складъ казенныхъ вещей и въ помѣщеніе для смирительнаго дома, а теперь снова предназначенный для роли храма науки. 17 іюня 1699 года послѣдовалъ на имя генералъ-губернатора Лифляндіи графа Эрика Дальберга, какъ канцлера университета, королевскій указъ о предстоящемъ перенесеніи университета въ Перновъ; 25-го іюля того же года профессоръ краснорѣчія говорилъ въ университетѣ въ Дерптѣ прощальную рѣчь „de migratione litterarum", а 28-го августа 1699 года состоялось уже торжественное открытіе университетскихъ занятій въ Перновѣ, при чемъ канцлеръ говорилъ соотвѣтствующую случаю рѣчь.

Изъ учащагося въ Дерптѣ юношества только весьма немногіе перекочевали за своими профессорами для продолженія занятій въ Перновъ; большая часть отправилась для этой цѣли въ Швецію или за границу; причина этого заключалась главнымъ образомъ въ тѣхъ тревожныхъ обстоятельствахъ, при которыхъ происходило самое переселеніе въ Перновъ, и которыя не давали никакой гарантіи для спокойнаго продолженія ученья. Дѣйствительно, въ томъ же 1699 году заключенъ былъ Даніей, Россіей и Польшей секретный договоръ для совмѣстныхъ военныхъ дѣйствій противъ Карла XII, а въ февралѣ слѣдующаго 1700 года началась „сѣверная война", поглотившая всѣ силы и вниманіе шведскаго правительства, которое въ это время не могло уже думать объ университетѣ въ Лифляндіи; самая судьба послѣдней опять представлялась загадкой для будущаго. Предоставленный собственнымъ слабымъ силамъ, университетъ въ Перновѣ влачилъ еще десять лѣтъ свое печальное существованіе. Лѣтомъ 1704 года взяты были русскими Дерптъ и Нарва, при чемъ царь Петръ принималъ личное участіе въ осадѣ и взятіи перваго города [1]). Въ іюлѣ 1710 года капитулировала передъ русскими войсками Рига [2]),

[1]) *Соловьевъ*, Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ, кн. III, 1275—1276.
[2]) Тамъ же, IV, 38.

при чемъ въ предварительныхъ условіяхъ капитуляціи, заключенныхъ 4—15 іюля 1710 года между фельдмаршаломъ Шереметевымъ и лифляндскимъ дворянствомъ, земскими и городскими людьми, находился слѣдующій (4) §: „Университетъ въ Лифляндіи, понеже оной довольными доходами и маетностями снабденъ, дабы по прежнему остался и всегда имѣлъ искусныхъ профессоровъ Лютерскаго закона, и чтобъ для выгоды шляхетскихъ младыхъ людей во ономъ университетѣ учители языковъ и экзерцицій опредѣлены были". Русскій отвѣтъ былъ таковъ: „Сколь скоро помощіею Божіею городъ Перновъ подъ владѣніе Его Царскаго Величества приведенъ будетъ, то Его Величество университета выгоды и привиллегіи, ежели оный во время приступа къ городу не противенъ учинится и ни во что вступаться не будетъ, паче распространитъ, нежели убавитъ, и того смотрѣть будетъ, чтобъ университетъ всегда искусными профессорами, такожде и учителями языковъ и экзерцицій снабденъ былъ; понеже Его Царское Величество изъ своихъ собственныхъ государствъ и земель младыхъ людей для обученіи туда посылать будетъ, для лучшей славы онаго университета. Чего ради Высокопомянутому Его Царскому Величеству свободное отправленіе греческаго закона предоставляется. А ежели городъ не съ договоромъ, но штурмомъ взятъ будетъ и принадлежащіе къ университету персоны оборону учинятъ, то съ ними такъ, какъ со всѣми прочими городскими обыватели, по образу и обыкновенію воинскому, поступлено будетъ" [1]). Несмотря на такой въ высшей степени благопріятный для будущности университета отвѣтъ, судьба университета рѣшена была въ совершенно обратномъ смыслѣ; по выраженію одного историка, профессора „пожелали скорѣе дать погибнуть полезному учрежденію, чѣмъ подвергнуться малѣйшимъ неудобствамъ военнаго времени" [2]): еще до осады Пернова профессора поспѣшили оставить городъ и университетъ и уѣхать въ Швецію, взявъ съ собою библіотеку и многіе документы университетскаго архива. 21-го августа 1710 года Перновъ былъ взятъ русскими войсками подъ начальствомъ генерала Бауэра. Что взглядъ, выраженный въ русскомъ отвѣтѣ на упомянутый выше пунктъ объ университетѣ, составлялъ глубокое убѣжденіе самого царя, видно изъ резолюціи Петра I по поводу этого пункта, отъ 12-го октября 1710 года: „На прошеніе о содержаніи академіи или высокой школы въ Перновѣ въ добромъ состояніи: позволяетъ Его Царское Величество своему вѣр-

[1]) Полное собраніе законовъ, т. IV, № 2276, стр. 521.

[2]) *Backmeister*, назв. соч., стр. 202.

ному Рыцарству, что они съ верховнымъ консисторіемъ своимъ искусныхъ профессоровъ назначать и предлагать могутъ: и тогда Его Величество о ихъ призваніи такое попеченіе прилагать изволитъ, чтобъ высокая школа благоснабдена была, якоже объ оной совершенномъ и довольномъ учрежденіи и содержаніи Его Царское Величество все чинить будетъ; но при томъ оставляетъ себѣ особливаго профессора въ высокой школѣ учредить, которой словянскому языку обучати и оной бы тамъ ввести могъ" [1]).

Такъ закончилъ свое существованіе второй латино-шведскій университетъ въ Дерптѣ и Перновѣ. Но мы вернемся нѣсколько назадъ, чтобы сообщить нѣкоторыя свѣдѣнія о характерѣ его внутренней жизни.

Нѣкоторые профессора приглашены были еще въ 1688 году, какъ профессоръ логики, метафизики, физики и морали Г. Сіобергъ или богословъ О. Мобергъ [2]); другіе же не замедлили въ скоромъ времени къ нимъ присоединиться [3]). Составъ каѳедръ второго университета былъ скуднѣе, нежели перваго; тутъ на всѣ четыре факультета полагалось только 11 профессоровъ: 3—на богословскій, 6—на философскій и по одному на юридическій и медицинскій [4]); кромѣ того, были учителя французскаго и итальянскаго языковъ, рисованія, фехтованія, танцевъ [5]). На содержаніе университета въ общемъ положена была приблизительно та же сумма, что и на первый университетъ въ Дерптѣ, но такъ какъ стипендіальная сумма была опредѣлена вдвое меньше, а съ другой стороны было меньше профессоровъ, то матеріальная сторона каждаго изъ нихъ была обставлена нѣсколько лучше, чѣмъ ихъ товарищей полвѣка назадъ [6]). Тѣмъ не менѣе теперь, какъ и тогда, они прибѣгали къ занятію постороннихъ ихъ

---

[1]) Полное собраніе законовъ, т. IV, № 2304, стр. 579. Ср. *Schirren*, Die Capitulationen der livländischen Ritter-und Landschaft und der Stadt Riga vom 4 Juli 1710 nebst deren Confirmationen. Dorpat 1865, стр. 37—38. 54; *Buckmeister*, назв. соч. стр. 201—202. 203.

[2]) *Buchholtz*, Verzeichniss... и т. д. стр. 183. 187.

[3]) Перечень ихъ именъ съ извѣстіями объ ихъ жизни и служебной дѣятельности, а также и другихъ членовъ служебнаго персонала второго университета, см. у *Buchholtz'a*, назв. соч., стр. 182—199.

[4]) (*Th. Beise*), Die Kaiserliche Universität Dorpat, стр. 13 прим. 22.

[5]) *Buchholtz*, назв. соч., стр. 194—195.

[6]) Вотъ штатъ 1699—1710 годовъ, заключающій въ себѣ впрочемъ не 11, а только 10 профессоровъ: старшему профессору богословія—1.000 рейхсталеровъ, двумъ младшимъ профессорамъ богословія — по 600, профессору права — 500,

прямымъ обязанностямъ должностей. На этотъ разъ большинство профессоровъ были шведы, а меньшинство—нѣмцы; по расчету *Ширрена* [1]), въ то время какъ въ первомъ университетѣ изъ 24 профессоровъ было только 7 шведовъ, во второмъ университетѣ изъ 28—только 4 нѣмца, да и то изъ нихъ лишь трое вступили въ дѣйствительную службу: М. Дау, Д. Эбергардъ и Я. Вильде. Національное нерасположеніе тѣмъ не менѣе и здѣсь находило себѣ пищу, выражаясь нерѣдко весьма грубо или пользуясь для преобладанія надъ противникомъ сомнительными въ нравственномъ отношеніи средствами.

Положенныя на содержаніе университета деньги должны были получаться съ дохода отъ имѣній, лежавшихъ недалеко отъ Дерпта, и управленіе этими имѣніями принадлежало университету. Деньги поступали неаккуратно, и система эксплоатаціи имѣній мѣнялась; одно время, взамѣнъ жалованья деньгами, каждый профессоръ надѣленъ былъ землей, съ лѣсомъ и лугами и двумя крестьянами—батраками, и долженъ былъ вести, такимъ образомъ, свое хозяйство за собственный счетъ и страхъ [2]). Этотъ порядокъ вещей, сходный во многомъ съ тѣмъ, что было при первомъ университетѣ, повлекъ за собою тѣ же послѣдствія; университетъ въ сущности не могъ быть увѣренъ въ полученіи и этой малой суммы, которая была ему ассигнована, и постоянно находился въ зависимости отъ постороннихъ обстоятельствъ.

О преподавательской дѣятельности профессоровъ второго университета мы такъ же мало знаемъ, какъ и относительно перваго. Латинскій языкъ, какъ и въ первомъ университетѣ, оставался языкомъ преподаванія, но въ роли языковъ шведскаго и нѣмецкаго, при офиціальномъ ихъ употребленіи, произошло измѣненіе въ пользу перваго, что совершенно естественно при почти исключительно шведскомъ составѣ преподавательскаго персонала.

медицины—500, краснорѣчія и поэзіи—500, исторіи—500, восточныхъ языковъ—500, математики—500, философіи—500, секретарю и библіотекарю—800, учителю верховой ѣзды—200, учителю фехтованія—200, учителю танцевъ 200, типографщику—50, педелю — 60, десяти стипендіатамъ по 50—500, десяти по 40—400, десяти по 30—300, десяти по 20 — 200, на ремонтъ зданія и непредвидѣнные расходы—200, а всего 8.310 рейхсталеровъ: *I. v. Stein*, Miscellen zur Geschichte Pernau's, въ Neue Dörptsche Zeitung, 1883, № 126.

[1]) Zur Geschichte der schwedischen Universität in Livland, стр. 30.

[2]) У *Ширрена*, въ назв. соч. стр. 67, напечатанъ интересный документъ, представляющій собою распредѣленіе земли, съ поименнымъ спискомъ крестьянъ для профессоровъ, и относящійся къ 1690 году.

Второй университетъ, подобно первому, относительно учащихся обезпеченъ былъ объявленіемъ королевской воли, черезъ посредство генералъ-губернатора графа Гастфера, отъ 1-го іюля 1690 года, о томъ, что всякій желающій получить общественную должность въ краѣ, свѣтскую или духовную, долженъ предварительно проучиться два года въ университетѣ и подвергнуться потомъ соотвѣтствующему испытанію [1]). Не безъ связи съ желаніемъ расширить кругъ слушателей новаго университета или, по крайней мѣрѣ, дать воспитанникамъ его возможность болѣе широкаго приложенія своихъ способностей и познаній среди мѣстнаго населенія, было сдѣланное въ 1693 г. отъ имени всѣхъ профессоровъ предложеніе ввести въ университетѣ преподаваніе латышскаго, русскаго и польскаго языковъ; но предложеніе это не получило осуществленія.

Хотя второй шведскій университетъ существовалъ лишь на четыре года меньше перваго, но въ немъ обучалось сравнительно гораздо меньше студентовъ. По опубликованнымъ *Бейзе* именнымъ спискамъ [2]), всего заимматрикулировано было во второмъ университетѣ 587 студентовъ [3]), приблизительно двѣ трети которыхъ (409) падаетъ на время пребыванія университета въ Дерптѣ, и одна треть (178)—на годы, проведенные имъ въ Перновѣ. По національности и мѣсту происхожденія, въ дерптскую половину преобладали, хотя и не очень значительно, шведы и финляндцы (174 изъ Швеціи и Финляндіи, 147 изъ Лифляндіи, Эстляндіи и Курляндіи, 44 иностранца), а въ перновскую половину шведы и финляндцы, напротивъ, были въ значительномъ меньшинствѣ (33 изъ Швеціи и Финляндіи, 101 изъ Лифляндіи, Эстляндіи и Курляндіи, 35 иностранцевъ); о мѣстѣ происхожденія остальныхъ въ спискахъ точныхъ свѣдѣній не имѣется [4]).

3. Черты внутренней университетской жизни въ Дерптѣ и Перновѣ въ XVII—XVIII вѣкахъ.

Внутренняя жизнь студенчества въ Дерптѣ и Перновѣ въ XVII и началѣ XVIII вѣка, отношенія его къ университету и къ городскому

---

[1]) *Backmeister*, назв. соч., стр. 196.

[2]) Mittheilungen aus dem Gebiete der Geschichte Liv, Est-und Kurlands· B. XII. Riga 1880, стр. 312—332.

[3]) Въ сочиненіи „Die deutsche Universität Dorpat" (Leipzig 1882, стр. 12—13) общая сумма представлена 586, но тамъ невѣрно подсчитано число студентовъ за 1697 годъ: ихъ было не 35, а 36.

[4]) Mittheilungen. B. XII, стр. 310—311.

населенію мало извѣстны по недостатку дошедшихъ до насъ данныхъ. Нѣкоторое представленіе объ этомъ однако же могутъ дать тогдашнія „правила для студентовъ", заключающія въ себѣ перечень ихъ правъ („привилегій") и обязанностей. Оставаясь по существу одними и тѣми же какъ въ первомъ, такъ и во второмъ шведскомъ университетѣ, правила эти получили болѣе точную и обстоятельную формулировку уже въ періодъ дерптско-перновскій.

Вотъ въ какихъ условіяхъ представляется намъ тогдашній студентъ въ Дерптѣ и Перновѣ по „статутамъ", утвержденнымъ королемъ Карломъ XI 28-го января 1689 года [1]).

По пріѣздѣ въ университетскій городъ, молодой человѣкъ долженъ по возможности немедленно и не позднѣе восьми дней явиться къ ректору и внести свое имя въ книгу матрикулъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ принести присягу передъ университетскимъ начальствомъ, съ обѣщаніемъ полнаго подчиненія всѣмъ университетскимъ правиламъ и порядкамъ; въ этой присягѣ, кромѣ того, еще говорилось: „За обиды, мнѣ нанесенныя, я не буду мстить по собственному произволу ни явно, ни тайно, но какъ въ этихъ, такъ и въ другихъ затруднительныхъ для меня случаяхъ буду подчиняться рѣшенію ректора или университетскаго сената. Изъ университета я удалюсь не иначе, какъ съ благосклоннаго согласія ректора и, если буду подвергнутъ имъ задержанію или аресту, не стану отъ этого уклоняться. Домашнюю утварь и всѣ мои вещи я вывезу изъ города лишь послѣ надлежащаго удовлетворенія моихъ кредиторовъ" (Cap. IV, Membr. III, § V).

Повиновеніе распоряженіямъ ректора являлось первой обязанностью вступившаго въ число студентовъ; не явившійся на его призывъ наказывается карцеромъ, а упорно отказывающійся подчиняться рѣшеніямъ ректора и университетской „консисторіи" (consistorium) подвергается „публичному исключенію" (publica relegatio) изъ университета, которое не только лишаетъ наказаннаго возможности продолжать въ университетѣ свои занятія, но можетъ оказать невыгодное вліяніе и на его послѣдующую жизнь при желаніи имъ занять какую-либо почетную общественную должность (Cap. XXIII. De vita et moribus studiosorum, § 9). Студентъ долженъ также оказывать должное почтеніе профессорамъ (§ 7).

---

[1]) Напечатаны подъ заглавіемъ „E Constitutionibus Regiae Academiae Dorpatensis excerpta privilegia et promotiones studiosorum concernentia" отдѣльно, безъ обозначенія года (Dorpati. Excudit Iohannes Brendeken, Acad. Typogr.), и перепечатаны въ „Mittheilungen", B. VII, стр. 239—246.

Цѣлью вступленія въ университетъ является столько же пріобрѣтеніе необходимыхъ для жизни познаній, сколько и совершенствованіе себя въ религіозномъ и нравственномъ отношеніяхъ. Поэтому, студентъ долженъ соблюдать благочестіе, учиться истинной вѣрѣ, долженъ ежедневно, утромъ и вечеромъ, читать Библію и всѣ занятія свои направлять къ славѣ Божіей (§ 1). Стремленіемъ своимъ къ истинному познанію христіанскаго ученія долженъ онъ дорожить болѣе всего—въ своихъ занятіяхъ, поведеніи и обращеніи съ людьми, и, напротивъ, „какъ ада избѣгать и проклинать ложь", уклоняться отъ клеветы, порицаній, ссоръ, вѣроломства, коварства, тщеславія и притворства во всѣхъ отношеніяхъ (§ 3). Студентъ долженъ относиться съ уваженіемъ къ вѣрнымъ служителямъ слова Божія (§ 6) и какъ можно чаще посѣщать общественное богослуженіе, отъ котораго никто не можетъ уклоняться; запрещаются въ извѣстное время всѣ прогулки и игры, которыя могутъ отвлекать отъ него молодыхъ людей, и кто въ воскресный день или главный праздникъ, въ часы церковной службы, будетъ находиться на площади или въ окрестностяхъ города, тотъ долженъ быть наказанъ карцеромъ; этому же наказанію подвергаются и тѣ, которые нарушаютъ въ церкви тишину шумомъ или разговоромъ и послѣ сдѣланнаго имъ о томъ замѣчанія не исправятся (§ 4).

Подобно душѣ, которая должна быть свободна отъ дурныхъ страстей, безпечности и суевѣрія, студентъ долженъ сохранять въ чистотѣ и свое тѣло, какъ жилище св. Духа, не оскверняя его грязными пороками, уличенный въ которыхъ подвергается опредѣленному наказанію (§ 5).

Поступая въ университетъ для обогащенія своего ума познаніями, студентъ долженъ аккуратно посѣщать положенныя для него лекціи и упражненія и тщательно записывать все, что преподается; не посѣщающіе лекцій, если послѣ напоминанія не исправятся, должны быть удаляемы изъ университета къ родителямъ или на родину (§§ 12, 13). Студенты обязаны являться на извѣстныя собранія въ университетѣ и внѣ его, въ родѣ публичныхъ актовъ, диспутовъ, похоронъ и т. п. (§ 11). Такъ какъ преподаваніе въ университетѣ есть дѣло исключительно принадлежащее опредѣленнымъ на то лицамъ, то никому изъ студентовъ не дозволяется нарушать этого права путемъ частнаго обученія; точно также однимъ только этимъ лицамъ дозволяется вывѣшивать на „публичной доскѣ", безъ предварительнаго разрѣшенія ректора или декана, объявленія, и никто изъ

студентовъ, подъ страхомъ двухдневнаго карцера, не можетъ снять этихъ объявленій, безъ особаго на то приказанія (§§ 14, 15).

Студентамъ запрещается устраивать земляческія сходки (nationalia conventicula), и виновный въ созывѣ ихъ или посѣщеніи подвергается исключенію (relegatio) навсегда; этому же наказанію подлежитъ и тотъ, кто предоставитъ для подобной сходки помѣщеніе; но если студенты желаютъ собраться ради заботы о больномъ товарищѣ или похоронъ, то собраніе разрѣшается въ домѣ ректора (§ 17).

Въ частной жизни студентъ долженъ воздерживаться отъ нанесенія кому-либо обиды или насилія, отъ обмана, дракъ и всякаго рода буйства, отъ нападенія на дома, выбиванія оконъ и вышибанія дверей; не долженъ безчестить кого-либо, оскорблять честныхъ и невинныхъ людей ложными обвиненіями, ябедническими клеветами или распространеніемъ пасквилей (§§ 22, 28). Ни ночью, ни днемъ не долженъ онъ въ городѣ стрѣлять или производить какой-либо взрывъ порохомъ, подъ страхомъ карцера или исключенія изъ университета (§ 23). Въ трактирѣ онъ не долженъ засиживаться позднѣе девятаго часа вечера, и трактирщикъ, продающій вино или пиво послѣ девятаго часа, подвергается наказанію отъ городского магистрата (§ 24). На улицѣ онъ не долженъ заводить какихъ-либо ссоръ или принимать въ нихъ участіе, и не можетъ обнажить свою шпагу иначе, какъ вынуждаемый къ тому открытымъ насиліемъ, подъ страхомъ лишиться права ея ношенія (§§ 25, 26).

Студентамъ запрещаются всякаго рода шалости, шутовскія дурачества, пирушки и попойки, неприличныя игры — въ шашки, кости, карты и т. п. (§§ 16, 18); студентъ долженъ быть бережливъ, избѣгать излишнихъ расходовъ, роскоши и мотовства (§ 21); онъ долженъ строго различать границу между своимъ и чужимъ и быть аккуратнымъ и честнымъ въ уплатѣ долговъ, особенно хозяевамъ за содержаніе и квартиру (§§ 19, 20).

Дуэль строго запрещается, и подвергаются наказанію какъ вызвавшій, такъ и вызванный (§ 27).

На студента налагается обязанность, вырабатывая въ себѣ должную скромность, имѣть однако же вѣрное и неприниженное мнѣніе о себѣ и о своемъ отечествѣ, не слишкомъ преклоняться передъ иностраннымъ (§ 29); въ заграничные университеты для продолженія образованія можетъ отправиться только тотъ, кто уже на родинѣ получилъ надлежащія познанія въ наукахъ и правилахъ вѣры и доказалъ это передъ собраніемъ профессоровъ (§ 30). Оставляющій университетъ

долженъ получить свидѣтельство отъ ректора, если желаетъ впослѣдствіи воспользоваться выгодами своего положенія (§ 31).

Таковы были обязанности „академическаго гражданина" въ Дерптѣ и Перновѣ того времени, возможность уклоненія отъ которыхъ сопровождалась въ правилахъ напоминаніемъ о разныхъ степеняхъ наказанія по законамъ общимъ или университетскимъ. Но кромѣ этихъ обязанностей, въ правилахъ нашелъ себѣ мѣсто и перечень ихъ правъ или „привилегій".

„Привилегіи" эти, подобно правамъ, касаются отношеній студента въ университетѣ и внѣ его.

Всякій, поступившій обычнымъ порядкомъ въ число студентовъ, имѣетъ возможность пользоваться не только „публичными" и „частными" лекціями профессоровъ, но и право „для большаго успѣха въ своихъ занятіяхъ дважды въ недѣлю посѣщать публичную (университетскую) библіотеку, для просматриванія и чтенія хорошихъ книгъ, при чемъ позволяется дѣлать и извлеченія изъ нихъ" (Cap. XXIV. De privilegiis studiosorum §§ 10, 11). Разъ имматрикулированный студентъ, по чему-либо временно отлучившійся изъ университета, удерживаетъ за собою право возвращенія въ университетъ въ продолженіе двухъ лѣтъ, безъ новыхъ денежныхъ взносовъ (§ 14).

Студентамъ позволяется имѣть собственную кассу для помощи бѣднымъ товарищамъ на случай ихъ болѣзни и погребенія. Касса эта составляется изъ добровольныхъ взносовъ, до имматрикуляціи у декана, въ размѣрѣ по крайней мѣрѣ шести марокъ (sex ad minimum marcas), которыя опускаются въ особую кружку и отмѣчаются въ соотвѣтственной счетной книгѣ; кружка эта хранится въ университетскомъ казначействѣ и имѣетъ два ключа, изъ которыхъ одинъ хранится у ректора, а другой у декана; когда представляется случай, деньги берутся оттуда кѣмъ-либо изъ студентовъ въ присутствіи ректора и казначея, и взятая сумма аккуратно записывается въ книгу (§ 9).

Студенты освобождаются отъ военной службы, какого бы сословія или званія они ни были, и ни подъ какимъ предлогомъ не привлекаются къ ней противъ воли (§ 8); они пользуются свободой отъ всякихъ общественныхъ взысканій и налоговъ на свое имущество, деньги и т. п. (§ 6).

Въ предѣлахъ шести миль отъ города студентъ не можетъ быть задержанъ безъ вѣдома университетскаго начальства, и только въ томъ случаѣ, если онъ захваченъ на мѣстѣ преступленія или обна-

руживаетъ намѣреніе скрыться послѣ совершеннаго дурного дѣянія, онъ можетъ быть взятъ и представленъ университетскому начальству (§ 1). Нанесшій студенту, безъ всякой вины со стороны послѣдняго, обиду не только подвергается обычному наказанію, но и обязанъ уплатить обиженному 20 марокъ (§ 3). Въ случаѣ убійства студента, за убійцу не можетъ быть принято никакое поручительство (§ 4). Студентъ не можетъ быть заключенъ за долги въ тюрьму, если онъ представитъ поручителей (§ 5). Если студентъ имѣетъ въ чужомъ судѣ тяжбу, то дѣло должно быть рѣшено немедленно, подъ страхомъ отвѣтственности суда передъ верховной королевской судебной властью (§ 2). При раздѣлѣ между наслѣдниками полученнаго имущества, студентъ имѣетъ преимущественное право передъ другими наслѣдниками, не занимающимися науками, удержать за собою подлежащія раздѣлу книги съ уплатою ихъ стоимости (§ 7).

„Привилегіи" эти относятся только къ тѣмъ, которые ведутъ себя въ университетѣ какъ прилично студентамъ (§ 15).

Таковы были эти студенческія правила. Что указанія на обязанности студентовъ, предусматривавшія ихъ проступки, были основаны на опытѣ и на знакомствѣ съ дѣйствительной жизнью студенческой среды того времени, это подтверждается нѣкоторыми — впрочемъ, весьма немногими — опубликованными изъ той поры документами. И тутъ, какъ и въ „правилахъ", главными отрицательными сторонами тогдашняго студенчества являются небрежность относительно занятій и склонность къ попойкамъ и дракамъ.

Захарій Клингіусъ, назначенный въ 1652 году лифляндскимъ суперинтендентомъ и вице-канцлеромъ университета, послѣ ознакомленія съ послѣднимъ указывалъ университетскому совѣту на необходимость тщательнаго наблюденія за стипендіатами, чтобы они аккуратно посѣщали лекціи и участвовали въ другихъ занятіяхъ, чтобы мѣсячные и семестральные экзамены производились имъ со всей строгостью: многіе изъ нихъ являлись въ университетъ только за полученіемъ стипендія и нерѣдко проводили дни и ночи въ попойкахъ. Между студентами существовалъ тогда такой взглядъ, что кто не получаетъ стипендіи, тотъ можетъ и совсѣмъ не посѣщать лекцій. Впрочемъ, въ этой небрежности относительно посѣщенія лекцій студентами виноваты были также и нѣкоторые профессора; особенно въ этомъ отношеніи выдавался юридическій факультетъ. Когда въ 1693 г. канцлеръ университета, похваливши студентовъ богословскаго и философскаго факультетовъ, выразилъ порицаніе студентамъ-юристамъ

за ихъ небрежное отношеніе къ своимъ занятіямъ, то они, въ свою очередь, жаловались на профессора шведскаго и римскаго права Лунда (1690—1695 г.), въ аудиторіи котораго они бывали чаще, нежели самъ профессоръ, чрезвычайно неаккуратно читавшій лекціи; съ пасхи 1692 г. по ноябрь 1693 г. онъ читалъ всего шесть разъ и оправдывалъ это тѣмъ, что со времени возобновленія университета въ 1690 году на юридическій факультетъ поступаетъ весьма мало слушателей—всего два-три студента изъ Риги и изъ лифляндскаго дворянства, остальные же—менѣе почетнаго происхожденія: поэтому профессоръ полагалъ, что, въ виду очевиднаго упадка юридическаго факультета, слушатели его хорошо бы сдѣлали, если бы перешли на философскій или богословскій факультетъ [1]).

13-го іюля 1641 года, на крестинахъ у одного дерптскаго жителя произошла между нѣсколькими студентами и другими лицами ссора и драка, при чемъ одинъ студентъ былъ убитъ, а нѣсколько другихъ участниковъ получили болѣе или менѣе тяжкія раны; въ этомъ дѣлѣ участвовали и два сына штатгальтера Фабіана Врангеля, бывшіе уже тогда на военной службѣ; въ числѣ сильно пострадавшихъ оказался ассесоръ дерптскаго гофъ-герихта, впослѣдствіи довольно извѣстный шведскій дѣятель, ученый и поэтъ Георгъ Штернгельмъ [2]). Вскорѣ послѣ этого, въ концѣ іюля того же года нѣсколькими студентами было сдѣлано нападеніе на возвращавшагося домой унтеръ-офицера, который получилъ при этомъ опасную рану; студенты напали также и на нѣкоторыхъ солдатъ мѣстнаго гарнизона, унтеръ-офицеры котораго, по словамъ современнаго документа, вообще „kaum sicher die Runde gehen können". 13-го апрѣля 1695 года университетскій совѣтъ доносилъ канцлеру о случившемся 7-го апрѣля въ церкви между студентами и солдатами столкновеніи. 28-го сентября 1696 года командиръ дерптскаго гарнизона доносилъ канцлеру о ночныхъ столкновеніяхъ на улицѣ между студентами и офицерами, стараясь представить подробности этого дѣла въ другомъ свѣтѣ, нежели какъ это изложено было въ донесеніи университетскаго начальства, которое хотѣло по возможности выгородить студентовъ [3]).

---

[1]) Dörptsches Studentenleben im XVII Jahrhundert, въ Inland 1852, № 42, ст. 789—791.

[2]) Ein Studententumult in Dorpat in Jahre 1641, въ Dörptsche Zeitung 1873, № 164; *Fr. Bienemann*, Ein Tumult in Dorpat anno 1641, въ Baltische Monatsschrift, B. 49. 1900, Heft 5, стр. 293—311.

[3]) Inland, 1852, № 44, ст. 821—823.

Такъ какъ подобнаго рода случаи были главнымъ образомъ результатомъ нетрезваго состоянія студентовъ, то приведенное выше правило для студентовъ отъ 1689 года о трактирахъ послѣ девяти часовъ вечера подтверждалось съ разныхъ сторонъ новыми постановленіями: въ 1692 году — со стороны генералъ-губернатора дерптскому бургомистру, а въ 1708 году со стороны городскаго совѣта города Пернова [1]).

Къ числу особенностей внутренней жизни перваго шведскаго университета въ Лифляндіи принадлежалъ обрядъ „депозиціи" (depositio), отсутствовавшій во второмъ университетѣ въ Дерптѣ и Перновѣ.

Обрядъ этотъ древняго происхожденія. Въ его основѣ лежала та идея, что душа человѣка и все его нравственное существо облагораживается путемъ знанія, и что поэтому самое вступленіе въ храмъ науки есть моментъ, совпадающій для человѣческой личности съ ея полнымъ перерожденіемъ. Издавна сталъ создаваться обычай закрѣплять этотъ моментъ какимъ-нибудь видимымъ символическимъ актомъ, и относящіяся сюда церемоніи имѣли уже мѣсто въ философскихъ школахъ, языческихъ и христіанскихъ, послѣдующаго времени. Но сколько-нибудь опредѣленный видъ, способный создать традицію, получилъ этотъ актъ посвященія ищущаго науки какъ бы въ новую жизнь въ европейскихъ школахъ лишь въ XVI вѣкѣ, во времена реформаціи; особенно привился онъ въ университетахъ Германіи, Даніи и Швеціи; имена Лютера и Меланхтона связаны съ актомъ „депозиціи", получившей къ этому времени окончательно смыслъ символическаго освобожденія человѣка отъ свойствъ безсловеснаго животнаго и принятія имъ человѣческаго вида [2]). Особенное распространеніе обрядъ „депозиціи" получилъ въ XVII вѣкѣ, къ которому относятся особыя сочиненія о немъ Гофмана (1657 г.), Вингольда (1689 г.) и другихъ. Проникши довольно рано въ Упсальскій университетъ, актъ „депозиціи" перенесенъ былъ оттуда, вмѣстѣ съ другими постановленіями и обычаями, также и въ Дерптъ, гдѣ уже въ самый годъ основанія университета (1632) фигурировалъ въ качествѣ „депозитора" (depositor), т.-е. лица, совершавшаго обрядъ „депозиціи" надъ другими,

---

[1]) Inland, 1852, № 44, ст. 824; *I. v. Stein*, Miscellen zur Geschichte Pernau's, въ Neue Dörptsche Zeitung, 1883, № 126.

[2]) *A. Tholuck*, Das academische Leben des XVII Jahrhunderts, mit besonderer Beziehung auf die protestantisch- theologischen Facultäten Deutschlands (I часть Vorgeschichte des Rationalismus). Erste Abtheilung. Halle, 1853, стр. 201 — 202.

первый имматрикулированный студентъ этого университета Бенедиктъ Базіусъ [1]).

До насъ не дошло описанія обряда „депозиціи", практиковавшагося въ Дерптѣ [2]), но, вѣроятно, это былъ тотъ же обрядъ, что и въ Упсалѣ, о которомъ передаетъ намъ довольно подробныя свѣдѣнія де-ла-Мотрей [3]).

Между тѣмъ, актъ этотъ, заключавшій въ себѣ смѣсь грубости и шутовства, неприличныхъ для мѣста науки, еще съ начала XVII вѣка сталъ вызывать противъ себя возраженія въ нѣкоторыхъ университетахъ Германіи; мало-по-малу агитація противъ этого пережитка старины сдѣлалась всеобщей и повлекла за собою отмѣну его въ большинствѣ европейскихъ университетовъ [4]), такъ что когда въ 1690 году въ Дерптѣ возобновленъ былъ университетъ, то въ слѣдующемъ же 1691 году состоялось распоряженіе о совершенной отмѣнѣ прежняго обряда „депозиціи" для новаго университета [5]). Въ спискѣ должностныхъ лицъ второго шведскаго университета совсѣмъ не значится „депозитора", и такимъ образомъ уничтоженіе этого обряда составляетъ одну изъ отличительныхъ особенностей его сравнительно съ его предшественникомъ въ 1632—1656 годахъ въ Дерптѣ [6]).

Подвергавшимся обряду „депозиціи" въ Дерптѣ и Ревелѣ въ 1632—1665 годахъ велся особый списокъ, опубликованный *Ѳ. Бейзе* [7]). Если сравнить упомянутый выше списокъ имматрикулированныхъ за тѣ же годы студентовъ со спискомъ подвергшихся „депозиціи", то они окажутся не вполнѣ тожественными: первый списокъ заключаетъ въ себѣ болѣе именъ, нежели второй, и это указываетъ на то, что не всѣ имматрикулировавшіеся подвергались „депозиціи"; изъ общаго числа 1060 „депозиціи" подверглись лишь 787. Фактъ этотъ объясняется, съ одной стороны, тѣмъ, что изъ поступавшихъ въ Дерптскій университетъ иностранцевъ только весьма немногіе подвергались въ Дерптѣ „депозиціи", такъ какъ отбыли этотъ обрядъ гдѣ-нибудь

---

[1]) Mittheilungen, B. VIII, стр. 150, 514.

[2]) *Sommelius*, назв. соч., стр. 35—36.

[3]) Voyage en Europe, Asie et Afrique, II, стр. 316: приведено у *Соммеліуса*, стр. 37—39.

[4]) *Tholuck*, назв. соч., стр. 204—206.

[5]) Mittheilungen, B. VII, стр. 195—196, прим. 49.

[6]) Тамъ же, стр. 175.

[7]) Mittheilungen, B. VIII, стр. 514 — 549: Matricula seu Catalogus illorum, qui in Academia Dorpatensi cornua deposuerunt.

у себя дома, а съ другой стороны—не всѣ и изъ мѣстной молодежи желали выполненія надъ собой обряда „депозиціи", который былъ не обязательнымъ и лишь полу-офиціальнымъ. Замѣчательно, что списки подвергшихся „депозиціи" въ Ревелѣ въ 1657—1665 годахъ заключаютъ въ себѣ болѣе именъ, нежели списки заиматрикулированныхъ тамъ же и за то же время [1]): очевидно, не всѣ выполнившіе этотъ обрядъ поступили затѣмъ въ студенты; 1656 годъ за все время существованія „депозиціи" въ Дерптѣ представляетъ единственный примѣръ того, что число подвергшихся ей равнялось и числу получившихъ иматрикуляцію. Обрядъ „депозиціи" совершался то въ одинъ день съ иматрикуляціей, то нѣсколько предшествовалъ ей, то слѣдовалъ за нею. Онъ имѣлъ мѣсто обыкновенно въ домѣ декана философскаго факультета, иногда же въ домѣ ректора или въ какомъ-либо изъ университетскихъ помѣщеній, а также и въ частномъ домѣ какого-либо извѣстнаго и уважаемаго лица [2]).

Такъ просуществовалъ въ общей сложности около полустолѣтія разсадникъ высшаго образованія въ Лифляндіи въ XVII и началѣ XVIII вѣка. Въ обѣ половины своего существованія, раздѣленныя тремя десятками лѣтъ войны или безпокойства, университетъ жилъ при одинаково неблагопріятныхъ условіяхъ: лишенный необходимыхъ матеріальныхъ средствъ, безъ крѣпкихъ связей со страной и безъ сочувствія къ нему мѣстнаго населенія, страдая въ своей внутренней жизни антагонизмомъ двухъ національностей, онъ едва могъ влачить свою незавидную долю. Двухкратное прекращеніе его существованія, въ 1656 и 1710 годахъ, совпало съ успѣхами русскаго оружія возлѣ Дерпта и Пернова, но не русскіе виноваты были въ паденіи университета, лишеннаго той внутренней силы, которая была бы способна вдохнуть въ него жизнь послѣ тревожныхъ событій военнаго времени: особенно ясно это изъ обстоятельствъ, при которыхъ университетъ прекратилъ свое существованіе въ 1710 году.

Такимъ образомъ, университетъ въ Дерптѣ и Перновѣ въ XVII и XVIII вѣкахъ былъ растеніемъ, посаженнымъ болѣе или менѣе случайно, чужою рукою, и не привившимся къ почвѣ, не пустившимъ въ нее глубокаго корня. Вліяніе его на страну было невелико, но

---

[1]) Mittheilungen, B. VII, стр. 187—188, 546—549.
[2]) Inland, 1857, № 21, ст. 355.

все-таки было бы ошибочно совершенно отрицать это вліяніе. Болѣе полуторыхъ тысячъ молодыхъ людей воспользовались въ той или другой мѣрѣ средствами высшаго образованія въ Дерптѣ и Перновѣ, и хотя большая часть изъ нихъ были шведы, тѣмъ не менѣе многіе изъ воспитанниковъ университета оставались въ странѣ, занимая разныя общественныя и правительственныя должности. Наконецъ, университетъ, при всей его внутренней слабости и недостаткахъ, поддерживалъ въ странѣ идею высшаго образованія, которая продолжала жить позднѣе и не осталась безъ послѣдствій въ будущемъ для судебъ высшаго образованія въ Лифляндіи.

Е. Пѣтуховъ.

РАЗНОГЛАСІЕ ВЪ ШКОЛѢ НОВАГО ЭМПИРИЗМА ПО ВОПРОСУ ОБЪ ИСТИНАХЪ САМООЧЕВИДНЫХЪ [1]).

B. Критическій эмпиризмъ Милля и его борьба противъ научнаго значенія немыслимости.

II.

Какъ ни рѣшительно, повидимому, Милль отрицаетъ всякое право доказывать общія истины на основаніи нерасторжимости связи входящихъ въ нихъ представленій, тѣмъ не менѣе онъ оказывается не въ состояніи провести этотъ взглядъ свой послѣдовательно. Спенсеръ отмѣчаетъ нѣсколько вкравшихся у него непослѣдовательностей, состоящихъ въ употребленіи такихъ выраженій относительно логическихъ формулъ выводовъ, которыя не соотвѣтствовали взглядамъ философа, признающаго простѣйшую форму индукціи послѣднимъ основаніемъ всякаго знанія [2]). Но эти непослѣдовательности не очень значительны, и Милль безъ труда могъ бы объяснить ихъ допущенною имъ неточностью изложенія, какъ онъ и поступилъ дѣйствительно въ упомянутомъ нами выше случаѣ, относящемся къ формулѣ первой фигуры силлогизма. Но у Милля есть непослѣдовательность, несравненно болѣе крупная, которая къ неудачной терминологіи или вообще къ случайности сведена быть не можетъ и на которую совсѣмъ не указываетъ Спенсеръ. А между тѣмъ эта непослѣдовательность такова, что впадая въ нее Милль, хотя и не замѣтно для

---

[1]) *Продолженіе.* См. *Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія* за апрѣль 1901 г.

[2]) *Spencer.* Princ. of Psych. II. 420—422; р. пер. IV. 118—120.

самого себя, въ существѣ дѣла фактически сводитъ къ нулю всю свою борьбу противъ научнаго значенія немыслимости въ собственномъ смыслѣ.

Камнемъ преткновенія для Милля оказались тѣ самыя геометрическія (и вообще математическія) аксіомы, на которыхъ Милль развивалъ свою полемику противъ значенія немыслимости и взглядъ на которыя составлялъ, какъ мы видѣли, рѣшительный пунктъ въ преобразованіи юмовскаго эмпиризма въ эмпиризмъ новый.

Искони существовала вѣра, что можно получать достовѣрное убѣжденіе въ аксіомахъ путемъ разсмотрѣнія простыхъ образовъ воображенія. Для доказательства значенія аксіомъ въ мірѣ дѣйствительномъ геометры въ былое время охотно и не опасаясь возраженій ссылались на совершенную невообразимость для насъ образовъ, имъ противорѣчащихъ. Вѣра въ аксіомы, въ отличіе отъ вѣры во всѣ другія самоочевидныя истины, казалось, имѣла преимущественное право соединяться съ мыслію объ особой, неопытной ихъ достовѣрности, такъ какъ въ противоположность вѣрѣ въ другія положенія, касающіяся также внѣшняго бытія, здѣсь былъ, повидимому, до прозрачности ясенъ самый процессъ, съ помощію котораго она достигается. Здѣсь процессъ этотъ, несомнѣнно, повидимому, состоялъ въ опытахъ надъ простыми образами воображенія, соотвѣтствующими геометрическимъ понятіямъ, и доказывалъ, что законы, выражающіеся въ аксіомахъ, безусловно господствуютъ даже надъ нашимъ воображеніемъ.

Милль точно такъ же не находитъ возможнымъ отрицать взглядъ обычнаго сознанія на наше право „отъ воображаемыхъ геометрическихъ линій заключать къ дѣйствительнымъ съ совершенно такою же достовѣрностью, съ какою мы заключали бы отъ одной дѣйствительной линіи къ другой“ [1]), какъ не отрицалъ того и Кантъ. Но Кантъ для объясненія такого факта имѣлъ ученіе о созерцаніяхъ a priori. Милль кантовскаго ученія о созерцаніяхъ a priori и связаннаго съ нимъ ученія объ особомъ непосредственномъ усмотрѣніи конструкціи понятія въ построеніи конкретнаго образа, конечно, раздѣлять не можетъ. Но онъ ничего подобнаго и не считаетъ нужнымъ для объясненія того процесса усмотрѣнія истинности аксіомъ изъ созерцанія простыхъ представленій, который онъ принимаетъ вмѣстѣ съ общимъ сознаніемъ. Для Милля этотъ процессъ есть хорошо знакомый намъ

---

[1]) *Mill.* Syst. of Log. I. 268; р. пер. 1.263.

процессъ наблюденій, который постоянно совершается нами надъ данными въ воспріятіи предметами при установкѣ какихъ бы то ни было, а не исключительно геометрическихъ истинъ и который въ данномъ случаѣ только примѣняется не къ воспріятіямъ, какъ это обыкновенно бываетъ, а къ представленіямъ. „Основанія геометріи, говоритъ Милль, возводились бы къ прямому наблюденію, даже если бы опыты (которые въ этомъ случаѣ состоятъ единственно во внимательномъ созерцаніи) производились только надъ тѣмъ, что мы называемъ нашими идеями, т. е. надъ чертежами въ нашемъ умѣ, а не надъ внѣшними предметами" [1]). И такъ какъ аксіомы, подобно всѣмъ другимъ послѣднимъ посылкамъ знанія, могутъ по Миллю быть доказываемы только черезъ простѣйшую форму индукціи [2]), то, конечно, ничѣмъ инымъ кромѣ этой индукціи не могло въ его глазахъ быть и то наблюденіе надъ воображаемыми рисунками, которое должно доказывать аксіомы [3]).

Такой взглядъ долженъ былъ требовать разъясненія двухъ вещей: съ одной стороны возможности совершать индуктивный процессъ надъ образами воображенія съ такою же точностію, съ какою совершается онъ надъ дѣйствительными предметами, съ другой права переносить результаты этого процесса на дѣйствительные предметы. И Милль объясненіе всего этого видитъ въ одномъ „изъ характеристическихъ свойствъ геометрическихъ формъ, въ ихъ способности рисоваться воображенію съ отчетливостію, равною дѣйствительности, или, другими словами, въ точномъ сходствѣ нашихъ идей о формѣ съ ощущеніями, какими онѣ внушаются". „Это свойство, говоритъ онъ, прежде всего, дѣлаетъ насъ способными (по крайней мѣрѣ при небольшой практикѣ) создавать умственные рисунки всевозможныхъ сочетаній линій и угловъ, совершенно такъ же сходные съ дѣйствительностію, какъ рисунки, которые сдѣлали бы мы на бумагѣ. И, за тѣмъ, эти умственные рисунки способны служить предметомъ геометрическихъ наблюденій совершенно такъ же, какъ соотвѣтствующія реальности, такъ какъ рисунки, если они достаточно точны, конечно, представляютъ всѣ свойства, какія обнаруживались бы на дѣйствительныхъ предметахъ въ данное мгновеніе и на первый взглядъ. А въ геометріи

---

[1]) *Mill.* Syst. of Log. 1.262; р. пер. 1. 262—263.

[2]) *Mill.* Syst. of Log. II. 145—146; р. пер. 2. 133—134.

[3]) Милль дѣйствительно и называетъ этотъ процессъ индукціей изъ наблюденія надъ умственными рисунками, Syst. of Log. 1.263; р. пер. 1.263.

мы имѣемъ дѣло съ такими свойствами, а не съ недоступнымъ для рисунковъ дѣйствіемъ тѣлъ другъ на друга" [1]).

Во второй половинѣ приведенной цитаты изъ особенной отчетливости геометрическихъ представленій разъясняются особыя удобства наблюденія надъ ними. Эта мысль не стоитъ въ противорѣчіи съ особенностями Миллева взгляда на научное значеніе ассоціацій. Но и въ этой мысли не видно достаточнаго критическаго отношенія Милля къ ходячимъ взглядамъ на очень сложные познавательные процессы.

Если бы Милль говорилъ о преимуществахъ наблюденія надъ геометрическими представленіями сравнительно съ наблюденіемъ надъ другими представленіями, то его мысль была бы понятна. Подъ особою отчетливостію воображаемыхъ геометрическихъ рисунковъ Милль, очевидно, разумѣетъ тотъ фактъ, что въ то время какъ образы такихъ, напримѣръ, нашихъ ощущеній, каковы звуки, цвѣта, запахи, суть на самомъ дѣлѣ какъ бы нѣкоторыя только указанія на нихъ, почти приближающіяся къ простымъ знакамъ, представленія геометрическихъ свойствъ оказываются, наоборотъ, точными копіями того, что они обозначаютъ. Это различіе имѣетъ очень серьезное основаніе, въ которое на этомъ мѣстѣ намъ нѣтъ нужды входить. И значеніе этого различія вообще для такого наблюденія надъ представленіями, которое имѣетъ въ виду Милль, отрицать нельзя, хотя и чрезмѣрно преувеличивать его тоже не слѣдуетъ. Не нужно забывать, что когда мы разсматриваемъ свои представленія со стороны самаго представляющагося въ нихъ содержанія (а не какъ акты представляющей силы), т. е. когда, разсматривая представленія, мы имѣемъ въ виду самые предметы, которые могли бы быть обозначены этими представленіями, то мы подъ всякимъ представленіемъ, одинаково какъ отчетливымъ такъ и не отчетливымъ, подразумѣваемъ не самый тотъ видъ содержанія, какой фактически данъ въ представленіи, а тотъ видъ его, въ какомъ оно явилось бы намъ, когда бы оно ощущалось, т. е. когда оно было бы дано въ воспріятіи. Хотя при простомъ моемъ представленіи звука ничто не звучитъ, и при простомъ представленіи запаха ничто не пахнетъ, но представляя предметъ звучащимъ или имѣющимъ запахъ, я приписываю ему не нѣчто беззвучное или лишенное запаха, а тотъ звукъ или запахъ, которые были бы даны мнѣ непосредственно, когда я испытывалъ бы соотвѣтствующія ощущенія; и при наблюденіяхъ подобнаго рода надъ представленіемъ, оно берется

1) *Mill.* Syst. of Log. 1.262; р. пер. 1.262.

въ неразрывной слитности съ этимъ своимъ толкованіемъ, или, лучше сказать, подъ представленіемъ и разумѣется тогда именно истолкованное содержаніе его. А въ этомъ истолкованіи мы обыкновенно не ошибаемся. Однако въ представленіяхъ, которыя приближаются къ простымъ знакамъ ощущеній, повидимому, все же скрадываются, не получаютъ соотвѣтственнаго или по крайней мѣрѣ рельефнаго обозначенія, а слѣдовательно и не могутъ получить точнаго истолкованія болѣе тонкіе оттѣнки содержанія. Если никто не лишенъ способности различать въ представленіи не только запахи отъ цвѣтовъ или звуковъ, но и различные цвѣта или звуки другъ отъ друга и иногда съ очень большою точностію, все же, какъ кажется, нельзя отрицать, что при этого рода представленіяхъ обозначаемая реальность, за исключеніемъ развѣ особыхъ чрезвычайныхъ случаевъ, указывается для мысли, а, слѣдовательно, и можетъ быть истолкована только болѣе обще, менѣе опредѣленно, чѣмъ указывается она геометрическими представленіями, содержащими копію представляемаго, не отличающуюся отъ дѣйствительности.

Но Милль хочетъ имѣть болѣе. Онъ утверждаетъ, что воображаемые геометрическіе рисунки могутъ быть предметами геометрическихъ наблюденій, не хуже изображаемыхъ ими дѣйствительныхъ предметовъ. А это уже никакъ не критическое преувеличеніе факта. Для точнаго наблюденія нужна не только отчетливость изображенія наблюдаемаго предмета. Для него нужны еще два условія, которыя есть при наблюденіи внѣшнихъ предметовъ и которыхъ не можетъ быть при наблюденіи надъ образами, создаваемыми воображеніемъ. Первые могутъ, во-первыхъ, сохранять устойчивость, не подвергаясь постояннымъ и неуслѣдимымъ измѣненіямъ съ такихъ сторонъ, которыя могутъ имѣть значеніе для результата наблюденія. А это даетъ возможность подвергать ихъ какому угодно тщательному и продолжительному разсмотрѣнію, даетъ возможность сосредоточивать вниманіе поочередно на различныхъ частяхъ и подробностяхъ предмета безъ опасенія, что остальныя части измѣнятся. Ничего подобнаго не можетъ быть при конструкціяхъ только воображаемыхъ. Рѣшится ли кто-нибудь утверждать, что воображаемый имъ рисунокъ останется совсѣмъ безъ измѣненія на сколько-нибудь продолжительное время при переходахъ сосредоточеннаго вниманія съ однихъ частей его на другія? Возможно-ли это, когда даже и существовать въ нашемъ представленіи рисунокъ можетъ исключительно только благодаря постоянному порожденію его вновь и вновь усиліями воображенія и когда каждый переходъ вниманія съ однихъ

частей его на другія есть въ существѣ дѣла измѣненіе образа, ослабленіе рисунка до полнаго уничтоженія его въ не наблюдаемыхъ сейчасъ частяхъ и оживленіе въ наблюдаемыхъ? Только наше живое убѣжденіе въ томъ, что наша творческая сила при постоянныхъ подновленіяхъ рисунка руководится стремленіемъ сохранить по возможности одинаковый составъ образа, иллюзорно принимается нами за совершенную неизмѣняемость образа при его наблюденіи. Но стремленіе сохранить совершенную одинаковость образа по его составу еще не гарантируетъ дѣйствительной совершенной одинаковости его даже и по составу. Второе еще болѣе важное преимущество данныхъ въ воспріятіи предметовъ состоитъ въ возможности примѣнять какія угодно искусственныя средства и приспособленія какъ при выборѣ или самостоятельномъ построеніи чертежа, наиболѣе точно соотвѣтствующаго нужнымъ намъ условіямъ, такъ и при наблюденіи въ немъ тѣхъ свойствъ, въ существованіи которыхъ мы хотимъ убѣдиться. Въ отношеніи къ воображаемымъ рисункамъ нѣтъ смысла говорить о чемъ-нибудь подобномъ. А между тѣмъ, если доказательство аксіомъ на образахъ воображенія должно основываться дѣйствительно на наблюденіи, а не казаться только основаннымъ на наблюденіи, то все это можетъ отъ него потребоваться такъ же, какъ и отъ всякаго доказательства, основаннаго на наблюденіи.

Это ошибка думать, что наблюденія, которыя могли бы доказывать аксіому такъ же, какъ доказываются наблюденіями другіе законы, могутъ быть наблюденіями „съ перваго взгляда". Никто изъ вникавшихъ въ дѣло серьезно, конечно, не скажетъ, что, напримѣръ, аксіому параллелей можно достаточно точно доказать наблюденіемъ, приводя исключительно примѣры такихъ конструкцій, въ которыхъ двѣ прямыя, пересѣкающіяся третьей, были бы очень наклонны одна къ другой и притомъ еще пересѣкались съ третьей на очень близкомъ разстояніи одна отъ другой. Такіе случаи такъ часты въ нашемъ наблюденіи и такъ удобны для точной установки наблюдаемаго результата и всякаго рода провѣрокъ, что не трудно усмотрѣть примѣненіе къ нимъ аксіомы и съ перваго взгляда. Но за то, если все доказательство аксіомы должно сводиться исключительно къ наблюденію, разсмотрѣніе однихъ такихъ случаевъ оставляетъ широкое мѣсто вопросу, не зависитъ ли результатъ, который получается при нихъ, отъ того, что разстояніе между двумя прямыми, которыя пересѣкаются третьей, берется недостаточно значительное, а сумма внутреннихъ угловъ, образуемыхъ ими съ сѣкущей, на слишкомъ замѣт-

ную величину менѣе двухъ прямыхъ угловъ. Поэтому конструкціи, соотвѣтствующія аксіомѣ, должны, конечно, считаться тѣмъ цѣннѣе и убѣдительнѣе, чѣмъ отдаленнѣе одна отъ другой будутъ точки пересѣченія двухъ прямыхъ третьей и чѣмъ болѣе сумма внутреннихъ угловъ, образуемыхъ этимъ пересѣченіемъ, приближается къ двумъ прямымъ. Но развѣ мы можемъ въ воображеніи, при построеніи двухъ угловъ на двухъ очень отдаленныхъ точкахъ сѣкущей, точно опредѣлять ихъ сумму для того, чтобы увѣриться въ разницѣ ея отъ суммы двухъ прямыхъ угловъ, когда эта разница очень ничтожна, и развѣ это можемъ мы въ воображеніи совершать съ тою же достовѣрностію, съ какою мы можемъ сдѣлать это съ помощію искусственныхъ приспособленій въ воспріятіи? И развѣ мы можемъ съ увѣренностію утверждать, что въ процессѣ построенія и созерцанія такой конструкціи въ воображеніи не являются такія незамѣтныя для насъ уклоненія отъ прямизны линій, отъ принятой величины угловъ, которыя способны понижать цѣнность и даже достовѣрность результата и которыхъ мы можемъ легко избѣжать въ воспріятіи уже вслѣдствіе устойчивости предметовъ воспріятія, а также вслѣдствіе широкой возможности примѣненія здѣсь какихъ угодно искусственныхъ приспособленій? Конечно, я не то хочу сказать, что въ воспріятіи возможна во всѣхъ этихъ отношеніяхъ безусловная точность, а лишь то, что эта точность во всякомъ случаѣ не сличима съ точностію наблюденія въ воображеніи.

Въ первой половинѣ вышеприведенной цитаты изъ Милля идетъ рѣчь о сторонѣ дѣла наиболѣе для насъ существенной, о правѣ переносить выводы изъ наблюденія надъ воображаемыми рисунками на фактическую дѣйствительность. Собственно въ ней только утверждается, что отчетливость воображаемыхъ рисунковъ, равная дѣйствительности, даетъ намъ возможность создавать въ воображеніи рисунки не менѣе сходные съ дѣйствительностію, чѣмъ рисунки на бумагѣ; но прямо не говорится, въ чемъ именно состоитъ значеніе этого сходства. Однако тотчасъ за сдѣланной выпиской это значеніе разъясняется. „При всѣхъ системахъ экспериментаціи, говоритъ Милль, мы беремъ нѣкоторые предметы для того, чтобы они служили представителями всѣхъ сходныхъ съ ними; а въ настоящемъ случаѣ условія, которыя дѣлаютъ реальный предметъ способнымъ быть представителемъ класса, оказываются вполнѣ выполненными предметомъ, существующимъ исключительно въ нашемъ воображеніи“ [1]). Ясно, что зависящее отъ

[1]) *Mill.* Syst. of Log. 1.262; р. пер. 1.263.

отчетливости сходство геометрическихъ воображаемыхъ рисунковъ съ дѣйствительными важно въ глазахъ Милля въ томъ отношеніи, что, по его мнѣнію, оно даетъ намъ право замѣнять этими воображаемыми рисунками дѣйствительные предметы въ той индукціи, въ которой собранные и подвергающіеся наблюденію экземпляры должны являться представителями цѣлаго класса.

Но какимъ образомъ это право могло бы основываться на томъ сходствѣ воображаемыхъ рисунковъ съ дѣйствительными, которое предполагается отчетливостію геометрическихъ представленій? Построяя въ воображеніи рисунки, соотвѣтствующіе понятію, характеризующему субъектъ той или другой геометрической аксіомы, я вслѣдствіе „отчетливости геометрическихъ образовъ, равной дѣйствительности", могу быть увѣренъ, что если бы я по этимъ рисункамъ сдѣлалъ рисунки въ дѣйствительномъ мірѣ, или если бы нашлись въ этомъ мірѣ предметы, которые въ моей мысли могли бы быть обозначены этими рисунками, то мои воображаемые рисунки, по геометрической сторонѣ своей, оказались бы вполнѣ сходными съ этими дѣйствительными предметами. Но индукція, которая даетъ положенію достовѣрность и примѣняется къ доказательству высшихъ посылокъ знанія, по ученію Милля, никакъ не состоитъ въ наблюденіи какого угодно собранія предметовъ, относящихся къ извѣстному классу, т.-е. подходящихъ подъ понятіе, характеризующее субъектъ этого положенія. Онъ самъ, какъ мы видѣли, учитъ, что подобная индукція, подобно ассоціаціямъ, была бы плохимъ доказательствомъ закона природы. Для достовѣрной индукціи, по его же ученію, требуется не то только, чтобы брались предметы, относящіеся къ извѣстному классу, и всѣ они оказывались имѣющими извѣстное свойство; для нея требуется, чтобы они были даны на всякомъ мѣстѣ, во всякое время, при всякихъ обстоятельствахъ, т.-е. чтобы они были даны при всѣхъ возможныхъ разнообразныхъ условіяхъ и всегда оказывались имѣющими это свойство. Только эта данность предметовъ, подвергающихся наблюденію, при всѣхъ возможныхъ условіяхъ отличаетъ достовѣрную индукцію отъ погрѣшительной; только она можетъ обезпечивать право признать постоянно наблюдаемое у нихъ свойство за свойство цѣлаго класса, т.-е. всѣхъ предметовъ, подходящихъ подъ то же понятіе, какъ и они. Предположимъ же теперь, что то сходство геометрическихъ воображаемыхъ рисунковъ съ дѣйствительными, которое предполагается отчетливостію геометрическихъ представленій, совсѣмъ сравниваетъ ихъ съ дѣйствительными геометрическими предметами. Но

что же, спрашивается, дастъ намъ право признать, что то свойство, которое мы постоянно наблюдали бы въ рисункахъ извѣстнаго класса, построенныхъ въ нашемъ воображеніи, есть постоянное свойство всѣхъ реальныхъ предметовъ этого класса? Что здѣсь въ области воображенія будетъ отвѣчать той чертѣ достовѣрной индукціи, по которой экземпляры, изслѣдованные ею, должны быть даны при всевозможныхъ условіяхъ и которая считается необходимой для индукціи достовѣрной? Отвѣчать этой чертѣ въ области воображенія могли бы развѣ только наши попытки всевозможнымъ образомъ модифицировать воображаемые рисунки, исчерпать по возможности всѣ способы составленія ихъ воображеніемъ для того, чтобы убѣдиться, что при всяческихъ усиліяхъ воображенія разнообразить ихъ извѣстное наблюдаемое въ нихъ свойство неизмѣнно остается при нихъ. Но убѣдиться въ этомъ, это значитъ убѣдиться въ томъ, что связь между опредѣленными классовыми свойствами и какимъ либо особымъ наблюдаемымъ у предметовъ этого класса свойствомъ въ нашемъ воображеніи неразрывна, т.-е. что фигура, противорѣчащая доказываемому такимъ способомъ положенію, для насъ совершенно немыслима. И если теперь это убѣжденіе въ немыслимости противорѣчащаго сужденію образа оказывается необходимымъ для того, чтобы мы получили право перенести наблюдаемое свойство съ воображаемыхъ рисунковъ на цѣлый классъ соотвѣтствующихъ дѣйствительныхъ предметовъ, то это будетъ означать, что по крайней мѣрѣ здѣсь, въ области геометрической (и вообще математической) признается право немыслимостію опредѣленныхъ сочетаній пользоваться какъ доказательствомъ невозможности ихъ въ реальномъ мірѣ. Какимъ же образомъ можно будетъ съ этимъ согласить тотъ фактъ, что Милль ведетъ энергическую полемику противъ научнаго значенія ссылокъ на немыслимость исключеній изъ сужденія прямо по поводу признанія достовѣрности геометрическихъ аксіомъ и въ примѣненіи къ этой достовѣрности? Ясно, что эта полемика, по крайней мѣрѣ въ ея непосредственномъ примѣненіи къ геометрическимъ аксіомамъ, есть чистое недоразумѣніе, происшедшее отъ того, что Милль, увѣрившись въ возможности достигать въ геометрической области достовѣрнаго знанія чрезъ наблюденіе надъ образами воображенія, не уяснилъ себѣ, что этотъ путь убѣжденія предполагаетъ достовѣрность тѣхъ неразрывныхъ связей между представленіями, за которыми онъ отрицаетъ всякое научное значеніе. ....

Оставляя въ сторонѣ полемику Милля прямо противъ научнаго значенія немыслимости въ геометрической области, мы можемъ спро-

сить, не могло ли признаніе научнаго значенія неразрывной связи геометрическихъ представленій, оказывающееся необходимымъ для Миллева разъясненія законности убѣжденія въ аксіомахъ на представленіяхъ, разсматриваться какъ совершенно особый случай, который можетъ быть оправданъ своими особыми основаніями и не ведетъ по крайней мѣрѣ къ признанію научнаго значенія немыслимости вообще? Но какія же основанія мы могли бы извлечь для этого изъ разсужденій Милля по поводу этого особаго случая?

Разъясняя право замѣнять въ индукціи, доказывающей геометрическія аксіомы, дѣйствительные предметы воображаемыми рисунками, Милль, какъ мы видѣли, ссылается на особое сходство послѣднихъ съ первыми, зависящее отъ отчетливости геометрическихъ представленій. Но это сходство не можетъ быть, конечно, растолковано Миллемъ, какъ ассоціанистомъ, въ смыслѣ необходимости для образа подчиняться и тѣмъ же законамъ, какимъ подчинены дѣйствительныя геометрическія реальности. Представленія геометрическія, подобно всѣмъ другимъ представленіямъ, сами по себѣ, т.-е. по самому своему содержанію не имѣютъ у него никакихъ тенденцій соединяться одно съ другимъ такъ или иначе; ихъ связи, какихъ бы степеней неразрывности онѣ ни достигали, подобно связямъ между всѣми другими представленіями, суть простой результатъ встрѣчи ихъ въ сознаніи и ассоціацій, совершающихся опять по тѣмъ же законамъ, которымъ подчинено соединеніе всѣхъ другихъ представленій. Такимъ образомъ такихъ основаній для довѣрія неразрывнымъ сочетаніямъ геометрическихъ представленій, которыя предполагали бы особое, не ассоціативное происхожденіе этихъ сочетаній, здѣсь быть не можетъ.

У Милля при разъясненіи процесса убѣжденія въ аксіомахъ на представленіяхъ встрѣчается такая мысль, которая даже и въ томъ случаѣ, если предполагаются одинаковые законы происхожденія всѣхъ связей представленій, можетъ, повидимому, оправдывать особое довѣріе къ связямъ между представленіями одного рода, напримѣръ геометрическими, сравнительно съ связями между другими представленіями.

Милль отрицаетъ право ссылаться на немыслимость исключеній изъ сужденія на основаніи отрицательныхъ инстанцій, на основаніи примѣровъ, которые, по его мнѣнію, доказываютъ, что немыслимость, будучи случайнымъ явленіемъ, можетъ не совпадать съ реальною невозможностью тѣхъ соединеній, которыя оказываются немыслимыми. Но это, конечно, не препятствуетъ ему признавать, что нѣкоторыя изъ немыслимыхъ соединеній и даже очень многія изъ нихъ, и между

ними геометрическія, могутъ совпадать съ случаями, противорѣчащими законамъ соединеній реальностей. Ничто не препятствовало ему и поставить вопросъ, не благопріятствуетъ ли особая отчетливость геометрическихъ представленій тому, чтобы въ геометрической области достигали совершенной неразрывности лишь такія соединенія представленій, которыя точно соотвѣтствуютъ геометрической законосообразности въ бытіи. Для философа, держащагося эмпиристической теоріи знанія, этотъ вопросъ могъ, конечно, быть рѣшенъ только опытомъ. И если геометрическія невообразимости дѣйствительно фактически соотвѣтствуютъ реальнымъ невозможностямъ, то почему это не могло бы быть установлено опытомъ? То право замѣнять въ индукціи дѣйствительные предметы воображаемыми, которое, какъ мы видѣли, Милль выводилъ изъ сходства воображаемыхъ рисунковъ съ дѣйствительными, всего черезъ нѣсколько строкъ послѣ выписанной цитаты, онъ хочетъ дѣйствительно обосновать на опытѣ. „Мы не были бы уполномочены, говоритъ онъ, замѣнять наблюденіями надъ образами въ нашемъ умѣ наблюденіе надъ дѣйствительностію, если бы долговременный опытъ не научилъ насъ, что свойства дѣйствительныхъ предметовъ вѣрно представляются въ образѣ; такимъ же образомъ мы съ научной стороны правы, описывая животное, которое никогда не видали, по его дагерротипному изображенію, но не ранѣе, чѣмъ когда обширный опытъ научилъ насъ, что наблюденіе надъ такимъ изображеніемъ совершенно равносильно съ наблюденіемъ надъ оригиналомъ“ [1].

Но отчего бы неразрывныя связи между представленіями и въ области другихъ представленій, не математическихъ, не могли бы оказаться соотвѣтствующими законамъ реальностей? И отчего бы опытнымъ путемъ мы не могли убѣждаться въ этомъ? Указывая случаи неразрывныхъ соединеній, самъ Милль ставитъ между ними, напримѣръ, и невозможность для насъ представить какое либо тѣло одновременно и все бѣлымъ и все чернымъ [2]), и несомнѣнно, что по его взгляду эта невообразимость соотвѣтствуетъ реальной невозможности. А эта невообразимость касается совсѣмъ не математическихъ представленій и, конечно, знаніе о соотвѣтствіи ея съ реальною невозможностію Милль, согласно съ своими общими взглядами, также могъ объяснять только изъ опыта. Слѣдовательно, при такомъ объясненіи

[1]) *Mill*. Syst. of Log. 1.263; р. пер. 1.268.
[2]) *Mill*. Exam. of Ham. Phil. 67.

не было бы права говорить объ особой отчетливости геометрическихъ (и вообще математическихъ) представленій какъ исключительномъ условіи, дающемъ право научно пользоваться неразрывными связями представленій.

Но сущность дѣла не въ этомъ. Сущность дѣла въ томъ, что если принять, что право доказывать аксіомы чрезъ наблюденіе надъ воображаемыми рисунками должно быть само доказано опытомъ, то оно окажется правомъ, не имѣющемъ никакого смысла, внутреннимъ противорѣчіемъ. Чтобы опытно убѣдиться въ томъ, что неразрывныя геометрическія ассоціаціи соотвѣтствуютъ законамъ геометрическихъ реальностей, для этого нужно сличить эти неразрывныя ассоціаціи съ этими законами. А для того, чтобы имѣть возможность сличить ихъ другъ съ другомъ, предварительно, конечно, нужно опытнымъ путемъ установить тѣ и другіе. Но зачѣмъ послѣ этого мы стали бы уже установленные геометрическіе законы еще разъ устанавливать съ помощію индукціи надъ воображаемыми рисунками? И какую силу могло бы имѣть это новое доказательство ихъ, когда оно предполагаетъ ихъ точную установку для того, чтобы само могло состояться, и когда, слѣдовательно, оно само опирается на принятой уже достовѣрности этой установки?

Кто-нибудь можетъ подумать, что для эмпиризма не трудно избѣжать этого противорѣчія. Вѣдь соотвѣтствіе между неразрывными геометрическими ассоціаціями и соотвѣтствующими геометрическими законами можно, повидимому, доказывать, не имѣя непосредственно дѣла съ геометрическими аксіомами и ассоціаціями, имъ соотвѣтствующими; для этого нужно только установить соотвѣтствіе очень многихъ другихъ неразрывныхъ геометрическихъ ассоціацій другимъ геометрическимъ законамъ и изъ этихъ хорошо установленныхъ многочисленныхъ случаевъ соотвѣтствія геометрическихъ неразрывныхъ ассоціацій геометрическимъ законамъ вывести индуктивнымъ путемъ общую мысль о соотвѣтствіи вообще въ геометрической области неразрывныхъ ассоціацій законамъ; и такимъ образомъ получится право безъ противорѣчія себѣ доказывать геометрическія аксіомы индукціей надъ воображаемыми рисунками. Однако такой путь совсѣмъ не приложимъ къ доказательству геометрическихъ аксіомъ по двумъ причинамъ. Во-первыхъ, когда ставится вопросъ о геометрическихъ аксіомахъ, ставится вопросъ объ основаніяхъ убѣжденія въ послѣднихъ посылкахъ геометрическаго знанія, отъ которыхъ зависитъ убѣжденіе во всѣхъ другихъ геометрическихъ истинахъ, доказываемыхъ съ ихъ помощію.

А при описанномъ сейчасъ способѣ убѣжденія въ аксіомахъ, прямо наоборотъ, признаніе ихъ истинности оказалось бы зависимымъ отъ признанія истинности другихъ геометрическихъ законовъ, которые такимъ образомъ превратились бы въ аксіомы; и вопросъ объ основаніяхъ истинности нѣсколькихъ аксіомъ только смѣнился бы въ этомъ случаѣ вопросомъ объ основаніяхъ истинности огромнаго числа тѣхъ положеній, которыя оказались бы необходимыми для ихъ доказательства. Во-вторыхъ, эти многіе другіе законы, которые необходимо было бы установить ранѣе обоснованія аксіомъ, по большей части не отличаются своею очевидностію подобно аксіомамъ. А это значитъ, что, хотя бы связи между представленіями, входящими въ нихъ, и были неразрывны, все же намъ нельзя убѣждаться въ этой неразрывности непосредственно. Для того, чтобы съ помощію простого наблюденія установить, напримѣръ, равенство суммы угловъ треугольника двумъ прямымъ угламъ или равенство квадратовъ катетовъ прямоугольнаго треугольника квадрату гипотенузы или равенство площади двухъ треугольниковъ, имѣющихъ одинаковыя основанія и высоты,— для этого потребовались бы такіе пріемы и приспособленія, которые совсѣмъ не примѣнимы къ области воображенія. Если же мы не можемъ непосредственно убѣждаться въ неразрывности въ нашемъ воображеніи связей между представленіями, соотвѣтствующихъ большинству геометрическихъ законовъ, то, конечно, не можемъ индуктивно устанавливать и соотвѣтствіе между такими связями и геометрическими законами.

Въ выписанной цитатѣ Милль сравниваетъ возможность для насъ опытно убѣждаться въ правѣ пользоваться при доказательствѣ аксіомъ воображаемыми рисунками съ возможностью опытно убѣждаться въ правѣ судить о животномъ по его дагерротипному изображенію. Сравненіе остроумно; но, если въ немъ дѣло идетъ дѣйствительно о воображаемыхъ рисункахъ, то оно къ дѣлу не подходитъ. Дагерротипное изображеніе имѣетъ въ единичномъ предметѣ свой оригиналъ, который служитъ условіемъ возникновенія этого именно изображенія, и вопросъ о сходствѣ дагерротипныхъ изображеній съ дѣйствительностію есть вопросъ о сходствѣ каждаго такого изображенія съ тѣмъ единичнымъ предметомъ, который служитъ его оригиналомъ. Создаваемые воображеніемъ геометрическіе рисунки не предполагаютъ каждый свой особый оригиналъ, который бы служидъ условіемъ этого именно рисунка, и тотъ вопросъ о сходствѣ этихъ рисунковъ съ дѣйствительностію, рѣшеніе котораго давало бы право переносить наблюдаемое

въ этихъ рисункахъ свойство на весь соотвѣтствующій классъ реальныхъ предметовъ, есть, какъ мы видѣли, совсѣмъ не вопросъ о сходствѣ каждаго такого рисунка съ какимъ-нибудь реальнымъ предметомъ, а вопросъ о сходствѣ неразрывныхъ связей, которыя обнаружились бы одинаково во всѣхъ воображаемыхъ рисункахъ съ законосообразными связями бытія. И къ опытному рѣшенію этого вопроса приступить нельзя, предварительно не установивъ тѣхъ законосообразныхъ связей въ бытіи, которыя должны быть сравнены съ неразрывными связями соотвѣтствующихъ представленій. Я не говорю уже о томъ, что сходство дагерротипныхъ изображеній съ ихъ оригиналами устанавливается экспериментальнымъ путемъ, который по теоріи Милля совсѣмъ не приложимъ къ доказательству послѣднихъ посылокъ знанія.

Выше мы видѣли, что индукція надъ воображаемыми геометрическими рисунками, которая по теоріи Милля достовѣрно убѣждала бы въ аксіомахъ, была бы возможна лишь въ томъ случаѣ, если бы допущена была законность вѣры въ соотвѣтствіе неразрывной связи геометрическихъ представленій геометрической законосообразности въ бытіи. А теперь мы видимъ, что Милль не можетъ указать никакихъ особыхъ основаній для того, чтобы сдѣлать въ области геометрическихъ (и вообще математическихъ) представленій исключеніе изъ общаго своего положенія о неправомѣрности этой вѣры. Отсюда слѣдуетъ, что Миллево признаніе возможности убѣждаться въ аксіомахъ на созерцаніи простыхъ образовъ можетъ быть связано съ его общими эмпиристическими и ассоціонистическими убѣжденіями лишь въ томъ случаѣ, если признать простымъ недоразумѣніемъ полемику его противъ научнаго значенія не только геометрической невообразимости, но и невообразимости вообще.

Въ примѣчаніи къ тому параграфу своей логики, въ которомъ изложенъ сейчасъ разобранный взглядъ, Милль, оспаривая различныя возраженія, высказывавшіяся противъ этого взгляда, придаетъ ему, повидимому, такое толкованіе, при которомъ все, сказанное мною выше, теряетъ всякое значеніе. Здѣсь для обозначенія тѣхъ образовъ, на которыхъ должны доказываться аксіомы, вмѣсто терминовъ „представленіе", „воображеніе" является терминъ „воспоминаніе" (recollection), и все примѣчаніе заканчивается такими замѣчательными словами: „истина въ томъ, что мы можемъ изучать природу и постоянно изучаемъ ее по нашимъ воспоминаніямъ, когда сами предметы отсутствуютъ, и что относительно геометрическихъ формъ мы

11*

можемъ полагаться на наши воспоминанія вполнѣ, а въ большинствѣ другихъ случаевъ только несовершенно" [1]).

Если взять воспоминаніе въ его обычномъ пониманіи и провести эту мысль Милля во всей послѣдовательности, то, конечно, придется принять предполагаемый Миллемъ индуктивный процессъ надъ воображаемыми рисунками за процессъ припоминанія требуемыхъ его достовѣрной индукціей наблюденій надъ дѣйствительными предметами.

Само собою понятно, что при такомъ процессѣ мы могли бы не нуждаться ни въ какой вѣрѣ въ соотвѣтствіе неразрывныхъ связей нашихъ представленій съ законосообразными связями реальностей; намъ даже могло бы не быть никакого дѣла вообще до неразрывныхъ связей представленій. Вѣдь въ подобномъ процессѣ припоминанія результатовъ наблюденій надъ дѣйствительными предметами перенесеніе постоянно наблюдавшагося у воспоминаемыхъ предметовъ свойства на весь классъ этихъ предметовъ могло бы оправдываться прямо тѣмъ же, чѣмъ оно оправдывается въ достовѣрной миллевой индукціи, т. е. тѣмъ, что воспоминаемые теперь предметы при самомъ наблюденіи ихъ въ воспріятіи даны были при всякихъ возможныхъ условіяхъ. Но совершенно очевидно, что не о подобныхъ процессахъ припоминанія результатовъ прежнихъ наблюденій идетъ рѣчь у Милля. Такія припоминанія не только совершенно законно занимаютъ мѣсто во всякой индукціи, но почти изъ нихъ однихъ и состоитъ и можетъ только состоять та индукція простѣйшей формы, которой, по Миллю, должны доказываться всѣ послѣднія посылки знанія. Никогда не было и никогда быть не можетъ, чтобы при индукціи черезъ простое перечисленіе всѣ случаи, нужные для подтвержденія общей истины, могли быть даны фактически въ одномъ актѣ воспріятія. Наблюденія надъ безчисленнымъ множествомъ предметовъ всегда могутъ свидѣтельствоваться только памятью и воспоминаніемъ. И это приложимо не только къ доказательствамъ по этому методу и не только даже къ доказательствамъ по всякому методу, требующему ряда фактовъ, но даже и къ такому, которое требовало бы, положимъ, единичнаго эксперимента. Вѣдь не долженъ же ученый всю свою жизнь ежеминутно совершать этотъ экспериментъ для того, чтобы въ какую угодно минуту имѣть возможность выразить законную увѣренность въ истинѣ, доказываемой съ его помощію. Для него простое твердое сознаніе, что нужный экспериментъ былъ сдѣланъ и

---

[1]) *Mill.* Syst. of Log. 1, 264; р. пер. 1, 265.

результатъ былъ точно наблюдаемъ, конечно, совершенно достаточно для того, чтобы считать научно обоснованнымъ положеніе, вытекающее изъ него. А поэтому не убѣжденіе только въ геометрическихъ (и вообще математическихъ) аксіомахъ, предполагающихъ отчетливыя представленія, но убѣжденіе въ какихъ угодно истинахъ, какія бы представленія, отчетливыя или неотчетливыя, въ нихъ ни входили, и о какой-бы связи онѣ ни говорили, „существующей ли въ данное мгновеніе и на первый взглядъ" или предполагающей „недоступное рисункамъ дѣйствіе тѣлъ другъ на друга", всегда неизбѣжно основывается на ранѣе наблюдавшихся и теперь только воспоминаемыхъ фактахъ. И объяснять процессъ убѣжденія въ аксіомахъ, совершающійся на представленіяхъ, этого рода воспоминаніями—это значило бы весь процессъ установки и даже не только всѣхъ высшихъ посылокъ знанія, но и вообще всего знанія, насколько оно выходитъ за предѣлы даннаго въ настоящій моментъ воспріятія, свести на процессъ усмотрѣнія истины на простыхъ образахъ. А отрицаніе надлежащей точности и обще-научнаго значенія у процессовъ такого рода всюду кромѣ математики должно повести къ отрицанію дѣйствительнаго знанія во всѣхъ наукахъ кромѣ математики, какъ это было у Юма, въ прямое противорѣчіе съ тѣмъ признаніемъ достовѣрности научнаго знанія, которое отличаетъ представителей новаго эмпиризма.

Что же Милль разумѣлъ и могъ разумѣть подъ воспоминаніями, когда обозначалъ этимъ терминомъ въ примѣчаніи то, что въ текстѣ логики называлъ воображаемыми рисунками?

Въ томъ же примѣчаніи высказывая ту мысль, что воспоминанія о цвѣтахъ или запахахъ могутъ также стать въ особыхъ частныхъ случаяхъ предметомъ опыта, Милль для поясненія говоритъ, что лицо, которое видѣло два голубыхъ цвѣтка порознь и не сравнивало ихъ, могло бы (если бы впечатлѣнія его были живы и отчетливы) впослѣдствіи дать точный отвѣтъ на вопросъ, какой изъ цвѣтковъ имѣлъ болѣе темный оттѣнокъ. Не дается ли этимъ понять, что дѣло идетъ о такихъ случаяхъ воспоминанія, когда съ помощію воспоминанія устанавливается такая особенность предмета, бывшаго въ воспріятіи, которая не была прямо констатирована сознаніемъ во время наблюденія предмета при самомъ его воспріятіи и которая удостовѣряется для сознанія впервые чрезъ созерцаніе образа воспоминаемаго предмета? Но и такое предположеніе совершенно не допустимо.

Отожествленіе воображаемыхъ рисунковъ съ воспоминаніями, понимаемыми въ этомъ смыслѣ, могло бы избавлять отъ затрудненій

взглядъ Милля на процессъ убѣжденія въ аксіомахъ на образахъ лишь въ томъ случаѣ, когда бы предполагалось, что какъ скоро въ воспоминаемомъ образѣ предмета созерцается нами то свойство, отношеніе котораго къ этому предмету мы хотимъ установить, тотчасъ пробуждается воспоминаніе, что это свойство существовало въ предметѣ и при воспріятіи его нами, и на основаніи этого пробудившагося воспоминанія мы и приписываемъ предмету это свойство. Предположимъ, наоборотъ, что о свойствѣ, созерцаемомъ нами въ воспоминаемомъ образѣ предмета, воспоминаніе опредѣленно не говоритъ намъ, что оно существовало при его воспріятіи, и мы приписываемъ его предмету исключительно потому, что оно невольно возникаетъ въ его образѣ, даже неотдѣлимо отъ этого образа. О чемъ же этотъ фактъ могъ бы свидѣтельствовать, когда онъ повторился бы и при созерцаніи также воспоминаемыхъ образовъ безчисленныхъ другихъ предметовъ того же класса, которые предполагаются индукціей? Конечно, для ассоціониста онъ могъ бы свидѣтельствовать только о томъ, что ассоціація этого свойства съ классовыми свойствами всѣхъ этихъ предметовъ на столько сильна, что представленіе этого свойства неизбѣжно входитъ въ представленіе каждаго предмета этого класса. Вѣдь все равно, имѣли ли бы всѣ до одного предметы этого класса это свойство или встрѣчались бы исключенія изъ этого правила, образы этихъ предметовъ во всякомъ случаѣ должны бы были, по Миллю, оказаться съ этимъ свойствомъ, какъ скоро ассоціація неразрывна. Что же въ такомъ случаѣ будетъ доказывать индукція, совершающаяся съ помощію этихъ образовъ, если она не основывается на вѣрѣ, что неразрывная ассоціація между извѣстными представленіями есть доказательство законосообразной связи между соотвѣтствующими реальностями?

Съ другой стороны, предположить, что по мнѣнію Милля въ этой индукціи созерцаемое въ образахъ опредѣленное свойство соединяется съ воспоминаніемъ о существованіи его въ каждомъ изъ воспоминаемыхъ предметовъ и на этомъ именно воспоминаніи и основывается приписаніе нами этого свойства этимъ предметамъ, также совершенно невозможно. Можно сомнѣваться, чтобы Милль счелъ возможнымъ такими случайными воспоминаніями наполнить индуктивный процессъ, который долженъ изобиловать предметами, относящимися ко всякому мѣсту и времени и ко всякимъ условіямъ. Притомъ же тотъ процессъ убѣжденія въ аксіомахъ на созерцаніи простыхъ образовъ, на который ссылались защитники чисто умозрительнаго убѣжденія въ аксіомахъ, былъ процессомъ убѣжденія на образахъ, никакъ не

воспоминаемыхъ, а въ собственномъ смыслѣ воображаемыхъ. И Милль, конечно, хорошо понимаетъ это и въ этомъ именно смыслѣ излагаетъ ихъ взглядъ съ цѣлью противопоставить ему собственное разъясненіе этого процесса. И изложивъ этотъ взглядъ, Милль не говоритъ ни того, что защитники умозрительнаго убѣжденія въ аксіомахъ ошибочно описываютъ этотъ процессъ какъ процессъ, совершающійся надъ рисунками, въ собственномъ смыслѣ воображаемыми а не воспоминаемыми, ни того, что описываемый ими процессъ надъ воображаемыми рисунками не можетъ давать достовѣрнаго знанія, которое требуетъ не воображаемыхъ рисунковъ, а воспоминаній. Милль просто берется, не предполагая умозрительнаго знанія, исключительно изъ особой отчетливости геометрическихъ представленій объяснить возможность и достовѣрность этого самого процесса, на который ссылались защитники умозрительнаго характера геометрическаго знанія. Развѣ могъ бы онъ такъ ставить дѣло, если бы предполагалъ, что созерцаемыя на рисункахъ свойства должны быть прикрѣплены къ предметамъ прямыми воспоминаніями о фактахъ воспріятія,—воспоминаніями, для которыхъ совсѣмъ не было мѣста въ процессахъ, о которыхъ говорили его противники? Сущность процесса Милль разъясняетъ какъ наблюденіе надъ воображаемыми рисунками, какъ такіе опыты надъ ними, „которые единственно состоятъ во внимательномъ ихъ созерцаніи", какъ „единственно въ мысли совершающійся процессъ надъ образами безъ дѣйствительнаго воспріятія" предметовъ. Развѣ можно было такъ характеризовать процессъ, если предполагалось, что созерцаемое на образахъ приписывается предметамъ исключительно въ силу ссылки памяти на предшествующія воспріятія, что эта ссылка играетъ самую существенную роль во всемъ процессѣ? Своимъ разъясненіемъ процесса, по его собственнымъ словамъ, Милль хочетъ доказать, что вслѣдствіе отчетливости геометрическихъ образовъ и происходящаго отсюда сходства ихъ съ дѣйствительными геометрическими реальностями мы „по воображаемымъ линіямъ можемъ судить о дѣйствительныхъ съ тою же достовѣрностью, какъ по одной дѣйствительной линіи о другой". Но ужели же можно предположить, что Милль думаетъ, что воспоминаніе о принадлежности извѣстнаго свойства извѣстному предмету, вызванное созерцаніемъ образа этого предмета, только благодаря отчетливости геометрическихъ представленій, можетъ давать право приписать это свойство этому предмету,—да притомъ еще давать право лишь въ той же степени, въ какой его давало бы разсмотрѣніе совсѣмъ другого дѣйстви-

тельнаго предмета, относящагося только къ тому же классу? Если бы дѣло шло объ отнесеніи къ предметамъ такихъ свойствъ, о существованіи которыхъ въ предметахъ свидѣтельствуетъ воспоминаніе, тогда Милль могъ бы сравнивать достовѣрность этого отнесенія только съ достовѣрностію воспріятій тѣхъ же самыхъ предметовъ, а никакъ не съ достовѣрностію выводовъ отъ однихъ предметовъ того же класса къ другимъ. Такимъ образомъ мы опять приходимъ къ тому же вопросу: что же именно разумѣется Миллемъ подъ геометрическими воспоминаніями, которыя неожиданно являются въ его примѣчаніи?

Тотчасъ же за признаніемъ возможности въ особыхъ исключительныхъ случаяхъ изучать даже запахи и цвѣта предметовъ по воспоминаніямъ Милль въ томъ же примѣчаніи переходитъ къ вопросу о воспоминаніи геометрическихъ формъ. Онъ начинаетъ изложеніе своего взгляда по этому предмету замѣчаніемъ, что и эти воспоминанія у иныхъ людей сохраняются въ памяти очень не точно, напримѣръ, очертаніе различныхъ частей лица того или другаго человѣка даже послѣ продолжительнаго знакомства съ нимъ. „Но, продолжаетъ онъ, каждый имѣетъ совершенно опредѣленный умственный образъ прямой линіи, круга или прямоугольника. И каждый съ увѣренностію заключаетъ отъ этихъ умственныхъ образовъ къ соотвѣтствующимъ внѣшнимъ вещамъ". Указываемый въ этихъ словахъ процессъ, который и долженъ служить поясненіемъ для убѣжденія въ аксіомахъ, получаемаго чрезъ созерцаніе образовъ, ставится здѣсь Миллемъ въ одинъ рядъ съ описанными передъ нимъ случаями точныхъ и неточныхъ воспоминаній частныхъ единичныхъ предметовъ, но тѣмъ не менѣе оказывается очень отличнымъ отъ нихъ. Приписываніе внѣшнимъ предметамъ того, что созерцается въ образѣ, оказывается здѣсь не припоминаніемъ того факта, что это созерцаемое свойство было фактически дано на единичныхъ предметахъ, опредѣленныхъ по мѣсту, времени и остальнымъ условіямъ, а характеризуется какъ *заключеніе изъ совершенно опредѣленнаго для насъ образа того или другого общаго геометрическаго понятія*, напримѣръ, прямой линіи, круга и пр. Изъ этихъ словъ ясно, что и при этомъ обращеніи Милля къ воспоминаніямъ совершенно такъ же, какъ при разъясненіи того же процесса въ самомъ текстѣ логики, у Милля совсѣмъ не предносилась сколько-нибудь опредѣленная мысль объ обозрѣніи огромнаго числа единичныхъ предметовъ, различающихся по мѣсту, времени, обстоятельствамъ, какъ требуетъ того его научная индукція. Онъ просто смотритъ на „совершенно опредѣленные для насъ образы" тѣхъ

или другихъ геометрическихъ понятій, на сколько они оказываются совершенно опредѣленными, т. е. на сколько въ нихъ классовыя свойства оказываются неразрывно связанными съ нѣкоторыми другими свойствами, какъ на точныя копіи какихъ угодно реальныхъ предметовъ, подходящихъ подъ тѣже понятія. И въ силу этого эти неразрывно связанныя съ общимъ понятіемъ свойства онъ разсматриваетъ какъ невольное воспоминаніе, которое не можетъ не быть приложимо къ какимъ угодно изъ воспринятыхъ прежде предметовъ, подходящихъ подъ соотвѣтствующее понятіе. Вслѣдствіе этого не только оказывается совершенно излишнимъ созерцаемое въ воспоминаемомъ образѣ свойство закрѣплять особымъ припоминаніемъ того, что это свойство существовало въ предметѣ при его воспріятіи, но оказывается совершенно излишнимъ и вообще отчетливое воспоминаніе единичныхъ случаевъ, требуемыхъ индукціею. Понятно, что процессъ, къ которому прилагается терминъ воспоминаніе, на самомъ дѣлѣ ничѣмъ инымъ и не можетъ быть какъ только „заключеніемъ изъ вполнѣ опредѣленныхъ для насъ образовъ“ тѣхъ или другихъ общихъ геометрическихъ понятій. Милль не замѣчаетъ, что описанный такъ процессъ ничего не имѣетъ общаго съ его индукціей, какъ методомъ доказательства общихъ истинъ, а его воспоминаніе, какъ примѣняется оно имъ къ этому процессу, есть на самомъ дѣлѣ простое проявленіе той неразрывной связи однихъ представленій съ другими, которое онъ призналъ результатомъ неимѣющей научнаго значенія ассоціаціи.

Не уяснивъ себѣ, что въ основаніи процесса усмотрѣнія истинности аксіомъ на представленіяхъ, лежитъ неразрывная связь представленій, Милль вынужденъ обращаться въ разныя стороны для его объясненія, то ссылаясь на особую отчетливость геометрическихъ представленій, то ища въ долголѣтнемъ опытѣ удостовѣренія въ правѣ положиться на нихъ, то отожествляя ихъ съ воспоминаніями. Твердымъ остается у него одно: стоя самъ подъ очарованіемъ этого процесса, онъ не можетъ допустить мысли объ его недостовѣрности. Но этимъ онъ фактически, самъ того не замѣчая, беретъ назадъ всю свою полемику противъ научнаго значенія неразрывныхъ связей между представленіями.

М. Каринскій.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

КРИТИКА И БИБЛІОГРАФІЯ.

Критико-библіографическій обзоръ Пушкинской юбилейной литературы 1899—1900 гг. [1]).

IV.

Біографическіе очерки частнаго характера.

Назидательнѣе, чѣмъ общіе очерки, для насъ тѣ работы, которыя посвящены отдѣльнымъ вопросамъ пушкинской біографіи. Остановимся, хотя бы, на любопытномъ антропологическомъ эскизѣ проф. Анучина [2]). Почтенный авторъ посвящаетъ свою работу вопросу объ африканскомъ происхожденіи нашего великаго поэта; на основаніи изученія его портретовъ и скульптурныхъ изображеній онъ, съ антропологической точки зрѣнія, анализируетъ характерныя наслѣдственныя черты пушкинской природы. Въ связи съ этими изысканіями будетъ дальнѣйшая работа автора, въ которой онъ обѣщаетъ намъ „очеркъ психической личности" поэта, поскольку она сложилась подъ вліяніемъ наслѣдственности.

Дѣтство Пушкина въ родной семьѣ, къ сожалѣнію, до сихъ поръ не послужило предметомъ обстоятельной монографіи, а потому біографы, за неимѣніемъ матеріаловъ, до сихъ поръ почти не останавливали своего вниманія на этой важной порѣ въ жизни нашего поэта: въ нашемъ распоряженіи есть лишь нѣсколько, болѣе или менѣе, остроумныхъ характеристикъ отца и матери поэта.

---

[1]) *Продолженіе.* См. апрѣльскую книжку *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія* за 1901 годъ.

[2]) *Д. Н. Анучинъ*, „А. С. Пушкинъ", М. 1899 (антропологическій этюдъ), (*Русскія Вѣдомости*, №№ 99, 106, 114, 120, 127, 134, 143, 163, 172, 180, 193, 209, есть отд. оттиски).

Впрочемъ, изъ юбилейныхъ статей, посвященныхъ дѣтству и юности Пушкина [1]), отмѣтимъ статью г. Глинскаго [2]) въ юбилейномъ сборникѣ „Дѣтскаго Чтенія", а также небольшую замѣтку г. Поселянина [3]): „Русская няня" (М. 1899), въ которой авторъ, кромѣ Арины Родіоновны, даетъ еще нѣсколько образовъ русскихъ нянь изъ другихъ произведеній русской литературы.

За то лицейская жизнь юнаго поэта представлена довольно хорошо. Прежде всего стоитъ остановиться на перепечаткѣ (съ дополненіями) извѣстнаго труда академика Грота о лицейской жизни и товарищахъ Пушкина [4]). Кромѣ мемуаровъ, тамъ напечатанныхъ (С. Д. Комовскаго, съ примѣчаніями М. Я. Яковлева, и общаго очерка М. А. Корфа), мы встрѣчаемъ еще рядъ свѣдѣній о школьныхъ сверстникахъ поэта, объ его учителяхъ и воспитателяхъ, нѣсколько данныхъ о состояніи учебно-воспитательной части въ лицеѣ временъ Пушкина и о немъ самомъ въ бытность его лицеистомъ. Второе изданіе капитальной работы Я. К. Грота вызвало интересную статью Л. Н. Майкова на страницахъ „Русской Старины" [5]). Л. Н. Майковъ, выступая на защиту Пушкина противъ Корфа, даетъ прежде всего интересную литературную исторію его записки о Пушкинѣ и совершенно справедливо указываетъ на односторонность сужденія М. А. Корфа, но, на нашъ взглядъ, напрасно не останавливается на этомъ; сквозь строки его очень, впрочемъ, осторожной статьи сквозитъ желаніе вообще подорвать довѣріе къ свидѣтельству Корфа. Мы думаемъ, что все сказанное въ запискѣ Корфа—правда, но, конечно, это небольшая часть всей правды, которую можно сказать о Пушкинѣ, а потому показанія Корфа, хотя и цѣнны и назидательны, но далеко не исчерпываютъ всѣхъ сторонъ пушкинскаго духа. Будемъ же вѣрить М. А. Корфу, но не забудемъ и восклицанія Пушкина, которое вырвалось у него при чтеніи матеріаловъ, собранныхъ біографомъ Байрона, — пусть читатель записокъ Корфа сумѣетъ отнестись къ нимъ безъ злорадства, безъ суровыхъ приговоровъ и упрековъ поэту, пусть смотритъ

---

[1]) Въ юбилейной литературѣ самая удачная, на нашъ взглядъ, характеристика домашней жизни поэта принадлежитъ г. Ив. Иванову („Дни покаянія", *Міръ Божій*, 1899, № 5).

[2]) *Б. Глинскій* въ *Пушк. Сб. библ. Дѣтскаго Чтенія.* (М. 1899).

[3]) *Е. Поселянинъ*, *Русская няня* (М. 1899).

[4]) *Я. К. Гротъ*, „Пушкинъ, его лицейскіе товарищи и наставники", 2 изд. 1899.

[5]) *Л. Н. Майковъ*, „Пушкинъ въ изображеніи М. А. Корфа", *Русская Старина*, 1899, № 8, 299.

на нихъ, какъ на цѣнный матеріалъ для спокойнаго изученія души Пушкина, для уясненія той борьбы, которая вознесла вулканическую натуру поэта изъ тьмы хаоса, тревоги и плотской суеты на чистыя, безоблачныя высоты божественно уравновѣшеннаго просвѣтленнаго духа!

Очень цѣнна работа г. Кобеко, посвященная исторіи лицея пушкинскихъ временъ [1]). Здѣсь на первомъ мѣстѣ вырисовывается симпатичный образъ Энгельгардта и его юныхъ друзей. Пушкинъ остается въ тѣни, хотя имя его мелькаетъ порою въ письмахъ Энгельгардта.

Представляетъ нѣкоторый интересъ и рѣчь г. Анненскаго, въ которой онъ выяснилъ роль Царскаго Села въ жизни и творчествѣ Пушкина [2]). Въ работѣ этой мы встрѣчаемъ умѣлую группировку стихотвореній, посвященныхъ Царскому Селу: по мнѣнію автора, царскосельскіе дворцы, сады и памятники, отъ которыхъ вѣяло еще свѣжимъ ароматомъ XVIII вѣка, внушали юношѣ-поэту „державинскія" настроенія: „въ Царскомъ Селѣ поэта окружали памятники нашего недавняго прошлаго, въ немъ жилъ еще своей грандіозной и блестящей стороной нашъ восемнадцатый вѣкъ, и Пушкинъ долженъ былъ тѣмъ живѣе чувствовать славу и обаяніе недавнихъ подвиговъ русскаго оружія, что его первые царскосельскіе годы совпали съ событіями отечественной войны. Не отсюда ли, не изъ этихъ ли садовъ, не отъ этихъ ли памятниковъ, простыхъ и строгихъ, но много говорившихъ сердцу впечатлительнаго юноши, идутъ тѣ *величавые* образы, которые такъ безконечно разнообразны на страницахъ его поэзіи?.. Не здѣсь ли Пушкина стали волновать впервые идеи исторической правды и возмездія" [3])? Предполагаетъ, между прочимъ, г. Анненскій, что великолѣпіе царскосельскихъ садовъ и дворцовъ отразилось на соотвѣтствующихъ картинахъ „Руслана и Людмилы". Онъ далѣе говоритъ о жизни и занятіяхъ Пушкина въ Лицеѣ, совершенно неосновательно пытается уничтожить автобіографическія черты въ герояхъ его раннихъ поэмъ и „Евгенія Онѣгина", невѣрно характеризуетъ Пушкина какимъ-то поэтомъ „про себя", скрытнымъ, „болѣзненно-цѣломудреннымъ" и, говоря о его поэзіи, совершенно правильно замѣчаетъ, что „гуманность Пушкина была явленіемъ высшаго порядка: она не дразнила воображенія картинами нищеты и страданія, и туманомъ слезъ не заволакивала

---

[1]) *Д. Ө. Кобеко*, „Директоръ Царскосельскаго Лицея Е. А. Енгельгардтъ и его питомцы", *Вѣстникъ Всемірной Исторіи* (1899, № 12).

[2]) *И. Анненскій*, „Пушкинъ и Царское Село", Спб. 1899.

[3]) Тамъ же, 14—15.

сознанія; ея источникъ былъ не въ мягкосердечіи, а въ пониманіи и чувствѣ справедливости“ [1]).

Петербургскаго періода жизни Пушкина касается интересная работа г. Модзалевскаго [2]); она посвящена біографіи пріятеля Пушкина по „Зеленой Лампѣ“—Я. Н. Толстаго. Сначала авторъ подбираетъ рядъ любопытныхъ данныхъ для характеристики этого кружка, что, конечно, особенно любопытно для біографа нашего поэта, а затѣмъ отходитъ отъ Пушкина и всецѣло занимается Я. Н. Толстымъ, его жизнью и литературной дѣятельностью.

Изъ общихъ очерковъ, посвященныхъ жизни и дѣятельности Пушкина на югѣ Россіи, назовемъ, прежде всего, работу г. Булашева [3]). Главное достоинство ея—обстоятельный подборъ данныхъ [старыхъ и новыхъ] [4]), касательно жизни поэта на югѣ Россіи, главный недостатокъ—полное отсутствіе самостоятельности. Г. Булашевъ далъ намъ сводъ извѣстныхъ и малоизвѣстныхъ матеріаловъ, приводя ихъ цѣлыми страницами или очень близко пересказывая, но не сумѣлъ критически отнестись къ тому мозаичному образу поэта, что сложился передъ нимъ послѣ такого пользованья матеріалами, — онъ собралъ матеріалъ, распредѣлилъ его и остановился передъ „творчествомъ“.

Изъ недостатковъ, менѣе существенныхъ, отмѣтимъ нѣкоторыя неточности въ біографіи поэта: нельзя, напримѣръ, безъ оговорокъ принять утвержденіе, что Пушкинъ послѣ лицея „чуть не на каждомъ шагу ставилъ себя въ довольно ложное положеніе“, тѣмъ, что „*льнулъ* къ золотой молодежи“, которая въ „*недоумѣніи* сторонилась отъ невѣдомаго пришельца“ [5]),—или: „Пушкинъ отнесся къ стрясшейся надъ нимъ бѣдѣ съ полною беззаботностью и чисто дѣтскимъ добро-

---

[1]) Тамъ же, 37.

[2]) *Б. Л. Модзалевскій*, „Яковъ Николаевичъ Толстой“ (*Русская Старина*, 1899, № 9—10).

[3]) *Г. О. Булашевъ*, „А. С. Пушкинъ на югѣ Россіи“ („Сборникъ Пушкину“, изд. Кіевскаго Педагогическаго общества“), Кіевъ, 1899, ч. II, 1 (есть отдѣльные оттиски).

[4]) Изъ старыхъ работъ пользуется авторъ, главнымъ образомъ, трудами Бартенева, Анненкова, Яковлева; изъ новыхъ: статьями изъ *Правды* (1880, 23, 24, 27-го мая), *Мацѣевича* (*Историческій Вѣстникъ*, 1883, № 5), воспоминаніями *Францовой* (*Русское Обозрѣніе*, 1897, № 3), *Ив. Өедорова* (*Историческій Вѣстникъ*, 1890, № 5), записками *Смирновой*.

[5]) *Булашевъ*, op. cit. II, 2.

душіемъ" [1]),—что прямо невѣрно, такъ какъ хорошо извѣстно, что первое время онъ и перепугался, и растерялся. Обсужденіе вопроса о государственномъ переворотѣ, имѣвшее мѣсто у Раевскихъ при Пушкинѣ, г. Булашевъ назвалъ „формальнымъ совѣщаніемъ" [2]), тогда какъ это было лишь мистифицированіе поэта. Любопытно затѣмъ, что кишиневскіе дебоши и байронизмъ для автора, повидимому, синонимы [3]). Поэтому, съ его точки зрѣнія, періодъ пушкинскаго байронизма совпадаетъ у него съ эпохами скандаловъ: когда они подъ вліяніемъ общества Раевскихъ прекращаются, тогда байронизмъ поэта „перегораетъ"; когда поэтъ отъ Раевскихъ попадаетъ въ скандальный Кишиневъ,—онъ опять, оказывается, подпадаетъ вліянію англійскаго поэта. Впрочемъ, поведеніе Пушкина въ Кишиневѣ до нѣкоторой степени оправдывается авторомъ: по его мнѣнію, съ кишиневскими жителями „другого обращенія и не могло быть, чтобы удержать ихъ въ должныхъ границахъ" [4]). „Разсужденіе автора о „двухъ Пушкиныхъ", реальномъ и идеальномъ, о просвѣтлѣніи поэта путемъ „чистаго творчества", о „вѣдѣніи зла" etc. не отличаются ясностью [5]).

Заявленіе г. Булашева, что Пушкинъ „горячо" взялся за „обрусѣніе" кишиневской *канцеляріи* [6]), такъ странно, что останавливаться на немъ не будемъ. Отношенія поэта къ Инзову представлены невѣрно: Пушкинъ, якобы, отвѣчалъ на выговоры „дурачливыми (?) оправданіями, въ которыхъ явно сквозила насмѣшка надъ Инзовымъ" [7]). Г. Булашевъ увидѣлъ въ „Бахчисарайскомъ фонтанѣ" „въ значительной степени вліяніе" Байрона, „въ созданіи образа влюбленнаго крымскаго хана Гирея" [8])—еще одно доказательство, какъ неясенъ автору Байронъ и значеніе его въ творчествѣ и жизни Пушкина. Въ „Бахчисарайскомъ фонтанѣ" Байронъ сказался только въ томъ восточномъ колоритѣ, заимствованіе котораго самъ Пушкинъ признавалъ. О томъ, что поэтъ въ Одессѣ писалъ „цѣлые трактаты" [9]) о романтизмѣ, мы узнаемъ впервые отъ г. Булашева.

---

[1]) Тамъ же, 3.
[2]) Тамъ же, 23.
[3]) Тамъ же, 25, 60.
[4]) Тамъ же, 27.
[5]) Тамъ же, 29—30, 32.
[6]) Тамъ же, 40.
[7]) Тамъ же, 48.
[8]) Тамъ же, 78.
[9]) Тамъ же, 90.

Обширное пользованіе записками Францовой и Иванова, особенно послѣдняго, на нашъ взглядъ дѣло очень опасное, такъ какъ сочиненность ихъ чувствуется и въ литературности, и въ обширныхъ діалогахъ, и въ мелодраматичности (Ивановъ).

Говоря о жизни Пушкина у Раевскихъ, г. Булашевъ утверждаетъ, что Пушкинъ былъ влюбленъ въ Марію Николаевну Раевскую [1]; это онъ доказываетъ тѣми стихотворными воспоминаніями о поэтѣ, которыя Некрасовъ въ „Русскихъ Женщинахъ" вложилъ въ уста Маріи Николаевны, жены декабриста князя С. Г. Волконскаго.

Коренные недостатки работы г. Булашева особенно рельефно вырисовываются, когда мы сравнимъ ее съ небольшимъ, но очень цѣннымъ этюдомъ г. Александровскаго [2]). Авторъ приступаетъ къ разбираемому имъ вопросу вполнѣ сознательно, съ опредѣленными точками зрѣнія, положивъ въ основу своей работы рядъ ясно продуманныхъ имъ теоретическихъ взглядовъ. Параллельно съ жизнью поэта, г. Александровскій рисуетъ его литературную дѣятельность на югѣ. Большое мѣсто въ его работѣ занимаетъ вопросъ о байронизмѣ Пушкина, — въ рѣшеніи котораго онъ примыкаетъ къ нашей точкѣ зрѣнія [3]).

Г. Маркевичъ далъ любопытный очеркъ жизни Пушкина на югѣ [4]). Передъ нами обстоятельная характеристика общественной жизни Кишинева и Одессы, живые наброски тогдашняго Крыма и Кавказа, перечислены произведенія Пушкина, связанныя съ Новороссійскимъ краемъ, выяснены отношенія тамошняго общества къ Пушкину и отмѣченъ тотъ высокій интересъ, съ которымъ относится къ памяти поэта теперешняя интеллигенція южной Россіи. Совершенно справедливо указавъ на то, что извѣстность Пушкина среди большой публики завоевана была поэтомъ во время его изгнанія на югъ („Русланъ и Людмила" напечатана была въ бытность Пушкина въ Кишиневѣ), авторъ однако преувеличилъ значеніе юга, утверждая, что

---

[1]) *Г. Карскій* высказалъ предположеніе, что поэтъ послѣдовательно отъ увлеченія старшей сестрою Екатериною Николаевною перешелъ къ Еленѣ. Теперь, слѣдовательно, мы имѣемъ трехъ возможныхъ богинь пушкинскихъ пѣснопѣній.

[2]) *Г. В. Александровскій*, „Изъ юбилейныхъ чтеній о Пушкинѣ", I. Жизнь и творчество А. С. Пушкина на югѣ Россіи, II. Поэтъ-эхо. (Ежегодникъ коллегіи Павла Галагана, 1898—1899, есть отд. оттискъ).

[3]) *В. В. Сиповскій*, „Пушкинъ, Байронъ и Шатобріанъ", Спб., 1899.

[4]) *А. И. Маркевичъ*, „Пушкинъ и Новороссійскій край", „Пушкинскіе дни въ Одессѣ". (Сборн. Имп. Новоросс. У-та, Одесса, 1900 г.).

„только на югѣ Россіи окончательно опредѣлилась личность Пушкина въ томъ видѣ, въ какомъ она всѣмъ намъ дорога“ [1]).

Мы отмѣтили уже выше, что пребываніе на югѣ было въ жизни поэта эпохой броженія, своего рода Sturm und Drang'омъ, продолженіемъ петербургской жизни поэта.

Г. Житецкій тоже далъ намъ очеркъ жизни Пушкина на югѣ [2]). По его собственному заявленію, онъ „ничего новаго не думалъ сообщить въ своей работѣ; цѣль его напомнить читателямъ „Кіевской Старины“ въ годъ, когда исполнилось сто лѣтъ со дня рожденія Пушкина, о тѣхъ мѣсяцахъ, которые провелъ поэтъ въ Малороссіи“. Однако, не ограничиваясь почему-то Малороссіею, авторъ захватываетъ всю жизнь поэта съ окончанія лицея до возвращенія на сѣверъ. Содержаніе этого очерка очень неровно; изложеніе неряшливо, впечатлѣніе поэтому получается нецѣльное. Касается авторъ и вопроса о литературныхъ вліяніяхъ, говоритъ много о Байронѣ.

Жизни Пушкина въ Кишиневѣ посвященъ цѣлый рядъ очерковъ. Г. Халиппа далъ очень обстоятельный очеркъ города Кишинева [3]); его топографію, перечень извѣстныхъ или любопытныхъ жителей его въ 20-хъ годахъ XIX-го столѣтія, описаніе достопримѣчательностей города, поскольку онѣ связаны были съ жизнью Пушкина. Авторъ умѣло воспользовался разными извѣстными мемуарами (Липранди, Вельтманъ) и другими данными и далъ работу, очень цѣнную для будущаго біографа Пушкина. Къ работѣ г. Халиппы приложена подписка бессарабцевъ на 1-е посмертное изданіе сочиненій Пушкина, выпущенное въ пользу его семейства.

Работа г. Шимановскаго, посвященная, судя по заглавію, описанію жизни поэта въ Кишиневѣ [4]), представляетъ на дѣлѣ всю біографію поэта: [1) общая характеристика, 2) вліяніе петербургскаго общества, 3) Пушкинъ на югѣ Россіи до пріѣзда въ Кишиневъ, 4) Пушкинъ въ Кишиневѣ, 5) Пушкинъ въ Одессѣ, 6) Пушкинъ въ с. Михайловскомъ, 7) Пушкинъ на свободѣ]. Новаго въ этой работѣ

---

[1]) Тамъ же, 137.

[2]) *И. П. Житецкій*, „Изъ первыхъ лѣтъ жизни Пушкина на югѣ Россіи“ (*Кіевская Старина*, 1899, есть отд. оттискъ).

[3]) *Ив. Халиппа*, „Городъ Кишиневъ временъ жизни въ немъ Александра Сергѣевича Пушкина“ (1820—1823), Кишиневъ, 1899.

[4]) *А. Н. Шимановскій*, „Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ въ связи съ предыдущей и послѣдующей жизнью“. Кишиневъ, 1900.

ничего нѣтъ. Характеристика внутренняго облика поэта схвачена довольно вѣрно, но выражена она довольно странно.

Работа г. Воскресенскаго [1]) также не представляетъ особаго интереса,—это легкій очеркъ жизни поэта въ Кишиневѣ. Приведена мелодраматическая канва для „Цыганъ“ и приложено стихотвореніе, яко-бы, пушкинское:

„Тамъ всѣ поэта презираютъ
„И „дракулъ руссулъ“ называютъ“ etc.

—извлеченное изъ альбома одного каларашскаго помѣщика. Ольга Накко дала живой беллетристическій разсказъ, посвященный тоже жизни поэта въ Кишиневѣ [2]). Образъ поэта выдержанъ вѣрно, читается поэтому разсказъ живо и можетъ быть отнесенъ смѣло къ разряду „Wahrheit und Dichtung“, которыми историкъ пренебрегать не долженъ. О матеріалахъ, касающихся жизни Пушкина въ Бессарабіи, мы говорили выше (глава II), отмѣтимъ лишь небольшую замѣтку о генералѣ Инзовѣ [3]), представляющую нѣкоторый интересъ.

О *первомъ* путешествіи Пушкина на Кавказъ никакихъ статей мы не имѣемъ,—касательно же пребыванія Пушкина въ Крыму кое-что есть.

Такъ, очень цѣнна прекрасно написанная работа г. Карскаго [4]). Прекраснымъ языкомъ, увлекательно авторъ обрисовалъ настроеніе поэта во время жизни его въ Крыму, очень искусно подобралъ всѣ стихотворенія, относящіяся по содержанію къ этой эпохѣ, письмами поэта иллюстрировалъ свои разсказы о Керчи, Ѳеодосіи, Гурзуфѣ и Симферополѣ. Работа эта, безспорно, одна изъ лучшихъ монографій, посвященныхъ поэту.

Въ такомъ же родѣ работа г. Арсенія Маркевича [5]). Авторъ прекрасно подобралъ всѣ произведенія поэта, въ которыхъ отразилось его увлеченіе природой и впечатлѣніями Крыма, извлекъ ихъ даже изъ черновыхъ набросковъ, отмѣтилъ проблески крымскихъ воспоминаній въ другихъ, позднѣйшихъ произведеніяхъ.

Пребыванію Пушкина въ Каменкѣ посвящены тоже нѣсколько очерковъ. На первомъ мѣстѣ, конечно, надо поставить очеркъ г. Ло-

---

[1]) *Воскресенскій*, „Пушкинъ въ Бессарабіи“ (Кишиневъ, 1899).

[2]) *Ольга Накко*, „Дни молодости“ („*Пушк. Сборникъ*“ петерб. литераторовъ, 517).

[3]) *А. П. К.*, „Инзовъ въ южной Бессарабіи“ (*Русск. Арх.*, 1900, № 12).

[4]) *М. В. Карскій*, „Пушкинъ въ Тавридѣ“ (Симферополь, 1899).

[5]) *Арсеній Маркевичъ*, „Пушкинъ и Крымъ“ (Симферополь, 1899).

боды [1]). Послѣ обстоятельнаго описанія современнаго состоянія Каменки, авторъ рисуетъ ее такою, какою она была при Пушкинѣ, характеризуетъ ея бывшихъ владѣтелей, говоритъ объ ихъ времяпрепровожденіи. Касательно Пушкина авторъ высказалъ любопытную догадку, что въ Каменку въ первый разъ поэтъ попалъ не изъ Крыма, а изъ Кишинева. Особенно цѣнны, конечно, въ работѣ г. Лободы тѣ страницы, которыя посвящены жизни великаго поэта въ обществѣ его просвѣщенныхъ друзей Раевскихъ. „Демагогическіе споры", „аристократическіе обѣды", нѣжныя чувства къ одной изъ прекрасныхъ обитательницъ Каменки,—вотъ та атмосфера, въ которой отдыхалъ поэтъ послѣ пошлой сутолоки кишиневскаго плебса.

Какъ на литературный курьезъ, укажемъ на изданіе г. Гулливера, посвященное изображенію въ беллетристической формѣ различныхъ юношескихъ увлеченій поэта [2]). Это живо написанная „фантазія" на темы изъ жизни поэта. Содержаніе слѣдующее: 1) Первая любовь поэта (къ Бакуниной); 2) Прекрасная молодая вдова (Марія Смитъ); 3) Бахчисарайская красавица (М. Раевская); 4) Гречанка Калипсо.

Касательно одесской жизни поэта имѣемъ мы небольшой очеркъ проф. Халанскаго, бросающій нѣкоторый свѣтъ на отношенія поэта къ Ризничъ. Впрочемъ особаго интереса этотъ маленькій этюдъ не имѣетъ [3]).

Жизни Пушкина въ селѣ Михайловскомъ посвященъ цѣлый рядъ работъ. Прежде всего остановимся на работѣ проф. Пѣтухова [4]). Авторъ привлекъ къ своему изслѣдованію всю литературу, касающуюся жизни поэта въ Михайловскомъ, извлекъ все, что можно было изъ сочиненій Пушкина, и, въ результатѣ, далъ живой содержательный очеркъ отшельничества поэта. Вся работа проф. Пѣтухова распадается на двѣ главы, — въ первой говорится о жизни поэта, во второй—объ его литературной дѣятельности. Съ выводомъ почтеннаго изслѣдователя о высокомъ значеніи села Михайловскаго въ жизни поэта нельзя не соглашаться. Въ исторіи пушкинскаго раз-

---

[1]) *А. М. Лобода*, „А. С. Пушкинъ въ Каменкѣ" („Памяти Пушкина", Сб. у-та св. Влад., 82, есть отд. оттискъ).

[2]) „Первая любовь поэта" (эпизоды изъ эпохи юношескихъ увлеченій поэта), изданіе Гулливера, М. 1899.

[3]) Проф. *М. Е. Халанскій*, „Пушкинъ и г-жа Ризничъ" („Харьк. Унив. Сборн. въ память А. С. Пушкина", Харьковъ, 1900, 351; есть отд. оттискъ).

[4]) Проф. *Е. В. Пѣтуховъ*, „Два года изъ жизни А. С. Пушкина" („Пушк. Сборн. изд. Импер. Юрьевскимъ университетомъ", Юрьевъ, 1899; есть отд. оттискъ).

витія эта эпоха была тою порою, когда тревожные приподнятые образы, чувства и помыслы первой половины его жизни угомонились, прекратили свою вулканическую борьбу съ духомъ и тѣломъ поэта, и началось примиреніе съ дѣйствительностью, съ тихой свѣтлой поэзіей „земли"...

Работа г. Рыбинскаго [1]) представляетъ интересное по замысламъ изслѣдованіе, но не вполнѣ удачное на дѣлѣ. „Въ настоящемъ очеркѣ, говоритъ г. Рыбинскій, мы имѣемъ въ виду отмѣтить характерныя черты пережитаго Пушкинымъ въ селѣ Михайловскомъ душевнаго кризиса, опредѣлить особенность его міросозерцанія и прослѣдить, какъ все это отразилось въ литературной дѣятельности поэта" [2]). Задавшись такою цѣлью, такъ сказать, *активнаго* толкователя души поэта, авторъ скоро сбивается на роль *пассивнаго*: онъ цитуетъ длинныя выдержки изъ писемъ поэта, изъ его стихотвореній,—отъ себя онъ говоритъ очень мало, предоставляя самому Пушкину говорить за себя, а подъ конецъ работы подробно повторяетъ анализъ „Бориса Годунова", произведенный акад. И. Н. Ждановымъ. Изъ неточностей автора отмѣтимъ такую неожиданную характеристику поэта: „Никогда Пушкинъ не искалъ жизненныхъ бурь: онѣ сами приходили, или, вѣрнѣе, были вызываемы его пылкимъ темпераментомъ. Покой и уединеніе всегда были желанны для него" [3]),—утвержденіе, легко опровергаемое фактами изъ жизни поэта и его стремленіями, и его всегдашней нелюбовью къ уединенію. Совершенно неправильно и дальнѣйшее развитіе этого положенія:—„Мы подчеркиваемъ стремленіе Пушкина къ покою и уединенію, потому что видимъ въ этомъ важную черту его внутренняго міра. Душевная жизнь Пушкина отличалась раздвоеніемъ чувства и воли. Дѣятельность не охватывала поэта цѣликомъ. Житейскія волненія, битвы не удовлетворяли его. Онъ жаждалъ вдохновеній и молитвъ вдали отъ толпы" [4]). Изъ этой цитаты мы видимъ, что частныя, минутныя настроенія поэта возведены въ общія, характерныя, существенно важныя... Заявленіе автора, что Пушкинъ „имѣлъ на П. А. Осипову большое вліяніе",

---

[1]) *В. О. Рыбинскій*, „А. С. Пушкинъ въ селѣ Михайловскомъ" („Сборникъ Пушкину", изд. Кіев. Педаг. Общ. 1899 г., ч. II, 118).

[2]) Тамъ же, 119.

[3]) Тамъ же, 122.

[4]) Тамъ же, 123.

должно быть, судя по письмамъ поэта, измѣнено какъ разъ, наоборотъ: пожилая женщина, симпатичная, окруженная неизмѣннымъ почтеніемъ поэта, была для него тѣмъ сдерживающимъ началомъ, нравственное значеніе котораго онъ цѣнилъ до смерти. Стихотвореніе Пушкина: „Я помню чудное мгновеніе"!—посвященное А. П. Кернъ, вызываетъ у г. Рыбинскаго слова: „мы боимся упрекнуть поэта въ неискренности чувства" [1]). Конечно, тѣ образы, что рисуются передъ читателемъ при чтеніи этого произведенія и при чтеніи писемъ поэта къ той же Кернъ,—совершенно не совпадаютъ, но даже и на минуту нельзя сомнѣваться въ томъ, что онъ въ своей поэзіи всегда былъ „искрененъ",—можно это качество, при неправильномъ толкованіи его души, отыскать, пожалуй, въ его письмахъ, въ фактахъ его жизни, но въ поэзіи онъ всегда правдивъ.

Попытка автора самостоятельно рѣшить одинъ изъ вопросовъ пушкинской жизни, откуда взялся его юношескій разгулъ, его развратъ, на нашъ взглядъ, дѣло совершенно праздное. Г. Рыбинскій видитъ, вопреки Стоюнину и, прибавимъ, многимъ другимъ, въ этомъ разгулѣ чисто русское явленіе, а не африканскую кровь поэта. Не можемъ мы согласиться и съ нѣкоторыми толкованіями типовъ „Бориса Годунова". Напр., „Самозванецъ принадлежитъ къ типу скитальцевъ, какъ ихъ называетъ Достоевскій, нашедшихъ себѣ выраженіе въ „Алеко" и въ „Евгеніи Онѣгинѣ" [2]).

Мило написанъ очеркъ г. Острогорскаго [3]), тоже посвященный описанію жизни поэта въ Михайловскомъ; новаго, конечно, ничего въ работѣ г. Острогорскаго нѣтъ; изложена она живо, но, вѣроятно, спѣшность ея помѣшала автору справиться съ изложеніемъ,—у него встрѣчаются обороты рѣчи, отнюдь не литературные.

Извѣстному писателю г. Авенаріусу принадлежитъ въ „Дѣтскомъ Чтеніи" небольшой очеркъ, посвященный тому же сюжету [4]).

Г. Чешихинъ сочинилъ стихами драматическій этюдъ изъ жизни Пушкина въ Михайловскомъ [5]).

---

[1]) Тамъ же, 126.

[2]) Тамъ же, 144.

[3]) *В. Острогорскій* и *Максимовъ*, „Пушкинскій уголокъ".

[4]) *Авенаріусъ*, „Пушкинъ въ селѣ Михайловскомъ" (*Сборникъ Дѣтскаго Чтенія*).

[5]) *Всеволодъ Чешихинъ*, „Пушкинъ въ селѣ Михайловскомъ", Рига, 1899.

Тотъ же сюжетъ развитъ въ беллетристическомъ очеркѣ г-жи Соловьевой-Несмѣловой [1]).

О Святогорскомъ монастырѣ имѣемъ мы недурную статью въ „Странникѣ“ [2]).

Къ Михайловскому періоду пріурочили мы разсмотрѣніе очень цѣнной работы проф. Вс. Миллера, посвященной Пушкину, какъ этнографу [3]). Хотя содержаніе ея охватываетъ всю жизнь поэта, но, конечно, жизнь въ Михайловскомъ—центръ работы проф. Миллера. Передъ нами прежде всего широко нарисованная картина того русско-французскаго фона, на которомъ вырисовался отчетливо и ясно первый русскій поэтъ-этнографъ, сжившійся съ народомъ, его міровоззрѣніемъ, его жизнью, обычаями, его эстетикой и поэтикой. „Какъ теоретикъ, Пушкинъ не могъ вполнѣ разобраться въ вопросѣ о народности, хотя дѣлалъ попытки формулировать свои взгляды. Какъ русскій патріотъ, онъ цѣнилъ проявленія народности въ его творчествѣ; какъ художникъ съ тонко развитымъ чувствомъ красоты, онъ любовался всѣмъ, что находилъ въ этомъ творчествѣ прекраснаго, искренняго, сильнаго, въ чемъ ярко отпечатлѣлся народный характеръ. Для него увлеченіе народностью было не дѣломъ мимолетнаго каприза; подобно тому, какъ граціозный, легкій, „пушкинскій“ стихъ, при всей геніальности поэта, былъ выработанъ упорнымъ техническимъ трудомъ, такъ и глубокое пониманіе и правдивое воспроизведеніе народныхъ мотивовъ далось Пушкину при помощи серьезнаго изученія и пристальныхъ наблюденій. И особенно высоко должны мы оцѣнить его трудъ, если вспомнимъ, что сказки о „Медвѣдицѣ“ или о „Рыбакѣ и рыбкѣ“ создалъ писатель, получившій въ дѣтствѣ чисто французское образованіе, говорившій, по его признанію, по-французски лучше, чѣмъ по-русски и принужденный упорно трудиться надъ роднымъ языкомъ, вырабатывать свой стиль. Всѣмъ, чего достигъ Пушкинъ въ изученіи и пониманіи народнаго духа, онъ обязанъ лишь самому себѣ, своему труду и правдиво-реальному отношенію къ народности. Такого отношенія онъ не нашелъ, какъ мы видѣли, въ своихъ учителяхъ, въ господствовавшемъ фальшивомъ сентиментальномъ направленіи Карамзина и его школы“ [4]).

---

[1]) *Н. А. Соловьева-Несмѣлова*, „Скромный уголокъ“ (*Пушкинскій Сборникъ*, М. 1899, *Библіотека Дѣтскаго Чтенія*).

[2]) „Святогорскій монастырь“ (*Странникъ*, № 8).

[3]) *Вс. Миллеръ*. „Пушкинъ какъ поэтъ-этнографъ“. М. 1899.

[4]) Тамъ же, 53.

Таково resumé почтеннаго автора. Развитію этихъ мыслей посвящена работа. Начинаетъ авторъ съ характеристики русскаго общества XVIII вѣка, особенно останавливаясь на его антинаціональномъ, именно французскомъ направленіи. Картина, на нашъ взглядъ, получилась черезчуръ сгущенная. Авторъ остановился почему-то исключительно на французскомъ вліяніи, оставивъ безъ вниманія нѣмецкое, съ котораго началась и которымъ кончилась исторія русской цивилизаціи XVIII вѣка, а затѣмъ,—и это главное,—авторъ, повидимому, совсѣмъ склоненъ отрицать народный элементъ въ жизни, нравахъ и настроеніяхъ Россіи XVIII вѣка. Не говоря уже о дворянахъ средней руки, которые никогда не прерывали связи съ землей, и магнаты XVIII вѣка развлекались, какъ извѣстно, и потѣхами русскими, и пѣснями. Стоитъ перечитать нѣкоторые мемуары XVIII вѣка, и мы встрѣтимъ не умирающую связь съ народомъ [1]). Въ русскихъ журналахъ, рядомъ съ искусственными народными пѣснями мелькнетъ иногда старая, обрядовая, въ русскихъ собраніяхъ пѣсенъ того же вѣка, въ рукописныхъ сборникахъ мы много найдемъ произведеній народной поэзіи. Вопреки проф. Вс. Миллеру, мы готовы утверждать, что упорная борьба съ западомъ, съ которымъ столкнулъ Петръ русскую народность, ко второй половинѣ вѣка уже ясно кончалась въ пользу второй. Вторая половина вѣка, при всѣхъ ея неблагопріятныхъ обстоятельствахъ, знаменуется органическимъ сліяніемъ западнаго съ русскимъ, характеризуется выработкой національнаго міросозерцанія и самосознанія въ жизни и литературѣ—это эпоха, несомнѣнно подготовившая „Исторію" Карамзина, дѣятельность Пушкина, патріотическое настроеніе 1812 года и политическія движенія конца царствованія Александра I... Если въ литераторахъ нашелъ Пушкинъ только учителей „Руслана и Людмилы", то въ русскихъ людяхъ, даже московскихъ „маркизахъ" и „креолкахъ" нашелъ онъ русскихъ людей, истыхъ москвичей, правда, во французскихъ плащахъ. И вовсе эти плащи не трудно было снять! Слишкомъ уменьшилъ авторъ и значеніе патріотическихъ стихотвореній Пушкина: отъ нихъ, по словамъ проф. Вс. Миллера, „вѣетъ холодомъ и стилемъ Державина" [2]). Во-первыхъ, поэзія Державина не кажется намъ холодной,—ея искренность—то качество, которое дѣлаетъ ее оригинальной на русскомъ Парнассѣ ложно-классицизма,—а, во-вторыхъ, за подражательной искусственной формой у Пушкина скрывается, несомнѣнно,

---

[1]) Ср. статью А. М. Лободы („*Сб. ст. о П—нѣ*", изд. К. Пед. О—ва, 21—30).
[2]) Тамъ же, 12.

живое чувство,—вѣдь высокія настроенія патріотизма владѣли имъ въ Царскомъ Селѣ и подъ вліяніемъ историческихъ воспоминаній, и подъ впечатлѣніемъ той величавой эпопеи борьбы съ Наполеономъ, что развернулась передъ его очами. „Двухлѣтнее пребываніе Пушкина въ Петербургѣ, говоритъ далѣе проф. Вс. Миллеръ, частью въ великосвѣтскихъ салонахъ, частью въ кругу лицейскихъ товарищей, пустая и разсѣянная жизнь, блестящіе успѣхи въ литературныхъ кругахъ, политическія мечтанія въ средѣ будущихъ декабристовъ—все это слишкомъ отвлекало поэта отъ серьезнаго труда, отъ вдумчивости въ вопросы чисто русскаго языка“ [1]). Конечно, выработка русскаго языка—великое дѣло, но почему же ставить крестъ на всей той эпохѣ, когда Пушкинъ старался надышаться всѣми тѣми ароматами, которыми жило современное ему русское общество. Мы отмѣчали уже эту эпоху, какъ очень важную въ жизни поэта. Далѣе проф. Миллеръ самымъ внимательнымъ образомъ слѣдитъ, какъ растетъ въ Пушкинѣ интересъ къ этнографіи и народной поэзіи; на основаніи его писемъ, замѣтокъ, стихотвореній, онъ отмѣчаетъ у великаго поэта всякую искру интереса къ народу. Надо отдать автору полную справедливость,—едва-ли имъ что-либо пропущено. Кромѣ интереса къ поэзіи авторъ отмѣчаетъ также интересы у Пушкина къ исторіи русскаго языка, къ грамматикѣ, къ этнографіи. Особенно подробно останавливается онъ на любопытной исторіи народныхъ пѣсенъ, записанныхъ Пушкинымъ и переданныхъ Кирѣевскому. Эта исторія, къ сожалѣнію, остается невыясненной, такъ какъ подлинныхъ тетрадей Пушкина до сихъ поръ не найдено, но благодаря отмѣткамъ самого Кирѣевскаго удалось пока опредѣлить 12 №№, записанныхъ Пушкинымъ. Затѣмъ авторъ переходитъ къ литературной дѣятельности Пушкина и отмѣчаетъ послѣдовательный переходъ отъ псевдо-народной поэзіи XVIII вѣка къ самобытному творчеству въ чисто-народномъ духѣ. Особенно останавливается авторъ на сказкѣ о медвѣдицѣ: „можно было бы, говоритъ онъ, посвятить цѣлый небольшой этюдъ разбору сказки о медвѣдицѣ съ этнографической точки зрѣнія!“ [2]). Здѣсь „мы видимъ такое же художественное собраніе въ одинъ фокусъ народныхъ красокъ, запечатлѣвшихся въ богатой памяти поэта, какъ въ его знаменитомъ (написанномъ въ 1828 году) прологѣ къ „Руслану и Людмилѣ“, этомъ дивномъ калейдоскопѣ рус-

---

[1]) *Вс. Миллеръ*, op. cit., 14.

[2]) Тамъ же, 48.

скихъ сказочныхъ мотивовъ“ [1]). Заключаетъ проф. Вс. Миллеръ свое изслѣдованіе указаніемъ, что въ „наукѣ“ этнографіи значеніе Пушкина велико, такъ какъ подъ его непосредственнымъ вліяніемъ начали интересоваться произведеніями народной поэзіи Даль, Языковъ, Гоголь.

Отношеніямъ Пушкина къ Кернъ посвящена странная замѣтка г. Тихонова [2]). Онъ перепечатываетъ воспоминанія В. Д. Р—ва о Кернъ [3]), въ которыхъ подробно разсказывается объ А. П. Кернъ, какъ она была грязна и неряшлива въ старости, какъ дурно вела свое хозяйство. Г. Тихоновъ, глядя на непривлекательный образъ старушки, недоумѣваетъ, что общаго между нею и богиней Пушкина, но затѣмъ, говоря о любви супруга къ ней и описывая, со словъ г. Р—ва, сильное впечатлѣніе, произведенное на г-жу Кернъ исполненіемъ г. Комиссаржевскаго романса: „Я васъ любилъ...“, торопится увѣрить всѣхъ, что въ Кернъ подъ старость, навѣрно, была „*духовная* привлекательность“.

Г. Хрущовъ обрисовалъ въ своей замѣткѣ симпатичный образъ А. Д. Баратынской [4]). Приведены и образчики ея стихотворныхъ переводовъ.

Любопытна статья г. Казанскаго, посвященная вопросу объ отношеніи Пушкина къ Москвѣ [5]). Впрочемъ, широко поставивъ тему, авторъ на дѣлѣ свелъ ее къ вопросу объ отношеніяхъ Пушкина къ московскимъ журналистамъ. Поэтому отношенія къ обществу московскому остались въ тѣни,—между тѣмъ, ихъ выяснить было бы всего легче, сопоставивъ, хотя бы, съ отношеніями поэта къ Петербургу. Авторъ, при рѣшеніи поставленной имъ темы, руководился письмами поэта и его произведеніями и пришелъ, въ результатѣ, къ двумъ различнымъ отвѣтамъ: оказывается, Москву поэтъ и хвалилъ и бранилъ попеременно. Отмѣтивъ затѣмъ грибоѣдовскія черты тогдашней Москвы, г. Казанскій останавливается на характеристикѣ того круга Веневитинова и друзей, среди которыхъ Пушкинъ всегда чув-

[1]) Тамъ же, 49.

[2]) *Влад. Тихоновъ*, „Анна Петровна Кернъ и романсъ: „Я помню чудное мгновеніе“. (*Истор. Вѣстникъ* 1899 г., № 5).

[3]) См. *Сѣверъ*, 1892 г., № 8.

[4]) *И. П. Хрущовъ*, „Одна изъ воспѣтыхъ Пушкинымъ“ („*Харьк. Унив. Сб.*“, Харьковъ 1899 г.).

[5]) Проф. *Ив. Казанскій*, „Отношенія А. С. Пушкина къ Москвѣ“ (*Русская Мысль*, 1899 г., № 5).

ствовалъ себя прекрасно [1]). „Пушкинъ, говоритъ авторъ, готовъ былъ убѣжать отъ „бѣдной Москвы", хотя и не въ силахъ былъ подчасъ устоять противъ ея соблазновъ, но Москва богата коренными русскими писателями, ученостью, любовью къ искусству и талантами, и все это было настолько драгоцѣнно для Пушкина, что ему немыслимо было пренебрегать Москвой. Слишкомъ тѣсно былъ связанъ онъ съ русскимъ просвѣщеніемъ, слишкомъ долго и упорно думалъ съ раннихъ лѣтъ о судьбахъ русской литературы. Въ результатѣ, московскою жизнью онъ воспользовался, какъ матеріаломъ для поэтическаго творчества, московскою же любовью къ просвѣщенію и ученостью—какъ орудіемъ для распространенія въ обществѣ серьезной, честной и содержательной литературы — распространенія, которое было органическою потребностью Пушкина" [2]). Таково основное положеніе автора, доказываетъ онъ особенно старательно послѣднюю половину своего утвержденія,—для этого полемизируетъ съ Анненковымъ, К. Полевымъ и Л. Майковымъ, которые въ разное время дали нѣсколько объясненій, почему Пушкинъ стремился вдохновить веневитиновскій кружокъ къ изданію журнала. Подробно выяснены отношенія поэта къ „Московскому Вѣстнику", къ „Европейцу", и „Московскому Наблюдателю". На Москву, по словамъ автора, Пушкинъ смотрѣлъ всегда съ надеждой найти въ ней живой, честный и серьезный органъ „для борьбы съ разными мутными теченіями въ современной ему журналистикѣ" [3]). „При широтѣ своихъ взглядовъ, Пушкинъ сумѣлъ отдѣлить дурное въ московскихъ традиціяхъ отъ хорошаго и никогда не смѣшивалъ одного съ другимъ. Дурное онъ подвергалъ осмѣянію при помощи своего высокаго дарованія, хорошее же чтилъ всю свою жизнь" [4]).

Профессору А. И. Кирпичникову принадлежитъ очень интересный этюдъ объ отношеніи Пушкина къ Московскому университету [5]). Прекрасно, одушевленно написанный очеркъ рисуетъ намъ съ неопровержимой доказательностью, какъ съ дѣтскихъ лѣтъ поэта вплоть до возмужалости окружаютъ его лучшіе сыны Московскаго универси-

---

[1]) См. *М. А. Веневитиновъ*, „О чтеніи Пушкинымъ „Бориса Годунова" у Веневитиновыхъ". (*Русскія Вѣдомости*, 1899 г., № 143).

[2]) *Ив. Казанскій*, op. cit., 94.

[3]) Тамъ же, 101.

[4]) Тамъ же, 102.

[5]) Проф. *А. И. Кирпичниковъ*, „Пушкинъ и Московскій Университетъ" (*Русск. Вѣд.* 1899 г., № 145).

тета, какъ вокругъ поэта незримо вѣетъ въ теченіе всей его жизни атмосфера московской университетской жизни. Впервые встрѣчается онъ съ питомцами университета въ салонѣ отца, затѣмъ попадаетъ подъ опеку А. И. Тургенева и В. Ѳ. Малиновскаго. Останавливается проф. Кирпичниковъ на личности Н. Ѳ. Кошанскаго, отмѣчая его несомнѣнное значеніе въ исторіи русской литературы; подробно говоритъ о кружкѣ Веневитиновыхъ, объ отношеніяхъ Пушкина къ Погодину и Шевыреву; разсказываетъ о посѣщеніи Пушкинымъ университета и, наконецъ, выясняетъ высокую роль Московскаго университета въ дѣлѣ научнаго толкованія заслугъ великаго поэта (Погодинъ, Шевыревъ, Буслаевъ, Тихонравовъ). „Въ 40-хъ годахъ, говоритъ почтенный авторъ, московская, а за нею и вся русская интеллигенція дѣлится па два лагеря: славянофиловъ и западниковъ. Это была идейная борьба честныхъ, другъ друга уважающихъ противниковъ, но, тѣмъ не менѣе, борьба упорная, жестокая, тогда казавшаяся непримиримою. На *двухъ* пунктахъ однако сходились противники: на горячей любви къ памяти и дѣлу Пушкина, котораго каждая партія имѣла право (?) считать *своимъ,* и на высокомъ уваженіи къ *святымъ*, какъ тогда говорили, стѣнамъ Московскаго университета".

Г. Ельницкій бѣгло обрисовалъ отношенія Пушкина къ современнымъ ему писателямъ [1]). Новаго онъ намъ не сообщаетъ ничего, но все-таки работа его должна быть признана полезной, такъ какъ сводитъ въ одно всѣ главнѣйшіе факты изъ исторіи отношеній поэта къ Державину, Карамзину, Дельвигу, Баратынскому, Языкову, Козлову, Гнѣдичу, Кольцову, Гоголю, Мицкевичу.

Собственно этого же вопроса касается и г. Ляцкій, пересмотрѣвшій къ юбилею письма великаго поэта и давшій о нихъ отчетъ на страницахъ сборника „Русскаго Богатства" [2]). Конечно, тотъ кругъ людей и вопросовъ, что захватываютъ письма поэта, шире одной литературной сферы, но, само собой разумѣется, въ его перепискѣ литераторы и литература занимаютъ первое мѣсто. Работа г. Ляцкаго интересна потому, что разрабатываетъ матеріалъ, котораго, къ нашему удивленію, до сихъ поръ почти никто не касался, — между тѣмъ, для характеристики великаго поэта его письма даютъ массу интересныхъ литературныхъ данныхъ. Живой, впечатлительный, вѣчно

---

[1]) *К. В. Ельницкій*, „Личныя отношенія Пушкина къ современнымъ ему поэтамъ" (*Педагогическій Сборникъ*, 1899 г., № 5).

[2]) *Е. А. Ляцкій*, „А. С. Пушкинъ и его письма". (*Сб. Русск. Бог.* 1899 г.).

разнообразный, незлобивый и добродушно-остроумный поэтъ живьемъ встаетъ передъ глазами читателя. Къ сожалѣнію, г. Ляцкій не вполнѣ овладѣлъ богатымъ матеріаломъ,—онъ далъ рядъ выдержекъ изъ писемъ, безъ выдѣленія болѣе существеннаго; выдержки эти расположены безъ плана, а потому при чтеніи статьи трудно держать ея содержаніе въ памяти, и забываются тѣ вѣрныя соображенія автора и правильныя сужденія, которыя разсыпаны между этими выдержками.

Объ отношеніяхъ Пушкина и Мицкевича имѣемъ мы статью г. Славинскаго [1]). Это рядъ теплыхъ словъ, посвященныхъ „эпизоду необычайной красоты“ — дружбѣ Пушкина и Мицкевича. Къ сожалѣнію, кромѣ общеизвѣстныхъ фактовъ авторъ не даетъ намъ ничего. Совершенно справедливо онъ подчеркиваетъ искренность и теплоту отношеній обоихъ поэтовъ другъ къ другу: это сказалось на ихъ воспоминаніяхъ. „Воспоминанія эти, говоритъ онъ, чрезвычайно трогательны по той глубокой прочувствованности, по искреннему доброжелательству, съ которымъ относились поэты другъ къ другу во всю свою жизнь, несмотря на то, что послѣ 30-го года политически они стали непримиримыми противниками“. „Мирный, благосклонный“—поэтически рисуетъ Пушкинъ образъ польскаго поэта въ извѣстномъ всей Россіи отрывкѣ,—„онъ вдохновенъ былъ свыше и съ высоты взиралъ на жизнь“. „Впечатлительный, неизмѣнно искренній, благородный, открытый“ — говоритъ о русскомъ поэтѣ Мицкевичъ [2]). Дружба обоихъ поэтовъ—явленіе высокознаменательное въ исторіи русско-польскихъ литературныхъ отношеній, но въ жизни обоихъ поэтовъ она прошла безъ особыхъ слѣдовъ: „въ сердечныхъ отношеніяхъ поэтовъ не могло быть и тѣни зависимости. Пушкинъ и Мицкевичъ были во всѣхъ смыслахъ равны другъ другу и въ высокой степени свободны одинъ отъ другого... Поэты встрѣтились и сблизились между собой въ моментъ полнаго расцвѣта творческихъ и умственныхъ богатыхъ силъ своихъ; въ художественномъ отношеніи имъ нечему было научиться другъ у друга; ихъ умы, стройные, гибкіе и могучіе, принадлежали къ той категоріи умовъ, которые могутъ быть названы *самодовлѣющими*“ [3]).

Отношеніямъ Пушкина къ мелкому современному писателю Лю-

---

[1]) *М. Славинскій*, „О дружбѣ Пушкина и Мицкевича“ („Памяти Пушкина“, сб. журн. „Жизнь“. С.-Пб. 1899).

[2]) Тамъ же, 160.

[3]) Тамъ же, 164.

ценкѣ посвящена замѣтка г. Николая Лернера [1]), впрочемъ ничего новаго не дающая. Тотъ же г. Лернеръ освѣтилъ одинъ эпизодъ изъ отношеній Пушкина къ Родзянку [2]). Изъ писемъ поэта видно, что онъ сначала не хотѣлъ вѣрить, а потомъ убѣдился, что А. Г. Родзянко — авторъ одного пасквиля на него. Открытіе авторства Родзянки, оказывается, нисколько не испортило отношеній къ нему поэта, что, конечно, очень характерно.

Путешествію Пушкина на Кавказъ посвящены три работы. Одна изъ самыхъ серьезныхъ принадлежитъ г. Вейденбауму [3]). Издавъ съ обстоятельными историческими и географическими примѣчаніями „Путешествіе въ Арзрумъ", авторъ и цитуемую статью свою въ сущности посвятилъ такимъ же примѣчаніямъ. Передъ нами внимательный разборъ и провѣрка воспоминаній о Пушкинѣ на Кавказѣ, принадлежащихъ Н. Б. Потокскому („Русск. Стар.", 1880, № 7), М. В. Юзефовичу („Русск. Арх.", 1880, 431), М. И. Пущину („Русск. Вѣстн.", 1893). Можно упрекнуть автора за излишіе экскурсы въ исторію турецкой войны, но за работу его приходится только благодарить,—изъ нея будущій комментаторъ Пушкина, конечно, многимъ воспользуется.

Интересна также работа г. Бѣгичева [4]). Передъ нами хорошо изложенный разсказъ, составленный на основаніи послѣднихъ матеріаловъ. Приложены стихотворенія Пушкина, посвященныя Кавказу.

Г. Канивецкій [5]) издалъ всѣ произведенія Пушкина (и прозаическія), посвященныя Кавказу, и предпослалъ небольшой біографическій очеркъ, касающійся жизни поэта на Кавказѣ.

Нѣсколько словъ о с. Болдинѣ, забытомъ біографами поэта ради Михайловскаго, встрѣчаемъ въ бѣглой замѣткѣ, помѣщенной на страницахъ „Недѣли" [6]).

---

[1]) *Николай Лернеръ*, „Письмо А. С. Пушкина къ В. Люценку" (*Русс. Арх.*, 1900, № 9).

[2]) *Николай Лернеръ*, „Пушкинъ и Родзянко" (*Русск. Арх.*, 1900, № 9), еще: проф. *Н. Ѳ. Сумцовъ*, „*А. С. П—нъ* и А. Г. Родзянка" (Хар. Ун, Сб. въ память А. С. П—на).

[3]) *Е. Г. Вейденбаумъ*, „О пребываніи Пушкина на Кавказѣ въ 1829 году", („Кавказская поминка о Пушкинѣ", сб. газеты *Кавказъ*. Тифлисъ, 1899).

[4]) *К. Н. Бѣгичевъ*, „Пушкинъ на Кавказѣ". Тифлисъ, 1899.

[5]) *Н. Н. Канивецкій*, „Кавказъ въ поэзіи Пушкина". Екатеринодаръ, 1899.

[6]) „Пушкинскій уголокъ въ Нижегородской губ." (*Недѣля*, 1899, стр. 104). См. еще статью *Н. Овсянникова*, „Болдино и воспоминаніе о А. С. Пушкинѣ" (*Моск. Вѣд.*, 1899, № 96), его же „Малинники и воспоминаніе о А. С. Пушкинѣ" (*Моск. Вѣд.*, 1899, № 68).

Пребыванію великаго поэта въ Казани посвящено небольшое изслѣдованіе проф. А. С. Архангельскаго [1]). Главнымъ матеріаломъ для этой работы послужили проф. Архангельскому записки А. А. Фуксъ (они переизданы въ приложеніяхъ къ этой работѣ) и письма Пушкина. Объясняя отношенія Пушкина и Фуксъ, авторъ отмѣчаетъ извѣстное противорѣчіе: въ личныхъ сношеніяхъ съ нею онъ былъ обворожительно милъ, а въ письмѣ къ женѣ высмѣялъ А. А. Фуксъ самымъ жестокимъ образомъ. Затѣмъ г. Архангельскій говоритъ очень обстоятельно о четѣ Фуксъ, въ особенности останавливается на литературной дѣятельности А. А. Фуксъ; даетъ обстоятельныя комментаріи и къ другимъ лицамъ, имена которыхъ встрѣчаются въ запискахъ Фуксъ и имѣютъ отношенія къ А. С. Пушкину. Подробно описана Казань 30-хъ годовъ.

Въ приложеніяхъ, кромѣ записокъ А. А. Фуксъ, встрѣчаемъ мы перепечатку нѣкоторыхъ ея произведеній, письмо Пушкина къ А. А. Фуксъ и женѣ и „Громвалъ", балладу Каменева. Работа проф. Архангельскаго удачно освѣщаетъ одинъ изъ культурныхъ уголковъ пушкинской Руси.

Интересную по содержательности и живости изложенія работу о пребываніи А. С. Пушкина въ Казани даетъ также проф. Загоскинъ [2]). Авторъ набросалъ живую картину общественной жизни въ Казани 30-хъ годовъ, съ особымъ вниманіемъ останавливается на семьѣ Фуксъ, ихъ культурномъ вліяніи на современное общество. Затѣмъ, пользуясь извѣстными записками А. А. Фуксъ, онъ подробно разсказываетъ о пребываніи Пушкина въ Казани и обрисовываетъ обстоятельно отношенія обоихъ Фуксъ къ великому поэту. Характеризуя отношенія поэта къ А. А. Фуксъ, онъ, конечно, останавливается и на извѣстномъ письмѣ его къ женѣ, письмѣ, въ которомъ высмѣивается А. А. Фуксъ. „Чѣмъ же объяснить это рѣзко бьющее въ глаза противорѣчіе?"—задаетъ вопросъ авторъ.—„Ничѣмъ инымъ, конечно, какъ тѣмъ неровнымъ, нервнымъ, чисто желчнымъ темпераментомъ, какимъ отмѣченъ былъ характеръ поэта; мы склонны видѣть въ этомъ противорѣчіи одно изъ мимолетныхъ проявленій той случайной желчности и нерѣдко чисто психической склонности къ безотчетному сарказму" [3]). Проф. Архангельскій гораздо вѣрнѣе объяснилъ странный поступокъ поэта не „желчностью", а, просто, присущей

[1]) Проф. *А. С. Архангельскій*, „А. С. Пушкинъ въ Казани". Казань, 1899.
[2]) Проф. *Н. П. Загоскинъ*, А. С. Пушкинъ въ Казани (изъ исторіи казанской общественности 30-хъ и 40-хъ годовъ). *Истор. Вѣстн.*, 1899, № 5, 586.
[3]) Тамъ же, 607.

его душѣ неустойчивостью. „Помимо общей, нерѣдко обнаруживавшейся у Пушкина черты вообще противорѣчія, непослѣдовательности въ отзывахъ, излишней поэтической впечатлительности, подъ вліяніемъ которой они иногда имъ дѣлались, помимо этой черты его слишкомъ подвижного, сангвиническаго характера, насмѣшливо-суровый отзывъ знаменитаго поэта о казанской поэтессѣ едва ли не объяснялся отчасти и желаніемъ Пушкина стать въ письмѣ къ женѣ на точку зрѣнія самой жены“ [1]). Хотя мы и не во всемъ согласны съ мнѣніемъ проф. Архангельскаго, однако, думаемъ, что онъ гораздо ближе къ истинѣ, чѣмъ проф. Загоскинъ.

Г. Поливановъ далъ маленькую замѣтку о пребываніи Пушкина въ Симбирскѣ [2]) въ 1833 г. Впрочемъ, относительно Пушкина сказано только, что поэтъ проѣзжалъ черезъ Симбирскъ, и его никто не замѣтилъ,—бóльшая же часть работы посвящена повторенію общеизвѣстныхъ фактовъ о знаменитыхъ симбирцахъ, имѣвшихъ отношенія къ Пушкину (А. И. Тургеневъ, Н. М. Карамзинъ, Н. Д. Языковъ, И. И. Дмитріевъ).

О статьяхъ, посвященныхъ разсказу о жизни Пушкина въ Оренбургѣ и въ Бердахъ, куда онъ ѣздилъ собирать матеріалы для исторіи пугачевскаго бунта, мы говорили уже во 2-й главѣ [3]).

Послѣднимъ годамъ жизни поэта посвящена рѣчь проф. Смирнова [4]). Составлена она, главнымъ образомъ, по запискамъ Смирновой и проникнута идеями рѣчи Достоевскаго 1880 года. Защищая, со своей стороны, записки Смирновой, мы, однако, рѣшительно противъ широкаго пользованія этимъ документомъ,—неосторожно, на нашъ взглядъ, брать цѣлыми страницами оттуда, хотя бы, монологи Пушкина о Свящ. Писаніи,—въ запискахъ Смирновой, несомнѣнно, Dichtung больше, чѣмъ Wahrheit, а потому нельзя вѣрить каждой буквѣ. Для характеристики взглядовъ Пушкина въ послѣдній періодъ жизни болѣе вѣрный матеріалъ дадутъ его письма и произведенія. Во всякомъ случаѣ систематизація записокъ Смирновой—вещь любопытная, а потому рѣчь

---

[1]) Проф. *А. С. Архангельскій*, op. cit.

[2]) *В. Поливановъ*, „А. С. Пушкинъ въ Симбирскѣ“, *Историческій Вѣстникъ*, 1899, № 8.

[3]) *И. Г. Ивановъ*, „Пушкинъ въ Бердахъ“ (*Русскій Архивъ*, 1900, № 1. „Труды Оренб. Арх. Коммиссіи“, вып. VI, 1899) *Юдинъ*, „Пушкинъ въ Оренбургѣ“ (*Русскій Архивъ*, 1900, № 5).

[4]) Проф. *А. И. Смирновъ*, „Изъ послѣднихъ лѣтъ жизни и литературной дѣятельности А. С. Пушкина“ (Чтенія въ Имп. Варш. У—тѣ 26-го мая 1899 г.). „Три рѣчи объ А. С. Пушкинѣ“. Варшава.

проф. Смирнова представляетъ несомнѣнный интересъ. Съ идеями же Достоевскаго о томъ, что, кромѣ Пушкина, никто даже въ западныхъ литературахъ „перевоплощаться" не умѣлъ, а также и о томъ, что съ дѣятельностью Пушкина можетъ быть связана мистическая вѣра въ какое-то провиденціальное значеніе Россіи, какъ христіаннѣйшаго изъ государствъ [1]), рѣшительно согласиться не можемъ и искренне жалѣемъ, что въ прекрасной рѣчи проф. Смирнова встрѣчаемъ повтореніе этихъ преувеличеній, равно какъ и тѣ странныя характеристики русской души, которыя брали себѣ все лучшее изъ человѣческихъ чувствъ, а бѣдному „гнилому западу" оставляли одну шелуху, „хищные" идеалы, „мутныя струи чувственности" и прочія подобныя прелести. По мнѣнію проф. Смирнова, „вѣрность долгу и отсутствіе тщеславія, побореніе страсти и свѣтлый взглядъ на міръ",— вотъ особенности русскаго характера, „онѣ одинаково присущи всѣмъ (?) русскимъ людямъ всѣхъ общественныхъ положеній и всякой степени образованія" [2]).

Прекрасно написанъ очеркъ г. Андреевича, также касающійся послѣдняго періода жизни поэта и при томъ написанный на основаніи того же матеріала—записокъ Смирновой [3]). Прежде всего авторъ высказываетъ свой взглядъ на цѣнность этихъ записокъ. Онъ не закрываетъ глазъ на недостатки ихъ: „свидѣтельница А. О. Смирнова, очевидно, обладала горячимъ воображеніемъ,—говоритъ онъ,—перепутывала даты, лично присутствовала при сценахъ, которыя лишь много лѣтъ спустя послѣ смерти поэта были прочитаны ею въ книгахъ, „все" знала, „все" видѣла, „все" слышала и, вообще говоря, не безъ легкомыслія и излишней пылкости отнеслась къ своимъ показаніямъ" [4]), но все это не можетъ „упразднить главнаго достоинства записокъ—ихъ жизненности". „За тѣ частички и крупицы настоящаго, подлиннаго Пушкина, котораго мы знали и здѣсь видимъ въ „Запискахъ"—намъ, въ сущности, не остается ничего другого, какъ сказать

---

[1]) Пушкинъ „первый указалъ въ русской душѣ, принявшей въ свою суть (?) Христа и ученіе его, въ душѣ всечеловѣчной и всесоединяющей, задатки вмѣстить въ нее съ братскою любовью всѣхъ нашихъ братьевъ, а, въ концѣ концовъ, можетъ быть, изречь окончательное слово великой общей гармоніи, братскаго окончательнаго согласія всѣхъ племенъ по христову евангельскому закону". (Тамъ же, 33).

[2]) Тамъ же, 31.

[3]) *Андреевичъ*, „А. О. Смирнова объ А. С. Пушкинѣ" („Памяти Пушкина", юбил. сб. журнала *Жизнь*, 194).

[4]) Тамъ же, 194—5.

Смирновой искреннее спасибо" [1]). Подобный же взглядъ на эти записки высказали и мы [2]), а потому вполнѣ присоединяемся къ мнѣнію г. Андреевича. Въ самомъ дѣлѣ, странная судьба постигла эти талантливыя, живыя записки,—ихъ такъ много бранили, что защищать ихъ какъ будто даже немного совѣстно [3]). Обвиняютъ ихъ въ сочиненности, на основаніи неточностей фактическихъ и хронологическихъ—и обвиняютъ, конечно, до нѣкоторой степени основательно,—несомнѣнно, чья-то рука не всегда умѣло прошлась по старымъ страницамъ пожелтѣвшаго дневника,—но отсюда до полнаго отрицанія ихъ значенія далеко. Есть мемуары, цѣнность которыхъ—фактическая достовѣрность,—ими пользуются для провѣрки данныхъ, для установленія датъ и фактовъ,—но есть мемуары другого типа—они цѣнны тѣмъ, что сохраняютъ живые образы, воскрешаютъ прошлое, широко рисуютъ жизнь общества и ея замѣчательныхъ представителей,—отъ нихъ вѣетъ „ароматомъ" прошлаго, ими нельзя пользоваться беззаботно, дѣлая выписки и цитаты,—ими надо проникнуться, ими одухотворять тотъ мертвый матеріалъ, что даютъ намъ другіе источники. Въ запискахъ Смирновой широкой волной течетъ русская жизнь 20—30-хъ годовъ, вырисовываются нѣсколько живыхъ образовъ, дорогихъ намъ.

Пусть въ запискахъ спутана хронологія, извращены мелкіе факты—за то эти образы прошлаго живутъ передъ нами, *не противорѣча ничѣмъ существеннымъ* тѣмъ даннымъ, что мы имѣемъ уже и безъ нихъ. Какъ живой встаетъ передъ нами впечатлительный, вѣчно перемѣнчивый Пушкинъ-„Искра", съ его печалями и радостями, съ его глубокими думами, съ его заразительнымъ молодымъ смѣхомъ, съ его любящимъ сердцемъ и ясными говорящими очами. Говорятъ, что издательница воспользовалась тѣми воспоминаніями, что вынесла изъ бесѣдъ съ матерью; говорятъ, что издательницѣ нѣкоторые факты сообщены были впослѣдствіи другими лицами, знавшими Пушкина; говорятъ, что она пользовалась печатными источниками для своихъ записокъ. Все это возможно,—но цѣнности отъ всѣхъ этихъ наслоеній записки не теряютъ.

Г. Андреевичъ справедливо указываетъ, что содержательность записокъ такова, что нужно быть геніальнымъ человѣкомъ, чтобы со-

---

[1]) Тамъ же, 195.

[2]) *В. В. Сиповскій*, „А. С. Пушкинъ по его письмамъ" („Сборникъ памяти Л. Н. Майкова", нах. въ печати).

[3]) Впрочемъ, въ пользу записокъ высказались такіе авторитеты, какъ акад. А. Н. Веселовскій, акад. Л. Н. Майковъ, проф. Н. П. Дашкевичъ и мн. др.

чинить все это [1]). Далѣе авторъ нѣсколько не систематично, бѣгло характеризуетъ Пушкина по запискамъ Смирновой и кончаетъ совершенно справедливыми словами: „чтобы вообще понять и оцѣнить все значеніе Пушкина, надо перенестись хотя на минуту въ унылую и туманную обстановку общественной жизни 20-хъ и 30-хъ годовъ съ ея формализмомъ, жестокостью, дикими выходками Аракчеевыхъ и Бенкендорфовъ, ея казенщиной, стремившейся подчинить себѣ все духовное бытіе человѣка. Вамъ станетъ тогда яснымъ, чѣмъ былъ для своихъ скучныхъ и жестокихъ дней поэтъ свѣтлой жизни, будившій каждымъ стихомъ своимъ мысль, волновавшій чувство въ направленіи свѣта и радости, въ направленіи любви, высшаго добродушія и снисхожденія. Могучія свѣтлыя силы кипѣли въ Пушкинѣ, вырываясь наружу дивными стихами, но въ этой кипучей натурѣ не было гордости духа, не было властолюбія, требовавшаго униженія другихъ для возвеличенія самого себя,—была, напротивъ того, какая-то удивительная щедрость, радостно привѣтствовавшая всякій новый талантъ, всякое дарованіе и освѣщавшая свѣтомъ своимъ все, съ чѣмъ бы поэтъ ни сталкивался. Онъ не понималъ, органически не понималъ жестокости и мракобѣсія, этого аракчеевскаго желанія обратить всю жизнь въ казарму, всю Россію въ одно военное поселеніе. Все это оскорбляло его, какъ часовые передъ Распятіемъ. Жизнь манила его своимъ таинственнымъ будущимъ, своей прихотливой красотой. Онъ любилъ жизнь веселую, радостную. Онъ хотѣлъ жить самъ и давать жить другимъ, хотѣлъ видѣть вокругъ себя радость и счастье, потому что радость и счастье, обстановка, залитая солнцемъ, какъ нельзя болѣе подходила къ его натурѣ. И онъ боролся, какъ могъ и умѣлъ: боролся съ казенщиной своими эпиграммами, своей вольной, свободолюбивой мыслью. Каждый стихъ его говоритъ о красотѣ жизни, которую люди такъ упрямо и настойчиво старались обратить въ тюрьму“ [2]).

Такой портретъ Пушкина рисуетъ Смирнова, и хорошо, что она рисуетъ его „не мудрствуя лукаво“. Да она и не могла нарисовать его „мудрствуя“, такъ какъ не хватило бы на это у нея „мудрости“,—поэтъ самъ нарисовалъ себя въ своихъ рѣчахъ, которыя, несомнѣнно, лишь разбавлены литературной обработкой издательницы. Соглашаясь, въ общемъ, со всѣмъ этимъ заключеніемъ

[1]) Тамъ же, 197.

[2]) Тамъ же, 206—7.

статьи Андреевича, мы не можемъ не ограничить характеристику русскаго общества, въ которомъ задыхался поэтъ, только послѣдними годами его жизни (со свадьбы). Ошибочнымъ было бы растянуть эту характеристику на 20-е и на 30-е года. Душно было въ русскомъ обществѣ, но вѣдь Пушкинъ же успѣлъ все-таки высказаться весь. Гдѣ нѣтъ воздуха—тамъ нѣтъ жизни, гдѣ нѣтъ свѣта—тамъ нѣтъ красокъ. Если въ поэзіи Пушкина есть и жизнь, и краски,—значитъ и русская жизнь его эпохи не была такъ душна и безпросвѣтна!

Отношеніямъ Пушкина къ Гоголю посвященъ небольшой очеркъ В. Шенрока [1]). Написанъ онъ тепло, читается легко; впрочемъ, новаго мы здѣсь ничего не встрѣтили.

О дуэли Пушкина мы имѣемъ маленькую замѣтку г. Ляцкаго [2]), нѣсколько дополняющую изданіе военно-суднаго дѣла о Пушкинѣ, сдѣланное П. М. фонъ-Кауфманомъ (см. II главу),—и работу г. Снегирева: „Дуэль Пушкина“.

О послѣднихъ дняхъ поэта высказались проф. С. М. Лукьяновъ [3]) и г. Родзевичъ [4]). Г. Лукьяновъ очень внимательно прослѣдилъ ходъ болѣзни, насколько это было ему доступно по тѣмъ даннымъ, что дошли до насъ, и пришелъ къ выводу, что, если бы дуэль Пушкина была не въ 1837 году, а въ 1899, то, при современномъ блестящемъ положеніи медицины, поэтъ, можетъ быть, и выздоровѣлъ бы, а, можетъ быть, и такъ же умеръ... Въ работѣ г. Родзевича интересенъ, главнымъ образомъ, подборъ фактовъ, касающихся тѣлеснаго и психическаго состоянія Пушкина въ послѣдніе дни его земныхъ страданій.

Г. Перцовъ далъ на страницахъ „Міра Искусства“ очень интересный очеркъ, посвященный смерти Пушкина [5]). Передъ нами новое толкованіе причинъ смерти Пушкина. Авторъ начинаетъ совершенно справедливо съ упрека въ шаблонности большинства юбилейныхъ статей о Пушкинѣ, рикошетомъ задѣваетъ гг. Шляпкина, Полевого, Евг. Соловьева, Якушкина, Мякотина и Гриневича, обвиняя ихъ или въ без-

---

[1]) *В. Шенрокъ*, „Пушкинъ и Гоголь“, *Русская Старина*, 1900, № 2, 383.

[2]) *Евг. Ляцкій*, „Замѣтка о дуэли А. С. Пушкина“ (*Русская Старина*, 1900, № 1, 273).

[3]) *С. М. Лукьяновъ*, „О послѣднихъ дняхъ жизни и о смерти А. С. Пушкина съ медицинской точки зрѣнія“ (*Изв. отд. рус. яз. и слов. Имп. Ак. Н.*, т. IV, кн. 3; есть отдѣльные оттиски).

[4]) *Ген. Родзевичъ*, „Исторія послѣдней болѣзни поэта А. С. Пушкина“, 1899, Н.-Новгородъ.

[5]) *П. Перцовъ*, „Смерть Пушкина“ (*Міръ Искусства*, 1899, № 21—2).

цвѣтности, или въ партійности, иногда облекавшей Пушкина въ костюмъ Конрада Валленрода (г. Якушкинъ). Затѣмъ авторъ останавливается на статьѣ Вл. Соловьева: „Судьба Пушкина“. Г. Перцовъ винитъ Пушкина въ томъ, что онъ женился въ угоду своей прихоти, зная о равнодушіи своей невѣсты, самъ предвидя возможную катастрофу [1]). Дантесъ былъ „ничтожный человѣкъ“, виновный въ томъ, въ чемъ и тогда, и теперь виновны многіе. Жена Пушкина была „средней женщиной“, къ тому же не она искала Пушкина, а онъ ея. Сватовство поэта было чисто шаблонной „сдѣлкой“ его съ родными невѣсты,—она лишь „пассивно принимаетъ ухаживанья, пассивно даетъ согласіе, пассивно поддерживаетъ рѣдкую и скудную переписку съ женихомъ“ [2]). Выводъ г. Перцова, что любовь поэта была лишь чувственной вспышкой, — Пушкинъ пожертвовалъ Гончаровой „для себя“. Для нея, восемнадцатилѣтней барышни, „очевидно, какъ для „бѣдной Тани“, всѣ были жребіи равны, но не *уже* равны, а *еще* равны“ [3]). Она еще имѣла право ждать „Онѣгина“. Въ семейной жизни она не была счастлива: „для насъ существуетъ только великій поэтъ Пушкинъ,—для Гончаровой былъ живой человѣкъ А. С. Пушкинъ, во всемъ ей понятномъ (карьера и фортуна), не совсѣмъ удачливый и занятый чѣмъ-то чуждымъ и страннымъ“ [4]). За Ланскимъ она оказалась счастливѣе. Въ заключеніе авторъ сопоставляетъ смерть Пушкина съ смертью Лермонтова: смерть Пушкина носитъ земной характеръ—легкомысленная жена, враждебные вельможи, свѣтскія сплетни. Это оскорбленіе, идущее со стороны людей. Смерть же Лермонтова — „замаскированное самоубійство“,—здѣсь оскорбленіе идетъ не отъ земли [5]). И онъ ушелъ изъ того міра, „скучныя пѣсни“ котораго не были въ силахъ заглушить въ его памяти „звуковъ небесъ“. Вотъ безпримѣсный, чистый трагизмъ—неразрѣшимое столкновеніе генія съ жизнью. Обернитесь теперь на Пушкина: не мелки-*ли*, *слишкомъ* мелки—по крайней

---

[1]) См. письмо въ январѣ 1830 г. къ тещѣ. Конецъ письма: „...не начнетъ ли она тогда сама сожалѣть о сдѣланномъ шагѣ? Не будетъ ли она смотрѣть на меня, какъ на помѣху, какъ на обманщика-похитителя? Не почувствуетъ ли отвращеніе ко мнѣ? Богъ свидѣтель, что я готовъ умереть за нее; но умереть затѣмъ, чтобы оставить ее блестящей вдовой, свободною въ выборѣ завтра, эта мысль—адъ“.

[2]) *Перцовъ*, op. cit., 161.

[3]) Тамъ же, 164.

[4]) Тамъ же, 164. Выводъ изъ всего этого, что Пушкинъ виноватъ былъ передъ ней, а не она передъ нимъ.

[5]) Тамъ же, 165.

мѣрѣ сейчасъ, пока живо лермонтовское впечатлѣніе—всѣ эти свѣтскія сплетни и анонимные пасквили? Чтобы заинтересоваться ими и войти въ трагедію поэта, вамъ надо принудить себя спуститься на землю, вмѣшаться въ свѣтскую толпу Петербурга. Какъ не видятъ безусловные панегиристы Пушкина, что въ этой печальной исторіи онъ вовсе не великій поэтъ, великій человѣкъ, а „ничтожное дитя міра", травимое другими, пусть еще болѣе „ничтожными" [1]).

Г. Перцовъ правъ въ отысканіи новой и едва-ли не самой существенной причины смерти Пушкина, зачѣмъ только онъ беретъ на себя роль строгаго судьи Пушкина! Точно смерть не одинаково великое событіе, независимо отъ той обстановки, въ которой она происходитъ,—умираетъ-ли человѣкъ на вершинѣ Машука при раскатахъ грома, или въ домѣ № 12 на набережной р. Мойки! Заканчиваетъ г. Перцовъ свой этюдъ словами: „Судьба Пушкина служитъ страннымъ оправданіемъ странныхъ и въ общемъ едва-ли не слишкомъ оптимистическихъ словъ Гете: всякая вина находитъ себѣ искупленіе на землѣ" [2]).

Г. Дашкевичъ-Чайковскій сочинилъ „историческую драму" изъ жизни Пушкина, въ которой исковеркалъ факты и передѣлалъ по своему образъ поэта и лицъ его окружающихъ,—жаль, что свое ретивое перо „пробуетъ" онъ надъ такимъ печальнымъ событіемъ, какъ смерть великаго поэта [3]). Этотъ же сюжетъ, къ сожалѣнію, вдохновилъ и г. Мамонтова [4]). Впрочемъ, литературное выполненіе имъ этой неподходящей темы все-таки гораздо лучше, чѣмъ въ произведеніи г. Дашкевича-Чайковскаго.

В. В. Сиповскій.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

Geschichte der alten Rhodier von H. van Gelder preisgekrönt und herausgegeben vom Utrechter Provincial-Verein für Künste und Wissenschaften. Haag. Martinus Nijhoff, 1900. (VIII+521).

Недавно вышелъ въ свѣтъ обширный трудъ по исторіи о. Родоса въ древнія времена подъ вышеприведеннымъ заглавіемъ. Трудъ этотъ раздѣленъ на восемь главъ.

---

[1]) Тамъ же, 166.

[2]) Тамъ же, 168.

[3]) *К. Дашкевичъ-Чайковскій*, „Пушкинъ", историческая драма въ 5-ти дѣйствіяхъ, 6-ти картинахъ. Кіевъ, 1899.

[4]) *Сергѣй Мамонтовъ*, „Смерть Пушкина", драматическія сцены. М. 1899.

Первая глава, посвященная географическому обзору острова (Geographisches), принадлежитъ къ числу самыхъ краткихъ (1—13 стр.), подобно седьмой (стр. 409 — 422: „Literatur und Gelehrsamkeit") и восьмой (стр. 423—439: „Handel, Gewerbe, Sitten"). На 12½ страничкахъ крупной печати, само собой разумѣется, нельзя было дать *обстоятельнаго* изслѣдованія вопросовъ родосской топографіи. Дѣйствительно, Гельдеръ далъ только бѣглый обзоръ ея. О немъ мы намѣрены сказать нѣсколько словъ.

На стр. 2 рѣчь идетъ между прочимъ о родосскихъ мысахъ, въ числѣ которыхъ называется Θοάντειον. У Стравона Θοάντειον названъ „ἀκτή", т. е. берегъ, какъ и обозначено на картѣ, приложенной къ нашему труду „Очерки древней топографіи острова Родоса". Казань 1892. (Срв. стр. 16, 63). Но если мы примемъ во вниманіе, что „ἀκτή"— обычное обозначеніе „высокаго морского берега" въ противоположность „αἰγιαλός", т. е. „*низкому* морскому берегу", то должны будемъ вывести заключеніе, что названный берегъ можетъ быть дѣйствительно причисленъ къ мысообразнымъ.

На стр. 5 говорится о томъ, что городъ Родосъ построенъ знаменитымъ Ипподамомъ на широкомъ пространствѣ („geräumig hatte sie—die alte Stadt—im Jahre 408/7 der berühmte Hippodamos erbaut"). Въ примѣчаніи четвертомъ къ приведенному мѣсту авторъ вступаетъ въ полемику съ Эрдманомъ, статья котораго, съ знаніемъ дѣла написанная, появилась въ „Philologus" 1884 г. (у Гельдера по недосмотру 1883): „Hippodamos von Milet und die symmetrische städtebaukunst der Griechen" (стр. 193—227). Эрдманъ подвергаетъ серьезному критическому анализу извѣстія о жизни Ипподама и главнымъ образомъ тѣ данныя, которыя служили исходными точками для К. Фр. Германа въ его изслѣдованіи объ этомъ архитекторѣ (De Hippodamo Milesio, Marburg. 1841). Нѣкоторые изъ этихъ основныхъ пунктовъ едва-ли могутъ защитить свое право называться такъ (напр., тожество архитектора Ипподама съ отцомъ олигарха Архептолема, друга Θирамена). Такъ и при рѣшеніи вопроса о томъ, дѣйствительно ли Ипподамъ былъ строителемъ города Родоса, дата его основанія (408—7 г.) не окажетъ намъ помощи. Въ самомъ дѣлѣ, извѣстно ли, когда именно умеръ Ипподамъ? Быть можетъ, онъ умеръ и ранѣе 408—7 года и, слѣдовательно, построить городъ Родосъ не могъ. Существуютъ ли *точныя и достовѣрныя указанія* на то, что Ипподамъ дѣйствительно *самъ* строилъ этотъ городъ? Есть, но всего лишь одно. Правда, мы находимъ его у такого писателя, какъ Стравонъ, „котораго низко цѣнить

непозволительно" (слова такого скептика какъ Виламовицъ, въ Hermes XXX, стр. 180), но дѣло въ томъ, что Стравонъ далеко не утверждаетъ лично, что городъ Родосъ построенъ Ипподамомъ. Вотъ его слова: „Ἡ δὲ νῦν πόλις ἐκτίσθη κατὰ τὰ Πελοποννησιακὰ ὑπὸ τοῦ αὐτοῦ ἀρχιτέκτονος, ὥς φασιν, ὑφ' οὗ καὶ ὁ Πειραιεύς". Какъ видно изъ этихъ словъ, Стравонъ добросовѣстно заноситъ въ свой трудъ замѣтку о томъ, что среди родосцевъ его времени существовало преданіе, будто строителемъ ихъ столицы былъ знаменитый Ипподамъ. Это и мы признаемъ вполнѣ *достовѣрнымъ*, но дальше идти не имѣемъ права. Шла ли эта традиція съ конца V вѣка до Р. Хр., лежалъ ли въ основѣ ея дѣйствительный историческій фактъ, — мы ничего этого не знаемъ. Очень мало поможетъ рѣшенію вопроса предположеніе, что Стравонъ нашелъ извѣстіе объ Ипподамѣ у какого-либо изъ мѣстныхъ родосскихъ историковъ. Эрдманъ предлагаетъ выборъ изъ трехъ: Ергія [1]), Полизила и Зинона (стр. 202, прим. 24), Гельдеръ останавливается на Зинонѣ, какъ мнѣ кажется, просто потому, что такимъ образомъ традиція объ Ипподамѣ отодвигается къ болѣе отдаленнымъ временамъ; съ другой стороны намъ извѣстно, что въ его сочиненіи повѣствованіе начиналось съ древнѣйшаго времени и было доведено вплоть до современныхъ историку событій, т. е. до 165—163 гг. до Р. Хр. [2]). Вмѣстѣ съ Гельдеромъ допускаемъ *полную возможность* возникновенія указанной традиціи не спустя 400 лѣтъ послѣ 408/7 г., какъ предполагалъ Эрдманъ, а спустя 200 лѣтъ, но развѣ вслѣдствіе этого она пріобрѣтаетъ полную достовѣрность? Равнымъ образомъ, мало помогаетъ рѣшенію вопроса гипотеза объ одновременномъ пребываніи въ Θуріяхъ Ипподама и Доріея, объ ихъ знакомствѣ. Если Гельдеръ говоритъ объ Ипподамѣ: „ist er, wie E. selbst mit vollem Rechte annimt, im Jahre 412 nach Griechenland zurückgekehrt", то онъ нѣсколько смягчаетъ оттѣнокъ *простой* лишь *возможности* этого возвращенія, потому что у Эрдмана читаемъ: „Hippodamos *könnte* mit den anhängern Athens 412 (Wachsmuth, Hell. Alterthumsk. I, § 86) aus Thurii vertrieben nach dem osten zurückgekehrt sein" (стр. 202, прим. 25). Такимъ образомъ, всѣ доводы Гельдера въ

---

[1]) О спорахъ относительно того, слѣдуетъ ли читать Ἐργείας, Ἐργίας, или Ἐρξίας, см. Aug. Becker „De Rhodiorum primordiis" 1882, p. 94. Всѣ эти споры можно теперь считать сданными въ архивъ, такъ какъ въ I. G. I. v. I, 795 читается: ΕΡΓΙΑ.

[2]) О родосскихъ историкахъ Антисѳенѣ и Зинонѣ подробнѣе см. Herm. Ullrich, „De Polybii fontibus Rhodiis". 1898.

пользу *полной* достовѣрности факта построенія Ипподамомъ гор. Родоса мнѣ кажутся довольно слабыми; наоборотъ, сомнѣнія Эрдмана, которыя Гельдеръ называетъ „unberechtigt", являются вполнѣ умѣстными и его окончательный выводъ не поколебленнымъ: „sie [т. е. stadttradition] beweist nur, dass Rhodos nach *hippodamischen principien* angelegt worden ist, *nicht* aber dass Hippodamos *persönlich* den bau geleitet hat."

На стр. 7 рѣчь идетъ о протяженіи древняго города. Здѣсь приняты во вниманіе тѣ соображенія, которыя были высказаны мною въ „Оч. др. топогр. Родоса" на стр. 109—116, приведены и другія, подтверждающія ихъ. Необходимо было указать на то, что Россъ считалъ древній городъ весьма огромнымъ, но несомнѣнно черезчуръ преувеличивалъ его протяженіе,—необходимо было потому, что этотъ взглядъ нашелъ себѣ мѣсто въ такомъ, напримѣръ, прекрасномъ и распространенномъ трудѣ, какимъ является Reclus, „Nouvelle Géographie universelle", гдѣ въ т. IX (1884 г.), стр. 641 читаемъ: „La ville actuelle, occupant à peine *un seizième* de l'ancienne étendue"... Современный городъ не въ 16 разъ менѣе древняго, а раза въ три-четыре. Что древній Родосъ былъ *несомнѣнно больше* современнаго, на это указываютъ и слова такого знатока родосской топографіи, какимъ долженъ былъ быть Бондельмонте въ XV вѣкѣ, прожившій цѣлыхъ восемь лѣтъ на островѣ (1414—1422 гг.): „Nunc vero ad comparationem antiquae civitatis modica est" (см. объ этомъ у меня стр. 111). Это свидѣтельство кажется мнѣ весьма важнымъ, и напрасно Гельдеръ не внесъ его въ первую главу своего труда.

Гельдеру не осталась неизвѣстной новая статья, посвященная описанію камирскаго некрополя въ *Revue archéologique* XXVII (не XXVI, какъ по недосмотру указано у Гельдера, стр. 10), 1895 г., стр. 182—197: „Note sur la nécropole de Camiros dans l'île de Rhodes", принадлежащая одному изъ французскихъ геологовъ, L. de Launay, путешествіе котораго по острову относится къ октябрю 1894 г. Значительная часть этой статьи — характера топографическо-археологическаго, лишь въ концѣ ея встрѣчаемъ „Résumé géologique sur Rhodes" съ воспроизведеніемъ геологической карты Буковскаго, о трудѣ котораго см. у насъ „Дополненія и поправки", стр. 2. На стр. 186 французскій геологъ далъ общій планъ расположенія камирскихъ холмовъ, изъ коихъ нѣкоторые онъ называетъ нѣсколько иначе, чѣмъ Зальцманъ, Биліотти (L'île de Rhodes par Ed. Billotti et Cottret 1881, p. 404) и я (стр. 84

слѣд.): *Kakirachi* вм. Kechraki, *Kasupernos* (у меня Κατζουβέρνο). О себѣ лично могу сказать, что я во время своего путешествія очень внимательно относился къ сообщаемымъ мнѣ поселянами мѣстнымъ названіямъ, пробылъ въ окрестностяхъ древняго Камира (въ селѣ Καλαβάρδα) не одинъ день, но ни отъ кого не слыхалъ названія Kakirachi: всѣ называли этотъ холмъ Κεχράκι.

На стр. 12 Гельдеръ, говоря о димѣ Δέλος, долженъ былъ бы указать надписи I. G. I. v. I, №№ 201, 701 и Athen. Mitth. XXI (1896), стр. 62. Сказанное въ названныхъ мѣстахъ прошу читателя сопоставить со стр. 72 моего изслѣдованія.

На той же страницѣ читаемъ: „Auf lindischem Gebiete ist uns genau die Lage von Ἄργος bekannt, dessen Name in dem δᾶμος der Ἀργεῖοι fortlebt. Es lag beim jetzigen Dorfe Archipoli". Это отожествленіе древняго дима съ мѣстностью теперешняго селенія Ἀρχίπολι ведетъ свое начало со времени появленія статьи Гиллера въ Ath. Mitt. XVII (1892), гдѣ на стр. 309 говорится о томъ, что „прилежный родосскій изслѣдователь, врачъ *Саридаки* у села Архиполи нашелъ одно современное названіе мѣстности — τὸ Ἄργος".

Г. Стиліана Саридаки я знаю лично и въ его добросовѣстности ничуть не сомнѣваюсь, но считаю необходимымъ подѣлиться съ читателемъ *своими* впечатлѣніями, вынесенными во время послѣдняго путешествія по о. Родосу лѣтомъ 1900 года. Селеніе Ἀρχίπολι лежитъ въ срединной горной полосѣ острова; природа здѣсь дикая: горы, лѣса, овраги, пропасти, обрывы. Дороги, ведущія къ этому селенію, отвратительны: часто приходится слѣзать съ мула, чтобы не свалиться въ пропасть. Путешественники рѣдко заглядываютъ сюда, потому что проводники, указывая на трудности пути, стараются всячески отвратить намѣреніе побывать въ Ἀρχίπολι, селѣ бѣдномъ и грязномъ. Въ 1880-хъ годахъ здѣсь было приблизительно 180 жителей, не болѣе; думаю, и теперь. Во время своего путешествія по острову я рѣшилъ во что бы то ни стало побывать въ этомъ селѣ, 1) надѣясь, что могу здѣсь найти новыя надписи [1]), 2) поставивъ себѣ цѣлью провѣрить на мѣстѣ слова Саридаки. Село, какъ я уже указалъ, малолюдное, я могъ бесѣдовать почти со всѣми поселянами и первымъ дѣломъ обратился съ просьбой къ старожиламъ назвать мнѣ всѣ мѣстности въ окрестностяхъ села, какія только имъ извѣстны.

[1]) Кромѣ амфорныхъ ручекъ и нѣсколькихъ монетъ, я нашелъ лишь одну надпись, которая оказалась уже изданной Гиллеромъ въ I. G. I. v. I, № 953.

Я записалъ съ ихъ словъ болѣе 25 названій, но между ними „τὸ Ἄργος“ не оказалось. Тогда я долженъ былъ прямо спросить ихъ, нѣтъ ли *теперь* названія Ἄργος, τὸ Ἄργος. Поселяне мнѣ отвѣчали, что и не слыхали никогда такого названія. Даже мѣстный священникъ, семидесятилѣтній старецъ, отозвался полнымъ невѣдѣніемъ такой мѣстности. Это обстоятельство заставляетъ думать, нѣтъ ли въ сообщеніи г. Саридаки какого-либо недоразумѣнія. Придти къ такому заключенію меня побуждаютъ и нѣкоторыя другія соображенія, о которыхъ здѣсь считаю неумѣстнымъ распространяться.

На стр. 13 указана въ числѣ древнихъ мѣстностей, положеніе которыхъ опредѣляется съ бóльшей или меньшей вѣроятностью, „Κρητίναι“ im kamireischen Lande“, при чемъ помѣщена ссылка на стр. 31, гдѣ читаемъ: „so soll der Name eigentlich geschrieben werden, nicht Κρητινία, wie in unseren Ausgaben steht“. Въ концѣ страницы указана статья Виламовица въ Hermes XXX (1895), 185, и при томъ такъ указана, что читатель въ правѣ думать, будто Виламовицъ предлагаетъ читать въ нашихъ текстахъ вмѣсто Κρητινία—Κρητίναι. Ничего подобнаго нѣтъ. Виламовицъ, подготовляя читателя къ пониманію „листа изъ κτίσις Μαγνησίας“, найденнаго О. Керномъ на рынкѣ этого города, разбираетъ вопросъ о разныхъ версіяхъ традицій, касающихся Магнитовъ у Меандра, между прочимъ говоритъ о Мандролитѣ и его сынѣ Мандрѣ, который, предаваясь пьянству, продалъ мѣстность Κρητίναι, затѣмъ продолжаетъ: „An einem Orte Kretinai oder Kretinaion... darf man nicht zweifeln: wenn der Name mit leichter Aenderung als Κρητινία auf Rhodos wiederkehrt, so ist das nur eine Bestätigung“. Ср. стр. 184, прим. 3 въ концѣ. Ясно, что здѣсь Виламовицъ не при чемъ. Обратимся теперь къ рукописямъ авторовъ, у которыхъ встрѣчается это названіе.

У Стефана Византійскаго читаемъ только Κρητηνία, и Meineke замѣчаетъ: „Κρητινία M(eineke), Κρητήνια R(ehdigeranus), Κρητηνία A(ldinus) V(ossianus). Κρητινία item ex codd. pro Κρητηνία scribendum apud Apollodorum 3, 2, 3; fuit etiam Ephesiaci agri oppidum Κρητίναιον sive Κρητίναι dictum“...

Въ сочиненіи „Βιβλιοθήκη“, дошедшемъ до насъ подъ именемъ Аполлодора, у Вестермана въ „Μυθογράφοι“ къ Κρητινία слѣдующія указанія на рукописныя чтенія: κρατινίαν P(alatinus) D(orvilianus) R^c (Parisinus tertius), κερατινίαν, но нигдѣ нѣтъ Κρητίναι. Въ этихъ двухъ сочиненіяхъ только и встрѣчается названіе этой мѣстности. Если бы Гельдеръ доказалъ, что существованіе въ греческомъ языкѣ формы

типа Κρητινία немыслимо, то тогда допустимъ былъ бы вопросъ, чѣмъ замѣнить ее, но онъ этого не сдѣлалъ и сдѣлать не могъ, потому что такая форма вполнѣ возможна и ни въ комъ не вызываетъ ни малѣйшаго недоумѣнія. Отвергать ее лишь потому, что существовала форма Κρητίναι, по меньшей мѣрѣ странно.

Закончу обозрѣніе первой главы сочиненія Гельдера двумя замѣчаніями по поводу его словъ, сказанныхъ, правда, въ четвертой главѣ, но касающихся топологіи и потому могущихъ здѣсь кстати подвергнуться оцѣнкѣ.

На стр. 219 говорится о томъ, что Σιλύριοι, какъ δημοτικόν, вѣроятно, „чистая фикція", и предполагается ошибка вмѣсто Σιβόθιος, т. е. повторяется взглядъ Шумахера (см. у меня стр. 78, 105). Я и раньше сомнѣвался въ вѣрности этого взгляда, а теперь тѣмъ болѣе, потому что есть новыя данныя въ пользу этого сомнѣнія. Въ числѣ надписей, недавно опубликованныхъ итальянскимъ ученымъ Scrinzi въ Atti del R. Istituto Veneto di scienze, lettere ed arti, LVII, 1899 г. („Iscrizioni greche inedite di Rodi"), на основаніи копій въ рукописномъ сочиненіи Геденборга 1854 г., есть одна надгробная (№ 41):

ΕΡΠΟΙΤΑΣ
ΑΡΙ . Τ . ΔΑΙΔΑ
Σ . Χ . ΡΙΟΣ

Скринци дополняетъ Σ[ι](λ)[ό]ριος. У Гиллера въ I. G. I. v. I, № 701 совершенно ясно читается Σιλορίου. „Il confronto con questa nostra iscrizione pare confermare l'esistenza di questo demos di Camiros", замѣчаетъ Скринци. Къ тому же мнѣнію склоняется и Гиллеръ въ Berl. Philol. Wochenschrift 1900, № 1, стр. 18.

На стр. 221 Гельдеръ говоритъ: „Nicht ganz unannehmlich hat Selivanov vermuthet (Rhodos 1892, 104 f.), dass die Ortschaft Νάσσος [нужно Νᾶσσος] I. G. I. I 701 genannt wird". Для доказательства этого можно привлекать лишь I. G. I. v. I № 290, но никакъ не № 694, гдѣ несомнѣнно рѣчь идетъ не о Νᾶσσος, а о νᾶσος въ противоположность ἁ ἄπειρος, между тѣмъ Гельдеръ ссылается и на № 694 совсѣмъ не кстати.

Вторая глава разбираемаго труда носитъ заглавіе „Mythische Vorgeschichte" и занимаетъ страницы 14—62. Вполнѣ естественно было бы соединить эту главу съ пятой „Götter und Cultus", стр. 289—367. По своему содержанію послѣдняя имѣетъ очень много точекъ соприкосновенія со второй, да иначе и быть не можетъ, потому что миѳологія относится къ области исторіи *религіозныхъ* представленій.

Самое заглавіе „Mythische Vorgeschichte“ не особенно удачно и не вполнѣ точно: цѣлый рядъ сказаній миѳологическаго характера никакъ не можетъ быть отнесенъ къ доисторическимъ временамъ, но создался въ эпоху вполнѣ историческую, представляя не плодъ *народнаго* творчества, а продуктъ фантазіи отдѣльныхъ писателей. Этого, конечно, не будетъ отрицать и самъ Гельдеръ (см., напр., стр. 30 и др.). Соединивъ указанныя главы и давъ имъ общее заглавіе „Mythologisches, Götter und Cultus“, авторъ избавилъ бы читателя отъ необходимости перечитывать въ пятой главѣ то, что было сказано во второй, или встрѣчаться съ частыми ссылками на вторую главу, какъ напр. на стр. 290, 302, 316, 352, 336 (на одной этой страницѣ три ссылки). Высказанное соображеніе позволяетъ мнѣ въ своей рецензіи соединить отзывъ о второй и пятой главахъ, такъ какъ обѣ онѣ характеризуютъ *религіозныя представленія* родосцевъ.

Мы вполнѣ согласны съ авторомъ, когда онъ на стр. 16 и 17 говоритъ о томъ, что миѳологическія сказанія родосцевъ не содержатъ, повидимому, во многихъ случаяхъ даже историческаго *зерна* („viele dieser Geschichten sind offenbar *gänzlich ersonnen*“), лишь отъ сказаній объ Иліи и Тлиполемѣ вѣетъ величавой свѣжестью народной поэзіи („weht der grossartig-frische Zug der Volkspoesie; das andere ist fast durchgängig bei der Studirlampe hinzucomponirt“). Равнымъ образомъ нельзя спорить съ Гельдеромъ, когда онъ, указывая на стремленіе писателей эпохи діадоховъ пріурочить къ извѣстной хронологической системѣ различныя версіи миѳологическихъ сказаній іалисскихъ, линдійскихъ и камирскихъ, говоритъ, что этимъ писателямъ ничего иного не оставалось, какъ уложить упомянутыя сказанія на Прокрустово ложе; немало искаженій внесено въ эту область и раціоналистическимъ направленіемъ. Все это, конечно, вѣрно, но составляетъ вмѣстѣ съ тѣмъ *общее мѣсто* современной исторической критики.

Къ сожалѣнію, до нашего времени не дошло ни одного сочиненія какого-либо изъ родосскихъ историковъ въ полномъ видѣ. Богатое собраніе миѳологическихъ сказаній содержалъ трудъ родосца *Зинона*, писавшаго въ первой половинѣ II вѣка до Р. Хр., но часть этого труда, весьма незначительная, дошла до насъ лишь въ передачѣ Діодора (V, 55—59=F. H. G. III, pp. 175—178) и Поливія (XVI, 14—20=F. H. G. III, pp. 178—182).

Анализу миѳовъ о колонизаціи острова посвящена значительнѣйшая часть 2-й главы труда Гельдера, при чемъ они обозрѣваются

по происхожденію, какое миеы приписываютъ колонизаторамъ: сперва идутъ миеологическія сказанія о поселенцахъ-дорянахъ на стр. 19—32 (Тлиполемъ и Алееменъ), затѣмъ о поселенцахъ-еллинахъ не дорійскаго племени на стр. 32—39 (главнымъ образомъ о Форвантѣ), далѣе о миеическихъ поселенцахъ изъ Египта и Финикіи на стр. 39—44, а въ остальной части главы разбирается вопросъ о Тельхинахъ и Иліадахъ (Ἡλιάδαι).

Наиболѣе достойнымъ вниманія изъ сказаній о поселеніяхъ на островѣ Гельдеръ считаетъ сказаніе о Тлиполемѣ, потому что о переселеніи этого Ираклида изъ Пелопонниса на Родосъ рѣчь идетъ въ *Иліадѣ*, во 2-й пѣснѣ которой цѣлыхъ 18 стиховъ (653—670) посвящено его памяти (ср. V, 627—670). „Βοιωτία", по обычному среди ученыхъ мнѣнію, принадлежитъ къ числу *позднѣйшихъ* частей Иліады, хотя въ опредѣленіи столѣтія, къ которому она относится, взгляды изслѣдователей расходятся: нѣкоторые пріурочиваютъ ее ко второй половинѣ VII вѣка до Р. Хр., другіе — приблизительно къ срединѣ VIII-го. Не мѣшало бы Гельдеру указать на стр. 19 руководящія по этому вопросу изслѣдованія, напримѣръ, Б. Низе (Der homerische Schiffskatalog, als historische Quelle. Kiel. 1873, гдѣ на стр. 15 анализируется важный для Гельдера отрывокъ), Эрв. Роде (Rhein. Mus. XXXVI, стр. 573 сл.), Гемолля (Hermes XVIII, стр. 35 сл.).

По поводу сказанія о Тлиполемѣ Гельдеръ замѣчаетъ: „Allererst belehrt sie [die Stelle aus dem Schiffskatalog] uns, dass schon im siebenten, vielleicht im achten Jahrhundert... die Rhodier fest überzeugt waren, dass ihre Insel vom eigentlichen Griechenland aus colonisirt worden war; zweitens, dass bereits damals die Bewohner in drei φυλαί eingetheilt waren; drittens, dass die Insel schon zu jener Zeit reich war. Das ist thatsächliche, hochwichtige Geschichte".

Не совсѣмъ такъ: 1) не родосцы были твердо убѣждены въ своемъ происхожденіи изъ собственной Еллады (вѣдь, никто, кажется, не приписываетъ „Βοιωτία" какому-нибудь родосскому поэту), а „эллины" вообще (въ томъ числѣ, *быть можетъ*, и родосцы); 2) въ словахъ каталога (668—670):

„ἠδὲ φίληθεν
ἐκ Διός, ὅστε θεοῖσι καὶ ἀνθρώποισι ἀνάσσει.
καί σφιν θεσπέσιον πλοῦτον κατέχευε Κρονίων"

„божественно-чудесное" богатство указываетъ не на историческую дѣйствительность, а, по моему мнѣнію, не что иное, какъ *искаженіе*

первоначальной миѳической черты. Я предполагаю, что въ какомъ-либо миѳическомъ гимнѣ говорилось о любви Зевса къ родосцамъ и о томъ, какъ онъ въ знакъ любви сыпалъ имъ свое божественное *золото*, т. е. яркіе солнечные лучи. Отъ золота до богатства при раціонализаціи и непониманіи первоначальнаго смысла миѳа — одинъ шагъ, который и былъ сдѣланъ дѣйствительно уже въ довольно древнее время. Къ счастью, что̀ бываетъ не часто въ подобныхъ случаяхъ, я могу придать силу моей догадкѣ вѣскими фактическими данными.

Въ самомъ дѣлѣ, въ седьмой олимпійской эпиникіи Пиндара, посвященной Діагору родосцу, читаемъ (v. 33—34):

ἐς ἀμφιθάλασσον νομόν,
ἔνθα ποτὲ βρέχε θεῶν βασιλεὺς ὁ μέγας χρυσέαις
νιφάδεσσι πόλιν.

Рѣчь идетъ о томъ, что Аполлонъ Златовласый (ὁ χρυσοκόμας) Тлиполему далъ повелѣніе плыть въ „страну, окруженную моремъ", т. е. Родосъ, „гдѣ нѣкогда великій царь боговъ орошалъ городъ *золотымъ* дождемъ" (собственно снѣжинками). Послѣомировское βρέχειν, соотвѣтствующее омировскому διαίνειν, обозначаетъ „орошать", при чемъ имѣется въ виду, что жидкость не проникаетъ глубоко внутрь предмета, и такимъ образомъ является у Пиндара синонимомъ омировскаго καταχεῖν = поливать, обсыпать. Въ Иліадѣ этотъ глаголъ соединяется съ такимъ же дополненіемъ, съ какимъ у Пиндара βρέχειν (12, 156—158): νιφάς. Получается, слѣдовательно, полное соотвѣтствіе между Ил. 2, 670 и пиндаровымъ „ἔνθα ποτὲ" κτλ., за исключеніемъ „θεσπέσιον πλοῦτον", которому соотвѣтствуетъ у Пиндара „χρυσέαις νιφάδεσσι". Этотъ „золотой дождь", т. е. отливающіе золотомъ солнечные лучи — древняя миѳическая черта, исконная и единственно умѣстная въ первоначальной редакціи миѳа. Она сохранена у Пиндара, но искажена въ нашемъ традиціонномъ текстѣ Иліады. Этотъ текстъ настолько въ *данномъ* случаѣ важенъ, что необходимо нѣсколько подробнѣе на немъ остановиться. Начнемъ со стиха *667*. Вмѣсто αὐτάρ Зинодотъ читалъ αἶψα δ'; теперешнее чтеніе принадлежитъ Аристарху. Въ схоліяхъ къ этому стиху находимъ и основаніе для поправки: не можетъ *быстро* прибыть на Родосъ человѣкъ, которому необходимо было построить корабль, затѣмъ пришлось блуждать и терпѣть неудачи во время плаванія [1]). Основаніе, какъ видитъ

[1]) Мнѣ кажется необходимымъ принять поправку Кобета „εὐπλοιηκώς" вмѣсто εὐθυπλοΐκῶς.

читатель, взято главнымъ образомъ изъ самаго текста, къ которому предъявляются строго-логическія требованія. Слѣдующій *668* стихъ не возбудилъ сомнѣнія у древнихъ критиковъ, но въ схоліяхъ къ нему помѣщено замѣчаніе по поводу *669*, который подвергся аѳетисѣ (ἀθέτησις) подъ вліяніемъ слѣдующихъ соображеній: кто-то, не понявъ смысла *668* стиха, гдѣ говорится о томъ, что родосцы, хотя и не обитали въ одномъ городѣ, но были разсѣяны въ трехъ мѣстахъ, однако *любимы* были другъ другомъ и не враждовали, добивался отвѣта, кѣмъ они были любимы, и поэтому прибавилъ *669* стихъ, который „ἀθετεῖται, ἡ δὲ αἰτία προείρηται".

Послѣдняя замѣтка принадлежитъ къ ряду такъ называемыхъ „intermarginalia", большая часть которыхъ извлечена изъ трудовъ Аристоника и Дидима. У La Roche (Homeri Ilias ad fidem librorum optimorum. Pars I. 1873, стр. 60) въ примѣчаніи къ этому стиху читаемъ: „ἀθετεῖται Aristonicus".

Аѳетируя его, нельзя оставлять въ текстѣ и стихъ 670, непосредственно и весьма тѣсно связанный съ предыдущимъ. Въ схоліяхъ къ Иліадѣ мы однако аѳетисы его не встрѣчаемъ, за то находимъ указаніе на нее въ схоліяхъ къ 62 стиху седьмой олимпійской епиникія Пиндара: „τοῦτο ἄντικρυς ἐκ τοῦ ἀθετουμένου Ὁμηρικοῦ στίχου εἴληφεν ὁ Πίνδαρος· καί σφιν" κτλ.

Если аѳетиса разбираемыхъ стиховъ принадлежитъ Аристонику, то она довольно поздняя, такъ какъ Аристоникъ жилъ въ эпоху Августа (современникъ Стравона). Чья бы она ни была, но основаніе ея (по крайней мѣрѣ то, какое приведено въ схоліяхъ)—нелѣпо, чтобы не сказать болѣе: къ φίληθεν дополнять ὑπὸ ἀλλήλων, и такъ произвольно извращать смыслъ ясныхъ словъ могъ только человѣкъ, или очень плохо знавшій греческій языкъ, или не дающій себѣ отчета въ томъ, что онъ говоритъ.

Искаженіе въ нашемъ традиціонномъ текстѣ есть, но вовсе не тамъ, гдѣ его указываютъ схоліи; удалять цѣлыхъ два стиха изъ текста, считая ихъ позднѣйшей вставкой, нѣтъ ни малѣйшаго основанія, потому что они несомнѣнно принадлежатъ первоначальной редакціи всего отрывка; результатомъ позднѣйшей раціонализаціи является только одно слово 670 стиха: „πλοῦτον", которое очень легко, ничуть не мѣняя размѣра, могло завладѣть чужимъ гнѣздомъ, гдѣ вполнѣ по праву сидѣло другое слово: „χρυσόν" [1]) (указываемъ оба слова въ падежѣ, котораго требуетъ 670 стихъ).

---

[1]) Моя гипотеза о первоначальности чтенія „χρυσόν" встрѣтила одобреніе въ

Мнѣ думается, что современники Пиндара читали въ этомъ стихѣ „золото", а не „богатство", и Пиндаръ изъ простого и незатѣйливаго омировскаго „χρυσός" выковалъ свое пышное и смѣлое „χρύσεαι νιφάδες".

Гельдеръ долженъ былъ подвергнуть внимательному анализу 669 и 670 стихи 2-й пѣсни Иліады тѣмъ болѣе, что въ изданіяхъ истекшаго столѣтія (напримѣръ, конца двадцатыхъ годовъ) эти стихи считались сомнительными. Геффтеръ защищалъ ихъ подлинность, но совсѣмъ не по той причинѣ, на которую указываемъ мы [1]).

Если наша конъектура будетъ признана научно-обоснованной, то указанные стихи, по моему мнѣнію, могутъ послужить опорнымъ пунктомъ для опредѣленія хронологической даты начала процвѣтанія культа Солнца на о. Родосѣ.

Въ самомъ дѣлѣ, въ Иліадѣ родосцы являются *любимцами Зевса*, онъ же и обливаетъ ихъ тепломъ своихъ солнечныхъ лучей. Это—роль, которую въ позднѣйшее время игралъ Илій. Въ Иліадѣ мы не находимъ ни малѣйшаго намека на культъ Солнца у родосцевъ, но во времена Пиндара этотъ культъ на островѣ былъ уже въ полномъ расцвѣтѣ своего развитія: Родосъ—его „удѣлъ" (λάχος), онъ владыка острова,

> ἔχει τέ νιν ὀξειᾶν ὁ γενέθλιος ἀκτίνων πατήρ,
> πῦρ πνεόντων ἀρχὸς ἵππων [2]).

Если такъ, то приходится заключать, что культъ Илія, не имѣвшій *особаго* значенія въ половинѣ восьмого столѣтія до Р. Х., достигъ высокаго развитія и преобладанія надъ другими въ промежутокъ между этимъ временемъ и первой половиной пятаго вѣка, т. е. до основанія города Родоса, которое относится къ 408/7 году до Р. Х.

Нечего удивляться тому, что Зевсу въ Иліадѣ приписываются черты, которыми въ позднѣйшее время характеризуется Илій: Зевсъ, какъ божество *небеснаго* свѣта, заключалъ въ себѣ *первоначально* и божество *солнца*. Вотъ и еще указаніе на дѣйствительную древность вышеуказанныхъ стиховъ Иліады.

Всѣ высказанныя соображенія весьма пригодились бы Гельдеру

общемъ со стороны такого талантливаго знатока миѳологіи, какимъ является у насъ *Л. Ф. Воеводскій*, который въ „χρυσός" видитъ однако указаніе не на *солнечные лучи*, какъ предлагаемъ мы, а на *звѣзды*.

[1]) Die Götterdienste auf Rhodos im Alterthume, dargestellt von M. W. Heffter. Zweites Heft. Zerbst 1829, стр. 28, прим. 101.

[2]) Pind. *Olymp.* VII, 70.

на стр. 290 и слѣдующихъ, гдѣ онъ изслѣдуетъ вопросъ о почитаніи Солнца на островѣ.

Принимая вполнѣ вѣроятную гипотезу Диттенбергера относительно того, что почитаніе воздавалось Илію въ одномъ храмѣ, общемъ для іалисцевъ, линдійцевъ и камирцевъ, еще до основанія города Родоса [1]), авторъ разбираемаго сочиненія высказываетъ предположеніе, что храмъ этотъ находился въ той мѣстности, гдѣ впослѣдствіи былъ выстроенъ городъ Родосъ, т. е. на сѣверо-восточной оконечности острова. „Um das überaus günstig gelegene τέμενος, das schon längst ein religiöser Mittelpunkt war, wurde dann im Jahre 408/7 die neue Stadt gebaut", говоритъ Гельдеръ на стр. 292. Это предположеніе мы считаемъ вполнѣ вѣроятнымъ; равнымъ образомъ принимаемъ догадку Гельдера о довольно позднемъ установленіи если не праздника Ἁλίεια, какъ предлагаетъ онъ, то по крайней мѣрѣ состязательныхъ игръ на немъ. Если и существовалъ онъ до 408/7 года, то едва-ли пользовался большимъ значеніемъ (стр. 294).

Меня давно уже занималъ вопросъ, почему именно на о. Родосѣ констатируется процвѣтаніе культа Солнца вплоть до самыхъ позднихъ временъ, между тѣмъ какъ вообще въ Елладѣ этотъ культъ довольно рано отодвигается на второстепенное мѣсто культомъ другихъ божествъ. По этому поводу Отто Гильбертъ говоритъ слѣдующее: „Im übrigen hat überall der Apollcult den des Helios absorbiert mit Ausnahme von Rhodos Myth. Lex. Roscher (Rapp I, 2024), wo besondere Momente eingewirkt haben müssen" [2]). Какіе же это особенные моменты были причиной указаннаго факта? Отвѣта на это у Гильберта мы не нашли, но у Гельдера онъ есть. Такую причину онъ видитъ въ томъ, что культъ Солнца въ 408/7 году до Р. Хр. былъ сдѣланъ общегосударственнымъ („seinen Cult zum officiellen Hauptculte des neuen Staates proclamirt", стр. 290 и слѣд.).

Долженъ сознаться, такое рѣшеніе вопроса меня удовлетворяетъ только *отчасти* потому, что не объясняетъ процвѣтанія культа Илія до 408/7 года, на которое мною было указано выше. Дополню

---

[1]) „Itaque nihil relinquitur, quam ut antiquitus unum modo templum fuisse statuamus, ubi tres illi populi coniunctim deum totius insulae tutorem colerent, non aliter quam Ionum civitates duodecim Neptunum Heliconium in promunturio Mycale". De sacris Rhodiorum commentatio I, p. IV. Halis 1886.

[2]) Griechische Götterlehre in ihren Grundzügen dargestellt von O. Gilbert. Leipzig. 1898, стр. 434, прим. 2. Кстати замѣтимъ, что слѣдовъ знакомства съ этимъ сочиненіемъ у Гельдера мы не встрѣчаемъ.

объясненіе Гельдера своимъ. Внѣ всякаго сомнѣнія стоятъ довольно раннія сношенія Родоса съ Египтомъ, въ Египтѣ же главными божествами были божества *септа*, во главѣ всѣхъ—богъ Солнца (Ra и Ḥar). Не подъ вліяніемъ ли сношеній съ Египтомъ утвердился такъ прочно культъ Солнца на о. Родосѣ уже въ довольно древнія времена? Болѣе детальному доказательству этого предположенія здѣсь не мѣсто. Съ этой цѣлью необходимо было бы подвергнуть сопоставленію обрядовую сторону почитанія египетскаго и родосскаго, что̀, конечно, выходитъ за рамки скромной рецензіи. Замѣчу здѣсь только, что при изслѣдованіи этого вопроса нельзя упускать изъ виду и слѣдующаго немаловажнаго факта: Илію, какъ могущественному богу, воздавалось поклоненіе во многихъ мѣстностяхъ Пелопонниса,—въ Коринѳѣ, Сикіонѣ, на горѣ Тайгетѣ, на мысѣ Тенарѣ, въ Илидѣ, Аркадіи, наконецъ въ *Арголидѣ*, бывшей, по мнѣнію грековъ, *первоначальной* родиной родосцевъ [1]).

На стр. 295 и слѣдующей, разсуждая объ „Ἡλύσιον πεδίον", указаніе на которую встрѣчается въ „Ἐτυμολογικὸν μέγα" (λέγεται δὲ Ἠλύσιον καὶ ἱερὸν πεδίον περὶ Ῥόδον...), и говоря, что „ganz leicht wäre die Aenderung „Ἰηλύσιον", какъ мы дѣйствительно и предлагали въ своемъ изслѣдованіи на стр. 102, Гельдеръ предпочитаетъ однако чтеніе ΗΛΙЄΙΟΝ („Man schreibe getrost ΗΛΙЄΙΟΝ, nicht ΗΛΥCΙΟΝ") подъ вліяніемъ слѣдующихъ соображеній: 1) Іалисъ находится на разстояніи двухъ часовъ пути отъ г. Родоса, при чемъ между этими двумя городами--горы и нѣтъ никакой равнины, 2) странно, что іалисійская равнина называется „священной".

Оба соображенія не выдерживаютъ критики: 1) отъ черты теперешняго города (а древній былъ значительно обширнѣе) до начала той равнины, которая находится у горы Филерима, гдѣ былъ акрополь древняго Іалиса, идти надо среднимъ шагомъ никакъ не болѣе часу; не только личное посѣщеніе этихъ мѣстъ, но даже карта, приложенная къ сборнику Гиллера, не позволяетъ сомнѣваться въ томъ, что между древнимъ Родосомъ и Іалисомъ, кромѣ горъ, находилась и огромная равнина, гдѣ пріютилось теперь селеніе Τριάντα и гдѣ я восемь лѣтъ тому назадъ помѣщалъ Ἰαλύσιον πεδίον; 2) Ἰηλύσιον πεδίον потому уже было „ἱερόν", что Ἰηλυσός, подобно Камиру и Линду, былъ, по родосскимъ вѣрованіямъ, сынъ Керкафа и, слѣдовательно, внукъ

[1]) См. W. H. Roscher, Ausführliches Lexikon der griech. u. röm. Mythologie I, 2, ст. 2024 и слѣд., Preller—Robert, Griechische Mythologie, I (1894), стр. 429 и слѣд.

Илія. Такимъ образомъ, не особенно „getrost“ можно мѣнять чтеніе, предложенное нами.

На стр. 303 говорится о Ζεὺς καὶ Ἥρα ΩΡΟΛΥΤΙΟΙ, очевидно, по недосмотру вмѣсто ωΡΟΛΥΤΟΙ, такъ какъ въ надписи I. G. I. v. I, № 786, vs. 10 sq. читаемъ: ΔΙΟΣ ΚΑΙΗΡΑΣ ωΡΟΛΥΤωΝ.

Ни Гиллеръ, ни Гельдеръ не даютъ объясненія этого епиѳета Зевса и Иры. Мнѣ кажется, его можно сопоставить съ епиѳетомъ Димитры ὡρηφόρος въ омировскомъ гимнѣ къ этой богинѣ (ст. 54 и 192, объясненіе у Гемолля, Die homerischen Hymnen, стр. 285), при чемъ nominativus этого слова, полагаю, не ὡρόλυτος, а ὡρολύτης, т. е. Зевсъ и Ира называются „развязывающими времена года“ (ὧραι+λύειν). Эта роль вполнѣ подходитъ къ Зевсу, такъ какъ „Διὸς ὧραι“ (достаточно указать для примѣра Одисс. XXIV, 344). Дорическая форма gen. plur. отъ ὡρολύτης—ὡρολυτᾶν; при нашей конъектурѣ приходится читать ὡρολυτῶν. Но это обстоятельство ничуть не свидѣтельствуетъ противъ нашего предположенія, потому что надпись № 786 на основаніи палеографическихъ и ороографическихъ признаковъ должна быть отнесена къ весьма позднимъ римскимъ временамъ (не древнѣе третьяго вѣка *по* Р. Хр.), когда рядомъ съ дорическими образованіями бытовали въ родосскихъ надписяхъ формы τῆς κοινῆς (напр., въ той же надписи ἱερᾶς βουλῆς vs. 18, но Ἀγαθᾶ τύχα = dativ. безъ ι adscriptum vs. 1, Ἀθάν[ας vs. 5).

На стр. 354 удачно отмѣченъ *этіологическій* характеръ происхожденія миѳа объ Ἑλένη Δενδρῖτις. По поводу объясненія Гельдера замѣчу лишь, что оно не ново: его читатель можетъ найти у Геффтера, Die Götterdienste auf Rhodus. Heft III (Zerbst. 1833), стр. 72—76.

Третья глава сочиненія Гельдера посвящена исторіи государственной жизни острова (politische Geschichte) съ ея возникновенія вплоть до того времени, отъ котораго дошло послѣднее извѣстіе о политической исторіи *древняго* Родоса, т. е. до 380 приблизительно года по Р. Хр. Здѣсь авторъ добросовѣстно отнесся къ своей задачѣ: отъ его вниманія не ускользнули ни спеціальныя монографіи по исторіи о. Родоса, ни журнальныя статьи, въ которыхъ затронуты вопросы, относящіеся къ этой исторіи; весь матеріалъ изъ первоисточниковъ сведенъ умѣлою рукой, освѣщенъ изслѣдованіями ученыхъ нашего времени и очищенъ мѣстами самостоятельной критической мыслью. По поводу этой главы (страницы 63—177) я ограничусь однимъ лишь замѣчаніемъ. Въ самомъ началѣ ея Гельдеръ не могъ, конечно, совершенно не затронуть вопроса о томъ, каково было *до-греческое* насе-

леніе острова. Мелькомъ касаясь этого вопроса, онъ говоритъ: „Wahrscheinlich sind Karer die ältesten wirklich geschichtlichen Bewohner von Rhodos gewesen. Sie sassen auf der gegenüberliegenden Küste und waren einst über viele griechische Inseln verbreitet. Spuren haben sie nicht hinterlassen [1]), die Griechen haben sie vertilgt, verjagt oder mit sich selbst verschmolzen".

Благосклонно относясь къ карійцамъ и населяя ими островъ, Гельдеръ сурово вооружается противъ финикіянъ. Вполнѣ становясь на сторону такого врага ихъ, какимъ является Ю. Белохъ, онъ пишетъ: „Am liebsten schliesse ich mich jedoch dem Radicalismus Belochs an". Особенно сильное впечатлѣніе произвела на Гельдера статья Белоха, появившаяся въ *Rheinisches Museum* за 1894 годъ подъ заглавіемъ „Die Phoeniker am Aegaeischen Meer" (стр. 111 — 132). Здѣсь названный ученый, вооружившись *археологическими* данными, добытыми во время раскопокъ, указываетъ: 1) на тотъ фактъ, что некрополь Іалиса — *микенской* эпохи, некрополь Камира—*послѣ*-микенской поры, цѣлаго же финикійскаго некрополя нигдѣ на островѣ нѣтъ; 2) на то, что словъ, заимствованныхъ изъ *симитическихъ* языковъ, чрезвычайно мало, и что слова, обыкновенно выводимыя изъ симитическихъ корней, едва-ли такого происхожденія; 3) на то, что въ эпосѣ нѣтъ упоминанія о финикійскихъ поселеніяхъ въ Елладѣ; 4) на то, что въ греческой религіи нѣтъ никакихъ слѣдовъ вліянія финикійскаго. Общій выводъ Белоха относительно о. Родоса слѣдующій: „*Auch sonst fehlt es für eine phoenikische Niederlassung auf Rhodos an jedem Beweise*" (стр. 130).

Конечно, Белохъ—большой авторитетъ, но, поглубже вдумавшись въ вопросъ и основательнѣе его изучивъ, Гельдеръ понялъ бы, что радикализмъ Белоха не можетъ быть названъ *научнымъ*, что въ вопросѣ о финикійскомъ вліяніи на еллиновъ равно неумѣстны упорный консерватизмъ и упорный радикализмъ, что единственно научное рѣшеніе этого вопроса — скромное „*non liquet*". Не я одинъ такъ думаю. Прошу читателя заглянуть въ превосходную статью Б. А. Тураева „Очеркъ исторіи изученія финикійской древности" [2]). Здѣсь на стр. 71 читаемъ: „Вообще авторитетный тонъ въ этомъ вопросѣ

---

[1]) „*Karisch* scheinen jedoch die auf Rhodos vorkommenden Ortsnamen Ἀτάβυρις und Μνασύριον zu sein (vgl. Hiller von Gärtringen bei Pauly-Wissowa, II, 1887). Авторъ могъ бы прибавить еще ссылку на Ath. Mitth. XXI (1896), стр. 62.

[2]) *Историч. Обозрѣніе*, т. VI (1893), стр. 1—76.

менѣе умѣстенъ, чѣмъ гдѣ бы то ни было, особенно если этимъ тономъ высказываются предвзятыя мысли"...

Ненаучный радикализмъ Белоха долженъ былъ вызвать реакцію и дѣйствительно уже вызвалъ ее. Противъ него направлена весьма интересная статья V. Bérard'a „Topologie et toponymie antiques" въ *Revue archéologigue*, XXXVII (1900), стр. 262—299. На стр. 263 противъ Белоха и его послѣдователей направлены слѣдующія слова: „Mais aujourd'hui la mode est aux historiens qui cuirassés d'archéologie partent en guerre, au nom du patriotisme indoeuropéen, contre les textes les plus formels et les auteurs les plus critiques"...

Отрицая существованіе на островѣ финикійскихъ поселеній, Гельдеръ предполагаетъ, что „вѣроятно, карійцы были дѣйствительно древнѣйшими историческими обитателями острова". На чемъ основывается это предположеніе? Да на томъ же, на чемъ гипотеза о финикійскихъ поселеніяхъ: 1) на миѳахъ, 2) на этимологіяхъ. Основанія— мало надежныя. Гельдеръ слѣдуетъ мнѣнію тѣхъ ученыхъ, которые считаютъ *карійскими* слова, раньше причислявшіяся къ семитическимъ. Въ сочиненіи Гельдера не замѣтно знакомства съ трудомъ Кречмера „Einleitung in die Geschichte der griechischen Sprache". Göttingen. 1896. Здѣсь на стр. 376 — 384 онъ узналъ бы, какъ *скудны* наши свѣдѣнія о карійскомъ языкѣ и какъ, слѣдовательно, зыбка почва заключеній и гипотезъ на основаніи этимологіи этого языка. Карійцы очень рано подверглись еллинизаціи, которая пустила здѣсь болѣе глубокіе корни, чѣмъ въ Лидіи, и выдѣлить элементы чисто-карійскіе отъ чисто-еллинскихъ очень трудно. На все это слѣдовало бы обратить побольше вниманія. Замѣна финикіянъ карійцами, рекомендуемая Гельдеромъ, не удачна: и здѣсь научное рѣшеніе вопроса одно—„non liquet".

Въ четвертой главѣ (Staat und Recht) рѣчь идетъ о родосскомъ государственномъ устройствѣ (стр. 178—288). По поводу сказаннаго здѣсь необходимо сдѣлать нѣсколько замѣчаній.

Давно уже ученые останавливали свое вниманіе на словахъ Страбона: „Δημοκηδεῖς δ' εἰσὶν οἱ Ῥόδιοι, καίπερ οὐ δημοκρατούμενοι"... (l. XIV c. 2, § 5, p. 653), т. е. родосцы заботливо относятся къ народу, хотя у нихъ и нѣтъ народнаго правленія. У другихъ писателей мы находимъ указаніе на существованіе у родосцевъ δημοκρατία (Поливій XXVII, 4, 7: ὅσῳ γὰρ πλεῖον ὀρέγονται τῆς ἰσηγορίας καὶ παρρησίας — Ῥόδιοι — καὶ διατελοῦσι προστατοῦντες οὐ μόνον τῆς αὐτῶν, ἀλλὰ καὶ τῆς τῶν ἄλλων Ἑλλήνων ἐλευθερίας...; Діодоръ XX, 93, 6—7; Цицеронъ

De republ. III, 35, 48 и другіе). То же обозначеніе государственнаго устройства родосцевъ находимъ и въ надписяхъ (Collitz-Bechtel, G. D. I. № 3749, vs. 14: τὰν καθεσταχυῖαν δαμοκρατίαν). Конечно, рѣшительный филологъ предложилъ бы, пожалуй, уничтожить въ текстѣ Стравона οὐ и сталъ бы доказывать, что и безъ οὐ смыслъ получился бы удовлетворительный; но этого никто до сихъ поръ не сдѣлалъ. Въ самомъ дѣлѣ, съ одной стороны нѣтъ указанія на то, что рукописи разногласятъ въ данномъ мѣстѣ, съ другой стороны конъектуры—ultima refugia въ томъ случаѣ, когда текстъ древняго автора неудовлетворителенъ по формѣ или по содержанію, чего въ разбираемомъ случаѣ нѣтъ. Мирясь съ традиціоннымъ текстомъ, мы однако должны *объяснить*, почему Стравонъ даетъ иное опредѣленіе государственному устройству Родоса сравнительно съ другими писателями древности. Укажу на нѣкоторыя изъ попытокъ дать это объясненіе. Паульзенъ объясняетъ слова Стравона тѣмъ, что „infima plebs" не принимала участія въ управленіи, была лишена права подачи голоса въ народномъ собраніи, „ius suffragiorum ferendorum" принадлежало лишь тѣмъ, которые могли прокормить себя; верховная власть была раздѣлена между знатью и народомъ (съ указаннымъ исключеніемъ), между совѣтомъ и народнымъ собраніемъ [1]).

Боттермундъ, полемизируя съ Паульзеномъ и неточно передавая слова Стравона (καίπερ οὐ δημοκρατικῶς πολιτευόμενοι), объясняетъ ихъ тѣмъ, что у родосцевъ въ *народномъ собраніи* подвергалось обсужденію лишь то, что вносилось туда *пританами* („civitas autem ita temperata οὐ δημοκρατικῶς πολιτευομένη dici potuit"), послѣ чего продолжаетъ: „Praeterea pugnat contra Paulsenii sententiam, ut recte Schneiderwirthius monet, Sallustii locus, quo dicit Rhodi et divites et pauperes iudiciis interfuisse. Nihilo autem minus verisimile est ditiorum civium plura iura fuisse quam pauperibus, quamquam, qualia fuerint, non notum est: forsitan certi magistratus publici e ditioribus civibus eligebantur" [2]).

Если читатель приметъ во вниманіе, что „Sallustii locus" взятъ изъ второго письма, *приписываемаго* Саллюстію и адресованнаго Цезарю (II, 7, 12), то онъ согласится, что авторитетъ этого свидѣ-

---

[1]) P. D. Chr. Paulsen, Commentatio exhibens Rhodi descriptionem Macedonica aetate. Gottingae. 1818. Стр. 47 слѣд.

[2]) Guil. Bottermund, De republica Rhodiorum commentatio. Halis Saxonum. 1882, стр. 17—18, срв. стр. 21 и слѣд.

тельства не великъ. Кромѣ того, какъ ни вооружается Боттермундъ противъ гипотезы Паульзена, однако и онъ признаетъ, что на о. Родосѣ правъ политическихъ у богатыхъ, *вѣроятно*, было больше, чѣмъ у бѣдныхъ, и что, можетъ быть, опредѣленныя должностныя лица избирались изъ среды болѣе состоятельныхъ гражданъ.

Шумахеръ предполагаетъ, что у родосцевъ существовало учрежденіе въ родѣ того, которое называлось у аѳинянъ ἡ ἐξ Ἀρείου πάγου βουλή; это учрежденіе имѣло верховную власть не только въ дѣлахъ религіозныхъ, но, быть можетъ, и въ государственныхъ. „Non si talem magistratum aut contionem (онъ разумѣетъ здѣсь собраніе древнихъ филъ) sumimus, nota illa Strabonis verba δημοκηδεῖς δ'εἰσὶν οἱ Ῥόδιοι, καίπερ οὐ δημοκρατούμενοι, quae omnibus viris doctis cum explorata Rhodiorum democratia pugnare videntur, explicari possunt et intellegi?“ говоритъ названный ученый на стр. 40 своей диссертаціи „De republica Rhodiorum commentatio“. Heidelbergae. 1886.

Что новаго далъ намъ въ этомъ вопросѣ Гельдеръ и какъ нужно рѣшить его? „Строго говоря, читаемъ у Гельдера (стр. 179), Страбонъ со своимъ οὐ δημοκρατούμενοι не правъ, потому что несомнѣнно родосское государственное устройство было δημοκρατία“, послѣ чего приводятся свидѣтельства надписей и авторовъ (въ томъ числѣ сомнительнаго Саллюстія ad Caes. de rep. II 7, 12). Страбонъ, по его мнѣнію, не думалъ собственно, что родосскія учрежденія не даютъ мѣста народному правленію, онъ думалъ, очевидно, только то, что на Родосѣ не было такого народнаго правленія, какъ во многихъ мѣстахъ Греціи, гдѣ ἐκκλησία захватила себѣ всю власть и низвела должностныхъ лицъ до степени своихъ слугъ. Здѣсь этого не было, должностныя лица сдерживали простой народъ (den Pöbel). Это ему и Поливію нравилось. Это восхваляетъ Поливій постоянно въ своемъ ахейскомъ союзѣ; „verwandteres fand er nirgendwo in Griechenland als in der wohlgeordneten, von bestimmten Regierungsfamilien geschickt bezügelten und im Zaume gehaltenen rhodischen Democratie“.

Картина, слѣдовательно, получается такая: внизу простой, бѣдный народъ, вверху правящія семьи, конечно, богатыя, искусно сдерживаютъ страсти черни — и это все называется димократіей. Какъ видимъ, Гельдеръ не далеко ушелъ отъ Паульзена, трудъ котораго онъ не даромъ хвалитъ, хотя въ данномъ мѣстѣ и не ссылается на него. Рѣшеніе Гельдера, какъ и другихъ всѣхъ ученыхъ, меня не удовлетворяетъ. Плодотворнымъ и цѣлесообразнымъ методомъ изслѣдованія даннаго вопроса я считаю слѣдующій: 1) необходимо изучить детально *всѣ*

епиграфическіе памятники о. Родоса и извлечь всѣ данныя, которыя могутъ характеризовать родосскую πολιτεία, при чемъ необходимо по возможности самымъ точнымъ образомъ опредѣлять въ каждомъ случаѣ, къ какому именно *времени* относится та или другая черта государственнаго строя; 2) не сваливать въ одну кучу, какъ это обыкновенно дѣлается, всѣ извѣстія древнихъ писателей, а постараться и здѣсь опредѣлить, *къ какой именно эпохѣ* относится то или другое свидѣтельство, при чемъ нельзя, конечно, относиться ко всѣмъ свидѣтельствамъ съ одинаковымъ довѣріемъ (съ моей точки зрѣнія авторитетъ, напримѣръ, такихъ риторическихъ „suasoriae“, какъ приписываемыя Саллюстію, равенъ нулю).

Не входя въ подробное разсмотрѣніе вопроса, которое приберегаю для другого случая, я сообщу здѣсь лишь въ самыхъ краткихъ чертахъ тѣ выводы, къ которымъ пришелъ я, производя изслѣдованіе указаннымъ выше методомъ: 1) въ то время, къ которому относятся надписи I. G. I. v. I №№ 49 и 50, родосскія должностныя лица были не рѣдко связаны родствомъ, происходя, повидимому, изъ одной и той же семьи. Къ сожалѣнію, время надписи № 49 не можетъ быть опредѣлено съ желательной точностью, между учеными идетъ споръ, относится ли она къ 188—167 гг. до Р. Хр., или къ первой половинѣ I в. до Р. Хр., по поводу чего достаточно указать на Ath. Mitth. XX (1895), стр. 385 слѣд. (здѣсь же на стр. 378—379 опубликована Гиллеромъ лучшая копія этой надписи). Какъ бы то ни было, фактъ родства между должностными лицами, констатируемый изъ надписей, весьма важенъ: онъ весьма пригодился бы Гельдеру, такъ какъ является серьезнымъ подтвержденіемъ его гипотезы о знатныхъ семьяхъ, стоящихъ во главѣ правленія и сдерживающихъ народъ. 2) Свидѣтельство Стравона необходимо относить не ко всѣмъ временамъ безъ различія,—строй родосскаго государства не оставался безъ измѣненій,—но лишь ко времени жизни самого Стравона. Оно полно смысла, если тогда, какъ въ эпоху надписей, должностныя лица избирались изъ опредѣленныхъ, знатныхъ семей. Въ какомъ направленіи происходили постепенныя измѣненія въ строѣ греческихъ государствъ подъ римскимъ вліяніемъ, объ этомъ читатель можетъ навести справку у Г. Свободы, „*Die griechischen Volksbeschlüsse*“ (особенно стр. 178—179).

На стр. 225 и слѣд. [1]) рѣчь идетъ о родосскихъ филахъ. По по-

[1]) На стр. 225 слѣдуетъ исправить вм. Ztschr. f. vgl. Sprachf. XLII, 1898,

воду послѣднихъ необходимо замѣтить, что *эпиграфическія* свидѣтельства о нихъ весьма не надежны. Въ самомъ дѣлѣ, Гельдеръ, по примѣру прочихъ, привлекаетъ I. G. I. v. I № 125 для доказательства того, что существовала φυλὴ Καμειρίς (стр. 226), но: 1) копія Бонаротти въ высшей степени неудовлетворительна, а соединеніе отрывковъ *a* и *e*, предложенное А. Кирхгофомъ, вовсе не обязательно; 2) если это соединеніе не обязательно, то и чтеніе: „Ῥόδφ νεμηθεὶς Κα⟨ι⟩μειρίδι φ[υλῇ]“ равнымъ образомъ не является необходимымъ. Въ отрывкѣ *e* vs. 4 я предложилъ бы дополнить, напримѣръ, слѣдующимъ образомъ: ἐνί]κα Ἰμε⟨ι⟩ρίδι Φ[ιλήμονος]? Я не настаиваю на этомъ именно дополненіи, но могъ бы его защитить въ случаѣ надобности.

Гиллеръ видитъ упоминаніе о другой родосской филѣ у Скриниц Iscr. gr. ined. di Rodi № 10 vs. 5, гдѣ читаемъ: ΦΥΛΝΑΛΥΣΡΑ——, что, по его предположенію, въ транскрипціи дастъ „φο[λᾶς Ἰ]αλυσ[ί]α[ς]“. Гельдеръ не знаетъ объ этомъ дополненіи Гиллера (Berl. phil. Wochenschr., 1900 г., № 1, стр. 20).

Въ I. G. I. v. I № 127 рѣчь идетъ о филахъ, но послѣднія не имѣютъ никакого отношенія къ государственнымъ подраздѣленіямъ. Въ I. G. I. v. I № 695 vs. 43 при Ἀλθαιμε[νίδος] слѣдуетъ ли разумѣть φυλᾶς, не извѣстно. Читатель видитъ, какъ скудны и ненадежны свидѣтельства надписей о родосскихъ филахъ.

На стр. 239 и слѣдующихъ рѣчь идетъ о родосскихъ пританахъ. Здѣсь читаемъ: „Dass ihrer (Prytanen) sechs waren, erhellt aus I. G. I. I 50, 4—10 (vgl. auch I. G. I. I 49, 1—7 und Ath. Mitt. XX 1895, 382, 4, Z. 1—7); schon *Ross* Hellenika 1846, 100 Anm. 1 zog diesen Schluss, und niemand hat ihn seitdem angefochten“.

Дѣйствительно, это общепринятое мнѣніе, а Брандисъ (не знаю, на какомъ основаніи) считаетъ даже невѣроятнымъ, чтобы пританов было пять („5 Prytanen, eine Zahl, die an sich unwahrscheinlich ist und wofür man 6 erwartet“. Gött. gel. Anz. 1895 г. № 8, стр. 652). Это не что иное, какъ общее заблужденіе. Если бы ученые обратили побольше вниманія на надпись Collitz-Bechtel G. D. I. № 3749, vss. 90 sq. (кстати замѣтимъ, что обработка родосскихъ діалектическихъ надписей принадлежитъ автору „Исторіи древнихъ родосцевъ“), то они не настаивали бы на томъ, что пританов родосскихъ было *шесть*, такъ какъ этотъ эпиграфическій памятникъ, содержащій договоръ ро-

---

272 — Ztschr. f. vgl. Sprachf. B. XXXIII. Neue Folge, B. XIII, 1895, 272—278 (Etymologisches. I. Rhod. κτοίνα).

досцевъ съ іерапитнійцами и относящійся къ 220—200 г. до Р. Х. (мнѣнія расходятся), содержитъ весьма ясное указаніе на то, что пританов въ это время было *пять*. Въ самомъ дѣлѣ, здѣсь читаемъ: „ὁρκιξάντων καὶ τοὺς πρεσβευτὰ[ς] | τοὺς παρὰ .Ἱεραπυτνίων τοὶ πρυτάνιες παραχρῆμα ἐν τᾶι ἐκκλησίαι“..., а оканчивается надпись такими словами: „Ὁρκωταὶ ἐν Ῥόδωι Ἱερόμβροτος Ἁγησιτίμου, Ἀριστόλοχος Πεισιστράτου καθ' ὑοθεσίαν δὲ Ἀρχύλλου, Τιμάρατος Νικοτίμου, Νικόμαχος Ἀριστάρχου, Σπαρτίων Φειδιάνακτος“.

Пословъ изъ Іерапитны должны были приводить къ присягѣ *пританы* [1]). Упоминаемые далѣе „ὁρκωταί“, т. е. должностныя лица, приводящія къ присягѣ, и были, конечно, пританы, а ихъ названо 5, не 6. Выводъ ясенъ: въ эпоху надписи пританов на о. Родосѣ было пять. По всей вѣроятности, ихъ было пять и въ болѣе позднія времена: по крайней мѣрѣ нѣтъ ни одной родосской надписи, которая заставляла бы предполагать непремѣнно существованіе шести, а не пяти пританов.

На стр. 259 высказывается предположеніе, что вмѣсто „ξε“ въ надписи I. G. I. v. I 49 vs. 50 слѣдуетъ читать „νε“ и дополнять не ξέ[νων], а νε[ωρίων]. Эта догадка совсѣмъ не продумана: на о. Родосѣ жило такъ много иноземцевъ, что существованіе особыхъ попечителей о нихъ вполнѣ естественно, тѣмъ болѣе, что въ новой копіи этой надписи (Ath. Mitth. XX, стр. 379) весьма ясно читается: ΕΓΙΜΕΛΗΤΑΙΤΩΝΞΕ.

По поводу четвертой главы сочиненія Гельдера распространяться больше не буду, главнымъ образомъ потому, что готовлю теперь къ печати спеціальное изслѣдованіе по родосскому государственному праву, а къ тому же рецензія моя слишкомъ разрослась и вышла за рамки, первоначально предположенныя. Итакъ, „ἵνα μὴ μακρότερος τοῦ δέοντος ὁ λόγος γένηταί μοι“, скажу, что шестая глава рецензируемаго труда посвящена исторіи искусства на о. Родосѣ (стр. 368—408), седьмая—литературѣ и наукѣ (стр. 409—422) и восьмая (послѣдняя)—торговлѣ, промышленности и нравамъ (стр. 423—439). Тому, кто пишетъ о родосской торговлѣ, не мѣшаетъ познакомиться съ недавно вышедшимъ въ свѣтъ трудомъ E. Speck, „Handelsgeschichte des Altertums“, I B., 1900 (о родосской торговлѣ стр. 497 слѣд.).

На стр. 440—521 Гельдеръ помѣстилъ: 1) указанія на надписи,

[1]) Пританы на о. Родосѣ играютъ въ данномъ случаѣ такую же роль, какъ въ Аѳинахъ, гдѣ пританы также приводятъ къ присягѣ (имѣю въ виду Ѳукидида V, 47—договоръ аѳинянъ съ аргивянами и ихъ союзниками, о которомъ такъ часто заходила рѣчь въ научной литературѣ, *420* г. до Р. Х.).

важныя для исторіи о. Родоса, при чемъ многія изъ нихъ приведены цѣликомъ, 2) два указателя личныхъ именъ и Register.

На основаніи всего выше сказаннаго можно слѣдующимъ образомъ охарактеризовать трудъ нидерландскаго ученаго: это сочиненіе — весьма полезное, но... пользоваться имъ должно съ нѣкоторой осторожностью, *„sehr brauchbar, nur mit einiger Vorsicht zu benutzen"*, какъ сказалъ бы нѣмецкій ученый.

С. Селивановъ.

Э. К. Симсонъ. Система международнаго права. Т. I. Основныя понятія. С.-Пб. 1900 г. VI+183 стр.

Въ виду крайней бѣдности нашей литературы по международному праву, всякій новый трудъ въ этой области представляетъ несомнѣнный научный интересъ. Интересъ этотъ долженъ еще болѣе усугубиться, когда задачею изслѣдованія являются основныя понятія науки международнаго права, такъ какъ юридическая научная конструкція этихъ понятій, въ связи съ основными понятіями публичнаго права вообще, сосредоточиваетъ на себѣ вниманіе новѣйшихъ юристовъ западной Европы. И авторъ разсматриваемаго нами сочиненія пришелъ на основаніи 14-лѣтняго изученія международнаго права къ убѣжденію „въ необходимости искать новаго его обоснованія", такъ какъ, по его мнѣнію, то, что „со временъ Г. Гроція называлось и называется международнымъ правомъ, не можетъ претендовать на названіе права",—это „конгломератъ какихъ-то неясныхъ идей", скорѣе какая-то международная мораль, состоящая изъ положеній, неизвѣстно откуда получившихъ свою силу и большею частью никакой силы не имѣющихъ. Быть можетъ авторъ не совсѣмъ неправъ, утверждая, что большинство интернаціоналистовъ плохіе юристы, приверженцы естественнаго права и часто смѣшиваютъ положительное международное право съ наукой международнаго права, и потому его цѣль — найти „новое обоснованіе международнаго права", найти „вѣрное и научное понятіе международнаго права" вполнѣ похвальна. Но удалось ли автору достигнуть этой цѣли?

Книга г. Симсона раздѣляется на 5 главъ, въ которыхъ онъ разсматриваетъ слѣдующіе вопросы: возникновеніе права вообще и опредѣленіе его понятія; опредѣленіе понятія международнаго права; положительное и философское международное право; принципъ международнаго права и область его дѣйствія; наука международнаго права.

Мы не будемъ останавливаться на разсмотрѣніи разсужденій автора по вопросу о возникновеніи человѣческихъ сообществъ изъ „принципа жизни", т. е. „испытываемаго каждымъ индивидуумомъ неотразимаго стремленія производить ему подобныхъ индивидуумовъ, имѣя въ себѣ возможность такого производства" (стр. 9); не представляютъ особеннаго интереса и разсужденія автора о возникновеніи права, какъ принципа порядка. Замѣтимъ только, что онъ здѣсь путаетъ право съ закономъ въ матеріальномъ и формальномъ смыслѣ, объявляя, что право состоитъ изъ нормъ, данныхъ для неопредѣленнаго числа случаевъ, и что предписанія, относящіяся къ одному лишь случаю, хотя и являются въ формѣ закона, не суть право въ юридическомъ (?) смыслѣ (напримѣръ, законъ о государственномъ бюджетѣ). А это смѣшеніе отражается далѣе и на конструкціи понятія международнаго права, которую предлагаетъ г. Симсонъ.

Этому вопросу посвящена II-я глава книги г. Симсона. Предварительно опредѣленія „вѣрнаго и научнаго понятія международнаго права" авторъ приводитъ нѣкоторыя изъ наиболѣе неудачныхъ и болѣе или менѣе устарѣвшихъ опредѣленій, данныхъ иностранными интернаціоналистами, и опредѣленія русскихъ ученыхъ Каченовскаго, Мартенса, Коркунова и гр. Камаровскаго, указываетъ въ самыхъ общихъ выраженіяхъ ихъ недостатки и затѣмъ даетъ свое новое опредѣленіе международнаго права. По его мнѣнію (стр. 60) „международное право даннаго государства есть совокупность тѣхъ *правовыхъ* нормъ [1]), которыя имѣютъ силу для этого государства, его органовъ, его подданныхъ и вообще для всѣхъ лицъ, находящихся подъ его властью, и которыя содержатъ въ себѣ иностранный элементъ или элементъ, относящійся къ чему-либо, находящемуся за границей". Такимъ образомъ международное право національно, т. е. существуетъ русское, французское, германское и т. д. международное право. Несомнѣнно, что исходя изъ положенія, что „*право* вообще есть совокупность дѣйствующихъ въ данномъ государствѣ *правовыхъ* нормъ" (стр. 21), т. е. внутреннее право государства, авторъ не могъ придти къ иной конструкціи права международнаго. Но авторъ вообще считаетъ безсмыслицей, юридическимъ non-sens'омъ даже самый терминъ „международное право", такъ какъ этотъ терминъ говоритъ будто бы о дѣйствіи права „въ какомъ-то пустомъ пространствѣ, гдѣ-то „между" го-

---

[1]) Другими словами—право есть право, такъ какъ въ опредѣленіи г. Симсона опредѣляемое понятіе является опредѣляющимъ.

сударствами" (стр. 54 и 71), что не мѣшаетъ, однако, автору говорить объ отношеніяхъ „между" людьми, государствами, науками и т. д. Правда, отъ изобрѣтенія собственнаго „вѣрнаго и научнаго" термина для международнаго права г. Симсонъ отказывается, но такой терминъ уже давно имѣется въ наукѣ—это внѣшнее государственное право. Почему онъ не нравится г. Симсону—неизвѣстно; но его опредѣленіе международнаго права только къ внѣшнему государственному праву и примѣнимо. Въ самомъ дѣлѣ, возможно ли толковать о русскомъ, примѣрно, международномъ правѣ, коль скоро оно и для Россіи можетъ сдѣлаться правомъ только въ случаѣ признанія его по меньшей мѣрѣ еще какимъ-либо другимъ государствомъ? „Національное" международное право, о которомъ толкуетъ г. Симсонъ, мыслимо только при его денаціонализаціи: „русское" международное право мыслимо только какъ русско-французское, русско-англійское, русско-еще какое-нибудь и помимо соглашенія, международнаго соглашенія съ другимъ государствомъ относительно той или иной его нормы, никакое международное право немыслимо. Всякое государство вольно, конечно, устанавливать тѣ или иныя правила и нормы для своихъ отношеній къ другимъ государствамъ, но безъ соглашенія съ другимъ государствомъ относительно признанія послѣднимъ этихъ установленныхъ государствомъ нормъ, онѣ будутъ совершенно лишены того „положительнаго" характера, о которомъ авторъ постоянно такъ сильно заботится, потому что внѣшнее государственное право государства можетъ не быть признано другими государствами, какъ мы это видимъ напримѣръ въ отношеніяхъ цивилизованныхъ государствъ къ „международному праву" (въ смыслѣ, употребленномъ авторомъ) государствъ нецивилизованныхъ. Это „международное право" съ его нормами ограниченія правъ иностранцевъ, обращенія съ военноплѣнными, способовъ веденія войны и т. п. никогда не получитъ признанія цивилизованныхъ государствъ и никогда, слѣдовательно, международнымъ правомъ въ дѣйствительномъ смыслѣ этого слова не будетъ. Въ своемъ опредѣленіи международнаго права г. Симсонъ признаетъ достаточнымъ, чтобы нормамъ этого права подчинялись органы и подданные государства. Иначе и быть не можетъ, коль скоро источникомъ его признавать только волю отдѣльныхъ государствъ; но какой юридическій смыслъ будетъ имѣть эта воля относительно „чего-либо, находящагося заграницею", если она заграницею не будетъ признана?

Г. Симсонъ относится, конечно, отрицательно къ установленнымъ его предшественниками основнымъ принципамъ науки международнаго

права. Мы разумѣемъ въ частности принципъ международнаго общенія. Авторъ, правда, признаетъ, что „государство не существуетъ одно по себѣ, совершенно обособленно, но какъ субъектъ равноправный наряду съ другими“ ему подобными субъектами, государствами; онъ признаетъ также, что „въ каждомъ соединеніи людей возникаетъ, по необходимости, право; всѣ соединенія людей создаютъ правовыя нормы, а не одно только государство [1]); каждое соединеніе должно имѣть свою правовую организацію“ (стр. 18); но такъ какъ до настоящаго времени международный союзъ такой организаціи еще не имѣетъ, то отсюда, по мнѣнію автора, толковать о международномъ общеніи—юридическая безсмыслица. Именно, онъ утверждаетъ (стр. 13, 14 и 111 сл.), что (предлагаемое проф. Мартенсомъ) опредѣленіе международнаго общенія какъ „свободнаго“ союза государствъ для достиженія общихъ имъ интересовъ есть contradictio in adjecto, потому что безъ нормъ, организующихъ общеніе, постоянное человѣческое соединеніе немыслимо. Это разсужденіе автора объясняется его безусловнымъ преклоненіемъ передъ государствомъ, какъ источникомъ всякаго права. Дѣйствительно, общество въ принятомъ юристами смыслѣ и разсматриваемое съ внутренне-государственной точки зрѣнія, требуетъ организаціи и регламентаціи, но только потому, что предполагается возможность вступленія его въ отношенія къ стоящему внѣ его лицу или обществу или государству, а въ такомъ случаѣ является необходимость болѣе или менѣе точнаго опредѣленія его юридической физіономіи: задачъ, состава, имущественнаго состоянія, право- и дѣеспособности. Но внѣ такого состоянія сношеній или общенія, словомъ — внѣшняго проявленія дѣятельности общества, единственнымъ признакомъ понятія общества является соединеніе лицъ для совмѣстнаго осуществленія общаго имъ интереса (можетъ быть общество собирателей марокъ, монетъ). Для международнаго союза культурныхъ государствъ тѣхъ необходимыхъ условій, какія существуютъ для государства или общества внутригосударственнаго, не существуетъ. Не существуетъ подобнаго ему сообщества государствъ, съ которымъ онъ могъ бы вступать въ сношенія или отношенія, которыя требовали бы опредѣленія его юридической физіономіи. Что же касается государствъ, обществъ и отдѣльныхъ лицъ, принадлежащихъ къ составу культурныхъ народовъ, то они сами являются лишь членами этого общества,

[1]) Въ своемъ опредѣленіи права вообще и международнаго права авторъ, какъ мы видѣли, держался иного мнѣнія.

а не посторонними для него юридическими лицами. Ихъ, слѣдовательно, связываетъ съ этимъ обществомъ общій интересъ, лежащій въ самомъ его основаніи. Отношеніе же общества, не имѣющаго своею задачею и подкладкою преслѣдованіе какихъ-либо своихъ особыхъ матеріальныхъ выгодъ, къ своимъ членамъ ограничивается единственно объединеніемъ этихъ членовъ въ преслѣдованіи связующаго ихъ общественнаго интереса. Международное общеніе не есть международный союзъ, международное общество, а есть принципъ, объединяющій семью культурныхъ народовъ и этотъ принципъ находитъ свое выраженіе въ международныхъ конгрессахъ и въ международныхъ уніяхъ. Г. Симсонъ говоритъ (§ 162), что „цивилизованный міръ не есть одно большое цѣлое; онъ есть и остается аггрегатомъ государствъ: постановленія конгрессовъ, положенія договоровъ, въ которыхъ участвуютъ даже всѣ цивилизованныя государства, суть выраженія не *одной* воли, а образуются изъ соединенія волей нѣсколькихъ согласныхъ между собой субъектовъ". Но если смотрѣть на дѣло съ такой математической точки зрѣнія, то вѣдь и въ республикахъ и въ государствахъ съ представительнымъ правленіемъ придется отрицать существованіе единой законодательной власти, такъ какъ палаты представляютъ собою аггрегатъ депутатовъ, а постановленія ихъ суть выраженіе не одной воли, а образуются изъ соединенія волей согласныхъ между собою членовъ парламента. „Каждый законъ,—говоритъ далѣе г. Симсонъ,—имѣетъ силу только въ государствѣ; для того, чтобы данная норма дѣйствовала въ нѣсколькихъ государствахъ, требуется всегда особое соглашеніе, что достаточно доказываетъ отсутствіе подобнаго рода соединенія" (т. е. международнаго общенія). Аргументъ нисколько не убѣдительный. Международное общеніе имѣетъ въ виду не какой-нибудь одинъ опредѣленный интересъ одного какого-либо государства, а интересы многихъ государствъ, но интересы общіе всѣмъ или многимъ изъ нихъ, и при томъ лишь въ общей, отвлеченной, а не конкретной ихъ формулировкѣ (напримѣръ, интересъ облегченія взаимныхъ сообщеній, интересъ правосудія, интересъ охраны правъ личности). Въ международномъ общеніи выработаны и извѣстные общіе принципы по вопросамъ общаго интереса (напримѣръ, принципъ исполнимости государствомъ-членомъ общенія иностранныхъ судебныхъ рѣшеній другихъ государствъ-членовъ того же общенія [1]) или напримѣръ, принципъ признанія иностранныхъ акціо-

[1]) Нашъ У. Гр. Судопр. (ст. 1274—1281) *допускаетъ* приведеніе въ испол-

нерныхъ компаній), а осуществленіе этихъ общихъ началъ предоставляется взаимному соглашенію членовъ общенія, и то только потому, что ихъ конкретное осуществленіе можетъ зависѣть отъ разнообразныхъ конкретныхъ условій.

Отрицать существованіе сообщества на томъ основаніи, что оно не даетъ въ руки каждому его члену готовую формулу для осуществленія его интереса, было бы то же, что отрицать существованіе закона, устанавливающаго общую для многихъ и многоразличныхъ случаевъ норму, а не предусматривающаго всѣ подробности каждаго отдѣльнаго возможнаго факта или явленія.

Но мало того, своими разсужденіями г. Симсонъ доказываетъ лишь, что онъ не признаетъ различія между международными сношеніями съ одной стороны и международными отношеніями и общеніемъ съ другой. Онъ разсуждаетъ такъ: „Если понять международное общеніе какъ фактъ, вытекающій изъ международныхъ сношеній, въ которыхъ находятся государства, то это значитъ — имѣть совершенно неправильное представленіе о значеніи этихъ сношеній для международнаго права. Эти сношенія не происходятъ какъ-то *между* государствами, въ какомъ-то мѣстѣ, гдѣ дѣйствуетъ особенное право, а именно—международное. Эти сношенія означаютъ только, что въ правовыхъ отношеніяхъ и сдѣлкахъ, происходящихъ въ государствѣ, можетъ существовать какой-то иностранный элементъ. Поэтому фактъ этотъ непремѣнно заставляетъ государство считаться съ нимъ и постановить нормы для подобныхъ правоотношеній. Слѣдовательно, международныя сношенія несомнѣнно оказываютъ вліяніе на международное право, но не потому, что государства находятся въ международномъ общеніи, т. е., образуютъ какой-то „свободный союзъ“. Вѣдь это только игра словами: на мѣсто выраженія: международныя сношенія, ставятъ международное общеніе. Но эта игра словами получается исключительно только благодаря невнимательности г. Симсона. Несомнѣнно, что и Китай, и Сіамъ, и Маскатъ считаются въ своемъ правѣ съ явленіями, могущими содержать „иностранный элементъ“. Но едва ли г. Симсонъ рѣшится признать нормы хотя бы китайскаго права относительно иностранцевъ или способовъ веденія войны или веденія международныхъ сношеній за нормы международнаго права.

неніе постановленій иностранныхъ судебныхъ мѣстъ (подъ условіемъ особой конвенціи на этотъ счетъ).

Такое же пониманіе не только международнаго общенія, но и эволюціи международнаго правосознанія и международнаго права у культурныхъ народовъ обнаруживаетъ г. Симсонъ и въ заключительномъ своемъ разсужденіи, что „если бы международное право было продуктомъ международнаго общенія, то оно должно бы было быть одинаковымъ для всѣхъ государствъ, принадлежащихъ къ этому общенію, и самое содержаніе международнаго права должно было бы имѣть одинаковый объемъ у всѣхъ государствъ, членовъ международнаго общенія. Между тѣмъ это вовсе не такъ. Это все зависитъ отъ историческаго развитія“. Такимъ образомъ авторъ совершенно игнорируетъ новѣйшее движеніе къ установленію общихъ единообразныхъ нормъ въ международномъ публичномъ и частномъ правѣ всѣхъ культурныхъ народовъ. Дѣйствительно, въ своей книгѣ г. Симсонъ ни однимъ словомъ не обмолвился ни о Гаагской мирной конференціи 1900 г., ни о результатахъ Гаагскихъ конференцій для кодификаціи частнаго международнаго права, хотя это было бы вполнѣ умѣстно, напр., при его разсужденіяхъ о кодификаціи международнаго права вообще, тѣмъ болѣе, что это избавило бы его отъ невѣрнаго мнѣнія, будто всѣ попытки въ этомъ направленіи всегда оканчивались неудачею.

Въ виду всего вышесказаннаго мнѣніе г. Симсона, что „слѣдуетъ очистить науку отъ такихъ псевдопонятій“, какимъ является международное общеніе и международный союзъ, оказывается по меньшей мѣрѣ преждевременнымъ.

Впрочемъ г. Симсонъ нашелъ и новый принципъ для своего національнаго международнаго права. Дѣло въ томъ, что читая въ Handbuch des Völkerrechts Гольцендорфа главу о принципахъ международнаго права, г. Симсонъ напалъ на разсужденіе его о томъ, что принципъ международнаго права состоитъ изъ взаимодѣйствія двухъ основныхъ силъ: космополитической, универсальной, основывающейся на этически-правовыхъ свойствахъ человѣческаго сообщества, и государственно-исторической. Въ основаніи первой изъ нихъ, по мнѣнію Гольцендорфа, лежитъ человѣческая личность. Не вникнувъ какъ слѣдуетъ въ разсужденіе германскаго ученаго, которое въ концѣ концовъ сводится только къ иной конструкціи, къ признанію принциповъ международнаго общенія и государственнаго суверенитета и ихъ взаимодѣйствія въ международномъ правѣ, которое въ концепціи Гольцендорфа является міровымъ правомъ, авторъ выхватилъ у него разсужденія о задачахъ международнаго права въ отношеніи отдѣльнаго лица въ международномъ оборотѣ и создалъ (стр. 14) изъ этого пе-

реведеннаго со стр. 82 Handbuch'а т. I разсужденія свой принципъ международнаго права.

Впрочемъ такого рода недоразумѣнія попадаются у автора и въ другихъ мѣстахъ его книги. Такъ, на стр. 111 авторъ утверждаетъ, что международное право существуетъ съ древнѣйшихъ временъ, а на стр. 115—что идея международнаго права, международноправовая идея явилась позже всего, послѣ того какъ образовалось право частное, уголовное и государственное. Это противорѣчіе произошло просто оттого, что свое разсужденіе о позднемъ возникновеніи международноправовой идеи авторъ нашелъ у Гольцендорфа на той же 82 страницѣ.

То же самое слѣдуетъ сказать о разсужденіи автора относительно принципа національности (стр. 106), которое переведено со стр. 39 цитированной книги Гольцендорфа, и отчасти о разсужденіи его о всемірномъ государствѣ, которое находимъ у Гольцендорфа на стр. 35.

Мы отнюдь не ставимъ такихъ заимствованій въ упрекъ автору. Чужая умная мысль всегда достойна усвоенія, но при неумѣломъ примѣненіи чужихъ мыслей можетъ получиться юридическій non-sens, говоря выраженіями г. Симсона. Таково, напримѣръ, признаніе человѣческой личности принципомъ національнаго международнаго права съ иностраннымъ элементомъ.

Размѣры нашей замѣтки не дозволяютъ намъ останавливаться на массѣ другихъ недоразумѣній въ книгѣ г. Симсона; но самымъ крупнымъ изъ нихъ является то, что, принципіально отрицая международное право (авторъ утверждаетъ на стр. 12, 14, что государство имѣетъ своей задачей способствовать осуществленію *всѣхъ* интересовъ принадлежащихъ къ нему людей, а слѣд. отсутствуетъ мотивъ къ образованію еще высшаго соединенія, чѣмъ государство) и стоя на точкѣ зрѣнія отрицателей международнаго права, такъ какъ никто изъ нихъ не отрицаетъ внѣшняго государственнаго права, авторъ считаетъ нужнымъ вступать съ ними въ полемику, правда — не содержащую никакихъ новыхъ аргументовъ, которые не были бы уже раньше высказаны интернаціоналистами.

Впрочемъ недоразумѣніемъ является, по всей вѣроятности, и вся разсмотрѣнная нами первая часть обѣщаемаго г. Симсономъ обширнаго изслѣдованія всего международнаго права, потому что отъ систематическаго изложенія въ немъ національныхъ международныхъ правъ отдѣльныхъ государствъ онъ заранѣе отказывается и обѣщаетъ лишь изложить существующее „рядомъ“ съ національнымъ „*общее*“ между-

народное право. Это общее международное право, обладающее, по словамъ автора, теоретически-положительнымъ (?) характеромъ, содержитъ обобщенія отдѣльныхъ положительныхъ международныхъ правъ, или—говоря другими словами—это и будетъ международное право въ общеупотребительномъ смыслѣ этого слова, въ связи съ „идеальнымъ естественнымъ правомъ, которое излагается наукой какъ чистая теорія, которое требуется разумомъ и основывается на разумности и со временемъ, быть можетъ, совпадетъ съ положительнымъ правомъ".

Въ чемъ же, въ концѣ концовъ, заключается то новое слово, которое съ такимъ полнымъ и огульнымъ уничтоженіемъ своихъ предшественниковъ, авторъ обѣщалъ въ предисловіи своей книги?

В. Уляницкій.

Litteratur und Sprache der Singhalesen von Wilhelm Geiger. Grundriss der Indo-iranischen Philologie und Altertumskunde, begründet von Georg Bühler, fortgesetzt von *F. Kielhorn*. I Band, 10 Heft. Strassburg, 1901, 8°, 93 стр.

Новый выпускъ капитальнаго изданія европейскихъ оріенталистовъ содержитъ трудъ Гейгера, озаглавленный „Литература и языкъ сингалезцевъ" (племени, живущаго на островѣ Цейлонѣ). Авторъ составилъ свой очеркъ на основаніи 1) всей существующей по данному вопросу литературы, 2) личныхъ наблюденій на Цейлонѣ и 3) сообщеній (письменныхъ и устныхъ) тамъ живущихъ своихъ пріятелей-лингвистовъ.

Въ 1-ой главѣ Гейгеръ даетъ обзоръ памятниковъ сингалезскаго языка, признавая древнѣйшимъ литературнымъ памятникомъ комментарій (въ настоящее время потерянный) къ буддійскимъ каноническимъ книгамъ, законченный въ IV вѣкѣ послѣ Р. Хр. Значительнаго развитія достигла сингалезская литература въ XII—XIV вѣкахъ, расцвѣтъ же ея падаетъ на XV — XVII столѣтіе, при чемъ наивысшей степени развитія достигаетъ она въ началѣ XV вѣка. Въ концѣ XVI вѣка вслѣдствіе гоненія на буддизмъ, воздвигнутаго царемъ Раджасихой I, многіе памятники литературы были сожжены, и развитіе ея пріостановилось, а съ усиленіемъ буддизма въ XVII вѣкѣ наступилъ 2-ой расцвѣтъ. Литература XVIII и XIX вѣка, по мнѣнію Гейгера, можетъ заинтересовать филолога и историка лишь въ малой степени. Другими памятниками языка являются надписи, которыя имѣются,

начиная съ 1-го вѣка до Р. Хр. Онѣ распадаются на 2 разряда: надписи въ пещерахъ и на скалахъ. Кромѣ того сохранились санны, царскія дарственныя грамоты, писанныя на мѣдныхъ, золотыхъ и серебряныхъ пластинкахъ и на пальмовыхъ листьяхъ. Древнѣйшая изъ нихъ относится къ XIV вѣку, а послѣдняя—къ 1813 г..

Во 2-ой главѣ Гейгеръ даетъ грамматику сингалезскаго языка. Въ 1-ой части „фонетики", разсматривающей вокализмъ, онъ обращаетъ главное вниманіе на три момента: 1) сокращеніе всякой долготы, 2) вліяніе ударенія слова на измѣненіе гласныхъ, 3) законъ ассимиляціи гласныхъ. Во 2-ой части фонетики, разсматривающей консонантизмъ, онъ между прочимъ отмѣчаетъ упрощеніе удвоенныхъ согласныхъ (спеціалисты-фонетики сказали бы: сокращеніе долгихъ согласныхъ и видѣли бы въ этомъ полную аналогію съ вышеупомянутымъ сокращеніемъ долгихъ гласныхъ) и нѣкоторые случаи диссимиляціи и перестановки. Затѣмъ Гейгеръ даетъ краткую исторію звуковыхъ измѣненій. Характерной чертой морфологіи сингалезскаго языка является значительное упрощеніе склоненій существительныхъ и прилагательныхъ. Первыя распадаются на 2 большія группы: существительныя, обозначающія предметы одушевленные, и существительныя, обозначающія предметы неодушевленные. Въ видахъ практическаго удобства Гейгеръ различаетъ 3 склоненія: мужеское, женское и среднее. Муж. и жен. роды знаютъ лишь 4 формы: casus rectus (им. пад.) и casus obliquus (замѣняющій всѣ остальные) въ ед. ч. и во мн. ч., а сущ. ср. р. имѣютъ 6 формъ: одну для им. и вин. пад., другую instr., третью locat. въ ед. ч. и во множ. ч. Всѣ падежныя окончанія восходятъ къ типамъ основъ на — a, однако въ ср. р. мн. ч. древнія окончанія не сохранились. Всякое существительное само по себѣ обозначаетъ опредѣленный извѣстный предметъ, напримѣръ, nuvara=die Stadt, этотъ городъ, упомянутый городъ; если же нужно сказать eine Stadt, какой-то городъ, (просто) городъ, то сюда прибавляется eka (какъ въ иранскихъ языкахъ), претерпѣвающее различныя измѣненія. Прилагательное-сказуемое не измѣняется, степени сравненія утрачены. Склоненіе мѣстоименій тоже упрощено. Глаголу отведено больше всего мѣста (15 стр.). Глаголы распредѣлены Гейгеромъ по спряженіямъ, восходящимъ къ пракритскимъ. Отмѣтимъ, что causativum сохранилось. О частицахъ (неизмѣняемыхъ частяхъ рѣчи) сказано очень немного. Кромѣ предлоговъ, стоящихъ передъ управляемымъ словомъ (praepositiones), есть и предлоги, стоящіе послѣ опредѣляемаго слова (postpositiones). Этимологія (слово-

образованіе) затронута въ соотвѣтствующихъ мѣстахъ. Бросается въ глаза отсутствіе синтаксиса. Результатомъ работы Гейгера является утвержденіе, что сингалезскій языкъ—*арійскій* (значитъ, принадлежитъ къ числу индоевропейскихъ). Въ этомъ убѣждаютъ его слѣдующіе факты: фонетика синг. языка.—пракритская, смягченіе гласныхъ (Umlaut) находитъ себѣ параллель въ современныхъ индо-арійскихъ простонародныхъ говорахъ. Полное отсутствіе аспиратъ (ph, dh и др. — хотя остается непонятнымъ правописаніе Singhalesen съ gh) никого не должно смущать: они *были* въ древнѣйшемъ синг. языкѣ, по утвержденію Гейгера, и исчезновеніе ихъ можно доказать историческимъ методомъ. Вся морфологія древнѣйшаго періода сингалезскаго языка (eḷu) основана на пракритѣ, корни мѣстоименій и числительныхъ—арійскіе. Конечно, словарь синг. языка содержитъ много чужихъ элементовъ, но какой языкъ не заимствовалъ у другихъ? Важно то, что эти слова получаютъ тѣ же (сингалезскія=пракритскія) окончанія. Отношеніе синг. къ арійскимъ такое же, какъ и англійскаго къ германскому. Англійскій языкъ остается германскимъ, несмотря на то, что въ него вошло множество романскихъ словъ. Иностранныя слова въ сингалезскомъ языкѣ Гейгеръ дѣлитъ 1) на слова съ неясной (пока) этимологіей, часть которыхъ, вѣроятно, окажется дравидскими, 2) на слова, заимствованныя изъ тамила, 3) португальскаго, 4) голландскаго, 5) англійскаго языковъ.

Окончательные выводы автора таковы: 1) синг. языкъ—арійскій, 2) первые арійскіе колонисты пришли на Цейлонъ (по даннымъ исторіи) изъ сѣверо-западной Индіи, 3) данныя языка подтверждаютъ, что синг. языкъ восходитъ къ пракритскому діалекту сѣверо-западной Индіи: въ частности оказывается, что а) синг. языкъ—близкій родственникъ пали, б) однако непосредственно развился не изъ пали, а изъ одного близкаго ему простонароднаго діалекта, в) въ еще болѣе близкомъ родствѣ, чѣмъ съ пали, сингалезскій языкъ состоитъ съ махараштри-пракритомъ, г) но основной элементъ синг. языка во многихъ случаяхъ древнѣе основного элемента махараштри, д) сравненіе съ современными индо-арійскими простонародными нарѣчіями заставляетъ дать сингалезскому мѣсто въ западной группѣ ихъ, и потому ближайшими родственными языками для него являются синдхи, гуджарати и въ особенности маратхи.

Предоставляя подробный разборъ этой книги спеціалистамъ, замѣчу только, что въ языкѣ сингалезцевъ можно найти немало явленій параллельныхъ явленіямъ языковъ европейскихъ, и съ этой точки

зрѣнія онъ заслуживаетъ нашего вниманія. Автору я долженъ поставить въ упрекъ нѣкоторую неточность въ терминологіи: онъ не различаетъ понятій Sprache и Dialect — языкъ и нарѣчіе. Такъ напримѣръ, на стр. 86 онъ говоритъ о сингалезскомъ нарѣчіи, а на стр. 93 о синг. языкѣ.

Э. Ламбецъ.

Описъ на ракописитѣ въ библиотеката при св. Синодъ на българската църква въ София—описа и нареди Е. Спространовъ. София, държавна печатница, 1900. 234 стр. 8°.

Въ 1896 году членами св. болгарскаго Синода было рѣшено собирать рукописи, хранящіяся въ различныхъ церквахъ и монастыряхъ Болгаріи; рѣшеніе это имѣло слѣдствіемъ то, что изъ селъ и городовъ въ Софію стали доставляться всякаго рода памятники славянской письменности. Такимъ образомъ и составилась въ Софіи библіотека при св. Синодѣ. Число рукописей стало быстро увеличиваться, и въ настоящее время ихъ вмѣстѣ съ нѣсколькими старопечатными книгами уже до 150 №№. Среди нихъ особенно старыхъ и разнообразныхъ по содержанію нѣтъ, да и ожидать здѣсь найти такія—нельзя, такъ какъ по церквамъ и монастырямъ главнымъ образомъ хранились большей частью только самыя необходимыя для церковнаго обихода книги. Здѣсь мы находимъ псалтири, достаточное количество четвероевангелій и евангелій недѣльныхъ, миней (главн. образомъ служебныхъ), часослововъ, октоиховъ, служебниковъ, требниковъ, а также сборниковъ поученій и т. п.

Но, несмотря на все это, болгарская синодальная библіотека представляетъ большой интересъ, такъ какъ хранящіеся въ ней памятники (почти всѣ) имѣютъ записи, при чемъ на нѣкоторыхъ находится ихъ и нѣсколько. Записи эти дѣлались большей частью во время самое тяжелое для Болгаріи, въ годины полнаго уничиженія и порабощенія ея, т. е. въ тотъ періодъ ея существованія, о которомъ мы такъ мало имѣемъ извѣстій, свидѣтельствующихъ о внутренней жизни страны и при томъ принадлежащихъ самимъ болгарамъ,—современникамъ тогдашнихъ событій. Такого рода замѣтки, будучи собраны воедино, не мало, конечно, помогутъ тому, кто пожелаетъ дать очеркъ новѣйшей исторіи Балканскаго полуострова вообще, а въ частности Болгаріи за послѣдніе годы ея жизни предъ освобожденіемъ; онѣ обыкновенно привлекаютъ вниманіе изслѣдователей и другихъ руко-

писныхъ собраній, напримѣръ, Рыльскаго монастыря, въ библіотекѣ котораго и мнѣ не мало пришлось списать такихъ весьма цѣнныхъ и интересныхъ замѣтокъ. Привлекали онѣ вниманіе, конечно, и тѣхъ немногихъ спеціалистовъ, которые успѣли посѣтить софійскую синодальную библіотеку въ теченіе ея кратковременнаго существованія. Но детальному изученію ихъ, какъ и вообще ознакомленію съ памятниками этой библіотеки не могла содѣйствовать и служить на пользу та до крайности краткая и малосодержательная опись, которой мнѣ, напримѣръ, пришлось пользоваться во время занятій въ софійской синодальной библіотекѣ лѣтомъ 1899 года. Въ виду этого „описаніе" г. Спространова, которое издано болгарскимъ Синодомъ согласно завѣщанію покойнаго митрополита Мелетія на проценты съ оставленнаго капитала *„за душевно негово и на родителить му спасение"*,—является весьма цѣннымъ и важнымъ пріобрѣтеніемъ для всѣхъ изслѣдователей славянской старины вообще, а въ частности исторіи Болгаріи и ея письменности.

Г. Спространовъ отнесся къ своей задачѣ весьма серіозно и внимательно. Онъ, правда, уклонился отъ опредѣленія времени написанія разсматриваемыхъ имъ рукописей, но за то даетъ всегда точныя и обстоятельныя указанія другого рода. Разгруппировавъ рукописи по содержанію 1) Псалтири, 2) Библіи, 3) Евангелія. 4) Типики, служебники и требники, 5) Тріоди, 6) Минеи и т. д., онъ отмѣчаетъ матеріалъ, на которомъ писанъ памятникъ [хотя въ этомъ отношеніи встрѣчаются пропуски,—см. напримѣръ стр. 177, № 128 (50)—сборникъ (Пчела); на чемъ онъ писанъ?], указываетъ число листовъ, форматъ, характеръ письма, величину буквъ, количество строкъ и размѣръ мѣста, занимаемаго текстомъ на страницѣ; послѣ такихъ свѣдѣній обыкновенно приводитъ для образца отрывокъ текста, перечисляетъ по листамъ содержаніе рукописи, если она занята различными статьями [такъ подробно описаны—прекрасный экземпляръ пчелы (№ 128), нѣсколько дамаскиновъ (№ 130 и др.), различные сборники поученій, молитвъ (напр. № 126), минеи (№ 94) и проч.], и наконецъ весьма аккуратно выписываетъ всѣ записи и замѣтки, старательно выискивая ихъ по листамъ, такъ какъ во многихъ рукописяхъ онѣ сдѣланы внутри.

Благодаря этому мы имѣемъ теперь изданнымъ цѣлый рядъ свѣдѣній лѣтописнаго характера: ркп. № 5 (131) лл. 168, 180, 219—о событіяхъ на балканскомъ полуостровѣ въ 1737 году, когда—*„придоше немци на Нишъ и взеше Нишъ и страхъ божи нападна*

ни Турци...", № 10 (библія печатная) л. первый—о томъ, когда болгары имѣли — „преніе съ грьцыте" — о религіозныхъ вопросахъ (1861 г.?), ркп. 20, 27, 60, 63 и мн. др. — на многихъ листахъ заключаютъ упоминанія о различныхъ представителяхъ церкви болгарской XVII и XVIII вѣковъ, а также даютъ матеріалъ для характеристики отношеній болгаръ къ греческому духовенству (см. напр., № 28 л. 5—„*о грьцкой злобности*"), наконецъ, предлагаютъ массу указаній о лицахъ, писавшихъ книги или заказывавшихъ ихъ съ извѣстными цѣлями и проч. При передачѣ всѣхъ многочисленныхъ записей точно отмѣчены *годъ* и *мѣсто* ихъ написанія, что, конечно, весьма важно (напримѣръ, для изученія болгарскихъ говоровъ, такъ какъ рукописи въ библіотекѣ собраны изъ самыхъ отдаленныхъ отъ центра и глухихъ частей страны).

Изъ болѣе интересныхъ текстовъ г. Спростановъ дѣлаетъ довольно обширныя выписки; такъ, напримѣръ, приведены очень любопытныя молитвы (полностью): „ѿ нежита" (нѣсколько) (№ 126), отрывки житій, напр. св. Петки изъ ркп. № 133 (дамаскинъ) и др.

Нельзя не пожалѣть однако, что г. Спростановъ изъ ркп. № 43 (67)—(толкованіе на псалтирь) не привелъ цѣликомъ повѣсти „*некоторые православные жены зѣло спасително и полъзно*", а ограничился выдержками и пересказомъ пропущенныхъ имъ мѣстъ; повѣсть эта, имѣя нѣсколько собственныхъ историческихъ именъ, очень любопытна, такъ какъ даетъ много бытоваго матеріала; имена эти находятся въ мѣстахъ, переданныхъ въ пересказѣ; желательно было бы видѣть побольше выписокъ и изъ ркп. № 131 (39), которую г. Спростановъ называетъ „дамаскинъ" и которая заключаетъ любопытный новоболгарскій евангельскій текстъ съ опредѣленной датой. Нѣкоторыя мелкія погрѣшности въ передачѣ текстовъ (быть можетъ, даже опечатки) не умаляютъ значенія важнаго и полезнаго труда г. Спростанова, которому однако нужно въ укоризну поставить то обстоятельство, что къ описанію не приложены ни указатель, ни перечень соотвѣтствія нумеровъ рукописей, подъ которыми онѣ находились въ библіотекѣ до описанія,—съ тѣми №№, подъ которыми онѣ отмѣчены въ книгѣ. Этотъ перечень составить было бы не трудно, а значенія книга имѣла бы еще больше. Но все это лишь мелочи: трудъ г. Спростанова долженъ занять далеко не послѣднее мѣсто въ ряду подобныхъ изданій, и нужно пожелать, чтобы поскорѣе появились для общаго пользованія подобныя описанія и другихъ болгарскихъ книгохранилищъ, напримѣръ, Рыльскаго мона-

стыря, „Народныхъ библіотекъ“ въ Софіи, въ Филиппополѣ. Мѣстные ученые, имѣющіе полную возможность, не стѣсняясь временемъ, работать въ своихъ библіотекахъ, должны поставить себѣ это одной изъ главныхъ задачъ на пользу всѣхъ изслѣдователей славянской старины.

М. Петрушенко.

Жизнь и труды М. П. Погодина. ***Николая Барсукова.*** **Книга пятнадцатая. С.-Пб. 1901. Стр. XIV+522. Цѣна 2 руб. 50 коп.**

Съ пятнадцатою книгою трудъ Н. П. Барсукова вступаетъ какъ бы въ новый фазисъ. Въ предисловіи авторъ вспоминаетъ благодарнымъ словомъ почившихъ своихъ благожелателей Л. Н. Майкова и А. Н. Мамонтова, сочувствію которыхъ многимъ былъ обязанъ успѣхъ его труда. Л. Н. Майковъ былъ для автора авторитетнымъ другомъ и „разумнымъ цензоромъ“, какъ выражается самъ Н. П. Барсуковъ. Покойному же А. Н. Мамонтову г. Барсуковъ воздаетъ благодарность за матеріальную помощь для изданія пяти книгъ (X—XIV) его монографіи. Настоящая книга печатана уже на средства автора и появляется въ свѣтъ, можно сказать, въ годовщину смерти Л. Н. Майкова. Чувствомъ грусти вѣетъ съ первыхъ страницъ предисловія къ настоящей книгѣ, а между тѣмъ самая книга имѣетъ предметомъ свѣтлое и радостное время общественнаго пробужденія и упованій, порожденныхъ первыми шагами великой крестьянской реформы. Годы 1856 и 1857-й были временемъ, когда обнаружилась, уже съ несомнѣнностью, рѣшимость Государя начать дѣло эмансипаціи и данъ былъ, наконецъ, знаменитый рескриптъ 20-го ноября 1857 года Виленскому генералъ-губернатору В. И. Назимову. Книга г. Барсукова заключаетъ въ послѣдней своей части разсказъ объ этомъ рескриптѣ и его вліяніи на настроеніе разныхъ общественныхъ круговъ и кружковъ въ Петербургѣ и въ Москвѣ. Съ особою подробностью г. Барсуковъ останавливается на московскомъ обѣдѣ 28-го декабря 1857 года, устроенномъ по почину К. Д. Кавелина и М. Н. Майкова и представлявшемъ собою первый опытъ этого рода „manifestation publique“, какъ выразился графъ А. Г. Строгановъ (стр. 508). Обѣдъ имѣлъ цѣлью „примиреніе и соединеніе всѣхъ литературныхъ партій“ въ сочувствіи началамъ рескрипта 20-го ноября. Цѣль эта достигнута не была: такъ называемые „славяне“ или „славянофилы“ на обѣдъ не поѣхали, не потому, чтобы не сочувствовали дѣлу, а потому, что считали

форму выраженія этого сочувствія нетактичной. Дѣйствительно, обѣдъ 28-го декабря и другія послѣдовавшія за нимъ въ Москвѣ однородныя манифестаціи повлекли за собою нѣкоторыя послѣдствія въ сферѣ административной и цензурной, о которыхъ у г. Барсукова есть много цѣнныхъ и малоизвѣстныхъ подробностей. Погодинъ былъ въ числѣ дѣятельныхъ и горячихъ участниковъ обѣденныхъ манифестацій, говорилъ рѣчи и въ этомъ дѣлѣ явно разошелся и съ „славянами" и съ гр. А. С. Уваровымъ (474—477).

Весь эпизодъ съ московскими волненіями и торжествами по поводу первыхъ вѣстей объ эмансипаціи чрезвычайно любопытенъ. Но и другія части пятнадцатой книги отличаются выдающимся интересомъ и разнообразіемъ содержанія. Послѣдняя книга положительно превосходитъ въ этомъ отношеніи всѣ предшествующія. Въ краткомъ отзывѣ возможно лишь бѣгло указать на главнѣйшіе сюжеты, для которыхъ изложеніе г. Барсукова даетъ новый матеріалъ или сводъ разбросанныхъ доселѣ подробностей. Таковы, напримѣръ, сообщенія о публицистической дѣятельности Погодина, которая, выражаясь въ политическихъ запискахъ и письмахъ, не имѣла въ общемъ успѣха ни въ офиціальныхъ сферахъ, куда были направлены записки, ни въ прессѣ, гдѣ „письма" Погодина далеко не всѣмъ нравились и не всегда казались умѣстными и тактичными (главы V—X). Тактичность, какъ извѣстно, и вообще не была въ числѣ талантовъ Погодина. Отсутствіе этого цѣннаго качества особенно тяжело сказалось въ дѣлѣ о запискѣ о. І. С. Белюстина „Описаніе сельскаго духовенства". Написанная интимнымъ образомъ для одного Погодина по его просьбѣ, записка была напечатана за-границею благодаря нескромности Погодина и вопреки точно выраженной волѣ автора. Погодинъ и не отрекался отъ своей вины, почитая ее, впрочемъ, за „искреннее сердечное участіе въ судьбѣ русскаго духовенства" (129). За разсказомъ о запискѣ о. Белюстина у г. Барсукова слѣдуютъ главы (XVI—XVIII), посвященныя кончинѣ Иннокентія, архіепископа Херсонскаго и Таврическаго, съ любопытною о немъ статьею Погодина. Далѣе г. Барсуковъ переводитъ читателя къ тѣмъ предметамъ, которыми интересовалась только что возникшая тогда „Русская Бесѣда": къ спорамъ объ общинѣ, породившимъ знаменитую ученую полемику И. Д. Бѣляева и Б. Н. Чичерина; къ статьямъ Т. И. Филиппова о Ж. Зандъ по поводу драмъ Островскаго; къ статьѣ В. В. Григорьева о Т. Н. Грановскомъ; наконецъ, къ обширной полемикѣ по поводу книги Б. Н. Чичерина „Областныя учрежденія Россіи въ XVII вѣкѣ" и

по поводу рецензіи на эту книгу Н. И. Крылова. Затѣмъ слѣдуетъ любопытнѣйшій эпизодъ—полемика Б. Н. Чичерина съ А. И. Герценомъ, бывшая слѣдствіемъ ихъ личнаго знакомства и бесѣдъ. Суть этого столкновенія была извѣстна давно, и письмо Б. Н. Чичерина, породившее полемику, было напечатано четыре-пять лѣтъ спустя послѣ помѣщенія его въ „Колоколѣ", въ книжкѣ г. Чичерина „Нѣсколько современныхъ вопросовъ" (М. 1862). Н. П. Барсуковъ перепечатываетъ письмо „въ полномъ его видѣ" (249—257) и съ комментаріями, „главнымъ источникомъ" для которыхъ послужило письмо къ нему Б. Н. Чичерина изъ Москвы отъ 21-го декабря 1899 года. За двумя главами, посвященными этому дѣлу, вниманіе читателя останавливается на главахъ XLI—XLII, содержащихъ разсказъ о столкновеніи С. П. Шевырева съ гр. В. А. Бобринскимъ,—столкновеніи, послужившемъ для Шевырева началомъ конца. Любопытны далѣе главы о научныхъ трудахъ и спорахъ Погодина по поводу этихъ трудовъ съ М. А. Максимовичемъ и И. Е. Забѣлинымъ, а также сообщенныя въ письмѣ къ Погодину А. Ѳ. Бычковымъ его предположенія о правилахъ изданія „Полнаго собранія русскихъ лѣтописей", которое поступило подъ его редакцію послѣ Бередникова. Не всѣ изъ этихъ правилъ удержались въ практикѣ самого А. Ѳ. Бычкова и послѣдующихъ археографовъ. Наконецъ, Н. П. Барсуковъ сообщаетъ нѣсколько подробностей о студенческихъ дѣлахъ того времени, между прочимъ, объ одной исторіи, происшедшей осенью 1857 года, дошедшей до свѣдѣнія Государя и вызвавшей обстоятельное разслѣдованіе и командировку въ Москву товарища министра народнаго просвѣщенія князя П. А. Вяземскаго. Исторія оказалась грустною, но мало серьезною; для князя же Вяземскаго педагогическій міръ Москвы далъ нѣсколько интересныхъ впечатлѣній, которыя свелись къ одному общему замѣчанію: „Вообще преподаваніе у насъ какъ-то бездушно, особенно въ гимназіяхъ. Все мертвая буква, а живой мысли нѣтъ" (203). Живому дѣлу, возникшему въ средѣ студентовъ С.-Петербургскаго университета, именно изданію „Сборника" г. Барсуковъ посвящаетъ цѣлую главу (434—439).

Таково содержаніе пятнадцатой книги „Жизни и трудовъ М. П. Погодина". Читатель этой хроники русской общественной жизни уже привыкъ къ тому, что самъ Погодинъ мало замѣтенъ въ сложной смѣнѣ сюжетовъ и лицъ, выводимыхъ г. Барсуковымъ. Но на это теперь никто не претендуетъ: уже принято думать, что трудъ г. Бар-

сукова есть исторія не личности, а общественности. И съ этой точки зрѣнія слѣдуетъ признать его замѣчательнымъ явленіемъ нашей литературы.

Ѳ. Платоновъ.

Отвѣтъ рецензентамъ моихъ учебниковъ.

Въ *Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія* за январь и февраль 1901 года помѣщенъ рядъ рецензій на мою серію историческихъ руководствъ, — рецензій, заканчивающихся такими рѣзкими, отрицательными выводами, которые, по моему крайнему разумѣнію, отнюдь не вытекаютъ изъ представленныхъ замѣчаній. Да и сами эти замѣчанія большею частію не выдерживаютъ критики. То вниманіе и то довѣріе, которыми доселѣ пользовались мои руководства въ учебно-педагогической практикѣ, налагаютъ на меня обязанность подвергнуть означенныя рецензіи критическому обзору и направить сей обзоръ въ тотъ же *Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія*. Чтобы не отнимать у него много мѣста, постараюсь говорить сжато и ограничиться преимущественно фактической стороною дѣла.

I.

Начну съ моихъ „Краткихъ Очерковъ Русской исторіи“. Рецензія на эту книгу, никѣмъ не подписанная, помѣщена въ февральскомъ №.

Она открывается рядомъ голословныхъ порицаній. Такъ, находитъ слишкомъ короткимъ и неудовлетворительнымъ вводный параграфъ съ географическою характеристикою Средне-русской равнины, съ указаніемъ на древнюю Скиѳію и греческія колоніи и съ простымъ упоминаніемъ о готахъ, гуннахъ и аварахъ. Но я считаю его вполнѣ достаточнымъ для учебника Русской исторіи, и всякое распространеніе сего параграфа выходило бы изъ объема книги и ея задачи. Географія Россіи составляетъ особый предметъ преподаванія; скиѳы и греческія колоніи принадлежатъ собственно курсу Древней исторіи; а готы, гунны и авары должны быть знакомы ученику по курсу Средней исторіи. Точно такъ же излишнимъ считаю его упрекъ, что въ первой главѣ мало говорится о Литвѣ, и не говорится о варягахъ и славянской миѳологіи; объ этихъ предметахъ сказано ниже на своемъ мѣстѣ.

Мое примѣчаніе о народности скиѳовъ и сарматъ, вопреки рецензіи, считаю не лишнимъ въ виду разнообразія относящихся сюда мнѣній. При семъ рецензентъ позволяетъ себѣ невѣрную цитату: „скиѳы принадлежали, вѣроятно, къ германскому племени"; откуда будто бы выходитъ у меня противорѣчіе съ тѣмъ, что „Русь названа скиѳскій народъ". Въ дѣйствительности у меня сказано: „Часть скиѳовъ, вѣроятно, принадлежала къ германскому племени" (къ готамъ); а объ Руси говорится, при нападеніи ея на Византію, что она „пришла изъ Скиѳіи, т. е. отъ сѣверныхъ береговъ Чернаго моря". Въ послѣднемъ случаѣ рѣчь идетъ о IX вѣкѣ, когда Русь у византійцевъ является народомъ скиѳскимъ въ географическомъ смыслѣ. И это обстоятельство имѣетъ прямое отношеніе къ вопросу о происхожденіи Русскаго государства, о которомъ говорится въ семъ параграфѣ. Относительно самаго вопроса не буду входить здѣсь въ пререканія съ рецензентомъ, если ему угодно игнорировать настоящее положеніе вопроса въ наукѣ и сохранять свою отсталость въ семъ отношеніи. Скажу только одно: единственный изъ моихъ антагонистовъ, послѣдовательно ведшій полемику, покойный профессоръ и членъ ученаго комитета Васильевскій въ концѣ концовъ нашелся вынужденнымъ отказаться отъ Норманской теоріи происхожденія Руси и признать ея туземство въ южной части восточной Европы.

Точно такъ же рецензія невѣрно передаетъ мои слова въ другомъ примѣчаніи: будто бы „общее названіе славянъ произошло отъ иностранныхъ писателей Іорнанда и Прокопія". Въ дѣйствительности у меня сказано, что „русскіе славяне у нихъ (Іорнанда и Прокопія) по большей части называются антами, а придунайскіе *склавинами, откуда и произошло* потомъ общее названіе славянъ". Полагаю, для всякаго ясно, что названіе славяне произошло изъ склавины. Невѣрно также замѣчаніе, будто у меня „усобицамъ сыновей и внуковъ Ярослава приданъ характеръ борьбы исключительно за обладаніе землями, а не за родовое право". Ссылаюсь на свою 28 страницу. Очевидно, рецензентъ невнимательно читалъ мою книгу, чему примѣры увидимъ и далѣе.

Возстаетъ онъ противъ терминовъ *удѣльно-вѣчевая* Русь и *удѣльно-вѣчевая* система. По его мнѣнію, удѣловъ не было, потому что слово *удѣлъ* не встрѣчается въ лѣтописи, а княжества назывались волостями. Получается такимъ образомъ „Волостно-вѣчевая Русь", „волостно-вѣчевая система"—какъ хотите, а терминъ очень неудобный. Придумайте болѣе удобный, и я охотно буду его употреблять. Слова

система, *періодъ*, *эпоха* и т. п. тоже не встрѣчаются въ лѣтописи, однако, мы ихъ въ учебникахъ употребляемъ; а „удѣлъ“ во всякомъ случаѣ и слово, и понятіе принадлежитъ древней Руси.

Вообще рецензентъ неоднократно пытается поправлять автора „Краткихъ очерковъ“, забывая, что онъ имѣетъ дѣло со спеціалистомъ по Русской исторіи, который при своемъ извѣстномъ трудѣ (*Исторія Россіи*) самъ провѣрялъ, продумывалъ и многое старался устранить или исправить въ старыхъ пріемахъ и воззрѣніяхъ на древнюю Русь. Напримѣръ, рецензентъ держится преувеличенныхъ представленій старой школы о родовомъ бытѣ Кіевскаго періода и яко бы рѣзко отъ него отличавшемся вотчинномъ бытѣ Суздальско-Владимірскаго. Въ дѣйствительности переходъ изъ одного періода въ другой тутъ не представляетъ никакой рѣзкой грани. Въ большой своей исторіи я ихъ раздѣляю, а въ краткомъ сравнительно учебникѣ соединяю въ одномъ Дружинно-княжескомъ или Удѣльно-вѣчевомъ періодѣ. Слѣдуя старой школѣ, онъ придаетъ преувеличенное значеніе изгойству; я не считалъ сей предметъ обязательнымъ для учебника; но, конечно, ничто не мѣшаетъ упомянуть его въ примѣчаніи (такъ же какъ идею московскихъ книжниковъ о Москвѣ — третьемъ Римѣ); хотя существеннаго значенія въ данномъ случаѣ это не имѣетъ. Оппонентъ мой, повидимому, стоитъ на прежнемъ, ложномъ представленіи о не высокой русской культурѣ до-татарской эпохи, и не согласенъ со мною въ томъ, что раздробленіе Руси на княжества „не мало способствовало распространенію гражданственности“, и тутъ же невѣрно приписываетъ мнѣ положеніе, будто „факторомъ культуры была исключительно дружинная среда“; тогда какъ у меня, во-первыхъ, сказано „не мало способствовала“, а во-вторыхъ, указаны факторами культуры грамотное духовенство, построеніе князьями городовъ, украшеніе храмовъ, покровительство торговлѣ и т. д. А слово о полку Игоревѣ, — развѣ это не есть отрывокъ изъ придворно-княжеской или дружинной поэзіи? Далѣе, рецензентъ увѣряетъ, будто у меня „вопросъ о всестороннемъ вліяніи христіанскаго ученія и просвѣщенія на русское общество даже и не поднятъ“. Отсылаю его къ 60 и 61 стр. Но, конечно, о какомъ-то *всестороннемъ* вліяніи странно и говорить по поводу учебника. Невѣрно онъ утверждаетъ, будто я указываю на „развитіе служилаго землевладѣнія въ XII вѣкѣ“ на стр. 51. На этой страницѣ я говорю о томъ, что боярское сословіе начало пріобрѣтать осѣдлость, получая за свою службу обширныя

помѣстья, и что младшей дружинѣ князя за службу начали раздавать участки земли. И это фактически вѣрно.

Не скупясь на невѣрную передачу моего изложенія, рецензентъ не скупится и на предъявленія къ моему учебнику разныхъ болѣе или менѣе преувеличенныхъ требованій. Напримѣръ: „образованіе на Руси нѣсколькихъ земель или самостоятельныхъ княжествъ недостаточно объяснено“. По моему, совершенно достаточно. Тутъ же онъ возражаетъ противъ того, что у меня очерчены главныя земли, на которыя распадалась древняя Русь, тогда какъ изъ этого очерка именно и уясняется ученику образованіе земель, и ни одной изъ нихъ пропустить нельзя. По его же мнѣнію, о Великомъ Новгородѣ и Рязани рѣчь должна идти позднѣе Кіевскаго періода—мнѣніе, не имѣющее никакого серьезнаго основанія.

Извѣстно, какъ трудно дается учащимся именно Удѣльно-вѣчевой или Дружинно-княжескій періодъ, отъ Ярослава до Ивана III (съ половины XI до половины XV вѣка): какая тутъ можетъ происходить путаница вслѣдствіе параллельныхъ событій, княжескихъ именъ, отношеній и т. д. Авторъ руководства употребилъ особыя усилія, чтобы этотъ періодъ облегчить для пониманія и усвоенія, при чемъ старался однородныя явленія собирать въ отдѣльныя группы, избѣгать дробнаго дѣленія и мѣстами освѣщать событія и лица нѣкоторыми рельефными эпизодами. А рецензентъ, наоборотъ, совѣтуетъ держаться противоположной системы и вводить путаницу дробленія, чтобы затруднить пониманіе и усвоеніе. Такъ, внутреннее состояніе означеннаго періода я обозрѣваю въ одной главѣ, группируя однородныя явленія по параграфамъ; а рецензентъ видитъ тутъ какое-то смѣшеніе эпохъ и даже какіе-то „грубые анахронизмы“. Два-три примѣра, которые онъ приводитъ, совсѣмъ его не подтверждаютъ. О началѣ служилаго землевладѣнія мы уже говорили. Совершенно мнимое неудобство находитъ онъ въ томъ, что въ одномъ и томъ же параграфѣ встрѣчаются разсказы о волхвахъ 1071 года и о стригольникѣ Карпѣ 1375 г. (оба эпизода, нужно замѣтить, помѣщены въ примѣчаніяхъ), а также указаніе на важнѣйшіе монастыри, каковы Кіево-Печерскій, Троицкая Лавра, Кирилло-Бѣлозерскій и Соловецкій. Но этотъ параграфъ озаглавленъ „Православная Церковь и монашество“ и говоритъ о постепенныхъ, послѣдовательныхъ успѣхахъ христіанства и монашества въ разныхъ краяхъ Россіи. Никакихъ грубыхъ анахронизмовъ тутъ нѣтъ. Рецензія вообще изобилуетъ голословными, ничѣмъ неподтвержденными фразами, въ родѣ слѣ-

дующей: „характеристика Ольгерда представляетъ прямо неудачное сокращеніе лѣтописной характеристики". Почему же неудачное? Прошу доказать. Я потому и привелъ лѣтописную характеристику, что она справедлива и подтверждается фактами.

Критикѣ второй и третьей части учебника рецензентъ посвящаетъ менѣе страницъ, чѣмъ первой. И тутъ его голословныя возраженія вращаются преимущественно около увѣреній, будто бы факты у меня расположены не такъ, какъ слѣдуетъ. Напримѣръ: у меня сказано, что Софьѣ Ѳоминишнѣ „приписываютъ важное вліяніе на дальнѣйшую московскую политику"; отсюда, по мнѣнію рецензіи, „разсказъ о ней долженъ былъ бы предшествовать всему прочему изложенію", т. е. всѣмъ событіямъ при Иванѣ III. Мнѣніе совершенно несостоятельное. Покореніе Новгорода, присоединеніе Твери и другихъ областей, т. е. объединеніе Руси, составляетъ только дальнѣйшій шагъ традиціонной московской политики. Рецензентъ не обратилъ вниманія на то, что съ Софьей связаны въ особенности вопросъ о престолонаслѣдіи и отчасти Жидовская ересь, и, по его проекту, пришлось бы раздѣлить ее съ подобными событіями или уже при самомъ началѣ правленія Ивана III говорить о престолонаслѣдномъ вопросѣ, возникшемъ въ концѣ его. Иногда у меня въ оглавленіи параграфа обозначено только главное событіе; а по его мнѣнію въ такомъ случаѣ въ томъ же параграфѣ уже нельзя приводить другіе факты, хотя бы однородные или съ нимъ связанные. Такъ, въ параграфѣ, озаглавленномъ *Взятіе Казани*, заключаются отношенія къ Крыму и укрѣпленію южныхъ границъ. Рецензія выставляетъ это какъ огромный промахъ, при чемъ утверждаетъ, будто работы по укрѣпленію и обереганію южныхъ границъ начались только въ концѣ царствованія Ивана Грознаго, что совсѣмъ невѣрно. За этимъ параграфомъ у меня слѣдуетъ *Покореніе Сибири*; опять, по ея мнѣнію, это ужасный „безпорядокъ", потому что помѣщенъ ранѣе параграфа *Борьба за Ливонію*. Но у меня очень простой и естественный порядокъ: сначала обозрѣваются событія юго-восточной Россіи при Иванѣ IV, т. е. борьба съ татарами и покореніе татарскихъ царствъ; а потомъ идетъ обзоръ сѣверо-западныхъ событій, которыя начались позднѣе борьбы съ татарами и затѣмъ параллельно съ нею шли до конца Иванова царствованія: тутъ по поводу сношеній съ западной Европой вставленъ эпизодъ о началѣ сношеній съ Англіей. Напрасно рецензія приходитъ въ недоумѣніе, какъ это „завоевали Сибирь, а не познакомились съ Ченслеромъ". Мой оппонентъ забываетъ, что рѣчь идетъ объ учебникѣ сравнительно

краткомъ и потому обязанномъ группировать и изображать однородныя явленія въ связи. Безпорядокъ, дѣйствительно, получился бы ужасный, если бы принять его систему: пришлось бы перебѣгать отъ Казанской осады къ Ченслеру, отъ Ченслера къ Астрахани, отъ Астрахани къ началу Ливонской войны, отсюда къ кончинѣ Анастасіи, потомъ къ раздѣлу Ливоніи и Курбскому, потомъ къ митрополиту Филиппу и Новгородскому погрому, потомъ опять къ татарамъ и къ нашествію Девлетъ-Гирея, потомъ опять къ Ливонской войнѣ и къ Стефану Баторію и т. д., т. е. бросаться то туда, то сюда. Напрасно рецензентъ такъ пренебрежительно относится къ моей системѣ группировать событія и явленія: она у меня довольно тщательно обдумана, и при томъ болѣе или менѣе согласована съ существующими программами. Также несправедливо его возраженіе противъ помѣщенія главы о Западной Руси между избраніемъ Михаила Ѳеодоровича и его царствованіемъ. Избраніемъ заканчивается Смутное время; а затѣмъ начинается новая эпоха Русской исторіи—эпоха Романовыхъ, и трудно выбрать болѣе удобнѣе мѣсто для обзора параллельной Западно-Русской исторіи временъ Люблинской и Брестской уніи и первыхъ казацкихъ возстаній.

Далѣе, рецензентъ играетъ на струнѣ „недостаточныхъ объясненій". Сюда онъ относитъ: Балтійскій вопросъ въ XVI вѣкѣ, значеніе царскаго титула, переходъ войны съ Ливоніей въ борьбу за Ливонію, причины неудачныхъ войнъ съ Баторіемъ и Швеціей, перемѣну митрополіи въ патріаршество, причины и слѣдствія Смутнаго времени, законъ престолонаслѣдія 1721 года, роль дворянской гвардіи, ростъ дворянскихъ привилегій и Жалованную грамоту 1785 г. Но спрашивается: гдѣ же границы между достаточнымъ и недостаточнымъ объясненіемъ? Тутъ мнѣніе совершенно субъективное. Онъ все забываетъ что имѣетъ дѣло съ учебникомъ, а не диссертаціей. Сюда же можно отнести его требованіе группировать сотрудниковъ Петра В. по ихъ происхожденію и направленію.

Относительно его хронологической поправки объ Архангельскѣ надобно замѣтить, что 1584 относится собственно къ построенію крѣпости, а у меня говорится объ устроеніи пристани для иностранныхъ торговцевъ. Между прочимъ онъ увѣряетъ, будто у меня невѣрно сказано о сепаратизмѣ областей и обнаружившейся нелюбви ихъ къ Москвѣ съ Смутную эпоху; но никакихъ доказательствъ моему предположенію (высказанному въ примѣчаніи какъ наиболѣе вѣроятная изъ разныхъ версій) о томъ, что главные подготовители Самозванца

были Мнишки, Вишневецкіе и Сапѣги. Отсылаю его къ моему Смутному времени, гдѣ мною представлены аргументы для сей вѣроятности, пока никѣмъ неопровергнутые. Въ чемъ именно состоитъ мое, будто бы, неточное указаніе на „основанія договора съ Владиславомъ“— рецензія не объясняетъ. Несправедливо поставлено мнѣ въ упрекъ указаніе на подвигъ Ивана Сусанина, безъ его подробностей. Рецензентъ упустилъ изъ виду, что общеизвѣстное преданіе объ этомъ подвигѣ разсказано въ курсѣ 3-го класса, а въ данномъ достаточно было напоминанія о немъ, съ указаніемъ на его „историческую достовѣрность“ вообще. Что касается Сената, созданнаго Петромъ на мѣсто Боярской Думы, и преобразованія коллегій въ приказы, то по отношенію къ общей схемѣ петровскихъ реформъ едва ли возраженіе рецензента справедливо. Значеніе Полтавской побѣды указано у меня прямо и опредѣленно; а о переходѣ первенства на сѣверѣ отъ Швеціи къ Россіи говорится и въ Новой исторіи (стр. 157). Мелочность и придирчивость рецензіи доходятъ до того, что она выдвигаетъ на передній планъ, какъ образецъ моей, будто бы, неточности, простую и для всѣхъ замѣтную опечатку! На стр. 326 сказано „*Археографическаго* Общества“ вмѣсто *Археологическаго*, о чемъ свидѣтельствуютъ прежнія изданія.

Кое-какія примѣчанія рецензентъ находитъ у меня лишними, а именно: о Вельяминовѣ и Смоленскомъ князѣ Юріи въ первомъ отдѣлѣ, о заграничномъ путешествіи Петра и о Грузіи въ третьемъ. О первыхъ двухъ не буду говорить: присутствіе или отсутствіе ихъ не особенно важно. Примѣчаніе къ стр. 215 онъ называетъ „пустымъ разсказомъ о корсетныхъ пружинахъ“, тогда какъ къ этимъ пружинамъ относятся только двѣ строки; а все примѣчаніе посвящено отрывку изъ письма Ганноверской курфирстины о Петрѣ Великомъ, и отрывокъ сей далеко не лишній для характеристики молодого царя и того впечатлѣнія, которое онъ производилъ въ Германіи. По поводу столѣтія со времени присоединенія Грузіи, я въ послѣднемъ изданіи посвятилъ ей и Кавказской военной линіи большое примѣчаніе на стр. 292. Рецензентъ называетъ это „безполезными подробностями“, съ чѣмъ тоже не могу согласиться. Не совсѣмъ „излишнимъ мѣстомъ“ считаю я и разсказъ о Хабарѣ на стр. 99. Замѣчу по сему поводу, что въ русской учебной литературѣ мы пока не имѣемъ такого удовлетворительнаго пособія, которое могло бы пополнять учебный матеріалъ и служить хорошей книгой для чтенія. Когда появится такая книга,

нѣкоторые эпизоды и примѣчанія пожалуй могутъ быть найдены излишними, но едва ли ранѣе того.

Не буду останавливаться на нѣкоторыхъ несогласіяхъ рецензіи съ моей книгой относительно характеристики литературныхъ направленій и дѣятелей, — характеристики, принадлежащей послѣднему періоду, отмѣченной большей частью мелкимъ шрифтомъ, необязательной для усвоенія и прибавленной ради полноты культурно-историческихъ обзоровъ. Тутъ могутъ быть различныя мнѣнія, и всегда возможно смягченіе тѣхъ выраженій, которыя найдены слишкомъ строгими.

Въ заключеніи своемъ рецензія говоритъ слѣдующее: „Авторъ, знакомство котораго съ Русской исторіей безспорно, умѣлъ освободить свое изложеніе отъ грубыхъ фактическихъ промаховъ". „Сверхъ того онъ умѣлъ придать учебнику надлежащій объемъ, избавивъ книгу отъ ненужныхъ подробностей и мелочей". „Языкъ книги, гладкій и правильный, содѣйствуетъ легкому усвоенію текста". Изъ этихъ положеній, хотя и высказанныхъ съ нѣкоторыми оговорками, казалось бы, трудно было сдѣлать отрицательный выводъ. Однако, такимъ именно выводомъ закончена статья: „Учебникъ г. Иловайскаго требуетъ не исправленій и поверхностнаго пересмотра, а *коренной переработки*". Позвольте, да чѣмъ же рецензентъ доказалъ свой отрицательный выводъ? Наиболѣе существенныя замѣчанія его или прямо невѣрны, или основаны на преувеличенныхъ и неисполнимыхъ требованіяхъ, или совершенно голословны и произвольны; какъ это, надѣюсь, достаточно показано въ настоящемъ отвѣтѣ. По его мнѣнію, вообще „трудъ устарѣлъ" и матеріалъ требуетъ „освѣженія". Но мое руководство по преимуществу фактическое, при чемъ факты излагаются въ извѣстномъ научномъ освѣщеніи. Какимъ образомъ основные факты Русской исторіи могутъ устарѣть? Да рецензія совсѣмъ и не коснулась этихъ основныхъ фактовъ и основнаго содержанія книги; а касалась только мелочей и нѣкоторыхъ, такъ сказать, формальныхъ или редакціонныхъ сторонъ, при чемъ о характерѣ и задачахъ средне-учебнаго курса Русской исторіи не выставила никакого опредѣленнаго, вполнѣ обоснованнаго взгляда, хотя бросила загадочную фразу объ „уровнѣ современныхъ требованій"; но въ то же время научный уровень моей книги, повидимому, даже констатировала. Гдѣ же логика? Само собой разумѣется, я ни сколько не считаю свое руководство чуждымъ недостатковъ и нетребующимъ улучшенія. Напротивъ, постоянную работу надъ нимъ и нерѣдкія мои собственныя поправки

рецензентъ самъ признаетъ въ началѣ своей статьи. Но чтобы вѣрно указать недостатки и вывести правильное заключеніе, нужно отнестись къ книгѣ болѣе объективно или безпристрастно и притомъ сравнительно. Если существуютъ другія руководства по Русской исторіи, болѣе достойныя, то несомнѣнно, они сами вытѣснятъ мою книгу изъ употребленія. А между тѣмъ никакого руководства, стоящаго „на уровнѣ современныхъ требованій", пока не указано.

Вслѣдъ за „Краткими очерками Русской исторіи" въ той же февральской книгѣ помѣщена рецензія, повидимому, того же лица, на мое „Руководство къ Русской исторіи", соотвѣтственное третьему классу гимназіи. Такъ какъ рецензія относится къ сему руководству вообще одобрительно, то я не буду на ней останавливаться, и могу только поблагодарить его. Мимоходомъ сдѣлаю одно замѣчаніе. Въ объяснительной запискѣ къ дѣйствующей программѣ, событія отъ 1725 до 1762 года опущены; у меня же имъ посвящена XIII глава. Конечно, преподаватель можетъ прямо пропускать эту главу; но я не могу себѣ представить, чтобы при систематичномъ курсѣ, хотя-бы и для младшаго возраста (а гимназія не народная школа и требуетъ во всемъ систематичности), ученикамъ остались неизвѣстны имена царствовавшихъ послѣ Петра Великаго особъ дома Романовыхъ, въ томъ числѣ и Елизаветы Петровны, а также важнѣйшія событія сего періода.

II.

Перейду къ моимъ руководствамъ по Всеобщей исторіи.

Въ январской книгѣ *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія* помѣщена анонимная рецензія на „Руководство къ Древней исторіи—курсъ старшаго возраста".

Рецензентъ задался цѣлью доказать отсталость моего среднеучебнаго курса, въ виду тѣхъ огромныхъ успѣховъ, которые сдѣлала европейская наука о древнемъ мірѣ за послѣднее время, и трактуетъ мое руководство съ этой предвзятой точки зрѣнія. Но чѣмъ же онъ доказываетъ свое главное положеніе? Или рядомъ мелкихъ замѣчаній, невсегда справедливыхъ, или рядомъ требованій, далеко выходящихъ за предѣлы среднеучебнаго курса.

Прежде всего онъ нападаетъ на отдѣлъ древняго Востока. Во-первыхъ, называетъ неправильною мою этнографическую схему египтянъ, вавилонянъ и ассиріянъ, при чемъ невѣрно передаетъ мои

слова. По его передачѣ, у меня „въ ассиро-вавилонянахъ указывается примѣсь какихъ-то кушитовъ и арійцевъ"; тогда какъ вавилоняне—говоритъ онъ—были „дѣйствительно народомъ смѣшаннымъ, а ассиріяне чистые семиты". Но у меня сказано почти то же самое; а именно: „въ ассирійской народности преобладалъ элементъ семитскій, а въ вавилонской кушитскій", и это я нахожу ближе къ истинѣ. *Какіе-то* кушиты, какъ у меня указано на стр. 9, суть то же, что хамиты, и терминъ этотъ не мной придуманъ. Египтянъ я объясняю смѣшеніемъ кушитовъ съ семитами; а мой рецензентъ говоритъ, что „египтяне принадлежали къ хамитской расѣ Кавказскаго племени"— объясненіе крайне темное и мало обоснованное. Дѣло въ томъ, что этнографія древняго Востока еще далеко не установлена, и нерѣдко у разныхъ изслѣдователей его подвергается разнымъ толкованіямъ, что, повидимому, неизвѣстно моему рецензенту. Поэтому напрасно онъ приходитъ въ ужасъ отъ моей фразы о пришествіи халдеевъ съ сѣвера изъ горъ Арменіи. Если еще недавно такъ думали нѣкоторые авторитеты по исторіи древняго Востока, а теперь ихъ мнѣніе видоизмѣняется, отсюда только слѣдуетъ выводъ, какъ еще непрочно установлены этнографическія схемы въ этой области, и что вопросъ о халдеяхъ еще ждетъ окончательнаго рѣшенія. Далѣе, откуда рецензентъ взялъ столь одностороннее мнѣніе, что египетскіе обелиски ставились только „въ честь божества свѣта", а не въ память царей и знатныхъ людей? Отсылаю его къ „Исторіи египетскаго искусства" Масперо (стр. 98 нѣмецкаго изданія). Несправедливо его замѣчаніе о египетскихъ кастахъ; хотя я и употребляю это слово, но у меня прямо сказано, что египтяне „дѣлились на разныя касты или скорѣе на разныя сословія". Несправедливо и необосновано фактически возраженіе противъ моихъ словъ, что „религія Сераписа, составлявшая собственно религію низшихъ классовъ народа, исполнена была грубаго идолопоклонства и суевѣрія". Потомъ идутъ двѣ-три поправки редакціоннаго свойства: относительно именъ Тирскихъ царей вмѣсто „только" надобно сказать „по преимуществу", относительно упадка торговли финикіянъ вмѣсто и „тогда"—„впослѣдствіи" и т. п.

Образцами предъявленныхъ къ моей книгѣ непомѣрныхъ требованій могутъ служить указанія рецензіи на недостатокъ разъясненій въ исторіи Вавилоніи и Ассиріи до Туглатъ-Палассара, а въ особенности на отсутствіе у меня свѣдѣній о египетской Тель-Эль-Амарнѣ и Ванскомъ царствѣ. Но это такія подробности, которыя никакъ не могутъ быть обязательны для учебника. Памятники Тель-Эль-Амарны

должны имѣть мѣсто въ исторіи искусствъ, и при томъ довольно пространной исторіи. А что касается Ванскаго царства, во-первыхъ, рецензентъ несовсѣмъ правильно даетъ такое названіе, и конечно потому, что о немъ говорится въ Ванскихъ надписяхъ; царство и народъ, о которыхъ идетъ рѣчь, назывались въ ассирійской клинописи *Урарту* (Араратъ), а въ туземной *Біайна*. Напрасно она даетъ понять, будто мнѣ неизвѣстны работы въ этой области многоуважаемаго М. В. Никольскаго. Навѣрно онѣ извѣстны мнѣ болѣе, чѣмъ ему: ибо я слѣдилъ за ними съ великимъ интересомъ, но пока еще не рѣшился вводить въ свой курсъ царство Урарту. Рецензентъ, очевидно, не знаетъ, какъ существующими программами сужена именно исторія древняго Востока, изъ которой требуются только „краткія свѣдѣнія" о главныхъ народахъ. Сей отдѣлъ у меня даже превышаетъ эти требованія. Обращу вниманіе читателей на противорѣчіе во взглядахъ моихъ рецензентовъ: одинъ горько упрекаетъ меня за недостатокъ въ русскомъ учебникѣ Ванскаго царства, которое „на рубежѣ IX и VIII вѣковъ до Р. X. владѣло нашимъ Закавказьемъ и играло первенствующую роль въ судьбахъ культурнаго міра"; а другой считаетъ излишнимъ мое примѣчаніе о Закавказьѣ новыхъ временъ. Что касается до первенствующей роли въ судьбахъ культурнаго міра, то мой рецензентъ, ничто же сумняся, повторяетъ слова М. В. Никольскаго, обнаруживающія естественное увлеченіе новымъ предметомъ (см. его статью въ „Трудахъ Восточ. Ком. Моск. Археолог. Общ." Т. I. Вып. 3).

За древнимъ Востокомъ идетъ рядъ мелочныхъ придирокъ къ исторіи Греціи и Рима — придирокъ, иногда невѣрныхъ, а иногда даже неудобопонятныхъ. Таковы возраженія противъ слѣдующихъ фактовъ: что Амфиктіонъ былъ (миѳическимъ) аѳинскимъ царемъ и каждая община посылала сначала одного, а потомъ двухъ депутатовъ въ судилище (противъ чего возраженіе невѣрно). Что илоты были *сельскіе* жители, а названіе ихъ произошло отъ *города* Илоса (рецензентъ умолчалъ, что послѣднее объясненіе приведено у меня въ скобкахъ со словомъ „говорятъ", т. е. съ оттѣнкомъ отнюдь не положительнымъ). Что царскіе роды въ Спартѣ назывались Проклиды и Агиды (непонятное возраженіе). Что спартанскіе мальчики отдавались въ гимназію, т. е. общественную школу (непонятное); что въ Аѳинахъ сельское населеніе и домашнюю прислугу составлялъ многочисленный классъ рабовъ (опять непонятное). Что, благодаря предложенію Аристида относительно четвертаго класса, демократическое

устройство сдѣлало шагъ впередъ (участіе Аристида тутъ, можетъ быть, и спорное, но не отвергнутое). Что Филиппъ вмѣсто продолженія войны захватилъ крѣпость Элатею (не ясно, въ чемъ состоитъ возраженіе). Что спартанское устройство называется учрежденіями Ликурга (на его полумиѳическій характеръ у меня ясно указано, а это выраженіе условное, употребительное). Что Серторій удалился въ Испанію во время диктаторства Суллы (указаніе времени приблизительное, и напрасно рецензентъ ставитъ 83 годъ: точная дата неизвѣстна). Что конецъ Югуртинской войны отнесенъ къ 106 году (дата общепринятая). Что этруски пришли изъ Реціи (тутъ разумѣется послѣдняя стадія ихъ переселенія). Что Ромулъ Августулъ былъ послѣднимъ римскимъ императоромъ (конечно, послѣднимъ въ извѣстномъ смыслѣ).

Нѣкоторыя возраженія невѣрно передаютъ мой текстъ. Напримѣръ, будто у меня говорится, что діоцезы сдѣлались административной единицей только при Константинѣ; тогда какъ я просто говорю объ его территоріальныхъ раздѣленіяхъ и подраздѣленіяхъ. Не совсѣмъ вѣрна поправка относительно обѣднѣвшихъ спартіатовъ, которые хотя и назывались „иполіонами" (и то только у Ксенофонта), но по своей неполноправности примыкали къ періэкамъ. Не указано, въ чемъ состоитъ моя будто-бы невѣрность относительно неполноправныхъ гражданъ въ Римѣ. Замѣчаніе объ избраніи патриціевъ въ трибуны подъ условіемъ перехода въ плебейство для учебника излишне. Количество аѳинскихъ доходовъ у меня обозначено приблизительно; а число аѳинскихъ гражданъ совсѣмъ не обозначено на стр. 105, вопреки голословному возраженію рецензента и его ссылкѣ на эту страницу. Его возраженіе противъ Діоклетіана „утомленнаго властію" слишкомъ голословно.

Любопытно привлеченіе къ суду моей транскрипціи собственныхъ именъ. Если повѣрить рецензенту, то съ моей стороны яко бы „не научно и безусловно вредно въ педагогическомъ отношеніи" писать Пизистратъ, Изократъ вмѣсто Писистратъ, Исократъ, Критіасъ вмѣсто Критій, Партенонъ вмѣсто Пареенонъ, „еще хуже Элизіумъ, Турі-умъ", и уже „совсѣмъ нехорошо Діана Эфесская и Юпитеръ Аммонъ". А между тѣмъ, если я не спѣшу видоизмѣнять установившееся произношеніе греческихъ собственныхъ именъ, то изъ опасенія внести неизбѣжную въ такомъ случаѣ путаницу, при чемъ многое въ этой перемѣнѣ окажется и спорнымъ, и неудобнымъ. Чтобы быть послѣ-овательными, намъ придется говорить и писать ѳеатръ, ѳезисъ, ѳе-

орія и т. п., что будетъ рѣзать наше ухо. Нѣтъ, произвести реформу въ привычномъ произношеніи греческихъ именъ и освободить ихъ отъ латинизмовъ совсѣмъ не такъ легко, какъ думаетъ рецензентъ. Въ примѣръ приведу профессора Виноградова, который въ своемъ учебникѣ Древней исторіи пишетъ Ѳесей, Анѳей, Иѳака, Киѳера, но въ то же время сохраняетъ латинское произношеніе въ словахъ Церберъ, Цирцея, Сцилла и т. д. Точно такъ же не только у насъ, но и на западѣ установились выраженія *Діана* Эфесская и *Юпитеръ* Аммонъ, и слишкомъ необычно было бы вмѣсто нихъ говорить: Артемида Эфесская и Зевесъ Аммонъ. Конечно, въ учебникѣ можно ввести нѣкоторыя, но самыя незначительныя видоизмѣненія, въ родѣ Парѳенонъ, Писистратъ, Исократъ, Критій, но не болѣе того. И говорить о такихъ мелочахъ какъ о послѣднемъ словѣ науки по меньшей мѣрѣ странно. Спрошу при семъ и самого рецензента: почему онъ, напримѣръ, пишетъ „Навкратидъ" вмѣсто „Навкратисъ"?

Иногда возраженія его основаны на произвольныхъ сужденіяхъ и умозаключеніяхъ. Напримѣръ, онъ возражаетъ противъ моихъ словъ о вредномъ вліяніи рабства на аѳинскіе нравы. Конечно, это былъ одинъ изъ главныхъ факторовъ; были и другіе, вліявшіе на упадокъ нравственности и ослабленіе патріотизма. Но нельзя же все объяснять тѣмъ, что „въ IV вѣкѣ внутренняя борьба партій изъ политической сдѣлалась экономической"—какъ это дѣлаетъ рецензентъ, упускающій изъ виду тѣсную связь политической стороны съ экономическою. Изъ его словъ вытекаетъ, будто въ комедіяхъ Аристофана главная подкладка была экономическая, что совсѣмъ невѣрно.

По поводу экономической стороны рецензентъ довольно неудачно пытается поучать меня въ вопросѣ о Солоновой сиссахтіи. Онъ ссылается на недавно открытую „Аѳинскую политію" Аристотеля, намекая на то, что результаты открытія и возникшая о немъ литература остались мнѣ неизвѣстны; хотя изъ примѣчанія на стр. 73 онъ могъ бы ясно усмотрѣть доказательство противнаго. Но дѣло въ томъ, что чрезмѣрное увлеченіе найденнымъ трактатомъ не замедлило у многихъ изслѣдователей смѣниться скептицизмомъ и даже разочарованіемъ, о чемъ подробный отчетъ онъ найдетъ въ прекрасномъ трудѣ о сей Политіи достоуважаемаго профессора Бузескула (Харьковъ. 1895). И прежде были извѣстны источники, по которымъ сиссахтію толковали не облегченіемъ долговыхъ обязательствъ, а полною ихъ отмѣною. Послѣднее считаю исторически невѣроятнымъ, и трактатъ тутъ не имѣетъ рѣшающаго значенія: Аристотель былъ философъ, а не

историкъ, и при томъ писалъ болѣе двухъ съ половиною вѣковъ послѣ Солонова законодательства.

Оспариваетъ рецензентъ и общепринятое дѣленіе Древней исторіи на три части: Востокъ, Грецію и Римъ, и мой обзоръ древняго Востока по главнымъ его народамъ, т.-е. историко-этнографическій, а не синхронистическій, въ чемъ даже видитъ „отсутствіе всемірно-исторической точки зрѣнія". Но пусть онъ придумаетъ другой, болѣе удобный для учебника, порядокъ. Возражать можно противъ всего, и это очень легко; но замѣнить существующее лучшимъ—очень трудно.

Точно такъ же ничего не стоитъ широкою рукою предъявлять разнаго рода требованія, забывая, что рѣчь идетъ о среднеучебномъ курсѣ сравнительно небольшого размѣра и ограниченнаго дѣйствующими программами.

Мы видѣли преувеличенныя требованія въ отдѣлѣ древняго Востока. Еще болѣе ихъ предъявлено въ отдѣлѣ Греко-Римскомъ. Такъ, по словамъ рецензента, учебникъ долженъ былъ: отмѣтить новѣйшія „археологическія находки въ Дельфахъ, на Делосѣ, въ Аѳинахъ, Навкратидѣ, на нашемъ югѣ"; сказать о Микенской культурѣ, о культурномъ значеніи Навкратида и особенно Кипра съ его шрифтомъ и діалектомъ, о личности Фидона Аргивскаго, о Селевкидской и Діоклетіановой эрахъ; разсказать о походахъ Александра Македонскаго за Истръ (конечно, не въ двухъ строкахъ), о завоеваніяхъ Митридата на сѣверныхъ берегахъ Чернаго моря, о войнѣ Суллы въ Греціи и паденіи благосостоянія Греціи и Азіи; разъяснить отношенія Рима къ Карѳагену до Пуническихъ войнъ, паденіе національности италиковъ, начало превращенія принципата въ чиновничью монархію при Тиверіи; „выяснить происхожденіе культа императоровъ и причину охлажденія у римлянъ къ общественнымъ дѣламъ, а также постепенный переходъ законодательства и суда отъ комицій къ сенату и къ императору"; представить культурно-историческій обзоръ „равноправныхъ (Риму) восточныхъ державъ" и т. д. При такихъ широкихъ требованіяхъ, далеко выходящихъ за предѣлы среднеучебной книги, рецензентъ не знаетъ того, что многое находившееся прежде въ данномъ курсѣ, вслѣдствіе давленія программъ и уменьшенія часовъ, пришлось выпустить или перенести въ примѣчанія. Къ послѣдней категоріи относятся, напримѣръ, Сиракузы, на которыя онъ указываетъ. Печалясь объ отсутствіи Фидона Аргивскаго, рецензентъ не замѣтилъ того, что дѣйствующія программы совсѣмъ пропускаютъ обзоръ второстепенныхъ греческихъ государствъ, вслѣдствіе чего я

этотъ обзоръ сократилъ и необязательность его отмѣтилъ особымъ шрифтомъ.

Авторъ руководства никоимъ образомъ не прочь былъ бы пополнить его нѣкоторыми, наиболѣе выдающимися, новыми фактами, насколько это возможно и не обременительно для учащихся. Напримѣръ: сказать нѣсколько словъ въ началѣ Греческой исторіи о недавно открытой Микенской культурѣ (эпоха которой и историческое значеніе впрочемъ еще не совсѣмъ выяснены), дать болѣе мѣста экономическому элементу и новооткрытой Аѳинской политіи Аристотеля (хотя никакого особаго переворота въ Аѳинской исторіи она не произвела), даже помѣстить если не въ текстѣ, то въ примѣчаніи результаты новооткрытыхъ Ванскихъ надписей (о народѣ Урарту съ его царями Араме, Сардури, Аргишти) и т. п. Я не считаю удобнымъ часто вносить въ книгу крупныя перемѣны и поправки; но дѣлаю это время отъ времени, вопреки увѣреніямъ рецензента, будто „успѣхи науки не отразились на содержаніи моего учебника“. Исторія Греціи и Рима такъ прочно установилась, что тутъ возможны только мелкія сравнительно перемѣны; но исторія древняго Востока, дѣйствительно, сдѣлала въ послѣднюю эпоху огромные шаги, и это заставило меня въ 80-хъ годахъ переработать сей отдѣлъ согласно съ такими трудами какъ Масперо, Бругша, Ленормана, Никольскаго и др. Въ тѣхъ же годахъ мною былъ изданъ рядъ очерковъ по Древней исторіи, ради которыхъ пришлось пересмотрѣть обширную литературу по разнымъ ея отдѣламъ, каковая указана въ самой книгѣ. (Тогда же я предпринималъ путешествіе въ Египетъ и Палестину, и между прочимъ на мѣстѣ ознакомился съ развалинами Ѳивъ; а ранѣе ради древностей посѣщалъ не только Римъ, но и Аѳины). Въ той же книгѣ читатель найдетъ мои повѣствованія о походѣ Александра Македонскаго за Истръ, о завоеваніяхъ Митридата на сѣверныхъ берегахъ Чернаго моря, о древней Скиѳіи и главныхъ греческихъ колоніяхъ въ Южной Россіи. (Книга эта предназначалась быть пособіемъ при прохожденіи учебнаго курса). Слѣдовательно, увѣренія рецензента объ отсталости моего руководства отъ современнаго состоянія науки по меньшей мѣры преувеличены. Кромѣ того: кто слѣдилъ за моими руководствами, тотъ, вѣроятно, замѣтилъ мою систему вносить улучшенія и поправки постепенно и не дѣлать такихъ перемѣнъ, которыя бы рѣзко отдѣляли слѣдующее изданіе отъ предыдущаго и такимъ образомъ вынуждали бы учениковъ покупать непремѣнно новое изданіе.

Позволю себѣ обратить вниманіе вообще на различіе въ требова-

ніяхъ, предъявленныхъ ко мнѣ и къ моимъ конкуррентамъ. Возьмемъ для примѣра одобренный учебникъ Древней исторіи профессора Виноградова. Въ отдѣлѣ Востока у него нѣтъ ни Эль-Амарны, ни Ванскаго царства, не говоря уже о болѣе сокращенномъ изложеніи сравнительно съ моей книгой вообще. Въ исторіи Греціи у него есть Драконъ (присутствіе котораго мнѣ поставлено въ упрекъ), есть и утомленіе Діоклетіана, но нѣтъ ни культуры Микенъ, Навкратиса и Кипра, ни Фидона Аргивскаго, ни Селевкидской и Діоклетіановой эры — однимъ словомъ, всего того, что рецензентъ потребовалъ отъ моего учебника, и только отъ моего, ибо почти все то же можно повторить и о другихъ одобренныхъ руководствахъ. Откуда такая разница? Странно подобныя исключительныя и невозможныя требованія оправдывать тѣмъ, что мое руководство пользовалось распространеніемъ — какъ о томъ говорится въ началѣ рецензіи. И тѣмъ болѣе странно, что эти требованія совершенно игнорируютъ дѣйствующія программы.

Между прочимъ рецензія дѣлаетъ моей книгѣ упрекъ въ какой-то анекдотичности — упрекъ совершенно неосновательный. Въ примѣръ приведенъ только эпизодъ о Клеопатрѣ — эпизодъ вовсе не лишній въ развитіи событій и при томъ оттѣненный особымъ шрифтомъ, о значеніи котораго сказано въ предисловіи. Слѣдовало привести нѣсколько примѣровъ, на основаніи которыхъ можно было бы судить, справедливо ли взводимое на мою книгу обвиненіе. Содержаніе моихъ руководствъ по преимуществу фактическое, и всѣ важнѣйшіе или основные факты они въ себѣ заключаютъ. Иногда приводятся (большею частію особымъ шрифтомъ) нѣкоторыя черты, нѣкоторыя подробности, чтобы смягчить сухость или сжатость изложенія, освѣтить характеръ лица или событія и самыя эти лица и событія отчетливѣе закрѣпить въ памяти учащихся. Изрѣдка берутся подобныя черты изъ преданій и легендъ, но съ критическимъ оттѣнкомъ (на каковой оттѣнокъ, впрочемъ, указалъ и рецензентъ). Есть преданія, которыя получили такое право гражданства, что едва ли можно оставить ихъ неизвѣстными учащимся. Для примѣра укажемъ приведенные изъ Геродота эпизоды о Дейокѣ, объ Астіагѣ и Кирѣ, далѣе на такіе эпизоды какъ Леонидъ при Ѳермопилахъ, Марій въ Минтурнахъ и т. п. Пожалуй, встрѣчаются попытки вычеркнуть изъ учебной книги эпизоды Ливія о первыхъ римскихъ царяхъ и вмѣсто нихъ дать ученикамъ нѣсколько сухихъ, отвлеченныхъ фразъ о началѣ Рим-

ской исторіи; но я пока на это не рѣшаюсь, хотя прямо называю ихъ легендами.

Въ своемъ заключеніи рецензія отдаетъ по крайней мѣрѣ справедливость моему литературному изложенію. И за то спасибо. И тѣмъ болѣе, что вообще лица, отъ которыхъ зависитъ ходъ учебной литературы, стали слишкомъ мало обращать вниманія на литературную сторону дѣла, отъ чего не мало страдаетъ педагогическая практика.

III.

Въ той же январской книгѣ *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія* находится рецензія г. Андреянова на мое „Руководство ко Всеобщей исторіи — средній курсъ“, т.-е. занимающій по объему и школьному значенію среднее мѣсто между курсами старшаго и младшаго возраста. Но рецензія эта представляетъ такое сплошное голословіе, столько спорныхъ, необоснованныхъ сужденій и требованій, такое невѣдѣніе и смѣшеніе характера и задачъ, которые присущи разнымъ курсамъ, что потребовалось бы много времени и мѣста для ея критическаго разбора, при чемъ пришлось бы отчасти повторять и то, что сказано мною выше, и то, что будетъ сказано ниже. Я предпочитаю сосредоточить вниманіе читателей и заняться разборомъ замѣчаній на курсы старшаго возраста. Поэтому останавливаться на помянутой статьѣ пока не намѣренъ, а перейду теперь къ рецензіямъ на мою Среднюю и Новую исторію. Эти рецензіи помѣщены въ февральской книгѣ *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія* и подписаны г. Форстеномъ, который, сколько мнѣ извѣстно, состоитъ профессоромъ Петербургскаго университета.

Въ настоящемъ своемъ отвѣтѣ ничего не скажу о крайне неспокойномъ и вызывающемъ тонѣ сихъ рецензій; предоставляю его вниманію тѣхъ, которые пожелаютъ съ нимъ ознакомиться. Г. Форстенъ задался цѣлью доказать „рѣшительную непригодность (моей) Средней и Новой исторіи для нашихъ гимназій“. Посмотримъ, какими аргументами и способами онъ это доказываетъ.

Относительно Средней исторіи г. Форстенъ, во-первыхъ, утверждаетъ, будто бы у меня нѣтъ введенія, указывающаго на переходъ отъ Древняго міра къ Средневѣковью и ничего не говорится о большихъ племенныхъ группахъ (или, какъ онъ выражается, союзахъ) германцевъ до переселенія народовъ. И то, и другое у меня есть,

хотя коротко, но достаточно для учебника. Далѣе, онъ увѣряетъ, будто бы у меня нѣтъ отдѣльнаго параграфа, „въ которомъ были бы выяснены ростъ и значеніе Папской церкви". Отдѣльный параграфъ, озаглавленный „Папы и начало Церковной области" у меня есть; а затѣмъ ростъ папства достаточно указывается далѣе въ надлежащихъ мѣстахъ при обзорѣ событій. По поводу феодализма онъ дѣлаетъ упрекъ въ томъ, что „ученикамъ не объяснены ни отношенія коммендаціи, ни прекаріи, ни бенефиціи". Главное, т.-е. бенефиціи, у меня объяснено; а такія мелочныя опредѣленія, какъ коммендація и прекаріи, я считаю лишними для учебника, способными только затруднить усвоеніе наболѣе нужнаго и существеннаго матеріала. Вообще слишкомъ усердныя попытки сразу разъяснить въ среднеучебномъ руководствѣ весь сложный механизмъ феодальныхъ отношеній обыкновенно производятъ въ головѣ русскаго ученика большой туманъ и путаницу, такъ что въ концѣ концовъ онъ совсѣмъ не понимаетъ феодализма.

Во-вторыхъ, г. Форстенъ возстаетъ противъ моего распредѣленія матеріала, противъ моей группировки фактовъ. Напримѣръ, у меня говорится объ Остготскомъ и Лангобардскомъ королевствахъ, а потомъ о франкахъ, государство которыхъ основано нѣсколько ранѣе; въ разсказѣ о Карлѣ Мартеллѣ встрѣчается арабское нашествіе, а глава объ арабахъ помѣщена позднѣе. Въ главѣ о Византійской исторіи, доведенной до XII вѣка, тоже встрѣчаются арабы, Карлъ Великій и Германскіе императоры, о которыхъ спеціально говорится послѣ. Въ очеркѣ Крестовыхъ походовъ, съ духовно-рыцарскими орденами включительно, встрѣчаются французскіе Капетинги, о которыхъ пока еще не говорилось, и т. п. Но такая постановка вопросовъ слишкомъ произвольна и прямо-таки невозможна; какъ ни располагайте матеріалъ, подобныя возраженія явятся во всякомъ случаѣ, если имъ придавать какое-нибудь значеніе. Переставимъ порядокъ изложенія по системѣ г. Форстена. Что же выйдетъ? Помѣстимъ главу о Франкской монархіи ранѣе Остготской и Лангобардской; но тогда нельзя будетъ говорить о походѣ Пепина Короткаго на лангобардовъ и началѣ Папской области, ибо о лангобардахъ еще не было рѣчи. Помѣстимъ арабовъ прежде Франкскихъ Каролинговъ; но тогда нельзя будетъ говорить о покореніи Испаніи и тѣсно связанномъ съ нимъ вторженіи въ Галлію или о пораженіи отъ Карла Мартелла, ибо о нихъ еще не было сказано. Поставимъ Крестовые походы послѣ Капетинговъ и Плантагенетовъ, тогда въ исторіи Фи-

липпа II, Ричарда Львиное Сердце, Людовика IX и т. п. нельзя говорить объ ихъ участіи въ Крестовыхъ походахъ, такъ какъ эти походы еще не были разсказаны. Однимъ словомъ, съ теоріей г. Форстена составитель учебника непремѣнно попадетъ въ безвыходное положеніе, или онъ долженъ будетъ дѣлать скачки изъ одной страны въ другую, или излагать событія чуть ли не по годамъ въ системѣ лѣтописной, а не исторической. Я много думалъ именно надъ такимъ расположеніемъ матеріала, при которомъ ученикъ могъ бы яснѣе понять и легче усвоить его, и потому группировалъ однородный матеріалъ въ цѣлыя главы, а не дробилъ его. Какая, напримѣръ, получилась бы картина Крестовыхъ походовъ, если бы ихъ раздробить частей на пять, на шесть и вставить между другими событіями? Вообще по части моего расположенія доселѣ не встрѣчалось никакихъ замѣчаній преподавателей о какихъ-либо его практическихъ неудобствахъ; возраженіе противъ него г. Форстена вполнѣ несостоятельно и обнаруживаетъ его малое знакомство съ практикой дѣла. Кстати, по поводу Крестовыхъ походовъ: онъ упрекаетъ меня за какіе-то „старые предразсудки", въ родѣ разсказовъ о Петрѣ Пустынникѣ; но у меня прямо указанъ легендарный характеръ сихъ разсказовъ.

Переходимъ къ третьей категоріи возраженій, именно по отношенію къ выбору матеріала для среднеучебнаго курса. Въ этихъ возраженіяхъ я позволяю себѣ усматривать положительное незнакомство съ условіями и задачами сего курса. Напримѣръ, по его словамъ, у мена указаны всѣ нѣмецкія династіи (т.-е. три, Саксонская, Франконская и Гогенштауфеновъ), встрѣчаются нѣкоторыя о нихъ подробности (которыя онъ почему-то называетъ „анекдотами" и которыя, прибавлю, оттѣнены у меня особымъ шрифтомъ), а „не выяснены сущность такъ наз. Оттоновой системы", „различіе Гвельфскаго и Гибелинскаго принциповъ", „значеніе утвержденія германскихъ императоровъ въ Италіи"; очень мало сказано объ Иннокентіи III и Фридрихѣ II, о „новомъ аскетическомъ вѣяніи въ Церкви", съ Арнольдомъ и Францискомъ включительно; относительно Папской Церкви у меня „едва ли выясняется идея Божьяго царства, аскетизма и теократіи"; „не выяснены съ достаточною ясностію термины инвеститура, симонія, целибатъ" и т. д. Я же полагаю, что все названное недостаточно выясненнымъ въ дѣйствительности для учебника изложено достаточно ясно. А затѣмъ — и это главное—какимъ образомъ г. Форстенъ можетъ возставать вообще противъ повѣство-

ванія о государяхъ и политическихъ событіяхъ? Очевидно, онъ не знаетъ того, что именно государственная сторона исторіи и составляетъ собственно задачу среднеучебнаго курса. Во всякомъ случаѣ эта сторона преобладающая. Не дѣло краткаго сравнительно учебника толковать о Понтіонскомъ договорѣ, разглагольствовать о различіи нѣкоторыхъ принциповъ или о такихъ дѣятеляхъ какъ Этьенъ Марсель, Оккамъ и Марсилій или о „связи политико-религіозныхъ тенденцій съ тенденціей Людовика Баварскаго" и т. п. Все это выходитъ за предѣлы даннаго курса. Точно такъ же не дѣло учебника отвѣчать на нѣкоторые праздные вопросы, задаваемые г. Форстеномъ, въ родѣ: „откуда явились готы въ Южную Россію?" На этотъ вопросъ и самъ онъ ничего положительнаго не отвѣтитъ; а если и отвѣтитъ, то какимъ-либо несостоятельнымъ домысломъ или ни съ чѣмъ несообразною легендою. Не учебнику также входить въ разсмотрѣніе вопроса: „можно ли найти въ культурѣ (древнихъ) германцевъ слѣды римскаго вліянія?"

За то съ другой стороны, г. Форстенъ совѣтуетъ выпустить изъ учебника, напримѣръ, швейцарскую легенду о Вильгельмѣ Телѣ или почти пройти молчаніемъ средневѣковую Скандинавію, послѣднихъ Гогенштауфеновъ, Сицилійскую вечерню, періодъ междуцарствія въ Германіи и т. д. Несправедливо его увѣреніе, будто у меня опущены развитіе княжеской автономіи и слабость центральной власти во время сего междуцарствія (разсказъ о которомъ, по его мнѣнію, лишній), ростъ городовъ въ Италіи и Бонифацій VIII. Невѣрно его возраженіе противъ связи Гильдебранта или Григорія VII съ Клюнійской конгрегаціей: что онъ вышелъ изъ Авентинскаго монастыря, принадлежавшаго къ сей конгрегаціи — это фактъ. Очевидно, г. Форстену остались неизвѣстны мои „Очерки" по средневѣковью, изданные въ 1886 году; тамъ онъ нашелъ бы подробности о Григоріи VII и многое другое, что окажется въ явномъ противорѣчіи съ его главнымъ выводомъ о моемъ учебникѣ Средней исторіи. Въ этихъ очеркахъ я даю видное мѣсто Славянству и Византіи, что отразилось и на моемъ учебникѣ; на каковую сторону средневѣковья г. Форстенъ не обращаетъ никакого вниманія, забывая, что онъ имѣетъ дѣло съ книгою, назначенною именно для русскихъ учениковъ.

Теперь объ его же рецензіи на мою Новую исторію.

Авторъ рецензіи обрушивается на нее съ такимъ пыломъ, что невѣрно передаетъ даже самое содержаніе книги. Напримѣръ: „глава о христіанствѣ отнесена къ древней исторіи, гуманизмъ и ренессансъ

къ средневѣковой“. Совсѣмъ не понимаю этого обвиненія: возрожденіе и гуманизмъ у меня изложены во 2 и 3 главахъ Новой исторіи, начало же того и другого, конечно, относится къ Средневѣковой. „Весь ренессансъ,—говорится далѣе (и непремѣнно иностранныя слова *целибатъ, ренессансъ* и т. п.)—толкуется, какъ дѣло заѣзжихъ грековъ, паденіе Византіи вызвало возрожденіе наукъ и искусствъ“. Опять совершенно невѣрная передача того, что есть въ моей книгѣ, гдѣ сказано: „этому знакомству (съ сочиненіями великихъ писателей древней Греціи) способствовали нѣкоторые образованные греки, которые переселились изъ Византійской имперіи“ и т. д., что фактически совершенно вѣрно. Далѣе онъ пишетъ: „изъ странички, посвященной нѣмецкому гуманизму, ученики ничего не вынесутъ путнаго“. Во-первыхъ, не одна страничка, а двѣ слишкомъ; а во-вторыхъ, вынесутъ ли что путное ученики изъ этихъ двухъ страничекъ, о томъ можно судить только на основаніи объективной провѣрки; дѣлать произвольныя предположенія, конечно, никому не возбраняется, только это уже не есть серьезная рецензія. „Итальянскія войны, неизвѣстно для какой цѣли, разсказаны на 9 страницахъ“. Опять не точно и не основательно. Не 9, а 7 страницъ, такъ какъ надо вычесть эпизоды и строки о Савонаролѣ, папѣ Александрѣ VI и Солиманѣ Великолѣпномъ; а затѣмъ въ связи съ этими войнами бросается взглядъ на исторію и взаимныя отношенія Франціи, Испаніи, Италіи и Германіи; слѣдовательно, на самыя войны останется очень немного. Невѣрно говорится, будто у меня „не выяснены мотивы войны, не выясненъ самый принципъ политическаго равновѣсія“. О какихъ не выясненныхъ мотивахъ здѣсь идетъ рѣчь, не понятно; а что касается отношенія сихъ войнъ къ принципу равновѣсія, о томъ у меня ясно и для учебника достаточно сказано въ общемъ взглядѣ на Новую исторію. И тутъ же у рецензента опять крупная невѣрность: „о Маккіавели ни слова“—говоритъ онъ. Отсылаю его къ 32 стр. моей книги, гдѣ Маккіавели посвящено цѣлыхъ полстраницы. Странно замѣчаніе объ индульгенціяхъ и ихъ продажѣ, какъ будто у меня о томъ ничего нѣтъ. Также будто у меня „ни слова“ объ антагонизмѣ рыцарей и курфюрстовъ, будто у меня „крестьянское возстаніе—продуктъ только проповѣди Лютера“. Все это невѣрно и, можетъ быть, расчитано на то, что читатели не пойдутъ справляться съ книгою. Также невѣрно сказано, будто реформація поставлена у меня „внѣ всякой связи съ гуманизмомъ“.

Г. Форстенъ говоритъ, будто въ біографіи Лютера у меня „столько

ошибокъ", но ихъ не указываетъ, а ставитъ вопросы о религіозныхъ взглядахъ Лютера до поступленія въ монастырь, о роли тутъ мистиковъ, о сочиненіяхъ Лютера, объ его тезисахъ и т. п. Конечно, можно и еще сочинить длинный рядъ всякихъ вопросовъ; но отвѣты на нихъ не только не обязательны для даннаго учебника, а были бы прямымъ отклоненіемъ отъ его задачъ и излишнимъ для него балластомъ. Все это можетъ быть обязательно развѣ въ нѣмецкихъ школахъ и притомъ въ отдѣлѣ ихъ Отечественной исторіи, а не Всеобщей. Также не дѣло даннаго учебника трактовать о томъ, что „Новая исторія есть періодъ развитія индивидуализма въ области интеллекта (какія все мудреныя слова для учениковъ!), вѣры и соціальныхъ отношеній". Подобныя требованія въ пору развѣ университетскому курсу и совершенно выходятъ изъ задачъ и характера среднеучебнаго курса.

Далѣе, невѣрно указано существующее, будто бы, у меня противорѣчіе полученной по Аугсбургскому миру свободы вѣроисповѣданія съ положеніемъ cujus regio, ejus religio; у меня прямо сказано, что право мѣнять религію „предоставлялось собственно князьямъ", а не подданнымъ. То не многое, что у меня сказано о Цвингли, считаю пока достаточнымъ для учебника, и этотъ реформаторъ по своему значенію нейдетъ въ сравненіе съ Кальвиномъ. Параграфъ „Нѣмецкая образованность" совершенно произвольно названъ „никакого значенія неимѣющимъ". (Помѣщенное здѣсь свѣдѣніе о Коперникѣ тоже оказывается лишнимъ!) Что католическую реакцію я начинаю съ Іезуитскаго ордена, это естественно, и для даннаго учебника нисколько не обязательно толковать предварительно о Капуцинахъ и Театинцахъ. Голословно и неосновательно возраженіе противъ соединенія въ одной главѣ послѣдняго Валуа и первыхъ Бурбоновъ. Сюда же отношу и молодые годы Людовика XIV съ Фрондой включительно, т.-е. до личнаго вступленія его въ управленіе; а вѣкъ Людовика XIV выдѣляю въ особую главу, что совершенно соотвѣтствуетъ его объему и значенію. Годъ Тридентскаго собора 1585 вмѣсто 1545, конечно, есть простая опечатка. По мнѣнію г. Форстена, будто войны католиковъ съ гугенотами во Франціи были войны не религіозныя, а Вареоломеевскую ночь слѣдуетъ „разсматривать не какъ событіе религіознаго фанатизма, а какъ чисто политическій фактъ", съ чѣмъ согласиться невозможно. Мало ли какіе могли примѣшиваться тутъ мотивы (отчасти они у меня указаны); но безъ религіознаго фанатизма это кровавое событіе не могло получить такой характеръ.

Затѣмъ г. Форстенъ опять оспариваетъ мой порядокъ въ располо-

женіи событій, такъ какъ о реформаціи въ Англіи и Скандинавіи я говорю при обзорѣ исторіи сихъ странъ, что нахожу болѣе удобнымъ, чѣмъ носиться съ реформаціей по всѣмъ странамъ, не касаясь ихъ исторіи. О парламентской борьбѣ въ Англіи въ эпоху великой революціи говорится у меня достаточно, а выяснять „идеалы Кромвеля“ для учебника не обязательно. По поводу Скандинавіи, Пруссіи и Польши рецензентъ опять возражаетъ противъ моего распредѣленія матеріала; но болѣе удобнаго и цѣлесообразнаго онъ не предлагаетъ. Правда, въ послѣднее время встрѣчаемъ попытки, отчасти указанныя ниже, располагать матеріалъ согласно съ сими возраженіями; но по моему крайнему разумѣнію, онѣ болѣе затрудняютъ, чѣмъ облегчаютъ пониманіе и усвоеніе. Далѣе, о Густавѣ-Адольфѣ сказано мало при обзорѣ шведской исторіи потому, что очень много говорится въ исторіи Тридцатилѣтней войны, говорится о немъ и въ русской исторіи, такъ что ученикъ можетъ достаточно ознакомиться съ симъ королемъ. Мои яко бы ошибки, Вестерясъ вмѣсто Вестеросъ и Оксенширна вмѣсто Оксеншерна, при всей шаткости ихъ транскрипціи, приведены, конечно, ради нагроможденія замѣчаній. (И тутъ рецензентъ невѣрно приписалъ мнѣ: Оксенштирна; хотя и такая транскрипція встрѣчается). Несправедливо указаны мои ошибки (да еще, будто бы, *грубыя*) относительно Тридцатилѣтней войны: она у меня не выставляется „чисто религіозной“, получившей политическій оттѣнокъ только послѣ 1635 года; нѣтъ, у меня особенно выдвинутъ этотъ оттѣнокъ съ 1629 года, т.-е. со времени Реституціоннаго эдикта. А если не опредѣляются „политическіе замыслы Валленштейна“, то сомнѣваюсь, чтобы эти замыслы были вполнѣ ясны для самого г. Форстена. Относительно ихъ спорности и гадательности отсылаю его хотя бы къ новѣйшему труду Дени о Тридцатилѣтней войнѣ (въ V томѣ Лависа и Рамбо). Точно такъ же фактически невѣрны его возраженія противъ того, что Ришелье призвалъ Густава-Адольфа на театръ войны, и его замѣчаніе, будто „Швеція вступила активно въ войну до заключенія договора съ Франціей“. Нѣтъ, договоръ былъ заключенъ въ январѣ 1631 года, а въ апрѣлѣ шведскій король открылъ военныя дѣйствія походомъ и взятіемъ Франкфурта на Одерѣ. И при томъ какая научная отсталость: г. Форстенъ, подобно мнѣ, продолжаетъ писать: „Кромвель“ и „Валленштейнъ“ вмѣсто „Кромуэль“ и „Вальдштейнъ“.

Невразумительно возраженіе г. Форстена и о томъ, что изъ моего учебника „не объяснишь себѣ происхожденія привилегированныхъ“ (при Людовикѣ XIV). Полагаю достаточнымъ для учебника то, что

сказано у меня о покровительственной системѣ, меркантилизмѣ и школѣ физіократовъ, и не считаю пока необходимымъ трактовать „о развитіи капитализма" въ началѣ Новой исторіи (о Карлѣ Марксѣ и его „Капиталѣ" есть у меня примѣчаніе на 212 стр.). Напрасно также г. Форстенъ увѣряетъ, будто у меня „просвѣщенный абсолютизмъ остается невыясненнымъ іероглифомъ". О немъ достаточно сказано на стр. 149—150; а, главное, онъ будетъ совершенно понятенъ ученикамъ изъ обзора дѣятельности его представителей, т.-е. Фридриха II, Іосифа II, Екатерины II и т. д. Ставится мнѣ даже въ упрекъ, что мало сказано о Тиціанѣ (хотя рецензія вообще враждебно относится къ моей характеристикѣ итальянскихъ школъ живописи). Но этотъ отдѣлъ подвергся сокращеніямъ въ позднѣйшихъ изданіяхъ. Напримѣръ, совсѣмъ были выпущены и подробности о Дюрерѣ, главномъ представителѣ германской школы живописи. Также неосновательно замѣчаніе, будто Аріосто и Тассо не были „представителями литературы возрожденія и жили уже въ эпоху его упадка".

Отзывъ рецензента о моемъ очеркѣ Французской революціи болѣе чѣмъ рѣзкій; а въ оправданіе его онъ приводитъ только то, что Тюрго и бѣгство короля отнесены къ подстрочнымъ примѣчаніямъ; да еще выставляетъ обвиненіе, что „отдѣльные моменты не выдѣлены и причины не выяснены". Отзывъ и обвиненіе совершенно голословны и произвольны; потому и говорить о нихъ не приходится. А что касается подстрочныхъ примѣчаній, г. Форстенъ указываетъ и нѣкоторыя другія подробности, туда же отнесенныя; но при семъ постоянно обнаруживаетъ, какъ невнимательно онъ читалъ мою книгу, руководясь предвзятымъ къ ней отношеніемъ. Между прочимъ онъ говоритъ что Паскаль помѣщенъ въ текстѣ, а Декартъ „попалъ" въ примѣчаніе. Это невѣрно: тотъ и другой названы въ текстѣ, а въ примѣчаніи о нихъ обоихъ сообщаются нѣкоторыя подробности. Точно такъ же невѣрно передается, будто у меня „Гете попалъ въ текстъ, а Шиллеръ въ примѣчаніе": и Гете, и Шиллеръ упомянуты въ текстѣ, и только подробности о Шиллерѣ перенесены въ примѣчаніе. Опять невѣрно сказано, будто бы третья война Людовика XIV у меня „опущена"; нѣтъ, она отнесена въ примѣчаніе (столь непріязненный къ обзору войнъ, рецензентъ тутъ неожиданно является ихъ сторонникомъ, чтобы увеличить количество возраженій). Дѣло въ томъ, что г. Форстену остались неизвѣстны перемѣны въ гимназическихъ программахъ, вызванныя въ особенности водвореніемъ классической системы, которая поглотила много учебныхъ часовъ, отнятыхъ у дру-

гихъ предметовъ. Вслѣдствіе того я въ послѣднюю эпоху принужденъ былъ не распространять свои курсы, а наоборотъ постепенно ихъ сокращать. Многое было мною отчасти выпущено, отчасти перенесено въ мелкій необязательный шрифтъ; сюда относятся и сейчасъ указанные случаи. Рецензенту осталось неизвѣстно, что програмы устраняли именно факты изъ культурной исторіи и оставляли мѣсто почти однимъ политическимъ событіямъ. Мелкій шрифтъ у меня нерѣдко служилъ для того, чтобы спасти какія-либо подробности или культурные факты отъ простого ихъ вычеркиванія. Сокращенію также подверглись курсы Древней и Средней исторіи. Добросовѣстный рецензентъ не могъ бы игнорировать это обстоятельство и совсѣмъ не брать въ расчетъ дѣйствующія програмы.

Наконецъ, по обвиненію рецензента у меня „не выяснены"... что бы вы думали? „Идеи легитимизма, романтизма, либерализма, соціализма, коммунизма"! Въ дѣйствительности объ этихъ явленіяхъ сказано для учебника достаточно, и изъ моей книги всякій ученикъ можетъ понять ихъ довольно хорошо.

Вообще г. Форстенъ въ данныхъ рецензіяхъ обнаруживаетъ смутное представленіе о задачахъ, объемѣ и характерѣ среднеучебнаго курса. Предъявленныя имъ требованія—выяснить „борьбу старыхъ и новыхъ идей", „идеи Божьяго царства, аскетизма и теократіи", „объ индивидуализмѣ", „о свободѣ личности, достигнутой долгой борьбой съ Церковью, съ феодальнымъ строемъ, съ имперіей", о Новой исторіи какъ „періодѣ развитія этого индивидуализма въ области интеллекта, вѣры и соціальныхъ отношеній"—всѣ эти фразы, съ ихъ малопонятными для учениковъ выраженіями, заставляютъ меня сомнѣваться въ полной компетентности г. Форстена по отношенію къ среднеучебному курсу. Очевидно, у него передъ глазами носится какой-то фантастическій курсъ со всѣми новомодными тенденціями и терминами. Всемірная исторія ему представляется не изображеніемъ судебъ такихъ болѣе или менѣе могучихъ организмовъ, какъ племена, государства и націи, а по преимуществу въ видѣ хитроумныхъ трактатовъ о теократіи, аскетизмѣ, феодализмѣ, индивидуализмѣ, интеллектѣ, целибатѣ, ренессансѣ, большихъ и малыхъ реформаціяхъ и революціяхъ, либерализмѣ, соціализмѣ и т. п. Онъ и не подозрѣваетъ того, что если ученикъ не прошелъ предварительно политико-фактическаго среднеучебнаго курса, то онъ ничего толкомъ не пойметъ въ этой борьбѣ идей, въ сихъ реформаціяхъ и революціяхъ. Рецензентъ не знаетъ того, что главное содержаніе сего курса должна составлять

почти элементарная (особенно послѣ отмѣны Всеобщей исторіи въ младшихъ гимназическихъ классахъ) исторія государствъ и націй, выражаемая, конечно, въ ихъ главныхъ представителяхъ. Наоборотъ, для подобныхъ мыслителей государственные дѣятели, важныя территоріальныя перемѣны, національные интересы и т. п. какъ бы имѣютъ второстепенное значеніе въ учебникѣ. Наша университетская наука страдаетъ именно одностороннимъ содержаніемъ, направленнымъ на указанные выше хитроумные трактаты, и явнымъ недостаткомъ историческаго выясненія, какъ сложилась и развивалась какая-либо культурная нація, какія были внѣшнія и внутреннія условія этого развитія, какіе интересы преслѣдовали ея государственные люди, каковы были отношенія ея къ другимъ народностямъ, и т. д. И вотъ такой-то недостатокъ національнаго элемента въ исторіи мои рецензенты проповѣдуютъ для среднеучебнаго курса, тогда какъ этотъ именно государственно-національный элементъ и долженъ въ немъ господствовать, а слѣдовательно вліять и на группировку фактовъ, т. е. на расположеніе матеріала.

Если г. Форстенъ написалъ свои рецензіи не справляясь съ дѣйствующими учебными планами и программами, то, конечно, нельзя ожидать отъ него знакомства съ литературою вопроса вообще и съ моими статьями о преподаваніи исторіи въ частности. Изъ этихъ статей укажу на одну: „Культурный и политическій элементы въ учебно-исторической литературѣ". (См. „Мелкія сочиненія"). Она оканчивается слѣдующими словами:

„Въ заключеніе позволю себѣ выразить желаніе, чтобы въ нашемъ педагогическомъ дѣлѣ возобладали простыя, здравыя и удобоисполнимыя теоріи и чтобы практика не слишкомъ съ ними расходилась. А то въ дѣйствительности нерѣдко бываетъ такъ, что рядомъ съ высокими, обширными и подчасъ противорѣчивыми требованіями уживается въ нашемъ обществѣ недостатокъ самыхъ необходимыхъ, элементарныхъ свѣдѣній".

Эти слова, написанныя пятнадцать лѣтъ тому назадъ, нисколько не утратили своего значенія для настоящаго времени и какъ нельзя лучше подтверждаются данными рецензіями, и въ особенности г. Форстеномъ. Предлагаю компетентнымъ и безпристрастнымъ читателямъ отвѣтить на естественно возникающій вопросъ: какія же серьезныя основанія представилъ г. Форстенъ въ обѣихъ его рецензіяхъ своему заключительному выводу о „рѣшительной непригодности для нашихъ гимназій" моихъ учебниковъ Средней и Новой исторіи?

Около четырехъ лѣтъ назадъ въ томъ же *Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія* была помѣщена офиціозная рецензія г. Форстена на учебникъ Новой исторіи профессора Виноградова, гдѣ онъ при всемъ своемъ деликатномъ отношеніи къ автору нашелъ возможнымъ привести болѣе тридцати замѣчаній и поправокъ. Въ октябрьскомъ № *Журнала* за прошлый 1900 годъ находимъ рецензію учебника Новой исторіи проф. Карѣева, относящуюся къ ней очень одобрительно. Г. Форстенъ въ разборѣ моей книги буквально повторяетъ отзывъ сей рецензіи и также называетъ оба учебника, гг. Виноградова и Карѣева, „цѣнными вкладами въ нашу школьную учебную литературу". А между тѣмъ большей части предъявленныхъ ко мнѣ требованій учебники эти не соотвѣтствуютъ. Рецензентъ даже отказывается входить въ обстоятельный разборъ книги г. Карѣева, оговариваясь, что „странно было бы примѣнять въ данномъ случаѣ мелочную критику мелкихъ промаховъ и погрѣшностей"; хотя тутъ же сознается, что эта книга по своему „слишкомъ большому объему" выходитъ изъ предѣловъ учебника. Несмотря на послѣднее обстоятельство, у г. Карѣева, какъ и у г. Виноградова, нѣтъ ни капуциновъ съ театинцами, ни развитія капитализма въ XVI вѣкѣ, ни выясненія несомнѣнныхъ идеаловъ Кромвеля или замысловъ Валленштейна, бóльшихъ (сравнительно съ моими) объясненій принципа политическаго равновѣсія, маккіавелизма, индульгенцій и происхожденія привилегированныхъ, почему Фридрихъ Вильгельмъ названъ „великимъ курфюрстомъ", каковы были „политическія стремленія династіи Вазовъ" или „политическія тенденціи іезуитовъ", или какъ индивидуализмъ развивался въ области интеллекта и т. д. и т. д., не говоря уже объ имѣющихся тамъ неизбѣжныхъ мелкихъ недосмотрахъ, фактическихъ и корректурныхъ; тогда какъ одна найденная въ моемъ курсѣ опечатка и та вмѣнена въ ошибку. А насколько удобно у названныхъ авторовъ расположеніе матеріала, сдѣланное отчасти въ духѣ г. Форстена, позволяю себѣ думать, что безпристрастная практика дастъ отрицательный отвѣтъ.

Кстати, по сему послѣднему поводу замѣчу о литературной сторонѣ данныхъ рецензій. Вообще эта сторона у нихъ очень слаба, а возраженія изложены довольно безпорядочно, запутанно и часто невразумительно. Пальма же первенства въ семъ отношеніи принадлежитъ г. Форстену.

Наконецъ, еще одно замѣчаніе по адресу всѣхъ моихъ рецензентовъ. Разбирая школьныя руководства, они совсѣмъ забываютъ о

существованіи школьнаго преподавателя и требуютъ всевозможныхъ объясненій и толкованій отъ книги. Какіе же размѣры она должна принять, если бы отвѣчала на всѣ эти требованія? И что въ такомъ случаѣ сталъ бы дѣлать преподаватель помимо задаванія и спрашиванія уроковъ?

Итакъ, если существуютъ другія руководства, болѣе удовлетворительныя, пусть они вытѣсняютъ меня своею собственною тяжестію, т. е. собственными достоинствами; пусть даже пользуются особымъ покровительствомъ. Я ничего не говорю противъ покровительственной системы, а возражаю только противъ запретительной.

Д. Иловайскій.

Нѣсколько словъ по поводу „отвѣта" проф. Ѳ. А. Брауна.

Въ мартовской книжкѣ *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія* за текущій годъ, стр. 218—232, проф. Браунъ помѣстилъ „отвѣтъ" на появившуюся въ февральской книжкѣ (стр. 500—527) мою рецензію его изслѣдованія о древнѣйшихъ судьбахъ готовъ. Редакція любезно предоставляетъ мнѣ право реплики на этотъ отвѣтъ, и самъ г. Браунъ нѣсколько разъ вызываетъ меня на продолженіе обмѣна мыслей по вопросамъ, которыхъ я касался въ своей рецензіи. Не отказываясь воспользоваться предоставляемымъ мнѣ отъ редакціи правомъ, позволяю себѣ откровенно высказать, что дѣлаю это неохотно. Г. Браунъ утверждаетъ, что я недостаточно ознакомился съ его книгой и заднимъ числомъ даетъ мнѣ совѣтъ, что мнѣ „не слѣдовало писать рецензію" (стр. 223). Полагаю, что г. Брауну, въ качествѣ автора того изслѣдованія, о которомъ я далъ отзывъ въ ученомъ журналѣ, не совсѣмъ удобно судить объ этомъ, а лучше предоставить это другимъ, которые не менѣе насъ съ нимъ компетентны судить по вопросамъ, трактованнымъ въ его книгѣ. Быть можетъ, сторонній читатель и не будетъ сомнѣваться въ томъ, что я внимательно изучилъ книгу г. Брауна, такъ какъ я вникалъ не только въ его выводы и положенія, но и въ самый матеріалъ, привлеченный имъ къ изслѣдованію, а также пріемы его ученой работы. Если я подвергъ сомнѣнію ученыя достоинства его труда, то это вовсе еще не значитъ, что я не умѣлъ оцѣнить ихъ, по невѣдѣнію, или невниманію. Но во всякомъ случаѣ мнѣ ясно одно, что, при такомъ отношеніи г. Брауна къ своему оппоненту, было бы

безполезно съ моей стороны продолжать разъясненіе того, о чемъ я съ полной опредѣленностью высказался въ своемъ отзывѣ, и мнѣ остается только попытаться устранить тѣ недоразумѣнія, которыя создалъ г. Браунъ своимъ отвѣтомъ. Быть можетъ, тѣмъ самымъ я посодѣйствую возстановленію истины.

Я продолжаю, конечно, думать, что разрывать связь готовъ съ Скандинавіей и искать ихъ колыбель въ сѣверныхъ предгоріяхъ нынѣшней Богеміи, какъ дѣлаетъ г. Браунъ, нельзя. Изложенные въ книгѣ г. Брауна аргументы я разобралъ въ своемъ отзывѣ; въ томъ ли это сдѣлано порядкѣ, какъ онъ то считалъ бы правильнымъ, или въ иномъ,—это въ сущности безразлично. Никакихъ новыхъ соображеній въ подтвержденіе своей гипотезы г. Браунъ въ своемъ отвѣтѣ не привелъ, кромѣ одного и то, какъ мнѣ кажется, довольно неудачнаго. Я указывалъ въ своей рецензіи, что невозможно примирить исторію готовъ, какъ ее возстановляетъ г. Браунъ, съ заселеніемъ ими острова Готланда и выражался между прочимъ такъ.—„Какимъ образомъ этотъ *континентальный* народъ могъ вдругъ проявить такую колонизаціонную дѣятельность, чтобы заселить далекій островъ, лежащій недалеко отъ совершенно чуждой ему Скандинавіи?“ (стр. 511). — На это г. Браунъ отвѣчаетъ мнѣ такъ.—„Что же касается Готланда, то позволю себѣ лишь замѣтить, что отвѣтъ на вопросъ, какимъ образомъ готы, будучи континентальнымъ народомъ, попали на этотъ островъ, весьма простъ: такимъ же точно образомъ, какимъ они впослѣдствіи предпринимали морскіе походы по Черному морю, т.-е. на лодкахъ“ (стр. 228).—Можетъ быть, г. Браунъ считаетъ подобный способъ парировать серьезныя возраженія проявленіемъ ученаго остроумія; но такъ какъ и я не допускалъ предположенія, что готовъ привелъ на островъ Готландъ новый Моисей, то его шутка ни на что не отвѣчаетъ, а только роняетъ достоинство ученаго спора.

Отрицая доказательную силу моихъ аргументовъ, г. Браунъ счелъ нужнымъ повторить то, что у него дано на 30 стр. его книги въ объясненіи имени, подъ какимъ Плиній знаетъ рѣку Прегель, Guttalus. Хотя я не давалъ этимологіи этого имени и не утверждалъ, что оно сохранило имя народа (какъ можетъ увидѣть г. Браунъ по справкѣ на 510 стр.); но я продолжаю думать, что оно подтверждаетъ отстаиваемое мною положеніе и является аргументомъ противъ г. Брауна. Такъ какъ, по его же словамъ, имя это — „правильно образованное германское отглагольное прилагательное gutals“ (стр. 227) и его

зналъ уже Плиній; то развѣ не является этотъ фактъ самымъ очевиднымъ аргументомъ противъ предположенія г. Брауна, что „не раньше второй половины I вѣка“ по Р. Х. готы подвинулись съ юга къ морю въ низовья Вислы. Или г. Браунъ, чтобы спасти свой тезисъ, сдѣлаетъ предположеніе, что не готы были первымъ германскимъ народомъ, который проникъ такъ далеко на востокъ? Никто никогда не утверждалъ, что раньше готовъ какой-то другой германскій народъ господствовалъ въ странѣ янтаря, да не откуда и взять такой народъ. Если Прегель носилъ германское имя, то дать ему его могли только готы; значитъ, они тамъ сидѣли въ пору Плинія и, конечно, не со вчерашняго дня, а быть можетъ уже въ теченіе вѣковъ.—Итакъ, не противъ меня возражалъ г. Браунъ своимъ новымъ разъясненіемъ на счетъ имени Guttalus, а противъ себя самого.

Напрасно также г. Браунъ выставляетъ противъ меня Бремера съ его теоріей о колыбели готовъ въ Гольштейнѣ. Бремера я не разбиралъ и ничего ему не возражаю. Но позволю себѣ указать, что Бремеръ не допускаетъ ни малѣйшаго сомнѣнія въ ближайшемъ родствѣ готовъ съ гаутами [1]), а тѣмъ самымъ посредственно удерживаетъ связь ихъ съ Скандинавіей; значитъ онъ далеко не союзникъ г. Брауна, какъ и въ вопросѣ объ имени Карпатъ [2]).

Не могу не отмѣтить, далѣе, не совсѣмъ мнѣ понятной манеры г. Брауна отстранять возраженія, игнорируя ихъ существо. Я противопоставилъ весьма непослѣдовательное его отношеніе къ матеріалу легендъ и сказаній. Онъ отрицаетъ существованіе всякаго историческаго зерна въ готскомъ сказаніи о ихъ выходѣ изъ Скандинавіи, сохранившееся въ отголоскѣ эпоса у Іордана, и съ другой стороны оказываетъ полное довѣріе сообщенію Геродота объ оборотняхъ — неврахъ и даетъ ему даже аллегорическое толкованіе.

Серьезность этого возраженія г. Браунъ затемняетъ такимъ образомъ.—По первому пункту онъ коротко замѣчаетъ: „Если въ каждой легендѣ искать историческаго смысла изъ за одного ея великолѣпія, то куда это приведетъ?“ (стр. 229); а второй онъ гордо отстраняетъ, называя цѣлый рядъ моихъ возраженій—„общими словами“ (стр. 232, прим. 2).—Если то, что я сказалъ на стр. 513—518, не болѣе какъ „общія слова“, а не серьезная критика ученыхъ пріемовъ автора, то о чемъ же намъ разговаривать? Значитъ г. Браунъ продолжаетъ

---

[1]) Ethnogr. d. germ. Stämme, § 85, стр. 818.

[2]) Ib. § 20, прим.

оставаться при своихъ мысляхъ, что Дарія можно водить по Скиѳіи, если уже не до Азовскаго моря, такъ до Борисѳена, что можно раздвоять вшеѣдовъ-будиновъ въ угоду сообщенію Геродота о переселеніи невровъ въ ихъ страну, аллегорически толковать змѣй, и все это съ возстановленіемъ точной хронологіи подобныхъ событій. И въ то же время нельзя искать историческаго зерна въ эпосѣ! Очевидно, мы съ г. Брауномъ стоимъ на совершенно разныхъ точкахъ зрѣнія относительно критики этого рода историческаго матеріала, и онъ хочетъ возстановить донибуровскіе методы.

Мы стоимъ гораздо ближе между собою въ отношеніи къ Птолемею, въ особенности теперь, когда г. Браунъ сталъ нѣсколько иначе смотрѣть на его источники. Повидимому, онъ уже не считаетъ болѣе правильнымъ давать Птолемею въ руки испорченный текстъ Плинія, какъ онъ дѣлалъ раньше, такъ какъ самъ замѣчаетъ, что „источниковъ Птолемея мы въ точности не знаемъ“ (стр. 230). Онъ признаетъ, что мои „возраженія, сами по себѣ, какъ разсужденія, очень вѣрны и основательны“ (стр. 229); но онъ продолжаетъ думать, что я не понялъ предлагаемаго имъ способа перевода данныхъ Птолемея на современную карту, и по прежнему устрашаетъ меня логариѳмами и масштабомъ съ циркулемъ. Нѣтъ! я понялъ этотъ методъ и потому-то именно весьма сожалѣю, что г. Браунъ такъ много потрудился надъ неблагодарной задачей перевода градусныхъ разстояній Птолемея въ стадіи и затѣмъ версты. Если мои соображенія, формулированныя въ моей рецензіи, вѣрны, то изъ нихъ слѣдуетъ съ логической необходимостью, что поступать такъ съ Птолемеемъ *невозможно*. Та предварительная работа, о которой я говорилъ на 521 стр., сдѣлана. Я могу рекомендовать ее вниманію г. Брауна, а именно: *Schwarz*, Der Geograph Claudius Ptolemaeus (*Rheinisches Museum*. 1898, стр. 258 — 274). Шварцъ избралъ именно Египетъ. Свое окончательное сужденіе онъ резюмировалъ въ такихъ словахъ. — Wir können demnach viele Distanzangaben, die wir aus Ptolemaeus gewinnen, als annähernd richtig ansehen—selbstverständlich muss jede Positionsbestimmung zuerst kritisch geprüft werden—annähernd richtig sind sie nur, weil sie (meist) zu klein oder (nur selten) zu gross sind; falsch ist demnach die landläufige Ansicht, als habe P. die von ihm bei seinen Positionsbestimmungen benutzten Land-und Seemasse um einen bestimmten Bruchtheil reducirt. Weil seine Ansätze nur annähernd richtig waren, hat er dieselben auch nur annähernd mit den ihm vorliegenden Massen in Einklang zu bringen gesucht: bei

seinen Ansätzen ist der Schematismus das Dominirende; ist die Länge beziehungsweise Breite eines Ortes mechanisch bestimmt worden, so wird die Breite bezw. Länge desselben nach dem Wegemass annähernd bestimmt; ja in Delta scheint sogar das Wegemass meist unberücksichtigt geblieben, Länge wie Breite der meisten Punkte gleichmässig schematisch bestimmt worden zu sein (стр. 274).

Если такъ обстоитъ дѣло относительно Египта и возможны такія разногласія съ итинераріями, какъ 22,2 киллометра вмѣсто 44,4 (стр. 268), или 92,6 киллометра вмѣсто 74 (стр. 269), то чего же можно ждать относительно странъ варварскихъ, гдѣ и самыя свѣдѣнія о путяхъ были ненадежны и сомнительны? Вотъ почему я считалъ нужнымъ привести изъ книги г. Брауна тотъ примѣръ, гдѣ онъ съ торжествомъ констатируетъ почти полное совпаденіе разстояній (14,4—13 верстъ, 7,1—7, 21,6—21) въ нѣдрахъ Сарматіи по рѣкѣ Каркиниту. Г. Браунъ думаетъ, что я „плохо подобралъ примѣръ". Не знаю, для кого плохо? Конечно, г. Браунъ никоимъ образомъ „не виноватъ въ томъ, что Каланчакъ течетъ не съ сѣвера, или что онъ, по крайней мѣрѣ, на картахъ нашего генеральнаго штаба подходитъ къ морю именно съ востока" (стр. 222); и я повиненъ въ ошибкѣ, когда предположилъ, что интересовавшія г. Брауна селенія расположены по одной столбовой дорогѣ къ западу; но дѣла это ни мало не спасаетъ и несоотвѣтствіе въ направленіи общей линіи этихъ поселеній съ Птолемеевыми городами по Каркиниту остается на лицо.

Что же касается до астрономической основы карты Птолемея, на которой я настаивалъ и продолжаю настаивать, то причина нашихъ недоразумѣній мнѣ теперь нѣсколько яснѣе. Я упрекнулъ г. Брауна въ томъ, что онъ не заглянулъ въ VIII книгу „Географіи" Птолемея. Изъ „отвѣта" я узналъ, что онъ „долго бился какъ разъ надъ VIII книгой, но потомъ совершенно отложилъ ее въ сторону, убѣдившись, что она рѣшительно ничего дать не можетъ, кромѣ обобщенія отношенія параллели къ меридіану 11:20" (стр. 230). Очевидно, эта неудача была причиной не отмѣченнаго мною раньше неправильнаго утвержденія на стр. 348 его книги, будто „астрономическихъ данныхъ у него (т.-е. Птолемея) не было, или вѣрнѣе, онъ имѣлъ таковыя только для двухъ пунктовъ Европы, Массиліи и Византіи". Если г. Браунъ продолжаетъ интересоваться Птолемеемъ, то онъ заглянетъ въ 23 главу I книги Птолемея, сравнитъ данныя 6 главы II книги Альмагеста, разберется въ ученіи о „климатахъ",—

тогда намъ, вѣроятно, не о чемъ будетъ спорить по этому пункту, какъ не возражаетъ мнѣ теперь г. Браунъ и на то, что Мэотида непомѣрно увеличена, благодаря не иному чему, какъ невѣрному астрономическому опредѣленію положенія города Танаида.

Мнѣ остается теперь лишь отвести упрекъ г. Брауна, будто я въ своей рецензіи искажалъ его мысли. Этотъ упрекъ сдѣланъ въ такихъ словахъ.—„Но что скажетъ свѣдущій читатель, если онъ изъ критики профессора Кулаковскаго узнаетъ, что я причисляю лангобардовъ къ восточно германскимъ племенамъ, что я оперирую съ несуществующей готской „формой hrodha“, „hrodh“, что я „по поводу непомѣрной величины Мэотиды на картѣ Птолемея серьезнымъ тономъ говорю о быстромъ обмелѣніи этого моря“. Могу увѣрить читателя, что я никогда такихъ непростительныхъ ошибокъ не дѣлалъ“ (стр. 219 — 220). —Въ этой тирадѣ, за которой слѣдуетъ не менѣе внушительное поученіе, г. Браунъ правъ только въ своемъ упрекѣ относительно ошибочнаго включенія мною въ общее перечисленіе вост. германскихъ народовъ—лангобардовъ. Что касается до hrodh— и hrodha, то формами, а не темами (какъ выражался Куникъ, *Каспій*, стр. 434) называетъ ихъ самъ г. Браунъ на стр. 5; что *dh* есть транскрипція, этого никому объяснять не надо, иначе не писали ни Васильевскій, ни Куникъ; семью строками выше я употребилъ выраженіе „постулируемая форма hrōdha“ и не прибавилъ поэтому общепринятой звѣздочки, никакъ не допуская мысли, что я когонибудь этимъ ввожу въ заблужденіе. Въ виду этого я, кажется, не нуждаюсь и въ томъ извиненіи, которое мнѣ даетъ въ примѣчаніи къ этому мѣсту отвѣта г. Браунъ. А что касается до обмелѣнія Мэотиды, то я долженъ привести цитату, которая меня оправдаетъ.

Стр. 236—„Вдаваться въ разборъ сѣвернаго побережья Азовскаго моря, мы не станемъ: это было бы совершенно безполезный трудъ. Примирить показанія древнихъ о Мэотидѣ съ современной картиной Азовскаго моря нѣтъ никакой возможности, по двумъ причинамъ.

Во-первыхъ, быстрое обмелѣніе этого моря приводитъ еще теперь, на нашихъ глазахъ, къ значительнымъ и очень замѣтнымъ измѣненіямъ береговой линіи, *особенно въ сѣверовосточной ея части* (курсивъ мой). Это явленіе было замѣчено уже древними, такъ что напримѣръ Аристотель Meteorol. 1,14,29 предвидитъ то время, когда Мэотида исчезнетъ, и Донъ будетъ впадать непосредственно въ Черное море. Но мы не можемъ даже приблизительно опредѣлить размѣры измѣненій, происшедшихъ со временъ грековъ до нашихъ дней.

„Во-вторыхъ Меотида вообще мало посѣщалась греками" и т. д. Полагаю, что я оправдался словами самого г. Брауна.

Въ заключеніе не могу не выразить сожалѣнія о томъ, что г. Браунъ далъ своему отвѣту такой неудобный для ученаго спора тонъ. Если онъ дорожитъ истиной, то ему слѣдовало принять мои возраженія, какъ поправки на поприщѣ его разысканій и изслѣдованій. Но онъ настолько обидѣлся, что даже свои собственныя слова, приведенныя мною, принялъ за обиду себѣ. Онъ сообщилъ въ предисловіи, что предполагалъ сначала дать обозрѣніе разсматриваемыхъ имъ въ этомъ I томѣ вопросовъ въ небольшой главѣ—„болѣе или менѣе компилятивнаго характера" (стр. VI). Въ заключеніе своей рецензіи я позволилъ себѣ высказать, что было бы лучше, если бы авторъ „обозрѣлъ вопросы о началахъ готовъ въ небольшой главѣ компилятивнаго характера", и поскорѣе выступилъ на поприще изслѣдованія „гото-славянскихъ отношеній", гдѣ бы онъ могъ шествовать по тому пути, который онъ считаетъ единственно надежнымъ, т.-е. лингвистики.— Приведя эти мои слова, г. Браунъ дѣлаетъ непонятное для меня замѣчаніе.—„Онъ (т.-е. я, его рецензентъ), очевидно, думалъ о своихъ „Аланахъ" (Кіевъ. 1899), книгѣ, носящей компилятивный характеръ, но весьма полезной. Но имѣю ли я право ставить кому бы то ни было въ вину, что онъ на меня не похожъ? Между тѣмъ это именно дѣлаетъ проф. Кулаковскій, хотя онъ по опыту знаетъ, что можно работать и такъ (Аланы), и иначе (Коллегія въ древнемъ Римѣ. 1882)" (стр. 224).

Совершенно не понимаю, зачѣмъ понадобилось здѣсь упоминать о моихъ „Аланахъ"—(а тѣмъ болѣе—о „коллегіяхъ")—прежде всего потому, что здѣсь допущено какое-то странное недоразумѣніе относительно общепринятаго и простого термина „компиляція". Кажется, до сихъ поръ принято было называть компиляціей изложеніе выводовъ, установленныхъ въ изслѣдованіяхъ, произведенныхъ другими. Я и полагалъ, что если г. Браунъ предполагалъ дать компилятивный характеръ обзору древнѣйшихъ судебъ готовъ, то онъ хотѣлъ представить общій обзоръ добытыхъ другими результатовъ объ исторической судьбѣ готовъ отъ начала ихъ исторіи, чтобы приступить затѣмъ къ самостоятельному изслѣдованію, на основаніи данныхъ языка, вліянія, оказаннаго готами на славянъ и прежде всего русскихъ. Такъ какъ онъ былъ бы тамъ несомнѣнно сильнѣе, чѣмъ въ вопросахъ о Геродотѣ, Птолемеѣ и судьбахъ скиѳскихъ пустынь, то я и высказалъ bona fide свое сожалѣніе, что онъ поступилъ иначе. Имѣть въ виду

своихъ „Аланъ“ я не могъ уже и потому, что это вовсе не компиляція, а самостоятельное сведеніе матеріала древнихъ писателей объ этомъ народѣ въ хронологической послѣдовательности свидѣтельствъ съ ихъ посильной критикой и освѣщеніемъ. Ставить себя въ примѣръ г. Брауну я не имѣлъ въ виду и имѣть не могъ, такъ что онъ напрасно упрекаетъ меня въ этомъ, какъ совершенно напрасно отрицается, что далъ „этимологію“ имени Торгаевка, когда сблизилъ ее съ Птолемеевымъ городомъ Τόροχχα; вѣдь именно у лингвистовъ принято называть „этимологіей“ разъясненіе происхожденія слова.

Юліанъ Кулаковскій.

Книжныя новости.

И. С. Бѣляевъ. Купеческія родословныя, какъ историческій источникъ. Чухломцы посадскіе люди Юдины. М. 1900. Стр. 44.

Вышеназванная брошюра г. Бѣляева представляетъ собою распространенный докладъ, прочитанный имъ въ Археологической комиссіи при Московскомъ Археологическомъ обществѣ о результатахъ его поисковъ въ Архивѣ министерства юстиціи, которые были предприняты имъ „по просьбѣ“ Г. В. Юдина. Послѣдній могъ назвать самаго древняго изъ своихъ предковъ Михаила, жившаго въ концѣ XVIII и въ началѣ XIX вѣка. Г-ну же Бѣляеву посчастливилось по писцовымъ книгамъ гор. Чухломы отыскать и болѣе раннихъ предковъ и старѣйшаго изъ нихъ „Ивана Июдина“, упоминаемаго подъ 1613 г. Называя потомковъ его, авторъ разсматриваемой брошюры сообщаетъ и всѣ біографическія свѣдѣнія о нихъ, которыя только ему удалось добыть. Кромѣ писцовыхъ и переписныхъ книгъ отъ пользовался ландратскими книгами, „ревизскими сказками“, документами изъ чухломскихъ: воеводской канцеляріи, уѣзднаго суда и городоваго магистрата. Въ общемъ и по темѣ, впервые затрагиваемой послѣ г. Найденова, и по матеріаламъ брошюра г. Бѣляева имѣетъ немалое историко-юридическое значеніе; но послѣднее было бы еще больше, если бы авторъ ея воздержался отъ своихъ нѣкоторыхъ „заключеній“ (какъ, напримѣръ, на стр. 43—44) и повелъ дѣло изученія источниковъ на болѣе научныхъ основаніяхъ, какъ ему справедливо замѣтилъ и рецензентъ „Вѣстника Права“ (1900 г., № 8, „Литературное Обозрѣніе“).

Кубанскій сборникъ. Труды Кубанскаго областнаго статистическаго комитета, издаваемые подъ редакціей *С. В. Руденко.* Томъ VI и VII. Екатеринодаръ. 1900.

Вышеназванный „Сборникъ“, издаваемый еще сравнительно недавно, успѣлъ уже обратить на себя вниманіе печати. Въ немъ постоянно при многочисленныхъ современно-статистическихъ данныхъ сообщались историческія, этнографическія и другія свѣдѣнія о краѣ. Точно также послѣдними богаты

и разсматриваемые нами томы и особенно VII. Изъ многихъ ихъ историко-этнографическихъ статей наибольшее вниманіе обращаютъ на себя слѣдующія. Во-первыхъ, статья Л. М. Мельникова, „Иногородніе въ Кубанской области", къ которой довольно серьезнымъ дополненіемъ являются: „Историческая справка объ иногороднихъ въ Кубанской области по документамъ, извлеченнымъ изъ дѣлъ Кубанскаго войсковаго архива" и „Историческіе документы, относящіеся къ положенію иногороднихъ въ Черноморскомъ (нынѣ Кубанскомъ) казачьемъ войскѣ", и извлеченные преимущественно изъ Кубанскаго областного архива и изъ Владикавказскаго центральнаго архива (въ VII т.). „Справка" и „Историческіе документы" составлены и собраны г. В. Шамраемъ. Затѣмъ, не безынтересна статья г. П. Короленко—„Предки кубанскихъ казаковъ на Днѣпрѣ", въ которой авторъ, считая ближайшими предками кубанскихъ казаковъ запорожцевъ, сообщаетъ о послѣднихъ, на основаніи печатныхъ источниковъ и архивныхъ матеріаловъ, не мало данныхъ за тотъ періодъ ихъ жизни, который еще „не затронутъ" историкомъ Запорожской Сѣчи, Д. И. Эварницкимъ, а именно „со времени перехода запорожскихъ казаковъ изъ подъ турецкаго владычества въ русское подданство и до раззоренія ихъ Сѣчи на Днѣпрѣ, въ 1775 году". Данныя эти касаются преимущественно правъ, какими пользовались запорожцы, ихъ службы, внутренняго распорядка и разныхъ столкновеній съ татарами, поляками и русскими поселенцами. При всемъ интересѣ и точности сообщаемыхъ авторомъ свѣдѣній, нельзя не упрекнуть его въ нѣкоторой необработанности изложенія, въ излишней мѣстами словоохотливости, въ не совсѣмъ полномъ и точномъ знакомствѣ съ печатными источниками и въ допущеніи множества опечатокъ. Цитируя, напримѣръ, слова проф. Д. И. Багалѣя, онъ неправильно пишетъ его имя—„Багалей", не называетъ сочиненія, откуда заимствуетъ свою цитату; говоря о соловецкихъ колодникахъ, не упоминаетъ обстоятельнаго очерка М. А. Колчина, „Ссыльные и заточенные въ острогѣ Соловецкаго монастыря въ XVI—XIX вѣкахъ" (въ „*Русской Старинѣ*", 1887 г.). Къ царствованію Анны Іоанновны относитъ существованіе какой-то „Конференсіи министровъ" и „Министерства" (стр. 37), вѣдавшаго сношенія съ запорожскими казаками, и проч.

Въ небольшой статейкѣ подъ заглавіемъ: „Двѣ странички изъ исторіи запорожцевъ", г. П. Короленко говоритъ о Лже-царевичѣ Симеонѣ и его сношеніяхъ съ запорожцами и о запорожцахъ при Богданѣ Хмѣльницкомъ. Въ статейкѣ собраны почти всѣ данныя изъ прежнихъ и новыхъ печатныхъ источниковъ.

Наконецъ, въ „Матеріалахъ для біографіи кошеваго атамана черноморскаго войска Захарія Алексѣевича Чепѣги", собранныхъ г. Е. Д. Фелицынымъ, находимъ новыя данныя объ этомъ весьма важномъ дѣятелѣ въ Кубанскомъ краѣ („матеріалы" составляютъ шесть грамотъ „за собственноручной подписью" императрицы Екатерины II, ордера Г. А. Потемкина, князя Прозоровскаго, Шувалова и М. Коховскаго, подорожныя, аттестаты и указы бывшаго правителя Черноморскаго войска).

Заключительными статьями того и другого изъ разсматриваемыхъ томовъ являются библіографическіе указатели литературы о Кубанской области, Кубанскомъ казачьемъ войскѣ и Черноморской губерніи по отдѣламъ: географіи, этнографіи, статистики, естествознанія, медицины, сельскаго и

городского хозяйства, промышленности и торговли. Наиболѣе полно исчерпаны тутъ, конечно, лишь мѣстныя изданія.

Памятная книжка Вятской губерніи и календарь на 1901 г. Вятка. 1900. 167+411+210 стр. Цѣна 1 р. 25 к.—Въ почтенномъ вятскомъ изданіи, вступившемъ въ 22-й годъ своего существованія, помѣщенъ, по обыкновенію, большой статистическій и справочный отдѣлъ, офиціальный отчетъ о состояніи губерніи въ 1899 г., подробный адресъ-календарь и рядъ оригинальныхъ статей, преимущественно историческаго содержанія. Изъ нихъ капитальное значеніе имѣетъ написанная А. Буевскимъ (псевдонимъ) біографія вятскаго архіепископа Алексія Титова (1719—1733 г.), тайнаго благожелателя царевича Алексѣя Петровича и перваго просвѣтителя вотяковъ, представляющая собственно вводный эпизодъ въ излѣдованіе автора о преосвященномъ вятскомъ Лаврентіи Горкѣ (см. Календари на 1899 и 1900 г.), преемникѣ архіепископа Алексія по каѳедрѣ. Какъ и все изслѣдованіе, статья блещетъ широкою начитанностью автора и щеголяетъ тщательнымъ подборомъ и тонкой оцѣнкой мельчайшихъ фактовъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и неотразимою аргументаціей. Въ высокой степени поучительна та бережность и вниманіе, съ какими г. Буевскій относится къ малѣйшимъ точнымъ фактамъ, ставшимъ ему извѣстными; оцѣнитъ эту бережность тотъ, кто знаетъ, какихъ трудовъ стоитъ собираніе подобныхъ фактовъ. Замѣтимъ въ интересахъ дѣла, что нѣкоторые дополнительные матеріалы для исторіи епископа Алексія имѣются въ дѣлахъ Кабинета Петра Великаго (Государственный архивъ). Значительная по объему статья г. Наумова: „Начало XVII вѣка въ Вятской области“ (стр. 172—220) представляетъ собою не болѣе какъ распространенный пересказъ извѣстныхъ актовъ, дополненный произвольными догадками тамъ, гдѣ не достаетъ матеріала, и вообще изложена въ духѣ старой мѣстной исторіи Васильева и Бехтерева, не имѣющей въ настоящее время никакого значенія. Очень полезна для справокъ „Хроника общественной жизни Вятской губерніи“ за 1900 годъ (стр. 167—195) и полна интереса статья г. Эргина (Ергина?) о значеніи Пермь-Котласской желѣзной дороги для Вятскаго края. Совершеннымъ балластомъ изданія является статья: „Старина, памятники, преданія и легенды Прикамскаго края“, подкупающая живостью изложенія, но крайне не строгая по отношенію къ матеріалу.

Древности. Труды Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества. Томъ XII. Москва 1900.—Какъ и предыдущій томъ, настоящій выпускъ „Древностей“, издаваемыхъ Императорскимъ Московскимъ Археологическимъ Обществомъ, заключаетъ въ себѣ главнымъ образомъ отчеты о дѣятельности Общества и протоколы его засѣданій, на этотъ разъ за 1893—1896 гг. Главнѣйшими предпріятіями Общества за это время были: устройство Виленскаго Археологическаго Съѣзда, экспедиція на Кавказъ для отысканія клинообразныхъ надписей, экспедиція Нефедова въ сѣверо-восточныя губерніи, ходатайство о передачѣ нѣкоторыхъ предметовъ изъ Архангельскаго собора въ патріаршую ризницу и въ Историческій музей и упорядоченіе библіотеки Общества. Въ 1895 г. рѣчью проф. В. Ф. Миллера почтено

было исполнившееся десятилѣтіе председательства въ Обществѣ графини П. С. Уваровой и въ томъ же году горячо привѣтствовано назначеніе ея почетнымъ членомъ Императорской Академіи Наукъ. Въ приложеніяхъ къ протоколамъ имѣютъ наибольшій интересъ представленныя графинею Уваровою обозрѣнія нѣкоторыхъ западно-европейскихъ памятниковъ древности (особенно же описаніе коллекцій Бреславльскаго музея и изданій Тріестскаго ученаго общества) и попытка г. Иванова событія половецкаго похода 1185 г. пріурочить не къ южной, а къ сѣверной части степи. Внѣ протоколовъ помѣщена лишь одна статья, именно отчетъ г. Городцова объ археологическихъ изслѣдованіяхъ, производонныхъ по порученію Общества въ долинѣ р. Оки въ 1897 г. (стр. 1—37). Важнѣйшія раскопки произведены были въ Бѣлевскомъ уѣздѣ Тульской губерніи на Ѳедяшевскомъ городищѣ и въ курганахъ той же мѣстности. Городище дало небольшое собраніе вещей, которыя указали на одновременность его культуры съ древностями извѣстнаго Дьякова городища подъ Москвою. Весьма интереснымъ оказался валъ городища. Онъ былъ сооруженъ на двухъ небольшихъ валахъ, укрѣпленныхъ настилкою изъ камней, и состоялъ изъ нѣсколькихъ слоевъ обожженной глины. Въ Россіи укрѣпленія такого типа встрѣчены еще впервые. Не можемъ согласиться съ опредѣленіемъ времени Ѳедяшевскаго городища, даннымъ г. Городцовымъ (VI вѣка), и относимъ его приблизительно къ VIII вѣку; точно также не можемъ согласиться съ мнѣніемъ изслѣдователя о непрерывномъ обитаніи городища до сравнительно поздней поры. Изслѣдованные г. Городцовымъ курганы, по всей вѣроятности, относятся къ древнѣйшей культурѣ городища. Въ нихъ оказались остатки трупосожженій, помѣщенные въ насыпяхъ необыкновеннымъ, до сихъ поръ не наблюдавшимся пріемомъ: остатки сожженія сложены въ большихъ деревянныхъ ящикахъ, устроенныхъ подъ насыпями на материкѣ и имѣвшихъ заложенное камнями отверстіе наружу, чрезъ которое можно было туда же помѣщать новыя погребенія. Въ одномъ изъ кургановъ сожженныя кости помѣщались въ сосудѣ, покрытомъ значительною пирамидою изъ камней, въ другомъ найдена какая-то огромная глиняная чаша или прямо бассейнъ, прикрытый накатомъ изъ бревенъ и слоемъ обожженной глины. Жаль, что къ отчету г. Городцова не приложено рисунковъ разрѣза вала Ѳедяшева городища и изображеній найденныхъ въ курганахъ вещей, тѣмъ болѣе важныхъ, что ихъ немного. Любопытно описанное въ статьѣ г. Городцова Муроминское городище, оригинальной формы. Это небольшой городокъ, расположенный на краю обрыва и огражденный съ другой стороны тремя спускающимися внизъ полукруглыми валами. Такихъ городищъ въ долинѣ р. Оки извѣстно уже нѣсколько. Время и назначеніе ихъ остаются неизвѣстными. Томъ заканчивается протоколами комиссіи по сохраненію древнихъ памятниковъ, за тѣ же 1893—1896 гг.

Списокъ книгъ, поступившихъ въ редакцію *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія* въ теченіе марта и апрѣля мѣсяцевъ 1901 г.

— *Израилевъ, Аристархъ.* Протоіерей. Ростовскій Ярославской губерніи Рождественскій третьеклассный женскій монастырь. С.-Пб. 1899. 31 стр.

— *Шпилевскій, С. М.* Великій князь смоленскій и ярославскій Ѳе-

доръ Ростиславичъ Черный. Рѣчь въ день шестисотлѣтія годовщины смерти Θедора, 19-го сентября 1899 г. Изданіе Ярославской губернской ученой архивной комиссіи. Ярославль 1899. 33 стр. Цѣна 25 к.

— Матеріалы для каталога Пушкинской юбилейной выставки въ городѣ Ярославлѣ 26-го—28-го мая 1899 г. Изданіе Ярославской ученой архивной комиссіи. Ярославль 1899. 49 стр. Цѣна 30 коп.

— Ярославская губернская ученая архивная комиссія. Засѣданіе 14-го ноября 1899 г. въ день завершившагося десятилѣтія дѣятельности комиссіи. Ярославль 1899. 28 стр.

— Отчетъ о дѣятельности Ярославской губернской ученой архивной комиссіи за 1899 г. Ярославль 1900. 31 стр.

— Труды Ярославской губернской ученой архивной комиссіи. Книга 3-я. Выпускъ первый. Подъ общей редакціей предсѣдателя комиссіи *Э. Н. Берендтса.* Ярославль 1899. III+301 стр.

— *Бокъ, К. Э.,* проф. Книга о здоровомъ и больномъ человѣкѣ. Настольная книга и руководитель семьи. Переводъ съ нѣмецкаго подъ редакціей доктора *С. Б. Орѣчкина.* Съ многими политипажами и таблицами въ краскахъ. Томъ II. Половина I. С.-Пб. 1899. Отъ 641 до 960 стр. Томъ II. Половина II. (Конецъ). С.-Пб. 1900. II+отъ 961 до 1276 стр. Цѣна по подпискѣ за 4 полутома 4 р. (Изданіе *Ф. В. Щепанскаго*).

— Древности. Труды Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества, изданные подъ редакціей *В. К. Трутовскаго.* Томъ восемнадцатый съ 1 фототипической таблицей и 8 рисунками въ текстѣ. Москва 1901. IV+285+XXVI.

— *Gebauer, Jan.* Slovník staročeský. Vydávají česká Akademie císaře Františka Josefa pro vědy, slovesnost a umění a česká grafická společnost „Unie". V Praze 1901. Nákladem české grafické společnosti „Unie", Sešit 1. Cena K. 4.

— Человѣкъ и животныя. Ежемѣсячный и иллюстрированный журналъ. Годъ 1-й, № 1. Январь 1901 г. С.-Пб. 1901.

— Отчетъ о дѣятельности комиссіи народныхъ чтеній при Русскомъ литературномъ кружкѣ въ гор. Ригѣ за 1899—1900 годъ (9-й годъ). Рига 1900. 32 стр.

— *Розановъ, В. В.* Въ мірѣ не яснаго и не рѣшеннаго. С.-Пб. 1901. 271 стр. Цѣна 1 р. 50 к.

— *Бёклей, А.* Жизнь и ея дѣти. Москва 1901. VIII+295 стр. Цѣна 2 р. Изданіе *М.* и *С. Сабашниковыхъ.*

— *Гурляндъ, И. Я.* Акты города Романово-Борисоглѣбска, 1627—1690 г. Ярославль 1901. IV+36 стр. Цѣна 30 коп.

— *Его же.* Акты Романовской Ямской слободы 1587—1707 гг. Ярославль 1901. IV+45 стр. Цѣна 50 коп.

— *Его же.* Роспись какіе города въ какомъ приказѣ вѣдомы. (Матеріалы для исторіи приказовъ XVII вѣка). Ярославль 1901. 9 стр. Цѣна 15 к.

— Отчетъ Одесской городской публичной библіотеки за 1900 г. 70-й годъ существованія. Одесса 1901.

— *Успенскій, Ѳ. И.* Исторія крестовыхъ походовъ. Изданіе Акціонернаго Общества „Брокгаузъ-Ефронъ". С.-Пб. 1901. 169 стр. Цѣна 75 коп. (Исторія Европы по эпохамъ и странамъ въ средніе вѣка и новое время. Изданіе подъ редакціей *Н. И. Карѣева* и *И. В. Лучицкаго*).

— *Корелинъ, М. С.* Паденіе античнаго міросозерцанія. (Культурный кризисъ въ Римской Имперіи). Изданіе 2-е. Изданіе Акціонернаго Общества „Брокгаузъ-Ефронъ". С.-Пб. 1901. VIII+169 стр. Цѣна 75 коп. (Исторія Европы по эпохамъ и странамъ въ средніе вѣка и въ новое время. Изданіе подъ редакціей *Н. И. Карѣева* и *И. В. Лучицкаго*).

— *Карѣевъ, Н.* Письма къ учащейся молодежи о самообразованіи. Изданіе 7-е. С.-Пб. 1901. V+169 стр.

— Отчетъ государственныхъ сберегательныхъ кассъ за 1899 г. С.-Пб. XXXI+129 стр.

— *Васильевъ. А.* Университетъ и національное воспитаніе. Казань 1901. 13 стр.

— *Пергаментъ, О. Я.* Приданое по бессарабскому праву. Опытъ комментарія законовъ Арменопула и Донича. Одесса 1901. 145 стр. Цѣна 1 р. 50 к.

— Памятная книжка Кіевскаго учебнаго округа на 1901 годъ. Часть I. Кіевская губернія. XII+241+71 стр. Часть II. Подольская губернія. XII+140 стр. Часть III. Волынская губернія. XII+197 стр. Часть IV. Черниговская губернія. XII+253 стр. Часть V. Полтавская губернія. XII+328 стр. Изданіе Управленія учебнаго округа. Кіевъ 1901.

— Краткій отчетъ о состояніи Уральскаго войсковаго реальнаго училища за 1899—1900 учебный годъ. Казань 1901. 26+63 стр.

— *Васильевъ, А. А.* Византія и арабы. Политическія отношенія Византіи и арабовъ за время аморійской династіи. С.-Пб. 1900. XI+210+182 стр.

— *Мсеріанцъ, Левонъ.* Этюды по армянской діалектологіи. Часть II, выпускъ I. Сравнительная морфологія мушскаго діалекта въ связи съ морфологіей грабара и средне-армянскаго. Москва 1901. XXI+186 стр.

— Арабъ филологъ о турецкомъ языкѣ. Арабскій текстъ издалъ и снабдилъ переводомъ и введеніемъ *П. М. Меліоранскій.* С.-Пб. 1900. LXXXIV+122+85 стр. Цѣна 3 р.

— Труды Пермской ученой архивной комиссіи. Издаются подъ редакціей *А. А. Дмитріева.* Выпускъ IV. Пермь 1901. 160 стр.

— *Скотакъ, А.* Гимнастическія игры. Руководство для веденія подвижныхъ игръ въ учебныхъ заведеніяхъ. Съ 70-ю рисунками. Тифлисъ 1901. VIII+267 стр. Цѣна 1 р. 20 к.

— *Дебольскій, В. Н.* Духовныя и договорныя грамоты московскихъ князей, какъ историко-географическій источникъ. С.-Пб. 1901 35 стр.

— Девятнадцатый вѣкъ. Обзоръ науки, техники и политическихъ событій. Подъ редакціей *М. М. Филиппова* съ 300 портретами выдающихся ученыхъ, литераторовъ, художниковъ, композиторовъ и государственныхъ дѣятелей. С.-Пб. 1901. 425+XIX стр. Цѣна 2 р.

— Сообщенія Императорскаго Православнаго Палестинскаго Общества. Ноябрь—декабрь 1900 г. Съ 643—765 стр. Томъ XI, приложенія, 233 стр. С.-Пб. 1901.

— Сирія, Ливанъ и Палестина по В. Кюппе. Выпускъ III. Сирійскій вилаетъ. С.-Пб. 1900. 151 стр. (Изданіе Императорскаго Православнаго Палестинскаго Общества).

— *Мережковскій, Д. С.* Христосъ и антихристъ въ русской литературѣ. Л. Толстой и Достоевскій. Изданіе журнала „Міръ Искусства". С.-Пб. 1901. 367 стр. Цѣна 2 р. 50 к.

— *Герцъ, К. К.* Собраніе сочиненій, изданное Императорскою Академіею Наукъ на средства капитала имени проф. К. К. Герца. Выпускъ 9-й: критическія и библіографическія статьи. С-.Пб.

— *Шмидъ, Г. К.* Иванъ Бохъ въ Москвѣ въ 1578 году. С.-Пб. 1901. 9 стр. Цѣна 20 к. (Записки Императорской Академіи Наукъ по историко-филологическому отдѣленію. Томъ V, № 3).

— *Westberg, Friedrich.* Die Fragmente des Thopaκoba Goticus (Anonymus Tauricus) aus dem 10 Jahrhundert. Mit 10 Tafeln. С.-Пб. 1901. 126 стр. Цѣна 1 р. 50 коп. (Записки Императорской Академіи Наукъ по историко-филологическому отдѣленію. Томъ V, № 2).

— *Belopolsky, A.* Bearbeitung der in Pulkovo erhaltenen Spectrogramme von dem Spectral-doppelstern L' Geminorum. Mit 3 Holzschnitte. С.-Пб. 1900. 111 стр. Цѣна 2 р. (Записки Императорской Академіей Наукъ по физико-математическому отдѣленію. Томъ XI, № 4).

— *Кулябко, А. А.* Къ ученію о контрактурѣ, съ 2-мя таблицами міограммъ. С.-Пб. 1901. 30 стр. Цѣна 1 р. (Записки Императорской Академіи Наукъ по физико-математическому отдѣленію. Томъ XI, № 5).

— *Ярмонкинъ, В.* Письма идеалиста. Девятое письмо. С.-Пб. 1901. Отъ 275—292 стр.

— Положеніе 1874 года о начальныхъ народныхъ училищахъ въ связи съ инструкціей инспекторамъ 1871 г., проектомъ наказа училищнымъ совѣтамъ и нѣкоторыми другими законоположеніями. С.-Пб. 1901. 166 стр. Цѣна 1 рубль.

— Отчетъ по Минусинскому мѣстному музею и общественной библіотекѣ за 1900 г. Минусинскъ 1901. 33 стр.

— Каталогъ библіотеки Минусинскаго музея. Сибирскій отдѣлъ. Sibirica. Красноярскъ 1901. 82 стр.

— *Musić, d-r, August.* Rečenice s konjunkcijom „da" u hrvatskom jeziku. (Preštampano iz 142 knjige „Rada" Jugoslavenske akademije znanosti i umjetnosci). U Zagrebu. 125 стр.

— Лѣтнія колоніи московскихъ городскихъ начальныхъ училищъ. Отчетъ 1900 г., съ приложеніями. Москва 1901. 61 стр.

— Отчетъ Московскаго Публичнаго и Румянцевскаго музеевъ за 1900 г., представленный и. д. директора музеевъ г. министру народнаго просвѣщенія. Москва 1901. 87+4 стр.

— Общество для доставленія средствъ Высшимъ Женскимъ Курсамъ. (Основано 4-го октября 1878 г.). Отчетъ за 1899—1900 г. С.-Пб. 1900. 132 стр.

— Отчетъ Воронежской публичной библіотеки и ея филіальныхъ отдѣленій имени А. В. Кольцова и И. С. Никитина въ Воронежѣ и отдѣленіяхъ въ гор. Бобровѣ за 1900 г. 37-й годъ существованія. Воронежъ 1901. 39+22 стр.

— *Герасимовъ, А. Г.* Подарокъ неизгланнаго нева „рожок—сам—гудок" или новыя пѣсни, новыя рѣчи, новая грамота. Москва 1901. 73 стр. Цѣна 50 коп.

— *Локіеръ Н.* Спектроскопъ и его примѣненія. Общедоступное введеніе въ спектральный анализъ. Переводъ *С. Займовскаго.* Редактировалъ и дополнилъ очеркомъ „О новѣйшемъ развитіи спектральныхъ изслѣдованій". *В. А. Михельсонъ.* Съ 85 рис. въ текстѣ и тремя цвѣтными спектральными таблицами. Москва 1901. XX+230 стр. Цѣна 1 р. 75 к. Изданіе Товарищества *И. Д. Сытина.* (Библіотека самообразованія. XXI).

— *Лоренцъ, Г.* Элементы высшей математики. Основанія аналитической геометріи, дифференціальнаго и интегральнаго исчисленій и ихъ приложеній къ естествознанію. Переводъ съ дополненіями, измѣненіями и историческимъ очеркомъ развитія математическаго анализа *В. П. Шереметевскаго.* Томъ второй. Москва 1901. XXII+595 стр. Цѣна 2 р. 50 коп. (Библіотека для самообразованія. XIV).

— *Карѣевъ, Н. И.* Учебная книга древней исторіи съ историческими картами. С.-Пб. 1901. 309 стр. Цѣна 1 р. 20 коп.

НАША УЧЕБНАЯ ЛИТЕРАТУРА [1]).

А. Я. Гердъ. Учебникъ географіи. Части вторая и третья. Азія, Африка. Америка и Австралія. Изданіе второе, исправленное. Съ 12-ю картами и 72 рисунками въ текстѣ. Спб. 1899. Стр. II+218+III. Цѣна 1 рубль.

Въ новомъ изданіи учебника А. Герда внѣевропейскимъ странамъ удѣляется *одна* книжка, а не двѣ, какъ раньше. Соединеніе обѣихъ частей произведено чисто механически: части свѣта обозрѣваются не въ томъ порядкѣ, который показанъ на заглавной страницѣ, а такъ же, какъ и въ первомъ изданіи: послѣ Азіи—Австралія; даже оглавленіе перепечатано безъ перемѣнъ, вслѣдствіе чего въ немъ опущенъ заголовокъ „Азія". Въ содержаніи, сравнительно съ первымъ изданіемъ, немного перемѣнъ; текстъ нигдѣ не подвергнутъ сокращеніямъ и остается попрежнему слишкомъ обширнымъ для прохожденія въ теченіе одного года при двухъ недѣльныхъ урокахъ: въ первомъ изданіи было 98 + 124 стр., въ новомъ—218 страницъ, т. е. почти ровно столько же; разница въ 4 страницы объясняется иною версткою.

Бóльшая часть текста перепечатана съ перваго изданія строчка въ строчку. Поэтому говорить объ этомъ изданіи, какъ о новой работѣ, совершенно невозможно. Остались всѣ тѣ достоинства и недостатки, которыми и раньше отличался учебникъ А. Я. Герда: тотъ же хорошій языкъ въ изложеніи и то же многословіе, то же чрезмѣрное количество естественно-историческаго матеріала, то же обиліе отступленій историческаго, лингвистическаго и политическаго характера, которыя замѣчались въ предыдущемъ изданіи. Остались и всѣ тѣ мелкія погрѣшности, которыя были указаны въ отзывахъ о первомъ

[1]) Помѣщенныя здѣсь рецензіи имѣлись въ виду ученымъ комитетомъ министерства народнаго просвѣщенія.

изданіи. Перечисленіе и описаніе растеній и животныхъ занимаетъ очень много мѣста: въ общемъ очеркѣ Азіи (съ рисунками) 11 страницъ, при чемъ, кромѣ того, нѣкоторые очерки о флорѣ и фаунѣ повторяются и при обзорѣ отдѣльныхъ государствъ Азіи. Свѣдѣнія эти нерѣдко очень подробны, напримѣръ:

На стр. 9 и 104 разсказывается о томъ, какими рождаются дѣтеныши у сумчатыхъ животныхъ.

На стр. 106 говорится о вылупливаніи и вскармливаніи дѣтенышей у птицезвѣрей.

Во всѣхъ обзорахъ флоры и фауны даются описанія внѣшности и образа жизни животныхъ и т. д.

Наряду съ естественно-историческими свѣдѣніями очень много свѣдѣній собственно историческихъ: цѣлая страница (69) удѣлена обзору отношеній Японіи къ европейцамъ, въ обозрѣніи Америки разсказывается о ходѣ заселенія страны съ хронологическими данными (стр. 197), говорится объ ацтекахъ и Кортесѣ (стр. 207), объ инкахъ и Пизарро (стр. 215), объ индо-европейцахъ сообщается (стр. 35), что они сначала кочевали на Памирѣ и говорили по-санскритски(?!). По поводу австралійцевъ имѣется лингвистическое отступленіе объ обозначеніи ими именъ числительныхъ (стр. 113).

Сверхъ того, встрѣчаются свѣдѣнія по исторіи географіи, какъ-то: указанія на научныя экспедиціи, замѣчательныя путешествія и т. п. Такъ, напримѣръ:

На стр. 16 говорится о французской экспедиціи по р. Камбоджѣ.

На стр. 65 упоминается Марко Поло.

На стр. 193 говорится о Мэкъ-Клюрѣ и т. д.

Конечно, всѣ эти упоминанія небезполезны, но именно они увеличиваютъ объемъ учебника и отвлекаютъ вниманіе учениковъ отъ географическаго матеріала, который, прежде всего, подлежитъ изученію.

Неумѣстны также въ учебникѣ ссылки на мнѣнія того или иного ученаго, напримѣръ:

На стр. 90 въ обязательномъ текстѣ дѣлается ссылка на сочиненія Уэлеса (Уоллеса).

Геологическія свѣдѣнія въ учебникѣ А. Я. Герда приводятся иногда слишкомъ рѣшительно, а иногда въ такой формѣ, что могутъ затруднить не только ученика, но и учителя. Такъ, напримѣръ:

На стр. 12 говорится объ измѣненіи климата Африки въ теченіе „историческаго времени“. Въ данномъ случаѣ терминъ „историческое

время" для 11—12-тилѣтнихъ учениковъ непонятенъ; кромѣ того, по поводу этихъ измѣненій о высохшемъ морѣ авторъ, на стр. 12, переводитъ названіе „Ханъ-хай"—восточное море, а на стр. 54 — высохшее море.

Также непонятно указаніе, хотя и въ примѣчаніи на стр. 203, на „одну изъ сравнительно недавнихъ геологическихъ эпохъ".

Сохранились въ новомъ изданіи не однѣ лишь общія несообразности, но и мелкія ошибки перваго изданія:

Стр. 4—5—мысъ Телушкинъ вмѣсто Челюскинъ.

Стр. 5—Таймурскій полуостровъ вмѣсто Таймырскій.

Стр. 79—Гайдерабадъ или Низамъ, но низамъ есть титулъ раджи Гайдерабада, а не второе названіе города и т. п.

Удержаны и малопоучительные анекдотическіе факты, какъ, напримѣръ, о зубѣ Будды (стр. 84).

Во второмъ исправленномъ изданіи встрѣчается много мѣстъ, доказывающихъ, что исправитель книги не имѣлъ никакого понятія объ учебныхъ потребностяхъ среднихъ учебныхъ заведеній; такъ, напримѣръ, всѣ измѣренія земной поверхности обозначены въ неудобныхъ для запоминанія квадратныхъ километрахъ, а всѣ обозначенія вертикальныхъ протяженій приводятся попрежнему въ футахъ, саженяхъ и верстахъ. Цифры для городовъ приводятся съ точностью до единицъ.

Далѣе, вмѣсто того, чтобы сократить излишнія историческія данныя перваго изданія, исправитель еще болѣе расширилъ ихъ и придалъ имъ характеръ разъясненія политическихъ отношеній державъ.

Особенно характерна прибавка на стр. 71, гдѣ говорится, что послѣ войны 1894—95 г. „благодаря вмѣшательству европейскихъ державъ: Россіи, Франціи и Германіи, Японія не получила ничего, кромѣ контрибуціи и острова Формозы". Къ чему такія свѣдѣнія ученикамъ II класса?

Японцамъ вообще посчастливилось въ новомъ изданіи: объ успѣхахъ ихъ въ усвоеніи европейской культуры и о конституціи у нихъ говорится въ двухъ мѣстахъ, на стр. 38 и 69—70 новаго изданія, о взятіи ими Формозы на стр. 66—71.

Въ обзорѣ Африки исправлены или вѣрнѣе подновлены нѣкоторыя свѣдѣнія изъ политической географіи, но и здѣсь есть странности. Напримѣръ:

На стр. 151 сказано: „Въ настоящее время англо-египетское войско уже осадило Хартумъ". Къ чему было упоминать въ учебникѣ о фактѣ еще не выяснившемся въ моментъ печатанія книги?

Какъ видно изъ вышеуказанныхъ фактовъ, исправленіе учебника А. Я. Герда не можетъ считаться работою законченною съ появленіемъ второго изданія. Тѣ исправленія, которыя мы находимъ въ настоящемъ изданіи, не заслуживаютъ того, чтобы ихъ можно было назвать улучшеніемъ учебника. Всѣ недостатки, которыми учебникъ отличался раньше, сохранились и теперь.

Къ этому надо прибавить, что книга напечатана недостаточно четкимъ шрифтомъ.

1) Краткая нѣмецкая грамматика. Элементарный курсъ. Составилъ *И. Бахъ*. Kurzgefasste deutsche Grammatik. Elementar—Kursus. Bearbeitet und mit Übungsaufgaben versehen von *I. Bach*. Riga. 1900. Стр. VII + 76. Цѣна въ папкѣ 30 коп.

2) Нѣмецкая книга для чтенія въ школѣ и дома. Сост. *И. Бахъ*. Deutsches Lesebuch für Schule und Haus. Herausgegeben und mit Übungsaufgaben versehen von *I. Bach*. Erster Teil, die Fibel. Zweite Auflage. Riga. 1900. Стр. 48. Цѣна въ папкѣ 20 коп.

3) То же. Zweiter Teil. Zweite erweiterte Auflage. Riga. Стр. IV + 170. Цѣна въ папкѣ 45 коп.

1) Изъ предисловія къ первой изъ вышепоименованныхъ книжекъ мы усматриваемъ, что она авторомъ предназначается не только для низшихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній, но также для начальныхъ школъ. Въ виду этого послѣдняго обстоятельства и принимая во вниманіе, что многіе ученики въ начальной школѣ заканчиваютъ свое образованіе, авторъ нашелъ нужнымъ представить въ своей краткой нѣмецкой грамматикѣ „нѣчто цѣльное и законченное, дабы ученикъ вынесъ изъ школы не безсвязныя понятія, но систематическія, хотя и краткія грамматическія познанія". Для этой цѣли въ предлагаемомъ учебникѣ и сообщается, хотя въ сокращенномъ видѣ, главное изъ грамматики, т. е., ученіе о предложеніи, о частяхъ рѣчи и о словообразованіи. Болѣе подробно разсматриваются лишь глаголъ и имя существительное, такъ какъ, по мнѣнію составителя краткой грамматики, правильное знаніе нѣмецкаго языка требуетъ болѣе основательнаго знакомства съ формами именно этихъ частей рѣчи. Планъ, котораго, въ отличіе отъ большинства издаваемыхъ въ настоящее время школьныхъ грамматикъ, держался авторъ при составленіи своего учебника, состоитъ, главнымъ образомъ, въ томъ, что этимологія и синтаксисъ разсматриваются не отдѣльно, но посколько возможно, въ связи между собою. Такому пріему авторъ приписываетъ большое значеніе съ одной стороны потому, что

слово, какъ онъ говоритъ въ предисловіи къ своему труду, получаетъ свое значеніе только въ предложеніи, а съ другой стороны самое преподаваніе по этому методу будетъ болѣе оживленнымъ и успѣшнымъ и предохранитъ ученика отъ чисто механическаго заучиванія грамматическихъ правилъ. Такой взглядъ автора на методъ преподаванія грамматики въ начальной школѣ, а также и въ низшихъ классахъ среднихъ учебныхъ заведеній, мы находимъ вполнѣ правильнымъ. Далѣе, грамматическія правила, которыя необходимо знать ученику, въ учебникѣ г. Баха выводятся изъ примѣровъ, всегда вполнѣ доступныхъ пониманію учениковъ. Кромѣ этихъ примѣровъ и выводимыхъ изъ нихъ грамматическихъ правилъ, въ книжкѣ даются задачи и упражненія, содержащія практическое примѣненіе выведенныхъ правилъ и служащія къ закрѣпленію этихъ послѣднихъ.

Наконецъ, чтобы преподаваніе нѣмецкой грамматики могло бы вестись по возможности параллельно съ преподаваніемъ русской, къ нѣмецкимъ названіямъ (т. е. грамматическимъ терминамъ) прибавлены соотвѣтствующія имъ русскія выраженія.

Книжка вообще составлена весьма тщательно и по хорошо продуманному плану.

Содержаніе книжки въ общемъ усматривается изъ названій главнѣйшихъ частей, на которыя раздѣляется весь заключающійся въ ней грамматическій матеріалъ. Названія эти слѣдующія:

Erster Teil. Wort — und Satzlehre. Erster Abschnitt. I. Die Bestandteile der Sprache und das Hauptwort. II. Bildung des Satzes und die wichtigsten Formen desselben. III. Die Formen des Zeitwortes. Zweiter Abschnitt. I. Die Deklinationsformen des Hauptwortes und des persönlichen Fürwortes. II. Der erweiterte einfache Satz. III. Der zusammengezogene und verkürzte Satz. IV. Wiederholende Betrachtung des einfachen Satzes. Dritter Abschnitt. Der zusammengezogene Satz. Zweiter Teil. Wortbildungslehre.

Внѣшняя сторона книжки вообще вполнѣ удовлетворительна: бумага хороша, печать чистая и отчетливая и только мѣстами слишкомъ мелкая. Этотъ недостатокъ необходимо устранить въ слѣдующихъ изданіяхъ.

2 и 3) Что же касается второй и третьей изъ вышепоименованныхъ книжекъ, изданныхъ г. Бахомъ, а именно 1-й и 2-й части составленной имъ „Нѣмецкой книги для чтенія въ школѣ и дома“, то слѣдуетъ сказать, что и онѣ отличаются тою же строгою системою,

на которую мы нашли нужнымъ указать при разборѣ „Краткой нѣмецкой грамматики“ того же автора.

Первую часть своей „нѣмецкой книги“ авторъ самъ называетъ „азбукой“ или „Lesefibel“. Цѣль ея, какъ сказано въ предисловіи къ книжкѣ, усвоеніе ученикомъ нѣмецкаго чтенія и письма „самымъ легкимъ и краткимъ путемъ“.

Въ весьма сжатой формѣ, но тѣмъ не менѣе съ строгой послѣдовательностью, „азбука“ знакомитъ ученика со строчными и прописными буквами, сперва съ нѣмецкимъ, а затѣмъ и съ латинскимъ письмомъ, избѣгаются при этомъ всякія безсмысленныя звуковыя сочетанія. Сперва ученику предлагаются слова, а затѣмъ ему даются цѣлыя, доступныя по содержанію, небольшія предложенія, какъ только пройденныя буквы дадутъ необходимый для того матеріалъ. Такимъ образомъ всѣ упражненія въ чтеніи и письмѣ ведутся всегда одновременно. При этомъ соблюдается, чтобы слова, предложенія, описанія и разсказы содержали только тѣ буквы, которыя ученику уже извѣстны или изъ читаемаго или изъ предыдущихъ параграфовъ.

Начиная со второй ступени (стр. 16), за каждымъ упражненіемъ для чтенія и письма и за всѣми статейками, заключающими въ себѣ маленькіе и вполнѣ доступные пониманію учениковъ разсказы, какъ въ прозѣ, такъ и въ стихахъ, слѣдуютъ такъ называемыя „задачи, Aufgaben“, т. е. цѣлый рядъ вопросовъ, взятыхъ изъ прочитанной статьи, на которые ученики должны представить отвѣты, сперва устные, а потомъ и письменные, но всегда въ полныхъ предложеніяхъ, заключающихъ въ себѣ и вопросы.

Отъ времени до времени, подъ чертой, къ соотвѣтствующему тексту даются и нѣкоторыя грамматическія правила въ простѣйшей формѣ.

Вторая часть „нѣмецкой книги“ г. Баха составляетъ, какъ говоритъ самъ авторъ, непосредственное и постепенное продолженіе первой части, т. е. „азбуки“ или „Lesefibel“.

Предлагаемый въ этой части текстъ состоитъ исключительно изъ небольшихъ связныхъ статей, т. е. изъ довольно большого числа (213) легкихъ по содержанію и изложенію разсказовъ, стихотвореній и описаній, знакомящихъ дѣтей „съ окружающей ихъ средой и жизнью и направляющихъ ихъ взоры на Бога, природу и отечество“. И здѣсь, отъ времени до времени, повторяются вышеуказанныя задачи съ наводящими вопросами, имѣющими цѣлью облегчить ученику письменное изложеніе прочитаннаго.

Выборъ статей, какъ прозаическихъ, такъ и стихотворныхъ, можно

назвать вполнѣ удачнымъ. Большая часть ихъ принадлежитъ перу извѣстныхъ въ дѣтской литературѣ нѣмецкихъ писателей, и всѣ онѣ какъ по содержанію, такъ и по формѣ вполнѣ доступны тому возрасту, для котораго онѣ предназначаются авторомъ.

Внѣшняя сторона книжекъ вполнѣ безукоризненна: бумага хороша, шрифтъ отчетливый и крупный, опечатокъ нами почти не замѣчено.

Изданіе *О. Н. Поповой*. Образовательная Библіотека, серія третья (1899), №№ 8 — 9. *М. Тихвинскій*. Методъ и система современной химіи. II+XII+340 стр. С.-Петербургъ. 1900 г. Цѣна 2 руб.

Какъ видно изъ предисловія, авторъ поставилъ себѣ задачу выяснить роль и степень достовѣрности химическихъ доктринъ, и указать то, что въ этихъ доктринахъ заключается незыблемаго, отличить его отъ преходящаго и способнаго къ измѣненію. Для достиженія такой цѣли авторъ раздѣлилъ всю книгу на двѣ части, изъ которыхъ первая содержитъ общія основы химіи, т. е. часть теоретическую этой науки, а вторая—часть описательную.

Первая часть занимаетъ 118 стр., раздѣленныхъ на 5 главъ, въ которыхъ разсмотрѣны слѣдующіе вопросы:—основныя химическія понятія, законы взаимодѣйствія тѣлъ, характеристика трехъ состояній матеріи, представленіе о строеніи матеріи, химическій процессъ и, наконецъ, классификація химическихъ соединеній. Въ этой части, какъ видно изъ этого перечня, разсмотрѣны многіе вопросы, относящіеся къ физикѣ, но въ то же время лежащіе въ основаніи тѣхъ теоретическихъ представленій, на которыхъ построена современная химія.

Вторая часть, описательная, раздѣлена на XV главъ. Она вполнѣ имѣетъ характеръ краткаго учебника химіи, въ которомъ болѣе или менѣе обычнымъ способомъ послѣдовательно разсмотрѣны различные элементы и ихъ соединенія. Эта вторая часть не вызываетъ какихъ-либо особыхъ замѣчаній. Авторъ, спеціалистъ по химіи, очевидно прекрасно знакомъ со своимъ предметомъ, и съ надлежащей послѣдовательностью и удобопонятно излагаетъ свой чисто химическій предметъ. Какихъ-либо научныхъ ошибокъ въ этой части не встрѣчается.

Къ величайшему сожалѣнію нельзя сказать того же самаго про первую часть, имѣющую скорѣе физико-химическій характеръ.

Здѣсь встрѣчается значительное число ошибокъ и промаховъ, которые мы теперь и укажемъ.

На стр. 33 авторъ говоритъ о возникновеніи нормальнаго давленія на поверхность жидкостей и пишетъ: „Величина этого давленія

носитъ названіе поверхностнаго натяженія". Это невѣрно. Нормальное давленіе состоитъ изъ двухъ частей, изъ которыхъ только одна зависитъ отъ поверхностнаго натяженія; но и она не равна ему.

На стр. 85 читаемъ: „За единицу при измѣреніи количества тепла принимаютъ теплоемкость 1 gr. воды" и. т. д.

Такое опредѣленіе не выдерживаетъ критики, такъ какъ теплоемкость не можетъ равняться опредѣленному количеству теплоты, но лишь измѣряется таковымъ.

На той же стр. читаемъ: „Для твердыхъ и жидкихъ тѣлъ отношеніе $C_p : C_v$ нечувствительно отличается отъ 1, такъ какъ нарастаніе объема для нихъ при нагрѣваніи на 1° невелико". Въ этихъ словахъ кроются двѣ ошибки: указанное отношеніе вовсе не потому только отличается отъ 1, что тѣло при расширеніи совершаетъ внѣшнюю работу, но также еще потому, что при этомъ расширеніи совершается внутренняя работа дисгрегаціи, т. е. удаленія частицъ другъ отъ друга. Эта внутренняя работа во многихъ случаяхъ весьма велика, и потому не удивительно, что отношеніе двухъ теплоемкостей и для твердыхъ и жидкихъ тѣлъ иногда даже болѣе отличается отъ 1, чѣмъ для тѣлъ газообразныхъ. И, дѣйствительно, авторъ ошибается, полагая, что указанное отношеніе для твердыхъ и жидкихъ тѣлъ нечувствительно отличается отъ 1, какъ это видно изъ нижеслѣдующихъ примѣровъ: для воды при 100°—оно равняется 1,139; для ртути при 0°—оно равно 1,14; для этиловаго эфира при 0°—оно равно 1,476; для сѣроуглерода имѣемъ число—1,525, и наконецъ для хлороформа при 25°—число 1,472. Такимъ образомъ мы въ послѣднихъ трехъ примѣрахъ имѣемъ числа, которыя—больше числа, относящагося къ тѣламъ газообразнымъ (двуатомнымъ).

На стр. 95 читаемъ: „скорость свѣта уменьшается съ увеличеніемъ плотности среды", что, конечно, совершенно невѣрно, такъ какъ въ весьма многихъ случаяхъ болѣе плотное вещество обладаетъ меньшимъ показателемъ преломленія и, слѣдовательно, скорость свѣта въ немъ больше, чѣмъ въ веществѣ менѣе плотномъ.

Хуже всего все то, что авторъ говоритъ о свѣтовыхъ явленіяхъ на стр. 97, 98 и 99.

На стр. 97 мы читаемъ: „Разница въ свойствахъ между лучами плоскимъ и цилиндрическимъ весьма велика. Дѣйствительно, подобно тому какъ ножъ не при всякомъ положеніи можетъ пройти черезъ гребенку, а только когда его лезвіе параллельно зубьямъ, точно также и плоскій лучъ пройдетъ только тогда черезъ данную среду, когда

колебанія его будутъ параллельны рядамъ молекулъ, ее составляющимъ (предполагая, что частицы расположены неравномѣрно, рядами)".

Такая картина должна ввести читателя въ заблужденіе, такъ какъ онъ подумаетъ, что существуютъ вещества, черезъ которыя можетъ пройти только такой лучъ, который поляризованъ параллельно одной опредѣленной плоскости.

Въ дѣйствительности же всегда существуютъ двѣ взаимно-перпендикулярныя плоскости поляризаціи лучей, проходящихъ черезъ такое тѣло. Невѣрное представленіе еще болѣе утвердится въ головѣ читателя, если онъ прочтетъ на стр. 98 слѣдующія слова: „анизотропная среда изъ всѣхъ падающихъ на нее колебаній пропустила лишь одинъ видъ ихъ—тотъ, который совмѣстимъ съ ея молекулярнымъ строеніемъ, она сыграла роль свѣтофильтра. Такъ какъ свѣтъ ею пропущенный весь поляризованъ, то она въ этомъ случаѣ носитъ названіе поляризатора".

Ничего подобнаго въ дѣйствительности не существуетъ, если, конечно, не считать турмалина, въ которомъ также образуется два луча, изъ которыхъ, однако, одинъ поглощается веществомъ кристалла. Но это уже явленіе второстепенное, такъ какъ и въ турмалинѣ несомнѣнно первоначально образуются два луча, поляризованныхъ въ плоскостяхъ взаимно-перпендикулярныхъ.

Но гораздо хуже все то, что авторъ говоритъ на стр. 98 и 99. Онъ смѣшиваетъ два совершенно разнородныхъ явленія, а именно хроматическую поляризацію, которая происходитъ въ пластинкахъ одноосныхъ и двуосныхъ кристалловъ, съ вращеніемъ плоскости поляризаціи, которая происходитъ въ нѣкоторыхъ одноосныхъ кристаллахъ, когда лучъ проходитъ черезъ нихъ по направленію оптической оси. Авторъ пишетъ: „Поставимъ поляризаторъ и анализаторъ на темноту (при этомъ ряды молекулъ въ нихъ взаимно перпендикулярны—поляризаторъ и анализаторъ перекрещены) и будемъ вносить въ пространство между ними изслѣдуемыя тѣла. Тотчасъ окажется, что одни изъ нихъ возстановляютъ свѣтъ въ полѣ зрѣнія прибора, другія не оказываютъ на поляризованный лучъ никакого вліянія. Первыя названы активными, вторыя неактивными".

То, что авторъ говоритъ о возстановленіи свѣта пластинкою, помѣщенною между перекрещенными анализаторомъ и поляризаторомъ, относится къ явленіямъ хроматической поляризаціи и наблюдается при всякой кристаллической пластинкѣ, за исключеніемъ такой, которая вырѣзана изъ однооснаго кристалла перпендикулярно къ его опти-

ческой оси. Терминами же „активный" и „неактивный" пользуются только, когда рѣчь идетъ о вращеніи плоскости поляризаціи.

Далѣе читаемъ: „Неактивными оказываются всѣ тѣла аморфныя, а изъ кристаллическихъ—кристаллизующіяся въ правильной (кубической) системѣ, затѣмъ многія жидкости. Такъ неактивны: стекло, поваренная соль, краски, вода. Активны всѣ остальныя кристаллическія тѣла".

Тутъ все невѣрно. Вращеніе плоскости поляризаціи происходитъ исключительно только въ одноосныхъ кристаллахъ, и при томъ оказывается, что между ними есть также кристаллы, принадлежащіе къ правильной системѣ; укажемъ, напримѣръ, на хлорноватокислый натрій, бромноватокислый натрій и на двойную уксуснокислую соль натрія и уранила.

Кромѣ указанныхъ ошибокъ встрѣчаются въ первой части разсматриваемой книги также и мелкія неточности.

Такъ, напр., на страницѣ 88 говорится о ртути, между тѣмъ какъ слѣдовало бы указать, что рѣчь идетъ о парахъ ртути.

Весьма существенный недостатокъ книги заключается также и въ томъ, что авторъ во многихъ мѣстахъ даетъ численныя значенія различныхъ величинъ, не указывая, какими единицами эти величины въ данномъ случаѣ измѣряются, а въ другихъ мѣстахъ авторъ выпускаетъ указанія на тѣ условія, къ которымъ относятся приведенныя числовыя значенія. Приведемъ примѣры.

На стр. 2 читаемъ: „Такъ, напр., для полученія одной единицы теплоты надо затратить 427 единицъ механической работы; здѣсь 427 единицъ механической работы равнозначны одной единицѣ теплоты, онѣ ей эквивалентны, и потому число 427 называется механическимъ эквивалентомъ единицы теплоты". Понятно, что число механическихъ единицъ, эквивалентныхъ одной единицѣ тепла, зависитъ отъ выбора единицъ. Въ данномъ случаѣ теплота должна измѣряться большими калоріями, а механическая работа—килограммо-метрами.

На стр. 11 говорится о 96000 единицахъ электричества, что представляется совершенно неопредѣленнымъ, если не прибавить, что единицею количества электричества принять одинъ кулонъ; впрочемъ это число не вполнѣ точно и должно быть замѣнено числомъ 96540.

На стр. 48 читаемъ: „Опытъ показываетъ, что 1 gr. воды, занимавшій при 4° С. объемъ въ 1 куб. сантиметръ, при нагрѣваніи до 100° обращается въ паръ, объемъ котораго достигаетъ 1638 куб. сантим". Послѣднее число не имѣетъ никакого значенія, если не указано то давленіе, подъ которымъ пары находятся.

На стр. 52 авторъ приводитъ числовыя величины скоростей газовыхъ молекулъ, не указывая той температуры, къ которой эта скорость относится, такъ что читатель можетъ подумать, что скорость такихъ частицъ вовсе не зависитъ отъ температуры, между тѣмъ, какъ она въ дѣйствительности пропорціональна квадратному корню изъ абсолютной температуры.

Въ разсматриваемой книгѣ встрѣчаются нѣкоторыя общія разсужденія, не всегда выдерживающія критику.

На стр. 2 читаемъ: „Тожественность законовъ, регулирующихъ существованіе и превращеніе матеріи и энергіи, заставляетъ предполагать общее начало для нихъ обѣихъ—матерія и энергія суть лишь два различныхъ проявленія одной и той же, нашему познанію непосредственно недоступной сущности, такъ сказать, двѣ стороны одной и той же медали". Весьма мало вѣроятно, чтобы указанное здѣсь предположеніе соотвѣтствовало дѣйствительности, и во всякомъ случаѣ не слѣдуетъ о немъ говорить въ такой формѣ въ самомъ началѣ книги.

Намъ остается указать на то, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ разбираемой книги замѣчается отсутствіе послѣдовательности, какъ это видно изъ слѣдующаго примѣра: На стр. 10 авторъ говоритъ: „Электролизъ надо представлять себѣ такъ, что подъ вліяніемъ электрическаго тока каждый электролитъ разлагается прежде всего на двѣ части и. т. д.". А на стр. 58 мы находимъ правильное указаніе, что въ водномъ растворѣ разложеніе уже имѣло мѣсто еще до прохожденія тока..

Фуртье и Молтени. Научныя демонстраціи при помощи волшебнаго фонаря (Les projections scientifiques). Руководство къ употребленію волшебнаго фонаря для демонстраціи опытовъ по физикѣ и химіи. Перевелъ *М. П. Воскресенскій.* Москва. 1900. I.+136 стр. Цѣна 1 р.

Разсматриваемая книга должна служить руководствомъ при демонстрированіи различныхъ физическихъ и химическихъ явленій при помощи проекціоннаго фонаря. Она раздѣлена на 12 главъ, посвященныхъ устройству фонаря и различныхъ къ нему придаточныхъ приборовъ и описанію производства опытовъ по химіи и физикѣ. Хотя авторъ и считаетъ самыя явленія, показываемыя при помощи фонаря, уже извѣстными, онъ, однако, во многихъ мѣстахъ предпосылаетъ описанію опыта нѣкоторыя объясненія самихъ явленій. Эти объясненія совершенно безполезны, такъ какъ они, вслѣдствіе чрезмѣрной краткости, ничего не даютъ читателю, незнакомому, и притомъ довольно основательно, съ физикою. Нѣсколько строчекъ о такихъ

явленіяхъ, какъ, напримѣръ, интерференція, поляризація, хроматическая поляризація и т. д., очевидно, никакой пользы принести не могутъ.

Переводъ довольно удовлетворительный. Опечатокъ довольно много, но большинство изъ нихъ оговорено. На стр. 80 пропущенъ номеръ параграфа 33-го; на стр. 105 напечатано „статистическій" вмѣсто „статическій". На рис. 25 (стр. 50) слѣдовало бы французскія слова замѣнить русскими. На стр. 57 неудачно редактирована фраза: „.... приборъ, который употребляется съ лучами спектра" (въ которомъ пользуются лучами спектра).

Весьма чувствительный недостатокъ русскаго перевода заключается въ томъ, что переводчикъ помѣстилъ только 70 рисунковъ изъ 113-ти, находящихся въ оригиналѣ. Несомнѣнно, что нѣкоторые рисунки могли быть пропущены безъ большого ущерба; но этого далеко нельзя сказать обо всѣхъ. Переводчикъ пропустилъ, напримѣръ, почти всѣ рисунки, относящіеся къ объясненіямъ самихъ явленій и, слѣдовательно, не имѣющихъ непосредственнаго отношенія къ способу проектированія ихъ на экранѣ при помощи фонаря. При упомянутой выше краткости этихъ описаній, указанные рисунки все-таки могли бы принести нѣкоторую пользу. Переводчикъ выпустилъ, однако, кромѣ того еще многіе рисунки, несомнѣнно относящіеся къ самому проектированію явленія, напримѣръ къ тому виду, въ которомъ явленіе представляется зрителю на экранѣ. Выпущены также рисунки важныхъ частей, употребляемыхъ при проектированіи приборовъ. Укажемъ, напримѣръ, рис. 22, 24, 26, 35, 39, 42, 48, 49, 52, 61, 72, 73, 75, 80, 94, 95 и др. оригинала.

Разсматриваемая книга, несомнѣнно, можетъ принести большую пользу при преподаваніи физики и химіи, а также при публичныхъ чтеніяхъ.

Практическая русская грамматика. Краткая этимологія и начальныя свѣдѣнія изъ синтаксиса въ связи съ практическими упражненіями по лучшимъ образцамъ, выбраннымъ изъ произведеній русскихъ писателей. Учебникъ для приготовительнаго, I и II классовъ средне-учебныхъ заведеній и для низшихъ училищъ. Составилъ *Н. Бучинскій*. Изданіе 3-е, исправленное и дополненное. Цѣна 45 коп. Москва. 1900. VI+186+1. (Изданіе книжнаго магазина М. Д. Наумова).

Въ новомъ изданіи своего учебника кромѣ поправокъ, на необходимость которыхъ было указано въ отзывѣ на эту книгу, г. Бучинскій сдѣлалъ и дополненія, съ тѣмъ расчетомъ, чтобы книга его полнѣе согласовалась съ примѣрными программами по русскому языку,

утвержденными для гимназій и прогимназій министерства народнаго просвѣщенія.

Поправки коснулись опредѣленія *собственнаго* имени существительнаго (§ 38, стр. 48), чиселъ (§ 43, стр. 55), перенесенія вопроса объ опредѣленіи рода pluralia tantum (въ § 46 б); написанія *ого* въ родит. пад. ед. ч. м. р. именъ прилагательныхъ (§ 58, стр. 87); залоговъ (§ 70, стр. 112); повелительнаго наклоненія (§ 83, стр. 128); формъ будущаго времени (§ 86, стр. 132); правописанія глаголовъ по вопросу о звукѣ *е* передъ окончаніемъ *ть* (§ 99, стр. 149 и 150).

Въ списокъ словъ съ кореннымъ *ѣ* внесены всѣ слова, которыя отмѣчены были въ офиціальной рецензіи, какъ пропущенныя (стр. 176 слд.), и дополнена книга примѣрами и статьями для грамматическихъ упражненій, а также статьей объ именахъ существительныхъ, увеличительныхъ, уменьшательныхъ и т. д. (§ 41, стр. 51). Напрасно опущенъ предлогъ *сквозь* (стр. 161).

Достоинства книги г. Бучинскаго заключаются въ ясности ея изложенія и богатствѣ матеріала для упражненій въ работѣ грамматической и ороографической. Матеріалъ, по большей части, подобранъ удачно; преобладаніе пословицъ и стихотворныхъ примѣровъ слѣдуетъ признать вполнѣ цѣлесообразнымъ, ибо запоминаніе ритмическихъ строкъ или законченныхъ выраженій несравненно легче, чѣмъ запоминаніе прозы. Напечатана книга довольно четко, цѣна умѣренная. Очень плоха только бумага; едва ли учебникъ можетъ продержаться болѣе года въ обиходѣ хотя бы одного ученика.

Недостатокъ книги заключается въ ея многорѣчивости. Вотъ примѣры изложенія:

„Имена существительныя, не имѣющія родовыхъ окончаній (слова на *мя* и дитя), принадлежатъ къ *разносклоняемымъ, такъ какъ склоняются по разнымъ склоненіямъ: частію по одному, частію по другому*" (стр. 60). Здѣсь лишнихъ словъ болѣе, чѣмъ нужныхъ.

Другой недостатокъ книги есть недостатокъ точности въ опредѣленіяхъ; напримѣръ, на стр. 25:

„*То*, что мы *думаемъ*, называется мыслью". Впрочемъ, здѣсь не только неточность, но и неясность, не говоря уже о грамматической ошибкѣ (*думать*, какъ глаголъ дѣйствительнаго залога).

На стр. 32 (§ 26). Дополненіе есть такое *слово*, которое отвѣчаетъ на вопросы...

Здѣсь выраженіе *слово*—содержитъ двойную неточность.

На стр. 41 (§ 32). Обращенія выдѣляются запятыми *или же* послѣ нихъ ставится знакъ восклицательный.

На стр. 43 (§ 34). Неточно объяснено, что такое предметъ.

Систематическій курсъ древней исторіи. Курсъ IV класса мужскихъ и женскихъ гимназій и прогимназій. Составилъ примѣнительно къ послѣднимъ учебнымъ планамъ *Николай Знойко*, преподаватель Ришельевской гимназіи. Изданіе четвертое. Одесса. 1901. Цѣна 1 рубль. 208+III+VI+IX стр. и три карты.

Новое, четвертое изданіе книги г. Знойко разнится отъ второго, допущеннаго ученымъ комитетомъ къ употребленію въ качествѣ учебнаго руководства, небольшими поправками вкравшихся въ предыдущее изданіе неточностей, при чемъ двѣ изъ указанныхъ въ отзывѣ г. рецензента погрѣшности: о зевгитахъ и 10 мил. жителей аѳинскаго государства продолжаютъ фигурировать на страницахъ 62 и 84. Вообще слѣдуетъ замѣтить, что авторъ исправляетъ только то, на что ему указываютъ, вслѣдствіе чего его книга и въ настоящемъ изданіи не свободна отъ крупныхъ недостатковъ. Особенно обильна ошибками ея первая часть, посвященная древнему Востоку. Мемфисское государство вовсе не было „древнѣйшимъ изъ египетскихъ", и совершенно невѣрно, будто къ его времени относятся „всѣ монументальные памятники египетскаго зодчества и ваянія" (стр. 5); Индіи и Кавказа древніе египтяне не знали, а потому и не могли посылать туда „полчища Рамзеса II" (стр. 6). Далѣе слѣдуетъ опять старая додекархія, наименованіе Осириса богомъ солнца, смѣшеніе его съ Ра и Амономъ, старыя недоразумѣнія о египетскихъ кастахъ, невѣрныя понятія объ іероглифической системѣ, ея трудностяхъ, которыя авторъ видитъ не тамъ, гдѣ нужно и т. д. Моисей названъ Мойсеемъ (стр. 11), филистимляне—кочевымъ народомъ (стр. 12), а финикіяне—„самымъ образованнымъ народомъ древности" (стр. 15), доѣзжавшимъ до Рижскаго залива. Объ ассиріянахъ и вавилонянахъ лучше не распространяться—тутъ все невѣрно отъ начала до конца — и этнографія, и хронологія, и исторія. Достаточно привести первую фразу (стр. 20): „о первоначальной исторіи ассиро-вавилонянъ мы не знаемъ ничего опредѣленнаго, такъ какъ о ней сохранились только устныя преданія, записанныя древними историками. Эти преданія говорятъ намъ, что первымъ ассирійскимъ царемъ былъ Нинъ"... И это говорится о народѣ, который оставилъ намъ неисчерпаемые архивы подлинныхъ документовъ, восходящихъ въ V тысячелѣтіе до Р. Х.! Отсюда

будетъ понятно, что на стр. 43 боги ассиро-вавилонянъ оказываются „мрачными, постоянно требовавшими человѣческихъ жертвъ", а боги грековъ были „также добры, ласковы и привѣтливы, какъ прекрасна ....природа Грецiи". Впрочемъ тутъ же Миносъ, Эакъ и Радамантъ названы „страшными богами". Вообще и исторія Греціи не свободна отъ погрѣшностей и отсталости. Что спартанское устройство безъ всякихъ оговорокъ излагается, какъ дѣло Ликурга, это еще не удивительно, но нельзя не признать крупнымъ промахомъ того, что прекращеніе царской власти въ Аѳинахъ и развитіе архонтства разсказано такъ, какъ это дѣлалось до открытія Аѳинской политіи Аристотеля. Далѣе идутъ опять законы Драконта, которые „были жестоки" и которые „народъ скоро уничтожилъ" (стр. 59). При Солонѣ „высшая верховная власть была передана народному собранію" (стр. 62); законодательство Клисѳена изложено неясно и невѣрно. Что значитъ, что Клисѳенъ „раздѣлилъ гражданъ на 10 новыхъ мѣстныхъ филъ" (стр. 67)? Безъ упоминанія о димахъ эта фраза теряетъ смыслъ, а утвержденіе, будто Клисѳенъ „надѣлилъ полными правами метековъ", совершенно несостоятельно. Въ числѣ греческихъ колоній нѣтъ Кипра и Навкратида (стр. 70). Аристидъ названъ (стр. 73) „стоявшимъ во главѣ аристократической партіи", и въ то же время приводится весьма сомнительное извѣстіе, что онъ „допустилъ гражданъ 4-го класса къ архонтству" (стр. 81). О Ѳемистоклѣ сказано, что онъ умеръ „при дворѣ Артаксеркса", но тутъ же въ примѣчаніи говорится о его смерти въ Магнезіи. На стр. 109 категорически утверждается, что италики пришли „съ верховьевъ Оксуса и Яксарта вмѣстѣ съ греками въ Европу", а на стр. 115 и сл. повторяется оставленная теперь теорія о происхожденіи тиціевъ и люцеровъ отъ сабинъ и альбанцевъ. Едва ли вѣрно, что около времени Рождества Христова уже и „простой народъ не вѣрилъ въ боговъ и держался внѣшнихъ обрядовъ по привычкѣ къ блестящимъ религіознымъ церемоніямъ" (стр. 192). „Простой народъ" въ значительномъ количествѣ вѣрилъ въ боговъ въ самомъ Римѣ еще въ V вѣкѣ, а держались даже невѣрующіе римляне язычества не изъ привычки къ церемоніямъ, а потому что римская религія была государственной въ преимущественномъ смыслѣ этого слова; идея государственности у римлянина тѣсно переплелась съ идеей религіи; поддерживать религію считалось дѣломъ политической мудрости. Положеніе Іудеи подъ римскимъ владычествомъ (стр. 193) и поводъ къ іудейскому возстанію изложены совершенно невѣрно. Культъ Августа въ про-

винціяхъ датируетъ съ начала имперіи; не онъ, а вымогательство Флора и его расправа съ Іерусалимомъ были поводомъ къ мятежу. Фарисеи въ немъ повинны нисколько не болѣе другихъ евреевъ.

Транскрипціи греческихъ именъ непослѣдовательны и неудовлетворительны. Нельзя писать: Геркулесъ, Церберъ, Базилевсъ, δῆμος, Пизистратъ, Павзаній, Тразибулъ, храмъ Діаны въ Эфесѣ (стр. 101). Птоломей, Иссусъ, Гордіумъ (на картѣ), Діоклеціанъ. Борьба съ тѣмъ хаосомъ, который господствуетъ у насъ въ этой области, только и возможна при аккуратности и внимательности къ ней учебниковъ.

Перечисленные недостатки, конечно, существенны, но отъ многихъ изъ нихъ не свободны и другіе наши учебники. Наряду съ ними книга г. Знойко обладаетъ и своими несомнѣнными достоинствами. Особеннаго признанія заслуживаетъ попытка автора представить древнюю исторію, какъ нѣчто цѣльное, а не механическое соединеніе частныхъ исторій. Изложеніе начинается съ потопа, при чемъ дается вполнѣ правильная этнографическая схема народовъ. Далѣе въ исторіи Востока связью служатъ судьбы еврейскаго народа, а потому начиная съ Египта авторъ переходитъ къ Финикіи, Ассиріи, Вавилону и Персіи. Послѣ Дарія I идетъ глава: „Скиѳія и скиѳы", далеко не лишняя въ русскомъ учебникѣ, но составленная, къ сожалѣнію, только по Геродоту, не принимая въ соображеніе данныхъ, добытыхъ археологической наукой. Далѣе авторъ упоминаетъ о возстаніи малоазіатскихъ грековъ и переходитъ къ исторіи Греціи. Время діадоховъ совершенно выпущено, равно какъ и эпоха эллинизма; нѣтъ даже Клеомена III— это конечно крупный недостатокъ, но краткое упоминаніе объ этихъ періодахъ вводитъ учащагося въ исторію Рима. Изложеніе серьезно и ясно; языкъ удовлетворительный, кромѣ нѣсколькихъ шероховатостей (напр. злоупотребленіе словомъ „ничуть" стр. 71 и др. или „во время этого гоненія *погибли* свв. Апостолы Петръ и Павелъ"). Авторъ не гнушается ходячими изреченіями и анекдотами, имѣющими свое значеніе въ школьномъ курсѣ исторіи, но отдѣляетъ ихъ отъ изложенія, помѣщая въ подстрочныя примѣчанія.

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ.

ЭКСКУРСІЯ VIII МЕЖДУНАРОДНАГО ГЕОЛОГИЧЕСКАГО КОНГРЕССА ВЪ ПИРИНЕЯХЪ [1]).

Въ программу VIII международнаго геологическаго конгресса въ Парижѣ вь 1900 году входилъ, кромѣ засѣданій, посвященныхъ теоретическимъ вопросамъ и научнымъ докладамъ, рядъ геологическихъ экскурсій (около 30) въ различныхъ частяхъ Франціи. Такихъ экскурсій комитетомъ конгресса, по принятому обычаю, было организовано двѣ серіи: одна серія экскурсій до начала засѣданій конгресса, а другая — по окончаніи ихъ, благодаря чему большинство членовъ конгресса могло принять участіе, сообразно располагаемому ими времени, въ тѣхъ или другихъ экскурсіяхъ, а нѣкоторые участвовали въ обѣихъ серіяхъ. Послѣ конгресса было организовано 17 экскурсій.

Руководство этими экскурсіями было поручено французскимъ геологамъ спеціалистамъ, хорошо изучившимъ и знакомымъ съ тою мѣстностью, въ которой предстояла данная экскурсія.

Одна изъ геологическихъ экскурсій была назначена въ Пиринеяхъ. Описанію этой экскурсіи, въ которой мнѣ пришлось принять участіе, и посвящаются дальнѣйшія строки. Какъ и въ большинствѣ спеціальныхъ геологическихъ экскурсій, число участниковъ въ Пиринейской было ограничено комплектомъ въ 20 человѣкъ. Въ этой экскурсіи приняли участіе слѣдующія лица: Carez и Fabre (Франція); проф. Rothpletz, Oebbeke, Futterer и D-r Broili (Германія); проф. Sacco и D-r Crema (Италія); проф. Bofil и аббатъ Almera (Испанія); проф. Stephanescku (Румынія); D-r Antoula (Сербія); проф. Böck (Венгрія);

---

[1]) Сообщено въ засѣданія Отдѣленія Геологіи и Минералогіи С.П.Б. Общества Естествоиспытателей 3-го марта 1901 г.

проф. Mayer-Eymar (Швейцарія); D-r Read (Америка); г.г. Ивановъ, Каракашъ, Листовъ и Фегреусъ (Россія) [1]). Ограниченіе было вызвано тѣми затрудненіями практическаго характера, которыя неизбѣжны при экскурсіяхъ въ горахъ, вдали отъ городовъ и большихъ поселеній, когда трудно найти помѣщеніе и перевозочныя средства для большого количества людей. Цѣлью Пиринейской экскурсіи было ознакомленіе ея участниковъ съ геологическимъ строеніемъ и осадочными образованіями мѣстности, примыкающей съ сѣвера къ Пиринейскимъ горамъ и расположенной между Атлантическимъ океаномъ (Гасконскимъ заливомъ) съ запада и Средиземнымъ моремъ съ востока [2]).

Руководителемъ этой экскурсіи былъ геологъ Леонъ Карезъ (L. Carez), одинъ изъ многочисленныхъ сотрудниковъ по изданію геологической карты Франціи и хорошо знакомый съ геологіей данной мѣстности.

Согласно предварительной программѣ, встрѣча участниковъ нашей экскурсіи была назначена въ 12 ч. дня 17/30 августа въ Біаррицѣ, откуда и были предприняты дальнѣйшія экскурсіи. Расположенный на высокомъ обрывѣ (высотою около 20 саж.) на берегу Гасконскаго залива Біаррицъ, благодаря своему мѣстоположенію, великолѣпному пляжу и теплому климату, уже съ давнихъ поръ пользуется заслуженною извѣстностью въ качествѣ климатолечебной станціи зимой и купальнаго курорта лѣтомъ. Нѣкоторые изъ гг. конгрессистовъ пріѣхали въ Біаррицъ еще наканунѣ, чтобы имѣть больше времени для осмотра самого курорта, другіе, которымъ еще не очень надоѣла сутолока Парижской выставки, а также тѣ изъ участниковъ экскурсій, которые попутно остановились на нѣсколько часовъ въ Бордо для осмотра этого города, прибыли въ Біаррицъ въ день начала экскурсіи.

Послѣ совмѣстнаго завтрака всѣ участники экскурсіи подъ предводительствомъ Кареза отправились осматривать геологическія образованія въ обрывѣ, тянущемся отъ Біаррица вдоль морскаго берега въ сѣверо-западномъ направленіи. Этотъ береговой обрывъ напоминаетъ такой же обрывъ такъ называемыхъ Фонтановъ въ окрестностяхъ Одессы. Но въ то время какъ въ Одессѣ эта полоса земли

[1]) Кромѣ ряда спеціальныхъ экскурсій была организована какъ до конгресса, такъ и послѣ него, геологическая экскурсія менѣе спеціальнаго характера, въ которой могли принять участіе не спеціалисты и дамы.

[2]) До конгресса въ Пиринеяхъ была другая экскурсія подъ руководствомъ проф. Мишель-Леви (Michel Levi), посвященная исключительно изученію изверженныхъ породъ.

между обрывомъ и моремъ покрыта растительностью, здѣсь этотъ пляжъ лишенъ совершенно растительности и покрытъ мелкимъ пескомъ, по которому трудно идти. (Рис. 1). Въ обрывѣ обнажаются отложенія верхняго *эоцена* (ярусъ Ludien) третичной системы, въ которомъ можно различить два горизонта: *верхній* (3a), образованный песчанистыми мергелями съ Nummulites intermedia и оперкулинами (Operculina) и *нижній* (3b), также мергелистый, характеризующійся преобладающимъ содержаніемъ кромѣ N. intermedia также и морскихъ ежей (Eupatagus ornatus). Въ прежнее время здѣсь въ окрестностяхъ Біаррица находили много окаменѣлостей, но теперь, вслѣдствіе большаго количества любителей-коллекціонеровъ, окаменѣлости находятся съ трудомъ. Тѣмъ не менѣе мнѣ удалось собрать кое-что. Такъ, изъ мергелей верхняго горизонта найдены: нѣсколько экземпляровъ морскихъ ежей (Schizaster vicinalis Ag.), пластинчатожаберныхъ моллюсковъ (Ostrea Brongniarti, Pecten biarritzensis и друг. виды, Cytherea) и проч., а изъ корненожекъ—много Nummulites intermedia и Operculina ammonea. Данныя отложенія покрываются песками и пудингами (2), которые расположены въ видѣ горизонтальныхъ слоевъ вдоль всего обрыва какъ здѣсь, такъ и къ югу отъ Біаррица. Эти отложенія, именуемыя песками и пудингами Ландовъ (sables et poudingues des Landes), не заключаютъ въ себѣ никакихъ остатковъ организмовъ и (вѣроятно только на основаніи ихъ стратиграфическаго положе-

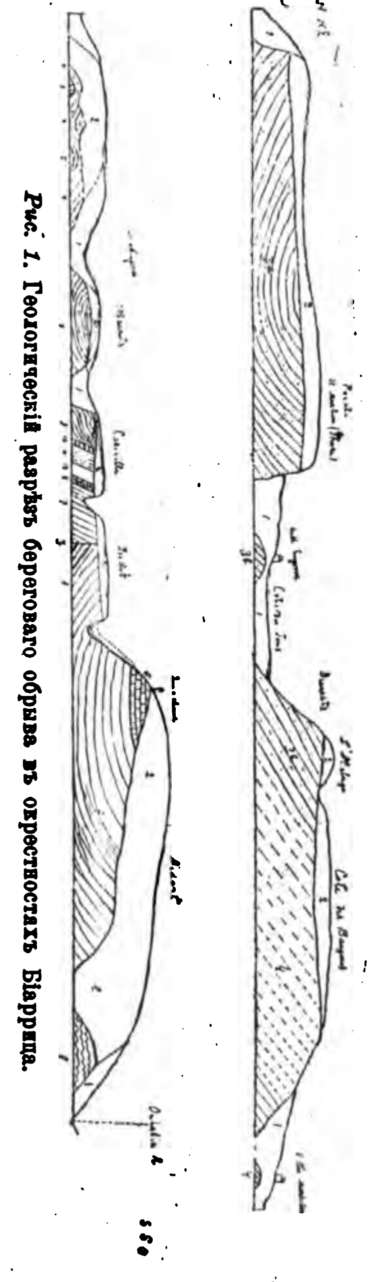

Рис. 1. Геологическій разрѣзъ береговаго обрыва въ окрестностяхъ Біаррица.

нія) относятся условно г. Карезомъ къ осадкамъ пліоценоваго возраста, т. е. къ самому верхнему отдѣлу третичной системы. Эти отложенія были осмотрѣны нами при подъемѣ отъ пляжа къ верхней части обрыва въ мѣстности, называемой Chambre d'amour. Здѣсь обрывъ понижается, и на дальнѣйшемъ протяженіи до Бордо низменный берегъ покрытъ только дюнными песками (1).

По возвращеніи по верхней террасѣ въ Біаррицъ остальная часть дня была посвящена экскурсіи къ югу отъ Біаррица. Скалистый уступъ Atalaye, круто обрывающійся къ морю въ томъ мѣстѣ, гдѣ находится огромное зданіе казино, образованъ наклоненными на сѣверо-востокъ слоями голубовато-сѣрыхъ, а снаружи желтоватыхъ, мергелей (3b), съ банками твердаго песчаника съ *N. intermedia* и конгломерата, заключающихъ въ изобиліи *Eupatagus ornatus*. Эти мергели, покрытые сверху пліоценовыми (?) песками и пудингами (2), образуютъ собою также и берега бухты, называемой Port-Vieux и длинный узкій вдающійся въ море мысъ, на береговомъ утесѣ котораго высится статуя Мадонны, вслѣдствіе чего и утесъ этотъ носитъ названіе Rocher de la Vierge. Подъ этими мергелями залегаютъ слои (также наклоненные на сѣверо-востокъ) свѣтло-сѣраго мергеля (4) Бартонскаго яруса (третичной системы) съ руководящей формой *Serpula spirulea* и *орбитоидами* (*Orbitoides*). Кромѣ этихъ формъ мною найдены: морскіе ежи *Echinolampas biarritzensis*, иглы *Cidaris*, изъ пластинчато-жаберныхъ: *Ostrea* и нѣсколько видовъ *Pecten*, изъ корненожекъ: *Nummulites*, *Operculina*, изъ брюхоногихъ моллюсковъ *Scalaria Schalmasi*, а изъ коралловъ: *Trochocyathus*. Послѣднія отложенія образуютъ собою весь длинный береговой обрывъ (Côte des Basques) между Біаррицомъ и виллой Marbella. Наступившій уже приливъ затопилъ всю береговую низину, а потому дальнѣйшее слѣдованіе вдоль основанія обрыва стало невозможнымъ, и экскурсанты вернулись въ Біаррицъ, гдѣ одни посвятили время отдыху или разборкѣ и упаковкѣ собранныхъ коллекцій, а другіе отправились купаться въ морѣ при теплыхъ лучахъ заходящаго солнца.

На слѣдующій день, послѣ ночного отлива океана, широкая песчаная полоса отдѣляла подножье обрыва Côte des Basques отъ моря. По этому влажному, мягкому грунту экскурсанты медленно подвигались впередъ, осматривая слои бартонскихъ мергелей (4), смѣнившихся у виллы Marbella дюнными песками (1). Далѣе къ югу за этой виллой снова показались въ обнаженіи знакомые уже намъ мергели, а также залегающіе подъ ними дислоцированные слои известняка (5)

съ крупными нуммулитами: *N. perforata*, *N. Lucasana* [яруса Lutetien третичной системы]; за известняками слѣдовали снова бартонскіе мергели. Какъ тѣ, такъ и другіе слои, едва возвышающіеся надъ уровнемъ моря, покрыты вышеописанными пліоценовыми образованіями (2), спускающимися въ данномъ мѣстѣ почти до уровня моря. Еще южнѣе, за мѣстностью называемою Mouligna, обрывъ (называемый Illbaritz) снова повышается и образованъ слоями тѣхъ же бартонскихъ мергелей (4), образующихъ здѣсь синклиналь. Известковыя и песчаныя банки среди этихъ мергелей богаты мелкими окаменѣлостями, изъ которыхъ чаще встрѣчаются мшанки, орбитолиты, а также *Serpula spirulea*, *Nummulites biarritzensis* и проч. Далѣе за Illbaritz'омъ снова пониженный обрывъ является болѣе интереснымъ, такъ какъ здѣсь на небольшомъ протяженіи въ сложеніи его принимаютъ участіе нѣсколько различныхъ образованій. Сначала мы встрѣчаемъ обнажающіеся на протяженіи 180 метровъ изъ подъ дюнныхъ песковъ (1) и пліоценовыхъ отложеній (2), слои сѣроватыхъ иногда красноватыхъ мѣловыхъ мергелей, чередующихся съ конгломератами и сѣровато-желтыми известняками съ отпечатками растеній и прослойками кремня. Эти слои (9), сначала наклоненные на сѣверо-сѣверо-востокъ, а затѣмъ синклинально изогнутые, относятся къ сеноманскому ярусу мѣловой системы. Къ тому же ярусу относится обнажающійся сейчасъ же рядомъ толщею въ 6 м. песчаный известнякъ (10) съ прослоями кремня и съ фукоидами, а также слѣдующая за нимъ толща въ 28 м. слоистыхъ мергелей (11) (съ прослойками пестраго конгломерата и сѣраго известняка), содержащихъ орбитолины и наклоненныхъ на сѣверъ. За этими сеноманскими породами слѣдуетъ толща въ 6 метровъ красной глины (12), обильно содержащей гипсъ и кристаллы двухпирамидальнаго кварца. Въ виду несогласнаго пластованія этой глины съ предъидущими осадками, констатируемаго брекчіей тренія, г. Карезъ относитъ эту глину къ образованіямъ тріасовой системы. Но съ такимъ взглядомъ почтеннаго ученаго согласиться трудно, и вопросъ о возрастѣ этой глины, въ виду проблематичности приводимыхъ имъ основаній и отсутствія въ ней окаменѣлостей, остался открытымъ. По другую сторону этой глины находится известнякъ (6), называемый казевильскимъ, содержащій *Nautilus danicus* Schl. и цѣлый рядъ морскихъ ежей, какъ, напримѣръ, *Echinocorys semiglobus* Lamck., *E. vulgaris* d'Orb. и проч., т. е. такія ископаемыя формы, которыя характерны для самыхъ верхнихъ отложеній мѣловой системы, именно для датскаго яруса. За этимъ известнякомъ

слѣдуютъ слои раковистыхъ мергелей (marnes de Bidart) (17), падающихъ какъ и слои известняка на сѣверъ—сѣверо-востокъ подъ угл. въ 50° и содержащихъ характерные для верхняго сенонскаго яруса (мѣловой системы) окаменѣлости (*Pachydiscus Jacquoti* Seun., *Stegaster Bouillei* Cott., *Inoceramus cfr. Cuvieri* и др.). Этими мергелями, прикрытыми пліоценовыми песками, образована вся нижняя часть берегового обрыва (Toidit и Bidart) на всемъ дальнѣйшемъ протяженіи почти до рѣки Ouchabia. Только немного не доходя до этой рѣки сенонскіе мергели смѣняются сильно размытыми и складчатыми известняками, такъ называемыми известняками Бидаша (8), почти не содержащими никакихъ окаменѣлостей, кромѣ отпечатковъ фукоидовъ, и относимыми къ сеноманскому ярусу. Кромѣ этихъ обнаженій въ береговомъ уступѣ между Mouligna и Marbella имѣются на самомъ пляжѣ выходы другихъ породъ, какъ, напримѣръ: желтаго доломитоваго известняка, бѣлаго или сѣраго мраморовиднаго известняка и чернаго доломита; эти известняки относятся къ нижнему отдѣлу юрской системы, къ такъ называемому лейасу; затѣмъ имѣются два небольшихъ выхода офита. Но послѣднія были скрыты подъ водою, являясь доступными для наблюденія только вечеромъ, послѣ отлива. Такимъ образомъ, окрестности Біаррица представили большой интересъ, благодаря столь обильному разнообразію горныхъ породъ, образующихъ собою утесы, живописно окаймляющіе красивый біаррицкій пляжъ. Вечеромъ того же дня экскурсанты выѣхали изъ Біаррица на Байонну, а оттуда къ вечеру пріѣхали въ Лурдъ, гдѣ имѣли возможность видѣть величественную картину молитвы огромной толпы паломниковъ передъ знаменитымъ гротомъ, столь мастерски описанную Э. Зола въ его романѣ „Lourdes". На слѣдующій день 19-го августа (1-го сентября) въ 7 ч. утра участники экскурсіи проѣхали по желѣзной дорогѣ до станціи Adé, въ окрестностяхъ которой развиты мощныя ледниковыя отложенія, а также имѣются выходы изверженныхъ породъ.

Здѣсь, между Лурдомъ и Аде, имѣется цѣлая серія ледниковыхъ моренъ, образованныхъ изъ валунныхъ отложеній. Этими отложеніями заполнена долина Аде, по которой когда-то протекала рѣка Gave de Pau, измѣнившая нынѣ свое теченіе. Моренными же образованіями покрыты окрестные холмы, достигающіе болѣе 600 метровъ высоты; эрратическіе же валуны, въ изобиліи встрѣчающіеся въ долинѣ и по склонамъ холмовъ, попадаются даже на высотѣ 800 метровъ. Кромѣ ледниковыхъ отложеній въ окрестностяхъ Аде и Лурда встрѣчаются выходы изверженныхъ породъ. Близъ Аде имѣются два выхода бо-

гатаго роговой обманкой габбро среди черныхъ и сѣрыхъ мѣловыхъ сланцевъ нижне-мѣловой эпохи (вѣроятно Альбскаго яруса). У дер. Legranges (Jules) среди такихъ же черныхъ альбскихъ сланцевъ имѣется выходъ порфировиднаго гранита, ничѣмъ не отличающагося отъ древняго первобытнаго гранита. Хотя при изслѣдованіи контакта гранита со сланцами и оказывается, что въ ближайшихъ къ выходу гранита частяхъ имѣется не толстый слой слюдистыхъ сланцевъ, нѣсколько отличающихся отъ окружающихъ ихъ мѣловыхъ сланцевъ и могущихъ быть принятыми за древніе сланцы, трансгрессивно прикрытые мѣловыми; однако, на основаніи наблюденій въ другихъ сосѣднихъ мѣстахъ, г. Карезъ полагаетъ, что изверженія гранита здѣсь происходили въ концѣ нижне-мѣловой эпохи. Въ это же утро до обѣда экскурсанты успѣли подняться по канатной желѣзной дорогѣ на гору Mont de Ger, откуда открывается великолѣпный видъ на мѣстечко Лурдъ, на долину Gave de Pau, на Лурдское озеро и на гору Montégut-Alian, представляющую большой интересъ въ тектоническомъ отношеніи.

Послѣ обѣда геологи отправились на сѣверъ къ деревнѣ Ossen, близъ которой осматривали два выхода офитоваго габбро, среди приподнятыхъ почти вертикально аспидныхъ сланцевъ аптскаго яруса. Въ данномъ мѣстѣ уже не было сомнѣнія о времени изверженія габбро въ средне-мѣловую эпоху. Здѣсь имѣются значительныя ломки этихъ сланцевъ, употребляющихся для изготовленія аспидныхъ досокъ и кровельныхъ плитъ.

Еще болѣе значительныя ломки аспидныхъ сланцевъ имѣются близъ деревни Lugagnan, гдѣ намъ удалось найти плохо сохраненные отпечатки аммонитовъ, относящихся къ группѣ *Hoplites Desheyesi* аптскаго яруса (мѣлов. сист.). Къ югу отъ этихъ сланцевъ существуетъ полоса нижняго лейасоваго известняка (юрск. сист.), не заключающаго впрочемъ окаменѣлостей. Всѣ же промежуточныя образованія между нижнимъ лейасомъ и аптскимъ ярусомъ отсутствуютъ здѣсь, вслѣдствіе трансгрессіи въ нижне-мѣловую эпоху. Лейасовые известняки сопровождаются выходами офита, который можно видѣть близъ деревни Germs за водораздѣломъ бассейна Gave de Pau и Adour, при подъемѣ на гору. Отсюда экскурсанты поѣхали въ Bagnères de Bigorre, оставаясь все время до деревни Pouzac въ области развитія вышеназванныхъ мѣловыхъ сланцевъ, не заключающихъ въ себѣ окаменѣлостей.

Bagnères de Bigorre, главный городъ департамента Верхнихъ

Пиринеевъ (H-tes Pyrénées), расположенъ на лѣвомъ берегу рѣки Адуръ въ томъ мѣстѣ, гдѣ эта рѣка выходитъ изъ живописной Кампанской долины. Обильные и разнообразные теплые минеральные источники были извѣстны еще римлянамъ, которые дали этимъ водамъ названіе Aquae Bigerrionum Balneariae, Vicus Aquensis и соорудили здѣсь бани, купальни и большіе бассейны, а также храмъ Діаны. Въ настоящее время здѣсь эксплоатируются 30 источниковъ, изъ которыхъ 23 источника содержатъ сѣрнокислую соль кальція вмѣстѣ съ сѣрнокислыми солями магнія и натра и имѣютъ температуру отъ 32° до 51°; слѣдующіе три сѣрнистыхъ источника также теплые; наконецъ остальные четыре источника принадлежатъ къ холоднымъ, желѣзистымъ. Благодаря такому разнообразію водъ, теплому климату и живописному мѣстоположенію Bagnère de Bigorre является одною изъ важнѣйшихъ бальнеологическихъ станцій на югѣ Франціи и привлекаетъ ежегодно болѣе 20 тысячъ посѣтителей не только изъ Франціи, но и изъ Испаніи.

Окрестности села Pouzac, находящагося въ 20 верстахъ отъ Баньеръ де Бигорръ, были предметомъ изученія экскурсантовъ на слѣдующій четвертый день экскурсіи. Здѣсь, близъ желѣзнодорожнаго полотна имѣется выходъ элеолитоваго сіенита, очень разрушеннаго и эксплоатируемаго въ качествѣ песка для примѣси въ известковый растворъ. Сіенитъ окруженъ офитомъ, а за офитомъ слѣдуютъ желтые трещиноватые известняки, не содержащіе окаменѣлостей. Хотя известняки покрыты непосредственно міоценовыми отложеніями, но вслѣдствіе ихъ полнаго петрографическаго сходства съ известняками сосѣдняго департамента Ariège, г. Карезъ считаетъ ихъ тріасовыми. Въ известнякахъ, вслѣдствіе вліянія сосѣднихъ изверженныхъ породъ, встрѣчается въ видѣ примѣси много случайныхъ минераловъ, какъ-то: кварцъ, актинотъ, талькъ, альбитъ, хлоритъ, дипиръ и проч. Что касается возраста изверженныхъ породъ, то положеніе сіенита среди офита, заставляетъ предполагать, что сіенитъ—моложе офита. Во всякомъ же случаѣ обѣ породы являются моложе верхне-мѣловыхъ осадковъ, обнажающихся близъ замка Longle и не несущихъ на себѣ никакого слѣда метаморфизма.

Затѣмъ, по дорогѣ въ деревню Orignac, между этой деревней и деревней Montgallard, мы имѣли возможность увидѣть опрокинутые слои известняковъ, эквивалентныхъ миліолитовымъ известнякамъ Гаронны и Аріежа (нижн. эоценъ) и покрытыхъ мѣловыми (сенонскими) мергелями съ Inoceramus и Ananchytes. Въ этихъ лишенныхъ окаме-

нѣлостей известнякахъ имѣются большіе карьеры близъ деревни Noudrest. По дорогѣ отъ Noudrest къ Orignac эти известняки, покоящіеся на верхне-мѣловыхъ мергеляхъ и составляющіе основаніе эоцена, прикрываются другими мергелями, содержащими нуммулиты. Экскурсія въ сторону отъ дороги, для наблюденія этихъ нуммулитовыхъ слоевъ, не увѣнчалась успѣхомъ, такъ какъ небольшое обнаженіе ихъ на поросшемъ кустарникомъ склонѣ не было найдено руководителемъ экскурсіи.

Вышеупомянутые мергели между Orignac и Cieutat являются довольно мощными и содержатъ *Serpula spirulea* вмѣстѣ съ остальной фауной, встрѣчающейся въ соотвѣтственныхъ отложеніяхъ бартонскаго яруса въ Côte des Basques у Біаррица. Выше мергелей залегаютъ отложенія, соотвѣтствующія слоямъ съ *N. intermedia* Біаррица, т. е. Лудіенскаго яруса (третичн. сист.) и носящія здѣсь названіе „пудинговъ Палассу".

Эти пудинги съ известковыми гальками несогласно покрываются здѣсь желтыми глинами и многочисленными валунами преимущественно кварцитовыми. Въ основаніи этихъ глинъ въ Ориньякѣ имѣется слой лигнита, прежде разрабатываемый, въ которомъ были найдены остатки млекопитающихъ сходныхъ съ фауною млекопитающихъ горизонта Пикерми (у Пентеликона въ Греціи), т. е. понтическаго яруса нижняго пліоцена: Tapirus priscus (тапиръ), Hipparion gracile (предокъ лошади), Rhinoceros Goldfussi (носорогъ), Dinotherium (динотерій), олень, медвѣдь и проч. Но г. Карезъ относитъ къ верхнему міоцену [1]) не только этотъ горизонтъ, но и вышележащій кварцитовый галечникъ, образующій собою далѣе къ востоку Ланнемезанское плато. Хотя въ этомъ галечникѣ не имѣется окаменѣлостей, но его образованіе, по мнѣнію г. Кареза, несомнѣнно предшествовало образованію современныхъ долинъ, и поэтому нельзя считать этотъ галечникъ пліоценовымъ. Мѣловые осадки здѣсь выражены сланцами и мергелями. Между сенонскими отложеніями съ Inoceramus и антскими (черными

---

[1]) Проф. А. Годри, открывшій и описавшій фауну млекопитающихъ изъ красныхъ глинъ Пикерми, отнесъ эти глины къ понтическому ярусу. То же подтвердилъ проф. Фуксъ (Fuchs. Verhandl. k. geol. Reichsanst., 1881, стр. 177), указавшій на присутствіе среди этихъ прѣсноводныхъ иловатыхъ глинъ, прослоевъ съ морскими формами Ostrea barriensis и Cerithium vulgatum, характерныхъ для понтическаго яруса. Согласно же принятой классификаціи понтическій ярусъ относится къ пліоценовымъ отложеніямъ.

аспидными сланцами) существуетъ непрерывная серія сланцевъ и мергелей, которые вслѣдствіе отсутствія въ нихъ ископаемыхъ, только предположительно могутъ быть отнесены къ образованіямъ, промежуточнымъ между аптскими и сенонскими ярусами мѣловой системы.

За деревней Cieutat, расположенной на міоценовомъ конгломератѣ, дорога проходитъ на небольшомъ протяженіи среди этого же конгломерата, а далѣе въ долинѣ Gourgue встрѣчаются снова верхне-мѣловыя отложенія, прикрытыя близъ деревни Gourgue эоценовыми известняками и мергелями и тянущіяся далѣе до мѣстечка—курорта Capvern (Mont-Caoute), славящагося своими минеральными источниками. Здѣсь имѣются небольшіе выходы гранита, окруженные известняками, мергелями и конгломератами, которые, по мнѣнію г. Кареза, относятся къ тріасу, а частью даже къ лейасу. Присутствіе этихъ образованій въ столь отдаленномъ отъ хребта пунктѣ онъ объясняетъ отчасти существованіемъ сброса N. E.—S. O., который и образовалъ проходъ для двухъ сѣрнисто-углекислыхъ минеральныхъ источниковъ Капверна: Mont-Caoute и Bouridé.

На ночлегъ экскурсанты отправились въ маленькій гасконскій городокъ Montrejeau, расположенный на возвышенномъ берегу рѣки Гаронны. Отъ станціи Montrejeau отходитъ на югъ желѣзно-дорожная вѣтвь къ городку Bagnerès de Luchon, находящемуся въ горной части близъ испанской границы и знаменитому еще въ древности своими цѣлебными источниками, называвшимися у римлянъ „Balneariae Lixoniensis“.

Слѣдующій пятый день экскурсіи (3-го сентября) былъ посвященъ изученію главнымъ образомъ тѣхъ верхне-мѣловыхъ отложеній Верхней Гаронны, для которыхъ французскій ученый Леймери (Leymerie) установилъ ярусъ *garumnien*, считая его присущимъ всей южной Франціи. Хотя предложенное Леймери подраздѣленіе верхне-мѣловыхъ осадковъ и не принято въ геологіи, тѣмъ не менѣе здѣшнія верхне-мѣловыя отложенія представляютъ такія фаціальныя особенности, что дѣйствительно не поддаются синхронизаціи съ соотвѣтствующими отложеніями другихъ странъ. Изъ Montrejeau экскурсанты отправились по желѣзной дорогѣ, идущей на Тулузу, до станціи St. Godens, главнаго города округа Верхней Гаронны, а оттуда далѣе—въ экипажахъ, попутно останавливаясь для осмотра различныхъ геологическихъ образованій.

Въ образованіи мѣловыхъ отложеній данной мѣстности принимаютъ участіе слѣдующіе слои: 1) самыми нижними здѣсь являются

голубоватые мергели верхняго отдѣла сенонскаго яруса съ *Ananchytes vulgaris*, *Ostrea vesicularis*, *Janira quadricostata*, *Inoceramus Cripsi*, *Hippurites radiosus*, а также съ многочисленными кораллами и проч.; 2) выше залегаютъ отложенія датскаго яруса, которыя можно расчленить на четыре горизонта; изъ нихъ самыми нижними являются a) известняки и мергели, называемые „нанкинскимъ известнякомъ" („calcaire nankin"), соотвѣтствующіе, какъ увидимъ позже, алетскимъ песчаникамъ (grès d'Alet) сосѣднихъ департаментовъ Ariège и Aude и характеризующіеся присутствіемъ орбитоидъ (*O. secans*, Leym., *O. socialis* Leym., *O. gensacica* Leym.), а также *Hemipneustes pyrenaicus*, *Rhynchonella vespertilio* d'Orb., различными Ostrea и нѣкоторыми формами общими съ сенонскимъ ярусомъ; b) выше находится горизонтъ Озаса (niveau d'Auzas), образованный мергелями и песчаниками съ фауною солоноватыхъ водъ и характеризующійся *Cyrena garumnica* Leym.; кромѣ того въ нихъ встрѣчаются: *Natica bulbiformis* Sow., *Cerithium merigonense*, *Melanopsis avellana* Sandb., *Cyrena pyrenaica*, различныя Ostrea и *Cyclolites Reussi*, *C. tenuiradiata*; 3) эти отложенія покрываются плотнымъ бѣлымъ известнякомъ, называемымъ „литографскимъ"; 4) наконецъ, самымъ верхнимъ горизонтомъ датскаго яруса являются вмѣсто красныхъ мергелей бѣлые известняки и мергели съ *Micraster tercensis*, а въ верхней части—зона съ *Operculina Heberti* Mun. Ch.; известняки, составляющіе верхнюю часть гарумніенскаго яруса Леймери, богаты ископаемой фауною, составляющею такъ называемую „колонію" Леймери. (Леймери, удивленный присутствіемъ вновь мѣловыхъ морскихъ ежей въ слояхъ, лежащихъ выше тѣхъ, которые, казалось, уже заканчивали собою серію мѣловыхъ осадковъ, назвалъ данное мѣсторожденіе колоніей, куда эмигрировали запоздавшіе представители мѣловой фауны). Мѣловыя отложенія покрываются нижне-эоценовыми (третичными) известняками и мергелями, на которыхъ залегаютъ песчаники и пудинги съ *Nummulites Leymeriei* и *Operculina granulosa*. На мѣловыхъ и эоценовыхъ осадкахъ залегаютъ, несогласно пластуясь, міоценовые мергели и пудинги, въ которыхъ близъ St. Gaudens были найдены раньше *Dinotherium*, *Dryopithecus Fontani* и проч. Всѣ упомянутыя образованія мы и имѣли возможность видѣть во время нашей экскурсіи въ этотъ день въ различныхъ пунктахъ. Такъ, у деревни Latoue нами было осмотрѣно обнаженіе самаго верхняго горизонта датскаго яруса, именно известняка съ *Micraster tercensis* и *Operculina Heberti*. Далѣе, у деревни Tuco мы видѣли твердый сѣрый литографскій известнякъ,

покрывающійся верхнимъ датскимъ известнякомъ съ Micraster, а на вершинѣ холма у фермы Tuco—самую верхнюю зону этого яруса съ *Operculina Heberti*. По дорогѣ мы могли наблюдать, что эти отложенія покрываются міоценовыми. Между Latoue, Alaoun и Tuco въ выемкахъ дороги встрѣчались обнаженія красныхъ известняковъ нижней части датскаго яруса. Далѣе же, по дорогѣ между Tuco и St. Martory, мы снова встрѣтили горизонтъ литографскаго известняка, а близъ St. Martory видѣли мергели и песчаники горизонта d'Auzas, а также опрокинутые слои эоцена и верхняго мѣла въ мѣстности, названной Леймери „Front de St. Martory". Затѣмъ экскурсанты отправились вверхъ по долинѣ р. Salat (притока Гаронны), покрытой древними и новыми аллювіальными осадками, до дер. Salies-du-Salat [1]), въ окрестностяхъ которой наблюдали выходъ офита среди пестраго тріасоваго мергеля. Этотъ мергель заключаетъ въ себѣ гипсъ, который и добывается здѣсь; одинъ изъ карьеровъ для добыванія гипса мы имѣли возможность видѣть по пути между Montsaunès и Salies-du-Salat. Кромѣ гипса, въ мергеляхъ содержится и соль, о присутствіи которой свидѣтельствуютъ источники, эксплоатируемые здѣсь съ бальнеологической цѣлью; кромѣ того соль была обнаружена при буреніи скважинъ на глубинѣ отъ 206 до 255 метровъ. Эти пестрые мергели являются весьма интересными по своему стратиграфическому положенію: они заключены между сеноманскими и сенонскими отложеніями (мѣлов. системы). Контактъ съ первыми не представляетъ значенія для рѣшенія вопроса о возрастѣ мергелей, такъ какъ здѣсь проходитъ линія сброса; контактъ же съ сенонскими указываетъ только на то, что эти мергели древнѣе сенонскихъ. Но г. Карезъ,—на основаніи своихъ наблюденій въ сосѣднемъ пунктѣ (къ сѣверу отъ Betchat), гдѣ пестрые мергели находятся въ контактѣ со всѣми отдѣлами верхне-мѣловыхъ и эоценовыхъ отложеній,—полагаетъ, что эти мергели являются самостоятельными, не подчинены прочимъ образованіямъ и не могутъ считаться метаморфизованными офитомъ; въ виду же ихъ полнаго сходства съ несомнѣнными тріасовыми мергелями сосѣдняго департамента Аріежа онъ не считаетъ возможнымъ отнести ихъ къ мѣловымъ. Однако снова приходится замѣтить, что такое объясненіе г. Кареза является недоказательнымъ, и вопросъ этотъ, въ виду отсутствія окаменѣлостей, надо считать нерѣшеннымъ.

---

[1]) Здѣсь имѣются соленые и сѣрнисто-углекислые источники.

При дальнѣйшемъ слѣдованіи отъ Salies-du-Salat по направленію къ сѣверо-востоку въ Moursoulas и далѣе въ Belbèze мы имѣли возможность увидѣть въ послѣдовательномъ порядкѣ всю серію вышеописанныхъ мѣловыхъ и третичныхъ осадковъ вмѣстѣ съ широкою полосою „пудинговъ Палассу". Экскурсанты поздно вечеромъ пріѣхали въ Тулузу, бывшую столицу Лангедока, а нынѣ главный городъ департамента Верхней Гаронны. Не смотря на усталость послѣ экскурсіи и предстоящій на слѣдующій день ранній отъѣздъ изъ Тулузы, геологи не соблазнились приготовленными для нихъ комнатами, а вышли всѣ на улицу и, размѣстившись за столиками, стоящими на тротуарахъ у ближайшаго ресторана, бесѣдовали за кружками пива до поздняго часа этой дивной звѣздной и теплой ночи. На слѣдующій день (4-го сентября) рано утромъ въ назначенный часъ всѣ были въ сборѣ на вокзалѣ, откуда поѣздъ помчалъ насъ прямо къ югу, въ горы, по долинѣ р. Ariège до города Foix. Этотъ главный городъ департамента Аріежа расположенъ въ 83 километрахъ къ югу отъ Тулузы и въ 40 верстахъ отъ маленькаго стариннаго городка Аксъ (Ax), конечнаго пункта этой желѣзной дороги. Въ 17 километрахъ къ югу отъ Акса, въ верховьяхъ рѣки Аріежъ, находится извѣстное маленькое независимое государство — имѣющее всего 30 килом. въ длину и ширину—Андоррская республика, расположенная въ гористой части Пиринеевъ между Франціей и Испаніей. Въ г. Foix, раскинутомъ у слiянія рѣкъ Ariège и Arget, достоенъ вниманія видимый еще издали, возвышающійся на утесѣ въ 58 метр. высоты, полуразрушенный, но весьма красивый замокъ XII—XIV столѣтія.

Экскурсія этого дня была посвящена изученію горы Pech de Foix, возвышающейся къ сѣверу отъ города; она составляетъ часть высотъ, которыя здѣсь, у Foix, направляются съ сѣверо-запада на юго-востокъ между Baulou и Lavelanet. Рѣка Аріежъ прорѣзала эту гору, образовавъ себѣ глубокое ложе въ долинѣ, окаймленной крутыми склонами. Геологическое строеніе данной мѣстности, а въ особенности части горы Pech de Foix, расположенной по лѣвому берегу рѣки, представилось намъ съ чрезвычайной отчетливостью, когда мы, послѣ утомительнаго восхожденія въ жаркую пору дня, поднялись на склонъ горы на противоположномъ правомъ берегу рѣки. Было нетрудно набросать отсюда геологическій эскизъ прекраснаго разрѣза, который при семъ и представляю для уясненія послѣдовательности напластованій и тектоники. (См. рис. 2).

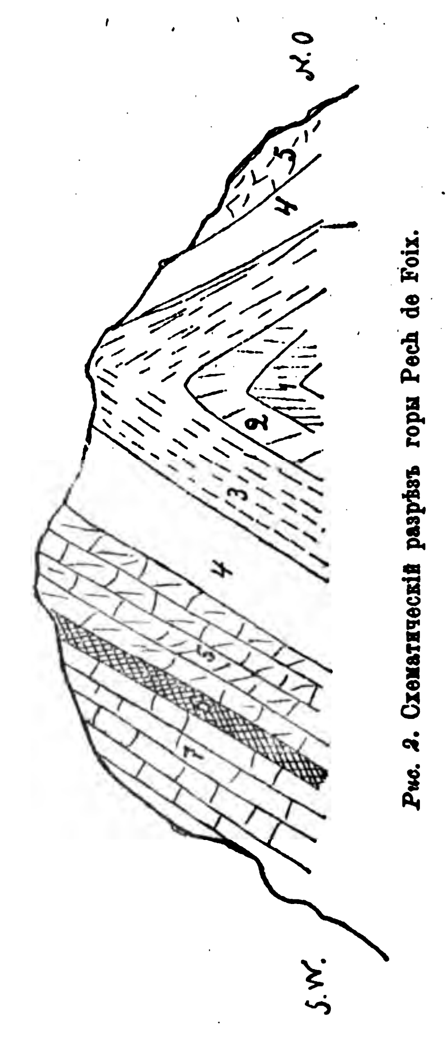

Рис. 2. Схематическій разрѣзъ горы Pech de Foix.

Какъ и видно на рисункѣ, гора Pech образована круто изогнутой антиклиналью, центръ или ось которой занята тріасовыми пестроцвѣтными мергелями съ гипсомъ и кварцемъ. Треугольникъ тріасовыхъ отложеній (1) обрамленъ слѣдующими за нимъ тонкослоистыми известняками (2) съ *Avicula contorta*, составляющими основаніе лейаса[1]), и брекчіевиднымъ известнякомъ (3), относящимся къ нижнему лейасу. Далѣе слѣдуютъ по обѣ стороны, какъ въ сѣверномъ, такъ и въ южномъ направленіи, нетолстые слои темно-сѣраго мергеля (4), изобилующаго ископаемыми средняго (и отчасти верхняго) лейаса съ *Belemnites clavatus*, *B. niger*, *Ammonites venarensis*, *Am. planicosta* и проч. Слѣдующій затѣмъ черный доломитъ (5) безъ окаменѣлостей представляетъ собою средній и, быть можетъ, верхній отдѣлъ юры. Далѣе, на границѣ между юрскими и мѣловыми отложеніями замѣчается узкая полоса (6) кирпично-краснаго цвѣта, представляющая собою бокситъ[2]).

---

[1]) Французскіе геологи выдѣляютъ слои съ Avicula contorta въ особый горизонтъ подъ названіемъ „infralias". Въ другихъ странахъ эти слои причисляютъ къ самымъ верхнимъ отложеніямъ тріасовой системы, къ ретскому ярусу.

[2]) Бокситъ (Beauxite) получилъ свое названіе отъ мѣстечка Beaux близъ Арль во Франціи, гдѣ встрѣчается въ большомъ количествѣ въ видѣ красныхъ, оолитовыхъ зеренъ, включенныхъ въ известковый шпатъ. Бокситъ представляетъ глинистый продуктъ разложенія горныхъ породъ, какъ напр. базальтовъ (въ Гиссенѣ). Въ Вохейнѣ (въ Крайнѣ), гдѣ онъ называется вохейнитомъ, онъ встрѣчается въ видѣ глинистыхъ массъ бураго или бѣлаго цвѣта. Въ Пиринеяхъ бокситы

Слѣдующими самыми нижними мѣловыми отложеніями являются здѣсь слои (7) плотнаго кораллового известняка свѣтло-сѣраго цвѣта съ *Requienia Lonsdalei*, *Horiopleura Lamberti* и цѣлымъ рядомъ другихъ формъ. За этими урго-аптскими известняками слѣдуютъ (уже за предѣлами этой горы) зеленоватые и желтоватые мергели съ характерными для альбскаго яруса формами: *Hoplites Beudanti*, *Acanthoceras mamillare*, *Puzosia Mayori*, *Belemnites semicanaliculatus*, *Plicatula radiola* и проч. Слѣдующія за ними сеноманскія отложенія выражены свитою мергелей, конгломератовъ и ноздреватыхъ известняковъ съ *Orbitolina*, *Acanthoceras Mantelli*, *Puzosia Mayori*, *Epiaster distinctus*, *Hemiaster bufo*, *H. minimus* и друг. По направленію къ сѣверу эти сеноманскія отложенія покоятся непосредственно то на юрскихъ, то на урго-аптскихъ отложеніяхъ, или залегаютъ подъ сенонскими и датскими, или же непосредственно подъ эоценовыми известняками съ миліолитами, вслѣдствіе существованія здѣсь большого сброса, начинающаго съ востока близъ Belesta и протягивающагося къ сѣверо-западу до Salies-du-Salat, гдѣ, какъ было выше упомянуто, онъ былъ наблюдаемъ и нами.

Всю серію этихъ образованій мы имѣли возможность изучить во время нашей экскурсіи въ продолженіе всего дня по горѣ Pech. Къ вечеру мы спустились по другой сторонѣ горы и пошли въ Foix съ южной стороны по Тарасконской дорогѣ [1]). Здѣсь, не доходя до Foix, въ его окрестностяхъ вниманіе наше было обращено г. Карезомъ на гору Mont Gallard, образованную почти вертикальными слоями сеноманскихъ известняковъ, налегающихъ на каменно-угольныя отложенія. Рано утромъ на слѣдующій день (5-го сентября) мы отправились въ экипажахъ къ востоку отъ Foix по направленію къ г. Quillan. Foix былъ для насъ послѣднимъ пунктомъ, до котораго мы доѣхали по желѣзной дорогѣ; дальнѣйшія экскурсіи совершались частью въ экипажахъ, а частью пѣшкомъ. У дер. Roquefort вдоль дороги наблюдались на большомъ протяженіи обнаженія датскаго яруса и эоцена, при чемъ среди послѣднихъ можно было подмѣтить чередованіе мор-

---

подчинены известнякамъ урго-аптскаго яруса. Состоитъ боксить приблизительно изъ 50% глинозема, 13%—20% окиси желѣза, 25% воды, 4%—10% кремнекислоты. Изъ бокситовъ добываютъ квасцы и аллюминій; онъ употребляется также для изготовленія огнеупорныхъ кирпичей.

[1]) Tarascon, небольшой старинный городокъ, расположенъ въ 17 верстахъ къ югу отъ Foix. Другой одноименный городъ находится, какъ извѣстно, на берегу Роны близъ Авиньона.

скихъ и прѣсноводныхъ отложеній. Датскій ярусъ образованъ тремя горизонтами: нижними и верхними красными мергелями и среднимъ, состоящимъ изъ литографскаго известняка съ прѣсноводными ископаемыми. Отложенія датскаго яруса прикрываются эоценовымъ миліолитовымъ известнякомъ, выше котораго залегаютъ морскіе мергели, заключающіе въ себѣ многочисленную фауну: *Nummulites atacica*, *Operculina granulosa*, *O. canalifera*, *Crassatella plumbea*, *Turritella trempina* и проч. Надъ мергелями залегаетъ значительная толща конгломератовъ, называемыхъ пуддингами Палассу. Въ разрѣзѣ горы противъ дер. Carla de Roquefort можно было наблюдать слѣдующую послѣдовательность въ напластованіи третичныхъ отложеній: сверху, подъ пудингами Палассу, залегаетъ горизонтъ съ *Crassatella* и *Num. atacica*, ниже идутъ мергели съ *Turritella trempina;* подъ ними—горизонтъ мергелей съ *Alveolina*, еще ниже—слой известняка съ *Turritella* и *Cerithium*, подъ которыми находятся прѣсноводные сланцы съ *Valvata Caresi* и известняки съ миліолитами.

Вышеупомянутая серія эоценовыхъ и датскихъ отложеній у дер. Lavelanet образуетъ собою въ послѣдовательномъ порядкѣ крылья антиклинальной складки, центръ которой занятъ самымъ нижнимъ горизонтомъ датскаго яруса, именно песчаникомъ, называемымъ Grès d'Alet.

Изъ Lavelanet часть экскурсантовъ отправилась чрезъ Leguillon въ дер. Belesta, близъ которой снова можно было видѣть миліолитовые известняки, покоящіеся на красныхъ мергеляхъ, а остальные совершили экскурсію въ сторону, къ *Benaïx*, гдѣ имѣли возможность собрать большую коллекцію гиппуритовъ и циклолитовъ. Затѣмъ, соединившись въ дер. Belesta, обѣ партіи поѣхали дальше. Склоны горъ близъ Belesta весьма живописны и были покрыты зеленою травою, которую здѣсь косили въ это время года. На дальнѣйшемъ протяженіи дорога проходила также по чрезвычайно живописной мѣстности, а спускъ съ перевала въ г. Quillan очень напомнилъ нашъ знаменитый млетскій спускъ на Военно-Грузинской дорогѣ. Укажемъ на измѣненіе характера природы къ востоку отъ Foix или отъ долины Аріежъ: тогда какъ въ западной части Пиринеевъ климатъ и растительность имѣли характеръ пиринейскій, океаническій, здѣсь природа является съ средиземноморскимъ характеромъ. По мѣрѣ движенія къ востоку все чаще и чаще встрѣчаются оливковыя деревья, платаны, кипарисы, тополи, виноградъ. Не менѣе рѣзко бросается въ глаза и то обстоятельство, что въ западной части Пи-

ренеевъ, гдѣ развиты аспидные сланцы, крыши домовъ покрыты этими сланцами, а здѣсь всюду дома покрыты черепицею. Маленькій городокъ Quillan, расположенный по р. Aude въ 55 километрахъ къ югу отъ Каркассона, главнаго города департамента Aude, представляетъ собою центръ значительнаго лѣсного округа и имѣетъ, какъ почти всѣ другіе городки, развалины замка и минеральные ключи. Изъ этого городка мы отправились на слѣдующій день къ сѣверу, внизъ по долинѣ р. Aude, чрезъ дер. Esperaza въ дер. Cuiza-Montazels. Между Quillan и дер. Campagne по склонамъ обнажаются черные тонкослоистые сланцы, а затѣмъ красный песчаникъ; этотъ красный грунтъ покрытъ многочисленными виноградниками. Далѣе за Campagne долина еще живописнѣе и покрыта средиземноморскою растительностью. Проѣхавъ 12 километровъ, мы остановились въ дер. Cuiza, представляющей сѣверный пунктъ той области, изученію которой были посвящены послѣдніе три дня экскурсіи. Эта возвышенная область, занятая Корбьерскими горами съ ихъ отрогами, представляла большой геологическій интересъ не только по разнообразію отложеній, участвующихъ въ строеніи ея, но и въ тектоническомъ отношеніи. Для изученія строенія Корбьеръ былъ избранъ, согласно программѣ, маршрутъ отъ Cuiza къ югу чрезъ Rennes и высшую точку горъ — пикъ Бюгарашъ на St.-Paul de Fenouillet, расположенный уже на южномъ склонѣ Корбьерскихъ горъ. На этомъ протяженіи съ сѣвера на югъ встрѣчаются третичныя и мезозойскія отложенія, образовавшія шесть антиклинальныхъ и столько же синклинальныхъ складокъ, при чемъ третичныя отложенія вмѣстѣ съ мезозойскими имѣются только въ сѣверной части области, именно въ первой синклинали: въ остальныхъ же—встрѣчаются только мезозойскія образованія. Третичныя образованія занимаютъ ближайшую къ рѣкѣ Aude часть этой первой (сѣверной) синклинали и въ дер. Cuiza выражены слѣдующими эоценовыми образованіями, начиная снизу: 1) миліолитовый известнякъ, толщею около 25 метровъ, богатый фораминиферами и ядрами трудно опредѣлимыхъ формъ, среди которыхъ достовѣрна только *Lucina corbarica* Leym., 2) разноцвѣтные мергели, толщею до 100 метровъ, безъ окаменѣлостей, но съ гипсомъ, который и эксплоатируется близъ дер. Cuiza, 3) песчанистый известнякъ, образующій первый уступъ съ единственнымъ прѣсноводнымъ видомъ *Cerithium cf. subacutum* „песковъ Cuise" парижскаго бассейна и съ крупными обломками дерева, проточеннаго моллюскомъ Teredo, 4) выше—серія голубоватыхъ морскихъ мергелей съ песчано-

известковыми прослоями и съ массою туррителль и других форм: *Turritella trempina* Carez, *T. figolina*, *T. Rodensis* Carez, *Trochocyathus sinuosus* Brong., *Operculina ammonea* Leym., *Nummulites globulus* Leym., *N. Leymeriei* d'Arch.; 5) наконецъ самымъ верхнимъ горизонтомъ является известнякъ, образующій второй уступъ и заключающій въ себѣ *Ostrea uncifera* Leym., *Velates Schmiedelliana* Chemn., и др.

Осмотрѣвъ карьеръ противъ дер. Cuiza, гдѣ добывается гипсъ, экскурсанты поѣхали дальше по дорогѣ въ Rennes des Bains. Близъ дер. Cassaignes у развѣтвленія дороги представился интересный геологическій разрѣзъ: на вершинѣ горы обнажались палеозойскія отложенія, къ которымъ прислонены отложенія мѣловыя (яруса garumnien), а за ними слѣдовалъ миліолитовый известнякъ, слои котораго изогнуты въ видѣ буквы S.

Экскурсія изъ Rennes les Bains имѣла цѣлью изслѣдованіе горы Montagne des Cornes, получившей свое названіе благодаря неимовѣрному изобилію встрѣчающихся тамъ гиппуритовъ и представляющей прекрасный разрѣзъ развитыхъ здѣсь мѣловыхъ осадковъ.

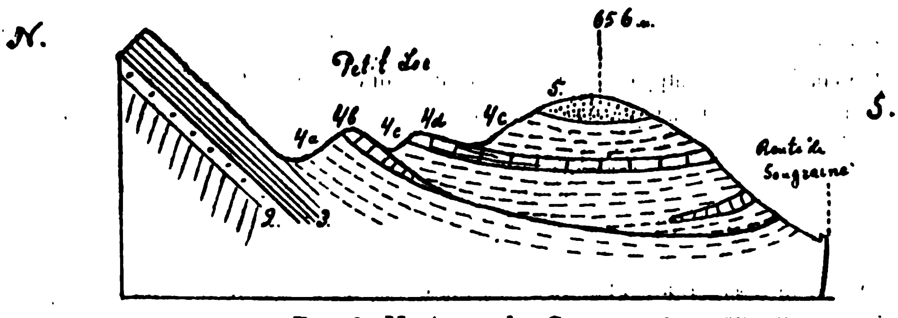

Рис. 3. Montagne des Cornes.

На прилагаемомъ рисункѣ, изображающемъ профиль горы Montagne des Cornes съ сѣвера на югъ, видна вся серія слоевъ, участвующихъ въ строеніи этой горы и встрѣченныхъ нами во время экскурсіи. Вершина горы (выс. 656 метр.) вѣнчается такъ называемымъ алетскимъ песчаникомъ (5) (grès d'Alet), представляющимъ собою самый нижній горизонтъ датскаго яруса. Лежащіе выше этого песчаника и уже описанные мною слои: — нижній красный мергель, литографскій известнякъ и верхній красный мергель,—здѣсь отсутствуютъ, но встрѣчаются нѣсколько западнѣе, слагая собою большую часть плато между Rennes и долиною Aude. Этотъ алетскій песчаникъ, толщею до 20 метровъ, является то тонко-зернистымъ, то грубо-зернистымъ,

не заключаетъ въ себѣ окаменѣлостей, но содержитъ только углистыя частицы и гагатъ. Подъ ними залегаетъ свита сенонскихъ образованій, верхнимъ членомъ которыхъ является голубоватый мергель (4 b) (называемый marne du Moulin Tiffou), налегающій на верхній гиппуритовый известнякъ (4 d); подъ нимъ залегаютъ снова голубоватые мергели (4 c), ниже которыхъ находится нижній гиппуритовый известнякъ (4 b) менѣе богатый гиппуритами, но характеризующійся присутствіемъ *Ammonites texanus*; и, наконецъ, самымъ нижнимъ горизонтомъ сенонскаго яруса являются опять-таки голубоватые мергели (4 a) съ *Micraster brevis* Des., *Ammonites Pailleteanus* и многими другими формами. Сенонскіе осадки, занимающіе среднюю часть синклинали, покрываютъ собою въ согласномъ напластованіи туронскіе (3), которые состоятъ изъ двухъ горизонтовъ известняковъ, отдѣленныхъ прослоемъ тонко-зернистаго песчаника съ остатками неопредѣленныхъ растеній; въ туронскихъ отложеніяхъ встрѣчается, за исключеніемъ полиповъ и особенно гиппуритовъ, мало другихъ окаменѣлостей.

Въ верхнемъ горизонтѣ преобладаютъ *Hippurites gosaviensis* Douv., *H. Moulinsi* d'Hom. и *Ostrea vesicluaris* Lk., а въ нижнемъ встрѣчаются *H. giganteus* d'Hombr., *H. resectus* Defr. и H. *petrocoriensis* Douv. Кромѣ того въ обоихъ горизонтахъ имѣется Janira *quadricostata* Lk.

Подъ туронскими осадками согласно залегаютъ сеноманскіе известковистые песчаники (2) съ капринами и капринулями; къ востоку среди сеноманскихъ осадковъ преобладаютъ мергели съ прослоями известняка, заключающіе *Ostrea carinata*, *каприны* и проч. Въ основаніи замѣчается мѣстами мелкогалечный конгломератъ, съ гальками чернаго кварца. Сеноманскія отложенія залегаютъ трансгрессивно на болѣе древнихъ осадкахъ и часто покрываютъ собою непосредственно тріасовыя отложенія или различные ярусы палеозойской группы. Въ послѣднемъ мы могли убѣдиться, совершивъ небольшую экскурсію къ сѣверу отъ горы Montagne des Cornes и встрѣтивъ въ трехъ верстахъ отъ нея обнаженіе песчанисто-мергельной породы каменноугольной системы (на рис. обозн. 1), покрытой въ несогласномъ напластованіи сеноманскими слоями, въ которыхъ здѣсь удалось найти *Caprina Roissyi*, *Terebratula*, *Rhynchonella*, *Ostrea* и проч.

Тутъ же обнажался и песчаникъ Туронскаго яруса, обозначенный на прилагаемомъ рисункѣ цифрой 2. Такимъ образомъ въ образованіи Montagne des Cornes принимаютъ участіе исключительно верхнемѣловые осадки. Изобиліе гиппуритовъ, разбросанныхъ по всему склону горы, увлекло экскурсантовъ, и чрезъ очень короткое время

были наполнены не только сумки геологовъ, но также корзины, навьюченныя на спины двухъ осликовъ, предусмотрительно взятыхъ г. Карезомъ изъ деревни.

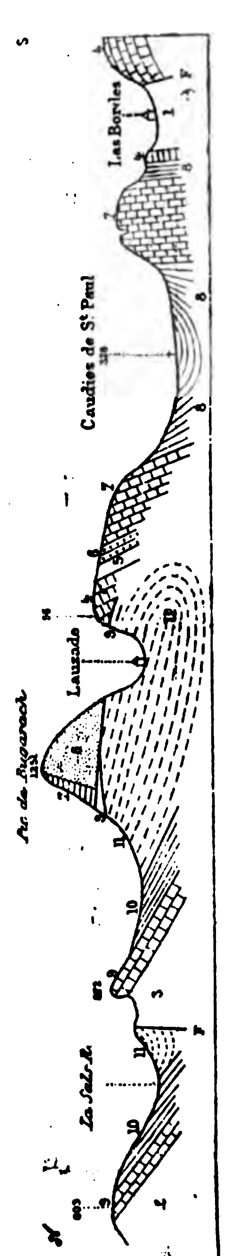

Рис. 4. Геологическій разрѣзъ съ С. на Ю. чрезъ пикъ Бюгарашъ.

Что касается нижне-мѣловыхъ осадковъ, то они образуютъ узкую полосу отъ 5 до 12 километровъ шириною, тянущуюся съ востока на западъ отъ дер. Estagel до дер. Belesta и состоятъ изъ черныхъ мергелей гольта и известняковъ урго-аптскаго яруса. Неокомскаго же яруса здѣсь не имѣется. Нижне-мѣловыя образованія были встрѣчены нами на слѣдующій день по пути изъ Rennes les Bains въ дер. Бюгарашъ. Въ этотъ день мы могли снова увидѣть послѣдовательно всю серію мѣловыхъ отложеній (см. рис. 4). Такъ, сейчасъ же за Rennes les Bains были встрѣчены сенонскіе мергели и аптскій песчаникъ, принимающіе участіе во второй синклинали, называемой „Synclinal de Sougraine". Далѣе близъ дер. Clamans у дороги встрѣтили обнаженіе сенонскихъ мергелей (11), въ которыхъ было найдено нами много экземпляровъ *Micraster brevis*, *Ammonites Pailleteanus*, *Ostrea*, *Pecten* и проч. Далѣе у моста, предъ входомъ въ долину Source-salé, мы видѣли обнаженіе верхняго туронскаго известняка и песчаника, нижняго туронскаго известняка съ гиппуритами (10), за которымъ слѣдовали сеноманскія отложенія (9), покоющіяся на каменноугольныхъ (2). Еще далѣе, при восхожденіи отъ Source de la Salz (у Fontaine salé), гдѣ можно было видѣть аптскіе известняки (7), на Col de Linas, встрѣтили сеноманскій известнякъ (9) съ *Orbitolina concava*, а также слои съ *Caprina* и *Nerinea*. Кромѣ того здѣсь же намъ были указаны пестроцвѣтные тріасовые мергели (3) съ гипсомъ, солью и съ кристаллами бипирамидальнаго кварца.

Чтобы окончить описаніе встрѣченныхъ нами геологическихъ образованій, надо упомянуть еще объ юрскихъ осадкахъ, состоящихъ здѣсь изъ трехъ горизонтовъ. Въ основаніи залегаетъ тонкослоистый известнякъ, иногда мергелистый съ *Avicula contorta*, покрывающійся сѣрымъ плотнымъ известнякомъ безъ окаменѣлостей, который считается нижнимъ лейасовымъ (4). Надъ нимъ идетъ свита желтоватыхъ известняковъ и мергелей (5), заключающихъ въ изобиліи белемнитовъ, аммонитовъ (*Am. margaritatus*),—теребратуль (*Ter. punctata*) и проч. и относящихся къ среднему, а отчасти къ верхнему лейасу. Наконецъ, самымъ верхнимъ членомъ является черный или темно-сѣрый доломитъ (6), не заключающій въ себѣ окаменѣлостей, относимый г. Карезомъ къ осадкамъ средней юры. Этотъ доломитъ образуетъ собою вершину Бюгарашскаго пика (6). Осадковъ верхне-юрскихъ здѣсь нѣтъ.

Изъ дер. Бюгарашъ началось восхожденіе на самый высшій пунктъ Корбьерскихъ горъ „пикъ Бюгарашъ", возвышающійся на 1251 метр. Нѣкоторые болѣе слабые и пожилые экскурсанты наняли здѣсь муловъ, большинство же отправилось пѣшкомъ. День былъ жаркій и восхожденіе было утомительно. Основаніе горы Бюгарашъ образовано сеноманскими, туронскими и сенонскими отложеніями, которыя и были нами попутно осмотрѣны. Вершина же горы образована ургонскими известняками и юрскими доломитами. Не всѣмъ геологамъ, однако, удалось добраться до вершины, которой достигли кромѣ Кареза, проф. Ротплетцъ и я; остальные, завидѣвъ приближавшіяся дождевыя тучи, поторопились спуститься внизъ. Съ вершины Бюгарашъ открывался обширный видъ на горы и долины, и отсюда было удобнѣе получить болѣе ясное представленіе о сложной тектоникѣ корбьерскихъ горъ. Но долгое пребываніе на вершинѣ оказалось невозможнымъ изъ-за миріадъ крылатыхъ муравьевъ, окружившихъ насъ черной тучей и облѣплявшихъ лицо, ротъ, уши, глаза; а кромѣ того пошелъ дождь и надо было торопиться спускаться внизъ. Это былъ первый дождь, первая ненастная погода за все время нашего путешествія въ Пиринеяхъ. Мы спускались на другую сторону Бюгараша къ большой дорогѣ, ведущей въ St. Paul de Fenouillet, гдѣ насъ должны были ждать экипажи. И дѣйствительно, еще сверху, съ горы мы видѣли ихъ, но возницы, не замѣтивъ насъ, предположили, что мы уже спустились и отправились дальше. Дождь усиливался и разразился сильнымъ ливнемъ, а затѣмъ крупнымъ градомъ. Мы ускорили шаги, но не всѣ могли идти одинаково быстро, а потому вере-

ница геологовъ растянулась по склону и по дорогѣ. Нѣкоторые, ушедшіе впередъ, скрылись отъ дождя въ попавшемся по дорогѣ полуразрушенномъ сараѣ, другіе пошли далѣе, такъ что въ концѣ концовъ потеряли другъ друга. Уже наступали сумерки, когда мы встрѣтили нашихъ возницъ, искавшихъ насъ по дорогѣ. Но не всѣ были въ сборѣ; еще долго раздавался свистокъ руководителя, пока не услышали его отставшіе экскурсанты. Промокшіе до костей, дрожа отъ холода, всѣ усѣлись кое-какъ въ экипажи и поѣхали дальше. Въ ближайшей деревнѣ было куплено нѣсколько пледовъ и попонъ, которыми и покрылись при дальнѣйшемъ слѣдованіи въ St. Paul, куда пріѣхали поздно вечеромъ. Не для всѣхъ, однако, благополучно сошло долговременное пребываніе подъ дождемъ. Двое изъ геологовъ (Д. Л. Ивановъ и D-r Brolli) почувствовали знобъ, головную боль и пролежали въ лихорадкѣ всю ночь, остальные же отдѣлались утомленіемъ. Въ экскурсіи на слѣдующій день въ окрестностяхъ St. Paul приняли участіе только трое геологовъ, другіе же чувствовали сильное утомленіе послѣ Бюгарашской экскурсіи и предпочли остаться дома, приводя въ порядокъ и упаковывая собранныя коллекціи. Вечеромъ большинство экскурсантовъ выѣхало въ почтовой каретѣ въ г. Perpignan, отстоящій въ 40 верстахъ отъ St. Paul, къ поѣзду, отходящему оттуда ночью. Дорога проходитъ по красивой холмистой мѣстности чрезъ городъ Эстагель, родину знаменитаго физика Ф. Араго, гдѣ поставленъ памятникъ этому ученому. За Эстагелемъ мѣстность постепенно понижается къ морю, и мы быстро проѣхали по дорогѣ, обрамленной съ обѣихъ сторонъ большими кустами кактусовъ, до Перпиньяна, гдѣ геологи распростились другъ съ другомъ и почти на одновременно отходящихъ поѣздахъ отправились одни на сѣверъ во Францію, а другіе на югъ въ Испанію.

Такимъ образомъ эта кратковременная экскурсія дала участникамъ ея весьма много поучительнаго и интереснаго. Благодаря удачно избранному маршруту была дана возможность видѣть и ознакомиться съ цѣлой серіей разнообразныхъ отложеній и мѣстами собрать окаменѣлости. Если оставить въ сторонѣ наиболѣе древнія, палеозойскія отложенія, а изъ мезозойскихъ—тріасовыя, которыя, вслѣдствіе отсутствія въ нихъ окаменѣлостей, недостаточно пока изучены и проблематичны, то остальныя мезозойскія отложенія, начиная съ лейаса юрской системы и кончая датскимъ ярусомъ мѣловой системы, а также эоценовые осадки третичной системы, выражены здѣсь почти въ полной послѣдовательности и были доступны нашему наблюденію.

Нижнія и среднія (а отчасти, быть можетъ, и верхнія) юрскія отложенія были встрѣчены нами въ центральной части Пиринеевъ. Мѣловыя отложенія, начинающіяся съ урго-аптскихъ слоевъ, были прослѣжены почти вдоль всего склона: въ западной части верхне-мѣлов. осадки фигурировали уже въ разрѣзахъ окрестностей Біаррица, а въ восточной части, какъ мы видѣли, эти отложенія являются господствующими. Что касается третичныхъ отложеній, то они развиты на всемъ протяженіи къ западу отъ долины Аріежа до Біаррица. Кромѣ осадочныхъ образованій, намъ пришлось встрѣтить мѣстами и выходы изверженныхъ породъ.

Конечно, десятидневной экскурсіи, даже при самомъ цѣлесообразномъ распредѣленіи времени, недостаточно для болѣе или менѣе основательнаго ознакомленія съ геологіей столь сильно изрѣзанной, гористой мѣстности какъ Пиринеи, но если геологическое строеніе мѣстности достаточно хорошо изучено, то, при умѣло выбранномъ маршрутѣ и при опытномъ и знакомомъ съ геологіей данной мѣстности руководителѣ, можно и въ столь короткій срокъ получить гораздо болѣе ясное представленіе о геологическомъ строеніи ея, чѣмъ при долговременномъ и тщательномъ изученіи по литературнымъ даннымъ. Этотъ наглядный способъ изученія особенно плодотворенъ при совмѣстныхъ экскурсіяхъ нѣсколькихъ лицъ, когда является возможнымъ обмѣнъ мнѣній на мѣстѣ. Французское геологическое общество (Société géologique de France) уже давно сознало пользу такихъ экскурсій, и потому оно ежегодно лѣтомъ организуетъ геологическіе съѣзды и экскурсіи членовъ общества въ различныхъ частяхъ французской республики не только въ предѣлахъ Европейскихъ владѣній, но и въ своихъ колоніяхъ (напр., въ Алжирѣ), при чемъ выхлопатываетъ обыкновенно для экскурсантовъ льготные проѣзды по жел. дорогамъ и на пароходахъ.

Къ сожалѣнію, у насъ не практикуются такія экскурсіи. Организуемые у насъ періодически (чрезъ каждые три года) съѣзды русскихъ естествоиспытателей и врачей имѣютъ мѣсто обыкновенно не лѣтомъ, а зимою, во время Рождественскихъ каникулъ. Конечно, въ это время года невозможны ни геологическія, ни ботаническія экскурсіи; а между тѣмъ при такихъ экскурсіяхъ большинство членовъ съѣзда постепенно могло бы ознакомиться съ природою различныхъ частей нашего обширнаго отечества.

Такія экскурсіи имѣли бы благотворные результаты, заинтересовывая и привлекая къ наблюденіямъ многихъ лицъ, не спеціалистовъ, которые, не имѣя спеціальной подготовки, не могутъ, при всемъ

своемъ желаніи, приступить къ наблюденіямъ и собиранію коллекцій, не зная, на что обращать вниманіе. Неоднократно, при моихъ геологическихъ экскурсіяхъ въ чьихъ либо частныхъ владѣніяхъ, мнѣ приходилось приводить въ искреннее удивленіе находками окаменѣлостей г.г. владѣльцевъ, которые не подозрѣвали, что таковыя имѣются на ихъ земляхъ и не обращали на нихъ вниманіе. Но достаточно было самыхъ краткихъ элементарныхъ объясненій и указаній, чтобы такія лица впослѣдствіи являлись хорошими коллекторами. Во Франціи, не говоря уже о городахъ, гдѣ имѣются даже небольшіе музеи, почти въ каждой деревнѣ можно было встрѣтить такихъ коллекторовъ даже среди крестьянъ, любезно предоставлявшихъ для осмотра свои коллекціи минераловъ и окаменѣлостей.

Какъ уже было упомянуто, послѣ засѣданій конгресса было организовано 17 геологическихъ экскурсій въ различныхъ частяхъ Франціи. Я принялъ участіе въ Пиринейской экскурсіи. Занимаясь геологіей южныхъ горныхъ областей, Крыма и Кавказа, и имѣвъ возможность, благодаря многолѣтнимъ экскурсіямъ, познакомиться съ геологическимъ строеніемъ этихъ мѣстностей, а также отчасти съ Баварскими, Швейцарскими и Французскими Альпами, я считалъ для себя интересными и заманчивыми новыя, еще невиданныя мною горы, входящія въ ту же южную область—Пиринеи, а потому я и избралъ Пиринейскую экскурсію, чтобы имѣть возможность ознакомиться на мѣстѣ съ геологіей столь интересной мѣстности и сравнить ее съ геологіей Крыма и Кавказа. Параллелизація затрудняется, однако, съ одной стороны недостаточнымъ моимъ знакомствомъ съ Пиринеями, а съ другой—недостаточною пока изученностью Крыма и Кавказа; тѣмъ не менѣе въ дальнѣйшихъ строкахъ я попытаюсь сдѣлать это въ предѣлахъ возможнаго.

Во время нашей экскурсіи намъ пришлось имѣть дѣло преимущественно съ юрскими, мѣловыми и третичными отложеніями, а потому я буду параллелизировать только эти отложенія.

Нижне-юрскіе осадки, такъ называемые лейасовые, встрѣчаются въ различныхъ мѣстахъ вдоль всего сѣвернаго склона Пиринеевъ. Въ Нижнихъ Пиринеяхъ эти осадки выражены мергелистыми известняками и сланцеватыми мергелями среднихъ ярусовъ лейаса. Въ департаментѣ В. Гаронны встрѣчаются болѣе древніе ярусы лейаса, образованные известняками и аспидными сланцами; еще восточнѣе, подобныя же образованія имѣются и далѣе, въ Аріежѣ. Далѣе, за Аріежемъ, лейасовыя отложенія исчезаютъ и появляются затѣмъ на окраинахъ Корбьерскихъ

горъ. На Кавказѣ къ лейасовымъ отложеніямъ относятъ темно-сѣрые, почти черные, рухляки и песчаники, покоющіеся на палеозойскихъ слюдистыхъ сланцахъ и слагающіе собою нижнія части обоихъ склоновъ главнаго хребта. Какъ на сѣверномъ склонѣ (въ верховьяхъ Кубани), такъ и на южномъ (въ Тквибули, по р. Ріону) въ этихъ лейасовыхъ отложеніяхъ содержится уголь.

Въ Крыму лейасовыми осадками обыкновенно считались тѣ черные глинистые сланцы, песчаники и конгломераты, которые слагаютъ собою оба склона Яйлы, вершина которой занята известняками верхней юры. Мѣстами и здѣсь въ Крыму встрѣчаются въ этихъ сланцахъ слои съ углемъ, напр., лигнитъ у Балаклавы, гагатъ — въ верховьяхъ р. Качи.

Вслѣдствіе отсутствія окаменѣлостей всю толщу этихъ образованій въ Крыму считали до сихъ поръ за лейасъ [1]).

Отложенія доггера или средняго отдѣла юрской системы выражены на Кавказѣ песчаниками, рухляками, известняками и оолитами съ аммонитами, характерными для баіоскаго, батскаго и келовейскаго ярусовъ соотвѣтственныхъ отложеній Западной Европы. Въ Крыму къ этимъ отложеніямъ доггера относятся песчаники и конгломераты, не заключающіе окаменѣлостей, а также—часть вышеуказанныхъ черныхъ сланцевъ.

Что касается средне-юрскихъ осадковъ Пиринеевъ, то какъ мы выше видѣли, они образованы темными и черными доломитами, не заключающими окаменѣлостей и относимыми къ среднему и верхнему отдѣламъ юрской системы только на основаніи ихъ стратиграфическаго положенія.

Между тѣмъ въ Крыму верхне-юрскія отложенія вѣнчаютъ собою въ видѣ твердыхъ доломитизированныхъ известняковъ вершины Таврическихъ горъ, называемыхъ Яйлою, часть которой составляетъ и Чатыръ-дагъ. На Кавказѣ верхне-юрскіе известняки, отсутствующіе на южномъ склонѣ, слагаютъ собою на сѣвер. склонѣ вершины горъ, образующихъ второй кряжъ, тянущійся параллельно главному хребту, при чемъ известняки эти подраздѣляются на нѣсколько горизонтовъ, изъ которыхъ самый верхній (съ Nerinea pseudobruntrutana) можетъ быть параллелизированъ съ ярусомъ титонскимъ, составляющимъ пе-

---

[1]) По новѣйшимъ изслѣдованіямъ и находкамъ ископаемыхъ въ Крыму геологомъ К. К. Фохтомъ оказалось, что не вся толща этихъ образованій относится къ лейасу, но что часть ихъ можетъ быть отнесена частью къ осадкамъ средней юры (доггеру), частью же къ тріасовымъ отложеніямъ.

реходъ отъ юрской къ мѣловой системѣ. Точно также титонскій ярусъ констатированъ и въ Крыму, въ окрестностяхъ Симферополя и Ѳеодосіи. Отложенія титонскаго яруса извѣстны также во многихъ мѣстахъ Альпъ и Карпатовъ. Слѣдовательно, не только въ эпоху отложенія титонскаго яруса, но и еще раньше, а именно съ самаго начала верхне-юрской эпохи, Пиринеи представляли собою сушу. Тѣ же условія продолжались и далѣе до эпохи образованія барремскаго яруса мѣловой системы, о чемъ свидѣтельствуетъ полное отсутствіе въ Пиринеяхъ неокомскихъ отложеній.

Такимъ образомъ наиболѣе древними осадками мѣловой системы являются въ Пиринеяхъ барремскіе (ургонскіе) коралловые известняки съ орбитолинами Нижнихъ Пиринеевъ и Ландовъ. Эти ургонскіе или урго-аптскіе известняки соотвѣтствуютъ подобнымъ же известнякамъ Дофинскихъ, Швейцарскихъ и Баварскихъ Альпъ. Въ Баваріи эти известняки носятъ названіе „Schrattenkalk". Въ верхней части известняки въ Н. Пиринеяхъ переходятъ въ мергели, которые и относятся собственно къ аптскому ярусу, а выше залегаютъ отложенія гольта или альбскаго яруса, выраженныя тремя фаціями: коралловой, илистой и песчаной. Въ центральной части Пиринеевъ коралловые известняки альбскаго яруса подстилаются слоями съ радіолитами и рекверіями, а кромѣ того, какъ выше было указано, этимъ известнякамъ (у Foix) подчинена полоса боксита.

Восточнѣе, въ Аріежѣ, аптскій ярусъ образованъ известняками, а альбскій — мергелями и известняками, достигающими особеннаго развитія по мѣрѣ приближенія къ Quillan. Въ Корбьерскихъ горахъ въ образованіи альбскаго яруса принимаютъ участіе кромѣ известняковъ также сланцы и песчаники. Сравнивая нижне-мѣловыя отложенія Пиринеевъ съ Альпійскими, Крымскими и Кавказскими, замѣчаемъ, что самый нижній ярусъ (неокомскій), отсутствующій въ Пиринеяхъ, въ только что названныхъ областяхъ сильно развитъ. Аптскія отложенія, выраженныя отчетливо въ Альпахъ и на Кавказѣ, въ Крыму не выдѣляются въ особый ярусъ. То же самое можно сказать и о альбскомъ ярусѣ.

Переходя къ разсмотрѣнію верхняго отдѣла мѣловой системы, мы сразу замѣчаемъ, что пиринейская область вмѣстѣ съ другими частями южной Франціи составляла часть той обширной средиземноморской зоны, въ которой господствовали рудисты, между тѣмъ какъ крымскія и кавказскія верхне-мѣловыя отложенія представляютъ совер-

шенно другой, такъ называемый сѣверный типъ развитія. Выше мы видѣли, что изъ рудистовъ родъ гиппуритовъ встрѣчается въ Пиринеяхъ повсюду какъ въ сеноманскомъ, такъ въ туронскомъ и сенонскомъ ярусахъ. Эти ископаемые пластинчато-жаберные моллюски являются столь распространенными и въ такомъ разнообразіи видовъ, что служатъ руководящими формами для подраздѣленія верхне-мѣловыхъ отложеній на горизонты. Такъ, въ Корбьерахъ туронскій ярусъ раздѣленъ на шесть горизонтовъ, изъ которыхъ каждый характеризуется особенными видами гиппуритовъ. Въ сенонскомъ же ярусѣ удалось подмѣтить даже 7 такихъ горизонтовъ. Ничего подобнаго мы не имѣемъ ни въ Крыму, ни на Кавказѣ. На Кавказѣ верхне-мѣловыя отложенія подраздѣляются на сеноманскій, сенонскій и самый верхній, датскій ярусъ; туронскій же ярусъ не можетъ быть точно установленъ за отсутствіемъ въ немъ окаменѣлостей. Въ Крыму, гдѣ верхне-мѣловыя отложенія выражены толщею бѣлыхъ мергелей и известняковъ, пока трудно провести точную границу между сеноманскими, туронскими и сенонскими осадками; можно только выдѣлить въ датскій ярусъ только самую верхнюю часть мѣловыхъ отложеній, а именно такъ называемый мшанковый известнякъ.

Отложенія датскаго яруса Пиринеевъ, какъ объ этомъ было уже подробно сказано, представляются настолько своеобразными, что отличаются не только отъ соотвѣтственныхъ отложеній Кавказа и Крыма, но и ближайшихъ мѣстностей.

Слѣдуетъ еще замѣтить, что верхне-мѣловыя отложенія являются неодинаковыми и въ предѣлахъ Пиринеевъ. Такъ, напримѣръ, эти отложенія въ центральной части Пиринеевъ отличаются какъ отъ корбьерскихъ такъ и отъ западныхъ; очевидно, что въ эту эпоху въ центральной области были особыя условія для отложенія осадковъ. Здѣсь, въ нижнихъ частяхъ мѣловыхъ образованій залегаютъ обломочныя породы. Въ Аріежѣ подъ песчаниками и мергелями сеноманскаго яруса залегаютъ брекчіи и пуддинги. Такой составъ породъ, вмѣстѣ съ несогласнымъ пластованіемъ сеноманскихъ осадковъ съ ниже-лежащими отложеніями свидѣтельствуетъ о значительной трансгрессіи моря въ эту эпоху. Кромѣ того,—въ то время какъ въ восточной части Пиринеевъ мы встрѣчаемъ среди морскихъ отложеній, отложенія прѣсноводныя и солоноватыхъ водъ,—въ центральной части морскія отложенія становятся преобладающими; по мѣрѣ же удаленія къ западу морская фація выражена еще рѣзче, и въ Нижнихъ Пи-

ринеяхъ и Ландахъ морскіе представители фауны встрѣчаются уже въ сенонскихъ отложеніяхъ (напримѣръ, въ окрестностяхъ Біаррица найденъ аммонитъ — Pachydiscus).

Изъ третичныхъ отложеній въ Пиринеяхъ выраженъ только самый нижній отдѣлъ—эоценъ, если не считать слабо развитыхъ отложеній, соотвѣтствующихъ отложеніямъ Пикерми. т. е. понтическому ярусу. Эти эоценовыя отложенія, соотвѣтствующія по своему возрасту альпійскому флишу и вѣнскому песчанику, представляютъ полную и послѣдовательную серію осадковъ, подраздѣляемыхъ на нѣсколько ярусовъ. Но не всюду, однако, имѣются нижніе ярусы эоцена. Въ центральной части Пиринеевъ самые древніе эоценовые морскіе осадки слѣдуютъ непосредственно за самыми верхними датскими слоями; на это указываетъ существованіе въ эоценовыхъ слояхъ упомянутой нами формы Operculina Heberti, встрѣчающейся въ самомъ верхнемъ горизонтѣ датскаго яруса. Этимъ отложеніямъ, относящимся къ суасонскому ярусу, въ восточныхъ Пиринеяхъ и въ Корбьерахъ соотвѣтствуютъ слои съ фораминиферами (альвеолинами) и съ морскими ежами (рода Oriolampas). Между тѣмъ въ западной части Пиринеевъ, какъ мы видѣли, самыми древними эоценовыми осадками, лежащими на датскихъ, являются слои съ нуммулитами (Num. striata и N. perforata), относящіеся къ болѣе молодымъ образованіямъ, именно къ ярусу парижскому (или иначе называемому—Lutetien). Ни суасонскаго, ни лондонскаго ярусовъ (или яруса Ypresien) здѣсь нѣтъ.

Въ Крыму и на Кавказѣ также отсутствуетъ нижній отдѣлъ эоцена. Въ Крыму не имѣется осадковъ, эквивалентныхъ суасонскому и лондонскому ярусамъ. Серія третичныхъ отложеній здѣсь начинается слоями глауконитовыхъ рухляковъ и нуммулитовыхъ известняковъ, соотвѣтствующихъ по возрасту парижскому (Lutetien) ярусу; на нуммулитовыхъ известнякахъ покоится толща бѣлыхъ рухляковъ, содержащихъ моллюски и корненожки слѣдующаго, бартонскаго яруса; еще выше залегаетъ темно-сѣрая глина съ морскими моллюсками, относящаяся уже къ отложеніямъ олигоцена. Присутствіе въ эоценѣ Крыма, также какъ въ эоценѣ Пиринеевъ, ископаемыхъ корненожекъ-нуммулитовъ указываетъ, что эти эоценовыя отложенія выражены по южному типу, т. е. являются образованіями, аналогичными отложеніямъ Альпійской цѣпи и отличающимися отъ образованій сѣвернаго типа, въ которыхъ нуммулиты отсутствуютъ. Къ послѣднему типу относятся эоценовые осадки сѣвернаго склона Кавказа, образованные толщею бѣлыхъ и синеватыхъ рухляковъ съ отпечатками фукусовъ и съ не-

многочисленными моллюсками, характерными для бартонскаго яруса. Отсутствіе окаменѣлостей въ нижнихъ частяхъ этихъ отложеній не позволяетъ подраздѣлить ихъ на отдѣльные горизонты. На южномъ склонѣ Кавказа, напротивъ, вся толща эоценовыхъ образованій,—заключающихъ нуммулиты и относящихся, слѣдовательно, къ южному типу,—можетъ быть расчленена на нѣсколько ярусовъ: самый нижній ярусъ образованъ здѣсь песчаниками, рухляками, глинистыми сланцами и туфами; выше находятся песчаники съ морской фауной, соотвѣтствующіе парижскому ярусу; къ бартонскому же ярусу относятся здѣсь сланцеватые глины и рухляки съ остатками рыбъ (обиліе этихъ остатковъ дало поводъ называть этотъ ярусъ—рыбнымъ).

Въ Пиринеяхъ верхній отдѣлъ эоцена также неодинаково образованъ: въ восточной и центральной части нельзя провести рѣзкой границы между осадками лондонскаго, парижскаго и бартонскаго ярусовъ; здѣсь имѣются известняки съ миліолидами и альвеолинами и рухляки съ оперкулинами, соотвѣтствующіе двумъ нижнимъ ярусамъ, тогда какъ образованій, аналогичныхъ бартонскому ярусу западной части Пиринеевъ, не имѣется. Между тѣмъ этотъ ярусъ въ окрестностяхъ Біаррица, образованный слоями съ Serpula spirulea, рѣзко выдѣляется, залегая между нуммулитовымъ известнякомъ (внизу) и слоями рухляковъ съ Eupatagus (вверху).

Эти послѣдніе слои съ Eupatagus относятся къ слѣдующимъ, болѣе молодымъ образованіямъ лудіенскаго (или лигурійскаго) яруса, которыя считаются одними геологами за самыя верхнія эоценовыя, а другими—за самыя нижнія олигоценовыя. Этимъ образованіямъ, если припомнимъ, въ восточной части Пиринеевъ соотвѣтствуютъ конгломераты, называемые „пуддингами Палассу". Ни въ Крыму, ни на Кавказѣ лудіенскій ярусъ не обнаруженъ; верхнія эоценовыя отложенія покрываются тамъ образованіями, аналогичными тонгрійскому ярусу олигоценовыхъ отложеній.

Ограничиваясь вышеприведенной параллелизаціей геологическаго строенія Пиринеевъ, Крыма и Кавказа, я позволю себѣ сказать нѣсколько словъ объ общемъ рельефѣ или орографіи этихъ областей, несомнѣнно зависящей отъ геологическаго строенія и являющейся результатомъ его. Неодинаковая твердость и плотность горныхъ породъ, слагающихъ собою данную мѣстность, а слѣдовательно и неодинаковая устойчивость ихъ противъ разрушающаго дѣйствія такихъ неумолимыхъ и сильныхъ агентовъ, какъ атмосфера, атмосферные осадки и проточная вода, должны были обусловить неодинаковый рельефъ въ

различныхъ мѣстахъ. Но кромѣ этихъ агентовъ въ горообразовательныхъ процессахъ играли болѣе солидную роль другія могущественныя явленія: вулканическія и явленія сжатія земной коры.

Рамки настоящаго очерка не позволяютъ мнѣ коснуться подробнѣе этихъ вопросовъ. Не входя поэтому въ разсмотрѣніе причинъ, обусловившихъ ту или другую орографію мѣстности, я укажу, что въ этомъ отношеніи Пиринеи отличаются отъ Кавказа и Крыма.

На сѣверномъ склонѣ Пиринеевъ не выражены отчетливо тѣ цѣпи горъ, которыя на сѣверномъ склонѣ Кавказа проходятъ параллельно главному хребту: первая такая цѣпь, образованная юрскими осадками и ближайшая къ главному хребту, протягивается непрерывно отъ запада къ востоку до Дагестана; вторая, болѣе низкая, мѣловая цѣпь отдѣляетъ юрскую цѣпь отъ расположенныхъ къ сѣверу еще болѣе низкихъ высотъ, образованныхъ третичными осадками и сливающихся, постепенно понижаясь, съ обширною степью Предкавказья. Въ Крыму, этой миніатюрѣ Кавказа, также чрезвычайно отчетливо выражены всѣ три цѣпи горъ: юрская, мѣловая и третичная, протягивающіяся параллельно другъ другу съ запада на востокъ.

Приведенныхъ данныхъ, полагаю, достаточно для того, чтобы составить себѣ нѣкоторое представленіе о геологическомъ строеніи сѣвернаго склона Пиринеевъ.

Н. Каракашъ.

ПИСЬМО ИЗЪ ПАРИЖА.

Апрѣль 1901 года.

Въ настоящее время научный міръ заинтересованъ новостью, которая должна, повидимому, привести къ весьма счастливымъ результатамъ. Я говорю объ интернаціональномъ союзѣ академій. Первая мысль о подобномъ союзѣ возникла въ Германіи.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ Вѣнская, Геттингенская и Мюнхенская академіи наукъ и Лейпцигское общество наукъ рѣшили устраивать ежегодные съѣзды своихъ представителей съ цѣлью внести въ научные труды своихъ членовъ общность и связь, а также для того, чтобы предпринимать соединенными силами изслѣдованія общаго научнаго интереса. Съѣзды этихъ четырехъ академій состоялись въ Вѣнѣ въ 1896, въ Лейпцигѣ въ 1897, въ Геттингенѣ въ 1898 и въ Мюнхенѣ въ 1899. Ими были предприняты на общихъ издержкахъ нѣсколько работъ, назначены научныя коммандировки; они вошли въ сношенія съ берлинской академіей и съ лондонскимъ королевскимъ обществомъ. Въ 1898 лордъ Листеръ, президентъ королевской академіи, предложилъ парижской академіи наукъ принять участіе въ этихъ интернаціональныхъ съѣздахъ и высказалъ мысль, что главнымъ европейскимъ академіямъ слѣдовало бы организовать болѣе или менѣе правильные съѣзды черезъ заранѣе опредѣленные промежутки времени.

Съ другой стороны Лондонское королевское общество вошло въ сношенія съ Римской королевской академіей dei Lincei и съ С.-Петербургской Императорской академіей наукъ. Немного позднѣе Берлинская академія наукъ пригласила Парижскую академію наукъ на международную конференцію, которая и состоялась въ Висбаденѣ 9-го и 10-го октября 1899 и на которой собрались представители

отъ академій: Берлинской, Геттингенской, Лейпцигской, Лондонской, Мюнхенской, Парижской, С.-Петербургской, Вѣнской и Вашингтонской, всего 24 человѣка. Они выработали проектъ устава международнаго союза академій. Амстердамская, Брюссельская, Будапештская, Христіанійская, Копенгагенская, Мадридская и Стокгольмская академіи наукъ и Парижскія академія надписей и искусствъ и académie des sciences morales, совершенно независимая отъ академіи наукъ (физическихъ и математическихъ), были приглашены принять участіе въ этомъ международномъ союзѣ; только Мадридская академія историческихъ наукъ отказалась примкнуть къ проекту. Мимоходомъ укажу на странный фактъ, что не были приглашены ни Краковская, ни Пражская академіи наукъ — славяне по обыкновенію забыты или къ нимъ отнеслись какъ къ minus habentes.

Согласно параграфу 2-му выработаннаго въ Висбаденѣ устава, новая академія можетъ быть принята въ союзъ только большинствомъ двухъ третей вошедшихъ въ союзъ академій. Этотъ параграфъ намъ кажется удивительно строгимъ. Въ трехъ участвующихъ въ союзѣ академіяхъ члены выбираются большинствомъ одного голоса.

Цѣль ассоціаціи—подготовка сообща научныхъ трудовъ и облегченіе научныхъ сношеній между различными странами. Посредниками ея являются: общее собраніе, имѣющее мѣсто каждые три года, и комитетъ. Предсѣдатель комитета предлагаетъ общія собранія, въ промежутки же между сессіями комитетъ является представителемъ союза академій. Необходимо согласіе двухъ третей академій, вошедшихъ въ составъ союза, для измѣненія устава.

Международный союзъ академій былъ учрежденъ въ началѣ февраля 1900 г. Онъ принималъ офиціальное участіе въ празднованіи двухсотлѣтняго юбилея Берлинской академіи наукъ. По этому случаю вспомнили, что Лейбницъ неоднократно выражалъ желаніе, чтобъ образовался союзъ всѣхъ научныхъ обществъ цивилизованнаго міра. На съѣздѣ, состоявшемся въ Парижѣ въ іюлѣ прошлаго года, делегаты различныхъ академій впервые познакомились другъ съ другомъ и обмѣнялись мыслями. Были выработаны проекты общихъ изданій; такъ мюнхенская академія предложила изданіе свода греческихъ актовъ и дипломовъ среднихъ и слѣдующихъ за ними вѣковъ; Лейпцигъ, Мюнхенъ и Берлинъ предложили изданіе энциклопедіи ислама.

Первое общее собраніе состоится въ Парижѣ 15-го апрѣля 1901. На немъ будутъ обсуждаться различные проекты. Одинъ изъ инте-

реснѣйшихъ былъ предложенъ Евгеніемъ Мюнтцемъ, а именно полное изданіе мозаикъ, съ древнѣйшей поры до десятаго вѣка христіанской эры.

По случаю всемірной выставки общество распространенія французскаго языка предприняло обширное изслѣдованіе о распространеніи французскаго языка по всему свѣту. Въ каждой странѣ работалъ по этому вопросу спеціальный сотрудникъ. Результаты этихъ изслѣдованій составили прекрасную книгу La langue française dans le monde, изданную г. Фонсэномъ, основателемъ и преданнымъ предсѣдателемъ общества, который снабдилъ ее предисловіемъ и примѣчаніями. (Книга продается въ бюро общества 45, Rue de Grenelle, Paris). Труды общества, кромѣ grand prix, полученнаго имъ на всемірной выставкѣ, получили еще иное вознагражденіе: Французскій институтъ на засѣданіи пяти академій 6-го сего марта присудилъ обществу, по докладу французской академіи, экстраординарную субсидію въ 25.000 фр., поставивъ только условіемъ, чтобы всякое ассигнованіе, дѣлаемое обществомъ изъ этой суммы, сопровождалось словами: субсидія Института. Эти слова укажутъ всѣмъ, посвящающимъ себя преподаванію французскаго языка, интересъ, который принимаетъ институтъ въ распространеніи родного языка.

Общественное мнѣніе продолжаетъ заниматься вопросомъ о преподаваніи въ лицеяхъ. Я уже сообщилъ вамъ о трудахъ по вопросу о народномъ преподаваніи г. Фулье, члена académie des sciences morales et politiques и одного изъ нашихъ выдающихся философовъ. Онъ снова вернулся къ этому важному вопросу на страницахъ Revue politique et parlementaire (мартъ 1901). Онъ подводитъ итогъ XIX вѣку и приходитъ къ заключенію, что этотъ вѣкъ, столь богатый открытіями въ области физическихъ и естественно-историческихъ наукъ, удивительно бѣденъ въ области моральныхъ и соціальныхъ наукъ. Такъ, онъ не могъ разрѣшить задачи о преподаваніи. Столь часто передѣлываемыя французскія программы не оправдали ожиданій ихъ авторовъ.

Г. Фулье озаглавилъ свою статью Echec pédagogique des lettrés et des savants. Г. Фулье, какъ философъ, находитъ, что недостатокъ минувшаго вѣка заключался въ томъ, что полагали, что достаточно быть образованнымъ и ученымъ, чтобы удовлетворительно заниматься дѣломъ образованія, тогда какъ въ дѣйствительности только философы способны придумать и примѣнить систему преподаванія, подходящую для такого общества, какъ французское, въ которомъ старыя вѣрованія поколеблены, не будучи замѣнены новыми принципами. Девятнадцатый вѣкъ, по

мнѣнію г. Фулье, хорошо началъ, но худо кончилъ. Лучшіе умы отстали въ знаніи исторіи, въ эрудиціи, въ критикѣ текста. Г. Фулье находитъ, что молодежь тратитъ слишкомъ много времени на изученіе исторіи. Онъ съ презрѣніемъ относится къ изученію грамматики, метрики, орѳографіи. Онъ требуетъ, чтобы вернулись къ наивнымъ и простымъ грамматикамъ стараго времени; онъ желалъ бы, чтобы преподаватели грамматики въ нашихъ лицеяхъ обладали меньшимъ знаніемъ, но большимъ философскимъ духомъ. Г. Фулье не доволенъ современными гуманистами; онъ упрекаетъ ихъ въ слишкомъ большомъ педантизмѣ; тотъ же упрекъ онъ дѣлаетъ профессорамъ наукъ; въ нихъ тоже нѣтъ философскаго духа. По мнѣнію г. Фулье, философія должна быть душою всего преподаванія. Увы! едва ли философія измѣнитъ профессоровъ и особенно учениковъ. Какой бы методъ ни ввести въ преподаваніе, ученики всегда будутъ стараться учиться какъ можно меньше. Я привожу статью г. Фулье какъ симптомъ, но не присоединяюсь къ его заключеніямъ.

Я указывалъ уже вамъ на совмѣстныя попытки высшаго совѣта по народному образованію и французской академіи упростить въ интересахъ учениковъ орѳографію нашего языка. Иностранцамъ, для которыхъ изученіе нашей грамматики представляетъ серьезныя и иногда ненужныя трудности, пріятно будетъ услышать, что совѣтомъ академіи съ общаго согласія произведены важныя измѣненія, утвержденныя министромъ. Эти измѣненія были указаны персоналу преподавателей циркуляромъ г. Лейга отъ 29-го февраля 1901, текстъ котораго напечатанъ во всѣхъ педагогическихъ журналахъ. Онъ вноситъ большую свободу тамъ, гдѣ царила прежде капризная тиранія; а именно: въ употребленіи существительнаго во множественномъ или единственномъ числѣ въ нѣкоторыхъ случаяхъ, относительно существительныхъ двухъ родовъ, множественнаго числа именъ собственныхъ, сложныхъ существительныхъ, членовъ, прилагательныхъ, мѣстоименій, глаголовъ, причастій и даже нарѣчій. Я не имѣю возможности привести здѣсь примѣры; циркуляръ составляетъ около 6-ти страницъ формата журнала. Онъ строго запрещаетъ дѣлать въ школахъ диктовки, составленныя грамматиками на пытку дѣтскаго ума, и въ заключеніе заявляетъ, что на экзаменахъ не слѣдуетъ считать важными ошибки, указывающія только на незнаніе грамматическихъ тонкостей, а не на отсутствіе въ экзаменующемся сообразительности и дѣйствительнаго знанія.

Всеобщая исторія гг. Лависса и Рамбо, начатая лѣтъ пятнад-

цать тому назадъ, наконецъ закончена на 12-мъ томѣ, обнимающемъ всемірную исторію отъ 1870 по 1900 г. И этотъ томъ, подобно предъидущимъ, составленъ спеціалистами. Наиболѣе замѣчательныя главы суть: Скандинавскія государства, Христіана Шефера; Россія, г. Гомана, Балканскія государства, г. Мале, жившаго въ Бѣлградѣ въ званіи учителя короля Александра; Современная наука, г. Ронери; Искусство, г. Андре Мишель, Словесность, г. Фаге; Французскія колоніальныя владѣнія, г. Рамбо; Крайній востокъ, г. Анри Кордье. Этотъ томъ, являющійся достойнымъ концомъ этого монументальнаго труда, снабженъ общимъ указателемъ къ двѣнадцати томамъ.

Достаточно взглянуть на оглавленіе, чтобы видѣть, что въ этомъ трудѣ принимали участіе самые знаменитые современные историки. Назову наудачу нѣсколько именъ: гг. Оларъ, Бэйе, Бемонъ, Кордье, Фаге, Жебаръ, Жири, Лависсъ, Леже, Левассеръ, Люшеръ, Мюнтцъ, Новаковичъ, Пинго, Рамбо, Сэйу, Сорель, Ксенополь и др. Фирма Арманъ Коленъ оказала истинную услугу историческимъ наукамъ изданіемъ этой прекрасной книги.

Та же самая фирма, давшая намъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ большой всеобщій атласъ Видаль Лаблаша, издаетъ въ настоящее время резюме этого прекраснаго труда — краткій классическій историческій и географическій атласъ. Этотъ атласъ очень остроумно составленъ: названія, на которыя особенно должно быть обращено вниманіе ученика, написаны крупными буквами: каждая карта (которыхъ въ атласѣ до 342) снабжена краткимъ пояснительнымъ текстомъ. Благодаря этому атласу французская картографія можетъ теперь соперничать съ германской (Атласъ стоитъ 15 фр.).

Я уже писалъ вамъ о книгѣ отца Пирлинга Sur les rapports de la Russie avec le Saint-Siège; вышли уже два тома, обнимающіе періодъ съ Флорентійскаго собора до царствованія Бориса Годунова. Теперь вышелъ третій томъ (фирма Плонъ), обнимающій исторію двухъ Лжедимитріевъ и все смутное время. Уже двадцать лѣтъ тому назадъ отецъ Пирлингъ занимался этимъ вопросомъ въ книгѣ, озаглавленной Rome et Démétrie. Въ то время онъ нѣсколько ошибался относительно личности Лжедимитрія. Въ настоящее время, послѣ новыхъ изслѣдованій, онъ вмѣстѣ съ большинствомъ русскихъ историковъ, признаетъ въ немъ растригу Григорія Отрепьева, но онъ вноситъ въ свой разсказъ массу новыхъ документовъ. Ему былъ широко открытъ доступъ къ архивамъ Ватикана. Кромѣ того онъ работалъ въ архивахъ Венеціи, Флоренціи, Вѣны, Кракова, Стокгольма,

С.-Петербурга и Москвы. Въ нихъ онъ нашелъ много неизданныхъ документовъ; онъ напечаталъ нѣкоторые изъ нихъ (на итальянскомъ языкѣ) въ концѣ тома. Онъ весьма талантливо воспользовался ими; это первая исторія смутнаго времени на французскомъ языкѣ столь подробная и опирающаяся на столько новыхъ документовъ.

Я указывалъ уже вамъ на интересную книгу г. Пьера Готье объ Аретинѣ. Г. Готье поклонникъ Италіи и ренесанса. Послѣ исторіи одного изъ ея знаменитѣйшихъ писателей, онъ рѣшилъ дать біографію одного изъ ея извѣстнѣйшихъ кондотьери, Yean des Bandes noires (1 v. in 8° Парижъ, фирма Оллендорфъ). Этотъ человѣкъ жилъ съ 1498 по 1526; онъ былъ сыномъ Іоанна Медичи и Катерины Сфорца. По рожденію онъ принадлежалъ къ двумъ наиболѣе знаменитымъ династіямъ въ Италіи; его имя осталось популярнымъ на Апенинскомъ полуостровѣ; онъ велъ жизнь солдата-авантюриста, его можно назвать послѣднимъ кондотьери; вся его жизнь протекла на войнѣ или на охотѣ. Его біографія впервые дана г. Готье, который написалъ ее по даннымъ, собраннымъ въ архивахъ Милана и Флоренціи; онъ тамъ нашелъ интересный матеріалъ, которымъ талантливо воспользовался; но онъ больше литераторъ, чѣмъ историкъ. Онъ начинаетъ и кончаетъ книгу сонетомъ; критическое введеніе было бы желательнѣе.

Только что появилась въ Bibliothèque de la Faculté des lettres de l'Université de Paris (librairie Alcan) прекрасная статья г. Поля Гиро о ремесленной задѣльной платѣ въ древней Греціи. Греческіе историки мало занимались этимъ вопросомъ; они не интересовались экономическими дѣлами. Къ счастью, нѣсколько лѣтъ тому назадъ были открыты многочисленныя надписи, дающія возможность заполнить пробѣлы, оставленные Геродотами и Ѳукидидами. Г. Гиро уже далъ два прекрасныхъ изслѣдованія: Les Assemblées provinciales dans l'empire Romain (1887), La propriété foncière en Grèce (1893). Онъ давно и старательно трудится и искусно оріентируется среди множества документовъ, имѣющихся у него подъ руками; оставляя въ сторонѣ все, что касается техническихъ пріемовъ, ограничиваясь въ этомъ отношеніи ссылками на книгу Блюмера, онъ послѣдовательно изучаетъ: ремесленный трудъ въ доисторической Греціи, въ Греціи временъ Гомера, развитіе ремеслъ въ Греціи, мнѣніе грековъ о трудѣ, раздѣленіе ремесленнаго труда, организацію ремеслъ, рабство, различныя формы невольничьяго труда, вольноотпущенниковъ. свободный трудъ, плату, жизнь ремесленниковъ. Онъ изучаетъ факты по доку-

ментамъ безъ всякой предвзятой теоріи; книга написана сжатымъ и точнымъ языкомъ. Эта книга исправитъ многія заблужденія и будетъ весьма полезна для будущихъ историковъ Греціи; она прекрасна во всѣхъ отношеніяхъ.

Г. Альфредъ Франклинъ, ученый консерваторъ Bibliothèque mazarine, выпустилъ въ свѣтъ новый томъ своего интереснаго труда Vie privée d'autrefois (фирма Plon). Этотъ томъ озаглавленъ: Variétés parisiennes; въ немъ, какъ и въ предъидущихъ, проявляются рѣдкій умъ и неисчерпаемая начитанность автора. Въ немъ находятся хорошо обоснованныя объясненія происхожденія названій улицъ, нумераціи домовъ, которая была съ трудомъ установлена и окончательно принята только въ началѣ XIX вѣка, данныя о старинныхъ вывѣскахъ, о площади Парижа въ различныя эпохи его исторіи, а также о его народонаселеніи, объ употребленіи словъ Madame и Mademoiselle въ нашей древней исторіи, объ освященномъ хлѣбѣ, который прихожане подносили по очереди своему приходу, о способѣ, какимъ дары для умирающихъ проносили по улицамъ столицы, о гербахъ корпорацій, столь многочисленныхъ въ старой Франціи. Книга снабжена рисунками старинныхъ эстамповъ. Это 23-й томъ серіи, начатой авторомъ лѣтъ двадцать тому назадъ и встрѣченной весьма сочувственно въ обществѣ. Авторъ предполагаетъ закончить на этомъ. Общество, въ широкомъ смыслѣ, а также любители рѣдкостей, ученые будутъ ему признательны за доставленныя имъ удовольствіе и пользу.

Въ книгѣ L'Europe et la question d'Autriche au seuil du XX siècle (libr. Plon) молодой талантливый публицистъ Андре Шераданъ касается одной изъ интереснѣйшихъ задачъ исторіи и политики. Опираясь на грозную совокупность данныхъ, онъ даетъ исторію германскихъ вожделѣній, грозящихъ существованію Австро-Венгріи, и стремится доказать, что въ интересахъ Франціи и Россіи поддержать существованіе этого государства. Его книга снабжена многими картами и статистическими таблицами. Она представляетъ не только важный современно-политическій интересъ, но является очень интересной главой въ исторіи этнографіи XIX вѣка. Авторъ обладаетъ широкой эрудиціей, и книга даетъ много новаго даже знатокамъ этихъ вопросовъ.

Г. Артуръ Шюке, новый членъ Académie des sciences morales, не только прекрасный военный историкъ, но и большой знатокъ нѣмецкой литературы, исторію которой онъ преподаетъ въ Collège de France. Недавно появилась его книга Etudes de la Littérature allemande (фирма

Plon), заключающая въ себѣ три этюда о произведеніяхъ Гете:—Гёцъ ф.-Берлихингенъ, Германъ и Доротея и Лагерь Валленштейна. Эти этюды составляли предисловія къ классическимъ изданіямъ этихъ произведеній фирмою Cerf. Авторъ воспроизвелъ ихъ безъ всякихъ измѣненій; они превосходны, и было бы желательно, чтобы г. Шюке издалъ свои лекціи по нѣмецкой литературѣ, читанныя имъ въ Collège de France.

Французская публика чрезвычайно любитъ все, что касается драматическаго искусства. Изслѣдованій по исторіи нашего театра очень много и каждый день появляются все новыя. Вотъ два изъ нихъ, на которыя стоитъ обратить вниманіе: Le théâtre français avant la période classique, E. Rigal (libr. Hachette), профессора французской литературы въ университетѣ Монпелье, лауреата французской академіи. Эта книга заключаетъ въ себѣ исторію нашего театра во второй половинѣ XVI вѣка и въ первой половинѣ XVII (до Корнеля); авторъ даетъ намъ интересную исторію такъ называемыхъ сельскихъ комедіантовъ, странствовавшихъ по провинціи со своимъ скарбомъ, изображенныхъ такъ забавно Скарономъ въ его Roman comique (въ наше время Теофиль Готье изобразилъ ихъ въ своемъ знаменитомъ романѣ le Capitaine Fracassa); исторію парижскихъ театровъ съ 1548 по 1635; исторію авторовъ драматическихъ произведеній, предписывающихъ, въ настоящее время, свои законы актерамъ, а въ то время бывшихъ на жалованьи у нихъ; сообщаетъ о расходахъ и доходахъ театровъ, объ относительномъ положеніи актеровъ и публики и объ организаціи и постановкѣ спектаклей. Эта книга, написанная по источникамъ и снабженная подробной библіографіей, очень поучительна. Рядомъ съ ней упомяну о небольшой книгѣ изъ болѣе скромной сферы, подъ заглавіемъ la Comédie, Evolution du genre (libr. Paul Delaplane). Ея авторъ, Léon Levrault, состоитъ профессоромъ въ одномъ изъ нашихъ лицеевъ; ему принадлежитъ книга въ томъ же родѣ объ эпосѣ и романѣ. Эта книга представляетъ на сотнѣ страницъ резюме всего, что надлежитъ знать объ исторіи комедіи во Франціи; она снабжена библіографіей.

Парижское лингвистическое общество, основанное съ 1865 г., занимаетъ въ настоящее время значительное мѣсто среди европейскихъ обществъ того же рода. Оно издало около десяти томовъ мемуаровъ, при сотрудничествѣ главныхъ французскихъ лингвистовъ (Бреаля, Анри, Соссюра, Гаве, Дельво и др.); но этому прекрасному изданію не доставало алфавитнаго указателя; теперь этотъ недостатокъ пополненъ трудами г. Ерно, профессора университета Пуатье и отлич-

наго лингвиста. Указатель напечатанъ весьма тщательно въ національной типографіи и состоитъ: 1) изъ подробнаго оглавленія; 2) изъ index verborum, занимающаго около 200 страницъ и, наконецъ, изъ алфавитнаго указателя именъ авторовъ.

Гг. Альфредъ и Морицъ Круазе являются у насъ какъ бы Діоскурами греческой филологіи; они шли параллельными дорогами; въ настоящее время одинъ изъ нихъ профессоръ греческой литературы на словесномъ факультетѣ въ Парижѣ и деканъ этого факультета; другой—профессоръ греческой литературы въ Collège de France. Альфредъ Круазе—членъ академіи des Inscriptions et belles lettres; Морицъ заслуживаетъ такого же отличія, но академіи рѣдко выбираютъ двухъ членовъ одной семьи. Оба брата трудились много лѣтъ надъ обширной исторіей греческой литературы, первый томъ которой появился въ 1887, а пятый и послѣдній въ 1897. Я уже указывалъ вамъ на этотъ значительный трудъ, самый полный изъ имѣющихся на французскомъ языкѣ по греческой литературѣ. Но этотъ большой трудъ, по своей цѣнѣ (44 фр.) доступенъ не для всѣхъ библіотекъ. Гг. Круазе сократили его въ книгу въ 800 стр. in 12, подъ заглавіемъ Manuel d'histoire de Littérature grecque à l'usage des lycées et collèges (Paris, libr. Fontemoing). Это руководство отличается тѣми же достоинствами композиціи, эрудиціи и стиля, какъ и обширный трудъ, изъ котораго оно извлечено. Г. Альфредъ Круазе занялся главнымъ образомъ прозаиками. его братъ—поэтами. Каждая глава сопровождается краткой, но достаточно полной біографіей; этотъ трудъ обнимаетъ главныя произведенія христіанской литературы и доходитъ до VI вѣка нашей эры.

Въ числѣ изданій по классической филологіи упомяну еще книгу Emile Chatelain'a Introduction à la lecture des notes tironiennes. Г. Шателэнъ давно уже пріобрѣлъ извѣстность своими трудами по латинской палеографіи и лексикографіи, за которые получили награды отъ академіи надписей. Его послѣдній трудъ литографированъ имъ самимъ въ небольшомъ числѣ экземпляровъ и можетъ быть пріобрѣтенъ у автора (Парижъ, 71, Avenue d'Orlean).

Начатая около пятнадцати лѣтъ тому назадъ большая энциклопедія близится къ концу. Вышедшій надняхъ 28-й томъ доходитъ до начала буквы S. Между наиболѣе значительными статьями находятся: Races humaines (Deniker, ученый библіотекарь музея), Raphael, Religion (Marillier), Renaissance (André Berthelot), République (Monin), Révolution (Monin), Richelieu (Hauser), langues Romaines (Salmon и

Brandin), Rome (T. Routain), Rouen (Vollet), Roumanie (Teodoru). Jean Jeacques Rousseau (Lanson), Russie (André Berthelot, Zaborowski, Legras, Haumant) и т. д. Этотъ томъ, какъ и предыдущіе, снабженъ картами и иллюстраціями.

Académie des sciences morales et politiques понесла недавно потерю въ лицѣ извѣстнаго историка, г. Перрана (Perrens), автора прекрасныхъ трудовъ о Савонаролѣ и исторіи Флоренціи. Академія надписей тоже лишилась двухъ историковъ: г. де-ла-Бордери, автора прекрасной исторіи Бретани до присоединенія ея къ Франціи, и г. Целестина Порь (Port), завѣдывавшаго архивомъ въ департаментѣ Мэнъ и Луары, занимавшагося особенно исторіей Анжу. Оба эти историка были учениками Ecole des Chartes, которой они дѣлали честь.

Л. Л—ръ.

ства Народнаго Просвѣщенія, 1900, октябрь, 12). Упоминаемые въ дельфійскомъ декретѣ ѳеоры могли пригласить его въ Дельфы, или же они могли явиться въ Халкиду на брачный пиръ царя съ поздравленіями. Тогда понятнѣе было-бы и необычное отправленіе изъ Дельфъ одного изъ жрецовъ, такъ какъ поѣздка была-бы очень непродолжительной [1]).

Итакъ новѣйшая датировка Помтова—189/8 г.,—такъ соблазнившая Баунака, почти невѣроятна, а та, отъ которой Помтовъ открещивался въ виду „рѣшающаго" аргумента въ Beiträge (h)—192/1 г.—могла-бы быть допущена съ весьма большой вѣроятностью. Но отсюда не слѣдуетъ, что она вѣрна. Она была-бы вѣрна, если-бы подъ Антіохомъ декрета *нельзя* было разумѣть Антіоха IV Эпифана и если-бы нельзя было въ ΕΛΕΩΝ видѣть Κλέων, т. е. архонта 168/7 года. А на дѣлѣ это не такъ. Я уже выше отмѣтилъ, что исключеніе Клеона 168/7 года основано у Помтова на предвзятой и невѣрной датѣ составленія географическаго списка между 176—171 годами.

Въ подробности объ этомъ спискѣ входить здѣсь невозможно: онѣ требуютъ особаго детальнаго изслѣдованія, которое мною уже давно приготовлено къ печати. Я сообщу изъ него лишь необходимые здѣсь для насъ выводы, которые позволяю себѣ считать доказанными. О тѣхъ обломкахъ географическаго списка проксеновъ, которые намъ пока извѣстны, нельзя говорить огуломъ, что они составлены въ 176—171 гг. Списокъ былъ составленъ въ географическомъ порядкѣ, съ раздѣленіемъ на столбцы, обнимающіе города въ извѣстномъ направленіи отъ Дельфъ, съ подраздѣленіемъ столбцовъ на отдѣлы, съ заголовками въ началѣ каждаго отдѣла (въ родѣ ἐν Βοιωτίαι, ἐν Κεφαλλανίαι и т. п.) и съ оставленными послѣ каждаго отдѣла пробѣлами для послѣдующихъ дополненій списка позднѣе

[1]) По датамъ дельфійскихъ манумиссій жрецъ Аѳамвъ присутствовалъ въ Дельфахъ въ 6, 7 и 10 мѣсяцахъ 192/1 г., въ 5 и 6 191/0, въ 3, 7, 8 и 10 190/89, въ 2, 6, 9 и 12 189/8 г. (см. въ tabulae моихъ Д. э. э. стр. 216). Эти данныя не исключаютъ, конечно, возможности и довольно продолжительнаго отсутствія жреца Аѳамва, но нужно помнить, что они случайны: зависятъ отъ числа извѣстныхъ намъ манумиссій, которыя имѣются далеко не отъ всѣхъ мѣсяцевъ этихъ лѣтъ. Общее же впечатлѣніе этихъ данныхъ таково, что не наводитъ на мысль объ отсутствіи Аѳамва изъ Дельфъ въ эти годы. Обыкновенно онъ всегда появляется въ манумиссіяхъ подлѣ своего коллеги Ксенона; четыре раза выступаетъ одинъ Ксенонъ, но за то пять разъ мы видимъ одного Аѳамва. Въ случаѣ довольно продолжительной отлучки Аѳамва *одинъ* Ксенонъ вѣроятно встрѣчался-бы намъ въ документахъ *чаще*, чѣмъ одинъ Аѳамвъ.

назначенными проксенами. Списокъ былъ *составленъ еще въ III вѣкѣ*, вѣроятно въ послѣднія десятилѣтія. Отъ него въ нашихъ обломкахъ дошло слишкомъ мало, по всей вѣроятности только четыре строки: A, II, 3—6 (= Baunack 2580, стр. 10—13), именно:

> [Ἐν Κεφαλλα]νίαι (заголовокъ отдѣла).
> Ἐ[ν Σ]άμαι ὁ δεῖνα,
> Ἐν Παλλέοις ὁ δεῖνα,
> Ἐν Κρανίοις ὁ δεῖνα.

Все остальное въ нашихъ обломкахъ состоитъ изъ позднѣйшихъ дополненій списка. Эти дополненія вносились чрезъ тѣ или другіе промежутки лѣтъ сначала въ соотвѣтствующіе географически пробѣлы, оставленные между отдѣлами столбцовъ, а по заполненіи пробѣловъ — въ пустыя пространства, имѣвшіяся внизу всего соотвѣтствующаго столбца. Мы въ обломкахъ встрѣчаемся *большею частію съ наиболѣе поздними* дополненіями, относящимися ко времени несомнѣнно раньше 161/0 г., а по всей вѣроятности раньше даже 165/4 года. При дополненіяхъ внизу всего столбца по возможности соблюдался также географическій порядокъ, но, какъ и естественно при всякихъ дополненіяхъ, уже не съ полной послѣдовательностью. Когда уже ни въ пробѣлѣ отдѣла, ни внизу столбца не хватало мѣста для внесенія относящагося къ отдѣлу и столбцу дополненія, оно, вѣроятно, помѣщалось по сосѣдству, въ столбцѣ справа или слѣва, смотря по тому, гдѣ было свободное мѣсто. Отсюда иное дополненіе оказывается географически не на своемъ мѣстѣ, не среди записей проксеновъ той же самой области или направленія. Въ частности, что касается B III, т.-е. того столбца, въ которомъ записаны проксенами „въ Лаодикеѣ приморской Филонидъ сынъ Филонида и братъ его Дикеархъ сынъ Филонида" (строки 15 — 17 = Baunack 2580 стр. 105 — 107), то тамъ въ самомъ верху имѣются дополненія внесенныя не раньше 196/5 г. и не позднѣе 179/8 г. (стр. 1 — 4 = Baun. 91—94,—проксены въ Массаліи). Слѣдующее дополненіе внесено не раньше 179/8 г., скорѣе на нѣсколько лѣтъ позднѣе (стр. 5 = 95, — проксенъ въ Елеѣ). Еще позднѣе слѣдующія ниже дополненія (стр. 6—13 и 18 и сл. = 95 — 103 и 108 сл., — проксены въ городахъ Западной Локриды и Этоліи и дальше на островахъ между Греціей и Италіей и въ Великой Греціи и Сициліи). Запись нашихъ сирійцевъ оказывается въ промежуткѣ между елейской записью съ одной стороны и западнолокридскими и прочими съ другой,

т.-е. очевидно не на своемъ мѣстѣ, въ совсѣмъ неподходящемъ сосѣдствѣ. Естественнѣе всего это объясняется тѣмъ, что сирійскій отдѣлъ и вообще соотвѣтствующій столбецъ предназначенный для Азіи (или ея части, — говорю примѣрно) уже былъ заполненъ, такъ что нашихъ лаодикейскихъ проксеновъ пришлось помѣстить въ чужой столбецъ. Отсюда слѣдуетъ лаодикейскую запись считать одной изъ позднѣйшихъ среди всѣхъ дополненій. И по внѣшнимъ эпиграфическимъ признакамъ, которыя выясняются только на facsimile, можно признать, что эта запись позднѣе какъ верхнихъ (стр. 6—18), такъ и нижнихъ (18 сл.) записей, которыя, въ свою очередь, какъ мы видѣли, позднѣе 179/8 + X года. Итакъ проксены Дикеархъ и Филонидъ были внесены въ списокъ несомнѣнно позднѣе 179/8 г., по всей вѣроятности въ послѣдніе періоды дополненій, а такъ какъ дополнительно вносились, конечно, позднѣе назначенные проксены, то и проксенію Дикеарха нельзя, по моему мнѣнію, ставить раньше 179/8 г., а скорѣе на десятокъ лѣтъ позднѣе. Декретъ о ней слѣдовательно состоялся уже не при Антіохѣ III, а говоритъ объ Антіохѣ IV, т.-е. не можетъ быть раньше 175 года. Не можетъ онъ относиться и къ Антіоху V, потому что тогда онъ падалъ бы на 164-й годъ или слѣдующіе, а дополненія списка прекратились уже до 165/4 года. А разъ въ промежуткѣ 175—164 извѣстенъ архонтъ Κλέων 168/7 года, то, кажется, нужно вернуться къ исправленію Бергка (b): ΕΛΕΩΝ = Κλέων. Если я и теперь прибавляю „кажется", то лишь потому, что въ ΕΛΕΩΝ, отъ котораго всѣ исходили, можетъ быть, кроется вовсе не имя архонта, а слово Δελφῶν, какъ это будетъ видно изъ послѣдующей реконструкціи всего текста декрета о Дикеархѣ.

Разумѣется нельзя принять толкованіе Бергка цѣликомъ. Онъ исходилъ отъ времени Дафнейскихъ игръ, съ коими связывалъ дельфійское священное посольство, и тѣмъ опредѣлялъ дату Клеона. Мы же теперь иначе знаемъ дату Клеона, 168/7 г., и должны отъ нея исходить. Дельфійскіе ѳеоры могли быть отправлены не на праздникъ къ Антіоху, а для приглашенія самого Антіоха, т. е. ἐπὶ τὰν ἐπαγγελίαν какого-либо дельфійскаго праздника. Дельфійцы въ декретѣ даютъ Дикеарху θεωροδοκίαν τῶν τε Πυθίων καὶ Σωτηρίων; это, казалось-бы, говоритъ, что ѳеоры, докладывавшіе о немъ, были именно οἱ ἀποσταλέντες ἐπὶ τὰν ἐπαγγελίαν τῶν τε Πυθίων καὶ Σωτηρίων. Однако едва-ли здѣсь можно разумѣть по крайней мѣрѣ большой пиѳійскій праздникъ: онъ былъ въ 3-мъ олимпійскомъ году,

а 168/7 г. = ол. 153, 1 (см. Ѳ. Ѳ. Соколовъ „Ежегодные праздники пиѳійскій и немейскій", *Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія* 1899, іюль, 1 сл.). Дельфійцы любили посылать пословъ къ царямъ по разнымъ поводамъ, особенно при вступленіи царя на престолъ. Помтовъ называетъ такія посольства дельфійскими Bettelreisen. Для возможности опредѣлить ближайшій поводъ въ данномъ случаѣ пришлось-бы разобраться въ хронологіи египетскихъ походовъ Антіоха (ср. Metzung, Beiträge, 13), но теперь я не намѣренъ вдаваться въ этотъ разборъ. Во всякомъ случаѣ Антіохъ даже и послѣ неожиданнаго для него исхода послѣдняго похода не потерялъ духа: объ этомъ говорятъ его блестящіе праздники (Holm, IV, 504 сл. 566 сл.). Итакъ отъ даты Помтова, 189/8, нужно отказаться. Дата 168/7 г. вполнѣ возможна и въ виду извѣстій папируса почти несомнѣнна. Ниже будетъ показано (къ 1 стр.), что декретъ состоялся скорѣе всего въ первомъ семестрѣ архонта Клеона, т. е. въ іюлѣ — декабрѣ 168 г.

Вскорѣ состоялось и внесеніе его въ географическій списокъ. Мы видѣли тамъ обоихъ братьевъ: [Φιλωνί]|δας Φιλωνίδα καί ὁ ἀ[δελφὸς αὐτοῦ] | Δικαίαρχος Φιλωνί[δα] (см. выше е; я прибавляю αὐτοῦ для заполненія строки). Декретъ нашъ говоритъ объ одномъ младшемъ. Очевидно относительно старшаго былъ особый декретъ, состоявшійся или нѣсколько раньше или тогда же и по докладу тѣхъ же ѳеоровъ. Мы теперь знаемъ изъ папируса объ особенномъ значеніи Филонида при дворѣ Антіоха. Заслуги его могли быть крупнѣе, чѣмъ Дикеарха, и могли требовать не простого ἐπαινέσαι съ обычнымъ комплексомъ почетныхъ титуловъ и привилегій, а еще напр. вѣнка, статуи, особенно видной публикаціи постановленія. На существованіе особыхъ декретовъ, можетъ быть, указываетъ и формулировка записи въ спискѣ: вмѣсто наиболѣе естественнаго и краткаго: Φιλωνίδας καὶ Δικαίαρχος οἱ Φιλωνίδα сказано: Φιλωνίδας Φιλωνίδα καὶ ὁ ἀδελφὸς αὐτοῦ Δικαίαρχος Φιλωνίδα. Прибавка словъ: ὁ ἀδελφὸς αὐτοῦ, конечно, была не излишня, потому что иначе Дикеарха можно было принять не за брата, а за сына предшествующаго лица. Что иногда и въ другихъ случаяхъ о братьяхъ бывали отдѣльныя, хотя и одновременныя, постановленія, видно напр. изъ Baunack 2599: Δελφοὶ ἔδωκαν Ἀμφιλόχωι Πολυίδου Θεσσαλῶι ἐκ Γορτῶνος αὐτῶι καὶ ἐκγόνοις προξενίαν κτἑ., слѣдуетъ дата, а за нею: κατὰ ταὐτὰ δὲ καὶ τῶι ἀδελφῶι Ἀμυθάονι.

Выводъ Кёлера (е), что во время записи Филонида и Дикеарха въ списокъ d ихъ отца уже не было въ живыхъ, я считаю наиболѣе

естественнымъ и распространяю его также и на время декрета о проксеніи и ѳеодорокіи Дикеарха. Я не называю его безусловно необходимымъ, ибо допускаю возможность назначенія проксенами сыновей и при жизни ихъ отца, именно въ тѣхъ случаяхъ, когда роль сына или сыновей была гораздо виднѣе роли отца. Къ данному случаю я не примѣняю этого исключенія потому, что мы изъ аттической надписи с знаемъ, что и Филонидъ-отецъ былъ видною личностью. Кромѣ того и болѣе вѣроятное мое дополненіе въ декретѣ (къ 10—11 стр.); „ἀνανεώσασθαι“ Дикеарху τὰν θεωροδοκίαν скорѣе говоритъ о времени *послѣ* смерти его отца. Такимъ образомъ аттическая надпись, говорящая еще объ отцѣ, конечно, древнѣе декрета 168/7 года. Однако едва-ли она древнѣе на много лѣтъ. Я тутъ не основываюсь на выводѣ Крёнерта изъ фрагмента 45 папируса, что родители Филонида-философа были долго живы: текстъ тамъ не вполнѣ ясенъ и проченъ: μετὰ τὸν εἰς Συρίαν Φιλω[νί]δου πλοῦν εἰς Καρία[ν διενο]εῖτο περιστας (?) οἴκοδε ἀπελθεῖν, ὅπως ἂν μὴ ἀ[πωτέρ]ω (?) τῶν γονέων ἀπέχ[ηι ἐὰν] ἐν Καύτῳ (? папир. ΚΛΛΝΟ) τὴ[ν] σχολ[ὴν καταστήσηται?],—дополненія главнымъ образомъ Дильса. Важнѣе то, что уже въ аттической надписи сыновья Филонида-отца выступаютъ, конечно, не какъ дѣти, а какъ взрослые. Слѣдовательно если ἀκμή Филонида-сына ставить на 175—150 годы, то трудно аттическую надпись поставить раньше 200 года. Это согласно и съ палеографической датой Кёлера (с). Кто же въ такомъ случаѣ „цари“ аттической надписи? Я думаю, что въ нихъ можно видѣть Антіоха III и его сына Селевка, бывшихъ вмѣстѣ въ 190-хъ годахъ въ Іоніи и на Еллиспонтѣ,—„τοὺς βασιλεῖς Ἀντίοχον καὶ Σέλευκον“, какъ о нихъ говорится въ иліонской надписи CIG 3596= Dittenberger Sylloge[1] 157, которую Ѳ. Ѳ. Соколовъ „съ увѣренностью относитъ къ 196 году“ (въ статьѣ: „Антіохъ иліонскихъ надписей“. *Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія* 1897, іюль, 26), или же это, можетъ быть, тотъ же Антіохъ III и его старшій сынъ Антіохъ, который въ 197 году „уже носилъ царскій титулъ“ (см. O. Kern Inschriften von Magnesia am Mäander, 18 и 61; Niese, II, 639), или всѣ трое. Во всякомъ случаѣ аттическая надпись въ числѣ „царей“ имѣетъ въ виду Антіоха III, слѣдовательно она не моложе 187 года. Скорѣе всего ее нужно помѣстить раньше окончательнаго разрыва Антіоха съ Римомъ, раньше 192 года, или даже раньше 194-го, потому что со времени того разрыва аѳиняне, чуткіе къ римскимъ вѣяніямъ, едва-ли вступали въ близкія сношенія съ Антіохомъ. Всѣ разсужденія о времени аттической надписи, ко-

нечно, очень условны и гадательны. Если мы ее поставимъ на 200—195 годы и допустимъ, что Филониду-сыну тогда было не менѣе 20—25 лѣтъ, то окажется, что къ началу царствованія Антіоха IV ему было лѣтъ 45; во время дельфійскаго декрета—около 52.

Надъ папирусомъ, вѣроятно, потрудятся другіе, я же попытаюсь съ подробной мотивировкой возстановить текстъ дельфійскаго декрета о Дикеархѣ. Послѣдній издатель его (Baunack 2677) называетъ копію Киріака „жалкой", мнѣ же думается, что при внимательномъ отношеніи къ этой копіи жалкой покажется скорѣе реконструкція самого издателя. Кромѣ того мой опытъ возстановленія можетъ имѣть значеніе и для обработки другихъ эпиграфическихъ текстовъ, извѣстныхъ намъ только по изданіямъ киріаковскаго матеріала.

Относительно Киріака мнѣ приходится основываться только на показаніяхъ Бёка, такъ какъ изданія Киріака (Morone, стр. XXVII, № 196) у меня нѣтъ подъ рукой (а равно и старой литературы, цитуемой Бёкомъ: Leich, Rose, Dobree). Бёкъ положилъ въ основу текстъ Киріака (Moroniani) и сообщаетъ варіанты Муратори (vol. II, p. DLXXXIX), какъ издавшаго текстъ ex suis schedis. У Киріака (Moroniani) versus indiscreti sunt, и Бёкъ даетъ дѣленіе строкъ по Муратори, оговариваясь однако, что оно nullius fidei est. Баунакъ повторяетъ это и все-таки сохраняетъ дѣленіе Муратори и отчасти отъ него зависитъ. По моему, на Муратори не стоитъ обращать вниманія. Его изданіе (или его schedae) отличается отъ Киріака только произвольными и обыкновенно неудачными поправками, которыя сами себя уличаютъ, съ прибавкой простыхъ недосмотровъ или опечатокъ. Такіе „варіанты" безполезно и указывать, и въ *моей реконструкціи на прилагаемомъ листѣ* заглавными буквами надъ текстомъ я отмѣчаю лишь тѣ мѣста, въ которыхъ текстъ Киріака (по Бёку) у меня измѣненъ.

У Киріака, несомнѣнно, много мелкихъ и крупныхъ лакунъ. Когда въ копіи versus indiscreti, то лакуны иногда помогаютъ возстановить дѣленіе на строки. Именно, даже при малой точности копіи естественно ожидать, что болѣе крупныя лакуны зависѣли не отъ копировавшаго, а отъ состоянія камня, и прежде всего думается, что уже во время копированія съ трудомъ читались или были совсѣмъ стерты или обломаны или *начала* или *концы* строкъ. Если лакуны отстоятъ одна отъ другой приблизительно на равныхъ разстояніяхъ, то указанная догадка становится уже довольно вѣроятной. Если, дѣля строки на этомъ основаніи и дополняя ихъ наиболѣе естествен-

1. ἀγαθᾶ[ι] τύχα[ι]. ἄρχοντος Η Ε | ι τᾶι πόλει τῶν Δελφῶν· = 95

2. ἐπειδὴ Δαμοκράτης καὶ Τιμ | λῆ 'Αντίοχον ἐπελθόν-

X
3. τες ἐπὶ τὰν ἐκκλησίαν ἀνά | ς [ὧν τυγχάνει ποτί = 89

ΠΟΝ Π
4. τε τὸ ἱερὸν καὶ τὰν πόλιν τῶν | σιαν εὔ[χρηστον αὐτὸς = 98

ΑΣΣΟΝ
5. αὐτὸν παρασκευάζει ἐν πα | [τῶν πολιτᾶν, εἰς ἅ = 87

Z Η
6. κά τις αὐτὸν παρακαλῆ, καὶ τ | ϑας προθυμίας [ἐν οἷς = 96.

ΚΑΙ Η
7. κα τυγχάνων[τι] χρείαν ἔχον | ίκαια καὶ συμφέροντα = 95

Γ
8. περὶ τοῦ ἱεροῦ καὶ τᾶς πόλιος | ἀγορᾶι [τελείαι σύμ = 87

ΣΩΣΙΑΙ
9. [ψ]άφοις ταῖς ἐννόμοις· ἐπαιν | εὐσεβείαι [καὶ εὐνοίαι = 93

Γ Δ
10. καὶ ἐπ[ὶ] τᾶι λοιπᾶι προαιρέσει | ρῶν, καὶ ἀνανεώσασθαι = 87
ϑθαι παρὰ τᾶς πόλιος = 96

ΑΥΓΟΙ Σ
11. αὐτῶι τ[ὰν] θεωροδοκίαν τῶν | γέταν [καὶ θεωροδό- = 86
ΚΑΙ αὐ[τῶι καὶ ἐκ]γό[νο]ις θε | = 94

Ι
12. χον τοῦ ἱεροῦ καὶ τᾶς πόλιος | σιαν πάν[των, προεδ- = 94

ΠΡΑΣΚΕΙΣ ΕΤΕΡΟΙΣΚΑΙΣ
13. [ρ]ίαν ἐμ πᾶσι τοῖς ἀγῶνο | εὐεργέταις [ὑπάρ- =90⟨86⟩

14. [χ]ει παρὰ τᾶς πόλιος.

нымъ способомъ, мы получимъ почти одинаковую длину строкъ, то вѣроятность превращается почти въ несомнѣнность.

Начало надписи, т. е. *начало* первой строки, какъ увидимъ (къ 1), было при Киріакѣ по всей вѣроятности цѣло. Слѣдовательно лакуны скорѣе всего были въ концѣ строкъ. Дѣйствительно, если распредѣлить текстъ по строкамъ такъ, какъ у меня на прилагаемомъ листѣ, оказывается, что почти всѣ безъ исключенія лакуны большихъ размѣровъ помѣщаются въ концѣ строкъ. Надпись, по моему, состояла изъ 14 строкъ. Изъ тринадцати строкъ, доходившихъ въ свое время до праваго края, въ одиннадцати крупныя дополненія стоятъ, несомнѣнно, въ концѣ; строки 9 и 11 кажутся не нуждающимися въ большихъ дополненіяхъ, но, можетъ быть, только кажутся. При этомъ значительная часть мелкихъ пропусковъ или смѣшеній падаетъ на начало строкъ, и это опять вполнѣ естественно при перерывѣ контекста и вѣроятной неполной сохранности также и лѣваго края камня. Наибольшее дополненіе требуется для первой строки, т. е. для самой верхней, и это опять въ порядкѣ вещей какъ потому, что верхняя строка камня могла наиболѣе пострадать, такъ и потому, что тамъ копировавшій имѣлъ дѣло съ рядомъ собственныхъ именъ, которыя вообще труднѣе копировать при недостаточной сохранности камня. Число буквъ въ строкахъ колеблется отъ 86 до 96. Такое колебаніе при длинныхъ строкахъ и вообще не велико (=8:9), а при дельфійскомъ способѣ вырѣзки надписей, при которомъ неудобныя для рѣзьбы мѣста камня иногда пропускались и правый край надписи очень часто не представлялъ отвѣсной линіи, и вовсе не бросается въ глаза. Не бросается въ глаза и длина строкъ: въ Дельфахъ есть проксеническія надписи съ строками въ 100—110 буквъ (напримѣръ, Pomtow, N. Jahrb., 1896, 625, № 15, Baunack 2635). Итакъ я полагаю, что дѣленіе нашего декрета по строкамъ еще возстановимо, что оно было въ сущности тожественно съ моей реконструкціей.

Перехожу къ частностямъ.

1. ΑΓΑΘΑΤΥΧΑΑΡΧΟΝΤΟΣ. У Баунака: ἀγαθὰ τύχα. Однако изъ приблизительно 130 примѣровъ разныхъ формъ boni eventus apprecatio въ началѣ дельфійскихъ декретовъ (чаще всего одно θεοί—до 80 разъ или θεός—до 10, кромѣ случаевъ соединенія θεός съ тѣми или другими словами) форма, избранная Баунакомъ, т. е. въ nominativus и съ прилагательнымъ впереди, встрѣчается только разъ, въ надписи гораздо болѣе древней, чѣмъ наша, да и тамъ еще до точнаго изданія сомнительна: „[ἀγα]θ[ὰ] τύχ[α]“ въ 2829=BCH XXI, 315

IV или начала III вѣка. Наоборотъ ἀγαθᾶι τύχαι, иногда съ предшествующимъ θεός, является по крайней мѣрѣ 11 разъ и при томъ большею частью во II вѣкѣ (2820, 2724, 2725, 2737, 2819, 2821). Она же, вѣроятно, была и у насъ, и iota adscriptum пропало скорѣе лишь въ копіи или при изданіи копіи Киріака, такъ какъ и въ нашей надписи при α оно всегда налицо (9 разъ) и вообще стало исчезать при ω и α гораздо позднѣе, чѣмъ при η (стр. 6 παρακαλῆ). Boni eventus apprecatio обычно занимаетъ особую строку (болѣе 100 изъ 130 случаевъ), распредѣляясь симметрично почти по всей длинѣ ея. Въ лѣвомъ концѣ особой строки и со сплошнымъ расположеніемъ буквъ apprecatio бываетъ крайне рѣдко, такъ что помѣщать наше ἀγαθᾶι τύχαι на самое *начало* особой строки значитъ допускать исключеніе. А если бы наше ἀγαθᾶι τύχαι занимало симметрично *всю* особую строку, то оно не могло бы быть прочитано Киріакомъ, такъ какъ онъ даже изъ слѣдующей строки, начинавшейся въ этомъ случаѣ съ ἄρχοντος, прочиталъ только начало (см. ниже). Отсюда несравненно вѣроятнѣе, что ἀγαθᾶι τύχαι стояло въ *одной* строкѣ съ ἄρχοντος. Было-ли тамъ предъ нимъ еще слово θεός? У насъ нѣтъ ни одного примѣра, гдѣ бы „θεός — ἀγαθᾶι τύχαι“ стояло въ одной строкѣ съ текстомъ самой публикаціи. Формула въ этомъ видѣ или занимаетъ особую строку (2824. 2888 и, можетъ быть, 2724, 2725) или распредѣляется такъ, что только θεός стоитъ въ особой строкѣ, а ἀγαθᾶι τύχαι уже въ связи съ текстомъ: ἔδοξε κτέ. (2821, около 147/6 г.). Послѣдній случай интересенъ въ томъ смыслѣ, что изъ него какъ бы слѣдуетъ, что nominativus θεός или θεοί находится въ менѣе тѣсномъ отношеніи къ декрету, чѣмъ dativus ἀγαθᾶι τύχαι. Отсюда ближе всего думать. что и у насъ предъ ἀγαθᾶι τύχαι *не было* θεός въ той же строкѣ, если же оно было вообще, то стояло въ особой строкѣ, отъ которой Киріакъ не замѣтилъ слѣдовъ. Мелочной разборъ этого пункта нуженъ намъ для того, чтобы опредѣлить, могъ ли Киріакъ списать самое начало нашей первой строки. Отвѣтъ утвердительный наиболѣе вѣроятенъ. Изъ наличности ἀγαθᾶι τύχαι, какъ мы видѣли, онъ еще не слѣдуетъ непосредственно.

1. ἄρχοντος ΕΛΕΩΝ ἐπειδή. У Помтова и Баунака [(Ξέν)]ων[ος]. Послѣдній отмѣчаетъ, что отсутствіе перечня совѣтниковъ послѣ даты kaum glaublich, но не видитъ, что кромѣ βουλευόντων κτέ. не хватаетъ и формулы: ἔδοξε τᾶι πόλει τῶν Δελφῶν. Уже Свобода (Griech. Volksbeschlüsse, 29, 269) указалъ обычную форму дельфійскаго полнаго декрета: ἔδοξε τ. π. τ. Δ., затѣмъ мотивировка съ ἐπειδή, далѣе

δεδόχθαι и пр. Эта форма встрѣчается какъ въ III, такъ и во всемъ II вѣкѣ и въ началѣ I-го. До конца IV жреческаго періода, т.-е. по 158/7 годъ она господствуетъ почти исключительно; только изрѣдка подлѣ нея попадаются рѣдкія формы: ἔ. τ. π. τ. Δ.—ἐπαινέσαι κτλ. (2799; 2728, 2725), или ἔ. τ. π. τ. Δ.—εἶμεν αὐτὸν πρόξενον κτλ. (2611; 2610). или ἐ. τ. π. τ. Δ.—δεδόσθαι αὐτῶι προξενίαν κτλ. (? 2668),—всѣ три безъ δεδόχθαι. Форма же, содержащая δεδόχθαι (въ нашемъ декретѣ стр. 8) и не имѣющая предшествующаго ἔ. τ. π. τ. Δ., появляется впервые лишь въ 140-хъ (2818). и къ тому же при отсутствіи ἔ. τ. π. τ. Δ. датировка: ἄρχοντος—βουλευόντων—обыкновенно стоитъ не въ началѣ декрета, какъ у насъ, а въ концѣ. Итакъ въ нашемъ декретѣ должно было стоять: ἄρχοντος τοῦ δεῖνος, βουλευόντων τὰν πρώταν (или δευτέραν) ἑξάμηνον N, N, N, ἔδοξε τᾶι πολει τῶν Δελφῶν. ἐπειδὴ κτλ. Слѣдовательно *возможно*, что слово Δελφῶν мы еще имѣемъ у Киріака въ видѣ того ΕΛΕΩΝ, изъ котораго дѣлали и елейцевъ и Ἐλέωνος и Κλεοδάμου и Κλέωνος и Ξένωνος! Если это такъ, то ΕΛΕΩΝ оказывается *послѣ* большой лакуны, слѣдовательно стояло въ началѣ 2-й строки. Совершенно естественно, что первой буквы Δ уже нельзя было прочитать, а палеографически ΕΛΦΩΝ, конечно, гораздо ближе къ ΕΛΕΩΝ, чѣмъ ΞΕΝΩΝ или ΚΛΕΟΔ, и почти не дальше, чѣмъ ΚΛΕΩΝ. Возможность смѣшенія Φ и Ε можно было бы еще объяснить тѣмъ, что здѣсь въ формѣ буквы Φ былъ вмѣсто круга полукругъ (ср. Pomtow, N. Jahrb. 1894, 502, — такая форма однако обычна только въ III вѣкѣ). Наконецъ, если бы ΕΛΕΩΝ стояло сряду за ἄρχοντος, то, казалось бы, и Киріакъ могъ прочитать или отъ себя дополнить окончаніе родительнаго падежа ΟΣ, и наоборотъ при перерывѣ контекста естественно было стать втупикъ при неточно прочитанномъ ΕΛΕΩΝ. Въ такомъ случаѣ у насъ нѣтъ никакого слѣда имени архонта, и намъ предоставляется полный выборъ между всѣми извѣстными и неизвѣстными архонтами. Однако можно и возражать противъ этого рѣшенія, т.-е. въ пользу ἄρχοντος (Κ)λέων[ος]. Именно, на строку 2 считая съ ἐπειδὴ по ἐπελθόν падаетъ уже достаточное количество буквъ=87; въ несомнѣнно испорченномъ, слѣдовательно трудно читавшемся перечнѣ ѳеоровъ Киріакъ навѣрно пропустилъ нѣсколько буквъ = x; если въ эту строку помѣстить еще Δελφῶν = 6, то длина строки (87 + 6 + x = 93 + x) грозитъ уже перейти максимальную величину. Если x здѣсь значительный,—а его можно опредѣлить только при надежномъ возстановленіи именъ ѳеоровъ, — то, разумѣется, придется читать: ἄρχοντος (Κ)λέων[ος]. Это соображеніе

я считаю настолько существеннымъ, что скорѣе склонился бы въ пользу послѣдняго чтенія (конечно, не изъ одного только нежеланія потерять хронологическую точку опоры съ обращеніемъ ΕΛΕΩΝ въ Δελφῶν). Введенное мною въ текстъ дополненіе всей первой строки взято изъ *перваго* семестра архонта Клеона = 168/7 года, — оно тожественно съ текстомъ декрета 2610 (прочія данныя см. въ tabulae Д. э. э.). Въ строкѣ получается 93 буквы или съ двумя iota adscriptum 95.—среднее между 86—96. Дополненіе по второму семестру. т.-е. τὰν δευτέραν ἑξάμηνον Ἀσάνδρου, Ξένωνος, Δεξώνδα. ἔδοξε τᾶι πόλει τῶν Δελφῶν, дало бы уже 98 или 100 буквъ. Дополнить только ἔδοξε τᾶι πόλει, пропуская τῶν Δελφῶν, я не нахожу возможнымъ, такъ какъ почти удивляешься, какъ часто и съ какимъ постоянствомъ дельфійцы прибѣгали къ ближайшему опредѣленію своего города посредствомъ „τῶν Δελφῶν" въ своихъ собственныхъ документахъ, выставляемыхъ въ ихъ же городѣ: я знаю только одинъ случай ἔδοξε τᾶι πόλει безъ τῶν Δελφῶν, это 2615 III вѣка [1]). Поэтому естественнѣе относить нашъ декретъ къ второй половинѣ 168, а не къ первой 167 года [2]). Прибавка обозначенія семестра, которая необходима при моей реконструкціи (τὰν πρώταν ἑξάμηνον), по наблюденіямъ Помтова появляется въ *декретахъ только* съ 171/0 года, раньше же въ декретахъ ограничивались простымъ βουλευόντων N, N, N (Pomtow, Philologus, 1898, 551 сл.). Это могло бы служить косвеннымъ подтвержденіемъ моей датировки (168/7), если бы наблюденія Помтова имѣли для себя достаточное основаніе. Въ дѣйствительности у насъ почти нѣтъ полныхъ и сжатыхъ декретовъ 200—172 года для необходимаго сравненія, и точка зрѣнія Помтова на формулы прескрипта вообще весьма сомнительна (ср. Д. э. э. 276 и 286).

2. Баунакъ по слѣдамъ Помтова читаетъ: ἐπειδὴ Δαμοκράτης καὶ ΤΙΜΑΣΝΙ κα(ὶ Ἀ)θαμβο[(ς)] ὁ ἱε(ρε)ὺς ἐξαποσταλέντες ποτὶ τὸν [(β)]ασ(ιλῆ Ἀν)τ[(ίο)]χ(ον) ἐπὶ τὰν ἐκκλησίαν ἀνάγγειλαν, возстановляя подчеркнутое изъ ΚΑΘΑΜΒΟΠΟΙΕΥΣ. Жрецъ Аѳамвъ служитъ для нихъ краеугольнымъ камнемъ, такъ что имъ остается только возстановить имя второго ѳеора и отожествить его и перваго ѳеора съ извѣстными

---

[1]) Прибавка τῶν Δελφῶν считалась необходимой вѣроятно потому, что въ Дельфахъ публиковалось много декретовъ другихъ греческихъ общинъ и кромѣ того много амфиктіоновскихъ.

[2]) Такъ какъ теперь Антіохъ III Помтова и его же архонты Κλεόδαμος или Ξένων 192/1 и 189/8 совсѣмъ въ разсчетъ не идутъ, то я опускаю дополненія 1-й строки примѣнительно къ тѣмъ годамъ. Ихъ легко сдѣлать по tabulae Д. э. э.

намъ дельфійцами. Это и дѣлаетъ Баунакъ. Онъ отмѣчаетъ, что Δαμοκράτης Καλλιγένεος упоминается какъ поручитель въ 179 г. (2064), какъ свидѣтель въ 181 (2247) и какъ совѣтникъ въ 172 г. (1802). Все это неполно и неточно. Уже въ Д. э. э. стр. 255 пр. 87 я указалъ о совѣтникѣ 173/2 г., что это можетъ быть или Δαμοκράτης Ἀθανίωνος, или ὁ Δάμωνος, или ὁ Καλλιγένεος, слѣдовательно отожествленіе при отсутствіи отчества ненадежно. На второмъ мѣстѣ, по Баунаку, стояло, можетъ быть, только Τίμων и разумѣется отецъ поручителя (Καλλικλῆς Τίμωνος) изъ манумиссіи 1796-й 175/4 года. Здѣсь опять неполнота. Я не намѣренъ дополнять и вдаваться въ гадательныя отожествленія. Для этого пришлось бы привести весь генеалогическій матеріалъ о дельфійскихъ Дамократахъ и Тимонахъ и остановиться на томъ или другомъ мнѣніи о возрастѣ, обычномъ для ѳеоровъ, а моя попытка относительно послѣдняго не привела пока къ опредѣленному результату, такъ какъ лишь очень немногіе ѳеоры извѣстны намъ по именамъ, допускающимъ точное отожествленіе лицъ и опредѣленіе ихъ возраста. Прочнаго заключенія, такимъ образомъ, не удалось бы сдѣлать. Важнѣе всего этого то, что и краеугольный-то камень Помтова и Баунака разсыпается. Одно неудобство обращенія ΟΙΕΥΣ въ ὁ ἱερεύς сознавалъ, какъ мы видѣли (k), самъ Помтовъ: отъѣздъ изъ Дельфъ жреца Аполлона. Можно указать и другія. Жрецы Аполлона почти постоянно выступаютъ свидѣтелями въ манумиссіяхъ. Тамъ въ началѣ II вѣка они чаще называются просто οἱ ἱερεῖς, но позднѣе все чаще и чаще прибавляется τοῦ Ἀπόλλωνος. Напримѣръ въ 195/4 ни разу нѣтъ этой прибавки, въ 189/8 она является одинъ разъ на шесть безъ нея, въ 168/7 девять разъ на четыре безъ нея, около 140/39 (Ξενόκριτος VIII) она есть во всѣхъ манумиссіяхъ. Но отсюда нельзя заключать, что и въ нашемъ декретѣ при имени ѳеора Аѳамва должно или могло стоять простое „ὁ ἱερεύς". Въ манумиссіяхъ отсутствіе опредѣленія τοῦ Ἀπόλλωνος было несущественно, потому что рабы продавались Аполлону и при храмѣ Аполлона, слѣдовательно само собою разумѣлось, о чьихъ жрецахъ идетъ рѣчь. Для насъ важнѣе упоминанія о жрецахъ въ другихъ контекстахъ, къ сожалѣнію, пока не многочисленныя. Въ посвященіи Алкесиппа въ 182/1 году (2101): πομπεύειν δὲ ἐκ τᾶς ἅλωος τοὺς ἱερεῖς τοῦ Ἀπόλλωνος καὶ τὸν ἄρχοντα καὶ τοὺς πρυτάνεις κτλ. Въ учрежденіи Атталій въ 159/8 г. (2642): πομπευόντω οἵ τε ἱερεῖς τοῦ Ἀπόλλωνος καὶ τῶν ἄλλων θεῶν καὶ πρυτάνεις καὶ ἄρχοντες κτλ.... ἐπεὶ δέ κα πομπεύσωντι οἱ ἱερεῖς τοῦ Ἀπόλλωνος καταρχέστων κτλ. Какъ здѣсь есть на

лицо и вполнѣ естественно ближайшее опредѣленіе жрецовъ, такъ, кажется, оно ожидалось бы и въ нашемъ полномъ и притомъ „weitschweifigen“ (g) декретѣ. Далѣе, жрецы Аполлона всегда выступаютъ *впереди* всѣхъ прочихъ лицъ, и должностныхъ и частныхъ. Отсюда представляется неестественнымъ упоминаніе жреца Аеамва на *послѣднемъ* мѣстѣ, послѣ прочихъ ѳеоровъ, кто бы они ни были и сколько бы ихъ ни было. Поэтому, хотя послѣдніе годы жречества Аеамва (175/4—171/0) еще захватываютъ царствованіе Антіоха IV и „Аеамвъ жрецъ“ еще не исключаетъ рѣчи объ Антіохѣ IV (при ΕΛΕΩΝ= Δελφῶν можно вѣдь подставить, какъ имя архонта, и Ἀρχελάου 175/4, и Σωσινίκου 174/3, и Αἰακίδα 173/2, и Κλεοφάνεος 172/1, и Μένητος 171/0), я всетаки отказываюсь отъ обращенія ΟΙΕΥΣ въ ὁ ἱερεύς. Бёкъ и Бергкъ видѣли тутъ οἱ δὶς ἐξαποσταλέντες, и мнѣ кажется, что они *отчасти* правы, именно что членъ при этомъ причастіи необходимъ. Это ἐξαποσταλέντες, безъ сомнѣнія, служитъ опредѣлительнымъ, а не обстоятельственнымъ причастіемъ, т. е. не „будучи посланы“, а „которые были посланы“. Иначе получился бы невозможный контекстъ, особенно тогда, когда есть еще ἐπελθόντες предъ ἐπὶ τὰν ἐκκλησίαν (см. къ 2—3). Приведу слѣдующія неполныя параллели. Въ декретѣ 192/1 г. (2652): ἐπειδὴ ἐπανελθόντες θεωροὶ οἱ ἀποσταλέντες ἐπὶ τὰν ἐπαγγελίαν τῶν Πυθίων Ἀμύντας καὶ Χαρίξενος ψάφισμά τε ἀνήνεγκαν κτλ. Въ декретѣ около 157/6 (2737), очень напоминающемъ нашъ: ἐπειδὴ παραγενόμ[ενοι]|[οἱ ἐξα]ποσταλέντες θεωροὶ ποτὶ τὸν βασιλῆ Πτολεμαῖον Ἀστύοχος, Εὐαγόρα[ς]|[ἐπάγ]γελλον (?) τᾶι πόλει (здѣсь и Кувъ и Баунакъ читаютъ ἀποσταλέντες, но ἐξ необходимо для заполненія пробѣла; послѣ Εὐαγόρα[ς] могло быть имя еще третьяго ѳеора, какъ я указалъ уже въ Д. э. э. 355). Мы не имѣемъ права, обращая ΟΙΕΥΣ въ ὁ ἱε(ρε)ύς, устранять необходимый для текста членъ, а должны сохранить его или въ формѣ οἱ или съ привлеченіемъ предшествующаго въ копіи Π въ формѣ τοί. Лично я предпочитаю первую форму: въ надписяхъ даннаго времени τοί сохраняется еще, да и то очень непослѣдовательно, въ τοὶ ἱερεῖς, τοὶ ἄρχοντες въ рубрикѣ свидѣтелей манумиссій, но рядомъ уже господствуетъ οἱ παρατυγχάνοντες и т. п. Что же тогда дѣлать съ ΕΥΣ? Я читаю: οἱ συνεξαποσταλέντες, полагая, что къ ΕΥΣ ближе ΣΥΝ, чѣмъ ΔΙΣ Бёка и Бергка. Дельфійской параллели, правда, нѣтъ для этого глагола (употребляемаго Поливіемъ и Діодоромъ), но вотъ одна малоазійская также II вѣка: τοῖς ἐξαποσταλεῖσιν δικασταῖς N, N, N καὶ τῶι συνεξαπεσταλμένωι αὐτοῖς γραμματεῖ N, ὃς καὶ ἐπελθὼν ἐπὶ τὸν δῆμον κτλ. (O. Kern, Inschr. v. Magnesia, 101

ст. 69). Тутъ σόν понятно само собой, а у насъ оно, вѣроятно, точнѣе, указываетъ, что *всѣ* названныя лица, а не послѣдніе только двое, участвовали въ *одномъ и томъ же* посольствѣ. Въ духѣ Баунака можно было бы изъ ΕΥΣ сдѣлать (π)ε(ρ)υσ(ι).

Такимъ образомъ намъ не нужно прибѣгать къ натяжкѣ, т. е. къ допущенію отъѣзда жреца въ далекую Сирію. Баунакъ, принимая этотъ отъѣздъ жреца за фактъ, нашелъ даже параллель сюда, именно говоря о θеорахъ около 157/6 г. въ декретѣ 2737 (мѣсто приведено у меня выше) и вѣрно отмѣчая тожество θеора Антіоха съ однимъ изъ совѣтниковъ того же семестра, въ которомъ состоялся декретъ, онъ поясняетъ, что здѣсь θеоромъ является состоящій въ должности совѣтникъ, какъ въ декретѣ о Дикеархѣ жрецъ. Идя этимъ путемъ можно, пожалуй, дойти и до обобщенія, что θеоры назначались изъ должностныхъ лицъ. Для меня отъѣздъ одного изъ трехъ дежурныхъ совѣтниковъ семестра еще менѣе вѣроятенъ, чѣмъ отъѣздъ одного изъ двухъ пожизненныхъ жрецовъ. Дѣло обстоитъ проще. Декретъ 157/6 состоялся въ первомъ семестрѣ, можетъ быть, въ самомъ началѣ его, Антіохъ же могъ вернуться отъ Птолемея еще до начала 157/6 года. Нѣчто подобное мы видимъ и въ декретѣ 192/1 г. 2652 (мѣсто приведено выше): тамъ названы θеоры Аминта и Хариксенъ и тамъ же Аминта является совѣтникомъ, а Хариксенъ—казначеемъ, и я полагаю, что если тѣ и другіе тожественны, то они вернулись въ Дельфы раньше (можетъ быть, даже гораздо раньше) вступленія одного въ совѣтъ, другого въ казначеи. Кстати сказать, при убѣжденіи Помтова и Баунака въ жречествѣ θеора Аθамва имъ естественно было сдѣлать еще шагъ въ томъ же направленіи и допустить участіе въ посольствѣ еще особы женскаго пола, напримѣръ, какой-либо дельфійской жрицы или просто самой пиθіи, для этого стоило только изъ оставшагося безъ транскрипціи ΤΙΜΑΣΝΙ сдѣлать, напримѣръ, Τιμᾶς Νί[κωνος] или нѣчто подобное (Τιμᾶς Διονυσίου въ Дельфахъ въ 1883, около 164/3 года).

Установить имена и личности θеоровъ мнѣ не удается. Имена или были соединены посредствомъ καί или нѣтъ; было названо или два лица съ отчествами (т. е. Δαμοκράτης τοῦ δεῖνος-καὶ- ὁ δεῖνα Ἀθάμβου), или три или даже четыре лица безъ отчествъ. Не исключены и другія возможности кромѣ этихъ шести (напримѣръ два лица безъ отчествъ, одно съ отчествомъ). А отсюда зависитъ и возстановленіе именъ. Я полагаю, что неудовлетворительность копіи Киріака здѣсь зависѣла отъ состоянія камня: порча послѣдняго, уничтожившая ³/₄ текста

1-й строки, очевидно распространялась уже и на данное мѣсто 2-й строки, такъ что Киріакъ могъ списать только отдѣльныя буквы или группы буквъ, и главная вина его въ томъ, что онъ не указалъ мѣста и величины лакунъ. Далѣе, если въ 1-й строкѣ (при чтеніи ΕΛΕΩΝ = Κλέωνος) Киріакъ могъ прочитать 22 буквы съ начала строки съ ошибкой только въ одной Е вмѣсто К, то естественно допустить, что и во 2-й строкѣ текстъ на пространствѣ первыхъ 22 буквъ былъ еще удобочитаемъ: ἐπειδὴ Δαμοκράτης ΚΑΙΤΙΜ = 22, слѣд. ΚΑΙΤΙΜ = καί Τιμ, а не отчество Дамократа и не новый nominativus. Имена ѳеоровъ слѣдовательно скорѣе всего были *безъ* отчествъ и *съ* καί. За отсутствіе отчествъ, пожалуй, говоритъ и ΑΘΑΜΒΟΠ, въ которомъ кроется скорѣе Ἄθαμβος, чѣмъ Ἀθάμβου, такъ какъ предшествующія буквы ΑΣΝΙΚ не соотвѣтствуютъ именамъ извѣстныхъ Аѳамвовичей (Ἀβρόμαχος I вѣка, 2266, Ἀγάθων 188/7—187/6 г., 2014, 2239, Πολυτιμίδας половины I вѣка, 2167)... Пропуски или смѣшенія буквъ у Киріака падаютъ скорѣе всего на ΑΣΝΙΚ. Связать эти буквы съ Τιμ нельзя: въ Дельфахъ есть слѣдующія имена съ Τιμ-: Τιμάγορος, Τίμαιος (IV вѣка), Τίμαρχος, Τιμογένης, Τιμόδαμος, Τιμόθεος, Τιμοκλῆς, Τιμοκράτης, Τιμόκριτος, Τιμολέων, Τιμόμαχος, Τιμόξενος, Τιμόστρατος, Τιμοχαρίδας, Τίμων, и нѣтъ возможнаго подходящаго сюда, напримѣръ, Τιμασ[ί]νικ[ος]. Если не допускать ряда смѣшеній буквъ, то нужно признать пропуски и притомъ значительные. Не вводя во 2-ю строку ΕΛΕΩΝ = Δελφῶν (см. выше), мы можемъ, не переходя максимальной величины строки, допустить пропускъ около 10 буквъ, т. е. напримѣръ чтеніе: καὶ Τίμ[ων κ]α[ὶ] Σ[ώ]νικ[ος καὶ] Ἄθαμβος, или καὶ Τίμα[ρχο]ς [καὶ] Νίκ[ων καὶ] Ἄθαμβος и т. п. Я привожу только примѣры. Для меня изъ сказаннаго слѣдуетъ лишь, что скорѣе всего въ нашей строкѣ было названо *четыре* ѳеора, а не *три*, но надежны имена только перваго и послѣдняго. Въ послѣднемъ я вижу не жреца Ἄθαμβος Ἀγάθωνος 198/7—171/0 г., а или его одноименнаго внука (извѣстенъ съ 166/5 до около 152/1), или скорѣе Ἄθαμβος Ἀθανίωνος (177/6—141/0, совѣтникъ уже въ 165/4 г.) или Ἄθαμβος Ἀβρομάχου (съ 173/2 г., совѣтникъ также въ 165/4), ставшаго жрецомъ около 139/8 г. Если ѳеоровъ здѣсь четыре, то тѣмъ умѣстнѣе было οἱ συνεξαποσταλέντες.

2—3. Изъ ΠΟΤΙΤΟΝΤΑΣΤΕΧ Баунакъ (уже по слѣдамъ Dobree) дѣлаетъ „ποτὶ τὸν [(β)]ασ(ιλῆ Ἀν)τ[(ίο)]χ(ον)“. Жалка здѣсь, конечно, не копія. Далѣе, уже Rose вставлялъ παρελθόντες предъ ἐπὶ τὰν ἐκκλη-

σίαν ἀνάγγειλαν, но Бёкъ полагалъ, что можно обойтись и безъ этой вставки, и Баунакъ ему слѣдуетъ. Однако несомнѣнно правъ былъ Rose, только дельфійскій стиль требуетъ здѣсь не παρελθόντες, а ἐπελθόντες, см. 2818, 2682, 2683, BCH. XXII, 15, и также, конечно, въ 2643, гдѣ Оссулье дополнялъ ἐπελθόν[τες ποτὶ τὰν ἐκκλη]σίαν (а Баунакъ такъ увлекся этимъ ошибочнымъ ποτί, что ввелъ его еще въ 2726); параллельнымъ выраженіемъ служитъ ποτιπορευθεὶς ποτὶ τὰν ἐκκλησίαν (2627, ср. Д. э. э. 283). При моемъ чтеніи и распредѣленіи текста получается только одна естественная лакуна.

3—4. У Баунака: ἀγαθὸς (δια)τελεῖ ὢν ποτί τε] τὸ изъ ΑΓΑΘΟΣΤΕΤΟ. У меня опять *одна* естественная лакуна. Вмѣсто διατελεῖ я ставлю τυγχάνει въ виду того же глагола въ строкѣ 10 (ср. 2687, 2688, 2726, 2800; наоборотъ διατελεῖ въ обоихъ случаяхъ въ 2737). Въ ΠΟΝ узнали ἱερόν уже давно.

4—5. Изъ ΕΥΠΑΣΣΟΝ у Баунака: „εὔ(χρ)η(στον) ἀ[(ὐ)]σω(τό)ν"!!... Я не знаю только, нужно-ли оставить Π въ концѣ строки 4-й, или перенести въ начало 5-й: тамъ Π было бы ошибкой Киріака вмѣсто Χ, здѣсь вмѣсто Ε, однако и смѣшеніе Χ = Π не изъ легкихъ, и форма ἑαυτόν здѣсь необычна. Я ставлю въ текстъ αὐτὸς | αὐτόν, наиболѣе обычное и почти исключительное въ *декретахъ* города Дельфъ (2663, 2672, 2682, 2685, 2687, 2693, 2737, 2738, 2800, BCH. XXII, № 7 и 26). Только одинъ разъ въ нихъ есть αὑσωτῶν, 2726, около 130 года, и Баунакъ напрасно прибѣгъ къ этому исключенію. Я опускаю здѣсь дальнѣйшій экскурсъ о формахъ возвратнаго мѣстоименія въ дельфійскихъ надписяхъ, полагая, что матеріалъ исчерпанъ въ появившейся недавно книгѣ, которой пока не видѣлъ: Valaori Der delph. Dialekt, Göttingen (ср. еще Fournier, BCH. XXI, 591 сл.), и надѣясь, что въ ней найдется подтвержденіе моего выбора.

5. τῶν πολιτᾶν у Баунака нѣтъ, однако ср. параллели 2682, 2683, 2687, 2818, 2819, BCH. XXII, № 7.

6. Считать-ли въ ΒΑΣΙΛΗΑΑΝΤΙΟΧΟΝ Α диттографіей (такъ Баунакъ) или видѣть ошибку въ Η вмѣсто Ε (βασιλέα), трудно рѣшить. Баунакъ ссылается на βασιλῆ въ 2737, но у насъ въ строкѣ 9 есть Λαοδικέα.

6. Къ συνεργεῖ Баунакъ: „2737, Zeile 9 steht das Medium συνεργείμενος". Это одинъ изъ множества случаевъ рабства Баунака. Кувъ дополнилъ въ 2737: συνεργείμε[νος μετὰ προ]θυμίας. Ошибка явная, читать нужно, какъ въ нашемъ декретѣ: συνεργεῖ με[τὰ πάσας προ]θυμίας,

и ниже въ 2737, конечно, не παρα[σκευάζ]ων], какъ у Кува = Баунака, а παρα[σκευάζ]ει], какъ у насъ [1]).

7. Баунакъ ставитъ τὰ συμφέροντα послѣ πράσσει, какъ въ 2737. Моя реконструкція требуетъ постановки послѣ Ἀντιόχω[ι], надѣюсь, также вполнѣ естественной. Я прибавляю еще δίκαια, не считая его обязательно необходимымъ. Въ 2819 вмѣсто συμφέροντα стоитъ τὰ ἄριστα, въ 2682 вовсе нѣтъ соотвѣтствующаго дополненія.

9. Уже давно узнали ἐπὶ τᾶι εὐσεβείαι въ ΕΙΤΑΕΥΣΩΣΙΑΙ Киріака. Можно было бы на этомъ и остановиться: эта строка оказалась бы прочитанною Киріакомъ до конца, т. е. безъ лакуны; ошибки копіи объяснялись бы тѣмъ, что конецъ строки читался съ большимъ трудомъ. Однако строка тогда была бы короче прочихъ—всего 83 буквы, такъ что я допускаю и здѣсь лакуну, помѣщая въ нее слова καὶ εὐνοίαι. Въ дельфійскихъ почетныхъ декретахъ проводится довольно послѣдовательное различіе между услугами святилищу или богу и заслугами по отношенію къ городу. Благодѣтелей хвалятъ τᾶς τε ἐν τὰν πόλιν εὐεργεσίας καὶ εὐνοίας ἕνεκεν καὶ τᾶς ποτὶ τὸ ἱερὸν εὐσεβείας καὶ ὁσιότατος χάριν (2819), εὐσεβείας ἕνεκεν καὶ εὐεργεσίας τᾶς ἐν τὸ ἱερὸν καὶ τὰμ πόλιν (2672), εὐσεβείας ἕνεκεν τᾶς ποτὶ τὸν θεὸν καὶ εὐνοίας τᾶς ποτὶ τὰν πόλιν (2848), ἐπί τε τᾶι ποτὶ τὸν θεὸν εὐσεβείαι καὶ τᾶι ποτὶ τὰν πόλιν ἁμῶν εὐνοίαι (2728), ἐπί τε τᾶι ποτὶ τὸν θεὸν εὐσεβείαι καὶ ὅτι εὔνοος ἐστὶ τᾶι πόλει (2722); ср. εὐσεβῶς ποτὶ τὸν θεόν—εὐνοϊκῶς ποτὶ τὰν πόλιν διακεῖσθαι (2680, 2679); кромѣ εὔνοια или εὐεργεσία по отношенію къ городу (и въ болѣе широкомъ смыслѣ) указывается еще ἐκτένεια, σπουδά, φιλοτιμία (2687, 2818, 2683). Такъ какъ въ разбираемомъ контекстѣ рѣчь касается и святилища и города (стр. 10), то, разъ упомянуто εὐσέβεια, нужно ожидать и упоминанія объ εὔνοια или σπουδά и т. п. Иначе вѣроятно обошлись бы и безъ „ἐπὶ τᾶι εὐσεβείαι" и ограничились бы однимъ общимъ „ἐπὶ τᾶι προαιρέσει", какъ послѣ одинаковой формулировки въ 2737.

10. Баунакъ: „προαιρέσει ἅ[(ι)]" вмѣсто ΑΝΙ копіи, очевидно по образцу 2682; однако и въ 2737 и въ 2756 стоитъ ἃν безъ аттракціи. Копія даетъ здѣсь и ἃν⟨ι⟩ и ἅ⟨ν⟩ι.

10—11. Баунакъ: „(Δελφῶν, καὶ ὑπάρχειν) αὐτῶι [(κ)αὶ ἐκγόνοις παρὰ τᾶς πόλιος] θεωροδοκίαν." Но ὑπάρχειν есть въ 12 стр., такъ что во избѣжаніе повторенія лучше было бы сказать: καὶ δεδόσθαι αὐτῶι,

---

[1]) Другихъ недосмотровъ Кува въ 2737 Баунакъ также не доглядѣлъ. Я отчасти указалъ ихъ уже въ Д. з. э. 355.

см. напримѣръ 2844: δεδόχθαι — ἐπαινέσαι — καὶ δεδόσθαι, ср. 2729, 2685 [1]). Въ дельфійскихъ полныхъ декретахъ замѣтно нѣкоторое стремленіе разнообразить выраженія, напримѣръ 2819: δεδόχθαι — ἐπαινέσαι — καὶ στεφανῶσαι — ὑπάρχειν δὲ αὐτῶι — εἶμεν δὲ αὐτὸν πρόξενον — ὑπαρχέτω δὲ αὐτῶι — εἶμεν δὲ αὐτῶι. До сихъ поръ противъ ὑπάρχειν. Далѣе, если Баунакъ къ своему αὐτῶι [(κ)] указываетъ въ копіи ΑΥΤΩΙΣ, то, очевидно, онъ не доглядѣлъ, что это лишь поправка Муратори, тогда какъ у Киріака по Бёку стоитъ ΑΥΓΟΙΣ. Допуская, что начало строки читалось съ трудомъ, можно дополнить, не мѣняя ни одной буквы копіи: αὐ[τῶι καὶ ἐκ]γό[νο]ις. Наконецъ, слова παρὰ τᾶς πόλιος, разумѣется, не необходимы. Согласно съ моей реконструкціей ихъ нужно было бы поставить въ концѣ строки, т. е. сряду послѣ ὑπάρχειν или δεδόσθαι, а не послѣ αὐτῶι καὶ ἐκγόνοις. Чаще, конечно, встрѣчается послѣдняя разстановка (около 15 разъ), но изрѣдка παρὰ τᾶς πόλιος стоитъ и непосредственно за δεδόσθαι = ὑπάρχειν (2845, 2621). Строка 10-я безъ этихъ словъ была бы короче всѣхъ, — всего 88 буквы, — а съ ними она равняется 96. Если же этихъ словъ вовсе не было въ текстѣ, то я предложилъ бы вмѣсто ὑπάρχειν = δεδόσθαι поставить ἀνανεώσασθαι, при которомъ въ строкѣ оказалось бы 87 буквъ. Возражать противъ этого дополненія можно было бы лишь потому, что тогда необходимъ еще членъ предъ θεωροδοκίαν, слѣдовательно пришлось бы или допустить цѣлыхъ три лакуны въ началѣ 11-й строки: αὐ[τῶι καὶ ἐκ]γό[νο]ις [τὰν] θεωροδοκίαν, или изъ ΑΥΓΟΙΣ сдѣлать αὐτῶι τ[ὰν], исключивъ упоминаніе о „потомкахъ". По поводу послѣдняго отмѣчу, что такое отсутствіе упоминанія о потомкахъ вообще очень рѣдко встрѣчается, кажется, всего 4 раза: 2611, 2616, 2692 и 2761, причемъ изъ этихъ четырехъ декретовъ три послѣдніе говорятъ не о проксеніи только, но вмѣстѣ *и о ѳеородокіи*. Если бы подвести сюда и нашъ декретъ и читать αὐτῶι τ[ὰν], то это, правда, не близко подходило бы къ *буквамъ* копіи, но избавляло бы насъ отъ двухъ или даже трехъ лакунъ въ началѣ строки.

11. τῶν τε Πυθίων καὶ Σωτηρίων. У Киріака вмѣсто τε стоитъ ΔΕ; по Баунаку „bleibt auch τε anstössig", однако самъ же онъ дополняетъ τε въ этомъ сочетаніи въ 2819, и это несомнѣнно правильно: такое τε стоитъ и въ параллельномъ мѣстѣ 2646. Я думаю, что и

---

[1]) Конечно, и въ 2727 было: δεδόχθαι — ἐπαινέσαι — στεφανῶσαι — ἀποστεῖλαι δὲ — [δεδόσθ]αι δὲ αὐτᾶι, гдѣ Баунакъ сохраняетъ дополненіе Кува [ὑπάρξ]αι.

въ четвертомъ мѣстѣ, упоминающемъ о „Пиѳіяхъ и Сотиріяхъ", также нужно вставить τε, именно въ 2612 = W.—F. 13. Баунакъ, не провѣрявшій здѣсь чтенія Вешера и Фукара, пишетъ вмѣстѣ съ ними: εἶμεν δὲ αὐτὸν καὶ θεαροδόκον τῶ[ν] Πυθίων καὶ Σωτηρίων. На камнѣ нѣтъ лакуны, не пропало ни одной буквы, а стоитъ тѣсно: ΤΩΠΥΘΙΩΝ, и я думаю, что рѣзчикъ пропустилъ здѣсь не одно Ν, а ΝΤΕ [1]).

11—12. У Киріака: εὐεργέταν ΙΟΝ τοῦ ἱεροῦ. Измѣнить это ΙΟΝ въ τόν мы едва ли вправѣ: для этого нѣтъ ни одной параллели. По Баунаку, на камнѣ была вѣроятно диттографія ΤΟΥΤΟΥ. По моему, это ΙΟΝ въ началѣ 12 стр. было ошибочно скопировано вмѣсто ΚΟΝ; эта догадка позволяетъ намъ констатировать лакуну и для единственной строки, конецъ которой, повидимому, не нуждался въ дополненіи: [καὶ θεωροδό]κον. Такое же приблизительно сочетаніе мы встрѣчаемъ, напримѣръ, въ сокращенныхъ декретахъ: 2762: Δελφοὶ ἔδ[ωκαν] — — — π[ροξενί]αν, θεαροδο[κίαν, εὐε]ργεσίαν, π[ρομαντ]είαν и т. д., также, вѣроятно, 2835; ср. въ формулѣ заключенія перечня привилегій, въ 2769 (при архонтѣ Δαμαῖος III вѣка) послѣ предшествующаго Δελφοὶ ἔ]δωκαν] — — — προξενί[αν, θεαροδοκίαν, προμα]ντείαν κτέ. говорится: καὶ τἆλλα ὅσα καὶ τοῖς ἄλλοις προξένοις καὶ εὐεργέταις καὶ θεαροδόκ[οις]; также несомнѣнно нужно возстановить и въ надписи того же года 2773, съ которой Баунакъ не могъ ничего сдѣлать:

1. Δελφοὶ ἔ[δωκαν .... αὐτῶι καὶ ἐκγόνοις]=58 буквъ
2. προξενί[αν, θεαροδοκίαν, προμαντείαν, προεδρίαν, προδικίαν, ἀσυλίαν] = 56
3. ἀτέλει[αν πάντων καὶ τἆλλα ὅσα καὶ τοῖς ἄλλοις προξένοις καὶ εὐεργέταις] = 60
4. καὶ θεαροδόκ[οις ἄρχοντος Δαμαίου, βουλευόντων Ἁγίωνος, Ἀριστοκλεῦς,] = 58
5. Ἀμυνάνδρου, Ἀθανί[ωνος, Διοσκουρίδα] [2]).

---

[1]) Извѣстно, что въ этой же надписи рѣзчикъ сдѣлалъ пропускъ и въ именахъ совѣтниковъ: ΑΡΧΙΑΔΑΦΑΝΕΟΣ вмѣсто Ἀρχία, Δαμοφάνεος. Онъ же, закончивъ строку 2-ю словомъ Νικοστράτωι, началъ писать въ 3-й ΑΙ, т. е. очевидно ΑΝ или ΑΓκωνῖται, но тутъ же замѣтилъ, что пропустилъ отчество Никострата, и, выскобливши Α, вырѣзалъ предъ Ι буквы ΣΩΤ, которыя оказываются выступающими изъ строки влѣво, и послѣ Ι вырѣзалъ ΟΥΑΝΚΩΝΙΤΑΙ, т. е. Σωτίου Ἀνκωνῖται (имя Σώτιος, напримѣръ, CIA. II 2496, CIG. 2194 b). W.—F. приняли выскобленный знакъ за Ι, а слѣдующее Ι за Κ и читали Σωτίχου (Баунакъ Σωτικοῦ). Такимъ образомъ предположенный мною пропускъ ΝΤΕ тѣмъ болѣе вѣроятенъ.

[2]) Баунакъ смогъ дополнить въ 1 только ἔ[δωκαν], въ 2 только προξενί[αν],

Противъ установляемаго мною текста: εἶμεν δὲ αὐτὸν καὶ πρόξενον καὶ εὐεργέταν [καὶ θεωροδό]κον могутъ возразить, что мое καὶ θεωροδόκον является повтореніемъ или тавтологіей послѣ предшествующаго δεδόσθαι — θεωροδοκίαν или ἀνανεώσασθαι — τὰν θεωροδοκίαν. Это возраженіе, однако, имѣло бы силу лишь въ томъ случаѣ, если бы не встрѣчалось параллельныхъ способовъ выраженія въ дельфійскихъ же декретахъ. Въ полномъ декретѣ 2746: ἀνανεώσασθαι δὲ καὶ τὰν ὑπάρχουσαν αὐτῶι προξενίαν καὶ εἶμεν αὐτὸν πρόξενον καὶ αὐτὸν καὶ ἐκγόνους. Въ сокращенномъ декретѣ 2600: Δελφοὶ ἀνενεώσαντο τὰν πάτριον προξενίαν καὶ θεαροδοκίαν Τελεσίᾳ Στράτωνος Οἰσυμαίωι καὶ ἔδωκαν αὐτῶι καὶ ἐκγόνοις προξενίαν καὶ θεαροδοκίαν εὐεργέται ἐόντι, προμαντείαν κτέ. По этому декрету возстановленъ и 2635. Въ полной редакціи стояло бы приблизительно такъ: ἀνανεώσασθαι δὲ αὐτῶι τὰν πάτριον προξενίαν καὶ θεαροδοκίαν καὶ εἶμεν αὐτὸν καὶ ἐκγόνους πρόξενον καὶ θεαροδόκον καὶ εὐεργέταν и пр. Желая, вѣроятно, избѣжать подобныхъ повтореній, дельфійская канцелярія писала иногда въ сокращенныхъ декретахъ слѣдующимъ образомъ: Δελφοὶ ἔδωκαν καὶ ἀνενεώσαντο τῶι δεινί τὰν προξενίαν καὶ θεαροδοκίαν καὶ προμαντείαν καὶ κτλ., — съ τὰν и съ καί. Такъ стоитъ въ 2770 (= BCH. XXI, 278) и также нужно возстановить въ 2670:

1. [Δελφοὶ ἔδωκαν καὶ] ἀνε[νεώσαντο ....]
2. [αὐτῶι καὶ ἐκγό]νοις τὰν προξενίαν καὶ θεα[ροδοκίαν καὶ προμαν]-
3. [τείαν καὶ ἀ]τέλειαν καὶ προδικίαν καὶ προεδ[ρίαν καὶ ἀσυλίαν]
4. [καὶ τἆ]λλα πάντα ὅσα καὶ τοῖς ἄλλοις προξέν[οις καὶ εὐεργέταις]
5. [ἄρχ]οντος Εὐκλέος, βουλευόντων Ξενοδόκ]ου, Ἀρισταγόρα, Ἀγήτορος?,]
6. [Θρ]ασυμάχου, Μένητος[1]).

Остается лишь прибавить, что приведенныя въ оправданіе моего καὶ θεαροδόκον параллели всѣ связаны съ ἀνανέωσις проксеніи или θεα-

---

въ 3 только ἀτέλει[αν], въ 4 καὶ θεαροδοκ[ίαν]. Послѣднимъ дополненіемъ онъ показалъ, что совсѣмъ не уразумѣлъ строя надписи.

[1]) Помтовъ, впервые обратившій вниманіе на необычное τὰν предъ προξενίαν и на polysyndeton въ 2670 [*Ath. Mitth.* XIV (1889), 35], писалъ въ 1 строкѣ только: [Δελφοὶ ἔδωκαν]... ΑΝΕ ..... Баунакъ, какъ-бы точнѣе Помтова (risum teneatis) измѣривъ лакуну предъ ΑΝΕ, поставилъ тамъ *одну* только точку, очевидно ошибочно. А при печатаніи 2670 ему, несомнѣнно, былъ извѣстенъ тотъ выпускъ BCH., въ которомъ стоитъ параллельный по формулѣ декретъ 2770. Мои уклоненія отъ реконструкціи Помтова въ слѣдующихъ строкахъ, именно въ порядкѣ перечня привилегій, оправдываются какъ декретомъ 2770, такъ и рядомъ другихъ наблюденій, изложеніе которыхъ завело бы здѣсь слишкомъ далеко.

родокія. Не говоритъ-ли и это за то, что въ концѣ 10-й стр. *нужно* дополнить ἀνανεώσασθαι?

13. Баунакъ: „ἐμ π[(άντοι)]ς" изъ ΕΜΠΡΑΣΕΙΣ. Но со II вѣка господствуетъ уже форма πᾶσι: на 20 случаевъ ся форма πάντοις появляется по одному разу въ II и I вѣкѣ. Лишнее въ копіи Киріака Р можетъ быть одного происхожденія съ Р въ ΑΠΡΟΛΙΣ = ἁ πόλις: не былъ ли это вопросительный или другой условный знакъ Киріака? Или не было ли тутъ пробѣловъ вслѣдствіе ямокъ камня?

13. Баунакъ: „τ[(ίμ)]ι[(α)]" изъ ΤΟΙΣ. Едвали. Скорѣе это ошибка рѣзчика или Киріака, вызванная слѣдующимъ καὶ τοῖς ἄλλοις. Кромѣ τἆλλα или τἄλλα τίμια въ этомъ пунктѣ декретовъ бываютъ формулы: τἆλλα τίμια πάντα, τἆλλα τίμια καὶ φιλάνθρωπα, τὰ λοιπὰ πάντα, τὰ λοιπὰ τίμια πάντα, τἆλλα πάντα.

13—14. Стояло ли послѣ εὐεργέταις (=ΕΤΕΡΟΙΣΚΑΙΣ) еще [καὶ θεωροδόκοις], трудно рѣшить: пространство этому не мѣшаетъ (=96 буквъ, при допущеніи, что ΤΟΙΣ диттографія только Киріака, и при перенесеніи цѣлаго слова [ὑπάρχ]ει въ 14 стр.). Внося въ текстъ слова καὶ θεαροδόκοις, мы могли бы производить ΚΑΙΣ Киріака не изъ—ταις, а изъ слѣдующаго καὶ. Однако скорѣе Киріакъ ΕΥΕΡΓΕ прочиталъ какъ ΕΤΕΡΙΣ и записалъ подъ вліяніемъ новогреческаго произношенія въ видѣ ἑτέροις=eteris, а дальше уже легко было ΤΑΙ смѣшать съ ΚΑΙ (какъ и въ стр. 8).

13—14. [ὑπάρ][χ]ει παρὰ τᾶς πόλιος. Эти слова лишь рѣдко присоединяются къ заключительной формулѣ перечня привилегій. Въ огромномъ большинствѣ сокращенныхъ декретовъ и въ 5—6 полныхъ стоитъ просто „ὅσα καὶ τοῖς ἄλλοις προξένοις καὶ εὐεργέταις". Очень рѣдки прибавки сюда: τᾶς πόλιος (9 случаевъ) или τᾶς πόλιος τῶν Δελφῶν (три случая), или τοῦ (τε) ἱεροῦ καὶ τᾶς πόλιος (два: 2672 и 2621), или τοῖς Δελφῶν (одинъ: 2828), или κατὰ τὸν νόμον (одинъ: 2789), или ὑπάρχει (три), или δίδοται (два: 2844 и 2845), или τᾶς πόλιος δέδοται (одинъ: 2736). Сравнительно часто прибавляется τᾶς πόλιος ὑπάρχει, именно приблизительно въ 20 случаяхъ: всѣ они II-го вѣка и не раньше 158/7 года (древнѣйшій—2820). Тожественная же съ нашей прибавка ὑπάρχει παρὰ τᾶς πόλιος встрѣчается еще только четыре раза, между 171/0—157/6 г., именно: 2611—171/0 г., 2799—около 165/4 г., 2723 и 2725—около 157/6 г. Еще разъ мы видимъ ее въ другой разстановкѣ: παρὰ τᾶς πόλιος ὑπάρχει, именно въ 2724 [1]).

---

[1]) Въ этой надписи, правда, Кувъ вопреки собственной копіи вставляетъ τε

Первую строку нашей надписи я возстановилъ буквально (кромѣ ἀγαθᾶι τύχαι) по началу сжатаго декрета архонтства Клеона 2610. Перечень привилегій также буквально совпадаетъ съ 2610: καὶ ὑπάρχειν αὐτῶι προμαντείαν, προδικίαν, ἀσυλίαν, ἀτέλειαν πάντων, προεδρίαν ἐμ πᾶσι τοῖς ἀγώνοις οἷς ἁ πόλις τίθητι, случайно нѣтъ только конца: τἆλλα etc. Ср. также сжатый декретъ 2611 171/0 года, гдѣ тотъ же самый порядокъ перечня почестей и та же формулировка (только [παν]τός вмѣсто πάντων) и тотъ же самый конецъ, какъ и у насъ. Не будь у насъ почти полнаго отсутствія декретовъ отъ первыхъ трехъ десятилѣтій II вѣка, т. е. не будь мы лишены возможности сравненія, я рѣшился бы и это совпаденіе порядка и формулировки привести за 168/7 годъ и противъ помтовскаго 189/8. Извѣстно, что до конца III вѣка господствующимъ, чуть не сто разъ повторяющимся порядкомъ обыкновеннаго перечня почестей былъ такой: 1 προξενία, 2 προμαντεία, 3 προεδρία, 4 προδικία, 5 ἀσυλία, 6 ἀτέλεια, 7 τἆλλα.

А. Никитскій.

и произвольно дополняетъ κα τοῦ θεοῦ, читая παρά τε τᾶς πό[λιο; καὶ τοῦ θεοῦ ὑπάρχει]. Баунакъ уничтожаетъ τε, но сохраняетъ καὶ τοῦ θεοῦ, хотя оно рѣшительно безпримѣрно и, пожалуй, даже неумѣстно. Я отношу этотъ полный декретъ 2724 не къ IX жречеству вмѣстѣ съ стоящимъ выше на камнѣ сокращеннымъ декретомъ (это мнѣніе Баунака), а къ одному году съ декретомъ, стоящимъ ниже, 2725, т. е. приблизительно 157/6 (архонтъ Πατρέας V жречества).

МЕЛЕАГРЪ ЕВРИПИДА.

Не такъ давно вопросъ о фабулѣ еврипидова Мелеагра былъ замѣтно двинутъ впередъ извѣстнымъ археологомъ Р. Энгельманомъ въ его „Archäologische Studien zu den Tragikern" (Berlin, 1900). Главный интересъ этого изслѣдованія заключается для нашей темы въ томъ, что авторомъ впервые было издано изображеніе на вазѣ изъ Руво (нынѣ въ Бари), которое, вмѣстѣ съ родственнымъ изображеніемъ вазы изъ Арменто (нынѣ въ Неаполѣ), наиболѣе можетъ помочь намъ возстановить содержаніе утраченной трагедіи аѳинскаго трагика, а вмѣстѣ съ нимъ, полагаю я, и одинъ изъ интереснѣйшихъ варіантовъ поэтическаго миѳа о Калидонской охотѣ; но спеціально Энгельману это возстановленіе, на мой взглядъ, не удалось.

Главные элементы миѳа о Мелеагрѣ у Еврипида слѣдующіе: роковая головня—гнѣвъ Артемиды на Энея—Калидонскій вепрь—Аталанта среди охотниковъ — любовь Мелеагра къ Аталантѣ — противодѣйствіе Алѳеи — смерть Мелеагра. Спорнымъ считался вопросъ, зналъ ли Еврипидъ Мелеагра супругомъ Клеопатры; многіе это допускали, ссылаясь на слова Аполлодора Μελέαγρος ἔχων γυναῖκα Κλεοπάτραν... βουλόμενος δὲ καὶ ἐξ Ἀταλάντης τεκνοποιήσασθαι. Энгельманъ оспариваетъ убѣдительность этого свидѣтельства, справедливо замѣчая, что мы не имѣемъ никакого основанія предполагать, будто Еврипидъ былъ источникомъ Аполлодора; но его попытка доказать, что Клеопатра у Еврипида невозможна, неудачна. Правда, въ сохранившихся отрывкахъ еврипидовой трагедіи не имѣется никакого намека на Клеопатру и вообще жену Мелеагра, но при скудости этихъ отрывковъ это и неудивительно. По Энгельману Мелеагръ требуетъ Аталанту себѣ въ *жены*: „явное его сватовство и упорное сопротивленіе матери

было бы необъяснимо, если бы юноша не добивался продолжительнаго, важнаго для всего царскаго дома союза“ (стр. 78). Въ психологію Алѳеи лучше преждевременно не вдаваться, это почва скользкая; насколько сватовство Мелеагра было у Еврипида явнымъ, мы не знаемъ, пусть будетъ оно даже самымъ явнымъ—вѣдь и Гераклъ явно сваталъ Іолу по Софоклу, и это не мѣшало ему быть мужемъ Деяниры. Зато одно мѣсто изъ трагедіи говоритъ противъ мысли о предстоящемъ супружествѣ Мелеагра и Аталанты: слова послѣдней (fr. 525) εἰ δ'εἰς γάμους ἔλθοιμ', ὃ μὴ τύχοι ποτέ.

Дѣйствительно, изъ отрывковъ Мелеагра двѣ сцены вырисовываются довольно отчетливо; это, во-первыхъ, „агонъ“ Алѳеи съ Мелеагромъ, во-вторыхъ — агонъ Алѳеи съ Аталантой. Смыслъ этихъ агоновъ одинъ: Алѳея старается разлучить Мелеагра съ Аталантой; больше мы ничего сказать не можемъ.

Обратимся теперь къ вазамъ.

На арментской вазѣ изображена смерть Мелеагра. Подъ колоннадой мы видимъ его самого, поддерживаемаго братомъ Тидеемъ и сестрою Деянирой, на кровати. Съ лѣвой стороны вбѣгаетъ, съ признаками крайняго волненія, женщина съ покрываломъ на головѣ. Справа къ колоннадѣ подходитъ скорбящій Эней; передъ колоннадой сидятъ въ позѣ скорбящихъ два товарища-охотника, Пелей и Ѳесей. Всѣ фигуры, кромѣ самого Мелеагра и вбѣгающей женщины, съ надписями, такъ что приведенныя имена несомнѣнны. Но самое интересное—это группа направо, надъ колоннадой. Сидитъ женщина съ лукомъ въ рукѣ, повидимому грустная, рядомъ съ ней—крылатый отрокъ. Мы сказали бы—Афродита и Эротъ; и дѣйствительно, подъ женщиной имѣется подпись ΑΦΡΟΔΙΤΗ. Но надъ отрокомъ, вмѣсто ожидаемой надписи, читается другая — ΦΘΟΝΟΣ; что бы это могло значить? Надпись озадачила толкователей; двое изъ нихъ, Майеръ и Кунертъ, прибѣгли даже къ насильственной гипотезѣ, что она вовсе не относится къ Эроту, а въ другой фигурѣ, существовавшей нѣкогда въ первоначальной композиціи, но въ нашей копіи не вышедшей; Энгельманъ, соглашаясь съ возможностью этого объясненія, признаетъ съ своей стороны допустимымъ и другое—что живописецъ, называя своего Эрота именемъ Φθόνος, хотѣлъ его охарактеризовать какъ приносителя гибели, — и замѣчаетъ въ заключеніе, что смыслъ въ обоихъ случаяхъ одинъ и тотъ же, а именно, что любовь Мелеагра къ Аталантѣ оказалась несчастной.

Съ этимъ я согласиться не могу. Если живописецъ своего Эрота

назвалъ именемъ „Зависти“ (а это непосредственный смыслъ нашей картины, котораго мы, впредь до опроверженія, должны держаться), то это значитъ, что онъ хотѣлъ изобразить не простую любовь, а *ревность*. Правда, до послѣдняго времени мы не имѣли яснаго свидѣтельства объ этомъ значеніи слова φθόνος; но новонайденный Вакхилидъ восполнилъ этотъ пробѣлъ — φθόνος εὐρυβίας νιν ἀπώλεσεν, говоритъ онъ про Деяниру, отправившую Гераклу роковой даръ (XVI 31). Очевидно, такую же мысль хотѣлъ выразить и нашъ живописецъ, помѣщая своего генія ревности надъ картиной смерти Мелеагра; но кто будетъ носителемъ или, правильнѣе, носительницей этой ревности? Нашъ взоръ обращается, слѣдуя взору самого Эрота, къ лѣвой части картины, къ той женщинѣ въ покрывалѣ, которая со всѣми признаками отчаянія вбѣгаетъ въ комнату умирающаго — къ сожалѣнію, художникъ не приписалъ ея имени. До сихъ поръ всѣ принимали ее за Алѳею, непосредственную виновницу смерти Мелеагра; правильно-ли это толкованіе? Или, быть можетъ, въ ней слѣдуетъ признать Клеопатру? Увидимъ потомъ; пока же изслѣдуемъ другую вазу, впервые изданную Энгельманомъ — рувскую.

По мнѣнію издателя она происходитъ изъ той же фабрики, какъ и армептская; тамъ была изображена смерть Мелеагра, здѣсь—любовь Мелеагра и Аталанты. Центральная группа представляетъ по срединѣ—сидящую Аталанту, справа—стоящаго передъ ней Мелеагра: онъ передаетъ ей шкуру вепря, она протягиваетъ руку, чтобы принять подарокъ. Имена не надписаны, но толкованіе несомнѣнно. Надъ влюбленной четой изображенъ Эротъ съ гирляндой цвѣтовъ, но онъ смотритъ не на нее, а на стоящую поодаль, за Аталантой, женщину: она держитъ въ лѣвой рукѣ, на шерстяной нити, извѣстный магическій волчокъ и въ свою очередь смотритъ на Мелеагра и Аталанту. Значеніе волчка несомнѣнно: мы можемъ себѣ представить его только въ рукахъ ревнивой покинутой женщины. Мысль Энгельмана, видящаго въ нашей женщинѣ богиню Πειθώ, никакого сочувствія не заслуживаетъ: въ чьихъ интересахъ могла-бы она дѣйствовать? Въ интересахъ мужчины волчокъ непримѣнимъ: это — женское орудіе; въ интересахъ же Аталанты онъ не нуженъ, такъ какъ Мелеагръ и безъ того ее любилъ, сопротивленіе же было скорѣе на ея сторонѣ. Помня о Φθόνος'ѣ на армептской вазѣ, мы легко признаемъ его носительницу въ женщинѣ съ волчкомъ, а его самого—въ томъ Эротѣ, который паритъ надъ влюбленными, но смотритъ на ревнивицу.

Но кто же она, наконецъ, эта ревнивица?

Допустимъ, Клеопатра: это, во всякомъ случаѣ, самое естественное. Спрашивается, какимъ образомъ ея любовь и ревность могла погубить Мелеагра? Головня находилась у Алѳеи; ее же единодушная традиція древности называетъ убійцей своего сына, да и отрывки Еврипида свидѣтельствуютъ о ея выдающейся роли въ трагедіи. Получается странная разбросанность дѣйствія: съ одной стороны, ревность—пока безпомощная—Клеопатры, вызванная любовью Мелеагра къ Аталантѣ; съ другой, гнѣвъ и месть Алѳеи, вызванныя убійствомъ ея братьевъ. Правда, о послѣднемъ въ отрывкахъ трагедіи не говорится; возможно, что у Еврипида этотъ мотивъ отходилъ на задній планъ. Но что было тогда главнымъ мотивомъ? Неужели месть за Клеопатру? Мать, убивающая сына, чтобы отомстить за оскорбленіе невѣстки — всякій согласится, что это очень неправдоподобная психологическая мотивировка.

Но что, если Алѳея мстила не за Клеопатру, а за—себя?... Эта мысль, на первыхъ порахъ, кажется такой чудовищной, что даже не хочется вдумываться въ нее; все же попробуемъ пристально къ ней присмотрѣться. Допустимъ, Еврипидъ изобразилъ Алѳею охваченной несчастной любовью къ сыну. Пусть она сознаетъ все нечестье этого πάθος, борется съ нимъ, исполнена рѣшимости никогда ему не подчиниться—все же она не въ силахъ побороть свою ревность, видя, что ея сынъ полюбилъ другую. Она старается, не выдавая своего истиннаго мотива, отговорить сына (первый „агонъ"), отговорить навязываемую ей невѣстку-соперницу (второй „агонъ"), прибѣгаетъ къ ворожбѣ (сцена съ волчкомъ)—все напрасно. Наконецъ, она настраиваетъ противъ Аталанты своихъ братьевъ; но и это послѣднее средство не помогаетъ, Мелеагръ убиваетъ дядей, Аталанта торжествуетъ. Тогда Алѳея, отчаявшись во всемъ, бросаетъ въ огонь роковую головню; Мелеагръ умираетъ; вслѣдъ за нимъ умираетъ и Алѳея. Мнѣ кажется, этотъ сюжетъ былъ бы вполнѣ въ духѣ Еврипида. Правда, по своей концепціи онъ еще рискованнѣе Ипполита и Эола, но вѣдь отъ поэта зависѣло смягчить его непріятность внутренней борьбой въ сердцѣ Алѳеи, какъ онъ это сдѣлалъ въ своемъ портретѣ Федры.

При всемъ томъ, „Мелеагра" пришлось бы причислить къ тѣмъ драмамъ Еврипида, въ которыхъ изображены γάμοι ἀνόσιοι—ср. опредѣленіе этого понятія въ „Андромахѣ" ст. 174

πατὴρ τε θυγατρὶ παῖς τε μητρὶ μίγνυται
κόρη τ' ἀδελφῷ —

и не всякій, пожалуй, согласится увеличить ихъ списокъ нашей трагедіей путемъ догадки; но въ томъ-то и дѣло, что къ этому списку его причислилъ самъ Еврипидъ въ очень извѣстномъ, но никѣмъ еще необъясненномъ мѣстѣ. Я имѣю въ виду ст. 840 сл. „Лягушекъ" Аристофана. Эсхилъ, выведенный изъ себя вызывающими словами Еврипида, бросаетъ ему въ лицо слѣдующіе гнѣвные упреки:

841 ὦ στωμυλιοσυλλεκτάδη (1)
καὶ πτωχοποιὲ (2) καὶ ῥακιοσυρραπτάδη (3)...
846 τὸν χωλοποιόν (4)...
849 ὦ Κρητικὰς μὲν συλλέγων μονῳδίας (5),
γάμους δ'ἀνοσίους εἰςφέρων εἰς τὴν τέχνην (6).

Изъ этихъ упрековъ иные относятся къ техникѣ—какъ эпической (1), такъ и лирической (5)—другіе къ содержанію; послѣдніе сводятся къ двумъ: Еврипидъ охотно представляетъ своихъ героевъ въ жалкомъ видѣ (2—4), онъ же позволяетъ себѣ изображать γάμοι ἀνόσιοι (6). Слѣдуетъ замѣтить, что другихъ, относящихся къ содержанію упрековъ онъ ему здѣсь не дѣлаетъ. Теперь посмотримъ, какъ ему отвѣчаетъ Еврипидъ ст. 860 сл.:

ἕτοιμός εἰμ' ἔγωγε, κοὐκ ἀναδύομαι,
δάκνειν, δάκνεσθαι πρότερος, εἰ τούτῳ δοκεῖ,
τἄπη, τὰ μέλη, τὰ νεῦρα τῆς τραγῳδίας,
καὶ νὴ Δία τὸν Πηλέα γε καὶ τὸν Αἴολον
καὶ τὸν Μελέαγρον, κἄτι μάλα τὸν Τήλεφον.

Какъ видно, онъ отвѣчаетъ по пунктамъ: и по вопросу объ эпической (τἄπη), и по вопросу о лирической техникѣ (τὰ μέλη), разумѣя ту и другую подъ слогомъ τὰ νεῦρα τῆς τραγῳδίας. Отдѣльныхъ заглавій онъ по этимъ двумъ пунктамъ не называетъ, такъ какъ они относились не къ отдѣльнымъ трагедіямъ, а ко всему его поэтическому творчеству. Зато упреки по содержанію относились, несомнѣнно, лишь къ нѣкоторымъ трагедіямъ, имена которыхъ мы и вправѣ будемъ усмотрѣть въ четырехъ приведенныхъ нѣсколько ниже заглавіяхъ. И дѣйствительно, упрекамъ 2—4 соотвѣтствуютъ заглавія τὸν Πηλέα καὶ τὸν Τήλεφον — эта знаменитая чета, которая еще Гораціемъ (a. p. 96) приводится именно въ требуемомъ здѣсь смыслѣ: Telephus et Peleus, cum pauper et exsul uterque... Итакъ, другую пару именъ— τὸν Αἴολον καὶ τὸν Μελέαγρον—мы должны пріурочить къ упреку относительно γάμοι ἀνόσιοι; объ Эолѣ это уже давно было извѣстно (братъ:

сестра), о Мелеагрѣ (мать: сынъ) это доказало настоящее разсужденіе.

Спрашивается, однако, былъ ли этотъ мотивъ всецѣло нововведеніемъ Еврипида? Или, быть можетъ, онъ и здѣсь имѣлъ право отвѣтить своимъ критикамъ вопросомъ: πότερον δ'οὐκ ὄντα λόγον τοῦτον περὶ 'Αλθαίας ξυνέθηκα? Послѣднее a priori представляется болѣе правдоподобнымъ; окончательно убѣждаетъ насъ въ этомъ слѣдующее, тоже еще незамѣченное обстоятельство.

Въ центральной хорической пѣсни эсхиловыхъ „Хоэфоръ" (585 сл.) проводится мысль, что страшнѣе всѣхъ чудесъ земли, моря, огня и воздуха — преступная любовь женщины (γυναικῶν παντόλμους ἔρωτας ἄταισι συννόμους βροτῶν, θηλυκρατὴς ἀπέρωτος ἔρως). Въ качествѣ иллюстрацій приводятся — Алѳея, умертвившая сына, Скилла, умертвившая отца, и лемносскія женщины, умертвившія мущинъ. Эти иллюстраціи насъ озадачиваютъ; все это, конечно, преступленія, но гдѣ же любовь? Послѣдній издатель, Виламовицъ, согласенъ съ тѣмъ, что θέσις не покрывается ὑπόθεσις'омъ; онъ говоритъ, что Эсхилъ другими достоинствами искупилъ эту логическую несообразность. Но дѣло въ томъ, что во всѣхъ другихъ примѣрахъ любовь миѳами признается, и Эсхилъ только вслѣдствіе своей неохоты говорить о женской любви (Аристоф. Ляг. 1044) о ней не распространяется. Лемносскія женщины изъ ревности (φθόνος = ἔρως) убили своихъ мужей; то же самое сдѣлала и Клитемнестра, которую хоръ имѣетъ въ виду во всей этой пѣсни; равнымъ образомъ и Скилла изъ любви къ Миносу предала ему жизнь своего отца. Алѳея одна до сихъ поръ составляла исключеніе, заставляя насъ обвинять великаго поэта въ логической несообразности. Теперь и это исключеніе благополучно устранено.

А если такъ, то миѳу о любви Алѳеи къ своему сыну Мелеагру будетъ возвращена та глубокая древность, которая одна можетъ насъ примирить съ чудовищностью его концепціи. Мелеагръ, подобно Гераклу, Ахиллу, Ясону, принадлежитъ къ богатырямъ сверхчеловѣкамъ, не признающимъ другихъ законовъ, кромѣ своего ἐκνόμιον λῆμα, какъ выражается Пиндаръ, и гибнущихъ отъ него. Самымъ же рѣзкимъ проявленіемъ „беззаконія" считалось именно — τῇ μητρὶ ξυγγίγνεσθαι, этотъ символъ „тираннической", т. е. сверхзаконной власти до императора Нерона включительно. Время тутъ многое смягчило, а подъ вліяніемъ времени — и поэты, согласно своему девизу: ἀποκρύπτειν χρὴ τὸ πονηρὸν τόν γε ποιητήν.

Ѳ. Зѣлинскій.

НЕИЗДАННАЯ НАДПИСЬ НА АМФОРНОЙ РУЧКѢ ИЗЪ ТАМАНИ.

Во время поѣздки на югъ Россіи, въ апрѣлѣ 1894 года, мнѣ удалось, между прочимъ, пріобрѣсти въ г. Тамани обломокъ ручки амфоры изъ красновато-желтой глины съ слѣдующей надписью:

Надпись слѣдуетъ читать такъ: Ἱστιαίου ἀστο(νόμου) Ποσειδω(νίου). Первое имя принадлежитъ астиному, т. е. облеченному гражданскою властью чиновнику, который вмѣстѣ съ тѣмъ былъ, очевидно, эпонимомъ года; это особенно ясно видно изъ того, что передъ именемъ астинома нерѣдко стоитъ предлогъ ἐπί [1]), а также изъ прибавляемаго иногда къ имени эпитета ἱερέως [2]). Названіе самой должности астинома обозначается различно: ἀστο-, ἀστυν-, ἀστυνο-, ἀστυνομ-, ἀστυνομο, ἀστυνόμου, ἀστυνομοῦντος.—Второе имя принадлежитъ, очевидно, фабриканту, что̀ видно изъ прибавленія къ соотвѣтствующему имени въ двухъ надписяхъ изъ Ольвіи слова κεραμέως [3]) и изъ приписки ἐπόησε въ третьемъ случаѣ [4]). Однако, подъ этимъ κεραμεύς слѣ-

---

[1]) См. напр. *P. Becker*, *Jahrbücher für Philologie*, Supplementband, 1869, 478—9. Впрочемъ, имя астинома встрѣчается и въ именительномъ падежѣ (*P. Becker*, *Jahrb. f. Phil.*, IV Suppl.-Bd. 1862, 465).

[2]) Ср. *Schuchhardt*, Inschriften von Pergamon, 424.

[3]) *P. Becker*, *Jahrb. f. Phil.*, Suppl.-Bd. IV, 474 и Suppl.-Bd. V, 487.

[4]) *P. Becker*, *Jahrb. f. Phil.*, Suppl.-Bd. IV, 466.

дуетъ разумѣть не простого рабочаго, а фабриканта, имѣвшаго надзоръ надъ чернорабочими [1]). Стефани [2]) видѣлъ во второмъ имени названіе мѣсяца, которымъ будто-бы обозначался чиновникъ, имѣвшій надзоръ надъ группой рабочихъ. Е. М. Придикъ, любезности котораго я обязанъ знакомствомъ съ литературой вопроса и многими цѣнными для меня указаніями, высказываетъ предположеніе, что здѣсь слѣдуетъ видѣть чиновника, которому на извѣстный срокъ поручали наблюденіе за работой.

Справа отъ надписи находится эмблема птицы (орла?) на дельфинѣ. В. Н. Юргевичъ [3]), на основаніи изображеній на монетахъ, показалъ, что эта эмблема—гербъ Синопы, перенесенный въ нѣкоторые города, лежавшіе по сѣверному берегу Чернаго моря. Такъ какъ эмблемы, несмотря на свое разнообразіе, повторяются, и притомъ обыкновенно вмѣстѣ съ именами астиномовъ [4]), то ихъ слѣдуетъ приводить въ связь съ этими именами, въ нашей надписи—съ именемъ Ἱστιαίου. Дѣйствительно, во *всѣхъ* случаяхъ, гдѣ астиномомъ является Ἱστιαῖος, эмблемой служитъ птица на дельфинѣ. А такихъ надписей (или, вѣрнѣе, штемпелей) насчитывается, кромѣ нашей, 34: въ коллекціи Романченко 1, въ Эрмитажѣ 12, въ Херсонесѣ 1, въ Одессѣ 7, въ Мелекъ-Чесменскомъ курганѣ близь Керчи (теперь, вѣроятно, въ Одессѣ) 6, въ Керчи 7. Какъ второе имя, на нихъ встрѣчается Ἀρχεπτο 5, Ἀσπασιο 1, Γολαντος 1, Διονυσιο 3, Δωρο 1, Ἐπικρατε 3, Κινωλιος 1, Μανεω 3, Νεομηνι 4, Νιμαχτος 2, Ὀρθου 4, Ποσειδω 5 и только одна ручка съ простой надписью ΙΣΤΙ / ΑΙΟ. Изданы ручки съ этимъ клеймомъ, однако, не всѣ [5]).

Schuchhardt [6]) старался доказать, что подобные штемпеля носятъ

---

[1]) Ср. *P. Becker*, *Jahrb. f. Phil.*, Suppl.-Bd. V, 487; *E. Pridik*, *Ath. Mitth.* XXII (1897), 157—8.

[2]) Mélanges Gréco-Romains tirés du bulletin historico-philologique de l'Académie Impériale des Sciences de St. Pétersbourg, 1859, II, 11.

[3]) Надписи на ручкахъ и обломкахъ амфоръ и черепицъ, найденныхъ въ Θеодосіи въ 1894 году въ XVIII томѣ „*Записокъ Импер. Одесскаго Общ. Ист. и Древн.*".

[4]) *P. Becker*, *Jahrb. f. Phil.*, Suppl.-Bd. IV, 496.

[5]) См. напр. *Отчетъ Арх. Комм.* 1862, 28; 1869, 208; Mélanges Gréco-Romains, I, 493; *Jahrb. f. Phil.*, Suppl.- Bd. V, 502; *Записки Имп. Одесск. Общ. Ист. и Древн.* XVIII, 141; XXI (1898), въ протоколахъ засѣд.; *Jahrb. f. Phil.*, Suppl.-Bd. IV, X.

[6]) Inschriften von Pergamon, 430. Ср. *В. Н. Юргевичъ*, *Записки Импер. Одесск. Общ. Ист. и Древн.*, XVIII, глава V.

частный характеръ, и мнѣніе свое онъ основываетъ на томъ, что почти на каждомъ штемпелѣ помѣщалось имя фабриканта: со стороны государства это была бы непонятная роскошь. Однако, Br. Keil въ своей рецензіи на книгу Schuchhardt'a [1]) высказалъ противоположное мнѣніе, сославшись, между прочимъ, на родосскіе гербы—голову Геліоса и розу, исключительно принадлежавшіе государству. Такого же мнѣнія придерживается и Е. М. Придикъ [2]), который указываетъ притомъ на аналогію штемпелей на монетахъ. Объясняются такіе официальные штемпеля монополіей государства.

Что касается времени нашей надписи, то судя по значенію послѣдняго знака въ имени Ἱστιαίοο, она едва ли моложе IV вѣка до Р. Хр. [3]). Такъ какъ, однако, штемпеля, относимые къ V вѣку до Р. Хр. [4]), въ палеографическомъ отношеніи носятъ гораздо болѣе древній характеръ, чѣмъ наша надпись (направленіе письма—справа налѣво), то вѣрнѣе всего отнести эту надпись, равно какъ и самую амфору, къ IV вѣку до Р. Хр.

Ф. Видеманъ.

---

[1]) *B. ph. W.* 1896, 1610 сл.

[2]) *Ath. Mitth.* XXII (1897), 156—7.

[3]) Ср. *Blass*, Aussprache des Griechischen[3], 31: Auch nach der Reform der attischen Orthographie hält sich die einfache Schreibung (ο = οο), und zwar allmählich unterschiedslos für ου und ō, mit grosser Zähigkeit, so dass noch zu Ende des IV Jahrh. und noch später *einzelne* Beispiele vorkommen".

[4]) *P. Becker*, *Jahrb. f. Phil.*, Suppl.-Bd. IV, 473, № 5 и 475, № 1, ср. 493—4 и Suppl.-Bd. V, 514.

ПО ПОВОДУ DONATIO ANTE NUPTIAS ВЪ ГРЕЧЕСКИХЪ ПАПИРУСАХЪ.

За время моего пребыванія въ Вѣнѣ мнѣ удалось, между прочимъ, довольно хорошо ознакомиться съ богатой коллекціей греческихъ папирусовъ, пріобрѣтенныхъ въ 1884 г. эрцгерцогомъ Райнеромъ [1]). Небольшая часть этихъ папирусовъ издана извѣстнымъ папирологомъ Весселн подъ заглавіемъ: Corpus papyrorum Raineri, vol. I: Griechische Urkunden. Это полезное изданіе, безъ котораго нельзя обойтись при занятіяхъ папирологіей, по странной игрѣ судьбы прошло какъ-то незамѣтно въ ученомъ мірѣ и вызвало лишь одну серьезную, содержательную и чуждую всякихъ личныхъ счетовъ рецензію Гента въ Göttingische Gelehrte Anzeigen № 6 (1897). Отдавая должное работѣ Весселн, „этого ветерана на поприщѣ папирологіи", Гентъ отмѣтилъ цѣлый рядъ ошибокъ, неточностей и промаховъ, а также далъ не мало цѣнныхъ замѣчаній и поправокъ. Къ числу затронутыхъ Гентомъ папирусовъ относится, между прочимъ, одинъ, къ сожалѣнію плохо сохранившійся, но тѣмъ не менѣе важный документъ, входящій въ разрядъ „брачныхъ договоровъ". Этотъ любопытный памятникъ, помѣщенный въ Corpus'ѣ подъ № 23, послужилъ для Весселн [2]) почти что исходнымъ пунктомъ для построенія его теоріи о fictive Mitgift (=donatio ante nuptias in dotem redacta), теоріи принятой и развитой Миттейсомъ въ его книгѣ: Reichsrecht und Volksrecht in den Provinzen des römischen Kaiserreichs, 256—312.

---

[1]) См. Führer durch die Ausstellung, Wien, 1894.

[2]) *Wessely*, Studien über das Verhältniss des griechischen zum aegyptischen Recht im Lagidenreiche. *Sitzungsberichte der K. Akademie der Wissenschaften in Wien*, 124 (1896), 55.

Не входя пока въ детальный разборъ теоріи Веселли-Миттейса, мы укажемъ только на тотъ фактъ что, вслѣдствіе невѣрнаго чтенія, папирусъ, во-первыхъ, былъ отнесенъ Веселли къ разряду брачныхъ контрактовъ, тогда какъ онъ — документъ, касающійся развода, а во-вторыхъ, въ силу той же ошибки, совершенно напрасно положенъ въ основаніе всей теоріи. Гентъ отмѣтилъ главный промахъ издателя и далъ нѣсколько важныхъ поправокъ, но, къ сожалѣнію, не попытался возстановить текстъ въ его приблизительной цѣльности. Эту задачу въ виду сравнительной важности папируса я рѣшился взять на себя и постарался дополнить документъ, который здѣсь и прилагаю съ указаніемъ чтеній Веселли и Гента. Папирусъ въ настоящемъ видѣ состоитъ изъ двухъ приблизительно равныхъ обрывковъ и покрытъ четкой скорописью II вѣка, которую можно относить къ круглому типу. Письмо идетъ по recto и въ общемъ сохранилось довольно хорошо, за исключеніемъ правой стороны второго обрывка, гдѣ многія буквы почти совсѣмъ выцвѣли. Съ трудомъ поддается разбору и середина папируса: здѣсь, какъ разъ по сгибу листа, однѣ буквы совсѣмъ исчезли, отъ другихъ остались едва замѣтные контуры. На оборотѣ папируса—остатки двухъ красныхъ печатей. Этотъ фактъ доказываетъ, что мы имѣемъ дѣло съ подлиннымъ документомъ, засвидѣтельствованнымъ при ἀγορανομεῖον, а не съ ἀντίγραφον, не съ копіей. Другимъ доказательствомъ служитъ то, что обѣ стороны, совершившія разводный актъ, скрѣпили его своими подписями, а также приписка чиновника при ἀγορανομεῖον, которая, впрочемъ, разбору не поддается.

CPR. 23 (стр. 130) [1]).

[.......].. την [..]...[..... ἀπέ]χειν παρ' αὐτοῦ κ[ατὰ τὸ δίκαιον] [2])
[ταύτης τ]ῆς ὁμολογία[ς] φ[ερνὴ]ν χρ[υσίο]υ δοκειμείου μνα[ιεῖα δώδεκα ἐν] [3])
[τοῖς διὰ τῆ]ς συγγραφῆ[ς κοσμ]αρίοις καὶ τὰ δι' αὐτῆς ἱμά[τια ....]
[.......]ς αὐτῶν ..[......] συντείμησιν τῶν δραχμ[ῶν ὀκακοσίων] [4])
5. [καὶ τὰ αὐ]τῆς παράφε[ρνα] πάντα καὶ ἀνακεκοσμίσ[θαι πάντα τὰ] [5])

[1]) Начала контракта не достаетъ. Сверхъ того мной опущены первыя двѣ строки, такъ какъ отъ нихъ остались лишь отдѣльныя буквы.

[2]) Вѣроятно было: [.... Σύρ]αν τὴν [κα]ὶ 'Ισ[άριον?].

[3]) Веселли: [δίκαιον τ]ῆς—μν[αιεῖα ὀκτὼ ἐν τοῖς δεδηλωμένοις].

[4]) Веселли: [ἑπακοσίων]. Ср. строку 17.

[5]) Веселли: [τὰ ὑπ' αὐτ]ῆς παραφε[ρόμενα]; Гентъ: παράφε[ρνα]. Ibid. Веселли: ανακεκομισ[μ.

[προσενεχ]θέντα αὐτῇ [ὑπὸ] τῆς αὐτῆς μ[ητρὸ]ς ὑπ[ά]ρ[χοντα] .... [1])
[.......] τῆς κ.[.].ει[.. καὶ τ]ὸν Σῦρον ἀπεσχηκέν[αι τὸ αἱρ]οῦν τῶν [2])
[προσόδων] αὐτῶν, ὧν [μεμένη]κεν π[αρ' α]ὐτῷ ἡ Σύρα ἡ καὶ Ἰσ[ά-
ριον] μη[ν]ῶν, [3])
[καὶ μὴ ἐ]πελεύσασθ[αι ἐπ' ἀλλήλους μηδὲ ἑκ[ά]τερ[ον αὐ]τῶν μηδὲ [4])
10. [τοὺς παρ'] αὐτῶν μηδὲ περὶ [τ]ῶν [τ]ῇ συμβιώσει ἀνηκό[ντων] μηδὲ
περὶ ὧν [5])
[ἐπεγράφ]η αὐτῆς ὁ Σῦρος κύριος ἐν τοῖς τῆς συμβιώσεως [χρόνοις]
καθ' ὀντιναοῦν [6])
[τρόπον διὰ τ]ὸ πάντα αὐτὴν [ἀπ]εσχηκέναι μηδὲ περὶ τῶν προκει-
μέν[ων εἰδ[ῶν μ[η]δὲ περὶ [7])
[ἄλλου μηδ]ενὸς ἁπλῶς τῷ καθ[ό]λου ἐνγράφου μηδ' ἀγράφου μέχρι
[τῆς ἐ]νε[στ]ώ[σ]ης [8])
[ἡμέρας πα]ρευρέσι μηδε[μ]ιᾷ, τὰ διομολογημένα κυρία ἔστω κα[θὼς
συνεχώρησα]ν (?) [9])
15. [Σύρα ἡ κ]αὶ Ἰσάριον [Ἀφρ]οδεισίου συνῆρμαι τὴν πρ[ὸς τὸν Σῦρον]
[ἀποζυγή]ν καὶ ἀπέχ[ω τὴν] φρενὴν (sic) τὰ τοῦ χρυσίου μν[αιεῖα
δ[ώδε]κα [10])
[κ]α[ί] τὰ [ἱμ]άτια ἐν συ[ντειμή]σι δραμῶν ὀ[κτ]ακοσίων κα[ὶ παρ]ά]-
φιρνα [11])
[πάντα κα]ὶ ἀνακεκόμισμαι τὰ προ[σ]ενε[χθ]έντ[α] μοι οἰπὸ τῆς [12])
[μ]ητ[ρ]ός μοι οἰπάρ[χον]τα καὶ οἱ πελεύσομαι ἐπ' αὐτὸν περὶ οἶδε
20. ἑνὸς μέλος οἰδὲ π[ερὶ ὧ]ν ἐπεγράφη μου κοίριος [ἐ]ν [το]ῖς τῆς [13])

---

[1]) Весселы: ... αντα αὐτῆς .... αυτης μ..... πο.....; Гентъ: αὐτῇ [ἀπό?] τῆς αὐτῆς πασι υποσ[...]ν....
[2]) Весселы: [υπ]εσχημεν ..... την .....; Гентъ вм. τὴν даетъ πάντων.
[3]) Весселы: ... αυτων ...... μεν—αμ..... По поводу моего дополненія ср. CPR. 27, 22.
[4]) Весселы: ... ἐ]πελεύσασθαι—μηδὲ ὑπὲρ [αὐ]τῶν μηδ[ένα.
[5]) Весселы: ..... τ[ούτων.—ibid.: περὶ ὧν ..... [καὶ ἐπεγράφη].
[6]) Весселы: [ὁ σῦρος τῆ]ς αὐτῆς σύρας — καθὼς ...; Гентъ: [ἐπεγράφ]η αὐτῆς ὁ Σῦρος—καθων.
[7]) Весселы: ...ς πάντα—τῶν οὐσιῶν ...ων; Гентъ: τῶν προκειμέν[ων οὐ]σιῶν.
[8]) Весселы: ...νος ἁπλῶς τὸ καθόλεν—μεχρι ....; Гентъ: τῷ καθόλου.
[9]) Весселы: ... παρευρέσι—κ[αὶ ἐπερωτηθέντες ὡμολόγησαν].
[10]) Весселы: τὴν πρ[ὸς σῦρον] | [συμβίωσιν]. *Grenfell-Hunt*, Oxyrh. Pap. II, 289: [ἀποζυγή]ν.—ibid.: [φερνήν.—16: Весселы μναι[εῖα ὀκτ]ὼ [ἐν] κο.
[11]) Весселы: κο|[σμαρίοις καὶ ἱμά]τια—ἑπτακοσίων καὶ .....ηρα.
[12]) Весселы: .... καί.—19. Весселы: οἱ ἐπελεύσομαι ἐπ' αὐτὸν οἱ [π]ερὶ οἶδε.
[13]) Весселы: οἰδ[ὲν] καὶ ἐπιεγράφη; Гентъ: οιδεν [....] καί.

συνβιοσεος χρον[ο]ι[ς καθ' ὁ]ντιν[ο]υν τροπον καθω[ς προκι]τ[αι]. Σῦρος [1])
Δίο[υ] σ[υν]ῆρμαι τὴν [ἀποζυγὴ]ν [κ]αὶ [ἀπέσχον τὸ αἰροῦν τῶ[ν προ-
σό]δων ὧν [2])
[με]μέν[ηκε] παρ' ἐμοὶ [μ]ην[ῶν κ]αὶ οὐκ [ἐπελεύσ]ομαι π[ερὶ ἄλλου
οὐδεν[ὸς [3])
κ[αθὼς πρόκειται [4])
αν.[..] ..... [5])

Какъ видно изъ контекста, мы имѣемъ дѣло съ разводнымъ контрактомъ, а не съ брачнымъ договоромъ и притомъ такимъ, который доказывалъ бы теорію Весселя, по которой, хотя въ греческихъ брачныхъ контрактахъ женихъ и расписывается въ полученіи приданаго изъ рукъ невѣсты или ея матери, это полученіе есть ни что иное, какъ простая фикція и что на самомъ дѣлѣ приданое дается невѣстѣ женихомъ (за исключеніемъ παράφερνα и недвижимой собственности, которыя невѣста приноситъ за собой) [6]). Я уже говорилъ выше, что косвенное подтвержденіе своей теоріи Весселя усматривалъ въ нашемъ папирусѣ, такъ какъ въ строкѣ 22 онъ неправильно читалъ δέδωκα αὐτῇ вм. ἀπέσχον τὸ αἰροῦν. Другія основанія, на которыя опирается теорія, сводятся къ слѣдующему: 1) чисто дѣловой характеръ договоровъ, какъ бы требующій со стороны жениха обезпеченія тѣхъ матеріальныхъ выгодъ, которыя приносятся невѣстой; 2) упоминаніе въ числѣ приданаго предметовъ, которые могутъ имѣть отношеніе только къ женщинѣ (напримѣръ, платья, серьги и т. д.); 3) полное соотвѣтствіе греческихъ брачныхъ контрактовъ съ египетскими. Первые два довода уже были опровергнуты Гренфеллемъ и Гентомъ въ Oxyrh. Pap. II, 240, такъ что распространяться о нихъ незачѣмъ. Скажу только, что противъ перваго quasi-доказательства говоритъ, между прочимъ, папирусъ Британскаго музея № 283, а. 81. Этотъ документъ лишь отмѣченъ Кеніономъ въ спискѣ папирусовъ, приложенномъ ко 2-му тому Catalogue of greek Papyri in the British Museum, но не изданъ въ виду своей фрагментарности, да сверхъ того неправильно

[1]) Весселя: [κατὰ πά]ντ[α] τρόπον; Гентъ: [κατα ο]ντιναουν τρόπον.

[2]) Весселя: [σύρου] συνῆρμαι τὴν [πρὸς σύραν τὴν καὶ Ἰσάριον συμβίωσιν καὶ δέ]δωκα αὐ[τῇ]; Гентъ: την [......] σα....κοι .. αιρουντο [......] δωνων.

[3]) Весселя: ... υ]περ γαμου .... καὶ [ε]π[εγράφην αὐτῆς] κ[υρι]ος.

[4]) Весселя: .. ως π[ροκειτάι.

[5]) αγορ]αν[ομος] κεχρημ.

[6]) *Весселя*, Studien etc., 54, а также 59. Тоже, но съ нѣкоторымъ ограниченіемъ, *Mitteis*, l. c., 281. Ср. *Grenfell-Hunt*, Oxyrh. Pap. II, 241.

отнесенъ къ разряду lease of loan. Привожу его цѣликомъ по своей копіи за исключеніемъ послѣднихъ 6 строкъ которыя сохранились очень плохо и представляютъ собой подписи лицъ, заключившихъ брачный договоръ, причемъ за ихъ неграмотностью эту роль исполнялъ какой-то ὑπογραφεύς.

Ἔτους πρώτου Αὐτοκράτορος Καίσαρος Δομιτιανοῦ
Σεβαστοῦ μην[ὸ]ς Χ[οιὰ]κ δεκάτηι ἐν τῇ Σοκνοπαίου Νήσου
τῆς Ἡρακλείδ[ου μερίδ]ος τοῦ Ἀρσ[ι]νοίτο[υ] νομοῦ. Ὁμο-
λογεῖ Στοτο[ή]τις Παοῦτος Πέρσης τῆς ἐπιγονῆς ὡ[ς]
5. ἐτῶν τεσσαράκοντα οὐλὴ μετόπῳ (sic!) ἐγ δεξιῶν τῇ ἑα[υτ(οῦ)]
γυναικὶ Ταπια[μ]οῦ[τι .....]ος ὡς ἐτῶν τριάκοντα οὐ-
λὴ γόνατι δεξ[ι]ῷ [με]τὰ κυρίου τ[ο]ῦ αὐτ[ῆς] συνγεν[οῦς]
Τεσσενούφιος τοῦ Στοτοήτιος ὡς ἐτῶν [τρ]ιάκον[τα]
ἐννέα οὐλὴ [μετό]πῳ ἐγ δεξιῶν ἔχιν π[α]ρ' α[ὐτῆ]ς τὸν
10. ὁμολογοῦντα π[αραχρῆμα] δ[ιὰ χειρὸς] ἐξ οἴκου ἐφ' ἑα[υ]-
τῇ φ[ερνὴν] ἀρ[γ]υρ[ίου δρ]αχμὰς ἑξήκον[τ]α, συμβι[οῦ]-
τωσαν οὖν ἀ[λ]λ[ήλοις] ὅ τε ὁ Στοτοήτ[ι]ος καὶ [ἡ] Ταπιαμο[ῦς]
ἀμεμφιμοιρήτως καθὼς καὶ πρ[ο]εγάμουσαν ἐπιχω-
ρηγῷ[ν] α[ὐ]τῇ τὰ δέοντα πάντα κ[αὶ τὸν ἱματι]σμὸν καὶ
15. τὰ ἄλλα ὅσα καθ[ήκ]ει γυναικὶ γαμετῇ κ[α]τὰ [δ]ύνα-
μιν τοῦ β[ί]ου ἐνδημῶν καὶ ἀποδημῶν ἐ[ν τοῖς] κατὰ τὴν
συμβί[ωσ]ιν ⟨χρόνοις⟩, ἐ[ὰ]ν δὲ δ[ι]αφορᾶς αὐτοῖς γεναμένης χω-
ρίζωνται ἀπ' ἀ[λλήλ]ων, ἀ[ποδότ]ῳ [ὁ Στο]τοήτιος Ταπιαμ[οῦ]
τι τὰς τῆς φε[ρνῆς ἀ[ργ]υρίου δραχ[μὰς ἑξ]ήκοντα ἐ[ν ἡ]-
20. μέραις τριά[κ]οντ⟨α⟩, ἀφ' [ἧς] ἐ[ὰ]ν ἀπαιτηθῇ, ἐὰν δὲ μὴ
ἀ[πο]δ[ῷ κ]αθὰ [γέγραπται ἀποτι]σά[τω] μεθ' ἡμιο[λ]ίας
[κ]αὶ τόκ[ων, τῆς πράξεως] οὔσης Τα[πιαμο]ῦ[τι ἔκ] τε τοῦ
[ὁμ]ολο[γοῦ]ντ[ος καὶ ἐκ τῶν ὑπαρχόντων αὐτῷ καθ]άπ[ερ] ἐκ [δι*]

Если къ этому папирусу приложить доводъ Вессели, то окажется, что мужъ обезпечилъ жену вдвойнѣ, во-первыхъ, посредствомъ donatio ante nuptias, во-вторыхъ, посредствомъ обязательства исполнять πάντα τὰ καθήκοντα по отношенію къ женѣ, которая между тѣмъ не приноситъ ничего. Подобный фактъ противорѣчитъ понятію брака, какъ дѣлового договора, и приводитъ насъ ad absurdum, ибо, если брачный договоръ носитъ дѣловой характеръ, то тѣмъ самымъ требуетъ взаимнаго обезпеченія со стороны брачущихся. Гораздо серьез-

нѣе третій доводъ, который также въ достаточной степени подорванъ Гренфеллемъ и Гентомъ (l. c., 241). Основатели теоріи о fictive Mitgift (=donatio ante nuptias) указываютъ въ подтвержденіе послѣдней на полное соотвѣтствіе димотическихъ брачныхъ контрактовъ, которые изданы Ревилью въ цѣломъ рядѣ статей въ Revue égyptologique. Ревилью дѣлитъ эти документы на мемфитскіе и ѳивскіе. Разница между тѣми и другими состоитъ въ слѣдующемъ: 1) мемфитскіе вводятся словами: je t'ai prise pour femme, tu m'as donné X argenteus, ѳивскіе—словами: je t'ai prise pour femme, je te donne etc.; 2) приданое въ мемфитскихъ весьма значительно, но въ случаѣ развода мужъ долженъ вернуть только приданое безъ пени, въ ѳивскихъ, наоборотъ, приданое обыкновенно ничтожно, зато въ случаѣ развода мужъ возвращаетъ не только его, но и большую пеню. Что касается до греческихъ контрактовъ, то всѣ они безъ исключенія вводятся формулой: ὁμολογεῖ ὁ δεῖνα ἔχειν παρὰ τῆς δεῖνα, т. е., соотвѣтствуютъ мемфитскимъ. Существенная разница между мемфитскими и греческими контрактами заключается въ томъ пунктѣ, гдѣ рѣчь идетъ объ обязательствѣ, лежащемъ на мужѣ по отношенію къ женѣ въ случаѣ развода. Въ мемфитскихъ контрактахъ этотъ пунктъ, если вѣрить Ревилью [1]), выраженъ такъ: je te donnerai les 750 argenteus dans un délai de 30 jours soit au moment où je t'établirai comme femme, soit au moment où tu t'en iras de toi même. Въ греческихъ — соотвѣтствующее мѣсто выражается двояко, причемъ наиболѣе обычная и, по всей вѣроятности, наиболѣе древняя формула, такова: ἐὰν δὲ διαφορᾶς αὐτοῖς γεναμένης χωρίζωνται ἀπ' ἀλλήλων, ἀποδότω ὁ δεῖνα τῇ δεῖνα τὰς τῆς φερνῆς δραχμὰς τοσαύτας—ἐν ἡμέραις τριάκοντα [2]).

Изъ сравненія видно, что какое-то отдаленное сходство между контрактами египетскимъ и греческимъ въ данномъ пунктѣ есть. Но, если слова египетскаго документа позволяютъ придти къ мысли о donatio ante nuptias, ибо, что это за приданое, которое дается женѣ мужемъ спустя 30 дней послѣ заключенія брака, то въ греческихъ ничего подобнаго нѣтъ. Оказывается впрочемъ, что и въ египетскомъ контрактѣ такой выводъ возможенъ только при чтеніи Ревилью. Такъ

---

[1]) *Revue Égyptologique*, I, 92.

[2]) Впрочемъ въ древнѣйшемъ изъ греческихъ брачныхъ контрактовъ, а именно въ Женевскомъ папирусѣ II вѣка до Р. Хр. (*Nicole*, Les papyrus de Genève, vol. I, fasc. 2, № 21) соотвѣтствующее мѣсто выражено такъ: ἐὰν δὲ Ἀρσινόη ἑκοῦσα βούληται ἀπαλλάττεσθαι, ἀποδότω Μενεκράτης αὐτῇ etc.

Максъ Мюллеръ въ своей книгѣ: Liebespoesie bei den alten Aegyptern (Leipzig, 1899), стр. 4, пр. 6 вм. soit au moment où je t'établirai comme femme, soit au moment où tu t'en iras de toi même читаетъ: wenn ich dich verstosse und du davongehst. Но, если относительно перевода Макса Мюллера можно думать, что на него повліяли до нѣкоторой степени греческіе брачные договоры, то отъ подобнаго подозрѣнія свободенъ Бругшъ, которому ни одинъ греческій Heiratsvertrag извѣстенъ не былъ. Между тѣмъ и онъ въ одномъ димотическомъ папирусѣ переводитъ соотвѣтствующее мѣсто такъ: indem ich dich verlasse [1]). Съ устраненіемъ глагола établir мемфитскіе папирусы во всей своей цѣльности (частности я оставляю въ сторонѣ) примыкаютъ къ греческимъ и никакого упоминанія о donatio ante nuptias найти въ нихъ нельзя. Остаются ѳивскіе. Однако, если Ревилью допускаетъ въ дешифровкѣ димотическихъ папирусовъ ошибки въ родѣ указанной, то нельзя ли предположить, что и въ ѳивскихъ вмѣсто je te donne нужно читать tu m'a donné. Во всякомъ случаѣ до тѣхъ поръ, пока сами египтологи не пришли къ полному согласію, врядъ ли можно опираться на димотическіе брачные контракты.

Съ потерей своего главнаго довода теорія о donatio ante nuptias, что называется schwebt in der Luft. Тѣмъ не менѣе Миттейсомъ [2]) была сдѣлана недавно послѣдняя попытка защитить теорію и доказать, что она по прежнему приложима и къ Египту. Исходнымъ пунктомъ его доказательствъ послужилъ на этотъ разъ одинъ изъ Оксиринхскихъ папирусовъ, помѣщенный въ Oxyrh. Pap. II подъ № 267. Папирусъ представляетъ собой брачный договоръ между Трифономъ и Сараейсъ, заключенный въ 36 г. по Р. Хр. По этому договору Трифонъ удостовѣряетъ въ полученіи отъ Сараейсъ черезъ банкирскую контору Сарапіона 40 драхмъ серебромъ, далѣе 20 драхмъ за пару золотыхъ сережекъ, и 12 за цвѣтной хитонъ, т. е., въ общей сложности 72 драхмъ. Эти деньги Трифонъ обязуется возвратить Сараейсъ черезъ 5 мѣсяцевъ, а если онъ не отдастъ, то долженъ уплатить ей τὸ προκείμενον κεφάλαιον μεθ' ἡμιολίας.

'Εὰν δὲ ἀπαλλαγῶμεν—говорится дальше—ἀπ' ἀλλήλων, ἐξέσται σοι ἔχειν τὸ τῶν ἐνωτίων ζεῦγος ἐν τῇ ἴσῃ διατιμήσει. 'Επεὶ δὲ σύνεσμεν

---

[1]) *Brugsch*, Thesaurus inscript. aegyptiacarum etc., p. 1044. Здѣсь изданъ брачный контрактъ времени ѳеіопскаго царя Harmâshis (II вѣка до Р. Хр.).

[2]) *Mitteis*, Neue Rechtsurkunden aus Oxyrhynchos. *Archiv für Papyrusforschung*, I, 348—349.

ἀγράφως προσομολογῶι ἐὰν ὡσαύτως ἐκ διαφορᾶς ἀπαλλαγῶμεν ἀπ' ἀλλήλων ἐνκύου σου οὔσης .... (конца нѣтъ).

Основываясь на этомъ папирусѣ, Миттейсъ говоритъ приблизительно слѣдующее: какъ видно изъ контракта, Трифонъ долженъ вернуть Сараейсъ полученныя имъ деньги по истеченіи 5 мѣсяцевъ, а въ случаѣ развода Сараейсъ имѣетъ право только на пару сережекъ. 72 драхмы, по мнѣнію Миттейса, не могутъ быть приданымъ, такъ какъ приданое при разводѣ должно возвращаться женѣ полностью. А слѣдовательно, что иное какъ не donatio ante nuptias можно усматривать здѣсь, когда часть яко бы полученныхъ мужемъ денегъ удерживается при разводѣ. Что же касается до пары сережекъ, то они представляютъ собой подарокъ prima pro nocte, который, во всякомъ случаѣ, оставался у жены.

На первый взглядъ это разсужденіе кажется вполнѣ убѣдительнымъ, но при болѣе внимательномъ разсмотрѣніи оказывается, что Миттейсъ противорѣчитъ своему собственному теоретическому опредѣленію donatio. По словамъ Миттейса цѣль donatio ante nuptias на Востокѣ была, во-первыхъ, обезпечивать вдову, во-вторыхъ—жену въ случаѣ развода [1]). Итакъ, судя по этому опредѣленію, 72 драхмы, разъ онѣ дѣйствительно donatio ante nuptias, должны быть при разводѣ возвращены Сараейсъ. Но этого мы не видимъ. Правда, можетъ быть, существовали какіе-нибудь законы, ограничивающіе право полученія женой donatio ante nuptias въ случаѣ развода. Но самымъ древнимъ является для насъ законъ Θеодосія II [2]), по которому donatio не возвращается женѣ, разъ вина развода падаетъ на нее. Этотъ законъ былъ бы приложимъ къ нашему папирусу, если бы въ послѣднемъ была оговорка въ родѣ слѣдующей: „если ты покинешь меня сама, то ты получишь только пару сережекъ". Итакъ, въ нашемъ папирусѣ 72 драхмы, разъ онѣ donatio ante nuptias, должны быть отданы Сараейсъ при разводѣ. Между тѣмъ Миттейсъ видитъ доказательство того, что мы имѣемъ дѣло съ donatio именно въ фактѣ неполученія Сараейсъ всей суммы полностью. Надо сознаться, что контрактъ заключаетъ въ себѣ не мало трудностей. И дѣйствительно, если считать, какъ это дѣлаютъ Гренфелль и Гентъ (l. c., 240), 72 драхмы за приданое, кажется страннымъ, почему при разводѣ выдается не все приданое, а только пара сережекъ. Этотъ фактъ

[1]) *Mitteis*, Reichsrecht und Volksrecht, 301, а также 304.
[2]) *Mitteis*, l. c., 308.

выдѣленія сережекъ даетъ какъ будто нѣкоторое правдоподобіе объясненію Миттейса, но послѣднее противорѣчитъ теоретическому понятію о donatio, и вовсе не есть die schönste Bestätigung теоріи о donatio ante nuptias in dotem redacta для Египта. Такимъ образомъ, разобранный нами папирусъ является *пока* загадкой и не даетъ никакихъ преимуществъ ни послѣдователямъ теоріи о fictive Mitgift, ни ея противникамъ.

Сверхъ того въ папирусѣ есть еще кое-какія отличія, выдѣляющія его изъ группы другихъ брачныхъ договоровъ. Главное заключается въ фразѣ ἐκεὶ δὲ σύνεσμεν ἀλλήλοις ἀγράφως. Эта фраза указываетъ на то, что мы имѣемъ дѣло съ контрактомъ, касающимся такъ называемаго ἄγραφος γάμος [1]). Не въ этомъ ли фактѣ и заключается вся разгадка тѣхъ не поддающихся объясненію трудностей, которыя были указаны выше? Вполнѣ возможно, что ἄγραφος γάμος былъ предметомъ особыхъ законоположеній, намъ неизвѣстныхъ. А что наше предположеніе о существованіи такихъ законовъ заключаетъ въ себѣ долю истины, ясно изъ папируса Британскаго музея № 183 [2]), который представлялъ собой собраніе разныхъ касающихся брака узаконеній.

Къ сожалѣнію возстановить папирусъ нельзя, такъ какъ недостаетъ слишкомъ многаго. Сохранились только заглавія отдѣльныхъ законовъ: περὶ ἀδότου προοικὸς, περὶ ἐγγυήτου, περὶ ἀγράφων (не γραφῶν, какъ Кеніонъ) γάμων, да нѣсколько отдѣльныхъ фразъ безъ начала и конца. Всего больше пострадалъ законъ περὶ ἀγράφων γάμων, отъ котораго осталось только заглавіе и слова: Ἔτους] θ Τραιανοῦ Καίσαρος.

Всѣ остальные дошедшіе до насъ брачные договоры касаются такъ называемаго ἔγγραφος γάμος. Ср. Oxyrh. Pap. II, 237, col. 7, lin. 12: εἰ δὲ καὶ ἔστιν τις (sc. νόμος), ἀλλ' οὐ πρὸς τὰς ἐξ ἐγγράφων γάμων γεγενημένας καὶ ἐγγράφως γεγ⟨αμ⟩ημένας, а также CPR. 18, 28: τοῦ μὲν Ἀμμωνίου εἰπόντος ἐξ ἐν[γ]ράφων γά|μων γεγο[νέ]ναι τὸν Ὠριγένην. Если мы сравнимъ эти договоры съ Oxyrh. Pap. 267, то увидимъ, что разница между первыми и послѣднимъ заключается въ слѣдующемъ: conditio sine qua non каждаго брачнаго контракта есть, во-первыхъ, слово φερνή, во-вторыхъ, своего рода стереотипная фраза, наиболѣе

---

[1]) О существованіи такого брака независимо отъ Oxyrh. Pap. 267 говоритъ CPR. 18, 30: τοῦ δὲ Ἀφροδισίου διαβεβαιωσαμένου ἐξ ἀγράφων γάμων αὐτὸν γεγενῆσθαι.

[2]) *Kenyon*, Catalogue of greek papyri in the British Museum, II, pl. 44. Папирусъ не изданъ въ транскрипціи.

полная форма которой такова: συμβιούτωσαν οὖν ἀλλήλοις οἱ γαμοῦντες ὅ τε δεῖνα καὶ ἡ δεῖνα ἀμέμπτως, τοῦ δεῖνα ἐπιχορηγοῦντος αὐτῇ τὰ δέοντα πάντα καὶ τὸν ἱματισμὸν καὶ τὰ ἄλλα ὅσα καθήκει γυναικὶ γαμετῇ κατὰ δύναμιν τοῦ βίου καὶ αὐτῆς δὲ δεῖνα ἄμεμπτον καὶ ἀκατηγόρητον ἑαυτὴν παρεχομένης ἐν τῇ συμβιώσει (CPR. I, 27). Ср. также CPR. 24; CPR. 25; CPR. 28. Въ болѣе сокращенномъ видѣ ту же формулу даютъ: CPR. 22; BGU. 183, 251 и 717, а также папирусъ Британскаго музея № 283 (см. выше) [1]. Въ Oxyrh. Pap. 267 нѣтъ ни φερνή, ни глагола ἐπιχορηγεῖν, по поводу котораго мы еще будемъ говорить ниже, ни выраженія γυνὴ γαμετή. Есть только удостовѣреніе въ полученіи 72 драхмъ, обязательство вернуть ихъ черезъ 5 мѣсяцевъ и прибавка σύνεσμεν ἀγράφως. Кромѣ Оксиринхскаго папируса есть еще одинъ документъ, который имѣетъ отношеніе къ ἄγραφος γάμος, а именно Луврскій папирусъ 13. Въ немъ также говорится о брачномъ сожительствѣ, ограниченномъ извѣстнымъ срокомъ, и сверхъ того упоминается объ обѣщаніи мужа женѣ составить въ теченіе года иной договоръ, до совершенія котораго обѣ стороны будутъ жить, какъ мужъ и жена (ὡς ἀνὴρ καὶ γυνή) [2].

Итакъ, ἄγραφος γάμος является договоромъ, заключаемымъ на извѣстный срокъ и состоящимъ во многихъ отношеніяхъ ниже ἔγγραφος, или согласно опредѣленію Миттейса [3]: ἔγγραφος γάμος ist die in solennem Ehekontrakt mit Zusage des ehelichen Zusammenlebens und Stipulationen über die Mitgift (und anderweitige Vermögensverhältnisse) bestätigte Verbindung, ἄγραφος γάμος eine vorläufige wenngleich urkundlich versicherte Verabredung, in welcher die beiden Teile keine dauernden Verpflichtungen auf sich nehmen.

Спрашивается теперь, для какой цѣли заключался ἄγραφος γάμος, когда была болѣе совершенная форма брачнаго сожительства въ видѣ ἔγγραφος? Обычное объясненіе таково: ἄγραφος γάμος имѣлъ чисто провизорный характеръ и, заключаясь на извѣстный срокъ, могъ затѣмъ по удостовѣреніи обѣихъ сторонъ во взаимномъ согласіи переходить въ ἔγγραφος. Этотъ срокъ, какъ мы видимъ изъ Oxyrh. Pap. 267,

---

[1]) Въ нѣсколько иномъ видѣ даетъ эту формулу Женевскій папирусъ № 21 (*Nicole*, Les papyrus de Genève, vol. I, fasc. 2) и Oxyrh. Pap. II, 256, строка 14 (стр. 237).

[2]) Papyrus du Louvre, 210 — 211. Подробно разбираютъ этотъ документъ: *Grenfell-Hunt*, The Oxyrh. Pap. II, 245, и *Mitteis*, Neue Rechtsurkunden aus Oxyrhynchos, 345—346. Ср. также *Wessely*, Studien etc., 66—67.

[3]) *Mitteis*, l. c., 346.

могъ продолжаться нѣсколько мѣсяцевъ, но съ другой стороны подобное сожительство тянулось иногда цѣлые годы. Такъ изъ приписки къ нашему папирусу мы узнаемъ, что Трифонъ вернулъ деньги Сараейсъ лишь по истеченіи 7 лѣтъ, фактъ, который легко объяснить предположеніемъ, что вмѣсто 5 мѣсяцевъ они жили въ ἄγραφος γάμος 7 лѣтъ, а затѣмъ перешли въ ἔγγραφος, ибо еще въ 59 г. по Р. Хр. находимъ ихъ живущими вмѣстѣ [1]). Съ другой стороны во многихъ контрактахъ послѣ фразы συμβιούτωσαν οὖν ἀλλήλοις οἱ γαμοῦντες мы находимъ выраженіе καθὼς προεγάμουσαν. Это выраженіе указываетъ на существовавшій раньше между брачущимися γάμος, который могъ быть только ἄγραφος. Разъ это такъ, мы въ нашихъ контрактахъ находимъ подтвержденіе того, что ἄγραφος γάμος часто переходилъ въ ἔγγραφος; съ другой же стороны папирусы показываютъ намъ, что ἄγραφος γάμος продолжался иногда десятки лѣтъ, прежде чѣмъ перейти въ ἔγγραφος. Такъ въ CPR. 28 брачущіеся имѣютъ уже 4 дѣтей; въ BGU. 183 сыну уже 23 года и онъ при заключеніи брачнаго договора между его матерью и отцомъ исполняетъ роль κύριος'а матери.

Другая обычная прибавка въ такихъ брачныхъ договорахъ заключается въ словахъ ὁμολογεῖ ὁ δεῖνα—τῇ προούσῃ καὶ συνούσῃ αὐτῷ γυναικί, въ противоположность тѣмъ контрактамъ, гдѣ заключенію ἔγγραφος γάμος не предшествовало иное брачное сожительство. Ср. CPR. 27: ὁμολογεῖ—ἔχειν—ἐπὶ τῇ ἐπιτροπευομένῃ αὐτοῦ Θαισαρίῳ Ἡρακλείδου παρθένῳ οὔσῃ или CPR. 24: ὁμολογεῖ — ἔχειν παρὰ τῆς Ἀφροδείτης ἐπὶ τῇ θυγατρὶ αὐτῆς etc.

Для какой цѣли обѣ стороны послѣ долголѣтняго ἄγραφος γάμος вступали въ законное сожительство? Врядъ ли всегда можно объяснять этотъ фактъ личными выгодами брачущихся. И дѣйствительно, если въ папирусѣ Британскаго музея № 283 нѣтъ упоминанія о дѣтяхъ, то изъ CPR. 28 [2]) мы видимъ, что лица, заключающія ἔγγραφος γάμος, имѣютъ уже 4 дѣтей, прижитыхъ раньше. Далѣе изъ того же папируса мы видимъ, что брачный договоръ занимаетъ въ немъ сравнительно незначительное мѣсто, тогда какъ бо́льшая часть документа посвящена завѣщанію, въ которомъ родители, какъ мать, такъ и отецъ, дѣлятъ между дѣтьми принадлежа-

---

[1]) *Grenfell-Hunt*, l. c., 240 и 244. Иначе *Mitteis*, l. c., 349.

[2]) Здѣсь въ строкѣ 4 нужно послѣ συμβιούτωσαν οἱ γεγαμηκότες καθὼς дополнять προεγάμουσαν.

щее имъ имущество. Этотъ, правда, пока единичный фактъ (ср. впрочемъ BGU. 183) позволяетъ придти къ слѣдующему предположенію: переходъ ἄγραφος γάμος въ ἔγγραφος дѣлался отчасти для того, чтобы дать дѣтямъ право наслѣдовать отцовское имущество. Объ имуществѣ матери не можетъ быть и рѣчи, такъ какъ оно, во всякомъ случаѣ, переходило къ дѣтямъ. См. Mitteis, Reichsrecht und Volksrecht, 238, а также 239: онъ приводитъ здѣсь примѣръ изъ жизни Ирода Аттика, о которомъ Филостратъ въ Vit. Soph. II, 1, 23 говоритъ слѣдующее: τελευτῶν δὲ τὰ μὲν μητρῷα αὐτῷ (т. е., сыну) ἀπέδωκεν, ἐς ἑτέρους δὲ κληρονόμους τὸν ἑαυτοῦ οἶκον μετέστησεν. Ср. также Луврскій папирусъ 13, гдѣ сынъ требуетъ возвращенія материнскаго имущества, на которое имѣетъ законное право и которымъ завладѣли наслѣдники его вотчима.

Обратимся теперь къ отмѣченной нами выше формулѣ ἐπιχορηγεῖν τὰ δέοντα πάντα καὶ τὸν ἱματισμὸν καὶ τὰ ἄλλα, ὅσα καθήκει γυναικὶ γαμετῇ, которая, являясь одной изъ отличительныхъ чертъ ἔγγραφος γάμος, даетъ поводъ еще разъ выступить противъ теоріи donatio ante nuptias. Для подкрѣпленія своей мысли о donatio ante nuptias, Миттейсъ—правда въ примѣчаніи—приводитъ еще одинъ, ничего не доказывающій фактъ, взятый изъ Oxyrh. Pap. II, 282 [1]). Папирусъ этотъ представляетъ собой жалобу, поданную стратигу Трифономъ на свою первую жену Димитрусъ за ея противозаконныя дѣйствія. Ἐπεχορήγησα αὐτῇ—говоритъ Трифонъ—τὰ ἑξῆς καὶ ὑπὲρ δύναμιν. Ἡ δὲ ἀλλότρια φρονήσασα ἐξῆλθε καὶ ἀπηνέγκατο τὰ ἡμέτερα—διὸ ἀξιῶ ἀχθῆναι ταύτην ἐπί σε ὅπως τύχῃ ὧν προσήκει καὶ ἀποδῶ τὰ ἡμέτερα; и далѣе: ἔστι δὲ τῶν ὑφειρημένων [.....] φαιον ἄξιον ς λα (конца нѣтъ). Приведя эти слова Миттейсъ говоритъ: „Der Schluss enthält das in lin. 7 angekündigte (ἐπεχορήγησα τὰ ἑξῆς) Verzeichniss seiner Brautgeschenke. Also hat er schon seiner ersten Frau solche gemacht". Отсюда явствуетъ, что Миттейсъ въ словѣ ἐπιχορηγεῖν видитъ намекъ на Brautschenkung, на donatio ante nuptias. Но такое пониманіе невѣрно. Словомъ ἐπιχορηγεῖν Трифонъ намекаетъ только на тотъ фактъ, что онъ, живя со своей первой женой въ ἔγγραφος γάμος, выполнялъ по отношенію къ ней πάντα τὰ δέοντα ἐν τοῖς κατὰ τὴν συμβίωσιν χρόνοις, доставляя ей ἱματισμὸν καὶ τὰ ἄλλα, она же покинула его и унесла съ собой все то, на что имѣла право, *только* какъ жена. Слѣдовательно, никакого Brautschenkung здѣсь нѣтъ,—наоборотъ глаголъ

---

[1]) Neue Rechtsurkunden aus Oxyrhynchos, 350, прим. 1.

ἐπιχορηγεῖν позволяетъ придти къ слѣдующему вполнѣ вѣроятному предположенію.

Нужно ли, по примѣру Миттейса и Вессели, отыскивать въ греческихъ брачныхъ контрактахъ Египта donatio ante nuptias in dotem redacta, когда мы въ обѣщаніи мужа доставлять женѣ во время совмѣстной жизни πάντα τὰ δέοντα καὶ τὸν ἱματισμὸν καὶ τὰ ἄλλα ὅσα καθήκει γυναικὶ γαμετῇ имѣемъ уже своего рода форму обезпеченія, отчасти соотвѣтствующую donatio ante nuptias. И дѣйствительно, эта ἐπιχορηγία съ одной стороны есть какъ бы отвѣтъ на матеріальныя выгоды, приносимыя женой (ср. напримѣръ, папирусъ Британскаго музея № 288), а съ другой (какъ и donatio) не является настолько собственностью жены, чтобы оставаться въ ея рукахъ въ случаѣ добровольнаго ухода изъ дома мужа (ср. Oxyrh. Pap. II, 282).

Возможно, что съ теченіемъ времени, при постепенной потери Египтомъ своихъ культурныхъ особенностей, обычай donatio, по скольку онъ практиковался въ другихъ частяхъ Имперіи, вошелъ въ употребленіе и въ Египтѣ, но, во всякомъ случаѣ, первый ясный намекъ на это находимъ мы въ брачномъ договорѣ VI—VII вѣка (CPR. 30, строка 10), гдѣ выраженію donatio ante nuptias соотвѣтствуетъ греческое слово ἰσόπροικον. Въ брачныхъ же контрактахъ IV вѣка, о чемъ можно судить по одному папирусу изъ коллекціи В. С. Голенищева [1]), ничего подобнаго нѣтъ, хотя въ общемъ формулировка договора уже сильно разнится отъ той, которую видимъ мы въ брачныхъ документахъ болѣе ранняго періода.

Г. Церетели.

---

[1]) Къ сожалѣнію я не могу въ настоящее время издать этотъ папирусъ, такъ какъ располагаю слишкомъ наскоро сдѣланной копіей.

„НАЧАЛЬНИКИ ГРЕКОВЪ“.

Саисская эпоха египетской исторіи, это время водворенія грековъ въ долинѣ Нила, при обиліи памятниковъ искусства, дала намъ сравнительно немного туземныхъ источниковъ политической исторіи. Поэтому и наши свѣдѣнія о первыхъ греческихъ поселеніяхъ не отличаются надлежащей полнотой, почерпаясь почти исключительно изъ греческихъ источниковъ. При такихъ условіяхъ всякое указаніе современныхъ египетскихъ текстовъ, которое съ большимъ или меньшимъ вѣроятіемъ можетъ быть отнесено къ данному вопросу, возбуждаетъ особенный интересъ изслѣдователя. Съ этой точки зрѣнія уже обратила на себя вниманіе надпись на ватиканскомъ базальтовомъ саркофагѣ саисскаго верховнаго жреца Іуфа по прозванію („rn nfr“) Нофераабра-Меринейтъ[1]). Нофераабра—первое имя Псаметика II; значитъ покойный родился при этомъ царѣ, и его дѣятельность относится уже ко времени Априса, къ VI в. На стѣнкѣ нижней части саркофага, вокругъ него, начертаны молитвенныя воззванія къ богинѣ Нутъ, въ которыхъ призывается эта мать Осириса къ своему новому сыну—покойному; послѣдній упоминается со всѣми своими титулами, какъ то: „князь“ (rpʿ—ḥʿ), „царскій казначей“, „единственный smr“, „настоятель саисскаго храма“ и наконецъ „mr smwt Ḫ, wỉ—nbw“ т. е. „начальникъ странъ Хауи-Небу“. Какъ всѣмъ извѣстно, именемъ „Хауи-Небу“ (если только это условное чтеніе вѣрно) въ птолемеев-

---

[1]) Изд. и переведено у *Wiedemann*, Die Saitischen Monumente d. Vatikans. *Recueil de travaux relatifs à la phil. et l'archéol. Egypt.* VI, (1885), 117; *Marucchi*, Il Museo Egizio Vaticano, Roma, 1899, 16 сл. (см. критику *Pellegrini* въ XIII т. *Giornale della Societa Asiatica Italiana*); ср. *Mallet*, Les premiers établissements des Grecs en Egypte. *Mémoires de la Mission archéol. fr. au Caire*, XII, 115.

скую эпоху назывались греки въ іероглифическихъ текстахъ [1]). Въ классическомъ Египтѣ это загадочное имя имѣетъ болѣе общее значеніе, употребляясь для сѣверныхъ береговъ и острововъ Средиземнаго моря [2]). Что въ саисскую эпоху интересующій насъ терминъ уже получилъ специальное значеніе, на это у насъ есть указаніе въ единственномъ историческомъ текстѣ этой эпохи въ тѣсномъ смыслѣ этого слова [3]), содержащемъ въ себѣ упоминаніе Хауи-Небу. Это—извѣстная въ достаточной степени надпись современника Априса Неси-Гора, которому пришлось имѣть дѣло съ бунтомъ наемниковъ, состоявшихъ изъ корпусовъ „Аму, Сати и Хауи-Небу“ [4]). Если первые два термина имѣютъ въ виду азіатовъ, то послѣдній, конечно, соотвѣтствуетъ іонянамъ и карійцамъ, составлявшимъ въ это время видную часть египетской арміи. Для этого новаго элемента долженъ былъ появиться опредѣленный терминъ, и египтяне, столь консервативные въ своей выработанной за нѣсколько тысячелѣтій тому назадъ географической номенклатурѣ, остановились на томъ, который дѣйствительно

---

[1]) Мѣста собраны наиболѣе полно у *W. Max Müller*, Asien und Europa nach altägypt. Denkm., 25 сл.

[2]) ibid. 27 сл.

[3]) Т. е. до персидскаго завоеванія. Отъ саисской эпохи въ широкомъ смыслѣ у насъ есть еще два важныхъ текста, которые еще болѣе опредѣленно говорятъ о Хауи-Небу, какъ о грекахъ. Это, во-первыхъ, такъ называемая Неаполитанская плита, принадлежащая жрецу Самтауи-Тефнахту, одному изъ приверженцевъ персидскаго владычества, которыхъ Θукидидъ (I, 104) называетъ „οἱ μὴ ξυναποστάντες“ во время бунта Инара (?). Обращаясь къ богу Хнуму авторъ надписи говоритъ: „ты защитилъ меня въ войнѣ Хауи-Небу... Никто не поднялъ руки противъ меня. Когда водворилось спокойствіе, твое величество сказалъ мнѣ: „ступай въ Хененсу (Иракліополь): я буду твоимъ проводникомъ по странамъ. Я былъ одинъ; я плылъ по Средиземному морю безъ страха, ибо думалъ о тебѣ. Такъ какъ я не преступилъ твоего завѣта, то прибылъ въ Хененсу, не потерявъ ни одного волоса съ головы“. Во время „войны грековъ“, т. е. возстанія противъ персовъ при помощи аѳинянъ(?), Тефнахтъ изъ своего города Иракліополя бѣжитъ къ персидскому двору и потомъ, по умиротвореніи страны, возвращается. См. *Brugsch*, Geogr. Inschr. I, 58 Taf.; p. 40, Ср. *Krall*, *Aeg. Zeitschr*. 1878, 6 — 9. Другая надпись находится въ Вѣнѣ на статуѣ изъ чернаго камня хорошей работы саисскаго періода; въ концѣ ея читаемъ; „во время Хауи-Небу воззвалъ меня голосъ царя Тамери (=Египта), который меня любилъ“... Ореографія поздняя и памятникъ, вѣроятно, современенъ предыдущему и имѣетъ въ виду то же событіе. (*Bergmann*, Varia въ *Aeg. Zeitschr*. 1880, 51).

[4]) *Brugsch*, *Aeg. Zeitschr*. 1884, 94; *Maspero*, ibid.; *Widemann*, ibid., 1878, 2; *Mallet*, o. c. 126 сл. и pass.

былъ наиболѣе подходящимъ, хотя при этомъ и забыли его настоящій этимологическій смыслъ.

Такимъ образомъ при Априсѣ мы находимъ египетскаго вельможу съ титуломъ „начальника странъ грековъ". Что касается слова „странъ", то въ египетскомъ языкѣ оно имѣетъ болѣе широкое значеніе и, примѣняясь исключительно къ иностранному, обозначаетъ не только области, но и народы. Впрочемъ въ данномъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ архаизмомъ; сочетаніе „земли Хаун-Небу" было классическимъ въ египетской письменности. Но Мери-Нейти былъ не единственнымъ египтяниномъ, имѣвшимъ этотъ титулъ. Еще въ 1898 году Daressy издалъ [1]), среди многихъ другихъ списанныхъ имъ въ Египтѣ текстовъ, надписи на саркофагѣ нѣкоего Педисамтаун-Са-ра (т. е. „дарованный соединителемъ обѣихъ египетскихъ областей, сыномъ Ра" [2]). Надписи эти состоятъ изъ повторяющихся на множествѣ саркофаговъ заупокойныхъ формулъ мало интересныхъ и написанныхъ, а можетъ быть изданныхъ безграмотно, а потому не возбудили вниманія ученыхъ. Между тѣмъ въ числѣ ихъ находятся двѣ параллельныя формулы, начертанныя на верхней части ящика; въ нихъ заключается ритуальное обращеніе къ покойному, названному единственный разъ полнымъ именемъ съ присоединеніемъ титула „mr Ḫ'wi-Nbu" = *„начальникъ Хаун-Небу"*, т. е. уже безъ архаистическаго „странъ".

Такимъ образомъ титулъ этотъ не стоитъ одиноко. Къ какому времени относится владѣлецъ второго? Отвѣтъ на это даютъ форма саркофага и имя покойнаго. Саркофагъ, по замѣчанію Daressy, „изъ сѣраго схиста антропоидной формы, очень широкій, съ очень плоской крышкой, напоминаетъ типъ саркофага Эшмуназара"; это отсылаетъ насъ ко второй половинѣ XXVI дин., къ періоду около времени персидскаго завоеванія [3]) т. е. другими словами, данный памятникъ близокъ по времени къ ватиканскому, также имѣющему антропоидную форму. Что касается имени покойнаго Педи-самтаун-(Са-Ра), то оно также указываетъ на эту эпоху, и вмѣстѣ съ тѣмъ даетъ намъ возможность сдѣлать одно не лишенное вѣроятія сопоставленіе. Саркофагъ найденъ у Хорбейта, т. е. древняго Pharbaetus. Въ 1882 г.

---

[1]) *Recueil de travaux* etc. XX, 78 сл.

[2]) Соединитель обѣихъ земель и „Сынъ-Ра"—обычные эпитеты фараона; такимъ образомъ здѣсь у насъ теофорное имя, производное отъ царскаго.

[3]) *Maspero*, *Rev. Arch*. 1887, 9—10.

E. Revillout издалъ [1]) интересную надпись, датированную 51 г. Псаметика I (513 г.) и повѣствующую объ основаніи богослужебнаго зданія нѣкимъ Падерпа, сыномъ Педи-Самтауи въ честь бога Горъ-Мерити, покровителя Фарбета. Принимая во вниманіе обычную въ египетскихъ семьяхъ наслѣдственность традиціонныхъ именъ и существованіе въ Дельтѣ въ поздніе времена египетской культуры владѣтельныхъ фамилій, не будетъ слишкомъ смѣлымъ предположить, что владѣлецъ саркофага и основатель часовни принадлежали къ одному роду фарбетскихъ номарховъ [2]); возможно даже, что первый былъ сыномъ второго, такъ какъ у египтянъ называть сына по имени дѣда было весьма распространеннымъ обычаемъ. Сооруженіе богослужебныхъ зданій отъ своего имени было въ Египтѣ привилегіей только царей и знатныхъ владѣтельныхъ фамилій.

Какое значеніе имѣлъ титулъ „начальника грековъ“? Отвѣчать на этотъ вопросъ можно будетъ только по полученіи новаго матеріала, въ томъ счастливомъ случаѣ, если намъ удастся найти еще какихъ-либо носителей этого интереснаго титула. Пока приходится довольствоваться предположеніемъ, что онъ едва ли имѣлъ реальное значеніе [3]) и скорѣе служилъ лишней декораціей египетскихъ князей и вельможъ, стоявшихъ въ какихъ-либо отношеніяхъ [4]) къ греческимъ наемникамъ или колонистамъ.

Б. Тураевъ.

---

[1]) *Revue Égyptologique*, II, 32 сл.

[2]) Не указываетъ ли на это и второй титулъ Педисамтауи „начальникъ двухъ палатъ(?)“, параллельный „начальнику грековъ“ на верхней части саркофага?

[3]) *Mallet*, l. c. 116 держится другого мнѣнія, полагая, что „въ саисскую эпоху египетскіе чиновники изъ знатныхъ родовъ, занимавшіе весьма видные посты, могли имѣть надъ наемниками всѣхъ расъ высшую власть или какъ наблюдатели и просители, или какъ генералы и военачальники“. Это конечно такъ, но были ли спеціальные начальники греческихъ наемниковъ въ этомъ смыслѣ? Ссылка на Неси-Гора ничего не доказываетъ: онъ въ качествѣ губернатора Элефантины только старался объ усмиреніи бунта и не можетъ считаться „начальникомъ грековъ“ и вообще наемниковъ.

[4]) Хотя бы, напримѣръ, территоріальныхъ. Саисскій жрецъ и князь могъ вполнѣ естественно считаться титулярнымъ губернаторомъ Навкратида, а фарбейтскій номархъ-Стропедовъ и вообще Пелусійскаго рукава съ допущенными въ него греками.

СВИНЦОВЫЯ ТЕССЕРЫ.

I.

Къ исторіи домиціановскихъ легіоновъ.

Наибольшее число свинцовыхъ тессеръ римскаго времени, найденныхъ въ Римѣ и имѣющихъ офиціальный, а не частный характеръ, относится, какъ я доказалъ въ своей Etude sur les plombs antiques [1]), къ раздачамъ—*liberalitates* и *congiaria*—императоровъ по поводу самыхъ разнообразныхъ счастливыхъ событій въ жизни Рима или частной жизни императоровъ.

Значительное число раздачъ связано было, конечно, и съ побѣдами императоровъ надъ внѣшними врагами.

По своимъ типамъ тессеры, служившія для раздачъ, распадаются, и притомъ очень опредѣленно, на двѣ серіи: до Веспасіана и Тита; кончая ими, тессеры конгіаріевъ очень схожи съ монетами не столько въ типахъ и легендахъ, сколько въ болѣе важномъ признакѣ офиціальности памятниковъ—появленіи на нихъ головы императора, императрицы или члена императорской семьи. Серія этихъ портретовъ на тессерахъ, начинаясь съ Тиберія, тянется, какъ сказано, до Флавіевъ, и на Домиціанѣ прерывается. Только, въ видѣ исключенія, попадаются на отдѣльныхъ тессерахъ головы Адріана, Антонина и Карина. Начиная съ Домиціана, тессеры для конгіаріевъ либо ограничиваются надписями, либо изображеніями, имѣющими отношеніе къ поводу раздачи:

---

[1]) *M. Rostovtsew* et *M. Prou*, Catalogue des plombs... de la Bibliothèque Nationale, Paris, 1900, 33 сл.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Типографія «В. С. Балашевъ и К°», Наб. Фонтанки, № 95.

Наша учебная литература.

Современная лѣтопись.

Отдѣлъ классической филологіи.

Редакторъ **Э. Радловъ**.

(Вышла 1-го мая).

ЖУРНАЛЪ

МИНИСТЕРСТВА

НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ

съ 1867 года

заключаетъ въ себѣ, кромѣ правительственныхъ распоряженій, отдѣлы педагогіи и наукъ, критики и библіографіи, и современную лѣтопись учебнаго дѣла у насъ и за границей.

Подписка принимается только на годъ,—въ Редакціи (по Троицкой улицѣ, домъ № 11) ежедневно отъ 8 до 10 часовъ утра. Иногородные также адресуютъ исключительно въ Редакцію.

Подписная цѣна за двѣнадцать книжекъ Журнала безъ пересылки или доставки двѣнадцать рублей, съ доставкою въ С.-Петербургѣ двѣнадцать рублей семьдесятъ-пять копѣекъ, съ пересылкой въ другіе города четырнадцать рублей двадцать-пять копѣекъ, за границу—шестнадцать руб. Книжки выходятъ въ началѣ каждаго мѣсяца. Сверхъ того, желающіе могутъ, по предварительномъ сношеніи съ Редакціею, пріобрѣтать въ Редакціи находящіеся для продажи экземпляры Журнала и отдѣльныхъ его книжекъ за прежніе годы, по цѣнѣ за полный экземпляръ (12 книжекъ) шесть рублей, за отдѣльныя книжки—по 50 копѣекъ за каждую—съ пересылкою въ другіе города. Полные экземпляры имѣются за 1869, 1870, 1871, 1876, 1877, 1878, 1880, 1881, 1882, 1883, 1884, 1887, 1888, 1892, 1893, 1894, 1895 и 1900 годы.

ЖУРНАЛЪ

МИНИСТЕРСТВА

НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

СЕДЬМОЕ ДЕСЯТИЛѢТІЕ.

ЧАСТЬ CCCXXXV.

1901.

ІЮНЬ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

Типографія „В. С. Балашевъ и К°", Наб. Фонтанки, д. 95.

1901

СОДЕРЖАНІЕ.

Правительственныя распоряженія.

Критика и библіографія.

(*См. 3-ю стр. обложки*).

ЖУРНАЛЪ
МИНИСТЕРСТВА
НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

СЕДЬМОЕ ДЕСЯТИЛѢТІЕ.

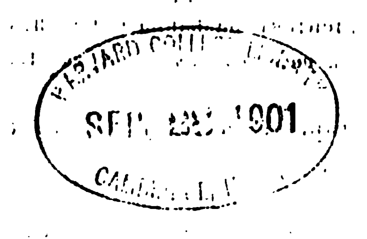
ЧАСТЬ CCCXXXV.

1901.

ІЮНЬ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія „В. С. Балашевъ и К°". Наб. Фонтанки, 95.
1901.

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

I. ИМЕННОЙ ВЫСОЧАЙШІЙ УКАЗЪ,

данный Правительствующему Сенату.

16-го апрѣля 1901 года. „Предсѣдателю попечительнаго комитета и директору Императорскаго клиническаго института Великой Княгини Елены Павловны, тайному совѣтнику *Склифосовскому* — Всемилостивѣйше повелѣваемъ быть членомъ совѣта министра народнаго просвѣщенія“.

II. ВЫСОЧАЙШІЯ ПОВЕЛѢНІЯ.

7. (28-го декабря 1899 года). *Объ установленіи форменной одежды для студентовъ Рижскаго Политехническаго института.*

Министръ народнаго просвѣщенія полагалъ необходимымъ ввести для студентовъ Рижскаго политехническаго института форменную одежду Высочайше утвержденнаго 18-го сентября 1897 года образца, съ измѣненіемъ сообразно иниціаламъ сего института наплечниковъ и знака на околышѣ фуражки. Но при этомъ онъ, министръ, находилъ бы возможнымъ временно разрѣшить студентамъ политехникума, принадлежащимъ къ корпораціямъ, носить свои отличія, поставивъ непремѣннымъ условіемъ неношеніе ими въ этомъ случаѣ форменной одежды.

Государь Императоръ, въ 23 день декабря 1899 года, на сіе Высочайше соизволилъ, удостоивъ вмѣстѣ съ тѣмъ утвержденія ри-

сунки знака на околышѣ фуражки и наплечниковъ на форменной одеждѣ для студентовъ названнаго института.

(*Собр. узак. и расп. Правит.*, 11-го мая 1901 г., № 45, къ ст. 863).

8. (28-го января 1901 года). ***Объ изданіи новыхъ правилъ о народныхъ чтеніяхъ.***

Комитетъ министровъ, выслушавъ дѣло объ изданіи новыхъ правилъ о народныхъ чтеніяхъ и признавая, что всѣ предположенія по настоящему дѣлу не касаются: а) вѣдомства православнаго исповѣданія, отъ котораго зависѣть будетъ, въ развитіе преподанныхъ Святѣйшимъ Синодомъ указаній, установить подробный къ руководству подвѣдомственныхъ лицъ порядокъ производства чтеній; б) постоянной комиссіи народныхъ чтеній, дѣйствующей на основаніи спеціальныхъ правилъ, и в) чтеній, устраиваемыхъ военнымъ вѣдомствомъ для воинскихъ частей въ помѣщеніяхъ оныхъ,—полагалъ:

I. Установить въ отношеніи народныхъ чтеній, учреждаемыхъ отдѣльными лицами, обществами и общественными учрежденіями, нижеслѣдующій порядокъ:

1) Народныя чтенія, устраиваемыя отдѣльными лицами, обществами и общественными учрежденіями, въ томъ числѣ и чтенія, устраиваемыя фабриками и заводами для своихъ рабочихъ, являясь однимъ изъ средствъ начальнаго народнаго образованія, подлежатъ общему руководству министерства народнаго просвѣщенія.

2) Чтенія для народа производятся по печатнымъ сочиненіямъ, одобреннымъ для того министерствомъ народнаго просвѣщенія, и по изданіямъ постоянной комиссіи народныхъ чтеній, и могутъ состоять въ изустной передачѣ предположеннаго къ прочтенію сочиненія, не выходя изъ предѣловъ содержанія онаго. Въ особыхъ случаяхъ чтенія на таковыхъ же основаніяхъ могутъ производиться по сочиненіямъ печатнымъ, не вошедшимъ въ утвержденные каталоги, а также рукописнымъ, но не иначе, какъ съ одобренія директоромъ народныхъ училищъ каждаго въ отдѣльности изъ таковыхъ, предположенныхъ къ прочтенію, произведеній.

3) Устройство народныхъ чтеній разрѣшается директоромъ народныхъ училищъ. Въ ходатайствахъ объ устройствѣ чтеній должны быть указываемы время и мѣсто предполагаемыхъ чтеній и личный составъ чтецовъ, причемъ народныя чтенія производятся только лицами, къ принятію коими на себя обязанности чтеца не встрѣчается

со стороны губернатора препятствій. Указанія губернатора на несоотвѣтствіе предположенныхъ для производства чтеній времени и мѣста имѣютъ точно также рѣшающее значеніе.

4) Надзоръ за соблюденіемъ порядка на чтеніяхъ устанавливается распоряженіемъ губернатора.

5) Губернатору предоставляется, въ случаяхъ встрѣтившейся необходимости, устранять получившихъ разрѣшеніе лицъ отъ дальнѣйшаго чтенія, а равно и прекращать самыя чтенія.

II. Испросить Высочайшее Его Императорскаго Величества соизволеніе на предоставленіе: министру народнаго просвѣщенія и министру внутреннихъ дѣлъ, по взаимному ихъ соглашенію въ отношеніи подчиненныхъ имъ вѣдомствъ, а также всѣмъ министрамъ и начальникамъ главныхъ управленій, въ вѣдѣніи коихъ находятся учебныя или образовательнаго характера заведенія, по соглашенію съ министрами внутреннихъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія, утвердить и преподать къ руководству подчиненнымъ каждому изъ такихъ вѣдомствъ мѣстамъ и лицамъ правила объ учрежденіи народныхъ чтеній при сихъ заведеніяхъ, въ помѣщеніяхъ оныхъ или внѣ таковыхъ, при посредствѣ состоящаго въ распоряженіи вѣдомствъ педагогическаго и учебно-административнаго персонала или занимающихся спеціальными отраслями знаній лицъ; и

III. Предоставить по принадлежности: а) министру финансовъ, по соглашенію съ министрами внутреннихъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія, утвердить правила о народныхъ чтеніяхъ, устраиваемыхъ попечительствами о народной трезвости на основаніяхъ, указанныхъ въ сужденіяхъ комитета по настоящему дѣлу, и б) министру внутреннихъ дѣлъ, по соглашенію съ министромъ народнаго просвѣщенія, утвердить правила о спеціальныхъ народныхъ чтеніяхъ по медицинѣ и гигіенѣ.

Государь Императоръ, въ 28 день января 1901 года, на положеніе комитета Высочайше соизволилъ.

(*Собр. узакон. и расп. Правит.*, 17-го апрѣля 1901 г., № 36, ст. 714).

9. (12-го марта 1901 года). *О преобразованіи женскаго училища графа Д. Н. Блудова въ гор. Острогѣ, Волынской губерніи.*

Его Императорское Величество воспослѣдовавшее мнѣніе въ общемъ собраніи государственнаго совѣта, о преобразованіи женскаго

училища графа Д. Н. Блудова въ гор. Острогѣ, Волынской губерніи, Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить.

Подписалъ: предсѣдатель государственнаго совѣта *Михаилъ*.

Мнѣніе государственнаго совѣта.

Государственный совѣтъ, въ департаментѣ промышленности, наукъ и торговли и въ общемъ собраніи, разсмотрѣвъ представленіе министерства народнаго просвѣщенія о преобразованіи женскаго училища графа Д. Н. Блудова въ гор. Острогѣ, Волынской губерніи, *мнѣніемъ положилъ*:

I. Взамѣнъ ст. 2764—2795 свода уставовъ ученыхъ учрежденій и учебныхъ заведеній министерства народнаго просвѣщенія (изд. 1893 г.) постановить:

1) Женское училище графа Дмитрія Николаевича Блудова въ гор. Острогѣ, Волынской губерніи, учрежденное, по мысли и завѣщанію бывшаго предсѣдателя государственнаго совѣта графа Блудова, дочерью его графинею Антониною Дмитріевною Блудовою, при содѣйствіи Св. Кирилло-Меѳодіевскаго братства, имѣетъ цѣлью распространеніе и поддержаніе истинно русскаго образованія на Волыни среди мѣстнаго православнаго населенія, преимущественно недостаточнаго состоянія.

2) Училище сохраняетъ на вѣчныя времена, какъ соотвѣтствующія его цѣли, условія, изложенныя въ ст. 9, 10, 12, 13, 22 и 23, и наименованіе: „Женское училище графа Дмитрія Николаевича Блудова".

3) По воспитательной части училищное управленіе обязывается слѣдовать особой инструкціи, составленной учредительницею училища, графинею Антониною Дмитріевною Блудовою, и утвержденной министромъ народнаго просвѣщенія. Инструкція эта не можетъ подвергаться измѣненіямъ въ существенныхъ своихъ основахъ.

4) Училище есть закрытое учебно-воспитательное заведеніе, съ допущеніемъ, однако, и приходящихъ ученицъ.

5) Училище состоитъ въ вѣдомствѣ министерства народнаго просвѣщенія и подчиняется попечителю Кіевскаго учебнаго округа.

6) Средства училища составляютъ: 1) ежегодныя ассигнованія изъ государственнаго казначейства согласно штату училища и изданнымъ въ его дополненіе узаконеніямъ; 2) отчисленія изъ процентовъ отъ особаго капитала на содержаніе стипендіатовъ въ Бозѣ почившаго Цесаревича Николая Александровича; 3) доходы съ оброчныхъ ста-

тей, всемилостивѣйше пожалованныхъ Св. Кирилло-Меѳодіевскому братству; 4) проценты съ капитала, принадлежащаго училищу, и 5) плата за содержаніе и ученіе воспитанницъ.

7) Курсъ ученія въ училищѣ продолжается семь лѣтъ и раздѣляется на семь классовъ.

8) При училищѣ состоитъ приготовительный классъ. При немъ, равнымъ образомъ, можетъ быть открытъ восьмой педагогическій классъ.

9) Въ семи классахъ училища преподаются: 1) законъ Божій; 2) церковно-славянскій языкъ; 3) русскій языкъ; 4) словесность; 5) краткая исторія русской литературы, а также очерки изъ иностранныхъ литературъ; 6) исторія русская и всеобщая; 7) географія, 8) понятія о главнѣйшихъ физическихъ явленіяхъ; 9) педагогика; 10) французскій языкъ; 11) чистописаніе, и 12) рукодѣлія, музыка и пѣніе (преимущественно церковное).

10) Независимо отъ изученія соотвѣтственныхъ предметовъ (ст. 9), ученицы старшаго класса упражняются въ практикѣ преподаванія въ приготовительномъ при училищѣ классѣ.

11) Въ приготовительномъ классѣ, кромѣ подлежащихъ предметовъ, воспитанницы обучаются языкамъ церковно-славянскому и французскому и ознакомляются съ дѣятельностью Св. Кирилла и Меѳодія. Воспитанницы приготовительнаго класса ежедневно читаютъ Святое Евангеліе на церковно-славянскомъ языкѣ, съ объясненіемъ непонятныхъ словъ и толкованіемъ смысла читаемаго.

12) Въ училище принимаются дѣвицы исключительно православнаго исповѣданія, безъ различія происхожденія, сословія и званія ихъ родителей, въ возрастѣ отъ девяти до тринадцати лѣтъ. Со втораго класса принимаются дѣвицы и старшаго возраста. Попечительному совѣту (ст. 17) предоставляется допускать, въ уважительныхъ случаяхъ, отступленія относительно возраста поступающихъ въ училище.

13) Воспитанницы, окончившія полный семилѣтній курсъ училища, получаютъ званіе домашней учительницы. Воспитанницы, окончившія курсъ четырехъ классовъ, получаютъ званіе начальной учительницы, если, по достиженіи шестнадцатилѣтняго возраста, будутъ успѣшно исполнять въ теченіе полугода обязанности помощницы учителя или учительницы при какомъ либо начальномъ училищѣ. Воспитанницы, окончившія курсъ восьмаго педагогическаго класса, получаютъ званіе домашней наставницы.

14) Попечительный совѣтъ (ст. 17), по соглашенію со Св. Кирилло-Меѳодіевскимъ братствомъ, обязывается, по мѣрѣ возможности, слѣ-

дить за положеніемъ бывшихъ воспитанницъ училища, оставшихся сиротами и не имѣющихъ обезпеченныхъ средствъ существованія, въ особенности же тѣхъ изъ нихъ, которыя находятся на мѣстахъ, какъ приходящія. Бывшія воспитанницы могутъ пользоваться временнымъ пріютомъ въ училищѣ, при условіи возмѣщенія послѣднему соединенныхъ съ этимъ расходовъ Св. Кирилло-Меѳодіевскимъ братствомъ.

15) Во главѣ училища стоитъ попечительница. Завѣдываніе учебною и хозяйственною частями въ училищѣ лежитъ на попечительномъ совѣтѣ и хозяйственномъ управленіи, по принадлежности. Непосредственное управленіе училищемъ ввѣряется начальницѣ.

16) Попечительный совѣтъ состоитъ, подъ предсѣдательствомъ директора Острожской гимназіи, изъ начальницы училища, преподавателей, преподавательницъ и двухъ членовъ отъ Св. Кирилло-Меѳодіевскаго братства, по выбору братства.

17) Попечительный совѣтъ вѣдаетъ всѣ важнѣйшіе вопросы по учебной и воспитательной частямъ училища; представляетъ попечительницѣ лицъ, могущихъ занять должности преподавателей, преподавательницъ и надзирательницъ; имѣетъ общій надзоръ за его благоустройствомъ; утверждаетъ ежегодные смѣту и отчетъ и наблюдаетъ за оброчными статьями, доходъ съ которыхъ поступаетъ на содержаніе училища.

18) Дѣла въ попечительномъ совѣтѣ рѣшаются по большинству голосовъ. Въ случаѣ несогласія съ большинствомъ членовъ совѣта, предсѣдатель имѣетъ право представить дѣло, чрезъ попечительницу училища, на разрѣшеніе попечителя учебнаго округа.

19) Хозяйственное управленіе состоитъ, подъ предсѣдательствомъ начальницы училища, изъ распорядительницы по хозяйству (экономки) и трехъ членовъ отъ Св. Кирилло-Меѳодіевскаго братства, по выбору братства. Двое изъ нихъ могутъ въ то же время состоять членами въ попечительномъ совѣтѣ (ст. 16).

20) Законоучитель, учители наукъ, врачъ и письмоводитель пользуются служебными и пенсіонными правами, предоставленными соотвѣтствующимъ должностнымъ лицамъ Острожской мужской гимназіи (п. 24 ст. 384 уст. служб. прав. и ст. 398 уст. пенс., изд. 1896 г.). Служащія въ училищѣ лица женскаго пола пользуются пенсіонными правами, указанными въ ст. 398 устава о пенсіяхъ (изд. 1896 года).

21) Хозяйственное управленіе завѣдуетъ хозяйствомъ училища, ведетъ расходы согласно утвержденной смѣтѣ и представляетъ на утвержденіе попечительнаго совѣта ежегодные смѣту и отчетъ.

22) Попечительницѣ училища принадлежатъ слѣдующія права: 1) имѣть ближайшій контроль за всѣми частями управленія училищемъ, 2) слѣдить за правильнымъ поступленіемъ и употребленіемъ жертвуемыхъ въ пользу училища суммъ, примѣнительно къ правамъ почетныхъ попечителей мужскихъ гимназій и прогимназій вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія (ст. 1544 и 1545 уст. уч. завед., изд. 1893 г.); 3) предсѣдательствовать, во время пребыванія своего въ гор. Острогѣ, въ засѣданіяхъ попечительнаго совѣта и хозяйственнаго управленія; 4) избирать и представлять къ утвержденію установленнымъ порядкомъ въ должности начальницу, преподавателей, преподавательницъ и надзирательницъ училища, а также представлять означенныхъ лицъ къ увольненію отъ занимаемыхъ ими должностей; 5) избирать изъ имѣющихся кандидатокъ въ пансіонерки училища; 6) въ случаѣ замѣченныхъ съ чьей либо стороны упущеній либо уклоненій отъ установленныхъ правилъ, пріостановлять такія неправильныя дѣйствія, доводя о нихъ до свѣдѣнія попечителя учебнаго округа, и 7) представлять попечителю учебнаго округа служащихъ въ училищѣ къ наградамъ.

23) За смертью учредительницы графини Антонины Дмитріевны Блудовой, попечительница избирается пожизненно изъ лицъ женскаго пола, принадлежащихъ къ фамиліямъ графовъ Блудовыхъ и родственниковъ ихъ Шевичей, Поликарповыхъ и графовъ Шереметевыхъ. Въ выборѣ участвуютъ всѣ совершеннолѣтніе члены мужскаго и женскаго пола означенныхъ фамилій. Выборъ рѣшается по большинству голосовъ; при равенствѣ ихъ, выбранною считается старшая по лѣтамъ. Актъ о состоявшемся выборѣ представляется министру народнаго просвѣщенія.

24) Если къ концу года отъ расходуемыхъ на содержаніе училища суммъ окажутся остатки, то они распредѣляются между казною и училищемъ пропорціонально средствамъ, получаемымъ училищемъ изъ казны и другихъ источниковъ (ст. 6). Часть, причитающаяся казнѣ, обращается въ рессурсы государственнаго казначейства, а остальная часть расходуется на удовлетвореніе нуждъ училища и преимущественно на потребности, предусмотрѣнныя штатомъ.

25) Въ случаяхъ, не предусмотрѣнныхъ настоящими правилами, училище руководствуется постановленіями о женскихъ гимназіяхъ вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія.

II. Отпустить въ 1901 году изъ государственнаго казначейства на обзаведеніе вновь открываемыхъ классовъ женскаго училища графа

Дмитрія Николаевича Блудова въ гор. Острогѣ, Волынской губерніи, *двѣ тысячи* рублей.

III. Въ дополненіе къ отпускаемымъ изъ казны на содержаніе означеннаго (отд. II) училища средствамъ ассигновать изъ государственнаго казначейства: въ 1901 году — *одну тысячу* рублей, а съ 1902 года—по *двѣ тысячи* руб. ежегодно.

Подлинное мнѣніе подписано въ журналахъ предсѣдателями и членами.

(Тамъ же, ст. 718).

III. ВЫСОЧАЙШІЕ ПРИКАЗЫ ПО ВѢДОМСТВУ МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

(30-го марта 1901 года, № 20). *Назначаются*: экстраординарный профессоръ Императорскаго Варшавскаго университета, докторъ астрономіи *Красновъ*—ординарнымъ профессоромъ того же университета, по каѳедрѣ астрономіи и геодезіи; инспекторы народныхъ училищъ Кіевскаго учебнаго округа, статскіе совѣтники: *Лубенецъ* и *Боришкевичъ*—директорами народныхъ училищъ губерній: первый—Кіевской, а второй Волынской; инспекторъ Читинской гимназіи, статскій совѣтникъ *Королевъ*—директоромъ Читинской учительской семинаріи, съ 12-го февраля; дѣлопроизводитель VII класса особаго отдѣленія департамента народнаго просвѣщенія для завѣдыванія промышленными училищами, коллежскій ассессоръ *Девольскій*—дѣлопроизводителемъ VI класса того же отдѣленія, съ 23-го марта.

Увольняется отъ службы, согласно прошенію, причисленный къ министерству коллежскій совѣтникъ *Косоговскій*, съ 8-го марта, съ производствомъ его въ статскіе совѣтники, на основаніи п. 3 ст. 792 уст. служ. прав. (св. зак., т. III, изд. 1896 г.).

Умершій исключается изъ списковъ, директоръ Варшавской второй гимназіи, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Троицкій*, съ 16-го марта.

(7-го апрѣля 1901 года, № 24). *Назначаются*: преподаватель Томскаго технологическаго института Императора Николая II, кандидатъ математическихъ наукъ, надворный совѣтникъ *Некрасовъ*—исправляющимъ должность экстраординарнаго профессора того же института, по математикѣ, съ 1-го января; преподаватель С.-Петербургской гимназіи доктора Видемана, коллежскій ассессоръ *Леперъ*—ученымъ

секретаремъ русскаго археологическаго института въ Константинополѣ.

(16-го Апрѣля 1901 года, № 26). *Назначаются:* предсѣдатель попечительнаго комитета и директоръ Императорскаго клиническаго института Великой Княгини Елены Павловны, докторъ медицины, тайный совѣтникъ *Склифосовскій* — членомъ совѣта министра; экстраординарные профессоры Императорскаго Томскаго университета: докторъ ботаники, статскій совѣтникъ *Сапожниковъ* и докторъ медицины, статскій совѣтникъ *Смирновъ*—ординарными профессорами того же университета по каѳедрамъ: первый—ботаники, а второй—гистологіи и эмбріологіи; коллежскій ассессоръ *Гарфъ*—почетнымъ попечителемъ Пензенской учительской семинаріи, на три года.

Увольняется, согласно прошенію, профессоръ С.-Петербургскаго женскаго медицинскаго института, причисленный къ министерству, докторъ медицины, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Зальскій*— отъ означенной должности.

Увольняются отъ службы, согласно прошеніямъ, по болѣзни: дѣлопроизводитель V класса департамента народнаго просвѣщенія, статскій совѣтникъ *Эриксонъ* и экстраординарный профессоръ Императорскаго Варшавскаго университета, докторъ медицины, статскій совѣтникъ *Васильевъ*, съ мундирами, занимаемымъ ими должностямъ присвоенными.

(24-го апрѣля 1901 года, № 29). *Назначаются*: лаборантъ и приватъ-доцентъ Императорскаго С.-Петербургскаго университета, магистръ химіи, коллежскій совѣтникъ *Тищенко*—профессоромъ С.-Петербургскаго женскаго медицинскаго института по химіи, съ оставленіемъ его на службѣ въ означенномъ университетѣ; инспекторъ Варшавской первой мужской прогимназіи, статскій совѣтникъ *Косминскій*— директоромъ Прагской мужской гимназіи, съ 1-го апрѣля; корнетъ запаса гвардіи графъ *Ламздорфъ-Галаганъ*—почетнымъ попечителемъ коллегіи Павла Галагана въ Кіевѣ; приватъ-доцентъ Императорскаго Московскаго университета, врачъ-консультантъ больницы Императора Павла I въ Москвѣ, докторъ медицины, статскій совѣтникъ *Соловьевъ* и помощникъ прозектора и приватъ-доцентъ того же университета, докторъ медицины, надворный совѣтникъ *Карузинъ* и приватъ-доцентъ Императорскаго Юрьевскаго университета, магистръ богословія *Берманъ*—экстраординарными профессорами Императорскихъ университетовъ: Соловьевъ—Юрьевскаго, по каѳедрѣ акушерства, женскихъ и дѣтскихъ болѣзней, Карузинъ—Московскаго, по каѳедрѣ описатель-

ной анатоміи и Бергманъ—Юрьевскаго, по каѳедрѣ практическаго богословія; приватъ-доцентъ Императорскаго С.-Петербургскаго университета, магистръ арабской словесности *Мѣдниковъ*—исправляющимъ должность экстраординарнаго профессора того же университета, по каѳедрѣ арабской словесности; исправляющій должность младшаго ассистента Императорскаго клиническаго института Великой Княгини Елены Павловны, лѣкарь, коллежскій совѣтникъ *Ауэ*—исправляющимъ должность старшаго ассистента того же института, съ 1-го января.

(30-го апрѣля 1901 года, № 31). *Производятся*, за выслугу лѣтъ, со старшинствомъ: изъ коллежскихъ въ *статскіе совѣтники*: по С.-Петербургскому учебному округу, инспекторъ народныхъ училищъ Вологодской губерніи *Введенскій*—съ 24-го декабря 1899 г.; по Варшавскому учебному округу: учителя: гимназій: Радомской, *Линскій*—съ 19-го октября 1900 г., Сувалкской, *Шепелевъ* — съ 1-го ноября 1900 г., Плоцкой, *Эльмановичъ* — съ 1-го марта 1900 г., Радомской, женской, *Липкинъ*—съ 1-го августа 1900 г., учительскихъ семинарій: Варшавской, *Зальсскій*—съ 1-го ноября 1900 г. и Вейверской, *Пыжовъ*—съ 1-го сентября 1900 г., Лодзинскаго мануфактурно-промышленнаго училища, *Шмидбергъ* — съ 16-го сентября 1900 г.; по управленію учебными заведеніями Иркутскаго генералъ-губернаторства: учителя гимназій: Красноярской, *Бикай* — съ 7-го сентября 1899 г., Иркутской, *Петровъ* — съ 16-го марта 1900 г., Енисейской шестиклассной прогимназіи, *Кондрашинъ*—съ 1-го іюля 1899 г.; изъ надворныхъ въ *коллежскіе совѣтники*: профессоръ С.-Петербургскаго женскаго медицинскаго института, докторъ медицины *Волковъ* — съ 18-го мая 1897 г.; по Императорскому С.-Петербургскому историко-филологическому институту, сверхштатный преподаватель гимназіи при институтѣ *Ловягинъ*—со 2-го октября 1900 г.; по Варшавскому учебному округу: инспекторъ народныхъ училищъ Петроковской губерніи *Дорофеевъ* — съ 1-го сентября 1900 г.; доцентъ Варшавскаго ветеринарнаго института *Евтихіевъ* — съ 1-го сентября 1900 г.; инспекторъ-руководитель Солецкой учительской семинаріи *Философовъ*—съ 28-го іюня 1900 г.; учителя гимназій: Варшавской 2-й, *Нарбековъ*—съ 24-го сентября 1900 г., Варшавской 3-й, *Блюмъ*—съ 27-го августа 1900 г., Радомской, *Истринъ* — съ 1-го ноября 1900 г. и Кѣлецкой, *Титовъ*—съ 1-го ноября 1900 г.; по управленію учебными заведеніями Иркутскаго генералъ-губернаторства, учитель Енисейской шестиклассной прогимназіи *Мельниковъ*—съ 18-го ноября 1899 г.; изъ коллежскихъ ассессоровъ въ *надворные совѣтники*: по Харьков-

скому учебному округу, учитель Острогожской гимназіи *Макаровъ*—съ 23-го ноября 1896 г.; по Кавказскому учебному округу, учитель-завѣдывающій Сацхенисскимъ начальнымъ двухклассныхъ училищемъ *Черкасовъ* — съ 21-го октября 1893 г.; по Варшавскому учебному округу: дѣлопроизводитель канцеляріи попечителя учебнаго округа *Старосивильскій* — съ 1-го ноября 1900 г.; учителя: гимназій: Варшавской 1-й, *Даниловъ*—съ 1-го мая 1896 г., Варшавской 2-й, *Деіо*—съ 15-го августа 1898 г., Лодзинской, *Билинскій*—съ 15-го октября 1900 г., Ломжинской, *Таракановъ*—съ 1-го августа 1900 г., Плоцкой, *Смочинскій* — съ 30-го октября 1898 г., Сувалкской, *Извѣковъ* — съ 15-го октября 1900 г., Ловичскаго реальнаго училища, *Срѣтенскій*—съ 26-го сентября 1897 г. и Варшавской 2-й прогимназіи, *Беца* — съ 6-го сентября 1900 г., Ленчицкой учительской семинаріи, *Кожушко*—съ 1-го августа 1896 г.; учитель-инспекторъ 2-го Варшавскаго трехкласснаго городского училища *Лагутенокъ* — съ 1-го сентября 1900 г.; по управленію учебными заведеніями Иркутскаго генералъ-губернаторства: инспекторъ народныхъ училищъ 2-го района Иркутской губерніи *Григорьевъ*—съ 14-го сентября 1898 г.; учителя: гимназій: Красноярской, *Лангвальдъ*—съ 1-го августа 1896 г., Иркутской женской Хаминова (бывшій, нынѣ помощникъ дѣлопроизводителя Иркутскаго губернскаго управленія) *Орловъ*—съ 1-го мая 1899 г., городскихъ училищъ: Иркутскаго пятикласснаго, *Рукавицынъ* — съ 1-го ноября 1899 г., Иркутскаго четырехкласснаго Императора Александра III, *Журавлевъ*—съ 27-го августа 1900 г.; наставникъ учительской семинаріи *Тофтъ* — съ 19-го іюня 1900 г.; изъ титулярныхъ совѣтниковъ въ *коллежскіе ассессоры*: по департаменту народнаго просвѣщенія, дѣлопроизводитель VIII класса департамента *Панковъ*—съ 13-го декабря 1900 г.; по Варшавскому учебному округу: прозекторъ при каѳедрѣ патологической анатоміи Императорскаго Варшавскаго университета *Дмоховскій*—съ 1-го іюня 1895 г.; врачъ Варшавскаго института глухонѣмыхъ и слѣпыхъ, лѣкарь *Ловягинъ*—съ 29-го сентября 1897 г.; учителя: Петроковской женской гимназіи (штатный) *Вышеславцевъ*—съ 1-го октября 1900 г. и Холмской учительской семинаріи, *Слюсаревскій* — съ 1-го августа 1899 г.; по управленію учебными заведеніями Иркутскаго генералъ-губернаторства, учитель Киренскаго городского трехкласснаго училища *Кулешъ*—съ 31-го іюля 1895 г.; изъ коллежскихъ секретарей въ *титулярные совѣтники*: по департаменту народнаго просвѣщенія, дѣлопроизводитель VIII класса департамента, *Смирновъ*—съ 16-го января

1901 г.; по Варшавскому учебному округу: исправляющій должность прозектора Варшавскаго ветеринарнаго института *Раевскій*—съ 20-го октября 1897 г. и лаборантъ фармаціи того же института *Жултовскій*—съ 1-го сентября 1897 г.; сверхштатный лаборантъ при каѳедрѣ анатоміи и физіологіи растеній Императорскаго Варшавскаго университета *Морковинъ*—съ 30-го октября 1900 г.; штатные учителя городскихъ училищъ: Варшавскаго шестиклассчаго, *Романенко* — съ 1-го августа 1896 г., Влоцлавскаго трехклассчаго, *Кириченко* — съ 1-го февраля 1897 г., Лодзинскаго Александровскаго четырехклассчаго, *Данилевскій*—съ 1-го сентября 1900 г.; помощники классныхъ наставниковъ: Маріампольской гимназіи, *Емельяновъ*—съ 1-го ноября 1896 г. и Варшавской 2-й прогимназіи, *Baксенбургъ* — съ 1-го сентября 1898 г.; исправляющій должность архиваріуса Плоцкой учебной дирекціи *Зѣлиницкій*—съ 1-го ноября 1900 г. и учитель приготовительнаго класса Варшавской 3-й гимназіи *Черноземовъ*—съ 25-го октября 1900 г.; по управленію учебными заведеніями Иркутскаго генералъ-губернаторства, учитель Якутской женской гимназіи *Жаровъ*—съ 1-го іюля 1898 г.; изъ губернскихъ въ *коллежскіе секретари*: по Московскому учебному округу, учитель приготовительнаго класса Макарьевскаго ремесленнаго училища имени Ѳ. В. Чижова *Лебедевъ*—съ 11-го марта 1896 г.; по Варшавскому учебному округу, сверхштатный учитель Радомской гимназіи *Васильевъ*—съ 20-го января 1897 г.; по управленію учебными заведеніями Иркутскаго генералъ-губернаторства, письмоводитель Иркутскаго промышленнаго училища *Черняковъ*—съ 31-го іюля 1899 г.; изъ коллежскихъ регистраторовъ въ *губернскіе секретари*: по Харьковскому учебному округу, учитель Малодѣльскаго приходскаго училища, Донской области, *Вѣтровъ* — съ 25-го февраля 1901 г.; по управленію учебными заведеніями Иркутскаго генералъ-губернаторства: учителя приходскихъ училищъ: Молькинскаго инородческаго, Иркутской губерніи, *Суходольскій*—съ 1-го августа 1896 г., Осинскаго, Иркутской губерніи, *Наумовъ*—съ 10-го іюля 1897 г. и Иркутскаго Успенскаго городского, *Бѣлоусовъ*—съ 3-го августа 1896 г.; въ *коллежскіе регистраторы*: по Московскому учебному округу, письмоводитель и бухгалтеръ Костромскаго промышленнаго училища имени Ѳ. В. Чижова *Апеллесовъ* — съ 1-го мая 1898 г.; по Варшавскому учебному округу: экономъ Холмскаго Маріинскаго женскаго училища *Надгризовскій*—съ 28-го мая 1900 г. и смотритель зданій Императорскаго Варшавскаго университета *Котляревскій* —съ 9-го августа 1898 г.; по управленію учебными заве-

деніями Иркутскаго генералъ-губернаторства: учителя: начальной школы при Иркутской учительской семинаріи (бывшій) *Шастинъ* — съ 16-го августа 1898 г., приходскихъ училищъ: Иркутскаго городскаго, имени Кладищевой, *Цыгановъ* — со 2-го іюля 1889 г., Иркутскаго ремесленно-слободского городского, *Городенковъ* — съ 8-го сентября 1897 г.; Тельминскаго Александровскаго двухкласснаго, Иркутской губерніи, *Головщиковъ* — съ 29-го іюня 1890 г., Іудинскаго, Енисейской губерніи, *Козьминъ* (Николай)—съ 1-го сентября 1892 г., Устьянскаго, Енисейской губерніи, *Козьминъ* (Степанъ) — съ 1-го августа 1894 г., Тасѣевскаго, Енисейской губерніи, *Журавскій*—съ 25-го августа 1893 г., Покровскаго, Енисейской губерніи, *Потемкинъ*—съ 5-го сентября 1894 г., Вознесенскаго, Енисейской губерніи, *Крейзбергъ* — съ 1-го сентября 1894 г., Уринскаго, Енисейской губерніи, *Нарциссовъ*—съ 1-го февраля 1897 г., Красноярскаго городского, *Терентьевъ*—съ 8-го сентября 1897 г., Троицкаго, Енисейской губерніи (бывшій, нынѣ въ отставкѣ) *Гастевъ* — съ 8-го января 1895 г., Ачинскаго городского (бывшій) *Рыжевъ* — съ 25-го августа 1893 г. и Егоровскаго однокласснаго сельскаго училища, Иркутской губерніи, *Петровъ*—съ 15-го сентября 1898 г.

Утверждаются въ чинахъ, со старшинствомъ, *коллежскаго ассессора*: по Императорскому С.-Петербургскому историко-филологическому институту, учитель гимназіи при институтѣ *Дпѣвъ* — съ 9-го октября 1896 г.; по Харьковскому учебному округу: учителя гимназій: Острогожской, *Вихманъ* — съ 23-го августа 1895 г. и Харьковской Маріинской женской, *Немолодышевъ*—съ 19-го сентября 1892 г.; по Варшавскому учебному округу: учителя гимназій: Варшавской 3-й, *Михайловъ* — съ 1-го сентября 1896 г., Плоцкой (сверхштатный) *Воротницкій* — съ 1-го сентября 1896 г. и Сувалкской женской, *Комарницкій* — съ 8-го октября 1896 г.; по управленію учебными заведеніями Иркутскаго генералъ-губернаторства: учителя: Иркутской женской И. С. Хаминова гимназіи, *Корейша* — съ 12-го сентября 1895 г., Енисейской шестиклассной прогимназіи, *Погуляй*—съ 13-го октября 1895 г., Якутскаго реальнаго училища: *Аркуша* — съ 1-го іюля 1896 г. и (бывшій, нынѣ учитель Читинской гимназіи) *Терру*— съ 30-го сентября 1895 г.; *титулярнаго совѣтника*, по Московскому публичному и Румянцовскому музеямъ, завѣдующій читальнымъ заломъ музеевъ *Мироновъ*—съ 1-го сентября 1900 г., по степени магистра исторіи и теоріи изящныхъ искусствъ; *коллежскаго секретаря*: по департаменту народнаго просвѣщенія, помощникъ дѣлопроизводи-

теля департамента *Булгаковъ*—съ 16-го ноября 1900 г., по степени кандидата богословія; по Варшавскому учебному округу: учителя: женскихъ гимназій: Варшавской 3-й, *Ястребовъ*—съ 25-го сентября 1897 г., Лодзинской, (сверхштатный) *Горонovичъ* — съ 30-го апрѣля 1898 г., оба по степени кандидата Императорскаго университета, Варшавскаго шестиклассная городского училища, *Погорѣльскій-Перегудъ*—съ 1-го сентября 1894 г.; помощникъ классныхъ наставниковъ Сосновицкаго реальнаго училища *Примо* — съ 16-го сентября 1895 г.; по управленію учебными заведеніями Иркутскаго генералъ-губернаторства: помощники классныхъ наставниковъ: Якутскаго реальнаго училища, *Охлопковъ* — съ 16-го августа 1895 г. и Енисейской шестиклассной прогимназіи, *Автономовъ* — съ 1-го сентября 1896 г.; учитель Нижнеудинскаго городского двухклассная училища *Ганжара*—съ 21-го апрѣля 1897 г.; *губернскаго секретаря*: по Варшавскому учебному округу: учителя: гимназій: Радомской, *Арашкевичъ*—съ 1-го августа 1888 г. и Лодзинской женской, *Огіевичъ* — съ 1-го сентября 1896 г., оба по званію дѣйствительнаго студента Императорскаго университета; учитель приготовительнаго класса Сандомирской прогимназіи *Семеновъ*—съ 1-го октября 1896 г.

(5-го мая 1901 года, № 35). *Назначаются*: прозекторъ и приватъ-доцентъ Императорскаго Новороссійскаго университета, докторъ медицины, коллежскій совѣтникъ *Медвѣдевъ* и приватъ-доцентъ того же университета, окончившій курсъ наукъ въ Императорскомъ университетѣ, съ дипломомъ 1-й степени, *Ардашевъ*, первый — экстраординарнымъ профессоромъ Императорскаго Новороссійскаго университета, по каѳедрѣ физіологической химіи, съ 1-го мая, а второй — исправляющимъ должность экстраординарнаго профессора Императорскаго Юрьевскаго университета, по каѳедрѣ всеобщей исторіи; столоначальникъ канцеляріи попечителя С.-Петербургскаго учебнаго округа, надворный совѣтникъ *Демантъ*—правителемъ той же канцеляріи.

Утверждаются: дѣйствительный статскій совѣтникъ *Пущинъ* и дворянинъ *Харченко*—вновь, почетными попечителями: первый—Тульской гимназіи, а второй—Преславской учительской семинаріи, оба—согласно избранію, на три года, изъ нихъ Пущинъ — съ 21-го апрѣля.

Увольняется, согласно прошенію, почетный попечитель Тульскаго реальнаго училища, отставной штабсъ-ротмистръ гвардіи *Мосоловъ*—отъ означенной должности.

Увольняется отъ службы, согласно прошенію, сверхштатный ординарный профессоръ Императорскаго Томскаго университета, магистръ фармаціи, статскій совѣтникъ *Леманъ*, съ мундиромъ, занимаемой имъ должности присвоеннымъ.

IV. ПРИКАЗЫ МИНИСТРА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

(20-го апрѣля 1901 года, № 5). *Оставлены* на службѣ по выслугѣ установленныхъ сроковъ по учебной части: директоръ Рижскаго реальнаго училища Императора Петра I, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Покатиловъ*—на пять лѣтъ, съ 11-го марта 1901 г.; директоръ Харьковской третьей гимназіи, статскій совѣтникъ *Косихъ*—на пять лѣтъ, съ 19-го марта 1901 г.; вице-директоръ и старшій астрономъ Николаевской главной астрономической обсерваторіи, статскій совѣтникъ *Соколовъ*—на пять лѣтъ, съ 26-го іюля 1899 г.

Перемѣщены: директоры: Каменецъ-Подольской гимназіи, статскій совѣтникъ *Васильевъ* и Новгородсѣверской гимназіи, статскій совѣтникъ *Орда*—одинъ на мѣсто другого, съ 26-го марта 1901 г.; директоръ Прагской мужской гимназіи, статскій совѣтникъ *Хабаровъ* — директоромъ Варшавской 2-ой мужской гимназіи, съ 1-го апрѣля 1901 г.

Командированы, съ Высочайшаго соизволенія, съ ученою цѣлью, за границу: заслуженный ординарный профессоръ Императорскаго С.-Петербургскаго университета, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Праховъ* и приватъ-доцентъ сего университета *Гейне* — на лѣтнее вакаціонное время и по 1-е сентября текущаго года; экстраординарный академикъ Императорской академіи наукъ, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Ернштедтъ*—съ 20-го апрѣля по 1-е іюля 1901 г.; старшій зоологъ зоологическаго музея Императорской академіи наукъ, коллежскій совѣтникъ *Книповичъ*—съ 15-го апрѣля по 1-е сентября 1901 г.; ординарный профессоръ Императорскаго Московскаго университета, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Тимирязевъ*—съ 15-го мая и на лѣтнее вакаціонное время 1901 г., для присутствованія на юбилеѣ Глазговскаго университета; ординарный профессоръ Императорскаго Харьковскаго университета, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Брандтъ*—съ 1-го мая по 15-е августа 1901 г.; состоящая въ должности ассистента при каѳедрѣ зоологіи С.-Петербургскаго женскаго медицинскаго института *Зѣлецкая*—на лѣтнее вакаціонное

время 1901 г.; Императорскаго Варшавскаго университета: ординарные профессоры: дѣйствительный статскій совѣтникъ *Сомовъ*, статскій совѣтникъ *Филевичъ*, коллежскіе совѣтники: *Вульфъ*, *Щербакъ*, *Ушинскій* и *Кудревецкій*, экстраординарный профессоръ, коллежскій совѣтникъ *Давыдовъ*, доцентъ *Іезбера*, хранитель минералогическаго кабинета *Вейбергъ* и лаборантъ *Өедоровичъ* — на лѣтнее вакаціонное время 1901 г.; того же университета: прозекторъ, надворный совѣтникъ *Оржелъ* — съ 1-го мая по 1-е августа 1901 г.; исправляющій должность доцента *Францевъ*—съ 15-го мая до конца лѣтняго вакаціоннаго времени; приватъ-доцентъ Императорскаго С.-Петербургскаго университета *Ивановъ*—на лѣтнее вакаціонное время и по 1-е сентября 1901 г.; оставленный при Императорскомъ С.-Петербургскомъ университетѣ по каѳедрѣ армяно-грузинской словесности, выдержавшій экзаменъ на степень магистра князь *Джаваховъ*—съ 15-го апрѣля по 15-е августа 1901 г.; заслуженный ординарный профессоръ Императорскаго С.-Петербургскаго университета *Цагарелли* и приватъ-доцентъ сего университета *Грибовскій*—на лѣтнее вакаціонное время и по 1-е сентября 1901 г.; ординарные профессоры Императорскаго Варшавскаго университета: статскій совѣтникъ *Любовичъ*—на лѣтнее вакаціонное время и по 1-е сентября 1901 г. и коллежскій совѣтникъ *Амалицкій* — съ 1-го іюня по 30-е августа 1901 г., оба — въ Россіи и за границу; сверхштатный ассистентъ Ботаническаго сада Императорскаго Юрьевскаго университета *Гриневецкій* — въ Россіи, съ 1-го апрѣля, на 4 мѣсяца.

Командированъ въ Москву, для занятій въ Московскомъ публичномъ и Румянцевскомъ музеяхъ, лекторъ русскаго языка Императорскаго Варшавскаго университета, коллежскій ассессоръ *Михайловъ*—съ 20-го мая по 1-е сентября 1901 г.

Уволены, съ Высочайшаго соизволенія, въ отпускъ: членъ совѣта министра народнаго просвѣщенія тайный совѣтникъ *Хитрово* — за границу, на два мѣсяца; попечитель С.-Петербургскаго учебнаго округа, тайный совѣтникъ *Сонинъ* — внутри Имперіи и за границу, на два мѣсяца; попечитель Варшавскаго учебнаго округа, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Зенгеръ* — за границу, съ 1-го іюня по 15-е августа 1901 года.

V. МИНИСТЕРСКІЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

17. (12-го января 1901 года). *Положеніе о стипендіи имени бывшаго Олонецкаго губернатора, тайнаго совѣтника Михаила Денисовича Демидова при Олонецкой гимназіи.*

(На основаніи Высочайшаго повелѣнія 26-го мая 1897 года, утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. На проценты съ капитала въ *тысячу* руб., пожертвованнаго потомственнымъ почетнымъ гражданиномъ Маркомъ Николаевичемъ Пикинымъ, учреждается при Олонецкой гимназіи одна стипендія имени бывшаго Олонецкаго губернатора тайнаго совѣтника Михаила Денисовича Демидова.

§ 2. Стипендіальный капиталъ, заключающійся нынѣ въ наличныхъ деньгахъ, по превращеніи въ государственныя % бумаги, долженъ храниться въ Петрозаводскомъ губернскомъ казначействѣ въ числѣ спеціальныхъ средствъ гимназіи и оставаться навсегда неприкосновеннымъ.

§ 3. Проценты со стипендіальнаго капитала выдаются одному изъ бѣднѣйшихъ учениковъ Олонецкой гимназіи, безъ различія сословій, хорошаго поведенія и непремѣнно православнаго вѣроисповѣданія.

§ 4. Педагогическій совѣтъ Олонецкой гимназіи избираетъ въ кандидаты на стипендіата одного или нѣсколькихъ лучшихъ по успѣхамъ и поведенію учениковъ гимназіи и испрашиваетъ согласія отъ М. Н. Пикина на назначеніе стипендіи одному изъ избранныхъ кандидатовъ; послѣ же смерти Пикина, выборъ стипендіата предоставляется старшему наслѣднику въ родѣ его.

§ 5. Избранный стипендіатъ пользуется стипендіей во все время обученія въ Олонецкой гимназіи, но, въ случаѣ малоуспѣшности и неодобрительнаго поведенія, можетъ быть лишенъ стипендіи по постановленію педагогическаго совѣта гимназіи.

§ 6. Въ случаѣ временнаго незамѣщенія стипендіи, остатокъ стипендіальной суммы причисляется къ основному капиталу и, по мѣрѣ накопленія, обращается въ государственныя % бумаги для увеличенія на будущее время размѣра стипендіи.

§ 7. Пользованіе стипендіей не налагаетъ на стипендіата никакихъ обязательствъ.

18. (26-го марта 1901 года). *Положеніе о стипендіи имени бывшаго Кронштадтскаго военнаго губернатора, вице-адмирала Николая Ивановича Казнакова, при Кронштадтской Александринской женской гимназіи.*

(На основаніи Высочайшаго повелѣнія 1-го августа 1873 года, утверждено г. временно-управляющимъ министерствомъ народнаго просвѣщенія, товарищемъ министра).

§ 1. На основаніи Высочайшихъ повелѣній 5-го декабря 1881 года и 26-го мая 1897 года, при Кронштадтской Александринской женской гимназіи учреждается стипендія имени бывшаго Кронштадтскаго военнаго губернатора, вице-адмирала Николая Ивановича Казнакова, на счетъ процентовъ съ капитала въ *двѣ тысячи* рублей. собраннаго съ этой цѣлью по подпискѣ между почитателями Н. И. Казнакова.

§ 2. Стипендіальный капиталъ, по обращеніи въ государственныя или гарантированныя правительствомъ процентныя бумаги, хранится въ мѣстномъ казначействѣ, въ числѣ спеціальныхъ средствъ гимназіи, составляя ея неотъемлемую собственность и оставаясь навсегда неприкосновеннымъ.

§ 3. Проценты со стипендіальнаго капитала, за удержаніемъ изъ нихъ въ казну государственнаго сбора, по закону 20-го мая 1885 года, употребляются на взносъ платы за ученіе избранной стипендіатки.

§ 4. Стипендіатка избирается изъ числа бѣднѣйшихъ ученицъ гимназіи, отличающихся хорошимъ поведеніемъ и успѣхами въ наукахъ, а могущіе образоваться остатки выдаются на руки родителямъ стипендіатки на учебныя пособія.

§ 5. Право избранія стипендіатки пожизненно принадлежитъ вице-адмиралу Н. И. Казнакову, а послѣ его смерти право это переходитъ къ попечительному совѣту гимназіи.

§ 6. За стипендіаткой, оставшейся въ томъ же классѣ на второй годъ, стипендія можетъ быть сохранена только по особо уважительнымъ причинамъ, признаннымъ таковыми педагогическимъ совѣтомъ гимназіи и при томъ съ согласія вице-адмирала Казнакова.

§ 7. Въ случаѣ временнаго незамѣщенія стипендіи, остатокъ отъ процентовъ присоединяется къ основному капиталу и по мѣрѣ накопленія обращается въ государственныя процентныя бумаги, для увеличенія на будущее время размѣра стипендіи.

§ 8. Пользованіе стипендіею не налагаетъ на стипендіатку никакихъ обязательствъ.

§ 9. Въ случаѣ закрытія гимназіи, капиталъ передается на тѣхъ же основаніяхъ въ то учебное заведеніе, какое будетъ открыто взамѣнъ гимназіи.

19. (27-го марта 1901 года). *Положеніе о стипендіи имени умершаго Иваново-Вознесенскаго купца Федора Никитича Витова при Иваново-Вознесенской женской гимназіи.*

(На основаніи Высочайшаго повелѣнія 1-го августа 1873 года, утверждено за министра народнаго просвѣщенія, товарищемъ министра).

§ 1. На основаніе Высочайшихъ повелѣній 5-го декабря 1881 г. и 26-го мая 1897 г., при Иваново-Вознесенской женской гимназіи учреждается стипендія имени умершаго Иваново-Вознесенскаго купца Федора Никитича Витова, на счетъ процентовъ съ капитала въ *одну тысячу четыреста* руб., пожертвованнаго съ этой цѣлью вдовой Екатериной Ефремовной Витовой.

§ 2. Стипендіальный капиталъ, заключающійся въ билетахъ 4% государственной ренты, хранится въ Иваново-Вознесенскомъ отдѣленіи государственнаго банка, въ числѣ спеціальныхъ средствъ гимназіи, составляя ея неотъемлемую собственность и оставаясь навсегда неприкосновеннымъ.

§ 3. Проценты со стипендіальнаго капитала, за удержаніемъ изъ нихъ въ казну государственнаго сбора по закону 20-го мая 1885 г., составляютъ 53 р. 20 к. въ годъ и выдаются избранной стипендіаткѣ, въ порядкѣ прохожденія ею курса ученія, слѣдующимъ образомъ: въ приготовительномъ классѣ стипендіатка получаетъ 20 руб., въ I—IV классахъ по 45 руб. въ годъ, въ V—VII классахъ по 55 руб. въ годъ, и наконецъ въ VIII—остальную сумму, накопившуюся изъ процентовъ въ теченіи девяти лѣтъ со стипендіальнаго капитала.

§ 4. Стипендіатка избирается изъ числа бѣднѣйшихъ, начиная съ приготовительнаго класса, учениц Иваново-Вознесенской женской гимназіи, отличающихся хорошимъ поведеніемъ и успѣхами въ наукахъ.

§ 5. Право избранія стипендіатки принадлежитъ Иваново-Вознесенской купеческой вдовѣ Екатеринѣ Ефремовнѣ Витовой, а по смерти ея Иваново-Вознесенскимъ купцамъ Александру и Никитѣ Федоровичамъ Витовымъ, по смерти же ихъ, право это переходитъ къ попечительному совѣту гимназіи.

§ 6. Въ томъ случаѣ, если стипендіатка по какимъ либо причи-

намъ будетъ уволена изъ гимназіи въ срединѣ учебнаго года, на ея мѣсто назначается, согласно §§ 4—5 сего положенія воспитанница того же класса, если же стипендіатка оставитъ гимназію въ концѣ года, то на ея мѣсто назначается, согласно тѣмъ же параграфамъ воспитанница слѣдующаго класса.

§ 7. Если стипендіатка будетъ оставлена на второй годъ въ томъ же классѣ, то въ особо уважительныхъ случаяхъ, по опредѣленію педагогическаго совѣта, стипендія можетъ быть за ней сохранена на время повторительнаго курса, но стипендія въ этомъ случаѣ выдается стипендіаткѣ въ размѣрѣ, не превышающемъ 50 рублей.

§ 8. Могущіе образоваться по какимъ-либо причинамъ отъ процентовъ со стипендіальнаго капитала остатки или присоединяются къ основному капиталу для увеличенія размѣра стипендіи, или же расходуются по усмотрѣнію попечительнаго совѣта гимназіи на пособія воспитанницъ.

§ 9. Пользованіе стипендіей не налагаетъ на стипендіатку никакихъ обязательствъ.

20. (30-го марта 1901 года). *Положеніе о стипендіи имени статскаго совѣтника Петра Назарьевича Конончука при Грубешевской прогимназіи.*

(На основаніи Высочайшаго повелѣнія 26-го мая 1897 года, утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. На проценты съ капитала въ *одну тысячу пятьсотъ* руб., пожертвованнаго учителемъ Грубешевской прогимназіи статскимъ совѣтникомъ Петромъ Назарьевичемъ Конончукомъ, учреждается при Грубешевской прогимназіи одна стипендія имени жертвователя.

§ 2. Стипендіальный капиталъ, заключающійся въ билетахъ 4% государственной ренты, хранится въ Варшавской конторѣ государственнаго банка, въ числѣ спеціальныхъ средствъ названной прогимназіи и составляетъ собственность ея или того учебнаго заведенія, въ которое прогимназія въ Грубешевѣ можетъ быть преобразована.

§ 3. На означенную стипендію имѣютъ право недостаточные ученики Грубешевской прогимназіи, православнаго вѣроисповѣданія, отличающіеся благонравіемъ и хорошими успѣхами, при чемъ могутъ пользоваться стипендіею во все время ученія въ прогимназіи, если будутъ этого заслуживать поведеніемъ и успѣхами.

§ 4. Право назначенія стипендіатовъ принадлежитъ пожизненно

Конончуку, а послѣ его смерти переходитъ къ педагогическому совѣту Грубешевской прогимназіи.

§ 5. Пользованіе стипендіею не налагаетъ на стипендіата никакихъ обязательствъ.

21. (30-го марта 1901 года). *Положеніе о стипендіи имени умершей вдовы Евдокіи Ильиной Волковой при Самарскомъ реальномъ Имени Императора Александра Благословеннаго училищѣ.*

(На основаніи Высочайшаго повелѣнія 26-го мая 1897 года, утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. На счетъ процентовъ съ капитала въ *пятьсотъ* руб., пожертвованнаго по духовному завѣщанію вдовой чиновника Евдокіей Ильиной Волковой, учреждается при Самарскомъ реальномъ Имени Императора Александра Благословеннаго училищѣ одна стипендія имени завѣщательницы.

§ 2. Стипендіальный капиталъ, заключающійся въ пяти свидѣтельствахъ 4% государственной ренты, составляетъ неприкосновенную собственность названнаго училища и хранится въ мѣстномъ губернскомъ казначействѣ въ числѣ спеціальныхъ средствъ училища.

§ 3. Проценты съ этого капитала, за удержаніемъ изъ нихъ въ казну 5% государственнаго сбора, выдаются въ пособіе одному бѣдному ученику училища, оказывающему при отличномъ поведеніи хорошіе успѣхи въ наукахъ.

§ 4. Назначеніе стипендіи предоставляется пожизненно душеприказчику завѣщательницы коллежскому совѣтнику Порфирію Ильичу Третьякову, а послѣ его смерти право это переходитъ къ педагогическому совѣту реальнаго училища.

§ 5. Пользованіе стипендіей не налагаетъ на стипендіата никакихъ обязательствъ.

22. (5-го апрѣля 1901 года). *Положеніе о стипендіи имени Маріи Ивановны Гладыревской при Полтавской Маріинской женской гимназіи.*

(На основаніи Высочайшаго повелѣнія 1-го августа 1873 года, утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. На основаніи Высочайшихъ повелѣній 5-го декабря 1881 года и 26-го мая 1897 г., при Полтавской Маріинской женской гимназіи учреждается стипендія имени Маріи Ивановны Гладыревской на счетъ

процентовъ съ оставленнаго ею съ этою цѣлью по духовному завѣщанію капитала въ *одну тысячу пятьсотъ* рублей.

§ 2. Стипендіальный капиталъ, заключающійся во вкладномъ билетѣ государственной комиссіи погашенія долговъ въ *одну тысячу пятьсотъ* руб., за № 100.106, хранится въ Полтавскомъ отдѣленіи государственнаго банка по вкладу на вѣчныя времена изъ $3^1/_2$% годовыхъ въ числѣ спеціальныхъ средствъ гимназіи, составляя ея неотъемлемую собственность и оставаясь навсегда неприкосновеннымъ.

§ 3. Проценты со стипендіальнаго капитала, за удержаніемъ изъ нихъ въ казну государственнаго сбора по закону 20-го мая 1885 года, употребляются на взносъ платы за ученіе въ гимназіи избранной стипендіатки, излишекъ же выдается на руки родителямъ, опекунамъ или другимъ лицамъ, на попеченіи или иждивеніи коихъ находится стипендіатка.

§ 4. Стипендіатка избирается изъ числа бѣднѣйшихъ учениць гимназіи купеческаго сословія, христіанскаго исповѣданія, отличающихся хорошимъ поведеніемъ и успѣхами въ наукахъ.

§ 5. Выборъ стипендіатки предоставляется усмотрѣнію попечительнаго совѣта Полтавской Маріинской женской гимназіи.

§ 6. Пользованіе стипендіею не налагаетъ на стипендіатку никакихъ обязательствъ.

23. (8-го апрѣля 1901 года). *Положеніе о трехъ стипендіяхъ имени покойнаго Московскаго 1-ой гильдіи купца Ивана Евдокимовича Пономарева при Иваново-Вознесенской женской гимназіи.*

(На основаніи Высочайшаго повелѣнія 1-го августа 1873 года, утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. На основаніи Высочайшихъ повелѣній 5-го декабря 1881 г. и 26-го мая 1897 г., при Иваново-Вознесенской женской гимназіи учреждаются три стипендіи имени умершаго Московскаго 1-ой гильдіи купца Ивана Евдокимовича Пономарева, на счетъ процентовъ съ завѣщаннаго имъ съ этою цѣлью капитала въ *пять тысячъ* рублей.

§ 2. Стипендіальный капиталъ, заключающійся въ $3^1/_2$% билетахъ государственной комиссіи погашенія долговъ, хранится въ мѣстномъ казначействѣ въ числѣ спеціальныхъ средствъ Иваново-Вознесенской женской гимназіи и, составляя ея неотъемлемую собственность, остается навсегда неприкосновеннымъ.

§ 3. Проценты со стипендіальнаго капитала, за удержаніемъ изъ

нихъ въ казну государственнаго сбора по закону 20-го мая 1885 года, употребляются на взносъ платы за ученіе избранныхъ стипендіатокъ.

§ 4. Стипендіатки избираются изъ числа бѣднѣйшихъ ученицъ гимназіи, отличающихся хорошимъ поведеніемъ и успѣхами въ наукахъ, при чемъ преимущественнымъ правомъ на полученіе стипендіи пользуются дѣти родственниковъ завѣщателя.

§ 5. Выборъ стипендіатокъ предоставляется попечительному совѣту Иваново-Вознесенской женской гимназіи, коему принадлежитъ право лишать стипендіатокъ стипендій въ случаѣ неодобрительнаго поведенія ихъ или малоуспѣшности, по соглашенію съ педагогическимъ совѣтомъ гимназіи.

§ 6. Число стипендій можетъ быть уменьшено въ зависимости отъ размѣра платы за ученіе.

§ 7. Могущіе образоваться, отъ процентовъ со стипендіальнаго капитала, остатки употребляются на доплату за право ученія стипендіатокъ въ VIII-мъ классѣ гимназіи, или выдаются въ видѣ единовременныхъ пособій стипендіаткамъ, на покупку имъ учебныхъ пособій, платья, обуви, и т. п.

§ 8. Пользованіе стипендіей не налагаетъ на стипендіатокъ никакихъ обязательствъ.

24. (15-го апрѣля 1901 года). *Положеніе о стипендіи имени Николая Александровича Ваганова при Псковской Маріинской женской гимназіи.*

(На основаніи Высочайшаго повелѣнія 1-го августа 1873 года, утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. На основаніи Высочайшихъ повелѣній 5-го декабря 1881 г. и 26-го мая 1897 года, при Псковской Маріинской женской гимназіи учреждается одна стипендія имени Николая Александровича Ваганова на счетъ процентовъ съ капитала въ *одну тысячу пятьсотъ* рублей, отчисленнаго Псковскимъ губернскимъ земскимъ собраніемъ изъ запаснаго капитала губернскаго земства, въ память тридцатилѣтней дѣятельности Ваганова, въ качествѣ предсѣдателя Псковской уѣздной земской управы и гласнаго губернскаго земскаго собранія.

§ 2. Стипендіальный капиталъ, по обращеніи въ государственныя или гарантированныя правительствомъ процентныя бумаги, находится въ вѣдѣніи Псковской губернской земской управы, которая изъ процентовъ съ сего капитала обязана выдавать ежегодно опредѣленную

сумму одной стипендіаткѣ, при чемъ въ израсходованіи процентовъ губернская управа отдаетъ отчетъ губернскому земскому собранію.

§ 3. Стипендія выдается бѣднѣйшей ученицѣ гимназіи, отличающейся хорошимъ поведеніемъ и успѣхами въ наукахъ, изъ дѣтей всѣхъ сословій, преимущественно недостаточныхъ родителей, принадлежащихъ къ кореннымъ жителямъ Псковской губерніи.

§ 4. Выборъ стипендіатки предоставляется усмотрѣнію Николая Александровича Ваганова, а по смерти его, право это переходитъ къ Псковской губернской управѣ.

§ 5. Выдача стипендіи можетъ быть прекращена: а) съ согласія Николая Александровича Ваганова: въ случаѣ малоуспѣшности или неодобрительнаго поведенія стипендіатки, и б) въ случаѣ выхода ея изъ учебнаго заведенія.

§ 6. Въ случаѣ закрытія Псковской Маріинской женской гимназіи, стипендія передается Псковскимъ губернскимъ земскимъ собраніемъ, по соглашенію съ Николаемъ Александровичемъ Вагановымъ, въ другое какое-либо учебное заведеніе.

§ 7. Пользованіе стипендіей не налагаетъ на стипендіатку никакихъ обязательствъ.

25. (15-го апрѣля 1901 года). *Положеніе о стипендіи имени титулярнаго совѣтника Давида Захарьянова при Кишиневской 1-й гимназіи.*

(На основаніи Высочайшаго повелѣнія 26-го мая 1897 года, утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. На счетъ % съ капитала въ *четыре тысячи* рублей, завѣщаннаго вдовою титулярнаго совѣтника Елизаветою Захарьяновой, учреждается при Кишиневской 1-й гимназіи одна стипендія имени покойнаго мужа завѣщательницы Давида Захарьянова.

§ 2. Стипендіальный капиталъ, заключающійся въ свидѣтельствахъ 4% государственной ренты, хранится въ мѣстномъ казначействѣ, въ числѣ спеціальныхъ средствъ названной гимназіи и, составляя ея собственность, остается навсегда неприкосновеннымъ.

§ 3. Проценты съ сего капитала, за удержаніемъ 5% государственнаго налога, выдаются, по опредѣленію педагогическаго совѣта названной гимназіи, одному изъ лучшихъ учениковъ гимназіи, бѣдныхъ родителей, преимущественно армяно-григоріанскаго исповѣданія.

Примѣчаніе. Ученикъ, получающій настоящую стипендію, именуется стипендіатомъ Давида Захарьянова.

§ 4. Стипендія выдается, по усмотрѣнію педагогическаго совѣта гимназіи, помѣсячно или пополугодно впередъ на руки стипендіату или его родителямъ или опекунамъ и родственникамъ.

§ 5. Стипендія прекращается въ случаѣ неодобрительнаго поведенія и малоуспѣшности въ наукахъ стипендіата, а равно въ случаѣ улучшенія матеріальныхъ средствъ стипендіата, дающихъ ему возможностъ воспитываться на собственный счетъ.

§ 6. Могущіе образоваться почему-либо остатки отъ % со стипендіальнаго капитала причисляются къ капиталу для увеличенія размѣровъ стипендіи.

§ 7. Пользованіе стипендіей не налагаетъ на стипендіата никакихъ обязательствъ.

§ 8. Въ случаѣ преобразованія или даже закрытія Кишиневской 1-й гимназіи стипендіальный капиталъ передается въ вѣдѣніе имѣющаго замѣнить названную гимназію въ г. Кишиневѣ учебнаго заведенія, для употребленія согласно сему положенію.

26. (17-го апрѣля 1901 года). *Положеніе о стипендіи имени умершаго бывшаго директора народныхъ училищъ Олонецкой губерніи, дѣйствительнаго статскаго совѣтника Дмитрія Павловича Мартынова, при Повѣнецкомъ городскомъ двухклассномъ училищѣ.*

(На основаніи Высочайшаго повелѣнія 1-го августа 1873 года, утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. На основаніи Высочайшихъ повеленій 5-го декабря 1881 г. и 26-го мая 1897 г., при Повѣнецкомъ городскомъ двухклассномъ училищѣ учреждается стипендія имени умершаго бывшаго директора народныхъ училищъ Олонецкой губерніи, дѣйствительнаго статскаго совѣтника Дмитрія Павловича Мартынова, на счетъ процентовъ съ капитала въ *сто пять* рублей, собраннаго съ этою цѣлью почитателями покойнаго.

§ 2. Стипендіальный капиталъ, по обращеніи его въ государственныя или гарантированныя правительствомъ процентныя бумаги, хранится въ мѣстномъ казначействѣ въ числѣ спеціальныхъ средствъ училища, составляя его неотъемлемую собственность и оставаясь навсегда неприкосновеннымъ.

§ 3. Проценты со стипендіальнаго капитала, за удержаніемъ изъ нихъ въ казну государственнаго сбора, по закону 20-го мая 1885 г., употребляются на взносъ платы за ученіе избраннаго стипендіата.

§ 4. Стипендіатъ избирается изъ числа бѣднѣйшихъ учениковъ

училища, отличающихся хорошимъ поведеніемъ и успѣхами въ наукахъ.

§ 5. Выборъ стипендіата предоставляется усмотрѣнію педагогическаго совѣта училища, коему принадлежитъ и право лишенія стипендіи въ случаѣ неодобрительнаго поведенія или малоуспѣшности стипендіата.

§ 6. Могущіе образоваться по какимъ-либо причинамъ отъ процентовъ со стипендіальнаго капитала остатки прибавляются къ сему капиталу для увеличенія размѣра стипендіи.

§ 7. Пользованіе стипендіею не налагаетъ на стипендіата никакихъ обязательствъ.

27. (24-го апрѣля 1901 года). *Циркулярное предложеніе министерства народнаго просвѣщенія отъ 24-го апрѣля за № 10517 о распространеніи на постороннихъ лицъ, подвергающихся испытаніямъ по древнимъ языкамъ, правилъ объ освобожденіи отъ письменныхъ экзаменовъ по древнимъ языкамъ.*

На основаніи п. 3 циркулярнаго предложенія министерства народнаго просвѣщенія отъ 11-го минувшаго марта, за № 6713, лица постороннія, подвергающіяся при мужскихъ гимназіяхъ и прогимназіяхъ экзаменамъ, пріемнымъ, выпускнымъ, а также испытаніямъ, производимымъ на основаніи циркуляра отъ 29-го января 1897 года за № 2518, должны, между прочимъ, подвергаться и письменнымъ испытаніямъ по древнимъ языкамъ, отъ каковыхъ освобождены нынѣ ученики гимназій и прогимназій.

Признавъ цѣлесообразнымъ распространить на постороннихъ лицъ, подвергающихся испытаніямъ по древнимъ языкамъ, правило объ освобожденіи отъ письменныхъ экзаменовъ, имѣю честь увѣдомить объ этомъ ваше превосходительство, для зависящихъ распоряженій по ввѣренному вамъ учебному округу.

28. (24-го апрѣля 1901 года). *Циркулярное предложеніе министерства народнаго просвѣщенія отъ 24-го апрѣля за № 10516 о необходимости производства въ гимназіяхъ испытаній зрѣлости съ надлежащей тщательностью.*

Имѣющійся въ министерствѣ народнаго просвѣщенія обильный матеріалъ по вопросу о средней школѣ съ полною убѣдительностью свидѣтельствуетъ, между прочимъ, о томъ, что наши гимназіи не-

рѣдко даютъ для высшихъ учебныхъ заведеній слушателей, обладающихъ весьма малыми познаніями въ тѣхъ предметахъ, которые изучаются въ гимназіяхъ. Особенное вниманіе въ этомъ отношеніи обращаетъ на себя русскій языкъ въ виду общеизвѣстнаго факта, что даже среди сочиненій, исполненныхъ на испытаніяхъ зрѣлости, нерѣдко оказываются работы слабыя не только по внутреннему своему содержанію, но и по обилію грамматическихъ и стилистическихъ ошибокъ, обнаруживающихъ незнакомство абитуріентовъ съ первоначальными правилами грамматики и основными началами стилистики. Одной изъ главныхъ причинъ этого печальнаго явленія служитъ тотъ безспорный фактъ, что во многихъ гимназіяхъ испытанія зрѣлости производятся крайне снисходительно, съ весьма большими послабленіями, а это обстоятельство, въ свою очередь, весьма неблагопріятно отзывается на всемъ ходѣ учебнаго дѣла, пріучая воспитанниковъ поверхностно относиться къ усвоенію преподаваемыхъ имъ наукъ въ надеждѣ на ожидаемыя послабленія на испытаніяхъ.

Вслѣдствіе сего считаю долгомъ покорнѣйше просить ваше превосходительство обратить вниманіе директоровъ гимназій ввѣреннаго вамъ учебнаго округа на то, что испытанія зрѣлости должны производиться съ надлежащею серьезностью, безъ излишнихъ послабленій, которыя пагубно отзываются на дальнѣйшей судьбѣ молодыхъ людей, и что, не обременяя на сихъ испытаніяхъ абитуріентовъ требованіемъ мелкихъ и второстепенныхъ подробностей, необходимо удостовѣряться въ знаніи ими существенно-важнаго въ каждомъ предметѣ, какъ это указано и въ нынѣ дѣйствующихъ правилахъ объ испытаніяхъ. Особенное же вниманіе надлежитъ обращать на познанія ихъ въ отечественномъ языкѣ, имѣя въ виду, что указанные выше недостатки не должны имѣть мѣста въ сочиненіяхъ молодыхъ людей, признаваемыхъ зрѣлыми и подготовленными къ усвоенію наукъ въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ.

29. (6-го мая 1901 года). *Циркулярное предложеніе министерства народнаго просвѣщенія отъ 6-го мая за № 11903 по вопросу о вознагражденіи преподавателей математики и физики въ мужскихъ гимназіяхъ и прогимназіяхъ за исправленіе письменныхъ ученическихъ работъ.*

По дѣйствующимъ штатамъ гимназій и прогимназій министерства народнаго просвѣщенія, преподавателямъ русскаго и древнихъ языковъ полагается особое вознагражденіе изъ штатныхъ суммъ или изъ

спеціальныхъ средствъ учебныхъ заведеній за исправленіе имъ письменныхъ ученическихъ упражненій, при чемъ размѣръ этого вознагражденія опредѣленъ для гимназій не менѣе 100 руб. въ годъ на каждаго учителя, для шестиклассныхъ прогимназій въ 300 руб. на всѣхъ учителей этихъ предметовъ и для четырехклассныхъ прогимназій въ 180 руб. тоже на всѣхъ учителей этихъ предметовъ.

Принимая во вниманіе, что преподаватели математики и физики въ гимназіяхъ и прогимназіяхъ также несутъ значительный трудъ по исправленію письменныхъ ученическихъ упражненій по этимъ предметамъ, я нахожу справедливымъ, чтобы и имъ выдавалось за этотъ трудъ вознагражденіе изъ спеціальныхъ средствъ учебныхъ заведеній въ размѣрѣ, не превышающемъ вышеозначенныя нормы вознагражденія преподавателей русскаго и древнихъ языковъ.

VI. ОПРЕДѢЛЕНІЯ УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

Опредѣленіями ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, утвержденными г. товарищемъ министра, постановлено:

— Книгу: „Послѣдніе дни Западной Римской Имперіи. Сборникъ статей по исторіи среднихъ вѣковъ. Составилъ *Николай Знойко.* Преподаватель Ришельевской гимназіи. Одесса. 1901. Стр. II+147. Цѣна 75 коп."—допустить въ ученическія библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній министерства.

— Книгу: „Систематическій курсъ древней исторіи. Курсъ IV класса мужскихъ и женскихъ гимназій и прогимназій. Составилъ примѣнительно къ послѣднимъ учебнымъ планамъ *Николай Знойко.* Преподаватель Ришельевской гимназіи. Изданіе четвертое. Одесса. 1900. Стр. II+208+IX. Цѣна 1 руб." — допустить въ качествѣ учебнаго руководства для IV класса гимназій и прогимназій.

— Книгу: „Приложенія къ циркулярамъ по Московскому учебному округу, издаваемыя подъ редакціей *Вл. Исаенкова.* Dr. *Отто Фрикъ.* Дидактическій катехизисъ. Переводъ съ нѣмецкаго *Дм. Королькова,* инспектора Московской 4-й гимназіи. М. 1900. Стр. 20. Цѣна 15 коп."—допустить въ фундаментальныя библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній министерства, мужскихъ и женскихъ.

— Книги: 1) „Nibelungenlied und Gudrun. Übertragen und heraus-

gegeben von Dr. *Gustav Legerlotz*, Direktor des Königlichen Gymnasiums zu Salzwedel. Auszug für den Unterricht an höheren Mädchenschulen. Mit Beigaben aus Jordans Nibelungen, Hebbels Nibelungen und Geibels Gedichten, sowie einem Vorwort von Prof. Dr. *J. Wychgram*, Direktor der städtischen Höheren Schule für Mädchen zu Leipzig. Bielefeld und Leipzig. Verlag von Velhagen & Klasing. 1899. IV+164 S. Preis gebunden 90 Pfennig." — 2) „Stoffe zu Diktierübungen. Ein Hilfsbuch für den Unterricht in der deutschen Rechtschreibung von *B. P. Möller*. Dritte, durchgesehene Auflage. Hamburg. Otto Meissner. 1899. 134 S. Preis 1 Mark 20 Pf."—3) „Abriss der deutschen Verslehre und der Lehre von den Dichtungsarten. Zum Gebrauch beim Unterricht von Dr. *O. Schmeckebier*. Vierte Auflage. Berlin. Weidmannsche Buchhandlung. 1899. 32 S. Цѣна не обозначена."—4) „Grundzüge der deutschen Litteraturgeschichte. Für höhere Schulen und zum Selbstunterricht. Von Dr. *Gotthold Klee*, Professor am Gymnasium zu Bautzen. Dritte verbesserte Auflage. Berlin. Verlag von Georg Bondi. 1898. VIII+176 S. Preis M. 1.50 brosch., M. 2.—geb." — 5) „Gedichte des achtzehnten Jahrhunderts, ausgewählt und erläutert von Prof. Dr. *Karl Kinzel*. Halle a. S., Verlag der Buchhandlung des Waisenhauses. 1896. X+166 S. Цѣна не обозначена".—6) „Gedichte des neunzehnten Jahrhunderts, gesammelt, litterargeschichtlich geordnet und mit Einleitungen versehen von Prof. Dr. *Karl Kinzel*. Halle a. S. Verlag der Buchhandlung des Waisenhauses. 1894. XIV+264 S. Preis gebunden 2 M." — 7) „Deutsche Fibel. Gemeinsame Unterlagen für den vereinigten Anschauungs-, Sprech-, Schreib- und Lese-Unterricht nach der kombinierten Schreiblese- und Normalwörter-Methode. Von *Rudolf Dietlein*, Rektor. Ausgabe B. — Heft I. (Schreiblesefibel). 115. Auflage. Gera. Verlag von Theodor Hofmann. 1899. 64 S. Preis ungebunden 30 Pf.—8) „То же. Heft II. 83. Auflage. 1899. 104 S. Preis ungebunden 40 Pf."—9) „Deutsches Lesebuch für mehrklassige Bürger- und Volks-Schulen. Herausgegeben von *Rudolf* und *Woldemar Dietlein*. Ausgabe A in drei Bänden. I. Unterstufe. Dreissigste Auflage. Gera. Verlag von Theodor Hofmann. 1899. 160 S. Preis 75 Pf., geb. 1 Mk.—II. Mittelstufe. Siebenundzwanzigste Auflage. 1900. 351 S. Preis 1,20 Mk., geb. 1,50 Mk.—III. Oberstufe. Einundzwanzigste Auflage. 1899. 495 S. Preis 1,50 Mk., geb. 1,85 M." — 10) „Lebensbilder II. Lesebuch für Mittelklassen deutscher Volksschulen. Nach dem Anschauungsunterrichte von Denzel geordnet. Von *Berthelt*, *Jäkel*, *Petermann*, *Thomas*. Dreiundsiebzigste Auflage. Leipzig. Verlag

von Julius Klinkhardt. 1898. X+246 S. Preis roh 60 Pf., geb. 90 Pf." — 11) „Lebensbilder III. Lesebuch für Oberklassen deutscher Volksschulen. Herausgegeben von *August Berthelt*, *Julius Jäkel*. *Karl Petermann*, *Louis Thomas*. Preisgekrönt auf den Weltausstellungen zu Paris 1867 und Wien 1873. Vierundvierzigste Auflage. Leipzig. Verlag von Julius Klinkhardt. 1898. X+446 S. Preis roh 1 M. 20 Pf., geb. 1 M. 60 Pf." — признать пригодными для употребленія въ качествѣ учебныхъ пособій при преподаваніи нѣмецкаго языка въ училищахъ съ нѣмецкимъ преподавательскимъ языкомъ.

— Книги: 1) Lehrbuch der Geschichte für die oberen Klassen höherer Lehranstalten von Dr. *Friedrich Hofmann*. Erstes Heft. Griechische Geschichte. Sechste Auflage. Durchgesehen und herausgegeben von Professor Dr. *Hans Meyer*. Berlin. Verlag von Julius Springer. 1897. IV + 43 S. Preis kart. M.—, 50".—2) „То же. Zweites Heft. Römische Geschichte. Fünfte Auflage. 1897. X+88 S. Preis kart. M. 1,20" — 3) „Geschichts-Tabellen zum Gebrauch beim Elementar-Unterricht in der Geschichte. Von D. *Carl Peter*. Besonderer Abdruck aus des Verfassers Werke: „Der Geschichts-Unterricht für Gymnasien". Dreizehnte Auflage, besorgt von Dr. *Heinrich Peter*, Professor am Sophiengymnasium in Berlin. Halle a. S. Verlag der Buchhandlung des Waisenhauses. 1899. 83 S. Цѣна не обозначена"—одобрить для учебнаго употребленія въ училищахъ съ нѣмецкимъ преподавательскимъ языкомъ.

— Книгу: „*Камиллъ Фламмаріонъ*. Атмосфера. Популярная метеорологія въ 6-ти книгахъ въ переводѣ *К. К. Толстого*. Со множествомъ иллюстрацій. Изданіе редакціи „Новаго Журнала Иностранной Литературы". С.-Пб. 1901. Стр. 508. Цѣна 2 руб. 50 коп." — одобрить для фундаментальныхъ и ученическихъ, старшаго возраста, библіотекъ мужскихъ и женскихъ гимназій, реальныхъ училищъ, и для выдачи ученикамъ въ видѣ награды, а также для библіотекъ учительскихъ институтовъ и семинарій и для безплатныхъ народныхъ читаленъ.

— Книгу: „Изданіе О. Н. Поповой. Земля и люди. Всемірная географія, сочиненіе *Элизе Реклю*. Выпускъ IV. Соединенные Штаты. Часть вторая. Переводъ съ французскаго подъ редакціей *Н. Березина*. Съ 41 рисункомъ и 25 чертежами въ текстѣ. Приложенія: Очеркъ государственнаго устройства, составленный *Д. Протопоповымъ*; библіографическій указатель книгъ и статей на русскомъ языкѣ о Соединенныхъ Штатахъ и географическая карта. С.-Пб. 1899. Стр. 313+VI. Цѣна 2 руб."—одобрить для фундаментальныхъ и уче-

ническихъ, старшаго возраста, библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній.

— Книгу: „*Р. Лауэнштейнъ*, Инженеръ и Профессоръ Велико-Герц. Строительно-Ремесленной школы въ Карлсруэ. Курсъ механики. Элементарное руководство для среднихъ техническихъ школъ и для самообученія. Перевелъ съ нѣмецкаго *А. И. Яронъ*, военный инженеръ, подъ редакціей *Г. Г. Кривошеина*, военнаго инженера, преподавателя Николаевской Инженерной Академіи и Училища. Переводъ съ 4-го изданія. Съ 210 чертежами въ текстѣ. С.-Пб. Изданіе книгопродавца И. И. Базлова. 1901. Стр. 234+VI. Цѣна 1 руб. 50 коп.“—одобрить для ученическихъ, старшаго возраста, библіотекъ мужскихъ гимназій и реальныхъ училищъ.

— Книги: 1) „Высшее образованіе въ Римѣ во времена императоровъ. Рѣчь, произнесенная на торжественномъ актѣ Коллегіи Павла Галагана 1-го октября 1893 года воспитателемъ и преподавателемъ греческаго языка *О. Гордіевичемъ*. Кіевъ. 1894. Стр. 21. Цѣна не обозначена“—2) „Краткій обзоръ важнѣйшихъ моментовъ движенія греческой культуры въ государствахъ древняго міра. *О. Гордіевича*. Кіевъ. 1894. Стр. 14. Цѣна не обозначена“—3) „Главнѣйшія черты практической этики Цицерона. Рѣчь, произнесенная на торжественномъ актѣ Коллегіи Павла Галагана 1-го октября 1899 года. Преподавателемъ древнихъ языковъ *О. Гордіевичемъ*. Кіевъ. 1899. Стр. 23. Цѣна не обозначена“—одобрить для фундаментальныхъ и ученическихъ, старшаго возраста, библіотекъ мужскихъ гимназій и шестиклассныхъ прогимназій.

— Книгу: „Происхожденіе животнаго міра д-ра *Вильгельма Гааке*. Переводъ съ нѣмецкаго, съ разрѣшенія издателей оригинала, д-ра *М. Е. Ліона* подъ редакціей проф. *Ю. Н. Вагнера*. Съ 1 картой въ краскахъ, 469 художественными иллюстраціями въ текстѣ, 9 рѣзанными на деревѣ черными картинами и 11 хромолитографіями Р. Коха, В. Кунерта и Г. Мютцеля. С.-Пб. Книгоиздательское товарищество «Просвѣщеніе». 1900. Стр. XI+684. Цѣна за 15 выпусковъ по подпискѣ 6 руб. Въ роскошн. полукожан. переплетѣ 7 руб.“ — одобрить для фундаментальныхъ библіотекъ всѣхъ средне-учебныхъ заведеній министерства, и въ особенности тѣхъ изъ нихъ, гдѣ преподается естествовѣдѣніе.

— Книгу: „Рѣчи и статьи *Джемса Клерка Максуэлля*. Содержаніе: 1) О дѣйствіи на разстояніи. 2) Молекулы. 3) Атомъ. 4) Притяженіе. 5) Эѳиръ. Переводъ и изданіе *Н. Н. Маракуева*. М. 1901.

Стр. III+138. Цѣна 80 коп."—одобрить для ученическихъ, старшаго возраста, и для фундаментальныхъ библіотекъ всѣхъ среднихъ учебныхъ заведеній министерства народнаго просвѣщенія.

— Книгу: „Практическое руководство по нѣмецкому языку. Составилъ *Ѳ. Ѳ. Ясковскій.* Praktischer Lehrgang für den deutschen Sprachunterricht von *Th. Jaskowskÿ.* Reval. 1900. Verlag von Franz Kluge. Стр. 157. Цѣна въ переплетѣ 50 коп."—допустить какъ руководство по нѣмецкому языку для низшихъ и среднихъ классовъ всѣхъ тѣхъ среднихъ учебныхъ заведеній, какъ мужскихъ, такъ и женскихъ, въ которыхъ преподаваніе нѣмецкаго языка ведется на томъ же языкѣ.

— Книгу: „Курсъ педагогики. Часть I. Педагогика и общая дидактика. *К. Смирнова,* преподавателя Ярославской духовной семинаріи. Изданіе *К. И. Тихомирова.* М. 1900. Стр. VI+110+IV. Цѣна 60 коп."—допустить въ качествѣ руководства для тѣхъ учебныхъ заведеній, въ коихъ преподается педагогика.

— Книгу: „Историческая грамматика французскаго языка. Сочиненіе *Браше.* Переводъ съ французскаго языка *Ивана Сосненкаго,* преподавателя Рязанской губернской гимназіи. М. 1876. Стр. 185. Цѣна 1 руб."—одобрить для пріобрѣтенія въ фундаментальныя и ученическія, старшаго возраста, библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній министерства.

— Книги: 1) „*E. Debes*' Schul-Atlas für die Oberklassen höherer Lehranstalten. In Verbindung mit Dr. *A. Kirchhoff,* Professor der Erdkunde zu Halle und Prof. Dr. *H. Kropatscheck,* Oberlehrer a. D. zu Berlin bearbeitet in der geographischen Anstalt der Verlagshandlung. Achtundachtzig Haupt- und zweiundsechzig Nebenkarten. Prämiiert auf dem internationalen Geographen-Kongress zu Bern 1891. Dreissigste unveränderte Auflage. Leipzig. Verlag von H. Wagner & E. Debes. 1900. Цѣна не обозначена".—2) „Lehrbuch der Geographie. Nach methodischen Grundsätzen für gehobene und höhere Lehranstalten bearbeitet von Dr. *C. Baenitz* und Oberlehrer *Kopka.* Vierte Auflage. I. Kursus. Untere Stufe. Mit 32 farbigen Karten und 15 Holzschnitten. Bielefeld und Leipzig. Verlag von Velhagen & Klasing. 1896. III+80 S. Цѣна не означена"—первую одобрить, а вторую допустить для употребленія въ училищахъ съ нѣмецкимъ преподавательскимъ языкомъ.

— Книгу: „Abécédaire français. Exercices de lecture et de prononciation par *Alphonse Rancy.* 5-e édition. St.-Pétersbourg. 1901. Стр. 48. Цѣна 30 коп."—одобрить для употребленія въ качествѣ учебнаго

руководства въ приготовительномъ классѣ женскихъ гимназій и прогимназій министерства.

— Книгу: „Abrégé de grammaire française à l'usage de la jeunesse russe par *Alphonse Rancy*. 3-me édition. S.-Pétersbourg. 1901. Стр. 159. Цѣна 60 коп.“—одобрить для употребленія, въ качествѣ учебнаго руководства, во всѣхъ вообще среднихъ учебныхъ заведеніяхъ министерства, какъ женскихъ, такъ и мужскихъ.

— Книгу: „Manuel élémentaire et pratique de langue française. Cours systématique et gradué de lecture, de conversation, d'orthographe, de grammaire et de traduction à l'usage des classes préparatoires, inférieures et moyennes par *Alphonse Rancy*. 13-me édition. Изданіе Д. Д. Полубояринова. St.-Pétersbourg. 1900. Стр. 287. Цѣна 1 руб. 25 коп.“—допустить, какъ учебное руководство, для низшихъ и среднихъ классовъ женскихъ гимназій и прогимназій министерства.

— Книги: 1) „Naturlehre von Dr. *Johannes Crüger*. Einundzwanzigste, vermehrte und verbesserte Auflage. Mit 138 Holzschnitten. Leipzig. C. F. Amelangs Verlag. 1897. Стр. 94. Цѣна не обозначена“.—2) „*E. Machs* Grundriss der Naturlehre für die unteren Classen der Mittelschulen. Ausgabe für Gymnasien. Bearbeitet von Dr. *Karl Habart*, Professor am k.k. Staatsgymnasium in Linz. Mit 326 Abbildungen. Dritte, verbesserte Auflage. Wien und Prag. Verlag von F. Tempsky. 1898. IV+180 S. Preis geh. 95 kr., geb. 1 fl. 20 kr.“—3) „Elementarphysik unter Zugrundelegung des Grundrisses der Experimentalphysik von E. Jochmann und O. Hermes für den Anfangsunterricht in höheren Lehranstalten herausgegeben von *O. Hermes* und *P. Spies*. Mit 218 Holzschnitten. Zweite verbesserte und vermehrte Auflage. Berlin. 1900. Winckelmann & Söhne. XII+218 S. Цѣна не обозначена“.—4) „Elemente der Physik, Meteorologie und mathematischen Geographie. Hilfsbuch für den Unterricht an höheren Lehranstalten. Mit zahlreichen Übungsfragen und -Aufgaben. Von Professor Dr. *Paul Reis*. Sechste verbesserte Auflage, bearbeitet von Dr. *Eduard Penzold*, Lehrer an den technischen Staatslehranstalten in Chemnitz. Mit 277 Figuren im Text. Leipzig. Verlagsbuchhandlung von Quandt & Händel. 1897. VIII+437 S. Цѣна не обозначена“—одобрить для употребленія въ училищахъ съ нѣмецкимъ преподавательскимъ языкомъ.

— Сочиненіе: „Изданіе Министерства Финансовъ. Охотско-Камчатскій край (съ картой). Естественно-историческое описаніе составилъ Д-ръ *Н. В. Слюнинъ*. Съ 32 фототипіями и 54 цинкографіями. Спб. 1900. Т. I. Стр. X+689+V.—Т. II. Приложенія. Стр. 165+1.

Цѣна за 2 тома 5 руб."—рекомендовать для учительскихъ библіотекъ всѣхъ среднихъ учебныхъ заведеній министерства народнаго просвѣщенія, а также учительскихъ институтовъ и семинарій.

— Брошюру: „Распредѣленіе латинскаго и греческаго синтаксисовъ по классамъ гимназій и прогимназій Московскаго учебнаго округа съ приложеніемъ списка греческихъ глаголовъ для IV и V классовъ и списка важнѣйшихъ латинскихъ глаголовъ для II и III классовъ. По порученію Попечителя Московскаго учебнаго округа составилъ *Владиміръ Исаенковъ*, окружный инспекторъ того же округа. Изданіе шестое, безъ перемѣнъ. М. 1896. Стр. 32. Цѣна 10 коп."—рекомендовать для пріобрѣтенія въ фундаментальныя библіотеки мужскихъ гимназій.

— Книгу: „Одиссея *Гомера*. Пѣснь III. Объяснилъ *С. Радецкій*, инспектирующій преподаватель Московской 7-й гимназіи. М. Изданіе книжнаго магазина В. Думнова подъ фирмой «Наслѣдники бр. Салаевыхъ». 1901. Стр. III+42. Цѣна 35 коп."—одобрить въ качествѣ учебнаго пособія для мужскихъ гимназій.

— Книги: 1) „Начальная греческая хрестоматія. Связныя статьи, греческія и русскія, для упражненія въ греческой этимологіи. Для III и IV классовъ гимназій составилъ *Э. Черный*, б. преподаватель древнихъ языковъ въ Московской 3-й гимназіи. Часть I. Склоненіе именъ и спряженіе правильныхъ глаголовъ на -ω. Изданіе шестое. М. Складъ изданія въ книжномъ магазинѣ В. В. Думнова, подъ фирмою «Наслѣдники бр. Салаевыхъ». 1901. Стр. XII+194. Цѣна 80 коп."— 2) „Греческо-русскій и русско-греческій словарь къ „Начальной греческой хрестоматіи". Составилъ *Э. Черный*, преподаватель древнихъ языковъ въ Московской 3-й гимназіи. Изданіе 3-е, исправленное и дополненное. М. Изданіе книжнаго магазина В. Думнова, подъ фирмою «Наслѣдники бр. Салаевыхъ». 1898. Стр. 130. Цѣна 70 коп."— одобрить въ качествѣ учебныхъ пособій для мужскихъ гимназій и прогимназій.

— Изданіе: „Историческія карты школьнаго курса. Средніе вѣка. Изданіе Школьной Картопечатни. Спб. Годъ не означенъ. 7 картъ. Цѣна 14 коп."—одобрить въ качествѣ учебнаго пособія для среднихъ учебныхъ заведеній министерства.

— Книгу: „*Н. А. Шапошниковъ*. Курсъ прямолинейной тригонометріи и собраніе тригонометрическихъ задачъ. Восьмое изданіе. Перепечатано при небольшихъ редакціонныхъ исправленіяхъ со второго изданія. Изданіе книжнаго магазина В. В. Думнова, подъ фирмою

«Наслѣдники бр. Салаевыхъ». М. 1900. Стр. IV+120. Цѣна 70 к."— одобрить въ качествѣ руководства для среднихъ учебныхъ заведеній министерства народнаго просвѣщенія.

— Книгу: „Жизнь и труды М. П. Погодина. *Николая Барсукова.* Книга пятнадцатая. Спб. 1901. Стр. XIV+522. Цѣна 2 р. 50 коп."— рекомендовать для фундаментальныхъ и ученическихъ, старшаго возраста, библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній министерства и допустить въ безплатныя народныя читальни и библіотеки.

— Брошюру: „*А. Н. Смирновъ.* Собраніе готическихъ буквъ для вышиванія гладью. Пособіе для учащихся въ женскихъ профессіональныхъ учебныхъ заведеніяхъ, а также для граверовъ, литографовъ, живописцевъ и т. п. Выпускъ I.—8 таблицъ. Цѣна 30 коп."—одобрить въ качествѣ учебнаго пособія для женскихъ гимназій и прогимназій вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія.

— Книгу: B. G. Teubner's Schülerausgaben griechischer und lateinischer Schriftsteller. Des *Titus Livius* Römische Geschichte seit Gründung der Stadt im Auszuge herausgegeben von Dr. *Franz Fügner*, Oberlehrer am Königl. Kaiser Wilhelms-Gymnasium zu Hannover. I. Teil. Der zweite punische Krieg. Text. Leipzig. 1897. IV+294+1. S. — Kommentar. 1. Heft: Buch XXI und XXII. Leipzig. 1899. XXII+110 S. Цѣна не обозначена" — рекомендовать въ качествѣ учебнаго пособія для училищъ съ нѣмецкимъ преподавательскимъ языкомъ.

— Книгу: „Теорія сочиненія съ хрестоматіей. *П. Житецкаго.* Изданіе третье. Перепечатано съ перваго изданія. Кіевъ. 1900. Стр. VII+132. Цѣна 1 руб."—одобрить въ качествѣ учебнаго руководства для среднихъ учебныхъ заведеній министерства.

— Книгу: „Теорія поэзіи. *П. Житецкаго.* Изданіе второе. Кіевъ. 1900. Стр. II+292. Цѣна 1 руб."—одобрить въ качествѣ учебнаго руководства для среднихъ учебныхъ заведеній министерства, а также и для ученическихъ библіотекъ означенныхъ заведеній.

— Книгу: „Очерки изъ исторіи поэзіи. (Пособіе для изученія теоріи поэтическихъ произведеній). *П. Житецкаго.* Изданіе второе исправленное. Кіевъ. 1900. Стр. V+273. Цѣна 1 руб."—рекомендовать вниманію педагогическихъ совѣтовъ среднихъ учебныхъ заведеній министерства для пріобрѣтенія въ ученическія, старшаго возраста, библіотеки означенныхъ заведеній.

— Книгу: „Начальныя свѣдѣнія изъ русской грамматики съ приложеніемъ церковно-славянской азбуки и коренныхъ словъ съ бук-

вой ѣ. Учебникъ для приготовительнаго класса гимназій и прогимназій М. Н. Пр., составленный примѣнительно къ требованіямъ учебныхъ плановъ. Составилъ *И. Д. Четыркинъ*. Третье, исправленное изданіе Редакціи „Филологическихъ Записокъ". Воронежъ. 1900. Стр. III + 28 + 1. Цѣна съ пер. 30 коп." — одобрить въ качествѣ руководства по русской грамматикѣ для приготовительныхъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній.

— Книги: 1) „De viris illustribus. Lateinisches Lesebuch nach Nepos, Livius, Curtius für die Quarta höherer Lehranstalten herausgegeben von Dr. *Hans Müller*. Dritte unveränderte Doppelauflage. Hannover. Verlag von Carl Meyer. 1894. XI+152 S. Цѣна не обозначена".—2) „Aufgaben zu lateinischen Stilübungen. Mit besonderer Berücksichtigung von Ellendt-Seyfferts lateinischer Grammatik, sowie K. F. Süpfles Praktischer Anleitung zum Lateinschreiben und mit Anmerkungen versehen von *Karl Friedrich Süpfle*, Grossherzoglich Badischem Hofrat. Erster Teil. Aufgaben für untere und mittlere Klassen. Neunzehnte verbesserte Auflage. Karlsruhe. Verlag von Ch. Th. Groos. 1887. XII+340 S.—Zweiter Teil. Aufgaben für Sekunda. Zweiundzwanzigste verbesserte Auflage. Heidelberg. 1900. XIV+421 S. Цѣны не означены."—3) Übungsbuch für den Unterricht im Lateinischen. Von Dr. *Friedrich Holzweissig*, Direktor des Königl. Dom-Gymnasiums zu Magdeburg. Kursus der Sexta. Fünfzehnte Auflage. Hannover. 1900. Norddeutsche Verlagsanstalt. VIII+183 S. Preis geb. 1 M. 80 Pf".—4) „То же. Kursus der Quinta. Zehnte Auflage. Hannover. 1898. VIII+201 S. Preis geb. 2 M."—5) „То же. Kursus der Quarta. Ausgabe A. (Zusammenhängende Übungsstücke im Anschluss an die vitae des Cornelius Nepos). Siebente Auflage. Hannover. 1899. 208 S. Preis geb. 2 M."—6) „*Christian Ostermanns* Lateinisches Übungsbuch. Neue Ausgabe, besorgt von Professor Dr. *H. J. Müller*, Direktor des Luisenstädtischen Gymnasiums zu Berlin. Vierter Teil: Tertia und Unter-Secunda. Fünfte Auflage. Leipzig. Druck und Verlag von B. G. Teubner. 1898. VIII+280 S. Preis 2 M." — одобрить въ качествѣ учебныхъ пособій для училищъ съ нѣмецкимъ преподавательскимъ языкомъ.

— Книгу: „Lateinische Schulgrammatik in kurzer, übersichtlicher Fassung und mit besonderer Bezeichnung der Pensen für die einzelnen Klassen der Gymnasien und Realgymnasien. Von Dr. *Friedrich Holzweissig*, Direktor des Königl. Dom-Gymnasiums zu Magdeburg. Fünfzehnte, verbesserte Auflage. Hannover. 1899. Norddeutsche Ver-

lagsanstalt. VIII + 224 S. Preis geb. 2. M. 50. Pf." — одобрить въ качествѣ учебнаго руководства для училищъ съ нѣмецкимъ преподавательскимъ языкомъ.

— Книгу: „Русская исторія въ планахъ (35 плановъ). Отъ начала Руси до начала Москвы. *Ст. Кузнецовъ*. Пособіе для веденія сочиненій, для повторенія курса и для подготовки къ экзамену на домашн. учит. по исторіи. Рига. 1900. Стр. VII+62. Цѣна 30 коп." — допустить въ ученическія, старшаго возраста, библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній министерства.

— Книгу: „Краткій учебникъ всеобщей географіи. Европа. Составилъ *А. Линбергъ*. Седьмое исправленное изданіе. М. Книжный магазинъ И. Дейбнера. 1900. Стр. 108. Цѣна 80 коп." — допустить въ видѣ учебнаго руководства для среднихъ учебныхъ заведеній, но съ тѣмъ условіемъ, чтобы въ слѣдующемъ изданіи былъ улучшенъ шрифтъ.

— Книгу: „Начала тригонометріи *А. Давидова*, ординарнаго профессора Императорскаго Московскаго университета. Изданіе третье. Изданіе книжнаго магазина наслѣдниковъ братьевъ Салаевыхъ. М. 1885. Стр. 166+II. Цѣна 1 руб." — одобрить для пріобрѣтенія въ фундаментальныя библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній министерства народнаго просвѣщенія.

— Книгу: „Поэзія флоры. Цвѣточный календарь въ письмахъ. Съ изображеніемъ и описаніемъ цвѣтовъ для любителей природы. Изданіе редакціи «Новаго Журнала Иностранной Литературы». С.-Пб. 1900. Стр. 212. Цѣна 2 руб." — допустить въ ученическія библіотеки всѣхъ среднихъ учебныхъ заведеній министерства.

— Книгу: „Сказки для дѣтей. *А. Г. Сахаровой*. Изданіе М. М. Ледерле. 1895. Стр. 85+I. Цѣна не означена" — допустить въ ученическія, младшаго возраста, библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній министерства.

— Книгу: „Дешевая библіотека. № 319. *Е. П. Гребенка*. Чайковскій. Романъ. Съ портретомъ автора и біографіей. С.-Пб. Изданіе А. С. Суворина. 1900. Стр. X + 209. Цѣна 20 коп., въ папкѣ 28 коп., въ переплетѣ 35 коп." — одобрить для ученическихъ библіотекъ всѣхъ среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній министерства и для безплатныхъ народныхъ библіотекъ и читаленъ.

— Книгу: „Дешевая библіотека. № 320. *Е. П. Гребенка*. Докторъ. Романъ. С.-Пб. Изданіе А. С. Суворина. 1900. Стр. 245. Цѣна 20 коп., въ папкѣ 28 коп., въ переплетѣ 35 коп." — допустить

въ ученическія, старшаго возраста, библіотеки средних учебныхъ заведеній и въ безплатныя народныя библіотеки и читальни.

— Книгу: „Новая библіотека Суворина. Коринна или Италія. Романъ *де-Сталь*. Изданіе А. С. Суворина. С.-Пб. 1900. Томъ первый. Стр. VII+281+I.—Томъ второй. Стр. 282+I. Цѣна каждаго тома 60 коп.“ — допустить въ ученическія, старшаго возраста, библіотеки средне-учебныхъ заведеній министерства народнаго просвѣщенія и въ безплатныя народныя читальни.

VII. ОПРЕДѢЛЕНІЯ ОСОБАГО ОТДѢЛА УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

Опредѣленіями особаго отдѣла ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, утвержденными г. товарищемъ министра, постановлено:

— Изданіе: „Энциклопедическій словарь, издаваемый Акціонернымъ обществомъ «Издательское Дѣло», бывш. «Брокгаузъ и Ефронъ», начатый подъ редакціей проф. *И. Е. Андреевскаго* и продолжаемый подъ редакціей *К. К. Арсеньева* и заслуженнаго проф. *Ѳ. Ѳ. Петрушевскаго*. Полутомы 51—60. Цѣна каждаго полутома 3 руб. въ переплетѣ и 2 р. 70 к. безъ переплета“.—допустить въ учительскія библіотеки учительскихъ семинарій, городскихъ, уѣздныхъ и двухклассныхъ приходскихъ училищъ.

— Книгу: „Докладъ учителя Кіевскаго Свято-Владимірскаго городского училища *Ивана Николаевича Жука* о Научномъ Отдѣлѣ Всемірной Парижской Выставки 1900 года по народному образованію, читанный въ залѣ Кіевской Городской Думы 9 декабря 1900 г. Стр. 47+XX табл. Цѣна 75 коп.“—допустить въ учительскія библіотеки низшихъ учебныхъ заведеній.

— Книгу: „Разсказы про старое время на Руси отъ начала Русской земли до Петра Великаго. *А. Петрушевскаго*. Изданіе 11-е, съ 24 рисунками. М. 1898. Стр. 304. Цѣна 75 коп.“—допустить въ учительскія библіотеки низшихъ училищъ и въ безплатныя народныя читальни и библіотеки.

— Книгу: „Замѣтки о преподаваніи русской исторіи въ городскихъ и двухклассныхъ сельскихъ училищахъ. Методическое пособіе для воспитанниковъ учительскихъ семинарій и для гг. начальныхъ учителей. Составилъ *В. Сумскій*. М. 1896. Стр. 36. Цѣна 25 коп.“ —

допустить въ учительскія библіотеки городскихъ и двухклассныхъ сельскихъ училищъ съ условіемъ пониженія цѣны ея при слѣдующемъ ея изданіи.

— Брошюру: „О дурной болѣзни. Ординатора Мясницкой городской больницы *Н. С. Сперанскаго*. 2-е изданіе, съ 8 рис. Изданіе Комиссіи по распространенію гигіеническихъ знаній въ народѣ. № 2. М. 1900. Стр. 47. Цѣна 3 коп.“—одобрить для публичныхъ народныхъ чтеній.

— Книжку: „У семейнаго очага. Сборникъ разсказовъ русскихъ и иностранныхъ писателей. Для дѣтей школьнаго возраста. Составилъ *Н. Покровскій*. Съ рисунками П. Н. Ольшанскаго. № 10. М. 1900. Издатель В. С. Спиридоновъ. Стр. 84. Цѣна 40 коп.“—допустить въ ученическія библіотеки среднихъ (младшаго возраста) и низшихъ учебныхъ заведеній, а также въ безплатныя народныя читальни и библіотеки.

— Книгу: „Наше школьное дѣло. Сборникъ статей по училищевѣдѣнію Барона *Н. А. Корфа*. Изданіе братьевъ Салаевыхъ. М. 1873. Стр. 430. Цѣна 2 руб.“—допустить въ учительскія библіотеки учительскихъ институтовъ и семинарій.

— Книгу: „Дочь Солнца. Тысячу лѣтъ назадъ. Историческая повѣсть въ двухъ частяхъ *А. К. Сизовой*. Изданіе редакціи журнала «Дѣтское Чтеніе». М. 1900. Стр. 97. Цѣна 25 коп.“—допустить въ ученическія библіотеки низшихъ учебныхъ заведеній, младшаго возраста среднихъ учебныхъ заведеній и въ безплатныя народныя читальни.

— Книгу: „Княжеская мѣстность и храмъ князей въ Смоленскѣ. Историко-археологическое изслѣдованіе въ связи съ исторіей Смоленска. Составилъ *С. П. Писаревъ*. Смоленскъ. 1894. Стр. 295+IV. Цѣна 2 руб.“—допустить въ учительскія библіотеки низшихъ учебныхъ заведеній и въ безплатныя народныя читальни.

— Книжки изданія Д. П. Ефимова: 1) „Огоньки. 1. Маленькій грѣшникъ. 2. Харита. 3. Пятизлотникъ. Сборникъ дѣтскихъ разсказовъ. Переводъ *Н. И. Перелыгина*. М. Стр. 54. Цѣна 30 коп.“— 2) „Въ своемъ гнѣздышкѣ. 1. Ерши. 2. Два паука. 3. Зайцы. 4. Жаворонки. 5. Легкомысленная бѣлочка. Собралъ и перевелъ съ польскаго *Н. И. Перелыгинъ*. М. Стр. 57. Цѣна 30 коп.“—3) „Былое. 1. Дѣдъ Евменъ. 2. Не молотъ лѣнь учитъ, а голодъ. Переводъ съ малороссійскаго *Н. И. Перелыгина*. М. Стр. 38. Ц. 30 коп.“—допустить въ ученическія библіотеки городскихъ училищъ, въ таковыя

же, младшаго возраста, библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній и въ безплатныя народныя читальни и библіотеки.

— Изданіе: „Настольная книга по народному образованію. Законы, распоряженія, правила, инструкціи, уставы, справочныя свѣдѣнія и пр. по школьному и внѣшкольному образованію народа. Пособіе для земскихъ и городскихъ общественныхъ учрежденій, директоровъ и инспекторовъ народныхъ училищъ, и т. д. Составлена *Г. Фальборкомъ* и *В. Чарнолускимъ*. Въ 3-хъ томахъ. Томъ I. С.-Пб. 1899. Стр. IV+714.—Томъ II. С.-Пб. 1901. Стр. IV+(715—1538). Цѣна за три тома по подпискѣ 5 р., съ перес. 6 р. Изданіе Товарищества «Знаніе». № 14".—допустить т. I—II въ библіотеки учительскихъ институтовъ и семинарій, въ учительскія библіотеки низшихъ учебныхъ заведеній и безплатныя народныя читальни и библіотеки.

— Книжки: 1) „*Н. Лебедевъ*. Русскія Прописи. Рига. 1901. Изданіе Г. Я. Юревича. Стр. 16. Ц. 5 коп."—2) „Тоже. Изданіе 2-е"—допустить къ употребленію въ начальныхъ народныхъ училищахъ.

— Книжки *Сергѣя Лебеды*: 1) „За друга. Повѣстушка. 3-е изданіе. С.-Пб. 1890. Стр. 14. Цѣна 5 коп. (Вып. I)—2) „Молодецъ-конь. Разсказъ-быль. Съ 5-ю рисунками Академика Н. С. Самокиша. С.-Пб. 1890. Стр. 14. Цѣна 10 к. (Вып. II)"—допустить въ ученическія библіотеки низшихъ училищъ, въ безплатныя народныя читальни и библіотеки и для чтеній въ народныхъ аудиторіяхъ.

— Книгу: „Два дѣятеля. Разсказъ *Бьёрнстьерне-Бьёрнсона*. Переводъ съ норвежскаго *В. Э. Фирсова*. Изд. С.-Пб. Ком. Грамотности. С.-Пб. 1895. Стр. 47."—допустить въ безплатныя народныя читальни и библіотеки.

— Изданіе: „*А. Ильинъ*. Учебный Географическій Атласъ. 12 таблицъ. Изданіе Картографическаго заведенія А. Ильина. С.-Пб. Цѣна 25 коп."—одобрить для употребленія въ низшихъ училищахъ вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія.

— Книгу: „Колъ Агодотъ Израелъ т. е. Всѣ еврейскія легенды. Обработаны по первоисточникамъ. Сочиненіе *И. М. Левнера*. Часть 1-я. Петроковъ. 1898. Стр. 284. Цѣна 75 коп.—Часть II. Петроковъ. 1900. Стр. XVI + 532. Цѣна 1 р. 50 коп."—допустить въ библіотеки еврейскихъ начальныхъ училищъ и талмудъ-торъ.

— Книги: 1) „*Владиміръ Короленко*. Слѣпой музыкантъ. (Этюдъ). Седьмое изданіе редакціи журнала «Русское Богатство». С.-Пб. 1899. Стр. 201. Цѣна 75 к., съ перес. 1 р."—2) „*П. Засодимскій*. Отъ сохи къ ружью. № 11. Изданіе С.-Пб. Акц. Общества печатнаго дѣла

«Издатель». 1899. Стр. 31."—допустить въ безплатныя народныя читальни и библіотеки, а первую также и въ ученическія, средняго и старшаго возраста, библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній и въ учительскія библіотеки низшихъ училищъ.

— Книгу: „Пожаръ на русскомъ кораблѣ. Разсказъ кузнеца.— Въ морѣ на саняхъ. Истинное происшествіе. М. 1886. Стр. 36."— допустить въ безплатныя народныя читальни и библіотеки.

VIII. ОПРЕДѢЛЕНІЯ ОТДѢЛЕНІЯ УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ ПО ТЕХНИЧЕСКОМУ И ПРОФЕССІОНАЛЬНОМУ ОБРАЗОВАНІЮ.

Опредѣленіемъ отдѣленія ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія по техническому и профессіональному образованію, утвержденнымъ г. товарищемъ министра, постановлено:

— Изданіе *А. Ѳ. Девріена*, подъ заглавіемъ: „Полная энциклопедія русскаго сельскаго хозяйства и соприкасающихся съ нимъ наукъ", т. I, С.-Пб. 1900 г. — одобрить для библіотекъ тѣхъ промышленныхъ училищъ, въ коихъ преподается сельское хозяйство.

Опредѣленіями отдѣленія ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія по техническому и профессіональному образованію, утвержденными г. временно-управлявшимъ министерствомъ народнаго просвѣщенія, постановлено:

— Составленный *М. Д. Косткевичъ* „Полный курсъ кройки и шитья" (изд. 2-ое *А. Ф. Маркса*) — допустить въ фундаментальныя библіотеки тѣхъ учебныхъ заведеній министерства народнаго просвѣщенія, гдѣ введено изученіе кройки и шитья.

— Книгу священника *Николая Смирнова* „Краткое руководство къ садоводству", изданіе 2-ое, дополненное, М. 1900 г., допустить въ библіотеки одноклассныхъ и двухклассныхъ сельскихъ училищъ и въ безплатныя народныя читальни и библіотеки.

ОТКРЫТІЕ УЧИЛИЩЪ.

— Въ первую половину текущаго академическаго года открыты были въ Виленской губерніи 15 начальныхъ народныхъ училищъ, въ

Ковенской—7, въ Гродненской—14, въ Минской—1, въ Витебской—11 и въ Могилевской—24.

— 24-го августа 1900 года состоялось преобразованіе Барнаульской 5-ти-классной женской прогимназіи въ 7-ми-классную гимназію.

— Начальствомъ Харьковскаго учебнаго округа разрѣшено, съ начала 1901—1902 учебнаго года, преобразовать Моршанскую женскую прогимназію въ семиклассную женскую гимназію.

— Начальствомъ Московскаго учебнаго округа разрѣшено, съ 1-го іюля 1901 года, открыть женскую прогимназію въ городѣ Осташковѣ.

— Начальствомъ Московскаго учебнаго округа разрѣшено открыть съ 1902 учебнаго года VIII-ой классъ при Зарайской женской гимназіи.

ОТЪ УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

ДВАДЦАТЬ ВТОРОЕ ПРИСУЖДЕНІЕ ПРЕМІЙ

ИМПЕРАТОРА ПЕТРА ВЕЛИКАГО,

учрежденныхъ при министерствѣ народнаго просвѣщенія.

I.

I. Для соисканія въ 1901 году премій Императора Петра Великаго, учрежденныхъ при министерствѣ народнаго просвѣщенія, *по разряду гимназій* были назначены, съ разрѣшенія г. министра: 1) группа „языки французскій и нѣмецкій" и 2) физика, при чемъ срокъ конкурса по послѣднему предмету, входившему уже въ минувшемъ 1900 году въ составъ предметовъ конкурсныхъ сочиненій, былъ продолженъ на одинъ годъ на основаніи § 3-го Положенія о преміяхъ, въ виду того, что одна большая (въ 2000 р.) премія осталась въ минувшемъ году не выданною.

Къ сроку, опредѣленному Положеніемъ о преміяхъ Императора Петра Великаго, представлено было въ ученый комитетъ министерства 39 сочиненій, въ томъ числѣ 34 печатныхъ, 1 печатное съ рукописными добавленіями и 4 рукописныя, а именно: по французскому языку 12 сочиненій (9 печатныхъ, 1 печатное съ рукописными добавленіями и 2 рукописныхъ), по нѣмецкому языку 24 печатныхъ книги и по физикѣ 3 сочиненія, изъ коихъ 1 печатное и 2 рукописныхъ.

Въ виду того, что по *нѣмецкому языку* всѣ конкурсныя сочиненія принадлежатъ лишь одному автору, опредѣленіемъ ученаго комитета, утвержденнымъ г. министромъ, было постановлено *признать конкурсъ сочиненій по нѣмецкому языку не состоявшимся и посему отложить этотъ конкурсъ на одинъ годъ*, присоединивъ нѣмецкій языкъ къ назначенной для соисканія премій въ 1902 году группѣ „русскій языкъ со словесностью и логика".

Для разсмотрѣнія же конкурсныхъ сочиненій по *французскому*

языку и по *физикѣ* были образованы при ученомъ комитетѣ двѣ особыхъ коммиссіи: первая, подъ предсѣдательствомъ члена комитета В. С. Игнатовича, состояла изъ лектора французскаго языка при Императорскомъ С.-Петербургскомъ университетѣ А. А. Ляронда, бывшаго лектора того же предмета при названномъ университетѣ Ѳ. Д. Батюшкова и преподавателя французскаго языка при С.-Петербургской VII гимназіи М. М. Мозера; вторая коммиссія, подъ предсѣдательствомъ члена комитета О. Д. Хвольсона, состояла изъ члена комитета Д. К. Бобылева и профессора И. И. Боргмана.

Коммиссіи, обсудивъ, на основаніи подробныхъ рецензій своихъ членовъ, достоинства переданныхъ имъ для разсмотрѣнія конкурсныхъ сочиненій, представили свои заключенія о нихъ въ ученый комитетъ, который, по всестороннемъ обсужденіи какъ этихъ заключеній, такъ и подробныхъ отзывовъ о разсмотрѣнныхъ коммиссіями сочиненіяхъ, опредѣлилъ:

1) За рукописное сочиненіе по грамматикѣ и методикѣ французскаго языка въ 6 тетрадяхъ, подъ девизомъ:

Наука.

Этотъ въ ней видитъ богиню, небесную радость; другому
Просто корова она: было бы масло ему.

Шиллеръ.

присудить автору сего сочиненія *малую* (въ 500 р.) *премію* Императора Петра Великаго. Основанія для такого заключенія изложены въ помѣщенномъ ниже разборѣ названнаго сочиненія. По вскрытіи конверта съ означеннымъ девизомъ авторомъ сочиненія оказался Василій Васильевичъ Фабриціевъ въ г. Сарапулѣ, Вятской губ.

2) Остальныя сочиненія, представленныя для соисканія въ текущемъ году премій Императора Петра Великаго, отъ присужденія премій устранить.

3) Въ вознагражденіе трудовъ предсѣдателей и членовъ особыхъ коммиссій по разсмотрѣнію конкурсныхъ сочиненій, выдать означеннымъ лицамъ учрежденныя на этотъ предметъ золотыя медали.

4) Продолжить, на основаніи § 3-го Положенія о преміяхъ Императора Петра Великаго, на одинъ годъ срокъ соисканія премій за сочиненія по французскому языку, для каковой цѣли сохранить одну большую (въ 2000 р.) премію, оставшуюся въ нынѣшнемъ году не выданною по разряду гимназій.

Опредѣленія ученаго комитета утверждены г. министромъ народнаго просвѣщенія.

II. *По разряду начальныхъ народныхъ училищъ* былъ назначенъ учебникъ по геометріи для двухклассныхъ и другихъ начальныхъ училищъ, гдѣ преподается этотъ предметъ. Къ опредѣленному положеніемъ о преміяхъ сроку было представлено въ ученый комитетъ три сочиненія (одно въ рукописномъ и два въ печатномъ видѣ). Для разсмотрѣнія сихъ сочиненій была образована при особомъ отдѣлѣ ученаго комитета особая коммиссія изъ членовъ этого отдѣла В. И. Соллертинскаго и В. А. Семеки и директора народныхъ училищъ С.-Петербургской губерніи В. А. Латышева. Предсѣдателемъ коммиссіи его превосходительство г. управлявшій министерствомъ товарищъ министра назначилъ члена особаго отдѣла В. И. Соллертинскаго.

Ознакомившись съ представленными на конкурсъ сочиненіями, коммиссія не признала ни одного изъ нихъ заслуживающимъ преміи, какъ не подходящихъ ни по объему свѣдѣній, ни по характеру изложенія къ курсу вышеозначенныхъ училищъ.

Особый отдѣлъ ученаго комитета, обсудивъ представленные коммиссіей подробные отзывы и заключеніе о разсмотрѣнныхъ ею сочиненіяхъ, опредѣлилъ:

1) признать всѣ три конкурсныя сочиненія по геометріи не заслуживающими премій Императора Петра Великаго,

и 2) въ вознагражденіе трудовъ вышепоименованныхъ предсѣдателя и членовъ особой коммиссіи по разсмотрѣнію конкурсныхъ сочиненій, выдать симъ лицамъ учрежденныя на этотъ предметъ золотыя медали.

Опредѣленіе особаго отдѣла ученаго комитета утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія.

III. *Разборъ сочиненія, удостоеннаго въ 1901 г. малой (въ 500 р.) преміи Императора Петра Великаго.*

Рукопись подъ заглавіемъ: Сочиненіе по грамматикѣ и методикѣ французскаго языка, подъ девизомъ:

Наука.

Этотъ въ ней видитъ богиню, небесную радость; другому
Просто корова она: было бы масло ему.

Шиллеръ.

Это анонимное рукописное сочиненіе состоитъ изъ слѣдующихъ шести частей:

1. Методика и дидактика французскаго языка.
2. Произношеніе и liaison во французскомъ языкѣ.
3. Учебникъ французскаго языка для первоначальнаго курса.

4. Словари къ учебнику: постатейный и алфавитный.

5. Четыре стѣнныя таблицы для упражненія въ произношеніи.

6. Объяснительная записка для гг. рецензентовъ.

Главная часть этого анонимнаго сочиненія есть Методика и дидактика, а остальныя части имѣютъ значеніе лишь аксессуаровъ, служащихъ для примѣненія на практикѣ дидактическихъ положеній и методическихъ указаній въ сложномъ и трудномъ вопросѣ школьнаго преподаванія французскаго языка. Методика эта посвящается анонимнымъ авторомъ „Августѣйшему Покровителю Наукъ, Его Императорскому Высочеству Великому Князю Константину Константиновичу, высокому знатоку языковъ".

Для того, чтобы составить себѣ довольно опредѣленное представленіе о содержаніи анонимной дидактики и методики, достаточно перечислить заголовки предметовъ, о которыхъ въ нихъ трактуется. Послѣ краткаго предисловія, въ которомъ заявляется, что методика и дидактика должны быть въ сущности ничѣмъ инымъ, какъ подробнымъ комментаріемъ къ офиціальнымъ учебнымъ планамъ, примѣрнымъ программамъ и объяснительнымъ къ нимъ запискамъ по предмету французскаго языка, разсматриваются затѣмъ съ полной обстоятельностью слѣдующіе вопросы школьнаго преподаванія названнаго языка: 1) Произношеніе: какого произношенія должно придерживаться—академическаго или обиходнаго разговорнаго? Возможно ли въ нашихъ учебныхъ заведеніяхъ достигнуть нормальнаго произношенія? Способы усвоенія правильнаго произношенія? 2) Курсъ теоріи звукообразованія. 3) Курсъ фонетики. 4) Связныя статьи и фразы. 5) Нормальныя слова. 6) Предварительный курсъ звуковыхъ упражненій. 7) Таблицы для упражненій въ произношеніи. Хоровое упражненіе. 8) Фонетика и транскрипція. 9) Заучиваніе словъ. Спрашиваніе словъ. 10) Грамматика. Составленіе грамматики самими учениками. 11) Распредѣленіе грамматическаго матеріала въ курсахъ реальныхъ училищъ, мужскихъ и женскихъ гимназій. 12) О преподаваніи грамматики въ первоначальномъ курсѣ, въ среднихъ и старшихъ классахъ. 13) Переводъ (устный) съ французскаго языка на русскій. 14) Переводъ съ русскаго языка на французскій въ первоначальномъ курсѣ, въ среднихъ и высшихъ классахъ. Какъ производить эти упражненія, устно или письменно, въ классѣ или дома? 15) Questionnaire. 16) Стихотворенія. Какія стихотворенія должны быть выбраны для заучиванія наизусть? Какъ поступать при заучиваніи стихотвореній. 17) Чтеніе *à livre ouvert* и пользованіе словаремъ. 18) Исторія ли-

тературы. Книги для чтенія. 19) На какомъ языкѣ должно вести преподаваніе, на французскомъ или на русскомъ. 20) Письменныя упражненія въ первоначальномъ курсѣ, въ среднихъ и въ старшихъ классахъ. 21) Диктантъ. 22) Переводъ съ французскаго на русскій (письменно). Нѣкоторыя общія замѣчанія, касающіяся исполненія письменныхъ работъ. 23) Методъ преподаванія. 24) Преподаваніе французскаго языка въ приготовительномъ классѣ. 25) Преподаваніе французскаго языка въ V-мъ и VI-мъ классахъ коммерческаго отдѣленія реальныхъ училищъ. 26) Учебникъ. Учебникъ для первоначальнаго курса. Учебникъ для среднихъ классовъ. 27) Характеръ статей для чтенія въ среднихъ и въ старшихъ классахъ. 28) Phrases à compléter и какографія. 29) О дальнѣйшемъ самообразованіи преподавателя. 30) Литература. Полный перечень книгъ по предмету французскаго языка, напечатанныхъ въ Россіи, и главнѣйшія заграничныя сочиненія, касающіяся методики и дидактики этого предмета.

Къ методикѣ и дидактикѣ приложены въ качествѣ пособій: 1) Весьма подробный трактатъ о произношеніи и *liaison*, какъ справочная книга для учащихъ и учащихся. 2) Учебникъ французскаго языка для первоначальнаго курса, приспособленный къ методикѣ и дидактикѣ того же автора, съ присоединеніемъ двухъ раскрашенныхъ картинъ Hölzel'а въ Вѣнѣ — *Le printemps* и *L'hiver*, собранія фразъ и выраженій, необходимыхъ при веденіи преподаванія въ первоначальномъ курсѣ на французскомъ языкѣ, перечня вопросительныхъ оборотовъ, встрѣчающихся въ учебникѣ, изложенія курса грамматики и приложенія къ ней, заключающаго нѣсколько главнѣйшихъ правилъ, изложенныхъ на французскомъ языкѣ. 3) Постатейный словарь, въ которомъ для каждаго упражненія указаны всѣ вновь встрѣчающіяся слова (на правой страницѣ) и, гдѣ возможно, однокоренныя латинскія и нѣмецкія (на лѣвой страницѣ). 4) Алфавитный словарь, содержащій въ себѣ всѣ слова, встрѣчающіяся въ учебникѣ, съ указаніемъ условными знаками, въ какой части его каждое данное слово употреблено въ первый разъ, въ упражненіяхъ ли, въ таблицахъ ли для произношенія, или же въ предварительномъ курсѣ звуковыхъ упражненій и проч. 5) Четыре стѣнныя таблицы, назначенныя для повторенія изложенныхъ во 2-мъ отдѣлѣ учебника правилъ произношенія и для справокъ и поправокъ при каждой ошибкѣ ученика въ выговорѣ французскихъ звуковъ и словъ. 6) Объяснительная записка для гг. рецензентовъ, содержащая точныя ссылки на

источники и личныя разсужденія автора относительно офиціальныхъ программъ, учебниковъ и проч.; записка эта авторомъ къ напечатанію не предназначается.

Серіозное вникновеніе въ содержаніе и обработку всѣхъ частей этой анонимной рукописи убѣждаетъ, что авторъ ея не только хорошо знакомъ со всею русскою и иностранной литературой, касающеюся преподаванія французскаго языка, но и глубоко продумалъ затрогиваемые имъ вопросы и обладаетъ большою опытностью въ классномъ преподаваніи.

Между появившимися въ Россіи методиками нѣтъ ни одной, которая отличалась бы такою многосторонностью, самостоятельностью и такими здравыми взглядами на преподаваніе французскаго языка въ нашихъ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ.

Хотя, по словамъ автора, его методика является лишь подробнымъ комментаріемъ къ тѣмъ объяснительнымъ запискамъ, которыя приложены къ нынѣ дѣйствующимъ учебнымъ планамъ и программамъ по новымъ языкамъ, тѣмъ не менѣе въ ней заключается множество указаній и намековъ, цѣнныхъ и для опытнаго уже преподавателя.

Видно, что авторъ близко знакомъ со всѣми недочетами образованія и спеціальной подготовленности къ учебному дѣлу большинства преподавателей французскаго языка, и что онъ горячо желаетъ прійти на помощь и имъ и начинающимъ преподавателямъ и преподавательницамъ, какъ иностранцамъ, такъ и русскимъ. Нѣтъ, кажется, ни одного вопроса, на который не было бы обращено имъ должнаго вниманія: возникаетъ ли сомнѣніе въ правильномъ пониманіи требованій офиціальныхъ учебныхъ плановъ или въ цѣлесообразности того или другого практическаго пріема; требуется ли совѣтъ, какъ наиболѣе полезно вести тотъ или другой отдѣлъ обученія; нужны ли библіографическія указанія по учебной литературѣ французскаго языка въ Россіи и за границею; требуются ли справки относительно произношенія того или другого слова и проч., на все преподаватель получаетъ или прямой отвѣтъ или указаніе, гдѣ можетъ найти разрѣшеніе интересующаго его вопроса.

Въ этомъ отношеніи особенно цѣннымъ является „Перечень книгъ по предмету французскаго языка, напечатанныхъ въ Россіи, и главнѣйшихъ заграничныхъ сочиненій, касающихся методики и дидактики этого предмета“.

То же самое слѣдуетъ сказать и объ указателѣ источниковъ, по-

служившихъ основаніемъ при составленіи отдѣла „Произношеніе и *liaison* во французскомъ языкѣ", представляющаго единственное до сихъ поръ на русскомъ языкѣ сочиненіе по этому предмету, и при томъ болѣе полное, чѣмъ всѣ извѣстныя заграничныя подобныя справочныя книги.

Можно, конечно, не согласиться съ авторомъ относительно того или другого рекомендованнаго имъ пріема преподаванія, но нельзя не признать, что всѣ предложенные имъ способы могутъ довести до хорошихъ результатовъ, и что во всякомъ случаѣ они каждаго добросовѣстнаго преподавателя наводятъ на серіозныя размышленія и даютъ ему внушительный толчекъ къ стремленію совершенствоваться въ своемъ трудномъ и мудреномъ дѣлѣ.

Что касается учебника и приложенной къ нему грамматики, то можно сказать, что авторъ весьма удачно справился съ трудно преодолимыми задачами, которыя онъ самъ предъявляетъ къ хорошему учебнику.

Способъ ознакомленія учениковъ съ произношеніемъ авторъ предоставляетъ выбору преподавателя (или посредствомъ таблицъ нормальныхъ словъ, или проходя предварительный курсъ звуковыхъ упражненій, или прямо начиная съ перваго *exercice*). Развитіе *exercices*, методъ ихъ прохожденія и способъ закрѣпленія матеріала въ памяти учащихся указаны въ методикѣ и дидактикѣ—это такъ называемый натуральный (или интуитивный, или американскій) методъ въ его разумномъ примѣненіи къ дѣлу.

Весь учебный матеріалъ руководства расположенъ съ соблюденіемъ постепенности въ переходѣ отъ легкаго къ болѣе трудному. Выборъ словъ для упражненій сдѣланъ примѣнительно къ приложеннымъ къ учебнику картинамъ Hölzel'а, при чемъ описаніе картинъ не доводится до мелочей, а берется лишь то, что понятно всѣмъ дѣтямъ.

Отвлеченныя понятія почти отсутствуютъ. Статейки легко поддаются парафразированію и пересказу съ помощью вопросовъ и безъ нихъ. Принимая въ соображеніе постоянно наблюдаемый фактъ, что умѣніе давать отвѣты на предложенные вопросы интересуетъ дѣтей только въ началѣ, и что ученики очень скоро сами пытаются перейти къ самостоятельному пересказу, авторъ постепенно уменьшаетъ число поставленныхъ послѣ статеекъ вопросовъ, предоставляя конечно самому преподавателю разрабатывать данный въ статейкѣ матеріалъ всевозможными вопросами устно, въ классѣ.

Грамматическій матеріалъ значительно выходитъ изъ рамокъ опре-

дѣленнаго въ офиціальныхъ программахъ для гимназій и реальныхъ училищъ объема, захватывая части курсовъ 3-го и 4-го классовъ, но распредѣленіе правилъ по статейкамъ и ихъ формулировка столь удачны, что весь этотъ матеріалъ несомнѣнно легко можетъ быть усвоенъ и учениками 2-го класса, т. е. въ первомъ году обученія французскому языку.

Слова и обороты, имѣющіе отношеніе къ неизвѣстнымъ еще изъ предыдущихъ *exercices* правиламъ, подчеркнуты, такъ что при напечатаніи ихъ другимъ шрифтомъ должна получиться полная наглядность, выдѣляющая въ текстѣ новые факты, съ которыми учащимся надлежитъ познакомиться.

Громадную пользу окажутъ не только ученикамъ, особенно отсутствовавшимъ нѣкоторое время на урокахъ, но и преподавателямъ главы: „Фразы и выраженія, необходимыя при веденіи преподаванія въ первоначальномъ курсѣ на французскомъ языкѣ", „Перечень вопросительныхъ оборотовъ, встрѣчающихся въ учебникѣ" и „Приложеніе къ грамматикѣ" (правила, которыя автору, по его заявленію, удавалось проходить на французскомъ языкѣ даже при самомъ плохомъ составѣ класса).

Наконецъ, что касается до объяснительной записки для гг. рецензентовъ, не назначенной для печати, то можно высказать желаніе, чтобы авторъ, сдавая свой трудъ въ типографію, прибавилъ къ названіямъ учебниковъ и хрестоматій (въ отдѣлѣ „Литература") указанныя въ самой запискѣ точныя ссылки на годъ и мѣсяцъ *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія*, гдѣ можно найти соотвѣтствующій отзывъ ученаго комитета.

Изъ всего сказаннаго въ объяснительной запискѣ наиболѣе обращаетъ на себя вниманіе по своей важности слѣдующее мѣсто: „Прошу г.г. рецензентовъ", говоритъ авторъ, „не смотрѣть на мой учебникъ какъ на отдѣльную книгу, т. е. годенъ ли онъ для мужскихъ гимназій или нѣтъ; онъ главнымъ образомъ долженъ служить примѣрнымъ руководствомъ для ученицъ послѣдняго класса женскихъ учебныхъ заведеній при прохожденіи моей „Методики и Дидактики" и быть надежнымъ руководствомъ для начинающихъ молодыхъ преподавателей, чтобы они могли наглядно познакомиться съ однимъ изъ лучшихъ методовъ, приспособленныхъ для первоначальнаго курса." Такимъ образомъ самъ составитель опредѣляетъ ту точку зрѣнія, съ которой нужно смотрѣть на его учебникъ, какъ на матеріалъ, фактически иллюстрирующій положенія его дидактики и указанія методики, и

какъ на пособіе для усвоенія преподающимъ персоналомъ предлагаемыхъ пріемовъ преподаванія иностраннаго языка.'

Въ силу всего вышесказаннаго и принимая во вниманіе: 1) самостоятельную разработку и органическую цѣльность всего труда; 2) громадную пользу, которую это сочиненіе можетъ принести, какъ вообще дѣлу преподаванія французскаго языка, такъ и въ особенности самимъ преподающимъ, не только начинающимъ, но и болѣе опытнымъ; 3) образцовую обработку первоначальнаго учебника по натуральному методу, весьма полезному и при теперешней системѣ обученія французскому языку, коммиссія, несмотря на то, что, послѣ предполагаемаго введенія новыхъ учебныхъ плановъ и программъ, многое въ анонимной методикѣ и дидактикѣ окажется излишнимъ или подлежащимъ измѣненію, считаетъ это сочиненіе важнымъ пріобрѣтеніемъ для нашей учебной литературы по французскому языку, какъ пособія необходимаго начинающимъ преподавателямъ для подготовленія къ искусству преподаванія и усовершенствованія въ немъ,—и въ этихъ видахъ нашла рукопись подъ девизомъ „Наука" заслуживающей малой преміи Императора Петра Великаго.

II.

О порядкѣ представленія сочиненій на соисканіе премій Императора Петра Великаго.

Для представленія сочиненій на соисканіе премій Императора Петра Великаго, учрежденныхъ при министерствѣ народнаго просвѣщенія, назначенъ, съ разрѣшенія г. министра, слѣдующій порядокъ:

I. *По разряду гимназій*: на преміи 1902 года—1) группы „русскій языкъ со словесностью и логика" и „нѣмецкій языкъ", съ предпочтительнымъ правомъ на премію за сочиненіе по логикѣ, и 2) „французскій языкъ"; на преміи 1903 года — группа „языки греческій и латинскій", съ преимущественнымъ правомъ на премію за русско-греческій словарь; на преміи 1904 года—группа „исторія и географія, всеобщая и русская".

II. *По разряду реальныхъ училищъ:* на преміи 1902 года—„естественная исторія".

Выборъ метода изложенія учебника по естественной исторіи для реальныхъ училищъ, а также выборъ матеріала и вообще опредѣленіе всего характера учебника, предоставляются составителямъ его; но при этомъ тре-

буется, чтобы учебникъ былъ кратокъ, наученъ и соотвѣтствовалъ программѣ реальныхъ училищъ. Желательно, чтобы объемъ учебника не превышалъ 15 печатныхъ листовъ. Эта краткость легко можетъ быть достигнута, если составитель откинетъ все второстепенное и детальное, имѣющее значеніе лишь фактическаго балласта, въ родѣ, напримѣръ, подробнаго описанія окраски птицъ и т. п., и остановится лишь на фактахъ первостепенныхъ, необходимыхъ для пониманія общей связи излагаемыхъ данныхъ. Точно также составитель можетъ избѣжать повтореній при описаніи внѣшней и внутренней организаціи, если дѣло идетъ объ особенностяхъ, описанныхъ раньше у представителей другого отряда. Научность учебника должна выражаться въ отсутствіи ошибочныхъ или неточныхъ данныхъ, а также и въ томъ, чтобы всѣ данныя стояли на уровнѣ современныхъ научныхъ свѣдѣній. Въ этомъ отношеніи могутъ быть допущены отступленія отъ программы, но лишь по формѣ изложенія, а не по существу. Такъ, напримѣръ, ластоногія могутъ быть помѣщены рядомъ съ хищниками, а не съ китообразными, какъ это дѣлалось ранѣе и какъ это удержано въ программѣ; можетъ быть введенъ въ изложеніе отрядъ сиреновыхъ (sirenia), который включенъ программой въ отрядъ китообразныхъ, чего нельзя сдѣлать при теперешнемъ состояніи науки. Во всѣхъ прочихъ отношеніяхъ ученый комитетъ министерства народнаго просвѣщенія не считаетъ удобнымъ стѣснять составителей какими либо указаніями.

На премін 1904 года—группа „математика, математическая географія и физика".

III. *По разряду начальныхъ народныхъ училищъ и книгъ для народнаго чтенія.* Въ виду того, что отъ конкурса нынѣшняго года остались невыданными обѣ преміи: одна большая (въ 2000 руб.) и одна малая (въ 500 руб.) за учебникъ геометріи для двухклассныхъ и другихъ начальныхъ училищъ, гдѣ преподается этотъ предметъ, конкурсъ для соисканія этихъ премій за вышеозначенный учебникъ продолжается, съ разрѣшенія его высокопревосходительства г. министра народнаго просвѣщенія, на 1 годъ, съ назначеніемъ срока для представленія сихъ сочиненій въ ученый комитетъ 1-го ноября сего года.

Общія условія, коимъ долженъ удовлетворять этотъ учебникъ, слѣдующія:

1. Учебникъ долженъ быть написанъ точнымъ и правильнымъ языкомъ, безъ излишнихъ подробностей, и заключать въ себѣ лишь тотъ учебный матеріалъ, который долженъ быть сообщенъ учащимся.

2. Учебникъ долженъ быть практическимъ, т. е. каждая геометрическая истина должна сопровождаться упражненіями и примѣрами, показывающими примѣненіе этой истины, а иногда и основываться на нихъ. Однако курсъ не долженъ ограничиваться одною наглядною провѣркою сообщаемыхъ истинъ: каждое новое свѣдѣніе должно, по возможности, опираться на предыдущее.

3. Учебникъ долженъ заключать въ себѣ только тѣ геометрическія положенія, безъ которыхъ нельзя обойтись для пониманія измѣренія простѣйшихъ линій, поверхностей и объемовъ, а равно и для пониманія чертежей и плановъ.

На преміи 1903 года назначается „Исторія Россіи для народа". Требованія и примѣрная программа, коимъ должно удовлетворять это сочиненіе, объявлены во всеобщее свѣдѣніе въ *„Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія"* за 1896 годъ, книжка VII-я.

Сочиненія для соисканія премій должны быть представлены въ ученый комитетъ министерства народнаго просвѣщенія въ теченіе года, предшествующаго назначенію премій, не позже 1-го ноября. Учебныя руководства и пособія принимаются, для соисканія премій, какъ печатныя, такъ и рукописныя, но послѣднія будутъ подвергаемы разсмотрѣнію лишь въ томъ случаѣ, если окажутся написанными опрятно и разборчиво. Сочиненія могутъ быть представляемы и безъ обозначенія имени автора, подъ какимъ-либо девизомъ, съ приложеніемъ пакета подъ тѣмъ же девизомъ, гдѣ должны быть обозначены имя и фамилія автора, его званіе и мѣстожительство.

РУССКО-АВСТРІЙСКІЙ СОЮЗЪ ВО ВРЕМЯ СЕМИЛѢТНЕЙ ВОЙНЫ [1]).

По изслѣдованіямъ А. Нодэ ни одинъ прусскій полкъ и ни одинъ батальонъ не былъ ни мобилизованъ, ни готовъ къ походу въ концѣ іюня. Признаками мобилизаціи марбургскій профессоръ считалъ призывъ въ строй уволенныхъ въ отпускъ, двойныхъ сверхкомплектныхъ, обозныхъ, снабженіе офицеровъ и обоза лошадьми, полковъ пушками по двѣ на батальонъ, солдатъ хлѣбомъ на шесть дней и боевыми патронами. Между тѣмъ М. Леманнъ вслѣдствіе неясности своихъ опредѣленій зачислилъ въ „готовые къ войнѣ" (kriegsbereit) не менѣе 49 полковъ, которые только призвали отпускныхъ ради воинскихъ упражненій. Далѣе, по Нодэ, къ концу іюня относятся только „приказы" короля о вооруженіяхъ, но требовалось время на то, чтобы они были исполнены и чтобы слухи о нихъ достигли Вѣны; итакъ, распоряженіе Маріи-Терезіи отъ 6-го іюля о созывѣ „комиссіи по вооруженіямъ" нельзя ставить въ связь съ этими іюньскими мѣропріятіями, а надо объяснять какими-нибудь случайными слухами. Дѣйствительно мобилизованы были пять полковъ (4 полка и одинъ батальонъ гренадеровъ) на помощь фельдмаршалу Левальдту противъ русскихъ, но для исполненія этого приказа отъ 25-го іюня объ образованіи резервнаго корпуса въ Помераніи былъ назначенъ срокъ въ пять сутокъ съ минуты его полученія, и мобилизація закончилась въ сущности въ началѣ іюля [2]); разрѣшено было мобилизовать и полки въ Восточной Пруссіи противъ русскихъ. Три полка въ Вестфаліи получили при-

---

[1]) *Продолженіе.* См. апрѣльскую книжку *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія* за 1901 годъ.

[2]) Publicationen etc., B. 74, S. 57.

казъ мобилизоваться отъ 17-го іюля, но на дѣлѣ ихъ военныя приготовленія завершились лишь къ 25-му августа. Пяти кавалерійскимъ полкамъ Курмарки и Помераніи приказы о мобилизаціи посланы съ 6-го по 20-е августа, силезскимъ войскамъ 12-го августа, всѣмъ остальнымъ въ теченіе того же мѣсяца съ 2-го по 20-е число; при этомъ надо имѣть въ виду, что дѣйствительная мобилизація совершалась дней на 6, на 12 послѣ подписанія указа въ Потсдамѣ. Итакъ, по изслѣдованіямъ А. Нодэ, противъ Австріи не было въ іюнѣ мобилизовано ни одного полка, вооруженія же противъ Россіи надо считать оборонительными. Первый указъ о вооруженіяхъ въ Восточной Пруссіи падаетъ на 21-е іюня [1]): фельдмаршалъ Левальдтъ долженъ былъ прекратить выдачу отпусковъ, расположить роты и эскадроны такъ, чтобы они могли быть стянуты въ одинъ день; пѣхотный полкъ Kalnein, стоявшій обыкновенно дальше отъ русской границы, предписывалось задержать подъ какимъ-либо предлогомъ въ Кенигсбергѣ, такъ что въ концѣ іюня въ этомъ городѣ стояло три полка, а еще два находились даже ближе къ русской границѣ. Въ инструкціи фельдмаршалу Левальдту отъ 23-го іюня предписывается снарядить двойныхъ сверхкомплектныхъ какъ въ пѣхотѣ, такъ и въ кавалеріи [2]); впрочемъ, двойные сверхкомплектные должны быть призваны только тогда, когда уже послѣдуетъ вторженіе непріятеля. Офиціальный приказъ о мобилизаціи, предоставленный на усмотрѣніе и волю фельдмаршала Левальдта, не былъ теперь изданъ, такъ какъ 29-го іюня стало извѣстно, что русскіе пріостановили свое движеніе. Фридрихъ II предполагалъ, что армія Елисаветы раздѣлится на-двое и что часть будетъ двинута изъ Смоленска въ Силезію [3]). Итакъ, прусскія военныя приготовленія въ Силезіи, т. е. увеличеніе числа гарнизонныхъ батальоновъ, постановка палисадовъ въ крѣпостяхъ, созывъ отпускныхъ, были столько же направлены противъ русскихъ, какъ и противъ австрійцевъ. Только ради защиты Восточной Пруссіи созданъ былъ резервный корпусъ подъ командой наслѣднаго принца дармштадтскаго [4]); корпусъ остался въ Помераніи, такъ какъ движеніе русскихъ было

[1]) Его приходится возстановлять по отвѣту Левальдта отъ 28-го іюня (Publicationen, B. 74, S. 65).

[2]) Кавалерійскимъ полкамъ, двинутымъ противъ Саксоніи, приказъ посадить двойныхъ сверхкомплектныхъ на лошадей отданъ только 21-го августа. (Ibidem, S. 106).

[3]) А. Нодэ ссылается на Pol. Corr., B. XII, № 7586.

[4]) Publicationen, B. 74, S. 56.

пріостановлено. Назначенные въ Восточную Пруссію полки должны были двинуться на квартиры полковъ Задней Помераніи, а тѣ въ свою очередь были переведены на мѣста, покинутыя полками дармштадтскаго корпуса. Выборъ полковъ для обороны Восточной Пруссіи былъ сдѣланъ по совѣту генерала Винтерфельдта, но А. Нодэ готовъ допустить, что подобное передвиженіе гарнизоновъ давало возможность скрыть истинныя цѣли мобилизаціи, дабы не встревожить Австрію на случай, если бы дѣло не дошло до войны съ Россіей [1]). Четыремъ полкамъ и батальону гренадеровъ, мобилизованнымъ противъ Россіи, былъ отданъ приказъ быть готовыми къ походу на шестой день, но они не успѣли закончить всѣ приготовленія въ этотъ срокъ, и части отпускныхъ пришлось догонять ихъ въ Помераніи; при окончательной мобилизаціи этихъ полковъ со 2-го августа имъ данъ срокъ въ 10—11 дней. Пять померанскихъ полковъ, которые переводились на квартиры, покинутыя резервнымъ корпусомъ, не были вполнѣ мобилизованы, а должны были только захватить отпускныхъ и двойныхъ сверхкомплектныхъ (безъ орудій, боевыхъ патроновъ, обозныхъ фургоновъ, раздачи шестидневнаго запаса хлѣба солдатамъ на руки); только со 2—21-ое августа посланы приказы о мобилизаціи и этимъ полкамъ. Тремъ полкамъ Вестфаліи въ концѣ іюня отданы приказы призвать въ строй только часть отпускныхъ, а именно людей ненадежныхъ или далеко живущихъ; точно также полкамъ Магдебурга, Гальберштадта, Старой Марки (по Эльбѣ) предписано призвать далеко живущихъ. Но ни въ Силезіи, ни въ Средней (Берлинъ), ни въ Новой Маркѣ (по Одеру) нѣтъ слѣдовъ мобилизаціи, а только созывъ учебныхъ сборовъ. Для мѣропріятій Фридриха II въ іюлѣ мѣсяцѣ можно принять объясненіе профессора Козера, что король хотѣлъ разъяснить положеніе дѣлъ, но въ концѣ іюня надвигались русскіе, и обстоятельства были и безъ того ясны [2]). Оставалось только при-

---

[1]) Однако А. Нодэ подчеркиваетъ, что гренадеры Кальдена очистили квартиры въ Treuenbrietzen'ѣ близъ саксонско-австрійской границы и никѣмъ не были замѣнены.

Изъ померанско-бранденбургскихъ полковъ ближе всего къ цѣли были расположены полки Jeetze, Prinz Moritz, Prinz von Braunschweig, Amstel, Bevern и Darmstadt; изъ нихъ выбраны три, можетъ быть потому, что они скорѣе всего могли быть мобилизованы. Командиръ полка Jeetze былъ больной человѣкъ, вышедшій черезъ нѣсколько недѣль въ отставку; герцога беверискаго и принца Морица, по мнѣнію А. Нодэ, вѣроятно, уже тогда предполагалось поставить во главѣ отрядовъ при вступленіи въ Саксонію.

[2]) А. Нодэ ссылается, какъ и Р. Козеръ, на Pol. Corr. B. XIII, № 7649 отъ

нять мѣры предосторожности. И вотъ приказомъ отъ 21-го іюня полкамъ Восточной Пруссіи запрещено выдавать отпуски офицерамъ. 23-го іюня это распоряженіе повторено для полковъ Померанія, Марокъ, Магдебурга, Вестфаліи; въ тотъ же день отозваны и офицеры изъ Карлсбада. Для Силезіи такихъ приказовъ не могло быть, такъ какъ тамъ не кончились учебные сборы. Вестфальскимъ полкамъ Фридрихъ II прямо писалъ (отъ 21-го іюня), что, судя по обстоятельствамъ, они недѣль черезъ 6—8 могутъ получить приказъ о выступленіи [1]). Немедленныя военныя приготовленія намѣчены только для Восточной Пруссіи [2]); первый приказъ о постановкѣ палисадовъ на мѣста посланъ въ Мемель (отъ 23-го іюня); въ тотъ же день идетъ предписаніе созвать подъ какимъ-либо предлогомъ полкъ ландмилиціи полковника фонъ-Гюльзена въ Восточной Пруссіи, чтобы расположить его въ этой крѣпости. Напротивъ, общія мѣры безопасности принимаются только въ расчетѣ на будущее время [3]). Напри-

4-го іюля 1756 г. Такъ какъ передвиженіе полковъ, предпринятое въ іюнѣ противъ русскихъ, могло осуществиться только къ началу іюля, то король и въ этомъ письмѣ долженъ былъ имѣть въ виду все его же.

[1]) Publicationen, B. 74, S. 51. При военныхъ демонстраціяхъ въ 1749 году мобилизація шла быстрѣе: 6-го и 7-го марта 1749 года отданы были приказы всѣмъ полкамъ Силезіи, Помераніи, Бранденбурга, Старой Марки, Магдебурга, Гальберштадта, Вестфаліи, прирейнскихъ земель быть наготовѣ къ 1—15-му апрѣля или 1-му мая, а 10-го и 11-го марта слѣдуютъ приказы полкамъ Вестфаліи и Рейна идти на Востокъ.

[2]) Гарнизонные полки Sydow и Manteuffel должны быть преобразованы въ полевые полки, на случай войны сформированъ батальонъ Гейдерштэдтъ. (Приказы Левальдту отъ 21-го, 23-го и 25-го іюня. См. Pol. Corr., B. XII, № 7601 и Publicationen, B. 74, S.S. 65, 93).

[3]) Publicationen, B. 74, S.S. 61, 82. Передъ началомъ войны формировались новые батальоны гренадеровъ, а именно по двѣ роты отъ двухъ пѣхотныхъ полковъ соединялись въ одинъ гренадерскій батальонъ. Приказы для ихъ сформированія отданы 13—26-го августа, но М. Леманнъ переноситъ ихъ уже на іюнь 1756 года; между тѣмъ приказы отъ 25-го и 27-го іюня только предувѣдомляютъ, что въ случаѣ похода роты гренадеровъ будутъ сформированы въ батальоны; опять таки не военныя приготовленія, а мѣры предосторожности на будущее время (Publicationen, B. 74, S.S. 58, 105, 109; Pol. Corr., XIII, №№ 7839 и 7857). По Леманну 7 полковъ въ Силезіи получили приказы сдѣлать приготовленія, чтобы по полученіи приказа о походѣ они могли вытребовать изъ кантоновъ по 50—70 лучшихъ молодыхъ рекрутъ. Но и эти приказы даны на случай, если бы пришлось двинуть полки въ походъ. (Напримѣръ, Publicationen, B. 74, S. 49— приказъ „an Generalleutnant von Kyau in Ratibor“ отъ 19-го іюня: сверхъ двойныхъ сверхкомплектныхъ „noch 60 bis 70 der besten jungen Leute“ въ случаѣ

мѣръ, 26-го іюня генералъ Винтерфельдтъ получаетъ порученіе закупить внѣ Пруссіи 5.740 лошадей и доноситъ отъ 18-го іюля, что бо́льшая часть заказа можетъ быть доставлена въ Потсдамъ и Берлинъ въ первыхъ числахъ августа [1]); для трехъ вестфальскихъ полковъ лошади заказываются въ іюлѣ, а главная масса лошадей (10.347) — внутри государства — только въ августѣ [2]). Между тѣмъ Австрія закупаетъ лошадей внѣ своихъ предѣловъ — въ Ганноверѣ, Голштиніи, Мекленбургѣ—уже въ іюнѣ, а въ своихъ предѣлахъ—въ іюлѣ (съ 26-го іюля). Наконецъ, и самъ Фридрихъ II начинаетъ свои вооруженія 19-го іюня заявленіемъ, что онъ принужденъ ради *обороны* своихъ земель принять мѣры безопасности [3]).

Вся политическая и военная дѣятельность короля съ 29 іюня и и до 15 или даже 21 іюля находилась подъ вліяніемъ извѣстія, что русскія войска, шедшія было къ границамъ Пруссіи, отступили. 15 іюля надежда на миръ опять исчезаетъ, но съ этихъ поръ Фридрихъ II ждетъ нападенія уже со стороны Австріи. Донесеніе Сварта о томъ, что русскіе идутъ назадъ, стало извѣстно въ Потсдамѣ 29 іюня, но передвиженіе гарнизоновъ не было отмѣнено, такъ какъ въ началѣ іюля оно могло по крайней мѣрѣ разъяснить королю намѣренія Австріи [4]); резервный корпусъ принца дармштадтскаго былъ только задержанъ въ Помераніи. Зато 4-го іюля король отсрочиваетъ до поры до времени исполненіе своего приказа запасти въ Силезіи фуражъ на 2¹/₂ мѣсяца, посланнаго было министру Шлабрендорфу 26-го іюня. Наконецъ, 12-го іюля Фридрихъ II получилъ донесеніе отъ фм. Левальдта о томъ, что движеніе русскихъ пріостановилось, и приказалъ фельдмаршалу подождать еще до конца мѣсяца, а тамъ распустить войска по квартирамъ. Между тѣмъ съ различныхъ сторонъ 15-го, 16-го и 17-го іюля приходятъ вѣсти, что венгерскія войска двинуты въ Богемію и Моравію. Напримѣръ, 15-го іюля получено извѣстіе черезъ подполковника Пфлуга о томъ, что будто-бы

распоряженія „in Campagne zu marschiren". М. Леманнъ напрасно этотъ приказъ отъ 19-го іюня соединяетъ въ одно мѣропріятіе съ приказомъ отъ 25-го іюня—призвать силезскихъ отпускныхъ, отданнымъ въ виду учебныхъ сборовъ: далеко не всѣ 7 упомянутыхъ полковъ стояли въ Силезіи).

[1]) Publicationen, B. 74, S. 82.

[2]) Pol. Corr., XIII, №№ 7721, 7797, 7835.

[3]) Pol. Corr., B. XII, № 7587. „Bei denen jetzigen höchst critiquen Umständen von Europa... sehe Ich Mich genöthiget, Mich in eine sichere Positur zu Deckung Meiner Lande gegen alle feindliche Anfälle zu setzen" etc.

[4]) Pol. Corr., XIII, № 7649.

не только венгерскіе, но даже и итальянскіе полки получили приказъ идти въ походъ. 17-го іюля слухи о движеніи кавалеріи изъ Венгріи подтвердились; и вотъ, король въ тотъ же день шлетъ тремъ вестфальскимъ полкамъ приказы отчасти мобилизоваться, а 18-го іюля предписываетъ своему посланнику сдѣлать въ Вѣнѣ первый запросъ о цѣли австрійскихъ вооруженій. Его вліятельный совѣтникъ генералъ Винтерфельдтъ былъ противъ этого шага, отсрочивавшаго нападеніе, и желалъ предупредить враговъ лучше сегодня же, нежели завтра [1]).

---

[1]) „So wünschte ich lieber heute als morgen zu präveniren". 18 Juli 1756. (Hist. Zeitschr. B. 64, S. 487). Еще раньше Нодэ на вызовъ М. Леманна отвѣчалъ Рейнгольдъ Козеръ (Historische Zeitschrift, B. 74., 1895, Reinhold Koser, „Zum Ursprung des siebenjährigen Krieges". Ему же принадлежитъ статья „Neue Veröffentlichungen zur Vorgeschichte des siebenjährigen Krieges", Historische Zeitschrift, B. 77, 1896). Геттингенскій профессоръ примѣнялъ къ истолкованію мотивовъ, которыми могъ руководиться Фридрихъ II въ 1756 году, его же собственный отзывъ, что разумный человѣкъ не станетъ затѣвать такой войны, гдѣ ему придется только обороняться, и что начинать враждебныя дѣйствія стоитъ только, имѣя хорошіе виды на завоеванія. (Oeuvres, 28, 124). Историкъ прусскаго короля отвѣчаетъ, что въ 1756 году рѣчь шла не о войнѣ съ планомъ стратегической обороны, а о предупрежденіи наступленія. Итакъ, тутъ былъ на лицо случай, указанный Фридрихомъ II въ „Опроверженіи Маккіавелля": лучше самому начать наступательную войну, нежели ждать времени, когда положеніе станетъ безнадежно и враги своими мѣропріятіями успѣютъ связать тебя по рукамъ и по ногамъ. (Oeuvres, 8, 296). Положеніе дѣлъ передъ началомъ войны не только не внушало надеждъ на завоеванія, но даже внушало королю и его окружающимъ тревогу. (Эйхель Подевильсу отъ 14-го іюля 1756 года: „Es ist aber nicht ohne, dass die jetzigen Aspecten überall die fürchterlichsten und epineusesten seind, worüber Ew. Excellenz Sich des Königs Majestät Beunruhigung gar leichte vorstellen werden". Pol. Corr., XIII, № 7702. Митчелль о разговорѣ съ королемъ 27-го августа: „that even with success he cannot be a gainer by war—that, therefore, both, interest and inclination, lead him to wish for peace, so that he should be glad to hear propositions for peace, even after he had taken the field." Pol. Corr., XIII, № 7930. Эйхель Подевильсу отъ 18-го сентября: „Ueberhaupt haben des Königs Majestät gegen mich declariret, dass da die Kaiserin-Königin Sie schlechterdinges zu dem Kriege forciret hätten—welchen Sie, wenn es auch sonsten Dero Intention jemalen gewesen, Krieg zu haben, gewiss in gegenwärtigen Conjoncturen nicht angefangen haben würden" etc. Pol. Corr., XIII, № 8068). Будучи вынужденъ къ наступленію, Фридрихъ II на случай успѣшнаго исхода войны дѣйствительно намѣчалъ желательныя территоріальныя пріобрѣтенія въ видѣ вознагражденія для себя, но это не противорѣчитъ положенію, что до извѣстія о движеніи русскихъ въ Восточную Пруссію онъ не думалъ еще о завоеваніяхъ. „Послѣ побѣды подъ Прагой король даже подумывалъ о примиреніи съ Австріей и дружномъ натискѣ на французовъ („which however he hardly expected" Митчелль отъ 24-го мая. Pol. Corr., B. XV, № 8967). Предчувствіе грядущей войны, прогля-

Изъ нѣмецкихъ историковъ съ именемъ на сторону М. Леманна

дывающее въ перепискѣ короля за 1749 — 1750 гг., нельзя понимать, какъ рѣшимость самому начать ее въ 1754—1755 году; это только сознаніе, что Марія Терезія рано или поздно сдѣлаетъ попытку вернуть утраченную Силезію. (Въ февралѣ 1753 года Фридрихъ II писалъ принцу прусскому Августу Вильгельму: „Vous croyez donc, mon cher frère, qu'il n'est pas impossible que l'envie de nos ennemis nous suscite une guerre? J'en suis bien aise, cela a toujours été mon opinion. Je ne dis pas que cet évènement est proche, mais je peux assurer positivement qu'il arrivera"). Произвольное толкованіе, которое М. Леманнъ даетъ словамъ короля „le plaisir d'humilier ou, pour mieux dire, d'anéantir la Saxe" (письмо отъ 19-го февраля 1756 г.), Козеръ конечно отвергаетъ; рѣчь идетъ не о завоеваніи Саксоніи въ наступательной войнѣ, а объ уничтоженіи политическаго вліянія курфюршества и графа Брюля мирнымъ путемъ, посредствомъ „росчерка пера", т. е. ратификаціей Вестминстерской конвенціи. Въ наказѣ Мальцану отъ 7-го февраля 1756 года прусскій король съ торжествомъ заявляетъ, что дрезденскому двору не дождаться теперь субсидій ни отъ Англіи, ни отъ Франціи. (Pol. Corr., XI, № 7163 отъ 30-го декабря 1755 года: „quand tous les subsides manqueront à la cour de Dresde, il faudra bien que le manque d'argent devienne plus grand encore et qu'en conséquence on sera obligé... d'adopter le plan de réduction parmi les troupes". Ibidem, XII, № 7251 отъ 7-го февраля 1756 года: „si la cour de Dresde continue de compter sur des subsides, elle se méprendra furieusement, vu qu'après ma convention faite avec les Anglais, ceux-ci ne lui donneront rien en subsides"). Признавая, что вооруженія Фридриха II противъ Россіи начались въ іюнѣ, Р. Козеръ напоминаетъ, что самое наступленіе русскихъ было въ концѣ концовъ вызвано воздѣйствіемъ вѣнскаго двора на императрицу Елисавету. Формулѣ М. Леманна—„два столкнувшіяся наступленія" не достаетъ искренности; въ сущности русско-австрійское наступленіе въ его изложеніи рисуется гипотетичнымъ, сказавшимся въ дипломатическихъ сношеніяхъ, но не подкрѣпленнымъ военными мѣропріятіями; итакъ, налицо остаются только завоевательные замыслы и вооруженія Фридриха II. (В. 77). Военныя силы Австріи король признавалъ внушительными и въ 1748 году считалъ для себя невозможнымъ продержаться противъ нихъ въ Богеміи въ теченіе зимы (Oeuvres, 28, 11), если къ нему на помощь не явится, какъ въ 1742 году, еще армія союзника. Вообще на завоеванія онъ расчитывалъ только въ войнѣ рука объ руку съ Франціей, а не въ союзѣ съ Англіей. Россія въ силу своего географическаго положенія представлялась Фридриху II въ 1746 году неуязвимой, а, благодаря множеству нерегулярнаго войска,—грозящей Пруссіи часто варварскимъ опустошеніемъ (ссылка на Publicationen aus den preussischen Staats Archiven, B. IV, 302); въ 1749 году онъ собирался даже просто очистить Восточную Пруссію передъ наступленіемъ русскихъ и осуществилъ это рѣшеніе въ концѣ 1757 года въ виду трудности обороны на два фронта—противъ Маріи-Терезіи и Елисаветы. По мнѣнію герцога Ниверне, именно эта боязнь русскихъ и побудила короля заключить Вестминстерскую конвенцію (ссылка на Perey, Un petit neveu de Mazarin). Прусскіе запросы въ Вѣнѣ и самое вторженіе въ Саксонію для профессора Козера, какъ и для Л. Ранке, имѣютъ только смыслъ, какъ угрозы, которыя

сталъ берлинскій профессоръ и издатель „Preussische Jahrbücher"—

должны были остановить дипломатическое и военное наступленіе Маріи-Терезіи и ея союзниковъ (14-го декабря 1756 года король писалъ о своихъ врагахъ, главнымъ образомъ о французахъ: „Die Leute seind mir so böse, sie möchten mir zerreissen, allein ich glaube, wann erstlich die Oesterreicher tüchtig auf die Ohren werden gekriegt haben, so werden sich die stolze Wellen legen." Pol. Corr., XIV, № 8438. Въ томъ же духѣ онъ писалъ въ февралѣ 1757 года о шведахъ: „avant qu'ils assemblent des troupes, j'aurai battu mes ennemis, et les autres n'auront pas le coeur de remuer". Ibidem, № 8680). Подобные шаги не разъ удавались Фридриху II: въ августѣ 1745 года онъ воинственнымъ манифестомъ противъ Саксоніи вызвалъ заключеніе Ганноверской конвенціи и посредничество Англіи; военныя демонстраціи весной 1749 года, рѣзкая нота с.-петербургскому двору въ 1750 году, шпандаускій лагерь 1753 года въ свое время разсѣивали или отсрочивали надвигавшуюся на Пруссію грозу.

М. Леманнъ продолжалъ обороняться и противъ Р. Козера, и противъ А. Нодэ (Göttingische gelehrte Anzeigen, 1895 г. B. I. Selbstanzeige и 1896 г. B. I.—рецензія на книгу Нодэ). Геттингенскій профессоръ по прежнему считалъ франко-и русско-австрійское наступательное соглашеніе еще дѣломъ далеко не рѣшеннымъ до вторженія Фридриха II въ Саксонію. (Ссылка на донесеніе графа Штаремберга отъ 20-го августа 1756 г.). Условія, намѣченныя для завоеванія Саксоніи въ Политическомъ Завѣщаніи, расчитаны были, по Леманну, на преемниковъ, а отъ себя самого король могъ ждать бо́льшаго („Sich selber traute er schon etwas mehr zu"). Вообще онъ отказывается считать Политическое Завѣщаніе только мечтой и напираетъ на вошедшую въ него диспозицію для вторженія въ Саксонію; напротивъ, мимолетную мысль короля послѣ побѣды при Прагѣ помириться съ австрійцами, толкуетъ, какъ дипломатическую уловку для успокоенія Англіи. На свидѣтельства Митчелля и даже Эйхеля будто бы нельзя ссылаться; одинъ—посланникъ иностранной державы, отъ которой надо было скрыть завоевательные замыслы; другой—сдержанный секретарь, который знаетъ, о чемъ должно умолчать въ письмѣ къ малодушному министру Подевильсу. Въ виду этого Леманнъ остается при своемъ мнѣніи, что осенью 1756 года Фридрихъ II надѣялся выйти побѣдителемъ изъ затѣянной имъ войны. „Dissimules vos projets"—таково возраженіе геттингенскаго профессора на всѣ документальныя доказательства. („Es liegt im Wesen des Geheimnisses, dass es weniger Spuren in der Ueberlieferung zurücklässt, als die auf Täuschung berechnete Publicität"). Ссылку профессора Козера на прежніе взгляды самого автора новой гипотезы М. Леманнъ устраняетъ заявленіемъ, что съ тѣхъ поръ онъ сдѣлалъ „открытіе" („Es hat eine Zeit gegeben, da Columbus noch nicht Amerika, Newton noch nicht das Gravitationsgesetz, Helmholtz noch nicht das Gesetz von der Erhaltung der Kraft entdeckt hatte. Das ist so die Art der Entdeckungen"). Сопоставленія между старыми обвиненіями противъ Фридриха II и новой гипотезой авторъ ея объявляетъ попыткой провозгласить его еретикомъ и предать суду прусской инквизиціи. („Die Aeusserung Kosers wäre dann am Platze, wenn er der Gross—Inquisitor wäre, der über die Heilighaltung der preussischen Geschichte zu wachen hätte. Zum Glück fehlt es an einem Tribunal, vor dem er plädieren könnte").

Въ новой работѣ Альберта Нодэ М. Леманнъ видитъ только софизмы, замалчиваніе или искаженіе фактовъ. („Diese Schrift... wimmelt von Verschweigungen, Entstellungen und Sophismen... Auch die vorliegende Schrift trägt das Gepräge der Ungerechtigkeit und der Verblendung. Nicht nur für die Staaten, sondern auch für die Einzelnen gilt der Satz, dass sie sich mit den Mitteln, durch die sie emporgekommen sind, auch behaupten").

Становясь на точку зрѣнія, что тайные планы Фридриха II не оставили слѣда въ его перепискѣ, М. Леманнъ и его послѣдователи упускаютъ изъ виду, что сознаніе своей неподготовленности къ войнѣ и желаніе отсрочить ее года на два, ясно выраженныя въ письмахъ и бесѣдахъ короля за 1755—1756 годы, нашло себѣ подтвержденіе въ обстоятельномъ изслѣдованіи прусскихъ финансовъ, числа и расположенія войска, а также и въ секретныхъ источникахъ въ родѣ Политическаго Завѣщанія 1752 года, гдѣ нападеніе Турціи на Россію, а Франціи и Сардиніи на Австрію намѣчены, какъ условія для завоеванія Саксоніи; ни М. Леманнъ, ни Г. Дельбрюкъ не могли конечно доказать, чтобы политическое положеніе въ 1756 году было для Пруссіи благопріятнѣе, нежели исключительныя условія, предположенныя въ Политическомъ Завѣщаніи. Страстный тонъ полемики М. Леманна, его желаніе объяснять взгляды своихъ противниковъ своекорыстными расчетами, бездоказательные приговоры и произвольные отзывы о чужихъ работахъ, граничащіе по рѣзкости съ бранью, были осуждены въ статьяхъ профессора Эриха Маркса. (Beilage zur Allgemeinen Zeitung, 1896 г. №№ 92, 93, 94. April 21—23, „Friedrich der Grosse und der Ausbruch des siebenjährigen Krieges", v. Erich Marcks). По поводу желанія Г. Дельбрюка рѣшить вопросъ дедуктивно изъ своеобразнаго построенія личности Фридриха II, лейпцигскій историкъ замѣчаетъ, что пониманіе общаго дается только правильнымъ истолкованіемъ частностей („Die Gesammtauffassung Friedrichs — wird richtigerweise doch wohl nur vom Einzelnen ausgehen können, wenn sie nicht ganz willkürlich werden will"). Уже первый выпускъ изслѣдованій А. Нодэ разрушилъ въ глазахъ Э. Маркса весь фактическій фундаментъ подъ построеніями М. Леманна („Nach dem ersten Hefte seiner „Beiträge" kann man bereits sagen: der wesentliche Thatsachenunterbau Lehmanns ist falsch"). Пріемы изслѣдованія и полемики, къ которымъ прибѣгъ авторъ новой гипотезы въ своей самозащитѣ въ Gött. G. A., лейпцигскій профессоръ называетъ прямо-таки непозволительными, почти неслыханными. („Diese Vertheidigung und seine ganze Antwort ist noch schlimmer als sein Buch selbst; man muss ihm gegenüber als Fachgenosse und öffentlich aussprechen, was weit über die fachgenössischen Kreise hinaus über Lehmanns Führung dieses Streites von Anfang an oft genug geurtheilt worden ist: sie ist durch und durch unsachlich und tief zu bedauern ...Auch ich betone meinen Glauben an Lehmanns Gutgläubigkeit. Aber ich glaube die Schärfe des Urtheils über seine Quellenbenutzung nicht abstumpfen zu dürfen; sein Verfahren ist unzulässig, es ist beinah unerhört... Dass er in seine These verrannt war und die Dinge nur noch in deren Lichte zu sehen und zu würdigen vermochte" etc.). Густавъ Шмоллеръ въ некрологѣ Альберта Нодэ освѣтилъ личныя отношенія между марбургскимъ профессоромъ и Максомъ Леманномъ. (Forschungen zur Brandenburgischen und Preussischen Geschichte, B. IX, 1897). Гёттингенскій

профессоръ былъ членомъ редакціи „Historische Zeitschrift", когда въ ней печатались статьи Нодэ „Friedrich der Grosse vor dem Ausbruch des siebenjährigen Krieges". Весной 1893 года освободилась каѳедра по новой исторіи въ марбургскомъ университетѣ, вслѣдствіе перехода М. Леманна въ Лейпцигъ. Къ этому времени уходившій профессоръ уже выработалъ себѣ новый взглядъ на происхожденіе Семилѣтней войны и успѣлъ вооружить факультетъ противъ кандидатуры Альберта Нодэ, изображая его статьи прямо-таки тенденціозными. Министерство по почину фонъ-Зибеля намѣревалось основать тогда въ Марбургѣ архивную школу, признало А. Нодэ наиболѣе подходящимъ руководителемъ и назначило его туда ординарнымъ профессоромъ вопреки желанію факультета (въ апрѣлѣ 1893 г.). И лекціи, и семинаріи А. Нодэ имѣли успѣхъ среди слушателей, но ему такъ таки и не удалось установить товарищескихъ отношеній съ членами факультета. При такихъ обстоятельствахъ М. Леманнъ направилъ противъ него свои нападки въ 1894 году въ книжкѣ „Friedrich der Grosse und der Ursprung des siebenjährigen Krieges", а затѣмъ и въ „Göttingische gelehrte Anzeigen" за 1896 годъ. Прежнія дружественныя отношенія между обоими профессорами были окончательно порваны этой полемикой. Лѣтомъ 1896 года А. Нодэ получилъ приглашеніе отъ фрейбургскаго университета въ Брейсгау перейти на каѳедру исторіи и въ виду враждебности товарищей рѣшилъ принять его съ Пасхи 1897 года. Онъ сознавалъ необходимость очистить себя отъ обвиненій М. Леманна—въ поверхностности и беззастѣнчивомъ служеніи политическимъ тенденціямъ прусскаго правительства. Онъ съ крайнимъ напряженіемъ силъ изучалъ въ Вѣнѣ и Берлинѣ архивный матеріалъ за 1755—56 гг. Плодомъ этихъ усилій явились его „Beiträge zur Entstehungsgeschichte des siebenjährigen Krieges", но здоровье изслѣдователя не выдержало, и 17-го декабря 1896 года А. Нодэ скончался отъ переутомленія 38 лѣтъ отъ рожденія. Признавая за блестящими гипотезами въ наукѣ право на существованіе, Г. Шмоллеръ въ данномъ случаѣ дѣлаетъ упрекъ М. Леманну и его послѣдователямъ въ томъ, что они высказали и отстаивали свою догадку безъ достаточнаго фактическаго основанія; только поэтому Альберту Нодэ и удалось новыми архивными изысканіями опровергнуть ихъ и доказать свои прежнія положенія.

Мы не ставили себѣ цѣлью дать библіографическій перечень всѣхъ статей и замѣтокъ, посвященныхъ контроверсу о происхожденіи Семилѣтней войны за пять лѣтъ 1894—1899 гг.; они перечислены въ Jahresberichte der Geschichtswissenschaft за 1894 и слѣд. годы, въ Historisches Jahrbuch, B. XVIII, 1897, въ Mittheilungen aus der historischen Literatur, B. 23, 1895, въ Deutsche Zeitschrift für Geschichtswissenschaft, Neue Folge, 1 Jahrg. 1896—1897. (Prof. Heigel въ статьѣ „Friedrich der Grosse und der Ursprung des Siebenjährigen Krieges" становится на сторону А. Нодэ и Р. Козера) и т. п. изданіяхъ, спеціально посвященныхъ библіографіи. Все явно ненаучное, въ родѣ замѣтки Онно Клоппа (Onno Klopp), мы сознательно оставляли за предѣлами нашего изслѣдованія. Нашей задачей было прослѣдить то широкое русло изслѣдованій, которое привело ко взгляду на вопросъ, ставшему нынѣ господствующимъ и послѣ тщательной повѣрки принятому и нами, правда, въ своеобразной формулировкѣ. Во всѣхъ отрасляхъ человѣческаго знанія есть свои искренніе „сектанты", какъ

Гансъ Дельбрюкъ [1]). Онъ считаетъ немыслимымъ, что Фридрихъ II удовлетворился завоеваніемъ Силезіи и затѣмъ съ 34-го года своей жизни рѣшилъ вести мирную жизнь трудолюбиваго чиновника, посвящая досугъ философіи, поэзіи, музыкѣ. Къ тому же присоединеніе по крайней мѣрѣ сѣверной полосы Саксоніи и всей Западной Пруссіи было вопросомъ жизни и смерти для его государства: польская область отрывала Восточную Пруссію отъ туловища королевства, а граница саксонскаго курфюршества проходила въ шести миляхъ отъ Берлина; Силезія была связана съ Маркой только узкимъ перешейкомъ въ 6—7 миль ширины. Если Фридрихъ II дѣйствительно былъ великимъ государственнымъ человѣкомъ, то онъ не могъ не стремиться къ объединенію Пруссіи, Бранденбурга, Силезіи въ предѣлы новой великой монархіи. Если же ему не хватало рѣшимости завоевателя направлять прусскую политику къ этой единой цѣли черезъ всѣ перемѣны въ международныхъ комбинаціяхъ, въ такомъ случаѣ это какой-то герой — недоносокъ, который въ теченіе семи лѣтъ ослѣплялъ міръ воинской доблестью безъ сознательной политической задачи. Даже если онъ завершеніе своей государственной программы предоставлялъ потомству, то и тогда это не умѣренность, а слабость. Только гипотеза М. Леманна спасаетъ въ глазахъ Г. Дельбрюка славу великаго короля. Фридрихъ II могъ мечтать о завоеваніи Силезіи. такъ какъ онъ не предполагалъ, что Франція приметъ участіе въ войнѣ. Правда, условій для наступленія на Саксонію, намѣченныхъ въ „Политическомъ Завѣщаніи", не было въ 1756 году налицо, но зато образовалось стеченіе обстоятельствъ не менѣе благопріятное въ глазахъ короля, быть можетъ даже болѣе выгодное: Англія была на его сторонѣ, а Франція во всякомъ случаѣ шла еще не противъ него [2]). Наоборотъ,

---

М. Леманнъ и Г. Дельбрюкъ. Ихъ положительные выводы отвергнуты подавляющимъ большинствомъ историковъ, но ихъ отрицательная критика углубила и расширила современную постановку вопроса и принята, по крайней мѣрѣ нами, во вниманіе въ нашей самостоятельной формулировкѣ итоговъ полемики.

[1]) Hans Delbrück, „Der Ursprung des Siebenjährigen Krieges", Preussische Jahrbücher, B. 79., 1895 и „Friedrich der Grosse und der Ursprung des Siebenjährigen Krieges", ibidem, B. 84, 1896.

[2]) Ibid., B. 84, S. 39.: „Unter den Verhältnissen des Jahres 1752, als das Testament niedergeschrieben wurde, waren es wirklich Träumereien. 1756 aber waren die Verhältnisse in einer Weise gewandelt, die selbst Friedrichs Phantasie nicht vorauszuahnen sich vermessen hatte; jetzt konnte das Traumhafte abfallen und das Höchstreale—nämlich das Postulat einer Vergrösserung des preussischen Staatskörpers hervortreten".

какъ мѣра оборонительная, вторженіе въ Саксонію осенью 1756 года не выдерживаетъ критики: королю удалось захватить курфюршество и обезоружить саксонскую армію, но онъ этимъ еще отнюдь не уничтожилъ австрійскихъ силъ и даже скорѣе только помогъ сложиться окончательно наступательному союзу противъ Пруссіи. Слухи объ австрійскихъ вооруженіяхъ дали Фридриху II поводъ для войны, но эти слухи, по Дельбрюку, отчасти нарочно пущены въ ходъ графомъ Кауницемъ, отчасти подтасованы самимъ королемъ, какъ напримѣръ извѣстіе изъ Дрездена отъ 14-го іюля о движеніи всѣхъ войскъ изъ Венгріи въ Богемію и Моравію [1]). Итакъ, по мнѣнію берлинскаго профессора, прусскій король, какъ онъ изображается предшественниками М. Леманна, просто слабонервный сангвиникъ. Напротивъ, Фридрихъ II выростаетъ въ демоническую натуру, если онъ безъ крайней необходимости только ради новыхъ завоеваній самъ началъ наступательную войну. Тогда это—чуждая законности отвага генія: онъ разбиваетъ въ дребезги сопротивляющійся ему міръ, хочетъ создать собственный новый міръ и сокровенными путями идетъ прямо къ своей цѣли [2]). Исходя въ пониманіи политики Фридриха II отъ искусственнаго построенія личности короля, Дельбрюкъ и при истолкованіи его писемъ не дорожитъ буквальнымъ смысломъ; вѣдь демоническій политикъ долженъ былъ тщательно скрывать свои истинные замыслы и даже въ перепискѣ съ братьями и сестрами не подымалъ забрала. Впрочемъ, въ отличіе отъ М. Леманна берлинскій профессоръ призналъ, что даже и безъ вторженія Фридриха II въ Саксонію весной 1757 года послѣдовало бы нападеніе обѣихъ императрицъ на Пруссію. Но при этомъ онъ защищаетъ взглядъ на Вестминстерскую конвенцію, какъ на первый шагъ къ наступленію, подробно развитый его ученикомъ Луквальдтомъ. Если бы прусскій король дорожилъ

---

[1]) А. Ноде (Beiträge, I, S. 96) указываетъ Г. Дельбрюку, что о сознательной подтасовкѣ извѣстій (Fälschung) не можетъ быть рѣчи уже потому, что нѣсколько дней спустя Фридрихъ II самъ взялъ свои слова назадъ. Король 16-го іюля сообщаетъ англійскому посланнику, что по свѣдѣніямъ изъ Дрездена всѣ австрійскія войска изъ Венгріи двинуты въ Моравію и Богемію, а недѣлю спустя пересылаетъ ему свой приказъ по поводу того, что изъ Венгріи нѣтъ вѣстей о какихъ либо другихъ передвиженіяхъ войскъ, кромѣ какъ о походѣ 10 кавалерійскихъ полковъ въ лагерь въ Киттзэ. (Pol. Corr., B. XIII, №№ 7711 и 7743).

[2]) „Der Staatsmann, der mit der gesetzlosen Verwogenheit des Genius die Welt, die sich ihm widersetzen will, in Trümmer schlagend, selber willens eine neue Welt zu schaffen, auf Wegen tiefster Verborgenheit doch gerade auf sein Ziel zuschreitet“. Ibidem., B. 79, S. 276.

сохраненіемъ мира, то ему достаточно было бы поддержать въ Людовикѣ XV желаніе ограничиться одной только морской войной съ Англіей.

Принявъ основныя положенія М. Леманна и Г. Дельбрюка, Фридрихъ Луквальдтъ утверждаетъ, что прусскій король уже въ 1755 году старался возжечь общеевропейскую войну [1]). Такъ, напримѣръ, на предложеніе Франціи—принять участіе въ нападеніи на Ганноверъ—король 6-го мая отвѣчаетъ не рѣшительнымъ отказомъ, а уклончивыми оговорками и совѣтомъ Людовику XV завоевать австрійскіе Нидерланды. По мнѣнію Луквальдта Фридрихъ II желалъ тогда черезъ посредство версальскаго двора заручиться содѣйствіемъ Порты и Даніи, а Францію втянуть въ войну съ Австріей. Въ разгаръ общеевропейской войны онъ могъ бы осуществить политическія мечты своего завѣщанія, т. е. захватить Саксонію; отсюда враждебное отношеніе короля къ попыткамъ французскаго министерства заключить субсидный договоръ съ курфюрстомъ Августомъ [2]). Съ другой стороны въ осторожности версальскаго двора, въ его желаніи ограничиться войной противъ Англіи на морѣ Луквальдтъ безъ достаточнаго основанія видитъ признакъ того, что будто-бы уже лѣтомъ 1755 года Франція считалась съ возможностью измѣнить систему и перейти отъ прусскаго союза къ австрійскому. Въ началѣ ноября въ руки короля попала инструкція герцога Ниверпэ, которая не оправдала его ожиданій: гарантія на обладаніе Остфрисландіей, уступка ненужныхъ ему острововъ Табаго, св. Викентія, св. Луціи — вотъ все, что сулило возобновленіе союза съ Людовикомъ XV. Между тѣмъ 26-го ноября лордъ Гольдернессъ сообщилъ Митчеллю русско-англійскій субсидный договоръ съ его тайною статьей и указывалъ, что война или миръ зависятъ теперь вполнѣ отъ прусскаго короля. Подъ впечатлѣніемъ этого извѣстія Фридрихъ II послалъ 7-го декабря своему повѣренному въ дѣлахъ наказъ начать переговоры съ Англіей о нейтралитетѣ. Луквальдтъ настаиваетъ на томъ, что Вестминстерская конвенція должна быть истолкована изъ международнаго положенія въ началѣ декабря, а отнюдь не въ половинѣ января 1756 года, когда она была окончательно подписана. Между тѣмъ въ началѣ декабря Пруссія

[1]) Friedrich Luckwaldt, „Die Westminsterkonvention“, Preussische Jahrbücher, B. 80, 1895.

[2]) Ibidem, S. 239. „Nicht Erhaltung des Weltfriedens also, sondern Heraufführung eines aussichtsvollen Krieges gegen Oesterreich und Sachsen, war um diese Zeit der leitende Gesichtspunkt der preussischen Politik“.

еще не грозила опасность: вѣсти о новыхъ воинственныхъ постановленіяхъ русской придворной конференціи пришли только въ половинѣ декабря, а субсидная конвенція между Англіей и Россіей, по мнѣнію автора, будто бы не внушала опасеній Фридриху II [1]). Ученикъ Дельбрюка придаетъ здѣсь слишкомъ много значенія оппозиціи въ англійскомъ парламентѣ и забываетъ, съ какимъ вниманіемъ слѣдилъ прусскій король за переговорами о субсидной конвенціи въ С.-Петербургѣ, начатыми лондонскимъ дворомъ исключительно изъ страха передъ нимъ. Итакъ, по словамъ Луквальдта нападенія со стороны Англіи и Россіи король не ждалъ. Австрія, отдѣлившись отъ Георга II, тоже не могла перейти въ наступленіе безъ англійскихъ субсидій. Франція рѣшилась избѣгать войны на материкѣ. Фридрихъ II дѣйствительно стоялъ, какъ выражался Гольдернессъ, съ мечомъ въ одной рукѣ и оливковой вѣтвью въ другой. Какъ жалко было уединенное положеніе Саксоніи, главной жертвы, давно намѣченной прусскимъ королемъ! Неужели при такихъ благопріятныхъ обстоятельствахъ онъ отказался отъ осуществленія своей завѣтной цѣли? Однако самъ Луквальдтъ допускаетъ, что Фридрихъ II расчитывалъ перейти въ наступленіе можетъ быть только въ 1757 году, и этимъ обезсиливаетъ всю цѣпь своихъ доводовъ [2]). Своего же положенія, что въ 1756 году прусскій король поспѣшилъ начать войну не для того, чтобы предупредить неотвратимое наступленіе союзниковъ, а только потому, что Австрія и Россія подали ему желанный поводъ, ученикъ Дельбрюка не доказалъ. Подобно своему учителю, Луквальдтъ исходитъ отъ предвзятой мысли, что „Политическая переписка Фридриха II“ не можетъ служить источникомъ и что дѣйствительныя цѣли короля надо вычитывать между строкъ [3]).

---

[1]) „Beginnen wir mit Russland und England. Der Subsidienvertrag zwischen beiden war perfekt geworden... aber er hatte in Friedrichs Augen entfernt den bedrohlichen Charakter nicht, den Koser und Naudé ihm beilegen. Die Berichte Michells liessen erkennen, dass die Wogen der Opposition gegen ihn sehr hoch gingen“.

[2]) Ibidem, S. 267. „Sehr möglich, dass er ursprünglich noch 1756 ruhig bleiben wollte, um 1757 mit umso gesammelterer Kraft loszuschlagen; losschlagen aber wollte er, und wenn er es schliesslich doch schon in 1756 that, so lag der Grund darin, dass die Nachrichten vom Marsch der Russen und von österreichischen Zettelungen und angeblichen Rüstungen ihm einen Vorwand boten, wie er vielleicht nicht wieder so gut und scheinbar zu finden war“.

[3]) Ibidem, S. 234. „So führt uns schon die genaue Prüfung der Lage auf die

Противъ толкованій Луквальдта направлена статья Георга Кюнцеля о Вестминстерской конвенціи [1]). Авторъ предлагаетъ такую повѣрку для оцѣнки конвенціи: если Фридрихъ II заключилъ ее ради сохраненія мира, то его дальнѣйшая политика въ 1756 году должна тоже носить миролюбивый характеръ; напротивъ, если онъ желалъ только уединить Австрію, чтобы начать противъ нея наступательную войну, тогда и нападеніе на Саксонію значитъ было добровольнымъ, а не вынужденной самообороной. Разсказъ аббата Берни въ его мемуарахъ, будто бы Книпгаузенъ отъ имени короля предлагалъ, что Пруссія двинетъ 140.000 армію въ Богемію, если французы согласны вторгнуться въ Бельгію, надо отвергнуть, такъ какъ въ перепискѣ между Фридрихомъ II и его посланникомъ въ Парижѣ объ этомъ нѣтъ ни слова. Въ противоположность Луквальдту, Кюнцель, Вагнеръ, герцогъ Брольи считаютъ мемуары Берни вообще источникомъ ненадежнымъ. Желаніе Фридриха II склонить Людовика XV къ нападенію на Бельгію или Ганноверъ не противорѣчитъ мнѣнію Козера, Нодэ, Кюнцеля, что король стремился Вестминстерской конвенціей сохранить миръ для Пруссіи и притомъ только для нея, а не для Германіи вообще, того менѣе для всего материка. Эта цѣль — миръ для Пруссіи—оставалась неизмѣнной, но средства для ея достиженія могли быть различны, такъ, напримѣръ: 1) сначала Фридрихъ II пытался увлечь Францію къ нападенію на Ганноверъ, 2) потомъ думалъ выступить посредникомъ между Англіей и Франціей и 3) наконецъ согласился гарантировать нейтралитетъ Ганноверу. Предлагая французамъ вторгнуться въ Ганноверъ, прусскій король расчитывалъ внушить Георгу II боязнь за свои нѣмецкія владѣнія и расположить его къ полюбовной сдѣлкѣ съ версальскимъ дворомъ; кромѣ того, для Фридриха II важно было предупредить нападеніе англичанъ на материковыя владѣнія Людовика XV, чтобы не посылать ему помощи въ силу оборонительнаго договора. Когда версальскій дворъ согласился на вторженіе въ Ганноверъ и требовалъ участія въ немъ Пруссіи, тогда король (въ отвѣтѣ отъ 6-го мая) не отказался, правда, наотрѣзъ, но указалъ на затруднительность своего положенія: ему угрожаютъ Австрія, Россія, Саксонія; если ему обезпечатъ помощь Турціи и Даніи, только тогда онъ приметъ участіе въ предпріятіи противъ

Vermuthung, dass Kosers Auffassung, wenn sie auch den Wortlaut der Politischen Korrespondenz für sich hat, doch thatsächlich nicht zutrifft".

[1]) Georg Küntzel, „Die Westminsterkonvention", Forschungen zur Brandenburgischen und Preussischen Geschichte, B. IX, 1897.

Ганновера; пусть, однако, французы направятъ свои усилія на завоеваніе Фландріи. Итакъ, отвѣтъ 6-го мая не былъ замаскированнымъ согласіемъ, какъ думаетъ Луквальдтъ, а отказомъ и попыткой толкнуть французовъ въ австрійскіе Нидерланды, чтобы самому остаться внѣ военныхъ дѣйствій. И позднѣе [1]) Фридрихъ II совѣтуетъ версальскому двору заручиться для нападенія на Ганноверъ содѣйствіемъ Даніи, признавая себя неспособнымъ подать помощь Людовику XV, пока ему угрожаютъ Россія и Австрія. Не найдя въ Версалѣ почвы для своихъ совѣтовъ, король обращается къ другому средству сохранить нейтралитетъ для Пруссіи, а именно—выступить посредникомъ между Англіей и Франціей, завязать переговоры съ Георгомъ II, не обрывая своихъ сношеній съ Людовикомъ XV. 1-го сентября король выразилъ готовность сблизиться съ лондонскимъ дворомъ, а 13-го сентября поспѣшилъ намекнуть въ Версалѣ, что англичане сдѣлали ему своеобразное сообщеніе. Въ отвѣтѣ лондонскому правительству [2]) Фридрихъ II какъ бы предлагалъ свое посредничество; въ то же время онъ заявлялъ, что вступленіе русскаго войска въ Германію толкнетъ его на войну [3]). Наконецъ, когда Гольдернессъ сообщилъ Мишеллю копію съ субсидіаго договора съ Россіей [4]), король рѣшился вырвать жало у этой сдѣлки, направленной противъ Пруссіи, и 7-го декабря далъ согласіе на англійскія предложенія. Луквальдтъ утверждаетъ, что въ этотъ день королю не было еще основанія бояться русскихъ и что поэтому толчкомъ для сближенія съ Англіей было желаніе уединить Австрію и разгромить ее. Кюнцель опровергаетъ этотъ взглядъ указаніемъ на то, что, судя по Политическому Завѣщанію 1752 года, Фридрихъ II признавалъ завоеванія возможными только въ союзѣ съ Франціей, а отнюдь не съ Англіей. Къ тому же нападеніе на Марію-Терезію, вѣроятно, положило бы тогда конецъ сближенію между Берлиномъ и Лондономъ. Вестминстерская конвенція, по Кюнцелю, отнюдь не означала перемѣны системы, такъ какъ еще 30-го декабря прусскій король повторилъ свой совѣтъ версальскому двору—овладѣть Фландріей [5]). Если бы онъ уклонился отъ предложенія Георга II гарантировать Ганноверу нейтралитетъ, то этимъ возбудилъ бы недовѣріе къ своимъ намѣре-

---

[1]) 29-го іюля, 9-го августа.

[2]) Отъ 13-го октября, Pol. Corr., B. XI, № 7025.

[3]) Pol. Corr., B. XI, № 7027.

[4]) Дон. отъ 28-го ноября, ibidem, № 7119.

[5]) Ibidem, № 7165. Совѣтъ дается здѣсь косвенно.

ніямъ; послѣдствіемъ было бы болѣе тѣсное сближеніе между Англіей и Россіей. Напротивъ, если бы Фридрихъ II еще до заключенія Вестминстерской конвенціи изложилъ версальскому двору свои побужденія, то, можетъ быть, Франція даже одобрила бы этотъ шагъ и всю политическую систему прусскаго короля.

Ученикъ М. Леманна Фердинандъ Вагнеръ тоже сдѣлалъ попытку подтвердить гипотезу своего учителя, а именно разборомъ отношеній между Фридрихомъ II и версальскимъ дворомъ [1]). Авторъ слѣдуетъ пріему М. Леманна—не вѣрить показаніямъ „Политической переписки". Напримѣръ, по его словамъ король самъ не вѣрилъ тѣмъ цифрамъ, которыя онъ приводилъ при исчисленіи армій своихъ союзниковъ и враговъ. Итакъ, Вагнеръ не можетъ объяснить Вестминстерскую конвенцію страхомъ передъ русскими и ищетъ другого истолкованія. Еще во второй половинѣ 1752 года Фридрихъ II черезъ посредство Франціи думалъ побудить Турцію къ войнѣ противъ Маріи Терезіи или Елисаветы; но французское правительство боялось тогда, что въ случаѣ неудачи войны въ Константинополѣ усилится вліяніе Англіи [2]). Осенью 1753 года король опять пытается убѣдить версальскій дворъ—наступленіемъ предупредить воинственные замыслы враговъ, но французское министерство считало настроеніе въ Англіи миролюбивымъ и не поддалось внушеніямъ прусскаго посланника [3]). Всѣ эти попытки возжечь войну въ Европѣ Вагнеръ объясняетъ желаніемъ Фридриха II подъ шумокъ захватить Саксонію; этотъ расчетъ не могъ осуществиться вслѣдствіе миролюбія Людовика XV. Столкновеніе между французами и англичанами въ Америкѣ снова оживило надежды короля. И вотъ въ апрѣлѣ 1755 года онъ даетъ посланнику La Touche въ Берлинѣ и министру Рульэ въ Парижѣ совѣтъ тотчасъ послѣ объявленія войны вторгнуться въ Ганноверъ [4]). Но версальскій дворъ расчитывалъ втянуть въ это предпріятіе самого прусскаго короля, а потому Фридрихъ II мѣняетъ свой взглядъ и старается въ маѣ направить вни-

[1]) F. Wagner, Friedrichs des Grossen Beziehungen zu Frankreich und der Beginn des siebenjährigen Krieges, Hamburg, 1896.

[2]) Вагнеръ имѣетъ въ виду Pol. Corr., B. IX, №№ 5624 и 5702, 5708 и 5757.

[3]) Pol. Corr., B. X, №№ 6093 и 6137.

[4]) Вестминстерскій договоръ отъ 18-го—29-го ноября 1742 года не обязывалъ Фридриха II посылать Георгу II помощь на защиту Ганновера. (Pol. Corr. B. II, №№ 994, 1010, 1023, 1118). Въ началѣ 1746 года прусскій король отказался помогать англійскому правительству противъ претендента изъ династіи Стюартовъ и оправдывалъ себя тѣмъ, что Англія не вполнѣ исполняла условія Ганноверской конвенціи. (Pol. Corr., B. V, № 2136 отъ 19-го января 1746 года).

маніе французовъ на австрійскіе Нидерланды, а противъ Ганновера совѣтуетъ имъ искать помощи у Даніи; для него важно было связать нѣсколько европейскихъ державъ войной, а самому сохранить свободу дѣйствія. По мнѣнію Вагнера желаніе версальскаго двора заключить субсидную конвенцію съ Саксоніей отдалило Фридриха II отъ Франціи; 30-го августа Книпгаузену данъ наказъ, во что бы то ни стало помѣшать договору. Еще 23-го іюля Рульэ сообщилъ прусскому посланнику о томъ, что Ла Тушъ будетъ отозванъ, а его мѣсто со временемъ займетъ Валори, пока же съ чрезвычайными полномочіями будетъ присланъ герцогъ Ниверпэ; однако инструкція для герцога была подписана только лишь 12-го ноября [1]). На свой запросъ (отъ 11-го декабря 1755 г.), высказался ли совѣтъ короля за морскую или сухопутную войну, Ниверпэ получилъ отъ французскаго министра не вполнѣ опредѣленный отвѣтъ (15-го декабря), что Людовикъ XV знаетъ одного только врага — Англію и желалъ бы по возможности избѣжать войны въ Европѣ, но, смотря по обстоятельствамъ, готовъ мстить Георгу II на морѣ, въ Ганноверѣ, даже высадкой въ самой Великобританіи [2]). Убѣдившись изъ инструкціи герцогу Ниверпэ, что Пруссіи нечего ни ждать, ни опасаться отъ версальскаго двора, Фридрихъ II далъ 7-го декабря свое согласіе на договоръ съ Англіей о нейтралитетѣ. Цѣлью Вестминстерской конвенціи было — отдалить отъ Австріи единственную державу, способную дать деньги на веденіе войны и Маріи-Терезіи, и Елисаветѣ. Но прусскій король не желалъ открытаго разрыва съ Франціей и подчеркивалъ, что рѣчь идетъ не о союзѣ съ Георгомъ II, а только о конвенціи и что онъ даже готовъ возобновить оборонительный трактатъ съ версальскимъ дворомъ отъ 1741 года. Книпгаузенъ, узнавъ о намѣреніи короля войти въ сдѣлку съ Георгомъ II, совѣтовалъ сообщить все дѣло предварительно французскому министерству и ручался, что Людовикъ XV, рѣшившійся не трогать Германіи и сосредоточить всѣ силы на высадкѣ въ Англія, дастъ свое согласіе на конвенцію о нейтралитетѣ; напротивъ, всякія

[1]) Вагнеръ въ прусскомъ государственномъ архивѣ воспользовался донесеніемъ Книпгаузена отъ 24-го іюля 1755 года, только отчасти напечатаннымъ въ Pol. Corr., XI, № 6918. Въ инструкціи для герцога Ниверпэ въ парижскомъ архивѣ авторъ отмѣчаетъ пунктъ, не упомянутый прусскимъ посланникомъ въ донесеніи отъ 24-го октября 1755 г. (Pol. Corr., XI, № 7073), а именно, что французскія войска должны были вступить въ Нидерланды, какъ только русскіе черезъ Польшу двинутся въ Германію или англичане овладѣютъ Остендэ.

[2]) Вагнеръ слѣдуетъ здѣсь Perey, Un petit neveu de Mazarin.

тайныя сношенія съ Лондономъ подорвутъ въ Парижѣ довѣріе къ Фридриху II [1]). Вагнеръ подчеркиваетъ, что прусскій король тѣмъ не менѣе поспѣшилъ заключить Вестминстерскій договоръ, не предувѣдомляя своего союзника по ту сторону Рейна, и въ отличіе отъ англійскаго проекта выключилъ австрійскіе Нидерланды изъ подъ дѣйствія нейтралитета. Для автора остается внѣ сомнѣній тайная цѣль короля—втянуть Людовика XV вопреки желанію въ войну съ Маріей-Терезіей. Между тѣмъ герцогъ Ниверпэ 22-го декабря покинулъ Парижъ и 12-го января достигъ Берлина. По Вагнеру, на первыхъ аудіенціяхъ (14-го, 17-го и 20-го января) Фридрихъ II старался внушить герцогу мысль, что только страхъ передъ появленіемъ русскихъ въ Германіи побудилъ его согласиться на вестминстерскую сдѣлку. Король сожалѣлъ, что Франція въ минувшемъ году упустила случай овладѣть Ганноверомъ, и указывалъ на австрійскіе Нидерланды, какъ на возможный эквивалентъ за Канаду. И Ниверпэ, какъ раньше Книпгаузенъ, а позднѣе Рульэ, завѣрялъ, что государь охотно отказался бы отъ вторженія въ Ганноверъ и далъ бы согласіе на конвенцію, если бы Фридрихъ II разъяснилъ ему предварительно необходимость этого шага; онъ доказывалъ ему преимущества для Пруссіи союза съ Франціей и надѣялся, что убѣдилъ его отказаться отъ сближенія съ Англіей. Но 25-го января прибылъ изъ Лондона курьеръ съ договоромъ, подписаннымъ 16-го числа Митчелломъ; 27-го января Фридрихъ II сообщилъ о немъ герцогу Ниверпэ. Французскій уполномоченный съ огорченіемъ узналъ теперь, что прусскій король далъ ходъ всему дѣлу еще въ декабрѣ, когда уже зналъ о предстоявшемъ отъѣздѣ герцога изъ Парижа. Впрочемъ, 5-го февраля, послѣ обсужденія извѣстія о Вестминстерской конвенціи [2]), французское министерство послало еще наказъ Ниверпэ возобновить оборонительный союзъ 1741 года, если прусскій король откровенно сообщитъ всѣ статьи вновь заключенной сдѣлки о нейтралитетѣ.

---

[1]) Pol. Corr., B. XII, №№ 7171 и 7236 (отъ 21-го января Книпгаузенъ пишетъ королю: je crois qu'il est de l'intérêt de V. M. de ne point sacrifier un allié aussi puissant à des avantages momentanés, et par la même raison je prends la liberté de Lui conseiller de ne point conclure Sa négociation avec l'Angleterre à l'insu de la France, mais de travailler à disposer cette dernière à donner son consentement à la neutralité de l'Allemagne. Je suis persuadé qu'il ne serait rien moins qu'impossible de l'obtenir).

[2]) Книпгаузенъ 20-го и 27-го января предупредилъ Рульэ о переговорахъ Фридриха II съ лондонскимъ дворомъ. Pol. Corr., B. XII, №№ 7236 и 7258.

Однако, когда копія съ вестминстерскаго трактата. врученная герцогу 29-го января, получена была въ Парижѣ, то недовольство версальскаго двора стало рости. 12-го февраля Рульэ затребовалъ отъ герцога болѣе подробныхъ разъясненій относительно новаго договора, разрѣшалъ ему остаться въ Берлинѣ до пріѣзда Валори, но предупредилъ, что отзывныя грамоты на всякій случай все-таки будутъ высланы ему. Желая разсѣять подозрительность французскаго министерства, Фридрихъ II 22-го февраля показалъ герцогу Ниверпэ и самый оригиналъ конвенціи, ратификованный въ Лондонѣ 13-го числа. Ниверпэ получилъ копіи и съ прежнихъ договоровъ между прусскимъ и англійскимъ королями, за исключеніемъ тайной статьи 1742 года, изъявшей Гибралтаръ и Минорку изъ подъ гарантіи Фридриха II [1]). Однако все-таки 18-го марта Рульэ послалъ герцогу наказъ (въ отвѣтъ на донесеніе отъ 27-го февраля) не возобновлять оборонительнаго договора и вернуться въ Парижъ. И вотъ 9-го апрѣля, послѣ пріѣзда Валори, герцогъ Ниверпэ простился съ королемъ въ Потсдамѣ. Но Фридрихъ II не вѣрилъ. чтобы въ случаѣ войны Людовикъ XV подалъ помощь Австріи [2]); съ другой стороны онъ не ждалъ нападенія Маріи-Терезіи, пока она не увѣрена въ поддержкѣ Россіи [3]). О замыслахъ прусскаго короля послѣ заключенія Версальскаго договора отъ 1-го мая Вагнеръ думаетъ, что въ виду его скрытности ихъ никогда не удастся узнать [4]). Авторъ настаиваетъ на томъ, что и до, и даже послѣ занятія Саксоніи Фридрихъ II не считался съ возможностью дѣятельнаго участія Франціи въ войнѣ противъ него; основываясь на такомъ неправильномъ расчетѣ, король будто бы рѣшился овладѣть курфюршествомъ, какъ только русскія вооруженія дали ему желанное основаніе для принятія въ свою очередь мѣръ безопасности. Если бы Фридрихъ II могъ предвидѣть направленіе, которое приметъ версальская политика послѣ вторженія пруссаковъ въ Саксонію, то, по мнѣнію Вагнера, онъ не началъ бы войны осенью 1756 года и отложилъ бы до болѣе благопріятнаго времени завоеваніе, необходимое для укрѣпленія его государства [5]).

---

1) Pol. Corr., B. XII, №№ 7260, 7293.

2) Pol. Corr., B. XII, № 7582.

3) Ibidem, № 7349.

4) „Bei der Kunst Friedrichs, seine wirkliche Meinung in sich selbst zu verschliessen, wird man nie erfahren, was in seinem Innern in dieser Zeit vorgegangen ist".

5) „Friedrichs Politik vor und nach der Besetzung Sachsens beruhte auf der

Мы думаемъ, что автору слѣдовало сдѣлать еще шагъ дальше въ его уступкахъ изъ гипотезы М. Леманна и признать, что и нейтралитета Франціи было бы въ глазахъ прусскаго короля недостаточно для завоеванія Саксоніи. Политическое Завѣщаніе предполагало еще одно необходимое условіе, а именно, чтобы Австрія была занята войной съ Франціей и Сардиніей, а Россія подверглась нападенію Турціи. Вагнеръ выражается уже осторожнѣе своего учителя и признаетъ, что вооруженія Елисаветы подали Фридриху II не поводъ (Vorwand), а основаніе (Grund) для наступленія. Однако, собственное сознаніе прусскаго короля и данныя вѣнскаго архива о русско-австрійскомъ соглашеніи—напасть на Пруссію въ 1757 году даютъ намъ право формулировать замыслы Фридриха II нѣсколько иначе; даже будучи вполнѣ увѣренъ въ томъ, что Франція не вмѣшается въ войну на материкѣ, прусскій король осенью 1756 года не рѣшился бы добровольно начать наступленія, пока руки у Маріи-Терезіи и Елисаветы были развязаны; онъ отложилъ бы завоеваніе Саксоніи до тѣхъ поръ, пока финансы и военныя силы его государства не возрастутъ по крайней мѣрѣ до размѣровъ, намѣченныхъ въ „Политическомъ Завѣщаніи" 1752 года, или пока въ Турціи не воцарится воинственный султанъ. Итакъ, онъ самъ началъ войну уже въ 1756 году только подъ давленіемъ необходимости. Наступательное соглашеніе между Вѣной и С.-Петербургомъ не только дало ему поводъ, основаніе и право, но прямо-таки принудило его предупредить своихъ противниковъ. Фридрихъ II долженъ былъ начать неожиданнымъ захватомъ Саксоніи не потому, чтобы рѣшился окончательно присоединить ее къ Пруссіи, а чтобы обезпечить себѣ тылъ во время кампаніи противъ австрійцевъ и заручаться компенсаціей на случай, если бы ему пришлось временно очистить Восточную Пруссію и Верхнюю Силезію.

Тѣ же взгляды, но въ болѣе оригинальной формулировкѣ и съ болѣе тонкими пріемами доказательства Фердинандъ Вагнеръ повторилъ въ статьѣ „Европейскія державы въ оцѣнкѣ Фридриха Великаго 1746—57" [1]). Авторъ исходитъ отъ словъ самого короля въ „Apologie de ma conduite politique", написанныхъ въ августѣ 1757

festen Voraussetzung, dass Frankreich entweder gar nicht, oder nur mit halber Kraft an einem deutschen Kriege sich beteiligen könne".

[1]) F. Wagner, „Die europäischen Mächte in der Beurtheilung Friedrichs des Grossen 1746—57", Mittheilungen des Instituts für Oesterreichische Geschichtsforschung, B. XX, 1899.

года послѣ пораженія при Колинѣ, а именно, будто бы онъ не ждалъ, что Франція пришлетъ Маріи-Терезіи помощь свыше размѣра, установленнаго Версальскимъ договоромъ, какъ не ждалъ и того. что Россія приметъ дѣятельное участіе въ войнѣ. По отношенію къ Россіи король послѣ Ахенскаго мира держался правила не трогать медвѣдя въ берлогѣ и не показывать ему вида, что въ немъ нуждаются или что его боятся [1]). Такъ въ 1746 году онъ отвергъ предложеніе своего посла Мардефельда—предупредить завоевательные планы Россіи нападеніемъ на Ригу, а три года спустя уклонился отъ плана, навязаннаго было ему Франціей,—ради поддержки для Швеціи занять Курляндію или Лифляндію [2]). Къ тому же въ 1746 году Фридрихъ II считалъ себя еще недостаточно сильнымъ для того, чтобы спокойно ждать русскаго нападенія [3]). Даже въ 1749 г., ожидая вторженія русскихъ, король думалъ добровольно очистить Восточную Пруссію, но передъ Семилѣтней войной, когда его боевыя силы возросли, онъ поручилъ оборону этой области фм. Левальдту съ отрядомъ въ 36 тысячъ человѣкъ. Въ памятной запискѣ отъ 12-го апрѣля 1750 года король исчислялъ русское войско на финляндской границѣ въ 22—24 тысячи человѣкъ, а главную армію, готовую вторгнуться въ Восточную Пруссію,—въ 40 тысячъ. Недостаточно высоко цѣнилъ Фридрихъ II и финансовыя силы Англіи. Онъ высчитывалъ, что будто бы она не въ состояніи выдержать болѣе четырехъ кампаній, каждую стоимостью отъ 20—24 милліоновъ талеровъ, такъ какъ государственный долгъ ей можно увеличить еще только на 20 милліоновъ фунтовъ стерлинговъ. Мишель въ августѣ 1755 г. опровергъ эти выкладки и указалъ, что государственный долгъ съ Ахенскаго мира понизился, а народное богатство въ короткое время возросло настолько, что Англія можетъ опять вынести даже бо́льшія тягости, нежели въ предыдущую войну [4]). Вагнеръ думаетъ, что подобныя донесенія Мишеля измѣнили взгляды короля и побудили его сблизиться съ Георгомъ II. Напротивъ, все Завѣщаніе 1752 года написано еще подъ впечатлѣніемъ, какъ будто бы послѣ Ахенскаго мира политическое значеніе Англіи надолго ослабѣло. Основная мысль завѣщанія не нова; уже въ 1744 году Фридрихъ II началъ войну съ цѣлью завоевать Богемію для Карла Альберта и вознаградить себя округами Кёниггрэца, Бунцлау, Лейт-

[1]) Pol. Corr., B. V, № 2139.
[2]) Pol. Corr., B. VI, № 3633.
[3]) Pol. Corr., B. V, №№ 2247 и 2250.
[4]) Pol. Corr., B. XI, №№ 6905 и 6953.

мерица. Около времени происхожденія Политическаго Завѣщанія въ Потсдамѣ получены были вѣсти о предстоящей перемѣнѣ на константинопольскомъ престолѣ, и это оживило въ прусскомъ королѣ надежды на вмѣшательство Порты въ европейскія дѣла. Такъ возникло первое условіе для наступательной политики Пруссіи противъ курфюршества саксонскаго — Солиманъ на тронѣ въ Константинополѣ [1]). Второе условіе—правленіе малолѣтка въ Англіи тоже связано съ событіями, современными Завѣщанію: 31-го марта 1751 года умеръ принцъ Уэльскій; его сыну. будущему наслѣднику, шелъ тринадцатый годъ, а здоровье короля Георга II не отличалось крѣпостью. Въ 1753 году Фридрихъ II прямо говорилъ, что война нежелательна для англійскаго короля, такъ какъ въ случаѣ его смерти въ малолѣтство преемника она подвергнетъ опасности положеніе ганноверскаго дома на престолѣ [2]); быть можетъ, король предполагалъ новое возстаніе якобитовъ. Итакъ, по Вагнеру, распоряженія „Политическаго Завѣщанія" расчитаны на ближайшее будущее; Вестминстерская конвенція сразу уничтожала всѣ эти условія: отнынѣ ни малолѣтній король въ Лондонѣ, ни всемогущій, честолюбивый министръ въ Версалѣ Фридриху II болѣе не нужны; не нужно и низложеніе Бестужева, такъ какъ король думалъ купить канцлера черезъ посредство англичанъ. Онъ надѣялся, что изъ двухъ великихъ державъ, столкнувшихся въ Америкѣ, одна будетъ за него, другая — отнюдь не противъ него. Прусскій король былъ убѣжденъ, что морскія вооруженія и колоніальная война поглотятъ всѣ силы Франціи и что Людовикъ XV не будетъ въ состояніи помогать Маріи-Терезіи войскомъ въ Европѣ [3]). Что касается до Австріи, то, по мнѣнію Вагнера, кавалерійскіе маневры, назначенные Маріей-Терезіей на осень 1756 года въ Киттзэ и Раабѣ, нельзя принимать за новыя наступательныя вооруженія; такое же сосредоточеніе венгерской кавалеріи предпринималось уже

---

[1]) Вагнеръ беретъ цитату Политическаго Завѣщанія у Козера: „que la Russie et la Reine de Hongrie eussent à soutenir une guerre contre le Turc, la France et le roi de Sardaigne". Авторъ соединяетъ въ одно—условія для завоеванія Саксоніи съ обстоятельствами, необходимыми для всякой попытки наступленія съ прусской стороны.

[2]) Pol. Corr. IX, № 5925.

[3]) Вагнеръ ссылается на слова, которыя Фридрихъ II писалъ въ Apologie de ma conduite politique послѣ битвы при Колинѣ: „Comment pouvais-je deviner que la France enverrait cent cinquante mille hommes dans l'Empire?.. Par les traités, la France n'était obligée d'assister la reine de Hongrie que par un secours de vingt-quatre mille hommes". Oeuvres, XXVII, 3 p. 283.

въ 1752 году [1]). Въ 1749 году обстоятельства для осуществленія замысловъ Фридриха II были довольно благопріятны, но въ виду неподготовленности Пруссіи онъ долженъ былъ упустить этотъ случай. Въ мемуарѣ, врученномъ 20-го августа 1756 Митчеллю, король говоритъ о 90 тысячахъ австрійцевъ въ Богеміи и Моравіи. По Вагнеру, онъ здѣсь нарочно преувеличилъ силы враговъ, чтобы Англія не расчитывала на него для обороны Ганновера. Напримѣръ, фм. Шверину онъ же писалъ отъ 26-го августа 1756 года, что австрійцы не могутъ выставить въ поле болѣе 65 тысячъ человѣкъ; въ дѣйствительности по австрійскимъ источникамъ въ августѣ въ лагерѣ при Колинѣ стояло 25 тысячъ пѣхоты и свыше 7 тысячъ кавалеріи, а моравскій корпусъ насчитывалъ 22 тысячи человѣкъ. Точно также въ октябрѣ Фридрихъ II говорилъ Митчеллю, что австрійская армія будетъ доведена до 124 тысячъ, а въ декабрѣ писалъ Шверину только о 110 тысячахъ [2]). Въ дѣйствительности въ декабрѣ 1756 года австрійскаго войска въ Богеміи, Моравіи, Силезіи стояло 86 тысячъ; сюда слѣдуетъ прибавить еще 16 тысячъ человѣкъ, двинутыхъ въ октябрѣ изъ Нидерландовъ въ Богемію. Къ веснѣ 1757 года по австрійскимъ извѣстіямъ армія Маріи-Терезіи достигала 133 тысячъ человѣкъ. Зато съ другой стороны прусскій король ставилъ своихъ солдатъ выше русскихъ и австрійскихъ [3]). Напримѣръ, осенью 1756 года оба корпуса Фридриха II—саксонскій и силезскій насчитывали 94 тысячи; король очевидно считалъ ихъ достаточными для достиженія своихъ цѣлей: иначе онъ уже на полгода раньше провелъ бы пополненіе полковъ кантонистами, предписанное имъ только въ январѣ 1757 года. Итакъ, по мнѣнію Вагнера, Фридрихъ II лѣтомъ 1756 года считалъ и Австрію, и Россію неспособными на веденіе продолжительной войны по недостатку денегъ и былъ увѣренъ, что послѣ Вестминстерской конвенціи Англія не дастъ имъ никакой субсидіи. Король въ сентябрѣ 1756 года не зналъ еще 4-й тайной сепаратной статьи оборонительнаго договора 1746 года, по которой Елисавета въ случаѣ прусскаго нападенія обязалась выставить 60 тысячъ че-

---

[1]) Pol. Corr., B. IX, № 5345.

[2]) Вагнеръ ошибается здѣсь: Шверину Фридрихъ II писалъ 14-го декабря только объ австро-венгерской арміи, а Митчеллю сообщалъ 29-го октября еще и объ отрядахъ изъ Италіи и Фландріи.

[3]) Левальдтъ съ 30-ю тысячами долженъ былъ сражаться противъ 40 тысячъ русскихъ, Шверинъ съ 31-ю тысячью противъ 44-хъ тысячъ австрійцевъ. Pol. Corr., B. XIV, №№ 8291 и 8479.

ловѣкъ. Поэтому онъ ждалъ, что Россія выставитъ только 45 тысячъ человѣкъ, а можетъ быть ограничится даже 30 тысячами, выговоренными по трактату [1]); всѣ силы Маріи-Терезіи въ Богеміи и Моравіи онъ исчислялъ въ 110.000 человѣкъ. Сто пятидесяти пяти тысячамъ враговъ Фридрихъ II надѣялся противопоставить 130 тысячъ собственнаго войска, которое онъ ставилъ неизмѣримо выше австрійскаго и русскаго. Главная ошибка короля была въ томъ, что онъ недостаточно цѣнилъ финансовыя силы Франціи и раздраженіе, вызванное въ Людовикѣ XV Вестминстерской конвенціей. Наконецъ, 7-го декабря онъ могъ сообщить генералу Винтерфельдту, что его расчеты не оправдались: Франція готовилась двинуть 30 тысячъ въ Богемію и 50 тысячъ на Рейнъ. Король понималъ, что рѣчь идетъ теперь уже о существованіи его династіи [2]). И вотъ, въ виду грозы со стороны Франціи Фридрихъ II думалъ даже временно пожертвовать окраинами, т. е. Восточной Пруссіей и Верхней Силезіей [3]), и сосредоточиться на защитѣ центра [4]). Наконецъ, на первый день Рождества король зналъ уже роковую для него новость, что Россія готова присоединиться къ Версальскому договору и вышлетъ войско не въ 30 тысячъ, а въ восемьдесятъ. По мнѣнію Вагнера, только въ началѣ новаго года Фридриху II стали ясны всѣ окружавшія его опасности, которыя будто бы еще въ августѣ 1756 года побудили его предупредить враговъ; 10-го января 1757 года онъ набрасываетъ къ руководству графа Финкенштейна распоряженія на случай своего пораженія и освобожденія престола послѣ своей смерти. Впрочемъ, и Вагнеръ признаетъ вторженіе короля въ Саксонію все-таки шагомъ чисто оборонительнымъ. Король сталъ сознавать, что военныя и финансовыя реформы Маріи-Терезіи дѣлали ея государство независимымъ отъ англійскихъ субсидій; въ половинѣ пятидесятыхъ годовъ она, казалось, стала приближаться къ своей цѣли — довести наличную армію до 165.000 человѣкъ. Всѣ австрійскія вооруженія весной и

---

[1]) Pol. Corr., B. XIV, № 8452.

[2]) Pol. Corr., B. XIV, № 8414. Узнавъ, что русская армія будто бы идетъ въ Литву, Фридрихъ II говорилъ 9-го декабря 1756 г. Митчелю: „outre la crise générale de l'Europe, il s'agit de l'existence de ma maison".

[3]) Pol. Corr., B. XIV, № 8482.

[4]) Ibidem, № 8452 отъ 19-го декабря: „Ich die sicherste Partie nehme, wenn Ich Mich vorerst hier zusammenconcentrire, mithin vorerst die Extremitäten abandonnire, um das Corps zu defendiren und zu souteniren, denn alsdenn die Extremitäten wieder zu bekommen seind".

лѣтомъ 1756 года составляютъ продолженіе переустройства арміи, предпринятаго тотчасъ послѣ войны за австрійское наслѣдство. Каждый годъ мира усиливалъ Марію-Терезію. Фридрихъ II не хотѣлъ оставлять наслѣдникамъ тяжелой задачи — защищать то, что̀ было пріобрѣтено имъ [1]). Исходя изъ двухъ невѣрныхъ положеній, что Франція вполнѣ поглощена морской войной и что прусская армія (130.000 человѣкъ), будучи усилена саксонцами, сравняется по численности съ войскомъ австрійцевъ (120.000) и русскихъ (45 тысячъ), король рѣшилъ предупредить возрожденіе Австріи. Но съ оборонительной задачей—сохранить за собой Силезію—это вторженіе въ Саксонію совмѣщало въ себѣ и цѣли чисто завоевательныя [2]). Вагнеръ признаетъ, что ради обезпеченія существованія Пруссіи ей требовались новыя завоеванія. Присоединеніе Западной Пруссіи сплотило бы территорію государства, но̀ Силезія могла быть закрѣплена за Фридрихомъ II только путемъ дальнѣйшаго ослабленія Австріи и отторженія отъ нея новыхъ земель и подданныхъ. Въ этой новой статьѣ автору удалось выяснить зависимость идей „Политическаго завѣщанія" отъ положенія дѣлъ въ Европѣ около 1752 года и доказать, что Фридрихъ II не достаточно высоко оцѣнивалъ силы противниковъ, подготовлявшихъ противъ него наступательную коалицію. Но Вагнеръ обходитъ молчаніемъ тотъ очевидный фактъ, что благопріятное стеченіе обстоятельствъ, на которое король расчитывалъ въ 1752 году, никогда не наступило: Турція не нарушила мира и не вмѣшалась въ европейскія дѣла. Невѣрная оцѣнка силъ Австріи и Россіи, конечно, отразилась на образѣ дѣйствія Фридриха II въ 1756 году, однако авторъ не могъ доказать, что она дала поводъ королю надѣяться на завоеваніе Саксоніи. Вагнеръ слѣдитъ за сношеніями между Пруссіей и Франціей, но упускаетъ изъ виду переговоры о наступательномъ соглашеніи между Вѣной и С.-Петербургомъ, которые въ іюлѣ стали извѣстны и Фридриху II. Король могъ надѣяться быстрымъ обезоруженіемъ Саксоніи запугать другихъ союзниковъ Австріи, и въ этомъ сказалось его недостаточное знакомство съ настроеніемъ и военными силами русскаго двора. Въ случаѣ двойной побѣды надъ русскими и австрійцами король надѣялся даже на скорый

[1]) Ссылка на слова „mon temps est passé" въ Политическомъ Завѣщаніи 1752 года.

[2]) „Mit einem Kriege, der wie der Feldzug von 1756 aus Gründen der Selbsterhaltung unternommen wird, sind nach dem Ausspruche Friedrichs sehr gut Eroberungsgedanken zu verbinden".

и почетный для себя миръ съ вознагражденіемъ изъ Западной Пруссіи. Но, если бы онъ поднялъ рѣчь о Богеміи и Саксоніи, то конечно вмѣсто разгрома коалиціи, еще до ея завершенія, онъ только сплотилъ бы ее и воодушевилъ бы противниковъ на отчаянное сопротивленіе: и Людовикъ XV, и даже Георгъ II косо взглянули бы на такое усиленіе Пруссіи; недаромъ, по мнѣнію школы М. Леманна, Фридрихъ II скрывалъ свои завоевательные планы и отъ французскаго, и отъ англійскаго двора. Это громадное различіе между видами на Западную Пруссію и надеждой удержать за собой Саксонію Вагнеръ совершенно просмотрѣлъ въ своихъ изслѣдованіяхъ [1]).

---

[1]) Противъ взглядовъ М. Леманна направлена книжечка одного ученика В. Онкена, тоже посвященная разбору отношеній между Пруссіей и Франціей передъ Семилѣтней войной. (Dr. Heuszel, Friedrichs des Grossen Annäherung an England im Jahre 1755 und die Sendung des Herzogs von Nivernais nach Berlin. Gieszener Studien, Heft IX, 1897). Гейссель думаетъ, что съ апрѣля 1755 года прусскій король старался запугать Англію возможностью французскаго нападенія на Ганноверъ, а потому и старался склонить версальскій дворъ къ вооруженіямъ противъ курфюршества Георга II. Въ дѣйствительности вторженіе французовъ въ Ганноверъ не могло быть пріятнымъ для Фридриха II, такъ какъ оно повлекло бы за собой появленіе русскаго войска въ Германіи. Узнавъ о томъ, что между Вѣной и Лондономъ господствуетъ разногласіе по вопросу о защитѣ Нидерландовъ, прусскій король начинаетъ убѣждать французское правительство овладѣть Фландріей. (Pol. Corr., XI, № 6774). Отказъ Фридриха II принять участіе въ предпріятіи противъ Ганновера, которое онъ самъ же раньше совѣтовалъ, сдѣлало всю его политику подозрительной для версальскаго двора. Разсказъ въ мемуарахъ аббата Берни, будто-бы Книпгаузенъ предлагалъ, что прусскій король съ 140 тысячной арміей вторгнется въ Богемію, если французы согласятся напасть на Нидерланды, Гейссель считаетъ ненадежнымъ; впрочемъ, онъ готовъ допустить, что прусскій посланникъ сдѣлалъ это предложеніе лично отъ себя, дабы только вывести версальскій дворъ изъ его бездѣйствія. Зато, слѣдуя разсказу того же Берни, авторъ утверждаетъ, что главной цѣлью поѣздки герцога Нивернэ было выпытать истинныя намѣренія Фридриха II, который потерялъ довѣріе французскаго короля. (Ср. письмо Маріи-Терезіи къ гр. Штарембергу отъ 22 ноября 1755 года, Publicationen, B. 74, S. 197). Затяжку въ отъѣздѣ герцога въ Берлинъ Гейссель ставитъ въ связь съ австрійскими предложеніями, сдѣланными въ Парижѣ осенью 1755 года. Онъ считаетъ, что Людовикъ XV первый нарушилъ искренность своихъ союзныхъ отношеній къ прусскому королю, скрывъ отъ него предложенія Маріи-Терезіи. Все дѣло съ миссіей герцога Нивернэ было съ начала до конца ведено съ неискренностью; отъ самого герцога скрыли даже осенніе переговоры между Вѣной и Версалемъ. Вестминстерская конвенція будто-бы только облегчила французскому королю давно задуманный переходъ на сторону Австріи. Впрочемъ, Гейссель впадаетъ въ явную тенденціозность, утверждая, что Людовикъ XV нарочно затянулъ отъѣздъ герцога Ни-

Максъ Леманнъ не призналъ себя побѣжденнымъ изслѣдованіями противника. Съ другой стороны А. Нодэ былъ лично задѣтъ всей полемикой, а это невольно заставляло быть на сторожѣ даже безпристрастныхъ читателей; притомъ же ранняя кончина помѣшала марбургскому профессору обнародовать цѣликомъ всю массу набраннаго имъ архивнаго матеріала. Ради установленія въ наукѣ прочнаго взгляда на происхожденіе Семилѣтней войны было крайне важно, чтобы новые

верна, чтобы облегчить сближеніе между Пруссіей и Англіей. Для оцѣнки политики версальскаго двора важнѣе труды французскихъ историковъ. По мнѣнію герцога де-Брольи, Вестминстерская конвенція наносила чувствительный ударъ версальскому двору, такъ какъ она освобождала Георга II отъ заботы о защитѣ его владѣній на материкѣ; косвенно это была какъ-бы помощь одной изъ воюющихъ державъ въ разгаръ войны. Итакъ, говоря словами Вольтера, въ союзѣ между Франціей и Австріей не было ничего противоестественнаго, такъ какъ онъ былъ необходимъ (l'union de la France et de l'Autriche ... était nécessaire, sans doute elle était naturelle). И въ засѣданіи королевскаго совѣта 19-го апрѣля, и въ тщательности, съ которой былъ разобранъ въ версальскомъ договорѣ случай союзной помощи герцогу Брольи, чуется уже сознаніе, что разрывъ съ Пруссіей близокъ. По внѣшности трактатъ былъ чисто оборонительный, но въ дѣйствительности одна изъ договаривающихся сторонъ — Австрія — громко заявляла о своемъ намѣреніи напасть на Фридриха II. Вѣнскій дворъ въ силу своей рѣшимости и энергіи долженъ былъ взять верхъ надъ слабой, колеблющейся политикой Людовика XV и увлечь его въ открытую войну. Между тѣмъ французскому правительству было бы легко занять главенствующее положеніе въ союзѣ, такъ какъ по рвенію, съ которымъ Марія-Терезія добивалась дружбы короля, можно судить о жертвахъ и уступкахъ, на какія она тогда была способна. Но Людовикъ XV упустилъ благопріятную минуту. Послѣ Вестминстерской конвенціи положеніе Франціи было уже уединеннымъ, и союзъ съ Австріей сталъ теперь необходимостью. Самое направленіе французской политики передъ Семилѣтнею войной герцогъ Брольи беретъ подъ свою защиту, но онъ готовъ сурово осудить неспособность и слабохарактерность, съ которыми оно проводилось. (Duc de Broglie, L'alliance autrichienne, 1895. См. также Revue des Deux Mondes, t. 126, 1894). Напротивъ Ришаръ Ваддингтонъ вынесъ изъ изученія англійскаго архивнаго матеріала впечатлѣніе, что для Франціи не было необходимости сближаться съ Австріей, такъ какъ и послѣ Вестминстерской конвенціи Фридрихъ II отнюдь не сталъ другомъ Георга II. Если бы Людовикъ XV отложилъ въ сторону личное самолюбіе, то ничто не помѣшало бы ему возобновить съ Пруссіей договоръ отъ 1741 года. Со времени разрыва между Франціей и Англіей въ іюлѣ 1755 года передъ версальскимъ дворомъ лежало два пути на выборъ. Людовикъ XV могъ ограничиться только морской и колоніальной войной съ Великобританіей и блюсти миръ на материкѣ Европы. Если же король боялся пораженій и потерь въ Америкѣ, то онъ могъ бы въ обезпеченіе почетнаго мира заранѣе овладѣть Нидерландами и Ганноверомъ; вслѣдствіе своихъ колебаній во вторую половину 1755 года Франція упустила удобную минуту, а послѣ Вестминстерской конвенціи этотъ

изслѣдователи пополнили собраніе актовъ, оставшееся послѣ смерти А. Нодэ, провѣрили всѣ его выводы и подвели итогъ распрѣ между двумя теченіями въ нѣмецкой исторіографіи—между школой архивистовъ, сильныхъ чисто микроскопическимъ изученіемъ памятниковъ, и историками-импровизаторами, подкупающими непосредственностью и смѣлостью творчества. Этотъ трудъ взяли на себя Густавъ Фольцъ и Георгъ Кюнцель по порученію директора прусскихъ государствен-

выходъ изъ затруднительнаго положенія былъ для нея уже закрытъ; съ другой стороны желаніе не отвергать осеннихъ предложеній графа Кауница заставляло версальскій дворъ отказаться отъ враждебныхъ намѣреній противъ Фландріи. Итакъ, въ 1756 году для политики Людовика XV оставался открытымъ только первый путь. Но Франція могла вполнѣ удовольствоваться однимъ только договоромъ съ Маріей-Терезіей о нейтралитетѣ. Вмѣсто этого она изъ жажды мщенія за воображаемое коварство Фридриха II втянулась въ войну противъ него и въ сущности на поляхъ битвъ при Росбахѣ, Крефельдѣ, Минденѣ потеряла свою колонію Канаду. Даже при счастливомъ исходѣ Семилѣтней войны на материкѣ выгоды, которыя пріобрѣла бы Франція, были ничтожны сравнительно съ ея жертвами: она пріобрѣла бы часть Фландріи и сосѣдство съ небольшимъ государствомъ, которое играло бы въ XVIII вѣкѣ роль современной Бельгіи. Въ лучшемъ случаѣ занятіемъ Ганновера французы могли уравновѣсить колоніальныя утраты въ Америкѣ. Напротивъ, Австрія, избавившись отъ своего главнаго соперника, усилившись возвращеніемъ Силезіи и славой побѣдительницы, добилась бы неоспоримаго главенства въ центрѣ Европы. Ваддингтонъ признаетъ, что версальскому двору пора было перестать стремиться къ приниженію дома Габсбурговъ и возвышать этимъ честолюбивыхъ Гогенцоллерновъ, но онъ считаетъ ошибкой Франціи, если въ 1756—57 годахъ она впала въ другую крайность, стала уничтожать все, что было сдѣлано ею самою за послѣднее десятилѣтіе, и рѣшила принести Пруссію въ жертву Австріи. Уже Версальскій договоръ былъ въ этомъ отношеніи рискованнымъ шагомъ, такъ какъ легко могъ изъ оборонительнаго превратиться въ наступательный при первомъ же нападеніи Фридриха II на австрійскія владѣнія. Всю дальнѣйшую политику Людовика XV Ваддингтонъ безусловно осуждаетъ, какъ вредную для государственныхъ интересовъ и вызванную только соображеніями тщеславія и самолюбія. (Richard Waddington, Louis XV et le Renversement des Alliances. Préliminaires de la Guerre de Sept Ans. Paris, 1896). Занятіе Саксоніи французскій историкъ считаетъ возможнымъ объяснить соображеніями чисто стратегическими, такъ какъ оно открывало легкій доступъ въ Богемію по долинѣ Эльбы. Фридрихъ II зналъ, что нападеніе на Австрію принудитъ Россію и Францію подать помощь Маріи-Терезіи, но въ сущности онъ предупреждалъ наступленіе враговъ, только отложенное до весны 1757 года, а потому Ваддингтонъ съ нравственной точки зрѣнія готовъ осудить захватъ Саксоніи, но отнюдь не походъ въ Богемію. Впрочемъ, съ точки зрѣнія политической, это нападеніе на курфюршество было ошибкой, такъ какъ, давая временно стратегическія преимущества, оно въ лицѣ Франціи и Россіи создавало новыхъ непримиримыхъ враговъ. Таковы взгляды Р. Ваддингтона на отношенія между Франціей

ныхъ архивовъ профессора Козера [1]). Издатели „Прусскихъ и Австрійскихъ актовъ по происхожденію Семилѣтней войны“ въ общемъ примкнули къ выводамъ А. Нодэ, но внесли много поправокъ въ частностяхъ и разошлись съ марбургскимъ профессоромъ во взглядахъ на цѣлый рядъ политическихъ событій, напримѣръ, на характеръ прусскихъ вооруженій въ іюнѣ, на ходъ дипломатическихъ переговоровъ между Вѣной и Версалемъ въ 1755—1756 гг., на причину отсрочки русско-австрійскаго нападенія до весны 1757 года. Въ виду всего этого ихъ статьи во введеніи къ изданію получили значеніе вполнѣ самостоятельныхъ изслѣдованій.

Евгеній Щепкинъ.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

Австріей, Пруссіей и Саксоніей въ 1757 году; насъ лично его доводы убѣдили, и мы вполнѣ раздѣляемъ эти взгляды.

[1]) Publicationen aus den K. Preussischen Staatsarchiven, B. 74, Preussische und Oesterreichische Acten zur Vorgeschich. des Siebenjährigen Krieges, Leipzig. 1899. Здѣсь „Введеніе“ состоитъ изъ двухъ изслѣдованій: 1) Die preussische Rüstung, von G. B. Volz и 2) Die Entstehung der Coalition gegen Preussen in den Jahren 1755 und 1756, von G. Küntzel, Privat-Docent an der Univ. Bonn. Мы лично въ подлинникахъ изучили въ Вѣнскомъ придворномъ и королевскомъ архивѣ акты, относящіеся къ сношеніямъ между Австріей и Россіей, а отчасти и наказы Маріи-Терезіи графу Штаренбергу. Всюду, гдѣ мы не имѣли въ рукахъ самыхъ подлинниковъ, мы ссылаемся только на Publicationen, B. 74, въ противномъ случаѣ—на самые наказы и донесенія.

КЪ ВОПРОСУ О ДРАМѢ А. ЛУЦИЧА „ROBINJA".

Произведенія одного изъ главныхъ представителей хорватской литературы XVI вѣка, хваранина Аннибала Луцича, за послѣднее время нерѣдко привлекали къ себѣ вниманіе изслѣдователей; такъ, его „Pisni ljuvene" [1]) послужили предметомъ обстоятельной, но, къ сожалѣнію, неоконченной статьи П. Касандрича [2]); переводъ извѣстной героиды Овидія „Paris Helenae" [3]) вызвалъ два этюда, П. Касандрича [4]) и Фр. Майкснера [5]); наконецъ, главнаго произве-

---

[1]) Въ собраніи сочиненій Луцича (вмѣстѣ съ произведеніями П. Гекторовича, въ VI-мъ томѣ изданія Югославянской Академіи „Stari pisci hrvatski", Zagreb, 1874) стр. 201—222. Всѣ наши ссылки сдѣланы на это изданіе.

[2]) Lucićeve „Pisni ljuvene"—въ задрскомъ журналѣ „Iskra. List za književnost i umjetnost" 1891г., №№ 1—3, и 1892 г., №№ 1—3 и 6.

[3]) „Pariž Eleni"—собраніе сочиненій, стр. 185—199.

[4]) „O jednom prijevodu Anibala Lucića iz Ovidijevih Heroida"—въ журналѣ „Iskra" за 1884 г., № 11.

[5]) „O hrvatskom prievodu XV (XVI) Ovidijeve heroide „Paris Helenae" od Hanibala Lucića"—въ изданіи „Rad Jugoslavenske Akademije Znanosti i Umjetnosti" knjiga XCI, U Zagrebu 1888, стр. 81—124. Г. Майкснеръ указываетъ, между прочимъ (стр. 83), что переводъ этой героиды на хорватскій языкъ является *вторымъ* въ хронологическомъ ряду передачъ Овидіевыхъ героидъ на ново-европейскіе языки; первымъ онъ считаетъ книгу „Le epistole di Ovidio volgarizzate da Domenico da Monticello Toscano. Brescia 1489", извѣстную ему, повидимому, только по заглавію. Въ виду рѣдкости этого перевода считаемъ полезнымъ замѣтить, что вліянія на передачу Луцичемъ героиды „Paris Helenae" въ соотвѣтственныхъ мѣстахъ итальянскаго текста не видно; пропустивъ, подобно Луцичу, считающіеся подложными (см. въ статьѣ г. Майкснера стр. 87 и слѣдд.) стихи 39 („Nec tamen est mirum"...) — 142 (.... „altera nomen habet"), Монтичелло однако не передаетъ содержанія ихъ въ особой вставкѣ нѣсколько ниже, какъ то сдѣлалъ Луцичъ въ 79—106 строкахъ своей переработки (объ этомъ см. у

денія Луцича, драмы „Robinja“ [1]), коснулись также двое ученыхъ, А. Гавриловичъ [2]) и А. Радичъ [3]), если не считать болѣе раннихъ замѣчаній А. Павича [4]).

Названная пьеса Луцича является главнымъ его сочиненіемъ не только по объему, но и по содержанію; въ то время, какъ большинство произведеній хорватскихъ писателей XVI вѣка представляютъ собою болѣе или менѣе удачныя подражанія итальянскимъ образцамъ и даже перенесеніе дѣйствія на родную почву оказывается иногда результатомъ вліянія тѣхъ же итальянцевъ [5])—„Robinja“, насколько извѣстно до сихъ поръ, можетъ считаться произведеніемъ вполнѣ самобытнымъ; повидимому, самый сюжетъ этой драмы взятъ изъ жизни, и, если она и не основана на дѣйствительномъ происшествіи, то затрогиваетъ, тѣмъ не менѣе, весьма жизненную тему — отношенія турокъ къ юговостоку Европы. Въ этомъ смыслѣ Луцичъ является предшественникомъ Гундулича. Поэтому указаніе источниковъ разбираемой драмы было бы весьма любопытно.

Г. Гавриловичъ въ вышеназванной своей статьѣ проводитъ ту мысль, что сюжетъ драмы „Robinja“ заимствованъ изъ народной

г. Майкснера стр. 95 и слѣдд.). Въ доказательство приводимъ современнымъ правописаніемъ отрывки перевода Монтичелло (по изданію 1491 г., въ Брешіи, хранящемуся въ венеціанской Biblioteca Marciana), соотвѣтствующіе указаннымъ мѣстамъ героиды Овидія:

Prima, che fusti per mi conosciuta,
Fusti da me desiderata molto,
E nellanima mia fusti voi veduta
Primo, che con gli occhi el desiato volto
Alla nunzia fama sia venuta
Per lo vedor gli fu del valor tolto
Credeti a me ch'io vi favello intero
La gloria della fama e men che 'l vero.
(Ср. у Овидія стихи 36—38 и 148).

. . . .
Jo ho per voi ricchezza rifutata,
Regno, scienze e ogni magna cosa
Laquale mi promise Juno e Pallade
Per abbraciarne alla mia voluntade
E non incresce nella mente mia
Aver seguita tale opinione...
(Ср. у Овидія стихи 163—167).

[1]) Собраніе сочиненій, стр. 223—259.

[2]) „Луцићева „Робиња“ и народна поезија. Прилог историји дубровачко-далматинске драме“—въ журналѣ „Наставник“ 1898 г., стр. 430—432 и 500—503.

[3]) „Narodni izvor Lucićevoj „Robinji“—„Zbornik za narodni život i običaje južnih slavena,“ svezak IV, Zagreb, 1899, стр. 34—45.

[4]) „Historija dubrovačke drame“, Zagreb, 1871, стр. 22—24.

[5]) Ср. замѣчанія акад. М. Шрепля о локализаціи въ комедіи М. Држича „Skup“, находящіяся въ статьѣ „Skup Marina Držića prema Plautovo „Aulu-lariji“.—Rad Jugoslavenske Akademije, Knjiga XCIX, U Zagrebu, 1890, стр. 232 и слѣдд.

поэзіи, причемъ замѣчаетъ [1]), что судить въ данномъ случаѣ слѣдуетъ не по современнымъ народнымъ пѣснямъ, а по тѣмъ, которыя были извѣстны Луцичу; далѣе г. Гавриловичъ, забывъ, что мы не знаемъ никакихъ народныхъ пѣсенъ, возникновеніе которыхъ можно было бы съ достовѣрностью относить ко времени ранѣе написанія пьесы „Robinja“, доказываетъ, что Луцичъ заимствовалъ сюжетъ своей драмы изъ трехъ пѣсенъ, находящихся въ извѣстномъ сборникѣ г. Богишича [2]). Такимъ образомъ авторъ принимаетъ, не имѣя на то никакого права, что три указанныя имъ пѣсни существовали уже въ первой половинѣ XVI столѣтія; сверхъ того, сходство между содержаніемъ этихъ пѣсенъ и сюжетомъ драмы Луцича настолько незначительно, что заключать о какомъ-либо взаимодѣйствіи положительно невозможно. Поэтому статья г. Гавриловича не только ничего не уясняетъ въ данномъ вопросѣ, но еще запутываетъ его привлеченіемъ совершенно ненужнаго матеріала.

Годомъ позднѣе появился въ печати этюдъ г. Радича, не упоминающаго о своемъ предшественникѣ. Г. Радичъ сообщаетъ въ своей статьѣ сводный (по четыремъ редакціямъ) текстъ поющагося въ Далмаціи романса „U prinčipa kralja Mande ćer jedina“, состоящій изъ 89 стиховъ, указываетъ очевидныя точки соприкосновенія романса съ драмой не только въ содержаніи, но и въ выраженіяхъ, и наконецъ задается вопросомъ: составленъ ли романсъ на основаніи драмы, или Луцичъ заимствовалъ содержаніе своей пьесы изъ романса? Вѣрною, по мнѣнію автора, оказывается вторая альтернатива. Приведенныя имъ въ пользу этого предположенія доказательства насъ не убѣждаютъ. Буквальное сходство многихъ мѣстъ романса и драмы является орудіемъ обоюдоострымъ и при пользованіи имъ необходимо обращать вниманіе на то, въ которомъ изъ сравниваемыхъ произведеній одинаковыя фразы болѣе умѣстны; такъ, г. Радичъ приводитъ [3]), между прочимъ, слѣдующія параллельныя мѣста изъ драмы и романса:

---

[1]) Стр. 481.

[2]) „Народне пјесме из старијих, највише приморских записа, књига прва, Биоград 1878“ (въ X-мъ томѣ изданія „Гласник српског ученог друштва. Друго одељење“); г. Гавриловичъ ссылается на помѣщенныя здѣсь пѣсни: № 38 — „Како сестра Иваниша бана хрватскога утече из рука Турчина“, № 45—„Како Стјепан Јакшић изроби Маргариту сестру своју из рука бана Моринскога“ и № 117—„Како Иван Крушић сењски капетан хитро уграби Јелицу своју сестру заробљену из рукух Мује Јелешковића Турчина“.

[3]) Op. cit., pag. 41.

„Robinja“, стихи 127—128:	Романсъ, стихи 32 — 33 по двумъ варіантамъ:
Čto tako tuj diklu mičete, junaci, Kako cvit izniklu, *ali ste divjaci*?	A što ste šetali, trgovci bogati? Ovo je rumen *cvitak. Ali ste divjaci*?

Въ драмѣ слова „*ali ste divjaci*“? являются совершенно умѣстными послѣ упрека въ жестокомъ обращеніи, между тѣмъ какъ въ романсѣ находимъ непонятный скачекъ: „А зачѣмъ вы ходили, богатые купцы? Это румяный цвѣтокъ. *Или вы дикари*“? Такимъ образомъ, это сходство можетъ считаться однимъ изъ доводовъ въ пользу хронологическаго первенства драмы. Далѣе, герой романса — Narančin, между тѣмъ какъ главное дѣйствующее лицо драмы—Derenčin; самъ г. Радичъ указываетъ [1]), что въ 1492 — 1493 гг. былъ баномъ *Мирко Деренчинъ*; слѣдовательно, Луцичъ взялъ имя своего героя изъ дѣйствительности, между тѣмъ какъ *Наранчинъ*—имя несуществующее и возникшее въ романсѣ вѣроятно изъ *Деренчинъ* путемъ порчи [2]); это второй доводъ противъ мнѣнія г. Радича. Сверхъ того, если думать о возникновеніи драмы на основѣ романса, то придется допустить сомнительную возможность существованія послѣдняго въ началѣ XVI вѣка, между тѣмъ какъ при противоположной альтернативѣ — изъ драмы XVI вѣка возникъ романсъ, поющійся въ концѣ XIX — такихъ трудностей не встрѣчается. Не была ли пьеса Луцича настолько популярна, чтобы изъ нея могъ возникнуть довольно распространенный романсъ? Для отвѣта на этотъ вопросъ припомнимъ свидѣтельства академиковъ Павича [3]) и Кукульевича [4]) о представленіяхъ драмы „Robinja“ даже въ сравнительно недавнія времена.

Кромѣ того, можно указать весьма любопытную статью по данному вопросу, прошедшую безслѣдно и для г. Павича, и для гг. Гавриловича и Радича. Статья эта подъ названіемъ „Poklade“, т. е. „Карнавалы“, была напечатана еще въ 1846 г. [5]) Анонимный авторъ

---

[1]) Ibid., pag. 45, nota 1.

[2]) Ср. слово naranča—апельсинъ.

[3]) „Historija dubrovačke drame“, стр. 22: „(Robinja) ..... se ... do najnovijega vremena javno na piaci prikazivaše“.

[4]) Въ статьѣ его „Marko Marulić i njegova doba“ (при собраніи сочиненій Марулича, въ I-мъ томѣ серіи „Stari pisci hrvatski“, 1869 г.) читаемъ (стр. XLV): „Lučićevu Robinju obljubi naš narod na toliko, da su ju još prošastoga vieka po dalmatinskih gradovih i otocih javno predstavljali“.

[5]) Въ № 20 журнала „Zora Dalmatinska“, стр. 156—159. S. Ljubić приписывалъ („Ogledalo književne poviesti jugoslavjanske“, II, 373) статью G. Valentiću.

ея сообщаетъ, что въ дѣтствѣ видѣлъ въ Пагѣ исполненіе масленичнаго обычая, существующаго тамъ испоконъ вѣка: ...„Соберется нѣсколько ловкихъ молодцовъ..., умѣющихъ читать и писать, и приготовятся представить народу какое-нибудь народное событіе, говоря наизусть, чтó выучили". Изъ дальнѣйшихъ указаній той же статьи видно, что такія представленія во времена автора были только остаткомъ прежняго обычая, хотя изъ всѣхъ карнавальныхъ развлеченій они наиболѣе нравились народу. Какъ образецъ пьесъ, исполнявшихся при такихъ условіяхъ, въ статьѣ приведена одна изъ нихъ, подъ названіемъ „Robinja"; „говорятъ", замѣчено при этомъ, „что авторъ— знаменитый и славный Касичъ (Kasić) изъ Пага, и что она (пьеса) была нѣкогда напечатана въ Венеціи", но всѣ старанія анонимнаго сотрудника „Далматинской Зари" получить объ этомъ болѣе точныя свѣдѣнія остались тщетными. Передавая содержаніе пьесы, авторъ статьи сообщаетъ весьма любопытныя данныя объ обстановкѣ, при которой исполнялась „Robinja" на улицахъ Пага: „...(актеры) одѣнутся, какъ могутъ, лучше, корсары (gusari) нѣсколько по турецки, купецъ со свитой по купечески..., въ пунцовомъ платьѣ, съ разноцвѣтными шелковыми лентами, съ пряжками и т. д. Всѣ вооружены; рабыня, печальная и стыдливая плѣнница, одѣта по нашему, такъ что пріятно смотрѣть (только это мужчина, а не женщина); на нее накинутъ красный плащъ; на головѣ какой-нибудь знакъ рабства Такъ они идутъ по городу, останавливаются на нѣкоторыхъ мѣстахъ и тутъ декламируютъ (povjedaju), когда имъ удобно—послѣ полудня, до заката солнца". Какъ видно по нѣкоторымъ выраженіямъ [1]), у автора статьи была подъ руками какая-то рукопись сообщенной имъ пьесы. Въ напечатанномъ имъ діалогѣ насчитывается 160 стиховъ, причемъ передъ четырьмя заключительными сдѣланъ пропускъ, объясненный тѣмъ, что въ рукописи—непонятная безсмыслица.

Сообщенный въ „Далматинской Зарѣ" діалогъ открывается рѣчью купца (tergovac) къ своей свитѣ (družbi), гдѣ онъ обѣщаетъ награду всѣмъ, вмѣстѣ съ нимъ исходившимъ весь міръ (sve strane) въ поискахъ какой-то дамы (išćući gospoju). Затѣмъ выступаетъ печальная, плачущая Рабыня (Robinja), разсказывающая о томъ, какъ ее похитили турки-разбойники и водятъ съ собою „по снѣгу и дождю". На ея монологъ отвѣчаетъ Suliman обѣщаніемъ продать ее, послѣ

[1]) „Ovdė za nėkoliko verstah rukopis je posve pokvaren" (стр. 159); „Pokvareno u rukopisu" (ibid., примѣчанія).

чего Tergovac заявляетъ, что его слуга—Деренчинъ—сохнетъ отъ любви (къ кому, не сказано); между нимъ и Сулиманомъ завязывается разговоръ объ условіяхъ продажи Рабыни; Сулиманъ проситъ три тысячи серебряныхъ дукатовъ; Tergovac желаетъ предварительно переговорить съ самой Рабыней, на что и получаетъ дозволеніе. Въ бесѣдѣ съ ней Tergovac заставляетъ ее разсказать о своей судьбѣ (имени Деренчина при этомъ не упоминается, но Tergovac намекаетъ на свое высокое происхожденіе); въ послѣднихъ словахъ его есть указаніе, что торгъ уже состоялся, хотя изъ самаго дѣйствія этого не видно. Послѣ вышеуказаннаго пропуска слѣдуетъ монологъ какого-то слуги (sluga), заключающаго пьесу.

Уже изъ этого перечня содержанія можно видѣть, что напечатанный въ „Далматинской Зарѣ" діалогъ является сокращеніемъ пьесы Луцича, заключающей въ себѣ 1038 стиховъ; болѣе подробное сличеніе показываетъ, что въ сокращенный діалогъ перенесены нѣкоторые стихи Луцича цѣликомъ, другіе съ искаженіями; такъ, тѣ шесть стиховъ, которыми начинается карнавальная пьеса:

Tergovac (družbi)
Mili druzi moji, veće nego mili,
Sve strane, mogu reć, s manom ste hodili;
Išćuci gospoju po svitu, dan i noc,
Vas svět smo obašli, da bi nanj (sic!) mogli doć.
Istom da približa, po višnjemu sudu
Platja i naměra jur vašemu trudu —

представляютъ собою слегка искаженное и сокращенное на двѣ строки заимствованіе изъ подлинной драмы Луцича, гдѣ (стихи 35—42) Деренчинъ говоритъ своимъ спутникамъ:

Mili druzi, i već nego druzi mili,
svo strane, mogu reć, sa mnom ste shodili,
išćući gospoju po svitu dan i noć,
vas svit bih za koju pridubal, da bi moć.
Evo srića nika i pomnja još vaša
sada privelika na nju nas nanaša
tako, da približa višnjemu po sudu
plaća i naliža vašemu jur trudu.

Точно также начало (стихи 15—16) перваго монолога Рабыни въ сокращенной пьесѣ:

Za jedinim bratom Banova kći mala
U stanu bogatom sirota ostala —

взяты изъ „Isklada" (пролога) пьесы Луцича (стихи 1—2):

Sa jedinim bratom banova kći mala
u stanu bogatom za ocem ostala.

Не приводя дальнѣйшихъ примѣровъ, отмѣтимъ болѣе или менѣе близкое сходство обѣихъ пьесъ цифрами:

Сокращенный діалогъ, стихи:	Подлинная драма Луцича, стихи:
1—4	35—38
5—6	41—42
7	49
9—14	43—48
15—16	1—2
17—18	369—370
19—20	367—368
21	4
23—34	107—118
35—42 („Suliman")	119—126 („Gusar")
43—44	13—14
50—51 („Družina perva)	127—128 („Derenčin")
54—57 („Suliman)	129—132 (Gusar)
60—61	133—134
62—65 („Suliman")	141—144 („Gusar")
68—69 („Tergovac")	145—146 („Derenčin").
70—71 („Suliman")	137—138 („Gusar")
72	138
80—81	293—294
82—83 („Tergovac")	135—136 („Derenčin")
84—85 („Tergovac")	149—150 („Derenčin")
86—87	157—158
88—91 („Tergovac")	151—154 („Derenčin")
92—93	155—156
94—95	159—160
96	167
98—99	5—6
100—101	255—256
105	254
106	245 (по смыслу, но не по формѣ)
107—108	249—250
109—114	161—166
115—117	263—265
118	266 (по смыслу, но не по формѣ).

121—122		301—302	
129—134	(„Tergovac“).	191—196	(„Derenčin“).
135—136		199—200	
137—138		197—198	
139		201	
140		205	
141—148		207—214	
149—150		751—752	
157—160 („Sluga“).		97—100 („[Matijaš] sluga“).	

Какъ можно видѣть изъ приведенной таблицы, представлявшаяся во время карнавала въ Пагѣ пьеса почти вся состоитъ изъ болѣе или менѣе неискусно подобранныхъ цитатъ изъ драмы Луцича, переполненныхъ искаженіями [1]), такъ что анонимный сотрудникъ „Далматинской Зари“ даже не рѣшился напечатать бывшую у него подъ руками рукопись съ дипломатическою точностью; онъ нерѣдко пропускаетъ слова и цѣлыя полустишія, ссылаясь на непонятную порчу въ рукописи, безсмыслицу. Изъ всего діалога самостоятельными могутъ быть названы только немногія строки, да и тѣ иногда повторяются; такъ, стихъ 66-й повторенъ въ 74-мъ, а стихъ 67-й—въ 73-мъ и 75-мъ; измѣнены имена нѣкоторыхъ дѣйствующихъ лицъ (см. въ таблицѣ), и т. п.

Можно думать, что сообщенный г. Радичемъ романсъ возникъ подъ вліяніемъ драмы Луцича или какой-либо ея передѣлки, но не той, которая только что разсмотрѣна нами; совпадающіе въ романсѣ и карнавальной пьесѣ стихи показываютъ, что романсъ ближе къ подлинной драмѣ Луцича, и только въ одномъ мѣстѣ находимъ нѣкоторое сходство между карнавальной передѣлкой и романсомъ, а именно: въ „Robinj'ѣ“ стихи 263—264 читаются:

Od tad je gojila majka me Ielena
kako no bosila kiticu zelena;

въ сокращенномъ діалогѣ этому соотвѣтствуютъ строки 115—116:

Mene je gojila mat moja Iolina,
Kano i kiticu drobnoga basila,

---

[1]) Въ исторіи хорватской литературы можно указать еще одинъ примѣръ подобнаго составленія краткой пьесы изъ болѣе длинной, а именно — діалогъ М. Држича „Posvetilište“ (напечатанъ въ собраніи сочиненій этого автора, въ VII томѣ изданія „Stari pisci hrvatski“, 1875 г., стр. 459 — 480), оказавшійся по сличенія (тамъ же, въ предисловіи Фр. Петрачича, стр. VIII, прим. 6) съ пьесою М. Ветранича „Posvetilište Abramovo“ (помѣщена въ томъ же изданіи томъ IV, стр. 235—338) сокращенною передѣлкою послѣдней.

а въ романсѣ находимъ (стихи 62—63 своднаго текста):

> Mene ja gojila moja baba Iele
> Kano u kiticu drobna bosiela,

при чемъ, однако, въ варіантахъ имѣется и другое чтеніе, нѣсколько болѣе близкое къ основной драмѣ.

Выставленное выше апріорное предположеніе, что романсъ о Наранчинѣ возникъ изъ пьесы Луцича, можетъ быть поддержано указаніемъ на одно народное произведеніе, также имѣющее связь съ драмою „Robinja"; мы разумѣемъ записанную I. Волчичемъ въ Истріи пѣсню „Robinjica" [1]). Самое начало этой пѣсни обнаруживаетъ близкое родство ея и съ пьесою Луцича, и съ карнавальной передѣлкою послѣдней:

„Robinjica", стихи 1—4:	„Robinja", стихи 1—2:	Карнавальный діалогъ, стихи 15—16:
Va bogatin grade *Hći* tergovca *mala* Po smerti otčinoj *Sirota j' ostala*	Sa jedinim bratom banova *kći mala* u stanu bogatom za ocem *sirota ostala*	Za jedinim bratom Banova *kći mala* U stanu bogatom *sirota ostala*

Если сходство этихъ стиховъ можетъ показаться случайнымъ, то нельзя того же сказать о слѣдующемъ четверостишіи:

„Robinjica", стихи 5—8:	„Robinja", стихи 367—368:	Карнавальный діалогъ, стихи 19—20:
Ide mi na pazar, *Kdi se voda toči*; I njoj malasnoj *Pride sanj na oči*	Pod sineom oriha, *voda gdi se toči*, *sanka* mi *moć* tiha *napade na oči*	U ladu pod borom *gdě se voda toči*, Ondě mi sladki *san na oči priskoči*.

Самое содержаніе разбираемой пѣсни соотвѣтствуетъ въ общемъ сюжету драмы Луцича: тому, кто отыщетъ похищенную турками дѣвушку, мать послѣдней обѣщаетъ „Mnogo puno blaga", но находится tergovac bogati (ср. „Robinja", стихъ 143; карнавальная пьеса, строка 64), который отправляется искать плѣнницу „Brez srebra i zlata", находитъ ее, откупаетъ у турокъ за три тысячи червонцевъ (ср. „Robinja", стихъ 144; карнавальная пьеса, строка 65) и приводитъ „Nutra va svoj grad". Сличеніе текстовъ даетъ поводъ думать,

[1]) Помѣщена въ IV томѣ (1859 г.) целовецкаго журнала Ант. Янежича „Glasnik slovenski", стр. 74.

что эта пѣсня возникла именно изъ карнавальной передѣлки драмы Луцича; такъ, въ пѣснѣ и въ карнавальной пьесѣ находятся сходныя мѣста, соотвѣтствія которымъ въ подлинномъ произведеніи Луцича нѣтъ:

Карнавальная пьеса, стихи 47—48:
Obajdoh sva polja, *obajdoh sve rike*,
Obajdoh sve gore, male i velike.
Тамъ же, стихи 125—128:
Tergovac.
Tugljivo je meni pinezi brojiti,
U tebi nijedne čistoće imiti.
Robinja.
Evo smert nazivljem na moja staništa,
Neka me pokosi, dokli josam čista.

„Robinjica", строки 21—22:
Obajde 'se gore,
Obajde 'se rike.
Тамъ же, строки 57—66:
„Lahko mi je, robinjo!
Pineze brojiti;
Ma ću ja od tebe
Ku vernost iméti?"
Tad poče robinja
Sebi smert želeti:
„„O smert, o nemila!
Ča me ne pokosiš?
Dokle još vernosti
U manè nahodiš"".

Можно также припомнить вышеприведенное выраженіе *sirota ostala*, общее карнавальной пьесѣ съ пѣсней и отсутствующее въ драмѣ Луцича. При значительныхъ различіяхъ въ формѣ (но не содержаніи) текста Луцича отъ карнавальной пьесы пѣсня держится ближе къ послѣдней:

„Robinja", стихъ 294:	Карнавальная пьеса, стихъ 81:	„Robinjica". строки 42—43:
Mislite, ko zdravje može bit u meni?	Kako ćeš, Tergovče, da je u meni zdravlje!	Kako ćeš, tergovče, Da imam ja zdravlje?

Происхожденіе пѣсни „Robinjica" можетъ, по нашему мнѣнію, служить аналогіей къ предполагаемому нами возникновенію романса о Наранчинѣ изъ пьесы Луцича или какой-либо переработки ея сюжета. Если послѣднее мнѣніе справедливо, то вопросъ о литературныхъ источникахъ драмы „Robinja" долженъ быть признанъ и послѣ появленія статьи г. Радича — по прежнему открытымъ. Впрочемъ, упоминаніе въ пьесѣ Луцича нѣкоторыхъ историческихъ лицъ, самая жизненность сюжета драмы и полная первобытность его обработки позволяютъ a priori думать, что названная драма гораздо оригинальнѣе другихъ, современныхъ ей, хорватскихъ пьесъ, а потому и самая возможность указанія ея литературныхъ источниковъ, если не считать какихъ-либо заимствованій въ отдѣльныхъ фразахъ, крайне сомнительна.

Г. Радичъ оканчиваетъ свою статью обѣщаніемъ поговорить о напечатанномъ имъ романсѣ въ другой разъ; думаемъ, что и слѣдующая статья не докажетъ основного положенія первой, будто Луцичу могъ быть извѣстенъ романсъ о Наранчинѣ.

П. Петровскій.

СОЦІАЛЬНАЯ ИСТОРІЯ АНГЛІИ XV И XVI ВѢКА ВЪ НОВОЙ ИСТОРІОГРАФІИ.

Англійская соціальная исторія XV и XVI вѣка представляетъ значительный научный интересъ, и въ литературѣ второй половины XIX вѣка существуетъ много попытокъ выяснить общій ходъ и смыслъ глубокихъ перемѣнъ, совершившихся за это время въ общественномъ строѣ страны. Мы разсмотримъ лишь главнѣйшіе изъ этихъ общихъ обзоровъ.

I.

Несомнѣнно Марксу принадлежитъ самое извѣстное объясненіе англійской соціальной исторіи новаго времени. Чисто ученое значеніе тѣхъ отдѣловъ Капитала, которые посвящены XV и XVI вѣку, невелико. Но они представляютъ большой общественный и философскій интересъ, поскольку въ нихъ нашла себѣ очень яркое выраженіе теорія историческаго матеріализма и классовой борьбы. Каждый изслѣдователь, каково бы ни было его личное отношеніе къ этимъ воззрѣніямъ, обязанъ признать, что они получили широкое распространеніе не только въ качествѣ политической программы, что они оказали весьма существенное вліяніе на новѣйшую исторіографію.

Еще въ 1869 Нассе напечаталъ свое извѣстное изслѣдованіе объ англійской сельской общинѣ въ средніе вѣка. Бóльшая часть этой небольшой работы посвящена англо-саксонскому и феодальному періоду и превзойдена теперь гораздо болѣе широкими изслѣдованіями Сибома, проф. Виноградова, Мэтланда. Но, читая эти позднѣйшія сочиненія, не слѣдуетъ забывать, что очень многіе выводы ихъ были предвосхищены проницательнымъ нѣмецкимъ экономистомъ на осно-

ваніи сравнительно скромнаго матеріала. Въ короткомъ отдѣлѣ объ аграрномъ переворотѣ XV и XVI вѣка Нассе оперируетъ съ еще меньшимъ матеріаломъ, но и здѣсь онъ устанавливаетъ нѣкоторыя важныя положенія, которыя отчасти до настоящаго времени остаются недостаточно разработанными. Этотъ краткій очеркъ выгодно отличается отъ многихъ позднѣйшихъ работъ послѣдовательнымъ проведеніемъ эволюціонной точки зрѣнія и основательнымъ знакомствомъ съ теоріей и исторіей сельскохозяйственныхъ системъ. Второе условіе имѣетъ большую важность: безъ изученія Тюнена и Гансена трудно понять англійскую аграрную исторію XV и XVI вѣка.

Въ то время какъ Марксъ видитъ въ аграрномъ переворотѣ непрерывный рядъ насилій, произведенныхъ неземледѣльческими классами, Нассе останавливается на внутреннихъ, чисто хозяйственныхъ условіяхъ переворота. Существо послѣдняго онъ видитъ въ переходѣ отъ трехполья къ пастбищно-полевому хозяйству (Feldgraswirtschaft). Причинами его онъ считаетъ по преимуществу три условія: морской климатъ Англіи, раннее развитіе внѣшней торговли и денежнаго хозяйства, высокія цѣны на шерсть. Необходимыя послѣдствія переворота состояли въ разложеніи средневѣковой общины, которая уступаетъ мѣсто крупному землевладѣнію и фермерскому хозяйству, въ быстромъ ростѣ рабочаго класса, городского и сельскаго пролетаріата. Нассе рѣшительно выступаетъ противъ мнѣнія, будто агрономическій переворотъ былъ шагомъ назадъ и переходомъ къ чистому пастбищному хозяйству. Онъ видитъ въ сельскомъ хозяйствѣ XVI вѣка непосредственное промежуточное звено между феодальнымъ трехпольемъ съ одной стороны, интенсивнымъ пастбищно-полевымъ хозяйствомъ XVII вѣка съ другой. Онъ рѣшительно высказывается и противъ мнѣнія о внезапности переворота. Онъ настаиваетъ на разнообразіи типовъ среди сельскихъ хозяйствъ XVI вѣка, указываетъ незамѣтные оттѣнки агрономическаго перехода, приводитъ ранніе и многочисленные прецеденты огораживаній и коммутаціи. Отличительная черта переворота, которая всего болѣе способствовала исчезновенію крестьянъ, состояла по его мнѣнію именно въ постепенномъ и мѣстномъ характерѣ перемѣнъ, въ отсутствіи законодательнаго вмѣшательства.

Уже Гансенъ въ своей рецензіи, гдѣ онъ выступаетъ рѣшительнымъ сторонникомъ теоріи классовой борьбы, отмѣтилъ односторонность взглядовъ Нассе, его недостаточное вниманіе къ условіямъ соціальнымъ, взаимнымъ отношеніямъ различныхъ общественныхъ классовъ. По Гансену, только тогда мы будемъ въ состояніи понять столь

неблагопріятный для крестьянъ и общины ходъ англійской исторіи, если обратимъ преимущественное вниманіе на соціальное могущество крупныхъ землевладѣльцевъ и промышленныхъ капиталистовъ, которые постепенно уничтожили крестьянъ и законными, и незаконными средствами. Для подкрѣпленія своего мнѣнія Гансенъ ссылается на ближе извѣстную ему исторію восточно-прусскихъ крестьянъ, которые были обезземелены несмотря на покровительство Фридриха II и законодательную эмансипацію XIX вѣка.—Нассе конечно могъ бы ослабить силу возраженія указаніемъ на то, что самыя отношенія общественныхъ классовъ были въ значительной мѣрѣ результатомъ господствовавшихъ тогда условій производства и распредѣленія; но онъ несомнѣнно преувеличилъ значеніе физическихъ и экономическихъ факторовъ процесса. Тѣмъ не менѣе, его работа представляетъ большой общій интересъ, поскольку она является противовѣсомъ революціонной точкѣ зрѣнія, нашедшей себѣ классическое выраженіе въ Капиталѣ. Но Нассе намѣчаетъ только главныя вѣхи процесса и не входитъ въ спеціальную разработку вопроса. Съ чисто ученой точки зрѣнія и его работа имѣетъ въ настоящее время лишь историческое значеніе, ибо послѣдующія изслѣдованія пустили въ научный оборотъ значительно большее количество матеріала.

Десять лѣтъ спустя появилась другая извѣстная нѣмецкая работа, книга Охенковскаго. Бо́льшая и важнѣйшая часть ея посвящена исторіи ремесла и торговли, но она занимается и аграрной исторіей. Къ сожалѣнію, особенно въ отдѣлѣ объ аграрномъ переворотѣ, работа основана на изученіи сравнительно небольшого и притомъ односторонняго матеріала.

Источники Охенковскаго отчасти памфлеты, отражающіе болѣе настроеніе современниковъ, чѣмъ дѣйствительную соціальную эволюцію, но главнымъ образомъ юридическіе акты, статуты государственные, городскіе и гильдейскіе. Даже при изученіи исторіи права такой матеріалъ часто оказывается одностороннимъ. Его недостаточность выступаетъ еще яснѣе, когда имъ пользуются для объясненія хозяйственнаго развитія и обращаютъ меньше вниманія на исторію юридическихъ нормъ. Но за то въ предѣлахъ захваченнаго матеріала работа отличается большими достоинствами: она не выхватываетъ случайныя, отрывочныя мѣста для подкрѣпленія апріорной схемы, а старается обнять всю совокупность разработанныхъ источниковъ и въ то же время подвергаетъ отдѣльныя мѣста внимательному истолкованію. Послѣ Охенковскаго подробная интерпретація очень многихъ

государственныхъ и лондонскихъ статутовъ есть лишь малополезное повтореніе того, что уже сдѣлано.

Охенковскій приходитъ къ очень широкимъ и отвлеченнымъ выводамъ. По его мнѣнію, въ XV и XVI вѣкѣ экономическіе факторы общественной жизни освобождаются отъ своихъ прежнихъ узъ и получаютъ самостоятельность. Но это есть только переходное время, и было бы ошибочно считать его эпохою меркантилизма, который развивается только въ XVII вѣкѣ. Средневѣковые порядки сохраняютъ еще большое значеніе. Отличительной чертой средневѣковаго строя было зависимое положеніе экономическихъ факторовъ и мотивовъ. Личное стремленіе къ обогащенію было подчинено общественнымъ интересамъ и встрѣчало немедленную преграду со стороны церкви и государственной власти, если оно приходило въ столкновеніе съ интересами цѣлаго.

Хотя Охенковскій объявляетъ своею задачею исторію постепеннаго освобожденія хозяйственныхъ факторовъ, на дѣлѣ онъ посвящаетъ главное вниманіе вопросу прямо противоположному. Въ то время какъ другіе сознательно сосредоточиваютъ свое вниманіе на новыхъ теченіяхъ хозяйственной жизни, Охенковскій постоянно настаиваетъ на тѣснѣйшей связи XV и XVI вѣка съ предыдущей эпохой. Въ этомъ отношеніи его книга до настоящаго времени не утратила поучительности и свѣжести, ибо никто другой послѣ не выдвигалъ указанной точки зрѣнія съ такой силой. Въ XV и XVI столѣтіи еще не было ни пастбищно-полеваго хозяйства, ни рѣзкой классовой борьбы между хозяевами и рабочими, ни сильной крупной промышленности, ни развитой меркантильной политики. Средневѣковыя основы еще не утратили своей жизненности. Индустрія покоится на мелкомъ ремесленномъ производствѣ и въ городѣ и въ деревнѣ, мастера и подмастерья еще близки другъ къ другу, капиталъ не успѣлъ забрать большой силы, торговля всецѣло регламентируется и ограничивается государствомъ въ интересахъ цѣлаго. Только сельское хозяйство выступаетъ пятномъ на общей картинѣ. Здѣсь государственная власть со всѣми своими статутами оказывается безсильною, личные хозяйственные мотивы получаютъ преобладаніе, происходитъ отдѣленіе труда отъ земли, мелкое крестьянское хозяйство всецѣло уступаетъ мѣсто крупному и по большей части хищническому пастбищному хозяйству.

Постройка Охенковскаго открыта для нападеній съ двухъ сторонъ. Вѣрна ли характеристика средневѣковаго хозяйства? Велика ли связь

хозяйственныхъ порядковъ XVI вѣка съ предыдущимъ періодомъ? Въ томъ и другомъ случаѣ ошибки или преувеличенія Охенковскаго вытекаютъ изъ односторонности и недостаточности его матеріала. Въ феодальную эпоху жизнь деревни или маноровъ протекала почти безъ всякаго вмѣшательства со стороны государственной власти. Аграрный переворотъ XV и XVI вѣка вызываетъ рядъ статутовъ, но эти два—три десятка парламентскихъ актовъ положительно тонутъ въ морѣ маноріальныхъ документовъ, которые совершенно не приняты во вниманіе у Охенковскаго. Для историка хозяйственнаго быта государственное вмѣшательство въ деревенскую жизнь имѣетъ огромную важность, поскольку оно привело къ ряду кадастровъ и переписей. Но эти документы опять-таки не приняты во вниманіе Охенковскимъ. Поэтому его выводы о рѣзкомъ перерывѣ аграрной традиціи, о почти полномъ обезземеленіи крестьянъ, о господствѣ хищническаго пастбищнаго хозяйства остаются необоснованными.—У Охенковскаго болѣе надежная почва подъ ногами въ отдѣлахъ о ремеслѣ и торговлѣ. Съ одной стороны здѣсь государственное вмѣшательство всегда было довольно значительно, съ другой онъ пользуется здѣсь лондонскими документами, стоящими близко къ дѣйствительной жизни. И все-таки Лондонъ находился въ исключительныхъ условіяхъ, которыя не позволяютъ распространять на всю страну извѣстія столичныхъ источниковъ. Затѣмъ, настаивая на рѣшительномъ преобладаніи ремесла и слабомъ развитіи капитализма, Охенковскій слишкомъ рѣзко противополагаетъ эти два порядка и мало выдвигаетъ промежуточную форму, которая имѣла огромное значеніе въ Англіи XVI—XVIII вѣка, домашнюю форму крупной промышленности.

Черезъ годъ послѣ книги Охенковскаго появилась докторская диссертація М. М. Ковалевскаго, которая главнымъ образомъ занимается соціальною исторіей XV вѣка. Впослѣдствіи М. М. Ковалевскій распространилъ свои занятія и на XVI вѣкъ. Его статьи по соціальной исторіи Англіи XIV—XVI вѣка появлялись въ различныхъ періодическихъ изданіяхъ и были объединены во второмъ томѣ его „Экономическаго роста Европы". Имя русскаго изслѣдователя получило такую большую извѣстность, что мы можемъ быть кратки въ общей характеристикѣ его трудовъ. Къ его крупнымъ достоинствамъ принадлежитъ наклонность къ широкимъ обобщеніямъ, рѣдкая работоспособность, обширная и необыкновенно разнообразная эрудиція, позволяющая ему плодотворное пользованіе сравнительнымъ методомъ. Но широкая постановка изслѣдованія и работа въ очень далекихъ

другъ отъ друга областяхъ историческаго изученія связана съ извѣстнаго рода опасностями: изложеніе получаетъ невольно и нерѣдко характеръ профессорскихъ лекцій, которыя обязаны говорить обо всемъ, и говорить твердо и рѣшительно, хотя бы въ научной литературѣ значительная часть предмета оставалась недостаточно ясной и установленной. Ignoramus робкаго эрудита слишкомъ рѣдко слышится на страницахъ этихъ интересныхъ и смѣлыхъ работъ. Какъ ни велика эрудиція русскаго ученаго, она по необходимости не всегда находится въ соотвѣтствіи съ многочисленностью, важностью и трудностью затронутыхъ вопросовъ; ибо разработка необходимаго для ихъ рѣшенія необозримаго матеріала далеко превышаетъ силы одного работника. Оттого и отдѣльные источники не всегда получаютъ исчерпывающее истолкованіе.

Въ докторской диссертаціи М. М. Ковалевскій самымъ широкимъ образомъ примѣняетъ статистическій методъ. Онъ самъ дѣлаетъ оговорку о приблизительномъ и вѣроятномъ характерѣ полученныхъ выводовъ, оправдывая себя авторитетными прецедентами. Онъ ставитъ и рѣшаетъ вопросы первостепенной важности. Численность населенія, процентъ городского населенія, площадь запашки, отношеніе послѣдней къ площади пастбищъ, площадь церковнаго, монастырскаго, рыцарскаго, коронпаго землевладѣнія, средній годовой сборъ хлѣба въ странѣ,—все находитъ себѣ точное числовое выраженіе, и на основаніи весьма ограниченнаго круга источниковъ. Конечно выводы получились лишь вслѣдствіе одинаковаго довѣрія къ очень пестрымъ извѣстіямъ, послѣ распространенія на всю страну извѣстій двухъ—трехъ картуларіевъ, послѣ цѣлаго ряда упрощающихъ предположеній.

Несмотря на весь авторитетъ столь извѣстныхъ изслѣдователей, какъ Сибомъ и Ковалевскій, подобная гадательная и силлогистическая статистика интересна больше постольку, поскольку она возбуждаетъ вопросъ о возможности настоящей статистики, основанной на массовомъ наблюденіи и подсчетѣ. Возможно ли примѣненіе количественнаго анализа къ изученію соціальной и въ частности аграрной исторіи XVI вѣка? Къ сожалѣнію, статистическій методъ примѣнимъ къ этой исторіи въ очень ограниченныхъ размѣрахъ. Мы не имѣемъ для XVI вѣка кадастра, подобнаго Книгѣ Страшнаго Суда или даже Сотеннымъ спискамъ: намъ невозможно установить даже такіе элементарные факты, какъ общую численность населенія или площадь запашки. Важнѣйшій матеріалъ, допускающій примѣненіе

статистическаго метода, есть Цѣнность церковныхъ земель (Valor Ecclesiasticus) и правительственныя изслѣдованія объ огораживаніяхъ. Но лишь часть этого матеріала издана, еще меньшая часть изучена; при томъ отвѣтъ можетъ быть полученъ лишь на немногіе вопросы. Для аграрной исторіи времени всего важнѣе сопоставленіе и сводка извѣстій по возможно большему числу отдѣльныхъ маноровъ. Но здѣсь встрѣчаются большія трудности и можетъ быть рѣчь только о статистикѣ грубой: либо приблизительной, либо распространяющейся только на часть страны. Трудно сопоставлять извѣстія, раздѣленныя даже не очень значительнымъ промежуткомъ времени, ибо этотъ періодъ былъ временемъ быстрыхъ перемѣнъ. Многіе маноріальные документы погибли. Издана лишь очень небольшая часть уцѣлѣвшихъ документовъ. А многіе недоступны и въ рукописи, ибо все еще хранятся въ частныхъ архивахъ. Тѣмъ не менѣе примѣненіе статистическаго метода къ аграрной исторіи періода, даже въ очень ограниченныхъ поневолѣ размѣрахъ, составляетъ насущную потребность исторіографіи. Какіе важные результаты даетъ его примѣненіе даже въ сравнительно элементарной формѣ, о томъ свидѣтельствуетъ появившаяся недавно работа Пэджа, своими тремя таблицами устранившая самую возможность защищать нѣкоторыя мнѣнія, часто встрѣчавшіяся доселѣ въ литературѣ. Но матеріалъ такъ великъ, и такъ мало обработанъ въ монографіяхъ, что количественная сводка извѣстій можетъ быть удѣломъ не очень близкаго будущаго и результатомъ труда очень многихъ изслѣдователей. До сихъ поръ литература сосредоточивалась на объясненіи общаго хода соціальной эволюціи, на ея качественномъ анализѣ, если можно такъ выразиться. Соціальная исторія имѣетъ дѣло по преимуществу съ двумя сторонами общественной жизни: съ правоспособностью различныхъ общественныхъ классовъ и съ ихъ хозяйственнымъ положеніемъ. У М. М. Ковалевскаго, юриста по своей преподавательской дѣятельности, въ работахъ по англійской исторіи, исторія хозяйственнаго быта получаетъ рѣшительное преобладаніе надъ исторіей юридическихъ нормъ: для широкихъ выводовъ и сравненій экономическая эволюція даетъ гораздо больше, чѣмъ сложная и своеобразная исторія англійскаго права, гдѣ необходимо точное, осторожное истолкованіе и сопоставленіе статутовъ, руководствъ, процессуальныхъ записей. Съ М. М. Ковалевскимъ невозможно согласиться въ нѣкоторыхъ юридическихъ вопросахъ. Онъ думаетъ напримѣръ, что юридическое обезпеченіе копигольда закончилось въ XV вѣкѣ и рѣшаетъ вопросъ ссылкою на

вѣроятную интерполяцію въ 77 статьѣ Литльтона; въ своей позднѣйшей работѣ онъ повидимому игнорируетъ Лидэма, который между тѣмъ выяснилъ трудность вопроса. Онъ думаетъ, что Уестминстерскій статутъ распространилъ постановленія Мертонскаго статута на вилллановъ; въ статутѣ рѣчь идетъ о сосѣдяхъ и подъ ними разумѣются фригольдеры. Онъ думаетъ, что извѣстное мѣсто С. Джермана свидѣтельствуетъ о рѣзкомъ поворотѣ юристовъ въ пользу огораживаній; на дѣлѣ мѣсто темно и повидимому не имѣетъ большого значенія.

Но нарисованная русскимъ ученымъ широкая картина общихъ хозяйственныхъ измѣненій заслуживаетъ полнаго вниманія. Предпочтеніе нужно отдать тремъ главамъ его новѣйшей работы (XIX—XXI), которыя охватываютъ также и XVI вѣкъ и опираются на болѣе обширный матеріалъ: въ отличіе отъ Охенковскаго къ изслѣдованію привлечены очень разнообразные источники, и печатные и рукописные. Г. Ковалевскій является убѣжденнымъ сторонникомъ эволюціонной точки зрѣнія и явно склоняется къ мнѣнію о первенствующемъ значеніи экономическихъ явленій въ общественномъ развитіи. Основными двигателями процесса онъ считаетъ ростъ населенія и въ связи съ этимъ ростъ запроса на землю и поземельной ренты. Отсюда паденіе крѣпостного права и мирный переворотъ въ сельскомъ хозяйствѣ, замѣняющій двухполье и трехполье многопольемъ; послѣднее ведется арендаторами—капиталистами, ибо интенсивное хозяйство несовмѣстимо со средневѣковой общиной. Община падаетъ еще и потому, что противъ нея рѣшительно выступаютъ лэндлорды: они хотятъ забрать себѣ приростъ поземельной ренты, а община съ ея неподвижными порядками и платежами стоитъ препятствіемъ у нихъ на пути. Революція цѣнъ и быстро возраставшій спросъ на шерсть ускоряютъ разложеніе средневѣковаго строя и выдвигаютъ впередъ огораживаніе общинныхъ пастбищъ и развитіе овцеводства. Особенно важнымъ моментомъ является секуляризація, которая выбрасываетъ на рынокъ церковныя земли, расширяетъ крупное землевладѣніе и даетъ сильный толчокъ развитію пауперизма. Любимая мысль автора о первенствующей роли буржуазіи слабо развита въ работѣ. Г. Ковалевскій считаетъ возможнымъ установить двѣ стадіи въ аграрной исторіи XVI вѣка и только по отношенію ко второй примѣняетъ точку зрѣнія Нассе. Въ первой половинѣ вѣка на огороженныхъ земляхъ быстро развивается чистое пастбищное хозяйство, которое будто бы приводитъ къ недостаточному производ-

ству хлѣба и соотвѣтственно обостренной нуждѣ обезземеленнаго населенія. Правительственныя попытки повернуть назадъ экономическое развитіе оказываются безсильными. И въ эпоху Елизаветы англійское хозяйство въ силу необходимости избираетъ единственный выходъ изъ затрудненія, переходъ къ болѣе интенсивному хозяйству, которое только напрасно г. Ковалевскій называетъ сразу „плодопеременнымъ". Напрасно также онъ опирается здѣсь на „Стаффорда": Ламондъ показала, что трактатъ мнимаго Стаффорда относится по всему вѣроятію ко времени Эдуарда VI.

Только въ спеціальномъ изложеніи можетъ найти себѣ мѣсто подробная оцѣнка этихъ положеній, которая вѣроятно покажетъ справедливость многихъ изъ нихъ. Въ краткомъ обзорѣ возможно лишь общее замѣчаніе объ отношеніи выводовъ къ источникамъ. Авторъ опирается на большой и очень разнообразный матеріалъ. Часть его составляютъ малонадежныя цифровыя данныя лѣтописей и петицій, тенденціозныя жалобы проповѣдей и памфлетовъ; очень значительная часть однако имѣетъ документальный характеръ. Но затронутые вопросы такъ многочисленны и сложны, что даже цитаты изъ документовъ нерѣдко больше иллюстрируютъ, чѣмъ обосновываютъ положенія текста. Распространенность и сравнительная важность многихъ общественныхъ явленій остается неясною. Это впрочемъ почти всецѣло объясняется состояніемъ нашихъ источниковъ; возраженіе направлено преимущественно противъ категоричности изложенія.

Роджерсъ несомнѣнно больше всѣхъ другихъ ученыхъ поработалъ надъ экономической исторіей Англіи и расширилъ запасъ нашихъ свѣдѣній въ этой области. Всего важнѣе его „Исторія земледѣлія и цѣнъ", ибо „Шесть вѣковъ труда и заработной платы" и „Экономическое истолкованіе исторіи" представляютъ главнымъ образомъ популяризацію большой работы. И въ то же время примѣръ Роджерса краснорѣчиво свидѣтельствуетъ о недостаточности одной эрудиціи. Позднѣйшіе изслѣдователи часто обращаются и будутъ обращаться къ собранному имъ огромному сырому матеріалу, но они уже показали ошибочность почти всѣхъ его общихъ положеній. Отъ Роджерсовской конструкціи англійской соціальной исторіи не остается теперь почти ничего. Но она должна найти себѣ мѣсто въ исторіографическомъ обзорѣ, какъ крайнее выраженіе катастрофической точки зрѣнія.

Я едва ли впаду въ преувеличеніе, если скажу, что Роджерсъ выводитъ соціальную исторію Англіи изъ пяти катастрофъ. Черная

Смерть, возстаніе Уота Тайлера, открытіе серебряной руды въ Америкѣ, порча монеты при Генрихѣ VIII и Эдуардѣ VI, заговоръ землевладѣльцевъ и капиталистовъ въ пятый годъ Елизаветы. Вотъ вкратцѣ существо его взгляда.

Манорiальный строй, долго господствовавшій въ странѣ, былъ совершенно разрушенъ эпидеміей половины XIV вѣка: страна обезлюдѣла, рента страшно упала, заработная плата сильно возросла. Манорiальное хозяйство становится немыслимымъ, происходитъ быстрая и полная коммутація, а на доменѣ развивается крупная аренда съ хозяйскимъ инвентаремъ (land and stock lease). Разочарованные лэндлорды дѣлаютъ отчаянную попытку вернуться силою къ старымъ порядкамъ и вызываютъ возстаніе 1381 года, которое довершаетъ эмансипацію крестьянъ ихъ юридическимъ раскрѣпощеніемъ; вилланство исчезаетъ въ Англіи. Наступаетъ XV столѣтіе, золотой вѣкъ для англійскихъ крестьянъ и рабочихъ. Заработная плата очень высока, цѣны очень низки. Аренда съ хозяйскимъ инвентаремъ уступаетъ мѣсто мелкой крестьянской арендѣ. Число йоменовъ и площадь крестьянскаго землевладѣнія быстро растутъ. — Разработка американскихъ рудниковъ и расточительность Генриха сразу и навсегда полагаютъ конецъ этому блаженному состоянію. Въ испанскіе и португальскіе порты все чаще и чаще приходятъ корабли съ американскимъ серебромъ и золотомъ, которое быстро переполняетъ европейскій денежный рынокъ и приводитъ къ революціи цѣнъ. Въ Англіи положеніе страшно осложняется другой катастрофой огромной важности: расточительный Генрихъ и хищные узурпаторы времени Эдуарда VI въ неслыханныхъ размѣрахъ прибѣгаютъ къ порчѣ монеты и доводятъ экономическій кризисъ до крайней степени напряженія. Цѣны стремительно подымаются вверхъ, но заработная плата далеко отстаетъ отъ нихъ въ своемъ ростѣ. Отъ долгаго достатка и довольства работникъ сразу переходитъ къ нуждѣ и нищетѣ. Когда при Елизаветѣ возстановилось правильное денежное обращеніе, лэндлорды и капиталисты вступаютъ въ заговоръ, чтобы закрѣпить благопріятное для нихъ хозяйственное положеніе. Статутъ пятаго года налагаетъ на мировыхъ судей обязанность опредѣлять размѣръ заработной платы: ставленники лэндлордовъ и капиталистовъ устанавливаютъ заработокъ сельскихъ и мануфактурныхъ рабочихъ. Заговоръ приводитъ къ огромному росту пролетаріата, къ безчеловѣчнымъ законамъ о бѣдныхъ и сохраняетъ свою силу вплоть до двадцатыхъ годовъ XIX вѣка и дѣятельности Кобдена.

Въ этой картинѣ прежде всего бросается въ глаза рѣзкое несоотвѣтствіе причинъ и слѣдствій. Если смотрѣть на нее пристальнѣе, то неменьшее удивленіе вызываетъ вопросъ, какимъ образомъ Роджерсъ отвелъ такъ мало мѣста самымъ основнымъ явленіямъ общественнаго развитія: разложенію общины, огораживаніямъ, смѣнѣ сельскохозяйственныхъ системъ. И недостаточное вниманіе къ самымъ важнымъ перемѣнамъ есть не случайное упущеніе, а сознательное намѣреніе. Роджерсъ настаиваетъ на томъ, что огораживанія и овцеводство оказали несравненно меньше вліянія, чѣмъ „безпредѣльное и безразсудное мотовство Генриха". Онъ настаиваетъ на томъ, что въ земледѣліи не произошло рѣшительно никакихъ перемѣнъ въ теченіе XVI вѣка, что агрономія Фицгерберта и Тёссера совершенно совпадаетъ съ агрономіей Уольтера Генли; пастбищно-полевое хозяйство не существуетъ для него. Онъ настаиваетъ на полной неподвижности всякой ренты въ XVI вѣкѣ и думаетъ, что въ XVI вѣкѣ лэндлордамъ было трудно найти арендаторовъ даже на очень льготныхъ условіяхъ. Онъ доходитъ даже до страннаго противорѣчія со своей общей схемой: по его мнѣнію, йомены выиграли всего больше отъ экономическаго переворота, значительно больше краткосрочныхъ фермеровъ, а злополучные лэндлорды лишь съ большими усиліями смогли удержать свою долю общественнаго продукта.

Почти всѣ выводы Роджерса устранены послѣдующими спеціальными и общими работами. Коммутація началась раньше Черной Смерти и кончилась несравненно позже 1381 года; аренда съ хозяйскимъ инвентаремъ исчезаетъ несравненно позже первой четверти XV вѣка; у насъ нѣтъ никакихъ свѣдѣній о попыткѣ лэндлордовъ вернуться къ натуральнымъ повинностямъ; вилланство не исчезло окончательно даже въ XVI вѣкѣ; какъ показала недавно Макъ-Арсоръ (Miss Mc. Arthur, Engl. Hist. Rev. IX, XIII), установленіе заработной платы мировыми судьями существуетъ съ самаго начала XV вѣка и едва ли примѣняется на дѣлѣ послѣ статута Елизаветы. Въ англійской исторіографіи до сихъ поръ упорно держатся двѣ изъ пяти катастрофъ Роджерса: писатели самой различной величины признаютъ огромное вліяніе либо Черной Смерти, либо революціи цѣнъ. Я оставляю въ сторонѣ вопросъ о Черной Смерти, который выходитъ за предѣлы интересующаго меня періода, но долженъ остановиться на движеніи цѣнъ, которое считаютъ центральнымъ явленіемъ въ исторіи XVI вѣка такіе авторитетные писатели, какъ Сибомъ, Кённингамъ и Мэтландъ.

Если отправляться въ данномъ случаѣ отъ важнѣйшихъ экономистовъ, то значеніе общаго подъема цѣнъ приходится a priori считать очень скромнымъ. Цѣна есть лишь матеріальное, денежное выраженіе цѣнности. Правда, экономисты очень расходятся въ пониманіи цѣнности, но почти всѣ они движеніе цѣнъ считаютъ не производящимъ, а производнымъ, поверхностнымъ явленіемъ, которое рѣдко позволяетъ намъ судить объ общемъ ходѣ хозяйственной жизни. На основное теченіе экономическаго развитія не могутъ оказать существеннаго вліянія ни рѣзкія колебанія въ цѣнности серебра и золота, ни рѣзкія перемѣны въ денежномъ обращеніи, вродѣ порчи монеты или выпуска ассигнацій. Въ концѣ концовъ эти рѣзкія катастрофы отражаются одинаково на всѣхъ цѣнахъ и измѣняютъ лишь ихъ абсолютную величину, а не взаимное отношеніе. Поэтому вызванныя такими катастрофами важныя соціальныя перемѣны, вродѣ значительнаго паденія реальной заработной платы, могутъ быть лишь явленіемъ временнымъ, преходящимъ.

Къ сожалѣнію, вопросъ едва ли рѣшается простою ссылкою на господствующую экономическую теорію. Теорія выведена изъ явленій капиталистическаго строя, гдѣ свободное соперничество и равновѣсіе спроса и предложенія не позволяютъ цѣнамъ значительно и надолго уклоняться отъ цѣнности. XVI вѣкъ былъ временемъ перехода, когда феодальный строй сохранилъ еще значительную силу и нѣкоторыя цѣны опредѣлялись не „издержками производства", не „количествомъ общественно-необходимаго труда", не „предѣльною полезностью", а неподвижнымъ или малоподвижнымъ маноріальнымъ обычаемъ и государственнымъ закономъ. На такія фиксированныя цѣны рѣзкія перемѣны въ цѣнности серебра или ходячей монеты не могли оказать большого воздѣйствія, а неподвижность однѣхъ цѣнъ при быстромъ движеніи другихъ могла привести къ важнымъ соціальнымъ послѣдствіямъ. Сибомъ и Мэтландъ ссылаются именно на неподвижность платежей копигольдеровъ, когда приписываютъ американскому серебру рѣшающее вліяніе на судьбу крестьянъ. Но прежде чѣмъ установить такой выводъ, нужно сначала доказать, что рента копигольдеровъ повсюду оставалась фиксированной, что она составляла основную часть ихъ феодальныхъ платежей, что копигольдеры составляли огромное большинство крестьянъ, что въ придачу къ своему надѣлу они не арендовали земли на условіяхъ общаго права и такъ далѣе. Однимъ словомъ, прежде чѣмъ дѣлать заключенія отъ движенія цѣнъ, необходимо на основаніи другихъ болѣе легкихъ и

ясныхъ источниковъ установить общія черты экономическаго и соціальнаго строя эпохи.

Но пользованіе извѣстіями о цѣнахъ связано и съ другими трудностями. Кеннингамъ рѣшительно и справедливо возсталъ противъ пріема, съ помощью котораго Роджерсъ чрезмѣрно упрощаетъ вопросъ о реальной заработной платѣ. Роджерсъ просто дѣлитъ заработокъ взрослаго работника на цѣну куортера пшеницы. Онъ устраняетъ вопросъ о заработкѣ другихъ членовъ семьи и о характерѣ потребленія, хотя, напримѣръ, мнѣніе объ исключительномъ потребленіи пшеницы нужно считать совершенно необоснованнымъ. Для поденной платы онъ устраняетъ вопросъ о постоянствѣ работы, для годового жалованья вопросъ о вознагражденіи натурою. Конечно трудности не исчерпываются тѣми, на которыя указываетъ Кеннингамъ. Роджерсъ вовсе не ставитъ существеннаго вопроса о томъ, есть ли работа по найму основное занятіе или только подсобная въ дополненіе къ собственному хозяйству. Онъ мало принимаетъ во вниманіе и мѣстный характеръ приводимыхъ имъ цѣнъ. Въ силу разныхъ условій, въ Англіи XV и XVI вѣка было еще много рынковъ и слѣдовательно много цѣнъ, при чемъ разница между предѣльными цѣнами достигаетъ иногда весьма значительнаго размѣра.

Мы встрѣчаемся далѣе съ затрудненіемъ совершенно элементарнаго свойства. Извѣстія о цѣнахъ представляютъ рядъ именованныхъ чиселъ. Но что означаютъ эти фунты, шиллинги и пенсы? Даже здѣсь мнѣнія сильно расходятся. Полемика Сибома и Кеннингама съ Роджерсомъ слишкомъ спеціальна, чтобы излагать ее здѣсь подробно. Но нужно указать, что вплоть до XVI вѣка Роджерсъ видитъ въ фунтахъ и шиллингахъ неизмѣнныя вѣсовыя единицы чистаго серебра; платежи по вѣсу смѣнились платежами по числу монетъ какъ разъ передъ двумя денежными катастрофами XVI вѣка. Сибомъ и Кеннингамъ видятъ все время въ фунтахъ и шиллингахъ ходячую монету. Чтобы уяснить всю разницу этихъ взглядовъ, достаточно сказать, что вѣсъ чистаго серебра въ ходячей монетѣ уменьшился почти вдвое между 1300 и 1500.

Всего хуже дѣло обстоитъ съ опредѣленіемъ мѣновой цѣнности самого серебра. Еще А. Смитъ выяснилъ крайнюю трудность опредѣленія цѣнности денегъ и Роджерсъ, Сибомъ и Кеннингамъ не преодолѣли этихъ трудностей. Роджерсъ полагаетъ, что цѣнность серебра не мѣнялась въ XIV и XV вѣкѣ. Сибомъ и Кеннингамъ думаютъ, что въ тотъ же періодъ цѣнность серебра поднялась вдвое.

Обѣ стороны увѣрены, что ихъ мнѣнія представляютъ необходимую дедукцію изъ двухъ посылокъ: первая — неподвижность цѣны пшеницы въ XIV и XV вѣкѣ, вторая — спорный фактъ платежей по вѣсу у Роджерса, по числу монетъ у Сибома и Кеннингама. На дѣлѣ обѣ стороны имѣютъ еще одну, уже не спорную, а невѣрную посылку: онѣ принимаютъ куортеръ пшеницы за общее и неизмѣнное мѣрило цѣнности. Только это ошибочное предположеніе дѣлаетъ обязательною ихъ дедукцію. Если отбросить посылку о неизмѣнной цѣнности пшеницы, принудительность силлогизма исчезаетъ. Возьмемъ мнѣніе Роджерса. Платежи дѣлаются по вѣсу серебра; цѣна пшеницы въ XIV и XV вѣкѣ почти неподвижна. Значитъ ли это непремѣнно, что цѣнность серебра неподвижна? Нисколько. Мы имѣемъ полное право утверждать, не впадая въ абсурдъ, что цѣнность серебра въ то же время поднялась вдвое. Для этого нужно только сдѣлать предположеніе, что и цѣнность пшеницы за то же время поднялась вдвое; а такое предположеніе не заключаетъ въ себѣ формальнаго противорѣчія.—Возьмемъ мнѣніе Сибома и Кеннингама. Платежи дѣлаются по числу монетъ, за два вѣка уменьшившихся въ вѣсѣ вдвое; цѣна пшеницы въ XIV и XV вѣкѣ почти неподвижна. Значитъ ли это непремѣнно, что цѣнность серебра въ то же время поднялась вдвое? Нисколько. Мы имѣемъ полное право утверждать, что цѣнность серебра все время оставалась неподвижной. Для этого нужно только сдѣлать предположеніе, что цѣнность пшеницы за то же время уменьшилась вдвое; а такое предположеніе не заключаетъ въ себѣ формальнаго противорѣчія.

Измѣнялась ли однако въ дѣйствительности мѣновая цѣнность пшеницы и серебра? Даже приблизительное, грубое рѣшеніе этого вопроса возможно лишь послѣ сопоставленія разновременныхъ и разномѣстныхъ цѣнъ очень многихъ товаровъ, что для XIV и XV вѣка очень нелегко. Вообще огромный матеріалъ цѣнъ, собранный Роджерсомъ, въ качествѣ историческаго источника даетъ слишкомъ мало въ сравненіи съ тѣми трудностями, которыя онъ представляетъ при критическомъ пользованіи. Элементарный экскурсъ въ область теоретической экономіи приводитъ къ отрицательному, но важному выводу. Матеріалъ цѣнъ можетъ быть привлеченъ къ изслѣдованію съ нѣкоторой надеждой на успѣхъ лишь послѣ того, какъ будутъ использованы другіе, болѣе легкіе и благодарные источники, все еще ждущіе своей разработки.

Книги Ашли и Кеннингама въ одномъ отношеніи похожи другъ

на друга: ихъ цѣль не столько двинуть впередъ изслѣдованіе, сколько собрать и провѣрить то, что уже сдѣлано. Но между ними есть и большое различіе.

Ашли принадлежитъ хорошая монографія по исторіи шерстяного производства въ XV вѣкѣ. Со значительно меньшимъ успѣхомъ выступалъ онъ въ качествѣ оригинальнаго изслѣдователя въ аграрной исторіи, смѣло вступая въ полемику съ проф. Виноградовымъ и Лидэмомъ. Но большая часть его многочисленныхъ работъ не имѣетъ самостоятельнаго характера. Ашли—очень способный популяризаторъ: онъ обладаетъ весьма большою начитанностью въ историко-экономической литературѣ, талантомъ изложенія, ясностью мысли, которая впрочемъ при рѣшеніи сложныхъ вопросовъ граничитъ съ прямолинейностью. Вредитъ ему чрезмѣрное пристрастіе къ воззрѣніямъ Фюстеля и Сибома, которыя при томъ получаютъ у ученика болѣе рѣзкую форму, чѣмъ въ работахъ учителей.

Чтеніе и отчасти самостоятельныя изысканія помогли Ашли установить нѣкоторыя вполнѣ правильныя точки зрѣнія на развитіе промышленности въ XV и XVI вѣкѣ. Онъ справедливо настаиваетъ на томъ, что начало крупнаго производства, по крайней мѣрѣ шерстяного производства, нужно отнести къ XV вѣку, когда аграрный переворотъ только начинался и слѣдовательно мало вліялъ на индустрію. Опираясь на нѣмецкую литературу, онъ отмѣчаетъ быстрое развитіе домашней формы крупнаго производства и въ этомъ отношеніи, вмѣстѣ съ Кеннингамомъ, существенно измѣняетъ взглядъ Охенковскаго, одностороннe настаивающаго на господствѣ мелкаго ремесла. Съ другой стороны и Ашли и Кеннингамъ слѣдуютъ за Охенковскимъ, когда выдвигаютъ впередъ быстрое перемѣщеніе промышленныхъ центровъ изъ города въ деревню и продолжительную связь индустріи съ земледѣліемъ. Ашли справедливо возстаетъ противъ преувеличенныхъ представленій о ростѣ пролетаріата въ XVI вѣкѣ. Онъ указываетъ на значительные размѣры пауперизма уже въ XV вѣкѣ и замѣчаетъ, что новая индустрія должна была дать заработокъ значительной части обезземеленнаго населенія. Онъ первый выяснилъ истинный характеръ секуляризаціи гильдій точнымъ истолкованіемъ двухъ статутовъ (37 H. VIII с. 14, 1 E. VI с. 14). Невѣрное пониманіе такихъ общедоступныхъ и важныхъ источниковъ свидѣтельствуетъ, какъ мало еще разработана соціальная исторія періода. Только часть имущества гильдій была конфискована, а самыя гильдіи продолжали существовать и послѣ секуляризаціи. Такимъ

образомъ, эти законы не могли оказать очень большого вліянія на ростъ пролетаріата.

Слѣдуя за нѣмецкими экономистами, Ашли различаетъ три основныя стадіи въ исторіи земледѣлія: трехполье, пастбищно-полевое хозяйство, плодоперемѣнное хозяйство. Въ объясненіи аграрной эволюціи XVI вѣка онъ приближается къ Ковалевскому: въ началѣ переворота господствуетъ чистое пастбищное хозяйство, затѣмъ оно уступаетъ мѣсто болѣе интенсивнымъ формамъ. Но Ашли попадаетъ въ большія затрудненія, когда отъ нѣмецкихъ схемъ переходитъ къ болѣе конкретному объясненію процесса. Справедливо сознавая важность количественныхъ выводовъ, онъ пытался дать первую карту огораживаній. Горячій сторонникъ историческаго міровоззрѣнія, онъ постоянно слѣдуетъ индуктивному методу въ своихъ топографическихъ изысканіяхъ. Но это индукція очень неполная. Его источники—описанія графствъ конца XVIII и начала XIX вѣка, путевыя впечатлѣнія и политическіе памфлеты XVI вѣка. Поэтому полученная карта едва ли можетъ служить надежнымъ путеводителемъ. Такъ, Норсэмтонширъ причисляется у Ашли къ графствамъ, огороженнымъ въ большомъ размѣрѣ. Въ гораздо болѣе надежномъ офиціальномъ докладѣ 1607 года (Cunningham II 701—3) это графство приводится какъ самый типичный примѣръ неогороженной мѣстности. Сомерсетширъ причисляется у Ашли къ графствамъ, о которыхъ нѣтъ достаточныхъ свѣдѣній. Тотъ же документъ зоветъ Сомерсетширъ самымъ типичнымъ огороженнымъ графствомъ. Конечно не карта Ашли, а только изданный Лидэмомъ, но еще не изученный матеріалъ можетъ пролить свѣтъ на размѣры огораживаній.

Въ общемъ литературномъ обзорѣ книга Кеннингама не можетъ занять много мѣста. Она приближается къ типу не очень притязательныхъ, но очень полезныхъ университетскихъ руководствъ. Ея сила не въ оригинальности мысли и не въ послѣдовательномъ проведеніи одной точки зрѣнія. Общія воззрѣнія Кеннингама отличаются не очень глубокимъ эклектизмомъ, да онъ и мало заботится о сведеніи отдѣльныхъ выводовъ въ стройную систему. Но за то книга хорошо отражаетъ положеніе знаній въ данной области въ моментъ своего появленія. Она опирается на близкое знакомство не только съ исторіографіей предмета, но и съ источниками, отчасти и рукописными.

Трудно говорить объ общихъ взглядахъ работы, гдѣ общіе взгляды стоятъ на второмъ мѣстѣ и составляютъ болѣе слабую часть цѣлаго. Съ мнѣніями Кеннингама приходится считаться по разнымъ частнымъ

вопросамъ, гдѣ онъ проявляетъ большую эрудицію и здравый смыслъ. Болѣе общее значеніе имѣетъ его полемика съ Роджерсомъ. Кеннингамъ не придаетъ большой важности возстанію 1881 года. Онъ первый указалъ, что и коммутація и юридическое раскрѣпощеніе совершились гораздо позже, чѣмъ думалъ Роджерсъ. Онъ рѣшительно отрицаетъ и мнимый заговоръ при Елизаветѣ, справедливо выдвигая многочисленные прецеденты рабочаго законодательства и слабое примѣненіе статута Елизаветы.

Приводитъ ли къ какимъ-нибудь заключеніямъ обзоръ общихъ работъ? Я думаю, что при желаніи изъ него можно сдѣлать разные выводы. Можно говорить о связи этихъ работъ съ главными теченіями европейской исторіографіи и общественной мысли: о связи Нассе съ Гансеномъ и Мейценомъ, Ашли съ Сибомомъ и Фюстелемъ, о сравнительномъ методѣ въ работѣ Ковалевскаго, о рѣзкомъ отраженіи тенденцій историко-этической школы у Охенковскаго и соціально-политической борьбы у Маркса. Можно говорить о рѣзкой противоположности между эволюціонной, катастрофической, революціонной точкой зрѣнія. Но я думаю, что самый главный выводъ будетъ совершенно элементаренъ: *мы знаемъ очень мало о соціальной исторіи XV и XVI вѣка*. Насъ не должно смущать согласіе многихъ писателей во многихъ вопросахъ. Это согласіе есть согласіе незнанія. Различные писатели пользовались доселѣ однимъ и тѣмъ же матеріаломъ и слѣдили лишь за самыми общими линіями развитія. Особенно посчастливилось статутамъ противъ огораживаній и нѣкоторымъ памфлетамъ: Марксъ и Охенковскій, Ферниваль и Скреттонъ, Ашли и Чэни приводятъ одинъ за другимъ одни и тѣ же, иногда очень длинныя мѣста изъ Мора и Фортескью, Краули и Старки, „Стаффорда" и Гаррисона, Бэкона и Латимера. Но это мало подвигаетъ впередъ рѣшеніе самыхъ важныхъ вопросовъ. Когда и какъ были обезпечены права копигольдеровъ? Сколько вилланозъ оставалось въ XVI вѣкѣ? Сколько земли было огорожено и какими способами? Какая судьба постигла крестьянскія хозяйства? Въ какомъ отношеніи пастбищное хозяйство стоитъ къ пастбищно-полевому? Какое мѣсто принадлежитъ крупной и какое мелкой арендѣ? Какое вліяніе оказалъ городской капиталъ на развитіе крупнаго фермерства?

Трудно сказать, въ какой мѣрѣ могутъ быть рѣшены эти вопросы. Но несомнѣнно, что для ихъ рѣшенія имѣется богатый и почти нетронутый матеріалъ. Освѣженіе и расширеніе матеріала, привлеченіе къ работѣ новыхъ и менѣе спорныхъ источниковъ составляетъ настоя-

тельную потребность исторіографіи. Еще очень многимъ изслѣдователямъ придется положить очень много труда, прежде чѣмъ можно будетъ согласиться съ извѣстнымъ мнѣніемъ Поллока объ англійской соціальной исторіи XVI вѣка.

II.

Для специалиста изысканія по частнымъ вопросамъ представляютъ наибольшій интересъ, особенно если они опираются на свѣжій, документальный матеріалъ. Краткій обзоръ важнѣйшихъ статей и монографій покажетъ, что въ послѣднее время появилось нѣсколько интересныхъ работъ. Но онѣ только полагаютъ начало систематическому изученію нетронутыхъ разрядовъ наличнаго матеріала и больше ставятъ вопросы, чѣмъ рѣшаютъ ихъ.

Юридическая сторона соціальной исторіи представляетъ менѣе трудностей для изученія, чѣмъ экономическая эволюція. Правовое положеніе различныхъ общественныхъ классовъ опредѣляется такими нормами, которыя не требуютъ количественнаго выраженія, по самой природѣ своей легче поддаются точной установкѣ и могутъ быть опредѣлены на основаніи меньшаго количества источниковъ. Если наши представленія о правоспособности самыхъ важныхъ группъ населенія отличаются неясностью, то это особенно краснорѣчиво свидѣтельствуетъ о слабой разработкѣ соціальной исторіи періода. Полемика Ашли и Лидэма съ полною ясностью обнаружила это для XV и XVI вѣка.

Ашли отправляется отъ теоріи Фюстеля и Сибома, которой онъ остается вѣренъ, несмотря на работы профессора Виноградова и Мэтланда. Средневѣковая община имѣетъ крѣпостное происхожденіе, а вилланство есть промежуточное состояніе между старымъ рабствомъ и новой свободой. Феодальное вилланское право оставалось нетронутымъ очень долго, до половины XV вѣка. Но маноріальный обычай постепенно закрѣплялся и былъ готовъ превратиться въ законъ, когда наступилъ рѣзкій хозяйственный кризисъ, скотоводство стало выгоднѣе хлѣбопашества и лэндлорды оживили старѣющую юридическую теорію чистаго вилланства, чтобы согнать безправныхъ крестьянъ и замѣнить ихъ болѣе выгодными овцами. Послѣдовала борьба между лэндлордами и маноріальнымъ обычаемъ, на сторонѣ котораго было правительство и общественное мнѣніе. Въ концѣ концовъ, къ началу XVII вѣка, права копигольдеровъ были закрѣплены, но крестьяне

очень долго оставались безправными, и лэндлорды по крайней мѣрѣ до половины XVI вѣка безпрепятственно отымали у нихъ и пашни и усадьбы.

Выводы Ашли рѣзко противорѣчили установившимся въ литературѣ взглядамъ, которые правда опирались на очень скудный матеріалъ. Обыкновенно полагали, что вилланы XIII вѣка постепенно превращались въ копигольдеровъ и получали судебную защиту, что рѣшенія Дэнби и Брайана (1468, 1482) окончательно закрѣпили ихъ права и что послѣ этого вилланы были лишь археологическимъ куріозомъ. Ашли первый показалъ, что цитаты изъ yearbooks въ 77 статьѣ Литльтона есть повидимому поздняя интерполяція, и Мэтландъ со всею силою своего авторитета призналъ важность этого замѣчанія. Но Ашли сдѣлалъ изъ своего наблюденія чрезмѣрно широкіе выводы. Онъ видитъ въ рѣшеніяхъ Дэнби и Брайана рѣзкій и единичный перерывъ юридической традиціи, не нашедшей для себя никакой почвы. Вилланы и копигольдеры по прежнему оставались безправны, и суды еще долго отказывали имъ въ защитѣ. Скудость ученаго аппарата находится у Ашли въ поразительномъ несоотвѣтствіи со смѣлостью выводовъ.

Если отбросить совершенно не идущія къ дѣлу цитаты XIII, XII, даже XI вѣка, то остается одно судебное рѣшеніе 1607 года и нѣсколько мѣстъ изъ изслѣдованія 1517 года, если не считать двухъ неизбѣжныхъ статутовъ противъ огораживаній.

Еретическія утвержденія Ашли заставили Лидэма пересмотрѣть весь вопросъ о крестьянской правоспособности, чтобы разъ навсегда устранить ихъ на основаніи широкаго изученія источниковъ.

Лидэмъ сдѣлалъ много, но больше для постановки вопроса, чѣмъ для его рѣшенія. Онъ напечаталъ въ изданіяхъ Королевскаго историческаго общества дошедшія до насъ бумаги комиссіи 1517 года, имѣющія первостепенную важность для соціальной исторіи періода. Онъ напечаталъ въ изданіяхъ Сельденова общества очень важныя процессуальныя записи Палаты прошеній и готовитъ къ печати не менѣе важныя записи Звѣздной палаты. Онъ привлекъ къ изслѣдованію въ значительномъ размѣрѣ и старый печатный матеріалъ. Но онъ главнымъ образомъ раскрылъ только неясность вопроса и противъ воли обнаружилъ долю истины въ легкомысленно обоснованныхъ утвержденіяхъ Ашли. Это зависѣло отчасти отъ личныхъ особенностей изслѣдователя, отчасти отъ трудности вопроса. Лидэмъ не обладаетъ ни остротой юридическаго анализа, ни способностью обобщенія. Онъ

упорно защищаетъ мнѣніе объ исконномъ дѣленіи крестьянъ па два класса, не имѣющихъ между собою ничего общаго: вилллановъ и обычныхъ держателей. Всѣ перемѣны въ жизни деревни затронули только сидѣвшихъ на доменѣ безправныхъ вилллановъ. Обычные держатели въ XI вѣкѣ находились въ томъ же положеніи, что и въ XVI. Они были юридически обезпечены и въ огораживаніяхъ принимали участіе только въ качествѣ огораживателей. — Этотъ взглядъ находится въ явномъ противорѣчіи съ источниками и долженъ быть устраненъ. Но если даже остановиться только на матеріалѣ Лидэма, то и здѣсь возникаютъ большія трудности.

Юридическіе источники свидѣтельствуютъ о неправильности судебнаго вмѣшательства въ манорiальную жизнь и о большой пестротѣ въ составѣ крестьянскаго населенія въ XV и XVI вѣкѣ. Въ частности возникаетъ вопросъ о численности вилллановъ и ихъ отношеніи къ копигольдерамъ.

Юрисдикція Палаты прошеній и Звѣздной палаты представляетъ свои затрудненія, ибо она въ значительной мѣрѣ носитъ характеръ административнаго вмѣшательства. Даже знаменитыя рѣшенія Дэнби и Брайана все еще остаются очень неясными. Лидэмъ первый обратился къ yearbooks и попытался комментировать записи; но эти краткія записи оказались очень темными. Никто еще не обращался къ оригинальной записи этихъ знаменитыхъ процессовъ, и вообще огромный матеріалъ оригинальныхъ судебныхъ протоколовъ XVI вѣка (Plea Rolls) остается нетронутымъ. А безъ его изученія трудно рѣшить вопросъ о времени и размѣрахъ судебнаго вмѣшательства въ манорiальную жизнь и о правоспособности зависимыхъ крестьянъ, тѣмъ болѣе что и необозримые манорiальные документы (Court Rolls) все еще не подверглись систематическому изученію.

Только въ самое послѣднее время молодой американскій ученый попытался воспользоваться манорiальными документами въ очень широкихъ размѣрахъ. Хотя монографія Пэджа останавливается главнымъ образомъ на XIV вѣкѣ и началѣ XV, она имѣетъ значительную важность и для XVI. Дѣло здѣсь вовсе не въ особенной глубинѣ общихъ взглядовъ или тонкости изслѣдованія, а въ свѣжести матеріала и сильныхъ сторонахъ статистическаго метода. Главный вопросъ есть вопросъ о коммутаціи, для рѣшенія котораго Пэджъ воспользовался по большей части рукописными протоколами манорiальныхъ судовъ и отчетами управляющихъ. Онъ составилъ таблицы для трехъ періодовъ: 1325 — 1350, 1350 — 1380, 1380 — 1435. Въ первой таблицѣ

81 маноръ, во второй 126, въ третьей 181. Для каждаго манора указывается дата документа, владѣлецъ, площадь запашки на доменѣ (не для всѣхъ маноровъ), приблизительный размѣръ барщины. Вотъ итоги:

	1325—1350	1350—1380	1380—1485
Всѣ работы дѣлаются барщиной	44 манора	22	7
Половина „ „	22 „	25	19
Мало „ „	9 „	39	51
Барщины нѣтъ	6 „	40	104.

Таблицы возбуждаютъ рядъ замѣчаній. Пэджъ воспользовался небольшою и легко уловимою частью извѣстій своего матеріала. Онъ сдѣлалъ односторонній подборъ маноровъ, ибо почти всѣ они церковные. Онъ взялъ слишкомъ большіе промежутки, особенно для третьей таблицы. Онъ прибѣгаетъ къ нѣсколько искусственной группировкѣ, при чемъ особенно странна группа съ половиной барщины. Данныя о площади запашки на доменѣ не разработаны. Наконецъ, отдѣльныя извѣстія еще никѣмъ не провѣрены. И при всемъ томъ таблицы впервые даютъ намъ не только общій ходъ, но и количественные размѣры нѣкоторыхъ важныхъ сторонъ аграрной эволюціи. Простая ссылка на эти 12 чиселъ есть достаточный отвѣтъ на утвержденія, будто коммутація закончилась къ 1381 году или будто 1381 годъ есть поворотный моментъ англійской исторіи.

Слабая разработанность исторіи права этого періода придаетъ большую важность и работамъ по исторіи судоустройства и судопроизводства. Здѣсь на первое мѣсто нужно поставить изданія Сельденова общества. Его душою является верховный авторитетъ въ исторіи англійскаго права—Фредерикъ Мэтландъ, неутомимая и блестящая дѣятельность котораго возбуждаетъ удивленіе всѣхъ лицъ, имѣвшихъ возможность познакомиться съ нею поближе. Онъ ведетъ юридическое преподаваніе въ Кэмбриджѣ. Ему принадлежатъ два большихъ и классическихъ трактата о раннемъ англійскомъ правѣ и длинный рядъ спеціальныхъ статей, всегда оригинальныхъ и остроумныхъ.

Руководя изданіями Сельденова общества, онъ всего болѣе содѣйствовалъ напечатанію многихъ основныхъ юридическихъ источниковъ XII — XIV вѣка. Общество приступило теперь къ изданію источниковъ XV—XVI вѣка и отчасти издало, отчасти готовитъ къ печати „избранные процессы“ Суда адмиралтейства, Канцлерскаго

суда, Лѣсныхъ судовъ, Палаты прошеній, Звѣздной палаты. Текстамъ предпосылаются очерки по исторіи соотвѣтствующаго трибунала. Бэльдонъ писалъ о ранней исторіи Канцлерскаго суда, впрочемъ мало прибавляя къ старой монографіи Спенса; Лидэмъ далъ первый связный очеркъ по исторіи Палаты прошеній. Но конечно самое важное предисловіе принадлежитъ Мэтланду. Это—классическое предисловіе ко второму тому.

Ученіе Литльтона и Кока о трехъ маноріальныхъ куріяхъ есть результатъ поздняго развитія. Три куріи дифференцировались изъ первоначальнаго единаго суда. Мэтландъ указываетъ на тѣсную связь одной куріи (court leet) съ институтомъ круговой поруки (visus franci plegii) и выводитъ эту юрисдикцію изъ феодальнаго иммунитета, постепенно теряющаго свою силу. Онъ показываетъ, какъ судъ фригольдеровъ (court baron) постепенно выдѣляется изъ галимота и теряетъ свое значеніе съ ростомъ королевской юрисдикціи. Какъ разъ судъ обычныхъ держателей (customary court) является наиболѣе чистымъ остаткомъ маноріальнаго строя и непосредственно восходитъ къ галимоту. Этотъ выводъ имѣетъ важное значеніе и для соціальной исторіи, ибо выдвигаетъ огромное значеніе маноріальнаго обычая, присущій ему обязательный характеръ.

Выясненіе сущности маноріальнаго обычая необходимо для пониманія соціальной исторіи періода, особенно исторіи огораживаній. Важнѣйшія монографіи о правахъ на общинное землепользованіе, которое стояло въ самой тѣсной связи съ огораживаніями, принадлежатъ Эльтону, Уильямсу, Дигби, Скрёттону. Къ сожалѣнію, очень ученыя книги Эльтона и Уильямса суть практическія руководства по дѣйствующему праву, гдѣ историческіе экскурсы стоятъ на второмъ мѣстѣ; работы Дигби и Скрёттона суть историко-догматическіе трактаты. Работы англійскихъ юристовъ показываютъ, что даже чисто правовая сторона огораживаній отличается большою сложностью. Common appendant, common appurtenant, common in gross, free foldage имѣютъ не одинаковую юридическую природу. Существуетъ значительная разница въ юридической природѣ пользованія различными видами общинныхъ земель и угодій. Отношенія лэндлорда къ держателямъ очень различны въ зависимости отъ того, устанавливаются ли они статутомъ, письменнымъ договоромъ или давностью и маноріальнымъ обычаемъ. Очень разнообразны были и способы, которыми эти отношенія прекращались, даже на держаніяхъ одного типа. А между тѣмъ разрядовъ держаній было много въ XVI вѣкѣ. Нѣ-

сколько случаевъ крестьянскаго обезземеленія могли быть тожественны по своей экономической природѣ и въ то же время находить себѣ совершенно различное юридическое объясненіе. Главные авторитеты Уильямсъ и Эльтонъ особенно настаиваютъ на первенствующемъ значеніи пестраго маноріальнаго обычая. Но на ихъ мнѣніяхъ отражается практическая цѣль работы и догматическій характеръ изложенія: на явленія XVI вѣка они смотрятъ иногда глазами XIX вѣка. Они опираются по преимуществу на столь характерные для англійской юриспруденціи сборники судебныхъ рѣшеній. Между тѣмъ въ XVI столѣтіи вмѣшательство общихъ судовъ въ маноріальныя отношенія только складывалось и не отлилось еще въ законченныя формы; столкновеніе правъ очень часто не выходило за предѣлы манора. Поэтому записи маноріальныхъ судовъ представляютъ необходимый дополнительный источникъ. Тѣмъ не менѣе юридическіе трактаты XIX вѣка необходимы при изученіи огораживаній. Англійскій копигольдъ до самаго послѣдняго времени сохранялъ очень много архаическихъ чертъ, и вмѣшательство общихъ судовъ сказывалось не столько въ измѣненіи мѣстнаго обычая, сколько въ придачѣ ему безусловной связующей силы.

Главная новая работа по секуляризаціи принадлежитъ англійскому бенедиктинцу Гаскэ. Изложеніе его носитъ повѣствовательный характеръ и преслѣдуетъ апологетическія цѣли. Гаскэ стремится показать, что монастыри были очень нужны для Англіи и что монахи являлись образцами христіанской нравственности, что дѣятели секуляризаціи были наоборотъ глубоко развращены и навлекли на страну неисчислимыя бѣдствія. Отдѣлы, посвященные пострадавшимъ за вѣру инокамъ, носятъ прямо агіографическій характеръ. Гаскэ въ очень многомъ зависитъ отъ болѣе раннихъ церковныхъ историковъ, особенно Блёнта и Диксона; но онъ самъ немало работалъ въ архивѣ и приводитъ рядъ важныхъ извѣстій и цифръ, выясняющихъ соціальное значеніе секуляризаціи.

Работа Гаскэ распространяется на всё королевство и уже потому не могла дать вполнѣ точныхъ итоговъ. Гораздо надежнѣе цифры въ безпристрастной монографіи Арчбольда, которая касается секуляризаціи только въ предѣлахъ Сомерсетшира и приводитъ много важныхъ документовъ. Арчбольдъ стоитъ на болѣе широкой точкѣ зрѣнія. Въ секуляризаціи онъ видитъ больше послѣдствіе, чѣмъ причину общественныхъ перемѣнъ XVI вѣка. У него есть и нѣкоторыя оригинальныя мнѣнія. Онъ возстаетъ противъ взгляда, будто поли-

тика Тюдоровъ выдвинула исключительно новыхъ дворянъ въ противоположность феодальной знати. Онъ старается показать, что очень многіе новые люди XVI вѣка принадлежали къ стариннымъ дворянскимъ родамъ, которые цѣлыя столѣтія играли важную роль въ жизни своихъ графствъ. Въ связи съ этимъ онъ настаиваетъ, будто и обычное мнѣніе о широкой спекуляціи съ секуляризованными землями страдаетъ преувеличеніемъ: значительная часть земель осталась за предѣлами спекуляціи, потому что сразу попала въ руки зажиточныхъ дворянскихъ семействъ.

Тому же важному вопросу о земельной мобилизаціи посвящена статья Давенпортъ, ученицы Ашли. Въ 1894 г. Давенпортъ составила очень полезную библіографію источниковъ по средневѣковой аграрной исторіи, а въ 1897 г. написала небольшую, но интересную статью объ аграрныхъ перемѣнахъ въ Стаффордширѣ. Она впервые попробовала въ большихъ размѣрахъ воспользоваться извѣстіями договоровъ объ отчужденіи земель (pedes finium) XIV, XV и XVI вѣка. Ея итоги еще не провѣрены, касаются немногихъ вопросовъ и вызываютъ нѣкоторыя методологическія возраженія. Но читатель можетъ сдѣлать изъ ея таблицы (1347 — 1586) любопытные выводы. До сороковыхъ годовъ XV вѣка площадь пастбища переходящаго изъ рукъ въ руки, ничтожна, затѣмъ она дѣлаетъ рядъ скачковъ, уже въ началѣ XVI вѣка догоняетъ соотвѣтственную площадь пашни, а въ половинѣ вѣка перегоняетъ ее. Площадь пашни, переходящей изъ рукъ въ руки, не испытываетъ существенныхъ перемѣнъ до начала XVI вѣка, потомъ она тоже дѣлаетъ рядъ скачковъ вверхъ. Максимумъ площади перехода относится къ десятилѣтію 1567—1576, когда эта площадь достигаетъ огромной цифры въ 176.000 акровъ, а между тѣмъ отчужденіе посредствомъ pedes finium было только однимъ изъ способовъ перехода земельной собственности. Но уже въ слѣдующее десятилѣтіе, послѣднее въ таблицѣ Давенпортъ, площадь мобилизаціи значительно падаетъ (120.000 акровъ).

Детальныя монографіи по исторіи отдѣльныхъ хозяйствъ имѣютъ большое значеніе даже въ хорошо изученныхъ областяхъ экономической исторіи. Особенную цѣну получаютъ онѣ въ столь слабо разработанной области, какъ экономическая исторія Англіи въ XV и XVI вѣкѣ. Я могу указать на двѣ поучительныхъ монографіи по отдѣльнымъ манорамъ въ литературѣ послѣдняго времени.

Корбетъ воспользовался Елизаветинскими описаніями нѣсколькихъ маноровъ въ Норфокѣ. Пониманіе трудныхъ источниковъ было ему

облегчено тѣмъ, что онъ самъ изъ Норфока и хорошо знаетъ топографію этихъ деревень. Сообразно характеру источниковъ Корбетъ говоритъ только о землевладѣніи, а не о земледѣліи. Но несмотря на свою односторонность, документы даютъ драгоцѣнныя свѣдѣнія, особенно по исторіи огораживаній. Мы можемъ осязать строеніе этихъ восточныхъ маноровъ. Мы узнаемъ съ полною точностью ихъ площадь и площадь домена, площадь огороженной земли и конфигурацію держаній, число держателей и величину ихъ участковъ. Для двухъ-трехъ маноровъ мы можемъ слѣдить за движеніемъ землевладѣнія во второй половинѣ XVI вѣка. Въ одномъ случаѣ мы знакомимся съ заключительной стадіей огораживанія въ наименѣе изученной формѣ, съ огораживаніемъ по соглашенію.

Мнѣ особенно пріятно кончить свой обзоръ монографіей Мэтланда объ Уильбертонѣ. Опираясь на очень большое количество документовъ, онъ слѣдитъ за хозяйственной жизнью манора отъ Эдуарда I до Генриха VII. Въ источникахъ крестьянское хозяйство занимаетъ несравненно меньше мѣста, чѣмъ доманіальное, но за то это послѣднее въ мастерскомъ изображеніи учителя выступаетъ съ необыкновенною наглядностью, позволяющею намъ разглядѣть чуть не каждый фунтъ хозяйскаго прихода и расхода. Шагъ за шагомъ мы слѣдимъ за распаденіемъ маноріальнаго строя: Мэтландъ отправляется отъ полнаго разцвѣта барщинныхъ порядковъ и оставляетъ Уильбертонъ много лѣтъ позже ихъ окончательной ликвидаціи. И все-таки монографія вызываетъ на замѣчанія. Они относятся не къ Уильбертону, гдѣ едва ли можетъ быть мѣсто для возраженій, а къ попыткѣ распространить условія даннаго манора на большинство остальныхъ. Уильбертонъ принадлежалъ до конца XVI вѣка епископской каѳедрѣ Или, а на церковныхъ земляхъ соціально-экономическая эволюція протекала особенно медленно. Въ очень многихъ свѣтскихъ манорахъ мы встрѣчаемъ болѣе раннюю коммутацію, большее развитіе аренды на общемъ правѣ, меньшую неподвижность въ платежахъ обычныхъ держателей. Выводы изъ исторіи Уильбертона, по крайней мѣрѣ безъ предварительнаго изученія, не могутъ быть распространены на большинство маноровъ.

Александръ Савинъ.

БИБЛІОГРАФІЯ.

I. Nasse. Ueber die mittelalterliche Feldgemeinschaft und die Einhegungen des XVI Jahrhunderts in England. 1869.

Hansson. Agrarhistorische Abhandlungen. I 484—512. 1880.

Ochenkowski. Englands wirtschaftliche Entwickelung im Ausgange des Mittelalters. 1879.

Ковалевскій. Общественный строй Англіи въ концѣ среднихъ вѣковъ. 1880.

— Экономическій ростъ Европы, томъ II. 1900.

Rogers. History of agriculture and prises. 1866—1887.

— Six centuries of work and wages. 1884.

Полемика о цѣнахъ. Rogers Econ. Interpr. 194 sqq. — Seebohm. Fortn. Rev. New. Series VII 218 sqq., Arch. Rev. III 20 sqq. — Cunningham I 545 sqq.

Ashley. Introduction to english economic history and theory. 1888—1893.

Cunningham. Growth of english industry and commerce. 1892—1896.

Ashley. Destruction of village community. Economic R. I. 358 sqq.

II. Ashley. Character of villein tenure. Annals Amer. Acad. 1891 Jan. and Engl. Hist. R. VIII 294.

Maitland. A new point on villein tenure. Law Q. R. VII 236.

Leadam. The inquisition of 1517, introduction Trans. of the Royal Historical Society VI 167 VII 127. Villainage in England Pol. Science Q. VIII 653. Security of copyholders EHR, VIII 684. Last days of bondage LQR. IX 348.

Page. The end of villainage in England. 1900.

Maitland. Introduction to the Select Pleas in manorial courts. Seld. Soc. II.

Elton. Treatise on commons and waste lands. 1868.

— Custom and tenant-right. 1882.

Williams. Rights of commons. 1880.

Digby. Introduction to the history of the low of real property. 1897.

Scrutton. Commons and common fields. 1887.

Gasquet. Henry VIII and the english monasteries. 1888.

Archbold. Somerset religions houses. 1892.

Davenport. Agricultural changes of the XV century. Quart. Journ. of Econ. XI 205.

Corbett. Elizabethan village surveys. Trans. of the R. Hist. Soc. XI 67.

Maitland. History of a Cambridgeshire manor. Engl. Hist. R. IX 417.

НѢКОТОРЫЯ ДАННЫЯ ПО ГЕОГРАФІИ СМОЛЕНСКАГО И ТВЕРСКАГО КРАЯ ВЪ XII ВѢКѢ.

I.

Водораздѣлы рѣкъ Западной Двины, Днѣпра и Волги были тѣми историческими путями, по которымъ искони направлялись народы и ихъ произведенія на европейскіе и азіатскіе рынки. Въ силу этническаго закона, по которому группы людей всегда разселяются при истокахъ и сліяніи рѣкъ, и при истокахъ упомянутыхъ рѣкъ существовала колыбель славянскихъ племенъ. Въ самыя древнѣйшія времена здѣсь существовали уже города и селенія, которыя и сейчасъ существуютъ подъ тѣми же названіями, подъ какими они упоминаются въ древнѣйшихъ княжескихъ грамотахъ. По словамъ геолога Никитина „истоки Волги являются одною изъ областей древнѣйшаго разселенія осѣдлаго земледѣльческаго племени". Вся область между тремя водораздѣлами рѣкъ принадлежала въ XII вѣкѣ, какъ извѣстно, Смоленскому княжеству. Смоленская страна прежде другихъ вошла въ историческую жизнь всей Руси, какъ передаточное торговое мѣсто, какъ узелъ, стягивавшій въ себѣ пути для сношенія трехъ важнѣйшихъ центровъ исторической жизни русскаго міра. Болѣе высокаго культурнаго развитія достигла Смоленская страна въ XII вѣкѣ, когда она вошла въ непосредственныя сношенія съ нѣмцами, съ Ригой и Готскимъ берегомъ. Нѣмцы отправлялись для торговли со смольнянами, въ Поволжье и далѣе въ Кіевъ черезъ Западную Двину до ея истоковъ, а отсюда по р. Волгѣ и Вазузѣ (въ г. Зубцовъ) до с. Волочка, гдѣ „насады" и „учаны" перевозились сухимъ путемъ до Днѣпра. Тѣмъ же путемъ вели торговыя сношенія съ Поволжьемъ и Южной Русью и новгородцы.

Съ озера Ильменя ихъ лодки двигались по р. Полѣ, притоку ея Явони, затѣмъ небольшимъ волокомъ въ верховье Волги, озеро Стержъ и т. д. Изъ той же Явони шелъ путь и въ озеро Селигеръ въ томъ мѣстѣ, гдѣ его обширный рукавъ развѣтвляется въ западномъ направленіи, у д. Свапущи.

Рѣка Волга упоминается лѣтописцемъ въ 1024 г., озеро Селигеръ (Серегѣрь) въ 1199 г., въ извѣстіи, что „Всеволодъ (князь) изъ Новагорода позва владыку Меркурія и быша на озерѣ Серегѣри“ [1]), гдѣ послѣдній и умеръ на пути во Владиміръ. При впаденіи р. Волги, близъ ея истоковъ, въ озеро Стержъ стоитъ на болотѣ большой курганъ съ плоской вершиной въ 3 сажени высоты и 25 сажень въ окружности; къ нему ведетъ насыпь въ видѣ вала. Это — древнѣйшее городище дохристіанской эры. Позднѣе новгородцы вздумали соединить озеро Большой Верхитъ съ озеромъ Стержемъ на разстояніи 3-хъ верстъ искусственнымъ каналомъ, который и называется теперь Волгой. Въ тотъ моментъ, именно въ XII вѣкѣ, когда прорывался этотъ каналъ, на курганѣ былъ поставленъ большой каменный крестъ съ вырѣзанной на немъ надписью: „6641 (1133 г.) мѣсяца июля 14 день почахъ рыти рѣку сю язъ Иванко Павловиць и крестъ сь поставихъ“ [2]).

Смоленскій край въ XII вѣкѣ заключалъ въ себѣ кромѣ нынѣшней Смоленской губерніи части Псковской (Торопецкій уѣздъ), Витебской и Калужской губ., половину Могилевской, Осташковскій и Ржевскій уѣзды Тверской губерніи до города Ржева включительно. Города и селенія, расположенные близъ истоковъ Волги и по самой р. Волгѣ, по озеру Селигеру и др., стали извѣстными лишь со времени княженія въ Смоленскѣ Ростислава Мстиславича, благодаря предпринятому по его иниціативѣ экономическому изслѣдованію всей Смоленской области. Въ 1137 году, когда была организована въ Смоленскѣ епископія, Ростиславъ Мстиславичъ, какъ извѣстно, собралъ въ Смоленскѣ вѣче для рѣшенія вопроса о томъ, гдѣ найти средствъ на содержаніе княжескаго двора и епископа. „Сдумавъ съ людьми своими“, онъ рѣшилъ привесть въ извѣстность пространство всѣхъ земельныхъ имуществъ Смоленскаго княжества, а также количество

[1]) Пск. Ш, 25. Подъ 1216 г.: „Новгородци же пойдоша Серегѣремъ и быша верху Волзѣ“. Пск., IV, 21.

[2]) „Стерженскій и Лопастицкій кресты въ связи съ древними водными путями въ верхнемъ поволожьѣ“ (изд. Тверской Ученой Архивной комиссіи, Тверь, 1890 г.).

городовъ, погостовъ, селъ и деревень, количество промысловъ, состояніе торговли и пр., съ тѣмъ, чтобы на основаніи полученныхъ такимъ образомъ данныхъ точнѣе и равномѣрнѣе распредѣлить сумму налога, какую могло платить населеніе Смоленскаго княжества. Планъ изслѣдованія отличался замѣчательной оригинальностью и раціональностью пріемовъ. Оно было окончено и результаты его приведены въ извѣстность только въ 1150 году, когда появилась извѣстная „Уставная грамота", данная Смоленской епископіи, единственный сохранившійся до настоящаго времени экземпляръ которой былъ найденъ, какъ извѣстно, въ Шведской королевской библіотекѣ и немудрено: въ Швеціи, или лучше Скандинавіи, жилъ дѣдъ Ростислава Мстиславича, король Инга Стенкильсонъ, и ему-то внукъ и переслалъ одинъ экземпляръ грамоты.

Мы думаемъ, что идея привести въ извѣстность доходность существовавшихъ въ Смоленскомъ княжествѣ промысловъ и торговли, чтобы выработать основанія системы обложенія населенія была внушена Ростиславу Мстиславичу его норманскимъ дѣдомъ [1]. Норманны, какъ извѣстно, еще ранѣе предпринятаго смоленскимъ вѣчемъ изслѣдованія княжества, при завоеваніи чужихъ земель всегда прибѣгали къ этому способу собиранія свѣдѣній о производительныхъ силахъ завоеванныхъ земель. Такъ они сдѣлали послѣ завоеванія Англіи въ 1066 г.; затѣмъ Сициліи и т. д. „Покоривъ Англію, говоритъ авторъ „Исторіи промышленности Англіи" г. Гиббинсъ, „Вильгельмъ Норманецъ велѣлъ сдѣлать перепись всей страны, для чего были посланы довѣренныя лица во всѣ округа, которымъ было поручено ознакомиться со всѣми землями, съ ихъ доходностью, привести въ извѣстность—сколько людей на нихъ жило и сколько содержалось скота"... Такъ было и въ данномъ случаѣ. Уставная Грамота даетъ основаніе заключать, что каждому городу было приписано по нѣскольку погостовъ, которые и службою и данью тянули къ своему городу, при чомъ со всѣхъ ихъ шло до 12 видовъ княжескихъ доходовъ: съ разныхъ промысловъ, съ рыбныхъ ловель, соловарень, съ бортныхъ ухожаевъ, бобровыхъ головъ, ловли куницъ, лисицъ и пр. Изъ нея же мы видимъ, что при сборѣ дани, по справедливому замѣчанію покойнаго профессора Бѣляева, „наблюдались порядокъ и опредѣленность, которые давали возможность напередъ знать, какую сумму дохода

[1]) Отецъ Ростислава Мстиславъ, какъ извѣстно, женился первымъ бракомъ на дочери шведскаго короля Стенкильсона.

приноситъ та или другая отрасль промышленности, а это уже само собой указываетъ на то, что княжескіе доходы не были случайными и произвольными, но были утверждены законодательнымъ порядкомъ народнымъ вѣчемъ и производились въ порядкѣ по напередъ составленной росписи", весьма рельефно рисующей намъ значительную степень экономическаго благосостоянія и Смоленскаго и Тверскаго края. Подати взимались не со всѣхъ плательщиковъ одинаково, т. е. взимались не съ лица или души, а съ капитала или дохода: *„всякъ платитъ свою дань по силѣ, кто что могъ"* — какъ выражается Грамота.

При назначеніи податей правительство отличало богатыя общины отъ бѣдныхъ, налагало на бѣдныя меньшее количество податей, нежели на богатыя, сами общины производили разверстку податей между своими членами „по животамъ и промысламъ", сами общины вели списки умершихъ или выбывшихъ изъ состава общины членовъ: „а въ тѣхъ погостѣхъ, а нѣкоторый погибнетъ, то ти и десятины убудетъ"—говорится въ грамотѣ. Мы говоримъ „сами общины", потому что только при общинномъ уловѣ рыбы, общинной ловлѣ пушныхъ звѣрей и общинныхъ кустарныхъ занятіяхъ женскаго населенія тканьемъ холстовъ, скатертей и полотенецъ, можно съ точностью опредѣлить долю тѣхъ или другихъ предметовъ, которые слѣдовало взять съ цѣлой общины въ пользу князя. „Податная система, замѣчаетъ далѣе тотъ же авторъ, основанная на сборѣ процентовъ съ капитала или дохода, доказываетъ, что доходы были точно исчислены и приведены въ извѣстность, слѣдовательно вся Смоленская земля была кадастрирована, иначе правительству нельзя было бы заранѣе опредѣлить сумму своихъ доходовъ съ тѣхъ или другихъ областей и общинъ". Всѣхъ податей въ общей сложности собиралось съ 25 городовъ, 30 селъ и множества погостовъ и деревень—3.150 серебряныхъ гривенъ, 34 лисицы, 10 черныхъ куницъ, 30 ногатъ, трои сани рыбы, двѣ *скатерти*, 3 *убруса* и 1 осетръ. Переводя эти гривны на современную денежную единицу, получимъ болѣе 50.000 р., кромѣ даней натуральныхъ. Десятую часть сбора всей дани Ростиславъ Мстиславичъ предоставилъ въ пользу епископа вмѣстѣ съ корпораціей епархіальныхъ чиновниковъ, такъ что однихъ гривенъ приходилось епископу 308 и 3 ногаты [1]), т. е. болѣе 60 гривнами аналогич-

[1]) *Макарій*, Ист. Р. Ц., III 241; *Голубинскій*, Ист. Р. Ц., I, 325.

ной десятины, платимой новгородскими князьями своимъ епископамъ [1]). Въ грамотѣ мы встрѣчаемъ и другую любопытную черту того времени, указывающую на раздѣленіе общества на различные соціальные классы, а въ то же время и на состояніе нравовъ, въ то время еще языческихъ, что видно изъ словъ грамоты: „аще кто водитъ двѣ женѣ, судитъ епископъ". Ростиславъ отдалъ епископу въ вѣчное владѣніе нѣсколько селъ, „съ изгоями, съ женою и дѣтьми"; слѣдовательно, въ Смоленскомъ краѣ существовалъ многочисленный классъ невольныхъ людей, а затѣмъ кромѣ общинныхъ земель существовала и частная земельная собственность. Обязанности этихъ изгоевъ или невольныхъ людей заключались въ томъ, что они исполняли низшія должности по владычнему двору и управленію (Никитскій). Земли частныхъ землевладѣльцевъ не освобождались отъ епископской десятины, что видно изъ словъ грамоты: „Дань любо княжа, любо княгинина или чія си хотя, правити десятину святѣй Богородици".

II.

Всѣ города и селенія, упоминаемые въ Ростиславовой Грамотѣ, были расположены по берегамъ рѣкъ и озеръ: Днѣпра, Западной Двины, Волги, озера Селигера и другихъ менѣе значительныхъ рѣкъ [2]).

Историки, занимавшіеся изученіемъ географическаго разселенія славянъ, хотя и указываютъ на древнѣйшее существованіе городовъ и селеній при истокахъ, напр. Днѣпра, Западной Двины, р. Торопы, Остра и др. ничтожныхъ рѣчекъ, не указываютъ почти ни одного города, или селенія, существовавшихъ въ моментъ составленія Уставной Грамоты въ предѣлахъ Тверской губерніи, напр. на берегахъ озера Селигера, при истокахъ рѣки Волги и др., такъ что озеро Селигеръ и истоки Волги въ XII вѣкѣ предполагаются какими-то tabula rasa. Причину такого незнанія географическаго положенія многихъ населенныхъ пунктовъ въ древней Руси слѣдуетъ искать съ одной стороны въ отсутствіи археологическихъ изслѣдованій многихъ прирѣч-

---

[1]) По Никитскому въ Новгородѣ епископу платилось всего 200 гривенъ. См. „Внутр. Ист. Ц. въ Новгородѣ", въ *Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія* 1879 г., кн. 2, стр. 301. По Карамзину 250 грив.

[2]) Географическое положеніе городовъ и селеній, упоминаемыхъ въ грамотѣ, указано отчасти въ моей статьѣ „Очеркъ промышленности и торговли Смоленскаго княжества съ древнѣйшихъ временъ" въ *Историческ. Обозрѣніи*, т. VII.

ныхъ мѣстностей, лежащихъ въ глуши и отдаленности уѣздовъ отъ извѣстныхъ торговыхъ путей, а съ другой—въ неудобствѣ существующихъ путей сообщенія, до такой степени, что, напримѣръ, пробраться куда-нибудь въ захолустныя деревни и селенія, лежащія по берегамъ рѣки Волги и озера Селигера въ Осташковскомъ и Ржевскомъ уѣздахъ, можно только „по образу пѣшаго хожденія", по болотамъ и трясинамъ, да и то лишь въ жаркое, сухое лѣто. При такихъ условіяхъ едва-ли мыслимо производить какія-либо археологическія изслѣдованія и раскопки, хотя-бы и въ такихъ мѣстностяхъ, которыя заключаютъ въ себѣ поразительное богатство старинныхъ кургановъ, городищъ, стоянокъ, могильниковъ, земляныхъ и каменныхъ укрѣпленій всевозможныхъ формъ и конструкцій, но которымъ по своей недоступности для любознательнаго историка и археолога долго еще суждено оставаться въ неизвѣстности. Русская исторія, особенно древняя, чрезвычайно бѣдна фактами внутренней, бытовой и экономической жизни населенія, благодаря главнымъ образомъ некультурности крестьянскаго населенія, не могущаго интересоваться ничѣмъ, выходящимъ изъ круга обыденныхъ деревенскихъ интересовъ. Поэтому, многія рѣдкости археологическаго характера, находимыя крестьянами въ мѣстахъ ихъ жилищъ и окрестностяхъ, безвозвратно гибнутъ. Истоки рѣки Волги вмѣстѣ съ озеромъ Селигеромъ и другими связанными съ ними озерами съ древнѣйшихъ временъ служили важнѣйшими водными артеріями для всей сѣверной, центральной и южной Руси, по которымъ функціонировала вся торгово-промышленная жизнь населенія. Поэтому и все пространство, заключающееся въ предѣлахъ волжско-селигеровской системы рѣкъ, вплоть до г. Ржева, съ древнѣйшихъ временъ, еще ранѣе XII вѣка, было густо заселено кореннымъ русскимъ населеніемъ, на что указываютъ многочисленные курганы и городища не только по берегамъ озеръ Селигера, Веслуга, Цено, Сига и др., а также по берегамъ истоковъ Волги и впадающихъ въ нее рѣкъ и рѣчекъ.

Въ 1899 г. лѣтомъ намъ лично удалось отыскать нѣкоторые изъ упоминаемыхъ въ Ростиславовой Уставной Грамотѣ городовъ и селеній, существовавшихъ въ XII вѣкѣ въ предѣлахъ Осташковскаго и Ржевскаго уѣздовъ.

Торговля нѣмцевъ, литовцевъ, смольнянъ, полочанъ и новгородцевъ съ Поволжьемъ, Кіевомъ и другими значительными городами шла единственнымъ путемъ, исключая рѣки Днѣпра для смольнянъ и кіевлянъ, указаннымъ нами выше. Этотъ путь шелъ по Западной

Дванѣ до ея истоковъ, отсюда волокомъ въ 2 — 3 версты до рѣки Исни Большой (называемой крестьянами *Женей*), впадающей въ озеро Пено, а изъ него—въ Волгу. Новгородцы направлялись въ Поволжскій край и въ Кіевъ исключительно черезъ озеро Селигеръ. Конечно, можно усумниться въ возможности проѣзда на лодкахъ въ верхнихъ частяхъ Западной Двины до самыхъ ея истоковъ, такъ какъ сѣверная болотистая котловина съ озерами Двинецкимъ и Соблаго „имѣетъ болѣе или менѣе заросшія глубокія, такъ называемыя, окошки или небольшія водныя слабо заросшія мхомъ ямы". Но это послѣднее обстоятельство, по словамъ геолога г. Никитина, говоритъ именно за то, что „мы имѣли здѣсь нѣкогда болѣе обширныя озера, нынѣ опустившія отчасти свой уровень отъ пониженія уровня истоковъ, а въ большей своей части заросшія моховой болотной растительностью" [1]), слѣдовательно въ древности вполнѣ проходимыя на лодкахъ, „насадахъ" и „учанахъ". На противоположной сторонѣ устья рѣки Жени при теперешней деревнѣ Извѣдовой стоитъ значительный курганъ, поднимающійся надъ озеромъ Пено, и сторожившій отсюда путь въ рѣку Волгу, это упоминаемый въ Ростиславовой грамотѣ г. *Женця Великая*. „А въ Женци у Велицѣй дани княжеской 200 гривенъ"— говорится въ грамотѣ — „изъ того святей Богородици и епископу 20 гривенъ". Аналогичное значеніе съ Женей Великой имѣлъ по своему географическому положенію и другой городъ—*Жабачевъ*. Профессоръ Голубовскій, авторъ очерковъ „*Исторіи Смоленскаго княжества*", печатавшихся въ *Кіевскихъ Университетскихъ Извѣстіяхъ* въ 1894 — 1895 гг., ставитъ этотъ городъ у озера Сабрò (Осташковскаго уѣзда) по созвучію съ существующей деревней *Жабы*. „Жабачевъ и Хотошинъ, говоритъ г. Голубовскій, находятся въ такой мѣстности, которая могла дать жителямъ 200 гривенъ дани. Ни въ одномъ случаѣ нѣтъ такого близкаго совпаденія по имени, какъ Хотошинъ и Хотошино, и близости теперешняго Жабья съ послѣднимъ" (Жабачевымъ) у озера Сабро. Впрочемъ г. Голубовскій не признаетъ свое рѣшеніе за „абсолютно вѣрное". Относительно предполагаемаго существованія Жабачева у озера Сабро можно возразить слѣдующее. Озеро Сабро связывается съ озеромъ Селигеромъ рѣчкою Собричемъ, но въ само Сабро нельзя добраться ни изъ Новгородской, ни изъ Смоленской земли иначе какъ по сухому пути на протяженіи нѣсколькихъ десятковъ верстъ, или же далекимъ окольнымъ путемъ

[1]) Бассейнъ Волги, изслѣдов. гидрогеологич. отдѣла 1894—1898 г., стр. 48.

чрезъ озеро Селигеръ, тогда какъ сухопутный, гужовой путь торговыхъ людей въ древности практиковался лишь небольшими волоками между двумя водораздѣлами рѣкъ, — это во-первыхъ, а во-вторыхъ въ моментъ посѣщенія нами деревни Жабы на озерѣ Сабро лѣтомъ 1899 г. намъ пришлось сразу разрушить иллюзію г. Голубовскаго тѣмъ, что эта деревня возникла всего лишь за нѣсколько лѣтъ до уничтоженія крѣпостнаго права и была заселена помѣщикомъ крестьянами, выселенными изъ деревни Старой (близъ того же озера). Но мы можемъ указать существованіе г. *Жабачева* въ другомъ мѣстѣ, а именно на берегу озера Селигера, у деревни Верхней Руды, тамъ, гдѣ въ настоящее время перекинутъ черезъ озеро въ самомъ узкомъ его мѣстѣ мостъ на протяженіи 20—25 саженъ. Въ писцовыхъ книгахъ Ржевскаго уѣзда 1624 года (когда къ нему принадлежалъ и Осташковскій уѣздъ) деревня *Верхняя Руда*, нынѣ Рудино (съ 32 крестьянскими дворами), названа еще *Жабиной*; и сейчасъ еще конецъ деревни, носящій названіе на картѣ деревни Огаровой, крестьянами называется *Жабиной*. Съ лѣвой стороны деревни Руды, близъ озера Селигера, находится довольно высокій холмъ-курганъ, въ настоящее время совершенно распаханный (за исключеніемъ небольшой площадки наверху, гдѣ стоятъ 3 сосны). Во время весенняго половодья вода изъ Селигера подходитъ къ самому холму. До недавняго времени крестьяне находили на этомъ холмѣ человѣческія кости, черепа. Крестьянинъ Евсей Носковъ недавно нашелъ деревянный крестъ и полусгнившую деревянную голову ангела, части кадила; крестьянки находили тамъ же стеклянныя бусы и другія вещи. Очевидно здѣсь была нѣкогда церковь, уничтоженная по преданію во время татарскаго погрома. Это и есть г. *Жабачевъ*: „А въ Жабачевъ дани 200 гривенъ, а изъ того епископу взяти 20 гривенъ". Далѣе за Жабачевымъ озеро опять становится довольно широкимъ вплоть до деревни Нижней Котицы, и здѣсь выпускаетъ р. Селижаровку, вливающуюся въ Волгу у посада Селижарова. Такимъ образомъ изъ Жабачева велъ прямой кратчайшій путь въ Волгу. Всѣ плоты съ бревнами и дровами, идущіе и по озеру и внизъ по теченію Волги, передвигаются при помощи каната и якорей вплоть до села Хотошина (имѣющаго 62 двора), такъ какъ до Хотошина Волга имѣетъ характеръ озерный, теченія не замѣтно. У Хотошина Волга суживается до 20—25 саженъ и отсюда имѣетъ уже нигдѣ не прерываемое озерами быстрое теченіе. Хото-

шино стоитъ на возвышенномъ лѣвомъ берегу рѣки Волги. На томъ мѣстѣ, гдѣ въ настоящее время стоитъ старая, полуразвалившаяся деревянная часовня, находятъ массу человѣческихъ костей. Бывшій тутъ высокій курганъ размытъ быстрымъ теченіемъ Волги аршинъ на 10 въ діаметрѣ. Масса человѣческихъ костей и череповъ погружены въ воду, откуда рыбаки при ловлѣ рыбы постоянно вытаскиваютъ ихъ сѣтями... Это городъ *Хотошинъ*, платившій княжеской дани 200 гривенъ. Города: *Женя Великая*, *Жабачевъ* и *Хотошинъ* занимали совершенно одинаковое географическое и торгово-промышленное положеніе, такъ какъ всѣ три стерегли открытый прямой путь въ рѣку Волгу: первый изъ Западной Двины—изъ Смоленска и Нѣмецкой земли, второй изъ Новгорода, а третій служилъ соединительнымъ звеномъ для тѣхъ и другихъ. Всѣ три города платили дани по 200 гривенъ. Но и за упомянутыми городами пространство по берегамъ озера Селигера и рѣки Волги вплоть до города Ржева не могло быть мертвой, безжизненной пустыней. И здѣсь были города и селенія, входившіе въ составъ Смоленскаго княжества. Спускаясь въ лодкѣ отъ города Осташкова внизъ по теченію Волги, на границѣ между Ржевскимъ и Осташковскимъ уѣздами, на правомъ высокомъ берегу Волги, близъ устья рѣки Солодомли, встрѣчается погостъ Спасъ-Солодомля (по терминологіи крестьянъ „*Солодовня*"). Кругомъ погоста мѣстность ровная и только самый погостъ съ церковью и находящимися подлѣ домами духовенства расположенъ на холмѣ, круто, почти отвѣсно спускающемся къ рѣкѣ. Холмъ со стороны рѣки имѣетъ искусственно закругленный видъ. Справа, позади каменной церкви виденъ искусственно вырытый нѣкогда довольно пологій спускъ къ рѣкѣ, нынѣ заросшій старыми деревьями; слѣва, отступя отъ крутика саженъ на 20, расположены близко одинъ отъ другого 7 кургановъ. Лѣтъ 20 тому назадъ одинъ изъ этихъ кургановъ былъ разрытъ (мѣстнымъ дьякономъ Синевымъ) для устройства на этомъ мѣстѣ погреба, при чемъ въ курганѣ были найдены чрезвычайно дряблыя, темноватыя человѣческія кости, свидѣтельствующія о глубокой ихъ древности, такъ какъ они „ломались какъ щепки", и еще голубоватаго цвѣта ожерелье, по выраженію дьякона „монисто", сейчасъ же разсыпавшееся, какъ только дьяконъ взялъ его въ руки. Остальные 6 кургановъ и до сихъ поръ остаются нетронутыми. Это и есть упоминаемое въ Ростиславовой грамотѣ село *Солодовницы:* „въ Солодовницѣхъ дани 20 гривенъ, изътого святѣй

Богородицы и епископу 2 гривны". Г. Голубовскій совершенно напрасно помѣщаетъ Солодовницы гдѣ-то между рѣками Днѣпромъ и Вазузой, „на одномъ изъ незначительныхъ притоковъ перваго".

На половинѣ пути, между Солодовницами и г. Ржевомъ, тамъ, гдѣ Волга дѣлаетъ крутой изгибъ въ западномъ направленіи, въ углу этого изгиба, на правомъ, почти отвѣсно спускающемся къ Волгѣ берегу, находится погостъ Георгіевскій, носящій другое народное названіе *Шуйщины*, — это опять-таки упоминаемый въ грамотѣ центральный пунктъ области или волости *Шуйской*, съ которой шло княжеской дани 20 гривенъ. Что Шуйская или Шуйщино представляла собой въ XII вѣкѣ дѣйствительно волость или цѣлую область, а не отдѣльное село, это доказываетъ тотъ фактъ, что и по сіе время крестьяне называютъ Шуйщинымъ не одинъ этотъ погостъ, а все пространство, всѣ деревни, лежащія между погостами Спасъ-Солодовней и Георгіевскимъ. 25 верстъ не доѣзжая до г. Ржева, при устьѣ р. Сижки, впадающей въ Волгу, находится погостъ Никола-Сижка. Погостъ расположенъ на чрезвычайно высокомъ, искусственно сложенномъ холмѣ, поднимающемся на 10 — 15 саженъ высоты и опускающемся почти перпендикулярно къ Волгѣ. Постройка такого городища требовала такой массы рабочихъ рукъ, какой теперь не найти во всей окружающей мѣстности. Высокій холмъ имѣетъ не круглую, а продолговато-овальную форму и тянется на протяженіи 400 шаговъ по берегу р. Волги, начиная отъ устья р. Сижки. Курганъ или городище со всѣхъ сторонъ имѣетъ столь крутой подъемъ, что на него съ трудомъ можно въѣхать на лошади; въ прежнее время подъемъ на лошади былъ совсѣмъ невозможенъ. Этотъ длинный курганъ невольно наводитъ на сравненіе его съ аналогичнымъ длиннымъ курганомъ на р. Вопи (притокѣ Днѣпра), найденномъ г. Сизовымъ, или другими такими же городищами въ Западной Волыни, у селеній Будоража, Мисочки, Варковичей, круглой или овальной формы, въ діаметрѣ около 200—400 шаговъ [1]). Замѣчательно, что противъ этого городища, на правой сторонѣ устья р. Сижки, тянется вдоль берега Волги другое такой же длины и высоты городище, отличающееся отъ перваго лишь отлогимъ и широкимъ спускомъ съ него съ задней стороны. Оба кургана или горо-

---

[1]) См. о нихъ рефератъ, читанный проф. Антоновичемъ въ Кіевѣ на XI археологическомъ съѣздѣ въ 1899 г. См. отчетъ объ этихъ курганахъ въ *Русскихъ Вѣдомостяхъ* за 1899 г. № 221.

дища сложены изъ окружающей мѣстность земли. Въ весеннее половодье вода совершенно окружаетъ первое городище и съ двухъ сторонъ—второе; около второго городища до послѣдняго времени сохранялись два громадныхъ валуна съ надписями, но прошлымъ лѣтомъ они были увезены подъ фундаментъ одного частнаго дома. Рѣка Сижка течетъ къ Волгѣ съ западной стороны на протяженіи 100 верстъ. Мимо этого кургана, почти параллельно съ Сижкой, идетъ отъ г. Торопца къ г. Ржеву на протяженіи 150 верстъ старинный Торопецкій трактъ. Вся мѣстность по обоимъ берегамъ р. Сижки считается весьма плодородной, поэтому въ древности была очень густо заселена. 300 лѣтъ тому назадъ, именно въ 1624 году, переписчикъ, въ своей писцовой книгѣ Ржевскаго уѣзда [1]), упоминаетъ 67 пустыхъ мѣстъ по р. Сижкѣ, поименно называя ихъ запустѣлыми нѣкогда деревнями. Въ настоящее время по обоимъ берегамъ на протяженіи всей этой рѣки расположено лишь 20 мелкихъ селеній... Сижка—это несомнѣнно извѣстный въ Ростиславовой грамотѣ городъ *Жижцы* или Жижичъ; съ чѣмъ согласенъ и г. Бѣляевъ [2]). „А въ Жижци дани 130 гривенъ... А се подгородіе... въ Жижци пять гривенъ, а почестья гривна и лисица". Конечнымъ пунктомъ Смоленскаго княжества на р. Волгѣ былъ г. Ржевъ *Вержавскъ*, *Вержавляне великіе* [3]), „укрѣпленный пунктъ, закрывавшій верховья волжскаго пути со стороны Суздальской земли". Такъ какъ г. Ржевъ всегда тянулъ къ Торопцу и имѣлъ съ нимъ постоянныя сношенія, то между обоими этими пунктами существовали селенія, имѣвшія значеніе промежуточныхъ станцій. Отъ Ржева путь лежалъ по р. Сижкѣ до самыхъ истоковъ. По этой рѣкѣ, а также по притоку ея, идущему параллельно — съ первой, въ западномъ направленіи лежало нѣсколько укрѣпленныхъ пунктовъ и городищъ. Въ 20 верстахъ отъ г. Жижичъ, на притокѣ Сижки, Бѣлейкѣ лежало село *Былево* (*Былевъ*), нынѣ Бѣлейка (платило дани 20 гривенъ). Около Бѣлейки и сейчасъ находится большой курганъ, имѣющій въ окружности 120 саженъ и въ

---

[1]) Писцовая книга Ржевскаго уѣзда 7132 и 7133 гг. переписана неизвѣстнымъ лицомъ, по порученію покойнаго предсѣдателя Тверской ученой Архивной коммиссіи А. К. Жизневскаго съ подлинной книги, хранящейся въ Архивѣ М. Ю. въ Москвѣ.

[2]) См. о Жижичѣ *Н. Барсова* „Матеріалы для историко-географич. словаря Россіи", Вильна, 1865 г., 74, и *Бѣляева* Зап. Геогр. Общ., VI, 176.

[3]) Около г. Ржева и сейчас можно указать тѣ 9 погостовъ, съ которыхъ княжеской дани сходило 800 гривенъ и „передмѣра 100 гривенъ".

вышину 5 са́женъ. Форма кургана круглая, съ площадкой на вершинѣ. Наконецъ почти близъ истока Сижки, на притокѣ ея Бобровкѣ находится село Бобровка, древнее — „*Бобровницы*", платившее въ XII вѣкѣ княжеской дани 10 гривенъ. Близъ Бобровки находится тоже значительный курганъ. Отсюда до р. Западной Двины не болѣе 40 верстъ, а черезъ нее путь ведетъ прямо въ г. Торопецъ.

Таковы данныя, которыя мы имѣемъ сообщить объ упоминаемыхъ въ Ростиславовой Уставной Грамотѣ XII вѣка городахъ и селеніяхъ Смоленскаго княжества, находившихся въ предѣлахъ нынѣшняго Осташковскаго и Ржевскаго уѣздовъ. Эти населенные пункты не возникли, конечно, въ XII вѣкѣ, когда была только изслѣдована переписчиками ихъ торгово-промышленная, имущественная сила и они были зарегистрованы; они теряютъ свое начало въ сѣдой древности, а именно въ VII, VIII и IX вѣкахъ. Глубокая, сѣдая древность населенныхъ мѣстъ по берегамъ озера Селигера и истоковъ Волги свидѣтельствуется найденными по берегамъ Селигера слѣдами свайныхъ построекъ, существованіе которыхъ отодвигается уже далѣе 2000 лѣтъ до нашей эры...

И. Красноперовъ.

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБЩЕСТВО „АРЗАМАСЪ" [1]).

Литературное общество „Арзамасъ", существовавшее въ десятыхъ годахъ истекшаго столѣтія, занимаетъ довольно своеобразное положеніе въ исторіи русской литературы и просвѣщенія, пользуясь столько же громкою, сколько неопредѣлившеюся вполнѣ историко-литературною репутаціей: до самыхъ послѣднихъ дней, можно сказать, объ Арзамасѣ даются отзывы разнорѣчивые и даже противорѣчивые. Пересмотримъ рядъ этихъ отзывовъ, придерживаясь хронологическаго порядка ихъ появленія. По мнѣнію Ковалевскаго, Арзамасское общество „имѣло значеніе болѣе важное, чѣмъ казалось по виду": это значеніе „мѣтко, тонко и вѣрно" опредѣлено извѣстными словами Уварова о „критическомъ" направленіи Арзамаса („Графъ Блудовъ и его время", стр. 112 — 113). Анненковъ находилъ, что

---

[1]) 1) Новые матеріалы для исторіи Арзамаса (по документамъ Порѣченскаго архива) сообщ. А. И. Кирпичниковъ (*Русская Старина*, 1899, V, 337 — 351); Видѣніе въ какой-то оградѣ, изданное обществомъ ученыхъ людей (Остафьевскій архивъ князей Вяземскихъ, Спб. 1899, I, 411 — 413: эта книга вообще [вышло 4 тома] содержитъ немало цѣнныхъ свѣдѣній объ Арзамасѣ и арзамасцахъ); Новые матеріалы для исторіи Арзамаса (Отчетъ Имп. Публ. Библ. за 1887 г.: текста стр. 214—215 и приложеній стр. 68—85); Пачка бумагъ, относящихся до литературнаго общества „Арзамасъ" (Отчетъ Имп. Публ. Библ. за 1884 г.: Бумаги Жуковскаго, стр. 157 — 162); въ дополненіе къ матеріаламъ, напечатаннымъ въ отчетахъ Публичной Библіотеки, мы располагали, благодаря любезному содѣйствію И. А. Бычкова, нѣкоторыми неизвѣстными въ печати выдержками изъ бумагъ Жуковскаго, хранящихся въ этой Библіотекѣ, а именно: перечнемъ прозвищъ избранныхъ членовъ Арзамаса (отн. ко 2-й половинѣ 1817 г.), черновыми набросками программы второго устава общества, а также и программы журнала, предполагавшагося къ изданію арзамасцами; Рѣчи, читанныя при пріемѣ въ Арзамасское общество Василья Львовича Пушкина (*Русскій Архивъ* 1876, I,

Арзамасъ представляетъ поучительный примѣръ общества. фактически просуществовавшаго менѣе трехъ лѣтъ и. тѣмъ не менѣе, „оставившаго послѣ себя долгій слѣдъ и живую мысль, которая питала людей его, когда они уже были разсѣяны по свѣту"; впрочемъ. самъ же Анненковъ ограничиваетъ высказанное положеніе замѣчаніемъ, что со временемъ лица, принадлежавшія къ Арзамасу. все-таки ставятъ себѣ противоположныя цѣли („А. С. Пушкинъ въ Александровскую эпоху", стр. 117). Галаховъ, признавая, что Арзамасъ принесъ „несомнѣнную пользу русской литературѣ", видѣлъ въ этомъ обществѣ „высшій примѣръ назидательнаго вліянія какъ на своихъ членовъ, такъ, посредствомъ ихъ, и на современную имъ литературу" („Исторія русской словесности", II, 258, 481). Авторъ статьи въ Словарѣ Брокгауза высказалъ убѣжденіе, что Арзамасъ оставилъ „неизгладимые

63—70 и Сочиненія Вяземскаго VIII, 415—426; имѣютъ къ Арзамасу отношеніе также отдѣльныя мѣста тт. I—III, VII, XI); Протоколъ 20-го арзамасскаго засѣданія (*Русскій Архивъ* 1868, стр. 829 — 838; здѣсь же, стр. 838 — 843, Письмо Жуковскаго къ Дашкову); Литературныя арзамасскія шалости (Выдержки изъ старыхъ бумагъ Остафьевскаго архива: *Русскій Архивъ* 1866, стр. 473—489; также Письмо Д. В. Дашкова къ кн. Вяземскому, стр. 498 — 501); Парнасскій Адресъ-Календарь, соч. Воейкова (*Русская Старина* 1874, III, 612—615; здѣсь же, стр. 586—597, и „Домъ сумасшедшихъ"); Кантата Дашкова (Лѣтопись русскаго театра, сост. П. Араповъ, Спб. 1861, стр. 241—242). - 2) Отрывки изъ записки о Н. И. Тургеневѣ (Сочиненія Жуковскаго, изд. 7, VI, 418 — 419); N. Tourgueneff, La Russie et les russes, Bruxelles 1847, I, 125—126; Осьмое января 1851 г. (*Современникъ* 1851, № 3, отд. VI, 2 — 8); Литературныя воспоминанія, А. В. (*Современникъ* 1851, № 6, отд. II, 37—42); Бесѣда любителей русскаго слова и Арзамасъ въ царствованіе Александра I-го и мои воспоминанія, ст. Стурдзы (*Москвитянинъ* 1851, ч. VI, № 21, кн. I, 13 — 17); Мелочи изъ запаса моей памяти, Мих. Дмитріева, М. 1854, стр. 49, 52—54 (свѣдѣнія, сообщаемыя Дмитріевымъ,—какъ и предыдущая статья,—серьезнаго значенія не имѣютъ); Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ (матеріалы для его біографіи), Бартенева, 1855 г. (отдѣльно, стр. 10—15, и въ Литературныхъ приложеніяхъ къ *Московскимъ Вѣдомостямъ* 1855 г., № 142); Полемика о комедіи кн. Шаховскаго: Липецкія воды (1815), Матеріалы для исторіи литературнаго общества Арзамасъ (1820), Члены литературнаго общества Арзамасъ (Библіографическія записки Лонгинова въ *Современникѣ* 1856, № 7, 11—15; 1856, № 8, 158—161; 1857, № 5, 70—72); Записки Филиппа Филипповича Вигеля IV, 171—178; V, 37 — 52: приложеніе къ *Русскому Архиву* 1892, № 7 и 9; воспоминанія Вигеля заключаютъ въ себѣ немало любопытныхъ данныхъ по исторіи Арзамаса, однако мѣстами страдаютъ фактическою неточностью: напримѣръ, по словамъ Вигеля V, 45, арзамасцы никогда не видѣли между собой Давыдова, а, между тѣмъ, извѣстенъ даже отрывокъ рѣчи, которую онъ произнесъ въ арзамасскомъ собраніи, см. Отчетъ Имп. Публ. Библ. за 1884 г., стр. 160 — 161; кромѣ того, Вигель въ отзывах о со-

слѣды въ исторіи русской литературы" (II, 76). Г. Якушкинъ видитъ въ Арзамасѣ общество „важное по своему могучему вліянію на литературу" (*Русскія Вѣдомости* 1899, № 200). Наконецъ, по мнѣнію г. Халанскаго, основаніе Арзамаса было „весьма крупнымъ историко-литературнымъ событіемъ" („О вліяніи В. Л. Пушкина на поэтическое творчество А. С. Пушкина". стр. 49). Наряду съ приведенными существуютъ отзывы и другого характера. Такъ, ак. Гротъ не считалъ возможнымъ принимать въ точномъ смыслѣ свидѣтельство Уварова о „критическомъ" направленіи Арзамасскаго общества: отдавая должное благотворному вліянію, какое оказывалъ тѣсный дружескій союзъ столькихъ талантовъ на дѣятельность самихъ арзамасцевъ, а чрезъ нихъ отчасти и на современную литературу, Гротъ подчеркивалъ шуточный характеръ собраній Арзамаса и предостерегалъ отъ возможности преувеличить его значеніе (Сочиненія Державина, VIII, гл. 15, отд. VI, 927—928). Незеленовъ отмѣчалъ, какъ

членахъ своихъ по Арзамасу далеко не всегда справедливъ, бывая явно недоброжелательнымъ: таковъ, напримѣръ, онъ въ отзывахъ о Сѣверинѣ и А. Тургеневѣ; Арзамасское общество (изъ секретныхъ записокъ и донесеній сенатора Е. А. Кушелева и другихъ, *Русская Старина* 1877, IV, 655—656, также 659—660), 3) Статьи объ Арзамасѣ и его отношеніяхъ къ Бесѣдѣ любителей русскаго слова—Лонгинова (Энциклопедическій словарь, составленный русскими учеными и литераторами, Спб. 1862, V, 312—315: авторъ, повидимому, пользовался и рукописнымъ матеріаломъ: въ статьѣ приведена выдержка изъ ненапечатаннаго до сихъ поръ протокола одного изъ арзамасскихъ засѣданій), Ковалевскаго (въ соч. „Графъ Блудовъ и его время", Спб. 1871, стр. 104 — 119: и этотъ авторъ, повидимому, имѣлъ подъ руками рукописный матеріалъ, имѣющій отношеніе къ Арзамасу), Анненкова (въ соч. „А. С. Пушкинъ въ Александровскую эпоху", изд. 1874 г., стр. 108—117), Грота („Бесѣда любителей русскаго слова и Арзамасъ", Сочиненія Державина, изд. А. П., VIII, гл. 15, отд. VI, 900 — 928), Загарина (въ соч. „В. А. Жуковскій и его произведенія", М. 1883, стр. 194—208) Пыпина (въ соч. „Общественное движеніе при Александрѣ I", 1885, стр. 404—406), Л. Майкова (въ ст. „О жизни и сочиненіяхъ К. Н. Батюшкова", Сочиненія Батюшкова, изд. 1887, I, 243—249; это изданіе вообще, особенно томы I и III, даетъ рядъ свѣдѣній, имѣющихъ большее или меньшее отношеніе къ Арзамасу: между прочимъ, на стр. 423—433 т. I напечатана ст. Уварова и Батюшкова „О греческой антологіи"), анонима (Энцикл. словарь Брокгауза, II, 76 — 78), Галахова (Исторія русской словесности, изд. 3, II, 254—260), Халанскаго (въ „Примѣчаніяхъ и добавленіяхъ" къ ст. „О вліяніи Василія Львовича Пушкина на поэтическое творчество А. С. Пушкина", Харьковъ, 1900, стр. 37—38, 39 — 49; также 7—8). Здѣсь не названы заглавія сочиненій, въ которыхъ объ Арзамасѣ сдѣлано лишь нѣсколько попутныхъ замѣчаній (таково, напримѣръ, соч. Незеленова „А. С. Пушкинъ въ его поэзіи", 1882).

крупные недостатки Арзамаса, „шуточный характеръ" его и „отсутствіе въ немъ опредѣленной и обдуманной програмны занятій", находя „долю правды" въ рѣзкомъ отзывѣ объ Арзамасѣ Писарева, замѣтившаго („Пушкинъ и Бѣлинскій", изд. 1894 г., V, 110): „здѣсь... навязываніе бумаги на Зюзюшкинъ хвостъ было возведено въ принципъ и обставлено торжественными обрядами" („А. С. Пушкинъ въ его поэзіи", соч. Незеленова, 1882, стр. 46—47). Загаринъ признавалъ арзамасскія собранія „милыми вечерами", „самымъ непритязательнымъ развлеченіемъ людей, связанныхъ частію школьнымъ товариществсмъ, частію дружбою, частію же и родствомъ": для него Арзамасъ представляетъ „явленіе отрадное" главнымъ образомъ потому, что среди членовъ его господствовало „русское благодушіе, при всей его интимности не переходившее ни въ шумную распущенность, ни въ скучное молчаніе лицъ, надоѣвшихъ другъ другу" („В. А. Жуковскій и его произведенія", стр. 206). Л. Майковъ высказался въ томъ смыслѣ, что „чѣмъ болѣе накопляется свѣдѣній объ этотъ пріятельскомъ литературномъ кружкѣ, тѣмъ очевиднѣе выясняется слабое дѣйствіе его на умственное движеніе своего времени" (Соч. Батюшкова, I, 243). А. Н. Пыпинъ, наконецъ, называетъ Арзамасъ въ своей „Исторіи русской литературы" (IV, 216) знаменитымъ „не совсѣмъ по заслугамъ" (ср. IV, 278—279 и его же „Характеристика литер. мнѣн.", стр. 73). Итакъ, въ одно и то же время за Арзамасомъ признается съ одной стороны вліяніе на русскую литературу и жизнь важное и даже „могучее", съ другой — слабое. Предлагаемый очеркъ имѣетъ цѣлью путемъ фактической провѣрки — на основаніи недавно опубликованныхъ и прежнихъ, до сихъ поръ болѣе или менѣе разрозненныхъ, матеріаловъ—установить, какой изъ вышеотмѣченныхъ двухъ взглядовъ ближе къ исторической дѣйствительности. Нельзя, конечно, сказать, чтобы всѣ болѣе важные документы для исторіи Арзамаса были изданы или, по крайней мѣрѣ, найдены [1]): въ дальнѣйшемъ изложеніи не разъ придется считаться съ пробѣлами нашихъ свѣдѣній объ Арзамасѣ; однако, уже то, что до сихъ поръ извѣстно, представляетъ, на нашъ взглядъ, достаточно матеріала для вполнѣ опредѣленнаго сужденія относительно общаго значенія Арзамаса въ исторіи русской литературы и просвѣ-

---

[1]) До сихъ поръ не найдена, напримѣръ, рѣчь Уварова, произнесенная имъ на подготовительномъ собраніи арзамасцевъ 14-го октября 1815 г., неизвѣстенъ полный текстъ первоначальнаго арзамасскаго устава и т. д.

щенія. Но, прежде чѣмъ перейти къ ближайшей задачѣ, необходимо, въ цѣляхъ большей ясности и убѣдительности нашихъ выводовъ, остановиться предварительно на нѣкоторыхъ историко-литературныхъ фактахъ, предшествовавшихъ возникновенію Арзамасскаго общества.

Вышедшее въ 1803 году „Разсужденіе о старомъ и новомъ слогѣ россійскаго языка“ Шишкова было сигналомъ къ продолжительной литературной борьбѣ, первоначальный характеръ которой—болѣе или менѣе спеціальный — со временемъ расширился и усложнился внесеніемъ въ него мотивовъ болѣе широкаго значенія. Шишковъ, оставившій по себѣ репутацію человѣка честнаго и убѣжденнаго, но вмѣстѣ съ тѣмъ ограниченнаго и невѣжественнаго, во время полемики съ противниками опредѣленно высказался въ томъ смыслѣ, что стремленіе къ какимъ бы то ни было литературнымъ реформамъ является несомнѣннымъ доказательствомъ нравственной распущенности и политической неблагонадежности. Такимъ своимъ заявленіемъ онъ придалъ возгорѣвшемуся литературному спору характеръ борьбы между двумя общественно-политическими настроеніями: историками эпохи (Галаховымъ, г. Пыпинымъ) уже отмѣченъ тотъ фактъ, что сторонники и защитники разсужденій Шишкова стали въ то же время и апологетами добраго стараго времени; другими словами, въ полемикѣ между карамзинистами и шишковистами нельзя не видѣть первообраза болѣе поздней борьбы западничества со славянофильствомъ, — борьбы, несравненно, конечно, болѣе глубокой по своимъ идеямъ и идеаламъ. Почти все, что было молодого и даровитаго въ литературѣ эпохи насъ интересующей, примкнуло къ прогрессивному ея направленію, и впервые за новый періодъ русской литературы опредѣленно обозначались партіи, изъ которыхъ каждая рѣшилась упорно отстаивать свои литературныя требованія, равно какъ затѣмъ и свои общественные взгляды [1]). Борьба, то затихая, то разгораясь, шла почти 15 лѣтъ, причемъ наиболѣе интересный и плодотворный періодъ ея приходится на время отъ 1810 г., когда въ полемикѣ приняли участіе со стороны карамзинистовъ такія силы, какъ Вас. Пушкинъ, Дашковъ, Батюшковъ, Вяземскій, Жуковскій. Не имѣя въ виду *всесторонняго* изложенія полемики между приверженцами Шишкова и Карамзина [2]), остано-

[1]) Карамзинисты печатали свои произведенія въ Сѣверномъ Вѣстникѣ, Московскомъ Меркуріи, Цвѣтникѣ, Санктпетербургскомъ Вѣстникѣ, Россійскомъ Музеумѣ; шишковисты—отчасти также въ Сѣверномъ Вѣстникѣ, затѣмъ въ Сочиненіяхъ и переводахъ Академіи, Чтеніяхъ въ Бесѣдѣ любителей русскаго слова.

[2]) Послѣдовательный ходъ этой полемики довольно обстоятельно изложенъ

вимся нѣсколько подробнѣе на болѣе для нашей цѣли важныхъ изъ ряда разнохарактерныхъ литературныхъ явленій, какими отмѣченъ періодъ отъ 1810 г. до возникновенія Арзамаса. Въ концѣ 1810 г. одинъ изъ ревностныхъ и наиболѣе талантливыхъ сторонниковъ литературной реформы, Дашковъ, написалъ содержательную критическую статью („Цвѣтникъ" № 11 и № 12), въ которой—не измѣняя серьезному тону объективной критики [1]) — подвергнулъ основательному разбору примѣчанія, какими Шишковъ снабдилъ свой переводъ (1808) двухъ статей французскаго критика Лагарпа, имѣвшихъ прямое отношеніе къ мыслямъ переводчика. Почти одновременно съ Дашковымъ на арену литературной борьбы выступилъ и Вас. Пушкинъ своимъ Посланіемъ къ Жуковскому („Цвѣтникъ" № 12, стр. 357—363): это Посланіе сторонники Карамзина, позднѣе составившіе Арзамасъ, называли „манифестомъ о войнѣ съ противниками", а его автора первымъ бойцомъ, который „водрузилъ хоругвь независимости на башняхъ Халдейскихъ [2]), первый прервалъ безмолвіе робости, первый вырвалъ перо изъ крыла безвѣстнаго еще тогда Арзамасскаго Гуся" (выраженія одной изъ рѣчей, произнесенныхъ въ Арзамасѣ: Сочиненія Вяземскаго VIII т., стр. 422). В. Пушкинъ въ своемъ Посланіи осмѣиваетъ „весь соборъ безграмотныхъ Славянъ", признаваясь, что любитъ читать Карамзина и подражать Дмитріеву, такъ какъ, по его мнѣнію,

Славянскія слова таланта не даютъ
И на Парнасъ они Поэта не ведутъ.

Галаховымъ въ его „Исторіи русской словесности", изд. 3, т. II, стр. 66—92, 146—147; см. также „Исторію русской критики" Иванова, I, 194—203.

[1]) Дашковъ особенно подчеркивалъ чистоту и объективность своихъ намѣреній какъ въ началѣ, такъ и въ заключеніи своего разбора: „. . . совсѣмъ не намѣренъ я — писалъ онъ — опровергать сильныхъ доказательствъ его (переводчика) противъ злоупотребленія, столь обыкновеннаго нынѣ, вводить въ языкъ нашъ несвойственныя оному выраженія и обороты. За великую честь поставляю себѣ, что въ семъ случаѣ мысли его сходны съ моими. Мнѣ кажется только, что онъ слишкомъ распространилъ заключенія свои, и что между множествомъ весьма справедливыхъ замѣчаній у него вырываются иногда парадоксы, несовмѣстимые съ красотою и свойствомъ Россійскаго языка. Впрочемъ, я отнюдь не хочу критиковать его, но представляю здѣсь ученика, предлагающаго сомнѣнія свои учителю на разрѣшеніе" (№ 11, стр. 256—257): авторъ своими замѣчаніями совершенно не имѣлъ въ виду „сдѣлать какое-либо неудовольствіе почтенному переводчику", полагая въ то же время, „что безпристрастная и учтивая критика всегда есть неложный знакъ уваженія къ тому сочиненію, которое критикуютъ" (№ 12, стр. 466—467).

[2]) Халдеями арзамасцы называли членовъ бесѣды и академіи.

Кто Руской грамоте, какъ должно не учился,
Напрасно тотъ писать трагедіи пустился,
Поэма громкая, въ которой плана нѣтъ,
Не пѣснопѣніе, но сущій только бредъ.

Впрочемъ, онъ сознаетъ, что „правду говорить безумцамъ— трудъ напрасенъ“ и даже болѣе: онъ видитъ, какъ

Къ дружинѣ вопіетъ нашъ Балдусъ [1] велегласно:
О братіи мои, зову на помощь васъ!
Ударимъ на него и первый буду азъ.
Кто намъ грамматикѣ совѣтуетъ учиться,
Во тьму кромѣшную, въ геенну погрузится;
И аще смѣетъ кто Карамзина хвалить,
Нашъ долгъ, о людіе, злодѣя истребить.

Но Пушкина не пугаетъ „славянская“ рать:

Итакъ, любезный другъ, я смѣло въ бой вступаю.

Въ заключеніе Посланія авторъ высказываетъ свое credo:

Въ Славянскомъ языкѣ и самъ я пользу вижу,
Но вкусъ я варварскій гоню и ненавижу.
Въ душѣ своей ношу къ изящному любовь,
Творенье безъ идей мою волнуетъ кровь.
Словъ много затвердить не есть еще ученье,
Намъ нужны не слова, намъ нужно просвѣщенье [2].

Нападеніе было слишкомъ энергично и талантливо для того, чтобы и Шишковъ съ своей стороны не пустилъ въ ходъ всѣ средства, какими только онъ располагалъ: роль отвѣта должно было сыграть отчасти его „Разсужденіе о краснорѣчіи Священнаго Писанія“, главнымъ же образомъ „Присовокупленіе“ къ этому „Разсужденію“ („Сочиненія и переводы, издаваемые Россійскою Академіею“, т. V, 171—260, 261 — 281), которое, по убѣжденію автора („Записки, мнѣнія и переписка адмирала А. С. Шишкова“, изд. 1870, II, 284), обнаружило всю „нелѣпость“ критики Дашкова. Въ этомъ „Присовокупленіи“ авторъ останавливаетъ свое вниманіе на тѣхъ сочиненіяхъ, „въ которыхъ, отъ заблужденія ли ума, или отъ поврежденія сердца, столько же иногда не щадится *нравственность*, сколько и разсудокъ. Часто не знаемъ мы сами слѣдствія нашихъ мнѣній. Что значитъ раздѣленіе языка нашего на славенскій и русскій? Разсужденія

[1]) Т. е., Шишковъ.

[2]) Курсивъ нашъ, какъ здѣсь, такъ и во всѣхъ дальнѣйшихъ выдержкахъ.

сего (разсуждая о языкѣ въ прямомъ смыслѣ онаго) никакимъ образомъ доказать не можно, поелику оно не существуетъ. Итакъ выходитъ [1]), что разумѣется подъ симъ языкъ духовныхъ и свѣтскихъ книгъ. На чтожъ чуждаться намъ перваго изъ оныхъ и стараться приводить его въ забвеніе и презрѣніе? для того ли, чтобъ умъ и сердце каждаго отвлечь отъ нравоучительныхъ духовныхъ книгъ, отвратить отъ словъ, отъ языка, отъ разума оныхъ, и привязать къ однимъ свѣтскимъ писаніямъ, гдѣ столько разставлено сѣтей къ помраченію ума и уловленію невинности, что совлеченная единожды съ прямаго пути она непремѣнно должна попасть въ оныя" (стр. 262—263). Такому помраченію и уловленію способствуютъ во множествѣ помѣщаемыя въ журналахъ „критики", главная цѣль которыхъ „состоитъ въ томъ, чтобъ стихами и прозою вопіять противъ славенскаго языка, не зная и не разумѣя, о чемъ идетъ дѣло, и въ чемъ состоитъ языкъ". Не считая нужнымъ терять труды и время на подробное уличеніе автора одной изъ такихъ „критикъ" (т.-е. Дашкова) въ „ощутительныхъ неправдахъ", Шишковъ выписываетъ лишь нѣкоторыя мѣста изъ нея, сопровождая выписки комментаріями, въ которыхъ запальчиво нападаетъ на Дашкова, а попутно и на Вас. Пушкина: на послѣдняго онъ дѣлаетъ прозрачные намеки, говоря о такихъ стихотворцахъ, которые „въ посланіяхъ своихъ взываютъ къ Виргиліямъ, Гомерамъ, Софокламъ, Еврипидамъ, Гораціямъ, Ювеналамъ, Саллустіямъ, Фукидидамъ, затвердя однѣ только имена ихъ и, что всего удивительнѣе, научась *благочестію* въ Кандидѣ, а *благонравію* и знаніямъ въ Парижскихъ переулкахъ [2]), съ поврежденнымъ сердцемъ и помраченнымъ умомъ вопіютъ противъ невѣжества и, обращаясь къ тѣнямъ великихъ людей, толкуютъ о наукахъ и просвѣщеніи" (стр. 276). В. Пушкинъ не замедлилъ отвѣтомъ, и въ томъ же 1811 г. напечаталъ отдѣльною брошюрою „Два посланія" (свое прежнее къ Жуковскому и новое къ Дашкову) съ „Предувѣдомленіемъ", въ которомъ, указывая на общепризнанную пользу посланій, между прочимъ говорилъ: „Кто бы подумалъ, что въ наше просвѣщенное время будутъ презирать ихъ (т.-е. посланія), подражанія онымъ называть „модными посланіями" и, что всего хуже, отвѣчать на нихъ непозволительными личностями?" Онъ, Пушкинъ, не счи-

---

[1]) Оцѣнку логическихъ разсужденій Шишкова см. ниже въ ст. Дашкова.

[2]) Въ 1803—1804 гг. В. Пушкинъ путешествовалъ по Европѣ и побывалъ въ Германіи, Франціи и Англіи.

таетъ, однако, возможнымъ оставить безъ должнаго отвѣта эти „личности", такъ какъ „обвиненія, относящіяся до нравственности и вѣры, слишкомъ важны. Я долженъ былъ опровергнуть оныя, и кажется исполнилъ сіе во второмъ посланіи къ Д. В. Дашкову, равномѣрно навлекшему на себя учтивою критикою гнѣвъ новѣйшихъ нашихъ Славянъ" („Два посланія" Василія Пушкина. С.-Пб. 1811). Посланіе къ Дашкову (стр. 5—8), написанное въ тонѣ гораздо болѣе рѣзкомъ, чѣмъ Посланіе къ Жуковскому, представляетъ—наряду съ полнымъ достоинства и остроумія опроверженіемъ взведенныхъ на него обвиненій—отвѣтное обвиненіе самихъ „раскольниковъ-славянъ" уже не въ безграмотности только, а прямо въ явной враждѣ къ истинному просвѣщенію.

Кто пишетъ правильно и не Варяжскимъ слогомъ,—
Не любитъ Русскихъ тотъ, и виноватъ предъ Богомъ!

Таковъ—говоритъ Пушкинъ—смыслъ нападокъ на него со стороны „славянъ", на дѣлѣ же—

Не ужель отъ того моя пострадаетъ вѣра,
Что я подъ часъ прочту двѣ сцены изъ Вольтера?
Я христіаниномъ конечно быть могу,
Хотя французскихъ книгъ въ каминѣ и не жгу.

Съ другой стороны—невѣжда не можетъ быть истиннымъ патріотомъ:

Ученымъ быть не грѣхъ, но грѣхъ во тьмѣ ходить,

потому что—

Не тотъ къ странѣ родной усердіе питаетъ,
Кто хвалитъ все свое, чужое презираетъ,
Кто слезы льетъ о томъ, что мы не въ бородахъ,
И бѣдный мыслями, печется о словахъ!
Но тотъ, кто слѣдуя похвальному внушенью,
Чтитъ дарованія, стремится къ просвѣщенью;
Кто согражданъ любя, желаетъ славы ихъ;
Кто чуждъ и зависти и предразсудковъ злыхъ [1]).

Подобно Вас. Пушкину, и Дашковъ далъ энергичный отпоръ противнику замѣчательною для своего времени статьею „О легчайшемъ

[1]) Не ограничиваясь вышеназванной брошюрой, В. Пушкинъ попутно осмѣялъ Шишкова, Шихматова и Шаховского въ своемъ „Опасномъ сосѣдѣ", относящемся къ тому же 1811 году.

способѣ возражать на критики" (С.-Пб. 1811), въ которой одно за другимъ разбиты положенія слабо вооруженнаго автора „Присовокупленія" и по достоинству оцѣнены полемическіе его пріемы, сливающіе чисто литературные вопросы съ вопросами нравственности и политики. Прежде всего Дашковъ высказываетъ удивленіе по поводу того неожиданнаго для него обстоятельства, что на его „учтивую критику" ему отвѣтили „однѣми личностями и бранью", а это, по мнѣнію его, „значитъ признать себя торжественно не въ состояніи отвѣчать на оную доказательствами: но къ сужденіямъ о языкѣ примѣшивать нравственность и вѣру; въ неукротимой запальчивости называть противниковъ своихъ имѣющими поврежденное сердце и укорять ихъ въ мнимомъ намѣреніи ослабить благотворную власть вѣры; забывать права общественныя и должное уваженіе къ лицу всякаго гражданина — есть разительный примѣръ, сколь сильно дѣйствуетъ оскорбленное самолюбіе и желаніе властвовать въ Республикѣ словесности. Вотъ послѣдствія страстей нашихъ! Человѣкъ, упражняющійся въ словесности, оставляетъ почтенное сіе занятіе, вступаетъ въ поприще ругательства, присвоиваетъ себѣ право обвинять своихъ согражданъ—и все сіе, дабы отмстить за то, что ему дерзнули противорѣчить, что смѣли показать его ошибки!" Затѣмъ Дашковъ переходитъ къ ближайшей характеристикѣ пріемовъ своего оппонента, не обязывающихъ его ни къ знанію языка, ни къ здравой логикѣ. „Основательные доводы—замѣчаетъ Дашковъ—показались ему средствомъ обыкновеннымъ; отвергнувъ ихъ, онъ употребилъ противъ меня оружіе совсѣмъ новое, а именно восклицанія! Сверхъ того, выписавъ нѣсколько строчекъ изъ моей довольно пространной критики, онъ вездѣ силится совершенно перемѣнить значеніе словъ моихъ, и найти въ нихъ мнимыя противорѣчія. Чтожъ касается до моихъ важныхъ ошибокъ, замѣченныхъ мною въ его переводѣ, то не будучи въ состояніи оправдать ихъ, онъ всячески избѣгаетъ случая о томъ говорить". Изъ ряда примѣровъ того, какъ остроумно оцѣниваетъ Дашковъ пріемы своего противника, приведемъ одинъ. Между прочимъ Шишковъ обрушивался на Дашкова за высказанное имъ мнѣніе, что возвышенный слогъ не можетъ существовать безъ помощи славенскаго языка и что въ этомъ случаѣ мертвый языкъ подкрѣпляетъ живой. „...Какимъ образомъ—спрашиваетъ Шишковъ—представить себѣ, что языкъ помогаетъ языку? Этова мало: мертвый помогаетъ живому! и этова мало: живый безъ мертваго существовать не можетъ! Какъ? подобныя сему загадки, странности, небылицы

смѣютъ являться въ видѣ разсужденій? и передъ кѣмъ? передъ лицемъ свѣта? О!.. Но воздержимся отъ удивленія". „Я выписалъ нарочно—замѣчаетъ Дашковъ—все сіе мѣсто, дабы показать, сколь силенъ г. сочинитель въ діалектикѣ. Ему кажется трудно понять, какъ языкъ помогаетъ языку; но сей тропъ весьма ясенъ и употребителенъ, когда представляютъ языкъ лицемъ оживотвореннымъ. Возмемъ въ примѣръ латинскій языкъ, безъ помощи коего французскій не могъ бы существовать, ибо отъ онаго происходитъ и заимствуетъ большую часть словъ своихъ: сіе неоспоримо. Латинскій языкъ есть мертвый и живый французскій безъ мертваго латинскаго не могъ бы существовать: есть ли тутъ что-либо непонятное?... [1]). Куда же дѣвались силлогизмы г-на сочинителя? Повторимъ отчасти собственныя слова его: какъ? подобные сему софизмы смѣютъ являться въ видѣ возраженій! и передъ кѣмъ? передъ лицемъ свѣта? О!.. но воздержимся отъ удивленія". Несмотря на разрушительную, можно сказать, критику, которой подверглись разсужденія Шишкова, послѣдній, однако, продолжалъ непоколебимо оставаться при прежнихъ своихъ убѣжденіяхъ и всѣми зависящими отъ него средствами вести борьбу со своими противниками: для этой цѣли онъ мобилизировалъ, между прочимъ. членовъ старой Россійской Академіи и недавно возникшей (1811) Бесѣды любителей русскаго слова, соединившей въ себѣ, за немногими исключеніями, людей безъ всякаго литературнаго таланта, но съ ясно выраженной привязанностью къ литературной старинѣ [2]).

---

[1]) Не вина Дашкова, если проводимая имъ параллель между латинскимъ и французскимъ языками съ одной стороны, церковно-славянскимъ и русскимъ съ другой—несовсѣмъ справедлива по нашимъ *современнымъ* понятіямъ: во всякомъ случаѣ, на сторонѣ Дашкова было несомнѣнное преимущество болѣе глубокаго пониманія дѣла и несравненно большаго запаса знаній.

[2]) Составъ четырехъ отдѣленій Бесѣды въ 1811 г.: 1) предсѣдатели отдѣленій—Шишковъ, Державинъ, А. С. Хвостовъ, сенаторъ Захаровъ (авторъ многочисленныхъ переводовъ съ французскаго, переполненныхъ славянизмами и галлицизмами), 2) дѣйствительные члены — Оленинъ, Горчаковъ (извѣстный въ свое время сатирикъ), Ширинскій-Шихматовъ (любимецъ и одинъ изъ наиболѣе ревностныхъ послѣдователей Шишкова), Крыловъ, И. Муравьевъ-Апостолъ (авторъ „Писемъ изъ Москвы въ Нижній-Новгородъ"), Дм. Ив. Хвостовъ (знаменитость своего рода, чрезвычайно плодовитый и крайне бездарный писатель, постоянное посмѣшище карамзинистовъ), Ѳ. Львовъ, Шаховской, Маринъ, Карабановъ, П. Львовъ, П. Соколовъ (секретарь Росс. Акад.) и др., 3) члены-сотрудники (составлявшіе — по выраженію Вяземскаго — „родъ служекъ или послушниковъ въ этомъ литературномъ монастырѣ")—Висковатовъ, Станевичъ, Тимковскій, А. А. Хвостовъ, Галинковскій, Судовщиковъ, Корсаковъ и др., столь же мало извѣст-

Даже грозныя событія двѣнадцатаго года не прервали литературной кампаніи: карамзинисты продолжали полемизировать съ послѣдователями Шишкова на страницахъ „Санктпетербургскаго Вѣстника" (журн. Вольнаго общества любителей словесности, наукъ и художествъ: см. произведенія Дашкова и В. Пушкина), а тѣ на торжественныхъ собраніяхъ Бесѣды развѣнчивали поборниковъ новаго слога. Въ февралѣ 1812 г. Батюшковъ писалъ Вяземскому по поводу насмѣшекъ Шаховского въ комической поэмѣ „Расхищенныя Шубы" надъ карамзинистами: „Я не думаю чтобъ кто-нибудь захотѣлъ это извинять. Я же съ моей стороны не прощу и при первомъ удобномъ случаѣ выведу на живую воду славянъ, которые бредятъ, славянъ, которые изъ зависти къ дарованію позволяютъ себѣ все, славянъ, которые оградясь щитомъ любви къ отечеству (за которое я на дѣлѣ всегда былъ готовъ пролить кровь свою, а они чернила), оградясь невѣжествомъ, безстыдствомъ, упрямствомъ, гонятъ Озерова, Карамзина, гонятъ здравый смыслъ"... (Соч. Батюшкова III, 217, 702). Батюшковъ вскорѣ, дѣйствительно, исполнилъ свое обѣщаніе, написавъ въ сотрудничествѣ съ А. Е. Измайловымъ эпико-лиро-комико-эпородическій гимнъ „Пѣвецъ въ Бесѣдѣ славянороссовъ" (Соч. I, 167—175) [1]), который долгое время оставался въ рукописи, какъ и другое его сатирическое произведеніе на литературную злобу дня „Видѣніе на берегахъ Леты", написанное еще въ 1809 г. [2]). Въ концѣ этого 1809 г. Батюшковъ впервые выразилъ

ныя личности, 4) почетные члены — еп. вологодскій и устюжскій Евгеній, еп. тульскій Амвросій, гр. А. Строгоновъ, гр. Ѳ. Ростопчинъ, кн. А. Голицынъ, Магницкій; кн. Урусова, дѣвицы Бунина и Волкова (первыя русскія писательницы); Уваровъ, Карамзинъ, Нелединскій-Мелецкій и др.; позднѣе въ числѣ сотрудниковъ Бесѣды состоялъ будущій арзамасецъ Жихаревъ. Не слѣдуетъ удивляться тому, что въ числѣ почетныхъ членовъ Бесѣды считался и Карамзинъ — вождь литературной партіи, которая вызывала къ себѣ такую сильную вражду въ средѣ приверженцевъ Шишкова: въ ту пору пробужденія русскаго общественнаго самосознанія смутность идеаловъ и невыдержанность симпатій и убѣжденій были обычнымъ явленіемъ, перешедшимъ въ литературу по традиціи отъ XVIII вѣка: поэтому, нельзя серьезно говорить о направленіяхъ тогдашней русской журналистики.

[1]) „Пѣвецъ" Батюшкова представляетъ пародію на „Пѣвца во станѣ русскихъ воиновъ" Жуковскаго.

[2]) Первое произведеніе напечатано было въ первый разъ въ 1856 г., второе— въ 1841 г.: то обстоятельство, что и „Пѣвецъ" и „Видѣніе" не были въ свое время напечатаны, для нашей спеціальной цѣли большого значенія не имѣетъ (можно думать, что по рукамъ ходило немало ихъ списковъ).

свое отношеніе къ происходившей на его глазахъ борьбѣ карамзинистовъ съ шишковистами—въ письмѣ къ Гнѣдичу: „...Любить отечество должно", писалъ, между прочимъ, Батюшковъ. „Кто не любитъ его, тотъ извергъ. Но можно ли любить невѣжество? Можно ли любить нравы, обычаи, отъ которыхъ мы отдалены вѣками, и что еще болѣе—цѣлымъ вѣкомъ просвѣщенія? Зачѣмъ же эти усердные маратели выхваляютъ все старое? Я умѣю разрѣшить эту задачу, знаю, что и ты умѣешь,—итакъ, ни слова. Но повѣрь мнѣ, что эти патріоты, жалкіе декламаторы, не любятъ или не умѣютъ любить Русской земли" (Соч. III, 57—58). Очевидно, Батюшковъ сразу сталъ на надлежащую точку зрѣнія, съ которой борьба съ Шишковымъ и его партіей выходила изъ рамокъ чисто-литературной полемики и получала серьезный общественный смыслъ и интересъ. Роль первой аттаки Батюшкова на противниковъ сыграла его сатира „Видѣніе на берегахъ Леты" (Сочин. I, 76 — 86). Авторъ разсказываетъ въ ней о „чудномъ снѣ", какой ему однажды приснился: онъ видѣлъ, будто Аполлонъ „поэтамъ нашимъ смерть изрекъ", и всѣ они — по его приказанію—направились „на берегъ тихой Леты" съ тѣмъ, чтобы погрузить въ ней—

Себя и вмѣстѣ юныхъ чадъ.
Здѣсь опытъ будетъ правосудный:
Стихи и проза безразсудны
Потонутъ въ мигъ...

Среди толпы поэтовъ, пришедшихъ къ Летѣ, авторъ замѣтилъ вдругъ „обширный дѣдовскій возокъ", который тихо двигался къ рѣкѣ:

На мѣсто клячей запряженны
Тамъ люди, въ хомуты вложенны,
И тянутъ кое-какъ гужомъ.
За нимъ, какъ въ осень трутни праздны
Крылатымъ въ воздухѣ полкомъ,
Летятъ толпою тѣни разны
И тамъ и самъ. По слову: стой!
Кивнула блѣдна тѣнь главой
И вышла съ кашлемъ изъ повозки.
„Кто ты?" спросилъ ее Миносъ,
„И кто сіи?" На сей вопросъ:
„Мы академія поэты россіи",
Сказала тѣнь. „Но кто сіи
Несчастны, въ клячей превращенны?"
„Сочлены юные мои,

Любовью къ славѣ воспаленны.
Они Пожарскаго поютъ
И топятъ старца Герйогена [1]);
Ихъ мысль на небеса вперенна,
Слова-жь изъ Библіи берутъ.
Стихи ихъ хоть немножко жестки,
Но истинно варяго-росски".
„Да кто-жь ты самъ?" „Я также членъ,
Кургановымъ писать ученъ,
Извѣстенъ сталъ не пустяками,
Терпѣньемъ, пòтомъ и трудами.
Я есмь зѣло *славенофилъ*" [2]).

Въ отвѣтъ Миносъ—

въ рѣку путь имъ показалъ.
Одинъ только „славенофилъ"—
За всѣхъ трудовъ своихъ громаду,
За твердый умъ и за дѣла
Вкусилъ безсмертія награду.

Эта остроумная сатира, такъ удачно пародирующая „варяго-росскіе стихи", въ глазахъ самого автора не имѣла, однако, большого значенія (Соч. III, 55), и осталась въ рукописи, между прочимъ, вслѣдствіе сознаваемой самимъ Батюшковымъ излишней рѣзкости отдѣльныхъ мѣстъ (Соч. III, 389). Это послѣднее обстоятельство не помѣшало ему, однако, въ 1813 году написать новое произведеніе въ томъ же духѣ и тонѣ: то былъ — указанный уже выше — гимнъ „Пѣвецъ въ Бесѣдѣ славяноруссовъ". Подобно тому, какъ Пѣвецъ Жуковскаго грозитъ мщеніемъ Наполеону, такъ Пѣвецъ Батюшкова грозитъ Карамзину, произнося въ то же время хвалебно-ироническіе тосты въ честь сотрудниковъ Бесѣды и главы ея Шишкова:

Да здравствуетъ Бесѣды царь! (восклицаетъ пѣвецъ)
Цвѣти его держава!
Бумажный тронъ твой—нашъ алтарь,
Предъ нимъ обѣтъ нашъ—слава.
Не измѣнимъ: Мы отъ отцовъ

---

[1]) Намекъ на поэму Ширинскаго-Шихматова: „Пожарскій, Мининъ, Гермогенъ или спасенная Россія" (1807).

[2]) Такимъ образомъ, впервые было произнесено въ русской литературѣ слово, связывающее и внѣшнимъ образомъ—въ добавленіе къ *извѣстному* идейному сродству — шишковистское движеніе съ позднѣйшимъ славянофильствомъ (Ковалевскій, Галаховъ и др. ошибочно думали, что слово „славянофилъ" было пущено въ литературный оборотъ Вас. Пушкинымъ въ его „Опасномъ сосѣдѣ").

Пріяли глупость съ кровью.
Сумбуръ, здѣсь сонмъ твоихъ сыновъ,
Къ тебѣ горимъ любовью!
Нашъ каждый писарь-Славянинъ
Галиматьею дышетъ;
Бѣжитъ предатель сихъ дружинъ,
Кто галлицизмы пишетъ!

Нѣсколько далѣе онъ говоритъ:

Хвала тебѣ, славянофилъ,
О мужъ неукротимой!
Ты здѣсь разсудокъ побѣдилъ
Рукой неутомимой.
О, сколь съ наморщеннымъ челомъ
Въ Бесѣдѣ онъ прекрасенъ,
Сколь холоденъ передъ столомъ
И критикамъ ужасенъ!
Упрямство въ немъ старинныхъ лѣтъ...
Хвала сѣдому дѣду!
Друзья, онъ, онъ родилъ на свѣтъ
Славянскую Бесѣду!

Затѣмъ слѣдуютъ тосты въ честь Шихматова („осьмое чудо свѣта" — „Славянъ краса и цвѣтъ"), Д. Хвостова („читателей тиранъ") и цѣлаго ряда „бесѣдниковъ". Въ заключеніе Пѣвецъ призываетъ сотрудниковъ на Карамзина:

Нѣтъ логики у насъ въ домахъ,
Грамматикъ не бывало;
Мы прологъ въ руки—гибни, врагъ,
Съ твоей дружиной вялой!
Отвѣдай, дерзкій, чтò сильнѣй—
Разсудокъ или мщенье?
Пришлецъ, мы въ родинѣ своей!
За глупыхъ Провидѣнье.

Нѣсколько позднѣе Батюшкова подалъ свой голосъ въ затянувшемся литературномъ спорѣ Воейковъ: къ 1814 г. относятъ первую редакцію его „Дома сумасшедшихъ". Впрочемъ, это произведеніе занимаетъ совершенно особое мѣсто въ современной ему полемикѣ, являясь въ своемъ родѣ единственнымъ даже и для литературы того времени, не особенно уважавшей требованія литературной порядочности: эта „сатира" Воейкова, мѣстами довольно мѣткая и остроумная, въ общемъ написана въ тонѣ оскорбительно-рѣзкаго и задорно-вызывающаго пасквиля и представляетъ изъ себя какое-то сплошное,

не знающее границъ, издѣвательство надъ всѣми современными автору писателями безъ различія оттѣнковъ, ихъ раздѣлявшихъ: онъ осмѣиваетъ Шишкова, Шихматова, Хвостова, Глинку, Карамзина, Жуковскаго, Батюшкова, самого себя и т. д. Въ слѣдующемъ 1815 году полемика между послѣдователями Шишкова и Карамзина (особенно же со стороны послѣднихъ) достигла крайняго напряженія, какого уже болѣе не достигала въ послѣдующее время. Прежде всего, карамзинисты обмѣниваются рядомъ посланій, при чемъ начало кладетъ Вас. Пушкинъ. Въ своемъ „Посланіи къ Вяземскому" („Россійскій Музеумъ" 1815, № 2, 135—137) онъ съ сожалѣніемъ указываетъ на видимую безплодность борьбы съ противниками: хотя—говоритъ онъ—

> подъ часъ въ посланіяхъ моихъ
> Я надъ невѣжествомъ и глупостью смѣялся;
> Желанья моего я цѣли не достигъ:
> Врали не престаютъ злословить дарованья,
> Печатать вздорныя свои иносказанья...

Съ своей стороны Вяземскій, соглашаясь („Россійскій Музеумъ" 1815, № 3, 261—262) съ Пушкинымъ, что—

> Грудистыхъ крикуновъ, въ которыхъ разумъ скудной
> Запасомъ дерзости съ избыткомъ замѣненъ,
> Перекричать нельзя . . . . ,

предлагаетъ оставить „сихъ слѣпцовъ" и, „пожелавъ имъ доброй ночи", созвать—

> къ себѣ друзей своихъ
> Стихи читать, не зачитаться,
> *Поговорить и посмѣяться*
> На свой, подъ часъ и счетъ другихъ;
> Но только съ тѣмъ, чтобъ осторожно,
> *И въ дружескомъ кругу своемъ*
> *Повѣрь людей еще найдемъ,*
> *Съ которыми ужиться можно!*

Въ этомъ предложеніи Вяземскаго составить дружескій кружокъ, въ которомъ можно было бы между собой поговорить и *посмѣяться* надъ тѣмъ или другимъ литературнымъ явленіемъ, уже чувствуется приближеніе времени Арзамаса. Но пока еще борьба носитъ прежній характеръ. Въ отвѣтъ Пушкину и Вяземскому является „Посланіе" Жуковскаго („Россійскій Музеумъ" 1815, № 6, 257—261), который также, наконецъ, считаетъ долгомъ вмѣшаться въ споръ карамзинистовъ съ шишковистами, съ цѣлью внести въ него умиротворяющія

ноты. Онъ находитъ несправедливыми жалобы Пушкина: поэтъ дол-женъ быть счастливъ уже однимъ тѣмъ, что онъ поэтъ.

Его блаженство прямо съ неба!
Онъ имъ не дѣлится съ толпой!
Его судьи лишь чада Феба!
Ему-ли съ пламенной душой
Плоды святаго вдохновенья
Къ ногамъ холодныхъ повергать,
И на колѣняхъ ожидать
Отъ недостойныхъ одобренья?

Истинный поэтъ долженъ презирать „въ пыли таящіяся души" и всѣ свои надежды перенести „въ міръ потомства". А пока—

Подалѣ отъ толпы судей! [1])

чтобы не испытать на себѣ судьбы „Димитрія творца" (т. е. Озерова), который—

Не отличилъ простыхъ сердецъ
Отъ хитрыхъ полныхъ вѣроломства!
Зачѣмъ онъ свой сплетать вѣнецъ
Давалъ завистникамъ съ друзьями?
Пусть дружба нѣжными перстами
Изъ лавровъ сей вѣнецъ сплела—
Въ нихъ зависть тернія ввила,
И торжествуетъ!—Растерзали
Ихъ иглы славное чело!
Простому сердцу страшно зло!
Пѣвецъ угаснулъ отъ печали!

Такимъ образомъ, и Жуковскій—при всемъ своемъ миролюбіи—не могъ удержаться отъ намековъ, обидныхъ для противниковъ. Такъ какъ главнымъ орудіемъ интригъ противъ Озерова молва настойчиво—и, какъ кажется, не безъ основанія—называла причастнаго къ театральному міру Шаховскаго, то послѣдній счелъ себя особенно задѣтымъ словами Жуковскаго, и не замедлилъ воздать ему сторицей въ бли-

---

[1]) Какъ по идеѣ, такъ и по отдѣльнымъ выраженіямъ высказываемый Жуковскимъ взглядъ на поэта близокъ къ тѣмъ завѣтамъ, какіе впослѣдствіи давалъ и А. Пушкинъ своему „Поэту",—„не дорожить любовію народной", „идти, куда влечетъ его свободный умъ":

Услышишь судъ глупца и смѣхъ толпы холодной,
Но ты останься твердъ, спокоенъ и угрюмъ...

(ср. стр. 67—74 ст. Халанскаго „О вліяніи В. Л. Пушкина на поэтическое творчество А. С. Пушкина").

жайшей своей комедіи „Липецкія воды", которая и послужила внѣшнимъ поводомъ къ основанію Арзамасскаго общества [1]).

Прежде чѣмъ продолжать изложеніе литературныхъ событій, какими отмѣчена дальнѣйшая полемика между сторонниками Карамзина и Шишкова, подведемъ вкратцѣ итогъ тому, что было сдѣлано первыми до возникновенія Арзамаса. Предварительно слѣдуетъ оговориться: предыдущій обзоръ не представляетъ болѣе или менѣе полной картины литературной борьбы за 1810—1815 гг., такъ какъ въ интересахъ нашей ближайшей цѣли мы имѣли въ виду, главнымъ образомъ, дѣятельность сторонниковъ Карамзина [2]), и при томъ только тѣхъ изъ нихъ, которые позднѣе сдѣлались членами Арзамасскаго общества; однако, приведенные выше факты исчерпываютъ почти все то значительное и интересное, чѣмъ заявили себя карамзинисты за отмѣченный періодъ времени: внѣ обзора остались факты дѣятельности такихъ защитниковъ новаго слога, роль которыхъ и качественно и количественно была сравнительно невелика [3]). Итакъ, отмѣченные моменты борьбы карамзинистовъ съ шишковистами даютъ поводъ къ замѣчаніямъ приблизительно слѣдующаго содержанія. Когда первоначальныя рамки спора были раздвинуты, и полемика съ вопросами языка и стиля связала вопросы общественной нравственности и просвѣщенія, то благодаря, главнымъ образомъ, дѣятельности будущихъ арзамасцевъ были выяснены отличительныя черты шишковистскаго движенія, и тѣмъ самымъ опредѣлено его историко-литературное и общественное значеніе: одновременно съ талантливой защитой литературной реформы и признаніемъ справедливой стороны въ разсужденіяхъ шишковистовъ, были указаны, какъ характерныя ихъ черты,—вражда къ просвѣщенію и общественному прогрессу въ связи съ пристрастіемъ къ національной исключительности, отсутствіе достаточнаго запаса знаній, а подчасъ и прямое невѣжество въ вопросахъ, о которыхъ шелъ споръ, поразительная скудость дарованій въ ихъ средѣ, наконецъ неразборчивость въ выборѣ полемическихъ

---

[1]) Въ хронологической группировкѣ литературныхъ фактовъ 1815 г. мы нѣсколько расходимся съ указаніями, какія по этому поводу даетъ г. Саитовъ въ примѣчаніяхъ ко II т. сочиненій Батюшкова (стр. 518).

[2]) Въ обзорѣ на первый планъ была выдвинута полемическая сторона дѣла между прочимъ потому, что существо спора, его стилистическое и филологическое содержаніе, предполагалось извѣстнымъ, хотя бы въ главныхъ чертахъ.

[3]) Имѣемъ въ виду А. Измайлова, Нарѣжнаго и нѣкоторыхъ другихъ.

средствъ [1]). Кромѣ того, борьба обнаружила большое богатство остроумія и сатиры, которымъ обладали даровитые представители новаго литературнаго направленія и которое вскорѣ нашло себѣ благодарное примѣненіе въ засѣданіяхъ Арзамаса. Что же касается партіи Шишкова, то, не располагая, какъ талантами вообще, такъ и остроуміемъ въ частности, она могла выставить изъ своей среды, въ качествѣ боевой силы соотвѣтственнаго характера, Горчакова, главнымъ же образомъ Шаховскаго [2]), который и несъ на себѣ обязанность платить насмѣшливымъ и остроумнымъ противникамъ ихъ же монетою: его перу принадлежитъ рядъ произведеній сатирическаго характера, направленныхъ противъ карамзинистовъ—„Новый Стернъ", „Расхищенныя шубы", наконецъ „Липецкія воды"—пьеса, имѣющая для насъ особый интересъ. Въ этой пьесѣ, поставленной на петербургской сценѣ 23-го сентября 1815 года, Шаховской въ лицѣ „балладника" Фіалкина пытался высмѣять Жуковскаго, не столько какъ представителя романтизма, сколько какъ непріятнаго ему лично человѣка. Сюжетомъ пьесы служатъ приключенія нѣкоей графини Лелевой, веселящейся на Липецкихъ водахъ и окруженной множествомъ поклонниковъ. Среди послѣднихъ находится и „чувствительный поэтъ", „пресладкое творенье" балладникъ Фіалкинъ, играющій въ пьесѣ самую жалкую роль. Прежде всего, онъ является въ качествѣ навязчиваго поклонника, отъ котораго Лелева не знаетъ какъ избавиться. Фіалкинъ предлагаетъ прочесть посвященную ей балладу „Омиръ или Омеръ", повѣствующую о томъ, какъ—

Поэтъ безсмертный, кѣмъ была воспѣта Троя,
Лишенный глазъ, любви талантъ свой посвятилъ.

На выраженное Лелевой удивленіе („Гомеръ влюбился!"), Фіалкинъ, пояснивъ еще разъ, что „Ахилла славилъ онъ (Гомеръ), чтобъ улыбнулась Хлоя", наставительно говоритъ Лелевой:

Не думаете-ль вы,
Чтобы поэтомъ быть, довольно дарованья,
Воображенья, въ словесности познанья,
Души возвышенной, хорошей головы
И прочаго?

---

[1]) Нельзя, конечно, утверждать, что и карамзинисты постоянно держались въ предѣлахъ умѣренности, но они грѣшили только чрезмѣрной силой отдѣльныхъ выраженій, тогда какъ ихъ противники прибѣгали къ тяжкимъ обвиненіямъ въ недостаткѣ патріотизма со всѣми проистекающими изъ него слѣдствіями.

[2]) Крыловъ держался въ сторонѣ отъ полемики.

Всего этого мало:

Въ немъ сердце быть должно, которо-бъ изливало
Слезу горячую въ грудь друга своего;
Чтобы онъ чувствовалъ, чтобъ чувствовалъ какъ бьется
Любовью вѣщее; чтобы въ природѣ всей
Онъ видѣлъ милую, чтобъ жилъ одною ей;
Чтобъ тонкій вкусъ имѣлъ...

Далѣе—

Чтобъ въ скромной хижинѣ вмѣщалъ онъ цѣлый міръ
И утро бы ему наивно улыбалось,
И веселилъ его одной природы пиръ;
Чтобъ онъ любилъ... какъ я!..

Напоминаніе Лелевой, что ей время дорого, останавливаетъ изліянія Фіалкина, который спѣшитъ, поэтому,

Баллады пѣніемъ тотъ выразить восторгъ,
Которымъ всплamененъ Омеръ, пѣвецъ всесвѣтный.

Фіалкинъ настраиваетъ гитару (!) и начинаетъ:

Пѣлъ безсмертный славну Трою,
Пѣлъ родныхъ Пріама чадъ,
Пѣлъ Ахилла, жадна къ бою,
Пѣлъ Елены милый взглядъ!
Но чувствительность слезами
Излила глаза пѣвца.
Ахъ, мы любимъ не глазами:
Для любви у насъ сердца,
И безсмертный подъ сѣтями
У безсмертнаго слѣпца.

„Я мысли освѣжить хотѣлъ игрою словъ", замѣчаетъ Фіалкинъ въ поясненіе:

Поймалъ подъ сѣть свою Амуръ, слѣпецъ безсмертный,
Безсмертнаго слѣпца Омера.

Графиня (въ сторону). Что за вздоръ!

Не будучи въ состояніи слушать далѣе, она проситъ только сообщить ей сюжетъ баллады.

Фіалкинъ. Омеръ сидитъ въ лѣсу у ручейка
И къ Хлоѣ страсть поетъ...

Саша (горничная Лелевой). Покуда перестанетъ.

Фіалкинъ. Нѣтъ, ошибаетесь! Покуда громъ не грянетъ,
Покуда бурями чреваты небеса
Не хлынутъ Океанъ на землю!..

Саша. Ахъ, ужасно!
Какъ въ голову придутъ такія чудеса?
Фіалкинъ. Я почерпнулъ изъ глазъ прелестныхъ...
Графиня. Вотъ прекрасно
Всѣ эти бури вы въ моихъ глазахъ нашли?
Фіалкинъ. Что дивно въ небеси! Что мило на земли!
Величіе боговъ, наивность, умъ чудесной,
Усредоточили вы все въ душѣ небесной!

Результатъ столь изысканныхъ рѣчей оказывается для автора ихъ неожиданнымъ: графиня, сказавъ въ сторону: „Какой несносной враль!"—быстро уходитъ, и Фіалкину остается только выслушивать утѣшенія Саши, которая берется помочь горю озадаченнаго поклонника.

Попозже, какъ совсѣмъ глухая будетъ ночь,
Придите вы сюда съ гитарой—

совѣтуетъ она ему. Фіалкинъ слѣдуетъ этому совѣту, и въ V дѣйствіи зрители видятъ, какъ онъ „въ темномъ плащѣ съ гитарою робко крадется" по сценѣ, при чемъ неожиданно сталкивается со „смотрителемъ бань" Семеномъ и испуганно вскрикиваетъ:

На силу я дышу! Ахъ! вы мнѣ показались
Тѣмъ мертвецомъ, что въ гробъ невѣсту...

Семенъ: Вся бѣда
Отъ старыхъ мамушекъ.
Фіалкинъ: Я мамушекъ не знаю.
Семенъ: Такъ мертвецами гдѣ жъ напуганы?
Фіалкинъ: Въ стихахъ,
Въ балладахъ; ими я свой нѣжный вкусъ питаю;
И полночь и пѣтухъ, и звонъ костей въ гробахъ,
И чу! Все страшно въ нихъ; но милымъ все пріятно,
Все восхитительно! хотя невѣроятно.

Семенъ передаетъ Фіалкину приказъ отъ Саши спрятаться и ждать сигнала для серенады; тотъ прячется, но, не получая долгое время условленнаго знака, выходитъ, наконецъ, изъ засады и начинаетъ играть на гитарѣ, чѣмъ и прерываетъ — неожиданно для себя—свиданіе графини съ однимъ изъ ея счастливыхъ поклонниковъ и обнаруживаетъ, такимъ образомъ, ея коварное кокетство со всѣми другими. Піеса заканчивается наставленіями, какія графиня даетъ каждому изъ проведенныхъ ею поклонниковъ и между другими Фіалкину, которому совѣтуетъ

Гомера не влюблять, не мучить мертвецовъ,
И не смѣшить живыхъ плаксивыми стихами.

(Липецкія воды, изд. 1819, стр. 39—45, 104—105, 124). О томъ, какое впечатлѣніе произвела піеса на болѣе или менѣе безпристрастныхъ зрителей, говоритъ въ своихъ воспоминаніяхъ Вигель: онъ, вмѣстѣ съ Дашковымъ, Блудовымъ, А. Тургеневымъ, Жихаревымъ и самимъ Жуковскимъ, присутствовалъ на ея первомъ представленіи: „Теперь,—говоритъ Вигель,—когда я могу судить безъ тогдашнихъ предубѣжденій, нахожу я, что новая комедія была произведеніе примѣчательное по искусству, съ какимъ авторъ побѣдилъ трудность заставить свѣтскую женщину хорошо говорить по русски, по вѣрности характеровъ, въ ней изображенныхъ, по веселости, заманчивости, затѣйливости своей и, наконецъ, по многимъ хорошимъ стихамъ, которые въ ней встрѣчаются [1]). Но лукавый дернулъ его ни къ селу ни къ городу вклеить въ нее одно дѣйствующее лицо, которое все дѣло перепортило. Въ поэтѣ Фіалкинѣ, въ жалкомъ вздыхателѣ, всѣми пренебрегаемомъ, передъ всѣми согнутомъ, хотѣлъ онъ представить благородную скромность Жуковскаго; и дабы никто не обманулся на счетъ его намѣренія, Фіалкинъ твердитъ о своихъ балладахъ и произноситъ нѣсколько извѣстныхъ стиховъ изъ прозваннаго нами въ шутку балладника". Какъ бы то ни было, піеса „имѣла успѣхъ чрезвычайный, публика приняла ее съ шумнымъ громогласнымъ одобреніемъ. Въ тотъ же вечеръ... по сему случаю было большое праздиество у Петербургскаго гражданскаго губернатора Бакунина, коего супруга... надѣла вѣнокъ на счастливаго автора" (Вигель, IV, 171—172). Но чѣмъ больше былъ успѣхъ піесы, отчасти—быть можетъ—созданный искусственно [2]), тѣмъ сильнѣе было негодованіе литературныхъ сторонниковъ и личныхъ друзей Жуковскаго, которые приложили всѣ свои старанія къ тому, чтобы Шаховской какъ можно дороже поплатился за грубо-каррикатурную фигуру Фіалкина: на злополучнаго автора обрушилась цѣлая масса эпиграммъ, сатирическихъ и полемическихъ статей и т. п. Впрочемъ, виновникъ всей этой литературной бури—Жуковскій—оставался въ сторонѣ отъ нея, выказавъ въ данномъ случаѣ незаурядное миролюбіе и вмѣстѣ съ тѣмъ характерную для него отчужденность отъ литературной—какъ и всякой иной—злобы дня. „Теперь страшная война на Парнассѣ", писалъ онъ осенью 1815 г. своимъ роднымъ въ Бѣлевъ.

[1]) Иного мнѣнія былъ Вяземскій, познакомившійся съ піесой въ чтеніи (Ост. Арх. I, 31—35).

[2]) Ср. намеки Блудова въ его „Видѣніи" (стр. 418: „и будетъ дружина твоя плескать тебѣ по найму и презирать тебѣ даромъ..."; также стр. 412).

„Около меня дерутся за меня; а я молчу, да лучше было бы, когда бы и всѣ молчали — городъ раздѣлился на двѣ партіи, и французскія волненія забыты, при шумѣ Парнасской бури. Всѣ эти глупости еще болѣе привязываютъ къ поэзіи, святой поэзіи, которая независима отъ близорукихъ судей и довольствуется сама собою. Безпрестанно увѣряюсь, что я написалъ божественныя истины въ моемъ посланіи къ Вяземскому и Пушкину... Я теперь знаю, что люблю поэзію для нея самой, не для почестей, и что комары парнасскіе меня не укусятъ никогда слишкомъ больно" („Русскій Архивъ" 1864 г., стр. 460—461). Друзья же Жуковскаго, какъ указано выше, менѣе всего были склонны терпѣливо сносить уколы „комаровъ парнасскихъ", и энергично дѣйствовали. Дашковъ напечаталъ („Сынъ Отечества" 1815 г. № 42, 140 — 148) рѣзкое „Письмо къ новѣйшему Аристофану", заключавшее въ себѣ упреки по адресу Шаховского въ зависти и недоброжелательствѣ къ вновь появляющимся талантамъ, а также въ злоупотребленіи своимъ положеніемъ завѣдующаго репертуаромъ — въ томъ смыслѣ, что часто ставилъ на сценѣ свои піесы наперекоръ вкусамъ публики. Не ограничиваясь этимъ, Дашковъ написалъ „кантату", иронически прославляющую дѣятельность и личность Шаховского. Приводимъ цѣликомъ эту кантату, сдѣлавшуюся затѣмъ арзамасскимъ гимномъ:

Вчера въ торжественномъ вѣнчаньѣ
Творца затѣй,
Мы зрѣли полное собранье
Бесѣды всей;
И всѣ въ одинъ кричали строй:
Хвала тебѣ, о Шутовской!
Тебѣ, герой, тебѣ герой!
Онъ злой Карамзина гонитель,
Гроза балладъ!
Въ бесѣдѣ бодрый усыпитель,
Хвостову братъ,
И врагъ талантовъ записной.
Хвала тебѣ о Шутовской!
Тебѣ герой, тебѣ герой!
Всѣмъ братьямъ роздалъ свои „Шубы" [1],
И всѣ дрожатъ!
Его величіе не трубы,
Свистки гласятъ;

---

[1]) Намекъ на поэму Шаховского „Расхищенныя Шубы".

Онъ милъ и тѣломъ и душой,
Хвала тебѣ, о Шутовской
Тебѣ герой, тебѣ герой!
Еврей мой написалъ Дебору [1],
А я списалъ,
Въ моихъ твореньяхъ много вздору,
Кто жъ ихъ читалъ?
Доволенъ, право, я собой,
Хвала тебѣ, о Шутовской!
Тебѣ герой, тебѣ герой!
Потомъ къ Макару [2]) и къ Ежовой
Герой бѣжитъ;
Вотъ орденъ мой: вѣнокъ лавровый!
Пусть буду битъ,
Лишь бы въ одинъ кричали строй:
Хвала тебѣ, о Шутовской!
Тебѣ герой, тебѣ герой!

(„Кантата“ впервые напечатана у Арапова, стр. 241—242). Со стороны Вяземскаго на Шаховского была написана цѣлая серія эпиграммъ, разбросанныхъ по разнымъ изданіямъ и затѣмъ соединенныхъ авторомъ подъ общимъ заглавіемъ: „Поэтическій вѣнокъ Шутовского, поднесенный ему одинъ разъ на всегда за многіе подвиги“; кромѣ того, Вяземскій помѣстилъ въ „Россійскомъ Музеумѣ“ (1815 г., № 12, 257—265) „Письмо съ Липецкихъ водъ“, въ каррикатурномъ видѣ представлявшее дѣйствующихъ лицъ комедіи и ея автора. Наконецъ, Блудовъ написалъ піесу „Видѣніе въ какой то оградѣ, изданное обществомъ ученыхъ людей“, въ которой язвительно осмѣивались члены Бесѣды и особенно Шаховской. Дѣйствіе піесы связано было съ именемъ города Арзамаса—между прочимъ, по слѣдующему случайному обстоятельству, о которомъ разсказываетъ Вигель: „Для полученія наслѣдства Блудовъ когда то ѣздилъ въ Оренбургскую губернію. Дорогой случилось ему остановиться въ Арзамасѣ; рядомъ съ комнатой, въ которой онъ ночевалъ, была другая, куда нѣсколько человѣкъ пришли ужинать, и ему послышалось, что они толкуютъ о литературѣ. Тотчасъ молодое воображеніе его создало изъ нихъ

[1]) По поводу „Деборы“ Шаховского говорили, что часть этой піесы принадлежала перу жившаго съ Шаховскимъ и также служившаго при театрѣ нѣкоего Неваховича.

[2]) Слуга Шаховского, вязавшій обыкновенно въ передней чулокъ; далѣе слѣдуетъ намекъ на отношенія Шаховского къ актрисѣ Ежовой: полемика того времени не стѣснялась касаться и личной жизни писателей.

общество мирныхъ жителей, которые въ тихой безвѣстной долѣ своей посвящаютъ вечера сужденіямъ о предметѣ, который тогда исключительно занималъ его. Воспоминаніе объ этомъ вечерѣ и о другомъ, проведенномъ со мною, подало ему мысль библейскимъ слогомъ написать нѣчто подъ названіемъ: *Видѣніе въ какой то оградѣ*" (IV, 172). Пieса Блудова,—имѣвшая литературнымъ источникомъ „Предисловіе къ комедіи *Философы*, или Видѣніе Шарля Палиссо" соч. Морле (одного изъ энциклопедистовъ) [1]),—сопровождалась „предувѣдомленіемъ отъ издателей", объяснявшимъ обстоятельства, которыми будто бы было вызвано появленіе ея въ свѣтъ. Въ одномъ изъ арзамасскихъ трактировъ—разсказываетъ предувѣдомленіе — собиралось въ опредѣленные дни „общество друзей литературы, забытыхъ Фортуною и живущихъ вдали отъ столицы". Однажды, уже поздно вечеромъ, дружеская бесѣда ихъ была прервана какимъ-то страннымъ шипѣньемъ и бормотаньемъ, выходившимъ изъ сосѣдней комнаты, въ которой остановился какой-то проѣзжій. Одинъ за другимъ друзья подошли къ перегородкѣ и черезъ широкую щель, находившуюся въ ней, увидѣли догорающій ночникъ, постель и тучное тѣло ихъ сосѣда. Крѣпкій сонъ, въ который былъ погруженъ проѣзжій, не мѣшалъ, однако, его „ужасному волненію", которое разрѣшилось, наконецъ, тѣмъ, что онъ спустился съ постели и началъ ходить по комнатѣ; затѣмъ остановился и „громкимъ голосомъ прокричалъ реляцію о какомъ-то своемъ видѣніи, при чемъ повторилъ ее столько разъ, что члены общества успѣли записать всѣ слова его отъ перваго до послѣдняго". Проѣзжій началъ разсказъ свой съ того, какъ онъ однажды—возвращаясь съ засѣданія въ Словесницѣ (т. е. Бесѣдѣ), на которомъ отъ чтенія стиховъ его „всѣ словесные братія уснули вмалѣ" — былъ схваченъ въ оградѣ „бурей зѣльной"—вьюгой и снѣгомъ, и сталъ онъ проклинать судьбу свою, творящую наперекоръ ему во всѣхъ дѣлахъ его: „ибо слезливъ я — говорилъ проѣзжій — въ сатирахъ своихъ и забавенъ въ своихъ трагедіяхъ; и хочу я, чтобъ смѣялись надъ врагами моими, и смѣются одни враги мои; и люблю я красавицу, и уродъ мнѣ любовница; и пишу я стихи, и стихи мои — проза". И послышался ему вдругъ „нѣкій гласъ охриплый и рѣзкій", и велѣлъ ему посмотрѣть на домъ Словесницы; и узрѣлъ тогда онъ на мѣстѣ дома Словесницы „нѣкій

[1]) Палиссо былъ литературнымъ врагомъ Дидро и д'Аламбера и въ своихъ памфлетахъ и комедіяхъ постоянно нападалъ на энциклопедистовъ: однимъ изъ такихъ произведеній и была его комедія „Философы".

міръ извращенный, и тамъ въ сумракѣ странномъ предметы мѣняются въ видахъ своихъ, и маки тамъ кажутся розами, и за оиміамъ тамъ курится ельникъ, и гуща квасная тамъ кажется нектаромъ, и толокно тамъ—амброзія, и гудки почитаются лирами". И явился тогда ему „старецъ въ лучахъ изъ замерзлыхъ сосулекъ, и лицо его было, какъ древняя хартія, и власы его, какъ снѣгъ вешній, съ багрянымъ пескомъ перемѣшанный" (очевидно, Шишковъ). И вѣщалъ ему призракъ: „...Почто смущаешься духомъ и почто ужасаешься скудости мыслей и что плачешь надъ безплодіемъ главы твоей? И духъ твой не зависитъ отъ мыслей, и даръ твой не требуетъ знаній, и даръ твой питается чувствомъ единымъ, живущимъ вѣчно въ тебѣ и во мнѣ; и оное чувство и сушитъ насъ и пучитъ и грызетъ насъ и движетъ, и не престанетъ возбуждать насъ, и мы не престанемъ писать, доколѣ будетъ чуждое счастіе, доколѣ будутъ терзать насъ успѣхи ума; и когда погибнутъ таланты, и когда глупость возсядетъ на судилище вкуса, и тогда мы умолкнемъ, и увы! не придетъ сіе время"! И потомъ такъ сказалъ старецъ: „И напиши нѣчто и назови сіе комедіей, и раздѣли сіе нѣчто на пять тетрадей и тетрадь назовется дѣйствіемъ [1])... И омочи перо твое въ желчь твою и возненавидь кроткаго юношу, дерзнувшаго оскорблять тебя талантами и успѣхами... И представь не то, что въ немъ есть, но чего ты желалъ бы ему; и, чтобъ онъ казался глупцомъ, ты вложи въ него умъ свой, и стихи его да завянутъ въ рукахъ твоихъ, какъ цвѣты отъ куренія смраднаго, и заснетъ онъ спокойно подъ шумомъ ругательствъ твоихъ... и будетъ Словесница, зѣвая, хвалить тебя; и ты будешь одинъ восхищаться собою и съ умиленіемъ скажешь: се нынѣ день торжества, и свершилось мщеніе, и безъ барыша я отыду въ домъ свой, но съ миромъ, и всѣмъ глупцамъ миръ". И пересталъ старецъ вѣщать, и „престало видѣнное". Это произведеніе [2]), въ главномъ героѣ котораго не трудно было узнать Шаховского, встрѣчено было въ группѣ молодыхъ писателей и сторонниковъ новой литературной школы съ живѣйшимъ сочувствіемъ и одобреніемъ. Между прочимъ, Вяземскій, благодаря А. Тургенева за присылку „Видѣнія", писалъ ему изъ Москвы, что онъ эту піесу „прочелъ нѣсколько разъ, и всегда съ новымъ удовольствіемъ и новымъ смѣхомъ. Видѣніе писано мастерски" (Ост. Арх. I, 32).

---

[1]) Намекъ на комедію „Липецкія воды".

[2]) „Видѣніе" впервые напечатано въ 1899 г. (Ост. Арх. I, 411—418).

Особенно удачной показалась друзьямъ Блудова мысль его о безвѣстномъ арзамасскомъ кружкѣ литераторовъ: они рѣшили воспользоваться столь кстати созданной фантазіей Блудова и въ дѣйствительности составить такое общество, связавъ его съ именемъ Арзамаса, который какъ разъ въ это время привлекалъ къ себѣ вниманіе не однихъ только будущихъ арзамасцевъ: въ 1802 году нѣкій Ступинъ, воспитанникъ академіи художествъ, основалъ въ своемъ родномъ городѣ живописно-иконописную школу, которая—по выраженію одного писателя — выросла „въ видѣ какого-то гриба на тогдашней крѣпостной почвѣ" [1]). Остановившись на мысли „соорудить ковчегъ Арзамаса, дабы спастись въ немъ отъ потопа Липецкаго" (Соч. Вяз. VIII, 419), сторонники новаго литературнаго направленія только шли навстрѣчу назрѣвшей потребности объединить свои разрозненныя силы, дѣйствовавшія до сихъ поръ вразбродъ. Болѣе другихъ мечталъ объ единеніи дѣятелей передового лагеря литературы, для болѣе плодотворной совмѣстной ихъ дѣятельности, Вяземскій, который еще въ 1813 году писалъ А. Тургеневу: „Зачѣмъ нашей братіи скитаться, какъ жидамъ? И отчего дуракамъ можно быть вмѣстѣ? Посмотри на членовъ Бесѣды: какъ лошади, всегда всѣ въ одной конюшнѣ и если оставятъ конюшню, такъ цугомъ или четвернею заложены вмѣстѣ. По чести, мнѣ завидно на нихъ глядя и я, какъ оселъ, завидую этимъ лошадямъ. Когда заживемъ и мы по-братски: и душа въ душу и *рука въ руку"?* (Ост. Арх. I, 19). Для той эпохи, о которой идетъ рѣчь, мысль о созданіи частнаго литературнаго общества, не была новой: начало частныхъ кружковъ просвѣтительнаго характера восходитъ еще къ XVIII вѣку, который представилъ замѣчательный примѣръ подобнаго рода въ Дружескомъ обществѣ Новикова [2]). Въ XIX вѣкѣ, уже съ первыхъ лѣтъ Александрова царствованія, стали возникать частныя литературныя собранія, свидѣтельствовавшія о народившемся въ русскомъ обществѣ

---

[1]) *Боборыкинъ*, Вѣчный городъ (*Русск. Мысль* 1899, III, 165: школа Ступина, существовавшая до начала 60-хъ годовъ, „выпустила — замѣчаетъ тотъ же писатель—цѣлый контингентъ иконописцевъ, декораторовъ и учителей рисованія. Этотъ Ступинъ, на свои скудныя средства, устроилъ у себя галлерею гипсовыхъ снимковъ съ античныхъ статуй, тогда какъ въ губернскомъ городѣ не было и намека на какое-либо художественное собраніе. Толковыхъ собирателей тоже не водилось даже и между богатыми людьми").

[2]) Это общество находилось подъ покровительствомъ московскаго главнокомандующаго гр. Чернышева и митрополита Платона.

и все болѣе крѣпнувшемъ интересѣ къ вопросамъ литературы. Уже въ 1801 г. составляется существовавшее впрочемъ очень недолго— „Дружеское литературное общество", въ числѣ членовъ котораго мы находимъ Мерзлякова, Жуковскаго, Александра Тургенева и др. На это общество имѣла важное вліяніе литературная дѣятельность нѣмецкихъ писателей Sturm-und Drangperiode, группировавшихся вокругъ мецената—герцога Веймарскаго. Помимо своей главной цѣли „образовать въ себѣ безцѣнный талантъ трогать и убѣждать словесностію", „Дружеское литературное общество", храня преданія стараго „Дружескаго ученаго общества", ставило себѣ и задачи благотворительныя — помощь бѣднымъ (Соч. Тихонр., изд. 1898, III, 430 — 433). Далѣе, литературныя собранія происходили у Державина (изъ нихъ въ 1811 г. образовалась знаменитая „Бесѣда любителей русскаго слова"), Шаховского, И. С. Захарова и нѣкоторыхъ другихъ. Наибольшею извѣстностью въ этомъ отношеніи пользовался гостепріимный домъ широкообразованнаго А. Н. Оленина, у котораго находили горячую оцѣнку своихъ дарованій и живое сочувствіе своимъ занятіямъ многіе изъ современныхъ писателей и ученыхъ (Озеровъ, Крыловъ, Батюшковъ, Гнѣдичъ, Востоковъ и др.): по содержанію художественныхъ и литературныхъ понятій, кружокъ Оленина, бывшаго по разнымъ причинамъ противникомъ крайнихъ воззрѣній, являлся какъ-бы соединительнымъ звеномъ между старой Бесѣдой и вновь возникавшимъ Арзамасомъ [1]). Кромѣ всякаго рода частныхъ литературныхъ кружковъ и собраній наличныя силы русской литературы [2]) и отчасти науки группировались еще по обществамъ, носившимъ болѣе или менѣе офиціальный характеръ: помимо Россійской академіи, таково было, во-первыхъ, „Вольное общество любителей словесности, наукъ и художествъ", основанное въ Петербургѣ въ 1801 г. и имѣвшее въ числѣ членовъ извѣстнаго Радищева, затѣмъ Дашкова, Пнина, Бенгцкаго и др.: общество это, первое сочувственно отнесшееся къ литературнымъ стремленіямъ Карамзина, стало приходить въ упадокъ со смертью одного изъ своихъ выдающихся членовъ—Пнина (1805); затѣмъ офиціальный характеръ имѣло „Общество любителей россій-

[1]) Характеристика Оленинскаго кружка дана Л. Майковымъ. (Соч. Бат. I, 48—52).

[2]) Совершенно самостоятельное, внѣ всякихъ партій, положеніе занимали Грибоѣдовъ и Катенинъ; кромѣ того, въ сторонѣ отъ литературной полемики держался Гнѣдичъ.

ской словесности", основанное въ 1811 г. при московскомъ университетѣ и получившее позднѣе отъ Арзамаса названіе второй, или московской Бесѣды [1]).

Когда въ средѣ молодыхъ писателей и сторонниковъ литературной реформы окончательно созрѣла мысль о необходимости создать для себя какую-нибудь организацію, они выбрали формой объединенія частный кружокъ [2]), какъ наименѣе стѣснительный и наиболѣе соотвѣтствовавшій ихъ планамъ дальнѣйшей борьбы съ противниками. 23-го сентября было первое представленіе піесы Шаховского, а 14-го октября, по иниціативѣ Уварова, уже состоялось первое предварительное собраніе будущихъ арзамасцевъ, на которомъ, кромѣ Уварова, присутствовали Жуковскій, Блудовъ, Дашковъ, А. Тургеневъ и Жихаревъ. Вигель, лично хотя и не присутствовавшій на этомъ собраніи, но, несомнѣнно, хорошо о немъ освѣдомленный, сообщаетъ по этому поводу нѣсколько любопытныхъ подробностей. Собраніе происходило въ домѣ Уварова. „Хозяинъ занялъ мѣсто предсѣдателя и въ краткой рѣчи, хорошо по-русски написанной, осуществляя мысль Блудова, предложилъ засѣдающимъ составить изъ себя небольшое общество „Арзамасскихъ безвѣстныхъ литераторовъ". Изобрѣтательный геній Жуковскаго по части юмористической въ мигъ пробудился; одинмъ взглядомъ увидѣлъ онъ длинный рядъ веселыхъ вечеровъ, нескончаемую нить умныхъ пристойныхъ проказъ. Отъ узаконеній, новому обществу имъ предлагаемыхъ, всѣ помирали со смѣху; единогласно избранъ онъ секретаремъ его... При окончаніи каждаго засѣданія, жребій долженъ былъ рѣшать, кому предсѣдательствовать въ слѣдующемъ; для нихъ не было даже назначено постояннаго мѣста" (IV, 174). Вообще, рѣшено было—не безъ возможнаго, между про-

---

[1]) Въ періодъ 1844 — 57 гг. „Общество" фактически не существовало; въ 1866 г. оно получило новый уставъ, дѣйствующій и понынѣ.

[2]) По убѣжденію проф. Халанскаго, „Арзамасъ представлялъ возстановленіе или возобновленіе въ Петербургѣ московскаго... Дружескаго литературнаго общества" („О вліяніи В. Л. Пушкина на поэтическое творчество А. С. Пушкина", стр. 7): въ основу своего взгляда проф. Халанскій кладетъ устанавливаемое имъ сходство между уставомъ „Дружескаго общества" и „Законами арзамасскаго общества", изд. проф. Кирпичниковымъ (О. с., 47—48). Если и признавать такое сходство, это все-таки не дастъ основаній для выводовъ о ближайшей связи Арзамаса съ „Дружескимъ обществомъ": „Законы Арзамасскаго общества" вовсе не являлись подтвержденіемъ того, что *уже существовало* въ Арзамасѣ; ниже мы увидимъ, что эти „законы" шли вразрѣзъ съ практикой общества и должны были смѣнить уставъ, ранѣе дѣйствовавшій и оказавшійся неудовлетворительнымъ.

чимъ, вліянія преданій о литературной молодежи нѣмецкаго Sturm und Drang'a [1])—въ засѣданіяхъ не соблюдать общепринятыхъ формъ, причемъ, главнымъ образомъ, имѣлось въ виду придать Арзамасу характеръ и устройство противоположныя тѣмъ, какими отличалась Бесѣда любителей русскаго слова. Публичныя собранія послѣдней носили торжественно-офиціальный характеръ: посѣтители допускались по билетамъ, члены и гости являлись въ мундирахъ и орденахъ, дамы—въ бальныхъ платьяхъ; въ особыхъ случаяхъ бывала и музыка съ хорами, которые спеціально для Бесѣды сочинялъ Бортнянскій. Министры, генералы, епископы—словомъ, все, что въ Петербургѣ было знатнаго и вліятельнаго, считало за честь участвовать въ засѣданіяхъ Бесѣды, которая, такимъ образомъ, представляла изъ себя—по удачному выраженію одного изъ историковъ эпохи (Ивановъ, Ист. русск. крит., 196)—„нѣчто въ родѣ литературной палаты пэровъ". Арзамасъ былъ полною противоположностью чопорной и сановной Бесѣды. Въ „узаконеніяхъ", или „церемоніалѣ" его, сразу былъ взятъ тотъ шуточный тонъ, который является одной изъ наиболѣе характерныхъ особенностей Арзамаса: по своеобразному уставу общества, созданному совокупнымъ остроуміемъ Жуковскаго и Блудова и пародировавшему обычаи ученыхъ академій и масонскихъ ложъ, „каждому нововступающему члену Арзамаса надлежало бы читать похвальную рѣчь своему покойному предшественнику, но всѣ члены новаго Арзамаса безсмертны, и потому, за неимѣніемъ собственныхъ готовыхъ покойниковъ, новоарзамасцы—въ доказательство благороднаго своего безпристрастія и еще болѣе въ доказательство, что ненависть ихъ не простирается за предѣлы гроба — положили брать на прокатъ покойниковъ между халдеями „Бесѣды и Академіи", дабы воздавать имъ по дѣламъ ихъ, не дожидаясь потомства" [2]). (Ковалевскій, стр. 111; Ефронъ, II, 77). Очередному предсѣдателю собранія вмѣнялось въ обязанность отвѣчать ора-

---

[1]) Какъ справедливо отмѣтилъ это впервые проф. Халанскій (О. с., 7—8), который, впрочемъ, придалъ чрезмѣрно большое значеніе аналогіи, проведенной имъ между кружками нѣмецкихъ Kraftgenien и русскимъ Арзамасомъ: не вдаваясь въ подробности, замѣтимъ только, что историко-литературная обстановка, въ какой представлена связь между нѣмецкими кружками и русскимъ обществомъ, слишкомъ недостаточна для рѣшительныхъ выводовъ, дѣлаемыхъ проф. Халанскимъ—главнымъ образомъ, о слѣдствіяхъ существованія Арзамаса, подобныхъ результатамъ дѣятельности нѣмецкихъ „бурныхъ геніевъ" (О. с., 43).

[2]) Одинъ изъ арзамасцевъ—Жихаревъ—въ виду того, что былъ ранѣе членомъ Бесѣды, долженъ былъ „отпѣть" самъ себя, сдѣлавшись, такимъ образомъ, „самоубійцей" (выраженіе одной изъ арзам. рѣчей: Соч. Вяз. VIII, 422).

тору соотвѣтствующимъ случаю привѣтствіемъ, въ которомъ онъ долженъ искусно мѣшать похвалы нововступающему съ прославленіемъ усопшаго. Члены Арзамаса обязывались „ужасною присягою" не измѣнять обществу и строго хранить его тайны („Русск Арх." 1866, стр. 499).

Первое время Арзамасъ аккуратно собирался по четвергамъ у Блудова или Уварова. „Съ каждымъ засѣданіемъ становился онъ веселѣе; за каждою шуткой слѣдовали новыя, на каждое острое слово отвѣчало другое" (Вигель, IV, 175—176). Вечеръ обыкновенно начинался чтеніемъ протокола предыдущаго засѣданія, „что уже сильно располагало всѣхъ къ *илларитету*", замѣчаетъ наблюдательный Вигель. Затѣмъ—особенно, вѣроятно, на первыхъ порахъ—происходило серьезное чтеніе или критическій разборъ какого-нибудь новаго литературнаго произведенія (Ковалевскій, стр. 114). Завершались засѣданія ужиномъ, неизбѣжною принадлежностью котораго былъ жареный гусь, ставшій, по предложенію Жуковскаго, гербомъ общества [1]): за столомъ царило непринужденное веселье — сыпались остроты и эпиграммы, произносились юмористическіе куплеты, нерѣдко хоромъ пѣлся „арзамасскій гимнъ"—кантата Дашкова. Душой арзамасскаго веселья былъ мечтательный пѣвецъ Свѣтланы—Жуковскій: „Онъ былъ—говоритъ Вяземскій въ своихъ воспоминаніяхъ объ Арзамасѣ—не только гробовыхъ дѣлъ мастеръ, какъ мы прозвали его по балладамъ, но и шуточныхъ и шутовскихъ дѣлъ мастеръ. Странное физіологическое и психическое совпаденіе! При натурѣ идеальной, мечтательной, нѣсколько мистической, въ немъ были и сокровища веселости, смѣшливости: въ немъ были зародыши и залоги каррикатуры и пародіи, отличающіеся нерѣдко острою замысловатостью" (Соч. VIII, 415; ср. также у Вигеля III, 137). Кромѣ того, Жуковскій, какъ никто другой, умѣлъ отыскивать и затѣмъ обращать вниманіе арзамасцевъ на такія книги, появлявшіяся въ современной литературѣ,— какъ „Избранныя притчи" знаменитаго метромана Хвостова, которыя сдѣлались настольной книгой Арзамаса, или „Утѣхи меланхоліи", потѣшавшія арзамасцевъ до слезъ своими нелѣпыми крайностями сентиментализма во вкусѣ Шаликова: подобныя книги — замѣчаетъ Вяземскій—„служили ему врачебнымъ пособіемъ для возбужденія здороваго смѣха, для благорастворенія селезенки, pour épanouir la rate, какъ говорятъ французы" („Русск. Арх." 1866, стр. 479).

Стараясь во всѣхъ мелочахъ пародировать бюрократическіе порядки

[1]) Арзамасъ славился своими гусями.

Бесѣды съ разнообразными подраздѣленіями ея членовъ на четыре разряда, затѣмъ на дѣйствительныхъ, почетныхъ, наконецъ—сотрудниковъ, арзамасцы и у себя установили табель о рангахъ, заключавшую лишь одинъ для всѣхъ титулъ—„его превосходительство геній Арзамаса" [1]). Кромѣ того, „дабы болѣе отдѣлиться отъ свѣта,—говоритъ Вигель—отреклись мы между собою отъ именъ, которыя въ немъ носили и заимствовали новыя названія у балладъ Жуковскаго" (IV, 176). Сначала прозвища заимствовались преимущественно отъ заглавій различныхъ балладъ Жуковскаго (Свѣтлана, Кассандра, Эолова Арфа и т. п.), а затѣмъ стали пускаться въ ходъ также отдѣльныя названія и слова, встрѣчающіяся въ этихъ балладахъ (Рѣзвый котъ, Очарованный челнокъ, Вотъ и т. д.); при этомъ, иногда прозвища давались по какому-нибудь внѣшнему или внутреннему сходству: напримѣръ, одинъ арзамасецъ получилъ прозвище „Очарованный челнокъ" вслѣдствіе многолѣтнихъ своихъ странствованій по Европѣ и Америкѣ (Соч. Бат. Ш, 722), другой — „Черный вранъ" по смуглому цвѣту лица (Вигель, V, 45), третій—„Рѣзвый котъ", такъ какъ „въ самыхъ манерахъ имѣлъ... игривость котенка" (Вигель V, 42, ср. Вяземскаго, I, XVIII) и т. д. Что касается самаго состава Арзамасскаго общества, то по количеству членовъ оно почти и не вышло за предѣлы тѣснаго пріятельскаго кружка, хотя постоянно продолжало пополняться—главнымъ образомъ, благодаря стараніямъ Жуковскаго—новыми лицами. Кромѣ Уварова (арзамасское прозвище—Старушка) [2]), Блудова (Кассандра), Дашкова (Чу!) [3]) и Жуковскаго (Свѣтлана), которымъ принадлежала главная инициатива и роль въ созданіи Арзамаса,—до сихъ поръ, какъ арзамасцы, извѣстны еще слѣдующія лица: Батюшковъ (Ахиллъ), Вигель (Ивиковъ Журавль). Воейковъ [Двѣ огромныя руки [4]) и Дымная печурка [5])], Вяземскій (Асмодей) [6]), Давыдовъ (Армянинъ) [7]), Жихаревъ (Громобой), Кавелинъ (Пустынникъ), Н. Муравьевъ (Адельстанъ), М. Орловъ (Рейнъ) [8]),

[1]) Едва ли члены Арзамаса присвоили себѣ названіе „геніевъ" лишь изъ подражанія нѣмецкимъ Kraftgenien, какъ думаетъ г. Халанскій (О. с., 42).

[2]) Полное заглавіе: Баллада, въ которой описывается какъ одна старушка ѣхала на черномъ конѣ вдвоемъ, и кто сидѣлъ впереди.

[3]) Часто повторяемая частица въ балладахъ „Людмила" и „Свѣтлана".

[4]) Изъ баллады „Адельстанъ".

[5]) Изъ баллады „Пустынникъ".

[6]) Изъ баллады „Громобой".

[7]) Изъ баллады „Алина и Альсимъ".

[8]) Изъ баллады „Адельстанъ".

Полетика (Очарованный челнокъ) [1]), Плещеевъ (Черный вранъ) [2]), А. Пушкинъ (Сверчокъ) [3]), В. Пушкинъ (Вотъ) [4]), Сѣверинъ (Рѣзвый котъ) [5]), А. Тургеневъ (Эолова арфа) [6]), Н. Тургеневъ (Варвикъ), наконецъ, еще одно лицо, арзамасскій псевдонимъ котораго—„Лебедь статный" [7])—не раскрытъ—итого 21 человѣкъ, изъ числа которыхъ нѣсколько лицъ вступило въ составъ общества лишь незадолго до его распаденія [8]). Въ первое время своего существованія

---

[1]) Изъ баллады „Адельстанъ".

[2]) Изъ баллады „Свѣтлана".

[3]) Изъ баллады „Свѣтлана".

[4]) Изъ баллады „Свѣтлана".

[5]) Изъ баллады „Пустынникъ".

[6]) Относительно арзамасскихъ псевдонимовъ Воейкова и А. Тургенева слѣдуетъ замѣтить, что первоисточниками (подписями—автографами подъ новымъ уставомъ, *Русская Старина* 1899, . 350, перечнемъ избранныхъ членовъ, находящимся въ бумагахъ Жуковскаго и написаннымъ его собственною рукою—и т. п.) указываются, какъ ихъ прозвища, „Двѣ огромныя руки" и „Эолова арфа"; но вмѣстѣ съ тѣмъ существуютъ указанія и другого рода — для Воейкова „Дымная печурка" или какъ единственное прозвище (Вигель, V, 44; Лонгиновъ, Энцикл. Слов. V, 312) или же какъ параллельное къ указанному выше (Лонгиновъ же, Соврем. 1857, № 5, стр. 71); а для А. Тургенева—опять-таки „Двѣ огромныя руки" только, какъ параллельное (Соч. Вяз. VIII, 282—288: Тургеневъ любилъ собирать—говоритъ Вяземскій — „всѣ возможныя бумажныя рѣдкости и драгоцѣнности. Не даромъ говорили въ Арзамасѣ, что онъ не только „Эолова Арфа"..., но что онъ и „Двѣ огромныя руки", какъ сказано въ одной изъ балладъ Жуковскаго. Въ самомъ дѣлѣ, это не двѣ, а сотни бріарейскихъ рукъ захватывали на право и на лѣво, вверху и внизу, всѣ мало-мальски замѣчательныя рукописи, историческія, политическія, административныя, литтературныя и т. д." Ср. Ост. Арх. I, 89). Нѣтъ, повидимому, основаній не вѣрить указанію Вигеля, который во всѣхъ остальныхъ случаяхъ безошибочно называлъ арзамасскія прозвища, а также и указаніямъ Лонгинова: надо, поэтому, допустить, что Воейкову, дѣйствительно, принадлежали оба псевдонима, изъ которыхъ одинъ („Дымная печурка") былъ наименѣе употребителенъ или современемъ вытѣснился другимъ. Второе же прозвище Тургенева („Двѣ огромныя руки") было, очевидно, неофиціальнымъ и принятымъ только нѣкоторыми изъ арзамасцевъ.

[7]) Изъ баллады „Адельстанъ".

[8]) Перечисленныя выше имена арзамасцевъ документально засвидѣтельствованы перечнемъ, находящимся въ бумагахъ Жуковскаго; но этотъ перечень не исчерпываетъ всего числа членовъ Арзамаса, судя по указанію того же Жуковскаго отъ 1826 г.: Арзамасское общество — писалъ онъ (Сочиненія, изд. 7, VI, 418)—„состояло сначала изъ 12 или 15 членовъ; число ихъ впослѣдствіи (?) увеличилось до 25". Когда „впослѣдствіи"? можетъ быть, въ 1818 г.? Какъ бы то ни было, мы не располагаемъ данными восполнить приведенный выше списокъ согласно съ указаніемъ Жуковскаго; можно лишь отмѣтить, что пока не доказана

Арзамасъ, дѣйствительно, являлся антиподомъ Бесѣды въ томъ смыслѣ, что не имѣлъ въ своемъ составѣ никакихъ группировокъ. Но затѣмъ арзамасцы, очевидно, сочли необходимымъ такъ или иначе соединить со своею организаціей имена лицъ, которыя пользовались особыми ихъ симпатіями и уваженіемъ: такъ явились и въ Арзамасѣ почетные— „природные"—члены, или, какъ они офиціально титуловались,— „почетные гуси" (Вигель, V, 38; „Русская Старина" 1899, V, 350), въ отличіе отъ членовъ дѣйствительныхъ—„избранныхъ". Въ числѣ почетныхъ членовъ Арзамаса—насколько пока извѣстно—значились: „путеводитель и вождь" арзамасцевъ, „Арзамасскій патріархъ" Карамзинъ („Современникъ" 1851, № 6, стр. 37—38; Письма В. А. Жуковскаго къ А. И. Тургеневу, 1895 г. стр. 165); „по прошенію уволен(ный) отъ поэзіи въ царство дружбы и славы, съ ношеніемъ лавроваго вѣнка" Дмитріевъ (Адресъ-календарь Воейкова: „Русская

еще принадлежность къ Арзамасу ни Н. Н. Раевскаго, котораго Пушкинъ въ набросвѣ письма, пародировавшаго стиль арзамасскихъ протоколовъ (изъ Кишинева отъ 1821 г.) назвалъ „превосходительнымъ Райкомъ" наряду со своимъ арзамасскимъ прозвищемъ „превосходительный жалобный Сверчокъ" (Сочиненія Пушкина, изд. Лит. Фонда, VII, 28), ни того Лихачева, о которомъ въ 1816 году Батюшковъ писалъ Жуковскому: „Возьмите въ Арзамасъ добраго Лихачева, котораго посланіе къ тебѣ прилагаю при семъ: оно тебѣ понравится" (Сочин. Батюшкова III, 382). Что же касается списка членовъ, который приводится передъ Запиской „Нѣчто о Царскосельскомъ Лицеѣ" (*Русская Старина* 1877, IV, 655), то онъ никакого почти значенія не имѣетъ по своей неполнотѣ и явной несообразности: многіе арзамасцы въ немъ не названы, и въ то же время указаны такія лица, которыя, быть можетъ, за исключеніемъ одного—никогда въ числѣ членовъ Арзамаса не были и даже не могли быть—это: 1) Гнѣдичъ, державшійся, какъ извѣстно, совершенно въ сторонѣ отъ современныхъ ему литературныхъ партій, 2) Мерзляковъ, хотя и находившійся въ дружескихъ отношеніяхъ съ нѣкоторыми изъ арзамасцевъ (напр., Жуковскимъ), но вообще ихъ расположеніемъ не пользовавшійся—между прочимъ, какъ членъ московскаго Общества любителей словесности, отожествлявшагося Арзамасомъ съ Бесѣдой, 3) профессоръ Кайсаровъ—очевидно, А. Кайсаровъ, занимавшій профессорскую каѳедру русскаго языка въ Дерптскомъ университетѣ, авторъ сочиненія Dissertatio inauguralis philosophico-politica de manumittendis per Russiam servis 1806 г., гдѣ доказывается, что крѣпостное право тормозитъ развитіе всѣхъ сторонъ національной жизни: вѣроятно, только на этомъ основаніи и отнесенъ къ арзамасцамъ, среди которыхъ подобные взгляды были популярны (умеръ въ 1813 г.!), 4) Муравьевъ—Апостолъ Иванъ (очевидно, по смѣшенію съ Муравьевымъ Н.), хотя и не фанатическій сторонникъ Шишкова, но не пользовавшійся симпатіями арзамасцевъ (Ост. Арх. I, 443), 5) *М. Кайсаровъ*—только относительно этого лица у насъ нѣтъ положительныхъ указаній, что онъ не могъ принадлежать къ составу Арзамаса.

Старина" 1874, III, 612); высоко цѣнившійся современниками, сравнивавшійся Вяземскимъ и Батюшковымъ съ Шенье поэтъ Нелединскій-Мелецкій (Соч. Батюшкова II, 505; III, 128); замѣчательный дѣятель Александрова царствованія, по выраженію Ковалевскаго (стр. 75)— „защитникъ правъ народныхъ, втоптанныхъ въ грязь безнравственной политикой князя Меттерниха", министръ иностранныхъ дѣлъ графъ Каподистріа; одинъ изъ выдающихся людей своего времени по уму, образованію и благородному характеру, сенаторъ и членъ государственнаго совѣта А. Салтыковъ (Ост. Арх. I, 422); попечитель учебнаго Казанскаго округа, человѣкъ, пользовавшійся большимъ уваженіемъ среди писателей передового направленія М. Салтыковъ (Сочин. Батюшкова III, 697); наконецъ—поэтъ-дилетантъ, товарищъ А. Тургенева по Благородному пансіону Г. Гагаринъ [1]).

Е. Сидоровъ.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

---

[1]) Относительно первыхъ пяти лицъ извѣстно, что они указаны какъ природные члены Арзамаса въ бумагахъ Жуковскаго (Отчетъ И. П. Б. за 1884 г.), Гагаринъ же названъ почетнымъ членомъ Арзамаса у Лонгинова (Современникъ 1857, № 5) и въ примѣчаніяхъ къ I т. Ост. Архива (стр. 425).

НАКАЗЫ ТРЕТЬЯГО СОСЛОВІЯ ВО ФРАНЦІИ ВЪ 1789 ГОДУ [1].

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Первичные наказы.

Приходскіе или первичные наказы представляютъ, по крайней мѣрѣ въ теоріи, непосредственное выраженіе настроенія и нуждъ крестьянъ и горожанъ, но прежде всего крестьянъ—этого основного устоя старой Франціи.

Само собою разумѣется, что „cahiers de paroisses" пользуются чрезвычайнымъ авторитетомъ въ наукѣ. При этомъ на всѣ лады выхваляется мудрость (sagesse) этихъ наказовъ, ихъ оригинальность, непосредственность, свѣжесть.

Правда, наказы не только систематически еще не изучены, но даже не приведены надлежащимъ образомъ въ извѣстность; однако съ каждымъ годомъ выходятъ все новыя изданія приходскихъ наказовъ разныхъ округовъ и провинцій, умножаются монографіи по этому предмету, а кромѣ того каждый историкъ, касающійся данной эпохи, считаетъ своимъ долгомъ украсить свою книгу, хотя бы отрывочными выдержками изъ крестьянскихъ жалобъ.

Съ другой стороны, въ трудахъ по исторіи стараго порядка давно уже проскальзываетъ относительно наказовъ скептическая нотка, мирно впрочемъ уживавшаяся съ восхваленіемъ этого завѣта отходившей въ вѣчность старины.

Уже Шассенъ, въ приложеніи къ своей книгѣ, произнесъ приходскимъ наказамъ строгій приговоръ, трудно вяжущійся съ общимъ

---

[1]) *Продолженіе. См. Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія* за мартъ 1901 года.

духомъ и съ нѣкоторыми выводами его сочиненія, а также нѣсколько подрывающій довѣріе къ его ссылкамъ на эти самые наказы. Онъ выражаетъ полное свое согласіе съ приводимымъ имъ отзывомъ мѣстнаго историка Dugast Matifeux. По мнѣнію послѣдняго, выраженному въ частномъ письмѣ, первичные наказы можно подраздѣлить на три категоріи, смотря по тому, составлены ли они подъ вліяніемъ дворянъ и ихъ агентовъ, духовенства или буржуазіи: первые „всѣ или почти всѣ реакціонны", вторые, или дышатъ эгоизмомъ (если тутъ вліяло высшее духовенство), либо примыкаютъ къ преобразовательному теченію (если составлены низшимъ духовенствомъ), наконецъ наказы, „внушенные (inspirés) третьимъ сословіемъ", проникнуты духомъ времени „и представляютъ въ этомъ смыслѣ выраженіе скрытаго народнаго чувства". Но выразилось ли тутъ народное чувство непосредственно? „Если это имѣло мѣсто въ деревняхъ, то во всякомъ случаѣ совсѣмъ исключительно". Далѣе, ссылаясь на отрицательное мнѣніе Артура Юнга о самодѣятельности французскаго народа, Dugast Matifeux прибавляетъ: „Это и мое мнѣніе... Деревенскій народъ въ 1789 году жаловался и просилъ въ своихъ наказахъ куда еще машинальнѣе, чѣмъ подавалъ свой голосъ въ наше время, при всеобщей подачѣ голосовъ. Таково мое рѣшительное заключеніе, по крайней мѣрѣ относительно западной Франціи". Съ своей стороны Шассенъ утверждаетъ, что его изысканія по разнымъ провинціямъ „подтверждаютъ всецѣло и безусловно" это заключеніе; только наказы сервовъ Юры и крестьянъ Прованса являются „великолѣпными исключеніями" [1]). Все это касается однако лишь „политической стороны", такъ какъ деревенскіе наказы представляютъ значительный интересъ, по его мнѣнію, въ соціальномъ отношеніи, почему Шассенъ и основываетъ на нихъ широкіе выводы.

Н. И. Карѣевъ также не придаетъ никакого значенія политическимъ требованіямъ первичныхъ наказовъ, зависящихъ, по его словамъ, отъ того, „подъ чью диктовку" записывалось то или другое требованіе [2]). Но разъ признается наличность или хотя бы возможность диктовки, то она можетъ коснуться и соціальныхъ требованій и ежедневныхъ хозяйственныхъ нуждъ, передаваемыхъ наказами. Къ тому же невозможно провести опредѣленную грань между политическими и соціальными вопросами.

---

[1]) *Chassin*. Génie de la Révolution I, 417—420, 426.

[2]) *Н. И. Карпеевъ*: 394.

Далѣе Тэнъ бросилъ мимоходомъ замѣчаніе, изъ котораго можно вывести, что содержаніе наказовъ опредѣлялось самимъ народомъ, а редакторы обусловили только форму выраженія народныхъ нуждъ [1]). Но это заявленіе представляетъ только удачный выходъ изъ противорѣчія посредствомъ уклоненія отъ прямаго отвѣта: не изучивъ приходскихъ наказовъ, нельзя заявлять, что основное ихъ содержаніе намѣчено самимъ народомъ, когда это именно и требовалось доказать. Многіе изслѣдователи идутъ по стопамъ этого великаго мастера исторической живописи, но не исторической критики. Рей, въ поискахъ за „доводами мѣстнаго опыта, описаніемъ видѣннаго и выстраданнаго, истинными челобитными" нашелъ въ нѣкоторыхъ наказахъ, что „крестьянинъ далъ матеріалъ, а образованный человѣкъ—форму" [2]).

По мнѣнію Autorde особенности различныхъ наказовъ зависѣли отъ личныхъ свойствъ редакторовъ, избирателямъ же принадлежало „общее направленіе мыслей"; въ этомъ отношеніи всѣ наказы носятъ одинъ общій отпечатокъ „осужденія прошлаго" въ болѣе или менѣе рѣзкой формѣ [3]).

По словамъ Bussière, хотя судейскій обыкновенно держалъ перо за избирателя, тѣмъ не менѣе приходскіе наказы вѣрны истинному духу народа, такъ какъ проникнуты одной общей мыслію; „это голосъ народа", замѣчаетъ онъ по поводу одного наказа, „это языкъ крестьянина, переданный деревенскимъ риторомъ" [4]).

---

[1]) *Taine*. Ancien Régime. 488. Ici et déjà depuis quelque temps, ce n'est plus le villageois qui parle; c'est le procureur, l'avocat qui lui prête ses métaphores et ses théories. Mais l'avocat ne fait que traduire en langage littéraire les sentiments du villageois.

[2]) *Rey*. Notes sur mon village. Les cahiers de Saint-Prix. (Paris 1892). 27. Où sont enfin les arguments de l'expérience locale, la peinture de choses vues et souffertes, les vraies doléances? 28. Un paysan donna la matière, un lettré la forme.

[3]) *Autorde*. Archives révolutionnaires de la Creuse. Nouveaux cahiers de doléances. (Guéret 1890). Introduction 3, 4. En réalité ce qui appartient en propre à chaque groupe d'électeurs, c'est la tendance générale des idées; or, envisagés à ce point de vue, les cahiers offrent tous un trait commun, qui les rapproche et leur donne une même physionomie. Plus ou moins fortement motivée, la condamnation du passé s'y rencontre toujours...

[4]) *Bussière*. La révolution en Périgord (Bordeaux 1886) II, 68, 70. Ce fut le notaire, le procureur d'office ou le juge local qui, dans la plupart des paroisses, prit la plume pour l'électeur. L'expression du voeu des commettants n'en est pas moins fidèle dans l'ensemble. On en a la preuve dans la pensée suffisemment concordante qui se dégage des cahiers malgré leur nombre et la diversité de leurs formules. Ces clercs de village, enfants du pays, avaient le tour d'esprit de leurs

Такимъ образомъ историки видимо не рѣшаются высказаться до конца въ томъ или другомъ смыслѣ и благоразумно останавливаются на полъ-дорогѣ, сознавая невозможность разрѣшить указанный вопросъ при современномъ состояніи изученія предмета. Впрочемъ это не мѣшаетъ изслѣдователямъ усиленно ссылаться на приходскіе наказы, выдавая ихъ требованія, безъ всякихъ оговорокъ, за желанія французскаго крестьянства. Литература предмета переполнена болѣе или менѣе совершенными попытками статистическаго изученія этихъ пожеланій: такія то деревни желаютъ введенія единаго поземельнаго налога, или раздѣла общинныхъ угодій или запрещенія вывоза хлѣба. Въ умахъ историковъ уже не разъ мелькала даже мысль о составленіи на основаніи наказовъ, съ помощью статистическаго метода, полнаго изображенія того, что думала и чувствовала французская деревня наканунѣ 1789 года. Тутъ уже нѣтъ и помина той скептической нотки, которая звучитъ довольно громко (заронивъ сомнѣніе въ умѣ болѣе чуткаго читателя), когда рѣчь идетъ о моделяхъ, т. е. образцахъ наказовъ, распространявшихся въ сотняхъ и тысячахъ экземпляровъ по городамъ и селамъ; эти модели (modèles) опредѣляли иногда содержаніе наказовъ цѣлыхъ округовъ, при чемъ переписывались, съ сокращеніями, дополненіями, подчасъ неумѣлыми искаженіями, а то и безъ всякихъ измѣненій, совершенно рабски. Если тутъ возможно еще предположить, что приходское собраніе сознательно выбрало модель, отвѣчающую его запросамъ, то бываютъ случаи, когда и это возраженіе падаетъ передъ очевидностью.

Въ послѣднемъ отношеніи особенно сильное впечатлѣніе производитъ замѣчательный трудъ Legrand et Marquis о наказахъ этампскаго бальяжа[1]). Въ названномъ округѣ между теоріей первичныхъ избирательныхъ дѣйствій и осуществленіемъ ея на практикѣ была цѣлая пропасть. Въ теоріи, приходской наказъ долженъ былъ редактироваться на приходскомъ собраніи. На дѣлѣ же это было исключеніемъ, а можетъ быть даже ни разу не было приведено въ исполненіе по этампскому округу. „Почти во всѣхъ деревенскихъ приходахъ наказы были готовы до собраній, чтобы получить подписи созванныхъ жителей; или если

---

clients... et leur littérature porte bien la marque du crû... C'est bien la voix du peuple, sans attacher à ces mots un sens métaphysique. C'est le langage du paysan traduit par un rhéteur de village.

[1]) *Legrand et Marquis.* Le bailliage d'Etampes aux états généraux. (Etampes 1895) tome II. Изложеніе взглядовъ издателей взято нами изъ обстоятельнаго введенія, частью въ переводѣ, частью въ близкомъ къ тексту пересказѣ.

фактически нѣкоторые и были составлены во время собраній, то даже эти наказы почти никогда не были дѣломъ печалующихся избирателей". Самое содержаніе этихъ наказовъ говоритъ противъ тѣхъ, кто отрицаетъ широкое распространеніе моделей, этихъ образцовъ наказовъ, которые распространялись передъ выборами по всей поверхности Франціи. Приходскіе наказы, по мнѣнію авторовъ, не были „оригинальнымъ выраженіемъ жалобъ" народа и „слишкомъ далеко заходятъ" историки, приписывающіе добрымъ мужикамъ политическія разсужденія, полныя претензій и торжественнаго паѳоса. Во всякомъ случаѣ въ Этампѣ судейскіе „поглотили въ большей части движеніе" (вызванное созывомъ штатовъ), направили его и присвоили себѣ обязанность„ выразить жалобы подвѣдомственныхъ лицъ". Наказы были въ дѣйствительности дѣломъ судейскихъ; ихъ дѣйствіе было „капитальнымъ, чтобы не сказать исключительнымъ, въ редакціи наказовъ". Изъ 92 тщательно разобранныхъ наказовъ, только 12 носятъ печать нѣкоторой независимости, да и то многіе изъ нихъ были составлены судейскими. Остальные же (т. е. почти всѣ наказы округа), были составлены, какъ выяснили Legrand et Marquis, опредѣленными и поименно перечисленными пятью лицами, занимавшими высшія судебныя (и отчасти административныя) должности въ округѣ [1]).

Такъ какъ все разнообразіе особенностей этихъ 80 наказовъ сводится къ различію въ редакціи и взглядахъ упомянутыхъ 5 лицъ, то всѣ наказы округа распредѣлены изслѣдователями по пяти серіямъ, носящимъ не географическій, а *личный* характеръ, въ зависимости отъ лица, ихъ внушившаго: série Champigny, série Geoffroy и т. д. По нѣкоторымъ даннымъ можно даже думать, что эти пять лицъ предварительно столковались между собою (это было не трудно сдѣлать). Такимъ образомъ большинство этампскихъ наказовъ, какъ неопровержимо доказали Legrand et Marquis, вышли „въ готовомъ видѣ" (toute préparée) изъ канцеляріи судей, а жителямъ оставалось только заполнить на собраніяхъ имя прихода и проставить подписи. Не удивительно, если изслѣдователи предвидятъ, что, перелистывая

---

[1]) M. Jean Champigny, conseiller du roi et son procureur, tant au grenier à sel que de la ville d'Etampes, M. Jean-Gérard Geoffroy, avocat en Parlement, M. Claude-Louis Gillot, Conseiller du Roi, receveur des consignations au bailliage d'Etampes, lieutenant général du comté de Chamarande, M. P. Ph. Pineau de Villeneuve, doyen des procureurs du bailliage royal d'E., lieutenant des bailliage etc. de Méreville, M. Crosnier, substitut de M. le procureur du roy au bailliage d'E

эти наказы, „предполагавшіеся оригинальными, не одинъ читатель потеряетъ можетъ быть иллюзію".

Итакъ на разстояніи 32 лѣтъ, въ 1895 г. консервативные [1]) по своимъ симпатіямъ ученые дали строго научное обоснованіе впечатлѣнію, откровенно и добросовѣстно высказанному еще въ 1863 году радикальнымъ Шассеномъ, вопреки восторженному преклоненію послѣдняго передъ всѣмъ, что связано съ переворотомъ 1789 г.

Занимающій насъ вопросъ вышелъ такимъ образомъ изъ области партійной борьбы и сталъ на строго объективную почву научнаго изслѣдованія. Это—цѣлое событіе, никѣмъ пока не оцѣненное по достоинству, и намъ первымъ суждено высказаться по этому предмету на чистоту. Поэтому да не посѣтуютъ на насъ республиканскіе историки буржуазіи и не заподозрятъ насъ въ стремленіи во что бы то ни стало подкопаться подъ наказы 1789 г.—эту гордость французскаго народа и знамя, передъ которымъ преклоняются даже непримиримые враги великаго переворота. Amicus Plato, sed magis amica veritas. Почва подъ этимъ знаменемъ несомнѣнно колеблется. Не только окружные, но и приходскіе наказы отражаютъ въ значительной степени, если не главнымъ образомъ, настроеніе буржуазіи, народность же ихъ, въ собственномъ смыслѣ, крестьянскій ихъ характеръ вызываетъ во всякомъ случаѣ сомнѣнія, доселѣ не устраненныя, быть можетъ и неустранимыя. Уже изученное нами давленіе на избирателей должно наводить въ этомъ отношеніи на размышленія скептическаго свойства. Конечно возможно (основываясь же на своемъ личномъ впечатлѣніи [2]) я не считаю этого невѣроятнымъ), что по изученіи всѣхъ сохранившихся наказовъ, нѣкоторыя (но далеко не всѣ) ихъ требованія дѣйствительно окажутся приблизительнымъ выраженіемъ мысли и желаній народа. Очень вѣроятно, что стереотипные наказы Этампа представляютъ не правило, а исключеніе. Вѣдь уже Шассенъ отмѣтилъ наказы Прованса, какъ выдающіеся въ смыслѣ самобытности. Къ нимъ можно присоединить также отчасти наказы Парижскаго округа, Мэна, Окзерра, Дуэ и другихъ мѣстъ, хотя оригинальность не доказываетъ еще ихъ народнаго источника.

---

[1]) Въ авторахъ просвѣчиваетъ нѣкоторая страстность (съ консервативной точки зрѣнія), но это не должно служить къ заподазриванію объективныхъ ихъ выводовъ, произведенныхъ съ строгимъ методомъ на основаніи непреложныхъ данныхъ.

[2]) Историки такъ часто выдаютъ свои впечатлѣнія за научные выводы, что подчеркиваніе гипотетичности этой оговорки представляется не лишнимъ.

Но пока не будетъ произведенъ систематическій разборъ наказовъ, приходится остаться при сомнѣніи, памятуя, что сомнѣніе — уже первый шагъ къ знанію. Эта работа ждетъ еще своего историка, или вѣрнѣе болѣе десятка неутомимыхъ изслѣдователей, такъ какъ вопросъ очевидно не подъ силу одному человѣку и можетъ быть рѣшенъ только рядомъ монографій, составленныхъ по опредѣленному плану, съ соблюденіемъ строгаго и единообразнаго метода. Если вспомнить, что разборъ однихъ только этампскихъ наказовъ (всего 92) потребовалъ кропотливой работы на 500 слишкомъ страницъ, если вспомнить, что оба тома этого сочиненія составляютъ около 1000 страницъ, то можно составить себѣ понятіе о тѣхъ огромныхъ усиліяхъ, которыя необходимы для разбора десятка тысячъ наказовъ въ нѣсколькихъ сотняхъ округовъ. Когда эта работа будетъ произведена для всей Франціи, тогда и только тогда можно будетъ судить о томъ, насколько первичные наказы 1789 г. выражаютъ настроеніе большинства французскаго народа. Отдѣльныя монографіи, въ родѣ труда Legrand et Marquis, явятся первымъ шагомъ въ этомъ направленіи.

Во всякомъ случаѣ, если даже всѣ уцѣлѣвшіе наказы будутъ приведены въ извѣстность или предварительно изданы, это не избавитъ историковъ отъ тяжелой необходимости объѣхать всю Францію и пересмотрѣть на мѣстахъ (т. е. въ департаментскихъ, городскихъ и даже сельскихъ архивахъ) подлинныя связки наказовъ. Въ этихъ, часто неразборчивыхъ матеріалахъ все важно: и правописаніе, и рука, позволяющая иногда опредѣлить личность редактора или по крайней мѣрѣ секретаря. Издатели приходскихъ наказовъ нашли болѣе удобнымъ печатать тексты безъ украшавшихъ ихъ орѳографическихъ ошибокъ [1]), а между тѣмъ сама грамотность наказа можетъ имѣть значеніе для сужденія. Если, напримѣръ, крестьянскій наказъ написанъ книжнымъ языкомъ и носитъ явные слѣды мысли образованнаго человѣка, а между тѣмъ рукопись крайне безграмотна, то уже это одно можетъ иногда дать матеріалъ для заключенія въ томъ смыслѣ, что въ данной деревнѣ не было на лицо образованнаго человѣка, способнаго составить наказъ, но образецъ, занесенный со стороны, былъ продиктованъ или переписанъ малограмотнымъ лицомъ. Работа по этампскому округу, а также сдѣланный Тенаромъ разборъ наказовъ Версаля и Медона показываютъ нагляднымъ образомъ, какъ

[1]) Etienne Charavay въ замѣткѣ по поводу изданія наказовъ департамента Соммы призналъ это цѣлесообразнымъ. („Révolution Française" XVI, 1889 г.).

важно для изслѣдователя изученіе именно сырого матеріала, помимо всякихъ изданій [1]). Такъ Тенаръ опредѣлялъ на основаніи почерка степень образованія подписавшихся: множество подписей показываютъ, что избиратель 1789 г. едва умѣлъ держать перо въ рукахъ. Это заключеніе совсѣмъ не безразлично, когда рѣчь идетъ о наказахъ мѣстностей, находящихся у воротъ столицы. Еще важнѣе выводы относительно личности редактора или лица, переписавшаго текстъ наказа. Даже цвѣтъ чернилъ имѣетъ при случаѣ немаловажное значеніе: разница чернилъ заставляетъ предполагать неодинаковость времени написанія нѣкоторыхъ словъ, показываетъ иногда, что текстъ наказа былъ написанъ ранѣе дня засѣданія, гдѣ онъ былъ подписанъ, т. е. заготовленъ заблаговременно, а не составленъ на приходскомъ собраніи.

Съ своей стороны по собственному опыту приведу нѣсколько доказательствъ того, какъ необходима бываетъ обработка именно сырого матеріала, во избѣжаніе разнаго рода недоразумѣній. Въ новой исторіи, при неистощимомъ богатствѣ матеріала, изданіе текстовъ не можетъ производиться съ такой тщательностью, какъ, напримѣръ, по древней исторіи, гдѣ каждое слово, каждая буква нѣкоторыхъ источниковъ имѣетъ свою исторію, гдѣ множество работниковъ науки тратили массу учености на возстановленіе каждой буквы текста. Если бы издать наказы 1789 г. съ тщательностью изданія въ родѣ Corpus inscriptionum, то завершенія этой работы пришлось бы ждать нѣсколько сотъ лѣтъ. А между тѣмъ иногда одно только слово, правильно разобранное въ безграмотномъ и не четко писанномъ крестьянскомъ печалованіи (doléances), можетъ измѣнить смыслъ цѣлой фразы, если не весь тонъ цѣлаго разсужденія. Передъ нами [2]) было прошеніе, посланное Неккеру ткачемъ Maison отъ имени крестьянъ деревушки Allaines въ Пикардіи. Тутъ представлена потрясающая, въ своей простотѣ, картина нужды этой деревни, гдѣ крыши домовъ были раскрыты за недостаткомъ соломы для корма скота. Между

---

[1]) *Thénard*. Bailliages de Versailles et de Meudon. (Versailles 1889). 100. Въ наказѣ Louveciennes почеркъ показалъ, чьей рукой написанъ наказъ, а цвѣтъ чернилъ позволилъ выяснить, что написаніе предшествовало дню засѣданія. 142. Въ наказѣ Voisins le Bretonneux сличеніе почерковъ позволило опредѣлить личность редактора.

[2]) *А. М. Ону*. Изданіе текстовъ по новой исторіи. См. *Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія* за іюль 1895. Къ этому эпизоду, котораго мы уже касались въ указанной статьѣ, необходимо вернуться, такъ какъ онъ имѣетъ существенное значеніе въ данномъ случаѣ.

прочимъ въ прошеніи обращаетъ на себя вниманіе не совсѣмъ ясная, но зловѣщая фраза, звучащая угрозой: если не будетъ введена такса на хлѣбъ, то бѣдняки будутъ вынуждены пожертвовать кровью; это угроза не то кровавымъ бунтомъ, не то повальнымъ самоубійствомъ, не то убійствомъ своихъ дѣтей.... Само собою разумѣется, что подобныя заявленія не могутъ считаться доказательствомъ нищеты и во всякомъ случаѣ скептики вправѣ отнестись къ нимъ съ недовѣріемъ [1]). Но правильно ли перепечатанъ этотъ документъ Шассеномъ, огласившимъ его во всеобщее свѣдѣніе? Прошеніе было ему извѣстно, повидимому, не въ подлинникѣ, а по списку, сдѣланному еще въ XVIII вѣкѣ въ фоліантахъ „Collection Camus". (Извѣстно, что по распоряженію Національнаго Собранія были переписаны всѣ поступившіе въ Парижскія канцеляріи матеріалы по выборамъ, вошедшіе затѣмъ въ такомъ видѣ въ составъ Національнаго архива, гдѣ составили серію B III, получившую названіе по имени Camus — секретаря палаты, завѣдывавшаго этимъ дѣломъ). Обратившись къ отысканію подлиннаго прошенія, я нашелъ его въ картонахъ серіи Bᵃ, при чемъ одно слово подлинника оказалось невѣрно переписаннымъ: вмѣсто слова „sang" — кровь нужно читать „sort" — судьба [2]). А между тѣмъ эти 3 буквы измѣняютъ весь смыслъ фразы и даже до нѣкоторой степени тонъ всего прошенія. Въ

---

[1]) Правда, голодные бунты были явленіемъ обычнымъ въ то время, правда и то, что въ зиму 1788—1789 годовъ слышно было о случаяхъ самоубійства отъ нужды (см. *Hippeau*. Les élections de 1789 en Normandie. 236). Однако скептики могутъ не придавать значенія подобнымъ угрозамъ, въ особенности угрозѣ дѣтоубійствомъ съ отчаянія.

[2]) Archiv Nat. B. III, 164, 754—761. (*Chassin*. Génie de la Révolution I, 421—423). „Que le blé soit taxé à 24 livres, craignant que les pauvres se trouveront forcés par la nature de faire victime de leur sang". Въ дословномъ переводѣ это значитъ, что бѣдняки будутъ вынуждены природой сдѣлать жертвой свою кровь. Какъ же понять это? Крестьяне грозятъ пролить свою кровь, т.-е. не остановиться передъ кровавымъ бунтомъ, или предвидятъ кровавую развязку въ видѣ массоваго самоубійства? А то можетъ быть грозятъ принесеніемъ въ жертву своей плоти и крови, т.-е. убійствомъ своихъ дѣтей? Между тѣмъ въ подлинникѣ, хранящемся въ картонѣ Bᵃ 67. l. 157. 2°, того же архива, безграмотный и неразборчивый текстъ гласитъ: „faire vilimme (victime) de leur sant (sort)". Буквы „a", „n", не четки и вполнѣ походятъ на „o", „r", но въ концѣ вполнѣ ясно стоитъ буква „t", а не „g". О степени безграмотности прошенія можно судить хотя бы по адресу: „à Monsieur Monsieur ne querre (Necker) minisse (Ministre) de tât (d'Etat) à son no telle (à son hòtel) à paris, a parisen diligans (diligence).

подлинникѣ крестьяне высказываютъ опасеніе, что если не будетъ введена такса на хлѣбъ, то бѣдняки станутъ жертвами своей судьбы, своей горькой доли. Это уже не угроза кровавымъ исходомъ, а безхитростное опасеніе за свое существованіе.

Разница въ этихъ оттѣнкахъ далеко не безразличная. Дѣло въ томъ, что нѣкоторые историки видятъ въ наказахъ стремленіе къ сгущенію красокъ нужды. Извѣстный знатокъ стараго порядка, Бабо предостерегаетъ противъ довѣрія жалобамъ наказовъ. „Крестьяне, „которыхъ просили составить свои челобитныя, жалобы и требованія, „не заставили себя просить; они отъискали всѣ свои неудовольствія, „выложили (étalé) всѣ свои неустройства, выставили (mis en relief) „всѣ свои нужды. Впечатлѣніе отъ этого получается грустное; но „надо замѣтить, что иначе и быть не могло, разъ ихъ просили жа„ловаться“ [1]). Кромѣ того Бабо напоминаетъ отмѣченное еще Руссо стремленіе мужиковъ скрывать свой достатокъ изъ страха передъ сборщикомъ податей; мужикъ лукавъ (sournois), намѣренно наряжался въ рубище, а когда дошло дѣло до составленія наказовъ, то „преувеличивалъ стѣсненное положеніе, можетъ быть дѣйствительное, въ которомъ находился“. Такъ преувеличеніе видитъ Бабо въ реторикѣ одного приходскаго наказа, сравнивающаго положеніе рабочаго люда съ жизнью американскихъ дикарей. „Бываютъ эпохи, замѣчаетъ онъ, когда любятъ жаловаться, какъ въ другія эпохи кажется естественнымъ хвастаться. Наканунѣ революціи, кажется, (люди) охотно преувеличивали свои страданія, чтобы лучше ихъ изцѣлить“ [2]).

Комбье, не отрицая искренности наказовъ, считаетъ ихъ жалобы на нужду преувеличенными: человѣкъ забываетъ хорошіе дни подъ вліяніемъ минуты [3]).

По мнѣнію Шармасса, картина сельскаго состоянія, изображенная въ наказахъ, сгущаетъ черныя краски, такъ какъ главное желаніе каждой деревни—облегченіе налоговъ [4]).

Аббатъ Allain подобнымъ же образомъ говоритъ о нѣкоторой

---

[1]) *Babeau*. Le village sous l'ancien régime. (Paris 1879) 348. Впрочемъ онъ оговаривается (351), что слезныя жалобы на бѣдность раздаются главнымъ образомъ въ 1576 и 1614 годахъ, а въ 1789 г. горечь наказовъ направлена скорѣе противъ податной тягости, феодальныхъ правъ и другихъ опредѣленныхъ бичей деревни.

[2]) *Babeau*. La vie rurale dans l'ancienne France (Paris 1885) 101—137.

[3]) *Combier*. Cahiers du Tier-Etat du bailliage de Laon. 142.

[4]) *Charmasse*. Cahiers du bailliage d'Autun 16[1].

долѣ преувеличенія (exagération) въ приходскихъ наказахъ [1]). Другой аббатъ, Puiseux, находитъ, что жалобы приходскихъ наказовъ переходятъ въ преувеличеніе и превращаются въ угрозы, почему нельзя на нихъ смотрѣть, какъ на историческій документъ для изученія соціальнаго положенія народа, ибо редакторы не обладаютъ ни достаточнымъ образованіемъ, ни необходимымъ спокойствіемъ; „ихъ приглашаютъ жаловаться и они жалуются съ единственной мыслію разжалобить такого добраго короля. Они не только благоразумно скрываютъ благопріятныя стороны своего положенія, но намѣренно преувеличиваютъ темныя стороны". Нашъ аббатъ приводитъ, вслѣдъ за Бабо, саркастическое замѣчаніе Вольтера о великомъ удовольствіи жаловаться, прибавляя, что никогда люди не доставляли себѣ этого удовольствія такъ охотно, какъ наканунѣ революціи. По его мнѣнію. можно осязательно отмѣтить (faire toucher du doigt) преувеличеніе въ жалобахъ наказовъ; авторъ предостерегаетъ противъ буквальнаго (à la lettre) пониманія или по крайней мѣрѣ обобщенія сѣтованій на ужасающую нужду (misère affreuse), о которой часто идетъ рѣчь въ наказахъ [2]). И. В. Лучицкій называетъ наказы источникомъ „ненадежнымъ", въ особенности по вопросу о размѣрахъ поземельной собственности крестьянъ: наказы нерѣдко отрицаютъ наличность поземельнаго обезпеченія населенія вопреки дѣйствительности [3]). Къ этой же точкѣ зрѣнія приближается и П. Н. Ардашевъ, судя по слѣдующему его отзыву: онъ называетъ „стилистической гиперболой" жалобу одного наказа на то, что деревня не можетъ израсходовать ни одного су на общественныя надобности безъ разрѣшенія начальства; по словамъ русскаго ученаго, „было бы ошибкой понимать буквально такую жалобу (какъ и вообще многія изъ другихъ жалобъ въ наказахъ 1789 г.)" [4]).

А что сказали бы упомянутые ученые по поводу перепечатанной Шассеномъ злосчастной фразы, въ прошеніи деревушки Allaines?

---

[1]) *Allain* (abbé). La question de l'enseignement en 1789 d'après les cahiers (Paris 1886). Introduction 3—4.

[2]) *Puiseux* (abbé). Les cahiers du tiers état rural du bailliage de Châlons-sur-Marne. (Châlons 1884) 5—6.

[3]) *И. В. Лучицкій.* Вопросъ о крестьянской поземельной собственности во Франціи до революціи (Кіевъ, 1894) 10. *Его же.* Крестьянское землевладѣніе наканунѣ революціи преимущественно въ Лимузенѣ (Кіевъ, 1900) 17. См. также полемику съ М. М. Ковалевскимъ.

[4]) *П. Н. Ардашевъ.* Провинціальная администрація во Франціи. (С.-Пб. 1900). I, 538 (примѣчаніе 3).

Совершенно послѣдовательно видѣли бы они въ угрозахъ бунтомъ, самоубійствомъ или даже дѣтоубійствомъ (?) реторическую фразу, разсчитанную на то, чтобы разжалобить, или напугать сильныхъ міра сего. Между тѣмъ, дѣло совершенно мѣняется отъ трехъ буквъ, отъ чтенія и толкованія текста, совершенно также, какъ если бы передъ нами были обломки надписи римской эпохи или полуистлѣвшіе обрывки средневѣковой хартіи.

Конечно приведенный случай совершенно исключителенъ по своей яркости и по связи его съ однимъ изъ наиболѣе щекотливыхъ и спорныхъ вопросовъ въ области изученія наказовъ. Но кто можетъ поручиться за всѣ неожиданности, съ которыми придется столкнуться изслѣдователю запыленныхъ и до послѣдняго времени заброшенныхъ [1]) связокъ наказовъ?

Правда, прошеніе жителей упомянутой деревни — не наказъ въ собственномъ смыслѣ, хотя близко къ наказамъ подходитъ по своему содержанію, способу составленія, по формѣ изложенія и по времени написанія (12-го апрѣля 1789 г.). Возьмемъ поэтому наказъ, уже настоящій наказъ деревни Jouhet (Жуэ), съ которымъ также произошло недоразумѣніе, случайно мною обнаруженное. Наказъ этотъ содержится въ фоліантахъ серіи B III, но если его сличить съ подлинникомъ серіи B^a, то окажется, что ровно одна страница текста была выпущена при оборачиваніи листа переписчикомъ. Между тѣмъ пропускъ этотъ далеко не безразличенъ: въ данномъ отрывкѣ говорится, что сеньеръ деревни, графъ de-Moussy Lacontour былъ для крестьянъ „судьей, врачемъ и отцомъ“, далъ работу нуждающемуся населенію въ голодную, только что пережитую зиму, а также далъ пищу и топливо бѣднымъ старикамъ. Несмотря на приторно-панегирическій тонъ всего наказа, приведенный отрывокъ представляетъ извѣстную цѣнность, какъ изображеніе пережитковъ феодальныхъ отношеній, сохранившейся связи помѣщиковъ съ крестьянами въ Вандеѣ, которой суждено было играть такую выдающуюся роль въ по-

[1]) Большинство архиваріусовъ Франціи, въ качествѣ учениковъ „Ecole des Chartes“, отличались до послѣдняго времени явнымъ пристрастіемъ къ матеріаламъ по средневѣковой исторіи, считая все, относящееся до новой исторіи, удѣломъ публицистовъ и легковѣсныхъ историковъ. Конечно, многіе историки революціи заслужили (увы) пренебрежительнаго къ себѣ отношенія, но все же непонятно, почему крушеніе стараго порядка менѣе заслуживаетъ просвѣщеннаго вниманія ученыхъ, чѣмъ дѣятельность Карла Лысаго.

слѣдующемъ. Мало того, пропущенный отрывокъ является наиболѣе цѣнной, если не единственно цѣнной частью всего наказа [1]).

Изъ сказаннаго видно, что даже *архивные* документы, на которые принято ссылаться, какъ на источникъ, могутъ оказаться далеко не точными.

Ясно, что изслѣдователи должны по возможности работать надъ сырымъ матеріаломъ, во избѣжаніе непріятныхъ сюрпризовъ въ родѣ приведенныхъ. Приходскіе наказы многихъ провинцій уже изданы и всѣ изслѣдователи (въ томъ числѣ и мы) пользуются ими, какъ источникомъ [2]). Но не слѣдуетъ скрывать отъ себя, что люди науки не обезпечены противъ многочисленныхъ и вопіющихъ подчасъ неточностей, въ родѣ усмотрѣнныхъ въ извѣстномъ сборникѣ Лорана и Мавидаля: „Archives Parlementaires“ [3]). Кромѣ того при изданіи текстовъ ускользаетъ много цѣнныхъ чертъ и особенностей, опредѣляющихъ смыслъ и тонъ наказовъ: правописаніе, цвѣтъ буквъ, расположеніе словъ, подписи, приписки, поправки и т. д.

Составленныя на основаніи первоисточниковъ, будущія монографіи, посвященныя разбору приходскихъ наказовъ по округамъ, могутъ достигнуть своей цѣли только подъ тѣмъ непремѣннымъ условіемъ, чтобы работа велась по строгому и единообразному методу. Блестящій примѣръ подали въ этомъ отношеніи изслѣдователи наказовъ этампскаго бальяжа, но они шли такъ сказать ощупью и не выработали общаго метода для подобнаго рода работъ. Къ тому же этампскіе наказы не были, повидимому, типическими, такъ какъ составлены по одному общему шаблону, между тѣмъ какъ въ другихъ округахъ царило во всякомъ случаѣ большее разнообразіе въ редакціи наказовъ.

---

[1]) Archiv. Nat. B^a 69 l. 162. 6°. B III 168, 829 — 854. Пропущенное мѣсто относится къ серединѣ страницы 842 фоліанта B III 168.

[2]) Черезъ мѣру строгій критикъ можетъ спросить, почему же авторъ настоящей работы ссылается самъ на изданные приходскіе наказы? Безъ этого обойтись пока невозможно, а если ждать безупречныхъ изданій или идеальной обработки всѣхъ наказовъ (что для единичныхъ усилій представляется совершенно невозможнымъ), то придется ждать вѣка и вѣроятно никогда не дождаться. Впрочемъ главный источникъ настоящей работы—административная переписка, и содержаніе наказовъ разбирается нами только постолько, посколько это нужно для выработки метода будущихъ изслѣдованій. Вѣдь настоящая работа имѣетъ характеръ главнымъ образомъ подготовительный и методологическій, безо всякихъ претензій на окончательность и безповоротность выводовъ.

[3]) Объ этомъ подробнѣе см. *Ону*. Изданіе текстовъ по новой исторіи.

Такимъ образомъ, хотя время для окончательной разработки приходскихъ наказовъ еще не наступило, но первымъ шагомъ къ достиженію этой цѣли должна служить выработка метода для будущихъ изслѣдованій, что и составляетъ задачу настоящей главы.

Предлагаемый подготовительный разборъ приходскихъ наказовъ долженъ намѣтить пути для будущихъ монографій. Для этого надлежитъ раскрыть не только обстановку и условія ихъ составленія, но выработать критерій для ихъ разбора, нужно обсудить тѣ средства и способы, посредствомъ которыхъ можно будетъ *со временемъ* опредѣлить въ каждомъ данномъ случаѣ искренность и достовѣрность наказовъ, какъ дѣйствительнаго, а не фиктивнаго выразителя народной воли. Это дастъ будущему изслѣдователю ключъ къ всестороннему освѣщенію историческаго источника первѣйшей важности.

Впрочемъ, во избѣжаніе всякихъ недоразумѣній, спѣшимъ оговориться, что предлагаемый разборъ не имѣетъ никакого отношенія къ вопросу о *фактической* достовѣрности первичныхъ наказовъ—существенному вопросу, вызвавшему разногласіе и полемику между двумя русскими учеными, И. В. Лучицкимъ и М. М. Ковалевскимъ. Въ наказахъ попадаются подробныя данныя о состояніи и положеніи деревень, отъ имени которыхъ наказъ представленъ. И. В. Лучицкій относится скептически къ свѣдѣніямъ, почерпнутымъ изъ нихъ М. М. Ковалевскимъ. Далѣе, какъ мы видѣли, многіе историки приписываютъ наказамъ склонность къ сгущенію красокъ нужды, что опять таки ставитъ подъ сомнѣніемъ многія заявленія приходовъ о своемъ положеніи. Наконецъ случаются и прямые промахи—erreur de fait [1]).

Но не этотъ вопросъ занимаетъ насъ. Мы не прибавимъ ни единой черты къ разрѣшенію полемики названныхъ русскихъ ученыхъ, такъ какъ задались цѣлью разобрать достовѣрность наказовъ не въ отношеніи дѣйствительности бытовыхъ данныхъ, ими представленныхъ, а въ смыслѣ искренности ихъ, какъ истиннаго выраженія мыслей и чувствъ, одушевлявшихъ большинство французскаго народа наканунѣ крушенія стараго порядка. Свѣдѣнія, почерпаемыя въ наказахъ, могутъ быть достовѣрны даже въ томъ случаѣ, если послѣдніе не выражаютъ настроенія большинства и въ этомъ смыслѣ являются недостовѣрнымъ его отраженіемъ. Вѣдь редакторъ наказа могъ, не

---

[1]) См. главу первую, стр. 2. Мы уже видѣли также, что нѣкоторые современники (субделегатъ абвильскій) обвиняли редакторовъ въ преувеличеніи нужды изъ моды и подражательности.

спрашиваясь избирателей, изложить вполнѣ правильно фактическое положеніе вещей. Наоборотъ, наказъ можетъ быть истинно-народнымъ произведеніемъ, а между тѣмъ вся фактическая сторона можетъ быть извращена по незнанію, невниманію или даже изъ стремленія сгустить краски, для производства надлежащаго впечатлѣнія. Такимъ образомъ предлагаемый разборъ достовѣрности наказовъ будетъ вращаться не въ категоріи дѣйствительнаго (т. е. достовѣрности положенія вещей, изображеннаго въ наказахъ), а въ области должнаго, т. е. выясненія вопроса, выражаютъ ли приходскіе наказы истинныя желанія людей XVIII вѣка и притомъ того большинства, отъ имени котораго они составлены.

I.

Приступая къ разбору сомнѣній, возникающихъ относительно достовѣрности наказовъ, какъ непосредственнаго выраженія мыслей и чувствъ большинства населенія, необходимо остановиться на нѣкоторыхъ существенныхъ обстоятельствахъ, ч стью ускользавшихъ отъ вниманія историковъ, частью же подмѣченныхъ, но слишкомъ бѣгло ими разработанныхъ.

На первое мѣсто по справедливости нужно поставить вопросъ объ языкѣ. Въ 1789 г. около половины всего населенія Франціи не только не говорила на томъ языкѣ, который принято называть французскимъ, но и не понимала этой рѣчи. А между тѣмъ наказы, начиная отъ литературно составленныхъ разсужденій и кончая полуграмотными и непосредственными писаніями, составлены по французски. На этомъ обстоятельствѣ необходимо остановиться.

По окраинамъ страны господствовали самостоятельные языки: на сѣверѣ бретонскій и фламандскій, на востокѣ — нѣмецкій, на югѣ провансальскій, испанскій и баскскій. Далѣе по всей поверхности Франціи, заключенной между этими окраинами, распространены были многочисленные говоры, такъ называемые „patois“ (ихъ насчитывали въ 1794 году до 30), иногда приближавшіеся къ ломанному французскому языку, но еще чаще совсѣмъ на него не похожіе, несмотря на тѣсную родственную связь въ филологическомъ отношеніи.

Н. И. Карѣевъ [1]) былъ, насколько намъ извѣстно, единственнымъ историкомъ, сознавшимъ первостепенное значеніе этого обстоятель-

[1]) *Н. И. Карпеѳъ.* Крестьяне и крестьянскій вопросъ. 367, (примѣч. 44).

ства, нѣсколько подрывающаго довѣріе къ приходскимъ наказамъ, какъ выраженію настроенія низшихъ слоевъ общества.

Къ сожалѣнію мысль эта не получила дальнѣйшаго развитія. Между тѣмъ одни уже матеріалы, собранные по вопросу о мѣстныхъ говорахъ въ концѣ XVIII вѣка аббатомъ Грегуаромъ [1]), сами по себѣ могутъ заставить призадуматься.

Годъ спустя послѣ разбираемыхъ событій, 13-го августа 1790 г. извѣстный дѣятель революціи аббатъ Grégoire разослалъ во всѣ концы Франціи циркуляръ съ вопросными пунктами относительно говоровъ, распространенныхъ среди народа, объ употребленіи французскаго языка и о состояніи народнаго образованія. Обстоятельные отзывы. полученные имъ въ отвѣтъ, рисуютъ слѣдующую картину: хотя государственный и литературный языкъ (французскій языкъ) постепенно распространялся въ эту эпоху все болѣе и болѣе, какъ въ ширь, такъ и въ глубь [2]), тѣмъ не менѣе въ деревенской глуши и отчасти въ городахъ нѣкоторыхъ провинцій французскій языкъ былъ совершенно неизвѣстенъ или мало понятенъ большинству населенія, говорившему или на особомъ языкѣ, или на ломанномъ французскомъ.

Больше всего отвѣтовъ получено съ юга. Въ Монпелье народъ и высшіе классы общества говорятъ языкомъ, близкимъ къ итальянскому; „крестьяне не говорятъ по французски". Общество „друзей конституціи" въ Каркассонѣ полагаетъ, что гасконское нарѣчіе начинаетъ вымирать: въ городѣ и его окрестностяхъ народъ „понимаетъ" (entend) по французски, но говоритъ на своемъ нарѣчіи, въ болѣе отдаленныхъ мѣстностяхъ говорятъ только „patois" и французскій языкъ мало понятенъ; священники проповѣдуютъ на французскомъ языкѣ только въ городѣ и его окрестностяхъ, въ остальныхъ же мѣстностяхъ „почти вездѣ" проповѣди произносятся на мѣстномъ нарѣчіи. Каркассонскіе патріоты желаютъ „ускорить разрушеніе" (accélerer la ruine) мѣстнаго говора, объясняя, что 20 лѣтъ назадъ никто не говорилъ здѣсь по французски, а те-

[1]) *Gasier*. Lettres à Grégoire sur les patois de France. Revue des langues romanes. 1874—1879. Tomes V—VIII (première série 1—4), IX—XIV (2-ème série 1 — 6), XV (3-e série). Авторъ приводитъ подлинные отвѣты, полученные Грегуаромъ, а также его рѣчь Конвенту 1794 г. (съ предисловіемъ Газье).

[2]) Ibidem. Revue des langues romanes t. V, 432, VIII, 90. 99, IX, 174. 276. XI, 192. 218. XIII, 9. 252. XV. 57. 191.

перь его знаютъ „граждане съ достаткомъ" и отчасти простой народъ, кромѣ глухихъ деревень [1]).

Въ Верхнемъ Лангдокѣ, „за исключеніемъ нѣсколькихъ отставныхъ солдатъ, съ трудомъ коверкающихъ національный языкъ, нѣсколькихъ законниковъ, говорящихъ и пишущихъ на немъ почти также скверно, ...нѣсколькихъ духовныхъ, произносящихъ по складамъ", немногихъ дворянъ и купцовъ, — остальное населеніе говоритъ на мѣстномъ нарѣчіи; „на приблизительно 40.000 душъ, составляющихъ наше населеніе, нѣтъ можетъ быть и 10.000 человѣкъ, понимающихъ по-французски, ...едва 3.000 способны его читать". Латинскій и итальянскій языкъ гораздо легче для мѣстныхъ жителей, чѣмъ французскій, проповѣди произносятся на мѣстномъ нарѣчіи (на немъ же ведется преподаваніе катехизиса), за исключеніемъ городовъ Rodèz, Villefranche, Millau. Корреспондентъ, бывшій капуцинъ, пытался объяснять народу декреты Конституанты на мѣстномъ нарѣчіи, но „аристократы" ему помѣшали; онъ дрожитъ при мысли, что тѣ должностныя лица, которые „одни" знаютъ французскій языкъ, собьютъ съ толку своихъ согражданъ, а представители администраціи и члены муниципалитетовъ „соблазнятъ своихъ коллегъ, не знающихъ французскаго языка" [2]).

Въ Провансѣ за послѣдніе 40 лѣтъ мѣстный языкъ начиналъ нѣсколько приближаться къ французскому, но деревенскій людъ не зналъ его и бывшій прежде всеобщимъ обычай произносить проповѣди на мѣстномъ языкѣ сохранился еще въ нѣкоторыхъ мѣстахъ [3]). Въ Арманьякѣ (Auch) французскій языкъ сдѣлалъ также замѣтные успѣхи за 30 лѣтъ; „notre langue se francise", замѣчаютъ корреспонденты Грегуара, оговариваясь, что если даже въ городахъ, даже въ избранномъ обществѣ (dans les cercles les mieux choisis) люди предпочитаютъ свое нарѣчіе и стѣсняются говорить по французски, то можно себѣ представить, что дѣлается въ деревняхъ; правда нѣкоторые крестьяне изъ тщеславія (par vanité) охотно заговариваютъ по французски, „хотя не знаютъ ни слова", съ господами (un etranger, un monsieur), но при этомъ страшно ломаютъ языкъ, а понимаютъ

---

[1]) *Gasier*. Revue des langues romanes. t. V (1874), 423 — 426. Nos paysans ne parlent guère le français (Rigaud — поэтъ и купецъ). 426. 428. 430. 432. (Société des amis de la Constitution à Carcassonne).

[2]) Ibidem. t. VII (1875). 122—125. 128. 130. t. VIII. 80 (F. Chabot, de Saint Geniès, будущій членъ легислативы и конвента).

[3]) Ibidem, t. VIII (1875) 88—90. §§ 1, 16—20. 28.

его только тогда, когда съ ними говорятъ очень медленно. Естественно, что проповѣди произносятся почти вездѣ на мѣстномъ нарѣчіи: „этотъ обычай является пока необходимостью для простого народа“ [1]). Ту же картину рисуютъ друзья конституціи въ Аженѣ: „французскій языкъ сталъ съ нѣкотораго времени болѣе часто раздаваться въ нашихъ краяхъ, но его употребленіе далеко не всеобщее“; на мѣстномъ нарѣчіи, сходномъ съ итальянскимъ и испанскимъ, говорятъ не только въ деревнѣ, но и въ городахъ, „и можно утверждать безъ боязни ошибиться, что по французски говорятъ только въ обществахъ, гдѣ щеголяютъ образованіемъ“. Съ окружающими и прислугой объясняются только на „patois“; въ деревняхъ „очень немногіе“ понимаютъ по французски, такъ что проповѣдь и преподаваніе катехизиса ведется на мѣстномъ нарѣчіи, на которомъ и молятся крестьяне [2]).

Изъ Бордо пишутъ, что гасконское нарѣчіе, являющееся смѣсью (!) латинскаго, испанскаго и англійскаго языковъ, „незамѣтно приближается“ къ французскому; въ самомъ городѣ это нарѣчіе остается въ устахъ торговокъ селедками, носильщиковъ, прислуги и вообще низшихъ слоевъ, въ деревняхъ же оно господствуетъ“ [3]).

Въ Перигорѣ 20 лѣтъ назадъ смѣялись надъ людьми, говорившими по французски,—это называлось французить (francimander), а въ описываемую эпоху государственный языкъ сталъ общеупотребителенъ среди состоятельныхъ людей, особенно въ городахъ. Что же касается „petit peuple“, то онъ говоритъ на мѣстномъ нарѣчіи, а въ деревняхъ и не понимаетъ по французски, такъ что священники, „когда хотятъ быть понятыми, говорятъ по перигорски“ [4]).

Далѣе, по мѣрѣ приближенія къ сѣверу и центру Франціи, простой народъ говорилъ на нарѣчіяхъ, подходившихъ къ французскому, но сохранившихъ слѣды кельтскаго языка и отличавшихся отъ государственнаго иногда до неузнаваемости. Въ Оверни друзья консти-

---

[1]) Ibidem, t. VIII. 92—94. 99. t. IX. (1876) 174. 175 (отвѣты, переданные черезъ друзей конституціи въ Auch).

[2]) Ibidem, t. IX, 276. 280. 282. 284. 287.

[3]) Ibidem, t. XI (1877) 187—192.

[4]) Ibidem, t. XII (1877). 218. „les gens aisés la parlent habituellement, surtout dans les villes; mais le petit peuple ne parle que le perigourdin (215)... quand ils (curés) veulent être entendus, ils parlent perigourdin... c'était un ridicule de parler français, on appellait cela francimander“ (La Charmie, бывшій лейтенантъ Перигорскій, затѣмъ депутатъ національнаго собранія).

туціи изъ г. Маренга заявляютъ, что французскій языкъ далеко не общеупотребителенъ, даже въ большихъ городахъ, почему народъ не чувствуетъ привязанности къ законамъ, ему неизвѣстнымъ и „написаннымъ на непонятномъ языкѣ“ [1]). Патріоты изъ г. Лиможа (Лимузенъ) свидѣтельствуютъ о побѣдоносномъ движеніи французскаго языка, хотя въ деревняхъ миссіонерамъ приходится говорить только на „patois“; въ общемъ же, въ виду борьбы двухъ родственныхъ нарѣчій, „царствуетъ такое смѣшеніе идей, словъ и звуковъ въ молитвахъ, произносимыхъ по вечерамъ отцами семействъ сообща, что оно понятно лишь Высшему Существу, источнику всѣхъ языковъ“ [2]).

На востокѣ, около Юры, въ Tournon населеніе города поголовно понимало французскій языкъ, но бѣднота не могла говорить по французски; что же касается окрестнаго населенія, то уже „на разстояніи менѣе одной льё отъ города не понимаютъ ни слова на національномъ языкѣ“ [3]).

Извѣстно, что въ Эльзасѣ и Лотарингіи царилъ нѣмецкій языкъ, въ части Артуа — фламанскій [4]), а на сѣверо-западѣ Бретонскій языкъ [5]), — совершенно независимый отъ французскаго и болѣе понятный для англичанина, чѣмъ для француза.

На основаніи всѣхъ этихъ отвѣтовъ аббатъ Грегуаръ могъ безъ преувеличенія заявить конвенту въ рѣчи 16-го мая 1794 года: по крайней мѣрѣ 6 милліоновъ французовъ не понимаютъ національнаго языка, столько же милліоновъ неспособны вести на этомъ языкѣ сколько-нибудь связный разговоръ, а число умѣющихъ говорить чисто по французски не превышаетъ 3 милліоновъ [6]). Еще Національное Собраніе постановило издать законы и распоряженія правительства на мѣстныхъ языкахъ (langue vulgaire) [7]), а 7-го ноября 1792 г. даже организовано было бюро для перевода ихъ „en langues allemande, italienne, catalane, basque et bas bretonne“.

---

[1]) Ibidem, XII (1877) 220—224. (Amis de la Constitution de Maringues).

[2]) Ibidem, t. XII (1877), 225, 231, 288.

[3]) Ibidem, t. XIII (1877), 260, 261.

[4]) Ibidem, t. XV (1879), 54.

[5]) Ibidem, 184—187, 189 — 191. Бретонцы до настоящаго времени не понимаютъ французскаго языка въ глухихъ мѣстахъ. Поэтому нѣтъ надобности приводить подробности изъ сообщеній Riou (laboureur à Plougonoil) и Lequinio.

[6]) Ibidem, t. XV, 192—217. Rapport de Grégoire à la Convention, 16 prairial, an II.

[7]) Ibidem, t. VIII. 81. Chabot жаловался Грегуару на неисполненіе этого декрета.

Но эти добрыя намѣренія не получили осуществленія, а затѣмъ якобинцы посмотрѣли на дѣло прямолинейно: они сдѣлали слабую, но геройскую попытку запретить говорить на „patois", объявивъ употребленіе мѣстныхъ говоровъ знакомъ политической неблагонадежности. Въ своемъ докладѣ конвенту аббатъ Грегуаръ предложилъ упразднить всѣ эти нарѣчія счетомъ 30, которыя „изъ одного народа сдѣлали 30 народовъ". Наивный законодатель, возстававшій противъ обычая снимать шляпу при встрѣчѣ съ знакомыми и желавшій замѣнить это „способомъ менѣе стѣснительнымъ и болѣе выразительнымъ" [1]), намекалъ на возможность постановить со временемъ, что лица, желающія вступить въ бракъ, должны доказать свое умѣніе читать, писать и говорить на національномъ языкѣ [2]). Конечно самъ Грегуаръ понималъ, что это должно было „пока" остаться въ области мечтаній, но зато Комитетъ Общественнаго Спасенія нашелъ нужнымъ объявить въ циркулярѣ 28-го преріала, что въ республикѣ единой и нераздѣльной языкъ долженъ быть одинъ, что разнообразіе діалектовъ есть федерализмъ, что оно служило орудіемъ тиранніи и должно быть совершенно сломлено [3]). Эти слова пріобрѣтали тѣмъ болѣе зловѣщее значеніе, что федерализмъ былъ преступленіемъ, за которое жирондисты сложили свои головы на плахѣ. Впрочемъ угрозы поставить мѣстныя нарѣчія внѣ закона такъ и остались угрозами. Попытка насильственно офранцузить населеніе Франціи была скоро оставлена. Правда, въ Эльзасѣ закономъ 20-го іюля 1794 г. запрещено было употребленіе нѣмецкаго языка въ церквахъ, школахъ и судахъ подъ страхомъ тюремнаго заключенія, правда Сенъ-Жюстъ засадилъ въ тюрьму 2.000 гражданъ Страсбурга за неисполненіе этого приказанія [4]). Тѣмъ не менѣе жители Эльзаса скоро забыли этотъ печальный инцидентъ и стали добрыми французами, сохранивши нѣмецкую рѣчь; въ 1870 году германскія войска встрѣтили въ этой области французскихъ патріотовъ, умиравшихъ и шедшихъ въ изгнаніе за фран-

---

[1]) Ibidem, t. XV. 206. Le temps amènera sans doute d'autres réformes nécessaires dans le costume, les manières et les usages. Je ne citerai que celui d'ôter le chapeau pour saluer, qui devrait être remplacé par une forme moins gênante et plus expressive.

[2]) Ibidem, 212.

[3]) Ibidem, 197. Dans une république une et indivisible, la langue doit être une. C'est un fédéralisme que la variété des dialectes: elle fut un des ressorts de la tyrannie; il faut le briser entièrement.

[4]) *М. М. Ковалевскій.* Происхожденіе современной демократіи (Москва 1895) II, 95.

цузское отечество, но говорившихъ мѣстами исключительно по нѣмецки.

Въ общемъ же, хотя съ развитіемъ образованія въ теченіе XIX вѣка, государственный и литературный языкъ самъ собою получилъ повсемѣстное распространеніе, но до настоящаго времени онъ не вытѣснилъ мѣстныхъ говоровъ и независимыхъ языковъ, а только водворился рядомъ съ ними. Мало того, Провансальская литература возродилась съ новою силою именно въ наши дни.

Такимъ образомъ, послѣдующая исторія непреложно показываетъ, что выводъ, сдѣланный Грегуаромъ по вопросу о языкахъ и говорахъ, не страдаетъ преувеличеніемъ. Около трети населенія Франціи въ 1789 г. даже не понимало французскаго языка. Не только самостоятельные языки, но даже говоры французскаго языка, происходившіе отъ одного корня, отличались отъ языка наказовъ гораздо больше, чѣмъ великорусскій языкъ отъ малорусскаго. При такихъ условіяхъ безграмотный, малограмотный и даже грамотный народъ поневолѣ устранялся отъ редакціи наказовъ. Мало того, онъ не могъ даже понять содержаніе приготовленныхъ ему образованными господами проектовъ наказовъ безъ помощи руководителей, толкователей, переводчиковъ.

Объ этомъ можно судить не только a priori, по ходу дѣла; при изученіи выборовъ не трудно прослѣдить на основаніи многочисленныхъ свидѣтельствъ, какъ затрудненія, связанныя съ незнаніемъ государственнаго языка, выступали на каждомъ шагу не только въ приходскихъ собраніяхъ по медвѣжьимъ угламъ отдаленныхъ провинцій, но даже въ окружныхъ собраніяхъ, куда стекались избранные, сравнительно бывалые люди.

Любопытно было бы знать, напримѣръ, какъ составлялись, а главное, какъ были поняты избирателями составленные отъ ихъ имени наказы приходскихъ собраній въ Бретани, гдѣ до нашихъ дней почти все простонародье коверкаетъ французскій языкъ (когда его понимаетъ), а мѣстами трудно найти человѣка, съ которымъ можно объясниться по французски. Что же касается окружныхъ собраній этой провинціи въ 1789 г., то въ нихъ бретонскій языкъ господствовалъ, при чемъ все время приходилось прибѣгать къ услугамъ переводчиковъ (interprète). Такъ въ Chateaulin протоколъ на каждомъ шагу отмѣчаетъ это обстоятельство: депутаты приносили присягу, частью по французски, частью по бретонски (séparément, partie en français et partie en langage Breton, rendu en français par le dit interprète), проектъ своднаго наказа былъ прочтенъ собранію на обоихъ языкахъ

(tant en langage français qu'en langage vulgaire breton), одобреніе этого проекта было высказано также на обоихъ языкахъ, голоса подавались при выборѣ депутатовъ частью по французски, частью по бретонски, наконецъ безграмотные депутаты заявили о своемъ неумѣніи подписаться частью черезъ переводчика [1]). Въ Chateauneuf du Faou проектъ наказа прочтенъ и растолкованъ „en vulgaire Breton" [2]); въ Concarneaux протоколъ постоянно упоминаетъ о параллельномъ употребленіи обоихъ языковъ на окружномъ собраніи [3]). Въ Quimperlé протоколъ утверждаетъ, правда, что всѣ депутаты понимали по французски, но тутъ же упоминаетъ, что пришлось растолковать всѣ статьи наказа по бретонски [4]). Въ Auray строптивый меръ перетянулъ на свою сторону большинство собранія, обратившись къ нимъ съ рѣчью по бретонски, а сенешалъ съ своей стороны предложилъ одному члену собранія изъ мужиковъ прочесть вслухъ бретонскій переводъ текста ст. 8 регламента, относительно толкованія которой возникло разногласіе [5]).

Въ матеріалахъ по выборамъ на югѣ Франціи то и дѣло мелькаютъ извѣстія о необходимости прибѣгать къ мѣстнымъ языкамъ и нарѣчіямъ или о затрудненіяхъ, связанныхъ съ незнаніемъ французскаго языка.

Такъ въ Провансѣ протоколъ приходскаго собранія мѣстечекъ Pennès, Septèmes et Pierrefeu свидѣтельствуетъ, что проектъ составленнаго наказа былъ одобренъ кликами народа послѣ того, какъ каждая статья была прочтена вслухъ по французски и по провансальски [6]). Въ Лангдокѣ, на окружномъ собраніи сенешоссеи Limoux „семь восьмыхъ его членовъ, не понимая французскаго языка, просили про-

[1]) Archiv. Nat. B III 38, 371, 376, 377, „qui ont déclaré partie en Français et partie en Breton, par le dit interprète, ne savoir signer".

[2]) B III 38, 428, „après en avoir eu lecture et explication en vulgaire Breton".

[3]) B III 38, 474, 481.

[4]) B III 38, 770. „et même, quoique tous les députés entendent et parlent la langue Française, à l'explication en Breton de tous ces articles".

[5]) См. выше, главу первую (65). Archiv. Nat. B III 37, 1106—1108. „Cependant M. Frogerays parvint à se faire écouter, en se servant de l'idiome Breton et leur disant—me amiet—qui signifie: mes amis, on veut vous tromper"... Послѣ „interprétation en Breton de l'article 8 du règlement", королевскій прокуроръ „prit le parti de donner l'article précité à un paysan, pour qu'il le lût en entier en Breton; dès que la lecture en fut ainsi donnée, on entendit de tous côtés de la salle des murmures..."

[6]) *Archives Parlementaires* VI, 330—332 (Aix).

чтенія (наказа) на простонародномъ языкѣ, въ чемъ имъ было отказано" [1]). Еще хуже понимали французскій языкъ на самомъ югѣ, въ странѣ, примыкающей къ Пиринеямъ, гдѣ сплошь царили языки каталанскій (испанскій) и баскскій, а французскій былъ кое какъ понятенъ только въ городахъ [2]). Лейтенантъ Сульскій (pays de Soule) жаловался министру на трудность организовать выборы въ краѣ, гдѣ большинство населенія „знаетъ только свое нарѣчіе" [3]). Въ Ustaritz членамъ окружнаго собранія пришлось прочесть въ переводѣ проектъ окружнаго наказа [4]). Въ Руссильонѣ почти повальное незнаніе французскаго языка явилось побудительной причиной или предлогомъ для чрезмѣрно энергичной, по нравамъ того времени, избирательной пропаганды, а также для прямаго произвола со стороны судейскихъ, въ особенности же предсѣдателей окружныхъ собраній, въ Перпиньянѣ и Прадѣ [5]). Слѣдственный матеріалъ относительно злоупотребленій на выборахъ въ этихъ округахъ показываетъ подавляющую силу вліянія, оказаннаго на ходъ выборовъ тѣмъ обстоятельствомъ, что въ этой горной области Пиринеевъ почти никто не понималъ по французски. Многіе члены прадскаго собранія показали подъ присягой, что не могутъ составить себѣ яснаго сужденія о содержаніи своднаго наказа, одобреннаго собраніемъ, ибо они слишкомъ плохо понимаютъ французскій языкъ, переводъ же и толкованіе текста каждой статьи на каталанскій языкъ производились въ собраніи слишкомъ бѣгло и безпорядочно [6]). При этомъ одинъ изъ нихъ вы-

---

[1]) Archiv. Nat. B III 74, 259. Déliberation des communautés de Saint Quintin et Cayra (diocèse de Mirepoix). Протоколъ приходскаго собранія этихъ мѣстечекъ (2-го апрѣля), на которомъ депутаты давали отчетъ избирателямъ въ своемъ поведеніи на окружномъ собраніи.

[2]) *Vidal*. Histoire de la révolution dans les Pyrénées Orientales (Perpignan 1885—1889) I, 50[1].

[3]) Archiv. Nat. B III 145, 7—15 (19-го марта) 12. „ne connait que son idiome".

[4]) B III 69, 88. Протоколъ 21-го апрѣля: „lecture et traduction publique".

[5]) См. выше, главу первую, 48—50.

[6]) B III 120, 282, 283. Показаніе депутата прихода Sahorre: „lorsqu'il fut procédé à la lecture du cahier général, lui témoin était d'abord trop éloigné pour bien entendre et que d'ailleurs il n'entend pas assez la langue française pour avoir compris, si on avait exprimé dans le dit cahier le voeu des doléances de sa communauté, dont il avait été porteur, qu'il a cela de commun avec la plus grande partie des députés des villes et communautés, qui n'entendent pas mieux que lui la langue française, qu'à la vérité ceux qui faisaient la lecture dudit cahier, rendaient quelques articles d'icelui en Catalan, mais succédant à cette traduction

ражаетъ удивленіе, что „едва понимая французскій языкъ", попалъ въ число комиссаровъ по редакціи своднаго наказа [1]). Далѣе оказывается, что въ деревнѣ Taurinya былъ только одинъ человѣкъ, говорившій по французски, нѣкто Бернаръ, полномочія котораго были признаны недѣйствительными на окружномъ собраніи [2]), послѣ чего другой депутатъ этой деревни оказался совершенно безпомощнымъ, такъ какъ не понималъ по французски.

Въ другомъ концѣ Франціи, также на окраинѣ съ инородческимъ нѣмецкимъ населеніемъ, выборы представляли сходную картину. Лейтенантъ саргеминскій, чтобы справиться со своей задачей въ округѣ, гдѣ „большая часть жителей—нѣмцы", созвалъ къ себѣ 4-го марта мэровъ всѣхъ приходовъ, растолковалъ ихъ обязанности и вручилъ каждому письменную инструкцію, „переведенную на нѣмецкій языкъ". Кромѣ того онъ, вопреки желанію бальи, нѣсколько затянулъ избирательныя операціи, ссылаясь на незнакомство жителей этой части нѣмецкой Лотарингіи съ французскимъ языкомъ. Если такимъ образомъ самимъ мэрамъ пришлось вручать инструкціи на нѣмецкомъ языкѣ, то не удивительно, что на окружномъ собраніи 22-го марта проектъ наказа пришлось прочесть въ нѣмецкомъ переводѣ [3]). Не удивительно также, что въ третьемъ сословіи не былъ избранъ

---

faite par intervalles la lecture d'autres articles en langue française, il lui fut impossible de retenir ni savoir le contenu au dit cahier.

[1]) B III 120, 285, 286. Показаніе депутата изъ Castets: „lui, témoin, qui ne connait pas trop la langue française, ne put pas saisir le contenu au dit cahier, quoique ceux qui en faisaient la lecture, expliquassent de temps en temps certains articles en langue vulgaire du pays". 305—307. Депутатъ Rin изъ Cerdinya и Margall, консулъ изъ Crot, показали, что послѣ прочтенія наказа они потребовали, чтобы имъ растолковали нѣкоторыя статьи по каталански.

[2]) B III 120, 310, 311. Показаніе Cougeat, brassier et consul de Taurinya: la dite Communauté avait mis toute sa confiance en la personne de M-r Bernard, avec d'autant plus de raison, qu'elle n'avait aucun de ses membres, qui entendit la langue française, et qu'elle fut obligée de donner pour adjoint au dit M-r Bernard, le nommé Louis Colom, qui n'entendant pas la dite langue, ne pouvait s'acquitter seul de la commission de représenter la dite communauté, ainsi que l'aurait fait le dit M-r Bernard; que cependant le dit Colom fut obligé de rester aux assemblées, M-r Bernard ayant eté renvoyé injustement, sur le motif qu'il n'était pas bien tenant de la dite Communauté. 343. Mrisé—бальи того же мѣстечка, подтвердилъ это показаніе.

[3]) B III 133, 4—11, 82—87, 79 (письма лейтенанта министру отъ 28-го февраля, 3-го и 7-го марта), 228 (протоколъ 22-го марта: „avons fait donner lecture et interprétation en idiome allemand").

ни одинъ „настоящій земледѣлецъ“: по объясненію бальи, это „несчастіе“ было неизбѣжно, въ виду „недостатка въ знаніи французскаго языка и необходимости пользоваться переводчиками“ [1]). Вспомнимъ по этому поводу упомянутое выше графство Bitche, депутаты котораго должны были явиться въ Саргеминѣ. Мы знаемъ, что среди нихъ были мэръ Я. Юнгъ и булочникъ Ф. Витте, не знавшіе французскаго языка, за что лейтенантъ хотѣлъ признать эти выборы недѣйствительными. Впрочемъ, за исключеніемъ судейскихъ, никто не понималъ въ графствѣ французскаго языка, почему нѣкоторые приходы составили наказы первоначально на нѣмецкомъ языкѣ [2]).

По сосѣдству, въ Бузонвилѣ сельскіе священники жалуются на чрезмѣрную спѣшность приготовленій къ выборамъ: „пастыри бальяжа, почти цѣликомъ нѣмецкаго (не успѣли) достаточно объяснить прихожанамъ“ ихъ гражданскія обязанности [3]). Большинство сельскихъ депутатовъ этого округа не понимали французскаго языка, чѣмъ и воспользовались представители главнаго города, чтобы увлечь за собою деревенщину на окружномъ собраніи; наряду съ этимъ окружной наказъ пришлось перевести на нѣмецкій языкъ, чтобы собраніе могло его одобрить [4]).

Въ много разъ упомянутомъ Ликсгеймѣ нѣмецкій языкъ царилъ неограниченно во время бурной избирательной борьбы. Нечего и говорить, что въ окружномъ собраніи проектъ своднаго наказа пришлось

---

[1]) Archiv. Nat. B III 133, 306—307, письмо Grand bailly, Marquis de Chamborand, Неккеру 31-го марта: „s'il ne se trouve pas dans le tiers état de véritables agriculteurs d'appellés, c'est que le défaut de connaissance de la langue française et la nécessité de se servir d'interprètes les en ont malheureusement exclus; c'est un malheur que j'avais prévu, mais qui était inévitable“.

[2]) См. главу первую, 30. Archiv. Nat. B III 133, 435—441 (436—438). По словамъ прошенія деревень къ Неккеру, каждый приходъ „a dressé son cahier à sa manière, les uns en allemand, les autres en français“...

[3]) Archiv. Nat. B III 133, 839—850. Protestation de M. M. les curés 26-го марта. Они называютъ себя: „pasteurs d'un bailliage prèsque entièrement Allemand“.

[4]) B III 134, 10—48. Relations détaillées (25). Когда лейтенантъ представилъ un modèle de procès verbal d'election, contenant en même temps les pouvoirs à donner aux deputés qui seraient élus, ces pouvoirs prescrivant les strictes obligations des députés, ceux de Bouzonville, qui se croyaient déja élus d'avance, s'élevèrent à l'encontre au point que ceux de la campagne, dont la plupart ne comprenaient pas même le français, crurent aux acclamations de ceux de B. que le lieutenant général voulait faire adopter une pièce contraire à leurs interêts... *Archives Parlementaires.* V, 703—707. Cahier de Bouzonville. „Fait et arrêté après lecture et interprétation“...

переводить по-нѣмецки, „статья за статьей“, при чемъ избирателямъ было предложено черезъ присяжнаго переводчика (interprète) сдѣлать, если пожелаютъ, измѣненія въ текстѣ [1]). Что же касается приходскихъ наказовъ, то ихъ составляли кое-гдѣ на нѣмецкомъ языкѣ, а затѣмъ уже переводили на французскій языкъ для представленія въ бальяжъ. По окончаніи избирательныхъ дѣйствій, когда недовольные лейтенантомъ депутаты сошлись для совмѣстнаго протеста, а тотъ возбудилъ за это противъ нихъ судебное преслѣдованіе, то во время слѣдствія почти всѣ показанія были даны на нѣмецкомъ языкѣ черезъ переводчика (interprète) [2]). Съ своей стороны лейтенантъ жаловался министру, что оппозиція опирается на подонки общества, на людей, не умѣющихъ ни читать, ни писать по-французски, и даже не понимающихъ этого языка [3]).

Въ Кольмарѣ на окружномъ собраніи безъ нѣмецкаго языка нельзя было и шагу ступить: созывныя грамоты и регламентъ были прочтены „на обоихъ языкахъ“, слова присяги повторены „послѣ перевода на нѣмецкій“, окружной наказъ утвержденъ также послѣ перевода; добавленіе къ городскому наказу Кольмара было написано по-нѣмецки, а затѣмъ уже переведено на французскій языкъ присяжнымъ переводчикомъ [4]).

---

[1]) См. главу первую, стр. 51—55. B III 134, 708. Показаніе M. Vincent, cavalier de maréchaussée: „M. Lacombe... leur avait interprété le tout en allemand, article par article“. B III 134, 927, лейтенантъ писалъ министру 30-го іюня: „ont témoigné en être satisfaits après l'interprétation allemande... et différentes interpellations que je leur ai fait faire, par l'organe de l'interprète, de déclarer s'ils avaient à y ajouter ou diminuer“.

[2]) B III 134, 616, 617, каретникъ Шмитъ показалъ, что 26-го марта „Vestermann dressait un ecrit, qu'il croit être un résultat qui a été copié sur une minute en lettre allemande, de laquelle ledit Vestermann se plaignait, en disant qu'il y avait trop de lettres françaises, parce que c'etait Muller, le notaire de Lixheim qui l'avoit écrit“. 645. Paul Haan laboureur et cabaretier показалъ, что Миллеръ у него говорилъ народу „tantôt en français, tantôt en allemand“.

[3]) Ibidem, 562, письмо лейтенанта отъ 24-го марта, что оппозиція собираетъ „des gens de la lie du peuple qui ne savent pour la plupart, ni lire, ni ecrire en français, qui ne comprennent même pas cette langue“. 908—987, письмо 30-го іюня, что люди, не зная французскаго языка, подписываютъ „placets“ противъ него.

[4]) Archiv. Nat. B III 49, 94, 95, 209. Протоколъ 26-го марта: „dans les deux langues“, „après interprétation en allemand“. Протоколъ 31-го марта: наказъ утвержденъ послѣ „lecture et interprétation“. B III 49, 295—802. (Archives Parlementaires. III, 15). Supplément au cahier de Colmar: „Traduit en français sur l'original allemand par moi, soussigné, avocat, secrétaire interprète au conseil souverain d'Alsace“...

Въ Districts réunis d'Haguenau et Wissembourg на окружномъ собраніи слова присяги были переведены на нѣмецкій языкъ для неумѣющихъ говорить по-французски [1]). Въ Belfort et Huningue лейтенантъ сокрушался передъ выборами, что всѣ бумаги придется переводить на нѣмецкій языкъ, а это составитъ огромную работу и усложнитъ задачу; дѣйствительно, нѣмецкій языкъ раздавался все время въ залѣ окружнаго собранія; мало того, сводный наказъ было постановлено напечатать „на обоихъ языкахъ" и разослать во всѣ приходы [2]).

Таковы факты. Заключеніе изъ нихъ можетъ быть сдѣлано только одно: нельзя сомнѣваться въ томъ, что простонародье перечисленныхъ выше мѣстностей, т. е. отъ трети до половины всего населенія Франціи было поневолѣ совершенно безпомощно при редакціи наказовъ, въ особенности приходскихъ. Даже если обобщать единичные случаи и представить себѣ, что не знавшіе французскаго языка избиратели составляли наказъ на своемъ мѣстномъ нарѣчіи, а затѣмъ уже давали его перевести на французскій языкъ для представленія въ округъ, то все-таки отъ этого дѣло не мѣняется. Они зависѣли всецѣло хотя бы отъ переводчика, если не отъ редактора.

Въ деревнѣ Archeviller (Ликсгеймъ) наказъ былъ составленъ первоначально по нѣмецки, а затѣмъ нотаріусъ Мартынъ Миллеръ перевелъ или переложилъ его по французски; удостовѣряя это обстоятельство на судѣ, башмачникъ Moutier заявилъ, что „ему неизвѣстно, прибавилъ ли онъ (переводчикъ) или убавилъ (что нибудь) въ наказѣ" [3]). И въ самомъ дѣлѣ, гдѣ было услѣдить за вѣрностью перевода людямъ, не знавшимъ того языка, на который переводилось?

Вмѣстѣ съ тѣмъ слѣдуетъ имѣть въ виду, что переводъ политическихъ документовъ представляется вообще вещью щекотливою. Это понималъ одинъ изъ корреспондентовъ аббата Грегуара, замѣчавшій, что намѣренія правительства сдѣлать доступными декреты

---

[1]) B[a] 45 l. 97. В III 68, 499, протоколъ 26-го марта: „préalablement interprété en langue allemande pour ceux du tiers qui ne connaissent pas la langue française".

[2]) Archiv. Nat. B[a] 20 l. 296[6]. В III 27, 91—101 (письмо лейтенанта къ хранителю печати отъ 2-го марта), 121—185, (протоколъ 26-го марта), 182 (après avoir fait donner lecture dans les deux langues) 183 (et de suite, après interprétation en Allemand) 241—276. Наказъ, ст. 75: „sera imprimé dans les deux langues". Впрочемъ послѣднее не получило осуществленія.

[3]) Archiv. Nat. B. III 134, 682, показаніе Moutier, см. также (671, 691) показаніе Schneider (мера Archeviller) и синдика Schiltz.

Національнаго Собранія посредствомъ перевода на мѣстные языки— могутъ быть обойдены (éludé) злонамѣренными переводчиками, такъ какъ „одно, коварно переведенное слово можетъ цѣликомъ измѣнить смыслъ закона“ [1]). Самъ Грегуаръ въ своей рѣчи о языкахъ доказывалъ Конвенту, что помимо даже злой воли, переводъ съ французскаго языка на мѣстныя нарѣчія представляется дѣломъ очень труднымъ и обоюдоострымъ: большая часть этихъ нарѣчій не поддаются переводу по бѣдности своей отвлеченными терминами; въ такомъ переводѣ смыслъ правительственныхъ декретовъ будетъ съуженъ, затемненъ, искалѣченъ. По словамъ оратора, этимъ пользовались преступные люди во многихъ мѣстностяхъ и „основывали на незнаніи нашего языка успѣхъ противо-революціонныхъ махинацій“ [2]).

Всѣ эти соображенія современниковъ примѣнимы къ разбираемому вопросу. Если бы даже наказы были первоначально составлены на мѣстныхъ нарѣчіяхъ или если содержаніе обмѣна мыслей, бывшаго на приходскомъ собраніи, прямо записывалось по французски, то во всякомъ случаѣ у избирателей не было никакого оружія для противодѣйствія злонамѣренности редактора, никакихъ средствъ для контроля надъ точностью передачи въ наказѣ смысла всего сказаннаго темными мужиками на мѣстномъ нарѣчіи.

Если наоборотъ (а это было повидимому почти всегда такъ), если приходскому собранію предлагался уже заранѣе заготовленный наказъ, то редакторъ толковалъ на мѣстномъ нарѣчіи общій смыслъ составленнаго проекта, при чемъ недоразумѣнія и взаимное непониманіе были дѣломъ вполнѣ естественнымъ, когда французскій текстъ съ политическими требованіями устно переводился редакторомъ народу.

Кромѣ того нужно имѣть въ виду, что люди, не знавшіе французскаго языка, не могли быть непосредственно затронуты пропагандой новыхъ вѣяній, разносимой посредствомъ брошюръ и летучихъ листковъ, такъ сильно отразившихся на содержаніи наказовъ.

Поэтому, когда отъ имени людей, говорившихъ на „patois“, составлялись наказы, полные книжной реторики, подъ явнымъ вліяніемъ модныхъ теорій [3]), если не прямо по образцамъ герцога Орлеан-

---

[1]) *Gazier*. Revue des langues romanes t. VIII, 81.

[2]) *Ibidem*. XV, 199.

[3]) Эти вѣянія были полны глубокаго смысла; они оказали огромное вліяніе на послѣдующія событія и внесли много коренныхъ измѣненій въ жизнь крестьянина. Но самъ мужикъ не могъ къ нимъ сознательно примыкать, пока не позналъ дерева по плодамъ.

скаго и другихъ патріотовъ, то въ такихъ случаяхъ можно сказать съ увѣренностью: эти наказы не только не дѣло рукъ крестьянъ, но было бы большой натяжкой утверждать, что тутъ деревенскіе законники выливали мысли крестьянъ въ литературную форму.

Народъ одобрялъ предложенные ему проекты, но понималъ ли онъ то, что подписывалъ? А если редакторъ писалъ со словъ избирателей, то могъ ли пишущій вѣрно передать смыслъ того, что ему было сказано? Вотъ тѣ щекотливые вопросы, которые долженъ постоянно имѣть въ виду изслѣдователь наказовъ тѣхъ областей, гдѣ населеніе было инородческое или говорило на особыхъ говорахъ.

II.

Въ тѣсной связи съ малой распространенностью въ нѣкоторыхъ провинціяхъ государственнаго и литературнаго языка стояло слабое развитіе образованія, отъ котораго усугублялось дѣйствіе указанныхъ условій. Въ тѣхъ же мѣстностяхъ, гдѣ народъ говорилъ по французски, безграмотность населенія сама по себѣ значительно подрывала способность избирателей непосредственно высказаться такъ, чтобы король всю правду ихъ вѣдалъ.

Люди безграмотные были совершенно безпомощны въ дѣлѣ редакціи наказовъ и цѣликомъ зависѣли тутъ отъ доброй воли редактора. Далѣе невѣжественное населеніе стояло очень далеко отъ той политической агитаціи, которая дала опредѣленную окраску приходскимъ наказамъ, скорѣе по иниціативѣ редакторовъ, чѣмъ по волѣ самихъ избирателей. Безграмотные люди не могли и провѣрить работу своего редактора, даже если они приняли дѣятельное участіе въ выработкѣ основныхъ положеній наказа, даже если они ясно высказали при этомъ свою волю.

Изъ этого слѣдуетъ, что вопросъ о состояніи народнаго образованія въ послѣдніе годы стараго порядка имѣетъ существенное значеніе при разработкѣ наказовъ. Къ сожалѣнію этотъ вопросъ, подобно многимъ другимъ сторонамъ исторіи разсматриваемой эпохи, былъ уже давно предметомъ оживленной полемики, но не систематическаго изученія. Опираясь на отрывочныя данныя, одни историки подчеркиваютъ примѣры крайняго невѣжества крестьянъ, другіе наоборотъ утверждаютъ, что грамотность была гораздо болѣе распространена въ XVIII вѣкѣ, чѣмъ это принято думать. При этомъ

странное дѣло, люди, симпатіи которыхъ всецѣло на сторонѣ стараго порядка, встрѣчаются почти всегда съ краснорѣчивыми, по ихъ мнѣнію, доказательствами распространенности грамотности и образованія; наоборотъ поклонники переворота конца XVIII вѣка съ торжествомъ указываютъ на проявленія безграмотности и невѣжества. Противоположные же ихъ взглядамъ факты историки слишкомъ рѣдко замѣчаютъ или не считаютъ нужнымъ упоминать. Въ изложеніи Бабо народное образованіе передъ революціей представляетъ прямо отрадную картину [1]) и единственная, допускаемая имъ оговорка заключается въ томъ, что грамотность того времени нельзя сравнивать съ блестящимъ положеніемъ школьнаго дѣла во Франціи нашихъ дней.

Аббатъ Рико идетъ еще дальше и находитъ, что въ концѣ концовъ старая система была лучше нынѣшней, такъ какъ христіанская (церковная) школа выше свѣтской [2]).

Съ другой стороны многочисленные историки, благопріятные революціонной эпохѣ, находятъ въ дореформенной Франціи такое невѣжество, такую темноту, которая оправдывала бы рѣзкій приговоръ англійскаго путешественника, Артура Юнга о французскомъ народѣ [3]).

Впрочемъ нѣтъ правилъ безъ исключеній: къ послѣднему взгляду примыкаетъ и Тэнъ, несмотря на свои симпатіи къ старому порядку [4]). Наконецъ русскіе историки, стоящіе въ сторонѣ отъ полемики и партійныхъ счетовъ, вращающихся около революціи, —

---

[1]) *Babeau*. Le village sous l'ancien régime. 282—301. *Idem*. L'instruction primaire dans les campagnes avant 1789. (Paris 1875). *Idem*. L'école de village pendant la Révolution.

Литература предмета очень богата. Многіе мѣстные изслѣдователи (въ особенности духовныя лица) разбирали настоящій вопросъ по архивнымъ источникамъ, но безъ достаточной системы и критики. Такъ одно голое перечисленіе школъ, безъ выясненія ни числа учащихся, ни средствъ и объема преподаванія, не можетъ считаться доказательнымъ. На основаніи многихъ свидѣтельствъ, а также по наказамъ 1789 г. можно судить, какъ несостоятельно было тогдашнее школьное дѣло.

[2]) *Ricaud*. La Bigorre et les Hautes Pyrénées. Цѣлая глава (118 — 129) посвящена школьному дѣлу до 1789 г. Гораздо осторожнѣе и основательнѣе относится къ вопросу другой аббатъ—Allain, но и въ его изслѣдованіи клерикальныя симпатіи мѣшаютъ объективному взгляду на исторію народнаго образованія.

[3]) См. выше.

[4]) Извѣстна его тирада о невѣжествѣ народа, навѣянная литературными очерками Лабрюера, изображавшаго крестьянъ, какъ самцовъ и самокъ, съ остервененіемъ копающихся въ землѣ для добыванія себѣ скуднаго пропитанія. (*Taine*. Ancien régime. 489 и passim).

Н. И. Карѣевъ и П. Н. Ардашевъ вынесли изъ пересмотрѣннаго ими архивнаго матеріала то впечатлѣніе, что безграмотность и невѣжество были во всякомъ случаѣ очень велики въ „прекрасной Франціи" добраго стараго времени. По нашему крайнему разумѣнію, этотъ взглядъ ближе всего къ истинѣ.

Конечно нельзя безусловно довѣряться громкимъ жалобамъ, раздававшимся на невѣжество народа среди передовыхъ людей того времени. Если, напримѣръ, корреспонденты аббата Грегуара изображаютъ безотрадную въ этомъ отношеніи картину, то къ нимъ можно отнестись критически, какъ къ свидѣтельскимъ показаніямъ. Но, съ другой стороны, нельзя же ихъ также совсѣмъ игнорировать. Что же они говорятъ?

Въ Верхнемъ Лангдокѣ (Rouergue) бывшій капуцинъ, (а затѣмъ революціонеръ) Chabot опасается политическихъ послѣдствій невѣжества (ignorance crasse), когда ³/₄ всего населенія не могутъ ни читать, ни писать; даже въ главномъ городѣ департамента ³/₄ „активныхъ" гражданъ не умѣютъ писать, такъ какъ учиться грамотѣ можно только за деньги, а крестьяне въ общемъ слишкомъ бѣдны, чтобы посылать дѣтей въ школу, „гдѣ впрочемъ обучаютъ только катехизису" [1]). „Наше невѣжество крайнее, наше образованіе сводится на ничто", пишутъ „друзья конституціи" въ Ошѣ; въ деревенскихъ школахъ „священники, завѣдывающіе обученіемъ почти повсемѣстно, по виду даютъ уроки всѣмъ являющимся дѣтямъ, но на дѣлѣ они ограничиваются тѣмъ, что обучаютъ одного или двухъ церковной службѣ... Въ итогѣ мы знаемъ, что если не избирать муниципалитетовъ изъ среды деревенскихъ грамотѣевъ, въ родѣ полу-адвокатовъ, нотаріусовъ, землемѣровъ и экспертовъ, все остальное (населеніе) рѣшительно ничего не знаетъ... Если нужно, чтобы муниципальный чинов-

---

[1]) *Gasier*. Revue des langues romanes. t. VII (1875) 121. L'ignorance du peuple. 123. Comme les ³/₄ ne savent ni lire, ni écrire... 128. Non seulement les campagnards, mais les ³/₄ des citadins, des habitants mêmes du chef lieu du département, ne savent ni parler, ni lire, ni écrire le français. 130. L'éducation est plus negligée dans ce département que partout ailleurs; l'on a des maitres que pour ceux qui les payent, et en general les paysans étaient trop grévés... pour envoyer leurs enfants à un maitre d'école, où l'on n'apprend du reste que le catéchisme. 132. De là l'ignorance crasse qui règne dans une ville de commerce... de là les ³/₄ des citoyens actifs ne savent pas écrire. t. VIII. 87. C'est de l'instruction du peuple que dépend le sort de la Constitution. Son ignorance peut le rendre le jouet de l'aristocratie et du despotisme.

никъ умѣлъ читать и писать, то это еще не легко (найти)" [1]. По сосѣдству изъ Ажена мѣстные друзья конституціи находятъ, что учителей мало, такъ какъ деревни очень разбросаны, мелки и не достаточно богаты, чтобы содержать школу; къ тому же у нихъ „манія" учить дѣтей латинскому языку раньше французскаго, „такъ что образованіе въ нашихъ деревняхъ сводится почти (исключительно) къ тому, чтобы сдѣлать учениковъ способными помогать по праздникамъ и по воскресеньямъ своимъ пастырямъ въ воспѣваніи хвалы Господу на языкѣ, котораго они не понимаютъ"; съ своей стороны духовенство ревностно относится къ своимъ обязанностямъ, но не имѣетъ времени для обученія дѣтей, книгъ же не имѣется подъ рукой, да онѣ были бы безполезны, такъ какъ лица, могущія ими воспользоваться, „не составляютъ и двѣнадцатой части всѣхъ нашихъ земледѣльцевъ" [2]. Отвѣтъ судейскаго изъ Бордо изображаетъ ту же картину: школы имѣются только въ крупныхъ мѣстечкахъ (gros bourgs), при чемъ руководящіе ими священники требуютъ отъ учителей, въ качествѣ ценза, умѣнія играть въ пикетъ и знанія богослуженія [3]. Бывшій лейтенантъ Перигорскій думаетъ, что на 700 приходовъ этого края имѣется не болѣе 40, 50 учителей, такъ какъ населеніе слишкомъ бѣдно, чтобы ихъ содержать. Въ Оверни, по словамъ друзей конституціи изъ Maringues, „на 20 селеній, только одно имѣетъ учителя, едва читающаго по складамъ, и священникъ заставляетъ повторять слова катехизиса прихожанъ—попугаевъ". Лимузенскіе патріоты жалуются, что мужикъ не умѣетъ ни читать, ни писать [4]. Въ самомъ центрѣ Франціи, по заявленію священника Сансерскаго, только въ го-

---

[1]) Ibidem. VIII. (Amis de la Constitution d'Auch) 94. Notre ignorance est extrême, notre éducation nulle. 104. Les curés, qui en sont chargés prèsque partout, font mine de faire dire la leçon à tous les enfants qui se présenteut, mais dans le fait, ils se bornent à enseigner à un ou à deux à servir la messe. 113. En total, nous savons qu'à moins de prendre la municipalité dans les docteurs de village, tels que les demi avocats, notaires, arpenteurs et experts, tout le reste ne sait rien de rien... S'il faut qu'un municipal sache lire et écrire, ce n'est pas encore aisé. t. IX (1876). Другой отвѣтъ изъ Оша: (175). „Chaque village n'a pas le bonheur d'avoir des maitres, bien moins des maitresses d'école... La plupart ne peuvent avoir d'autres maitres que leurs curés et leurs vicaires, qui partout ne sont que trop dépourvus de livres".

[2]) Ibidem, X. (1876) 29, 30. Les amis de la Constitution d'Agen.

[3]) Ibidem, t. XI (1877) 192, 193. Bernadau, homme de loi à Bordeaux.

[4]) Ibidem, t. XII (1877) 218. Отвѣтъ La Charmie депутата національнаго собранія (Perigord). 224. (Amis de la Constitution de Maringues) 280. (Amis de la Constitution de Limoges).

родахъ имѣются настоящіе (en règle) школьные учителя и учительницы, да и то въ школахъ учатъ лишь чтенію, письму, счету и катехизису [1]). Въ Пуату только около половины населенныхъ мѣстъ обладаютъ школами; большая часть населенія „не умѣетъ даже читать“ [2]). Въ Бретани мало школъ по деревнямъ, „да и то лишь по бретонски пріобрѣтаютъ въ нихъ слабые отголоски катехизиса“; школы замѣняютъ странствующіе учителя, значеніе которыхъ сводится къ нулю изъ за дальности разстояній, а кромѣ того сами учителя и учительницы невѣжественны; „чего же можно ожидать отъ учителя, которому платятъ пять су въ мѣсяцъ“? [3]) Будущій террористъ Lequinio идетъ еще дальше, можетъ быть слишкомъ далеко въ отрицательномъ отзывѣ: для него въ бретонскихъ деревняхъ совсѣмъ нѣтъ школъ, а имѣются онѣ только въ мѣстечкахъ (gros bourgs), гдѣ впрочемъ ничему не учатъ; „наши священники не слѣдятъ за школами, которыхъ нѣтъ“, деревенскіе жители ничего не читаютъ, „ignoti nulla cupido“ [4]).

Нѣтъ сомнѣнія, что всѣ эти данныя являются только *впечатлѣніями* современниковъ; ясно, что эти $^3/_4$ и $^1/_{12}$ представляютъ не статистическія цифры, а предположенія и притомъ субъективныя.

Нельзя также упускать изъ виду, что въ тѣхъ же матеріалахъ проскальзываютъ также свѣдѣнія противоположнаго свойства. Прежде всего корреспонденты Грегуара почти единогласно заявляютъ, что за послѣднія 20 лѣтъ народное просвѣщеніе подвинулось впередъ, а съ нимъ развилось и знаніе французскаго языка, въ ущербъ мѣстнымъ го-

---

[1]) Ibidem, t. XV (1879) 68, 69. Poupart, curé de Sancerre: „il n'y a que les villes, qui aient des maitres et des maitresses d'école en règle; on y enseigne seulement à lire, écrire, chiffrer et le catéchisme“.

[2]) Ibidem, (76). Non; il y en a autant qui en manquent, qu'il y en a, qui en possèdent (77). Point du tout; la majeure partie d'entre eux ne sait même pas lire.

[3]) Ibidem. 186. Riou, laboureur: „Peu de campagnes ont des écoles, encore n'est ce qu'en breton que l'on y reçoit une faible teinture de catéchisme... Quelques ambulants en font métier; mais la distance qui sépare ces mêmes villages et si grande... Ce qui doit les faire considérer comme nulles (187) ignorent eux mêmes ce qu'ils font métier d'enseigner. Que peut on attendre d'un maitre à qui l'on donne 5 sols par mois?“

[4]) Ibidem, 191. (Анонимное посланіе, на которомъ рукой Грегуара надписано: „probablement de Lequinio“). „Il n'y a point d'écoles dans les villages... Il n'y a point de maitres et maitresses d'école, si ce n'est dans les gros bourgs... On n'enseigne rien du tout... Nos curés ne surveillent pas nos écoles qui n'existent pas, et n'ont point de livres à prêter... Les gens de la campagne n'ont point le goût de la lecture, ignoti nulla cupido“.

ворамъ. Далѣе оказывается, что въ Дофинѣ, гдѣ было много кальвинистовъ, мало-мальски значительныя деревни имѣютъ учителей (учительницъ нѣтъ), приходящихъ со стороны на зимнее время, по окончаніи полевыхъ работъ [1]). Въ горахъ Юры, по словамъ мэра св. Клавдія, въ каждомъ приходѣ имѣется по учителю изъ дьячковъ или даже взятаго изъ города, въ остальныхъ деревняхъ преподаваніе происходитъ иногда зимою. По словамъ адвоката того же города, дѣтей учатъ правда только читать, писать и считать, но въ школу ходятъ также дѣвочки; деревенскіе жители любятъ чтеніе и дѣти читаютъ родителямъ зимой въ семейномъ кругу книги аскетическаго содержанія [2]).

Относительно бывшей провинціи Франшконте корреспондентъ (духовное лицо) склоняется къ мысли, что въ каждомъ приходѣ есть учитель или учительница; большинство деревенскихъ жителей вокругъ города Salins умѣетъ читать; „вездѣ народъ начинаетъ читать; все дѣло въ томъ, чтобы поддержать данный импульсъ" [3]). Другая духовная особа пишетъ, что въ Артуа (на сѣверѣ) учителя имѣются во всѣхъ деревняхъ, кромѣ самыхъ мелкихъ, а также встрѣчаются и учительницы, „но болѣе невѣжественныя" [4]). Священникъ изъ Берри и анонимный корреспондентъ изъ Пуату заявляютъ въ одинъ голосъ, что за послѣднія 20 лѣтъ крестьяне стали болѣе просвѣщенны (plus

[1]) Ibidem, t. XIII (1877). 9. Les villages un peu considérables ont des maitres d'école depuis la Toussaint jusqu' au printemps. Les maitres d'école viennent du Briançonnois... ils arrivent, quand tous leurs travaux sont finis dans leurs montagnes... et s'en retournent à la fin de Mai. Il n'y a pas de maitresses d'école (11). Les curés ont peu la surveillance des écoles payées par les communes... il en est où le maitre d'école est protestant. (Colaud de la Salcette, будущій членъ Конвента).

[2]) Ibidem, 248. Plusieurs... sont pris à la ville. Il y en a dans tous les chefs lieux de paroisse; mais ceux qui ne le sont pas n'en ont qu'en hiver... c'est ordinairement le chantre qui est maitre d'école. (Lorain fils, maire de Saint Claude). Ibidem, 253. Chaque paroisse a son maitre d'école... ils enseignent garçons et filles... On n'enseigne... qu'à lire, écrire et chiffrer... Elles sont bien surveillées. Les gens de la campagne ne manquent pas de goût pour la lecture... En hiver principalement ils lisent ou font lire par leurs enfants en famille des livres ascétiques. (Joly, avocat à Saint Claude).

[3]) Ibidem, 259. Je suis porté à croire qu'il y a un maitre ou une maitresse d'école dans chaque paroisse... et que le grand nombre des villageois y sait lire... Partout le peuple commence à lire; il s'agit d'entretenir l'impulsion donnée. (Rochejean, vicaire episcopal de Blois).

[4]) Ibidem, t. XV (1879), 57. Il y a des maitres d'école dans tous les villages, excepté les hameaux; les maitresses d'école y sont moins communes et plus ignorantes. (Hennebert, chanoine de Saint Omer).

eclairés) [1]). Даже въ Бретани за послѣднія 12 лѣтъ деревня какъ будто немного „просвѣтилась“; самъ безжалостный Lequinio заявляетъ: „они менѣе дики за послѣднія 20 лѣтъ“ [2]).

Но если просвѣщеніе народа подвинулось впередъ въ послѣднія 20 лѣтъ стараго порядка, то этотъ процессъ могъ быть болѣе или менѣе успѣшенъ въ различныхъ мѣстностяхъ Франціи. Вотъ почему субъективная оцѣнка современниковъ, склонныхъ всегда обобщать личныя свои впечатлѣнія, не можетъ дать прочной основы для выводовъ относительно всей пестротканной поверхности Франціи стараго порядка.

Само собою разумѣется, не такія голословныя свидѣтельства, хотя бы и современниковъ, могутъ служить основаніемъ для точнаго научнаго обобщенія. Если наказы 1789 года требовали развитія школьнаго дѣла, ссылаясь на общую безграмотность народа, то указывать на такія свидѣтельства можно только мимоходомъ [3]), хотя въ общей совокупности они также не лишены значенія. Если въ эпоху Конституанты, Легислативы и Конвента ревнители народнаго просвѣщенія громко ужасались царившему въ народѣ невѣжеству и мѣстами повальной безграмотности, то можно, хотя и съ натяжкой, предполагать въ ихъ словахъ нѣкоторое преувеличеніе, вызванное нетерпѣніемъ видѣть весь народъ просвѣщеннымъ; можно подозрѣвать патріотовъ въ обобщеніи случайныхъ наблюденій или возведеніи исключеній въ общее правило.

---

[1]) Ibidem, 67. (Poupart, curé de Sancerre), 77, корреспондентъ изъ Пуату— тотъ самый, который заявилъ, что большинство населенія не умѣетъ читать. Онъ же сообщалъ (76), что обученіе производится на ломанномъ французскомъ языкѣ (mauvais français, parce qu'en général on l'estropie).

[2]) Ibidem, 187. Depuis une douzaine d'années, il m'a paru que la campagne s'eclairait un peu (Riou, laboureur), 191. Ils sont moins sauvages depuis 20 ans (Lequinio).

[3]) *Edme Champion*. La France d'après les cahiers de 1789. 205—210. Авторъ отмѣчаетъ, что никто изъ членовъ Конституанты не возражалъ противъ заявленія Ramel Nogaret (ноябрь, 1789 г.), что большинство народа не умѣетъ читать. Далѣе, когда въ Легислативѣ обсуждался вопросъ объ отобраніи отъ духовенства завѣдыванія веденіемъ метрическихъ книгъ, противникъ законопроекта—François de Neufchateau ссылался на безграмотность муниципальныхъ властей, а сторонникъ этой мѣры—Hérault de Séchelles соглашался оставить эту обязанность за священниками въ тѣхъ „многочисленныхъ мѣстностяхъ“, гдѣ только одинъ священникъ умѣлъ читать и писать. Впрочемъ это показываетъ только, какъ *думали* о невѣжествѣ народа современники, а не то, каково было это невѣжество на самомъ дѣлѣ.

Но матеріалы по выборамъ 1789 года содержатъ обильныя данныя для вполнѣ объективнаго разрѣшенія этого вопроса.

На основаніи протоколовъ и наказовъ приходскихъ собраній можно иногда съ относительною точностью опредѣлить число избирателей, не умѣвшихъ подписать свое имя подъ этими писаніями. Но этого мало. Даже въ округахъ избранники, излюбленные люди приходовъ оказываются иногда безграмотными. При этомъ невольно приходитъ на умъ изреченіе: „если свѣтъ въ васъ—тьма, то какова же тьма". Если сами представители приходовъ безграмотны, то каковы же ихъ избиратели?

Можно себѣ представить, какая темнота царила въ глуши Бретани, если въ окружныхъ собраніяхъ ея сенешоссей люди, не умѣвшіе подписать свое имя, составляли явленіе заурядное.

Въ Lesneven число безграмотныхъ представителей (90 человѣкъ) превышало, повидимому, количество тѣхъ, кто умѣлъ, хоть съ грѣхомъ пополамъ, подписать свое имя (66 подписей) [1]). Подобнымъ же образомъ упоминаются безграмотные въ протоколахъ округовъ: Auray [2]) (6 человѣкъ), Quimper [3]), Guérande, Vannes, Morlaix [4]), Chateaulin [5]), Chateauneuf du Faou [6]) (3 человѣка), Marches Communes du Poitou et de la Bretagne [7]).

Правда, Бретань осталась и понынѣ самымъ отсталымъ краемъ Франціи. Обратимся поэтому къ матеріаламъ по выборамъ въ другихъ мѣстностяхъ. Въ центрѣ Франціи протоколы окружныхъ собраній отмѣчаютъ также не мало безграмотныхъ депутатовъ. Въ Lorris (secondaire de Montargis) 5 депутатовъ заявили о своемъ неумѣніи расписаться [8]), въ Boiscommun (secondaire d'Orléans) собраніе раскололось

---

[1]) *Archives Parlementaires*, III, 491—499. Всего депутатовъ перечислено поименно 156 человѣкъ, изъ нихъ 66 подписались „et ont ceux des députés, qui n'ont pas signé, déclaré ne le savoir faire". Допустивъ даже погрѣшности въ текстѣ протокола (среди не подписавшихся могли оказаться и грамотные люди, не дождавшіеся очереди, чтобы приложить руку), допустивъ также погрѣшности въ перепечаткѣ этого документа, послѣдній представляется во всякомъ случаѣ краснорѣчивымъ памятникомъ невѣжества бретонцевъ XVIII вѣка.

[2]) Archiv. Nat. B III 37, 1028.

[3]) *Archives Parlementaires*, V, 510.

[4]) Ibidem, IV. 75.

[5]) Archiv. Nat. Ba 25 l. 133 bis 1°. B III 38, 380.

[6]) B III 38, 481.

[7]) *Proust*. Archives de l'Ouest. I, 229, протоколъ 2-го апрѣля: „L. Rousseau a déclaré ne savoir signer".

[8]) Archiv. Nat. Ba 58 l. 127.

9-го марта на двѣ партіи, при чемъ въ одной оказалось трое, а въ другой четверо безграмотныхъ [1]). Въ Chateaugonthier (secondaire d'Angers) 10 депутатовъ не могли приложить руки [2]), въ Auxonne (secondaire de Dijon)—одинъ [3]). Въ Auxerre подача голосовъ безграмотными депутатами вызвала даже цѣлую сумятицу [4]): предложено было изгнать этихъ лицъ изъ собранія съ лишеніемъ права участвовать на выборахъ и только благодаря посредничеству бальи рѣшено было, согласно съ мнѣніемъ королевскаго прокурора, что безграмотные сообщать имя своихъ кандидатовъ предсѣдателю, который составитъ имъ соотвѣтствующія записки для вложенія въ избирательную урну. Безграмотные упоминаются также въ протоколахъ Макона, Дижона, Chateauroux, Issoudun, Charolles [5]). Въ Guéret ихъ оказалось двое [6]), а въ столицѣ Оверни—въ Clermont Ferrand цѣлыхъ 21 человѣкъ [7]). На сѣверѣ подобнымъ же образомъ безграмотные попадались даже въ окружныхъ собраніяхъ. Въ Verneuil (secondaire d'Alençon) изъ состава собранія, сокращеннаго (réduit) до 26 человѣкъ, трое не могли подписать свое имя [8]). Безграмотные депутаты отмѣчаются: въ Nonancourt [9]) (secondaire d'Evreux)—трое, въ Булони [10])—одинъ, затѣмъ глухо упоминаются они въ Ланѣ [11]) и другихъ мѣстахъ.

На западѣ, неподалеку отъ малограмотной Вандеи протоколы окружныхъ собраній также упоминаютъ о депутатахъ, не умѣвшихъ подписать свое имя: таковы протоколы Montmorillon [12]), Fontenay [13]), Vouvant [14]) и другіе.

---

[1]) B III 99, 330—335.

[2]) B III 7, 748.

[3]) B III 60, 26.

[4]) *Labot*, 495, „à laquelle proposition quelques membres de l'assemblée s'étant opposés et ayant prétendu que lesdits députés, qui ne savent écrire, devoient se retirer de l'assemblée et être privés du droit de nommer lesdits scrutateurs et députés"...

[5]) *Champion*. La France d'après les cahiers de 1789 (209).

[6]) *Duval*. Cahiers de la Marche. 90 (bis), 93 (bis).

[7]) *Archives Parlementaires*. II, 774, приписка къ наказу: „ont de plus assisté 21 députés qui n'ont su signer".

[8]) Archiv. Nat. B III 2, 1254.

[9]) B III 65, 427.

[10]) *Assemblées du Boulonnais*. (Boulogne sur Mer 1889). Перепечатка протокола.

[11]) *Fleury*, 244.

[12]) Archiv. Nat. Ba 69 l. 162a, 2°. B III 124, 215—327.

[13]) Ba 69 l. 162 bis. 2°. B III 124, 132.

[14]) Ba 69 l. 162a. B III 124, 570. Безграмотныхъ оказалось, судя по протоколу, 8 человѣкъ изъ 115.

На востокѣ то же явленіе наблюдается въ Gray, Lons-le-Saulnier (Aval), не говоря уже о нѣмецкомъ населеніи округовъ Эльзаса и Лотарингіи [1]). Годъ спустя послѣ описываемыхъ событій, когда конституціей 90 года введена была закрытая подача голосовъ посредствомъ бюллетеней, выборы въ городѣ Saint Diez пришлось прервать (5-го февраля 1790 г.), такъ какъ треть избирателей оказались неграмотны; выборы затѣмъ состоялись только послѣ запроса въ Парижъ, когда узнали о послѣдовавшемъ 2-го февраля разрѣшеніи Національнаго Собранія, чтобы трое старѣйшихъ грамотныхъ избирателей заполняли бюллетени за безграмотныхъ [2]).

На югѣ въ Тулузѣ большая часть депутатовъ отъ деревень, всего около 200 человѣкъ, были безграмотны, такъ что собраніе оказалось вынужденнымъ назначить по одному депутату на каждый діоцезъ [3]) для содѣйствія неграмотнымъ товарищамъ при составленіи избирательныхъ листковъ [4]). Нѣчто подобное произошло также въ Annonay [5]).

Большое количество безграмотныхъ мужиковъ отмѣчается также въ Villefranche de Rouergue [6]), Perpignan [7]) и т. д. Всюду разда-

[1]) Мы уже упоминали выше (II, 143) заявленіе лейтенанта Бузонвильскаго, что депутаты частью едва могутъ вывести нѣсколько скверныхъ буквъ для подписи своего имени, а остальные и этого не умѣютъ.

[2]) *Aulard*. Bourgeoisie et democratie. („Révolution Française" 14-го сентября 1898 г., стр. 238).

[3]) Diocèse—территоріальное подраздѣленіе церковнаго происхожденія, сохранившееся на югѣ и въ Бретани.

[4]) Archiv. Nat. Ba 80 l. 200. 1°. B III 148, 959. Протоколъ. B III 149, 71 — 72, письмо лейтенанта министру отъ 9-го апрѣля о трудности добиться цифры дымовъ въ приходахъ, „attendu que les députés que les communes ont envoyés, sont la plupart illettrés" B III 149, 229 — 261. Жалоба представителей г. Тулузы на выборы: On y verra huitièmement, deux cents illetrés tout au moins dans le nombre des députés de la campagne, incapables de tracer les lettres de leur nom, se présenter au scrutin avec des billets uniformes, tous écrits de la même main.

[5]) B III 9, 121, протоколъ 24-го марта: „sur l'observation qui a eté faite par quelques membres de l'assemblée, que dans le nombre des electeurs des campagnes il s'en trouvait quelques uns qui ne savaient pas écrire et a été arrêté à la très grande majorité des suffrages, que les électeurs qui *sont* dans ce cas donneront à voix basse aux trois scrutateurs en présence de M. le président le nom de la personne qu'ils veulent élire, lequel sera écrit par un des trois scrutateurs".

[6]) Archiv. Nat. B III 155, 509 — 514. Ba 85 l. 216. 3°. Письмо лейтенанта отъ 31-го марта: „le tiers état dont plus des deux tiers des membres n' étaient que des paysans illettrés... J'ai eu la douleur d'apprendre après coup que des intrigants avaient abusé de l'ignorance de tous ces paysans, incapables de faire un choix avec discernement".

[7]) B III 120, 187. 341. На судебномъ слѣдствіи по поводу злоупотребленій

ются жалобы на темноту деревенскихъ представителей, являвшихся (по словамъ лицъ, недовольныхъ выборами) игралищемъ въ рукахъ интригановъ. Въ Limoux безграмотнымъ раздавались избирательныя записки съ именемъ прокурора [1]), въ Тарбѣ (Bigorre) то же продѣлывалъ субделегатъ, стремившійся попасть въ депутаты отъ округа [2]).

Въ одной брошюрѣ того времени упоминался слѣдующій случай, безъ указанія мѣста: „въ значительномъ городѣ Франціи 200 избирателей выбрали 2 депутатовъ третьяго сословія; 190 (изъ нихъ) были деревенщиной, двѣ трети не умѣли читать и не знали, зачѣмъ ихъ созвали" [3]). Даже если въ этихъ словахъ было много преувеличенія, всетаки приведенные факты показываютъ, что тутъ была доля истины.

Послѣ всего этого неудивительно, если число безграмотныхъ было такъ значительно въ приходскихъ собраніяхъ, гдѣ участвовали уже не избранные люди, а почти весь народъ, по крайней мѣрѣ въ теоріи.

Не только въ деревняхъ, но и въ городахъ далеко не всѣ избиратели первичныхъ собраній могли подписать свое имя. Въ наказѣ Bourbon-Lancy поименованы двое, не съумѣвшіе подписаться [4]), въ Булони одинъ [5]). Въ Auray (Бретань) число безграмотныхъ было очень велико, судя по инциденту, разъигравшемуся въ церкви (18-го апрѣля) на первичномъ собраніи: золотыхъ дѣлъ мастеръ и граверъ Reynauld писалъ для своихъ безграмотныхъ „друзей" записки съ именами кандидатовъ въ депутаты, но купецъ и подрядчикъ Guérin осыпалъ его за это градомъ палочныхъ ударовъ по рукамъ, такъ что

на выборахъ, многіе свидѣтели оказались неграмотны, въ томъ числѣ Maisé, байли деревни Taurinya. Королевскій прокуроръ Tastu показывалъ между прочимъ, что большинство деревенскихъ депутатовъ были безграмотны (les députés des paroisses, la plupart illettrés).

[1]) B III 74, 80, лейтенантъ жаловался министру 22-го марта, что безграмотные депутаты получали тайкомъ готовыя записки (billets) съ именемъ королевскаго прокурора, кандидатура котораго ставилась одной партіей въ собраніи.

[2]) *Ricaud.* La Bigorre. 199, 202. На собраніи обнаружилась раздача записокъ безграмотнымъ (illetrés) съ именемъ субделегата.

[3]) *Chassin.* Elections et cahiers de Paris. I· 380, 381. Брошюра: „De la nécessité de publier les noms des candidats". 200 électeurs ont fait le choix de deux députés du tiers dans une ville considérable de la France; 190 electeurs étaient des campagnards; les deux tiers ne savaient pas lire et ne savaient pourquoi on les assemblait.

[4]) *Charmasse.* Cahiers du bailliage d'Autun 295—328.

[5]) *Assemblées du Boulonnais.* 59, 60, протоколъ 11-го апрѣля: „sauf Huret, dit Bohême, qui a déclaré ne savoir écrire ni signer".

потребовалось вмѣшательство королевскаго прокурора [1]). Въ Тулонѣ, при подписаніи резолюціи членовъ корабельной корпораціи (maîtres d'équipage), оказалось около трехъ десятковъ неграмотныхъ [2]), въ Mayenne большинство членовъ корпораціи портныхъ оказались въ томъ же положеніи [3]), въ Saint Amand-Montrond очень немногіе могли подписать наказы по корпораціямъ [4]).

Такимъ образомъ наказы и протоколы приходскихъ собраній представляютъ въ высшей степени цѣнный матеріалъ и могли бы имѣть рѣшающее значеніе въ разборѣ вопроса о состояніи народнаго образованія во Франціи передъ революціей. Для этого нужно отказаться отъ полемики на почвѣ случайныхъ обобщеній и голословныхъ сужденій о состояніи народнаго образованія по числу никуда негодныхъ школъ. Школы эти по большей части не были организованы: нанимался учитель на срокъ или самъ священникъ преподавалъ катехизисъ. Число же учащихся дѣтей неизвѣстно; къ тому же вопросъ заключается не въ дѣтяхъ школьнаго возраста: намъ нужно знать, многіе ли изъ взрослыхъ избирателей 1789 г. могли свободно читать и писать? Обратиться къ выясненію истины единственно научнымъ путемъ, можно посредствомъ систематическаго изслѣдованія указаннаго матеріала.

Конечно, такая работа выходитъ изъ предѣловъ настоящаго изслѣдованія. Тѣмъ не менѣе на вопросѣ о безграмотности необходимо остановиться хотя бы для того, чтобы выяснить его значеніе въ ряду тѣхъ условій, съ которыми приходится особенно серіозно считаться при разборѣ искренности и достовѣрности наказовъ, какъ выразителей желаній большинства. Тутъ же попутно выяснится и методъ, необходимый для успѣшности будущихъ работъ въ этомъ направленіи.

---

[1]) Archiv. Nat. B III 87, 1118—1119. Déclaration d'un particulier d'Auray servant à l'appui du mémoire du sénéchal de la ville d'Auray. Signé Reynauld orfèvre et graveur. Ce 30 mai 1789.

[2]) B III 146, 360. Ba 81 l. 198.

[3]) B III 170, 216—224. Délibération des maîtres tailleurs (1 Mars:) „la plupart ont déclaré ne savoir signer".

[4]) *Dumonteil*. Une ville seigneuriale en 1789. (Bourges 1887) 178 — 183, текстъ 18 наказовъ по корпораціямъ. (Кромѣ незначительности числа подписей, замѣчено, что самое правописаніе очень хромало). Согласно регламенту (ст. 26) въ болѣе значительныхъ городахъ, перечисленныхъ въ особомъ приложеніи къ закону, первичные выборы производились не въ общемъ собраніи жителей, а по корпораціямъ. Избранные такимъ образомъ представители составляли затѣмъ окончательно собраніе города.

Въ протоколахъ и наказахъ иногда поименно перечисляются или указывается общее число тѣхъ участниковъ приходскаго собранія, которые, за неграмотностью, не могли приложить руки подъ наказомъ и протоколомъ. Если при этомъ можно установить процентное отношеніе этихъ лицъ къ числу собравшихся избирателей и общему количеству населенія, то подобнаго рода статистика можетъ дать исчерпывающаго характера свѣдѣнія о состояніи народнаго образованія въ данной мѣстности. Къ сожалѣнію, въ большинствѣ протоколовъ дается только общее указаніе, что присутствующіе подписались за исключеніемъ тѣхъ, кто не могъ этого сдѣлать по неграмотности. Правда, можно, казалось бы, опредѣлить количество послѣднихъ, подсчитавъ число подписей и вычтя ихъ изъ общаго состава присутствующихъ, если число послѣднихъ извѣстно. Однако этотъ пріемъ на дѣлѣ иногда ненадеженъ: нѣкоторые избиратели могли разойтись до окончанія собранія, другіе не хотѣли подписаться подъ наказомъ, съ содержаніемъ котораго они несогласны, третьи ушли, не дождавшись очереди, чтобы расписаться, или забыли это сдѣлать, не знали, что это обязательно и т. д. Въ деревнѣ Pin-en-Mauges (Анжу) изъ 84 избирателей подписалось всего лишь 11 человѣкъ, въ числѣ которыхъ не было будущаго героя Вандеѣ Cathelineau, хотя онъ участвовалъ въ собраніи и былъ грамотенъ [1]). Протоколъ деревни Orgères (Мэнъ) упоминаетъ лицъ, „которые не подписались или заявили о своемъ неумѣніи;“ изъ этихъ словъ можно вывести, что не одни безграмотные разумѣются въ числѣ не подписавшихся [2]).

Если же въ протоколѣ прямо указано, что не приложившіе руки избиратели не умѣли писать, то въ такомъ случаѣ указанное вычисленіе относительно безграмотныхъ можетъ быть примѣнено съ нѣкоторою достовѣрностью.

Возьмемъ для примѣра Мэнскую сенешоссею, протоколы и наказы которой прямо или глухо указываютъ на присутствіе значительнаго числа безграмотныхъ избирателей приходскихъ собраній [3]).

---

[1]) *Port*. La Vendée Angevine (Paris 1888) I, 49.

[2]) *Bellée et Duchemin*. III, 279—285. „Les dessus dit dénommé qui n'ont pas signé ou déclaré ne le savoir“. На 97 дымовъ присутствовало 24 человѣка, а подписей 17.

[3]) *Bellée et Duchemin*. I (3) Ahuillé, (60) Assé le Riboul, (92) Anvers-le-Hamon, (163) Beaulieu, (179) Saint-Berthevin-sur-Vicoin, (210) Boissé, (218) La Bosse, (220) Bouer, (228) Bourgon, (233) Brains, (256) Brice, (294) Brûlon, (333) Chailland, (454) Cherré, (460) Cherreau, (477) Saint Christophe-en-Champagne,

Протоколы приходовъ Aigné, Allonnes, Amné, Asnières, Loup-landes, Lucé-sous-Ballon упоминаютъ о присутствіи неграмотныхъ въ формѣ, заставляющей предполагать, что послѣдніе составляли большинство наличнаго состава избирателей: въ нихъ сказано, что жители данной деревни не умѣли подписывать свое имя, за исключеніемъ нижеподписавшихся (ont déclaré ne savoir signer fors les soussignés). Выходило, какъ будто грамотные были исключеніемъ въ общей массѣ безграмотныхъ избирателей.

И дѣйствительно мы знаемъ, что въ Aulaines изъ свыше 18 человѣкъ (18 имя рекъ „et autres") подписаться могли только семеро, въ Chapelle-du-Bois изъ свыше 92 — только 31, въ Saint-Célérin-le-Géré изъ свыше 58 — только 33, въ Dehaut изъ свыше 45 — только 19 человѣкъ [1]).

Въ нѣкоторыхъ протоколахъ или приписках къ наказамъ можно съ относительной точностью указать на число безграмотныхъ избирателей. Въ La Bazouge des Alleux, изъ 24 присутствующихъ избирателей, 11 подписались, а 13 не могли этого сдѣлать [2]); въ Beaufay оказалось 17 безграмотныхъ на 24 грамотныхъ [3]). Въ Boessé-le-Sec, на 95 избирателей только 16 подписались „tous les autres ayant déclaré ne savoir signer" [4]). Въ Bouère—изъ 43 человѣкъ 22 подписались, а остальные 21 неграмотны [5]), въ Brée изъ 14 человѣкъ 10 под-

(512) Coulié, (538) Cormes. II (50) Courgenard, (55) Courveille de Courbeveille, (81) La Cropte, (98) Saint Cyr le Gravelais, (131) Dissé sous Ballon, (153) Domfront en Champagne, (162) La Dorcé, (171) Douillet, (175) Dureil, (181) Entrammes, (222) Ernée, (248) Etival-les-Le-Mans, (252) Evaillé, (278) Fay, (302) Fillé, (316) Fougerolles, (338) Saint Georges du Bois, (380) Gesnes, (390) Gesvres, (413) Gréez sur Roc, (439) Hardange, (462) Saint Hilaire des Landes, (473) L'Huisserie, (522) Landivy, (568) Lévaré, (576) L'Homme, (595) Louailles. III (9) Loupfougère, (50) Malicorne), (69) Mareil en Champagne, (150) Mont Renault, (158) Montreuil en Lassay, (147) Montourtier, (200) Neuvy en Champagne, (261 — 265) Olivet — „en présence des soussignés et beaucoup d'autres qui ne signent", (278) Oizé, (293) Saint Ouen des Toits, (339) Saint Paul le Gaultier (345) Pavin, (375) Pirmil, (387) Placé, (435) Pruillé le Chétif, (430) Préaux. IV (34) Ruaudin, (57) Sainte Sabine et Poché, (99) Sceaux—„en présence de beaucoup d'autres qui ont déclaré ne savoir signer", (132) Souligné sous Vallon, (161) Spay, (205) Torcé en Charnie, (212) Notre Dame de Torcé, (219) Trangé, (241) Vallon, (260) Vautorte, (270) Verniette, (275) Vibraye, (318) Villepail, (387) Voivres.

[1]) *Bellée et Duchemin*. I, 88. 389—400. 311—319. II, 109.

[2]) Ibidem. I. 147.

[3]) Ibidem, 159. 160.

[4]) Ibidem, 201. 202.

[5]) Ibidem, 224. 225.

писались, а 4 безграмотны [1]), въ Briône изъ 68 человѣкъ только 13 могли подписаться [2]), въ Changé 17 подписей, при чемъ 11 безграмотныхъ избирателей перечислены поименно [3]). Въ Fercé изъ 88 избирателей только 26 грамотныхъ [4]) (?), въ Houssay—изъ 19 человѣкъ 10 грамотныхъ [5]), въ Jauzé изъ 28 также 10 грамотныхъ [6]). Въ Mézières sous Ballon изъ 37 человѣкъ 24 — („ceux qui sçavent signer)“ подписались, а слѣдовательно 13 безграмотны [7]), въ Montreuil le Chétif изъ 36 — подписалось 17, а безграмотныхъ 19 [8]); въ Parennes изъ 45—21, а остальные 24—„qui n' ont signé ont déclaré ne le savoir“ [9]); въ Pizieux—38, подписей 12 [10]), въ Tassé—23, подписей 15, слѣдовательно 8 безграмотныхъ [11]); въ Tassillé — 11, подписей 6, остальные 5 безграмотны [12]); въ Torcé-en-Charnie — 20, подписей 15, итого 5 безграмотныхъ [13]); въ Trans—36, подписей 23, итого 13 безграмотныхъ [14]); въ Villaines-la-Gonais—10 подписей, а 13 человѣкъ, перечисленныхъ поименно, заявили, что не умѣютъ подписываться [15]); въ Villiers-Charlemagne присутствовало 39 человѣкъ, изъ которыхъ могли подписаться только 17 человѣкъ, итого 22 безграмотныхъ [16]); въ Vouvray sur Huisne—21, подписей только 8, а безграмотныхъ 13 [17]). Въ Préval болѣе половины избирателей были неграмотны [18]).

Но можетъ быть Мэнская провинція составляетъ исключеніе изъ

---

[1]) Ibidem, 248.

[2]) Ibidem, 257.

[3]) Ibidem, 381.

[4]) Ibidem, II, 278—282.

[5]) Ibidem, 470.

[6]) Ibidem, 478—481.

[7]) Ibid. III 102—104.

[8]) Ibid., 158—162.

[9]) Ibid., 307—313.

[10]) Ibid., 379—383. „Signé par ceux qui savent signer“.

[11]) Ibid., IV. 161—169.

[12]) Ibidem, 169 — 172. „Tous les susdit dénommé sont signé avec nous, fors ceux qui ont déclaré ne savoir“.

[13]) Ibid. 205.

[14]) Ibid., 212—218.

[15]) Ibid., 284—289. (74 feux).

[16]) Ibid., 318—321. (254 feux) „dont ceux qui sçavent signer ont signé“.

[17]) Ibid., 337 — 342. (35 feux) „signé tous ceux d'entreux qui sçavent signer de ce étant tous enquis et interpellés“.

[18]) *Bellée et Duchemin*. III, 441 — 443. На свыше 42 присутствующихъ (et plusieurs autres) подписей всего 20: „Les autre ônst declaré ne le savoir“.

общаго правила и во всякомъ случаѣ не является типической областью въ отношеніи распространенія народнаго образованія?

Возьмемъ для провѣрки Парижскій округъ, т. е., область, гдѣ грамотность, вслѣдствіе близости столицы, должна быть развита въ высокой, сравнительно, степени. И что же оказывается? Въ мѣстечкѣ Chevreuse, почти подъ Парижемъ, 39 избирателей, поименованныхъ въ протоколѣ, не могли подписать свое имя [1]), въ Corbeil, главной хлѣбной житницѣ Парижа, такихъ избирателей оказалось двое [2]), въ деревушкѣ Coubron на собраніи участвовало 9 безграмотныхъ, а кромѣ того 4 безграмотныхъ упомянуты, какъ не явившіеся на выборы [3]), въ Crosne семеро избирателей заявили о своей неграмотности [4]). Въ Echarcon наказъ подписали 23 человѣка (въ томъ числѣ священникъ, синдикъ и секретарь), а 12 человѣкъ поименованы въ протоколѣ, какъ безграмотные [5]), въ Ennery 10 подписей (въ томъ числѣ секретаря), а девять человѣкъ поименно перечислены, какъ заявившіе о своей неграмотности [6]). То же повторяется въ Essones, гдѣ на 260 дымовъ было 30 подписавшихся избирателей и 9 безграмотныхъ, въ Evry-sur-Seine — 8 безграмотныхъ, въ Gournay sur Marne—одинъ, въ Jaignes двое изъ 19 лицъ, составлявшихъ собраніе, въ Juvisy-sur-Orge двое (имя рекъ) безграмотныхъ, въ Lognes — трое, въ Maisons-sur-Seine 26 человѣкъ заявили о своемъ неумѣніи писать [7]). Въ наказѣ Quincy-sous-Sénart упоминается одинъ безграмотный, въ Saint-Maurice-Montcouronne 14, въ Sarcelles изъ 161 чел. только 56 подписались, въ Tigery безграмотныхъ 8 (имя рекъ), въ Vaires 6 (на 8 подписавшихся), въ Villejuif 5, въ Villemomble свыше 5, въ Villeneuve-le-Roi 10, въ Viry et Chatillon sur Orge 21 (на 30 подписавшихся) [8]).

Независимо отъ этого во множествѣ приходовъ Парижскаго округа глухо упоминается о безграмотныхъ избирателяхъ [9]), при чемъ въ

[1]) *Archives Parlementaires*. IV, 429—433, всего подписалось 74 человѣка.

[2]) Ibid., 459—461.

[3]) Ibid., 470—472.

[4]) Ibid., 481—482.

[5]) Ibid., 498—499.

[6]) Ibid., 503—505.

[7]) Ibid., 539, 543, 585—589, 614, 629, 630, 656, 669, 670.

[8]) *Archives Parlementaires*. V, 49, 95, 110, 133, 149—151, 197, 200 (пятеро перечисленныхъ лицъ „et autres qui ont déclaré ne savoir signer"), 201, 228.

[9]) *Archives Parlementaires*. IV, 592 (Grégy) и т. д. V, 61 (Rueil), 85 (Sainte Aulde et Chamoust), 111 (Sarcelles), 115 (Savigny sur Orge), 116 (Sceaux-Penthièvre),

нѣкоторыхъ случаяхъ имѣется указаніе, что такихъ лицъ было очень много; напримѣръ, въ наказѣ Conflans заявлено, что онъ подписанъ присутствующими, „excepté ceux qui ne savent pas signer et qui etaient en grand nombre“ [1]). Это и неудивительно, если въ Cour-Neuve даже лицо, причастное къ мѣстному управленію, оказалось неграмотнымъ [2]).

Подъ самымъ Парижемъ, во второстепенныхъ бальяжахъ Версали и Медона повторяется та же картина: въ Montigny (52 дыма, 235 жителей) 14 подписей и семеро безграмотныхъ, въ Буживалѣ (Bougival) 4 безграмотныя женщины участвовали въ приходскомъ собраніи, въ Bailly (100 дымовъ, 450 жителей) 18 подписей и 10 (имя рекъ) безграмотныхъ, въ Port Marly—свыше четырехъ безграмотныхъ, въ Voisins le Bretonneux (45 дымовъ, 210 жителей) 11 подписей и семеро (имя рекъ) „не умѣли подписаться“, въ Saint Cyr (190 дымовъ, 860 человѣкъ) 33 подписи и 30 неграмотныхъ, въ Chaville (180 дымовъ, 820 человѣкъ) — пять неграмотныхъ [3]). Неграмотенъ же оказался одинъ изъ представителей Viroflay въ Медонскомъ бальяжѣ [4]). Такимъ образомъ даже въ окрестностяхъ Парижа было во всякомъ случаѣ много людей, не умѣвшихъ подписать свое имя.

При этомъ слѣдуетъ имѣть въ виду, что въ приходскихъ собраніяхъ участвовала едва десятая часть всего населенія Франціи, соста-

---

141 (Tremblay) 180 (Verrières). Впрочемъ возможно, что подобныя глухія упоминанія заимствованы изъ печатныхъ бланковъ протоколовъ и не являются свидѣтельствомъ о наличности безграмотныхъ.

[1]) *Archives Parlementaires.* IV, 458. См. также (497—498) Ecagny sur Oise: „et ont signé excepté ceux qui ne le savent, qui étaient en grand nombre et nommés au procés verbal“. (600—605) Herblay: „signé à l'exception de ceux qui ne savent le faire et qui étaient en grand nombre“. (625) Jouy-le-Moutier: „et grand nombre qui ont déclaré ne le savoir“. Въ Lessart (643) подписались только трое, „les autres habitants ayant déclaré ne savoir écrire ni signer“.

[2]) *Archives Parlementaires* IV, 475. Toussaint Cousin, municipal, a déclaré ne savoir signer.

[3]) *Thénard.* Bailliages de Versailles et de Meudon. Cahiers des paroisses. (Versailles 1899). 33—39, 46—55, 97—99, 132—136. (четверо, имя рекъ, „et autres, qui déclarent ne savoir signer ni écrire“). 142—167, 175—187, 271—277. Какъ видно, усердіе избирателей въ смыслѣ посѣщенія приходскихъ собраній было не выше средняго въ окрестностяхъ Парижа. Въ этомъ отношеніи, кромѣ указанныхъ уже данныхъ, можно отмѣтить: ville d'Avray (13), гдѣ на 86 дымовъ (380 человѣкъ) явилось 18 избирателей, Chesnay (7—12), гдѣ на 90 дымовъ явилось 15 человѣкъ.

[4]) Ibidem, 268.

влявшая сравнительно наиболѣе вліятельное и образованное меньшинство. Еще больше былъ, очевидно, процентъ безграмотныхъ въ средѣ той темной массы, которая осталась въ сторонѣ отъ выборовъ.

Это обстоятельство какъ будто упустили изъ виду тѣ историки, которые утверждаютъ, на основаніи именно этихъ самыхъ подписей подъ наказами, что народное образованіе было въ достаточной мѣрѣ распространено въ 1789 году.

Ученый издатель наказовъ Алансонскаго бальяжа, Duval находитъ, что число подписей подъ приходскими наказами этого округа гораздо значительнѣе, чѣмъ можно предполагать [1]). Не знаемъ, о какихъ предположеніяхъ здѣсь идетъ рѣчь, но во всякомъ случаѣ наказы, изданные Дювалемъ, свидѣтельствуютъ о значительномъ процентѣ неграмотныхъ несмотря на то, что, по заявленію того же историка, нормандскій крестьянинъ, болѣе, чѣмъ какой-либо другой, заботился (изъ личной выгоды), чтобы сынъ его получилъ образованіе [2]). Присутствіе неграмотныхъ избирателей оставило слѣдъ во многихъ приходахъ [3]), при чемъ въ Gaudelain такихъ безграмотныхъ оказалось множество (quantité), въ Hesloup на 7 подписавшихся—2, а въ Rouperroux (97 дымовъ) на 20 подписавшихся 22 человѣка [4]).

По отношенію къ Ланскому округу Combier также утверждаетъ, что „число лицъ, умѣющихъ подписаться, довольно значительно" [5]), такъ какъ въ 247 приходахъ главнаго округа (Laon) 7.919 человѣкъ, по его словамъ, приняли участіе на выборахъ, а изъ нихъ 5.671 человѣкъ, т. е., болѣе двухъ третей, расписались на протоколахъ и наказахъ. Если принять во вниманіе, что, по заявленію того же ученаго, эти участники первичныхъ собраній въ 247 приходахъ составляли одну десятую часть населенія, то выходитъ, что одна пятнадцатая часть всего населенія Ланскаго округа могла подписать свое имя.

Оставляемъ этотъ выводъ на отвѣтственности названнаго ученаго, но даже если бы приведенное вычисленіе представляло установленный

---

[1]) *Duval*. Cahiers des doléances du bailliage d'Alençon (Alençon 1887) Préface XI „le nombre des personnes sachant écrire et ayant apposé leur signature au bas du cahier de leur paroisse est beaucoup plus considérable qu'on ne serait peut être tenté de le supposer".

[2]) Ibidem, примѣчаніе 1.

[3]) Cuissai, Damigni, Hauterive, Lacelle, Marchemaison, Montmerrei, La Roche—Mabille, Saint Nicolas des Bois, Tanville, Vaudes.

[4]) Ibid. 170—172. 184—185, 315—323.

[5]) *Combier*. Cahiers du Tiers Etat du bailliage de Laon (Senlis 1889). 96, 97.

научный выводъ, тѣмъ не менѣе оно не противорѣчитъ вынесенному нами впечатлѣнію о значительности числа безграмотныхъ наканунѣ крушенія стараго порядка. Не говоря уже о пестротѣ, свойственной старому порядку во Франціи, состояніе грамотности было разумѣется весьма различное, въ зависимости отъ мѣстныхъ условій.

Въ Оксерскомъ округѣ, представляющемъ также мѣстность не глухую, число лицъ, подписавшихся подъ протоколами и наказами, дѣйствительно довольно значительно, хотя тутъ же упоминаются наряду съ ними безграмотные избиратели [1]).

Въ Аміенскомъ и Этампскомъ округахъ изданные тексты наказовъ содержатъ только единичные намеки на участіе безграмотныхъ въ приходскихъ собраніяхъ [2]), но это разумѣется еще ничего не доказываетъ, не только по отношенію къ общему вопросу о грамотности въ 1789 г., но и относительно даннаго округа, пока вопросъ не будетъ разслѣдованъ на основаніи сырого матеріала и по строгому методу, главныя основанія котораго выработаны въ настоящемъ трудѣ.

Тѣмъ не менѣе уже теперь можетъ считаться доказаннымъ, что число безграмотныхъ было во всякомъ случаѣ значительно, если даже въ Парижскомъ округѣ, въ двухъ шагахъ отъ столицы народное образованіе оказалось въ столь незавидномъ положеніи.

Въ Аррасскомъ округѣ также довольно много слѣдовъ безграмотности: депутаты, не умѣвшіе подписать свое имя, ставили кресты или отмѣтки (marque). Въ наказахъ Courchelette-les-Lambres и города Saint Pol сохранилось по одной такой отмѣткѣ [3]), въ Glominghem et

---

[1]) *Demay*. Cahiers des paroisses du bailliage d'Auxerre. (Auxerre 1885). 91. Bleigny. 101. Branches. 124. Chassy. 162. Coulangeron. 173. Crain. 233—236. Givry (очень много неграмотныхъ). 264. Jussy. 271. Lalande. 277. Leugny. 311. Mailly-la-Ville. 322. Merry-Sec. 333. Monéteau. 338. Montillot. 340. Mouffy. 348. Ouaine. 362. Poissy. 385. Saint Cyr-les-Colons. 387. Entrains. 389. Sainte Colombe. 407. Saint Martin sur Ocre. 416. Sementron. 443. Treigny. Въ большей части приходовъ безграмотные составляли значительную часть собранія, судя по распространенному выраженію наказовъ: „et ont tous lesdits habitants déclaré ne savoir signer, à la réserve (sauf) des soussignés".

[2]) *Durand*. Documents pour servir à l'histoire de la Révolution dans le département de la Somme. 1. Etats Généraux de 1789. (Amiens 1888). 139—146. Havernas. 237—249. Talmas. 260—267. Vignacourt. *Legrand et Marquis*. II. 355—359. Въ деревнѣ Moulineux (20 дымовъ) изъ 6 явившихся избирателей только трое были грамотны. 401—409. Въ Saclas (600 жителей) изъ 86 избирателей только 18 могли подписаться: они представляли „tous ceux qui savent signer". 438—442. Въ Thionville (85 жителей) изъ 12 избирателей подписались только 9.

[3]) *Loriquet*, 1, 258, 558.

Flamenchon—7, Goeulzin—6, Marquion—8, Vimy—6, Sauchy-Lestrée 19 „marques" [1]). Въ Achiet-le-Petit поименовано 17 человѣкъ, не умѣвшихъ подписать свое имя (при 31 подписи), въ Oppy (83 дыма)—14 безграмотныхъ на 35 подписей [2]), въ Cagnicourt (180 дымовъ) на 45 присутствующихъ только 35 подписей, въ Hauteville (67 дымовъ) 18 человѣкъ подписалось, а 16 были неграмотны [3]). Подобныя же отрывочныя данныя можно отмѣтить повсюду при бѣгломъ даже обозрѣніи уже изданнаго или разобраннаго матеріала [4]).

Въ Chevannes, деревнѣ Немурскаго округа, избравшей въ депутаты извѣстнаго физіократа Dupont de Nemours, подписаться умѣли только 10 человѣкъ (въ томъ числѣ синдикъ, священникъ, секретарь и самъ Дюпонъ), а 37 человѣкъ отмѣтили свое присутствіе крестами [5]). Неудивительно, если въ глухомъ Пуату безграмотные избиратели отмѣчаются въ деревняхъ Jouhet [6]), Rocheservière [7]) и т. д.

На югѣ, въ Эсской сенешоссеѣ въ мѣстечкѣ Puyloubier приходское собраніе составили 27 грамотныхъ и 85 неграмотныхъ [8]), въ Villeneuve-Coutelas грамотны были только судья и два избранныхъ депутата [9]), въ Artigues изъ 85 присутствовавшихъ могли распи-

---

[1]) Ibidem, 297—300, 302, 400, 508—511, 532—535.

[2]) Ibidem, 136—138. 442—445.

[3]) Ibidem, 237—240, 343.

[4]) *Rumeau.* Cahiers de doléances de Launac et de Thil (Toulouse 1892). Въ Launac на 83 присутствующихъ подписалось лишь 22 человѣка. *La Jonquière.* Cahiers de 1789 dans la sénéchaussée de Castres (Paris 1867) 32. Въ Alban (42 дыма) на 38 присутствующихъ подписалось лишь 16. Не слѣдуетъ однако забывать, какъ выше было указано, что не всегда отсутствіе подписи означаетъ неграмотность: для вывода въ послѣднемъ отношеніи нужно спеціальное указаніе въ протоколѣ или наказѣ. *Chevreux.* I, (Epinal) 14. La Baffe.

[5]) *Archives Parlementaires* IV, 228. 10 именъ лицъ, „qui ont signé" и 37, „qui ont mis leurs marques ici". *Champion.* La France d'après les cahiers de 1789. 209. *Aulard.* L'idée républicaine et démocratique avant 1789. („Révolution Française" отъ 14-го іюля 1898 г., стр. 38). Итого, говоритъ Оларъ, 79% безграмотныхъ.

[6]) Archiv. Nat. Ba 69, l. 162, 6°. B III 168, 851. Въ концѣ наказа приведены имена 15 жителей, въ томъ числѣ синдика—Félix Dupin, commis par la communauté pour signer ce cahier, tous les autres habitants de la paroisse, qui ne savent pas écrire, présents et approuvant.

[7]) *Dugast-Matifeux.* Documents relatifs aux Etats Généraux (Bas Poitou). Fontenay 1850. Протоколъ Notre Dame et Saint Sauveur de Rocheservière (4) безграмотные „en grand nombre".

[8]) *Archives Parlementaires* VI. 387. Le nombre de ceux qui n'ont su signer est de 85. Подписей 27: „ce sont tous les chefs de familles sachant écrire, soussignés".

[9]) Ibidem., 442—443: „et les habitants n'ayant point signé à cause qu'ils sont illettrés".

саться только 9 человѣкъ (въ томъ числѣ судья, меръ, два купца, второй консулъ и секретарь) [1]), въ Cabriès изъ 108 человѣкъ только 33 [2]), въ Pennès, Septèmes, Pierrefeu изъ 258 человѣкъ подписались 54 [3]). Въ Драгиньянской сенешоссеѣ въ Verignon подписалось только 14 человѣкъ (въ томъ числѣ судья), а 53 человѣка, въ томъ числѣ два консула, упомянуты поименно какъ безграмотные; въ Flayosc на 460 избирателей умѣли подписаться только 89 человѣкъ [4]).

Наконецъ мѣстами безграмотность была прямо подавляющая. Таковы нѣкоторыя деревни Нижняго Лимузена. Въ Affieux на 40 дымовъ явилось только 18 человѣкъ и всѣ оказались неграмотны: подписаться могъ одинъ лишь предсѣдательствовавшій нотаріусъ, „lesdits comparants et députés ayant déclaré ne savoir signer, de ce anquis“ [5]). Въ Allassac на 726 дымовъ явилось 22-го февраля всего 56 человѣкъ, изъ которыхъ подписаться могло всего 14 человѣкъ, сплошь буржуа и судейскіе (et non les autres habitants qui ont déclaré ne savoir signer); когда же, за недостаточностью числа присутствующихъ, собраніе было перенесено на 27-е, а затѣмъ отложено до 1-го марта, то число подписей достигло только 22, несмотря на значительно увеличившійся составъ собранія [6]). Въ Meilhards (55 дымовъ) изъ 33 избирателей подписались всего четверо (судья, синдикъ, мельникъ и секретарь прихода), остальные же заявили о своей безграмотности [7]). Въ Peyrissac на 38 дымовъ явилось 11 человѣкъ, „которые не умѣли подписаться“ за исключеніемъ только предсѣдателя—Mauranges, praticien [8]). Въ Saint Bonnet l'Enfantier на 190 дымовъ явилось

---

[1]) Ibidem., 246. Signé qui a su.

[2]) Ibidem., 271. Signé par ceux qui ont su.

[3]) Ibidem., 330—332. Ledit cahier n'a été dressé qu'après avoir entendu tous ceux qui composent le conseil général, au nombre de 258, et après avoir fait lecture de chaque article en français et provençal, oui unanimement, approuvé par acclamations à cris redoublés à chaque article le contenu dudit cahier et ont signé ceux qui l'ont su.

[4]) *Mireur*. Cahiers des doléances des communautés de Draguignan. 480—482. 186—197. См. также (181), Clavières (821—827), Mons: „les autres chefs de famille n'ont su, de ce requis“.

[5]) *Hugues*, Cahiers des paroisses du Bas Limousin (Tulle. 1892) 2—7.

[6]) Ibidem, 8—16. Въ послѣднемъ собраніи присоединилось 11 новыхъ именъ, „et autres en grand nombre“.

[7]) Ibidem, 105—108.

[8]) Ibid., 122—123. „Telles sont les remontrances des habitants... qui n'ont su signer“.

всего 22 человѣка, изъ которыхъ подписались только 10 (въ томъ числѣ судья и секретарь), „а не другіе, за неумѣніемъ" писать [1]). Въ Saint Pardoux l'Ortiguier (150 дымовъ) „всѣ собравшіеся избиратели" заявили, что не могутъ подписывать свое имя, за исключеніемъ двухъ, подписавшихся вмѣстѣ съ судьей [2]). Въ сосѣдней Марши, въ collecte de Nouhaud „никто изъ жителей не умѣетъ подписываться"; въ Champnéry протоколъ заканчивается подобнымъ же заявленіемъ [3]).

Въ Верхнемъ Лимузенѣ, подъ самымъ Лиможемъ въ Uzurat (8 дымовъ) всѣ семь избирателей оказались неграмотны [4]).

На югѣ то и дѣло попадаются безграмотные консулы (старосты или городскіе головы). Это обнаружилось, между прочимъ, во время выборовъ въ мѣстечкѣ Pomarède [5]) (округъ Castelnaudary) и деревнѣ Durfort [6]) (Quercy). Въ долинѣ La Valdedagne (Carcassonne) „почти всѣ" жители, жаловавшіеся 11-го марта 1789 г. противъ притѣсненій сеньеровъ, не умѣли писать [7]), а немного южнѣе, въ Серданскомъ округѣ, во многихъ приходахъ трудно, по словамъ лейтенанта „найти одного грамотнаго человѣка" [8]).

---

[1]) *Hugues*, 155—158, „signé de ceux qui savent et non des autres pour ne savoir".

[2]) Ibidem, 168—174, „tous les habitants, ici assemblés, qui ont déclaré ne savoir signer, sauf J. Péjoine et G. Poncharel". Въ Saint Solve (180—185) на 120 дымовъ явилось много народу („et autres"), а подписаться умѣли только 18 человѣкъ, „les autres ont déclaré ne le savoir".

[3]) *Duval*, Cahiers de la Marche. 175—176, „aucun des habitants ne savent signer" 86 (bis) „Les habitants ne savent signer".

[4]) *Archives Révolutionnaires de la Haute Vienne* (Leroux). I. Doléances paroissiales. 83—87. Въ протоколѣ и наказѣ этого поселка трижды заявляется, что никто изъ жителей не могъ подписаться, почему руку приложилъ только предсѣдатель, адвокатъ Crouchaud изъ Лиможа. См. также (51) Oradour-Saint-Genest.

[5]) Archiv. Nat. B^a 80, l. 52, 8°. B III, 42, 127. Протоколъ окружнаго собранія, на которомъ признаны недѣйствительными выборы въ Pomarède, ибо протоколъ прихода „Signée du premier consul, tandis qu'il est évident et reconnu que ledit consul ne sçait pas signer".

[6]) B III, 126, 747—761. Mémoire contenant plainte pour le sieur Andrieu consul et collecteur de la communauté de Durfort. Консулъ не могъ подписать этой жалобы за неграмотностью.

[7]) Archiv. Nat. B III, 169, 291, жалоба отъ 15-го марта за подписью Dubonnet, avocat pour les suppliants prèsque tous illettrés... excepté un des plus lésés d'Arquettes, nommé Simon Combes, lequel a signé.

[8]) Archiv. Nat. B III, 120, 517, письмо 8-го апрѣля: „j'ai nombre de communautés dans lesquelles il serait difficile de trouver un homme lettré„.

Послѣ всего сказаннаго нѣтъ нужды развивать далѣе доказательствъ наличности повсемѣстно наблюдаемаго неумѣнія подписать даже свое имя [1]). Это являлось конкретнымъ, точно исчислимымъ и осязательнымъ показателемъ народнаго невѣжества.

Впрочемъ и самая грамотность тѣхъ лицъ, которыя подписывались подъ протоколами и наказами, не можетъ считаться сама по себѣ признакомъ образованія. Въ виду плохой постановки школьнаго дѣла, предоставленнаго на произволъ судьбы, образованіе, пріобрѣтавшееся въ сельской Франціи, ограничивалось элементарной грамотой, на которую былъ уже спросъ изъ экономическихъ соображеній. „Безъ письменности общество больше не можетъ существовать", писалъ сельскій священникъ въ 1787 году, прибавляя, что „нормандскій мужикъ обыкновенно хлопочетъ объ обученіи своего сына грамотѣ" изъ мотивовъ интереса [2]).

Комбье, находящій число грамотныхъ въ 1789 г. довольно значительнымъ, оговаривается, что это были главнымъ образомъ лица, занимающіеся торговлей: „читать и писать полезно въ коммерціи", что же касается земледѣльца, то у него этой потребности не могло быть: „онъ не торгуетъ" [3]). А между тѣмъ земледѣльцы являлись большинствомъ, купцы же меньшинствомъ въ населеніи Франціи.

Впрочемъ самый характеръ подписей подъ протоколами и наказами свидѣтельствуетъ о слабомъ развитіи элементарнаго обученія. На это обстоятельство обратилъ вниманіе Тенаръ, при пересмотрѣ наказовъ второстепенныхъ бальяжей Парижскаго округа: многія подписи выведены такой неувѣренной рукой, что ясно показываютъ неумѣніе писать въ собственномъ смыслѣ. Люди, съ тру-

[1]) Указанныя цифры приведены въ сыромъ видѣ безъ всякой попытки статистическаго ихъ изученія, такъ какъ всѣ эти данныя, при всемъ ихъ краснорѣчіи, слишкомъ отрывочны. Выведеніе среднихъ цифръ являлось бы при этихъ условіяхъ злоупотребленіемъ статистическимъ методомъ.

[2]) *Duval*. Cahiers des doléances du bailliage d'Alençon. Préface XI. Ссылка на книгу Gautier, curé de la Lande de Gul: „Essai sur les moeurs champêtres".— (162) „il est indispensable qu'il sache écrire, signer son nom à la porte de l'eglise, dans les délibérations, faire un billet de 5 sols, un bon marché double avec un maçon, pour la réparation d'un mur; un bon écrit, c'est là ce qui lie les hommes; sans l'écriture la société ne peut plus exister".

[3]) *Combier*. Cahiers du tiers état du bailliage de Laon. 97. Le nombre des personnes sachant signer est assez élevé. Il est remarquable que ce sont surtout les marchands qui savent écrire; lire et écrire est utile à leur commerce. Mais le petit ou le moyen propriétaire, celui qui vit sur sa terre et de sa terre... a moins besoin de savoir écrire; il ne trafique pas".

домъ чертившіе эти каракульки, не умѣли держать въ рукахъ перо и болѣе рисовали буквы, чѣмъ писали свои имена.

Въ наказѣ прихода Chesnay изъ 11 подписей (на 15 избирателей), только 4 или 5 написаны опытной рукой (une main exercée), въ Port-Marly изъ 36 надписей половину невозможно разобрать (illisibles), въ Marly le Roi то же самое, въ Buc большинство подписей „плохи и свидѣтельствуютъ о знаніи едва первыхъ элементовъ" грамоты, въ Chaville большинство подписей „свидѣтельствуютъ объ отсутствіи образованія", въ Saint Syr большая часть, въ Meudon три четверти подписей, въ Bougival болѣе половины подписей плохи, въ Clamart нѣсколько едва разборчивыхъ подписей, въ Bois d'Arcy изъ 29 подписей 11 „обнаруживаютъ полное отсутствіе образованія", въ Rennemoulin только подпись синдика прилична (convenable), остальныя же „обнаруживаютъ абсолютное отсутствіе образованія" [1]).

По впечатлѣнію, вынесенному Тэномъ изъ данныхъ о положеніи французскаго крестьянина передъ переворотомъ, мужикъ былъ подобенъ волу или ослу и „имѣлъ идеи" свойственныя такому положенію; „не было мѣста въ подобныхъ головахъ для отвлеченныхъ представленій... Прежде чѣмъ пустить корни въ ихъ мозгу, всякая идея должна стать легендой, столь же безсмысленной, сколь простой, приспособленной къ ихъ опыту, способностямъ, страхамъ, надеждамъ... Судите по этому объ ихъ политическомъ смыслѣ. Всѣ предметы кажутся имъ въ ложномъ свѣтѣ, подумаешь дѣти, которыя на каждомъ поворотѣ дороги видятъ въ деревѣ, въ кустѣ страшилище... Въ нихъ нѣтъ внутренняго орудія для разбора и расчлененія; они думаютъ par blocs (полосами); фактъ и мечта являются для нихъ слитыми въ одно цѣлое" [2]).

Жалобы приходскихъ и окружныхъ наказовъ на невѣжество народа такъ многочисленны и настоятельны, что не можетъ быть по этому предмету двухъ мнѣній, даже если допустить не обоснован-

[1]) *Thénard*. Bailliages de Versailles et de Meudon. 7—12, 46—55, 67—71, 87—89, 132—136, 138—141, 168—174, 175—187, 271—297. *Champion*. La France d'après les cahiers de 1789. 210.

[2]) *Taine*. Ancien Régime 489. Дюваль (Cahiers d'Alençon. Préface VIII) называетъ это каррикатурой, но не показываетъ, въ чемъ Тэнъ ошибался? По нашему крайнему разумѣнію каррикатуры тутъ нѣтъ, а представленъ яркій и въ общемъ вѣрный образъ. Вѣдь дѣло идетъ здѣсь не объ обыденномъ здравомъ смыслѣ, житейской мудрости и наблюдательности, а о бѣдности отвлеченными представленіями. Напримѣръ, значеніе произвола, какъ общаго понятія, было недоступно ихъ пониманію, а между тѣмъ на каждомъ шагу крестьяне жаловались на конкретныя проявленія этого произвола.

ное предположеніе о сравнительно высокомъ уровнѣ элементарной грамотности. Жалобы на крайнее невѣжество (ignorance crasse) народа раздаются повсюду, даже вблизи сада Франціи—Турени въ устахъ депутата на окружномъ собраніи Сомюра [1]).

Пять лѣтъ спустя аббатъ Грегуаръ говорилъ (16-го мая 1794 г.) передъ Конвентомъ, что въ нѣкоторыхъ деревняхъ слово „décret" поняли, какъ приказъ объ арестѣ (décret de prise de corps), и ждали декрета объ убіеніи всѣхъ привилегированныхъ; въ одной деревнѣ граждане говорили: „вѣдь было бы однако жестоко убивать M. Geffry; по крайней мѣрѣ не нужно подвергать его истязаніямъ" [2]).

„Знайте, граждане, воскликнулъ тотъ же ораторъ, знайте, что невѣжественный народъ никогда не будетъ свободнымъ народомъ или недолго таковымъ останется" [3]). Предсказаніе это сбылось до нѣкоторой степени. Не примѣнимо ли оно и къ событіямъ предшествующей эпохи, между прочимъ къ наказамъ 1789 года? Могутъ ли мысли и желанія невѣжественнаго народа лежать въ основаніи этого замѣчательнаго памятника политической мысли XVIII вѣка?

Вотъ краеугольный вопросъ, такова загадка сфинкса для всякаго изслѣдователя, желающаго *научно* и безъ недомолвокъ оцѣнить наказы 1789 года. Вопросъ этотъ сейчасъ, при современномъ состояніи изученія предмета, разрѣшить немыслимо.

Тѣмъ не менѣе необходимо его ставить круто и прямо. Указанныя соображенія нужно имѣть въ виду при каждомъ сомнѣніи, возникающемъ на скользкомъ пути изученія приходскихъ наказовъ.

А. Фиу.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

---

[1]) Archiv. Nat. B III, 140, 546—622, (553). Discours de M. Rossignol du Parc, notaire, greffier en chef d'Election et grenier à sel, à l'occasion de la réduction des Cahiers, 5 Mars (Saumur): l'éducation des enfants de l'Etat et des fils de pauvres citoyens est négligée. Le peuple vit encores dans une ignorance crasse. La société éprouve journellement les tristes effets du défaut d'éducation chez les hommes du peuple. C'est dans cette classe pauvre et ignorante que se trouvent les perturbateurs du repos public.

[2]) *Gasier*. Revue des langues romanes t. XV, 1879. 198, 199: telle était l'ignorance de quelques communes... que, confondant toutes les notions, associant des idées incohérentes et absurdes, elles s'étaient persuadé que le mot *décret* signifiait un *décret de prise* de corps; qu'en conséquence devait intervenir un décret pour tuer tous les ci-devant privilégiés... Dans une commune les citoyens disaient: „Ce serait pourtant bien dur de tuer M. Geffry; mais au moins il ne faudrait pas le faire souffrir". См. также стр. 201, 202.

[3]) *Hippolyte Carnot*. Mémoires de Grégoire (Paris. 1837), I, 75.

КРИТИКА И БИБЛІОГРАФІЯ.

Критико-библіографическій обзоръ Пушкинской юбилейной литературы 1899—1900 гг. [1]).

V.

Характеристики Пушкина.

Отдѣлъ, къ которому мы приступаемъ теперь, несомнѣнно, одинъ изъ важнѣйшихъ въ юбилейной литературѣ,—постигнуть внутренній обликъ родоначальника русской поэзіи—безъ сомнѣнія, задача первостепенной важности. Интересно, что задача эта еще очень недавно стала занимать умы русскихъ людей. Правда, отдѣльныя попытки обрисовать образъ поэта дѣлались и раньше [2]), но только въ наши дни встрѣчаемъ мы ясно выразившуюся и въ біографіяхъ, и въ монографіяхъ потребность уяснить себѣ Пушкина, какъ человѣка, носителя опредѣленныхъ идеаловъ.

Къ сожалѣнію, почти всѣ эти юбилейныя характеристики страдаютъ однимъ общимъ недостаткомъ: онѣ построены исключительно на произведеніяхъ поэта, произведеніяхъ, къ тому же искусственно подтасованныхъ согласно вкусамъ и симпатіямъ изслѣдователей,—

[1]) *Продолженіе*. См. майскую книжку *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія* за 1901 годъ.

[2]) Напр., работа *В. В. Никольскаго*, „Идеалы Пушкина“ („*Христ. Чтеніе*“, 1881 г. № 3—4; въ 1899 г. вышла эта работа 3-мъ и 4-мъ изд.).

вслѣдствіе чего Пушкинъ черезъ силу втискивался въ рамки, уже заранѣе приготовленныя — и, въ результатѣ, у одного изслѣдователя нашъ поэтъ оказался „радикаломъ“, у другого—„консерваторомъ“, у третьяго — человѣкомъ „религіознымъ“, у четвертаго — „безбожникомъ“ [1])... Интересно, что всѣ эти характеристики, украшенныя цитатами изъ Пушкина, иногда довольно убѣдительны, если взять ихъ отдѣльно, — вмѣстѣ же взятыя, онѣ производятъ впечатлѣніе такой пестроты, что сложный образъ поэта, требующій болѣе осторожнаго съ нимъ обращенія, отъ такихъ характеристикъ еще болѣе затемняется, — въ результатѣ, передъ нами мелькаютъ, какъ въ калейдоскопѣ,—Ивановъ-Пушкинъ, Петровъ-Пушкинъ, Сидоровъ-Пушкинъ,— а А. С. Пушкинъ остается, увы, неуловимымъ! Происходитъ это потому, что къ его личности никто не подходитъ безпристрастно, безъ желанія „оправдать“ его, или „осудить“, „взять къ себѣ“ или „оттолкнуть“... Оттого изъ этихъ „характеристикъ“ мы чаще всего узнаемъ убѣжденія и вѣрованія ихъ авторовъ, что, признаться, не всегда интересно, — и видимъ, увы, искалѣченнаго А. С. Пушкина!

Думается намъ, что „характеристики“ литераторовъ должно строить совсѣмъ на другихъ началахъ. Но даже если пользоваться для этого произведеніемъ, то прежде надо *понять* это произведеніе, не довольствуясь *своимъ* толкованіемъ его и не навязывая *своихъ* толкованій *поэту*,— *понять*, т. е. вѣрно раскрыть художественные замыслы поэта, а для этого уяснить себѣ процессъ его творчества, заглянуть въ его душу вооружась знаніемъ не только коренныхъ постоянныхъ чертъ ея, но и тѣхъ случайныхъ, наносныхъ, которыя могутъ быть ей присущи... Впрочемъ жизнь поэта, его письма, воспоминанія о немъ—дадутъ намъ это знаніе вѣрнѣе, чѣмъ его произведенія, которыя сами не могутъ быть правильно поняты безъ знанія ихъ творца. Такимъ образомъ, на нашъ взглядъ, характеристики должны строиться строго индуктивнымъ путемъ, а отнюдь не состоять въ доказательствѣ предвзятыхъ взглядовъ.

Прежде всего, коренная особенность Пушкина это та „многогранность“, которая дѣлала его душу способной на *всѣ*, порою даже взаимно противоположныя, движенія, — эта особенность сама собою,

---

[1]) Судить автора, исходя только изъ его произведеній, значитъ очень облегчить себѣ работу: не трудно *предположить*, что *хотѣлъ* (!) сказать авторъ въ извѣстномъ произведеніи, и потомъ отсюда заключить (уже не предположительно), каковы его убѣжденія, каковъ онъ. Оттого-то изъ тѣхъ же статей о Радищевѣ одни выводятъ заключеніе, что Пушкинъ—радикалъ, другіе, что консерваторъ.

исключаетъ всякую идейную „узость“, необходимое условіе всякаго строго-послѣдовательнаго міросозерцанія. Во-вторыхъ, Пушкинъ былъ тѣмъ, что обыкновенно называютъ „художественная натура“, т. е. обладалъ той чуткой организаціей духа, при которой *всѣ* впечатлѣнія бытія проникаютъ въ сознаніе человѣка почти исключительно при посредствѣ „эстетическихъ эмоцій“. Ни одно впечатлѣніе, *выразившееся въ его творчествѣ*, не прошло мимо этой его способности. Онъ, какъ художникъ, переживаетъ религіозныя эмоціи (ср. „Мадонна“), какъ художникъ, переживаетъ патріотическія настроенія, и восхищеніе монархами, и свободолюбивыя мечты... Нельзя поэтому рядить его въ рясу приходскаго священника, вздѣвать на него тогу трибуна, или форменный мундиръ,—нельзя забывать въ немъ художника, готоваго пролить слезы „надъ вымысломъ“ своей же фантазіи, готоваго преклониться передъ тѣмъ „обманомъ“, который, по чему бы то ни было, показался ему въ данный моментъ „возвышающимъ“! Изъ этихъ двухъ особенностей вытекаетъ „независимость“ его духа: какъ не подчиняется онъ одной идеѣ, такъ никогда не поглощается однимъ чувствомъ: ни лицейскій мундиръ, ни камеръ-юнкерскій не сковали его свободы,—русское общество съ его Воронцовыми и Бенкендорфами не смогли нивеллировать поэта: онъ остался свободнымъ, независимымъ и *разнообразнымъ*. Это *разнообразіе* мотивовъ въ его творчествѣ,—особенность, вытекающая изъ многосторонности его души и той чуткости, съ которою его эстетическая натура отзывалась на самыя разнообразныя впечатлѣнія. Чуткость его души приводила поэта къ тому, что онъ многое творилъ подъ впечатлѣніемъ *мгновенія*,—оттого столько противорѣчій можно найти въ его произведеніяхъ, противорѣчій, мимо которыхъ съ спокойной совѣстью прошли почти всѣ авторы юбилейныхъ характеристикъ [1])!

Мы считали необходимымъ сдѣлать это небольшое введеніе, чтобы установить черты пушкинскаго облика, которыхъ нельзя миновать при опредѣленіи той психологической почвы, въ которой коренилась духовная жизнь поэта.

Обращаясь къ этому отдѣлу пушкинской литературы, мы сначала разсмотримъ работы *общаго* характера, а затѣмъ болѣе *частнаго*

[1]) Подробнѣе см. въ нашей статьѣ: *В. В. Сиповскій*, „Пушкинъ по его письмамъ“ („Сборникъ памяти Л. Н. Майкова“—нах. въ печати).

(„Пушкинъ съ религіозной стороны", „Пушкинъ, какъ общественный дѣятель" и т. д.) [1]).

Прежде всего намъ необходимо остановиться на работѣ г. Никольскаго [2]); хотя она и не представляетъ новинки, такъ какъ выходитъ въ юбилейномъ году 3-мъ и 4-мъ изданіемъ, однако ей суждено было въ наши дни сыграть роль кодекса, откуда обильно черпали многіе авторы пушкинскихъ „характеристикъ".

Нельзя не признать за работой г. Никольскаго нѣкоторыхъ достоинствъ. Авторъ, повидимому, искренне любитъ поэта, но, къ сожалѣнію, не въ настоящемъ его видѣ, а въ идеализированномъ,—оттого характеристика поэта, выражаясь словами самого же Пушкина, оказывается „насъ возвышающимъ обманомъ", а самъ великій поэтъ является какимъ-то напомаженнымъ, гладко причесаннымъ и затянутымъ. Произошло это потому, что г. Никольскій очень односторонне нарисовалъ дорогой намъ образъ; это сдѣлать онъ, пожалуй, и имѣлъ бы право, такъ какъ обѣщалъ говорить только объ „идеалахъ" Пушкина,—но, опустивъ изъ виду нѣкоторыя черты пушкинскаго характера (его легкую воспріимчивость къ самымъ разнообразнымъ впечатлѣніямъ. независимость его духа, эстетичность его натуры),—онъ въ кодексъ „идеаловъ" возвелъ такія идеи, которыя иногда только мелькали у Пушкина, но отнюдь не составляли основъ его міровоззрѣнія. Такъ, заявленіе автора, что Пушкинъ „сталъ проникаться церковностью" [3]), кажется намъ большимъ преувеличеніемъ. Чтеніе житій святыхъ, Библіи, переложеніе нѣкоторыхъ молитвъ,—все можетъ быть объяснено высокимъ эстетическимъ вкусомъ поэта, находившимъ красоты въ церковной поэзіи. Развѣ не о такой точкѣ зрѣнія говоритъ намъ его отзывъ объ Евангеліи,—что это—„вѣчно новая *прелесть*" [4]), что „божественное *краснорѣчіе*" его увлекательно [5]), что каждое выраженіе евангельское обратилось въ „пословицу народовъ" [6])? Развѣ

---

[1]) Въ виду того, что почти всѣ характеристики написаны на основаніи литературныхъ произведеній поэта, мы въ этотъ отдѣлъ включили и обозрѣніе статей, носящихъ названіе, даже такое: „Религіозная сторона произведеній Пушкина",—такъ какъ авторы подобныхъ статей, исходя изъ произведеній Пушкина, обыкновенно, въ концѣ концовъ, говорили о поэтѣ, какъ человѣкѣ.

[2]) *В. В. Никольскій*, „Идеалы Пушкина", Спб. 1899, 3-е изд. и 4-е.

[3]) Тамъ же, 89.

[4]) Соч. Пушкина, V, 340.

[5]) Тамъ же.

[6]) Тамъ же.

здѣсь не восторгъ художника, преклоняющагося передъ возвышенной поэзіей святой книги, передъ ея стилемъ, передъ дивнымъ воплощеніемъ высокихъ идей въ бѣдной человѣческой рѣчи? Развѣ не съ такой же художественной точки зрѣнія смотрѣлъ Пушкинъ на житія, эти произведенія, эстетическая цѣнность которыхъ ждетъ еще судьи? Развѣ въ „Пророкѣ" Пушкина не рисуется намъ прежде всего художникъ, постигшій красоту библейскихъ видѣній? Не желая, впрочемъ, отрицать вовсе религіозности Пушкина, мы всѣми этими замѣчаніями хотѣли только сказать, что въ стихотворныхъ произведеніяхъ его на религіозные мотивы нельзя замалчивать *художника прежде всего*. Другой крупный недостатокъ г. Никольскаго—это славянофильское преклоненіе передъ добродѣтелями русскаго человѣка. Такъ, напримѣръ, слова черкешенки изъ „Кавказскаго плѣнника":

Ты любилъ другую?
Найди ее, люби ее!
Прости,—любви благословенья
Съ тобою будутъ каждый часъ!—

вызываютъ у г. Никольскаго восторженное восклицаніе: „это настоящая русская женщина, для которой права другого сердца дороже ея собственнаго счастья" [1])! Точно такихъ же женщинъ нѣтъ нигдѣ, кромѣ Россіи! Точно въ Россіи нѣтъ женщинъ другого типа!

Говоря объ „идеалѣ царской власти", г. Никольскій, на нашъ взглядъ, совсѣмъ невѣрно рисуетъ отношенія поэта къ Императору Николаю, отношенія, какъ извѣстно, неровныя и отнюдь ничего общаго не имѣющія съ отношеніями къ царю „русскаго народа". „Императоръ Николай, говоритъ г. Никольскій, имѣлъ одинъ недостатокъ—это тотъ избытокъ благородства, который даже у заклятыхъ враговъ исторгнулъ ему наименованіе рыцаря. Пушкинъ никогда не измѣнилъ своему чувству любви, и вѣра его была оправдана, когда онъ зналъ, что въ поздній полуночный часъ царь не спитъ, ожидая извѣстій о его болѣзни, когда онъ держалъ въ рукахъ собственноручную записку царя, начинавшуюся словами: „любезный другъ Александръ Сергѣевичъ" [2]). Г. Никольскій сознательно опустилъ изъ біографіи Пушкина рядъ фактовъ, очень характерныхъ, только подъ вліяніемъ словъ нашего писателя, что „душа человѣка есть недоступное хранилище его помысловъ: если самъ онъ таитъ ихъ, то ни коварный глазъ не-

[1]) Никольскій, op. cit., 40.
[2]) Тамъ же, 75—6.

пріязни. ни предупредительный взоръ дружбы не могутъ проникнуть въ сіе хранилище. И какъ судить о свойствахъ и образѣ мыслей человѣка по наружнымъ его дѣйствіямъ?..“ [1]). Поэтому г. Никольскій счелъ себя въ правѣ „отбросить все то, что наиболѣе бросается въ глаза въ его жизни и, сколько можно внимательнѣе, присматриваться къ тому, что, затаенное въ глубинѣ души, только украдкою сказывалось въ его интимныхъ отношеніяхъ“ [2]). Относительно такого пріема, можно только сказать, что, если трудно проникнуть въ „душу человѣка“, руководясь „наружными его дѣйствіями“, то едва-ли легче разсмотрѣть „затаенное въ душѣ“ [3]). и напрасно за это авторъ берется. Заключеніе г. Никольскаго таково: „Семья, общество, жизнь наложили на его свѣтлую. чистую душу свой рисунокъ беззаконный, но силой упорнаго труда, могучею дѣятельностью своего духа онъ сбросилъ „ветхую чешую“ „чуждыхъ красокъ“ и блеснулъ красотою первоначальныхъ, чистыхъ видѣній въ созданіяхъ своего генія. Цѣною глубокаго раскаянія (!) и горькихъ слезъ (!!) искупилъ онъ заблужденія своей юности и, выйдя на царскій (?) путь, куда звало его „Божье велѣнье“, онъ въ дивныхъ поэтическихъ глаголахъ высказалъ завѣтныя вѣрованія русскаго народа, его глубокую привязанность къ своимъ вѣковымъ учрежденіямъ, его высокую вѣру въ идеалъ царя, отмстителя неправдамъ, защитника угнетеннымъ, милосердаго къ падшимъ. Онъ вѣрилъ въ высокое историческое предназначеніе страны своей родной, онъ честно и нелицемѣрно принесъ ей на служеніе свой талантъ. свои силы. свой трудъ“ [4]) и т. д.

Къ взглядамъ г. Никольскаго непосредственно примыкаетъ г. Рождественскій [5]). Онъ только развиваетъ и дополняетъ мысли г. Никольскаго кое-какими своими соображеніями, идя по тому пути, на который толкнулъ его г. Никольскій: если тотъ очень осторожно „извинилъ“ Пушкина за его либерализмъ, то г. Рождественскій начинаетъ свою работу съ энергичнаго нападенія на тѣхъ, кто дерзаетъ считать Пушкина „либераломъ“. По его мнѣнію, Пушкина еще до сихъ поръ мало понимаютъ: „и теперь слышны обвиненія, которыхъ

---

[1]) Тамъ же. 26, 27.

[2]) Тамъ же, 28.

[3]) Тамъ же, 61.

[4]) Тамъ же, 92, 93.

[5]) *С. В. Рождественскій*, „Пушкинъ, черты внутренняго облика“, („*Вѣра и Разумъ*“, 1899 г., № 5; есть отд. оттискъ“).

онъ не заслужилъ, и восхваленія, отъ которыхъ его можно бы избавить. Нельзя прославлять его за либерализмъ въ современномъ смыслѣ (?), на основаніи нѣсколькихъ юношескихъ стихотвореній. когда этому противорѣчитъ не только духъ его созданій, но и всѣ (!!) заявленія по вопросамъ, сюда относящимся, во вторую лучшую половину его творчества". Далѣе идетъ рядъ надерганныхъ у Пушкина идей изъ его статьи о Радищевѣ (любопытно сравнить статью г. Якушкина!), рядъ отрывочныхъ мыслей въ родѣ слѣдующихъ: „мы обязаны монахамъ нашею исторіею, слѣдственно и просвѣщеніемъ" (изъ чего авторъ заключаетъ о „православно-русскихъ" идеалахъ Пушкина), или: „инквизиція была потребностью вѣка" (что, кажется, тоже радуетъ автора) и пр. и пр... Немудрено, что авторъ въ Пушкинѣ увидѣлъ прообразъ „позднѣйшаго поборника русскихъ началъ, его горячаго поклонника М. Н. Каткова" [1])! Насколько удачны комментаріи г. Рождественскаго, свидѣтельствуетъ слѣдующій курьезъ: „сказки Пушкина, говоритъ онъ, проникнуты русскимъ старо-церковнымъ духомъ. Все освящается молитвой. Бракъ — дѣло святое. Мать благословляетъ Гвидона иконой" [2]). Какой-нибудь правовѣрный магометанинъ, прочитавъ пушкинскія переложенія Корана, пожалуй съ такимъ же правомъ будетъ спорить съ г. Рождественскимъ. доказывая, что Пушкинъ—поклонникъ Магомета!

Безспорно, изъ характеристикъ Пушкина одною изъ самыхъ свѣжихъ и оригинальныхъ должна быть признана работа г. Ив. Иванова [3]). Впрочемъ. авторъ не удовольствовался характеристикой, а предпослалъ ей горячую филиппику противъ русскаго общества, не умѣющаго цѣнить своихъ великихъ людей. Съ положеніями автора согласиться мы не можемъ, такъ какъ даже при жизни поэта отнюдь не все русское общество виновато было въ его страданіяхъ, а кучка интернаціональной знати да, въ значительной степени, и самъ поэтъ. За что же гнать *насъ* съ праздника, какъ это дѣлаетъ г. Ивановъ? въ чемъ каяться *намъ?*

За то вполнѣ присоединяемся мы къ взглядамъ г. Ив. Иванова на рѣчь Достоевскаго и, въ частности, къ его отзыву о Татьянѣ [4]): перей-

---

[1]) Тамъ же, 9.

[2]) Тамъ же.

[3]) *Ив. Ивановъ*, „Дни покаянія" („*Міръ Божій*" 1899 г., № 5).

[4]) Тамъ же, 256. Ср. нашу работу: *В. В. Сиповскій*, „Онѣгинъ, Татьяна и Ленскій". 1899 г.

демъ къ главной части работы г. Иванова. Она не во всѣхъ своихъ частяхъ одинаковаго достоинства; съ блестящей характеристики поэта авторъ сбивается на пересказъ общеизвѣстныхъ фактовъ изъ его біографіи и литературной дѣятельности. Каждая глава работы г. Иванова посвящена отдѣльному вопросу: характеристикѣ „добраго сердца" поэта, любви его къ женщинамъ, характеристикѣ его, какъ „работника", выясненію взглядовъ его на литературу, біографіи его съ дѣтства до смерти, характеристикѣ его политическихъ вѣрованій, отношеній къ его правительству, къ литераторамъ (Булгарину, Сенковскому etc.); въ заключительной XI главѣ говорится о раздвоенности его духа и страданіяхъ его въ послѣдніе годы его жизни. Лучшая глава первая, затѣмъ слѣдующія слабѣе, и по содержанію, и по степени ясности, и самая слабая—послѣдняя, въ которой сбито въ кучу старое съ непродуманнымъ новымъ. Обратимся къ первой главѣ. Г. Ивановъ совершенно вѣрно отмѣтилъ, что Пушкину близокъ „образъ естественнаго человѣка"—„...арабская кровь, унаслѣдованная Пушкинымъ, его особенно приблизила—замѣчаетъ онъ—къ этому идеальному типу. Свобода и непосредственность впечатлѣній, чуткая, неудержимая отзывчивость, мгновенно загорающаяся страсть, способность отдаваться наивнымъ, почти дѣтскимъ радостямъ, открытое незлобивое сердце,—все это крупнѣйшія черты нравственной природы Пушкина" [1]). „Пушкинъ *не понималъ* злости, какъ нравственнаго явленія: злой человѣкъ не входилъ въ его сознаніе, какъ нѣчто ненормальное, безгранично-глупое" [2]).

Оттого его веселость заразительна, какъ все искреннее; его наивности забавны, шутки вдвойнѣ увлекательны. Оттого его понимаютъ и легко къ нему привязываются дикари—цыганы, татары, деревенскіе нищіе и старцы, простые люди, дѣти... Оттого и онъ такъ любитъ дѣтей [3])... Пушкинъ и добръ чисто по дѣтски, „безъ малѣйшихъ притязаній на имя благодѣтеля, гуманнаго человѣка" [4])... Онъ много помогаетъ нуждающимся, онъ привязывается къ людямъ за малѣйшій признакъ благожелательности,—оттого онъ—признательный ученикъ (Галичъ и Куницынъ) на всю жизнь и нѣжный другъ (Пу-

---

[1]) Тамъ же, 257.

[2]) Тамъ же.

[3]) „А. С. Пушкинъ по докум. Остаф. архива и личнымъ воспомин. кн. Вяземскаго". Къ біографіи, стр. 35—36, 49 (цитата г. Иванова).

[4]) *Ив. Ивановъ*, op. cit, 259.

щинъ, Дельвигъ, Кюхельбекеръ, Раевскій и др.). „Какая жажда любви и ласки жила въ сердцѣ Пушкина и съ какою радостью онъ спѣшитъ насытить ее!.. И такъ происходитъ не только въ ранней молодости. Сердце Пушкина остается неизмѣннымъ, съ годами становится еще болѣе отзывчивымъ и безкорыстнымъ. Отношеніе Пушкина къ Гоголю—одинъ изъ самыхъ свѣтлыхъ и чудныхъ эпизодовъ всей нашей литературной и общественной исторіи"! [1]).

Вѣрно охарактеризованъ Пушкинъ, какъ семьянинъ: „Онъ создалъ себѣ семью, весь переполненный жаждою прочнаго сердечнаго счастья, тоскующій о подругѣ, хозяйкѣ, о дѣтяхъ. Въ немъ, оказалось, таился идеальный супругъ и отецъ—неусыпно заботливый, рыцарственно-честный и откровенный, патріархальный по горячей привязанности къ *своимъ*, по наклонности входить во всякую мелочь семейнаго благополучія" [2]). „Ни въ одной самой поэтической поэмѣ нельзя найти такой полной, могучей, самодовлѣющей любви" [3]), — какъ въ письмахъ Пушкина къ женѣ.

На остальныхъ главахъ статьи г. Иванова мы останавливаться не будемъ и укажемъ только на характеристики отца и матери поэта, какъ лучшія въ юбилейной литературѣ.

„Отецъ—актеръ-любитель, каламбуристъ, эпикуреецъ, страстный охотникъ до анекдотовъ и неумолимый врагъ всякой серьезной умственной работы и какихъ бы то ни было хлопотъ. Для него дѣти совершенно безразличны. Въ ихъ присутствіи онъ разсказываетъ двусмысленныя исторіи и читаетъ менѣе всего педагогическіе стихи: лишь бы дѣти сидѣли смирно и не мѣшали говорить и слушать. Жена его—достойная соревновательница по тону и взглядамъ на свои обязанности матери и хозяйки. Но она, кромѣ того, еще зла, взбалмошна, мстительна. Она можетъ публично, на балу ударить дочь, цѣлый годъ не говорить съ сыномъ, смѣяться надъ его неуклюжестью и некрасивостью, изобрѣтать особенно мучительныя наказанія. Отъ нея прямо приходится спасаться и порѣже попадать въ ея общество" [4]). Недурна также характеристика лицея, жизнь котораго оказывается полною всевозможныхъ недоразумѣній.

Нельзя, впрочемъ, не упрекнуть г. Иванова за то, что онъ, при всемъ

---

[1]) Тамъ же, 262.
[2]) Тамъ же, 267.
[3]) Тамъ же.
[4]) Тамъ же, 288.

своемъ остроуміи и умѣніи схватывать вѣрныя черты, всегда почти грѣшитъ односторонностью. Совершенно онъ не понялъ, напримѣръ, Карамзина и его отношеній къ юному поэту. Впрочемъ объ этомъ мы имѣли уже случай говорить выше. Невѣрно освѣщенъ и „Арзамасъ". Отожествленія русскаго общества съ Бенкендорфомъ и К°, а литературы—съ Булгаринымъ и Сенковскимъ, конечно, глубоко невѣрны. Наконецъ, доказать, что майскіе дни 1899 года должны быть „днями покаянія" г. Ивановъ также не съумѣлъ. Впрочемъ, повторяемъ, онъ далъ въ своей статьѣ рядъ вѣрныхъ и тонкихъ соображеній, остроумныхъ и красиво отточенныхъ характеристикъ.

Очень тепло написана другая работа того же автора [1]). Начинаетъ онъ съ указанія, сколько лжи насланваетъ на человѣка цивилизація: „вся многовѣковая исторія цивилизаціи, говоритъ онъ, есть въ сущности борьба за простоту и индивидуальность. Всѣ преобразовательныя и даже революціонныя движенія сводятся къ торжеству природы надъ искусственными правами, личности надъ стадными принудительными истинами" [2]). Вотъ почему „философа. сумѣвшаго краснорѣчиво защитить красоту и права природы, простой строй жизни поставить выше искусственнаго,—провозглашаютъ незабвеннымъ благодѣтелемъ человѣчества, возстановителемъ сердца и совѣсти: это — Лютеръ, Руссо, отчасти же Толстой" [3]). Послѣ такого введенія г. Ивановъ обращается къ Пушкину и останавливается на „независимости его духа". Для автора, Пушкинъ—„сынъ природы, а не вѣка. поэтъ простоты и свободы, а не школы и преданій — человѣкъ самъ по себѣ, а не представитель современнаго общества и среды" [4]). Конечно, такое утвержденіе можетъ быть допустимо только съ большими ограниченіями. Пушкинъ былъ слишкомъ сыномъ своего вѣка и общества, и въ этомъ трагизмъ его двойственнаго положенія: вольный духъ орла и подрѣзанныя крылья! Между тѣмъ, г. Иванову хочется доказать, что съ дѣтства до смерти Пушкинъ былъ всегда одинокъ, потому что никогда не былъ „сыномъ вѣка", всегда чуждался той стадной лжи, которою жило современное ему русское общество. Справедливо замѣчаніе автора, что инстинктивно поэта влекло всегда къ природѣ и простотѣ.—отсюда его любовь къ нянѣ и бабушкѣ.

---

[1]) *Ив. Ивановъ*, „Личность Пушкина" (*Русская Мысль*, № 9, 1899).

[2]) Тамъ же, 100.

[3]) Тамъ же, 101.

[4]) Тамъ же.

„Чепецъ, старинное одѣяніе, глиняный ночникъ и добродушное морщинистое лицо,—вотъ самыя свѣтлыя впечатлѣнія пушкинскаго дѣтства“ [1]). Отъ этого же тяготѣнія къ природѣ и простотѣ вытекалъ его глубокій интересъ къ народу и русской національности. Сказавъ нѣсколько словъ о трудности борьбы съ обществомъ, которое лжетъ и не терпитъ правды, авторъ отмѣчаетъ, что уже съ лицейской скамьи начинается у Пушкина „борьба за *свой* умъ, за *свои* чувства. вообще за индивидуальность“ [2]). Есть два средства для такой борьбы— „пересмѣять насмѣшниковъ“ или „скрыть отъ толпы свой внутренній міръ“. Отсюда букетъ пушкинскихъ эпиграммъ, „предвосхищающихъ вдумчивый и безпристрастный судъ потомства“ [3]), отсюда бравированье общественнымъ мнѣніемъ и кодексомъ стадной морали... Затѣмъ г. Ивановъ переходитъ къ изображенію интимной стороны пушкинской души: его добродушіе, веселость, увлекательность, отзывчивость его мягкаго сердца, требовавшаго дружбы и любви. Очерчиваетъ онъ далѣе Пушкина, какъ семьянина, хотя здѣсь, несомнѣнно, вдается въ преувеличеніе. говоря, что „болѣе самоотверженнаго и почтеннаго супруга петербургскому свѣту не доводилось и видѣть“ [4]); обрисовывается Пушкинъ, какъ мыслитель, какъ дѣятель, толкуется мимоходомъ стихотвореніе Пушкина: „Чернь“... и, наконецъ, характеризуется его „доброта“: „Да, Пушкинъ былъ добръ и именно просто добръ, *добрый малый*, какъ выразился о немъ генералъ Инзовъ, добрый, по искреннему влеченію своей природы, добрый безразсчетно, безшумно, безэффектно“ [5]).

Онъ добръ былъ не „славянофильской приторной добротою русскаго человѣка“ и, „страстно отдавшись изученію русской старины, русскаго быта и русской народной психологіи, полюбилъ все это, не во имя прошлаго и отжившаго, а во имя будущаго и живого“ [6]). Горячо заканчиваетъ авторъ свой этюдъ указаніемъ, какое перерожденіе совершилось въ душѣ Лермонтова, когда онъ узналъ о смерти Пушкина. Заключаетъ авторъ такими словами: „пусть же любовь Пушкина, какъ писателя, со всей ея благородною гордостью и открытой

[1]) Тамъ же, 102.
[2]) Тамъ же, 104.
[3]) Тамъ же, 105.
[4]) Тамъ же, 109.
[5]) Тамъ же, 113.
[6]) Тамъ же.

ненавистью будетъ нашей національною любовью, и краснорѣчивѣйшія черты его личности—простота, правда и свобода—ея символами" [1]).

Прекрасна рѣчь проф. Линниченка [2]), посвященная изображенію той драмы, что преслѣдовалъ поэта въ теченіе всей его недолгой жизни. Между жизнерадостной поэзіей юношескихъ лѣтъ, когда онъ, ликующій, вступалъ въ жизнь, до глубоко скорбнаго признанія („На свѣтѣ счастья нѣтъ...")—прошла цѣлая жизнь, краткая, но полная „захватывающаго интереса, шумныхъ успѣховъ, разнообразныхъ ощущеній". „И если эта предсмертная исповѣдь—невольный вопль изстрадавшейся души, то какую сумму тяжелыхъ ощущеній, разбитыхъ надеждъ и горькихъ разочарованій нужно пережить, чтобъ придти къ такому концу! [3])"—восклицаетъ авторъ. Уже изъ такого приступа мы видимъ, что все дальнѣйшее содержаніе будетъ въ такомъ же пессимистическомъ тонѣ—въ этомъ односторонность автора: его работа полна правды, самой темной... Но отчего же нѣтъ въ его работѣ и той свѣтлой правды, которой проникнута и поэзія, и душа поэта?! Первая причина несчастій поэта, по мнѣнію автора,—его природа, въ которой живутъ попеременно два бога—богъ африканскій, богъ знойной природы и разнузданныхъ, неукротимыхъ страстей,—и богъ европейскій, богъ мирной культуры, гармоніи и свѣтлыхъ вдохновеній [4])". „Три страсти, три желанія наполняли его сердце, три кумира воздвигъ онъ въ своей душѣ и молился имъ своими чудными гимнами; этими кумирами были—любовь, дружба, свобода [5])". Судьбѣ было угодно отнять у поэта всѣ эти кумиры. „И вотъ передъ нами жизнь,—заключаетъ авторъ,—исполненная глубокихъ и мучительныхъ противорѣчій. Ясный и трезвый умъ, высокое и благородное чувство—и алчный грѣхъ по пятамъ; страстный призывъ къ чистымъ привязанностямъ—и злорадная усмѣшка чувственности; гордый кликъ свободы—и вольныя, и невольныя цѣпи рабства... Да! странная и горькая иронія судьбы. Всю жизнь пѣть свободу, святую вольность—и цѣлую жизнь оставаться невольникомъ—невольникомъ любви, невольникомъ дружбы, невольникомъ толпы,

---

[1]) Тамъ же, 115.

[2]) Проф. *И. А. Линниченко*, „Жизненная драма Пушкина" (*Пушкинскіе дни въ Одессѣ*, Сборникъ Императорскаго Новороссійскаго университета, 1900).

[3]) Тамъ же, 74.

[4]) Тамъ же, 79.

[5]) Тамъ же, 81.

невольникомъ закона—и, наконецъ, невольникомъ чести. Да развѣ это не глубочайшая, не потрясающая душу жизненная драма" [1])? На нашъ взглядъ эти заключительныя слова проф. Линниченка скорѣе красивы, чѣмъ вѣрны. Вся первая половина этой длинной цитаты (до слова: „Да!") представляетъ риторическую фигуру противопоставленія, умѣстную для характеристики первой половины жизни поэта, но невѣрную въ приложеніи ко всей его жизни. Вторая же, гдѣ говорится о „невольничествѣ" поэта, тоже грѣшитъ преувеличеніемъ. Жизнь поэта опровергаетъ это представленіе о „вѣчномъ невольничествѣ": Пушкинъ палъ именно потому, что не сдѣлался рабомъ, а отстаивалъ свою независимость.

Небольшой эскизъ проф. Сумцова, посвященный одной изъ выдающихся сторонъ пушкинской души—ея „доброжелательству" [2]), прекрасно охватываетъ всю ту сумму проявленій доброты Пушкина, которыя можно почерпнуть изъ его поэзіи. При этомъ исходитъ проф. Сумцовъ изъ такого утвержденія: „сила и вліяніе писателя опредѣляется степенью его таланта и доброжелательства. Знаніе и любовь—два могущественныхъ рычага культуры. Всякое дѣйствительное искусство, въ частности, поэзія, зиждется на сочетаніи въ художественномъ образѣ любви и знанія. Цѣль искусства—подражать жизни, но такъ подражать, чтобы заставить насъ симпатизировать жизни другихъ, возбудить въ насъ сочувствіе [3])". Чувство доброжелательства у Пушкина обусловлено было тѣмъ благороднымъ оптимизмомъ, который, не закрывая глазъ передъ бѣдствіями и язвами жизни, непоколебимо вѣрилъ въ побѣду добра и правды. (Письмо Пушкина 1831 г. 19-го октября Плетневу, XXXVIII стр. „Евгенія Онѣгина", конецъ. „Брожу-ли я...", Сербская пѣснь, 1833 г.—конецъ). Надежда на лучшее будущее всегда была съ поэтомъ („Мгновенной жатвой", „Вновь я посѣтилъ"). Всѣ художественные благожелательные образы Пушкина отличаются широтою и универсальностью („Аквилонъ", „Туча", „Пророкъ", „И путникъ усталый"). Въ нихъ примиряется національное съ общечеловѣческимъ, т. к. самое дорогое въ смыслѣ народности есть въ то же время дорогое въ общечеловѣческомъ значеніи и примѣненіи. Его „чувства добрыя"

---

[1]) Тамъ же, 92.

[2]) *Н. Ѳ. Сумцовъ*, „Доброжелательство Пушкина" (*Журналъ для всѣхъ*, 1899, № 5, также вошло въ его „Изслѣдованія о поэзіи А. С. Пушкина"—отд. и въ *Харьковскомъ университетскомъ сборникѣ* въ память А. С. Пушкина, 1900).

[3]) *Харьковскій сборникъ*, 101.

можно хронологически прослѣдить изъ года въ годъ („Деревня", „Домовому", „Наполеонъ"). На эпическихъ образахъ тоже отразилось его „благожелательство" (обрисовка черкешенки, Маріи [Бахч. Фонт.], Татьяны, Ольги, финна, стараго цыгана, Пимена, стараго Дука). „Всѣ эти поэтическіе образы суть въ то же время и образы этическіе; они въ совокупности заключаютъ въ себѣ неистощимый запасъ добра, справедливости, гуманности". Таково содержаніе интересной статьи проф. Сумцова, съ основной идеей которой и съ группировкой матеріала, конечно, нельзя не согласиться тѣмъ болѣе, что въ данномъ случаѣ характеристика поэта, сдѣланная по его стихотвореніямъ, подтверждаетъ дѣйствительныя основы души Пушкина.

Интересна работа г. Алферова [1]). Это — живая характеристика поэта, составленная, къ сожалѣнію, только на основаніи его литературныхъ произведеній. Впрочемъ, нельзя не упрекнуть автора за нѣкоторую безсистемность его работы и за несоотвѣтствіе темы съ содержаніемъ: ни очерка жизни, ни очерка дѣятельности мы не имѣемъ,— за то, повторяемъ, имѣемъ рядъ характерныхъ чертъ Пушкина, что, конечно, не мало.

Начинаетъ авторъ съ изображенія той атмосферы русской жизни XVIII вѣка, изъ которой вышелъ Пушкинъ. При этомъ помогаетъ автору Л. Толстой одною изъ своихъ раннихъ повѣстей (изъ жизни 1800 г., написанной въ 1856 г.), гдѣ геніальному художнику удалось въ немногихъ словахъ, дѣйствительно, уловить характерный духъ русскихъ нравовъ XVIII — XIX вѣка, старомодныхъ столичныхъ гостиныхъ, затерянныхъ помѣщичьихъ усадебъ. Авторъ продолжаетъ этюдъ гр. Толстого, рисуя свободно и остроумно интересы той эпохи, особенно останавливаясь на литературѣ. Къ сожалѣнію, авторъ, приглашавшій насъ въ началѣ своей работы стать на историческую точку зрѣнія, забываетъ ее и совершенно неосновательно уничтожаетъ всякое значеніе сентиментализма. Между тѣмъ, сентиментализму, принадлежитъ, дѣйствительно, такое великое открытіе: „и крестьянки чувствовать умѣютъ"! Оттого въ журналахъ конца XVIII-го вѣка и начала XIX-го мы увидимъ манію рисовать „Флоровъ Силиновъ": добродѣтельные, идеальные крестьяне появились въ литературѣ, можно сказать, тогда, когда объ идеальныхъ „дворянахъ" никто и не заикался. Пусть сентиментализмъ развивалъ отвлеченное „прекраснодушіе", — но, вѣдь,

---

[1]) *А. Д. Алферовъ*, „А. С. Пушкинъ, очеркъ его жизни и дѣятельности", Пенза, 1899.

и черезъ него нужно было пройти: видѣть въ Ленскомъ одну ложь и оторванность отъ родной страны и народа значитъ видѣть только одну отрицательную сторону! Набросавъ „старомодную обстановку“ русской жизни, авторъ обратился къ Пушкину, призналъ его „не простымъ дѣтищемъ“ своего времени, а enfant terrible—„постоянно протестующимъ явленіемъ въ русскомъ быту начала столѣтія [1])“.

Затѣмъ отмѣчаетъ авторъ, въ какомъ романтическомъ освѣщеніи рисовался Пушкинъ современникамъ—онъ казался имъ въ свое время „живымъ идеаломъ романическаго героя“ [2]); говоритъ далѣе о двойственности жизни поэта, выразившейся съ одной стороны — въ бравированьи, рисовкѣ, съ другой — въ глубокой, внутренней работѣ надъ собой. Затѣмъ авторъ останавливается на его „добротѣ“, указываетъ, какую печальную роль пришлось ему играть среди современниковъ, отставшихъ отъ него въ развитіи, въ лучшемъ случаѣ не понимавшихъ его, въ худшемъ—преслѣдовавшихъ злобой и завистью. Тѣмъ не менѣе „жизнеспособность“, по словамъ г. Алферова, оставалась у Пушкина въ прежней силѣ (письмо Плетневу 1831 г., „Если жизнь тебя обманетъ“, „Такъ полдень мой насталъ“, Евг. Он.). „Въ Пушкинѣ, по словамъ автора, было слишкомъ много самой беззавѣтной любви къ человѣку, къ природѣ, къ той красотѣ, которую онъ отгадывалъ во всемъ и повсюду, чтобы быть способнымъ на полное разочарованіе (даже въ смерти: „у гробоваго входа...“ [3]). Пушкинъ не былъ нравственнымъ сибаритомъ, онъ хорошо понималъ, что только путемъ страданія создается истинная человѣчность. Онъ былъ изъ тѣхъ, которые, хотя и не ищутъ страданья, но, понимая его необходимость, идутъ на него прямо („Я жить хочу, чтобъ мыслить и страдать“) [4]). Подробно авторъ говоритъ о процессѣ творчества Пушкина (письма къ женѣ, „Въ камелькѣ забытомъ“ etc.), особенно обстоятельно выясняетъ взглядъ Пушкина на „священнодѣйствіе“ поэта, на „вдохновеніе“, отмѣчаетъ постоянное стремленіе поэта работать, „учиться“, приводитъ его критическіе отзывы, говоритъ объ его необыкновенной вдумчивости, ясности ума и способности путемъ геніальной интуиціи прозрѣвать то, что съ большимъ трудомъ удавалось доказывать впослѣдствіи ученымъ. Очень цѣнны обширныя толкованія г. Алферовымъ

---

[1]) Тамъ же, 8.
[2]) Тамъ же, 9.
[3]) Тамъ же, 18.
[4]) Тамъ же.

того понятія: „чернь", за которое такъ жутко пришлось Пушкину отъ критики. Совершенно справедливо замѣчаетъ по этому поводу г. Алферовъ, что здѣсь надо подразумѣвать „свѣтскую чернь" и „литературную чернь", отнюдь не все русское общество и уже, конечно, не простой народъ: въ деревнѣ среди мужиковъ поэтъ отдыхалъ отъ „толпы непросвѣщенной" („Я здѣсь, отъ суетныхъ оковъ освобожденный"). Обращаясь къ оцѣнкѣ литературной стороны дѣятельности Пушкина, г. Алферовъ отмѣчаетъ быстрый переходъ отъ романтизма (раннія поэмы) къ реализму, при чемъ грѣшитъ нѣкоторымъ увлеченіемъ, когда называетъ „романтическими прикрасами" скалы юга, черкешенокъ etc; даже дивное стихотвореніе: „Бахчисарайскому фонтану" оказывается, по его мнѣнію, „сентиментально написаннымъ". Мы убѣждены, что обаяніе южной природы, своеобразныхъ преданій полудикаго Крыма и Кавказа опять захватили бы великаго поэта, если бы судьба закинула еще разъ подольше на югъ, оторвавъ отъ Михайловскаго и его простыхъ пейзажей. Безъ сомнѣнія, яркія красоты юга легче бросаются въ глаза, и разъ Пушкинъ послѣ нихъ легко перешелъ къ красотамъ сѣвера,— это только доказываетъ, что его эстетическое чувство отличалось шириной и тонкостью воспріятія, но отнюдь не значитъ, что можно пренебрежительно клеймить „прикрасами романтическими" дивную яркую поэзію юга у Пушкина и видѣть въ интересѣ къ пейзажамъ юга проявленіе художественнаго чутья еще не доразвившагося до тѣхъ предѣловъ, которые кажутся г. Алферову конечными въ творчествѣ поэта.

Реализмъ Пушкина, его обращеніе къ будничной жизни прекрасно освѣщены авторомъ („Какія-бъ чувства ни таились"—пут. Евг. Он., конецъ: „Съ Гомеромъ долго ты бесѣдовалъ одинъ", замѣтка къ „Борису Годунову", „Не муки тайныя злодѣйства"—Евг. Он.). Такое „обращеніе къ будничной жизни, бывшее огромнымъ шагомъ впередъ, въ самомъ Пушкинѣ и, вмѣстѣ съ тѣмъ въ русской литературѣ, далеко не было оцѣнено по достоинству русской публикою" [1]). Между тѣмъ, „съ Пушкинымъ прекращается разрывъ между русскою книжностью и русской дѣйствительностью" [2]). Въ этихъ словахъ опять упрекъ сентиментальной литературѣ, которая не дошла до „правды" жизни. Дѣйствительно, съ легкой руки Пушкина всѣ его послѣдователи дали намъ понятіе о русской жизни во всей ея неприглядной

[1]) Тамъ же, 39.
[2]) Тамъ же, 38.

наготѣ, но вѣдь и при Карамзинѣ думали, что *знаютъ* русскую жизнь! Пройдетъ еще сто лѣтъ, и, можетъ быть, надъ нашей реалистической литературой и ея гордымъ самомнѣніемъ посмѣется критикъ XXI вѣка! Вотъ почему не хотѣлось бы намъ слышать и по адресу XVIII вѣка такихъ отзывовъ. Указавъ на гуманность Пушкина, какъ на отличительную черту его произведеній, заканчиваетъ авторъ выясненіемъ того значенія, которое имѣлъ Пушкинъ на русскихъ литераторовъ XIX вѣка.

Теплая рѣчь г. Степовича говоритъ намъ о тѣхъ великихъ „Завѣтахъ", что оставлены намъ Пушкинымъ [1]). Любовь къ отечеству и его просвѣщенію, сердечность, доброта, честность, гуманность, рыцарство, вѣрность въ дружбѣ и любви, любовь ко всему высокому и прекрасному, жажда знанія, вдумчивое отношеніе къ жизни—вотъ, чѣмъ полна была душа поэта и что завѣщалъ онъ намъ.

Г. Максимовъ возсоздаетъ „міровоззрѣніе" поэта на основаніи анализа его произведеній [2]),—уже въ первый періодъ своей дѣятельности поэтъ, по его словамъ, приходитъ къ осужденію эгоизма, черствости души и вдохновляется проявленіями безкорыстной, чистой любви [3]). Онѣгинъ и Татьяна, въ глазахъ автора, еще болѣе убѣдительныя доказательства этой мысли. Самопожертвованіе и исполненіе долга (Петръ Великій, Евгеній, Борисъ), патріотизмъ, привязанность къ царю, религіозность,—вотъ, основные элементы пушкинскаго „міровоззрѣнія".

О „добротѣ и религіозности" поэта трактуетъ и свящ. Румянцевъ [4]). Его небольшая прочувствованная рѣчь не вноситъ, впрочемъ, ничего новаго въ наши знанія о поэтѣ. Интересна характеристика Пушкина, сдѣланная по его письмамъ и замѣткамъ г. Богдановичемъ [5]). Авторъ послѣдовательно рисуетъ религіозные, литературные, политическіе и историческіе взгляды его. Высказавъ вполнѣ вѣрное мнѣніе, что „религіозное чувство коренится въ душѣ каждаго человѣка; но чувство это, какъ и всякое другое, требуетъ развитія и

---

[1]) *А. І. Степовичъ*, „Какіе завѣты оставилъ намъ Пушкинъ" („Памяти Пушкина", Сб. Кіевск. Окр. Кіевъ, 1900 г., ч. II, стр. 219).

[2]) *Л. П. Максимовъ*, „Міровоззрѣніе А. С. Пушкина". (Тамъ же, 294).

[3]) Тамъ же, 298.

[4]) Свящ. *М. Н. Румянцевъ*, „О природной добротѣ и религіозно-нравственномъ ростѣ Пушкина" (Тамъ же, 351).

[5]) *П. Г. Богдановичъ*, „Личность А. С. Пушкина по его письмамъ и замѣткамъ" (тамъ же, ч. II 102).

воспитанія" [1]), и указавъ, какъ мало для этого воспитанія дали Пушкину обстоятельства его жизни, авторъ переходитъ къ письмамъ и замѣткамъ поэта и, не безъ скачка, приходитъ къ выводу, что Пушкинъ былъ „религіознымъ" человѣкомъ. Изъ интереса къ исторіи религіи, изъ пониманія ея культурнаго значенія, умѣнія находить въ ней красоты и употребленія въ письмахъ ласковыхъ выраженій въ родѣ: „Христосъ съ тобой" и под. — нельзя еще заключать о *глубокой* религіозности человѣка. Нѣкоторыя лирическія стихотворенія поэта говорятъ намъ только о томъ, что въ послѣдній періодъ его жизни онъ ощущалъ порою религіозные порывы. Въ характеристикѣ политическихъ воззрѣній поэта встрѣтили мы такое же преувеличеніе. Правда, послѣ 1826 года онъ началъ постепенно сживаться съ правительственнымъ режимомъ и, устроивъ кое-какъ свой личный modus vivendi въ государствѣ, сталъ, мало по малу, склоняться къ примиренію съ правительствомъ, но никогда до полной солидарности онъ не дошелъ, оставшись „дикимъ" до конца своихъ дней. Въ юности же онъ порою грезилъ переворотами, что явствуетъ изъ его желанія принять участіе въ замыслахъ декабристовъ;—потому категорическое заявленіе г. Богдановича, что Пушкинъ никогда не сочувствовалъ революціоннымъ движеніямъ невѣрно. Письма поэта, конечно, не могутъ быть въ данномъ вопросѣ вполнѣ достовѣрнымъ показателемъ, такъ какъ поэтъ зналъ, что они прочитываются полиціей, а потому могъ остерегаться. Изъ интереса къ родной исторіи авторъ выводитъ патріотизмъ поэта, затѣмъ обращается къ его историко-литературнымъ познаніямъ и критическимъ взглядамъ. Особенностями его поэтическаго кодекса было, по мнѣнію автора, стремленіе къ простотѣ, естественности. Довольно подробно представлены въ выдержкахъ изъ писемъ его журнальныя занятія. Затѣмъ г. Богдановичъ переходитъ къ характеристикѣ „душевныхъ качествъ" Пушкина. Мягкость его натуры, жажда ласки и любви (письма къ брату, друзьямъ, нянѣ, П. А. Осиповой, женѣ)—вотъ черты, на которыхъ онъ останавливается. Конечно, для характеристики Пушкина его письма даютъ гораздо больше матеріала, чѣмъ собрано у г. Богдановича, но все-таки работа его любопытна, хотя бы потому, что основана на „письмахъ" поэта,—матеріалъ, которымъ у насъ пользовались пока только случайно.

Г. Зеленецкій далъ банальную и невѣрную характеристику Пушкина, широко воспользовавшись работой В. Никольскаго: „Идеалы Пуш-

[1]) Тамъ же, 103.

кина“ [1]). Онъ представляетъ Пушкина, какъ носителя религіозныхъ убѣжденій, проповѣдника самодержавія. Заключеніе автора таково: „Пушкинъ въ своихъ твореніяхъ выразилъ вѣру въ Бога. Онъ вѣрилъ въ идеалъ Царя, отмстителя неправдамъ, защитника угнетеннымъ, милосерднаго къ падшимъ. Онъ вѣрилъ въ историческое призваніе своей страны родной. Онъ призывалъ милость къ падшимъ и пробуждалъ добрыя чувства. Все это идеалы, которые, несомнѣнно, въ душѣ своей носитъ русскій народъ. Настроеніе его поэзіи было христіански-оптимистическое. Таковъ въ сущности „русскій народъ“ [2]). Мы говорили уже выше какъ противъ обобщеній въ обрисовкѣ настроеній Пушкина, такъ и противъ подобной характеристики „русскаго народа“, а потому теперь не считаемъ нужнымъ оспаривать основныхъ положеній г. Зеленецкаго, къ тому же не представляющихъ никакой новизны. Остановимся на нѣкоторыхъ мелочахъ. Бѣглая біографія поэта, предшествующая его характеристикѣ, полна неточностей: оказывается, что на Пушкина большое (?) вліяніе имѣлъ его „отецъ, воспитанный французскими гувернерами“ [3]), что Пушкинъ, по окончаніи Лицея, занимался „развлеченіемъ (?) съ лицейскими товарищами“ [4]). Столкновенія съ правительствомъ обойдены почему то скромными фразами: „въ 1820 г. Пушкинъ переселился на югъ Россіи“, „въ 1824 г. вышелъ въ отставку и жилъ лѣтомъ въ своей деревнѣ.., а зимой въ Петербургѣ (sic!)“, „Жизнь столичная была спокойнѣе прежней и посвящалась серьезнымъ литературнымъ трудамъ, а сельская была уединенная и однообразная“ [5]). Совсѣмъ не понялъ авторъ героя поэмы: „Кавказскій Плѣнникъ“, а на счетъ героини обмолвился такою непонятной фразою: „у читателя „Кавказскаго Плѣнника“ невольно является вопросъ: неужели таковы черкешенки? Черкешенки отличаются непосредственностью натуры и ихъ поступки мотивируются грубыми страстями“ [6]). Старый цыганъ — это, по мнѣнію автора, — „идеалъ Пушкинскій,—Татьяна, конечно, „апоѳеозъ русской женщины“.

Г. А. Г. на страницахъ „Журнала для всѣхъ“ далъ небольшой

---

[1]) *А. Зеленецкій*, „Пушкинъ, какъ русскій народный поэтъ“. (Его идеалы, міросозерцаніе и настроеніе его поэзіи), Херсонъ, 1899 г.

[2]) Тамъ же, 29.

[3]) Тамъ же, 8.

[4]) Тамъ же.

[5]) Тамъ же, 4.

[6]) Тамъ же, 6.

очеркъ, посвященный характеристикѣ поэта [1]). Передъ нами живой, хотя и многословный разборъ стихотвореній: „Чернь" и „Памятникъ". Авторъ совершенно справедливо объяснилъ фактами изъ жизни поэта, что „чернь" — это небольшой кружокъ знати и властей, а потому произведеніе это имѣетъ, такъ сказать, частный характеръ. Истинный смыслъ дѣятельности нашего великаго поэта выраженъ имъ въ стихотвореніи: „Памятникъ".

Характеристика поэта, сдѣланная г. Мельниковымъ-Разведенковымъ [2]), на нашъ взглядъ, не въ мѣру упрощена,—прежде всего, авторъ знакомитъ насъ съ тѣмъ рембрандтовскимъ фономъ, на которомъ свѣтится Пушкинъ: „современное Пушкину общество, обладая болѣзненнымъ самолюбіемъ (!!), не цѣнило человѣческаго достоинства въ другихъ (!); не имѣя возвышенныхъ цѣлей въ жизни, оно забавлялось пошлыми разговорами, среди которыхъ, даже невзначай, не вспыхивала здравая мысль за цѣлыя сутки (!!); отличаясь безсердечіемъ, оно въ ближнихъ видѣло только орудіе для своихъ личныхъ наслажденій или предметъ эксплуатацій; не нося въ сердцѣ своемъ ни вѣры, ни религіи, оно поклонялось и служило одному золотому тельцу, который заставлялъ его погружаться въ грязь чувственныхъ порочныхъ наслажденій. Ни о патріотизмѣ, ни о самопожертвованіи, ни о благородныхъ чувствахъ это общество не имѣло понятія" [3])!—А Пушкинъ... Пушкинъ, по понятіямъ автора, — антиподъ этого общества, — и авторъ по тому же плану, по которому разрисовалъ темными красками русское общество, начинаетъ писать свѣтлыми — Пушкина. Вышло, въ результатѣ, что тогда однимъ порядочнымъ человѣкомъ былъ на Руси Пушкинъ.

Г. Воскресенскій далъ оцѣнку Пушкина, какъ поэта и человѣка, на страницахъ „Богословскаго Вѣстника" [4]). Начинаетъ авторъ съ указанія недостатковъ пушкинской литературы; совершенно справедливо говоритъ о необходимости дальнѣйшихъ работъ о Пушкинѣ, въ сущности, намъ далеко еще неизвѣстнаго. Затѣмъ г. Воскресенскій даетъ

---

[1]) *А. Г.*, „Поэтъ и жизнь" (къ характеристикѣ Пушкина), („*Журналъ для всѣхъ*", 1899, № 5, 583).

[2]) *С. Мельниковъ-Разведенковъ*, „А. С. Пушкинъ, какъ человѣкъ и какъ гражданинъ" (П. Кумскій, „Памяти А. С. Пушкина", празднов. 100-лѣтней годовщины со дня рожденія А. С. Пушкина въ учебн. завед. Кавк. Уч. Окр.).

[3]) Тамъ же, 166—167.

[4]) *Г. Воскресенскій*, „Величіе Пушкина, какъ поэта и человѣка" (*Богословскій Вѣстникъ*, 1899, № 6, 212).

бѣглую характеристику Пушкина, какъ писателя-реалиста, оставившаго риторику и „ложные ходульные сантименты" классической и романтической кухни—ради простой рѣчи и художественной правды. Отзывы Гончарова, Островскаго, Гоголя помогаютъ автору обрисовать Пушкина, какъ учителя русскихъ литераторовъ XIX столѣтія. Характеристики же героевъ и героинь Пушкина выясняютъ богатство, разнообразіе и нравственную высоту пушкинскаго творчества. Особенно долго останавливается авторъ на работѣ поэта надъ самообразованіемъ, затѣмъ выясняетъ религіозность поэта. Всѣ мысли автора, не представляющія впрочемъ новизны, подтверждены обильными и вполнѣ умѣстными ссылками.

Г. Ашевскій посвятилъ свой маленькій этюдъ вопросу объ отношеніи поэта къ войнѣ [1]). На основаніи твореній поэта онъ приходитъ къ неновому выводу, что въ юности Пушкинъ увлекался, хотя и не сильно, военной славой, но съ годами его отношеніе къ войнѣ и военнымъ мѣнялось и становилось все болѣе отрицательнымъ.

Г. Чижъ далъ намъ характеристику психической организаціи поэта съ медицинской точки зрѣнія [2]); многословно и съ повтореніями доказалъ онъ, что Пушкинъ не былъ психопатомъ,—въ чемъ, кажется, пока никто его не подозрѣвалъ. Впрочемъ, авторъ исходилъ изъ мнѣній Мэро и Ломброзо, утверждавшихъ, какъ извѣстно, что „геній есть нейрозъ". Равновѣсіе духовной жизни поэта, выразившееся въ равномѣрномъ преклоненіи передъ „истиной, добромъ и красотой"—доказательство душевнаго здоровья Пушкина. Г. Чижъ сравниваетъ великаго поэта съ нѣкоторыми другими писателями русскими и иностранными, дѣлаетъ для чего-то подсчетъ гласныхъ у Пушкина, Лермонтова, Тургенева и другихъ русскихъ писателей и затѣмъ высказываетъ нѣсколько историко-литературныхъ соображеній и сравненій.

Особое вниманіе останавливаетъ на себѣ слово митрополита Антонія, сказанное имъ предъ панихидой при поминовеніи А. С. Пушкина [3]).

---

[1]) *С. Ашевскій*, „Пушкинъ и война" (*Міръ Божій*, 1899, № 6, 14).

[2]) *В. Ф. Чижъ*, „Пушкинъ, какъ идеалъ душевнаго развитія". („Пушкинскій Сборн.", изд. Имп. Юрьевск. университетомъ, 1899).

[3]) „Рѣчь высокопреосвященнаго *Антонія*, митрополита С.-Петербургскаго, предъ панихидою при поминовеніи А. С. Пушкина въ день столѣтней со дня его рожденія годовщины 26-го мая 1899 года", Спб. 1899.

Высокочтимый архипастырь въ своей рѣчи сумѣлъ удержаться на спокойномъ и справедливомъ отношеніи къ поэту: онъ не старается найти въ немъ, во что бы то ни стало, религіозные идеалы и не впадаетъ въ роль проповѣдника-обличителя, — онъ остается на высокой христіанской точкѣ всепрощенія: „мы должны, говоритъ онъ, съ любовію искать въ грѣшномъ человѣкѣ не грѣховъ, безъ которыхъ онъ не бываетъ, а святого сѣмени добра, таящагося въ немъ подъ грѣховною оболочкою. Есть единственный моментъ въ жизни, когда во всемъ своемъ истинномъ достоинствѣ, безъ всякой наносной лжи сказывается личность человѣка. Это — моментъ смерти“ [1]). — И Пушкинъ оказался въ этотъ моментъ на высотѣ нравственнаго величія. Грѣхи Пушкина, по словамъ митрополита Антонія, — грѣхи времени и всего общества. „Личность его, какъ христіанина и какъ сына православной церкви, и доселѣ составляетъ предметъ пререканій“ [2]), но добрыя начала таились подъ бурной поверхностью его души. Хотя „въ зрѣлые годы онъ былъ человѣкомъ религіознымъ“ [3]), но „добрыя начала религіозныя не успѣли обнаружиться въ жизни нашего поэта во всей своей истинной красотѣ“ [4])—точка зрѣнія совершенно справедливая.

Слово епископа Антонія [5]), въ общемъ, вѣрно характеризуетъ Пушкина, какъ человѣка, стремившагося къ нравственному совершенству, изъ „бѣднаго грѣшника“, „обуреваемаго страстями“ возвысившагося до той высоты нравственной, на которую уважаемый архипастырь призываетъ въ своей рѣчи всѣхъ своихъ слушателей. Нельзя согласиться только съ нѣкоторыми историко-литературными толкованіями автора: напр., „Пушкинъ, говоритъ онъ, описываетъ своихъ героевъ, какъ-бы изнутри ихъ, раскрываетъ ихъ внутреннюю жизнь такъ, какъ ее опознаетъ самъ описываемый типъ. Въ этомъ отношеніи Пушкинъ превосходитъ другихъ геніальныхъ писателей, напримѣръ, Шиллера и Шекспира, у которыхъ большинство героевъ являются сплошнымъ воплощеніемъ одной какой-нибудь страсти и потому внушаютъ чи-

---

[1]) Тамъ же, 6.
[2]) Тамъ же, 8.
[3]) Тамъ же.
[4]) Тамъ же, 4.
[5]) Епископъ *Антоній*, Слово предъ панихидой о Пушкинѣ, сказанное въ Казанскомъ Имп. университетѣ 26-го мая 1899 года. Казань, отт. изъ *Правосл. Собесѣдника* 1899.

тателю ужасъ и отвращеніе“ [1]). Нельзя также согласиться, что *прежде всего Пушкинъ былъ моралистъ*, и народникомъ сдѣлался потому, что былъ моралистъ“ [2]). Этого утвержденія авторъ не доказалъ, а потому не доказано и мнѣніе, будто „народныя и историческія симпатіи Пушкина зависѣли отъ его нравственныхъ и религіозныхъ убѣжденій, а не обратно“ [3]). Развѣ не могли всѣ эти симпатіи рости параллельно въ зависимости отъ общаго духовнаго роста поэта?

Небольшое слово проф. Царевскаго [4]) представляетъ изъ себя призывъ къ молитвѣ за поэта, которому благодарна „вся грамотная и просвѣщенная Россія“. Грѣхи его, которые будутъ судимы милосерднымъ судомъ Божіимъ, раздѣляетъ все русское общество: „одинъ изъ близкихъ друзей нашего великаго поэта говорилъ о немъ, что все лучшее въ немъ принадлежало ему самому, все же худшее — лицамъ и обстоятельствамъ, окружавшимъ его“ [5]). Отсюда авторъ нѣсколько неожиданно переходитъ къ пожеланію съ молитвой за Пушкина—соединить молитву о „нашемъ собственномъ исправленіи“.

Свящ. Лобачевскій охарактеризовалъ Пушкина, какъ христіанина [6]). Въ этой правдивой, оттого нѣсколько жесткой рѣчи нѣтъ никакихъ натяжекъ и искаженій. Авторъ не закрываетъ глаза на первую половину жизни поэта, не навязываетъ ему „христіанства“ тамъ, гдѣ его нѣтъ, и вѣрно обрисовываетъ вторую половину жизни, когда христіанскіе идеалы стали понемногу проясняться предъ поэтомъ. Правильно растолкованы различныя настроенія въ поэзіи Пушкина, всегда широко рисовавшаго жизнь: „и удалой самозванецъ Пугачевъ, и жертва его звѣрства,—безстрашный, самоотверженный капитанъ, съ его душевнопривлекательной дочерью, одинаково возбу-

[1]) Тамъ же, 5.

[2]) Тамъ же, 11.

[3]) Тамъ же, 16.

[4]) Проф. богосл., прот. *А. Царевскій*, „Слово, произнесенное въ университетской церкви“ („*Пушкинскій Сборн.*“ изд. Импер. Юр. университетомъ, Юрьевъ, 1899).

[5]) Тамъ же, 93.

[6]) Свящ. *А. Г. Лобачевскій*, „А. С. Пушкинъ“ (26-го мая 1899 года. *Рѣчи*, произнесенныя въ день праздника столѣтія рожденія А. С. Пушкина въ торжеств. собр. Истор. Филол. института кн. Безбородко“, Нѣжинъ, 1899; есть отд. оттискъ; перепечатано въ Пушкинскомъ Сбор. Кіевскаго округа, часть II, 5).

ждаютъ сочувствіе и сожалѣніе у читателя... Поэта чаруетъ въ его герояхъ сила, внутренняя мощь характера, — на нихъ и сосредоточиваетъ онъ все свое вниманіе... Желаетъ ли поэтъ изобразить въ своемъ героѣ типъ положительной добродѣтели или картину безнравственныхъ стремленій и поступковъ, — герои его часто выходятъ одинаково привлекательными для читателя" [1]). Совершенно вѣрная точка зрѣнія, — основныхъ симпатій великаго поэта надо искать именно въ такой широкой волнѣ его настроеній, а не въ случайныхъ обмолвкахъ, отдѣльныхъ фразахъ, произведеніяхъ, которыя всѣ нуждаются еще въ ухищренныхъ толкованіяхъ.

Свящ. І. Троицкій обрисовалъ Пушкина съ точки зрѣнія его религіозныхъ воззрѣній [2]). Впрочемъ, авторъ не вполнѣ ясно намѣтилъ планъ своей работы, что онъ самъ, очевидно, чувствовалъ, такъ какъ въ предисловіи оговаривается довольно сбивчиво о несоотвѣтствіи заглавія его статьи съ содержаніемъ, а въ заключеніи самъ признаетъ, что его очеркъ „вышелъ блѣднымъ по изложенію и маларазвитымъ по содержанію", и тутъ же, не довольствуясь двумя, предложилъ еще третье заглавіе для своей работы: оказывается, это только „матеріалъ для статьи" [3]). Въ самомъ дѣлѣ, содержаніе статьи довольно сбивчиво: авторъ то пускается подсчитывать, сколько разъ упоминаетъ Пушкинъ въ своихъ стихахъ слово: „лампадка". то уклоняется въ сторону критикованія Пушкина за его прегрѣшенія противъ церкви, то упрекаетъ поэта за нечестивую смѣлость текстъ Библіи передѣлывать для своего „Пророка" [4]). Для характеристики „религіозныхъ" (!) воззрѣній нашего поэта авторъ пользуется даже такими выдержками изъ Пушкина, какъ, напримѣръ, слѣдующей: „слѣпой священникъ (у Пушкина *попъ*) перевелъ Сираха, издаетъ по подпискѣ — подпишись на *нѣсколько* экземпляровъ" [5]). Произвольно толкуетъ авторъ нѣкоторыя стихотворенія Пушкина въ исключительно-религіозномъ духѣ. Такъ, негодованіе поэта при видѣ солдатъ около картины „Распятія" но-

---

[1]) Тамъ же, IX.

[2]) Свящ. *І. Троицкій*, „Религіозный элементъ въ произведеніяхъ А. С. Пушкина", („Сборн. Пушкину", изд. Кіевск. педаг. общества, Кіевъ, 1899).

[3]) Тамъ же, 237.

[4]) „Пророкъ" Пушкина—это прекрасное стихотвореніе, намъ думается, было бы гораздо болѣе цѣннымъ въ религіозно-воспитательномъ отношеніи, если бы оно было лишь художественнымъ переложеніемъ Библейскаго разсказа безъ сокращенія и измѣненія его". (Тамъ же, 216). Замѣчаніе, не дѣлающее чести художественному вкусу автора.

[5]) Тамъ же, 210.

ситъ исключительно гражданскій характеръ; стихотвореніе: „Туча" („Послѣдняя туча разсѣянной бури...") гораздо проще можетъ быть объяснено внѣ толкованій въ церковномъ смыслѣ о примиреніи съ Богомъ.

Небольшое слово того же автора [1]) представляетъ изъ себя сокращеніе разобранной выше статьи. Въ сокращеніи оно выигрываетъ,—рѣзче выступаютъ главныя мысли автора и замѣтнѣе его теплое настроеніе.

О кончинѣ поэта говоритъ въ своемъ словѣ свящ. Зеленецкій [2]). Передъ нами пространный разсказъ о послѣднихъ дняхъ жизни великаго человѣка. Авторъ не ограничился указаніемъ на то, что смерть Пушкина была вполнѣ христіанская, но для чего-то пустился разсказывать подробно, какъ „дикъ" былъ взоръ Пушкина отъ страшныхъ мученій, какъ глаза его „готовы были выскочить изъ своихъ орбитъ" [3]),—и, наконецъ, даже, что *думалъ* и *чувствовалъ* императоръ Николай ночью (въ которую ночь?) во время страданій поэта!

Г. В. Никольскій увѣренъ, что умирающій Пушкинъ былъ всѣми своими помыслами у Императора Николая,—свящ. Зеленецкій увѣренъ, что Императоръ былъ въ это время у Пушкина! Не излишни ли всѣ эти предположенія, ничѣмъ не доказуемыя?

На ту же тему слово свящ. Стеллецкаго [4]). Небольшое по объему (2 стр.), оно посвящено выясненію величія смерти поэта, искупившей его грѣшную жизнь.

Въ основаніе рѣчи свящ. Миловидова [5]) положена мысль, что для поэта „христіанская любовь къ нему, какъ нашему брату во Христѣ—вотъ та благодарность, которая будетъ для него дороже какихъ бы то ни было чествованій" [6]). Оттого молитва за него—выраженіе почтенія къ его памяти, тѣмъ болѣе, что молиться за него надо, какъ за человѣка, „часто заблуждавшагося".

Слово свящ. Коноплева рисуетъ намъ поэта, какъ „послушнаго

[1]) Свящ. *І. І. Троицкій*, „Что располагаетъ насъ къ молитвѣ объ упокоеніи А. С. Пушкина". („Памяти Пушкина", Сб. Кіевск. окр. ч. II, 192).

[2]) Свящ. *А. К. Зеленецкій*, „О послѣднихъ дняхъ жизни А. С. Пушкина, какъ христіанина". (Тамъ же, 231).

[3]) Тамъ же, 234.

[4]) Священникъ *Н. С. Стеллецкій*, „О христіанской кончинѣ Пушкина". (Тамъ же, 485).

[5]) Свящ. *А. І. Миловидовъ*, „Молитва за А. С. Пушкина, какъ выраженіе почтенія къ памяти его". (Тамъ же, ч. III, 7).

[6]) Тамъ же, 7.

сына святой церкви православной“ и „вѣрноподданнаго сына“ „царя православнаго“ [1]).

Свящ. Нефедьевъ въ рѣчи своей [2]) очертилъ духовную жизнь поэта, признавъ въ ней ту борьбу съ плотью, на которую обреченъ всякій христіанинъ, „взявшій крестъ свой“. Эта борьба привела къ побѣдѣ, и потому жизнь великаго поэта „съ нравственно христіанской точки зрѣнія представляетъ намъ прекрасное назиданіе“.

Свящ. Соколовъ выяснилъ религіозныя настроенія А. С. Пушкина [3]). Передъ нами бѣглый очеркъ главнѣйшихъ произведеній поэта, которыя касаются вопросовъ вѣры, загробной жизни, смысла земной,— изъ этихъ взглядовъ складывается у автора пониманіе самого поэта.

Свящ. Бѣловидовъ выяснилъ воспитательное значеніе поэзіи Пушкина съ церковной точки зрѣнія [4]). Ораторъ берется доказать, что Пушкинъ былъ „учителемъ набожности и нравственной чистоты“ [5]). Для доказательства онъ цитуетъ рѣчи Пимена къ Григорію Отрепьеву, рѣчи Бориса Годунова къ Ѳеодору, мысли Кочубея о покаяніи и смерти, — между тѣмъ, все это — осколки *объективнаго* творчества, и напрасно ими такъ широко пользуется авторъ. Факты изъ жизни поэта тоже не подтверждаютъ мнѣній свящ. Бѣловидова о набожности поэта, не ограниченной эпохами его жизни.

Прекрасно по содержанію и настроенію слово г. Страхова, произнесенное имъ при поминовеніи А. С. Пушкина [6]). Назначеніе поэта увидѣлъ онъ въ раскрытіи передъ людьми „тайнъ Божіихъ, заключенныхъ въ природѣ и жизни“, а также въ способности „глаголами своими жечь сердца людей“ [7]). Правда, не всегда оставался вѣренъ пѣвецъ своему высокому призванію, — „но утѣшительно то, что поэтъ нашъ, при всѣхъ слабостяхъ и увлеченіяхъ, по натурѣ

---

[1]) Свящ. *Н. А. Коноплевъ*, „Слово“. (Вологодская гимназія. Столѣтній юбилей со дня рожденія А. С. Пушкина 27-го мая 1899. Харьковъ 1900, стр. 6).

[2]) Свящ. *А. Нефедьевъ*, „Кончина А. С. Пушкина“ (Кумскій, „Памяти П—на“, Сб. Кавк. Уч. Окр., 110).

[3]) Свящ. *Соколовъ*, „Религіозная сторона произведеній А. С. Пушкина“. (Тамъ же, 157).

[4]) Свящ. *П. Бѣловидовъ*, „Воспитательное значеніе поэзіи Пушкина“. (Тамъ же, 181).

[5]) Тамъ же, 185.

[6]) *Викторъ Страховъ*, „Слово при поминовеніи А. С. Пушкина въ день столѣтней годовщины его рожденія“, 26-го мая 1899 г. („Слово и рѣчи въ день 100-лѣтней годовщины А. С. Пушкина“, 26-го мая).

[7]) Тамъ же, 4.

всегда оставался искреннимъ, добрымъ, благороднымъ и великодушнымъ человѣкомъ" [1]). „Въ душѣ поэта хранился неистощимый источникъ той горячей и чистой любви, ради которой многое прощается заблуждающемуся, но кающемуся" [2]). Г. Страховъ послѣ общей характеристики поэта останавливается на разсмотрѣніи высокихъ мотивовъ пушкинской поэзіи: „среди чуждыхъ приражецій (?) въ его произведеніяхъ, говоритъ онъ, ясно видно мерцаніе высшаго божественнаго свѣта, какъ требованіе укрощенія личныхъ страстей и какъ указаніе на то, что для достиженія душевной свободы необходимъ подвигъ личнаго самоусовершенствованія, или же какъ порицаніе эгоизма и страсти, наряду съ признаніемъ святости семейныхъ узъ и непоколебимымъ сознаніемъ долга. Эти мерцанія божественнаго свѣта, все болѣе и болѣе разгораясь, дѣлаются затѣмъ яркимъ свѣточемъ, при помощи котораго поэтъ силою своего творчества освѣщаетъ русскую жизнь, русскую душу, и все это оживляетъ дивнымъ поэтическимъ блескомъ, сообщая въ то же время родному языку такую яркость красокъ и гармонію, такую силу и выразительность, какихъ не было и въ вѣщаніяхъ языковъ чуждыхъ, издавна образованныхъ [3]). Приведенныя нами цитаты даютъ нѣкоторое представленіе о литературной сторонѣ рѣчи г. Страхова: не давая ничего новаго, она представляетъ изъ себя одно изъ лучшихъ произведеній церковной юбилейной литературы.

Также останавливаетъ на себѣ вниманіе прекрасное по содержательности и настроенію слово г. Малинина, сказанное передъ панихидою 26-го мая 1899 г. въ церкви Кіево-Братскаго монастыря [4]). Передъ нами характеристика Пушкина и его поэзіи, выясненіе высокаго значенія поэта, безъ всякихъ „но", „блудныхъ сыновъ" и „кающихся разбойниковъ", которыми богаты рѣчи большинства нашихъ пастырей.

Свящ. А. С. [5]) въ своей краткой рѣчи отмѣтилъ вѣрно нѣкоторыя особенности пушкинской дѣятельности. Напрасно только онъ про-

---

[1]) Тамъ же.

[2]) Тамъ же.

[3]) Тамъ же, 5.

[4]) *В. Н. Малининъ*, „Слово, сказанное въ церкви Кіево-Братскаго монастыря, 26-го мая 1899 г. предъ панихидою, совершенною по случаю исполнившагося столѣтія со дня рожденія А. С. Пушкина" (*Труды Кіевской Дух. Академіи*, 1899, № 6, 196).

[5]) *А. С.*, „Двѣ рѣчи въ 100-лѣтнюю годовщину со времени рожденія Императора Николая I и А. С. Пушкина". Спб. 1900.

извелъ какой-то смотръ Ломоносову, Державину и Пушкину „въ религіозномъ отношеніи“, при чемъ поставилъ ихъ обоихъ выше Пушкина!

Свящ. Пареньевъ началъ свое „Слово“ [1]) съ указанія, за кого молится и за кого не молится Св. Церковь, подробно выяснилъ преступное значеніе поединка, перешелъ къ „блудному сыну“ Церкви А. С. Пушкину, очертилъ бѣгло его духовный обликъ и, отмѣтивъ его христіанскую кончину, пригласилъ своихъ слушателей помолиться за его душу.

Въ „Курскомъ Листкѣ“ перепечатана краткая, но сильная и теплая рѣчь высокопреосвященнаго Макарія, сказанная еще въ 1880 г. [2]).

Очень интересна рѣчь свящ. Восторгова [3]). Это прекрасное слово обличаетъ въ авторѣ хорошее знакомство съ произведеніями Пушкина, а также человѣка понимающаго и любящаго поэзію. Образъ поэта, вышедшій изъ подъ пера свящ. Восторгова, чистъ и возвышенъ. „На отрицательную сторону жизни и дѣятельности поэта, говоритъ онъ, обращали больше, чѣмъ надо, вниманія, такъ что, можно сказать, и съ этой стороны слухъ о немъ прошелъ по всей Руси великой и окружающее его и музу его туманное облако непониманія, недоумѣнія и клеветы не совсѣмъ еще разсѣялось и донынѣ“ [4]). „Нашлись и находятся особые любители, которые съ рвеніемъ, достойнымъ лучшаго дѣла, обходя въ поэтѣ вѣчное и достойное, а часто не зная его, съ особымъ наслажденіемъ подчеркивали его слабости и недостатки, съ непонятною радостью утверждали, что поэтъ былъ и ненадежнымъ христіаниномъ и ненадежнымъ сыномъ отечества“ [5]). Авторъ не закрываетъ глазъ на „темныя пятна“ въ жизни и дѣятельности поэта, но „грѣхи Давида, отреченіе Петра, гонительство Павла, грѣховность Маріи Египетской и Евдокіи преподобной“ не помѣшали, въ концѣ концовъ, ихъ святости. „Великихъ поминаютъ за ихъ труды, за славу,

---

[1]) Свящ. *Андрей Пареньевъ*, „Слово въ день поминовенія Александра Сергѣевича Пушкина“ (отт. изъ № 14 *Кишин. Епарх. Вѣд.* за 1899 г.).

[2]) „Къ панихидѣ на 26-е мая“. „О чемъ нужно русскимъ людямъ помолиться“. Рѣчь на открытіе памятника А. С. Пушкину, сказанная послѣ панихиды о немъ высокопреосвященнымъ *Макаріемъ*, митрополитомъ московскимъ и коломенскимъ 6-го іюня 1880 года (*Церк. Вѣстн.* 1880. № 24, изъ прилож. *Курскаго Листка*).

[3]) Свящ. *І. Восторговъ*, „Вѣчная память, рѣчь при поминовеніи великаго русскаго поэта Александра Сергѣевича Пушкина въ день столѣтняго юбилея со дня его рожденія“. („Кавказская поминка о Пушкинѣ“—26-го мая 1799—26-го мая 1899. Изд. ред. газеты *Кавказъ*, Тифлисъ, 1899).

[4]) Тамъ же, V—VI.

[5]) Тамъ же, VI.

за добро, а за грѣхи. за темныя дѣянья Спасителя смущенно (смиренно!) умоляютъ"—вотъ точка зрѣнія автора. Доказываетъ онъ далѣе, что Пушкинъ былъ и христіаниномъ, и истинно-русскимъ человѣкомъ, и заключаетъ такими словами: „пусть то, что сѣялъ онъ въ плоть—по немощи его, по грѣховности—отъ плоти пожнетъ смерть и тлѣніе и въ памяти людской пусть будетъ забыто и похоронено. А то, что сѣялъ онъ въ духѣ—разумное, духовное, вѣчное—пусть склонитъ къ нему милость Предвѣчнаго, пусть отъ духа ему пожнетъ жизнь вѣчную и среди людей дастъ ему вѣчную память" [1])!

Кромѣ этого слова, свящ. І. Восторговъ о Пушкинѣ говорилъ еще два раза: 1) въ церкви Тифлисской 1-й великой княгини Ольги Ѳеодоровны женской гимназіи [2]) и 2) на молебствіи при выпускѣ воспитанницъ той же гимназіи 12-го іюля 1899 года [3]). Впрочемъ Пушкинъ въ этихъ двухъ рѣчахъ играетъ вторую роль, а потому разсматривать подробнѣе этихъ рѣчей мы не будемъ.

Очень благопріятное впечатлѣніе производитъ работа г. Введенскаго [4]). Передъ нами серьезная работа, основанная на изученіи жизни поэта и его твореній. Авторъ въ предисловіи обѣщалъ дать „свой опытъ" выясненія религіозныхъ идеаловъ Пушкина,—работа г. В. В. Никольскаго не удовлетворяетъ его потому, что тотъ поставилъ свою тему шире и вопросу о религіозныхъ идеалахъ Пушкина посвятилъ только 7 страницъ; пресловутое произведеніе архіепископа Никанора: „Бесѣда въ недѣлю блуднаго сына при поминовеніи раба Божія Александра" (поэта Пушкина) вызываетъ справедливый упрекъ автора: „преосвященный Никаноръ занялся сопоставленіемъ Пушкина съ евангельскимъ образомъ блуднаго сына, и потому религіозные взгляды поэта во многихъ мѣстахъ „Бесѣды" получаютъ не вполнѣ естественное (!!) толкованіе" [5]). Самъ авторъ избираетъ другой путь: онъ даетъ намъ подробную, надо признать, живую и талантливую біографію поэта, при чемъ старается уловить въ ней всѣ черты, относящіяся къ религіозности Пушкина. Надо сознаться, что онъ дѣлаетъ это до того добросовѣстно, что никакихъ чертъ не находитъ, кромѣ предположенія

---

[1]) Тамъ же, XIX—XX.

[2]) Свящ. *І. Восторювъ*, „Слово въ праздникъ Вознесенія Господня, 27-го мая 1899 г." („Памяти Пушкина", Сбор. Кавк. уч. окр., 26).

[3]) Его же, рѣчь на молебствіи (тамъ же).

[4]) *С. Введенскій*, „Религіозные идеалы А. С. Пушкина". (*Правосл. Собес.* 1899, № 7—8, 12; есть отд. оттискъ).

[5]) Тамъ же, 4.

о вліяніи на ребенка его законоучителя Бѣликова, да смутно-религіозныхъ чувствъ его няни. Лицейская жизнь не даетъ г. Введенскому ничего, кромѣ стихотворенія „Безвѣріе", написаннаго для выпускнаго экзамена. Напрасно, впрочемъ, онъ придаетъ этому произведенію большое значеніе: это—отрыжка XVIII вѣка съ его модой въ учебныхъ заведеніяхъ восхвалять устами питомцевъ „добродѣтель" въ разныхъ ея видахъ,—все это писалось по заказу,—таково же и стихотвореніе Пушкина холодное и риторичное. Тѣмъ болѣе страненъ выводъ автора изъ наблюденій надъ первымъ періодомъ жизни поэта: „не смотря на раннія увлеченія, вѣра жила въ его сердцѣ, хотя въ формѣ смутной, какъ „души неясный идеалъ" [1]). Второй періодъ жизни поэта даетъ автору сначала только эпиграммы на Голицына и Фотія. Изъ нихъ г. Введенскій дѣлаетъ заключеніе, что, обличая мистицизмъ и фанатизмъ, Пушкинъ этимъ самымъ доказывалъ, что въ его душѣ живетъ высокій идеалъ настоящей религіи. Но не можетъ ли это доказывать, съ другой стороны, что Пушкинъ былъ въ то время вполнѣ равнодушенъ къ религіи, но всякія уродства замѣчалъ и ихъ высмѣивалъ. Жизнь въ Михайловскомъ, несомнѣнно, пробудила его интересъ къ религіознымъ красотамъ. а третій періодъ, пожалуй, можетъ дать факты, до нѣкоторой степени свидѣтельствующіе, что у Пушкина дѣйствительно начали складываться религіозные идеалы. Возможно, что та „человѣчность", которой онъ служилъ при жизни, сблизила его съ Евангеліемъ, этимъ высокимъ гимномъ именно чистой человѣчности. Г. Введенскій ничего не говоритъ намъ о „церковности" Пушкина, о „русскомъ народѣ", и онъ правъ. Жаль только, что онъ хочетъ доказать, что вѣра жила въ душѣ Пушкина „съ дѣтства". Конечно, нельзя давать большого значенія всѣмъ его кощунственнымъ произведеніямъ въ смыслѣ показателя его „убѣжденій", — они прошли всѣ, такъ сказать, по верху, не касаясь глубинъ пушкинской души, — но едва-ли будетъ легко доказать, что въ глубинахъ этихъ всегда жила вѣра. На нашъ взглядъ, Пушкинъ сначала былъ индифферентенъ къ этимъ высокимъ запросамъ духа, потомъ подошелъ къ св. книгамъ, какъ художникъ, и кончилъ жизнь, какъ христіанинъ, все полюбившій и всему простившій.

Г. Рункевичъ въ своей статьѣ [2]) задался цѣлью указать тѣ мѣста

---

[1]) Тамъ же, 26.

[2]) *С. Г. Рункевичъ*, „Религіозные мотивы въ сочиненіяхъ А. С. Пушкина" (*Христіанское Чтеніе*, 1869, V выпускъ; есть отдѣльные оттиски).

у Пушкина, гдѣ онъ говоритъ о „священникахъ", упоминаетъ о „Богѣ", о „семинаристахъ", о говѣніи, молебнахъ, говоритъ: „Христосъ съ вами"—или: „дай Богъ" etc. Все это годится автору для указанія „религіозныхъ мотивовъ" въ сочиненіяхъ А. С. Пушкина. Авторъ исходитъ изъ убѣжденія, ни на чемъ, конечно, не основаннаго, что поэтъ былъ „воспитанъ въ правилахъ религіи"; онъ увѣренъ, что за „атеизмъ" пострадалъ Пушкинъ „для совершеннаго искупленія своего напускнаго грѣха" [1]). До какихъ курьезовъ доходитъ онъ, видно, хотя бы, изъ слѣдующаго: перечисляя „религіозные мотивы", онъ добросовѣстно упоминаетъ и о томъ, какъ на одной попойкѣ Пушкинъ собирался говорить „на счетъ *небеснаго царя*, и на счетъ земнаго" [2]); упоминаетъ о „*святомъ*" *монахѣ*, полюбившемъ русалку и утонившемся [3]); попадаетъ у г. Рункевича въ „религіозные мотивы" и „балъ въ *гееннѣ*" [4]), и „*патріархъ*" изъ Бориса Годунова, и *юродивый*, и планы Пушкина о „преобразованіи *семинарій*", и „*попъ* нахмуренный", и „*попъ* убогій" [5]), и много всякой всячины. Любопытно, что̀ понимаетъ подъ „религіозностью" вообще г. Рункевичъ, рѣшившійся судить поэта съ этой точки зрѣнія?

Г. Владимірскій посвящаетъ тому же вопросу свою статью: „Отраженія религіознаго настроенія въ поэзіи Пушкина" [6]). Передъ нами подборъ отрывковъ изъ Пушкина и толкованія автора, усиленно во всемъ видящаго религіозныя тенденціи. Изъ „Пророка" онъ выводитъ назначеніе поэта быть глашатаемъ Бога, изъ „Черни" („Для звуковъ сладкихъ и *молитвъ*")—призваніе поэта возвышать мысль людей къ религіозному настроенію [7]). „Для береговъ отчизны дальней"—съ его своеобразной точки зрѣнія,—просто поэтическій образъ для выраженія религіозной идеи [8]). Въ основѣ „Бориса Годунова"—*религіозная* идея о праведномъ судѣ Божьемъ. „Пиръ во время чумы" насквозь проникнутъ мыслью о безсмертіи [9])... Не приводя болѣе натянутыхъ толкованій автора, отмѣтимъ, что почетное званіе „націо-

---

[1]) Тамъ же, 4.

[2]) Тамъ же, 11.

[3]) Тамъ же.

[4]) Тамъ же, 11.

[5]) Тамъ же, 16.

[6]) „Изъ циркуляра по Казанскому учебному округу", 1899, № 5; есть отдѣльный оттискъ.

[7]) Тамъ же, 9.

[8]) Тамъ же, 11.

[9]) Тамъ же, 16.

нальнаго поэта" авторъ разрѣшаетъ дать Пушкину за *религіозность* его твореній.

Самымъ оригинальнымъ на пушкинскомъ юбилеѣ было слово протоіерея Соколова [1]). Оно обошло крупные журналы и газеты и, конечно, создало автору нѣкоторую славу.

Безспорно, одной изъ наиболѣе цѣнныхъ работъ пушкинской юбилейной литературы надо признать рѣчь г. Кони, посвященную выясненію общественныхъ взглядовъ А. С. Пушкина [2]). Съ всепобѣждающей силой краснорѣчія и логики авторъ рисуетъ, шагъ за шагомъ, грандіозную картину пушкинскаго міросозерцанія. Ни одно отрывочное восклицаніе поэта, ни одна фраза его не пропадаетъ даромъ,—все подъ мастерской рукой опытнаго художника попадаетъ на свое мѣсто въ его широко написанной картинѣ. Признаемся, стройность, логичность, скажемъ даже, холодная ясность рисунка на этой картинѣ заставляютъ подозрѣвать, все-ли въ ней благополучно. Вѣдь изъ того же Пушкина дѣлаютъ выдержки съ полнымъ убѣжденіемъ люди другихъ взглядовъ, нежели г. Кони! Мы не говоримъ, что они всегда правы, но они искренне думаютъ, что правы,—слѣдовательно, есть въ воззрѣніяхъ поэта какая-то неясность, позволяющая про-

---

[1]) „Всѣ мы здѣсь собрались,—сказалъ майкопскій златоустъ 1.200 дѣтямъ,—помолиться о рабѣ Божіемъ Александрѣ. Знаете, кто былъ этотъ рабъ Божій Александръ! Это былъ поэтъ. Онъ всю жизнь свою пѣлъ пѣсни и многія изъ нихъ безнравственныя, о которыхъ самъ потомъ жалѣлъ. Смѣемъ-ли мы молиться за такого человѣка? Да—смѣемъ; христіанская церковь, какъ любящая мать, всѣхъ пріемлетъ къ себѣ и позволяетъ молиться за падшихъ сыновъ своихъ. И разбойникъ на крестѣ покаялся и былъ прощенъ. Итакъ онъ пѣлъ пѣсни, рабъ Божій Александръ. И вы, дѣти, воспитываетесь въ школѣ на этихъ пѣсняхъ, а, между тѣмъ, о многихъ изъ нихъ онъ самъ хотѣлъ, чтобы онѣ канули въ Лету. Только неучи, недоучки, недоросли могутъ приходить въ восхищеніе отъ такой сказки, какъ сказка о работникѣ Балдѣ. И эту сказку читаютъ иные педагоги въ школахъ. Только развѣ это педагоги—это наемники, продажные, которыхъ на порогъ школы не слѣдуетъ пускать. Пушкинъ умеръ христіаниномъ. Объ этомъ свидѣтельствуетъ священникъ, напутствовавшій его, который говорилъ: „вотъ истинно христіанская кончина, я бы желалъ, чтобы всѣ такъ умирали". Умеръ Пушкинъ христіаниномъ по желанію царя(!!), который послалъ ему священника. Помолимся же, дѣти, о рабѣ Божіемъ Александрѣ; молитесь о немъ постоянно и вездѣ; онъ сильно нуждается въ вашихъ чистыхъ дѣтскихъ молитвахъ" (Фаресовъ, op. cit., 61).

[2]) *А. Ѳ. Кони*, „Общественные взгляды А. С. Пушкина" („Чествованіе памяти А. С. Пушкина Императорской Академіей Наукъ"; есть отдѣльные оттиски).

извольно толковать нѣкоторыя его творенія. Вотъ почему нельзя, намъ кажется, не оговориться, что Пушкинъ былъ, хотя и „умнѣйшій человѣкъ въ Россіи", но, все-таки, поэтъ, а не философъ-юристъ...

Пушкина почтенный авторъ называетъ „великимъ явленіемъ жизни русской". Но великія явленія, продолжаетъ онъ, какъ въ области нравственной природы, такъ и въ области физической имѣютъ одно общее сходство: про нихъ никогда нельзя сказать, что они изучены окончательно [1]). Оттого въ духовной природѣ Пушкина, „по мѣрѣ созрѣванія и расширенія русской мысли, по мѣрѣ болѣе близкаго знакомства со всѣмъ, что къ нему относится, открываются все новые горизонты" [2]). Приступая къ Пушкину, г. Кони считаетъ должнымъ остановиться на его нравственныхъ и правовыхъ взглядахъ. „Пушкинъ былъ исполненъ чувства и исканія правды. Но правда проявляется въ искренности въ *отношеніяхъ* къ людямъ, въ *справедливости* въ дѣйствіяхъ съ ними". Разъ дѣло идетъ объ отношеніи цѣлаго общества къ сочленамъ,—правда выражается въ *законодательствѣ* и *правосудіи*. „Право и нравственность не суть чуждыя или противоположныя одно другому понятія" [3]). Источникъ у нихъ общій, различіе заключается „въ принудительной обязательности права" и „свободной осуществимости нравственности".—„отсюда связь правовыхъ воззрѣній съ нравственными идеалами" [4]). Право имѣетъ „писанный кодексъ",—нравственность зависитъ отъ голоса „совѣсти". Голосъ совѣсти у многихъ людей связанъ съ вѣрой. Выводъ изъ этого введенія таковъ: говоря о правовыхъ воззрѣніяхъ Пушкина, мы должны ознакомиться съ его нравственными, а, слѣдовательно, и религіозными воззрѣніями.

Изъ нѣсколькихъ вольнодумныхъ стихотвореній Пушкина нельзя выводить его невѣрія. До 22 лѣтъ Пушкинъ находился въ періодѣ „скитанія мыслей",—затѣмъ онъ переходитъ къ вѣрѣ. Къ христіанству Пушкинъ относился, какъ *мыслитель*: „Весь законъ въ нѣсколькихъ словахъ, сказалъ онъ Баранту: здѣсь только одна, единственная великая сила—любовь!" [5]),—и какъ *историкъ*, признававшій великое культурно-историческое значеніе его. Въ отношеніяхъ къ людямъ въ немъ не было себялюбія и эгоизма, такъ какъ его личность „дышать

[1]) Тамъ же, 34.
[2]) Тамъ же.
[3]) Тамъ же, 35.
[4]) Тамъ же.
[5]) Тамъ же, 38.

добротою и дѣятельною любовью. Голосъ „кроткой жалости“ слышится не только на страницахъ его произведеній, но и въ порывахъ его сердца“ [1]). Онъ чуждъ мелочнаго чувства ревности къ успѣху собратій по перу: завидовать онъ не умѣлъ; особое значеніе придавалъ дружбѣ. Таково отношеніе Пушкина къ людямъ. Въ отношеніи къ себѣ онъ былъ строгъ: „чуткою душой своей Пушкинъ не могъ не сознавать, что лишь упорный и серьезный трудъ и полная правдивость съ собою и съ другими могутъ поддержать въ человѣкѣ самоуваженіе“ [2]). Любовью къ труду была проникнута вся его жизнь. И любовь къ правдѣ царитъ въ его трудѣ. Оттого онъ, человѣкъ правдивый и искренній, цѣнилъ „цѣльныхъ“ людей и „цѣльныя“ чувства. Свою любовь къ правдѣ онъ перенесъ и въ свои историческіе труды. Онъ не ослѣплялся чувствомъ привязанности къ Петру и Россіи: ему былъ чуждъ узкій патріотизмъ, — „указывая на терпимость къ чужому, какъ на одну изъ прекрасныхъ сторонъ простого русскаго человѣка, онъ говорилъ о необходимости уваженія къ *человѣчеству* и къ его благороднымъ стремленіямъ“ [3]). Правдивый ко всѣмъ, онъ строгъ былъ къ себѣ. Рано опредѣлилъ онъ взглядъ свой на правосудіе и законодательство. Онъ „желалъ видѣть законъ примиреннымъ съ житейскою правдой и законною свободою, желалъ видѣть человѣка не рабомъ непонятнаго ему принудительнаго приказа, а слугою разумныхъ требованій общежитія“ [4]). Свобода мысли и слова, требованія строгой обдуманности и человѣчности закона, истинной справедливости, борьба съ крѣпостнымъ правомъ,—вотъ его завѣты. Психологія преступленія его тоже интересовала: онъ выяснилъ значеніе совѣсти для человѣка, прослѣдилъ процессъ назрѣванія преступленія. Онъ высказался о современномъ ему судѣ и нарисовалъ идеальный, въ которомъ кромѣ справедливости отводилъ мѣсто милости и прощенію. Чуждый вражды и злобы, онъ увлекался войной только лишь въ угарѣ 1812 года, да въ эпоху возстанія Греціи. Въ отношеніяхъ къ современному обществу Пушкинъ былъ поставленъ въ трудное положеніе: самъ поэтъ находилъ, что „конечно презирать не трудно отдѣльнаго каждаго глупца, но—чудно! всѣхъ вмѣстѣ презирать ихъ трудно!“ [5]),—отсюда его двойственное зависимое положеніе въ обще-

---

[1]) Тамъ же, 42.
[2]) Тамъ же, 45.
[3]) Тамъ же, 49.
[4]) Тамъ же, 51.
[5]) Тамъ же, 63.

ствѣ, ниже его стоявшемъ въ духовномъ отношеніи. Презирая „чернь“ умственную и нравственную, онъ продолжалъ служить всему народу, предъ которымъ преклонялся. Его высокіе взгляды на семейную жизнь не нашли оправданія въ дѣйствительности. Его идеалы служителя народу столкнулись съ „коварной и лицемѣрной дружбой (?) того, кому былъ довѣрчиво ввѣренъ государемъ“ [1]), и этотъ посредникъ между трономъ и „эхомъ“ русскаго народа держалъ его, „какъ Прометея, прикованнаго къ сырой и холодной петербургской скалѣ, и предоставлялъ коршунамъ терзать его сердце, о которомъ самъ Пушкинъ уже говорилъ: „пора! пора! покоя сердце проситъ“ [2]).

Наконецъ, сознательно и энергично требовалъ Пушкинъ просвѣщенія русскому народу. Заканчиваетъ свою блестящую рѣчь г. Кони широкими аккордами. Говоря о дняхъ 1880 года, онъ восклицаетъ: „тогда, казалось, безвременно погибшій поэтъ простилъ русскому обществу съ высоты своего пьедестала его вольныя и невольныя по отношенію къ себѣ прегрѣшенія. Въ забытьи послѣднихъ тѣлесныхъ мукъ своихъ, свѣтлѣя и прозрѣвая духовно, онъ говорилъ Далю: „Ну, подымай же! пойдемъ же выше! выше!“... И онъ идетъ все выше и выше въ русскомъ самосознаніи, поднимая его за собою, облагораживая его... И, кажется, что здѣсь, на праздникѣ нашего духа и нашей справедливой гордости, въ средѣ Академіи Наукъ, присутствуетъ и онъ, ея славнѣйшій членъ, живой, подвижный, съ выразительнымъ лицомъ, въ густыхъ кудряхъ волосъ, съ печатью свѣтлой думы на челѣ,—и что сегодня его веселый, дѣтскій смѣхъ звучитъ особенно радостно, безъ затаенной ноты скорби, и прекрасные голубые глаза не имѣютъ повода темнѣть отъ боли и гнѣва. Такъ отдаленная звѣзда, уже прекративъ свое существованіе, продолжаетъ лить на землю свои чистые плѣнительные лучи...“

Проф. Назимовъ обрисовалъ намъ „общественные идеалы Пушкина“ [3]). Передъ нами цѣнная характеристика русскаго общества пушкинской эпохи и выясненіе его, какъ „эха“ этого общества. Авторъ говоритъ о значеніи „естественнаго права“ въ міросозерцаніи людей XVIII и начала XIX вѣка и видитъ въ Пушкинѣ его поклонника. Впрочемъ, уже „Цыгане знаменуютъ собою поворотный пунктъ въ творчествѣ Пушкина. Онъ оставляетъ мечты о

---

[1]) Тамъ же, 67.

[2]) Тамъ же.

[3]) *А. Е. Назимовъ*, „Общественные идеалы А. С. Пушкина“ („*Пушкинскіе дни въ Одессѣ*“, Сборникъ Новороссійскаго университета).

естественномъ правѣ и естественномъ состояніи человѣка и начинаетъ смотрѣть на общественные вопросы съ исторической точки зрѣнія; беретъ свои сюжеты изъ дѣйствительной русской жизни и изъ русской исторіи. Другими словами, Пушкинъ переживаетъ тотъ же процессъ мысли, который характеризуетъ научную эволюцію начала XIX вѣка" [1]). Съ этихъ поръ герои Пушкина стараются отстоять свою независимость среди общества,—съ этой точки зрѣнія объясняетъ авторъ Онѣгина: „на характерѣ героя поэмы отразилась основная черта характера Пушкина—его душевное благородство,—...оно органически связано съ чувствами общественной независимости" [2]). „Дворянство", съ которымъ носился Пушкинъ, объясняется авторомъ, какъ единственное, съ точки зрѣнія Пушкина, средство къ сохраненію своей независимости. Поэтъ придавалъ этой силѣ не только значеніе лично для себя, человѣка нечиновнаго, но и для русской исторіи, видя въ дворянствѣ культурно-историческую силу, за которой будущее [3]). Проф. Назимовъ вообще считаетъ Пушкина до конца его дней далекимъ отъ „офиціальнаго оптимизма" и въ „Исторія села Горохина" готовъ видѣть не одну пародію на современные поэту историческіе труды, но и выраженіе воззрѣній поэта на все прошлое русской земли. „Пушкинъ достигъ апогея своего интеллектуальнаго развитія, когда писалъ „Исторію села Горохина". Въ полной силѣ своего таланта, свободный отъ исторической фальши, онъ стоялъ въ глубокомъ раздумьѣ передъ жизнью русскаго народа" [4]). Въ этомъ произведеніи авторъ видитъ „проблескъ геніальной мысли", ключъ отъ которой потерянъ для насъ: „Пушкинъ унесъ съ собою свою тайну" [5]).

Рѣчь проф. Будде [6]) начинается съ указанія на то, что Пушкинъ еще не можетъ быть названъ національнымъ нашимъ писателемъ, такъ какъ для простого народа онъ еще не доступенъ. Затѣмъ авторъ разбираетъ тѣ стихотворенія, которыми завоевалъ Пушкинъ права на общую благодарность всего русскаго народа. Изъ этого разбора естественно вытекаетъ характеристика Пушкина, какъ

---

[1]) Тамъ же, 62—3.
[2]) Тамъ же, 66.
[3]) Тамъ же, 67.
[4]) Тамъ же, 70.
[5]) Тамъ же, 71.
[6]) Проф. *Ев. Будде*, „А. С. Пушкинъ въ борьбѣ за права русскаго гражданина" („Рѣчь, читанная на торжественномъ собраніи Казанскаго университета", *Русская Мысль*, 1900 г. № 10, 130).

друга человѣчества, искренняго и свободнаго пѣвца, боровшагося за свободу мысли и слова, защитника права гражданскаго и чувства собственнаго достоинства, воспѣвавшаго милость къ падшимъ и чувства добрыя. „Пушкинъ, говоритъ авторъ, давалъ искренній совѣтъ поэту не дорожить любовью народною, такъ какъ въ то время, когда онъ жилъ, эта любовь не была еще любовью, не была еще искренней и сознательной у самого народа, т. е. „непросвѣщенной толпы“ [1]). Кромѣ того, онъ всегда былъ „полонъ чувства собственнаго достоинства, которое онъ не безъ риска для себя отстаивалъ всю свою жизнь предъ глазами всего отечества и которое онъ завѣщалъ своею дѣятельностью всякому русскому гражданину“ [2]). Любопытно сопоставленіе „Наказа“ съ одой „Вольность“ [3]), доказывающее, что произведеніе Пушкина есть, въ сущности, близкое переложеніе идей Екатерины. Увлекаясь этимъ сопоставленіемъ, г. Будде готовъ утверждать, что „вся дѣятельность Пушкина, которая выразилась въ его лирическихъ произведеніяхъ, сплошная защита правъ русскаго гражданина на законную свободу“ [4]). Это— „проповѣдь народнаго просвѣщенія, проповѣдь и свободы просвѣщенной“, и протестъ противъ беззаконія „барства дикаго и сильныхъ міра его времени!“ [5]). Едва ли такая характеристика лирики Пушкина можетъ быть признана удачной!

Интересна, хотя односторонняя работа г. Мякотина, посвященная анализу пушкинскихъ политическихъ убѣжденій [6]). Изъ скромныхъ рамокъ отчета о книгѣ Л. Н. Майкова („Пушкинъ“) статья г. Мякотина разрослась въ большую работу, написанную живо, съ увлеченіемъ, съ хорошимъ знаніемъ пушкинской литературы и умѣніемъ вѣрно схватывать существенное. Авторъ слѣдитъ за ростомъ политическихъ воззрѣній Пушкина съ его дѣтства. Широко и свободно рисуетъ онъ тотъ подъемъ самосознанія и патріотизма, которымъ отмѣчены въ исторіи русскаго общества годы юности поэта [7]). Свѣжестью блещетъ характеристика лицея и того „лицейскаго духа“,

---

[1]) Тамъ же, 139.

[2]) Тамъ же, 139.

[3]) Тамъ же, 141.

[4]) Тамъ же, 143.

[5]) Тамъ же.

[6]) *В. Мякотинъ*, „Изъ Пушкинской эпохи“ (*Сб. Русскаго Богатства*, 1899 г.).

[7]) Тамъ же, 192—4.

который своей свободой пугалъ людей павловскаго режима [1]). Совершенно правильно оцѣнено то странное положеніе Пушкина, въ какомъ онъ очутился по выходѣ изъ лицея, дѣля свои симпатіи между взбудораженною молодежью, будущими декабристами, и „степенными" арзамассцами, либерализмъ которыхъ былъ только „приличнымъ" [2]). Въ результатѣ, „при всей своей симпатіи къ освободительнымъ стремленіямъ эпохи, Пушкинъ не былъ охваченъ такимъ глубокимъ и, главное, такимъ безраздѣльнымъ увлеченіемъ общественными интересами, какое переживали нѣкоторые его сверстники. Въ его собственной природѣ, можетъ статься, слишкомъ преобладали художественные инстинкты, и слишкомъ сильна была жажда разнообразія жизненными впечатлѣніями" [3]). Далѣе авторъ внимательно слѣдитъ за жизнью Пушкина на югѣ, выясняетъ отношенія поэта къ греческому возстанію, къ либераламъ южной арміи, говоритъ объ отношеніяхъ къ Раевскимъ, Бестужеву, Рылѣеву, о жизни поэта въ Михайловскомъ. Все это очерчено совершенно вѣрно, но новаго ничего мы здѣсь не встрѣтили. Гораздо интереснѣе выяснены отношенія Пушкина къ Имп. Николаю. „Нѣкоторые писатели, говоритъ г. Мякотинъ, утверждали, что Пушкинъ въ 1826 году совершилъ крутой поворотъ, перейдя въ лагерь, прямо противоположный тому, въ какомъ онъ находился раньше, при чемъ одни изъ нихъ относятся къ этому повороту съ безусловной похвалой, другіе же—напротивъ, съ осужденіемъ, видя въ немъ результатъ угодливости поэта. По мнѣнію другихъ критиковъ, Пушкинъ и въ Николаевскую эпоху сохранилъ гуманную и просвѣщенную основу своихъ убѣжденій, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, въ нихъ произошелъ рядъ очень крупныхъ и существенныхъ измѣненій, въ концѣ концовъ, далеко отведшихъ поэта отъ тѣхъ людей, съ которыми онъ нѣкогда стоялъ рядомъ въ качествѣ единомышленника. Существуетъ, наконецъ, и такое мнѣніе, — наименѣе, однако, распространенное — согласно которому Пушкинъ и въ последній періодъ своей жизни не испыталъ никакой существенной перемѣны въ своихъ убѣжденіяхъ, а являлся выразителемъ и носителемъ общественныхъ идей 20-хъ годовъ" [4]). Г. Мякотинъ вѣрно опредѣляетъ границу между декабристами и Пушкинымъ: „онъ

[1]) См. „Нѣчто о Царскосельскомъ Лицеѣ и духѣ его" (*Русская Старина*, 1897 г., № 4).

[2]) Тамъ же, 200. Характеристика движенія декабристовъ 201—3.

[3]) Тамъ же, 206.

[4]) Тамъ же, 222—3. (Мнѣніе г. Якушкина. См. ниже).

скорѣе сочувствующій, чѣмъ равноправный участникъ движенія — болѣе самъ подчинялся вліянію его, чѣмъ вліялъ на него" [1]). Вторую половину этихъ утвержденій не мѣшало бы, впрочемъ, усилить: онъ не былъ не только равноправнымъ, но и вообще участникомъ движенія и уже, конечно, совсѣмъ не вліялъ на него. Далѣе г. Мякотинъ отмѣчаетъ чисто личную черту характера Пушкина, ту „благородную память сердца", которая всегда заставляла его съ любовью, съ сердечнымъ участіемъ относиться къ пострадавшимъ друзьямъ (Кюхельбекеръ, Пущинъ). Общее гуманное направленіе на всю жизнь осталось при Пушкинѣ, но на этомъ фонѣ развились взгляды на конкретные случаи русской жизни, отличные отъ убѣжденій декабристовъ [2]). Пушкинъ рѣшился идти вмѣстѣ съ правительствомъ, и черезъ него вліять на русское просвѣщеніе [3]). Изъ этого желанія выводитъ г. Мякотинъ желаніе поэта сблизиться съ императоромъ, его „Стансы" и житейскіе компромиссы. Но мечты Пушкина не оправдались,—изъ русскаго общества были вычеркнуты лучшіе люди, остальные притихли—общество потускнѣло, замерло... „Въ эту-то разрѣженную среду, съ ея поблѣднѣвшими красками и пониженнымъ пульсомъ жизни, вошелъ Пушкинъ [4]). Это уже не было то бодрое общество 20-хъ годовъ, изъ котораго былъ вырванъ Пушкинъ. Естественно, на впечатлительнаго поэта должна была угнетающе подѣйствовать новая среда. Къ тому же присоединился *личный* элементъ. Поэтъ былъ „подкупленъ лаской послѣ гоненій". Отсюда идутъ „компромиссы"—съ одной стороны,—и преклоненіе передъ „искусствомъ для искусства"— съ другой. Дворянскіе предразсудки въ немъ усилились, начинается отрицаніе европейской цивилизаціи, интересъ къ освобожденію крѣпостныхъ слабѣетъ, отношеніе къ Радищеву мѣняется... Выводъ г. Мякотина: Пушкинъ „не былъ въ Николаевскую эпоху выразителемъ общественныхъ идей 20—30-хъ годовъ" [5]),—хотя, все-таки, поэтъ, ушедшій въ безоблачную высь чистаго художественнаго творчества, писатель, пытавшійся примирить свои взгляды съ современною ему жизнью путемъ ряда уступокъ и компромиссовъ, великій художникъ оставался все-таки человѣкомъ слишкомъ безпокойнаго ума и слиш-

---

[1]) Тамъ же, 224.
[2]) Тамъ же, 228.
[3]) Тамъ же, 228.
[4]) Тамъ же, 229.
[5]) Тамъ же, 236.

комъ горячаго сердца для своего „жестокаго вѣка" [1]). Мы изложили и цитовали интересную статью г. Мякотина такъ подробно для того, чтобы дать о ней болѣе ясное представленіе. Но насколько справедливо выяснилъ онъ отношенія поэта къ императору, настолько неправъ, повидимому, не признавая, что есть что-то повыше либеральныхъ идей, пріуроченныхъ къ опредѣленной эпохѣ. Онъ словно упрекаетъ Пушкина за то, что тотъ не былъ представителемъ общественныхъ идей 20—30-хъ годовъ. И, слава Богу, что не былъ! Можетъ быть, мы бы теперь и не поминали его, если бы онъ служилъ одной политикѣ! Какую цѣну имѣютъ, хотя бы, тѣ произведенія Мицкевича, въ которыхъ поэтъ побѣжденъ политикомъ! Пушкинъ не измѣнялъ идеямъ 20-хъ годовъ, — онъ *переросталъ* ихъ: крикливыя—„свобода, равенство, братство" тускнѣли и меркли, когда передъ нимъ все опредѣленнѣе и ярче стало рисоваться другое божество—„человѣчность", божество, которое незримо зрѣетъ гдѣ-то глубоко въ тайникахъ человѣческаго сердца, но, выросши, никогда не профанируется такъ, какъ легко доступныя компромиссамъ—„свобода, братство и равенство"! Затѣмъ другая коренная ошибка г. Мякотина заключается въ томъ, что онъ совсѣмъ не желаетъ понять, что Пушкинъ—не простая единица, какъ, напримѣръ, заурядный, хотя и честный, и благородный Пущинъ, а натура художественная, организація которой и нервная, и психическая совсѣмъ иныя... Пушкинъ, впрочемъ, самъ не понялъ себя, когда, дѣйствительно, задумалъ вліять на правительство и русское общество путемъ публицистики. Какъ слабъ онъ въ своей запискѣ о воспитаніи! Чувствуется, что онъ не хозяинъ своихъ идей, словъ, фразъ, — онъ бредетъ съ завязанными глазами и спотыкается на каждомъ шагу. Его дѣло—жить образами. И въ этомъ отношеніи Пушкинъ поэтъ изъ поэтовъ, онъ даже свободнѣе Гете и Шиллера, такъ какъ тенденціи въ немъ меньше, чѣмъ въ нихъ, такъ какъ самые различные образы слетались къ нему постоянно и отовсюду, и онъ воплощалъ ихъ въ дивныя формы. Мелькнетъ передъ нимъ „кинжалъ", „свободы тайный стражъ",—онъ рисуетъ рядъ величавыхъ образовъ и ореоломъ окружаетъ его, забывъ о разныхъ „властяхъ предержащихъ"... Мелькнетъ-ли идеализированный образъ царя—онъ, окрыленный, пишетъ свои „Стансы"... Покорный рабъ, съ ядомъ въ рукѣ умирающій у ногъ владыки — опять чудный образъ! — и онъ пишетъ свой „Анчаръ", нисколько не заботясь о

[1]) Тамъ же, 237.

Бенкендорфахъ, о тѣхъ толкованіяхъ, которыя дадутъ этому произведенію либералы, радикалы, консерваторы... Онъ творилъ свободно, потому что вездѣ видѣлъ красоты, потому что духъ его былъ независимъ въ высокой степени, потому что не зналъ онъ заборовъ, которыми разгораживаютъ свое бытіе люди иного порядка, люди, конечно, часто и честные, и полезные... Вотъ почему ошибочнымъ кажется намъ говорить о политическихъ убѣжденіяхъ Пушкина, хвалить его или порицать. Можно говорить о настроеніяхъ современнаго ему общества и ловить въ его поэзіи отзвуки этихъ настроеній,—можно указать, какъ померкла эта чудная поэзія, когда жизнь тяжелымъ кольцомъ сдавила пѣвца...

Все то, что сказано нами г. Мякотину, можетъ быть сказано и г. Якушкину, который высказался по этому же вопросу въ рѣчи своей на майскомъ засѣданіи Общества любителей русской словесности [1]), а также въ перепечатанной имъ извѣстной статьѣ: „Радищевъ и Пушкинъ" [2]). Цѣль статьи—защита Пушкина отъ обвиненія въ измѣнѣ юношескимъ убѣжденіямъ; авторъ доказываетъ, что до конца дней своихъ поэтъ остался тѣмъ же, только извѣрился въ средства, которыми могутъ быть осуществлены его политическія мечты. Статью Пушкина о Радищевѣ, по мнѣнію г. Якушкина, понимать надо какъ-то *иносказательно*, такъ какъ она написана „эзоповскимъ языкомъ" съ цѣлью замаскировать передъ властями свои идеи. Вся статья г. Якушкина — это сплошной tour de force, едва-ли могущій кого нибудь убѣдить. Что же касается до того, нуждается-ли Пушкинъ въ такомъ „оправданіи", мы говорили уже выше. На нашъ взглядъ, статья его о Радищевѣ—это такое же неудачное произведеніе, какъ и „записка о воспитаніи",—здѣсь полное смѣшеніе точекъ зрѣнія: поэтъ судитъ Радищева и какъ художникъ, и какъ либералъ, и какъ консерваторъ, и какъ простой читатель,—и все это безъ всякой системы и порядка. Уловить сущность воззрѣній Пушкина по этой статьѣ нельзя,—онъ и ругаетъ Радищева и хвалитъ его, повидимому, за одно и то же. Вотъ почему старанія г. Якушкина „дешифрировать иносказательный языкъ" [3]) поэта производятъ впечатлѣніе сложной казуистики, постоянно обличаемой словами самого Пушкина. Поэтому, думается намъ, отношенія Пушкина къ декабристамъ гораздо вѣрнѣе

[1]) „Общественные взгляды Пушкина"—рѣчь, къ сожалѣнію, не напечатанная.

[2]) *В. Я. Якушкинъ*. „О Пушкинѣ", стр. 3. Москва, 1899. (Перепечатка изъ „Чтеній въ Обществѣ Исторіи и Древностей Рос." 1886, кн. I).

[3]) Тамъ же, 30, 35.

представлены у г. Мякотина,—для г. Якушкина Пушкинъ, повидимому, ничѣмъ не отличается отъ другихъ дѣятелей возстанія. Примиреніе поэта съ правительствомъ авторъ представляетъ какимъ то договоромъ двухъ враждующихъ сторонъ,—едва ли это вѣрно. Даже слова Пушкина: „мое будущее поведеніе зависитъ отъ обстоятельствъ, отъ обхожденія *со мною* правительства" [1])—фраза, ясно указывающая, что у поэта не было въ то время еще никакой опредѣленной программы отношеній къ режиму, что онъ самъ сознавалъ, какъ измѣнчивы эти *личныя* отношенія и какъ мало могъ онъ отвѣчать за себя,—эта фраза для г. Якушкина обращается въ статью „договора", при толкованіи которой отброшено главное—пониманіе души поэта. „Онъ ставитъ примиреніе въ зависимость отъ образа дѣйствій правительства" [2])... Прекрасно комментируетъ г. Якушкинъ „Стансы" и другія стихотворенія, посвященныя Импер. Николаю, и не особенно убѣдительно сравниваетъ нашего поэта съ Гораціемъ. Самая сильная часть работы г. Якушкина—это характеристика Радищева и его книги.

Проф. Казанскій посвятилъ свой очеркъ характеристикѣ Пушкина, какъ „общественнаго и государственнаго мыслителя" [3]). Совершенно справедливо указалъ онъ, что „въ своихъ произведеніяхъ Пушкинъ коснулся, такъ или иначе, всѣхъ сторонъ общественной жизни Россіи: религія и вѣрованья русскаго народа, его нравственныя воззрѣнія и стремленія, общественныя отношенія, государственный строй, политика внутренняя и внѣшняя,—все нашло въ его поэзіи свое отраженіе" [4]). Въ этихъ словахъ—вся программа статьи проф. П. Казанскаго: ссылками на сочиненія Пушкина онъ доказываетъ свои слова, объясняя разныя черты пушкинскаго облика условіями эпохи и жизни поэта. Передъ нами проходитъ Пушкинъ, какъ разумный поклонникъ русскаго народа („Я могу быть патріотомъ, не ненавидя другихъ народовъ"—слова Пушкина), какъ пѣвецъ свободы, политической и духовной, законности, какъ носитель дворянскихъ традицій, изобразитель духовенства и крестьянства. Выясняются его отношенія къ просвѣщенію, къ войнѣ и миру, къ польскому возстанію, къ движенію Россіи на югъ, къ возстанію Греціи. Не согласиться со всѣмъ этимъ нельзя; для доказательства этихъ положеній проф. Ка-

---

[1]) Пушкинъ, соч., VII, 173.

[2]) *Якушкинъ*, op. cit. 54.

[3]) Проф. *П. Казанскій*, „Народно-освободительные взгляды Пушкина" (Книжки „*Недѣли*", 1899, № 11).

[4]) Тамъ же, 183.

занскій пользуется данными, не представляющими новизны и не возбуждающими спора, но нельзя не упрекнуть автора за полное смѣшеніе хронологіи отзывовъ поэта о разныхъ вопросахъ русской общественности и государственности. Жаль также, что авторъ приписалъ стихотворенію „Деревня" большое культурное вліяніе въ дѣлѣ освобожденія крестьянъ. Извѣстно, что стихотвореніе это впервые напечатано въ 1870 году, а потому въ свое время могло быть лишь извѣстно друзьямъ поэта да немногимъ столичнымъ любителямъ литературныхъ рѣдкостей.

На страницахъ „Научнаго Обозрѣнія" мы имѣемъ анонимную характеристику Пушкина, какъ общественнаго дѣятеля [1]). Авторъ касается всѣхъ общеизвѣстныхъ фактовъ изъ жизни поэта, цитуетъ всѣ либеральныя произведенія его, но, въ общемъ, грубо и угловато чертитъ образъ поэта: достается мимоходомъ и русскому обществу за духъ „Булгарина и Бенкендорфа", сильно попадаетъ Владиміру Соловьеву, Писареву и Спасовичу. Выясненіе отношеній Пушкина и русскаго общества къ крѣпостничеству, польскому вопросу, Радищеву, разсказы о „мальчишескихъ" выходкахъ Пушкина, о закладываньи имъ крестьянскихъ душъ,—все это странно перемѣшано съ біографическими фактами, съ его либеральными стихотвореніями.

Г. Вожеряновъ разсказалъ своимъ читателямъ о любви Пушкина „къ народу, отечеству и государямъ" [2]). Передъ нами семь листовъ о Пушкинѣ,—„взглядъ и нѣчто", охватывающіе кругъ вопросовъ гораздо болѣе широкій, чѣмъ тотъ, что показанъ въ темѣ.

Отмѣтимъ, въ заключеніе, изданіе „Московскихъ Вѣдомостей": „Пушкинъ о вѣрѣ, царѣ и родинѣ" [3]). Передъ нами подборъ тѣхъ мѣстъ изъ твореній Пушкина, которыя пришлись по вкусу московской консервативной газетѣ. Образъ поэта, конечно, самъ собой складывается очень опредѣленнымъ изъ такой подтасовки. Насколько онъ вѣренъ, вопросъ другой.

В. В. Сиповскій.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

---

[1]) „Пушкинъ" (*Научное Обозрѣніе*, 1899, № 6).

[2]) *Н. Н. Божеряновъ*, „Памяти Пушкина", „Значеніе Пушкина, его любовь къ народу, отечеству и государямъ", 1899.

[3]) Прибавленіе къ № 143 *Московскихъ Вѣдомостей*.

И. Я. Гурляндъ. 1) Ямская гоньба въ Московскомъ государствѣ до конца XVII вѣка. Ярославль. 1900 г.

И. Я. Гурляндъ. 2) Новгородскія ямскія книги 1586 — 1631 гг. Ярославль. 1900 г.

Изслѣдованіе приватъ-доцента Демидовскаго юридическаго лицея И. Я. Гурлянда посвящено весьма интересному и мало разработанному вопросу изъ области исторіи древне-русской администраціи, именно ямской гоньбѣ. Вторая изъ названныхъ выше книгъ составляетъ приложеніе къ этому изслѣдованію, представляя собою изданіе рукописнаго матеріала, найденнаго авторомъ въ Императорской Публичной библіотекѣ, коимъ онъ пользуется и для своей работы.

Прежде чѣмъ приступать къ оцѣнкѣ интереснаго труда г. Гурлянда, позволимъ себѣ, въ немногихъ словахъ, передать его содержаніе. Въ введеніи г. Гурляндъ дѣлаетъ обзоръ литературы своего предмета, по большей части состоящей изъ журнальныхъ статей. Онъ передаетъ содержаніе этихъ работъ и въ немногихъ словахъ указываетъ ихъ достоинства и недостатки. Затѣмъ, прежде чѣмъ приступить къ самому изслѣдованію, авторъ отмѣчаетъ необходимость раздѣлить исторію ямской гоньбы въ древней Руси на три періода. Въ первомъ періодѣ господствовала подводная повинность, во второмъ—появляются ямскіе охотники и ямскія слободы, въ третьемъ—Московское правительство устраиваетъ ямскую гоньбу послѣ смутнаго времени. Независимо сего, г. Гурляндъ счелъ необходимымъ въ отдѣльныя главы выдѣлить обзоръ ямской гоньбы путемъ мірскихъ отпусковъ, принципіально имъ различаемой отъ стройной ямской гоньбы, и исторію сибирской ямской гоньбы (стр. 3—23).

Въ первой главѣ изслѣдованія разсматривается вопросъ о происхожденіи на Руси ямской гоньбы. Авторъ соглашается съ тѣмъ взглядомъ, что съ самаго ранняго времени существовала особая подводная повинность, по которой населеніе обязано было давать подводы для княжескихъ гонцовъ. При этомъ г. Гурляндъ указываетъ, что подъ словомъ подвода въ то время „понимались только лошади, а не лошади вмѣстѣ съ санями или телѣгой“ (стр. 25). Населеніе всегда тяготилось этой повинностью и по жалованнымъ грамотамъ иногда отъ нея освобождалось. Но во всякомъ случаѣ, подводная повинность существовала лишь по мѣрѣ надобности и не была „ямской гоньбой, т. е. такой организованной системой сообщенія, гдѣ заранѣе заготовленныя подводы всегда на извѣстныхъ пунктахъ ждутъ требованія и

существуютъ спеціальныя лица, вѣдающія распорядокъ по этому дѣлу" (стр. 28). Слово „ямъ" встрѣчается впервые не раньше нашествія татаръ. Г. Гурляндъ соглашается съ приводимыми имъ многочисленными данными о татарскомъ происхожденіи слова „ямъ". Онъ указываетъ, что у монголовъ уже въ то время существовала организованная ямская гоньба. Но, затѣмъ, онъ не согласенъ съ тѣми изслѣдователями, которые приписываютъ введеніе ямской гоньбы татарскому игу. Авторъ говоритъ, что передвиженіе татарскихъ гонцовъ и пословъ было вполнѣ обезпечено подводной повинностью въ предѣлахъ собственно русскихъ. Ямская гоньба существовала лишь въ ордѣ. „Ямъ", введенный татарами, былъ денежной повинностью, освобождавшей отъ повинности натуральной. Для татаръ она была гораздо выгоднѣе этой послѣдней, такъ какъ ложилась на все населеніе Руси, тогда какъ первая коснулась бы только населенія мѣстностей, расположенныхъ при большой дорогѣ (стр. 29—43). Кончается первая глава замѣчаніемъ, что въ началѣ XV вѣка на Руси еще не существовало стройной ямской гоньбы и указаніемъ, что основателемъ ея можетъ считаться Иванъ III (стр. 44—50).

Вторая глава настоящаго изслѣдованія посвящена исторіи ямской гоньбы въ концѣ XV и въ первой половинѣ XVI вѣка. Со времени Ивана III „по нѣкоторымъ дорогамъ, въ извѣстномъ разстояніи другъ отъ друга, были учреждены станціи, называвшіяся ямами, имѣвшія значеніе пунктовъ, куда окрестное населеніе должно было выставлять опредѣленное количество подводъ" (стр. 51). Учрежденіемъ ямовъ преслѣдовались цѣли политическія—объединеніе Русской земли.

Въ концѣ XV вѣка существовало уже много ямовъ, образовавшихъ пути сообщенія Москвы съ западною границею, Рязанью и Дономъ (стр. 52—55). Въ зависимости отъ значенія дороги, ямы находились въ болѣе близкомъ или болѣе далекомъ разстояніи другъ отъ друга. Отъ этого же зависѣло и число ямщиковъ и подводъ. Въ разсматриваемую эпоху „во главѣ ямовъ ставились ямщики... на каждомъ яму ихъ было немного: иногда двое, иногда нѣсколько больше. Какъ правило, вѣроятно, не менѣе двухъ, но едва ли болѣе 3 — 4" (стр. 57). „Самая гоньба велась населеніемъ, его лошадьми, его людьми, ямщики же только вѣдали распорядокъ по гоньбѣ" (стр. 58). Ямщики избирались населеніемъ, подъ контролемъ намѣстниковъ, и утверждались въ должности въ Москвѣ казначеями, отъ которыхъ получали и деньги на веденіе почтовой гоньбы (стр. 59 — 60). Вся тягость гоньбы лежала на населеніи, какъ и прежде, въ видѣ нату-

ральной повинности (стр. 61 — 67). Къ этому еще прибавлялась и денежная повинность, сохранившая названіе „яма", и сбиравшаяся уже не на татаръ, а на Московскаго государя. Отношеніе ямщиковъ къ проѣзжимъ опредѣлялось особыми грамотами. Ямщики имѣли особые надѣлы земли, доходившіе до сохи безъ трети. Кто не имѣлъ надѣла, получалъ кормъ съ окрестнаго населенія (стр. 67—77). Центральное управленіе ямщиками сосредоточивалось въ Москвѣ въ рукахъ казначея и состоявшихъ при немъ ямскихъ дьяковъ. Первый ямской дьякъ упоминается уже съ 1490 г. (стр. 77—84).

Въ третьей главѣ излагается исторія ямской гоньбы до разоренья. Отличіе этого періода отъ предыдущаго авторъ усматриваетъ въ томъ, что населеніе, обязанное натуральною повинностью, стало выставлять на ямы уже не подводы, а людей, ямскихъ охотниковъ, обязанныхъ производить ямскую гоньбу. Г. Гурляндъ указываетъ на постепенность и естественность измѣненія системы ямской повинности и относитъ явленіе это, связанное съ учрежденіемъ ямскихъ слободъ, къ шестидесятымъ годамъ XVI вѣка (стр. 85 — 94). Затѣмъ авторъ разсматриваетъ вопросъ объ отношеніи ямскихъ слободъ къ окрестному населенію, о надѣлѣ этихъ слободъ землею, объ ихъ дворовомъ устройствѣ, составѣ и управленіи (стр. 95—172). При этомъ г. Гурляндъ замѣчаетъ, что во всю вторую половину XVI вѣка и въ началѣ XVII вѣка не существовало особой централизаціи ямского управленія и всѣ дѣла по этой отрасли управленія шли черезъ мѣстныя власти (стр. 172—175).

Въ особую (IV) главу г. Гурляндъ выдѣлилъ обзоръ сибирской ямской гоньбы. Первые сибирскіе ямы были учреждены между 1598—1600 гг. При устройствѣ въ Сибири ямской гоньбы первоначально предполагалось возложить на населеніе подводную повинность. Но, благодаря рѣдкости населенія, очень скоро ввелась стройная ямская гоньба, какъ и въ центральной Россіи, черезъ посредство ямскихъ охотниковъ, жившихъ въ ямскихъ слободахъ (стр. 176 — 179). Въ Сибири ямскіе охотники не избирались изъ населенія, а „выкликались" по русскимъ центральнымъ городамъ (стр. 179—184). Въ виду этого ямскимъ охотникамъ въ Сибири былъ назначаемъ сравнительно большой окладъ денежнаго и хлѣбнаго жалованья (стр. 184 — 188). Но отношеніе къ мѣстной администраціи и окрестному населенію было очень ненормально. Во-первыхъ, ямскіе охотники, въ виду своего переселенія изъ Россіи, требовали всякихъ льготъ себѣ, а съ другой стороны, администрація, дозволяя иногда ямщикамъ буйства и воль-

ности, не упускала случая поживиться на ихъ счетъ. Особенно тягостно ложились на жителей ямскихъ слободъ постоянныя пререканія о прогонахъ (стр. 188 — 195). Впрочемъ, въ XVII вѣкѣ правительствомъ былъ предпринятъ рядъ мѣръ къ огражденію интересовъ ямскихъ охотниковъ (стр. 195—205).

Въ пятой главѣ г. Гурляндъ разсматриваетъ исторію ямской гоньбы въ смутное время и затѣмъ до конца XVII вѣка. Смутное время сильно разстроило ямскую гоньбу. Первые годы царствованія Михаила Ѳедоровича были посвящены, между прочимъ, упорядоченію этого дѣла. Рядомъ постепенныхъ мѣръ удалось установить болѣе или менѣе однообразную плату ямщикамъ. Затѣмъ, въ виду того, что населеніе ямскихъ слободъ значительно разрослось и образовало цѣлый классъ ямщиковъ, населеніе окрестныхъ мѣстностей было избавлено отъ обязанности поставлять ямскихъ охотниковъ. Для населенія ямскихъ слободъ ямская гоньба замѣняла тягло (стр. 206—233). Денежная ямская повинность въ XVII вѣкѣ была увеличена. Именно, кромѣ большихъ ямскихъ денегъ, по 20 руб. съ тяглой единицы въ годъ, былъ установленъ еще сборъ „малой ямщины" по 10 рублей (стр. 233—236). Въ жалованныхъ грамотахъ XVII вѣка, а равно при перепискѣ болѣе раннихъ грамотъ, льгота не распространялась на плату ямскихъ денегъ (стр. 236—240). Вмѣстѣ съ тѣмъ, былъ урегулированъ вопросъ о прогонахъ за ямскую гоньбу (стр. 240—257). Глава оканчивается сообщеніемъ свѣдѣній о ямскихъ дорогахъ и объ уставныхъ грамотахъ по ямскому дѣлу (стр. 257—269).

Шестая глава посвящена обзору мірской гоньбы, въ отличіе отъ ямской стройной гоньбы. Именно, авторъ указываетъ, что параллельно съ послѣдней, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ сохранилась за населеніемъ старинная натуральная повинность давать подводы подъ царскихъ гонцовъ и ихъ кладь. Отдѣльныя волости раскладывали между собою эту повинность и исполняли ее въ своихъ предѣлахъ. Отвѣтить на вопросъ, почему въ однихъ мѣстностяхъ была стройная ямская гоньба, а въ другихъ мірская, авторъ не берется. Онъ указываетъ только, что по всей вѣроятности это произошло, отчасти, случайно, а отчасти изъ-за дороговизны стройной ямской гоньбы: Московское правительство сохранило мірскую гоньбу тамъ, гдѣ не имѣло средствъ ввести стройную. Въ заключеніе г. Гурляндъ сообщаетъ свѣдѣнія о системѣ мірской гоньбы и о способѣ раскладки между населеніемъ волости этой натуральной повинности (стр. 270—295).

Въ послѣдней, седьмой главѣ, довольно кратко излагается исторія

возникновенія, свѣдѣнія о составѣ и дѣятельности ямского приказа; возникновеніе его г. Гурляндъ относитъ ко второй половинѣ XVI вѣка. Затѣмъ, онъ указываетъ, что и при его существованіи къ ямскому дѣлу имѣли отношеніе и другіе центральные органы Московскаго государственнаго управленія. Никакой особой системы въ этомъ не было (стр. 296—322).

Въ приложеніи (стр. 322—339) напечатано: замѣтка объ участіи Миллера въ Древней Россійской Вивліоѳикѣ, свѣдѣнія объ окладахъ ямскихъ денегъ и о личномъ составѣ ямского приказа.

Приступая къ нѣкоторымъ замѣчаніямъ по поводу изложеннаго труда г. Гурлянда, долгомъ считаемъ сказать, что признаемъ настоящее изслѣдованіе весьма интереснымъ, прекрасно разработаннымъ и строго научнымъ. Авторъ воспользовался большою историческою литературою, напечатанными и архивными источниками, самъ обнародовалъ весьма цѣнныя рукописныя данныя. Поэтому тѣ нѣсколько словъ, которыя мы имѣемъ сказать теперь, не должны быть разсматриваемы какъ желаніе унизить почтенную работу г. Гурлянда; это лишь замѣчанія, клонящіяся къ вящему разъясненію истины.

Прежде всего позволимъ себѣ замѣтить, что намъ представляется древне-русская подводная повинность совсѣмъ не такой опредѣленной, какъ это полагаетъ авторъ [1]) вслѣдъ за проф. М. Ф. Владимірскимъ-Будановымъ [2]). При этомъ должно обратить вниманіе на слѣдующія обстоятельства: во-первыхъ, весьма трудно различить фактъ и право въ отношеніи захвата подводъ и полученія кормовъ княжескими гонцами. Мы знаемъ, что князья выговариваютъ для своихъ гонцовъ право получить коней и кормъ, но можно полагать, только при „ратной вѣсти“ [3]). Въ жалованныхъ грамотахъ, которыхъ дошло до насъ отъ самаго начала XV вѣка и первой его половины великое множество, мы встрѣчаемъ весьма категорическое запрещеніе намѣстникамъ, волостелямъ, *а также князьямъ, боярамъ, дѣтямъ боярскимъ и всякимъ ѣздокамъ* ставиться у мѣстнаго населенія, брать кормы, подводы и проводниковъ [4]). Есть случай, когда дозволяется населенію

---

[1]) Стр. 23—25.

[2]) „Обзоръ исторіи русскаго права“ К. 1900 стр. 91 и 226.

[3]) С. Г. Гр. и Д. I №№ 1, 3, 6 (приведены и у г. *Гурлянда* разбир. соч. стр. 25 пр. 2).

[4]) А. отн. д. Ю. Б. № 31 (XIV); А. А. Э. I № 51, 89. См. Н. П. *Павловъ-Сильванскій* „Иммунитеты въ удѣльной Руси“ (*Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія*, 1900, XII стр. 336—337 и пр. 3).

„не пускать и бить“ княжескихъ ѣздоковъ [1]). А если обратить вниманіе, что почти всѣ земли съ населеніемъ, принадлежащія большимъ монастырямъ: Троице-Сергіеву, Кирилло-Бѣлозерскому, Ѳерапонтову и др. и раскинутыя по всей тогдашней Руси, пользовались подобными иммунитетами, то сфера примѣненія подводной повинности окажется весьма не широкой—это одни черныя волости. Во-вторыхъ, до татарскаго ига подводная повинность не могла имѣть никакого значенія, такъ какъ очевидно, что данный князь могъ ею пользоваться лишь въ предѣлахъ своего маленькаго княженья. Всего вѣроятнѣе, что княжескіе гонцы имѣли съ собою запасныхъ коней и брали у населенія лишь кормъ, пользуясь его гостепріимствомъ, а часто и насильно, такъ какъ всѣ болѣе или менѣе значительныя лица того времени ѣздили съ большою военною свитою.

Поэтому смѣемъ думать, что подобная натуральная повинность врядъ-ли могла замѣнять для татарскихъ гонцовъ и пословъ стройную ямскую гоньбу. Изъ приведенныхъ г. Гурляндомъ свѣдѣній [2]) о татарской системѣ ямской гоньбы можно сдѣлать прямое заключеніе, что пользованіе лошадями придорожнаго населенія основывалось на насиліи, оправдываемомъ грамотою Батыя и силою гонцовъ. Что касается до сужденія о положеніи ямской повинности въ XV вѣкѣ и объ отношеніи населенія къ ней, по грамотамъ и документамъ XVI вѣка, какъ это дѣлаетъ авторъ, то, по нашему мнѣнію, это совершенно невозможно. Г. Гурляндъ говоритъ [3]): „Населеніе, какъ уже сказано, само вело раскладку повинности, но уравнительность достигалась съ трудомъ, и потому, вѣроятно, нерѣдки были случаи вмѣшательства князей въ мірскіе распорядки“. Нигдѣ не приведено свѣдѣній о раскладкѣ населеніемъ повинности и нѣтъ указаній на источники, доказывавшіе, что населеніе дѣйствительно въ XIV, XV вв. жаловалось на тягость повинности.

„Подлинныхъ дѣлъ этого рода мы не знаемъ для времени до послѣдней четверти 16 вѣка. Но если уравнительность не достигалась и при сравнительно развитой административной системѣ, нѣтъ основаній думать, что она достигалась въ болѣе раннее время“ [4]). Это совершенно невѣрно. Авторъ самъ указываетъ, что въ концѣ XV вѣка или началѣ XVI вѣка Иванъ III ввелъ организованную систему со-

---

[1]) Н. П. *Павловъ-Сильванскій* l. cit.; А. А. Э. I № 61.
[2]) Стр. 34—35.
[3]) Стр. 27.
[4]) Стр. 28.

общенія [1]). Въ концѣ же XVI вѣка уже успѣлъ первый періодъ дѣйствія этой системы замѣниться стройною ямскою гоньбою при посредствѣ ямскихъ охотниковъ [2]). Развѣ можно проводить аналогіи между организованной и систематическою административною тяготою и первобытными условіями того быта, когда только начинали слагаться государственныя отношенія. Судить о тягости для населенія подводной повинности по жалованнымъ грамотамъ нельзя, такъ какъ эти грамоты только обезпечивали населеніе отъ произвола и насилія княжескихъ слугъ. Мы не хотимъ сказать, что до конца XV вѣка въ Россіи не было сколько-нибудь организованной системы сообщеній. Изъ духовной Ивана III мы узнаемъ, что при немъ существовала ямская гоньба: „А сынъ мой Василій", говоритъ этотъ князь [3]): „въ своемъ Великомъ княженье дръжытъ ямы и подводы на дорогахъ по тѣмъ мѣстомъ, гдѣ были ямы и подводы на дорогахъ при мнѣ; а дѣти мои Юрьи зъ братьею по своимъ отчинамъ дръжатъ ямы и подводы на дорогахъ по тѣмъ мѣстамъ, гдѣ были ямы и подводы по дорогамъ при мнѣ". Больше того, можно полагать, что нѣкоторое вліяніе на организацію ямовъ имѣли татары [4]). Во всякомъ случаѣ, г. Гурляндъ не доказалъ, что ямская гоньба въ видѣ опредѣленной системы возникла при Иванѣ III. Несомнѣнно одно, что этотъ великій князь очень заботился о путяхъ сообщенія [5]).

Г. Гурляндъ обстоятельно изобразилъ состояніе ямской гоньбы при Иванѣ III и въ первой половинѣ XVI вѣка, насколько это было возможно при сравнительно небольшомъ количествѣ источниковъ. Но позволимъ себѣ указать, что онъ весьма бѣгло коснулся очень интереснаго и совершенно неразработаннаго въ наукѣ вопроса о центральномъ ямскомъ управленіи до учрежденія ямского приказа, именно объ отношеніи ямскихъ дьяковъ къ ямской гоньбѣ, о ихъ службѣ въ вѣдомствѣ казначеевъ, о ихъ отношенія къ докладнымъ и полнымъ грамотамъ на холопство и т. п. Тутъ, прежде всего, представляется страннымъ, что ямское дѣло попало въ руки казначеевъ. Авторъ сообщаетъ фактъ [6]), но не разбираетъ его. Онъ говоритъ лишь [7]), что

---

[1]) Стр. 45.
[2]) Стр. 85—89.
[3]) С. Г. Гр. и Д. I № 144 стр. 398.
[4]) *С. М. Соловьевъ*, „Ист. Россіи съ древн. вр." т. V М. 1864 стр. 261.
[5]) *Н. П. Лихачовъ*, „Разр. дьяки" Спб. 1888 стр. 49.
[6]) Стр. 77.
[7]) Стр. 81—82.

по всей вѣроятности это происходило оттого, что ямское дѣло очень интересовало Московское правительство, что ямскими учрежденіями пользовались, главнымъ образомъ, при международныхъ сношеніяхъ, а потому оно и было поручено казначеямъ, лицамъ очень близко стоявшимъ къ государю и принимавшимъ участіе въ переговорахъ съ иностранными послами. Позволимъ себѣ, съ своей стороны, высказать другой взглядъ. Ямъ возникъ у насъ первоначально въ видѣ подати, именно въ видѣ „татарскаго яма". Денежная повинность такого характера существовала сравнительно въ раннее время [1]). При возникновеніи государственной организаціи въ Москвѣ только два учрежденія болѣе или менѣе обособились въ общей системѣ дворцоваго вотчиннаго управленія, замѣнившаго всѣ другія вѣдомства [2]), это Большой Дворецкій со своимъ вѣдомствомъ и Казначей со своей канцеляріей. Кругъ вѣдомства Большого Дворецкаго былъ болѣе или менѣе опредѣленъ [3]). Казначей исполняетъ почти все остальное. Но въ особенности, до возникновенія въ Москвѣ цѣлой сѣти финансовыхъ приказовъ (Большая казна, Большой приходъ, чети и др). въ казнѣ, у казначея, и въ казенной избѣ вѣдались государственные расходы и доходы [4]). Поэтому вполнѣ естественно, что въ вѣдомствѣ у казначея оказался и ямъ, собиравшійся сперва съ населенія для отправки татарамъ, а потомъ, а быть можетъ и параллельно, и на князя Московскаго. Такимъ образомъ, по нашему мнѣнію, ямскіе дьяки вѣдомства казначеевъ возникли первоначально, какъ финансовые чиновники. И еще представляется спорнымъ вопросомъ, вѣдали-ли эти дьяки ямскою гоньбою. Можно-ли считать ямскихъ дьяковъ предшественниками ямскаго приказа, какъ это дѣлаетъ П. Н. Лихачевъ [5]) и за нимъ г. Гурляндъ [6]), или нѣтъ? Тутъ слѣдуетъ обратить вниманіе на слѣдующія

---

[1]) Съ этимъ согласенъ и г. Гурляндъ (стр. 39) и приводитъ оному доказательство.

[2]) *П. Н. Милюковъ*, „Очерки по исторіи русской культуры". Спб. 1898. стр. 150—151.

[3]) *В. И. Сергѣевичъ*, „Рус. Юр. Др.". Спб. 1890, т. I стр. 397—398 Др. Рос. Вивліое. изд. 1791 г. XX стр. 139—140.

[4]) Мы признаемъ, согласно послѣднимъ изслѣдованіямъ гг. Середонина, Милюкова и Платонова, что чети возникли въ концѣ XVI в. Дѣленіе Ивана III своего государства на трети, повидимому, фантазія.

[5]) „Разрядные дьяки", Спб. 1888, стр. 49 и сл. и особенно „Библіотека и архивъ Московскихъ государей" стр. 57—58 примѣч. (Цитир. послѣднее соч. по кн. г. Гурлянда стр. 299, пр. 2).

[6]) Стр. 82 и 299 пр. 2.

обстоятельства: намъ кажется, что г. Гурляндъ не въ достаточной мѣрѣ отмѣтилъ различіе между первымъ и вторымъ періодами въ исторіи ямской гоньбы въ Московскомъ государствѣ. Какъ на признакъ, онъ указалъ на замѣну ямщика—начальника яма ямскимъ охотникомъ [1]). Но вѣдь онъ самъ, вполнѣ справедливо, изображаетъ [2]) ямщика конца XV и первой половины XVI вѣка, какъ правительственнаго чиновника, избираемаго мѣстнымъ населеніемъ подъ контролемъ намѣстника. Это лицо получало деньги отъ казначея и обязано было въ опредѣленныхъ мѣстахъ, въ случаѣ надобности, нанимать для проѣзжающихъ подводы или суда [3]). Иногда эти лица злоупотребляли своею властью, иногда они насильно забирали подводы, но это не измѣняетъ нормальнаго порядка. Повинность заключалась въ томъ, что населеніе окрестныхъ ему деревень *обязано* было давать въ наемъ подводы и проводниковъ. Авторъ не обратилъ вниманія, что въ подорожныхъ иногда смѣшиваются названія старостъ и ямщиковъ [4]). А въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, по большому тракту, въ мѣстахъ, соединяющихъ два ямскихъ пути и не было ямщика, а вездѣ староста [5]). Засимъ, помимо установленныхъ закономъ ямщиковъ никто не могъ брать подводъ. Въ шертной грамотѣ Абдылъ-Летифа 1508 г., которую цитируетъ и авторъ, впрочемъ не обративъ вниманія на данное мѣсто, сказано [6]): „А хто почнетъ силою кормъ имати и подводы своею рукою, посолъ ли, не посолъ ли, а кто его надъ тѣмъ убьетъ, въ томъ вины нѣтъ". Въ жалованной Смоленской грамотѣ даже еще опредѣленнѣе сказано; согласно ей можно предполагать, что ямщики обязаны были арендовать для постояннаго употребленія подводы и сверхъ этихъ подводъ не могли брать у окрестныхъ жителей никакихъ другихъ подводъ [7]). Такой порядокъ вещей вполнѣ согласуется и съ выраженіемъ духовной Ивана III, въ которой онъ завѣщаетъ дѣтямъ „держать" ямы, гдѣ онъ уставилъ (см. выше). Если бы ямы являлись чѣмъ-то въ родѣ народной повинности, онъ не сказалъ бы

---

[1]) Стр. 21.

[2]) Стр. 57 и сл.

[3]) „Пам. Дипл. Снош." Спб. 1851 т. I столб. 23, 48, 113.

[4]) „Пам. Дипл. Снош." Спб. 1851 т. I. Въ одномъ и томъ же посольствѣ Юрія Грека 1489 г. въ подорожной ему въ Москвѣ и Твери указаны старосты, а въ подорожной Кульпѣ Оксентьеву ямщики (столб. 24).

[5]) Въ г. Торжкѣ „П. Дипл. Сн." Спб. 1851, т. I столб. 23 и 48.

[6]) С. Г. Гр. и Д. II, стр. 33 (№ 27).

[7]) С. Г. Гр. и Д. I, стр. 412 (№ 148).

„держать ямы". Это выраженіе указываетъ на болѣе интенсивную дѣятельность государственныхъ чиновниковъ и очень подходитъ къ тому, что мы только-что видѣли въ жалованной грамотѣ жителямъ Смоленска 1514 г. Между тѣмъ, второй періодъ ямской гоньбы характеризуется авторомъ, какъ періодъ замѣны ямщиковъ-начальниковъ ямовъ—ямскими охотниками, возившими гонцовъ и получавшими за то земельные надѣлы [1]). Точнѣе сказать, что ямщиковъ-старостъ смѣнили ямщики кучера. Намъ кажется, что никакой связи одного съ другимъ нѣтъ. Ямщики старосты были сборщиками яма и ямскихъ денегъ и, заодно, служили посредниками при наймѣ подводъ для княжескихъ и царскихъ гонцовъ. Это были чиновники, обязанные своевременно нанимать для этихъ гонцовъ у населенія подводы и проводниковъ. Нѣтъ никакихъ свѣдѣній, чтобы именно ямскіе дьяки вѣдали распорядокъ ямской гоньбы до учрежденія ямского приказа. Казначеевы дьяки—да! Но какіе, изъ документовъ не видно. Наоборотъ, ямскіе дьяки, какъ спеціально финансовые чиновники, занимались другимъ дѣломъ, очень хлопотливымъ и обременительнымъ, именно актами поступленія въ холопство и освобожденія отъ него [2]). Происходило это не потому, какъ полагаетъ Н. П. Лихачовъ [3]), что въ одномъ лицѣ случайно соединяли два разнородныхъ дѣла: вѣдь мы видимъ это соединеніе не только по отношенію къ опредѣленному дьяку, но въ видѣ системы [4]). Причиной была, по справедливому замѣчанію пр. В. И. Сергѣевича [5]), финансовая сторона предмета, то обстоятельство, что съ докладныхъ и полныхъ бралась пошлина. Ямщики же—кучера появляются одновременно, а очень вѣроятно и позднѣе учрежденія ямскаго приказа [6]). Дьяки этого послѣдняго вѣдали только тѣми денежными суммами, которыя поступали на непосредственныя нужды ямской гоньбы. Именно, ямъ и ямскія деньги, эта старая денежная повинность, и послѣ учрежденія ямскаго приказа, поступаютъ въ финансовые приказы, замѣнившіе функціи казна-

---

[1]) Стр. 85 сл.

[2]) *А. С. Лаппо-Данилевскій.* „Записная книга крѣпостнымъ актамъ XV—XVI вв." Спб. 1898, №№ 62, 63, 102, 121 и мн. др.

[3]) „Дьяки разряднаго приказа" Спб. 1888, стр. 50-51.

[4]) Разбираемое сочин. стр. 299, пр. 2.

[5]) „Рус. Юр. Др." Спб. 1890, т. I, стр. 417.

[6]) Разбираемое соч. стр. 89 и 296. Авторъ очень нерѣшительно говоритъ о времени учрежденія ямского приказа. Мы еще скажемъ, ниже, нѣсколько словъ по этому предмету.

чеевъ по отношенію къ государственнымъ доходамъ и расходамъ; часть денегъ шла въ приказъ Большой приходъ, часть въ Чети [1]). Г. Гурляндъ самъ это указываетъ, говоря о сборѣ малыхъ ямскихъ денегъ въ Большой приходъ [2]). Такимъ образомъ вопросъ о центральномъ управленіи ямскою частью до учрежденія ямскаго приказа не можетъ быть признанъ безспорнымъ и послѣ сочиненія г. Гурлянда. Мы только что говорили о малыхъ ямскихъ деньгахъ. Это приводитъ насъ ко второму пункту въ разбираемомъ изслѣдованіи, по поводу коего можно сказать нѣсколько словъ. Г. Гурляндъ не согласенъ съ П. Н. Милюковымъ во взглядахъ на происхожденіе малой ямщины и на соотношеніе ея съ большой ямщиной. Именно, г. Милюковъ указывалъ [3]), что въ XVII в. продолжала сбираться старая ямская подать въ размѣрѣ 10 руб. съ сохи (по $2^1/_2$ деньги съ четверти), онъ говоритъ: „по отпискамъ Гарелинскаго собранія можно прослѣдить, какъ въ этомъ размѣрѣ ямскія деньги уплачиваются «по старымъ книгамъ» вплоть до переписи 1678 г., по окончаніи которой онѣ были уничтожены“ [4]). Далѣе же авторъ пишетъ: „Но рядомъ съ ними и независимо отъ нихъ появляется новый ямской окладъ «московскимъ и другихъ городовъ охотникамъ на жалованье» въ огромномъ, сравнительно съ прежнимъ, размѣрѣ“ [5]). 10-ти рублевый ямской налогъ — малая ямщина — старая подать. Новый налогъ, 20-ти рублевая подать—большая ямщина [6]). Такая схема представляется вполнѣ естественной и вполнѣ совпадаетъ съ тѣмъ, что мы сказали о финансовыхъ функціяхъ ямскихъ дьяковъ: малая ямщина, старый ямъ, по прежнему идетъ въ финансовые приказы. Большая ямщина—жалованье ямщикамъ-кучерамъ, идетъ въ ямской приказъ. Но г. Гурляндъ не согласенъ съ выводами г. Милюкова. Онъ говоритъ, въ свою очередь пользуясь тѣми же документами Гарелинскаго собранія [7]), что еще въ XVI вѣкѣ было два ямскихъ сбора: одинъ представлялъ собою старыя ямскія деньги, составляя 20 руб. съ сохи,

---

[1]) *С. Ѳ. Платоновъ.* „Какъ возникли чети“ (*Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія* 1892, № V), стр. 165—166.

[2]) Стр. 285.

[3]) „Спорные вопросы финансовой исторіи Москов. госуд.“ Спб. 1892, стр. 90—92.

[4]) ibid. стр. 91 и особенно пр. 1.

[5]) ibid. стр. 91 и пр. 2.

[6]) ibid. стр. 92.

[7]) Стр. 233—236.

а другой, въ видѣ ямской подмоги по окладу 10 руб. [1]). Авторъ полагаетъ, что 20 рублевый сборъ шелъ на жалованье ямскимъ охотникамъ и другія собственно ямскія нужды [2]). Это послѣднее вполнѣ справедливо. Тѣмъ болѣе, что большая ямщина поступала въ ямской приказъ [3]). Но затѣмъ, позволимъ себѣ это замѣтить, его объясненія происхожденія большихъ и малыхъ ямскихъ денегъ и возраженіе г. Милюкову есть плодъ недоразумѣнія. По отношенію къ г. Милюкову г. Гурляндъ говоритъ, что существованіе двухъ ямскихъ сборовъ уже въ концѣ XVI вѣка является лучшимъ возраженіемъ противъ теоріи, по которой большая ямщина была новымъ налогомъ [4]). Намъ кажется, что замѣчаніе г. Гурлянда было бы правильно, если бы онъ могъ доказать, что большая ямщина существовала и до учрежденія ямскаго приказа. Съ учрежденіемъ этого вѣдомства понадобился спеціальный сборъ на него и на жалованье ямщикамъ-кучерамъ. Это же говоритъ и Милюковъ. Малыя ямскія деньги, прежній ямъ, остались въ финансовомъ вѣдомствѣ. Чтобы и тѣ и другія деньги собирались въ Большомъ Приходѣ, изъ документовъ не видно, хотя авторъ и приводитъ таковые: для доказательства его словъ необходимо еще доказать, что подъ словами „со всей земли земляные доходы денежные собираются и ямскіе, и полоняничные деньги и тамга большая" [5]) говорится объ обоихъ сборахъ: и большой и малой ямщинѣ. Наше мнѣніе еще больше подтверждается и собственнымъ указаніемъ г. Гурлянда [6]), что малыя ямскія деньги назывались „ямскіе по старымъ книгамъ Большого Прихода". П. Н. Милюковъ въ свою очередь приводитъ документальныя данныя [7]), согласно коимъ большія ямскія деньги назывались „по новымъ книгамъ". Странно, конечно, было бы сборъ стариннаго яма называть сборомъ по новымъ книгамъ, а новую подмогу — сборомъ по старымъ книгамъ. Поэтому позволительно усумниться въ справедливости построенія г. Гурлянда.

Послѣднія наши небольшія замѣчанія коснутся также очень спорнаго вопроса о происхожденіи ямского приказа. Въ обсужденіи этого

---

[1]) Стр. 233.
[2]) Стр. 234—235.
[3]) Стр. 235.
[4]) Стр. 234, пр. 1.
[5]) Стр. 235. А. И., т. II, 355.
[6]) Стр. 235.
[7]) Op. cit. стр. 91, пр. 2.

пункта г. Гурляндъ обнаруживаетъ замѣчательную осторожность [1]) Въ виду ограниченности свѣдѣній, дошедшихъ до насъ о возникновеніи вообще московскихъ приказовъ XVI вѣка, можно только привѣтствовать осторожность автора. Но при этомъ нельзя не указать и слѣдующаго: г. Гурляндъ не боится гипотезы. Онъ понимаетъ, конечно, что гипотеза въ области исторіи является единственнымъ методомъ, дающимъ изслѣдователю плодотворные результаты. Онъ самъ довольно смѣло, какъ мы видѣли, предлагаетъ объясненія многихъ спорныхъ вопросовъ по исторіи московской администраціи. Засимъ, въ вопросѣ о ямскихъ дьякахъ и вообще о центральномъ управленіи ямскою гоньбою въ первой половинѣ XVI вѣка, авторъ слѣдуетъ за Н. П. Лихачовымъ, вполнѣ полагаясь на его выводы [2]). Въ вопросѣ же о времени возникновенія ямскаго приказа г. Гурляндъ, не смотря на весьма убѣдительныя основанія для гипотезы о происхожденіи Ямскаго приказа изъ ямской избы уже въ 50 годахъ XVI вѣка, рѣшается сказать лишь то, что несомнѣнно ямской приказъ существуетъ съ 1604 г. [3]). Это уже слишкомъ осторожно. Затѣмъ, несомнѣнно, что до учрежденія Приказа холопьяго суда [4]) вѣдали докладныя и полныя грамоты казначеи [5]). Также несомнѣнно, что до конца XVI вѣка полныя и докладныя въ областяхъ, у намѣстниковъ, коимъ былъ данъ боярскій судъ, писались „ямскими" дьяками [6]). Но, во-первыхъ, неизвѣстно, что это за дьяки, а во-вторыхъ, центральное завѣдываніе докладными и полными грамотами никогда не было сосредоточено въ ямскомъ приказѣ, какъ это можно предполагать изъ словъ г. Гурлянда [7]).

На этомъ мы кончаемъ свои краткія замѣчанія на прекрасную работу г. Гурлянда. Въ каждомъ трудѣ, разрабатывающемъ область, почти нетронутую наукой, является много спорнаго, тѣмъ болѣе, что автору приходилось не только дѣлать свои выводы изъ документовъ,

---

[1]) Стр. 297—298.

[2]) Напр., см. стр. 299.

[3]) Стр. 298.

[4]) *М. Ф. Владимірскій-Будановъ*, „Хрестоматія по ист. рус. пр.", вѣкъ III, Кіевъ, 1885, стр. 86, пр. 1.

[5]) *В. И. Сергѣевичъ*, „Рус. Юр. Др.", I, стр. 417, и *Владимірскій-Будановъ*, l. cit.

[6]) *А. С. Лаппо-Данилевскій*, „Записная книга крѣпостнымъ актамъ XV и XVI вѣковъ". Спб. 1898, № 350 (1592 г.), Столб. 127—128.

[7]) Стр. 299, пр. 2.

но предварительно подвергать критикѣ эти послѣдніе, доказывая что они говорятъ именно то или это. Изслѣдованіе г. Гурлянда самостоятельная и серьезная научная работа и всякій, кому придется изучать такой же вопросъ, принужденъ будетъ съ нею считаться.

Въ заключеніе нелишнимъ считаемъ сказать нѣсколько словъ объ изданныхъ г. Гурляндомъ „Ямскихъ книгахъ“ 1586 — 1631 г.г. Эти весьма интересные документы, заимствованные издателемъ изъ рукописнаго собранія Императорской Публичной Библіотеки, даютъ большой матеріалъ не только по вопросу о ямской гоньбѣ, но сообщаютъ массу свѣдѣній о помѣщикахъ Новгородской области за то время, географическихъ свѣдѣній, а также интересныя данныя объ экономическомъ состояніи области.

Съ внѣшней стороны какъ изслѣдованіе, такъ и матеріалы, изданы прекрасно. Можно только пожелать этому труду широкаго распространенія.

Н. Н. Дебольскій.

Книги, составленныя по порученію главнаго начальника военно-учебныхъ заведеній заслуж. проф. военно-юридической академіи *А. Мушниковымъ*:

1) Основныя понятія о нравственности, правѣ и общежитіи. II-е, исправленное изданіе. С.-Пб. 1894 г. Ц. 1 р. 25 к.

2) Овщія начала законовѣдѣнія. С.-Пб. 1894 г. Ц. 50 к.

3) Русскіе государственные и гражданскіе законы и свѣдѣнія изъ международнаго права. II-е, исправленное изданіе. С.-Пб. 1898 г. Ц. 2 р.

Три названные труда проф. Мушникова назначены служить руководствами: 1) для кадетскихъ корпусовъ, 2) для молодыхъ людей, поступающихъ въ военныя училища, не пройдя курса кадетскаго корпуса, и обязанныхъ сдать экзаменъ по законовѣдѣнію (въ нѣсколько сокращенномъ объемѣ), 3) для юнкеровъ военныхъ училищъ.

Уже одно это обстоятельство—въ виду большаго числа лицъ, получающихъ образованіе въ нашихъ военно-учебныхъ заведеніяхъ — вызываетъ особое вниманіе къ книгамъ, пополняющимъ общее и гражданское образованіе учащихся. Но вниманіе къ трудамъ проф. Мушникова должно быть усугублено тѣмъ, что достоинства этихъ трудовъ открыли имъ доступъ и въ невоенныя учебныя заведенія. Одобренные для библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній вѣдомствъ министерства народнаго просвѣщенія и учрежденій Императрицы Маріи, они получили весьма обширную сферу вліянія. Поэтому мнѣ представляется

и теперь не несвоевременнымъ указать характеръ, достоинства и недостатки названныхъ книгъ, имѣя въ виду какъ автора ихъ, который при слѣдующихъ изданіяхъ, вѣроятно, пожелаетъ улучшить свои произведенія, такъ и лицъ, руководящихъ чтеніемъ учащихся. Хотя, какъ увидимъ далѣе, во всѣхъ трехъ книгахъ г. Мушникова есть много общаго, но, соотвѣтственно своей главной цѣли, онѣ существенно различаются, какъ по характеру своему, такъ и по тому значенію, какое могутъ имѣть для читателей—учениковъ различныхъ заведеній. Удобнѣе поэтому вести рѣчь о каждой изъ книгъ въ отдѣльности.

I.

„Основныя понятія о нравственности, правѣ и общежитіи" представляютъ собою родъ общественной и юридической энциклопедіи. Въ „введеніи" авторъ выводитъ изъ природы и потребностей человѣка необходимость общежитія и — какъ условіе для возможности общежитія—потребность въ законахъ нравственныхъ и юридическихъ. Въ I отдѣлѣ книги, озаглавленномъ „Нравственность", говорится о нравственномъ чувствѣ, о связи нравственности съ религіей, о высшемъ благѣ для человѣка, о нравственныхъ обязанностяхъ — къ Богу, къ самому себѣ и къ другимъ людямъ. II отдѣлъ озаглавленъ „Право". Здѣсь говорится о правоспособности и дѣеспособности, о лицахъ физическихъ и юридическихъ, разсматривается право субъективное—права личныя и имущественныя, право объективное—обычай, законъ, право какъ наука. III отдѣлъ носитъ заглавіе „Формы общежитія". Предметомъ этого отдѣла служатъ: I Семейство, II Союзы, составляющіе гражданское общество, III Церковь, IV Государство, V Международный союзъ. Ученіе о союзахъ, составляющихъ гражданское общество, и о государствѣ занимаетъ половину всей книги (13 + 60 = 73 стран. изъ 140). Статья о государствѣ содержитъ въ себѣ ученіе о значеніи государства, объ элементахъ государства (верховная власть, территорія, народъ) и о государственной дѣятельности. Глава о государственной дѣятельности (40 стр. — съ 90 по 131) — законодательной, административной и судебной — содержитъ элементы общаго государственнаго права, права полицейскаго, финансоваго, уголовнаго, судоустройства и судопроизводства.

Краткій перечень содержанія книги показываетъ, что въ ней содержатся свѣдѣнія, нужныя каждому образованному человѣку, безъ

которыхъ нельзя сознательно относиться къ окружающимъ насъ явленіямъ общественной жизни, и безъ которыхъ остаются совершенно непонятными многія и многія страницы исторіи — и русской и всеобщей — обязательно изучаемой въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ. Если къ сказанному прибавить, что изложеніе автора, не обременяющаго читателя излишними подробностями, почти всегда просто и ясно, иногда увлекательно, то легко придти къ общему заключенію, что ознакомленіе учащихся въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ съ разсматриваемой книгой весьма желательно, независимо отъ того — входитъ или не входитъ законовѣдѣніе въ кругъ обязательно изучаемыхъ ими предметовъ.

Къ сожалѣнію, общее благопріятное впечатлѣніе отъ книги нѣсколько ослабляется отъ нахожденія въ ней мѣстъ неудовлетворительныхъ, существенно важныхъ пропусковъ и прямо ошибочныхъ утвержденій. Къ указанію такихъ слабыхъ сторонъ книги и обращаюсь.

Сказанное выше о простотѣ и ясности изложенія нельзя не ограничить замѣчаніемъ, что приведенное на стр. 4-й первое доказательство невещественности человѣческой души, доказательство чисто метафизическое, грѣшитъ большою туманностью.

Далѣе: въ похвальной заботѣ объ сокращеніи книги исключеніемъ изъ нея всего лишняго авторъ весьма часто преступаетъ мѣру, почему многія мѣста его книги даютъ читателю недостаточное, а иногда и невѣрное освѣщеніе предмета.

Такъ на стр. 10 авторъ, показавъ недостаточность однихъ нравственныхъ законовъ для охраненія общежитія, говоритъ о необходимости „сверхъ нравственныхъ, и такихъ законовъ, соблюденіе которыхъ требовалось бы обязательно отъ всѣхъ людей, *подъ угрозой наказанія*. Эти послѣдніе законы . . . . носятъ названіе *юридическихъ* или *положительныхъ*“.

Вѣрно, что недостаточность нравственныхъ законовъ для крѣпости общежитія пополняется законами положительными, которыхъ исполненіе обезпечивается силою государственной власти. Но есть положительные законы, которыхъ исполненіе отнюдь не предписывается *подъ угрозою наказанія*—въ изложеніи автора оказывается пропущенной вся область *права гражданскаго*.

На стр. 36 говорится о „раздѣленіи имущественныхъ правъ на право собственности, т.-е. право на самые предметы, и право обязательственное, т.-е. право на чужія дѣйствія“. Такимъ образомъ „право

на самые предметы", иначе сказать *право вещное* отожествляется съ правомъ собственности, тогда какъ послѣднее составляетъ только видъ перваго, обнимающаго кромѣ того и право въ чужой вещи (jus *in re* aliena—рѣзко отличающееся отъ jus *ad rem*, которое вытекаетъ изъ обязательствъ). Если и можно согласиться на пропускъ права въ чужой вещи въ краткомъ энциклопедическомъ курсѣ, то во всякомъ случаѣ нельзя не требовать, чтобы о правѣ собственности говорилось какъ о примѣрѣ права вещнаго, а не какъ о единственномъ видѣ послѣдняго. Въ изложеніи автора сокращеніе порождаетъ неправильное пониманіе предмета.

На стр. 54 говорится: „многоженство противорѣчитъ христіанскому воззрѣнію на женщину, . . . и потому не допускается положительными законами христіанскихъ государствъ". Здѣсь опущено указаніе, что запрещеніе это имѣетъ силу только для подданныхъ, исповѣдывающихъ христіанскую религію или другія религіи, многоженства не допускающія. Магометанамъ, напримѣръ, въ Россіи многоженство дозволяется.

На стр. 61 авторъ, говоря о промышленности добывающей, опустилъ многіе, весьма важные, виды этой промышленности, напримѣръ, рыболовство, горное дѣло.

На стр. 62 говорится: „люди, посвящающіе свой трудъ промышленности, раздѣляются на 3 главные класса: 1) *крестьяне*, занимающіеся земледѣліемъ и скотоводствомъ; 2) *ремесленники*, занимающіеся выработкой изъ сырыхъ продуктовъ, посредствомъ *ручнаю* труда, разныхъ предметовъ, необходимыхъ для человѣка, и 3) *купцы*, занимающіеся торговлей. Къ этимъ тремъ классамъ присоединяется еще четвертый, именно—классъ *рабочихъ*, которые добываютъ себѣ средства къ жизни, поступая въ услуженіе или на работы къ людямъ другихъ классовъ". Такимъ образомъ изъ числа „людей, посвящающихъ свой трудъ промышленности", оказываются исключенными всѣ занимающіеся промышленностью обрабатывающей не „посредствомъ *ручнаю* труда", т.-е. фабриканты, заводчики и фабричные и заводскіе рабочіе — классы, въ настоящее время и въ Россіи, не говоря уже о западной Европѣ, достаточно многочисленные и важные по ихъ особеннымъ признакамъ, характеру и значенію въ современной исторіи.

Нужно вообще сказать, что отдѣлъ книги, посвященный „союзамъ, составляющимъ гражданское общество", можетъ вызвать много упрековъ составителю. Составителю хотѣлось представить современное

общество разбитымъ исключительно на классы по роду занятій, отбросивъ старыя сословныя дѣленія по происхожденію и правамъ, и вотъ онъ, выдѣливъ дворянство, представилъ все остальное населеніе въ видѣ безсословной массы. Въ примѣненіи къ русской землѣ, въ которой историческое дѣленіе на сословія еще сохранилось и существуетъ рядомъ съ дѣленіемъ на классы по роду занятій, вышла путаница. Многимъ группамъ населенія не нашлось вовсе мѣста въ представленной авторомъ картинѣ. Не нашлось мѣста, напримѣръ, *землевладѣльцамъ* не дворянскаго происхожденія, не нашлось мѣста и для *мѣщанъ*, т.-е. для мелкихъ торговцевъ, къ которымъ не можетъ относиться названіе *купцовъ*. Дѣло въ томъ, что термины, взятые авторомъ—дворяне, крестьяне, купцы—по сущности своей относятся не къ тому, къ чему пожелалъ ихъ примѣнить авторъ. Они опредѣляютъ группы стараго, сословнаго порядка и не соотвѣтствуютъ новымъ условіямъ быта—условіямъ порядка наступающаго, но еще далеко не вездѣ наступившаго.

Трудно сказать, что собственно послужило причиною неудовлетворительности указываемаго мѣста книги: желаніе ли автора быть краткимъ, или подчиненіе его иностраннымъ авторамъ, которые, описывая дѣленіе населенія, имѣли передъ глазами иной бытъ, отличный отъ русскаго. На страницахъ смежныхъ съ сейчасъ указанными (64 и 65) мы видимъ ясный примѣръ подобнаго несамостоятельнаго отношенія автора къ явленіямъ русской жизни: говоря объ образованіи рабочаго класса, авторъ описываетъ выдѣленіе его изъ среды ремесленниковъ. Эта картина вѣрна для западной Европы, но не соотвѣтствуетъ исторіи нашего рабочаго класса, каторый главнымъ образомъ вышелъ изъ стараго сословія дворовыхъ людей и затѣмъ изъ крестьянства.

Рядомъ же можно указать еще мѣсто (стр. 63), гдѣ авторъ, касаясь чисто русскаго бытоваго явленія, не выказываетъ себя полнымъ хозяиномъ предмета, о которомъ трактуетъ.

Идетъ рѣчь объ *артеляхъ*. По словамъ автора, „въ Россіи съ древнѣйшихъ временъ *ремесленники* соединялись въ свободные союзы, которые назывались артелями, при чемъ занятія ремеслами никому не запрещались. Но впослѣдствіи и въ Россіи, по примѣру западной Европы, появилось цеховое устройство ремесленнаго класса съ воспрещеніемъ заниматься ремеслами безъ приписки къ цехамъ". И далѣе объ артеляхъ ни слова, хотя далѣе—на стр. 66 и 67—идетъ рѣчь объ „ассоціаціяхъ: 1) производительныхъ (sociétés de production),

2) кредитныхъ (Creditvereine) и 3) потребительныхъ (Consumvereine)".

Какъ будто sociétés и verein'ы автору ближе знакомы, чѣмъ неописанныя въ иностранныхъ руководствахъ русскія артели, о которыхъ на основаніи сказаннаго читатель можетъ думать, во-первыхъ, что онѣ составляютъ достояніе чуть не археологіи, и во-вторыхъ, будто въ нихъ соединялись только ремесленники.

Между тѣмъ у насъ есть и теперь артели ямщиковъ, рыболововъ, крючниковъ, биржевыя артели и другія артели рабочихъ, къ ремесленникамъ отнюдь не принадлежащихъ. И никто не сомнѣвается, что въ русской жизни артели составляютъ явленіе очень видное и крупное, получившее при томъ въ русской юридической литературѣ весьма значительную обработку. Можетъ быть, и въ этомъ случаѣ вина лежитъ лишь въ стремленіи автора къ сокращеніямъ, но никакъ не думаю, чтобы нашлось много лицъ, подобнымъ сокращеніямъ сочувствующихъ.

Мѣста, гдѣ неудовлетворительность изложенія составляетъ несомнѣнно послѣдствіе излишней краткости автора, могутъ быть указаны—кромѣ вышеприведенныхъ—на страницахъ: 98, 113, 115, 119, 126 и нѣкоторыхъ другихъ.

Есть мѣста въ книгѣ, въ которыхъ авторъ позволяетъ себѣ выраженія слишкомъ опредѣленныя, безусловныя: *совершенно*, *всегда*, *только*, *лишь*, *тогда лишь*, *не находятъ мѣсто* и тому под., когда согласно дѣйствительности онъ могъ бы употребить такія слова лишь съ ограничительными прибавками: *почти*, *большею частію*, а иногда такъ долженъ былъ выразиться и значительно мягче.

Приведу нѣкоторые примѣры.

На стр. 25 авторъ говоритъ: „Самоубійство находится въ такомъ противорѣчіи съ человѣческой природой, что рѣшиться на него способенъ *только* человѣкъ умственно разстроенный, или *дошедшій до самыхъ низкихъ ступеней* нравственнаго паденія". Между тѣмъ не далѣе какъ въ нашемъ „Уложеніи о наказаніяхъ" (ст. 1474) указываются и выдѣляются такіе случаи, въ которыхъ самоубійство можетъ быть совершено по побужденіямъ отнюдь не преступнаго свойства (изъ патріотизма, изъ желанія женщины сохранить свою честь).

На стр. 36: „Предметы внѣшняго міра *тогда лишь* могутъ служить человѣку для удовлетворенія его потребностей, когда онъ имѣетъ надъ ними полное господство. Такое полное господство лица надъ вещью, охраняемое положительнымъ закономъ, называется *правомъ соб-*

ственности". Такимъ образомъ выходитъ, будто вещь *тогда лишь* можетъ служить для удовлетворенія потребностей человѣка, когда она составляетъ его собственность. Но неужели, не имѣя собственнаго дома, нѣтъ возможности жить иначе какъ подъ открытымъ небомъ? Неужели, не имѣя собственныхъ лошадей, собственнаго велосипеда или мотора, нужно всегда пѣшкомъ ходить? Въ числѣ пособій, рекомендуемыхъ авторомъ для преподавателей, имъ помѣщено „Русское гражданское право" Мейера. На страницахъ этой книги (см. § 24—„дѣйствіе договора") авторъ могъ бы прочесть, какъ постепенно, съ развитіемъ гражданственности, право собственности на тѣ или другіе предметы перестаетъ считаться необходимымъ, замѣняясь другими, менѣе полными, правами на вещи или на дѣйствія другихъ лицъ.

Подобныя же замѣчанія можетъ вызвать сказанное авторомъ на страницахъ: 2, 3, 11, 12, 75, 88, 112 и нѣкоторыхъ другихъ.

Обращаюсь къ тѣмъ мѣстамъ книги, въ которыхъ можно отмѣтить утвержденія положительно ошибочныя.

На стр. 56 авторъ, указавъ основанія къ запрещенію браковъ между кровными родственниками, продолжаетъ: „Недозволеніе же браковъ между близкими *свойственниками* основывается на ветхозавѣтныхъ правилахъ, воспрещавшихъ такіе браки съ цѣлію обезпечить бо́льшее сближеніе между чуждыми другъ другу людьми".

Въ дѣйствительности Ветхій Завѣтъ (книги Левитъ и Второзаконіе) постановляли для браковъ между свойственниками весьма незначительное число запрещеній. Эти запрещенія весьма умножились въ церкви новозавѣтной и въ особенности въ православной. Умножили ихъ правила св. Василія Великаго, затѣмъ правила VI вселенскаго (Трульскаго) собора, затѣмъ вошедшія въ Кормчую книгу законоположенія византійскихъ императоровъ (въ сущности не каноническія), обобщившія частныя запрещенія VI собора на всѣ случаи двуроднаго свойства въ тѣхъ же степеняхъ его. Главнымъ основаніемъ къ запрещеніямъ послужили логическіе выводы изъ словъ Св. Писанія. что мужъ и жена составляютъ одну плоть: стало быть,—заключали отсюда—родственники одного изъ супруговъ должны считаться также и родственниками другого и родственниками его родственниковъ.

На стр. 62 и 63, вслѣдствіе неточныхъ выраженій, неправильно опредѣляется составъ волостнаго схода и волостнаго правленія.

На стр. 95 неправильно утверждается, будто „какъ въ республикахъ, такъ и въ конституціонныхъ монархіяхъ, всѣ законодательные

проекты вносятся *первоначально на обсужденіе нижней палаты* и. если будутъ приняты ею, то переносятся на разсмотрѣніе верхней палаты"... Въ Англіи, напримѣръ, обѣ палаты парламента въ одинаковой степени обладаютъ правомъ иниціативы (исключеніе составляютъ лишь финансовые билли, разсматриваемые всегда сначала нижней палатой).

На стр. 105 взаимное страхованіе названо почему-то „мѣрой, *предупреждающей* пожары".

На стр. 123 неправильно объясняется слово *умыселъ*: „... сознаніе человѣкомъ того, что послѣдствіемъ *совершаемаго* имъ дѣйствія. въ силу естественнаго порядка причинности, должно быть опредѣленное зло, называется *умысломъ* на преступленіе". Выходитъ, что, покуда нѣтъ дѣйствія, нѣтъ и умысла. Между тѣмъ даже и приготовительныя дѣйствія, изъ которыхъ, „въ силу естественнаго порядка причинности", опредѣленнаго зла произойти еще не можетъ. отдѣляются и въ теоріи, и въ положительномъ законѣ отъ умысла. Голый умыселъ, не выражающійся ни въ какихъ внѣшнихъ дѣйствіяхъ, трудно обнаруживаемъ, по теоріи—да въ громадномъ большинствѣ случаевъ и по положительнымъ законамъ — не подлежитъ уголовному преслѣдованію, но тѣмъ не менѣе существуетъ. Авторъ, очевидно, смѣшалъ понятія объ умыслѣ и объ умышленности дѣйствія.

Сдѣланныя указанія не исчерпываютъ всѣхъ мѣстъ книги, требующихъ измѣненій и исправленій. Сказаннаго, полагаю, достаточно, чтобы выяснить необходимость дальнѣйшей работы надъ книгою. Но нельзя не прибавить, что надъ нею поработать стоитъ, такъ какъ и въ настоящемъ своемъ видѣ она представляется трудомъ незауряднымъ и можетъ съ пользою служить дѣлу общаго образованія, возбуждая интересъ къ научнымъ вопросамъ историко-юридической области и освѣщая пути къ этой области.

II.

„Общія начала законовѣдѣнія" представляютъ собою сокращеніе только что разсмотрѣнной книги. Главныя сокращенія достигнуты на счетъ отдѣла о нравственности и нравственныхъ обязанностяхъ человѣка и во всѣхъ прочихъ отдѣлахъ на счетъ примѣровъ изъ русскаго права, русской жизни и русской исторіи. Сокращенія эти отнимаютъ отъ книги значительную часть ея достоинствъ—интереса, какой она можетъ возбудить, и вообще пользы, какую она можетъ при-

нести. Между тѣмъ почти всѣ недостатки I книги принадлежатъ и II (см. стр. 8, 21, 35, 40, 42, 45 и друг.). Единственнымъ достоинствомъ ея передъ первою книгою является ея сравнительная дешевизна—50 к. вм. 1 р. 25 к. (разумѣется, говоря такъ, не имѣю въ виду лицъ, обязанныхъ сдавать экзаменъ по программѣ, требованіямъ которой она удовлетворяетъ—у нихъ особые интересы).

III.

„Русскіе государственные и гражданскіе законы и свѣдѣнія изъ международнаго права". Эта книга, какъ сказано выше, предназначена служить руководствомъ для юнкеровъ военныхъ училищъ. Содержаніе ея вполнѣ опредѣляется ея названіемъ. Она носитъ строгій характеръ учебника и какъ таковой обладаетъ значительными достоинствами. Изложеніе почти вездѣ простое, ясное. Излишнія подробности опущены. Въ сравненіи съ двумя разсмотрѣнными трудами того же автора книга эта представляется болѣе сухою и для лицъ, не имѣющихъ надобности пользоваться ею въ качествѣ учебника, скорѣе можетъ служить справочною книгою, чѣмъ книгою для чтенія. Было бы лучше, если бы авторъ сообщилъ болѣе историческихъ свѣдѣній, освѣщающихъ тѣ или другія явленія русскаго юридическаго строя. Здѣсь обиліе подробностей — разумѣется умѣло выбранныхъ—могло бы только помочь усвоенію и удержанію въ памяти сообщаемыхъ свѣдѣній.

Независимо отъ этихъ замѣчаній, разсматриваемый трудъ можетъ вызвать замѣчанія, однородныя съ тѣми, какія были сдѣланы при разсмотрѣніи курса кадетскихъ корпусовъ: 1) желаніе быть краткимъ привело автора и здѣсь къ опущенію кое-чего весьма важнаго; 2) допускаются иногда выраженія слишкомъ опредѣленныя, безусловныя, когда для соотвѣтствія дѣйствительности нужно было бы эту безусловность ограничить; 3) встрѣчаются въ книгѣ фактическія ошибки.

Въ примѣръ опущенія подробностей, имѣющихъ немаловажное значеніе, приведу слѣдующія мѣста.

На стр. 44, говоря о раздѣленіи министерствъ на составныя части, авторъ обходитъ существованіе въ нѣкоторыхъ министерствахъ „отдѣловъ", замѣняющихъ департаменты. Быть можетъ, въ связи съ этимъ опущеніемъ онъ опускаетъ (страницы 47 и 49) всѣ отдѣлы министерства земледѣлія и государственныхъ имуществъ и министерства

внутреннихъ дѣлъ, несмотря на то даже, что въ числѣ послѣднихъ пришлось опустить такое важное для народной жизни установленіе, какъ *земскій отдѣлъ*.

На стр. 170, упоминая о необходимости подписи свидѣтелей на духовныхъ завѣщаніяхъ, авторъ ничего не говоритъ о томъ, кто не можетъ быть въ числѣ свидѣтелей (кромѣ лицъ, не допускаемыхъ къ свидѣтельству актовъ вообще).

Въ примѣръ неправильно употребленныхъ авторомъ слишкомъ рѣшительныхъ выраженій приведу страницу 68, гдѣ авторъ утверждаетъ, что присутствіе коронныхъ судей-членовъ окружнаго суда при разсмотрѣніи болѣе важныхъ уголовныхъ дѣлъ „разрѣшаетъ *лишь* вопросъ о присужденіи виновнаго къ наказанію на основаніи уголовныхъ законовъ", тогда какъ „при разсмотрѣніи" подобныхъ дѣлъ коронный судъ разрѣшаетъ также и вопросы судопроизводственные.

Обращаюсь къ наиболѣе важнымъ замѣчаніямъ изъ тѣхъ, которыя можно сдѣлать по поводу встрѣчающихся въ книгѣ положительныхъ ошибокъ. Само собою разумѣется, что здѣсь я не могу говорить о тѣхъ свѣдѣніяхъ, которыя оказываются уже невѣрными въ виду законоположеній, обнародованныхъ послѣ выхода въ свѣтъ послѣдняго изданія разсматриваемаго труда—какъ образованіе новаго департамента государственнаго совѣта, измѣненіе состава министерства финансовъ, измѣненіе условій пріобрѣтенія потомственнаго дворянства.

Изъ сказаннаго авторомъ на страницахъ 36, 37 и 52 читатель составитъ совершенно неправильное представленіе о значеніи опекунскаго совѣта учрежденій Императрицы Маріи (ср. уставъ опекунскаго совѣта учрежденій Императрицы Маріи, Высочайше утвержденный 11-го декабря 1873 г., §§ 1, 2. 16, 27 п. 2, 28 б).

На стр. 42 неправильно опредѣленъ составъ присутствія Святѣйшаго Синода: „постоянными членами Синода—говоритъ авторъ—состоятъ митрополиты петербургскій, московскій и кіевскій (изъ которыхъ *первый занимаетъ мѣсто первоприсутствующаго*) и сверхъ того нѣкоторыя другія *лица бѣлаго духовенства; для временнаго* же присутствованія призываются епархіальные архіереи". Извѣстно, во-первыхъ, что мѣсто первоприсутствующаго (первенствующаго) члена Синода можетъ занимать и *не* петербургскій митрополитъ, во-вторыхъ, лица бѣлаго духовенства давно уже не входятъ въ число членовъ Святѣйшаго Синода, въ-третьихъ, нѣкоторые изъ архіереевъ, не имѣющихъ сана митрополита—и при томъ какъ изъ числа управляю-

щихъ, такъ изъ не управляющихъ епархіями—могутъ призываться не къ временному, а къ постоянному присутствію въ Святѣйшемъ Синодѣ.

На стр. 58 говорится, будто архіереями называются епархіальные епископы, не носящіе сана митрополита, и—стало быть—митрополиты и викарные епископы *не* архіереи!

На стр. 51, говоря о составѣ министерства юстиціи, авторъ дѣлаетъ 2 ошибки. Во-1-хъ, въ составъ министерства, кромѣ 2-хъ департаментовъ, вводитъ давно не существующую канцелярію министерства (существовавшую, когда въ министерствѣ былъ только одинъ департаментъ), во-вторыхъ, утверждаетъ, будто *консультація* министерства состоитъ „изъ оберъ-прокуроровъ и *юрисконсультовъ*", между тѣмъ какъ послѣдніе въ составъ консультаціи не входятъ (кромѣ старшаго юрисконсульта).

Всѣ высказанныя мною замѣчанія, заставляя желать нѣкоторыхъ исправленій разсматриваемой книги, не измѣняютъ однако же общаго благопріятнаго впечатлѣнія, ею производимаго. Умѣлый—вообще—подборъ фактовъ и ясность изложенія—эти необходимыя и въ то же время далеко не часто встрѣчающіяся качества хорошаго учебника—дѣлаютъ разсматриваемый трудъ, какъ и другіе труды проф. Мушникова, цѣннымъ вкладомъ въ сравнительно мало разработанную область педагогической литературы—въ область, посвященную ознакомленію юношества съ началами наукъ юридическихъ.

А. Вороновъ.

Къ исторіи изданій Реймскаго Евангелія.

(Дополнительная замѣтка [1]).

Въ статьѣ: „Къ исторіи изданій Реймскаго Евангелія" [2]) мы представили очеркъ попытокъ первыхъ изданій и изслѣдованій этого замѣчательнаго, болѣе, впрочемъ, по своимъ судьбамъ и тому непрестанному интересу, который онъ вызывалъ въ ученомъ мірѣ, чѣмъ по своему значенію, памятника древней славянской письменности. Первою по-

---

[1]) См. *Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія*, 1900, іюль.

[2]) Матеріалъ для этой замѣтки мы почерпнули изъ архива министерства народнаго просвѣщенія, гдѣ имѣется по вопросу объ изданіи Реймскаго Евангелія Сильвестромъ особое „Дѣло" канцеляріи министра народнаго просвѣщенія, за № 128,—682—87.

пыткою изданія Реймскаго Евангелія, какъ мы имѣли уже случай отмѣтить, является совокупный планъ французскаго каллиграфа Сильвестра и молодого палеографа, поляка Ястржембскаго, которые думали было пригласить къ сотрудничеству по изданію В. Ганку. Благодаря вмѣшательству въ это дѣло Копитара, Ганка и Ястржембскій отъ изданія были отстранены и уступили мѣсто самому Копитару, написавшему къ изданію Сильвестра (1843 г.) свои знаменитыя Prolegomena.

Изданіе Сильвестра состоялось въ Парижѣ, единственно благодаря щедрой поддержкѣ русскаго правительства. Осуществилось оно только послѣ того, какъ попытка издать Реймское Евангеліе *въ Петербургѣ*, на основаніи экземпляра — копіи, поднесеннаго Сильвестромъ императору Николаю I, оказалась неудачной. Мысль издать Реймское Евангеліе въ Петербургѣ принадлежала графу С. С. Уварову, который, зная, прежде всего, на основаніи сообщеній Ганки, о тѣхъ затрудненіяхъ, съ которыми связано было пользованіе рукописью Реймскаго Евангелія, и о тщетныхъ усиліяхъ Ганки достать списокъ съ него для задуманнаго имъ изданія въ перепечаткѣ, рѣшилъ облегчить ученому міру пользованіе этимъ памятникомъ. Впрочемъ, раньше сообщеній Ганки могли навести С. С. Уварова на эту мысль и письма къ нему Сильвестра.

Представляя императору Николаю I-му 19-го сентября 1841 года поднесенный Сильвестромъ снимокъ-facsimile, С. С. Уваровъ указывалъ въ своемъ докладѣ государю на значеніе этого памятника и высказалъ при этомъ мысль о пользѣ изданія Реймскаго Евангелія. „Ежели Вашему Величеству, докладывалъ С. С. Уваровъ, благоугодно будетъ повелѣть напечатать его по снимку Сильвестра, то къ этому можно приступить въ непродолжительномъ времени, и тогда ученый свѣтъ обязанъ будетъ щедротамъ Вашего Величества обнародованіемъ сего важнаго памятника древней славянской письменности, столь нетерпѣливо ожидаемымъ“. По словамъ его, „приготовленный Сильвестромъ снимокъ, сверхъ изящества въ художественномъ отношеніи, отличается такою вѣрностью съ подлинникомъ, что теперь по справедливости можно считать Реймское Евангеліе существующимъ въ двухъ экземплярахъ“. Государь отнесся сочувственно къ предложенію министра, и черезъ недѣлю (26-го сентября 1841 г.) С. С. Уваровъ предложилъ *Археографической комиссіи* представить ему свои соображенія „о предварительныхъ мѣрахъ для приготовленія означенной рукописи къ изданію и объ издержкахъ, какія на то могутъ потре-

боваться". Отвѣтъ на это предложеніе данъ былъ Археографической коммиссіей слѣдующій [1]):

„Комиссія, по надлежащемъ соображеніи, полагаетъ съ своей стороны напечатать кирилловскую и глаголитскую часть Евангелія въ видѣ facsimile, принявъ за образецъ снимокъ Сильвестра и употребивъ для сего по удобству въ отношеніи къ издержкамъ и времени изданія, вмѣсто гравированія на мѣди [2]), гравированіе на камнѣ. Сверхъ того, глаголитскую часть рукописи, для удобнѣйшаго ея употребленія, слѣдуетъ, по мнѣнію Комиссіи, напечатать въ концѣ изданія общеупотребительными буквами, слово въ слово противъ подлинника, съ нужными примѣчаніями, и присовокупить предисловіе съ показаніемъ хода дѣла и критическимъ объясненіемъ этого рѣдкаго манускрипта". Въ виду такихъ соображеній Комиссія поручила члену своему Рейхелю пріискать художника, который могъ бы исполнить съ желаемымъ успѣхомъ необходимую работу по изготовленію для литографіи снимковъ съ копіи Сильвестра. Избранный Рейхелемъ художникъ Экспедиціи заготовленія государственныхъ бумагъ Миллеръ составилъ предварительно смѣту изданія, по которой оказывалось, что для напечатанія Реймскаго Евангелія въ числѣ шестисотъ экземпляровъ потребуется солидная сумма: 31.280 рублей асс. [3]); на напечатаніе же трехсотъ экземпляровъ необходимо будетъ 17.640 р. асс. Далѣе Комиссія сообщала, что чиновникъ ея Менцовъ, „желая съ своей стороны содѣйствовать къ изданію Реймскаго Евангелія, принимаетъ на себя гравированіе на камнѣ и иллюминовку красками, подъ руководствомъ Миллера, съ вознагражденіемъ за то послѣдняго, по окончаніи изданія 1.000 руб. асс.". Отъ этого содѣйствія расходъ по изданію нѣсколько уменьшался, но къ общему расчету необходимо было присоединить еще „примѣрно до 1.000 руб. асс. для напечатанія въ началѣ изданія предисловія, а въ концѣ его—глаголитской части Евангелія обыкновенными церковными буквами". Печатаніе и

---

[1]) Выписка изъ протокола 114-го засѣданія Археографической комиссіи.

[2]) Какъ предлагалъ Сильвестръ.

[3]) Расчетъ былъ представленъ такой:

За гравировку на камнѣ	4.000	руб.	асс.
„ печатаніе по 20 коп. за оттискъ	11.280	„	„
„ бумагу	6.000	„	„
„ иллюминовку	10.000	„	„
Итого	31.280	руб.	асс.

иллюминовку, по расчетамъ Комиссіи, можно было бы закончить въ январѣ 1843 года.

Смѣта, представленная Археографической комиссіей, признана была очень большой, и въ новомъ своемъ докладѣ Государю (24-го ноября 1841 г.) С. С. Уваровъ говорилъ по этому поводу: „Издержки сіи слишкомъ значительны для изданія въ свѣтъ творенія, которое, хотя весьма любопытно и замѣчательно, какъ памятникъ древности, но найдетъ покупщиковъ только въ небольшомъ числѣ любителей славянской старины и потому не подаетъ надежды, чтобы употребленныя на него издержки окупились. Такъ какъ министерство народнаго просвѣщенія не имѣетъ въ достаточномъ количествѣ свободныхъ суммъ для изданія такого рода, то я признаю за лучшее отложить сіе предпріятіе до удобнѣйшаго времени". Снимокъ, поднесенный Сильвестромъ, былъ переданъ вслѣдъ за тѣмъ для храненія въ Публичную библіотеку.

Но С. С. Уваровъ не отказался окончательно отъ мысли издать Реймское Евангеліе. Онъ считалъ это изданіе настолько важнымъ, что не захотѣлъ даже долго выжидать „удобнѣйшаго времени". Уже въ концѣ декабря (27-го) 1841 года онъ обращается къ графу Як. Ник. Толстому, корреспонденту министерства народнаго просвѣщенія въ Парижѣ, съ слѣдующаго рода порученіемъ. Въ виду того, что Сильвестръ предлагаетъ свои услуги для выгравированія этого памятника, вызываясь прислать въ Петербургъ гравированныя доски или принять на себя въ Парижѣ отпечатаніе и раскрашеніе этой рукописи, С. С. Уваровъ просилъ графа Толстого, „не давая дѣлу вида офиціальнаго и рѣшительнаго порученія г. Сильвестру, отобрать отъ него подъ рукою свѣдѣнія, во что можетъ обойтись такое изданіе въ 600 или 300 экз., т. е., что̀ будетъ стоить одно гравированіе и доставка досокъ въ Петербургъ и сколько—окончательное изданіе въ Парижѣ означеннаго выше числа экземляровъ". Отвѣтъ отъ графа Я. Н. Толстого полученъ былъ только въ маѣ 1842 года. 27-го апрѣля (9-го мая) 1842 г. онъ писалъ С. С. Уварову изъ Парижа: „Я входилъ въ сношеніе съ г. Сильвестромъ, подъ предлогомъ, будто бы я самъ желаю заняться выгравированіемъ Реймскаго Евангелія. Онъ отвѣчалъ мнѣ, что, будучи осыпанъ милостями россійскимъ правительствомъ, онъ изъ благодарности хотѣлъ заняться этимъ изданіемъ, о чемъ и писалъ къ господину министру народнаго просвѣщенія и ждетъ отвѣта. Но если я желаю предпринять этотъ трудъ, то онъ готовъ способствовать мнѣ всѣми силами". Сильвестру не хотѣлось

быть отстраненнымъ отъ того дѣла, которое было ему такъ близко и которое, по его расчетамъ, сулило ему въ будущемъ столь большія выгоды. На всякій случай онъ далъ замѣтить графу Толстому, что „никто въ Парижѣ не въ состояніи будетъ безъ его содѣйствія заняться этимъ дѣломъ по той причинѣ, что онъ не только имѣетъ навыкъ, но и потому, что всѣ рѣзчики и другіе работники, для сего употребляемые, образованы имъ и, такъ сказать, зависятъ отъ него. Сверхъ того, онъ имѣетъ позволеніе держать у себя въ домѣ подлинный манускриптъ, который уже былъ ему присланъ изъ Реймса, когда онъ занимался гравированіемъ снимка". Далѣе графъ Толстой сообщалъ, что по его заключенію намѣреніе Сильвестра выгравировать эту рукопись основано на расчетахъ ошибочныхъ, которые состояли изъ слѣдующихъ соображеній: „Сильвестръ полагаетъ, что выгравированіе досокъ, числомъ 92, обойдется по 80 франковъ каждая; раскрашиваніе — отъ 4-хъ до 5 тысячъ фр. и наконецъ прочія типографскія издержки до 3 тысячъ фр., что и составитъ 15 тысячъ франковъ, а если издать 500 или 600 экз., итогъ всѣхъ издержекъ будетъ около 25 тысячъ франковъ. Г-нъ Сильвестръ намѣренъ былъ издать 1.000 экз. и, полагая сбыть оные по 100 фр. за каждый, онъ надѣялся выручить 75 тысячъ фр. барыша. Впрочемъ, заключалъ свой отвѣтъ графъ Толстой, я совершенно согласенъ, что другому обойдется гораздо дороже и будетъ производиться гораздо медленнѣе, хотя счетъ, выведенный г. Сильвестромъ, мнѣ кажется очень преувеличенъ".

Переговоры съ Сильвестромъ не прекращались: онъ былъ все-таки наиболѣе подходящимъ работникомъ для осуществленія задуманнаго С. С. Уваровымъ изданія: у него подъ рукой былъ оригиналъ Реймскаго Евангелія, да и смѣта, составленная имъ, была скромнѣе смѣты Археографической коммиссіи. Въ отвѣтъ на сообщеніе графа Толстого С. С. Уваровъ просилъ его предложить Сильвестру въ пособіе отъ министерства на изданіе 10 тысячъ фр., „предоставляя на его волю сдѣлать изданіе, во сколько ему угодно экземпляровъ, и продавать оное за какую цѣну онъ пожелаетъ. Министерству онъ за доставленное ему пособіе пришлетъ въ его распоряженіе только 300 экз.". „Мнѣ кажется", заключалъ свое письмо Уваровъ, „что это предложеніе представляетъ достаточныя выгоды г. Сильвестру: министерство, раздѣляя съ нимъ издержки на изданіе, беретъ отъ него экземпляры восьмью франками каждый дороже того, во что онъ издателю обошелся".

Сильвестръ, обсудивши зрѣло вопросъ о количествѣ экземпляровъ изданія, пришелъ впослѣдствіи къ заключенію, что ему не удастся продать больше двухсотъ экземпляровъ, а посему онъ оставилъ мысль объ изданіи тысячи экземпляровъ, внушенную ему Копитаромъ, и рѣшилъ ограничиться всего 500 экземплярами, считая въ этомъ числѣ и тѣ 300, которые должно было получить наше министерство народнаго просвѣщенія [1]). За предложенное ему С. С. Уваровымъ пособіе онъ находилъ, однако, возможнымъ изготовить экземпляры безъ раскраски иниціаловъ и нѣкоторыхъ украшеній рукописи. За этотъ трудъ онъ просилъ себѣ особое вознагражденіе въ размѣрѣ 6 тыс. фр., но затѣмъ, въ виду щедротъ императора Николая и расположенія къ нему С. С. Уварова, онъ согласился на половину этой суммы, т. е. принялъ на себя все изданіе при пособіи отъ министерства въ 13 тыс. фр. При этомъ Сильвестръ просилъ только о разрѣшеніи посвятить изданіе императору Николаю и упомянуть, что оно было выгравировано „sous les auspices de sa Majesté“.

1-го декабря 1842 года С. С. Уваровъ представилъ на Высочайшее благоусмотрѣніе послѣднія условія и желанія Сильвестра, причемъ въ докладѣ своемъ говорилъ: „Находя это предложеніе выгоднымъ по совершенству изданія, какого можно ожидать отъ искусства въ этомъ дѣлѣ палеографа Сильвестра, а самое изданіе Реймскаго Евангелія желательнымъ и полезнымъ для славянской филологіи, считаю обязанностью всеподданнѣйше представить Вашему Императорскому Величеству, что министерство народнаго просвѣщенія не можетъ привести сего предположенія въ дѣйство иначе, какъ съ отнесеніемъ издержекъ на счетъ Государственнаго казначейства“. Далѣе никакихъ затрудненій уже не встрѣтилось. Деньги были выданы Сильвестру чрезъ наше посольство въ Парижѣ, Сильвестръ же долженъ былъ представить обязательство въ исполненіи принятаго на себя изданія.

Такъ осуществилось изданіе Сильвестра 1843-го года.

---

[1]) Вотъ подлинныя слова объ этомъ графа Я. Н. Толстого въ письмѣ къ С. С. Уварову отъ 1-го (13-го) сентября 1842 г. изъ Парижа: „Mr. Sylvestre, qui d'abord m'avait fait entendre qu'il espérait pouvoir placer 1000 exemplaires, est revenu aujourd'hui de cette idée, qui lui avait été suggérée, comme il me l'a dit, par M. Kopitar, mais il a reconnu plus tard, qu'il lui serait impossible de placer plus de 200 exempl., en renonçant à ceux, qu'il espérait vendre en Russie, et que par conséquent il ne pouvait en graver plus de 500, y compris les 300 qui Vous seraient destinés“.

Экземпляры, доставленные Сильвестромъ въ министерство народнаго просвѣщенія, какъ извѣстно, не имѣли пролегоменъ Копитара. Мы имѣли случай замѣтить въ первой статьѣ нашей объ изданіяхъ Реймскаго Евангелія, что Prolegomena Копитара, при крайне неблагопріятныхъ взглядахъ на него въ Россіи, могли казаться предосудительными по нѣкоторымъ мыслямъ, выраженнымъ въ нихъ авторомъ.

Какъ оказывается изъ переписки канцеляріи министерства народнаго просвѣщенія съ графомъ Толстымъ, такимъ предосудительнымъ и „нѣсколько затруднительнымъ въ цензурномъ отношеніи“ мѣстомъ предисловія Копитара признано было то именно, „гдѣ авторъ предполагаетъ возможнымъ, что въ Россіи при богослуженіи славянскій языкъ замѣнится русскимъ“ [1]). Однако, несмотря на такой отзывъ о предисловіи Копитара, министерство пріобрѣло впослѣдствіи у Сильвестра сто экземпляровъ пролегоменъ, имѣя, вѣроятно, въ виду удовлетворить интересамъ тѣхъ ученыхъ, коимъ оно первоначально разослало экземпляры изданія Сильвестра безъ пролегоменъ.

Вл. Францевъ.

В. Н. Перетцъ. Историко-литературныя изслѣдованія и матеріалы. Томъ I. Изъ исторіи русской пѣсни. Часть 1. Начало искусственной поэзіи въ Россіи. Изслѣдованія о вліяніи малорусской виршевой и народной поэзіи XVI—XVIII вѣка на великорусскую. Къ исторіи Богогласника. Часть 2. Приложенія. Описанія сборниковъ псальмъ, кантовъ и пѣсенъ. Вирши изъ старопечатныхъ изданій. Малорусскія пѣсни изъ рукописей XVIII вѣка. Указатели. С.-Пб. 1900.

Старшія русскія искусственныя стихотворенія, такъ называемыя вирши, до сихъ поръ оставались если не въ полномъ, то въ значительномъ пренебреженіи у русскихъ ученыхъ. Сборники ихъ, довольно многочисленные въ нашихъ библіотекахъ, не только не удостоились сколько-нибудь подробнаго описанія, но и не приведены въ извѣстность. Причина ясна: по внутреннимъ своимъ достоинствамъ

---

[1]) Очевидно, тутъ имѣлась въ виду первая глава пролегоменъ Копитара, гдѣ онъ говоритъ, что славянскій языкъ богослуженія „нынѣ столько же понятенъ какому бы то ни было славянскому племени, сколько была бы понятна нѣмцу рѣчь готская или саксонская, еслибъ имъ удалось имѣть архіепископа, подобнаго св. Мееодію“ (§ 4). И далѣе: „Весьма ошибаются и другихъ вводятъ въ заблужденіе тѣ, которые русское богослуженіе выдаютъ за народное и за единственно славянское“ (§ 5). См. *Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія*, 1848, ч. 57, отд. II, 111—112, переводъ И. Пашлонскаго.

вирши представляютъ мало привлекательнаго для современнаго читателя и перечесть ихъ нѣсколько десятковъ дѣло не легкое.

Авторъ не испугался массы сыраго матеріала, и хотя воспользовался далеко не всѣми сборниками виршъ, которые до насъ дошли, тѣмъ не менѣе вполнѣ ясно показалъ значеніе этихъ произведеній въ исторіи русской культуры и литературы всего XVII и первой половины XVIII вѣковъ, какъ цѣнныхъ данныхъ для изученія культурныхъ и литературныхъ теченій.

Первыя четыре главы первой части посвящены имъ обзору наиболѣе древнихъ виршъ, имѣющихся въ русскихъ спискахъ, и наблюденіямъ надъ ихъ стихосложеніемъ. Конечно, авторъ не забываетъ упомянуть о церковно-славянскихъ стихотвореніяхъ IX — X вѣковъ и при этомъ замѣчаетъ: „эти немногіе намеки на то, что такое стихи...., едва ли могли оказать вліяніе на созданіе искусственной поэзіи; по крайней мѣрѣ таковой до насъ не дошло" (стр. 2). Кажется, нельзя говорить такъ рѣшительно; южные славяне писали стихи въ XV вѣкѣ (мы имѣемъ въ виду „стихъ" Константина Костенчскаго въ концѣ его житія деспота Стефана Лазаревича, съ „краегранесіемъ", т. е. акростихомъ [1]); стихосложеніе для насъ неясно); подобные стихи могли писать въ то же время и русскіе, хотя бы по примѣру южныхъ славянъ; но мы пока не въ состояніи отыскать ихъ, т. е. мы не можемъ отличить эти стихи отъ обыкновенной прозы. Авторъ обнаруживаетъ большой интересъ къ виршамъ съ греческимъ стихосложеніемъ. Но стихи Николая Спаеарія („проелегійскіе" въ „Мусахъ", „іамвійстіи" въ Хрисмологіонѣ и друг.) не остановили на себѣ его вниманія и отношеніе стихосложенія Спаеарія къ стихосложенію грамматики Мелетія Смотрицкаго осталось не выясненымъ [2]).

Въ пятой главѣ В. Н. Перетцъ предлагаетъ извлеченія изъ двухъ рукописей начала XVII вѣка. „Приведенныя вирши, говоритъ онъ, почти не имѣютъ ни полонизмовъ, ни малоруссизмовъ" (стр. 92).

Шестая глава озаглавлена: „Малорусскія вирши въ польскихъ рукописныхъ сборникахъ XVII — XVIII вѣковъ". Авторъ приводитъ нѣсколько фактовъ, по его мнѣнію, „свидѣтельствующихъ о томъ, что поляки XVII вѣка охотно заносили въ свои записныя книжки, сборники

---

[1]) Изданъ акад. Ягичемъ въ сербскомъ *Гласник'ѣ*, книга XLII, стр. 327.

[2]) Подражаній церковнымъ гимнамъ и молитвамъ, находящихся въ нотныхъ книгахъ великорусскаго происхожденія XVI и XVII вѣковъ, В. Н. Перетцъ не касается.

выписокъ и замѣтокъ—также и произведенія малорусскаго творчества. .... Наличность фактовъ показываетъ, что образованные поляки XVII вѣка не чуждались малорусской литературы" (стр. 93). В. Н. Перетцъ приводитъ изъ писаннаго латиницей сборника Императорской Публичной Библіотеки открытый имъ новый варіантъ интересной „думы казацкой" о побѣдѣ подъ Берестечкомъ и сатирическую пѣсню о попѣ, изъ писаннаго латиницей сборника библіотеки графа Хрептовича новый варіантъ „пѣсни" о Желтоводской битвѣ, изъ писаннаго латиницей сборника Бернацкаго рожественскую виршу. Къ сожалѣнію, мы не видимъ у автора доказательствъ, что всѣ эти сборники составлены поляками или по крайней мѣрѣ въ Польшѣ. Разница между образованными малоруссами и бѣлоруссами съ одной стороны и образованными поляками съ другой въ XVII вѣкѣ была такъ незначительна, что опредѣлить народность не всегда легко. Первые, даже православные, въ высшей степени охотно пользовались польскимъ языкомъ и алфавитомъ. Кассіанъ Саковичъ, недавній православный, сдѣлалъ для себя замѣчанія на Лиеосъ по-польски. Лазарь Барановичъ почти всѣ свои стихи и большую часть переписки написалъ также по-польски. Өеофанъ Прокоповичъ, живя уже на сѣверѣ Россіи, написалъ нѣсколько польскихъ стихотвореній. Въ виду этого вполнѣ возможно, что малорусскія пѣсни попали въ сборники польскихъ выписокъ не поляковъ, а малоруссовъ и бѣлоруссовъ уніатовъ или католиковъ; иначе говоря — малорусскихъ виршъ въ рукописяхъ поляковъ пожалуй что и нѣтъ.

Седьмая глава говоритъ о польскомъ вліяніи на русскую поэзію XVII — XVIII вѣковъ. „Польская литература вліяла на русскую поэзію въ XVII и XVIII вѣкахъ непосредственно и посредствомъ малоруссовъ. Одновременно съ передѣлками и подражаніями малорусскихъ ученыхъ польскимъ образцамъ, въ сборники псальмъ и кантовъ входили и цѣликомъ польскія псальмы и кантычки" (стр. 124). Авторъ подтверждаетъ эти слова рядомъ виршъ съ одной стороны изъ русскихъ (т. е. великорусскихъ) сборниковъ, съ другой изъ польскихъ канціоналовъ, и разборомъ русскаго текста со стороны языка. Онъ говоритъ здѣсь и въ другихъ мѣстахъ о *малорусскомъ* вліяніи на сѣверную Русь. Если бы у него былъ въ виду лишь XVIII вѣкъ, мы бы съ нимъ вполнѣ согласились; но рѣчь идетъ и о XVIII, и о XVII вѣкѣ. Въ XVII вѣкѣ въ Москвѣ встрѣчаются и малоруссы, и бѣлоруссы, послѣдніе какъ будто чаще. Во всякомъ случаѣ Симеонъ Полоцкій былъ бѣлоруссъ; Дилецкій, авторъ „грамматики мусикійской",

перваго русскаго учебника сольфеджіо, судя по жительству въ Вильнѣ, былъ также бѣлоруссъ; монахи Кутеинскаго монастыря, перебравшіеся при Никонѣ въ Валдайскій Иверскій монастырь, вѣроятно, также были бѣлоруссы. Книги бѣлорусскаго происхожденія были въ Москвѣ не меньше распространены и популярны, чѣмъ малорусскаго. Московская печатная Азбука 1637 года — не что иное какъ передѣлка Азбуки виленской печати (изъ послѣдней въ московскую Азбуку взята даже виньетка заглавнаго листа, изображающая школу). Изданное въ Москвѣ въ 1681 году Житіе Варлаама и Іоасафа—перепечатка кутеинскаго изданія.

Конецъ седьмой главы посвященъ польской пѣснѣ свѣтскаго содержанія, перенесенной на великорусскую почву. „Повидимому, говоритъ В. Н. Перетцъ, постоянными посредниками при перенесеніи польскихъ пѣсенъ въ малорусскую, а позже и въ великорусскую среду, были бандуристы“ (стр. 189). Данныя автора не оставляютъ сомнѣній въ существованіи перенесенія, но роль въ немъ бандуристовъ едва ли не слѣдуетъ ограничить. Конечно, бандуристы, крѣпостные или свободные, нерѣдко находились въ числѣ дворни въ малорусскихъ имѣніяхъ польскихъ пановъ XVIII вѣка и могли усвоивать и разносить польскія пѣсни; однако столько же, если не болѣе, должны были распространять польскія пѣсни тѣ образованные малоруссы, прошедшіе польскую школу, которые сначала служили въ разныхъ должностяхъ въ Польшѣ, а потомъ перебрались въ восточную Малороссію, словомъ—малоруссы въ родѣ Мазепы. Они же, вѣроятно, нерѣдко были авторами искусственныхъ пѣсенъ на малорусскомъ языкѣ, свѣтскаго содержанія, о которыхъ В. Н. Перетцъ говоритъ въ главахъ девятой и десятой (припомнимъ преданія объ авторствѣ Мазепы).

Изъ этихъ главъ девятая носитъ заглавіе: „Старшіе сборники малорусскихъ пѣсенъ начала XVIII вѣка“. В. Н. Перетцъ сообщаетъ свѣдѣнія только о двухъ такихъ сборникахъ. Одинъ—Грушевскаго, описанный владѣльцемъ въ „Запискахъ“ общества Шевченка, другой—нашей Академіи Наукъ. Мы можемъ указать еще на два нотные: одинъ до 1733 года, принадлежащій Ѳ. И. Іезберѣ, въ Варшавѣ, изъ котораго извлеченіе сдѣлано профессоромъ А. И. Смирновымъ [1]; другой безъ даты, находящійся въ библіотекѣ Московскаго Сино-

[1]) *Смирновъ*, Сборникъ древне-русскихъ памятниковъ и образцовъ народной русской рѣчи, стр. 140.

дальнаго училища церковнаго пѣнія № 316 и поступившій въ нее изъ Каменца-Подольскаго.

Десятая глава посвящена „малорусскимъ пѣснямъ въ великорусскихъ записяхъ начала XVIII вѣка“. „Уже въ самомъ началѣ XVIII вѣка, говоритъ авторъ, цѣлые сборники и отдѣльныя пѣсни и вирши малорусскаго происхожденія переходятъ въ великорусскую среду“ (стр. 225). Изъ его словъ не видно, почему онъ указываетъ на начало XVIII вѣка, а не на конецъ или даже на вторую половину XVII вѣка. Правда, старшіе великорусскіе сборники малорусскихъ виршъ съ датами относятся лишь къ половинѣ XVIII вѣка. Укажемъ, сверхъ бывшихъ въ рукахъ у В. Н. Перетца,—два сборника библіотеки Синодальнаго училища церковнаго пѣнія, поступившіе въ нее изъ Оптиной пустыни, одинъ № 927, принадлежавшій въ 1748 году калужскому купцу (въ немъ псальмы и три искусственныхъ пѣсни), другой съ указаніемъ на 1751 годъ (въ немъ псальмы, искусственныя пѣсни малорусскія и великорусскія, стихи Симеона Полоцкаго, Тредьяковскаго, великорусскіе гимны въ честь императрицы Елизаветы). Но великорусскій сборничекъ Ундольскаго № 1073, безъ дѣленія на стихи, можетъ быть свободно отнесенъ и къ концу XVII вѣка (нѣсколько псальмъ). Сверхъ того, нельзя не принять во вниманіе, что если въ Москвѣ временъ Симеона Полоцкаго охотно распѣвали польскіе риемованные псалмы, то еще охотнѣе могли пѣть малорусскія (и бѣлорусскія) вирши, занесенныя пришельцами изъ южной или западной Россіи, хотя бы самимъ Симеономъ Полоцкимъ. Наконецъ укажемъ на современную событію пѣсню о взятіи московскимъ войскомъ въ 1644 году Смоленска, написанную повидимому жившимъ въ Москвѣ бѣлоруссомъ на смѣси великорусскаго и бѣлорусскаго нарѣчій и дошедшую въ спискѣ XVII вѣка [1]).

„Авторы великоруссы, говоритъ авторъ на стр. 240, для созданія пѣсенокъ, уже въ первое время появленія моды на нихъ въ образованномъ классѣ русскаго общества, берутъ за образцы вирши южнорусскихъ стихотворцевъ“. Рѣчь идетъ о любовныхъ пѣсенкахъ. Кажется, у автора нѣтъ основанія выражаться такъ рѣшительно. Одни изъ искусственныхъ пѣсенъ великорусскихъ поэтовъ-анонимовъ, находящіяся въ Новиковскомъ и другихъ пѣсенникахъ XVIII вѣка, такъ близки къ великорусскимъ народнымъ пѣснямъ, что съ трудомъ мо-

---

[1]) Издана въ „Памятникахъ древней письменности“ № CXI, 1895 года, стр. 48.

гутъ быть отъ нихъ отличаемы. Нѣкоторыя изъ нихъ изданы нами въ числѣ народныхъ, хотя мы увѣрены въ ихъ искусственности („Великорусскія народныя пѣсни", томъ V, №№ 122, 148, 158, 310, 695, 703 и т. п.). Другія должны находиться въ болѣе тѣсной связи съ нѣмецкими и французскими пѣснями, чѣмъ съ малорусскими (какъ пѣсни В. Монса и его секретаря Столѣтова); къ нимъ также относятся пѣсни, принадлежащія по преданію императрицѣ Елизаветѣ Петровнѣ. Лишь немногія великорусскія искусственныя пѣсни могутъ быть поставлены въ зависимость отъ малорусскихъ; онѣ должны быть составлены не позднѣе половины XVIII вѣка.

Одиннадцатая глава озаглавлена: „Свѣтскіе малорусскіе элементы въ великорусскихъ сборникахъ пѣсенъ второй половины XVIII вѣка". „Почти во всѣхъ сборникахъ, извѣстныхъ намъ, попадаются пѣсни искусственныя и народныя малорусскаго происхожденія" (стр. 283), говоритъ авторъ и предлагаетъ перечни этихъ пѣсенъ въ нѣсколькихъ рукописныхъ сборникахъ и въ пѣсенникахъ 1780 года (Новиковскомъ), 1790 года („Молодчикъ съ молодкою"), 1815 и 1818 годовъ. Любопытно, что рукописные сборники предлагаютъ главнымъ образомъ искусственныя малорусскія пѣсни, а печатные—народныя.

Двѣнадцатая глава посвящена не „хранителямъ великорусскихъ пѣсенъ въ XVIII вѣкѣ", какъ гласитъ ея заглавіе, а собственникамъ тѣхъ сборниковъ, въ которыхъ находятся главнымъ образомъ псалмы и канты, отчасти свѣтскія пѣсни. Собранныя авторомъ данныя показываютъ, что этими лицами были ученики семинарій, студенты, дьяконы, купцы, подъячіе, крѣпостные люди, т.-е. люди болѣе или менѣе прикосновенные къ церковному пѣнію.

Тринадцатая глава озаглавлена неясно: „Малорусскія пѣсни въ великорусскихъ сборникахъ второй половины XVIII вѣка". Въ ней рѣчь идетъ о великорусскихъ пѣсняхъ, представляющихъ болѣе или менѣе овеликорусившійся текстъ малорусскихъ пѣсенъ.

Четырнадцатая глава кратко говоритъ о „малорусскихъ пѣсняхъ въ великорусскомъ народномъ репертуарѣ" нашихъ дней, не останавливаясь на взаимныхъ отношеніяхъ цѣлаго ряда пѣсенъ общихъ великоруссамъ и малоруссамъ [1]) и ограничиваясь немногими несомнѣнными фактами.

---

[1]) Изъ нихъ пѣсню о куманькѣ В. Н. Перетцъ, на стр. 285—287, признаетъ за малорусскую по происхожденію. Но намъ кажется, вопросъ о взаимныхъ отношеніяхъ ея малорусскаго и великорусскаго текстовъ требуетъ пересмотра.

Въ главѣ пятнадцатой сообщаются данныя изъ исторіи „Богогласника", сборника псальмъ, впервые изданнаго въ Почаевѣ въ 1790 году, и указывается на широкое распространеніе его текстовъ въ народной малорусской и бѣлорусской средѣ. Жаль, что авторъ оставилъ безъ вниманія другой, старшій сборникъ псальмъ, интересный, хотя и незначительный по величинѣ, — приложенный къ „Горѣ Почаевской" (первое изданіе—Почаевъ, 1772 года).

Шестнадцатая глава посвящена вопросу „о репертуарѣ стиховъ у старообрядцевъ". Авторъ пользуется „богатѣйшей коллекціей сборниковъ любимыхъ старообрядческихъ псальмъ С.-Пб. Синодальнаго Архива" и нѣсколькими сборниками другихъ библіотекъ и представляетъ списокъ этихъ псальмъ. Въ немъ мы видимъ и молитву царевича Іоасафа: „Боже Отче всемогущій, Боже Сыне присносущный", сочиненія Симеона Полоцкаго, и гимнъ: „Восплещи, воспой, Россія, Ощущая дни благія", и оду Ломоносова, и переложеніе псалма 135-го въ тоническихъ стихахъ: „Хвалу всевышнему Владыцѣ Потщися, духъ мой, возсылать", и т. п. Уже названныя произведенія позволяютъ сомнѣваться въ томъ, что передъ нами „репертуаръ" старообрядцевъ. Дѣйствительно, далеко не всѣ сборники Синодальнаго Архива могутъ считаться старообрядческими. Въ этотъ Архивъ попали рукописи, отобранныя у разныхъ лицъ, не у однихъ старообрядцевъ, весьма возможно, что нѣкоторыя изъ нихъ принадлежали лицамъ изъ бѣлаго или чернаго православнаго духовенства. Во всякомъ случаѣ тѣ стихи, на которыхъ авторъ особенно долго останавливается, не старообрядческіе. Изъ нихъ стихотвореніе о рекрутскомъ наборѣ: „Слышимъ вѣсточки плачевны, Всѣмъ народомъ объявленны", не заключаетъ въ себѣ ничего старообрядческаго. То же слѣдуетъ сказать о стихотвореніи: „Среди самыхъ юныхъ лѣтъ Вяну я, какъ нѣжный цвѣтъ". Стихотвореніе: „Господи, умомъ желаю Воинъ быть я надъ страстьми", по своему тоническому размѣру, правильному вообще, не смотря на искаженіе текста, принадлежитъ образованному человѣку. Стихотвореніе о монастырской жизни, въ которомъ В. Н. Перетцъ видитъ „печальную картину жизни скитскаго подвижника" (стр. 412), рисуетъ быть не юнаго обитателя старообрядческаго скита (въ послѣднемъ въ XVIII вѣкѣ жилось привольно и пріятно), а молодаго православнаго монаха, стѣсненнаго предписаніями Духовнаго Регламента.

Послѣдняя глава предлагаетъ „нѣсколько выводовъ", сводъ тѣхъ

заключеній, къ которымъ пришелъ авторъ въ предъидущемъ изложеніи.

Вторая часть труда В. Н. Перетца содержитъ описаніе бывшихъ въ распоряженіи автора двѣнадцати сборниковъ псальмъ и кантовъ (11 петербургскихъ собраній и одного Виленской Публичной Библіотеки), вирши изъ старопечатныхъ юго-западно-русскихъ книгъ отъ 1593 до 1619 года, малорусскія пѣсни изъ четырехъ сборниковъ Императорской Публичной Библіотеки, одного Академіи Наукъ и одного Виленской Публичной Библіотеки и „неизвѣстныя вирши" Ѳеофана Прокоповича. По поводу этихъ текстовъ слѣдуетъ замѣтить, что пѣсня, напечатанная на стр. 184 („Что во Кіевѣ во монастырѣ"), на нашъ взглядъ, — чистѣйшая великорусская; пѣсню, напечатанную на стр. 185 („Заюшка, гдѣ ты былъ да побывалъ"), по нашему мнѣнію, вѣрнѣе считать также великорусскою; пѣсня, помѣщенная на стр. 186 („Гдѣ жъ моя дзѣвонюшка гуляла"), — искаженная польская, съ великоруссизмами (*вѣдь*, *изба*) и безъ малоруссизмовъ.

А. Соболевскій.

Нѣсколько словъ по поводу „Отвѣта" Д. И. Иловайскаго.

Я вынужденъ обратиться къ редакціи *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія* съ настоятельною просьбою помѣстить нижеслѣдующую замѣтку по поводу „Отвѣта рецензентамъ" г. Иловайскаго (*Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія* 1901, май) и по поводу тѣхъ поясненій къ этому „отвѣту", какіе г. Иловайскому угодно было сдѣлать въ издаваемой имъ газетѣ *Кремль* (№ 10 и 11, стр. 2—3).

Поясненія г. Иловайскаго касаются, во-первыхъ, ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, во-вторыхъ, офиціальныхъ рецензентовъ его учебниковъ и, въ третьихъ, отношенія прессы къ учебникамъ г. Иловайскаго. Я не буду говорить за ученый комитетъ: если ученому комитету угодно будетъ обратить вниманіе на выходки г. Иловайскаго, онъ самъ можетъ показать неосновательность этихъ выходокъ гораздо внушительнѣе, чѣмъ могу сдѣлать это я. Но я не могу не указать здѣсь на то, что г. Иловайскій совершенно неправильно представляетъ себѣ степень вліянія отдѣльнаго члена комитета на то или иное опредѣленіе комитета. Разъяснивъ своей публикѣ, что я, профессоръ Платоновъ, состою членомъ комитета

„по исторіи“, онъ затѣмъ изображаетъ дѣло такъ, будто бы я лично „положилъ рѣшеніе“ на однихъ его учебникахъ, разборъ же другихъ „предоставилъ тремъ постороннимъ комитету лицамъ“, но, конечно, такимъ, которые со мною солидарны. Я долженъ рѣшительно протестовать противъ такого рода сообщеній, такъ какъ они безусловно несправедливы. Рецензенты лишь даютъ отзывъ комитету о томъ или другомъ дѣлѣ, съ проектомъ постановленія; отзывъ обсуждается комитетомъ и постановленія комитета нерѣдко расходятся съ мнѣніями рецензентовъ; выборъ постороннихъ сотрудниковъ принадлежитъ всему комитету, а утвержденіе выбора начальству. Вотъ истина, отъ которой въ данномъ случаѣ удалился г. Иловайскій.

Теперь о мнѣ самомъ. Г. Иловайскій увѣренъ, что я виновникъ и руководитель „похода“, произведеннаго на него въ органахъ Министерства Народнаго Просвѣщенія. Онъ докладываетъ это публикѣ въ своемъ листкѣ, руководясь только тѣмъ соображеніемъ, что я—членъ ученаго комитета и что я питаю „давнее непріязненное отношеніе“ къ г. Иловайскому. О рецензіи на одинъ изъ его учебниковъ онъ рѣшительно заявляетъ: „рецензія на сію книгу, несомнѣнно ему (Платонову) принадлежащая, хотя и никѣмъ не подписанная“. Другихъ основаній для того, чтобы печатно трепать мое имя, у автора учебниковъ нѣтъ; для всякаго уважающаго печатное слово, надѣюсь, не требуетъ поясненій, насколько тверды эти основанія и насколько благовидно на нихъ опираться. Не вступая въ полемику съ г. Иловайскимъ, я позволю себѣ указать лишь на слѣдующее:

1) Всѣ рецензіи гг. членовъ ученаго комитета помѣщаются въ *Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія*, по принятому разъ навсегда правилу, безъ подписей. *Только поэтому* члены ученаго комитета, писавшіе о книгахъ г. Иловайскаго, не подписали своихъ рецензій; лица же, посторонніе комитету, свои рецензіи напечатали съ подписями. Если бы я рѣшился доставить себѣ удовольствіе вновь, какъ десять лѣтъ тому назадъ, написать частную рецензію на „исторіографическіе“ труды г. Иловайскаго, я бы ее подписалъ полнымъ именемъ. Смѣю увѣрить въ этомъ г. Иловайскаго.

2) Г. Иловайскій рѣшается говорить, что мнѣ слѣдовало бы „забыть кое-какіе личные счеты“ съ нимъ (*Кремль*, стр. 6). У меня съ г. Иловайскимъ нѣтъ никакихъ личныхъ счетовъ. Всѣ наши отношенія ограничиваются тѣмъ, что я написалъ отзывъ объ одномъ изъ томовъ его „Исторіи“ въ *Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія*, и это ему не понравилось. Я не ссылался въ своей по-

слѣдней книгѣ на его „Исторію“, и это ему не понравилось. На печатныя выраженія его неудовольствій по этому поводу я не отвѣчалъ совсѣмъ: какіе же тутъ „личные счеты“? Могу сказать, что и впредь я не буду въ такихъ „личныхъ счетахъ“ съ г. Иловайскимъ, потому что полемика съ нимъ ведетъ только къ горькимъ недоразумѣніямъ. Примѣръ на лицо. Покойный В. Гр. Васильевскій до конца дней своихъ былъ противъ „разысканій“ г. Иловайскаго о началѣ Руси и всегда являлся несокрушимымъ обличителемъ его произвольныхъ построеній. А теперь г. Иловайскій рѣшается печатно говорить, что покойный нашъ ученый „послѣдовательно ведшій полемику“ съ г. Иловайскимъ, „въ концѣ концовъ нашелся вынужденнымъ (!) отказаться отъ норманнской теоріи происхожденія Руси и признать ея туземство (!) въ южной части восточной Европы“ (*Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія*, май, стр. 936). Этого не надо и опровергать! Можно только задуматься надъ тѣмъ, гдѣ же искать причину такой рѣшимости и способности понимать вещи по-своему, какою уже давно отличается г. Иловайскій.

С. Платоновъ.

Книжныя новости.

Труды Владимірской ученой архивной коммиссіи. Книга II. Владиміръ. 1900. Стр. II+190+68+64+24+26+31. Съ приложеніемъ 2-хъ плановъ, 24-хъ рисунковъ и 9 портретовъ.

Мы уже говорили въ одномъ изъ предыдущихъ нумеровъ *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія* о первой книгѣ „Трудовъ“ названной архивной комиссіи и отмѣтили появленіе ея, какъ выдающійся фактъ среди изданій архивныхъ комиссій вообще. Многія статьи и матеріалы ея безспорно представляютъ высоко-научный интересъ. То же почти мы должны сказать и о второй, лежащей передъ нами, книгѣ этихъ „Трудовъ“.

Открывается она статьею протоіерея А. И. Свирѣлина: „Древній запрестольный крестъ въ гор. Переславлѣ-Залѣсскомъ“. Знакомя читателя впервые съ этимъ замѣчательнымъ памятникомъ церковныхъ древностей, авторъ неминуемо впалъ въ нѣкоторыя неточности и смѣлыя предположенія, приписывая, напримѣръ, этому кресту слишкомъ раннее происхожденіе—X или XI вѣка; тѣмъ не менѣе статья протоіерея Свирѣлина важна уже тѣмъ, что несомнѣнно возбудитъ вниманіе спеціалистовъ къ этому цѣнному археологическому памятнику.

Далѣе г. Н. А. Маклаковъ въ статьѣ: „Изъ исторіи Суздальскаго Спасо-Евфиміева монастыря“ знакомитъ на основаніи архивныхъ дѣлъ съ исторіей острога или „монастырской крѣпости“, въ которой содержались „поврежден-

ные въ умѣ колодники“ и „буйные развратники“, со времени ея основанія (1766 г.) до 1826 года. Первоначально и самое помѣщеніе для арестантовъ и ихъ содержаніе были въ невозможномъ состояніи. На содержаніе „малоумнаго“ однодворца и крестьянина, напримѣръ, отпускалось изъ казны всего по 20 рублей въ годъ. „Вопіющія же неудобства“ помѣщенія не разъ обращали на себя вниманіе владимірскихъ губернаторовъ. Наконецъ, ходатайства архимандритовъ монастыря и губернаторовъ дошли до императора Александра I, и съ его соизволенія къ 1826 г. состоялась постройка новаго помѣщенія и установлена сумма на содержаніе каждаго заключеннаго въ 156 рублей.

Въ слѣдующей статьѣ: „Къ исторической топографіи гор. Владиміра на Клязьмѣ“ г. А. Н. Бунинъ говоритъ о трехъ „земляныхъ валахъ“, свидѣтельствующихъ, по его мнѣнію, о постепенномъ возникновеніи на мѣстѣ нынѣшняго Владиміра трехъ городовъ (въ 1108, 1158 и 1194 гг.).

Въ дополненіе къ извѣстнымъ доселѣ портретамъ царицы Евдокіи Ѳедоровны Лопухиной г. Георгіевскому удалось отыскать новый портретъ, который онъ описываетъ подробно, разсказывая въ связи съ этимъ и исторію заключенія царицы въ статьѣ: „Къ портрету царицы Евдокіи Лопухиной“. Портретъ этотъ представляетъ „довольно красивую набѣленную и нарумяненную молодую женщину съ большими глазами, съ красиво очерченными густыми бровями, красивымъ ртомъ и характернымъ носомъ. Одежду ея составляетъ: темное платье нѣсколько вырѣзанное у шеи, закрытое на протяженіи всего вырѣза тюлевымъ ожерельемъ—родъ жабо того времени; на головѣ черная шелковая кика, въ видѣ небольшой шапочки, покрывающей гладко причесанные темно-каштановые волосы; сверху кики накинутъ тюлевый изящно вышитый „цвѣточками“ убрусецъ, спускающійся до самыхъ плечъ“ (стр. 62). Портретъ нарисованъ, по мнѣнію г. Георгіевскаго, около 1707—1710 г., т. е. самыхъ первыхъ годовъ пребыванія царицы Евдокіи въ Спасо-Евфиміевскомъ монастырѣ. Попутно авторъ вводитъ поправку къ догадкѣ покойнаго М. И. Семевскаго, признававшаго, какъ оказывается, портретъ Соломеніи Сабуровой за портретъ царицы Евдокіи.

Того же автора помѣщено далѣе большое изслѣдованіе о „Суздальскомъ Ризположенскомъ монастырѣ“. Здѣсь онъ впервые, насколько позволяли матеріалы, сообщаетъ болѣе полную исторію монастыря и подробно описываетъ находящіеся и бывшіе въ немъ предметы древности. Въ приложеніи къ этой статьѣ г. Георгіевскій помѣстилъ „Писцовую книгу гор. Суздаля 1628—1629 г.“, изъ которой только въ 1843 г. было напечатано нѣсколько выдержекъ во *Владимірскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ*, ставшихъ теперь библіографическою рѣдкостью, нѣсколько описей, указовъ, грамотъ и другихъ документовъ, относящихся до Ризположенскаго монастыря.

Въ слѣдующемъ отдѣлѣ книги „Трудовъ“, въ отдѣлѣ „Матеріаловъ“, находимъ интересныя свѣдѣнія объ архивѣ Переславскаго духовнаго правленія и объ его многочисленныхъ „дѣлахъ“, проливающихъ свѣтъ на положеніе, бытъ и нравы тамошняго духовенства второй половины XVIII и начала XIX вѣковъ, и затѣмъ новыя данныя объ извѣстномъ Ст. Вас. Руссовѣ, которыя г. Смирновъ извлекъ изъ дѣла о „производствѣ объ оберъ-секретарѣ надворномъ совѣтникѣ Руссовѣ и секретарѣ Пучковѣ“ (1815 г.). Попутно

г. Смирновъ дополняетъ и списокъ трудовъ Руссова. Оставляя затѣмъ въ сторонѣ „Хронику" и „Отчетъ" комиссіи, мы обращаемъ вниманіе читателя на „Портретную галлерею уроженцевъ и дѣятелей Владимірской губерніи" г. А. В. Смирнова, сообщившаго вмѣстѣ съ портретами краткія біографическія данныя о Я. Е. Протопоповѣ, В. А. Борисовѣ, В. И. Доброхотовѣ, К. Н. Тихонравовѣ, Н. Я. Дубенскомъ, Н. И. Шагановѣ, Д. А. Смирновѣ и И. С. Шмидтѣ.

Отдавая въ заключеніе полную признательность гг. членамъ Владимірской ученой архивной комиссіи, столь плодотворно трудящимся на пользу родной исторіи и археологіи, мы, однако, не можемъ не выразить сожалѣнія по поводу отсутствія во второй книгѣ продолженія „Описи дѣлъ архива Владимірскаго губернскаго правленія", столь блестяще начатой А. В. Селивановымъ

Сборникъ матеріаловъ по исторіи предковъ царя Михаила Θеодоровича Романова. Генеалогическій и историческій матеріалъ по печатнымъ источникамъ, собранный *Н. Н. Селифонтовымъ*. Ч. І. С.-Пб. 1901.

Основанный въ 1897 г. при Костромской ученой архивной комиссіи Романовскій отдѣлъ въ слѣдующемъ уже году издалъ вторую часть „Сборника матеріаловъ по исторіи предковъ царя Михаила Θеодоровича Романова", въ которую вошла пространная „Родословная рода Захарьиныхъ-Юрьевыхъ-Романовыхъ", составленная по матеріаламъ умершаго въ 1863 г. И. П. Сахарова. Недавно появилась и первая часть этого „Сборника", заключающая въ себѣ „генеалогическій и историческій матеріалъ по печатнымъ источникамъ".

Первый и главный отдѣлъ этой части составляютъ родословныя росписи потомковъ Андрея Ивановича Кобылы и Михаила Прушанина, родоначальника рода Шестовыхъ, изъ котораго происходила мать царя Михаила Θеодоровича, Ксенія (въ иночествѣ Марθа) Ивановна. Всѣхъ росписей потомковъ перваго родоначальника приведено здѣсь десять; изъ нихъ древнѣйшими должны считаться двѣ росписи, составленныя по спискамъ синодальному и Московскаго архива министерства иностранныхъ дѣлъ, XVI и XVII вѣковъ, и напечатанныя первоначально во „Временникѣ Московскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ", за 1851 г., кн. X. Эти росписи и помѣщены въ „Сборникѣ" первыми; остальныя всѣ распредѣлены по времени ихъ составленія или напечатанія, если нѣтъ свѣдѣній о времени составленія. Въ числѣ позднѣйшихъ помѣщена „Родословная таблица домовъ Рюрика и нынѣ царствующаго Романовыхъ", принадлежащая перу г. Мещеринова, напечатавшаго ее въ *Русской Старинѣ* за 1898 г. Наиболѣе полною и обработанною изъ всѣхъ росписей слѣдуетъ признать „Родословную царствующаго дома Романовыхъ", составленную барономъ Балтазаромъ-Кампенгаузеномъ и изданную въ Лейпцигѣ, въ 1805 г. Въ „Сборникѣ" она помѣщена въ нѣмецкомъ подлинникѣ и русскомъ переводѣ Н. Н. Селифонтова.

Росписей потомковъ Михаила Прушанина помѣщено пять: 1) Морозовыхъ по списку половины XVI столѣтія Московскаго архива министерства иностранныхъ дѣлъ; 2) Морозовыхъ, Тучковыхъ, Шеиныхъ и Салтыковыхъ

по списку конца XVI столѣтія Московскаго архива министерства иностранныхъ дѣлъ; 3) Морозовыхъ по списку начала XVII столѣтія Московской синодальной библіотеки; 4) Шестовыхъ по Бархатной книгѣ и 5) Шестовыхъ и Русалкиныхъ по „Русской родословной книгѣ“ князя Лобанова-Ростовскаго.

Второй отдѣлъ „Сборника“ составляетъ „Опытъ библіографическаго указателя къ печатнымъ статьямъ, сочиненіямъ и вообще печатнымъ изданіямъ, въ которыхъ имѣются и могутъ заключаться данныя и соображенія, составляющія матеріалъ для исторіи предковъ царя Михаила Θеодоровича Романова“, съ „вспомогательнымъ“ къ нему „азбучнымъ перечнемъ личныхъ именъ географическихъ названій и обозначеній предметовъ“.

Родъ князей Волконскихъ. Матеріалы, собранные и обработанные княгинею *Е. Г. Волконской*. С.-Пб. 1900. Стр. 980. Цѣна 5 р.

За послѣднее время стало появляться все болѣе и болѣе разнаго рода родословныхъ сборниковъ, основанныхъ преимущественно на изученіи матеріаловъ, заимствованныхъ по большей части изъ семейныхъ архивовъ. Сообщаемыя въ нихъ свѣдѣнія и особенно матеріалы являются цѣнными и для общей исторіи. Къ числу такихъ сборниковъ должно отнести и вышеназванный огромный въ 60 печатныхъ листовъ томъ, въ которомъ въ весьма значительной полнотѣ исчерпана и печатная литература о родѣ князей Волконскихъ.

Главное содержаніе разсматриваемой книги составляютъ „Біографическія свѣдѣнія о князьяхъ Волконскихъ“, подтверждаемыя всюду подробнѣйшими или чаще цѣлыми перепечатками документовъ. Родъ князей Волконскихъ происходитъ отъ Рюрика, и ближайшимъ его родоначальникомъ является *Иванъ Юрьевичъ*, князь Тарусскій изъ рода князей Черниговскихъ. Изъ общаго числа представителей этого рода, простирающагося свыше 150 человѣкъ, о которыхъ сообщены біографическія свѣдѣнія, болѣе всего свѣдѣній дается о жившихъ въ XVI и XVII вѣкахъ; тутъ же помѣщено и наибольшее число матеріаловъ. Среди многихъ извѣстныхъ и полезныхъ дѣятелей рода князей Волконскихъ назовемъ хотя нѣсколькихъ: *Григорія Константиновича*, полномочнаго посла въ Крымъ и Польшу, окольничаго и воеводу; *Θедора Θедоровича*, тоже полномочнаго посла, боярина и воеводу; *Θедора Ивановича*, по прозванію Мерина, знаменитаго воеводу XVII вѣка, начальника Московскаго приказа; *Θедора Львовича*, окольничаго и воеводу XVII вѣка; *Николая Григорьевича*, генералъ-адъютанта, генерала отъ кавалеріи, присоединившаго фамилію Репнина; *Павла Михайловича* (род. 1763 г., ум. 1808 г.), образованнѣйшаго человѣка своего времени и благодѣтеля для крестьянъ; *Григорія Семеновича* (род. 1742 г., ум. 1824 г.), оренбургскаго генералъ-губернатора, члена государственнаго совѣта; *Петра Михайловича* (род. 1776 г., ум. 1852 г.), свѣтлѣйшаго князя, генералъ-фельдмаршала, учредителя русскаго генеральнаго штаба; *Семена Θедоровича* (род. 1703 г., ум. 1768 г.), генералъ-аншефа, прославившагося въ Семилѣтнюю войну, и *Сергѣя Григорьевича* (род. 1788 г., ум. 1865 г.), боеваго генерала, участвовавшаго въ 58 сраженіяхъ и сосланнаго въ 1826 г. въ Сибирь за участіе въ тайномъ обществѣ и заговорѣ декабристовъ.

Вслѣдъ за „біографическими свѣдѣніями“ помѣщены: „родословная рос-

пись князей Волконскихъ отъ свѣтлѣйшаго великаго князя Михаила Черниговскаго до 1900 г.", а за росписью—„Приложенія", въ которыя вошли: „Родословная роспись, поданная князьями Волконскими въ Разрядъ въ 1686 г.", „Записки исторіографа князя М. М. Щербатова о родѣ князей Волконскихъ", „Замѣтка князя А. М. Волконскаго о происхожденіи рода князей Волконскихъ", „Выписка исторіографа Г. Ф. Миллера о родѣ князей Волконскихъ", „Статья М. Г. Спиридова о родѣ князей Волконскихъ" и „Выписка изъ документовъ литовской метрики о князьяхъ Волконскихъ XV вѣка".

Въ концѣ тома, для удобства пользованія, приложены два алфавитныхъ указателя: 1) личныхъ именъ и 2) географическихъ.

Въ самомъ началѣ книги издатель ея князь М. С. Волконскій помѣстилъ портретъ автора, княгини Е. Г. Волконской, нынѣ уже покойной.

Исторія Императорскаго Русскаго Археологическаго Общества за первое пятидесятилѣтіе его существованія. 1846—1896. Составилъ *Н. И. Веселовскій.* С.-Пб. 1900. Стр. 514.

Въ концѣ прошлаго года, почти черезъ пять лѣтъ послѣ исполнившагося юбилея, появилась вышеназванная „Исторія" археологическаго общества, принадлежащая перу Н. И. Веселовскаго. Въ ней авторъ предварительно въ краткихъ чертахъ обозрѣваетъ работы русскихъ археологовъ до времени основанія общества, т. е. до 1846 г., а затѣмъ говоритъ объ организаціи общества и указываетъ главнѣйшіе моменты въ его жизни за все истекшее пятидесятилѣтіе.

Подобно географическому и археологическое общество обязано своимъ возникновеніемъ иностранцу Бернгарду (по русски Борису Васильевичу) Кёне, который былъ еврей по происхожденію, реформатъ по вѣроисповѣданію и заграничный агентъ Я. Я. Рейхеля по пріобрѣтенію для него средневѣковыхъ и новыхъ европейскихъ монетъ. Поселившись, благодаря покровительству послѣдняго, въ 1845 г. въ Петербургѣ, Кёне вступилъ въ полемику съ археологомъ Л. Э. Стефани и затѣмъ еще въ болѣе горячій споръ съ русскими археологами по вопросу объ Олеговой монетѣ. Во время этого-то спора ему и пришла мысль основать на подобіе берлинскаго нумизматическаго общества, гдѣ онъ былъ секретаремъ, археологическо-нумизматическое общество въ Петербургѣ. Организованное имъ и Я. Я. Рейхелемъ, оно было исключительно нумизматическимъ и иностраннымъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ. Только черезъ 6 лѣтъ послѣ основанія, русской партіи, сплотившейся около П. С. Савельева и И. П. Сахарова, удалось оттѣснить иностранцевъ, завести періодическія изданія общества на русскомъ языкѣ и организовать три отдѣленія: 1) русской и славянской археологіи, 2) восточной и 3) древней и западной археологіи. Оживленная дѣятельность этихъ отдѣленій была прервана крымскою кампаніею и послѣдовавшими за нею событіями и вновь возродилась съ начала 1870 годовъ.

Далѣе авторъ „Исторіи" говоритъ объ „издательской дѣятельности" общества, сообщая лишь внѣшній перечень періодическихъ и отдѣльныхъ изданій. Затѣмъ перечисляетъ начатыя или намѣченныя изданія и предпріятія общества, но оставшіяся неисполненными; всѣ преміи и медали, которыя

имѣлись при обществѣ и были выданы, вмѣстѣ со спискомъ лицъ, удостоенныхъ премій и медалей. Вслѣдъ за этимъ идутъ главы: „Археологическія раскопки" (въ общемъ таковыхъ было немного и большая часть ихъ произведена Ивановскимъ и Н. Бранденбургомъ), „реставрація памятниковъ древности" (здѣсь всѣ почти мѣры къ сохраненію памятниковъ древности сводились къ писанію малорезультатныхъ „отношеній") и „экспедиціи и командировки".

Послѣ обозрѣнія дѣятельности общества по отдѣленіямъ, обозрѣнія, правду сказать, краткаго и болѣе внѣшняго, Н. И. Веселовскій говоритъ о библіотекѣ и музеѣ, не сообщая никакихъ числовыхъ данныхъ объ ихъ содержаніи, о денежныхъ средствахъ общества, его помѣщеніи и администраціи. Въ концѣ помѣщены: „составъ общества за первое пятидесятилѣтіе", „привѣтствія, полученныя обществомъ 15-го декабря 1896 г." и „указатель именъ личныхъ и географическихъ".

Не говоря уже о характеристикѣ главнѣйшихъ изданій общества, имѣвшихъ наибольшее значеніе для археологіи, въ книгѣ г. Веселовскаго мы сравнительно мало находимъ свѣдѣній и о его болѣе крупныхъ членахъ; а эти свѣдѣнія были бы весьма не лишни въ „Исторіи" общества, тѣмъ болѣе, что они имѣются частью въ архивѣ общества, а частью извѣстны его сочленамъ.

Бальфуръ, Артуръ Джемсъ. Основанія вѣры, переводъ съ шестого англійскаго изданія подъ редакціей *Владиміра Соловьева.* Москва. 1900. Цѣна 1 р. 25 к. Стр. 302.

Это книга, несомнѣнно, написанная англичаниномъ: всѣ свойства англійскаго духа отражаются въ ней чрезвычайно отчетливо. Авторъ заботится только о существенномъ, оставляя въ сторонѣ ненужныя детали и эрудицію; онъ нисколько не заботится о систематичности изложенія, а излагаетъ свои замѣчанія, хотя и соотвѣтственно извѣстному плану, но вовсе не въ строгой и стройной системѣ. Въ книгѣ много недосказаннаго, и авторъ частенько отсылаетъ читателя къ другому своему труду, „Философскія сомнѣнія", который, насколько намъ извѣстно, не переведенъ на русскій языкъ. Въ книгѣ содержится основательная, хотя и не всесторонняя критика того, что г. Бальфуръ называетъ „натурализмомъ", то-есть, эмпирической теоріи познанія матеріалистической метафизики. Менѣе подробно разобрана противоположная система (трансцендентальнаго идеализма), къ которой авторъ питаетъ нѣкоторое сочувствіе, признавая однако открыто ея слабыя стороны.

Критика двухъ возможныхъ міровоззрѣній и указаніе несостоятельности ихъ открываетъ путь для защиты вѣры. Эта защита ведется чрезвычайно осторожно; видно, что авторъ имѣетъ въ виду весьма скептически настроенную публику, посему онъ удовлетворяется лишь незначительными на первый взглядъ уступками со стороны скептика. Авторъ желаетъ лишь очистить поле для религіи, нисколько не касаясь положительной религіи; книга можетъ быть даетъ меньше, чѣмъ читатель въ правѣ ожидать отъ сочиненія, озаглавленнаго „Философское введеніе къ изученію богословія", но несо-

мнѣнию, что чтеніе различныхъ соображеній автора можетъ навести на хорошія мысли читателя и поколебать скептически настроеннаго по отношенію къ религіи матеріалиста. Главное содержаніе книги г. Бальфура отрицательное: онъ не столько заботится о томъ, чтобы показать необходимость религіозныхъ вѣрованій, сколько выясняетъ полную несостоятельность философіи и науки при рѣшеніи нѣкоторыхъ вопросовъ. Несмотря на нѣсколько отрывочный и эскизный характеръ разсужденій г. Бальфура, нужно признать за нѣкоторыми частями его книги выдающіяся достоинства. Намъ, напримѣръ, особенно понравилась критика философіи Спенсера, предложенная въ 4-ой главѣ 4-ой части подъ заглавіемъ „Конечныя научныя идеи". Несостоятельность этой философской системы, пользующейся широкимъ распространеніемъ и у насъ, показана чрезвычайно отчетливо.

За достоинство перевода говоритъ имя редактора, который на нѣкоторыхъ страницахъ помѣстилъ свои примѣчанія; изъ нихъ явствуетъ, что неполнота разсужденій г. Бальфура иногда смущала В. Соловьева. Въ корректурномъ отношеніи книга издана довольно небрежно.

Въ декабрѣ 1900 г. выпущены въ свѣтъ слѣдующія изданія Императорской Академіи Наукъ:

1) Извѣстія Императорской Академіи Наукъ (Bulletin). Томъ XIII, № 5. Декабрь 1900. (1+LXIX—LXXX+461—525 стр.; заглавіе и оглавленіе къ XIII-му тому). (Съ 6-ю таблицами) gr. 8°. Цѣна 1 руб.=2 Mk. 50 Pf.

2) Записки Императорской Академіи Наукъ, по физико-математическому отдѣленію (Mémoires. VIII-e Série. Classe physico-mathématique). Т. XI, № 2. *A. S. Wassilieff*. Beobachtungen des Planeten Venus angestellt im Jahre 1892. (Nebst 6 Tafeln.) (3+60 стр.) 4°. Цѣна 1 р. 20 к.=3 Mk.

3) Записки Императорской Академіи Наукъ, по физико-математическому отдѣленію (Mémoires. VIII-e Série. Classe physico-mathématique). Т. XI, № 3. *И. Семеновъ*. Пути барометрическихъ максимумовъ въ Европѣ за 1889—1893 гг. (Съ 15 картами). (1+24 стр.) 4°. Цѣна 1 р.=2 Mk. 70 Pf.

4) Записки Императорской Академіи Наукъ, по историко-филологическому отдѣленію (Mémoires. VIII-e Série. Classe historico-philologique). Т. IV, № 9 и послѣдній. Th. von *Tscherbatskoi*. Ueber das Haihayendracarita des Harikavi. (3+XI+112 стр., заглавіе и оглавленіе къ IV-му тому) gr. 8°. Цѣна 1 руб. 20 к.=3 Mk.

5) Сочиненія Императрицы Екатерины II на основаніи подлинныхъ рукописей и съ объяснительными примѣчаніями академика *А. Н. Пыпина*.

Томъ I. Драматическія сочиненія. (8 + XLVII + 419 + 2 стр.) 8°. Цѣна 2 руб.

Томъ II. Драматическія сочиненія. (3+547+2 стр.) 8°. Цѣна 2 р. 50 к.

Томъ III. Драматическія сочиненія. (3+III+455+2 стр.) Цѣна 2 р.

Томъ IV. Драматическія сочиненія. (1 + IV + 262 + 2 стр.) 8°. Цѣна 1 р. 50 коп.

6) Письма и бумаги Императора Петра Великаго. Томъ IV. (XXXIV+1259+CXIV стр.) 8° Цѣна 4 р.

7) Извѣстія Императорской Академіи Наукъ (Bulletin). Томъ XIII, № 4. Ноябрь 1900. (I+LXII—LXVII+351—460 стр.) gr. 8°. Цѣна 1 р.=2 Mk. 50 Pf.

8) Dr. *W. Radloff*. Das Kudatku Bilik des Jusuf Chass-Hadschib aus Bälasagun. Theil II. Text und Uebersetzung nach den Handschriften von Wien und Kairo. I. Lieferung: p. 2—95 der Wiener Handschrift. (XXIV+1+228 стр.) gr. 4°. Цѣна 4 р. 40 к.=11 Mk.

9) Византійскій Временникъ, издаваемый при Императорской Академіи Наукъ, подъ редакціей *В. Э. Регеля*. (Βυζαντινα Χρονικα). Т. VII, вып. 4. XXVII+621—818 стр.) gr. 8°. Цѣна по подпискѣ 5 р.= 12 Mk. 50 Pf.

10) Словарь русскаго языка составленный вторымъ отдѣленіемъ Императорской Академіи Наукъ. Втораго тома выпускъ 4-й (съ начала изданія—7-й). Загрáять—Закрѣпля́ть. (VIII+953—1272 столб.) gr. 8°. Цѣна 75 коп.

11) Источники словаря русскихъ писателей. Собралъ *С. А. Венгеровъ*. Т. I. Ааронъ—Гоголь. (1+VI+814 стр.). 8°. Цѣна 2 р. 50 к.

Въ январѣ и февралѣ 1901 г. выпущены въ свѣтъ слѣдующія изданія Императорской Академіи Наукъ:

1) Извѣстія Императорской Академіи Наукъ (Bulletin). Томъ XIV, № 1. Январь 1901. (I+XVI+103 стр.). gr. 8°. Цѣна 1 р.= 2 Mk. 50 Pf.

2) Записки Императорской Академіи Наукъ, по физико-математическому отдѣленію (Mémoires. VIII-e Série. Classe physico-mathématique). Т. XI, № 4. *А. Belopolsky*. Bearbeitung der in Pulkovo erhaltenen Spectrogramme von dem Spectral-Doppelstern α Geminorum. Mit 3 Holzschnitten. (I+111 стр.). Цѣна 2 р.=5 Mk.

3) Записки Императорской Академіи Наукъ, по историко-филологическому отдѣленію (Mémoires. VIII-e Série. Classe historico-philologique). Т. V, № 1. Отчетъ о сорокъ первомъ присужденіи наградъ графа Уварова. (III+276 стр.). Цѣна 2 р.=5 Mk.

4) К. К. Герцъ. Собраніе сочиненій, изданное Императорскою Академіею Наукъ на средства капитала имени проф. *К. К. Герца*. Выпускъ 7-й: Археологическая и художественная хроника. Ч. I (1857—1865). (IV+VI+384 стр.). Цѣна 2 р.=5 Mk.

5) Ежегодникъ зоологическаго музея Императорской Академіи Наукъ (Annuaire du Musée Zoologique de l'Académie Impériale des Sciences de St.-Pétersbourg). 1900. Т. V, № 4. (Съ 5 таблицами). (Стр. 373—457 + IX—XXXVI+1+VIII [заглавіе и содержаніе V тома]). Цѣна 1 р. 60 к.=4 Mk.

Въ мартѣ 1901 г. выпущены въ свѣтъ слѣдующія изданія Императорской Академіи Наукъ:

1) Извѣстія Императорской Академіи Наукъ (Bulletin). Томъ XIV, № 2. Февраль 1901. (I+XVII+XXIV+105—225 стр.) gr. 8°. Цѣна 1 р.=2 Mk. 50 Pf.

2) Записки Императорской Академіи Наукъ, по физико-математическому отдѣленію (Mémoires. VIII-e Série. Classe physico-mathématique). Т. XI, № 5. *А. А. Кулябко.* Къ ученію о контрактурѣ. Съ 2 таблицами міограммъ. (1+30 стр.). 4°. Цѣна 1 р.=2 Mk. 50 Pf.

3) Записки Императорской Академіи Наукъ, по историко-филологическому отдѣленію (Mémoires. VIII-e Série. Classe historico-philologique). Т. V, № 2. *Friedrich Westberg.* Die Fragmente des Toparcha Goticus (Anonymus Tauricus) aus dem 10 Jahrhundert. Mit 10 Tafeln. (1+126 стр.). gr. 8°. Цѣна 1 р. 50 коп.=3 Mk. 75 Pf.

4) Записки Императорской Академіи Наукъ, по историко-филологическому отдѣленію (Mémoires. VIII-e Série. Classe historico-philologique). Т. V, № 3. *Г. К. Шмидъ.* Иванъ Бохъ въ Москвѣ въ 1578 году. (1+9 стр.) gr. 8°. Цѣна 20 коп.=50 Pf.

5) Извѣстія отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ. 1900. Т. V, книжка 4-я. (1075—1431+Общій титулъ, содержаніе V-го тома VIII+опечатки, дополненія и поправки II+Общее содержаніе I—V томовъ (1896—1900 г.) 1+XXXI). 8°. Цѣна 1 руб. 50 коп

Списокъ книгъ, поступившихъ въ редакцію *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія* въ теченіе апрѣля и мая мѣсяцевъ 1901 г.

— Матеріалы къ познанію фауны и флоры Россійской Имперіи. Отдѣлъ зоологическій. Выпускъ II. Москва 1896. 555 стр. Цѣна 3 р. 50 коп. Выпускъ III. Съ одной таблицей. Москва 1897. 372 стр. Цѣна 2 р. 50 коп. (Приложеніе къ „Bulletin de la Société Imperiale des Naturalistes de Moscou“). Выпускъ IV. Москва 1897. XI+331 стр. Цѣна 2 р. 50 коп. Выпускъ V съ 2 табл. Москва 1901. 399 стр. Цѣна 3 р.

— *Тарле, Е. В.* Исторія Италіи въ средніе вѣка. Изданіе Акціонернаго Общества „Брокгаузъ—Ефронъ“. С.-Пб. 1901. 197 стр. Цѣна 1 р. (Исторія Европы по эпохамъ и странамъ въ средніе вѣка и новое время. Изданіе подъ редакціей *Н. И. Карѣева* и *И. В. Лучицкаго*).

— *Чечулинъ, Н.* Памяти учителей. К. Н. Бестужевъ-Рюминъ, В. Г. Васильевскій, Л. Н. Майковъ. С.-Пб. 1901. 24 стр.

— *Грабарь, В. Э.* Неудачная попытка національизаціи международнаго права. Разборъ книги Э. К. Симсона „Система международнаго права“. Т. I. Основныя понятія. С.-Пб. 1900. Юрьевъ 1901. 23 стр.

— *Поспишилъ, А. О.* Греческія слова въ русскомъ языкѣ. Кіевъ 1901. 64 стр. Цѣна 50 коп.

— *Гюйо, М.* Искусство съ соціологической точки зрѣнія. Съ портретомъ автора, исполненнымъ фирмою Дюжардена въ Парижѣ. Переводъ *Д. А. М.*

С.-Пб. 1900. 461 стр. Цѣна 2 р. (Изданіе товарищества „Знаніе". Редакція *Г. Фальборка* и *В. Чарнолусскаго*).

— *Бобровъ*, *Евгеній*. Философія въ Россіи. Матеріалы и замѣтки. Выпускъ V. Листы 55—65. Казань 1901. Отъ 855—1026 стр. (Приложеніе къ Ученымъ Запискамъ Казанскаго университета за 1901 г., апрѣль).

— *Его же*. Литература и просвѣщеніе въ Россіи XIX вѣка. Матеріалы, изслѣдованія и замѣтки. Томъ II. Казань 1901. VI+271 стр.

— Историческое обозрѣніе. Сборникъ Историческаго Общества при Императорскомъ С.-Петербургскомъ университетѣ, издаваемый подъ редакціей *Н. И. Карѣева*. Томъ одиннадцатый. С.-Пб. 1901. 160 стр.

— Алфавитный списокъ книгъ библіотеки юридическаго факультета Императорскаго Казанскаго университета. Казань 1901. 131 стр. (Приложеніе къ Ученымъ Запискамъ Казанскаго университета за 1901 г., май—іюнь).

— Správa o musku královstvi českého za rok 1900. V Praze. 1901.

— Кавказскіе курорты. Пятигорскъ, Ессентуки, Желѣзноводскъ и Кисловодскъ. Иллюстрированный путеводитель на 1901 г. Изданіе Управленія Кавказскихъ минеральныхъ водъ. IV+72+14 стр.

— *Витбергъ*, *Ѳ. А.* Первыя басни И. А. Крылова. С.-Пб. 1900. 57 стр. (Исправленный оттискъ).

— Извѣстія отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ. 1900 г. Тома V-го, книжка 4-я. С.-Пб. 1900. Отъ 1075—1431+XXXI стр. Цѣна 1 р. 50 коп.

— Извѣстія Императорской Академіи Наукъ. Томъ XIII. № 5. 1900 Декабрь. Отъ LIX—LXXX и отъ 461—525 стр. Томъ XIV. № 1. 1901 г. Январь XVI+103 стр. Томъ XIV. № 2. 1901. Февраль. Отъ XVII-XXIV и отъ 105—225 стр. С.-Пб. 1901.

— *Гарнеръ*, *Р. Л.* Языкъ обезьянъ. (The speech of monkeys by R. L. Garner). Переводъ съ англійскаго *С. Л. Халютина*, подъ редакціею *В. В. Битнера*. С.-Пб. 1901. 84 стр. Цѣна 50 коп. Изданіе *П. П. Сойкина*. (Библіотека „Научнаго Обозрѣнія").

— *Ромашковъ*, *Д.*, свящ. Различные типы школъ и образованія, получаемаго въ нихъ современными русскими людьми. Москва 1898. 96 стр. Цѣна 50 коп.

— *Его же*. Современныя задачи русской школы и семьи. Москва 1901. 14 стр. (Отдѣльный оттискъ изъ „Московскаго Церковнаго Вѣстника" 1901. № 16).

— *Семеновъ, Ст.*, протоиерей. Размишления върху единството на Христовата църква и необходимостьта отъ вселенски съборъ. Сказка държана на 22 ноемврий 1900 г. въ салона на „Учителска Дружба" въ г. Пловдивъ. Пловдивъ 1901. 30 стр.

— Отчетъ Томскаго епархіальнаго училищнаго совѣта о состояніи церковныхъ школъ за 1899 гражданскій годъ. Томскъ 1901. 27 стр.

— Отчетъ о состояніи саратовской городской публичной библіотеки въ 1900 г. 69-й годъ существованія. Саратовъ 1901. 19 стр.

— *Погодинъ*, *А. Л.* Изъ исторіи славянскихъ передвиженій. С.-Пб. 1901. 167 стр.

— *Нечаевъ*, *А. П.* Современная экспериментальная психологія въ ея отношеніи къ вопросамъ школьнаго обученія, съ 79 таблицами въ текстѣ. С.-Пб. 1901. 236 стр. Цѣна 1 р. 50 коп.

— Библіотека великихъ писателей. Шиллеръ. Выпускъ III, 478 стр. и IV, 160 стр. Изданіе Брокгаузъ и Ефронъ. 1901.

— *Кацъ*, *Р. А.* Уходъ въ семьѣ за глазами дѣтей. Второе изданіе, исправленное и дополненное. С.-Пб. 1901. 49 стр. Цѣна 30 коп.

— *Антонъ*, *Г.* Объ умственномъ утомленіи здоровыхъ и больныхъ дѣтей. Переводъ съ нѣмецкаго д-ра *Гордона*. Кіевъ 1901. 27 стр. Цѣна 20 коп.

— *Шопенгауэръ*, *Артуръ*. Полное собраніе сочиненій. Въ переводѣ и подъ редакціей *Ю. И. Айхенвальда*. Выпуски IV и V. Москва 1901. Изданіе магазина „Книжное дѣло". Отъ 289—552 стр. Цѣна за четыре тома 8 руб.

— *Грузенбергъ*, *Семенъ*. Нравственная философія Шопенгауэра. Критика основныхъ началъ философіи Шопенгауэра. С.-Пб. 1901. 109 стр. Цѣна 1 р. 25 коп.

— *Kariejew*, *Mikołaj*. O samokształceniu się młodego pokolenia w Rosji. Lwow 1901. 28 стр.

— *Karějev*, *N.* Ruský dějepisec italského humanismu. V Praze 1901. 15 стр. Z vlaštní otisk z čes. čas. hist. roč. VII, čís 2.

— *Kariejew, Mikołaj*. O studyach z zakresu historyi zachodniej Europy w Rosyi. Lwów. 1901. 19 стр. Osobne odbicie z tomu XV Kwartalnika historycznego.

— Zeitlexikon. Januar, Februar, März, April 1901. Jährlich 12 Hefte à 1 mark.

— *Czubek*, *Jan*. Bartosza Paprockiego dwie broszury polityczne z lat 1587 i 1588. Krakow. 1900. X + 125 стр. (Wydawnictwa akademii umiejętności w Krakowie. Biblioteka pisarzów polskich. T. 38).

— Rozprawy Akademii umiejętności wydział historyczno-filozoficzny. Serya II. Tom XIV. Ogólnego sbioru tom trzydziesty dziewiąty. W Krakowie. 1900. 399 стр.

— Collectanea ex archivo collegii juridici. Tomus VII. Archiwum komisyi prawniczej. Tom siódmy. Krakow. 1900. LXX + 568 стр. (Editio collegii juridici Academiae litterarum cracoviensis).

— *Кареевъ*, *Мик.*, проф. Мик. Михайловскій і його значінє в російській літературі. (Публичній видчит *Мик. Кареева*, що відбувся у Львові 8(21) січня 1901 р. на дохід бібліотеки „Наукового Товариства ім. Шевченка у Львові"). 18 стр.

НАША УЧЕБНАЯ ЛИТЕРАТУРА [1]).

Фридрихъ фонъ-Гельвальдъ. Земля и ея народы. Переводъ съ послѣдняго нѣмецкаго изданія въ 4-хъ томахъ подъ редакціей *Ф. Груздева*, редактора журнала „Природа и люди". Томъ III. Живописная Европа. (Съ картою и рисунками). С.-Пб. Стр. 728+II. Цѣна не обозначена. Томъ IV. Живописная Африка, Австралія съ Океаніей и Полярныя страны. (Съ картами и рисунками). С.-Пб. Стр. 160+100+I. Цѣна не обозначена.

Въ III томѣ содержится описаніе западно-европейскихъ государствъ и Россіи, а 4-й томъ заключаетъ въ себѣ Африку, Австралію съ Океаніей и полярныя страны.

Въ 4-мъ послѣднемъ изданіи подлинника 1897 г. очерку Россіи отведено 23—24 страницы, въ русскомъ же переводѣ Россія занимаетъ 416 страницъ, и не можетъ не показаться страннымъ, почему издатель прикрылъ именемъ нѣмецкаго географа отдѣлъ о Россіи, имѣющій общаго съ нимъ только внѣшность, именно отдѣлъ о Россіи, какъ и остальныя части Гельвальда, напечатаны двумя шрифтами: крупнымъ — матеріалъ наиболѣе важный и мелкимъ — разныя подробности.

Отдѣлъ о Россіи состоитъ изъ общей части, въ которую входятъ: Общій географическій очеркъ. Пространство, границы, историческій ростъ Россіи. Рельефъ поверхности. Нѣсколько словъ о геологіи Россіи. Климатъ Европейской Россіи. Гидрографія, взглядъ на прошлое внутреннихъ водъ Россіи. Тундра, лѣсъ, степь. Древніе и современные обитатели Европейской Россіи и т. д. Во второй части разсматривается Россія съ экономической стороны, т. е. всѣ виды добыва-

[1]) Помѣщенныя здѣсь рецензіи имѣлись въ виду ученымъ комитетомъ министерства народнаго просвѣщенія.

ющей и обработывающей промышленности, и къ этой части отнесены народное образованіе и народное здравіе. Третья и послѣдняя часть посвящается частному обозрѣнію Европейской Россіи по областямъ. Обозрѣніе Кавказа также входитъ въ составъ книги.

Всѣ части находятся между собою въ связи, и поэтому общее обозрѣніе въ книгѣ не представляетъ отдѣла законченнаго, такъ какъ почти всѣ главные предметы, затрогиваемые имъ, пополняются и по мѣрѣ накопленія новыхъ фактовъ освѣщаются въ тѣхъ или другихъ отдѣлахъ остальныхъ двухъ частей.

Въ общее обозрѣніе внесенъ матеріалъ изъ геологіи и археологіи, чего не имѣлъ въ виду Гельвальдъ по отношенію даже къ Западной Европѣ. Геологіи посвящено нѣсколько болѣе 4-хъ страницъ, подъ заглавіемъ „Нѣсколько словъ о геологіи Россіи". Судя по цитатамъ, разсѣяннымъ въ статьѣ, эта глава составлена спеціалистомъ, и къ чести его нужно сказать, что она не содержитъ въ себѣ никакихъ тонкостей, которыя могли бы затруднить читателя, незнакомаго вообще съ естественною исторіею. Въ простыхъ несложныхъ штрихахъ авторомъ очерчиваются главные геологическіе періоды, при чемъ все изложеніе направляется главнымъ образомъ къ цѣли—выяснить, когда и какъ произошли разнаго рода минеральныя богатства и разныя составныя части почвъ и подпочвъ Европейской Россіи, а равно и вопросу, какое вліяніе тотъ или другой періодъ имѣлъ на образованіе текучихъ и стоячихъ водъ Россіи, ихъ глубины, очертанія береговъ. Иллюстрируемое 4-мя картами, изображающими границы моря въ четыре періода: каменноугольный, пермскій, юрскій, мѣловой, содержаніе этой главы примѣняется и расширяется въ томъ же общемъ обозрѣніи, именно въ главѣ о прошломъ внутреннихъ водъ Россіи, а равно въ главѣ о тундрѣ, лѣсѣ и степи. Другой матеріалъ, котораго также избѣгаетъ Гельвальдъ,—это объ обитателяхъ Европейской Россіи въ доисторическое время. Въ этомъ отдѣлѣ составитель разрѣшаетъ на основаніи проф. Иностранцева вопросъ, въ какой періодъ исторіи земли произошелъ человѣкъ, а равно старается разобраться въ разныхъ археологическихъ и антропологическихъ лѣтописныхъ данныхъ и въ мнѣніяхъ историковъ и ученыхъ о древнихъ обитателяхъ Россіи и о происхожденіи Русскаго государства и, усвоивъ мнѣнія Иловайскаго, Вельчинскаго и другихъ одномыслящихъ писателей, приходитъ къ мнѣнію, что славяне до основанія государства обладали сравнительно высокою культурою, и что Русь, основавшая Русское государство, была племя туземное и славянское.

Въ заключеніе дается характеристика главныхъ славянскихъ племенъ, составляющихъ Русское государство, на основаніи Реклю. Хотя вопросъ о происхожденіи людей въ Ледниковый періодъ и проблематиченъ, и разрѣшеніе его въ томъ или другомъ видѣ не имѣетъ никакого отношенія къ географіи Россіи; хотя выводы автора о культурѣ славянъ ставятъ въ противорѣчіе съ мнѣніями наиболѣе авторитетныхъ ученыхъ; но все-таки нельзя не признать этого отдѣла имѣющимъ интересъ, такъ какъ въ немъ собрано много полезныхъ свѣдѣній. Характеристика же славянскихъ племенъ безусловно правильна и симпатична.

Глава, спеціально касающаяся поверхности Россіи, важна въ томъ отношеніи, что въ ней представляются уже данныя на точномъ основаніи изслѣдованій ген. Тилло, проф. Краснова и нѣкоторыхъ другихъ.

Вторая часть, именно экономическое положеніе Россіи, описываетъ главные виды добывающей и обработывающей промышленности, при чемъ по отношенію къ каждому виду промысловъ представляются статистическія данныя, область распространенія промысла, естественныя и искусственныя, благопріятныя или неблагопріятныя обстоятельства къ развитію того или другого промысла. Матеріалъ въ отведенныхъ редакціею рамкахъ взятъ главнѣйшимъ образомъ изъ сборника Министерства Финансовъ: „Производительныя силы Россіи“ за 1896 годъ.

Лучшую и интересную часть книги составляетъ частное описаніе Европейской Россіи по областямъ. Всѣ области разсматриваются почти по одному и тому же плану, при чемъ описаніямъ городовъ, за исключеніемъ Петербурга, Москвы и нѣкоторыхъ другихъ населенныхъ пунктовъ, отводится вообще немного мѣста. О промыслахъ же, въ виду поименованной выше второй части, даются только намеки; но за то болѣе обстоятельно описываются вообще всѣ физическія и въ частности геологическія, климатическія, орографическія и гидрографическія особенности края, а равно мѣстныя естественныя произведенія, составляющія предметъ пропитанія жителей, и всѣ данныя сгруппированы и сопоставлены между собою на столько искусно, что читатель можетъ составить себѣ достаточно ясно рельефную панораму края.

Но едва ли не бóльшее мѣсто, хотя и въ мелкомъ шрифтѣ, занимаетъ этнографія описываемой области. Все, что можетъ помочь читателю составить представленіе о численности, о внѣшности, о нравственныхъ качествахъ и домашнемъ бытѣ, объ экономическомъ

состояніи, объ отношеніяхъ сословныхъ и племенныхъ, объ исторической судьбѣ населенія того и другого типа и племени населенія,— повторяемъ, для всего этого дано много вѣрныхъ, рѣзкихъ фактовъ, видимо, заимствованныхъ изъ хорошихъ сочиненій спеціально географическихъ, изъ путешествій, изъ разныхъ журнальныхъ статей, а мѣстами сочиненій беллетристическихъ, какъ, напримѣръ, В. Немировича-Данченко, Максимова и т. п.

При этомъ къ чести автора нужно отмѣтить, что онъ наиболѣе подробностей отвелъ на описаніе господствующаго населенія, какъ строителя государства, а равно и то, что онъ съ большимъ тактомъ и осторожностью разъясняетъ нѣкоторыя отрицательныя стороны, обнаруживаемыя группами народовъ населенія неславянскаго корня къ населенію господствующему. Впрочемъ, этнографія Закавказья и необстоятельна и неудовлетворительна, хотя научно-литературнаго матеріала по этому предмету достаточно.

Какъ на особенность частнаго обозрѣнія, нужно указать еще на то, что, какъ при физическомъ описаніи Европейской Россіи, такъ и при этнографіи, авторъ вводитъ для объясненія предмета въ большомъ количествѣ историческій матеріалъ и дѣлаетъ это на столько умѣстно, что матеріалъ этотъ составляетъ важное дополненіе къ освѣщенію предмета.

Несмотря на большую содержательность книги, ей все-таки недостаетъ необходимыхъ свѣдѣній, такъ, нѣтъ особенныхъ рубрикъ о государственномъ управленіи, о религіи, опущена по какой-то случайности цѣлая губернія, именно Смоленская.

По духу и направленію книга вообще производитъ пріятное впечатлѣніе. Тѣневыхъ сторонъ авторъ не опускаетъ, но онъ ихъ касается слегка, какъ, напримѣръ, о тяжести податныхъ налоговъ, лежащихъ на земледѣльческомъ классѣ (стр. 386), о поощреніи со стороны правительства нѣмцевъ къ переселенію въ Привислинскій край (стр. 510), о вредѣ отхожихъ промысловъ и т. п.

Не отвѣчаютъ серьезности книги 2 мѣста (на стр. 633 и 635) фельетоннаго характера, изъ коихъ въ первомъ въ доказательство равнодушія сельскаго населенія къ своимъ гражданскимъ правамъ представляется простой анекдотъ, а во второмъ — провинціальная и общественная жизнь въ губернскихъ городахъ характеризуется чертами, которыя во всякомъ случаѣ никакъ не могутъ быть примѣнимы ко всѣмъ городамъ Имперіи. Но болѣе всего поражаетъ очеркъ Москвы на (стр. 637—640), въ которомъ всѣ темныя черты изъ ея

быта въ прошломъ искусственно сгруппированы въ одну картину, и въ которомъ ея современный обликъ представленъ также въ непривлядныхъ чертахъ.

Что касается до остальныхъ частей книги, то можно сказать, что онѣ переведены хорошо, по крайней мѣрѣ, мы не встрѣтили ничего неудобнаго. Примѣчанія, сдѣланныя отъ редакціи вполнѣ умѣстны, за исключеніемъ одного, именно о Португаліи, которое внесено какъ бы въ пополненіе текста, а между тѣмъ противорѣчитъ ему (стр. 27).

Текстъ напечатанъ хорошо и значительно крупнѣе и удобнѣе для чтенія, чѣмъ подлинникъ. Рисунковъ въ русскомъ изданіи больше, чѣмъ въ нѣмецкомъ, и они выбраны удачно, но воспроизведены значительно хуже, чѣмъ въ оригиналѣ.

Къ 4-му тому приложенъ алфавитный указатель географическихъ названій, при томъ съ удареніями, чего въ подлинникѣ нѣтъ; но для отдѣла по русской географіи удобнѣе было бы имѣть особый указатель.

Изданіе *О. Н. Поповой*. Образовательная Библіотека. Серія 3, № 7. Дугласъ Арчибальдъ (бывшій вице-през. Корол. Метеорол. Общ. въ Лондонѣ). Атмосфера. Съ 42 рис. въ текстѣ. Пер. съ англ. *С. А. Федоровскаго*, подъ ред. *Вл. А. Герда*. С.-Пб. 1900 г. IV+194 стр. Цѣна 80 коп.

Разсматриваемая книга посвящена обзору важнѣйшихъ явленій наблюдаемыхъ въ атмосферѣ, а также тѣмъ объясненіямъ, которыя современная наука даетъ этимъ явленіямъ. Вся книга раздѣлена на XIV главъ, въ которыхъ разсмотрѣны: происхожденіе и высота атмосферы; природа и составъ атмосферы; давленіе и вѣсъ атмосферы; температура атмосферы; общій круговоротъ въ атмосферѣ; законы, управляющіе явленіями въ атмосферѣ; роса, туманъ и облака; дождь, снѣгъ и градъ; циклоны; звуки въ атмосферѣ; цвѣта и другія оптическія явленія въ атмосферѣ; вихри, смерчи, торнадо и грозовыя бури; возможность держаться въ воздухѣ и воздухоплаваніе, и наконецъ, жизнь въ атмосферѣ.

Въ этой книгѣ собрано много интереснаго и поучительнаго матеріала, но къ сожалѣнію въ ней встрѣчаются большое число разнообразныхъ ошибокъ и неточностей, которыя должны вызвать у читателя самыя превратныя представленія о явленіяхъ, происходящихъ въ атмосферѣ, и въ особенности о тѣхъ физическихъ законахъ, которыми пользуются при ихъ объясненіи.

Нѣтъ никакой возможности перечислить всѣ тѣ ошибки и неточности, которыя встрѣчаются въ этой книгѣ.

Ограничиваемся указаніемъ наиболѣе существенныхъ изъ нихъ, а также нѣкоторыхъ другихъ мѣстъ, неудовлетворительныхъ въ томъ или другомъ отношеніи.

Глава вторая начинается слѣдующими словами: „высшимъ существамъ, которыя, какъ думаютъ, населяютъ небесныя пространства, должно быть, было безконечно жалко наблюдать, какъ бѣдные, маленькіе люди на землѣ, въ теченіи многихъ вѣковъ боролись въ туманѣ суевѣрій и ошибокъ, чтобы узнать наконецъ составъ той атмосферы, въ которой они живутъ". Надо думать, что высшія существа имѣли еще и нѣкоторыя другія, болѣе вѣскія причины жалѣть бѣдныхъ, маленькихъ людей, населяющихъ землю.

На той же страницѣ читаемъ: „будь въ воздухѣ больше кислорода, наша жизнь, и теперь не долгая, стала бы еще короче, и хотя, можетъ быть, въ нашихъ рѣчахъ тогда было бы больше остроумія и блеску, но постоянное состояніе какого-то духовнаго и тѣлеснаго опьяненія дѣлало бы насъ неспособными къ усидчивому, серьезному труду. Люди превратились бы въ легкомысленныя, безпечныя, разсѣяныя существа, которыя въ безумномъ, чрезмѣрномъ возбужденіи вѣроятно скоро истребили бы другъ друга. Съ другой стороны, слишкомъ большой избытокъ азота въ воздухѣ привелъ бы насъ къ такому состоянію унынія и холодности, что, напримѣръ, англичане, отчасти и теперь характеризующіеся этими качествами, должны были бы тогда превратиться въ какихъ-то истукановъ, или мумій, безстрастныхъ, бездѣятельныхъ, безжизненныхъ,—словомъ, въ матерію безъ движенія".

Такое мнѣніе автора, очевидно, не выдерживаетъ никакой критики, такъ какъ составъ воздуха, очевидно, не подобранъ сообразно характеру и нуждамъ людей, но наоборотъ все живущее на землѣ приспособлено къ тѣмъ условіямъ, которыя на ней существуютъ.

То же самое относится къ слѣдующему мѣсту на стр. 11: „И пожалуй, не будь азота, не легко было бы на его мѣсто найти другой газъ, который такъ же разбавлялъ бы собою кислородъ воздуха и въ то же время не оказывалъ бы на насъ отравляющаго дѣйствія, подобнаго дѣйствію углекислоты".

На стр. 11 авторъ утверждаетъ, что азотъ дѣлаетъ воздухъ лучшимъ проводникомъ для звука, для передачи силы и т. д. Трудно понять въ какомъ отношеніи азотъ способствуетъ передачѣ силы.

На стр. 13 читаемъ: „Указанныя выше составныя части атмосферы смѣшаны между собою такъ, какъ смѣшивается спиртъ съ водою“.

Это невѣрно, такъ какъ смѣшеніе воды со спиртомъ сопровождается значительнымъ сжатіемъ, что указываетъ на наличность химическихъ силъ, которыя однако при смѣшеніи азота съ кислородомъ никакой роли не играютъ.

На стр. 19 сказано, что Торричелли перевернулъ трубку надъ чашкой со ртутью, но не указано, что онъ при этомъ опустилъ одинъ конецъ трубки во ртуть.

На той же страницѣ авторъ утверждаетъ, что воздухъ вблизи земной поверхности вѣситъ больше, чѣмъ въ болѣе высокихъ слояхъ, что очевидно не вѣрно; авторъ смѣшиваетъ плотность съ вѣсомъ. На той же злополучной страницѣ авторъ утверждаетъ, будто на уровнѣ моря барометръ обыкновенно стоитъ на высотѣ 30 дюймовъ (760 миллим.), при 0° С. Извѣстно, что высота барометра вездѣ колеблется въ весьма широкихъ предѣлахъ; кромѣ того не легко понять, къ чему собственно относится указаніе на температуру 0° С.

На стр. 20 сказано, что 1 куб. метръ воздуха вѣситъ около $^1/_2$ килограмма; это невѣрно: должно быть 1,293 кил. На той же страницѣ помѣщена странная по своей неопредѣленности фраза: „Вѣсъ атмосферы долженъ быть постоянно принимаемъ въ разсчетъ“.

На стр. 26 читаемъ: „Что касается атмосферы, то для лучей, идущихъ отъ солнца, способность излученія превосходитъ способность поглощенія, но для теплоты, лучеиспускаемой обратно землею, способность поглощенія значительно превосходитъ способность лучеиспусканія. Въ концѣ концовъ, такимъ образомъ у нижнихъ слоевъ атмосферы способность поглощенія лучей всякаго рода приблизительно въ 2,3 раза больше, чѣмъ способность излученія“. Все это весьма трудно понять. Къ кому относится способность излученія, къ атмосферѣ, или къ лучамъ, идущимъ отъ солнца? и чья способность поглощенія превосходитъ способность лучеиспусканія—теплоты? или кого-либо другого?

На стр. 27 говорится сперва о поверхности, и нѣсколько ниже о *линіяхъ* AB, AC, что не можетъ не затруднить читателя.

Рисунки на той же страницѣ не соотвѣтствуютъ тексту, такъ какъ на рисункѣ лучи составляютъ съ горизонтомъ уголъ, который гораздо больше 17°.

На стр. 29 говорится объ углѣ стоянія солнца надъ горизонтомъ,

между тѣмъ какъ обыкновенно говорятъ о высотѣ солнца надъ горизонтомъ.

На стр. 31 авторъ говоритъ о вѣтрахъ, дождяхъ и теченіяхъ рѣкъ: „И ясно, какъ недавно показали лордъ Кельвинъ и Эдисонъ, что мы имѣемъ громадный, пока еще почти не тронутый запасъ силы, которымъ можемъ воспользоваться, когда появятся симптомы истощенія нашихъ запасовъ каменнаго угля". Это довольно странная историческая справка, такъ какъ, конечно, не лордъ Кельвинъ и не Эдисонъ научили людей пользоваться вѣтрами и теченіемъ рѣкъ.

На стр. 32 авторъ говоритъ: „Температура атмосферы создается видоизмѣненными лучами, накопленными въ различныхъ предметахъ земной поверхности; эти послѣдніе, прежде чѣмъ разсѣять лучи назадъ черезъ атмосферу, передаютъ ихъ путемъ лучеиспусканія одинъ къ другому; поэтому термическіе періоды атмосферы всегда отстаютъ отъ періодовъ непосредственной радіаціи. Такъ, наивысшая температура сутокъ бываетъ не въ полдень, но часъ, или два, спустя. Подобнымъ же образомъ высшая температура года приходится въ среднемъ на 1 мѣсяцъ позже средины лѣта".

Объясненіе отставанія, которое здѣсь приведено, очевидно совершенно невѣрно. Температура должна подыматься, пока притокъ тепла превышаетъ потерю черезъ лучеиспусканіе.

На той же страницѣ дано весьма мало понятное объясненіе разности между суточнымъ и сезоннымъ колебаніемъ температуры воздуха надъ океаномъ и материками.

На стр. 40 авторъ говоритъ: „При нагрѣваніи сухой земли тратится меньше тепловой энергіи на приведеніе частичекъ ея въ движеніе, чѣмъ при нагрѣваніи воды. Поэтому дѣйствіе во второмъ случаѣ оказывается болѣе скрытымъ, чѣмъ въ первомъ. При нагрѣваніи воды энергія, конечно, не пропадаетъ—этого не бываетъ никогда и нигдѣ въ мірѣ,—но большая часть ея переходитъ въ скрытое состояніе и потому температура оказывается ниже". Это мѣсто должно вызвать большое недоумѣніе, такъ какъ скрытой теплотой принято называть нѣчто совсѣмъ другое, чѣмъ то, о чемъ здѣсь говоритъ авторъ. И, дѣйствительно, поглощеніе теплоты при испареніи воды въ значительной степени обуславливаетъ разность температуръ надъ сушей и надъ водой. Между тѣмъ авторъ говоритъ только о тепловой энергіи, которая тратится на приведеніе частичекъ воды въ движеніе, т. е. на ея нагрѣваніе.

На стр. 41 авторъ говоритъ о плоскости, въ которой лежатъ цен-

тры солнца и планетъ. Если подразумѣвать всѣ планеты, то такой плоскости не существуетъ. Если же имѣть въ виду одну планету, то приходится указать, что положеніе плоскости не опредѣляется двумя точками.

На стр. 45 читаемъ: „Втеченіе дня, такъ какъ воздухъ надъ равнинами отъ нагрѣванія поднимается вверхъ, приблизительно, на 7 м. съ каждымъ градусомъ, температура всей массы атмосферы повышается приблизительно до высоты 1800 м.“ Совершенно непонятно, что значитъ: „воздухъ поднимается вверхъ на 7 м. съ каждымъ градусомъ“.

На стр. 49—50 авторъ говоритъ: „Но нѣтъ никакого сомнѣнія, что солнце, въ зависимости отъ происходящихъ въ немъ при этомъ измѣненій, дѣйствуетъ какимъ-то особеннымъ образомъ на земную атмосферу не только на ея температуру, но также и на ея магнитныя свойства“.

Вѣроятно, авторъ имѣлъ въ виду не магнитныя свойства атмосферы, но напряженіе магнитнаго поля земного магнетизма.

На стр. 92 читаемъ: „Обратный второму, третій законъ, которому для удобства можно дать названіе закона Пуассона, состоитъ въ слѣдующемъ: если воздухъ внезапно сжать, то пропорціонально повышается его температура, если ему внезапно дать расшириться, температура его понижается. Внезапность здѣсь необходима лишь для того, чтобы выдѣлившаяся теплота не разсѣялась бы незамѣченной“.

Все это совершенно невѣрно. Законъ Пуассона показываетъ, что при внезапномъ сжатіи воздуха температура вовсе не повышается пропорціонально давленію, но что между этими величинами существуетъ другая, гораздо болѣе сложная зависимость.

Болѣе чѣмъ странны тѣ разъясненія законовъ Маріота, Гей Люссака и Пуассона, которыя встрѣчаются на стр. 93 и 94.

На стр. 93 авторъ утверждаетъ, будто по современной теоріи газовъ молекулы находятся въ постоянномъ движеніи взадъ и впередъ, что совершенно не соотвѣтствуетъ основамъ кинетической теоріи газовъ.

На стр. 94 сказано, что работа 424 килограммометровъ можетъ повысить температуру одного килограмма воды на 1° выше абсолютнаго нуля. Послѣднія три слова никакого смысла не имѣютъ.

На стр. 96 читаемъ: „Нѣсколько лѣтъ тому назадъ великій химикъ Дальтонъ нашелъ законъ давленія газовъ и вывелъ изъ него законъ диффузіи газовъ“.

Дальтонъ открылъ законъ давленія газовъ въ 1802 г., т. е. болѣ чѣмъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ. Какое отношеніе имѣетъ это открытіе къ закону диффузіи газовъ—непонятно.

На стр. 98 встрѣчается такая фраза: „свѣтъ и теплота образуются вслѣдствіе видоизмѣненія волнообразныхъ движеній той загадочной среды, которая заполняетъ“ и т. д. Непонятно, какія видоизмѣненія имѣетъ въ виду авторъ.

Запутано и непонятно также и все то, что на стр. 99 говорится о поглощеніи разнаго рода лучей атмосферою.

На стр. 140 авторъ утверждаетъ, будто звукъ не можетъ существовать тамъ, гдѣ нѣтъ воздуха, между тѣмъ мы знаемъ, что звукъ можетъ распространяться также и черезъ жидкія и твердыя тѣла.

На стр. 144 авторъ говоритъ: „Даже теорія истеченія великаго Ньютона, согласно которой свѣтъ обусловливается чѣмъ-то въ родѣ бомбардировки мельчайшихъ частицъ, не выдержала тонкаго анализа новой науки и рухнула. Другое поколѣніе во главѣ съ Гюйгенсомъ и т. д.“.

Во-первыхъ, непонятно, что значитъ бомбардировка мельчайшихъ частицъ; ужъ не хотѣлъ ли авторъ сказать: бомбардировка мельчайшими частицами? Во-вторыхъ, нельзя назвать новой наукою ту, которая была основана Гюйгенсомъ, Эйлеромъ и т. д. Въ-третьихъ, слѣдуетъ имѣть въ виду, что Гюйгенсъ былъ современникомъ Ньютона и потому не принадлежалъ къ „другому поколѣнію“.

На стр. 145 почти ни одна фраза не выдерживаетъ критики. Здѣсь сговорится о лучахъ, которые „приходятъ въ соприкосновеніе“, о лучистой энергіи, которая на что-то потребляется, о теплотѣ и свѣтѣ, которые получаются изъ лучей всѣхъ цвѣтовъ спектра и т. д.

На стр. 146 читаемъ: „Иногда, уже послѣ того, какъ закатъ исчезъ, спустившись ниже горизонта“ и т. д.

Интересно было бы посмотрѣть, какъ это закатъ спускается ниже горизонта.

На стр. 150 читаемъ въ объясненіи радуги: „Фіолетовые лучи, съ болѣе короткими волнами, преломляются сильнѣе и потому находятся на внутренней части дуги“. Во-первыхъ, непонятно, почему болѣе сильное преломленіе должно заставить фіолетовые лучи появиться съ внутренней стороны радуги; кромѣ того извѣстно, что въ радугѣ второго порядка фіолетовые лучи находятся съ наружной стороны.

На стр. 162 встрѣчается слѣдующая замѣчательная фраза: „Сосредоточеніе электричества, наблюдаемое при грозовыхъ буряхъ, какъ

полагаютъ, происходитъ вслѣдствіе увеличенія количества электричества". Объясненіе, дѣйствительно великолѣпное. Все остальное, что здѣсь говорится объ атмосферномъ электричествѣ также не выдерживаетъ никакой критики.

На стр. 163 говорится о толщинѣ электрическаго слоя „или, выражаясь электротехническимъ языкомъ, плотности электричества". О плотности электричества говорили, во всякомъ случаѣ, далеко раньше возникновенія электротехники.

На стр. 165 авторъ утверждаетъ, что въ Бенгаліи одна молнія можетъ длиться по часу и дольше за разъ, что, конечно, болѣе, чѣмъ сомнительно.

Нельзя не удивляться, что русскій переводчикъ оставилъ на стр. 192 слѣдующій географическій курьезъ. Здѣсь разсмотрѣны типы различныхъ климатовъ, ихъ положеніе и наименованіе соотвѣтствующихъ странъ, а также краткая ихъ характеристика. Какъ послѣдній типъ, упомянутъ полярный отъ широты 60° до полюса; какъ на примѣры странъ, обладающихъ такимъ климатомъ, указаны Гренландія и Сибирь, какъ будто вся Сибирь расположена между широтой 60° и сѣвернымъ полюсомъ!

В. Фигуровъ. Чистописаніе. 6 тетрадей съ образцами. Изданіе Типо-Литографіи _Д. О. Харченко_ въ Севастополѣ. 1900 г. Цѣна 5 коп. за каждую тетрадь.

На облерткѣ 1-й тетради авторомъ кратко указано, „какъ надо сидѣть, класть предъ собою тетрадь и держать перо" при письмѣ. Одна страница занята образцами упражненій для развитія руки и пальцевъ. 20 страницъ самой тетради (208 строкъ образцовъ) отданы изученію малыхъ буквъ, прямыхъ и полукруглыхъ. Страницы тетрадей отъ 1-й до 4-й включительно разлиневаны 28 горизонтальными и 58 наклонными линіями; такимъ образомъ, каждая страница первыхъ 4-хъ тетрадокъ представляетъ сложную графическую сѣть по 86 линій на каждой. 2-я тетрадь, состоящая изъ 196 строчекъ образцовъ, занята остальными малыми буквами, полукруглыми и круглыми, а послѣдняя страница цифрами. На оберткѣ этой тетради примѣры и опредѣленія сложенія, вычитанія, умноженія, дѣленія и таблица умноженія. 3-я тетрадь — для изученія большихъ буквъ прямыхъ (Л, А, М и др.) и буквъ изъ черты пламевидной (I, У, Г и др.); слова для нихъ. Изъ 167 строкъ всей тетради — 52 строки заняты образцами для письма. На оберткѣ помѣщены таблицы мѣръ длины,

поверхностей, объемовъ и под. 4-я тетрадь — изъ 54 строкъ образцовъ — отдана остальнымъ большимъ буквамъ изъ черты пламевидной — (Н, К), круглой — (О, Ѳ), полукруглой—(С, Е, Э, З, Х, Ж), опять пламевидной — (Б, Р, В, Ф, Д); слова для этихъ буквъ и знаки препинанія. 5-я тетрадь, съ упрощенною графическою сѣтью, для письма средней величины. Здѣсь, изъ 200 строкъ всей тетради, 40 строчекъ заняты образцами скорописныхъ большихъ буквъ (1—4 страницы), малыхъ буквъ въ связномъ видѣ и словами. Остальныя страницы этой тетради и 6 страницъ слѣдующей 6-й тетради заняты короткими фразами, преимущественно пословицами, съ буквою ѣ въ словахъ фразы. Обертки 4-й и 5-й тетрадей заняты основными правилами правописанія, а на 6-й тетради помѣщены всѣ коренныя слова съ буквою ѣ, въ алфавитномъ порядкѣ. 6-я тетрадь съ 7-й страницы даетъ образцы мелкаго письма по 1-й линіи. Матеріаломъ для работъ служатъ опять отдѣльныя слова съ буквою ѣ въ корнѣ и фразы на нѣкоторыя буквы алфавита. Съ 13-й страницы линіи направленія строки дѣлаются съ перерывами для пріученія учащихся къ письму безъ линій, такъ что на 2-хъ послѣднихъ страницахъ направленіе строки опредѣляется 3 короткими черточками въ началѣ, въ срединѣ и въ концѣ строки.

По объясненію г. Фигурова, между прочимъ, особенность его курса чистописанія заключается въ простѣйшемъ начертаніи буквъ, принятыхъ большинствомъ учителей чистописанія. Съ этимъ вполнѣ соглашаемся, прибавивъ, что въ техническомъ отношеніи образцы, предлагаемые авторомъ учащимся, вполнѣ безукоризненны и даже изящны. Что касается другой особенности этого курса — „строгая послѣдовательность упражненій" — то съ этимъ свойствомъ труда г. Фигурова не вездѣ можно согласиться. Разбивая буквы на группы, повидимому, для изученія ихъ въ генетическомъ порядкѣ, составитель легкія по начертанію буквы ь и ы изучаетъ послѣ болѣе трудныхъ, длинныхъ р и у (1-я тетр., стран. 6, 8 и 12-я); простыя прямыя ц и щ относитъ въ самый конецъ изученія малыхъ буквъ (стр 17— второй тетради), послѣ сложныхъ и трудныхъ по начертанію б, д, ф (стран. 9-я и друг. 2-й тетради). Большія буквы изъ черты пламевидной изучаются тоже не въ строгомъ порядкѣ: сперва I, У, Г, П, Т, Н и К (3-я тетр.), затѣмъ круглыя и полукруглыя—О, Ѳ, С, Е и др. (4-я тетр.), а потомъ снова изъ черты пламевидной — Б. Р, В, Ф и Д (4-я тетрадь).

Помѣщеніемъ образцовъ для выполненія въ началѣ каждой строки, конечно, „достигается большая внимательность учащихся“, заявляетъ авторъ, а мы прибавимъ, что этимъ пріобрѣтается еще и бóльшая наглядность въ обученіи письму.

„Выборъ пословицъ и выраженій, способствующихъ навыку въ правописаніи“, несомнѣнно, заслуживаетъ полнаго одобренія. Сожалѣемъ, что авторъ въ 6-й тетради даетъ всего 4 строки словъ съ буквою ѣ (стран. 7 и 8), а весь списокъ коренныхъ словъ съ ѣ помѣщаетъ на оберткѣ, куда учащійся безъ указаній врядъ ли взглянетъ. Далѣе авторъ, такъ или иначе, выполняетъ этотъ пробѣлъ, помѣщая фразы и пословицы, въ текстѣ которыхъ встрѣчаются слова съ буквою ѣ. Намъ кажется, для полноты, было бы не лишнимъ добавить къ курсу лишнюю тетрадь, тѣмъ болѣе, что цѣна всего курса г. Фигурова доведена до поразительной дешевизны: всѣ тетради вмѣщаютъ въ себѣ по 5 листовъ хорошей бумаги (въ 5-й тетради $2^1/_2$ листа) и отъ 40 до 208 строчекъ прекрасныхъ образцовъ въ каждой тетради, и все это — 5 коп. за штуку; при этомъ надо замѣтить, что рыночная цѣна отдѣльной простой тетради, конечно, безъ всякихъ образцовъ, въ 5—6 листовъ порядочной бумаги—стоитъ 7—8 коп. за штуку.

Первыя четыре тетради г. Фигурова представляютъ сложную графическую сѣть съ 86 линіями на страницѣ. На эту сторону своего труда составитель не указываетъ, находя это вполнѣ цѣлесообразнымъ для дѣла, но не такъ смотритъ на подобную графическую сѣть современная школьная гигіена. Знатокъ школьной гигіены, докторъ Виреніусъ, въ своей брошюрѣ („Раціональный способъ письма на основаніи изслѣдованій послѣдняго времени“. С.-Петербургъ. 1888 г.) на стран. 15-й, разсматривая линеванную тетрадь Гекмана, говоритъ: „Находимъ три рода линій: вышина основныхъ чертъ, верхняя и нижняя длина, и линіи направленія. Каждой основной чертѣ соотвѣтствуетъ особая линія направленія, такъ что на страницу приходится до 55 такихъ линій (у г. Фигурова 86—см. 1-ю стр. I-й тетради). Всѣ линіи одинаковой толщины, поэтому не отличаются рѣзко другъ отъ друга; толщина ихъ равна отъ 0,08 до 0,1 миллиметра. Разумѣется, безъ вреда для глазъ все это немыслимо. И понятно, что если ребенку дается такой матеріалъ для письма, то не могутъ помочь горю ни превосходное освѣщеніе классовъ, ни безукоризненно-хорошо построенные столы“. Таковъ взглядъ на подобную графическую сѣть.

Практическое руководство по нѣмецкому языку. Составилъ *Ѳ. Ѳ. Ясковскій.* Praktischer Lehrgang für den deutschen Sprachunterricht von *Th. Jaskowsky.* Reval. 1900. Стр. 157. Цѣна въ переплетѣ 50 коп.

Г. Ясковскимъ уже издано нѣсколько учебниковъ нѣмецкаго языка, заслужившихъ одобреніе ученаго комитета. Учебники эти, предназначенные для низшихъ и среднихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній съ нѣмецкимъ преподавательскимъ языкомъ, составлены весьма тщательно и свидѣтельствуютъ о томъ, что авторъ ихъ не только вполнѣ владѣетъ нѣмецкимъ языкомъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и хорошо знакомъ съ методикою избранной имъ спеціальности.

„Практическое руководство по нѣмецкому языку" въ общемъ не уступаетъ прежнимъ его книжкамъ: планъ руководства, по которому всѣ грамматическія правила выводятся изъ примѣровъ, вполнѣ выясняются и окончательно затверживаются въ памяти учениковъ разными, какъ устными, такъ и письменными упражненіями, заслуживаетъ полнаго одобренія, въ особенности при изученіи грамматики родного языка; выполненіе плана ясное и опредѣленное и проводится съ первой до послѣдней страницы книжки съ строгою послѣдовательностью, такъ что новому труду г. Ясковскаго можно пожелать возможно большаго распространенія, какъ учебнику, который безъ сомнѣнія принесетъ не мало пользы ученикамъ тѣхъ учебныхъ заведеній, для которыхъ онъ предназначается.

Въ заключеніе считаемъ нужнымъ указать на нѣкоторые недосмотры и погрѣшности, устраненіе которыхъ желательно въ слѣдующихъ изданіяхъ. Сперва замѣтимъ, что совершенно спорадическое прибавленіе при нѣмецкихъ грамматическихъ терминахъ русскаго ихъ значенія мы считаемъ совершенно излишнимъ; оно никакой пользы не принесетъ.

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ редакція правилъ не совсѣмъ удачна, какъ напримѣръ стр. 6 внизу: 1) Ein Selbstlaut, der allein oder in Verbindung mit Mitlauten durch *einen* Luftstrom ausgestossen wird, heisst „Silbe". Странное объясненіе „слога"! Тамъ же: 2) Aus einer oder aus mehreren Silben wird ein Wort gebildet. Это неясно: mi, la, si—слоги, но не слова. Почему не удержать старое правило: „Слова могутъ состоять изъ одного или нѣсколькихъ слоговъ".

Стр. 7, пунктъ 3 нуждается въ примѣрахъ. Правило на стр. 9 внизу—для дѣтей младшаго возраста намъ представляется, пожалуй,

несвоевременнымъ и неяснымъ. Тамъ сказано: Menschen, Thiere und *Pflanzen* sind *lebende Wesen*. Такъ-ли?

Стр. 21, примѣръ „Es schlägt der Fink"—неудобенъ, такъ какъ встрѣчающееся въ немъ мѣстоименіе „es" требуетъ особаго объясненія, котораго въ книгѣ нѣтъ. Если правило, данное на стр. 49, гдѣ (въ пунктѣ 8) сказано: „Alle weiblichen Dingwörter, welche in der Mehrzahl umlauten, werden, wie z. B. „die Hand", *stark* deklinirt"— сопоставить съ правиломъ на стр. 47, гдѣ мы читаемъ пунктъ 4: Dingwörter, welche im Gen. Sing. die Endung—s—oder—es haben. gehen nach der *starken* Deklination,—то получается рѣзкое противорѣчіе, которое легко поставитъ учениковъ въ весьма затруднительное положеніе. Вѣдь говорится (согласно правилу на той же 49 стр., пунктъ 1, и примѣру на стр. 48) Gen. Sin.—der Hand, и не der Hands или Handes. Правило 8 на стр. 49 необходимо закончить такъ: ...werden, wie z. B. „die Hand" in der *Mehrzahl* stark deklinirt. Правило 1 на стр. 55 внизу неясно: что тамъ говорится о личномъ мѣстоименіи, относится точно также и къ имени существительному. Новый терминъ на стр. 58 „die Beifügung (Attribut)" мы считаемъ неудобнымъ; скорѣе можно было бы сказать „das Beigefügte", но лучше всего оставить вѣковой терминъ: Attribut.

Правило на стр. 65, пунктъ 2: „Die dritte Stufe wird gebraucht, wenn von mehr als zwei Dingen die Rede ist",—совершенно неточно, какъ мы видимъ изъ примѣра: „Diese beiden Knaben sind fleissiger als deine Brüder". Напрасно всегда искать новыя формы для разныхъ опредѣленій, если старыя формы, существующія цѣлыя столѣтія, совершенно ясны и точны. Правило на стр. 69: Die *Beifügung* (т. е. аттрибутъ) kann ein Mittelwort der Gegenwart und Vergangenheit sein" — также страдаетъ неясностью. Вѣдь здѣсь рѣчь идетъ не о томъ, чѣмъ можетъ быть аттрибутъ, но о томъ, что оба причастія въ нѣмецкомъ языкѣ могутъ быть употребляемы какъ аттрибутъ.

На стр. 109 мы нашли правило объ употребленіи предлоговъ, требующихъ то accusativus, то dativus, крайне необдуманно составленное. Тамъ сказано: Wenn diese Verhältniswörter eine *Ruhe* oder ein *Verweilen* an einem Orte (wo?) ausdrücken, so regieren sie den Dativ. Wenn sie eine *Bewegung* nach einem Orte hin (wohin?) ausdrücken, so regieren sie den Accusativ". Это полный nonsens. То, что слѣдуетъ отнести къ глаголу—сказуемому, приписывается здѣсь предлогамъ, и

при этомъ несмотря на то, что на стр. 106 самимъ авторомъ сказано, что предлоги выражаютъ „*das Verhältnis*, in welchem zwei Dinge zu einander stehen".

Такихъ и подобныхъ неточностей встрѣчается въ разбираемой книжкѣ не мало. Что же касается внѣшней ея стороны, то она вообще довольно удовлетворительна, за исключеніемъ, однако, печати, которая мѣстами (какъ, напримѣръ, въ задачахъ, въ нѣкоторыхъ правилахъ, таблицахъ, парадигмахъ: стр. 7, 10, 51, 80, 101 и т. д., и т. д.) слишкомъ мелка. Этотъ недостатокъ книги въ слѣдующихъ ея изданіяхъ непремѣнно долженъ быть устраненъ.

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ.

О НАИЛУЧШЕМЪ СПОСОБѢ ОБЪЕДИНЕНІЯ ДУХОВНАГО И УЧЕБНАГО ВѢДОМСТВЪ ВЪ ДѢЛѢ ПОПЕЧЕНІЯ О НАЧАЛЬНОМЪ НАРОДНОМЪ ОБРАЗОВАНІИ.

Высочайше утвержденными 13-го іюня 1884 г. правилами о церковно-приходскихъ школахъ создана, какъ извѣстно, внѣ вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія цѣлая обширная категорія начальныхъ училищъ, подчиненныхъ исключительно вѣдѣнію православнаго духовенства [1]).

Самостоятельность православнаго духовенства въ дѣлѣ завѣдыванія учрежденными имъ школами существовала по закону и ранѣе изданія правилъ 1884 г., такъ какъ она была признана еще Высочайшимъ повелѣніемъ 18-го января 1862 года. Но до изданія этихъ правилъ она давала мало практическихъ результатовъ, безъ сомнѣнія, потому что дѣло учрежденія церковныхъ школъ и управленія ими не было точно урегулировано и являлось предоставленнымъ попечительности единичныхъ членовъ причта. Правила 1884 г. восполнили этотъ недостатокъ организаціи, сосредоточивъ на учрежденіи церковно-приходскихъ школъ интересы высшаго правительства, а также создавъ и указавъ высшіе органы церковно-школьнаго управленія и положивъ

[1]) Нынѣ возбужденъ въ законодательномъ порядкѣ вопросъ объ изданіи общаго положенія для всѣхъ народныхъ школъ духовнаго вѣдомства. Но это обстоятельство нисколько не измѣняетъ сущности вопросовъ, обсуждаемыхъ въ настоящей статьѣ, написанной еще въ 1899 г.

такимъ образомъ прочное основаніе учрежденію школъ церковныхъ въ отличіе отъ школъ свѣтскихъ или гражданскихъ. Сверхъ того, правила 1884 г. выдѣлили въ специальное вѣдѣніе духовенства все дѣло домашняго обученія грамотности среди православнаго сельскаго населенія (такъ называемыя школы грамоты). Такимъ образомъ начальныя училища съ изданіемъ правилъ 1884 г., начала коихъ были развиты затѣмъ въ рядѣ послѣдующихъ законоположеній и распоряженій, распались въ главной своей части на двѣ отдѣльныя категоріи школъ, въ административномъ порядкѣ одна отъ другой независимыхъ.

Легче, однако, было установить эту независимость закономъ, чѣмъ сохранить ее на дѣлѣ. Представляясь тожественными по своимъ цѣлямъ, начальныя школы учебнаго и духовнаго вѣдомствъ различаются въ существѣ дѣла лишь своею подчиненностью разнымъ властямъ. Поэтому, водворившійся у насъ съ 1884 года дуализмъ школьнаго дѣла практически выразился прежде всего въ соперничествѣ учебныхъ и духовныхъ властей въ дѣлѣ учрежденія школъ. Въ предвидѣніи того, что это соперничество, ничѣмъ не ограниченное, можетъ привести къ тому, что, при чрезмѣрномъ усердіи низшихъ органовъ администраціи, школы одного вѣдомства будутъ открываться прямо въ подрывъ школамъ другого вѣдомства, духовное и учебное начальства, по взаимному соглашенію, приняли за правило, чтобы въ мѣстности, гдѣ уже существуетъ школа одного вѣдомства, школа другого вѣдомства была учреждаема лишь по соглашенію съ первымъ вѣдомствомъ (не распространяя, однако, этого правила на учрежденіе школъ грамотности). Въ практическомъ своемъ примѣненіи это распоряженіе встрѣтило много затрудненій, такъ какъ во 1, самое понятіе мѣстности допускаетъ разныя толкованія (волость, приходъ, сельское общество, селеніе), и, понимаемое даже въ тѣснѣйшемъ своемъ смыслѣ, какъ понятіе селенія, не разрѣшаетъ вопроса удовлетворительно: есть селенія столь многолюдныя, что въ нихъ могутъ и должны быть нѣсколько школъ, а между тѣмъ существованіе тамъ школы одного вѣдомства уже даетъ ему поводъ препятствовать открытію новой школы другого вѣдомства. Во 2, такъ какъ закрытіе уже учрежденной школы есть дѣло, во всякомъ случаѣ, непріятное и нежелательное, то нарушеніе этого правила чинами того или другого вѣдомства приводило и приводитъ обыкновенно лишь къ безплодной канцелярской перепискѣ. Поэтому, до сего времени оба вѣдомства взаимно упрекаютъ одно другое въ несоблюденіи сказаннаго правила,—какое изъ вѣдомствъ съ большимъ и какое съ меньшимъ основаніемъ, мы рѣ-

шать не будемъ. Но если даже допустить, что это правило оградило интересы существующихъ уже школъ того и другого вѣдомства (хотя нерѣдко стѣсняя возможность умноженія ихъ въ числѣ), то за симъ все-таки осталось много другихъ областей для нежелательнаго ихъ соперничества. При учрежденіи новаго училища—состязаніе, доходящее нерѣдко до интригъ, изъ за того, въ какомъ вѣдомствѣ должно оно находиться, самовольная передача училищъ изъ одного вѣдомства въ другое вслѣдствіе случайныхъ неудовольствій на распоряженіе начальства или даже просто для того, чтобы облегчить себѣ издержки по содержанію школъ, а съ другой стороны—упорный отказъ въ этой передачѣ, даже если бы она по обстоятельствамъ была желательна,—къ этимъ явленіямъ школьной и общественной жизни до изданія правилъ 1884 года не существовало никакого повода. Нѣтъ сомнѣнія, что тѣмъ самымъ не только внѣшнимъ образомъ тормозится дѣло развитія у насъ начальнаго образованія, но—что еще гораздо важнѣе—создается внутренняя рознь между его дѣятелями, поселяющая въ обществѣ недовѣріе—въ одной его части къ свѣтской, въ другой—къ церковной школѣ.

Нужно замѣтить, притомъ, что эта внутренняя рознь ложится особенно тяжело на вѣдомство министерства народнаго просвѣщенія еще по той причинѣ, что она создаетъ ему союзниковъ вовсе для него нежелательныхъ. Несомнѣнно, что въ нашемъ образованномъ обществѣ есть кружки и направленія антицерковные, стремящіеся по мѣрѣ своихъ силъ расторгнуть естественный и благотворный для школы союзъ ея съ церковью. Въ настоящее время, изъ оппозиціи церковно-приходскимъ школамъ, эти кружки и направленія объявляютъ себя сторонниками школъ вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія, чѣмъ дѣйствительно можетъ создаваться видимость нежелательной для этого вѣдомства противуцерковности его школъ.

Понятно, поэтому, что вслѣдъ за изданіемъ правилъ 1884 года въ правительственныхъ сферахъ долженъ былъ возникнуть вопросъ объ объединеніи и согласованіи дѣйствій обоихъ вѣдомствъ, между которыми оказалось раздѣленнымъ попеченіе о начальномъ народномъ образованіи. Вопросъ этотъ совпадаетъ съ вопросомъ о разграниченіи областей дѣятельности того и другого вѣдомства, такъ какъ, покуда они будутъ заниматься однимъ и тѣмъ же, по существу своему, дѣломъ, взаимное вмѣшательство каждаго изъ нихъ въ дѣла другого, а слѣдовательно, и поводы къ пререканіямъ, останутся не пресѣченными. Духовное вѣдомство указывало, повидимому, наиболѣе простой

и естественный способъ такого разграниченія, а именно передачу въ его вѣдѣніе начальнаго образованія православнаго населенія съ тѣмъ, чтобы на министерствѣ народнаго просвѣщенія осталось попеченіе о школахъ лишь для населенія иновѣрческаго. Должно сознаться, что этотъ способъ разрѣшенія вопроса логически вытекаетъ изъ самаго факта созданія особой и самостоятельной категоріи церковныхъ школъ. Хотя въ школы духовнаго вѣдомства православнаго исповѣданія не возбраненъ доступъ иновѣрцамъ, но само собою разумѣется, что нельзя требовать отъ иновѣрцевъ посѣщенія этихъ школъ и воспрещать имъ имѣть свои школы, не подвѣдомыя духовенству чуждаго имъ вѣроисповѣданія. Слѣдовательно, несомнѣнно, что внѣ вѣдѣнія духовенства православнаго исповѣданія должны оставаться школы для всей той части иновѣрческаго населенія Имперіи, которая не желаетъ учить своихъ дѣтей въ православныхъ церковныхъ школахъ; стало быть иновѣрческія школы должны по прежнему оставаться въ томъ вѣдомствѣ, которому онѣ подчинены нынѣ, т. е., въ вѣдомствѣ министерства народнаго просвѣщенія. За симъ, если изданіе правилъ 1884 года имѣло какую-либо внутреннюю положительную цѣль, то такою цѣлью могло служить лишь болѣе правильное и успѣшное, чѣмъ то было ранѣе, воспитаніе дѣтей въ духѣ православія. Коль скоро мы признаемъ, что эта цѣль столь же удовлетворительно достигалась и ранѣе, при состояніи всѣхъ школъ въ вѣдѣніи министерства народнаго просвѣщенія, то станетъ непонятнымъ внутренній мотивъ къ учрежденію особой категоріи церковныхъ школъ. Если же внутреннимъ основаніемъ состоянія извѣстнаго числа начальныхъ школъ въ вѣдѣніи православнаго духовенства является меньшая успѣшность религіознаго воспитанія православныхъ дѣтей въ школахъ, подвѣдомыхъ министерству народнаго просвѣщенія, то не видно причины вообще оставлять въ вѣдѣніи этого министерства школы для дѣтей православнаго вѣроисповѣданія, но надлежитъ всѣ эти школы передать въ духовное вѣдомство. И такъ, повторяемъ, распредѣленіе школъ по вѣроисповѣданію учащихся между учебнымъ и духовнымъ вѣдомствами является логическимъ послѣдствіемъ тѣхъ мотивовъ, которые вызвали изданіе правилъ 1884 года.

Укрѣпленіе религіозно-нравственныхъ началъ въ учащихся дѣтяхъ составляетъ, безъ сомнѣнія, главную задачу народной школы. Народная нравственность неизмѣримо выше и цѣннѣе высокаго уровня народныхъ знаній, такъ какъ общество людей, хотя и мало свѣдущихъ, но честныхъ, трудолюбивыхъ, трезвыхъ, попечительныхъ о

своихъ семействахъ, конечно, гораздо лучше устроитъ свой бытъ, чѣмъ общество, состоящее изъ обладающихъ весьма большими знаніями плутовъ, лѣнтяевъ, пьяницъ, невѣрныхъ супруговъ и небрежныхъ родителей. За симъ можно признать за аксіому, что нравственность народа стоитъ и падаетъ сообразно прочности его религіозныхъ вѣрованій, при томъ вѣрованій, опирающихся не на отвлеченное мышленіе, но на незыблемый авторитетъ церкви. Поэтому, если бы оказалось справедливымъ то положеніе, что церковно-приходская школа дѣйствительно лучше воспитываетъ русскихъ дѣтей въ духѣ православія, чѣмъ школа свѣтская, то сопротивленіе учебнаго вѣдомства передачѣ всѣхъ школъ для православнаго населенія въ вѣдомство духовное было бы дѣйствіемъ не только логически—непослѣдовательнымъ, но прямо преступнымъ. Отсюда само собою вытекаетъ, что, стремясь по прежнему сохранить за собою право учреждать и вѣдать школы для православнаго населенія, министерство народнаго просвѣщенія выражало тѣмъ свое несогласіе съ самымъ принципомъ, лежавшимъ въ основѣ учрежденія церковныхъ школъ, т. е., съ тѣмъ положеніемъ, что эти школы, какъ таковыя, суть, сравнительно со школами учебнаго вѣдомства, лучшіе разсадники и охранители духа православія.

Защитники преимуществъ школъ духовнаго вѣдомства передъ школами учебнаго вѣдомства склонны сводить противоположность между этими вѣдомствами къ противоположности *церкви и государства*. Ничто не можетъ быть ошибочнѣе такого взгляда. Очевидно, что духовное вѣдомство, хотя оно вѣдаетъ дѣла церкви, есть учрежденіе государственное, ибо государство даетъ ему и средства изъ казны и потребную мѣру внѣшней власти. Подчиненіе этому вѣдомству школъ, т. е., предоставленіе духовенству внѣшней власти надъ школами и снабженіе его матеріальными способами осуществленія этой власти, есть, очевидно, государственный актъ, для церкви, какъ таковой, въ тѣсномъ ея понятіи, неосуществимый, ибо церковь, какъ таковая, безъ содѣйствія государства, можетъ опираться лишь на свободное согласіе людей и на ихъ добровольныя пожертвованія. Отсюда ясно, что если издается законъ объ учрежденіи школъ въ духовномъ вѣдомствѣ или, тѣмъ паче, о подчиненіи этому вѣдомству всѣхъ школъ для дѣтей православнаго вѣроисповѣданія, то эти школы остаются столько же въ подчиненіи государственной власти, сколько были и есть въ этомъ подчиненіи школы вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія. Такимъ образомъ такъ называемыя церков-

ныя школы никакъ не могутъ считаться чѣмъ-то, существующимъ внѣ государства. Съ другой стороны, школы, учрежденныя въ учебномъ вѣдомствѣ для православнаго населенія, могли бы считаться состоящими внѣ церкви въ такомъ государствѣ, въ которомъ православіе есть вѣроисповѣданіе гонимое или только терпимое. Но въ русскомъ государствѣ, въ которомъ оно есть вѣроисповѣданіе господствующее, государственное, такой внѣцерковности православныхъ школъ существовать не можетъ. По идеѣ этого государства оно само находится въ церкви, какъ церковь находится въ немъ, т. е., союзъ церковный и союзъ государственный суть для Россіи двѣ нераздѣльныя стороны ея народности, — одна внутренняя, другая внѣшняя. Слѣдовательно, православная школа русскаго государства въ какомъ бы вѣдомствѣ она ни находилась, есть школа столь же состоящая въ церкви, какъ и школа собственно духовнаго вѣдомства. Развѣ отецъ семейства, хотя бы онъ былъ человѣкъ свѣтскаго званія и не находился на службѣ по духовному вѣдомству, воспитывая дѣтей своихъ въ началахъ православія, и самъ состоитъ и дѣтей держитъ внѣ церкви? Почему же учитель, коему въ школѣ въ извѣстной мѣрѣ передаются права и обязанности отца, оказывается воспитывающимъ дѣтей внѣ церкви только по той причинѣ, что этотъ учитель не есть ни священникъ, ни вообще должностное лицо духовнаго вѣдомства? Такимъ образомъ, какъ школы духовнаго вѣдомства не перестаютъ еще быть отъ того, по внѣшнему своему строю, учрежденіями государственными, такъ школамъ учебнаго вѣдомства, несмотря на внѣшнюю подчиненность свою свѣтскому начальству, ничто не препятствуетъ быть, по внутреннему своему духу, учрежденіями церковными; и, слѣдовательно, сводить различіе этихъ двухъ типовъ школъ къ противоположности церкви и государства нѣтъ никакого основанія.

Итакъ по общей идеѣ школу учебнаго вѣдомства, какъ таковую, отнюдь нельзя считать находящеюся внѣ церкви и, слѣдовательно, плохо исполняющею задачу воспитанія дѣтей въ духѣ православія. Но, быть можетъ, въ частномъ примѣненіи именно къ школамъ вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія, эта общая идея почему либо искажается или потемняется? Если это такъ, то надлежитъ выяснить причину такого недуга школы и указать средства ея исцѣленія отъ него. Но во всякомъ случаѣ позволительно заранѣе сказать, что такимъ средствомъ не можетъ служить передача школы изъ учебнаго въ духовное вѣдомство, и вотъ по какимъ соображеніямъ. Если долженствующія существовать по идеѣ неразрывная связь и

внутреннее единство между русскимъ государствомъ и церковію въ дѣйствительности въ томъ или иномъ отношеніи нарушены, т. е., если государство какъ бы до извѣстной степени отрѣшается отъ церкви, является менѣе православнымъ, чѣмъ оно должно бы было быть, то эта меньшая церковность государства должна непремѣнно отразиться и на томъ государственномъ вѣдомствѣ, которое вѣдаетъ дѣлами церкви, т. е., на вѣдомствѣ духовномъ. Въ той мѣрѣ, въ какой государство отрѣшается отъ духа церкви, въ немъ получаютъ излишній перевѣсъ способы дѣйствія часто полицейскіе, т. е. посредствомъ внѣшней силы; и эти способы дѣйствія, отражаясь на всѣхъ государственныхъ вѣдомствахъ, отражаются и на вѣдомствѣ церковномъ, внося въ самую церковную жизнь народа несоотвѣтственные понятію церкви пріемы. Церковь, какъ союзъ единовѣрія, опирается на свободное убѣжденіе и добровольную покорность ея авторитету; государственное же вѣдомство, правящее церковными дѣлами, употребляетъ и мѣры принужденія. Возможно—мы не беремся здѣсь этого рѣшать, — что безъ такихъ мѣръ практически нельзя обойтись. Но если это и такъ, то во всякомъ случаѣ въ интересахъ самой церкви желательно, чтобы означенныя мѣры были приведены къ безусловно необходимому минимуму, т. е., чтобы безъ крайней необходимости не была увеличиваема внѣшняя, видимая власть церкви въ принятомъ ею образѣ государственнаго вѣдомства. Между тѣмъ защитники церковно-приходскихъ школъ настаиваютъ именно на увеличеніи этой внѣшней власти и, стало быть, стремятся усугубить то поврежденіе государства и церкви, на которое сами жалуются. Передача всѣхъ начальныхъ школъ для православнаго населенія во власть духовнаго вѣдомства равносильна запрещенію учить православныхъ дѣтей въ начальной школѣ иначе, какъ подъ исключительнымъ надзоромъ духовенства. На какомъ основаніи можетъ быть предоставлена духовенству такая исключительная власть? Духовенству присвоено, безъ сомнѣнія, право учить; но чтобы это право исключало такое же право всякаго, кто не принадлежитъ къ духовенству или не состоитъ у него во внѣшнемъ служебномъ подчиненіи, ни изъ чего не видно. Если принять такое положеніе, то придется все дѣло обученія православнаго юношества и въ высшихъ и въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ подчинить духовному вѣдомству, распространивъ также власть его и на домашнее обученіе не только сельскаго, но и всего православнаго населенія. Очевидно, что такая власть только потрясла бы внутренній авторитетъ церкви, замѣнивъ естественную и за-

конную мѣру свободнаго вліянія ея іерархіи на прихожанъ внѣшнимъ, полицейскимъ надзоромъ. По обычному и правильному взгляду предполагается, что православный учитель или отецъ семейства самъ учитъ и воспитываетъ дѣтей въ духѣ православія; но такъ какъ онъ въ огромномъ большинствѣ случаевъ менѣе свѣдущъ въ ученіи православно-христіанской вѣры и нравственности, чѣмъ лицо духовное, то онъ обращается къ указаніямъ этого лица именно по вопросамъ этого ученія, дабы избѣгнуть ошибокъ въ его пониманіи и примѣненіи. Такъ до сихъ поръ смотрѣло и наше законодательство на функцію духовенства въ дѣлѣ общественнаго образованія и воспитанія. Не отдавая школъ во власть духовнаго вѣдомства, оно вводило самое духовенство въ составъ школьнаго управленія, предоставляя ему преподаваніе въ училищахъ Закона Божія и право контроля за правильнымъ исполненіемъ учащимися ихъ религіозныхъ обязанностей. Только въ послѣднее время возникла тенденція — и именно въ отношеніи къ народной школѣ — расширить эту функцію до предѣловъ, не имѣющихъ основанія ни въ правилахъ, ни въ интересахъ самой церкви.

Что мнѣніе, будто лишь начальная школа духовнаго вѣдомства въ надлежащей мѣрѣ гарантируетъ воспитаніе дѣтей въ православномъ духѣ, не представляется достаточно убѣдительнымъ, признано въ послѣднее время и высшею правительственною властію, которая нашла нужнымъ установить начало самостоятельнаго завѣдыванія обоихъ вѣдомствъ подчиненными имъ школами (Высочайшее повелѣніе 26-го мая 1897 года, п. 3). Этимъ Высочайшимъ повелѣніемъ отклоняется мысль о сосредоточеніи всѣхъ школъ для православнаго населенія въ духовномъ вѣдомствѣ и, слѣдовательно, признается религіозно-нравственная доброкачественность учебнаго вѣдомства. Но если такъ, то двураздѣльность завѣдыванія школами представляется лишенною достаточнаго основанія, такъ какъ не усматривается причины создавать и терпѣть указанныя выше административныя неудобства и производить двойные расходы по управленію школами и надзору за ними, если учебному вѣдомству могутъ быть съ довѣріемъ вручены всевозможныя начальныя училища. Очевидно, поэтому, что признаніе правительствомъ существующаго порядка завѣдыванія школами есть законодательный актъ не окончательный, но временный, не могущій имѣть значенія принципіальнаго рѣшенія вопроса, такъ какъ существованіе на ряду съ начальными училищами вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія особой категоріи школъ

духовнаго вѣдомства, безъ какого-либо внутренняго мотива такой двойственности, представляется ничѣмъ не обоснованнымъ. Приведенное Высочайшее повелѣніе, сохраняя права обоихъ вѣдомствъ по завѣдыванію начальными училищами, какъ бы указываетъ, тѣмъ самымъ, на то, что само правительство, не имѣя еще данныхъ для окончательнаго рѣшенія сказаннаго вопроса, предоставляетъ пока обоимъ вѣдомствамъ, въ мирномъ состязаніи на пользу народнаго образованія, обнаружить задатки жизненности своихъ школъ. Но естественно, что, по обнаруженіи этихъ задатковъ, тѣмъ или другимъ школамъ должно будетъ быть отдано предпочтеніе, и что, слѣдовательно, вопросъ объ объединеніи подвѣдомственности школъ для православнаго населенія рано или поздно выступитъ на обсужденіе.

По нашему мнѣнію, такое объединеніе и нынѣ было бы вполнѣ своевременно и благодѣтельно, если бы, вмѣсто вопроса о ничѣмъ не вызываемой передачѣ этихъ школъ изъ учебнаго въ духовное вѣдомство, былъ возбужденъ вопросъ объ устраненіи изъ дѣйствующаго положенія о начальныхъ училищахъ (1874 года) всего того, что прямо или косвенно можетъ ограничивать вліяніе духовенства на школу. Мы говоримъ здѣсь о положеніи 1874 г. какъ потому, что имъ руководствуется огромное большинство школъ въ мѣстностяхъ съ сплошнымъ русскимъ православнымъ населеніемъ, такъ и потому, что потребныя въ немъ, по нашему мнѣнію, измѣненія легко могутъ быть примѣнены и къ школамъ, устроеннымъ на основаніи иныхъ уставовъ или положеній.

Довольно странно, что, несмотря на слишкомъ 25 лѣтъ, протекшихъ со времени изданія этого положенія, способъ непосредственнаго завѣдыванія подчиненными ему школами до сихъ поръ на практикѣ и не вполнѣ выясненъ, и не вполнѣ осуществленъ. Между тѣмъ онъ ясно указанъ въ положеніи: ближайшее завѣдываніе школою возлагается на ея попечителя, который является лицомъ, отвѣтственнымъ за порядокъ въ школѣ во всѣхъ отношеніяхъ (Св. Зак. т. XI, ч. I, изд. 1893 года, ст. 3481 и 3482). Итакъ попечитель есть ближайшій, непосредственный начальникъ школы. Отсюда ясно слѣдуетъ, во-первыхъ, что при всякой школѣ долженъ быть попечитель, ибо иначе школа останется безъ лица, ею завѣдывающаго, всесторонне отвѣчающаго за порядокъ въ ней (учитель не можетъ быть такимъ лицомъ, такъ какъ такой всесторонней отвѣтственности законъ на него не возлагаетъ). Во-вторыхъ, что попечитель школы вовсе не есть лицо, завѣдывающее одною хозяйственною частью школы, какъ бы ея эко-

номъ, а равнымъ образомъ, вовсе не есть какой-либо, безразличный для школы, жертвователь или благодѣтель, вся функція котораго сводится къ тому, что онъ оказываетъ ей матеріальную помощь: онъ завѣдываетъ всѣмъ строемъ школы, какъ завѣдываетъ гимназіею ея директоръ, и долженъ быть настолько на мѣстѣ, при школѣ, на сколько то требуется для завѣдыванія ею. Эти требованія относительно попечителей школъ постоянно предъявлялись министерствомъ народнаго просвѣщенія и подкрѣплены неоднократными разъясненіями правительствующаго сената [1]). Между тѣмъ, до сихъ поръ есть множество школъ, не имѣющихъ попечителей; до сихъ поръ, нерѣдко—и даже иногда со стороны органовъ учебнаго вѣдомства—высказывается ни на чемъ не обоснованное мнѣніе, будто попечитель имѣетъ право вмѣшиваться лишь въ хозяйственную часть школы; до сихъ поръ нерѣдки случаи, что попечитель хронически отсутствуетъ въ мѣстѣ нахожденія его школы, дѣлая только — и то не всегда — пожертвованія деньгами или натурою на ея содержаніе. Намъ кажется, что такое неисполненіе закона въ отношеніи къ непосредственному завѣдыванію школами зависитъ отъ слѣдующихъ главныхъ причинъ: 1) отъ неполной ясности самого закона. Въ законѣ сказано, что обществамъ и учрежденіямъ, содержащимъ школу, предоставляется избирать для нея попечителя (ст. 3181). Выраженіе „предоставляется", по буквальному его смыслу, можно дѣйствительно понимать, какъ указаніе лишь на право, а не на обязанность, вслѣдствіе чего учредители школъ долгое время не признавали существованія попечителя въ школѣ обязательнымъ. Но отсюда проистекало то послѣдствіе, что при школѣ не оказывалось лица, непосредственно ею завѣдывающаго и отвѣчающаго за порядокъ въ ней. 2) Отъ нѣкотораго опасенія излишняго вліянія попечителя на школу какъ со стороны самого училищнаго начальства, такъ и со стороны учредителей школы. Несомнѣнно, что инспектору народныхъ училищъ во многихъ случаяхъ удобнѣе и легче воздѣйствовать прямо на учителя школы, лицо зависимое отъ него въ своемъ служебномъ положеніи, чѣмъ распоряжаться чрезъ посредство попечителя, котораго онъ не можетъ устранить отъ должности, и который нерѣдко по своему общественному положенію гораздо выше и вліятельнѣе инспектора. Съ другой стороны, земства, представляющія собою главную обществен-

[1]) Указы правительствующаго сената 13-го іюля 1889 г. и 5-го декабря 1891 года.

ную силу въ отношеніи начальныхъ школъ, относятся благопріятно къ существованію при школѣ попечителя обыкновенно лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда этотъ попечитель является всецѣло зависимымъ отъ нихъ органомъ. Тамъ же, гдѣ достигнуть этой зависимости имъ почему-либо не удается, земствамъ естественно нѣтъ основанія желать существованія при школѣ должностнаго лица, съ которымъ нужно считаться, какъ съ самостоятельною силою. 3) Отъ отсутствія во многихъ мѣстностяхъ лицъ, соотвѣтствующихъ по своему умственному и нравственному развитію условіямъ, удовлетворяющимъ требованіямъ отъ попечителя школы. 4) Отъ желанія учредителей школы и самого училищнаго начальства увеличить средства школы, послѣдствіемъ чего является стремленіе найти въ попечителѣ жертвователя на школу, хотя бы даже онъ не желалъ и не могъ принимать участія въ управленіи ею.

Всѣ эти соображенія устраняются, однако, какъ правильнымъ истолкованіемъ закона, такъ и пониманіемъ истинныхъ потребностей школы. Принимая во вниманіе, что въ изложеніи нашихъ законовъ терминъ „предоставляется“ нерѣдко бываетъ употребляемъ въ значеніи возложенія обязанности, а также общій смыслъ законоположеній о попечителяхъ школъ, правительствующій сенатъ, какъ упомянуто выше, разъяснилъ, что при каждой школѣ обязательно долженъ быть попечитель; и послѣ этого разъясненія отсутствіе попечителя при школѣ должно уже считаться нарушеніемъ закона. Что касается, за симъ, положенія попечителей школъ въ отношеніи къ инспекціи и учредителямъ школъ, то казалось бы, что именно правильная постановка функціи попечителя способна водворить какъ надлежащее равновѣсіе правительственныхъ и общественныхъ органовъ въ ихъ воздѣйствіи на школу, такъ до извѣстной мѣры обезпечить и извѣстную самостоятельность учителей отъ произвола этихъ органовъ. Являясь лицомъ, завѣдывающимъ школою, попечитель есть та инстанція, къ которой непосредственно должны направлять свои заявленія и училищное начальство и учредители школы, какъ бы буферъ между ними, устраняющій необходимость ихъ взаимныхъ столкновеній и пререканій. Чрезъ него же должны восходить къ подлежащимъ органамъ ходатайства о нуждахъ школъ и со стороны ихъ учителей, что опять-таки способствуетъ устраненію тѣхъ же столкновеній и пререканій. Довольно указать, напримѣръ, на слѣдующіе вопросы, гораздо удобнѣе разрѣшаемые при посредствѣ попечителей, чѣмъ безъ него: 1) Назначеніе учителей. Законъ не опредѣляетъ

какихъ-либо правъ учредителей школъ на выборъ учителей; но распоряженіемъ министерства народнаго просвѣщенія, послѣдовавшимъ въ 1875 г., установлено, что допущеніе инспекторомъ тѣхъ или иныхъ лицъ къ исполненію учительской должности должно происходить по соглашенію съ учредителями. Но учредители школъ суть по большей части личности коллективныя (земства и общества городскія и сельскія), обыкновенно вовсе не обладающія ни правильною организаціею для выбора учителей, ни надлежащею компетентностью въ оцѣнкѣ ихъ педагогическихъ качествъ. Поэтому соглашеніе инспектора съ учредителями сводится по большей части къ тому, что лица, вліятельныя въ городскомъ и земскомъ самоуправленіи, навязываютъ школамъ покровительствуемыхъ имъ кандидатовъ, а инспекторъ пассивно допускаетъ ихъ, вовсе ихъ не зная, такъ какъ съ формальной стороны ничего противъ нихъ возразить не можетъ. Вслѣдствіе того учительскія должности замѣщаются лицами, о педагогическихъ способностяхъ которыхъ не знаютъ ни инспекція школъ, ни ихъ учредители. Правда, эти лица утверждаются въ должностяхъ лишь черезъ годъ, по удостовѣренію инспектора въ ихъ пригодности. Но если сообразить, что во многихъ школахъ своего раіона инспекторъ въ теченіе года не успѣваетъ побывать и что вообще болѣе одного раза въ годъ онъ крайне рѣдко бываетъ, въ одной и той же школѣ, то значеніе инспекторскаго удостовѣренія по отношенію къ учителю весьма умаляется. Поэтому было бы гораздо правильнѣе, чтобы соглашеніе инспектора по отношенію къ кандидатамъ въ учители происходило съ попечителемъ школы, лицомъ за нее отвѣтственнымъ и во всякомъ случаѣ, по самой своей должности, болѣе знакомымъ со школьнымъ дѣломъ, чѣмъ большинство земцевъ или гласныхъ думы. Конечно, мотивы, основанные на протекціи вліятельныхъ лицъ, при этомъ не устранятся. Но дѣло въ томъ, что инспекторъ обязанъ считаться съ этими мотивами, потому что безъ согласія учредителей онъ не можетъ допустить учителя въ школу, тогда какъ попечитель, если ему будетъ присвоено право голоса въ выборѣ учителя, такой обязанности нести не будетъ. При томъ, если попечитель школы будетъ нести за нее ту отвѣтственность, которая возложена на него по закону, то ему легче будетъ, чѣмъ инспектору, оказывать противодѣйствіе непрошеннымъ вліяніямъ въ дѣлѣ выбора учителя. Нынѣ, если этотъ выборъ неудаченъ, то никто не винитъ за него инспектора, такъ какъ всякій понимаетъ, что, завѣдывая сотнею или болѣе школъ, онъ не можетъ всецѣло отвѣчать за каждую. Попечи-

тель же, при гораздо большей ограниченности своего круга дѣйствій, можетъ нести отвѣтственность гораздо болѣе прямую и опредѣленную. Въ этихъ видахъ было бы весьма полезно измѣненіе министерскаго распоряженія въ томъ смыслѣ, чтобы соглашеніе инспектора по избранію учителей было соглашеніемъ его съ попечителемъ школы; на такое измѣненіе министерство народнаго просвѣщенія имѣетъ полное право, такъ какъ, повторяемъ, законъ не указываетъ обязательнаго для училищнаго начальства порядка въ дѣлѣ допущенія къ учительскимъ должностямъ. Изъ сказаннаго же выше видно, насколько полезна для инспекціи правильно поставленная дѣятельность попечителя и при опредѣленіи пригодности учителя въ теченіе пробнаго года; такъ какъ, при рѣдкомъ посѣщеніи школъ инспекторомъ, попечитель школы является почти единственнымъ лицомъ, могущимъ, какъ должно, контролировать работу учителя. 2) Хозяйственныя нужды училищъ. При современномъ положеніи дѣла принудить содержателей школы надлежащимъ образомъ исполнять принятыя ими на себя обязательства по отношенію къ школамъ никто не въ состояніи. Но если предположить (какъ это бываетъ въ большинствѣ случаевъ), что земства и общества не уклоняются, по мѣрѣ средствъ своихъ, отъ вспомоществованія школамъ, то наиболѣе пригоднымъ органомъ для содѣйствія исправному поступленію этихъ вспомоществованій является, конечно, попечитель школы. Инспекторъ или члены училищнаго совѣта посѣщаютъ школу рѣдко, поэтому ея нужды узнаются ими по большей части изъ вторыхъ рукъ, и, сверхъ того, нельзя даже и требовать, чтобы они сосредоточивали главное свое вниманіе именно на данной школѣ. Учитель школы — лицо слишкомъ зависимое отъ начальства, слишкомъ мало-авторитетное по своему общественному положенію и слишкомъ занятое исполненіемъ своихъ служебныхъ обязанностей, чтобы онъ могъ быть вліятельнымъ и энергическимъ ходатаемъ о нуждахъ школы. Попечитель же имѣетъ въ данномъ случаѣ то преимущество предъ инспекторомъ, что онъ гораздо постояннѣе и тѣснѣе связанъ именно съ данною школою, за порядокъ которой отвѣчаетъ, а предъ учителемъ то, что онъ поставленъ гораздо самостоятельнѣе и авторитетнѣе его. Наконецъ 3) теченіе всей школьной жизни совершается гораздо правильнѣе, когда надъ школою стоитъ уважаемое и вліятельное лицо изъ мѣстныхъ жителей, избавляющее учителя отъ необходимости непосредственныхъ съ ними столкновеній, могущее способствовать болѣе исправному посѣщенію школы дѣтьми и наблюдающее за самимъ учителемъ. Для послѣд-

няго также лучше имѣть дѣло съ однимъ начальникомъ, чѣмъ съ десятью, да при томъ законъ и не предоставляетъ попечителю такой власти надъ учителемъ, противъ которой онъ былъ бы безправенъ.

Отсутствіе во многихъ мѣстностяхъ лицъ, пригодныхъ для занятія должности попечителя школы, можетъ быть въ значительной степени устранено принятіемъ той мѣры, о которой мы сейчасъ будемъ говорить. Что же касается того мотива къ искаженію указаннаго закономъ назначенія попечителя, который зависитъ отъ желанія во что бы то ни стало привлечь пожертвованія на школьное дѣло, то его едва-ли можно считать серьезнымъ. Лица, искренно сочувствующія этому дѣлу, безъ сомнѣнія будутъ продолжать свои пожертвованія и безъ приманки ихъ кличкою попечителя. Для лицъ же, которыхъ побуждаетъ къ такимъ пожертвованіямъ тщеславіе, эта приманка весьма ничтожна, такъ какъ званіе попечителя не даетъ никакихъ служебныхъ правъ и преимуществъ. Поэтому, случаи, когда школа пострадаетъ отъ того, что какой-либо благотворитель откажетъ ей въ подачкѣ вслѣдствіе неназначенія его попечителемъ, явятся, безъ сомнѣнія, единичными исключеніями; и лучше примириться съ такими исключеніями, чѣмъ нарушить законъ, соблюденіе котораго въ высшей степени полезно для всякой школы.

Сказанное нами о необходимости поддерживать въ полной силѣ требованія закона о попечителяхъ школъ имѣетъ, по нашему мнѣнію, слѣдующую связь съ установленіемъ правильнаго отношенія духовенства къ школѣ. Положеніе 1874 года дѣйствительно слишкомъ ограничиваетъ, такъ сказать, спеціализируетъ, вліяніе духовенства на школы и тѣмъ самымъ, до извѣстной степени, оправдываетъ упрекъ въ малой церковности школъ вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія. Священнику, правда, принадлежитъ право законоучительства въ школѣ; равнымъ образомъ, духовенству присвоено наблюденіе за религіозно-нравственнымъ направленіемъ школъ. Такимъ образомъ, казалось бы, что священникъ въ начальномъ училищѣ облеченъ тѣми же правами и обязанностями, какъ и въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ. На дѣлѣ же разница выходитъ громадная, такъ какъ въ послѣднихъ священникъ-законоучитель есть должностное лицо, органически входящее въ составъ управленія заведеніемъ въ качествѣ члена его педагогическаго совѣта. Такого положенія законоучитель начальнаго училища не имѣетъ. Онъ остается для школы внѣшнимъ лицомъ, ни въ чемъ не участвующимъ въ прочихъ сторонахъ ея жизни. При такихъ условіяхъ то и другое изъ вышеупомянутыхъ правъ духовен-

ства скорѣе ослабляетъ, чѣмъ укрѣпляетъ связь школы съ церковью. Вообще говоря, отовсюду слышатся жалобы на неисправность приходскихъ священниковъ въ дѣлѣ преподаванія Закона Божія. Эта неисправность въ большинствѣ случаевъ не можетъ быть поставляема въ вину священникамъ, въ виду отвлеченія ихъ отъ преподаванія уроковъ многосторонними обязанностями по приходу, къ которымъ въ послѣднее время прибавилось еще попеченіе о церковно-приходскихъ школахъ. Но во всякомъ случаѣ какъ существованіе такой неисправности, такъ и необходимость принятія мѣръ противъ нея, не можетъ не подрывать должнаго авторитета пастырей церкви. Едва-ли согласно съ достоинствомъ священника, если ученики постоянно видятъ, что, за непребытіемъ „батюшки", учитель или учительница должны замѣнять его въ исполненіи его обязанности. Еще менѣе согласна съ этимъ достоинствомъ боязнь священника, какъ бы училищное начальство не пожаловалось архіерею на неаккуратное посѣщеніе имъ уроковъ, или какъ бы земство (что нерѣдко дѣлается) не уменьшило за эту неисправность получаемую законоучителемъ плату. Съ другой стороны, право наблюденія за религіозно-нравственнымъ направленіемъ школы, безъ поставленія духовенства въ органическую связь со школою, является висящею надъ школою внѣшнею угрозою, быть орудіемъ которой для духовнаго лица стѣснительно и тягостно. Поэтому, казалось бы, что наше школьное законодательство—въ примѣненіи къ школамъ вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія—должно быть направлено именно къ установленію этой органической связи. Наилучшею мѣрою для достиженія такой цѣли было бы, по нашему мнѣнію, принятіе за правило, что во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда какія-либо причины не ставятъ тому непреоборимыхъ препятствій, приходскій священникъ долженъ быть попечителемъ школъ своего прихода; при чемъ, если въ приходѣ нѣсколько священниковъ и нѣсколько школъ, то завѣдываніе школами прихода могло бы быть распредѣляемо между нѣсколькими духовными лицами. Осуществленіе этой мѣры было бы дѣйствительнымъ, истиннымъ разрѣшеніемъ спора между духовнымъ и учебнымъ вѣдомствами о правѣ завѣдыванія начальными училищами. Какъ того желаютъ защитники церковноприходскихъ школъ, школы поступили бы въ вѣдѣніе духовенства,—не путемъ передачи ихъ изъ учебнаго въ духовное вѣдомство, а путемъ вступленія духовенства въ составъ учебнаго вѣдомства. Никакого мотива къ двураздѣльности школьной администраціи при этомъ не осталось бы, такъ какъ начальныя училища вѣдомства министер-

ства народнаго просвѣщенія превратились бы въ церковно-приходскія школы, и наоборотъ. Необходимость быть самому законоучителемъ школы, служащая нынѣ для священника источникомъ непріятностей и даже униженій, прекратилась бы; ибо если нынѣ, когда священникъ есть внѣшнее лицо по отношенію къ школѣ, было бы въ большинствѣ случаевъ неосторожно поручать преподаваніе Закона Божія свѣтскому учителю или учительницѣ, то положеніе вещей совершенно измѣнится, когда священникъ станетъ лицомъ завѣдывающимъ и руководящимъ школою, подъ наблюденіемъ котораго по закону поставленъ учитель. Равнымъ образомъ, лежащая нынѣ на духовенствѣ обязанность наблюденія за школами въ отношеніи религіозно-нравственномъ потеряетъ присущій ей нынѣ внѣшній, такъ сказать, полицейскій характеръ, когда священникъ окажется лицомъ завѣдывающимъ школою и заинтересованнымъ въ ея преуспѣяніи, а не случайнымъ и безразличнымъ посѣтителемъ или ревизоромъ, который по духу излишней ревности, быть можетъ, даже не прочь подорвать „земскую“ школу.

Предполагаемое нами дополненіе къ положенію 1874 года внесло бы въ него ту поправку, въ которой оно дѣйствительно нуждается. По идеѣ своей это положеніе нисколько не грѣшитъ противуцерковностью и даже вмѣняетъ школѣ въ первую ея обязанность религіозно-нравственное развитіе учащихся. Но ставя школу лишь во внѣшнее, такъ сказать, мертвенное отношеніе къ служителямъ церкви, оно дѣйствительно облегчаетъ возможность проникновенія народной школы слишкомъ свѣтскими, суетными цѣлями. Конечно, отъ теоретическаго безбожія, если бы даже нашлись охотники распространять его путемъ школы, ее спасетъ наблюденіе не только начальства, но и самого православнаго народа, вовсе не безразличнаго къ тому, чему учатъ его дѣтей. Но есть практическое безбожіе, сильное и въ образованномъ обществѣ и въ народѣ, которое стремится разными путями ворваться въ школу и нерѣдко даже неумышленно поощряется людьми самими по себѣ весьма благонамѣренными, но мало вникавшими въ вопросъ о задачахъ народнаго образованія. Народную школу стремятся сдѣлать то орудіемъ многознанія и того умственнаго развитія, которое поселяетъ въ ученикѣ запросы и интересы, выходящіе за его житейскій кругозоръ; то низводятъ ее до задачи удовлетворенія внѣшнихъ матеріальныхъ нуждъ, обращая въ питомникъ волостныхъ писарей, лавочниковъ и ремесленниковъ. Въ томъ и другомъ случаѣ главная цѣль школы—образованіе истинно-русскаго, добраго право-

славнаго христіанина—остается на заднемъ планѣ. Поэтому мы и видимъ—и особенно въ городскихъ мѣстностяхъ, гдѣ обильнѣе и средства умственнаго развитія и внѣшнія матеріальныя приманки,—что пріобрѣтеніе грамотности въ школѣ даетъ весьма мало нравственныхъ результатовъ. Проникнуть русскую школу духомъ религіозно-нравственнаго воспитанія есть великая задача церкви и ближайшимъ образомъ ея органовъ въ лицѣ духовенства, но задача, осуществимая не чрезъ раздѣленіе и распрю духовнаго и учебнаго вѣдомствъ, а чрезъ ихъ органическое сліяніе.

Прежде чѣмъ покончить съ этимъ вопросомъ, мы должны, однако, остановиться на двухъ возраженіяхъ, которыя, какъ мы предвидимъ, легко могутъ быть намъ предъявлены.

1. Прежде всего намъ могутъ указать на то, что при обремененіи приходскихъ священниковъ занятіями по приходу, имъ остается очень мало времени для исполненія должности попечителей школъ. Но на это мы отвѣтимъ, что хотя обязанности попечителя очень важны, и хотя для исполненія ихъ весьма существенно, чтобы попечитель былъ постояннымъ мѣстнымъ жителемъ, но въ обычномъ теченіи школьной жизни онѣ немногосложны и не отнимаютъ много времени. Исполненіе ихъ никакъ не потребуетъ отъ священника большаго числа посѣщеній школы, чѣмъ требуется отъ него теперь въ качествѣ законоучителя, съ тою разницею, что въ выборѣ времени этихъ посѣщеній онъ будетъ гораздо свободнѣе и легко можетъ пріурочить ихъ къ своимъ должностнымъ поѣздкамъ по приходу. За симъ, такъ какъ всякій трудъ—и особенно трудъ сельскаго приходскаго священника при его теперешнемъ матеріальномъ положеніи—долженъ быть вознаграждаемъ, то было бы вполнѣ справедливо назначить попечителямъ школъ опредѣленное жалованье, къ чему не представилось бы затрудненія въ виду сбереженій, имѣющихъ послѣдовать для казны отъ уничтоженія существующей нынѣ двойственности въ управленіи школами, требующей и двойныхъ расходовъ по надзору за ними.

Нелишне присовокупить, что въ мѣстностяхъ болѣе бойкихъ, гдѣ и школъ болѣе, и наблюденіе за ними должно быть бдительнѣе, въ облегченіе труда священника могли бы быть учреждаемы школьныя попечительства изъ благонадежныхъ и наиболѣе образованныхъ и почетныхъ мѣстныхъ жителей, приглашаемыхъ къ этой дѣятельности инспекторами народныхъ училищъ по соглашенію съ духовнымъ вѣдомствомъ и гражданскою администраціею, при чемъ приходскій священникъ получалъ бы званіе предсѣдателя такого попечительства.

Члены попечительствъ могли бы распредѣлять между собою занятія по школамъ и тѣмъ облегчать трудъ священника. Созданіе такихъ учрежденій было бы полезно и въ смыслѣ привлеченія лучшихъ общественныхъ силъ къ дѣятельности на пользу школъ и даже къ матеріальнымъ на нихъ пожертвованіямъ. Сверхъ того, при существованіи такихъ попечительствъ весьма удобно получили бы разрѣшеніе многіе вопросы, нынѣ затрудняющіе учебное вѣдомство. Школа является не единственнымъ источникомъ образованія; на ряду съ ней и въ ея подспорье и дополненіе возникаютъ—и именно въ послѣднее время съ особенною силою—различные способы внѣшкольнаго образованія въ видѣ публичныхъ чтеній для народа, народныхъ библіотекъ и читаленъ, наконецъ, прямого распространенія книгъ въ народѣ путемъ продажи и даровой раздачи. Эти способы внѣшкольнаго образованія чрезвычайно обоюдоостры, такъ какъ при помощи ихъ можетъ одинаково распространяться въ народѣ и полезная духовная пища, и смертоносный ядъ. Поэтому на обязанности правительства лежитъ установленіе надъ всѣми такими учрежденіями и дѣятельностями возможно бдительнаго и непрерывнаго контроля. Но этотъ контроль, направленный противъ небольшого числа злоумышленныхъ или легкомысленныхъ радѣтелей о народномъ образованіи, ложится тяжелымъ бременемъ и на лицъ вполнѣ благонамѣренныхъ и заслуживающихъ довѣрія, крайне замедляя открытіе народныхъ чтеній, читаленъ и библіотекъ процедурою установленныхъ предварительныхъ сношеній между разными вѣдомствами и приводя къ изданію стѣснительныхъ правилъ по управленію этими учрежденіями. Съ другой стороны, по едва-ли не главнѣйшему изъ упомянутыхъ способовъ внѣшкольнаго образованія, именно по распространенію книгъ въ народѣ, до сихъ поръ не придумано даже приблизительно цѣлесообразныхъ мѣръ надзора или руководства. Вопросъ этотъ заключается вовсе не въ одномъ пресѣченіи распространенія въ народѣ запрещенныхъ произведеній печати. Надзоръ этого рода, какія бы онъ ни представлялъ затрудненія, все же имѣетъ и опредѣленный объектъ и опредѣленный органъ. Но несомнѣнно то, что и подъ цензурнымъ флагомъ въ народѣ распространяется множество произведеній низкихъ, пошлыхъ, разлагающихъ его религіозно-нравственное міровоззрѣніе, и что въ настоящее время не существуетъ общественныхъ органовъ, которымъ съ удобствомъ и довѣріемъ могла бы быть поручена борьба противъ этого зла. Школьныя попечительства, состоя, подъ предсѣдательствомъ приходскаго священника, изъ благонадежныхъ мѣстныхъ обывателей, могли бы счи-

таться вполнѣ соотвѣтственными органами для завѣдыванія и всѣми вышеуказанными способами внѣшкольнаго образованія народа. Подъ ихъ наблюденіемъ народныя чтенія, библіотеки и читальни не нуждались бы, строго говоря, ни въ какихъ правилахъ, такъ какъ эти правила исходятъ прежде всего отъ недовѣрія къ устроителямъ такихъ учрежденій. Точно также эти попечительства могли бы быть сдѣланы единственнымъ центромъ даровой раздачи книгъ мѣстному населенію и контроля за ихъ распространеніемъ путемъ продажи. Всѣ правила для этого рода учрежденій и дѣятельности свелись бы къ изданію, по соглашенію учебнаго и духовнаго вѣдомствъ, списковъ книгъ, запрещенныхъ къ обращенію въ народѣ (хотя бы и разрѣшенныхъ общею цензурою), списковъ, издаваемыхъ для руководства школьнымъ попечительствамъ.

2. Второе возраженіе можетъ состоять въ томъ, что обязательное привлеченіе священниковъ къ должностямъ попечителей или (гдѣ это дозволятъ мѣстныя условія) предсѣдателей школьныхъ попечительствъ является подчиненіемъ духовенства учебному вѣдомству и, слѣдовательно, несогласно съ достоинствомъ вѣдомства духовнаго, такъ какъ за неисправное исполненіе обязанностей попечителя священникъ будетъ отвѣтствовать уже не предъ епархіальнымъ, а предъ училищнымъ начальствомъ. Но на это мы отвѣтимъ, что въ нашихъ законахъ много примѣровъ того, что должностнымъ лицамъ одного вѣдомства, по ихъ должностному положенію, присвоены опредѣленныя служебныя функціи въ другомъ вѣдомствѣ. Такъ, въ мѣстностяхъ, гдѣ нѣтъ попечителей учебныхъ округовъ, генералъ-губернаторамъ ввѣряются ихъ права и обязанности, чѣмъ они вводятся въ учебное вѣдомство въ качествѣ одной изъ его инстанцій. Предводители дворянства суть по своему званію предсѣдатели училищныхъ совѣтовъ и, въ этомъ качествѣ, органы учебнаго вѣдомства. Да и нынѣ приходскіе священники, по самому своему званію, суть законоучители мѣстныхъ начальныхъ училищъ, слѣдовательно состоятъ въ извѣстной служебной зависимости отъ учебнаго вѣдомства. Если во всѣхъ такихъ случаяхъ достоинство высшей администраціи, дворянства и духовенства не считается умаленнымъ, то не видно, почему оно будетъ умалено введеніемъ священника въ составъ учебнаго вѣдомства въ качествѣ попечителя школы. Дѣло въ томъ, что нужно различать служебную зависимость должностнаго лица, поскольку она выражается для него въ необходимости подчиняться извѣстному порядку дѣлопроизводства, отъ той служебной зависимости, которою опредѣляется

его общественное положеніе. Первая представляетъ собою самыя разнообразныя комбинаціи. Членъ государственнаго совѣта можетъ быть членомъ попечительнаго совѣта женской гимназіи, т. е. учрежденія, подчиненнаго попечителю учебнаго округа и отчасти губернатору. Но общественное положеніе члена государственнаго совѣта, опредѣляемое его, такъ сказать, основною должностью, выше, чѣмъ общественное положеніе попечителя учебнаго округа и губернатора. И нынѣ въ должностяхъ попечителей начальныхъ училищъ мы нерѣдко находимъ лицъ такого общественнаго положенія, которое неизмѣримо выше общественнаго положенія инспектора народныхъ училищъ. По отношенію же къ огромному большинству приходскихъ священниковъ не усматривается даже такого, чисто внѣшняго, неудобства. Для сельскаго священника званіе попечителя школы есть скорѣе повышеніе, чѣмъ умаленіе его значенія и авторитета въ мѣстномъ обществѣ. Ближайшая высшая въ отношеніи къ нему служебная инстанція учебнаго вѣдомства есть инспекторъ народныхъ училищъ, т. е. лицо, общественное положеніе котораго выше положенія большинства приходскихъ священниковъ и служебная подчиненность которому не заключаетъ въ себѣ, слѣдовательно, ничего для священника унизительнаго.

Нѣкоторыя неудобства отъ обязательнаго совмѣщенія дожности приходскаго священника съ должностью попечителя школы могутъ быть, повидимому, скорѣе предусмотрѣны для учебнаго, чѣмъ для духовнаго вѣдомства. Въ настоящее время попечитель школы, коль скоро онъ не соотвѣтствуетъ своему назначенію, можетъ быть уволенъ отъ должности губернскимъ училищнымъ совѣтомъ. Положимъ, въ этомъ порядкѣ вещей для учебной инспекціи, какъ таковой, утѣшительнаго мало, такъ какъ представленіе объ увольненіи попечителя можетъ послѣдовать не отъ инспектора, а отъ уѣзднаго училищнаго совѣта, который не всегда бываетъ склоненъ относиться къ заявленіямъ инспектора съ должнымъ вниманіемъ. Но во всякомъ случаѣ попечитель школы не можетъ считать себя за лицо безсмѣнное. Если же приходскій священникъ сдѣлается eo ipso попечителемъ школы, то эта должность обратится въ безсмѣнную дотолѣ, доколѣ епархіальное начальство не найдетъ нужнымъ смѣнить или перемѣстить приходскаго священника. Поэтому попечитель школы окажется внѣ всякой дѣйствительной зависимости отъ училищнаго начальства, которое не только не будетъ имѣть возможности освободить отъ него школу, если онъ не отвѣчаетъ своему назначенію, но

даже настоять на исполненіи своихъ требованій, если онъ не желаетъ имъ подчиниться.

Это соображеніе не лишено, конечно, существеннаго практическаго значенія; и потому соединеніе обязанностей приходскаго священника и попечителя школы не должно быть настолько нерасторжимымъ, чтобы лицо, завѣдомо непригодное къ исполненію второй изъ названныхъ обязанностей и, тѣмъ не менѣе, почему-либо остающееся при выполненіи первой, никоимъ образомъ не могло быть отстранено отъ школы. Какой инстанціи учебнаго вѣдомства должно быть присвоено право совершать это отстраненіе,—это вопросъ, котораго мы окончательно рѣшать не беремся. Но, конечно, такіе случаи будутъ весьма рѣдки, такъ какъ духовное начальство, безъ сомнѣнія, сдѣлаетъ все возможное для ихъ предотвращенія въ интересахъ и церкви и школы. Отъ министерства народнаго просвѣщенія должно зависѣть установленіе въ такихъ случаяхъ порядка замѣщенія остающейся свободною должности попечителя школы.

Предположенная нами мѣра, по нашему убѣжденію, удобопримѣнима и къ непосредственному завѣдыванію начальными школами, устраиваемыми для иновѣрческаго населенія Имперіи. По общему началу религіозное обученіе иновѣрцевъ ввѣряется наблюденію ихъ духовенства; но осуществленіе этого начала въ примѣненіи къ разнымъ мѣстностямъ и вѣроисповѣданіямъ весьма разнообразно. Въ губерніяхъ прибалтійскихъ евангелическо-лютеранское духовенство входитъ въ составъ учрежденій, непосредственно завѣдывающихъ школами, каковыми учрежденіями служатъ: въ Лифляндской губерніи мѣстныя правленія приходскихъ школъ, а въ Эстляндской и Курляндской—мѣстныя управленія школъ. Но эти учрежденія въ названныхъ губерніяхъ, равно какъ и само тамошнее духовенство, находятся подъ преобладающимъ вліяніемъ дворянства, вслѣдствіе чего и порядокъ завѣдыванія школами гарантируетъ тамъ главнымъ образомъ не религіозно-нравственные интересы, а интересы дворянскаго сословія. Что касается правъ римско-католическаго духовенства въ отношеніи къ школамъ въ царствѣ Польскомъ и въ западномъ краѣ, то эти права ограничиваются лишь законоучительствомъ: училища же для дѣтей евангелическо-аугсбургскаго и реформатскаго исповѣданій въ царствѣ Польскомъ состоятъ въ вѣдѣніи консисторій (св. зак. т. XI, ч. I, ст. 3671). За симъ порядокъ управленія протестантскими и католическими школами въ прочихъ мѣстностяхъ Имперіи (Фин-

ляндію мы, конечно, оставляемъ въ сторонѣ) представляетъ собою нѣчто крайне неурегулированное въ смыслѣ законодательномъ. Школы эти слагаются изъ двухъ главныхъ категорій: школъ въ селеніяхъ бывшихъ иностранныхъ колонистовъ, которыя переданы въ вѣдѣніе министерства народнаго просвѣщенія по Высочайшему повелѣнію 2-го мая 1881 г., и учрежденныхъ духовенствомъ, такъ называемыхъ церковныхъ школъ, подчиненныхъ названному министерству Высочайшими повелѣніями: лютеранскія 22-го ноября 1890 г. и католическія 10-го декабря 1892 г. Но строго различить бывшія колонистскія и церковныя школы невозможно, такъ какъ и въ селеніяхъ колонистовъ школы часто учреждались духовенствомъ: такимъ образомъ, напримѣръ, колонисты Петербургской губерніи обучались въ церковныхъ школахъ, которыя поступили подъ надзоръ учебнаго вѣдомства вмѣстѣ съ прочими лютеранскими церковными школами лишь въ 1890 г.

Особенность той и другой категоріи школъ заключается въ томъ, что онѣ возникли безъ всякаго указанія закона: послѣдній въ отношеніи колонистскихъ школъ замѣнялся распоряженіями министерства государственныхъ имуществъ, въ которомъ состояли иностранные поселенцы, а въ отношеніи церковныхъ школъ—распоряженіями приходскаго духовенства, самовластно присвоившаго себѣ право быть учредителями школъ. Образъ управленія бывшими колонистскими школами и доселѣ не имѣетъ никакого опредѣленія въ законѣ: единственный относящійся до нихъ законъ, испрошенный министерствомъ народнаго просвѣщенія, есть законъ 24-го февраля 1897 г., по которому министерству предоставлено вводить въ нихъ преподаваніе всѣхъ предметовъ, кромѣ вѣроученія и родного языка, на языкѣ русскомъ. Еще ранѣе того министерство народнаго просвѣщенія признало себя въ правѣ издать распоряженіе о томъ, чтобы учителя этихъ школъ назначались инспекторами народныхъ училищъ. Но порядокъ непосредственнаго завѣдыванія этими школами не установленъ. Такъ какъ онѣ подведены подъ положеніе 1874 г., то при нихъ нѣтъ должностей попечителей, но фактически эти школы находятся подъ преобладающимъ вліяніемъ духовенства.

Относительно такъ называемыхъ церковныхъ школъ министерство народнаго просвѣщенія стоитъ на той точкѣ зрѣнія, что учредителемъ и распорядителемъ въ нихъ не можетъ считаться приходъ, такъ какъ, какъ уже упомянуто, права учреждать школы и завѣдывать ими лютеранскимъ и католическимъ приходамъ законъ не предостав-

ляетъ. За симъ относительно порядка завѣдыванія католическими школами никакихъ дальнѣйшихъ указаній не послѣдовало. Что же касается лютеранскихъ школъ, то министерство народнаго просвѣщенія разъяснило, что онѣ должны быть управляемы примѣнительно къ уставу приходскихъ училищъ 1828 г., слѣдовательно, состоять въ завѣдываніи одного изъ учителей; и стало быть въ нихъ, какъ въ школахъ по положенію 1874 г., функція духовенства сводится къ законоучительству.

Армянскія школы въ мѣстностяхъ внѣ Кавказа находились до самаго послѣдняго времени внѣ всякаго отношенія къ нимъ учебнаго вѣдомства; онѣ переданы въ это вѣдомство лишь закономъ 2-го іюня 1897 г., и никакого распоряженія объ ихъ организаціи и управленіи еще не послѣдовало. На Кавказѣ же армяне обучались или въ обычныхъ начальныхъ училищахъ, всецѣло подчиненныхъ училищному начальству, или же въ церковно-приходскихъ школахъ, учрежденныхъ при церквахъ и монастыряхъ по закону 16-го февраля 1884 г. и изъятыхъ изъ подъ власти министерства народнаго просвѣщенія. Впослѣдствіи оказалось, однако, что армянскому духовенству удалось захватить въ свое завѣдываніе, подъ видомъ церковно-приходскихъ школъ, множество школъ, въ содержаніи которыхъ церкви и монастыри не принимаютъ никакого участія, вслѣдствіе чего потребовалось распоряженіе о передачѣ этихъ школъ въ учебное вѣдомство. За симъ, въ виду упорнаго племенного и религіознаго сепаратизма, разсадникомъ котораго оказались школы, устроенныя по правиламъ 1884 г., и эти школы были переданы въ вѣдѣніе министерства народнаго просвѣщенія (законъ 2-го іюня 1897 г.) на общихъ основаніяхъ съ прочими начальными училищами.

Сказанное относится къ армянскимъ школамъ григоріанскаго толка, къ которому принадлежитъ подавляющее большинство русскихъ армянъ. Немногія существующія въ Россіи армяно-католическія школы, равно какъ школы сиро-халдейскія, переданы въ вѣдомство министерства народнаго просвѣщенія по Высочайшему повелѣнію 28-го ноября 1896 г.

Начальныя школы для мусульманскаго населенія находятся въ огромномъ большинствѣ своемъ внѣ фактическаго наблюденія министерства народнаго просвѣщенія. По закону всѣ эти школы (кромѣ школъ Таврической губерніи) подчинены учебному вѣдомству, но многія причины, разсмотрѣніе которыхъ завело бы насъ слишкомъ далеко, препятствовали и препятствуютъ правительственной власти

распространить на нихъ свой дѣйствительный контроль. Такимъ образомъ начальное образованіе русскихъ магометанъ донынѣ находится почти въ исключительномъ попеченіи духовенства. Небольшое, сравнительно съ потребностью, число содержимыхъ правительствомъ русско-магометанскихъ школъ представляетъ собою учебныя заведенія, находящіяся всецѣло въ вѣдѣніи свѣтскаго училищнаго начальства.

Наконецъ, для евреевъ, въ мѣстахъ ихъ осѣдлости, существуютъ еврейскія начальныя училища, въ которыхъ функція духовенства ограничивается вѣроученіемъ. Для исключительно же религіознаго назиданія еврейскихъ мальчиковъ служатъ многочисленные такъ называемые хедеры; открывать такой хедеръ предоставлено всякому еврею, который въ состояніи внести 3 р. за разрѣшительное свидѣтельство.

Изъ русскихъ язычниковъ только за ламаитами признается извѣстное право церковнаго самоуправленія. Большинство школъ для ламаитовъ находится среди калмыковъ и состоитъ до настоящаго времени въ вѣдѣніи министерства земледѣлія и государственныхъ имуществъ.

Изъ изложеннаго видно, что рѣшительное сосредоточеніе начальнаго обученія иновѣрцевъ въ вѣдѣніи министерства народнаго просвѣщенія есть, въ сущности, дѣло послѣдняго времени; что если оно юридически почти закончено, то фактически, въ смыслѣ распространенія на нихъ дѣйствительнаго надзора учебнаго вѣдомства, оставляетъ еще желать многаго; и что законодательная регламентація устройства и порядка управленія этихъ школъ, въ отношеніи многихъ категорій ихъ, до настоящаго времени отсутствуетъ. Но во всякомъ случаѣ общее свойство современнаго положенія вещей въ этихъ школахъ таково, что правительство или беретъ ихъ въ свое непосредственное завѣдываніе, оставляя за духовенствомъ подлежащаго вѣроисповѣданія лишь право и обязанность законоучительства, или же оставляетъ школы всецѣло на попеченіи духовенства, почти или совсѣмъ не вмѣшиваясь въ управленіе ими. И тотъ и другой образъ дѣйствій мы считаемъ ошибочнымъ. Опытъ показываетъ, что къ школамъ, въ управленіи которыми иновѣрческое духовенство не принимаетъ участія, оно относится съ недружелюбіемъ, которое, если не проявляется открыто (хотя бываютъ и такія проявленія, и даже въ очень рѣзкой формѣ), то выражается въ тайномъ противодѣйствіи школѣ, во враждебномъ вліяніи на прихожанъ, въ стремленіи создать внѣшкольные способы ученія подъ видомъ церковныхъ бесѣдъ, под-

готовленія къ конфирмаціи и т. под. Жертвами такой явной или скрытой оппозиціи духовенства правительственной школѣ являются въ концѣ концовъ ея ученики, которые, смотря по тому, чье вліяніе пересилитъ, или отрѣшаются отъ школы, а слѣдовательно отъ проводимыхъ ею началъ обрусенія, или отъ религіозно-нравственнаго вліянія вѣроученія, проводникомъ котораго является пасторъ, ксендзъ, мулла или раввинъ. Одинаково прискорбенъ и тотъ и другой результатъ,—какъ образованіе чрезъ русскую же школу врага русской народности, такъ и поглощеніе въ нѣдра этой народности религіознаго отщепенца и скептика, потерявшаго вѣру своихъ отцовъ и не нашедшаго себѣ другой. Съ другой стороны, и полное предоставленіе образованія въ руки иновѣрческихъ религіозныхъ наставниковъ, при отсутствіи или фиктивности какого-либо контроля правительственной власти, также не можетъ считаться явленіемъ нормальнымъ. Терпимость къ иновѣрію не есть терпимость ко всему тому, что, подъ прикрытіемъ иновѣрія, можетъ быть внушаемо и преподаваемо юношеству. Поэтому, такъ какъ не подлежитъ сомнѣнію, что съ религіозными ученіями русскихъ иновѣрцевъ, въ силу историческихъ преданій, нерѣдко тѣсно связываются извѣстныя политическія и племенныя тенденціи, то правительство обязано принимать мѣры къ тому, чтобы обуздывать эти тенденціи и въ особенности мѣшать имъ проникать въ школу. Цѣль нашего закона о вѣротерпимости, прекрасно указанная въ самомъ этомъ законѣ, состоитъ только въ томъ, чтобы всѣ народы, въ Россіи пребывающіе, славили Бога Всемогущаго разными языки по закону и исповѣданію праотцевъ своихъ (Св. Зак. Т. I ч. I Осн. Гос. Зак. ст. 45), и задача правительственнаго контроля надъ иновѣрческою школою именно въ томъ и заключается, чтобы эта школа пользовалась предоставленною ей религіозною терпимостью лишь въ предѣлахъ, установленныхъ закономъ.

Правильнымъ исходомъ изъ такого положенія вещей слѣдуетъ и здѣсь считать принятіе надлежащихъ мѣръ къ тому, чтобы лица иновѣрческаго духовенства изъ оппонентовъ учебнаго вѣдомства и отщепенцевъ отъ него сдѣлались его отвѣтственными органами по непосредственному завѣдыванію школами соотвѣтствующихъ вѣроисповѣданій въ качествѣ попечителей школъ или—гдѣ будетъ признано удобнымъ образованіе школьныхъ попечительствъ—предсѣдателей послѣднихъ. Принципіально осуществленіе этого предположенія столь же мало можетъ встрѣтить возраженіе, какъ и привлеченіе православнаго духовенства къ дѣлу непосредственнаго завѣдыванія пра-

вославными школами. Главною задачею иновѣрческой школы, какъ и православной, должно быть религіозно-нравственное воспитаніе, которое есть воспитаніе не въ правилахъ какой-то отвлеченной естественной религіи, а въ правилахъ религіи положительной, данной въ опредѣленныхъ, выработанныхъ исторіею, формахъ. Если, кромѣ господствующей православной вѣры, русское государство признаетъ права другихъ вѣроученій и не стремится во что бы то ни стало обратить всѣхъ своихъ подданныхъ въ православіе, то, стало быть, оно признаетъ необходимость такого религіозно-нравственнаго воспитанія для католика, протестанта, армяно-григоріанца, мусульманина, еврея, которое было бы воспитаніемъ въ правилахъ именно его вѣры, при чемъ авторитетное руководство въ ней, не только въ смыслѣ ея преподаванія, но и въ смыслѣ наблюденія за всѣмъ складомъ школьной жизни, принадлежитъ лишь ея признанному вѣроучителю. Такимъ образомъ возражать противъ этой мѣры можно не съ точки зрѣнія принципа, а лишь съ точки зрѣнія практической ея опасности для государственно-національнаго строя Россіи. Иновѣрцы составляютъ не менѣе одной трети населенія Россіи. Эта треть населенія включаетъ въ себѣ племена, весьма упорныя въ сохраненіи особенностей своей культуры и, если не всегда враждебныя Россіи въ смыслѣ государственномъ, то всегда склонныя къ сепаратизму духовному. Нужно къ этому прибавить, что русскіе иновѣрцы, и при томъ не только христіане, но и не-христіане (магометане и евреи), по большей части превосходятъ православныхъ уровнемъ начальнаго образованія. Казалось бы, что при этихъ условіяхъ усиливать законное вліяніе иновѣрческаго духовенства на школу едва ли цѣлесообразно. Но дѣло въ томъ, что превращеніе существующаго вліянія этого рода во вліяніе упорядоченное закономъ и контролируемое правительственною властью именно и приведетъ къ ослабленію всѣхъ тѣхъ его сторонъ, которыя нынѣ представляются вредными. Теперь, когда правительственная школа есть школа свѣтская, ксендзъ, пасторъ или мулла могутъ изображать ее въ глазахъ своей паствы, какъ учрежденіе, отъ религіи послѣдней отрѣшенное, а при преувеличеніи — даже какъ враждебное этой религіи. Но какъ могутъ они изображать въ такомъ видѣ школу, которою сами завѣдываютъ? Внутренній убѣдительный для паствы мотивъ къ возстановленію ея противъ правительственной школы при этомъ отпадаетъ. Отпадаетъ онъ даже для самого вѣроучителя, коль скоро онъ видитъ, что установленная закономъ организація школьнаго управленія не только не приноситъ малѣйшаго ущерба его влія-

нію на учащихся въ качествѣ духовнаго пастыря, но напротивъ, всемѣрно облегчаетъ это вліяніе, пресѣкая лишь возможность превращенія религіи въ орудіе племенного или политическаго сепаратизма. Но если даже допустить, что духъ такого сепаратизма совершенно не искоренимъ въ средѣ иновѣрнаго духовенства (чего мы не думаемъ, такъ какъ это значило бы предполагать полное отсутствіе въ цѣломъ сословіи людей, нерѣдко достопочтенныхъ, началъ истинной религіозности), то этому духу, при обращеніи названнаго духовенства въ органъ учебнаго вѣдомства, будетъ пресѣчена внѣшняя возможность обнаруженія. За безпорядокъ въ школѣ или дурное направленіе ея учителей и учениковъ отвѣчаетъ ея попечитель передъ начальствомъ, какъ должностное лицо. И такъ какъ, безъ сомнѣнія, и надзоръ за иновѣрческими школами долженъ быть особенно бдительный, и отвѣтственность за нихъ лицъ, ими завѣдывающихъ—особенно серьезная и угрожающая имъ въ случаѣ неисполненія ими ихъ обязанностей весьма неудобными для нихъ послѣдствіями, то вредить школѣ для нихъ будетъ значить рисковать собственною участью; —чего нынѣ нѣтъ, такъ какъ за общее состояніе школы своего раіона иновѣрное духовное лицо въ настоящее время не отвѣчаетъ. Конечно, всегда найдутся люди настолько озлобленные и фанатическіе, что никакой страхъ отвѣтственности не удержитъ ихъ отъ дѣйствій враждебныхъ установленному порядку. Но такихъ людей всегда и вездѣ меньшинство и меньшинство тѣмъ болѣе слабое, чѣмъ этотъ порядокъ менѣе стѣсняетъ законную сферу ихъ дѣятельности. Опытъ показываетъ, что въ большей части случаевъ лучшее средство обуздать незаконныя притязанія человѣка состоитъ въ томъ, чтобы самого его сдѣлать однимъ изъ членовъ какой-либо административной организаціи. Либеральныя и даже нерѣдко революціонныя стремленія студента обыкновенно кончаются тогда, когда онъ смѣняетъ студенческій сюртукъ на вицъ-мундиръ чиновника. Правда, онъ, по привычкѣ, продолжаетъ еще нѣкоторое время повторять прежнія фразы, но потомъ и эта привычка прекращается. Въ сущности религіозная и племенная исключительность и отщепенство людей питаются и поддерживаются тѣмъ, что ихъ держатъ въ состояніи отщепенства. Основываясь на общихъ свойствахъ человѣческой природы, всегда позволительно ожидать отъ большинства людей какого бы то ни было званія и сословія средняго, обычнаго уровня благоразумія. Поэтому, не отрицая возможности единичныхъ проявленій фанатизма, нетерпимости и даже противуправительственныхъ выходокъ со стороны иновѣрческаго духовенства при

любомъ порядкѣ управленія школами, мы полагаемъ, что наименьшій внѣшній просторъ и наименьшее внутреннее побужденіе къ такимъ дѣйствіямъ будетъ при томъ порядкѣ, когда это духовенство будетъ привлечено къ завѣдыванію школами въ качествѣ органа учебнаго вѣдомства.

Защищая это положеніе, мы не думаемъ отрицать, что осуществленіе предположенной мѣры требуетъ постепенности и осторожности. Приступомъ къ тому должны служить нѣкоторыя подготовительныя мѣропріятія. Для того, чтобы иновѣрческое духовенство стало способно сдѣлаться органомъ учебнаго вѣдомства, оно должно прежде всего само быть вообще приведено въ болѣе подчиненное положеніе контролю правительственной власти, какъ въ отношеніи порядка назначенія на должности, такъ и въ смыслѣ вполнѣ согласной съ видами правительства подготовки къ своей дѣятельности. Обсужденіе перваго вопроса мы оставляемъ на долю людей, болѣе свѣдущихъ въ томъ, что можно сдѣлать въ этомъ направленіи безъ нарушенія свободы даннаго вѣроисповѣданія. Что же касается второго вопроса, то по поводу его считаемъ нужнымъ замѣтить слѣдующее. Единственнымъ центромъ богословскаго протестантскаго образованія въ Россіи служитъ понынѣ юрьевскій, бывшій дерптскій, университетъ, богословскаго факультета котораго почти вовсе не коснулись мѣры правительства, направленныя къ разнѣмеченію прибалтійскаго края. Вслѣдствіе того протестантское духовное сословіе почти во всей Россіи остается по языку и духу нѣмецкимъ, что не согласно не только съ интересами русскаго государства, но и съ интересами большинства протестантовъ Россіи, принадлежащаго не къ нѣмецкому, а къ финскому и литовскому племенамъ (латышамъ). Эти послѣднія части протестантскаго населенія, не имѣющія ни политическаго прошлаго, ни самостоятельнаго культурнаго центра, къ которому онѣ духовно примыкали бы, и какимъ для русскихъ нѣмцевъ является Германія, ни своей собственной интеллигенціи, и слѣдовательно, гораздо менѣе способныя отстаивать свою племенную самостоятельность противъ вліянія обрусенія, продолжаютъ и теперь приноситься на жертву германизму, такъ какъ ихъ руководители воспитываются въ нѣмецкомъ духѣ, укрѣпляясь въ немъ своимъ пребываніемъ въ самомъ центрѣ германизаторскихъ преданій. Перемѣщеніе богословскаго факультета изъ Юрьева въ русскій городъ, гдѣ протестантское населеніе гораздо болѣе обрусѣло, и введеніе въ немъ преподаванія на русскомъ языкѣ, безъ сомнѣнія привело бы въ будущемъ къ совершенно иному настрое-

нію лютеранскаго духовенства въ отношеніи къ господствующей въ Россіи народности.

За симъ неудовлетворительная, съ точки зрѣнія русскихъ интересовъ, подготовка римско-католическаго духовенства въ католическихъ духовныхъ семинаріяхъ есть также фактъ безспорный и общеизвѣстный. Эти учебно-воспитательныя заведенія, требующія особенно бдительнаго контроля правительственной власти, въ дѣйствительности изъ всѣхъ русскихъ учебно-воспитательныхъ заведеній подчинены наименьшей мѣрѣ такого контроля. Послѣдствіемъ того является подготовка въ нихъ юношества не въ духѣ католицизма, а въ духѣ упорной и закоренѣлой польщизны. Римско-католическая церковь, это столь уважительное учрежденіе, представляющее собою изъ всѣхъ инославныхъ церковныхъ союзовъ наибольшее сродство съ церковію православною, на горе Росіи предстоитъ ей всегда во враждебномъ польскомъ обличіи, въ образѣ нашего политическаго врага. Рѣшительныя мѣры къ превращенію польскихъ католическихъ семинарій въ русскія учебно-воспитательныя заведенія, не заключая въ себѣ ничего противнаго догматамъ римско-католическаго вѣроученія, являются настоятельною необходимостью въ интересахъ государственныхъ. Почему русскій католическій священникъ долженъ быть непремѣнно воспитанъ какъ полякъ, когда между католиками Россіи есть и литовцы, и нѣмцы, и бѣлоруссы? Католицизмъ также искусственно отожествляется у насъ съ полячествомъ, какъ протестантизмъ съ нѣмечествомъ, но послѣдствія перваго отожествленія—по весьма понятнымъ причинамъ—и въ политическомъ и въ національномъ отношеніи для насъ гораздо опаснѣе.

Образованіе армяно-григоріанскаго духовенства также всецѣло изъято изъ подъ правительственнаго контроля. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ ходили слухи о какихъ-то проектахъ преобразованія въ этой области, но послѣдствія, повидимому, ихъ не оправдали.

Наконецъ, мы не усматриваемъ достаточныхъ основаній, почему русское правительство не могло бы способствовать устройству правильно-организованныхъ и стоящихъ на потребной педагогической и научной высотѣ учебныхъ заведеній для подготовки еврейскихъ и магометанскихъ учителей вѣры—раввиновъ и муллъ. Хотя въ настоящее время для занятія этихъ должностей установленъ извѣстный образовательный цензъ—для первыхъ болѣе значительный, для вторыхъ совсѣмъ ничтожный, но онъ не является, конечно, гарантіею ихъ спеціальной подготовки. Между тѣмъ, это вопросъ, заслуживающій се-

рьезнаго вниманія. Не подлежитъ сомнѣнію, что еврейское и магометанское вѣроученіе оба допускаютъ, въ зависимости отъ образованія ихъ духовныхъ учителей, какъ пониманіе грубое, часто традиціонное, чуждающееся всякой науки и философіи, такъ и пониманіе болѣе возвышенное и философское. Для Россіи, съ ея сравнительно многочисленнымъ еврейскимъ и мусульманскимъ населеніемъ, весьма существенно способствовать водворенію именно второго вида пониманія, ибо лишь этимъ путемъ въ составъ еврейскихъ и магометанскихъ вѣроучителей могутъ быть привлечены лица образованныя, способныя войти въ умственное соприкосновеніе съ русскимъ образованнымъ обществомъ и тѣмъ самымъ постепенно содѣйствовать духовному сближенію всей массы своихъ единовѣрцевъ съ русскою народностью. Поэтому учрежденіе такихъ еврейскихъ и магометанскихъ богословскихъ училищъ, въ которыхъ молодые люди соотвѣтственнаго вѣроисповѣданія, изучая предметы своей вѣры, вмѣстѣ съ тѣмъ получали бы общее образованіе въ русскомъ духѣ, заслуживало бы всемѣрнаго поощренія.

По нашему мнѣнію, осуществленіе вышеизложеннаго предположенія согласовало бы интересы учебнаго вѣдомства и духовенства или вѣроучителей не только господствующаго, но и всѣхъ признаваемыхъ закономъ вѣроисповѣданій Имперіи, въ ихъ отношеніяхъ къ дѣлу нашего начальнаго образованія,—при томъ не тѣ мнимые интересы, которые вытекаютъ изъ стремленія того или иного вѣдомства захватить школу въ свою власть, но ея дѣйствительные, истинные интересы, неразрывно связанные съ общеобразовательной и религіозно-нравственной задачею школы.

Н. Г. Дебольскій.

В. В. КАЧАНОВСКІЙ

(некрологъ).

Газеты принесли намъ извѣстіе, что 11-го апрѣля скончался профессоръ Нѣжинскаго историко-филологическаго института князя Безбородко Владиміръ Васильевичъ Качановскій, одинъ изъ немногихъ русскихъ славистовъ.

Покойный, сынъ православнаго священника, родился 1-го марта 1853 года въ селѣ Великій Лѣсъ, Гродненской губерніи, и получилъ образованіе сперва въ Кобринскомъ духовномъ училищѣ, потомъ въ Литовской духовной семинаріи, наконецъ въ Варшавскомъ университетѣ; въ послѣднемъ онъ окончилъ курсъ весною 1878 года. Оставленный при Варшавскомъ университетѣ стипендіатомъ для приготовленія къ профессорскому званію по каѳедрѣ славянской филологіи, онъ былъ командированъ послѣдовательно въ Петербургъ, Москву и за границу для занятій въ библіотекахъ и ознакомленія съ славянскими народами; въ это время въ Дубровникѣ, въ одномъ изъ монастырей, онъ отыскалъ рукописи сочиненій дубровницкаго писателя Глѣѳевича и принялъ рѣшеніе изслѣдовать жизнь и дѣятельность этого послѣдняго. 25-го января 1883 года В. В. Качановскій былъ допущенъ въ Варшавскомъ университетѣ къ защитѣ магистерской диссертаціи о Глѣѳевичѣ и послѣ оживленнаго диспута (гдѣ офиціальными оппонентами были его учителя и руководители теперь уже покойные В. В. Макушевъ и І. І. Первольфъ) былъ удостоенъ степени магистра. 1883 и 1884 года В. В. Качановскій провелъ въ новой командировкѣ; путешествуя по Балканскому полуострову, онъ собралъ значительное количество болгарскихъ пѣсенъ и сказокъ (часть ихъ напечатана Академіею Наукъ), немало матеріаловъ для словаря болгарскаго языка

(которые свѣта не увидѣли), нѣкоторое количество болѣе или менѣе интересныхъ старыхъ болгарскихъ и сербскихъ текстовъ. По возвращеніи въ Россію, онъ былъ (8-го февраля 1886 года) назначенъ приватъ-доцентомъ въ Казанскій университетъ; затѣмъ (1-го сентября 1888 года) былъ перемѣщенъ экстраординарнымъ профессоромъ въ Нѣжинскій институтъ; съ 1896 года онъ носилъ званіе ординарнаго профессора въ томъ же институтѣ.

Тяжелая неизлѣчимая болѣзнь (ракъ желудка) застигла его въ расцвѣтѣ силъ и дѣятельности [1]).

В. В. Качановскій работалъ по преимуществу въ области изученія литературы и исторіи южныхъ славянъ.

По исторіи южно-славянскихъ литературъ имъ напечатаны:

Значеніе неизданнаго дубровницкаго поэта Антона Глегевича (*Памятники древней письменности* 1881 г.).

Неизданный дубровницкій поэтъ Антонъ Маринъ Глегевичъ. Спб. 1882 (оттискъ изъ *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія* 1882 г.).

Образцы дубровницкаго языка и письма, съ приложеніемъ неизданныхъ документовъ, рисующихъ дубровницкую культуру. Спб. 1882.

Къ вопросу о литературной дѣятельности дубровницкаго драматическаго писателя А. М. Глегевича (*Вѣстникъ Славянства*, книга II, 1888 г.).

О второмъ и третьемъ изъ названныхъ трудовъ, посвященныхъ Глеђевичу, В. В. Макушевъ отозвался наиболѣе мягко (*Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія* 1883 г., № 5) [2]), но не безъ рѣзкихъ выраженій; болѣе рѣзокъ отзывъ И. В. Ягича (*Archiv*, VI, 473) и совсѣмъ рѣзокъ А. С. Будиловича (*Русскій Филологическій Вѣстникъ*, 1883 г., № 2).

Къ вопросу о литературной дѣятельности болгарскаго патріарха Евѳимія (*Христіанское Чтеніе* 1882 г., т. II).

Новыя данныя для изученія литературной дѣятельности болгарскаго патріарха Евѳимія (тамъ же, 1888 г., т. I).

Новооткрытые на Аѳонѣ труды болгарскаго патріарха Евѳимія (*Вѣстникъ Славянства*, книги III и IV, 1889 г.).

---

[1]) Автобіографія *В. В. Качановскаго* и составленный имъ списокъ своихъ трудовъ — въ книгѣ: „Историко-Филологическій Институтъ князя Безбородко въ Нѣжинѣ. 1875—1890". Нѣжинъ, 1900.

[2]) По поводу этой рецензіи см. еще замѣтку Л. Н. Майкова въ *Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія* 1889 г., № 4.

Славянскій списокъ описанія чудесъ св. Димитрія Солунскаго (*Христіанское Чтеніе* 1883 г., т. I).

Болонская Псалтырь (1186—1196 гг.) и Евангеліе Рыльскаго монастыря конца XII или начала XIII вѣковъ (*Памятники древней письменности* 1882 г.).

Славянскій Физіологъ (*Вѣстникъ Славянства*, кн. VII, 1892 г., и кн. X, 1895 г.).

Славянская Кормчая (*Извѣстія отд. р. яз. и слов. Ак. Наукъ*, 1897 г., т. II).

Apokrifne molitve, gatanja i priče (*Starine*, кн. XIII, 1881 г.).

Молитва съ апокрифическими чертами „отъ злаго дождя“ (*Извѣстія отд. р. яз. и слов. Ак. Наукъ*, 1897 г., т. II).

Училища и образованіе въ древней Сербіи (*Вѣстникъ Славянства*, кн. XI, 1896 г.).

Очеркъ литературы XVIII и начала XIX вѣковъ у православныхъ сербовъ (тамъ же, кн. VII, 1892 г.).

Замѣтки о словенскомъ языкѣ XV—XVI вѣковъ (по поводу книжки Арк. Соколова: Зарожденіе литературы у словинцевъ). *Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія* 1878 г., № 9.

По исторіи южно-славянскихъ народовъ В. В. Качановскій издалъ слѣдующіе труды:

Iz srbsko-slovjenskoga prievoda bizantinskoga ljetopisa Joanna Zonare (*Starine*, книга XIV, 1872 г.) [1]).

Генеалогія сербскаго жупана Немани (*Вѣстникъ Славянства*, книга X, 1895 г.).

Годъ смерти св. Саввы, перваго апостола сербскаго (по поводу книги *Ив. Поповића*, Домаћи извори за српску историју). *Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія* 1878 г., № 10.

Балканскіе славяне въ эпоху покоренія ихъ турками (тамъ же, 1877 г., № 1).

Дѣятельность боснійскаго короля Степана Твердка I (по поводу книги Schweiger-Lerchenfeld'a). Тамъ же, 1881 г., № 10.

Византійскіе лѣтописцы какъ источникъ для исторіи южныхъ славянъ въ періодъ паденія ихъ самостоятельности (тамъ же, № 7).

Хорватскія лѣтописи XV—XVI вѣковъ (тамъ же, 1881 г., № 9).

---

[1]) Здѣсь данныя о началѣ царствованія династіи Шишманидовъ, по открытому В. В. Качановскимъ въ Бѣлградѣ списку XV вѣка славянскаго перевода Зонары.

Сербскія житія и лѣтописи какъ источникъ для исторіи южныхъ славянъ въ XIV и XV вѣкахъ (*Славянскій Сборникъ*, т. III, 1876 г.) [1].

Nekoliko spomenika za srbsku i bugarsku povjest (*Starine*, книга X).

Герцеговина во второй половинѣ XV вѣка (*Вѣстникъ Славянства*, кн. XII, 1892 г.).

Черногорія во второй половинѣ XV вѣка и въ началѣ XVI вѣка (тамъ же, кн. V, 1890 г.).

Изъ исторіи сербскихъ колонистовъ въ Венгріи въ концѣ XV и XVI вѣкахъ (тамъ же, кн. II—IV, 1888—1889 гг.).

Католическая пропаганда въ Болгаріи въ XVII и XVIII вѣкахъ (тамъ же, кн. II, 1888 г.).

Статьи по источниковѣдѣнію исторіи южнаго славянства XIV—XV вѣковъ, въ передѣланномъ и дополненномъ видѣ, вошли въ составъ главнаго труда В. В. Качановскаго: Исторія Сербіи съ половины XIV вѣка до конца XV вѣка. Томъ I. Критическое изслѣдованіе источниковъ. Кіевъ, 1899.

Сверхъ того, В. В. Качановскимъ посвященъ южно-славянской исторіи рядъ критико-библіографическихъ статей и замѣтокъ по преимуществу на страницахъ *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія* (съ 1878 по 1901 гг.) и *Вѣстника Славянства*, отчасти въ *Критическомъ Обозрѣніи* 1879—1880 гг. Ему же принадлежитъ часть текста въ книгѣ: La Macédoine au point de vue ethnographique, historique et philologique. Par A. Ofeikoff. Philippopoli, 1888 (о которой см. статью П. Д. Драганова въ *Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія* 1888 г., № 4).

Одинъ изъ крупныхъ трудовъ В. В. Качановскаго посвященъ произведеніямъ южно-славянской народной поэзіи. Это — Памятники болгарскаго народнаго творчества. Выпускъ I. Сборникъ западно-болгарскихъ пѣсенъ съ словаремъ. Спб. 1882 (*Сборникъ* Имп. Академіи Наукъ, т. XXX). Здѣсь В. В. Качановскій издалъ болѣе 200 №№ пѣсенъ изъ обильнаго и разнообразнаго этнографическаго матеріала, собраннаго имъ во время путешествія по западной Болгаріи, Македоніи и отчасти Сербіи; здѣсь же онъ помѣстилъ небольшое введеніе, посвященное народнымъ обычаямъ этой части Балканскаго полуострова, и рядъ интересныхъ текстовъ на ново-болгарскомъ языкѣ изъ рукописей XVII—XVIII вѣковъ (оцѣнку этого труда, сдѣланную М. С.

---

[1]) Это — студенческая работа, за которую В. В. Качановскій получилъ въ Варшавскомъ университетѣ золотую медаль.

Дриновымъ, см. въ *Archiv'ѣ* Ягича, VII, 109—117; грамматическій его матеріалъ обработанъ г. Тиховымъ въ *Ученыхъ Запискахъ* Казанскаго университета, 1890 г., кн. 1, 2). Нѣсколько мелкихъ статей по южно-славянскому народному эпосу—въ *Вѣстникѣ Славянства*.

В. В. Качановскому принадлежитъ честь основанія спеціальнаго журнала по славяновѣдѣнію *Вѣстникъ Славянства*, выходившаго безсрочными выпусками съ 1888 по 1896 г., сначала въ Казани, потомъ въ Кіевѣ. Къ сожалѣнію, личныя отношенія издателя не позволили ему обзавестись сотрудниками между русскими славистами, и въ первыхъ книгахъ журнала всѣ статьи принадлежатъ ему одному, а въ послѣднихъ большая часть статей написана также имъ, и лишь меньшая—его товарищами и слушателями по Нѣжинскому институту.

А. И. С.

Поэтому неудивительно, что среди римскихъ тессеръ имѣется обширная и разнообразная серія, отношеніе которой къ войнѣ, тріумфамъ, императорскимъ побѣдамъ несомнѣнно, несмотря на то, что официальность тессеръ не подтверждена появленіемъ на нихъ головы или имени императора. Изображенія, украшающія эти тессеры, очень разнообразны, но, въ концѣ концовъ, сводятся все-таки къ монетнымъ типамъ, возобладавшимъ въ римской нумизматикѣ, начиная со II вѣка. Наиболѣе частыми типами надо считать типъ Марса Виктора, бѣгущаго и несущаго на плечѣ трофей, а въ рукѣ копье на-перевѣсъ, и Марса или воина въ спокойной позѣ, опирающагося одной рукой на копье, другой на щитъ.

Эти и подобныя изображенія допускаютъ, къ сожалѣнію, только очень общую датировку (послѣ Веспасіана) и общее опредѣленіе назначенія, но имѣются и болѣе содержательные и поучительные типы.

Такова, напримѣръ, тессера, хранящаяся въ Британскомъ музеѣ: на одной сторонѣ изображена Викторія и къ ней приписано V, т. е. *V(ictoria)*, на другой Меркурій съ кошелькомъ и кадуцеемъ и надпись BRITT, т. е. *Britt(annica)*. Ясно, мы имѣемъ дѣло съ денежной раздачей (кошель) по поводу ближе намъ неизвѣстной побѣды надъ британцами.

Подобныхъ содержательныхъ тессеръ имѣется немало. Къ числу такихъ болѣе откровенныхъ „свинцовъ" надо отнести и очень любопытную серію, называющую нѣсколько легіоновъ.

1) Три воинскихъ легіонныхъ знамени, укрѣпленныя въ землѣ.

Rv. L налѣво, I направо. Орелъ, стоящій направо, голова повернута налѣво; въ клювѣ вѣнокъ.

Д. 18 милл. Извѣстно пять экземпляровъ: два изъ коллекціи Feuardent въ Нумизматическомъ кабинетѣ Національной Библіотеки въ Парижѣ и одинъ, подаренный туда же мною, одинъ въ Британскомъ музеѣ и одинъ въ музеѣ Термъ въ Римѣ [1]).

2) L налѣво, X направо. Бюстъ на колонкѣ.

Rv. Левъ, стоящій направо.

Д. 18 милл.

Одинъ экземпляръ въ Нумизматическомъ кабинетѣ въ Вѣнѣ. Scholz, Römische Bleitesseren, № 946.

---

[1]) См. мою Etude, 68 и фиг. 16 и каталогъ № 401 и 40bis; *Ruggiero*, Catalogo del Museo Kircheriano, 1488.

3) V налѣво, I направо. Орелъ, стоящій направо, голова повернута налѣво, въ клювѣ вѣнокъ.

Rv. PIA въ пальмовомъ вѣнкѣ.

Д. 17 милл. Музей Термъ въ Римѣ. Ruggiero, Catalogo, 493.

4) PI налѣво, D направо. Трофей.

Rv. PAC|V въ двѣ строки въ лавровомъ вѣнкѣ.

Д. 17 милл. Музей Термъ въ Римѣ. Ruggiero, Catalogo, 1834.

5) PI налѣво, D направо. Трофей.

Rv. PI|D въ двѣ строки въ лавровомъ вѣнкѣ.

Д. 15 милл. Пять экземпляровъ: одинъ въ Британскомъ музеѣ, одинъ въ музеѣ Термъ въ Римѣ (найденъ въ Тибрѣ), одинъ въ коллекціи Feuardent, одинъ въ бывшей коллекціи Гельбига (Garrucci, Piombi scritti, стр. 116) и одинъ въ коллекціи Фикорони (Ficoroni, Piombi antichi, II, 12, 9).

Прежде всего ясенъ смыслъ первой и второй тессеръ. На первой упоминается первый легіонъ, на второй—десятый. Это очевидное объясненіе легендъ на первыхъ двухъ тессерахъ даетъ возможность и въ цифрѣ на тессерѣ третьей видѣть обозначеніе нумера легіона, что подтверждается эпитетомъ *Pia* на оборотной сторонѣ, однимъ изъ наиболѣе часто встрѣчающихся прозвищъ римскихъ легіоновъ. Отъ объясненія двухъ остальныхъ свинцовъ я пока воздержусь.

Исключительность приведенныхъ типовъ въ общей массѣ тессеръ съ военными изображеніями позволяетъ пытаться объяснить ихъ, не какъ отдѣльные, не связанные другъ съ другомъ памятники, а искать между ними общей связи.

Связь эта устанавливается безъ всякой натяжки слѣдующимъ путемъ. Исторія знаетъ эпоху, когда три легіона съ приведенными нумерами дѣйствовали вмѣстѣ и притомъ втеченіи довольно продолжительнаго времени. Legio I Minervia, созданная Домиціаномъ, въ 87 или 88 году стояла въ нижней Германіи вмѣстѣ съ legio VI Victrix и X Gemina, и всѣ эти легіоны (послѣдніе два принадлежали раньше къ испанской арміи) вмѣстѣ съ legio XXII Primigenia были тѣми легіонами, которые въ 89 г. подавили возстаніе Антонія Сатурнина, вспыхнувшее въ верхней Германіи [1]). За подавленіе этого возстанія легіоны получили почетныя прозвища Pia Fidelis, что, какъ

---

[1]) См. *Cagnat* въ *Daremberg* et *Saglio*, Dictionnaire des antiquités, II, 1075 сл.; *Ritterling*, De legione Romanorum X Gemina (Lips. 1885); *Schilling*, De legionibus Romanorum I Minervia et XXX Ulpia, Lips. 1893.

нельзя лучше, подходить къ появленію перваго прозвища на тессерѣ VI легіона. Кромѣ этого прозвища легіоны и другіе отряды, подавлявшіе возстаніе, получили еще имя *Domitianae*, какъ это доказано съ полной очевидностью Ritterling'омъ [1]). Это позволяетъ намъ объяснить и надписи на двухъ послѣднихъ тессерахъ: трижды встрѣчающіяся сиглы PI и D будутъ такимъ образомъ сокращеніями для *Pi(a) D(omitiana)*, а сокращенное PAC | V легко можетъ быть объяснено какъ *Pac(i) V(ictoriae)* съ подразумѣвающимся *feliciter*. Одинаковые размѣры тессеръ, одинаковость ихъ фактуры и типы трофея и вѣнка какъ нельзя лучше подходятъ къ предложенному объясненію. Но имѣются и нѣкоторыя трудности: прежде всего десятый легіонъ имѣетъ своей эмблемой въ болѣе позднихъ памятникахъ не льва, а быка [2]); но ничто не препятствуетъ думать, что вторая эмблема была дарована легіону Домиціаномъ вмѣстѣ съ дарованіемъ прозвища *Pia Fidelis* и исчезла изъ эмблемъ легіона съ осужденіемъ памяти Домиціана.

Далѣе желательно было бы объяснить появленіе орла на тессерахъ первой и третьей. Помимо отношенія орла къ легіону и къ императорскому дому припоминается еще слѣдующее свидѣтельство Светонія (Domit., 6): *de qua victoria* (надъ Антоніемъ) *praesagiis prius quam nuntiis comperit, siquidem ipso quo dimicatum erat die statuam eius Romae insignis aquila circumplexa pinnis clangores laetissimos edidit*. Къ этому вполнѣ подходитъ появленіе бюста императора на тессерѣ 10-го легіона.

Побѣда надъ Сатурниномъ, столь быстрая и неожиданная, возбудила сильное ликованіе въ Римѣ. Стихи Марціала и отрывки изъ актовъ Арвальскихъ братьевъ [3]) являются для насъ отголосками этой радости. Не обошлось, конечно, дѣло и безъ конгіарія народу, хотя бы съ цѣлью ослабить впечатлѣніе отъ послѣдовавшихъ за заговоромъ казней. Вполнѣ естественно, что на маркахъ этой раздачи благодарный императоръ вспомнилъ о заслугахъ побѣдоносныхъ легіоновъ и напомнилъ народу о томъ, кому онъ обязанъ тѣмъ, что въ Римѣ не повторялись ужасы 69 года.

Приведенныя тессеры не единственныя, на которыхъ упоминается опредѣленный отрядъ римскаго войска. У насъ имѣются еще двѣ

---

[1]) *Ritterling*, l. l., 11—16 и *Westd. Zeitschr.* 1893, 203 сл.

[2]) *Cagnat*, l. l., 1066.

[3]) См. *Riese*, Das Rheinische Germanien in der antiken Litteratur, Leipz., 1892, 156 сл.

подобныя. На первой изображена Fides militum между двумя знаменами и на обратной сторонѣ легіонный орелъ на древкѣ, по обѣ стороны котораго находятся слѣва быкъ съ поднятымъ хвостомъ и лѣвой передней ногой и справа пегасъ или скорѣе грифонъ [1]). Къ сожалѣнію, наши свѣдѣнія объ эмблемахъ легіоновъ слишкомъ ничтожны, чтобы опредѣлить по этимъ даннымъ легіонъ: быкъ встрѣчается у очень многихъ легіоновъ, обязанныхъ своимъ появленіемъ Юлію Цезарю, а грифонъ совсѣмъ не засвидѣтельствованъ. Возможно, что имѣется въ виду все тотъ же 6-ой легіонъ, который издавна имѣлъ эмблему быка, а при Домиціанѣ получилъ еще грифона.

Вторая тессера называетъ не легіонъ, а алу:

BRITT | ALA въ двѣ строки, между ними X, наверху пальма горизонтально.

Rv. PAX кругомъ. Фортуна, стоящая налѣво.

D. 17 милл.

Колл. Дресселя въ Берлинѣ.

Итакъ, вспоминается ала британцевъ по поводу мира, результата, конечно, побѣды. Весьма вѣроятно, что это та ала, которая принимала вмѣстѣ съ другими 11 вспомогательными отрядами дѣятельное участіе въ появленіи на престолѣ Веспасіана (см. Cichorius въ Pauly-Wissowa, Realenc., I, 1235). За эти подвиги она получила почетное прозвище Flavia. Другихъ британскихъ отрядовъ конницы, имѣющихъ отношеніе къ Риму, мы не знаемъ. Такимъ образомъ получается возможность сдвинуть хронологически всю серію тессеръ, называющихъ опредѣленные отряды. Вполнѣ естественно, что до появленія схемы немедленно послѣ прекращенія обычая обозначать тессеры головами императоровъ продолжаетъ царствовать нѣкоторая индивидуализація памятниковъ, которой мы впослѣдствіи констатировать не можемъ.

---

[1]) 6 экземпляровъ: 1—Дрессель; 2, 3—Музей Термъ (Ruggiero, 1154. 1155); 4—Bibliothèque Nationale (Каталогъ n°284); 5, 6 Берл. Музей. Д. 17 милл.

II.

Cydari aes.

Если нѣкоторое сравнительно большое количество типовъ свинцовыхъ тессеръ несомнѣнно, свидѣтельствуетъ объ ихъ офиціальномъ происхожденіи и характерѣ, то все же наибольшее количество свинцовъ служили частнымъ лицамъ, интересамъ ихъ торговыхъ и промышленныхъ предпріятій и нуждамъ ихъ домашняго обихода.

Въ своей Etude я уже выдѣлилъ нѣсколько серій, имѣющихъ опредѣленное отношеніе къ извѣстной категоріи промышленныхъ предпріятій: прежде всего серію банныхъ марокъ, служившихъ, по всей вѣроятности, цѣлямъ внутренняго контроля банныхъ кассировъ и прислужниковъ и игравшихъ роль нашихъ билетовъ. Выдѣлилась также серія тессеръ, имѣющихъ отношеніе къ постоялымъ дворамъ и трактирамъ и находящихъ себѣ полную аналогію въ англійскихъ трактирныхъ маркахъ XVIII вѣка.

Безъ труда устанавливаются и другія серіи: марки публичныхъ домовъ, марки, имѣющія отношеніе къ коллегіямъ выгрузчиковъ и нагрузчиковъ на римскихъ пристаняхъ и др.

Въ настоящей замѣткѣ я разберу одну въ высшей степени любопытную группу тессеръ, тѣсно связанныхъ между собою и типами, и надписями.

1) Судно, стоящее направо, управляемое рулемъ съ полуопущенной мачтой.

Rv. CYD | AES въ двѣ строки.

Д. 16 милл.

Одинъ экземпляръ въ коллекціи Feuardent въ Парижѣ.

2) Подобное судно, но съ закругленнымъ дномъ и безъ мачты. стоящее направо.

Rv. CYD въ одну строку по срединѣ тессеры.

Д. 17 милл.

Одинъ экземпляръ въ коллекціи Ficoroni; гдѣ находятся въ настоящее время, мнѣ неизвѣстно. См. Ficoroni, Piombi antichi, II, 15,7.

3) CYD въ одну строку въ верхней части тессеры. Судно подобной № 2 формы налѣво.

Rv. TICD въ одну строку по срединѣ тессеры.

Д. 25 милл.

Одинъ экземпляръ въ коллекціи Ficoroni; гдѣ теперь, не знаю. Ficoroni, Piombi antichi, II, 15,9.

4) CA внизу. Корабль той же формы что на № 1 налѣво.

Rv. IV внизу. Корабль той же формы налѣво.

Д. 19 милл.

Одинъ экземпляръ въ коллекціи Trau въ Вѣнѣ. Scholz, Römische Bleitesserae, n° 569, и одинъ экземпляръ въ La Haye въ Королевскомъ кабинетѣ. Jonge, Notice sur le Cabinet etc, Suppl. (La Haye, 1824), стр. 11.

5) Корабль той же формы, что на №№ 1 и 4 направо.

Rv. PT по срединѣ тессеры.

Д. 17 милл.

Одинъ экземпляръ въ коллекціи Дресееля въ Берлинѣ, подобный въ коллекціи Baudelot de Daurval (De l'utilité des voyages, съ фиг. 642).

6) Судно подобной №№ 2 и 3 формы направо, безъ мачты, въ вѣнкѣ изъ точекъ.

Rv. IVL по срединѣ тессеры въ вѣнкѣ изъ точекъ.

Д. 21 милл.

Коллекція Trau въ Вѣнѣ. Scholz, n° 409, ср. Garrucci, Piombi Altieri, 71; Piombi scritti, 121.

На всѣхъ тессерахъ (я привелъ только наиболѣе характерные типы) имѣется судно не грузовое, а легкое, скорѣе всего подходящее къ нашимъ парусньмъ лодкамъ. Въ трехъ первыхъ тессерахъ судну неизмѣнно сопутствуетъ легенда CYD, что̀ заставляетъ въ этой леґендѣ искать названія того рода лодокъ, который изображенъ на нашихъ памятникахъ.

Пароходство въ наше время убило индивидуализацію лодокъ и кораблей, но и теперь еще судовая терминологія, отчасти въ видѣ пережитка отъ времени процвѣтанія парусного судоходства, очень

богата и разнообразна. Стоитъ намъ вспомнить хотя бы всѣ варіаціи обозначенія различнаго рода грузовыхъ судовъ на Волгѣ или терминологію водяного спорта.

Въ древности, гдѣ судоходство играло такую колоссальную роль, судовая терминологія была еще болѣе разнообразна, о чемъ мы можемъ судить и по литературнымъ свидѣтельствамъ и по памятникамъ. Древніе словари (особ. Поллуксъ) и полиграфы, подобные Аѳинею и А. Геллію, сохранили намъ десятки обозначеній для разнаго рода кораблей и лодокъ. Насколько, несмотря на это, наши свѣдѣнія въ этомъ отношеніи неполны, показываетъ недавно найденная въ Африкѣ, въ др. Алтибурѣ, мозаика, родъ иллюстрированнаго каталога различнаго рода судовъ римскаго военнаго и торговаго флота. Сохранилось 25 именъ и многія изъ нихъ не засвидѣтельствованы въ литературѣ.

Имена судовъ, конечно, почти сплошь греческія, такъ какъ въ этомъ отношеніи Римъ всецѣло зависѣлъ отъ Греціи. Въ каталогѣ судовъ Авла Геллія (Noct. Att. X, 25, 5) сохранилось и имя *cydarum*, греческую форму котораго *κύδαρος* мы имѣемъ у Поллукса (см. словари). Несомнѣнно, на нашихъ тессерахъ мы имѣемъ это имя въ сокращенномъ видѣ. Что же такое наши тессеры? Отвѣтъ на это даютъ сами памятники.

На первой тессерѣ рядомъ съ сокращеннымъ именемъ судна стоитъ AES, т. е. *aes*—деньги, плата. Ясно, легенду надо понимать какъ *cyd*(*ari*) *aes*, т. е. плата за пользованіе судномъ, за переѣздъ на немъ. Весьма возможно, что и буквы CA на тессерѣ 4-й надо распространять такимъ же образомъ. На оборотной сторонѣ тессеры 3-й мы имѣемъ кромѣ того TICD. По аналогіи съ массой частныхъ тессеръ, обозначенныхъ именемъ владѣльца, мы здѣсь въ правѣ искать сокращенія для имени владѣльца судна: ясно, что это былъ на нашей тессерѣ какой-то *Ti*(*berius*) *C*(*laudius*) *D*......, на № 6-й какой-то *Iul*(*ius*).

Итакъ, наши тессеры свидѣтельствуютъ намъ о томъ, что за пользованіе судномъ платилось и что при этомъ играли какую-то роль наши марки. Дальше можно пойти, припомнивъ начало извѣстной 5-й сатиры 1-й книги Горація. Горацій съ риторомъ Геліодоромъ ѣдутъ въ Брундизій. Добравшись въ два дня къ вечеру въ Forum Appi, они для сокращенія пути, а главнымъ образомъ для того, чтобы и выспаться и ѣхать ночью, садятся на судно и продолжаютъ путешествіе по каналу до Ферониі. Садятся на судно вечеромъ:

Iam nox inducere terris
Umbras et caelo diffundere signa parabat;
Tum pueri nautis, pueris convitia nautae
Ingerere: „huc appelle; trecentos inseris; ohe
Iam satis est“. Dum aes exigitur, dum mula ligatur,
Tota abit hora.

На пристани въ Forum Appi, такимъ образомъ, ждетъ путниковъ лодка; въ ней, очевидно, ѣдутъ не одинъ Горацій съ спутниками, а и другіе пассажиры, т. е. мы, несомнѣнно, имѣемъ дѣло съ организованнымъ предпріятіемъ, съ правильными ежедневными рейсами. Въ судно сажаютъ какъ можно больше народу, до переполненія. На суднѣ уже взимается плата, и затѣмъ въ путь. Единственнымъ средствомъ контроля для владѣльца предпріятія или его агентовъ на станціяхъ промежуточныхъ и на станціи назначенія могла служить только билетная или марочная система. Я не сомнѣваюсь, что Горацій и всѣ его спутники, по уплатѣ денегъ, получили по свинцовой тессерѣ нашего вида, которыя и возвратили контролю на станціи назначенія. Такъ это практикуется и теперь, такъ было и въ древности. И теперь еще не вездѣ бумага вытѣснила металлъ: мнѣ лично припоминается хотя бы парижскіе bateaux-mouches, гдѣ каждый пассажиръ, въ обмѣнъ на деньги, получаетъ мѣдную марку.

Тибръ для древняго Рима игралъ далеко не ту роль, что для нынѣшняго, онъ жилъ полной жизнью какъ важный торговый путь и, несомнѣнно, не одна компанія легкихъ судовъ, наши Cydara, облегчали и ускоряли сообщенія съ противуположнымъ берегомъ, съ Остіей и всѣми тѣми пунктами, которые лежали вверхъ по Тибру въ ближайшемъ съ Римомъ сосѣдствѣ.

Дальнѣйшимъ вопросомъ является слѣдующій: вмѣшивалось ли государство въ эти операціи, т. е. суть ли имена на нашихъ тессерахъ имена владѣльцевъ или арендаторовъ?

И то, и другое возможно, и для того и для другого мы имѣемъ примѣры на Востокѣ. Городской монополіей была перевозка пассажировъ и груза въ Мирѣ въ Ликіи (CIG. III Suppl. 1136 n° 4302[a]; Le Bas-Waddington, III, 1311; Dittenberger, Sylloge[2], ad 871), гдѣ городъ строго запрещаетъ кому бы то ни было заниматься перевознымъ промысломъ, кромѣ откупщиковъ города. Съ другой стороны, въ Смирнѣ (Dittenberger, Sylloge[2], 876) городъ вступается за свободу промысла противъ синдиката богатыхъ предпринимателей, убивавшаго

всякую конкурренцію. Наиболѣе яркимъ примѣромъ государственной монополіи и въ этомъ отношеніи можетъ служить родина всякихъ монополій—Египетъ. Здѣсь государство со времени Птолемеевъ является монополистомъ рѣчного и канальнаго, можетъ быть только пассажирскаго сообщенія. При Птолемеяхъ монополія сдавалась на откупъ, при римлянахъ сборомъ завѣдывали особые взиматели-практоры. Монополія нашла техническое имя ναῦλον πλοίου (см. Wilcken, Ostraka, I, 386, § 190).

Какъ было въ Римѣ, рѣшить, на основаніи имѣющихся данныхъ, невозможно. Все говоритъ скорѣе всего за свободу предпріятій.

Не разрѣшая поставленнаго вопроса, наши тессеры все же являются драгоцѣннымъ матеріаломъ. Мы видимъ воочію, какъ живо и бойко жилось въ Римѣ въ первые вѣка имперіи, мы видимъ Тибръ съ его верфями и пристанями, съ флотиліями грузовыхъ судовъ и сотнями легкихъ, крейсирующими и вверхъ и внизъ по рѣкѣ, перевозящими пассажировъ на этрусскую сторону Тибра и за это взимающими *cydari aes*.

М. Ростовцевъ.

МѢСТОИМЕНІЕ OLLUS.

(Экзегетическія замѣтки къ Варрону и Фесту).

Древняя форма мѣстоименія указательнаго ollus, ollė съ его косвенными падежами (olli, ollis, ollos), замѣнявшая въ старину позднѣйшее ille, не существовала болѣе, судя по всѣмъ признакамъ, въ живой латинской рѣчи уже во время возникновенія римской литературы; по крайней мѣрѣ, ни у Ливія Андроника, ни у Невія, ни у Плавта, ни у Теренція, ни въ отрывкахъ другихъ ихъ современниковъ и преемниковъ не находится ни малѣйшаго слѣда этой древней формы: всѣ эти писатели употребляли исключительно болѣе позднюю форму ille.

Если тѣмъ не менѣе древнее ollus встрѣчается довольно часто не только въ надписяхъ даже императорскаго періода и у грамматиковъ, но и въ позднѣйшей литературѣ [1]), то это происходитъ отъ особыхъ причинъ [2]).

Дѣло въ томъ, что въ литературу искусственно ввелъ вмѣстѣ съ другими архаизмами устарѣлую форму ollus Энній, чтобы придать своимъ эпическимъ стихотвореніямъ болѣе торжественный характеръ и чтобы на римскихъ читателей произвести такое же впечатлѣніе, которое производили гомеровскія стихотворенія своимъ языкомъ на позднѣйшихъ грековъ. Эннію подражалъ впослѣдствіи Лукрецій и затѣмъ Вергилій. Равнымъ образомъ и Цицеронъ въ „De legibus“ тамъ, гдѣ онъ подражаетъ языку древнихъ законовъ, въ числѣ другихъ архаическихъ формъ употребляетъ нерѣдко и ollus.

Что касается надписей и приводимыхъ у грамматиковъ мѣстъ, то почти [3]) всѣ они, гдѣ употреблено ollus вмѣсто ille, составляютъ

---

[1]) Почти полный перечень всѣхъ мѣстъ, въ которыхъ встрѣчается ollus, olle и его падежи, читатель найдетъ у *Neue*, Formenlehre II², 210.

[2]) Ср. *Corssen*, Aussprache II², 236.

[3]) Если не считать надписи на columna rostrata (C. I. L. I, 196 olorum),

освященную старинной формулу или сакральнаго характера [1]), или относящуюся къ общественной жизни. Сакральныя формулы составлялись по образцамъ, хранившимся въ архивѣ коллегіи понтификовъ, и по нимъ были составлены три сохранившіяся въ надписяхъ посвятительныя формулы: въ одной изъ нихъ (C. I. L. III, 1, 1933 ollis legib(us) ollisque regionibus) имѣется древнее ollis два раза, въ другой (C. I. L. I, 603 olleis legibus, illeis regionibus)—одинъ разъ, а въ третьей (Or. 2489 his legibus hisque regionibus) ollus замѣнено мѣстоименіемъ his.

Такъ какъ въ этихъ посвятительныхъ формулахъ за ollus слѣдуетъ относ. мѣстоим. qui, то незачѣмъ здѣсь распространяться о значеніи мѣстоим. ollus. Иначе обстоитъ дѣло въ двухъ формулахъ, сохранившихся у Варрона и Феста. Обстоятельное обсужденіе значенія этихъ формулъ и употребленія въ нихъ мѣстоименія ollus и составляетъ цѣль настоящей замѣтки.

Варронъ (de ling. lat. VII, 42) говоритъ объ обѣихъ интересующихъ насъ формулахъ такъ: Apud Ennium:

Olli respondet suavis sonus Egeriai;

olli valet dictum illi, ab olla et ollo, quorum alterum, comitiis quom recitatur, a praecone dicitur: *Olla centuria*, non illa; alterum apparet in funeribus indictivis, quom dicitur: *Ollus leto datus est*. Фестъ (p. 254 s. v. Quirites) говоритъ только о второй, выражаясь такъ: praeco, qui in funeris [indictione ita pronuntiare solet]: *ollus Quiris leto datus*. Глашатай, стало быть, сообщалъ въ первомъ случаѣ въ центуріатскихъ комиціяхъ о результатѣ голосованія отдѣльной центуріи, а во второмъ о предстоящихъ похоронахъ умершаго римлянина, говоря olla и ollus, а не illa и ille. Но почему онъ употреблялъ указат. мѣстоименіе какъ разъ въ такомъ случаѣ, когда ему слѣдовало бы назвать собственное имя, это на первый взглядъ совершенно непонятно. Сознаемся, мы когда-то понимали ollus въ томъ смыслѣ, въ которомъ греки вмѣсто имени собственнаго говорили ὁ δεῖνα, или мы по русски говоримъ: имя рекъ или тотъ-то, желая этимъ дать понять, что въ названное предложеніе можно было бы вставить любое имя. Дѣйствительно, если бы Варронъ ска-

написанной, судя по формѣ буквъ и сорту мрамора, и, можетъ быть, даже составленной во время императора Клавдія, въ надписяхъ ollus встрѣчается только разъ C. I. L. I, 202, I, 15 (olleisque hominibus) такъ, что это слово не составляетъ часть установившейся формулы.

[1]) Ср. *Jordan*, Krit. Beitraege z. Gesch. d. lat. Spr. 252.

залъ. что глашатай въ двухъ названныхъ случаяхъ выражался такъ: такая-то центурія или триба подаетъ голосъ за такихъ-то, или: похищенъ смертью квиритъ такой-то, то это было бы вполнѣ понятно.

Хотя по ниже приводимымъ причинамъ мы теперь отказываемся отъ такого толкованія обоихъ мѣстъ, мы считаемъ все же нелишнимъ остановиться нѣсколько на употребленіи мѣстоименія ille въ названномъ значеніи, такъ какъ оно не приводится въ нашихъ грамматикахъ и словаряхъ. Правда, въ словаряхъ указывается нѣсколько примѣровъ, гдѣ hic et ille, ille et ille, ille aut ille замѣняютъ имя существительное нарицательное или собственное, но эти мѣста приводятся вслѣдствіе того, что мѣстоименіе ставится въ нихъ два раза, да кромѣ того смыслъ мѣстоименія въ данныхъ въ словаряхъ примѣрахъ только болѣе или менѣе приближается къ упомянутому нами смыслу. Менѣе всего подходитъ первый примѣръ: Cic. Verr. II, 1, 20, 53: non dicam *hoc* signum ablatum esse et *illud*, гдѣ нужно перевести: „не скажу, что та или другая статуя похищена“. Опредѣленныя лица обозначаются во второмъ примѣрѣ Cic. Rosc. Am. 21, 59: credo, cum vidisset, qui homines in hisce subselliis sederent, eum quaesisse, num ille aut ille defensurus esset, гдѣ мы сказали бы или: „тотъ или другой“ или: „такой-то или такой-то“. Совсѣмъ близко подходитъ третій примѣръ Suet. Div. Jul. 41. Светоній разсказываетъ, что въ началѣ 44 г. Цезарь постановилъ относительно выборовъ магистратовъ, чтобы одна половина ихъ была избрана по усмотрѣнію народа безъ его вмѣшательства, другая же половина по его рекомендаціи, и что онъ относительно этой второй половины посылалъ къ отдѣльнымъ трибамъ записки со слѣдующей краткой формулой: commendo vobis illum et illum, ut vestro suffragio suam dignitatem teneant. Странно, въ словаряхъ это мѣсто приводится только изъ-за двойнаго ille, и не обращается вниманія на вступительныя слова этой записки: Caesar dictator *illi* tribui, гдѣ единичное ille имѣетъ совершенно такой же смыслъ („Цезарь посылаетъ свой привѣтъ трибѣ такой-то“), какъ двойное ille въ слѣдующихъ за обращеніемъ словахъ: commendo vobis illum et illum (я рекомендую вамъ того-то и того-то).

Два раза поставлено здѣсь illum только потому, что Цезарь въ своихъ посланіяхъ называлъ цѣлый рядъ кандидатовъ (по крайней мѣрѣ половину имѣющихъ быть избранными преторовъ [1]), а можетъ

[1]) Что, не смотря на обращеніе Цезаря къ трибамъ, имѣются здѣсь въ виду выборы и преторовъ въ центуріатскихъ комиціяхъ, видно изъ Cic. *Phil.* VII, 6, 16, гдѣ Цицеронъ жалуется на то, что въ упомянутомъ году центуріи всадни-

быть и эдиловъ и квесторовъ. Съ полнымъ правомъ онъ могъ бы поэтому написать commendo vobis illos вмѣсто illum et illum.

Въ виду упомянутаго пробѣла въ грамматикахъ и словаряхъ считаемъ нелишнимъ привести нѣсколько примѣровъ, гдѣ употребляется ille въ указанномъ нами смыслѣ. Самый замѣчательный изъ нихъ Hygin. De conditionibus agrorum въ Gromatici vet. ed. C. Lachm. p. 114, 115 сл., гдѣ предлагается образецъ точнаго описанія границъ территорій: nam invenimus saepe in publicis instrumentis significanter inscripta [1]) territoria, ita ut (подраз. границы идутъ) ex colliculo, qui appellatur *ille*, ad flumen *illud*, et super flumen *illud* ad rivum *illum* aut viam *illam*, et per viam *illam* ad infima montis *illius*, qui locus appellatur *ille*, et inde per iugum montis *illius* in summum, et super summum montis per divergia aquae (по водораздѣлу) ad locum qui appellatur *ille*, et inde deorsum versus ad locum *illum*, et inde ad compitum *illius*, et inde ad monumentum *illius*. Примѣръ примѣненія такого образца точнаго описанія границъ представляетъ надпись, извѣстная подъ названіемъ sententia Q. et M. Minuciorum inter Genuates et Veturios отъ 117 г. до Р. Хр. въ C. I. L. I. n. 199. Другіе примѣры упомянутаго употребленія мѣстоименія ille представляютъ еще слѣдующія мѣста изъ громатиковъ (нѣкоторыя изъ нихъ замѣчательны тѣмъ, что по нимъ видно, что, подобно ille, употреблялись и другія указательныя слова tot, tantum): Aggen. Urbic. p. 14, 24 L.: fundum *illum*, iugera *tot* (столько то); Hygin. p. 118, 9 L.: sed et haec meminerimus in legibus saepe inveniri . . . inscriptum, quos agros, quae loca quaeve aedificia, intra fines . . . *illos* et intra flumen *illud*, intra viam *illam* dedero, adsignavero; ср. Hygin. p. 132, 15 L.: fundum *illum*, iugera *tot*, in singulis iugeris *tantum*.

Насъ могутъ спросить, почему мы приводимъ примѣры, подтверждающіе указанное значеніе мѣстоименія ille, только изъ позднихъ авторовъ? На это нужно отвѣтить, что формулы, подобныя приведеннымъ нами, могутъ встрѣчаться лишь у теоретиковъ, а они явились въ латинской литературѣ довольно поздно. Кромѣ того, матеріалъ, излагаемый римскими граматиками, составляетъ ученіе, сло-

---

ковъ были лишены права голоса (patronus centuriarum equitum Romanorum, quos item sine suffragio esse voluit). Объ отношеніи трибъ къ центуріямъ см. *Mommsen*, Roem. Trib., 89 сл., 95 сл.

[1]) Слѣдуетъ читать descripta, какъ и стоитъ у Sicul. Flacc. 163, 28 L.: nam invenimus saepe in publicis instrumentis significanter descripta territoria.

жившееся еще въ теченіе предшествовавшихъ вѣковъ [1]) и имѣвшее тѣсное соприкосновеніе съ юриспруденціей. Многія правила, формулы и выраженія, употребляемыя ими, были составлены въ старину. Видно это не только изъ того, что многіе термины ихъ встрѣчаются и у классическихъ писателей, но и изъ того, что извѣстныя правила разные писатели излагаютъ въ тожественной формѣ. Наконецъ, что ille употреблялось въ упомянутомъ смыслѣ гораздо раньше временъ Цицерона (Цицеронъ говоритъ: fuit apud *maiores* illud interdictum), доказываетъ отрывокъ преторскаго интердикта de vi, приведенный Цицерономъ въ рѣчи pro M. Tullio § 44: unde tu aut familia aut procurator tuus illum (такого-то), aut familiam, aut procuratorem *illius* in hoc anno vi deiecisti (eo restituas; pro Caec. § 88).

Относительно расположенія словъ бросается въ глаза, что почти во всѣхъ приведенныхъ нами примѣрахъ ille стоитъ послѣ существительнаго; но что можно было ставить ille и впереди, видно по вступительнымъ словамъ письма Цезаря у Светонія (Caesar dictatator illi tribui), такъ что расположеніе словъ не препятствовало бы пониманію словъ Варрона: olla centuria и ollus Quiris въ смыслѣ: „центурія такая-то“ и „квиритъ такой-то“.

Тѣмъ не менѣе мы принуждены толковать оба отрывка иначе. Если бы въ обоихъ случаяхъ ollus значило „такой-то“, то надо было бы полагать, что Варронъ и Веррій Флаккъ, источникъ Феста, пользовались общимъ [2]) источникомъ, такимъ, въ которомъ долженъ былъ бы заключаться своего рода ритуалъ, преподававшій, какъ въ извѣстныхъ случаяхъ разныя лица должны были вы-

---

[1]) Землемѣры стали называться agrimensores, можетъ быть, лишь со временъ эдикта Юліана; прежде они назывались finitores: Non., p. 11, 24: *finitores* dicebantur, quos nunc agrimensores dicimus; Ноній ссылается затѣмъ на слова Плавта (*Poen.*, prol. 49): eius nunc regiones, limites, confinia Determinabo, eius rei ego sum factus *finitor*. Ср. Cic. *de leg. agr.* II, 13, 34: *finitorem* mittant (decemviri), ratum sit quod finitor uni illi, a quo missus erit, renuntiaverit. *Rudorff*, Roem. Feldm. II, 321, пр. 236.

[2]) Фестъ, сообщая о словахъ, произносившихся глашатаемъ при funus indictivum, приводитъ ихъ такъ: Ollus Quiris leto datus изъ-за Quiris; Варронъ же, желая своей цитатой доказать, что въ древнее время говорили ollus вмѣсто ille, приводитъ ихъ въ такомъ видѣ: ollus leto datus est. Слѣдовательно В. Флаккъ не могъ заимствовать это изъ Варронова сочиненія de lingua latina. Кромѣ того, хотя Веррій Флаккъ ссылается на разныя сочиненія Варрона, однако, очевидно, его книгой de lingua онъ не пользовался. Ср. Fest. ed. *O. Mueller*, praef. p. XXIX и adnot. 6.

ражаться. Кромѣ того, источникъ этотъ, содержавшій такой ритуалъ, долженъ былъ бы быть составленъ въ такое древнее время, когда ollus употреблялось еще въ живой рѣчи. Далѣе, допуская общій источникъ для В. Флакка и Варрона, пришлось бы придти къ тому крайне неправдоподобному выводу, что оба они, независимо другъ отъ друга, не поняли своего источника, такъ какъ оба они говорятъ, что глашатай пользовался формой ollus, а не приписываютъ слово это своему источнику. Изъ этого прямо вытекаетъ, что въ приведенныхъ Варрономъ и Фестомъ словахъ глашатая ollus не могло быть сказано въ смыслѣ „такой-то, имя рекъ", и что глашатай, какъ при объявленіи о результатѣ голосованія отдѣльныхъ центурій, такъ и при оповѣщеніи народа о кончинѣ знатнаго римлянина, пользовался установившейся формулой, въ которой сохранилась устарѣвшая форма ollus даже въ такое время, когда въ живой рѣчи она давнымъ давно была замѣнена другою.

Вопросъ, въ какомъ смыслѣ слѣдуетъ понять ollus въ устахъ глашатая въ обоихъ названныхъ случаяхъ, находится въ непосредственной зависимости отъ другихъ вопросовъ: гдѣ, при какой обстановкѣ и при какихъ обстоятельствахъ обѣ формулы были произносимы. Лишь точно взвѣсивъ каждый отдѣльный пунктъ, мы можемъ отвѣтить на первый вопросъ; а такъ какъ каждая изъ обѣихъ формулъ была произносима при различныхъ обстоятельствахъ, то мы должны заняться каждымъ вопросомъ отдѣльно.

Начнемъ съ перваго. По какому поводу глашатай могъ сказать: Olla centuria (dicit consules такихъ-то)?

Варронъ говоритъ, что слова эти произносились во время комицій. Глашатай сообщаетъ здѣсь, какія лица въ отдѣльной центуріи получили большинство голосовъ. Рѣчь идетъ о глашатаѣ, исполняющемъ распоряженія предсѣдательствующаго консула и, стало быть, находящемся около него [1]). Самъ предсѣдатель сидѣлъ на своемъ креслѣ [2]), на подмосткахъ, рядомъ съ которыми находилась, на равной высотѣ, эстрада (pons), сообщавшаяся, при помощи лѣстницъ, съ каждымъ изъ огороженныхъ мѣстъ (ovile, saepta), гдѣ собиралось и подавало голосъ извѣстное отдѣленіе народа. Съ этой эстрады (e ponte) предсѣдатель приглашалъ черезъ служителя (accensus), авгура

---

[1]) У Ливія (XXIV, 8, 20) Фабій обращается къ глашатаю съ словами: Praeco, Aniensem iuniorum in suffragium revoca.

[2]) Liv. XXVI, 22; XXXIX, 22; Suet. *Tib.* 17.

или глашатая [1]), приступить къ подачѣ голосовъ [2]). Голосованіе происходило такъ, что каждая центурія подавала голосъ отдѣльно, но всѣ центуріи подавали голосъ *одновременно* [3]). По окончаніи голосованія счетчики (rogatores, diribitores) каждой центуріи приступали къ своей работѣ и, выяснивъ, какіе кандидаты получили въ ихъ центуріи большинство голосовъ (когда дѣло касалось выборовъ), являлись, одинъ за другимъ, на pons по мѣрѣ того, какъ они кончали свое дѣло. Здѣсь, на pons, встрѣчалъ ихъ глашатай, и на его вопросъ о результатѣ голосованія въ ихъ центуріи, они докладывали (referebant) [4]) ему объ этомъ результатѣ [5]).

Если предсѣдатель признавалъ выборы отдѣльной центуріи законными, то онъ немедленно, чрезъ глашатая, объявлялъ (renuntiare) объ этомъ народу. Эта renuntiatio выбранныхъ отдѣльными центуріями лицъ происходила постепенно, такъ что мало-по-малу становилось извѣстнымъ, каково было рѣшеніе каждой центуріи [6]).

Ланге [7]) и Марквардтъ [8]) утверждаютъ, что при этой renuntiatio отдѣльныхъ центурій соблюдался опредѣленный порядокъ, извѣстный подъ названіемъ ordo tribuum [9]), и что при этомъ глашатай произно-

---

[1]) Varr. *l. l.* VI, 88, 89.

[2]) Это видно изъ Suet. *Div. Jul.* 80: cunctati (т. е. заговорщики), utrumne in campo per comitia tribus ad suffragia vocantem partibus divisis e ponte deicerent atque exceptum trucidarent. Ср. *Mommsen*, St. R. III, 401.

[3]) Это видно изъ lex Malacitana (C. I. L. II, 1964 = *Bruns*, Fontes[6], p. 142) c. 55: qui comitia ex h(ac) l(ege) habebit, is municipes curiatim ad suffragium ferendum vocato ita, ut *uno vocatu* omnes curias in suffragium vocet eaeque singulae in singulis conseptis suffragium per tabellam ferant.

[4]) См. *Mommsen*, St. R. III, 409, пр. 5. Referre о rogator говорится въ l. Malac. c. 55; Cic. *de div.* II, 35, 74; *de nat. deor.* II, 4, 10.

[5]) Такъ полагаетъ *Моммзенъ*, St. R. III, 409. Менѣе вѣроятнымъ кажется мнѣніе *Ланге* (Roem. Alterth. II[3], 456), полагавшаго, что глашатаи пяти классовъ приходили на pons, чтобы доложить предсѣдателю о результатѣ голосованія. О глашатаяхъ пяти классовъ не упоминается нигдѣ; только Cic. *de leg. agr.* II, 2, 4 говоритъ о praecones во множественномъ числѣ.

[6]) Ср. Cic. *Phil.* II, 33, 82: sortitio praerogativae. Quiescit. Renuntiatur. Tacet. Prima classis vocatur. Renuntiatur; deinde, ut assolet, suffragia. Tum secunda classis vocatur. Liv. VI, 38, 6: cum... „uti rogas" *primae* tribus dicerent. Lex Malac. c. 56; Cic. *Verr.* V, 15, 35; Valer. Max. IV, 5, 3; VIII, 1, 7. *Mommsen*, St. R. III, 409, пр. 1 и 410, пр. 3.

[7]) Roem. Alt. II[3], 456. То же, только въ другой связи, утверждаетъ названный ученый и въ третьемъ изданіи своего труда, I[3], 511.

[8]) Въ Handb. d. roem. Alterth. v. *Becker* u. *Marquardt*, II, 3, стр. 110.

[9]) Свѣдѣнія наши объ этомъ ordo tribuum весьма скудны. Извѣстно только,

силъ интересующую насъ формулу: Olla centuria (dicit consules...).

Марквардтъ, присвоивая себѣ мысль, нѣкогда высказанную Моммзеномъ [1]), предполагаетъ еще, что словамъ глашатая предшествовало приказаніе консула въ родѣ: Praeco dic de Arniensi iuniorum.

Утвержденіе Ланге и Марквардта, будто предварительная renuntiatio происходила по ordo tribuum и будто въ словахъ глашатая olla centuria (dicit consules...) именно и заключается эта renuntiatio, совершенно неосновательно по слѣдующимъ причинамъ:

1. Если бы при предварительномъ провозглашеніи придерживались какого-либо разъ навсегда установленнаго порядка, то приходилось бы ждать, пока результатъ голосованія всѣхъ центурій не будетъ установленъ счетчиками и сообщенъ ими предсѣдателю; это заняло бы слишкомъ много времени, главнымъ образомъ при выборахъ, гдѣ приходилось избирать многихъ магистратовъ (послѣ Суллы 10: 2 консуловъ и 8 преторовъ).

2. Если предполагать, что въ словахъ olla centuria etc. заключалась предварительная renuntiatio, то нельзя было не назвать имя центуріи: слово olla не было бы понятно для народа; тутъ даже указаніе рукою издали (т. е. e ponte) на помѣщеніе, гдѣ находилась центурія, не помогало бы дѣлу въ виду большого числа центурій (70 одного перваго класса безъ всадниковъ послѣ реформы), уже не говоря о томъ, что избиратели послѣ подачи голоса имѣли право расходиться [2]). Предполагаемое приглашеніе консула (praeco, dic de Arniensi iuniorum) не могло избавить глашатая отъ необходимости назвать при своей renuntiatio имя центуріи, потому что консулъ произносилъ это, обращаясь къ одному глашатаю, и слова эти часто не были бы слышны народу. Не обладалъ же непремѣнно всякій консулъ громкимъ голосомъ!

3. Выше уже сказано, что результатъ голосованія дѣлался извѣстнымъ мало-по-малу. Не будь этого, невозможно было бы отказаться отъ

что порядокъ этотъ начинался съ четырехъ городскихъ трибъ (въ такой послѣдовательности: Suburana, Palatina, Esquilina, Collina); изъ деревенскихъ первой была Romilia, послѣдней—Arnensis. Ср. *Mommsen*, Roem. Trib. 78; St. R. III, 164 и 174.

[1]) Roem. Trib., 99.

[2]) Varro, *de re rust.* III, 2: comitiis aediliciis, cum sole caldo ego et Q. Axius senator tribulis suffragium tulissemus... Axius mihi, Dum diribentur, inquit, suffragia, vis potius villae publicae utamur umbra?

своей кандидатуры, узнавъ о результатѣ голосованія части центуріи [1]).

4. По окончаніи предварительной renuntiatio глашатай для установленія окончательнаго результата, т. е. для того, чтобы выяснить, сколько центурій подало голосъ въ пользу отдѣльныхъ кандидатовъ, читалъ вслухъ голоса всѣхъ центурій въ порядкѣ, опредѣляемомъ жребіемъ [2]). Если бы, какъ предполагаютъ Марквардтъ и Ланге, при предварительной renuntiatio придерживались ordo tribuum, то совершенно непонятно было бы, почему при установленіи окончательнаго результата соблюдался другой порядокъ.

Итакъ, приходится отказаться отъ предположенія, будто въ словахъ olla centuria заключалась renuntiatio.

Моммзенъ (St. R. III, 411) приходитъ къ другому заключенію. На основаніи двухъ мѣстъ Варрона: de re rust. III, 17, 1: [re]latis tabulis sortitio fit tribuum ac coepti sunt recitari (recinii рукописи), quem quaeque tribus fecerint и de ling. lat. VII, 42: comitiis cum recitatur, a praecone dicitur: olla centuria, non illa..., онъ предполагаетъ, что послѣ предварительной renuntiatio глашатай по протоколу читалъ, какъ каждая центурія подала голосъ, и при этомъ пользовался установившейся формулой: olla centuria (curia, tribus) legem iubet или liberat или consulem dicit illum (того-то).

Менѣе важно, конечно, что о протоколѣ нигдѣ не упоминается; но предположеніе Моммзена о томъ, что recitare—техническое слово, основывается, строго говоря, только на одномъ мѣстѣ [3]), такъ какъ рукописное чтеніе второго мѣста (de re rust. III, 17, 1) измѣнено самимъ Моммзеномъ. Кромѣ того, Варронъ говоритъ: ac coepti sunt rec(?), quem quaeque tribus fecerint aedilem (а не говоритъ: ac coeptae sunt

---

[1]) О такомъ случаѣ разсказываетъ Валерій Максимъ (IV, 5, 3); подобнымъ образомъ онъ передаетъ (VIII, 1, 7) о трибутскихъ комиціяхъ, что послѣ того, какъ 14 трибъ произнесли обвинительный приговоръ, остальныя трибы вслѣдствіе рѣзкаго слова магистрата вдругъ измѣнили свое мнѣніе и оправдали подсудимаго.

[2]) Всякаго рода комиціи (куріатскія, центуріатскія и трибутскія) происходили въ одинаковомъ порядкѣ. О sortitio говоритъ Варронъ (*de re rust.* III, 17, 1; см. ниже въ текстѣ) и lex Malac. c. 57: qui comitia h(ac) l(ege) habebit, is... nomina curiarum in sortem coicito singularumque curiarum nomina sorte ducito et ut cuiusque curiae nomen exierit, quos ea curia fecerit, pronuntiari iubeto.

[3]) На этомъ именно основаніи Scioppius, впрочемъ неудачно, и предложилъ замѣнить у Варрона слово recitatur словомъ renuntiatur и самъ Моммзенъ одобрилъ когда-то (R. Trib., 89) эту конъектуру.

recitari tribus), хотя знаетъ, что въ формулѣ, имъ самимъ сообщенной, называлась на первомъ мѣстѣ триба или центурія.

По нашему мнѣнію, можно сдѣлать только одинъ выводъ: интересующая насъ формула произносилась глашатаемъ не послѣ sortitio до окончательной renuntiatio, а все дѣло происходило въ такомъ порядкѣ: по мѣрѣ того, какъ diribitores кончаютъ подводить итогъ голосамъ каждой центуріи, они являются на pons и, на вопросъ глашатая о результатѣ голосованія ихъ центуріи, докладываютъ ему объ этомъ (referunt). Глашатай направляется затѣмъ къ предсѣдателю, который обращается къ нему съ такими приблизительно словами: praeco, dic de centuria (Arniensi iuniorum), на что глашатай, читая протоколъ [1]), полученный отъ счетчика, отвѣчаетъ: olla centuria и т. д. Очень можетъ быть, что онъ при словѣ olla указывалъ рукой по направленію къ тому saeptum, гдѣ находилась та центурія, которую онъ имѣлъ въ виду. Возможно, впрочемъ, ollus понять и въ томъ смыслѣ, въ какомъ употреблялось обыкновенно is. Объ этомъ рѣчь еще впереди.

Варронъ (de l. l. VII, 42) говоритъ: cum recitatur, a praecone *dicitur* o. c., а не говоритъ: a praecone *recitatur;* слѣдовательно, слова olla centuria не находились въ протоколѣ, а это слова глашатая; по протоколу же глашатай читалъ только имена выбранныхъ. Что касается сомнительнаго чтенія у Варрона (de r. r. III, 17, 1), то, согласно нашему толкованію, слѣдуетъ отвергнуть конъектуру Моммзена, предложившаго читать coepti sunt *recitari* (вм. recinii рукописей), и вернуться къ чтенію, давно принятому: coepti sunt *renuntiari*. Варронъ имѣетъ въ виду окончательную renuntiatio, при помощи которой консулъ оповѣщалъ народъ о результатѣ выборовъ [2]).

Обратимся теперь ко второму случаю, въ которомъ, по свидѣтельству Варрона и Феста, глашатай пользовался формой ollus вмѣсто ille.

Оба писателя сообщаютъ, что глашатай при funus indictivum говорилъ: ollus Quiris leto datus.

Выше мы сказали, почему считаемъ необходимымъ принять приведенныя слова за установившуюся формулу, въ которой ollus въ устахъ глашатая не можетъ значить „такой-то“.

[1]) Варронъ говоритъ: recitatur. Дѣло касается многихъ именъ (двухъ консуловъ и восьми преторовъ) (послѣ Суллы), такъ что безъ протокола обходиться нельзя было.

[2]) Renuntiari читалъ въ данномъ мѣстѣ и новѣйшій издатель Варрона, H. Keil.

Подъ funera indictiva римляне подразумѣвали торжественныя похороны знатнаго гражданина; по крайней мѣрѣ въ двухъ случаяхъ, гдѣ употребляется терминъ funus indicere, упоминается объ играхъ [1]): у Цицерона (de leg. II, 24, 61 reliqua sunt in more, funus ut indicatur, si quid ludorum) и у Светонія (Div. Iul. 84); Фестъ, наконецъ, (s. v. simpludiarea funera, p. 334) funera indictiva называетъ amplissima [2]).

О такихъ торжественныхъ похоронахъ нужно было оповѣщать народъ и приглашать его на проводы покойника. Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что слова глашатая: ollus Quiris leto datus говорились по поводу этого оповѣщенія. Гдѣ однако находился глашатай во время произнесенія этихъ словъ, не видно изъ свидѣтельствъ Варрона и Феста.

Іорданъ [3]) предполагаетъ, что глашатай произносилъ упомянутыя слова въ то время, когда онъ стоялъ у дверей скорбнаго дома, указывая на покойника, лежавшаго на парадномъ ложѣ, и приглашая собравшійся передъ домомъ народъ на похороны. Іорданъ къ этому прибавляетъ, что глашатай никакъ не могъ на форумѣ говорить ollus Quiris въ то время, когда покойникъ лежалъ, напримѣръ, на горѣ Целіи, потому что иначе онъ долженъ былъ бы назвать имя.

Но положимъ даже, что домà всѣхъ знатныхъ гражданъ народу были знакомы, такъ что ему могло быть извѣстнымъ, передъ чьимъ домомъ глашатай говорилъ ollus Quiris; положимъ также, что всѣ знатные римляне жили на людныхъ улицахъ, такъ что много людей проходило мимо скорбнаго дома и многіе поэтому могли узнать, изъ чьего дома предстоятъ похороны; развѣ, однако, изъ словъ глашатая можно было заключить, что умеръ именно глава семейства? Развѣ никогда не случалось, что взрослые и даже занимавшіе высокія должности сыновья жили въ домѣ отца? Гдѣ сказано, что funera indictiva устраивались только для главы семейства? Или, если предполагать, что народъ зналъ покойника въ лицо, не на улицѣ же стояло парадное ложе съ покойникомъ, такъ что мимо проходившіе, увидѣвъ его лицо, могли убѣдиться, о комъ идетъ рѣчь. Покойникъ лежалъ, конечно, въ атріи, по свидѣтельству Сервія (ad Aen. V, 64) въ теченіе семи дней, и съ улицы въ такомъ случаѣ, конечно, распо-

---

[1]) *O ludi* funebres сообщаетъ Liv. XXIII, 30, 15; XXVIII; 10; XXXI, 50, 4.

[2]) Ср. еще Paull. Diac. p. 106 M.: indictivum funus, ad quod per praeconem evocabatur.

[3]) Krit. Beitr. z. Gesch. d. lat. Spr. 255.

знать черты его лица было нельзя. Впускать же въ домъ толпу врядъ-ли было удобно.

Наконецъ, въ интересахъ родственниковъ [1]), тратившихъ нерѣдко на пышныя похороны большія деньги, было важно, чтобы не случайно мимо дома покойника проходившая, хотя бы даже большая часть народа была оповѣщена о предстоящихъ похоронахъ, а чтобы по возможности все народонаселеніе столицы узнало о нихъ. Вотъ почему намъ кажется невозможнымъ допустить, что глашатаи не ходили по всему городу или, по крайней мѣрѣ, по самымъ людным частямъ его, а главнымъ образомъ на форумъ, чтобы оповѣщать народъ о предстоящемъ печальномъ обрядѣ.

Іорданъ былъ бы вполнѣ правъ, если бы была какая-нибудь необходимость заключать, что глашатай при своемъ оповѣщеніи ограничивался одними словами, приведенными Варрономъ и Фестомъ. Изъ словъ обоихъ древнихъ авторовъ, однако, такого заключенія сдѣлать нельзя, и оба они, не заботясь о связи, приводятъ изъ словъ глашатая лишь то, что имъ нужно было для ихъ цѣли. Ничто, стало быть, не мѣшаетъ предполагать, что слова ollus Quiris leto datus были произносимы въ связи съ другими, въ которыхъ называлось имя покойника. Намъ кажется самымъ вѣроятнымъ, что словамъ ollus Quiris leto datus предшествовало предложеніе въ родѣ слѣдующаго: Optime de civitate nostra meruit P. Cornelius Scipio Aemilianus, а послѣ такихъ словъ глашатай могъ вполнѣ понятнымъ для всѣхъ образомъ продолжать: ollus Quiris leto datus. Ollus въ такой связи замѣняло бы болѣе слабое и безцвѣтное is. Подобное употребленіе мѣстоим. ille общеизвѣстно, и незачѣмъ доказывать это многими примѣрами; ограничиваемся поэтому указаніемъ на Cic. Lael. I, 1; III, 11.

Упомянемъ мимоходомъ еще о другомъ возможномъ толкованіи словъ ollus Quiris leto datus, хотя оно кажется намъ мало вѣроятнымъ. Можно было бы представить себѣ дѣло и такъ, что слова эти говорились глашатаемъ, шедшимъ во главѣ похоронной процессіи. Имя покойника въ такомъ случаѣ было бы излишне называть, потому что мѣстоименіемъ ille можно было указать на близкій предметъ. Такъ, напримѣръ, часто встрѣчается у Плавта, что когда всего два лица находятся на сценѣ и одно изъ нихъ, обращаясь

---

[1]) Напрасно утверждается въ нѣкоторыхъ руководствахъ, что funera indictiva и funera publica (=на общественный счетъ) были тожественны. Ничѣмъ нельзя это доказать.

къ зрителямъ, говоритъ о другомъ, посредствомъ illè первое лицо указываетъ на находящееся на нѣкоторомъ разстояніи отъ него второе. Вотъ нѣсколько примѣровъ [1]):

Merc. 384: Quid illuc est, quod *ille* a me solus se in consilium sevocat?

ib. 813: Si umquam vidistis pictum amatorem em *illic* est.

Bacch. 898: Ut iurat. Servat me *ille* suis periuriis.

Mil. 334: Meus *illic* homost; deturbabo iam ego *illum* de pugnaculis.

Мало вѣроятнымъ такое толкованіе мы назвали потому, что Варронъ въ другомъ мѣстѣ [2]), хотя и въ иной связи и по другому поводу, говоритъ, что во время funus indictivum глашатай сообщалъ о предстоящемъ выносѣ. Отдѣлить эти слова отъ формулы ollus Quiris leto datus или предполагать, что оба предложенія говорились разными глашатаями, врядъ ли возможно. —

Мы привели все, что сочли нужнымъ сообщить о выше разбираемыхъ двухъ формулахъ. Мы могли бы здѣсь кончить, если бы не сочли нужнымъ прибавить нѣсколько словъ о сложившейся недавно и въ новѣйшихъ учебникахъ [3]) выдаваемой за истину баснѣ.

У Маркардта (Privatalterth. II², 351) впервые, кажется, находится утвержденіе, будто глашатай при funus indictivum приглашалъ къ участію въ погребеніи словами: „Ollus Quiris leto datus. Exequias, quibus est commodum, ire iam tempus est. Ollus ex aedibus effertur".

Марквардтъ, впрочемъ, не поступалъ вполнѣ опрометчиво, такъ какъ онъ, по крайней мѣрѣ въ примѣчаніяхъ, указываетъ, откуда взято каждое изъ этихъ трехъ предложеній: 1) Varro l. l. VII, 42; 2) Ter. Phorm. V, 9, 37; 3) Varr. l. l. V, 160. Менѣе осторожно поступили другіе, выпустивъ эти ссылки. Марквардтъ позаимствовалъ свое утвержденіе у Беккера (Gallus III², 275), видоизмѣнивъ, однако, существенно слова послѣдняго: именно Беккеръ говоритъ, что глашатай *могъ* такъ выражаться, а вовсе не утверждаетъ, что онъ дѣйствительно такъ выражался.

Наведенъ былъ Беккеръ на эту мысль комментаріемъ Gothofredus'a къ Фесту (стр. 254 М.), указавшаго на Ter. Phorm. V, 9, 37 и Ov. Am. III, 6, 2. Вотъ происхожденіе этой басни.

---

[1]) Ср. *Bach*, De usu pronom. demonstr. въ Studia in priscos script. Lat. coll. II, 304.

[2]) *De l. l.* V, 162.

[3]) Напр. въ кратк. очеркѣ римскихъ древностей *Н. Санчурскаго*, § 64.

Что касается вопроса, насколько вѣроятно, что Теренцій воспользовался подлинными словами глашатая, и что ему стоило только прибавить дат. падежъ. Chremeti, чтобы получить готовый трохаическій стихъ, какъ разъ ему понадобившійся, то мы сильно въ этомъ сомнѣваемся.

У Теренція читается, кромѣ того, не iam, а междометіе em; затѣмъ, откуда мы можемъ знать, что употребленныя Теренціемъ слова слѣдовали за формулой: ollus Quiris leto datus? Съ тѣмъ же правомъ мы могли бы утверждать, что они съ дат. пад. имени умершаго (какъ у Теренція Chremeti) имъ предшествовали, и ollus тогда насъ не затрудняло бы.

Слова поэта отличаются извѣстной торжественностью и сообщаютъ о близкихъ похоронахъ; въ этомъ отношеніи они пригодны были бы и въ устахъ глашатая. Но нельзя не замѣтить, что поэтъ влагаетъ эти торжественныя слова въ уста паразита для комическаго эффекта, усиленнаго еще тѣмъ, что о дѣйствительныхъ похоронахъ тамъ вовсе не говорится.

Одинаково произвольно поступили и съ третьимъ предложеніемъ, утверждая, что глашатай заключалъ свое сообщеніе словами: ollus ex aedibus effertur. Варронъ говоритъ de l. l. V, 160: itaque ex aedibus efferri indictivo funere praeco etiam eos dicit, qui ex tabernis [1]) efferuntur. О вторичномъ употребленіи формы ollus онъ не говоритъ ни слова, равно какъ мы не узнаемъ изъ этого мѣста ничего и о томъ, въ какой связи глашатай говорилъ о выносѣ.

Выше, впрочемъ, мы уже указали, что и по нашему мнѣнію врядъ ли возможно сообщеніе о выносѣ отдѣлить отъ сообщенія о кончинѣ и похоронахъ. Прибавимъ только одно замѣчаніе: если предполагать, что глашатай нѣсколько дней сряду оповѣщалъ народъ о кончинѣ знатнаго римлянина, то о предстоящихъ похоронахъ, или по крайней мѣрѣ о выносѣ, онъ могъ сообщать лишь въ послѣдній день.

Э. Вертъ.

---

[1]) Кто рѣшитъ загадку, что это за tabernae?

ARISTOT. ΑΘΗΝ. ΠΟΛ. ΤΟΜΟΣ Δ'.

Въ 1894 г. появилась диссертація Th. Teusch'a, De sortitione iudicum apud Athenienses. Главною заслугою автора этой книжки нужно считать строго проведенное имъ разграниченіе, по эпохамъ, главнѣйшихъ имѣющихся у насъ свѣдѣній объ аѳинской ἡλιαία. Диссертація геттингенскаго ученаго совершенно порываетъ со всѣми попытками представить способъ избранія судей не измѣнявшимся въ теченіе ста лѣтъ отъ начала Пелопоннесской войны до времени написанія „'Αθην. πολιτεία". Но Teusch далъ, помимо этого, и много цѣнныхъ указаній для пониманія послѣднихъ страницъ „'Αθην. πολ.".

Начиная съ главы LXIII, „'Αθην. πολ.", по мнѣнію Teusch'a, даетъ вполнѣ независимое отъ предыдущихъ двухъ отдѣловъ изображеніе суда присяжныхъ: этимъ объясняются кажущіяся повторенія (LIX,7 = LXIII,1), которыя Кайбель и др. пытались объяснить интерполяціями или глоссами (Teusch, o. c., 9—10). Здѣсь мы имѣемъ изображеніе того, что происходитъ ежедневно: поэтому о присягѣ, о дѣленіи на декуріи здѣсь не можетъ быть упоминанія (ib. 10 и 24). Относительно декурій и неодинаковой численности ихъ Teusch примыкаетъ къ Брукку (S. Bruck, Ueber die Organisation der athenischen Heliastengerichte in IV Jahrh. v. Chr. Philologus, 1894, LII. 295—317, 395—421).

Teusch устанавливаетъ значеніе λαχόντες, λαχεῖν въ смыслѣ ежедневныхъ выборовъ, а не ежегодныхъ (ib. 14 — 15), отвергаетъ возможность отожествленія δικαστήριον съ декуріею (γράμμα, μέρος) и поясняетъ выраженіе δικαστήριον πληροῦν въ томъ же смыслѣ, какъ и Брукъ (S. Bruck, op. cit., 414—415). Очередную должность ѳесмоѳета или ѳесмоѳетовъ въ col. XXXI (XXXII) онъ отличаетъ отъ обя-

занностей всѣхъ архонтовъ и письмоводителя (Teusch, ib. 18—19). Словамъ κατὰ πέντε πινάκια εἷς въ col. XXXI (XXXII) Teusch даетъ вполнѣ оригинальное объясненіе, дѣлающее излишнимъ всякую прибавку въ родѣ ⟨οἷον⟩: здѣсь говорится, по его мнѣнію, о томъ, что каждой вынутой бѣлой или черной кости соотвѣтствовали выборъ или забаллотириваніе не одной таблички, а цѣлыхъ пяти заразъ—для ускоренія дѣла (ib. 19—20). Существованіе именно 10 дикастерій Teusch считаетъ недоказаннымъ (ib. 25—27), вслѣдствіе чего дополненіе въ родѣ: καὶ ἕτερα κιβώτι[α δέκα, εἰς ἃ ἐ]μβάλλεται (LXIII,2) является, по его мнѣнію, произвольнымъ и невѣрнымъ (Teusch, ib. 27).

Затрудненіе въ согласованіи распредѣленія жребіемъ палатъ между вѣдомствами (col. XXXII въ концѣ) и необходимости разной численности этихъ палатъ для разныхъ вѣдомствъ Teusch рѣшаетъ такимъ образомъ: онъ считаетъ вѣроятнымъ, что на государственныя судебныя разбирательства требовалось 500 человѣкъ, на частныя 200 — какъ норма; въ болѣе важныхъ процессахъ происходило удвоеніе или утроеніе этого числа черезъ соединеніе 2-хъ или 3-хъ судебныхъ палатъ въ 500 или 200 человѣкъ (ib. 31 — 34). Изъ сравненія послѣднихъ словъ трактата ἐν τῷ μέρει etc. и LXIII,4 Teusch выводитъ, что при заявкѣ о желаніи быть геліастомъ, всякій по жребію назначался въ какую-нибудь декурію.

Лучшею провѣркою теорій Teusch'а является текстъ τόμος δ' Аристотелевскаго трактата, насколько текстъ этотъ оказывается понятнымъ въ настоящее время. Намъ уже пришлось давать переводъ послѣднихъ страницъ 'Αθην. πολ. въ 1895 г.; но если переводъ нашъ, и въ первыхъ своихъ отдѣлахъ, представляется въ настоящее время устарѣлымъ, то еще болѣе приходится сказать это о послѣдней части, особенно послѣ выхода третьяго изданія 'Αθην. πολιτ. Фр. Бласса (конецъ 1898 г.).

Поэтому мы полагаемъ небезполезнымъ привести здѣсь въ посильномъ переводѣ содержаніе τόμος δ' по 3-му изданію Бласса.

Такъ какъ въ настоящее время нѣтъ сомнѣній относительно непосредственнаго примыканія τόμος δ' къ гл. LXIII (Blass[3], p. 100: haec quidem lis iam finita est), то получается слѣдующаго рода послѣдовательность въ изложеніи у Аристотеля.

Сказавъ о роли архонтовъ и письмоводителя при жеребьевкѣ, объ устройствѣ палатъ (10 входовъ для 10 филъ, 20 κληρωτήρια по 2 на филу, 100 κιβώτια по 10 на филу, другія κιβώτια для πινάκια избранныхъ, 2 ὑδρίαι, βακτηρίαι, βάλανοι съ буквами отъ Λ по числу палатъ),

о цензѣ судей, о πινάκια съ буквами Α — Κ, объ опредѣленіи по жребію буквъ для палатъ,—авторъ продолжаетъ:

„А сто κιβώτια стоятъ въ [ἡλιαίᾳ] [1]) передъ [входами] [2]). [по десяти] [3]) для (καθ') каждой филы. А написаны на нихъ буквы до К. А какъ вбросятъ судьи πινάκια въ κιβώτιον, на которомъ окажется написанною та же буква, что и на πινάκιον (у каждаго изъ судей), то прислужникъ встряхиваетъ κιβώτιον, и ѳесмоѳетъ изъ каждаго κιβώτιον беретъ по одному πινάκιον. Собственникъ этого послѣдняго называется прикрѣпителемъ и онъ прикрѣпляетъ πινάκια изъ κιβώτιον на жердь, обозначенную тою же буквою, какъ и данный κιβώτιον. Избирается этотъ человѣкъ жребіемъ, *чтобы не было злоупотребленій со стороны одного постояннаго прикрѣпителя*. А имѣется жердей [пять] [4]) въ каждомъ κληρωτήριον.

Вбросивъ кости, архонтъ приступаетъ къ избранію жребіемъ (судей изъ) филы по (очереди, сначала въ одномъ, потомъ въ другомъ) κληρωτήριον. А кости — мѣдныя: черныя и бѣлыя. Сообразно количеству необходимыхъ къ избранію судей вбрасываются бѣлыя кости, по одной на пять πινάκια, да и черныя такимъ же способомъ. А какъ онъ вынетъ кости, глашатай выкликаетъ избранныхъ. А входитъ и прикрѣпитель въ ихъ число. Выкликнутый (кандидатъ въ судьи) вытаскиваетъ βάλανος изъ ὑδρία, и, протянувъ ее, держа букву вверху, показываетъ сначала эту послѣднюю приставленному здѣсь архонту. Архонтъ же, какъ увидитъ ее, бросаетъ πινάκιον (кандидатскій) въ κιβώτιον, на которомъ значится та же буква, что и на βάλανος, *чтобы (судья) шелъ въ судебную палату, которая ему придется по жребію, а не въ ту, куда онъ самъ захочетъ, а также, чтобы нельзя было замѣстить палату лицами, которыхъ кто-нибудь захотѣлъ бы*. А стоитъ около архонта столько κιβώτια, сколько предполагается заполнить палатъ, и на каждомъ (изъ этихъ κιβώτια) обозначена буква, выпавшая по жребію той или иной палатѣ".

Послѣ этого отрывка, который теперь возстановленъ почти безупречно и даетъ связную и ясную картину, слѣдуетъ небольшая (въ 2 строки) лакуна, въ которой ясно лишь слово ὑ]πηρέτῃ. Здѣсь, какъ

---

[1]) Не принимаемое Блассомъ дополненіе W.-K.[2].

[2]) Подобное же дополненіе Teusch'a.

[3]) Необходимое, на нашъ взглядъ, дополненіе.

[4]) Blass: erant bina cuique tribui κληρωτήρια. Въ изданіяхъ Hauss., W.—K., H.—L., K[3].: δέκα. Конечно, Блассъ правъ. Ср. LXIII,2.

видно изъ дальнѣйшаго, говорилось, что судья показываетъ жолудь прислужнику. Далѣе опять текстъ связный и ясный:

„Прислужникъ же даетъ (судьѣ) βακτηρία того же цвѣта, какъ и судебная палата, на которой та же буква, какъ и на βάλανος, чтобы онъ непремѣнно вошелъ въ доставшуюся ему по жребію палату: *если бы онъ вошелъ въ другую, его обличилъ бы цвѣтъ* βακτηρία. Вѣдь у каждой изъ палатъ накрашена особая краска на σφηκίσκος у входа.

Взявъ же βακτηρία, онъ идетъ въ палату, одноцвѣтную съ βακτηρία и имѣющую ту же букву, что и βάλανος. А какъ онъ войдетъ, онъ получаетъ изъ казны σύμβολος отъ (лица), по жребію на это дѣло опредѣленнаго"... Двѣ строки далѣе содержатъ обрывки фразы, упоминающей вновь βάλανος и βακτηρία.

Далѣе говорится:

„Не выбраннымъ при баллотировкѣ прикрѣпители отдаютъ πινάκια. Прислужники же казенные изъ каждой филы подаютъ κιβώτια — въ каждую палату по одному (κιβώτιον), въ которомъ имѣются имена данной филы, приходящіяся на каждую палату. Передаютъ же они по счету πινάκια тѣмъ лицамъ, которымъ по жребію выпало отдавать ихъ судьямъ, чтобы, основываясь на этихъ (πινάκια), отдавать жалованье. А какъ всѣ (κιβώτια) по палатамъ будутъ розданы, то въ первой изъ палатъ ставятся два κληρωτήρια и мѣдныя кости, на которыхъ накрашены краски палатъ, и другія кости, на которыхъ написаны имена начальствъ (архонтовъ). А избранные по жребію два θесмоθета отдѣльно вбрасываютъ тѣ и другія кости, одинъ—окрашенныя въ одно κληρωτήριον, другой (кости съ обозначеніемъ начальствъ) въ другое κληρωτήριον. А потомъ бросаютъ жребій. И которому изъ начальствъ первому выпадетъ жребій, то и выкликается глашатаемъ, и оно можетъ первымъ воспользоваться палатою, выпавшею по жребію, второму (приходится пользоваться)—вторымъ, и такъ далѣе всѣмъ остальнымъ, *чтобы ни одно изъ начальствъ не знало, какой ему палатою придется завѣдывать, но чтобы оно завѣдывало тѣмъ, которое ему выпадетъ по жребію.* А какъ придутъ и будутъ подѣлены по палатамъ кандидаты, тогда начальство, стоящее во главѣ каждой палаты, вытаскиваетъ изъ каждаго κιβώτιον по одному πινάκιον, чтобы ихъ набралось десять, по одному изъ каждой филы, и вбрасываетъ эти πινάκια въ другое пустое κιβώτιον. И изъ нихъ по жребію избираетъ онъ первыхъ, одного къ водѣ, четверыхъ другихъ къ ψῆφοι, *чтобы никто не подготовилъ ни того, кто назначается къ водѣ, ни того, кто назначается къ* ψῆφοι *и чтобы не было здѣсь какого-нибудь злоупотребленія.*

Не избранные же пятеро получають отъ [казначея]........, по которому они потомъ берутъ жалованье. Берутъ же его въ порядкѣ (тамъ), гдѣ каждая изъ филъ, въ каждой изъ палатъ, по жребію должна получать, вскорѣ послѣ того, какъ только отсудятъ, и стоя на нѣкоторомъ разстояніи другъ отъ друга, по два или по три, чтобы многіе, стиснувшись въ одномъ мѣстѣ, не затрудняли другъ друга. А когда все это уже сдѣлано, то вызываютъ обѣ стороны (если судятъ частное дѣло— частныхъ истцовъ) въ томъ порядкѣ (τῷ ἀριθμῷ?), который по закону полагается для каждой тяжбы, и обѣ тяжущіяся стороны принимаютъ присягу говорить только къ дѣлу. Если же дѣло разбирается государственное, то призываются государственные обвиняемые, и ихъ, по одному, подвергаютъ суду. Есть же тутъ клепсидры, имѣющія шейки для вытеканія воды; въ нихъ вливаютъ воду, по (количеству) которой полагается говорить въ тяжбахъ. Дается же δεκάχους для тяжебъ о 5.000 драхмъ и τρίχους для послѣдней рѣчи, ἑπτάχους же для тяжебъ до 5.000 и δίχους, а πεντάχους для ἔνμηνοι и δίχους, ἑξάχους же для διαδικασίαι, при которыхъ послѣдняя рѣчь не полагается. Приставленный къ водѣ, въ началѣ, временно захватываетъ шейку, когда письмоводителю понадобится прочесть законъ или свидѣтельство или что-либо подобное. Если же тяжба ведется въ „отмѣренный день", тогда онъ шейки не захватываетъ, а дается равное количество воды обвинителю и обвиняемому".

За этимъ мѣстомъ слѣдуетъ самая большая изъ оставшихся въ текстѣ трактата лакунъ, о содержаніи которой можно лишь догадываться. Часть этой лакуны заполнена въ настоящее время на основаніи свидѣтельствъ лексикографовъ:

„(Помимо частей, назначавшихся) для истцовъ и отвѣтчиковъ, приставленный къ водѣ отмѣрялъ, въ важнѣйшихъ дѣлахъ, еще равную (предыдущимъ) часть для голосованія судей, и день дѣлился на три части. Важнѣйшими же изъ тяжебъ считаются тѣ, въ которыхъ наказаніемъ являются узы, или смерть, или безчестіе, или конфискація имущества, или же гдѣ судъ долженъ опредѣлить видъ наказанія или штрафа. А большинство палатъ изъ 501, которымъ передаются обычныя дѣла; если же нужно судить по государственнымъ обвиненіямъ, сходятся двѣ палаты въ ἡλιαία....., а въ 1500—три палаты. Ψῆφοι же мѣдныя, съ шейкою по серединѣ; половина ихъ продырявленныя, половина цѣльныя. А избранные къ ψῆφοι, какъ только сказаны будутъ рѣчи, передаютъ каждому изъ судей двѣ ψῆφοι, про-

дырявленную и цѣльную, на виду у тяжущихся, *чтобы не брались ни одни лишь цѣльныя, ни одни лишь продырявленныя.* И отдавъ βακτηρία........ голосующій беретъ мѣдный σύμβολος съ (обозначенною на ней буквою) γ: дѣло въ томъ, что, по отдачѣ его, онъ получаетъ три (γ) обола. И голосуютъ всѣ: *никому нельзя получить* σύμβολος *безъ голосованія.* И имѣются въ палатѣ двѣ амфоры, одна мѣдная, другая деревянная, разборныя, чтобы (заранѣе не набросали?) въ нихъ ψῆφοι. Ими судьи пользуются для голосованія. Изъ нихъ мѣдная — рѣшающая, деревянная — провѣрочная. У мѣдной надставка съ плетенкою для прохода только одной ψῆφος, чтобы никто не вбросилъ двухъ. А какъ судьи соберутся подавать голоса, глашатай сначала возглашаетъ: „Не протестуютъ ли тяжущіеся противъ свидѣтельствъ; вѣдь, какъ начнется голосованіе, тогда уже нельзя протестовать". Затѣмъ онъ снова возглашаетъ: „Продырявленная въ пользу раньше говорившаго, цѣльная въ пользу позже говорившаго". Судья тогда беретъ вмѣстѣ обѣ ψῆφοι за шейки, зажимая шейку и не показывая тяжущимся ни продырявленную, ни цѣльную, и бросаетъ рѣшающую въ мѣдную амфору, а провѣрочную въ деревянную. А какъ всѣ отдадутъ свои голоса, то прислужники высыпаютъ рѣшающую амфору на счетную доску, снабженную отверстіями по числу ψῆφοι, чтобы онѣ были здѣсь разложены и удобны для подсчета, и чтобы всѣ продырявленныя были ясно видны тяжущимся. А приставленные по жребію къ ψῆφοι сосчитываютъ ихъ на счетной доскѣ, отдѣльно цѣльныя и отдѣльно продырявленныя. И глашатай возглашаетъ число ψῆφοι: за истца — продырявленныхъ, за отвѣтчика — цѣльныхъ: у кого ихъ больше, тотъ одерживаетъ верхъ, если же онѣ равны, то отвѣтчикъ (оказывается правымъ). Затѣмъ опять опредѣляютъ размѣры штрафа, если это нужно, подавая голосъ тѣмъ же способомъ, отдавая σύμβολος и получая обратно βακτηρία. Опредѣленіе это производится тою и другою стороною въ теченіе ἡμίχους воды. А какъ они все отсудятъ по законамъ, они получаютъ жалованье въ томъ отдѣлѣ, который каждому выпалъ по жребію".

Вотъ картина аѳинскаго судоустройства, открывающаяся передъ нами теперь на тѣхъ страницахъ трактата, которыя, въ первые моменты послѣ нахожденія его, казались безнадежно искалѣченными и непонятными.

Лишь теперь мы можемъ ясно представить себѣ всю сложную процедуру судебной жеребьевки въ Аѳинахъ, не нашедшую себѣ

пока еще разъясненія ни въ одномъ изъ курсовъ древностей, ни даже у Teusch'a, который многое предугадалъ, но не могъ еще воспользоваться даже матеріаломъ второго изданія Бласса.

Комбинируя то, что сообщается въ трактатѣ, мы можемъ разбить всю процедуру, излагаемую Аристотелемъ, на нѣсколько пріемовъ.

1) Архонтъ производитъ жеребьевку въ обоихъ κληρωτήρια своей филы. Сначала въ одномъ κληρωτήριον происходитъ разборка πινάκια изъ κιβώτια на буквы А до Е, потомъ въ другомъ—Z до К. Πινάκια нанизываются на жерди. Передъ архонтами стоитъ сосудъ для бѣлыхъ и черныхъ костей. Представимъ себѣ, что баллотируется 500 кандидатовъ, а нужно только 50 судей; въ этомъ случаѣ бѣлыхъ костей бросается въ сосудъ 10, а черныхъ 90; каждому вынутому бѣлому соотвѣтствуютъ 5 избранныхъ, а черному—пять неизбранныхъ. Избранные берутъ свое πινάκιον, подходятъ къ ὑδρία, вынимаютъ оттуда βάλανος съ буквою судебной палаты Λ, M, N, и т. д. и показываютъ архонту. Архонтъ отбираетъ πινάκιον и бросаетъ его въ одно изъ ἕτερα κιβώτια (LXIII,з), отмѣченное тою же буквою, что и βάλανος. Послѣ работы, произведенной въ томъ же родѣ во всѣхъ филахъ, получается для каждой палаты по десяти κιβώτια съ πινάκια судей. Чтобы было нагляднѣе, гдѣ кто изъ судей долженъ засѣдать, каждый изъ нихъ, кромѣ жолудя съ буквою, получаетъ еще палку, выкрашенную въ тотъ или иной цвѣтъ: палаты различаются не только по буквамъ, но и по цвѣтамъ.

Теперь судьи для палатъ опредѣлены. Кто же будетъ предсѣдательствовать въ палатахъ? Для этого требуется новый пріемъ.

2) Изъ числа ѳесмоѳетовъ по жребію выбираются двое. Предположимъ, что имъ нужно избрать предсѣдателей для трехъ палатъ. Они опускаютъ въ одинъ κληρωτήριον (здѣсь въ смыслѣ сосуда) три кости, окрашенныя въ цвѣта палатъ, а въ другой κληρωτήριον кладутъ кости съ обозначеніемъ ѳесмоѳетовъ. Одновременно вынимаемыя изъ обоихъ сосудовъ кости обозначаютъ распредѣленіе предсѣдателей.

3) Третій пріемъ служитъ для выбора лицъ, исполняющихъ разныя отвѣтственныя обязанности въ день суда. Для этого въ палату, напримѣръ Δ, вносятся всѣ κιβώτια (второго образца) съ надписью Δ. Избранный жребіемъ архонтъ беретъ изъ нихъ наугадъ по одному πινάκιον и бросаетъ его въ ἕτερον κενὸν κιβώτιον (уже третьяго образца!). Вынутыя отсюда πινάκια опредѣляютъ обязанности ихъ собственниковъ сообразно порядку, въ которомъ πινάκια оказываются вынутыми.

Такова излагаемая здѣсь Аристотелемъ сложная система жеребьевокъ, выработавшаяся въ аѳинскихъ судахъ къ концу IV вѣка.

Изъ характера изложенія у Аристотеля можно догадаться, почему авторъ трактата удѣлилъ чрезвычайное вниманіе этому вопросу. Нами выше подчеркнуты въ нашемъ переводѣ нѣкоторыя фразы. повидимому нарочно повторенныя авторомъ. ***Вся третья часть трактата, посвященная аѳинскому суду, предназначена была представить образецъ учрежденія, которое, искусственною комбинаціею случайностей жеребьевки, должно было изгнать и самую мысль о возможности лицепріятія въ судѣ и преднамѣренности въ выборѣ тѣхъ или иныхъ судей для того или иного дѣла.***

А. М. Ловягинъ.

О ДВУХЪ РОДОССКИХЪ НАДПИСЯХЪ.

Надписи, о которыхъ здѣсь будетъ идти рѣчь, помѣщены въ сборникѣ барона Гиллера фонъ Гертрингена (Inscriptiones graecae insularum maris Aegaei. Fasciculus primus, Berol., 1895) подъ №№ 782 и 789.

№ 782. Эта надпись подобно №№ 779, 780, 781 и 783 вырѣзана на одной изъ скалъ, составляющихъ склонъ линдійскаго акрополя, обращенный къ древнему городу. О №№ 780 и 783 мнѣ уже приходилось говорить въ „Очеркахъ древней топографіи о. Родоса“ (Казань, 1892, 46—50). Всѣ пять надписей читаются съ большимъ трудомъ потому, что искусственные знаки (буквы) тѣсно переплетаются съ естественными, явившимися результатомъ атмосферическихъ вліяній; эстампажировать ихъ весьма трудно и полагаться на эстампажъ опасно. Чтобы удовлетворительно прочесть эти надписи, надо читать ихъ при разныхъ освѣщеніяхъ солнца (утромъ, въ полдень и подъ вечеръ), долго останавливаясь на каждомъ знакѣ. По словамъ линдійца Адельфіу [1]), упоминаніе о которомъ довольно часто встрѣчается въ сборникѣ Гиллера, много дней понадобилось послѣднему для того, чтобы добиться правильнаго чтенія указанныхъ надписей, причемъ пришлось прибѣгнуть и къ искусственнымъ приспособленіямъ [2]).

Прежде чѣмъ обратиться къ № 782, считаю нелишнимъ замѣтить, что во время своего вторичнаго путешествія по о. Родосу (лѣтомъ 1900 г.), посѣтивъ Линдъ, я обратилъ самое тщательное вниманіе на изслѣдованіе того, правильны ли чтенія Гиллера: γιοπόνος и εὔ[ρ]ῦ въ №№ 780 vs. 1 и 783 vs. 1. Эти чтенія слѣдуетъ считать едини-

---

[1]) Въ домѣ этого грека-проводника, прекрасно знающаго восточную половину о. Родоса, квартировалъ около мѣсяца съ половиной Гиллеръ.

[2]) Намекъ на это содержится въ словахъ Гиллера къ № 779.

ственно правильными. Размѣръ трехъ первыхъ буквъ слова γιοκόνος не одинаковъ: высота „γ"=0,10 м., „ο" нѣсколько выше, а „ι"=0,11 м., причемъ послѣдняя буква, находясь внизу на одномъ уровнѣ съ другими, въ верхней части выше остальныхъ.

Въ первомъ словѣ № 783 vs. 1 между двумя „υ" еле замѣтенъ вверху остатокъ кружка отъ буквы ρ, между тѣмъ какъ вертикальная черта этого знака сливается съ естественными углубленіями камня.

Перехожу къ № 782. Въ ней, какъ въ упомянутыхъ выше четырехъ надписяхъ, рѣчь идетъ объ одномъ и томъ же лицѣ, о жрецѣ Аѳины Линдійской *Аглохартѣ*, сынѣ Міонида.

Въ различныхъ выраженіяхъ восхваляется заслуга Аглохарта, состоявшая въ томъ, что онъ развелъ оливковыя деревья у подножья линдійскаго акрополя, въ мѣстности крайне неблагопріятной для какой бы то ни было растительности. Сдѣлать это здѣсь онъ могъ, лишь искусственно устроивъ насыпь изъ земли, какъ это можно теперь наблюдать на участкѣ одного линдійца въ другомъ мѣстѣ, гдѣ среди скалъ на искусственной насыпи посажены смоквы и виноградъ. Съ этой цѣлью произведенныя затраты, о которыхъ, повидимому, идетъ рѣчь въ послѣднемъ стихѣ № 782, были значительны. Вся надпись содержитъ слѣдующіе четыре стиха:

Τὴν Ῥόδου εἰναλίης μ' ἐσιδ . . φιλον ἔνθεον ἄ[κ]ρ[ην,
ἣν μούνη σφετέρην θῆ[κ]α[τ]ο Τριτογενή[ς·
Θάμβησον δ' εὑρὼν θαλεραῖς κομάουσαν ἐλαίαις,
Ἀγλωχάρτου ἐαῖς στεφαμέ[νου δαπ]ά[ν]αις.

Надъ возстановленіемъ надписи, кромѣ Гиллера, трудились Пернисъ, Якобсъ, Кайбель и Виламовицъ, но первый стихъ остался все-таки не вполнѣ разгаданнымъ. Въ примѣчаніи къ нему у Гиллера читаемъ: „Vs. 1 μ' ἐσιδ[ὲ] latet [1]); adiectivum incertum est".

Дѣйствительно, вполнѣ естественно предполагать здѣсь повелительное наклоненіе въ соотвѣтствіи съ третьимъ стихомъ, гдѣ читаемъ „Θάμβησον". Принимая чтеніе: „ἔσιδ'", въ слѣдующемъ словѣ я склоненъ былъ бы видѣть: „[ὀμ]φ[α]λόν", т. е., не прилагательное, а существительное, не нарушающее размѣра и дающее удовлетворительный смыслъ. Извлечь изъ чтенія эпиграфической копіи:

ΙΥΦΙΛΟΝ

какое-либо подходящее прилагательное—трудно.

---

[1]) μ' ἐσιδ[ὲ], конечно, опечатка или описка вмѣсто μ' ἔσιδ[ε].

Въ третьемъ стихѣ интересно отмѣтить форму „κομάουσαν", не „κομόωσαν" (съ ассимиляціей или такъ называемой дистракціей гласныхъ), какъ можно было бы ожидать на основаніи извѣстнаго эпитета ахеянъ, столь часто встрѣчающагося въ Иліадѣ постоянно въ формѣ „κάρη κομόωντες". Гипотеза Вакернагеля [1]), объяснявшаго появленіе подобнаго рода формъ просто ошибками „τῶν μεταγραψαμένων", которыя затѣмъ подвергались для возстановленія нарушеннаго размѣра неудачнымъ исправленіямъ, заслуживаетъ полнаго вниманія, и въ лицѣ II. Кауера нашла себѣ усерднаго защитника. На стр. 68 своихъ „Grundfragen der Homerkritik" (1895) онъ говоритъ: „переписчики, которымъ было хорошо знакомо аттическое нарѣчіе. безсознательно замѣняли древнія (полныя) формы (напримѣръ, μνάεσθαι, ὁράω, μνάοντο, ὁράοιτε) сокращенными (μνᾶσθαι, ὁρῶ, μνῶντο, ὁρῷτε), нарушавшими, однако, размѣръ, для возстановленія котораго послѣдующее поколѣніе прибѣгло къ протяженію и создало тѣ уродливыя образованія, на которыя такъ долго пришлось досадовать наукѣ: μνάασθαι, ὁρόω, μνώοντο, ὁρόῳτε. *Эта теорія* встрѣчаетъ все болѣе и болѣе общее признаніе" [2]).

Постараюсь дать точный переводъ всего „ἐλεγεῖον": „Взгляни на меня, полную (присутствія) божества вершину, средину приморской части Родоса, (на вершину), которую одна лишь Тритогенія сдѣлала своею! Изумись, найдя (ее) красиво поросшей цвѣтущими оливками. послѣ того какъ Аглохартъ на свой счетъ (деревьями, какъ вѣнкомъ, ее) украсилъ"! „Ῥόδου εἰναλίης" въ первомъ стихѣ я понимаю не въ смыслѣ „Родоса, лежащаго на морѣ", но въ смыслѣ „береговой части о. Родоса". Скала линдійскаго акрополя находится приблизительно по срединѣ восточнаго побережья острова, почему авторъ стихотворенія и могъ назвать ее „ὀμφαλός".

По характеру письма ἐλεγεῖον относится къ III вѣку по Р. Хр.

№ 789. При въѣздѣ въ Линдъ есть бѣдная часовня Παναγία Φανερωμένη. Мраморная доска, на которой вырѣзана надпись № 789, была раньше вдѣлана въ полъ часовни, теперь лежитъ у входа въ нее. Полный перечень изданій памятника данъ Диттенбергеромъ Sylloge

[1]) Beiträge zur Kunde der indogerm. Sprachen herausgeg. von *Ad. Bezzenberger*, IV (1878) „Die epische Zerdehnung" *Jac. Wackernagel*, 259—312.

[2]) Особаго вниманія заслуживаетъ вся третья глава „Die erste Niederschrift" (стр. 69—98) указаннаго сочиненія.

inscr. gr.[2] № 567. У меня есть эстампажъ и копія И. Макри, линдійскаго уроженца, который, будучи юношей, увлекся копированіемъ надписей Линда. Записная книжка, въ которую онъ вносилъ эти копіи, относится къ 1872 г. Лѣвый край памятника сверху (кончая 6-й строкой) ко времени путешествія Гиллера былъ отбитъ, чего еще не было въ 1872 г., такъ что Макри могъ скопировать буквы, которыхъ не видѣлъ уже Гиллеръ. Копія Макри интересна тѣмъ, что даетъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ иныя сравнительно съ копіей Росса (Ross de Bladensburg) чтенія. Копія Росса, изданная Фукаромъ, одна изъ всѣхъ извѣстныхъ въ печати, воспроизводитъ надпись въ той ея части, которая потомъ пропала. Вмѣсто ΙΕΣ въ 3-й строкѣ у Макри дано чтеніе ΕΣ, вмѣсто ΤΝ въ 5-й—ΓΝ, вполнѣ правильное; кромѣ того, первое слово первой строки читается у Макри:

/ ΓΑΟΑ

По характеру письма надпись эту можно отнести ко II вѣку по Р. Хр. Буквы ея, при сравненіи съ другою родосскою надписью несомнѣнно I вѣка по Р. Хр. (письмо Нерона въ Ath. Mitth. XX, 386 сл.), должны быть признаны болѣе поздними[1]).

Относительно отдѣльныхъ чтеній надписи можно замѣтить слѣдующее: во 2-й строкѣ чтеніе „πα[ρ]ιν[α]ι“ — несомнѣнно (сохранившаяся черта буквы ρ слишкомъ близко прямыкаетъ къ слѣдующей буквѣ, чтобы предполагать между ними „ε“); Дильсъ предлагаетъ читать πα[ρ]ῖν[α]ι=παρεῖναι, Диттенбергеръ πα[ρ]ὶν[α]ι=παριέναι[2]). Такъ какъ παριέναι и παρεῖναι одинаково соединяются съ предлогомъ εἰς[3]), то нельзя рѣшить, какой изъ двухъ глаголовъ имѣли въ виду составлявшіе и читавшіе религіозное постановленіе, въ которомъ онъ встрѣчается; смыслъ же получается одинъ и тотъ же въ томъ и другомъ случаѣ. Въ 3-й строкѣ вмѣсто чтенія ε[ἰ]ς на основаніи ΙΕΣ копіи Росса можно читать ἐς на основаніи копіи Макри, въ 4-й вмѣсто [γ]νώμην—γνώμην, какъ даетъ та же копія.

Отъ вниманія Диттенбергера не ускользнуло то обстоятельство, что послѣдняя строка надписи не окончена[4]). Если вѣрить суще-

---

[1]) У *Мишеля*, Recueil d' inscr. grecques № 723 „II• s. *av.* J.—C.“, конечно, опечатка вм. „II• s. *ap.* J.—C.“.

[2]) О формѣ ἶναι, кромѣ ссылки Диттенбергера, см. *Kühner-Blass*, Ausführl. Gramm. der gr. Spr. II, 216.

[3]) πα[ρ]ιν[α]ι αἰσίως | ε[ἰ]ς τὸ ἱε[ρ]όν.

[4]) Примѣч. 10 къ № 567: Desideratur hic dierum numerus, nescio quo pacto.

ствующимъ копіямъ надписи (не исключая копіи Макри), то на камнѣ послѣ словъ „ἀπὸ παρθενείας" ничего не было вырѣзано.

Здѣсь вполнѣ кстати будетъ дать переводъ всего эпиграфическаго памятника, представляющаго религіозное постановленіе относительно того, какія условія требуются благочестіемъ отъ вѣрующихъ при посѣщеніи святилища [1]):

„Въ добрый часъ!

Послѣ чего слѣдуетъ являться въ святилище въ положенное время: самое первое и главное—чистымъ руками и мыслью, здоровымъ и ничего ужаснаго за собой не знающимъ; и кромѣ того: послѣ (вкушенія) чечевицы по истеченіи трехъ дней, послѣ козьяго (мяса) по истеченія трехъ дней, послѣ сыра по истеченіи одного дня, послѣ вытравленія плода черезъ сорокъ дней, послѣ похоронъ домашнихъ черезъ сорокъ дней, послѣ сожительства обычнаго—въ тотъ же день, окропившись (для очищенія) и предварительно умастившись масломъ, послѣ (сожительства) дѣвичьяго...".

Ясно, что въ послѣдней строкѣ не хватаетъ указанія на то, по истеченіи какого срока можно посѣщать святилище тѣмъ мужчинамъ, которые вступали въ связь съ дѣвушками, или тѣмъ дѣвушкамъ, которыя въ первый разъ узнавали мужчинъ.

При личномъ изслѣдованіи памятника мнѣ пришлось убѣдиться, что на камнѣ было упомянутое указаніе, такъ какъ нѣкоторыя черты буквъ послѣ словъ „ἀπὸ παρθενείας", хотя и съ большимъ трудомъ, но разобрать можно; видны онѣ и на эстампажѣ.

Въ виду этого 18-ю строку надписи я предложилъ бы читать слѣдующимъ образомъ: ἀπὸ παρθενείας [ἡμε(ρῶν) μ'], т. е. черезъ сорокъ дней, какъ послѣ вытравленія плода, такъ и послѣ похоронъ въ своей семьѣ.

Παρθενείας я принимаю за прилагательное, при которомъ подразумѣвается извлекаемое изъ 14-й строки существительное συνουσία. Въ предписаніи различаются: 1) συνουσία νόμιμος и 2) συνουσία παρθενεία.

По мнѣнію Диттенбергера (прим. 8), первымъ терминомъ обозначается едва-ли coitus состоящихъ въ законномъ бракѣ, скорѣе—всякое нормальное соединеніе въ отличіе отъ противоестественнаго. Мнѣ кажется, въ данномъ случаѣ подъ συνουσία νόμιμος разумѣется „обык-

---

Sine dubio eis quae primum virum expertae erant paullo longius tempus donec fanum intrare liceret praescribebatur quam in alia qualibet συνουσίᾳ νομίμῳ usitatum erat.

[1]) Какого, въ надписи не говорится; можетъ быть, Аѳины Линдійской?

новенное, обычное соединеніе" мужчины съ женщиной, потерявшей раньше дѣвство, въ отличіе отъ „соединенія дѣвичьяго" (παρθενεία) съ женщиною-дѣвственницей.

Религіозныя предписанія такого же типа, какъ въ нашей надписи, встрѣчаемъ и въ другихъ эпиграфическихъ памятникахъ, напримѣръ, Dittenberger, Sylloge², №№ 633 (аттическая надпись той же эпохи. какъ и разбираемая), 566 (пергамская). Въ первой изъ нихъ (строка 7-я) предписывается послѣ вытравленія плода столько же дней воздерживаться отъ посѣщенія храма, сколько и въ родосской (ἀπὸ φθορᾶς ἡμερῶν τετταράκοντα); такой же срокъ, какъ въ послѣдней, предписывается и „ἀπὸ γυναικός": λουσαμένους δὲ κατακέφαλα αὐθημερὸν εἰ[σπορεύ]εσθαι (строка 4-я); во второй надписи дается позволеніе уже на другой день послѣ похоронъ входить въ храмъ (строка 7-я), между тѣмъ какъ въ родосской только по прошествіи сорока дней.

С. Селивановъ.

ЗАМѢТКИ КЪ ЛАТИНСКИМЪ ПОЭТАМЪ.

I.

Prop. II 17, 9—12: Durius in terris nihil est quod vivat amante, Nec, modo si sapias, quod minus esse velis: *Quem modo felicem invidia admirante ferebant*, Nunc decimo admittor vix ego quoque die.

Въ 11-мъ стихѣ поражаетъ полное отсутствіе цезуры. Мы думаемъ, что слѣдуетъ возстановить порядокъ словъ: „Felicem invidia modo quem admirante ferebant". Сперва, повидимому, выпало „modo": оно было приписано въ началѣ строки. Затѣмъ, чтобы получить хоть подобіе гекзаметра, перенесли „quem" на первое мѣсто.

Прибавимъ, относительно содержанія, что переводить „invidia admirante" словами: „съ умиленною завистью" значитъ насиловать латинскій языкъ. При непредубѣжденномъ чтеніи каждый истолкуетъ подлинникъ такъ: „причемъ зависть удивлялась" (II 26, 21 сл.: „Nunc admirentur, quod tam mihi pulchra puella Serviat)". Не писать-ли, стало быть, большою буквою: „felicem Invidia—admirante ferebant"? Богиня зависти недовѣрчиво и удивленно относилась къ тому, что есть такой любящій, котораго единогласно признаютъ счастливымъ. Отклонили бы мы конъектуры (напр.: „Quem modo felicem *lingua* [1]) admirante ferebant" или: „Felicem Invidia modo quem *maerente* ferebant").

II.

Prop. II 30, 19—22: Non *tamen immerito* Phrygias nunc ire per undas Et petere Hyrcani litora *nota* maris Spargere et alterna communes caede penates Et ferre ad patrios praemia dira Lares.

---

[1]) Ср. 32, 25 (II 18, 37 sq. и II 21, 7).

Ротштейнъ предполагаетъ, что Проперцій сперва обращается въ этой элегіи къ нѣкоему несчастному въ любви *другу*, который „seinem Liebesgram durch Beteiligung an einer Expedition nach dem Orient entfliehen will", потомъ внезапно забываетъ о „другѣ" и съ 13-го стиха говоритъ о своихъ личныхъ дѣлахъ въ такомъ тонѣ, какъ будто именно о нихъ шла раньше рѣчь („Ista senes licet accusent convivia duri" eqs.), но далѣе снова почему-то (собственно безъ *всякихъ* мотивовъ) возвращается къ „другу" (vv. 19—22), однако съ тѣмъ только, чтобы окончательно заняться собственными отношеніями къ Кинѳіи (vv. 23—40).

На дѣлѣ никакого „друга" Проперцій въ стихотвореніи не упоминаетъ, а бесѣдуетъ v. 1 sqq. съ самимъ собой: „Quo fugis, a! demens? nulla est fuga: tu licet usque Ad Tanaim fugias, usque sequetur Amor" и т. д. [1]). Разъяснивъ себѣ съ полной убѣдительностью, что бѣгствомъ не только отъ Эрота не спасешься, но доведешь его до ожесточеннаго проявленія своей власти, онъ продолжаетъ (11 sq.): „*At* [2]) si iam pecces, deus exorabilis ille est, Si modo praesentis viderit esse preces", т. е.: „Но откажись отъ сопротивленія его соблазну, и тотчасъ Эротъ снисходитъ къ твоимъ мольбамъ, лишь бы онъ видѣлъ, что онѣ того (художественностью) заслуживаютъ [3]). Затѣмъ слѣдуетъ (13—18): „Будемъ же здѣсь, душа моя, на зло старикамъ пировать", и вотъ къ этому примыкаютъ стихи, выписанные въ началѣ настоящаго параграфа.

Любопытно для оцѣнки рукописи *N*, что только въ ней и сохранилось лишенное смысла „Non tamen immerito" [4]), тогда какъ въ прочихъ кодексахъ это замѣнено интерполяціей: „Nunc tu (либо: iam), dura, paras", на чемъ въ свою очередь Скалигеръ построилъ вульгату:

---

[1]) Лахманъ былъ того мнѣнія, что поэтъ говоритъ тутъ съ Кинѳіей. Правильнѣе Герцбергъ: „versibus... 1 — 30 secum interloquentem fingi poetam certum est".

[2]) Такъ уже I. H. Voss. Въ рукописяхъ: *Et* (Бурманъ и Лахманъ: *Sed*).

[3]) То есть, что онѣ способны привлечь и достойны снискать взаимность. Praesentes preces=carmina efficacia, blanda. Ср. III, 2, 13: carmina cara legenti. Ovid. *Am.* I, 3, 20: causa carmina digna sua. Относительно *preces* ср. *Филол. Обозр.* XVII, 119, пр. 59. Касательно *praesens* cf. Cic. *Tusc.* I 28; Hor. *c.* I. 35, 2 и т. д.

[4]) Ротштейнъ ставитъ послѣ *immerito* восклицательный знакъ и утверждаетъ, что эти слова относятся къ „Gesamtbild der Lage" мнимаго „друга", котораго-де „несчастье" поразило „nicht ohne eigene Schuld". Въ дальнѣйшемъ берлинскій ученый выдаетъ *ire, petere* и т. д. за *infinitivi indignationis*.

„*Num* tu, dura, paras Phrygias nunc ire per undas". Ясно, что раціональная поправка должна изъ чтенія *N* извлечь, съ одной стороны, требуемое сказуемое, съ другой же—ожидаемое отреченіе отъ мысли объ участіи въ походѣ на дальній Востокъ. Примѣнительно къ этой задачѣ мы бы предложили:

Non *temere hinc meditor* Phrygias nunc ire per undas
Et petere Hyrcani litora *nostra* maris.

Искаженіе обусловлено, быть можетъ, тѣмъ отчасти, что *non* соединяли не съ *meditor*, какъ бы здѣсь слѣдовало (ср. II, 20, 36), а съ *temere*, что разрушало ходъ мысли. *Temere* Проперцій употребилъ потому, что выше показалъ, какъ безцѣльна была бы попытка убѣжать отъ Амора.

Въ пентаметрѣ *nota* опровергнуто хорошо Герцбергомъ, но его конъектура *nauta* вноситъ излишнее и даже сбивающее читателя слово. Прочіе домыслы (*lata*, *longa*, *nuda*, *rauca*) создаютъ совершенно безсодержательное. Что рѣчь идетъ о войнѣ (petere, sc. marte), доказывается слѣдующимъ дистихомъ, гдѣ, однако, никѣмъ еще не объяснено удовлетворительно выраженіе *alterna caede spargere* (=conspergere) *communes penates*. Мы бы остановились на догадкѣ, что поэтъ представляетъ себѣ неизбѣжною, въ случаѣ восточной экспедиціи, встрѣчу легіоновъ въ пароянской землѣ съ тѣми римлянами, которые сдались непріятелю послѣ битвы при Каррахъ и были разселены приблизительно въ Мервскомъ оазисѣ: получилось бы своего рода братоубійственное столкновеніе; оттого и сказано, повидимому, *nostra*: acumen эпитета въ томъ, что гдѣ-то въ Ирканіи есть *римскій* уголокъ, но что онъ все-таки *вражескій*. Ср. Hor. c. III, 5, 5 sqq.: Milesne Crassi coniuge barbara eqs. Только у Горація состарившіеся „socerorum in armis" забыли (правда, въ иномъ смыслѣ) Весту, а Проперцій рисуетъ себѣ ихъ какъ бы сохранившими *communes penates* съ прочими римлянами [1]).

III.

Prop. II 33, 5 sqq.: *Hic equidem* Phoebo visus mihi pulcrior ipso Marmoreus tacita carmen hiare lyra; Atque aram circum *steterant* armenta, Myronis Quattuor artificis, vivida signa, boves.

---

[1]) Не рекомендовали бы мы: „litora *inulta*".

Цицеронъ, Вергилій и Горацій [1]) употребляютъ *equidem* только съ 1-мъ лицомъ. У Тибулла и Овидія слово не встрѣчается вовсе. У Проперція это былъ бы единственный случай. Но порча не можетъ подлежать сомнѣнію, ибо *marmoreus* нельзя понимать субстантивно; дополнять же *Phoebus* изъ *Phoebo* станетъ лишь тотъ читатель, которому напередъ подсказали, что это пригодилось бы для консервативнаго комментарія. Прибавить должно, что *hic* лишено всякаго смысла: Проперцій вошелъ во дворъ, въ глубинѣ котораго стоялъ храмъ, статуя же находилась не на окруженной портикомъ *area*, а въ самомъ храмѣ [2]). Поэтому *hic* толкуютъ въ значеніи: „отсюда", чтó не выдерживаетъ тоже критики [3]).

Подходило бы:

Ecce deus Phoebo visus mihi pulcrior ipso
Marmoreus tacita carmen hiare lyra.

Въ основу эмендаціи мы положили *Hicedem*, т. е. выключили слогъ *qui*, который считаемъ интерполяціей. Напоминаемъ, что въ *V* слогъ *qui* кажется продуктомъ корректуры, а въ *D* стоитъ не „equidem", а „eadem".

Въ 7-мъ стихѣ иной предпочелъ бы, пожалуй: „*sita* erant armenta" неудачному steterant. Но искаженіе общаго смысла тѣмъ не устранилось бы. Вѣдь данныя 4 телки *не* были произведеніями Мирона. Значитъ, онѣ только *напоминали* ихъ. Это и должно быть выражено въ латинскомъ текстѣ. Мы читаемъ:

Atque aram circum *super*ant armenta Myronis
Quattuor artifices [4]), vivida signa, boves.

Итакъ, *armenta* винит. падежъ, а *boves* именительный. Теперь возстановлена симметрія съ „Phoebo-pulcrior ipso", теперь и „atque" получаетъ надлежащій смыслъ (=равнымъ образомъ).

IV.

Prop. II 32, 29—32: Sin autem longo nox una aut altera lusu Consumpta est, non me crimina parva movent. Tyndaris externo patriam mutavit amore Et sine *decreto* viva reducta domum est.

---

[1]) Hor. *S.* II 6, 53 не составляетъ исключенія, ибо подразумѣвается при „nil equidem" глаголъ въ 1-мъ л.

[2]) О другомъ изображеніи идетъ рѣчь въ стихахъ 15 sq.

[3]) Потому не можемъ удовлетвориться остроумной конъектурой Hocufft'a: „Hic *Phoebus* Phoebo" eqs.

[4]) Издалъ „artifices" уже Broukhusius.

Ротштейнъ такъ и толкуетъ это мѣсто объ ***императорскомъ*** „декретѣ“: Проперцій переноситъ, молъ, „unbedenklich“ въ миоическую эпоху распоряженія, которыя „*mögen*... etwas Alltägliches gewesen sein“ въ эпоху Августа.

Van Santen конъицировалъ: „sine *dedecore est*—domum“, Baehrens: „sine iactura“, Otto: „sine delicto“. Ѳ. Е. Коршъ предположилъ, что „decreto“ нужно производить здѣсь *a decrescendo*. Намъ приходило въ голову:

Et sine *adulterio* viva reducta domum est,

что было бы сказано въ смыслѣ: „sine adulterii nota“ (ср. „cives sine suffragio“=„c. sine suffragii ferendi iure“, и т. п.). По существу сл. Ov. Am. II, 18, 37: „Et Paris est illic et adultera, nobile crimen“; Trist. 2, 371: „Ilias ipsa quid est aliud, nisi adultera, de qua inter amatorem pugna virumque fuit?“ и т. п.

V.

Prop. II 34, 13—18: Tu mihi vel ferro pectus vel perde veneno: A domina tantum te modo tolle mea. Te socium vitae, te *corporis* esse licebit, Te dominum admitto rebus, amice, meis: Lecto te solum, lecto te deprecor uno. Rivalem possum non ego ferre Iovem.

У Бурмана (p. 464) читается: „Novi virum eruditum, qui coniecerat *socium carminis*. Sed *corporis socium* interpretor pro eo, qui continuus comes lateri adhaeret“. Postgate измѣняетъ „corporis“ (v. 15) на „pectoris“ и вслѣдствіе того „pectus“ (v. 13)—на „corpus“. Ротштейнъ усматриваетъ въ „socium corporis“ намѣренное преувеличеніе, будто бы подходящее къ тону мѣста и обозначающее „das engste körperliche Zusammensein“. Иначе сказать, онъ примыкаетъ къ толкованію Бурмана. Но ясно же, что между „corporis“ и „lecto“ (v. 17) нѣтъ вовсе требуемаго контраста. *Socius lecti* есть прежде всего *socius corporis* въ приписываемомъ Проперцію пониманіи этого слова въ данномъ случаѣ. Ротштейнъ продолжаетъ: „der ungewöhnliche Ausdruck ist durch die Anlehnung an *socium vitae* entschuldigt“. Между тѣмъ, если бы „corporis“ ***прислонялось*** къ „vitae“ въ смыслѣ эпексегетическомъ, то опять-таки не исключало бы societatem lecti. Поэтому намъ кажется, что *corporis* употреблено здѣсь въ весьма обычномъ значеніи ***мертваго*** тѣла. Если такъ, то противопоставленіе съ *vitae*, дающее, дѣйствительно, ключъ къ интерпретаціи, не нуждается уже въ разъясненіи. Ср. Hor. c. III, 9, 24: „Tecum vivere amem, tecum

obeam libens"; Ov. Met. IV 156 sq.: „quos hora novissima iunxit, Componi tumulo non invideatis eodem" и т. п. Вспомнимъ также значеніе, какое придавалось общимъ усыпальницамъ.

VI.

Prop. III 16, 1—22: Nox media, et dominae mihi venit epistula nostrae: Tibure me missa iussit adesse mora... Quisquis amator erit, Scythicis licet ambulet oris: Nemo adeo ut noceat barbarus esse volet... Sanguine tam parvo quis enim spargatur amantis Improbus? *exclusis* fit comes ipsa Venus. Quod si certa meos sequerentur funera casus [1], Talis mors pretio vel sit emenda mihi.

Здѣсь, очевидно, „exclusis" совершенно неумѣстное слово [2]): Кинѳія ночью сама же и вызвала Проперція въ Тибуръ. Думаетъ же онъ о всѣхъ опасностяхъ предстоящаго ему къ ней пути, а не о томъ, что страннымъ образомъ пришло тутъ на умъ Ротштейну [3]).

Wilh. Fischer: „ecce suis". Arth. Palmer: „et cuius sit". Мы предпочли бы:

Sanguine tam parvo quis enim spargatur amantis
Improbus? (*Ha*)*ec ausis sit* comes ipsa Venus!
Quodsi eqs.

Вѣдь именно „*audentes* forsque Venusque iuvant" (Ov. A. am. 1, 608. Ср. Tib. I, 2, 16: audendumst, fortes adiuvat ipsa Venus и т. п.). Въ данномъ же случаѣ „haec" сказано, какъ v. 7: „haec—mandata". При „ausis" подразумѣвается „nobis". Причастіе употреблено кондиціонально (вмѣсто futurum exactum).

VII.

Prop. III 21, 25—28: Illic vel *studiis* animum emendare Platonis Incipiam aut hortis, docte Epicure, tuis, Persequar aut studium linguae, Demosthenis arma, *Librorumque* [4]) tuos, *docte* [5]) Menandre, sales.

---

[1]) Markland: „Cursus".

[2]) Оно возникло подъ вліяніемъ 9-го стиха: „Peccaram semel et totum sum pulsus in annum".

[3]) Tac. *ann.* 13, 25 (объ уличномъ развратѣ Нерона), coll. Suet. *Ner.* 26. *Oth.* 2. Juvenal. 3, 278 sqq.!

[4]) Heins.: *Ludorumque* и *Mimorumque* (можно бы по этой схемѣ: *Dictorumque*). Fonteine: *Miraborque*. G. T. Suringar: *Libaboque*. Baehrens: *Ridebove*.

[5]) Heins.: *culte*. D'Orville: *compte*. Kuinoel: *munde* (coll. 4, 5, 48). Въ томъ

Studiis стоитъ при перечисленіи слишкомъ близко отъ *studium*. Кромѣ того, въ „studia Platonis" нельзя принимать родит. падежъ за *Genet. obiectivus*. Бросается далѣе въ глаза нескладность сопоставленія: „animum emendare Platonis *studiis* aut Epicuri *hortis*". Всѣ эти изъяны устраняются, если принять поправку Бруккузія „*stadiis*", о которой см., напр., комментарій Герцберга, стр. 371 сл.

Менѣе тяжки прочіе недостатки, приписанные у Лахмана 25-му стиху, а именно, что *vel* неправильно употреблено въ соотвѣтствіи съ *aut* (ср., напр., Verg. Aen. VI. 841—844) и что *illic* не можетъ значить „въ Аѳинахъ", когда о нихъ не было еще рѣчи, а предшествовало „Theseae bracchia longa viae" (но ср. съ Герцбергомъ Prop. I 17, 19 и I 19, 7).

Зато съ вульгатой 28-го стиха трудно примириться. Не только тожество эпитетовъ Эпикура и Менандра озадачиваетъ, но *librorum* представляется страннымъ, такъ какъ *читать* тексты комедій ничего не мѣшало Проперцію въ Италіи. Ясно, что ему было недостаточно „stipare Platona Menandro" (Hor. Sat. II, 3, 11), а онъ хотѣлъ, если попадетъ въ Аѳины, то съ одной стороны „inter silvas Academi quaerere verum" (Hor. Epist. II, 2, 45), съ другой же—услышать *сценическое* исполненіе греческихъ подлинниковъ Менандровыхъ комедій. Наконецъ, „librorum tuos sales" (вмѣсто: „librorum tuorum sales")— не въ манерѣ нашего автора: приводимыя параллели, собственно, не подходятъ.

Мы бы читали:

> Persequar aut studium linguae, Demosthenis arma
> Libr*an*tumque tuos *a*rte, Menandre, sales.

Такимъ образомъ эмендація, какъ намъ кажется, требуетъ прежде всего уничтоженія запятой послѣ *arma*, вслѣдствіе чего *studium linguae* (= exercitatio dicendi) признавалось бы обнимающимъ „arma Demosthenis" и „arma librantium arte sales Menandri", т. е. ораторское искусство приводилось бы въ обычное (вспомнимъ Цицерона) сближеніе съ искусствомъ актера. *Librare*, подготовленное предыдущимъ *arma*, сказано аналогично съ Catull. 36, 5: *vibrare iambos*, Prop. II, 1, 77: *iace verba favillae*, Horat. a. p. 260: *in scaenam missos cum magno pondere versus* и т. п. Касательно *arte librare* ср. Prop.

же духѣ возможно бы и *laute* и *uncte* съ намекомъ на извѣстный анекдотъ, сохраненный намъ у Федра V, 1, 12: *unguento delibutus* eqs.).

III, 3, 50: „Qui volet austeros *arte ferire* viros" (любовными стихами, воспѣвающими ихъ женъ). Не очень бы насъ манило болѣе близкое къ преданію: „*Librantumque* tuos, *dicta*, Menadre, sales".

VIII.

Prop. III 22, 21 sq., Nam quantum ferro, tantum pietate potentes Stamus: victrices temperat *ira* manus.

Извѣстно, какъ такія странности скрашиваются: „ira" поставлено, молъ, вмѣсто „Roma irata" или же: „гнѣвъ сдерживаетъ свою десницу тѣмъ, что, побѣдивъ,... прекращается" (съ неизбѣжной ссылкой на Soph. Ai. 674 sq.) [1]). Между тѣмъ, независимо отъ основной превратности такого способа интерпретаціи, онъ въ настоящемъ случаѣ приводитъ къ тому, что утрачивается связь съ предыдущимъ. Это сознавали итальянцы, интерполировавшіе въ нѣкоторыхъ рукописяхъ *illa*, т. е. относившіе мѣстоименіе къ *pietas*. Лахманъ справедливо отвергъ это чтеніе, но отнюдь не опровергъ лежащей въ основѣ его мысли. Онъ говоритъ: „Victrices manus pietas temperare non potest, quae nulla est in hostes". Это—игра словъ. Должна разумѣться *pietas* къ богамъ: изъ богобоязненности римляне умѣряли расправу съ побѣжденными [2]). Читать, вѣроятно, слѣдуетъ: „victrices temperat *ara* manus".

IX.

Ciris 1—1: Etsi me vario iactatum laudis amore Irritaque expertum fallacis praemia vulgi Cecropius suavis exspirans hortulus auras

---

[1]) Къ сказанному въ нашемъ Комм. къ Горац.[2], 47 сл. прибавимъ лишь, что подъ схему „res pro defectu rei" правильнѣе подводить такія мѣста, какъ Anth. Pal. 12, 161, гдѣ о переброшенной черезъ плечо хламидѣ сказано, что она показываетъ обнаженныя ноги: тутъ нѣтъ вовсе затрудненія въ пониманіи текста, стилистическая психологія котораго угадывается сразу. Между тѣмъ въ данномъ стихѣ Проперція имѣлось бы прямое насиліе надъ духомъ латинскаго слога: скажите „vincendo temperat ira manus" и вы уже получаете нѣчто (безотносительно къ предыдущему) допустимое.

[2]) Достаточно напомнить хотя бы только Cic. *de re p.* II 26: (Нума) animos—ardentes cupiditate bellandi religionum caerimoniis mitigavit; 27: (богопочитаніемъ) ad humanitatem atque mansuetudinem revocavit animos hominum studiis bellandi iam immanis ac feros... Sic ille... excessit e vita duabus praeclarissimis ad diutur nitatem rei publicae rebus confirmatis, religione atque clementia.

Florentis viridi sophiae complectitur umbra (5:) *Tum ea queret eo* [1]) dignum sibi quaerere carmen Longe aliud studium atque alios accincta labores Altius *ad magni suspendit* [2]) sidera mundi Et placitum paucis ausa est ascendere collem, Non tamen absistam coeptum detexere munus, In quo iure meas utinam requiescere musas Leniter et [3]) blandum liceat deponere morem [4]).

Эмендацію стиховъ 5—7 можно, кажется, подвинуть частичнымъ использованіемъ предлагавшихся раньше поправокъ. Мы бы читали: Etsi me... Cecropius... hortulus... Sophiae complectitur umbra,

> (*Op*)tuma quae r*atio* dignum sibi quaerere carmen
> (Longe aliud studium atque alios accincta labores,
> Altius a*l*ma ani(*mi*) *ui*s *t*endit: sidera mundi
> Et placitum paucis ausa est ascendere collem),
> Non tamen absistam eqs.

Общій смыслъ былъ бы: „Хотя я за славой больше не гоняюсь и, вполнѣ изведавъ измѣнчивость публики, предался философіи, что составляетъ наилучшее средство подыскать себѣ достойную поэтическую тему (посвятивъ себя совсѣмъ инымъ занятіямъ, энергія моего духа [5]) стремится выше: она уже побудила меня дерзнуть взобраться въ звѣздныя сферы по казавшейся заманчивою немногимъ возвышенности) [6]): однако я не брошу начатой раньше работы и надѣюсь такимъ образомъ проститься въ ней съ эротикой безъ рѣзкаго перехода къ другому литературному роду".

Въ 5-омъ стихѣ нѣтъ необходимости сочинять: *optuma quaerere*. а можно бы примириться съ оборотомъ *ratio quaerere*, гдѣ, вмѣсто герундія, употребленъ инфинитивъ, какъ даже въ прозѣ, напримѣръ,

---

[1]) Такъ R(ehdigeranus). Въ HL тó же, только „ea" перешло въ „mea".— Scaliger: „Nec mea quit Erato", Haupt: „Nec mea quit ratio", Hertz: „Dum mea fert ratio", Ellis: „Dum mea avens ratio", Baehrens: „Tum mens quaerit eo", Ribbeck: „Sum mea quae ratio".

[2]) Такъ HR. Въ L: suspensi.—Scaliger: „subtendit", Schrader: „suspexit".

[3]) Такъ Heinsius. Въ R: „Et leniter", въ прочихъ: „Et leviter".

[4]) Leopardi: „amorem", но „blandus mos" и есть любовная поэзія.

[5]) Что въ *Ciris* отражается фразеологія Вергилія, само собой разумѣется. Въ данномъ случаѣ можно сличить *Aen*. I, 529: non ea vis animo nec tanta superbia victis, IX, 610 sq.: nec tarda senectus Debilitat vires animi, X, 897 sq.: ubi nunc Mezentius acer et illa Effera vis animi.—Ср. также *Georg*. III, 42: te sine nil altum mens incohat (это мѣсто не могло, впрочемъ, побудить насъ рекомендовать чтеніе: „Altius ad magni *mens* tendit sidera mundi").

[6]) Онъ уже началъ поэму о *sidera mundi* („mundus"—небо).

Sall. Cat. 17: molliter vivere copia erat; 30: omnia—vendere mos erat; 53: silentio praeterire non fuit consilium; Cic. p. Quinct. 53: te—consilium cepisse hominis propinqui fortunas—evertere; Verr. II 41.; Nep. Lys. 3; Curt. IV 33: Cupido—incesserat-Aethiopiam invisere. Сюда же относится „tempus est abire" и т. п.

X.

Stat. *Silv.* I *praef.* sub finem: „Sequitur libellus Rutilio Gallico convalescenti dedicatus, de quo nihil dico, ne videar defuncti testis occasione mentiri. Nam Claudi Etrusci testimonium *domomum* est, qui balneolum a me suum intra moram cenae recepit".

Такъ воспроизвелъ это мѣсто A. Klotz (Lips. 1900), съ тою лишь внѣшнею разницей, что испорченное слово не напечатано у него курсивомъ, а снабжено крестомъ. Въ основѣ чтенія лежитъ преданіе мадридскаго кодекса [1]), признаннаго теперь фундаментомъ нашего рукописнаго текста для большинства „Сильвъ".

Конъектуры предложили Leo—„vadimonium" и самъ Klotz „documentum". Ходъ мысли не затрудняетъ. Стацій съ видимымъ самодовольствомъ констатируетъ быстроту, съ какой писались всѣ стихотворенія этой книги, причемъ предвидитъ и отчасти старается напередъ устранить возможныя возраженія скептиковъ. Дошедши до „Soteria Rutili Gallici", онъ замѣчаетъ, что не станетъ настаивать, такъ какъ не хочетъ ссылаться на свидѣтельство умершаго. Продолженіе, относящееся уже до слѣдующаго нумера сборника, гласило, должно быть: „Что же касается Клавдія Этруска, то въ наличности *его* свидѣтельства всегда *можно* удостовѣриться", т. е.: „Nam Claudi Etrusci testimonium *ad manum* est" [2]).

XI.

Stat. *Silv.* V 3, 89—95: Te... plangat Facundia... Et Pallas doctique cohors Heliconia Phoebi, Quis labor Aonios seno pede currere [3]) campos, Et quibus Arcadia carmen testudine mensis *Cydalibem*

---

[1]) Вторая рука *M* подчеркнула „domomum" въ знакъ того, что эти начертанія уничтожаются: вслѣдствіи того во всѣхъ спискахъ, зависящихъ отъ *M*, уже исчезъ всякій слѣдъ первоначальной редакціи, и до сего времени ее игнорировали печатныя изданія.

[2]) Менѣе удовлетворило бы насъ: „*idoneum* est" или „*commodum* est".

[3]) Такъ Гейнзій исправилъ рукописное *ducere* (ср. v. 149: equos pugnasque

nomenque fuit quosque orbe sub omni Ardua septena numerat Sapientia fama.

Послѣ упоминанія стихотворства гексаметрами говорится о пишущихъ *лирическими* размѣрами [1]). Гроновій поэтому конъицировалъ „*Cura lyrae* nomenque fuit". Но уже Saumaise возразилъ, что послѣ *testudine* слово *lyrae* неудобно: „Idem esset ac si dixisset: quibus *lyra* carmen canentibus *lyrae* cura ac nomen fuit". Тѣмъ не менѣе поправка имѣла большой успѣхъ; полагали, что Стацій хочетъ сказать: „отъ игры на *testudo* они и *названы* лириками". Впрочемъ, Markland отступилъ отъ редакціи Гроновія, измѣнивъ въ ней *lyrae* на *lyre*, причемъ *nomen* объяснялъ въ смыслѣ *славы*. Что именительный падежъ желательнѣе, это не можетъ оспариваться (ибо родительный пришлось бы одновременно сочинять какъ объективный съ *cura* и какъ субъективный съ *nomen*): но форма λύρη, употребленная „gerade bei Erwähnung der dorisierenden Lyriker" (Vollmer), не прельщаетъ, конечно.

Совсѣмъ иной путь къ возстановленію подлинника избралъ Withof. Онъ предложилъ: „*Pisa labor* nomenque fuit", усматривая тутъ намекъ на „Olympica lyricorum certamina". Насъ это навело на чтеніе:

> Et quibus Arcadia carmen testudine mensis
> *Pindaricum* ⟨*os*⟩ nomenque fuit.

Стацій представителемъ лирики называетъ и въ другихъ мѣстахъ Пиндара. См. S. I 3, 101: „Seu tibi Pindaricis animus contendere plectris"; V 3, 151 sq.: „qua lege recurrat Pindaricae vox flexa lyrae".

Самое выраженіе „os Pindaricum" встрѣчается у того поэта, которому Стацій поминутно подражаетъ, а именно у Проперція III 17, 40: „Qualis Pindarico spiritus ore tonat". Ср. Horat. c. IV 2, 7 sq.: „Fervet inmensusque ruit profundo Pindarus ore".

---

virum decurrere versu). Другіе предпочли догадку Барта: „ducere *cantus*", но такъ не говорятъ (встрѣчается „ducere *carmen*", напримѣръ, Ov. *Tr.* III, 14, 31 sq. и *Ex. P.* I, 5, 7, однако оба раза въ смыслѣ „*писать* стихи": у Овидія въ первомъ мѣстѣ прямо прибавлено *tristi manu*, а во второмъ: *Scribimus invita vixque coacta manu*). Vollmer сохраняетъ „ducere campos" съ „поясненіемъ", что это сказано „absichtlich vieldeutlich". Гроновій толковалъ это слѣдующимъ образомъ: „Quibus labor est duces esse eorum qui sunt in campis Aoniis" („которые стараются стяжать принципатъ въ области эпики").

[1]) Въ одномъ изъ французскихъ переводовъ *mensis* принято за дат. пад. отъ *mensa* и, соотвѣтственно тому, сказано: „la lyre, amie des festins"...

XII.

Stat. *Silv.* V 5, 13 sqq.: Huc patres et aperto pectore matres Conveniant: *ciseremque oculis et crimina* [1]) ferto [2]), Si qua sub uberibus plenis ad funera natos Ipsa gradu labente tulit...; quisquis... Immersit cineri iuvenem..., Adsit et alterno mecum clamore fatiscat: Vincetur lacrimis, et te, Natura, pudebit, Tanta mihi feritas, tanta est insania luctus.

Итакъ: „у меня умеръ не родной сынъ, а пріемный ребенокъ; однако, мое отчаяніе превзойдетъ скорбь всякой матери и всякаго отца, лишившихся дитяти". Markland спрашивалъ, зачѣмъ Стацій велитъ матерямъ ferre cineres oculis: „an excaecare eas voluit?" Vollmer отвѣчаетъ ссылкой на свое примѣчаніе къ V 3, 32, гдѣ говорится о „wirkliches Anfliegen von Aschenteilen in die Augen, wo sie durch die Feuchtigkeit der Thränen haften bleiben". Но комментированное этими словами мѣсто гласитъ: „tuus ut mihi vultibus ignis Inrubuit *cineremque oculis umentibus hausi*" [3]), а стало быть восходитъ къ Verg. Aen. IV, 661: „hauriat hunc oculis ignem", причемъ, по признанію самого же Vollmer'a, „die Wendung bei Vergil—auf einfaches *Sehen* hinausläuft". Вдобавокъ, Стацій воспроизводитъ ее и въ Theb. X, 596: „(nequeo)... Argolicumque oculis haurire vacantibus ignem", гдѣ разумѣется невозможность *увидѣть* ослѣпшими глазами (ср. lucem haurire, caelum h., далѣе strepitum haurire sc. aure). Да и ясно, что, кто *засорилъ* себѣ глаза, тотъ не можетъ думать о своемъ сердечномъ страданіи. Что касается *crimina*, то нѣмецкій издатель напоминаетъ сопоставленное имъ по поводу S. I 4, 17: „Quippe manet (выздоравливающій) longumque manebit... Nec tantum induerint *Fatis* nova saecula *crimen*". Онъ цитуетъ тамъ, не различая оттѣн-

---

[1]) Heins.: „crinemque rogis et gramina". По его схемѣ и прочіе (Markland: „crinesque rogis et munera"; R. Unger.: „myrrham loculis et germina"; Baehrens: „crinem capulis et cinnama").

[2]) Въ *M* неясно: *ferto* либо *forte*. Первое подтверждаетъ—Poliziano, и такъ справедливо читаетъ Klotz.

[3]) Иное выражаютъ мѣста, гдѣ *cinerem haurire* сказано безъ прибавки слова *oculis*. Ср., напримѣръ, Ov. *M.* XIII, 424 sqq.: (Hecuben) Prensantem tumulos atque ossibus oscula dantem Dulichiae traxere manus. Tamen unius hausit Inque sinu cineres secum tulit Hectoris haustos; VIII, 539: cineres haustos ad pectora pressant. Cf. Lucan. IX, 60: Ossibus et tepida vestes implere favilla.

ковъ, Lucan. V, 59: Fortunae, Ptolemaee, pudor crimenque deorum. VIII, 55: Prosiluit crimenque deum crudele notavit. Mart. X, 61, 2: Crimine quam Fati sexta peremit hiems. XI, 93, 3: O scelus, o magnum facinus crimenque deorum. Можно бы прибавить рядъ другихъ текстовъ [1]), а все-таки останется страннымъ приглашеніе: „несите пепелъ для (набиванія) глазъ и упреки (богамъ)".

Исправленіе достигнется, кажется, при помощи небольшого измѣненія преданія:

> . . . huc patres et aperto pectore matres
> Conveniant: cineremque (oculis *stent* crimina!) ferto,
> Si qua sub uberibus...

Спрашивается вѣдь, чего ради она должна нести прахъ умершаго младенца: отвѣтъ и даетъ поставленное въ скобки. Стацій утверждаетъ, что затмить родителей, какъ бы самая обстановка ни располагала ихъ къ горeванію: пусть даже *на глазахъ матери будутъ останки сожженаго*, т. е. именно *предметъ ея нареканій*, тѣмъ не менѣе и т. д.

Мы, слѣдовательно, понимаемъ *oculis* въ смыслѣ *in oculis* (Verg. Aen. X, 516. Ov. Tr. II, 526 и т. п.), причемъ и *stare* сводится къ обозначенію простой явственности того, что ощущается зрѣніемъ и, такъ сказать, „торчитъ" на глазахъ [2]).

---

[1]) У Стація—*S*. V, 2, 84 sq.: Fatum illud et ira nocentum Parcarum crimenque dei. *Th*. I, 230 sq.: deorum Crimina. *Ach*. II, 330: Scyros et indecores, fatorum crimina, cultus. Далѣе ср. Prop. II, 28, 2: Tam formosa tuum (Iovis); mortua, crimen erit. Ov. *M*. III, 141 (*Th*. IV, 9, 25—не о богахъ). Lucan. II, 288; VIII, 799 sq.: saxa Crimine plena deum (о камнѣ, подъ которымъ останки Помпея); IX, 144: Superis haec crimina dono. Ср. также сопоставленныя Vollmer'омъ мѣста, гдѣ упоминаются *invidia*, *convicia* либо *querellae* по адресу боговъ. Ov. *M*. IV, 548 sq.: Invidiam fecere deae: convicia Iuno Non tulit. Lucan. II, 35 sq.: nullis defuit aris Invidiam factura parens... 44: Effundunt iustas in numina saeva querellas. VII, 725: Plurimaque in saevos populi convicia divos. Mart. I, 13, 9 sq. VII, 47, 7: Non tulit invidiam taciti regnator Averni. St. *Th*. III, 196 sq.: matres Invidiam planxere deis. IX, 722 sq. *S*. III, 5, 40 sqq. V, 1, 22: Fataque et iniustos rabidis pulsare querellis Caelicolas solamen erat. V, 3, 69 sq.: Superos et Tartara pulsem Invidia. V, 5, 78. [Не годились бы, впрочемъ, приходившія намъ въ голову чтенія: „matres Conveniant, cineremque, *odiis nutrimina*, ferto, Si qua"... и: „cinerem (*Lachesis, tua crimina*) ferto"].

[2]) Ov. *Rem*. 584: „(dominaeque relictae) Ante oculos facies stabit, ut ipsa, tuos". *M*. XII, 429. *Am*. III, 5, 16. *Her*. 7, 69.

XIII.

Stat. *Theb.* I 361—8: Frangitur omne nemus (*бурей*)... Ille tamen modo saxa iugis fugientia ruptis Miratus, modo nubigenas e montibus amnes Aure pavens passimque insano turbine raptas Pastorum pecorumque domos, non segnius amens Incertusque viae per nigra *silentia* vastum Haurit iter.

Противорѣчіе съ предыдущимъ, создаваемое словомъ „silentia", такъ грубо, что приходится недоумѣвать, почему оно не обращало на себя доселѣ вниманія. Вдобавокъ Стацій продолжаетъ (370 sqq.): Ac velut hiberno deprensus navita ponto, Cui neque... amico sidere monstrat Luna vias, *medio caeli pelagique tumultu* Stat rationis inops eqs. Съ другой стороны, едва ли станутъ при „silentia" подразумѣвать, напримѣръ, *lunae.* Не рискнуть ли, при такихъ условіяхъ, догадку: „per *nigrescentia* vastum Haurit iter"? Субстантивація средняго рода множ. числа, какъ въ выраженіяхъ *per inania* (VI, 710) и т. п.

XIV.

Stat. *Theb.* IV 686 sq.: Argolicos paulum mihi *fontibus* amnes Stagnaque et errantes obducite pulvere rivos.

Полагаемъ, что Стацій написалъ *funditus*: „Засыпьте на короткій срокъ рѣки до самаго дна землей" [1]). Ср. I, 359 sq.: „stagnoque (*при наводненіи*) refusa est Funditus et veteri spumavit Lerna veneno" (по Verg. Aen. I, 125 sq.: imis Stagna refusa vadis).

Г. Зенгеръ.

---

[1]) Дальше, соотвѣтственно тому, и читается (688 sq.): „Praecipuam Nemeen... *ex alto* fugiat liquor".

КЪ МЕДЕѢ ЕВРИПИДА.

(Ст. 407 и сл. 529 и сл.).

Ст. 407 и слѣд. . . . . . πρὸς δὲ καὶ πεφύκαμεν
γυναῖκες, ἐς μὲν ἔσθλ' ἀμηχανώταται,
κακῶν δὲ πάντων τέκτονες σοφώταται.

Въ пониманіи этой фразы комментаторы расходятся: одни (Weil, Arnim) считаютъ γυναῖκες за подлежащее, другіе (Weckl., Verrall)—за имя сказуемаго при πεφύκαμεν, а отъ этого получается и разный смыслъ. Въ первомъ случаѣ получается общая мысль, касающаяся всего женскаго пола: „мы, женщины, неспособны на хорошее"...; при такомъ пониманіи послѣ γυναῖκες не должно быть запятой, какъ это и есть въ изданіяхъ Наука и Вейля. Во второмъ случаѣ подлежащимъ предложенія является Медея, и получается мысль, касающаяся ея одной, такъ что множественное число πεφύκαμεν γυναῖκες надо понимать въ смыслѣ единственнаго πέφυκα γυνή, какъ и объясняетъ Веклейнъ: „я—женщина, неспособная на хорошее"...; при такомъ пониманіи послѣ γυναῖκες должна быть запятая по нашей интерпункціи, какъ она и поставлена въ изданіяхъ Веклейна и Верроля и почему-то у Арнима.

По смыслу годятся, пожалуй, оба толкованія; но первое, кажется, болѣе соотвѣтствуетъ манерѣ Еврипида, любящаго общія мысли. Противъ второго можно выставить одно вѣское, на мой взглядъ, возраженіе съ формальной стороны, не принятое во вниманіе комментаторами. А именно, при данномъ толкованіи мы имѣемъ предложеніе, гдѣ сказуемое-глаголъ поставлено въ 1-мъ лицѣ множественнаго числа вмѣсто 1-го лица единственнаго числа (см. объ этомъ грамматику

Kühner-Gerth § 371, 3); при этомъ глаголѣ стоитъ въ качествѣ имени сказуемаго существительное γυναῖκες также во множественномъ числѣ. Комментаторы не задаются вопросомъ, возможно ли употребленіе существительнаго при такомъ множественномъ числѣ глагола, и tacito допускаютъ его. Для изслѣдованія вопроса объ этомъ pluralis я просмотрѣлъ три трагедіи—Медею, Ипполита и Андромаху и не нашелъ въ нихъ примѣровъ, гдѣ существительное было бы сказуемымъ при такомъ pluralis (прилагательное свободно употребляется).

Противъ этого могли бы быть выставлены два мѣста: Med. 889. Andr. 761, но и они едва ли опровергаютъ мое правило. Въ первомъ ἀλλ' ἐσμὲν οἷόν ἐσμεν, οὐκ ἐρῶ κακόν, γυναῖκες; — подлежащее едва ли Медея; скорѣе, по замѣчанію Арнима, γυναῖκες, служа сказуемымъ, въ то же время подразумѣвается и въ качествѣ подлежащаго. Во второмъ ἡμεῖς δ' ἔτ' ὀρθοὶ κοὐ γέροντες—существительное γέρων можетъ быть понято въ смыслѣ прилагательнаго, какъ и нерѣдко оно употребляется въ поэтическомъ языкѣ, напримѣръ, Orest. 456 γέροντι ποδί, Herc. f. 26 γέρων λόγος. Вполнѣ аналогично съ этимъ мѣсто Heraclid. 636 γέροντές ἐσμεν κοὐδαμῶς ἐρρώμεθα. Можно было бы указать еще на Med. 696 ἄτιμοι δ' ἐσμὲν οἱ πρὸ τοῦ φίλοι, гдѣ множественнымъ οἱ φίλοι Медея обозначаетъ, вѣроятно, одну себя, но и φίλος есть субстантивированное прилагательное. Т. о., Med. 407 было бы исключеніемъ изъ правила, если его не признать за общую мысль.

Выведенное мною для греческаго языка правило аналогично и съ правиломъ русскаго языка: мы также при множественномъ „вы", употребляемомъ вмѣсто „ты", ставимъ сказуемое-глаголъ и прилагательное во множественномъ числѣ, но существительное ставимъ въ единственномъ числѣ: „Вы молоды", но „Вы — молодой человѣкъ"; исключенія рѣдки, напримѣръ, „Вы—старики" у Грибоѣдова.

Ст. 529—530. σοὶ δ' ἔστι μὲν νοῦς λεπτός, ἀλλ' ἐπίφθονος
λόγος διελθεῖν, ὡς Ἔρως σ' ἠνάγκασε κτλ.

Эта фраза для большинства комментаторовъ неясна, начиная уже со схоліастовъ, а отсюда истекаютъ натянутыя объясненія и даже конъектуры. Такъ, еще одинъ изъ схоліастовъ думалъ, что λόγος является ἐπίφθονος не Медеѣ, какъ обыкновенно объясняютъ, а Ясону: ἐπίφθονος ὁ λόγος ῥηθῆναι, τουτέστι κινεῖ μοι φθόνον ὁ λόγος. ἀλαζονεύσομαι, φησίν, ὑπὲρ ἐμαυτοῦ ὅτι ὁ ἔρως ὃν ἠράσθης μου σέσωκέν με. Толкованія старыхъ комментаторовъ приведены у Эльмслея. Изъ новѣйшихъ из-

дателей Арнимъ даетъ такое объясненіе: eine kompromittierende Rede ist es für dich, auseinanderzusetzen etc., т. е. онъ, повидимому, считаетъ διελθεῖν подлежащимъ, а ἐπίφθονος λόγος именемъ сказуемаго. Верроль полагаетъ что Ясонъ не договариваетъ первой половины фразы (σοὶ—λεπτός); онъ хотѣлъ будто бы прибавить: „(хотя у тебя много ума), но у тебя есть и сильныя страсти, и, спасая меня, ты руководилась просто любовью“ (though you have much wisdom, you have also strong passions, and were led to save me simply by love), но онъ прерываетъ себя словами ἀλλ' ἐπίφθονος κτλ. Вейль уже прибѣгаетъ къ конъектурѣ, полагая, что при традиціонномъ чтеніи первой половины должно бы быть во второй не διελθεῖν, а ἀκοῦσαι. Есть и еще нѣсколько конъектуръ: онѣ приведены въ изданіи Prinz-Wecklein'a. Остановимся на возраженіи Вейля, который, какъ увидимъ, исходитъ изъ той же мысли, какъ и схоліастъ, считавшій Ясона объектомъ при ἐπίφθονος. Сперва разсмотримъ аналогичные обороты, состоящіе изъ существительнаго и опредѣляющаго его прилагательнаго съ инфинитивомъ, напримѣръ, Dem. XXI, 24 τοὺς λόγους ἐμοὶ μὲν ἀναγκαιοτάτους προειπεῖν ἡγοῦμαι, ὑμῖν δὲ χρησιμωτάτους ἀκοῦσαι. Мы увидимъ, что въ такихъ оборотахъ объектомъ прилагательнаго всегда бываетъ (или подразумѣвается) логическое подлежащее инфинитива, напримѣръ, здѣсь ἐμοί, объектъ при ἀναγκαιοτάτους, служитъ и логическимъ подлежащимъ для προειπεῖν, какъ ὑμῖν есть объектъ при χρησιμωτάτους и подлежащее для ἀκοῦσαι. Судя по этому, и въ нашемъ мѣстѣ подлежащее для διελθεῖν и объектъ при ἐπίφθονος должны бы быть тождественны; а потому является дилемма: или, признавая Ясона подлежащимъ для διελθεῖν, считать Ясона же и объектомъ при ἐπίφθονος (мнѣніе схоліаста), или же, признавая объектомъ при ἐπίφθονος Медею, вмѣсто διελθεῖν поставить ἀκοῦσαι (мнѣніе Вейля). Вся трудность мѣста происходитъ отъ того, что это правило къ нашему мѣсту непримѣнимо, такъ какъ ἐπίφθονος по своему значенію не можетъ слѣдовать аналогіи другихъ прилагательныхъ: оно не значитъ „непріятный“, „противный“, какъ понимаютъ его, повидимому, комментаторы, а значитъ „возбуждающій ненависть (непріятное чувство)“. Чтобы легче понять, почему при такомъ значеніи слова ἐπίφθονος приведенное выше правило непримѣнимо, возьмемъ нѣсколько мѣстъ, гдѣ ἐπίφθονος является сказуемымъ въ безличной конструкціи. Heraclid. 203 ἐπίφθονον λίαν ἐπαινεῖν ἐστι „чрезмѣрныя похвалы возбуждаютъ непріятное чувство“,—разумѣется, не въ говорящемъ, а въ слушающемъ эти похвалы (говорящій въ доказательство этой мысли при-

бавляетъ: πολλάκις δὲ δὴ χαὐτὸς βαρυνθεὶς οἶδ' ἄγαν αἰνούμενος, „я и самъ, помню, часто тяготился чрезмѣрными похвалами"); т. е. объектъ при ἐπίφθονον и подлежащее для ἐπαινεῖν различны. То же въ Rhes. 334 ἀπωθεῖν συμμάχους ἐπίφθονον, „если кто отвергаетъ союзниковъ, это возбуждаетъ *въ нихъ* непріятное чувство". Aristoph. Eq. 1274 λοιδορῆσαι τοὺς πονηροὺς οὐδέν ἐστ' ἐπίφθονον, „порицаніе дурныхъ не возбуждаетъ никакого непріятнаго чувства" (конечно, въ безпристрастныхъ слушателяхъ). Наше мѣсто отличается отъ приведенныхъ лишь тѣмъ, что въ немъ конструкція личная: какъ οἱ λόγοι ἐμοὶ ἀναγκαῖοί εἰσι προειπεῖν = ἐμοὶ ἀναγκαῖόν ἐστι προειπεῖν τοὺς λόγους, такъ и ὁ λόγος ἐπίφθονός ἐστι διελθεῖν = ἐπίφθονόν ἐστι διελθεῖν τὸν λόγον, „произнесеніе этой рѣчи (или просто: эта рѣчь) возбуждаетъ непріятное чувство",— разумѣется, въ слушающемъ ее, т. е. въ Медеѣ. Смыслъ всего мѣста вѣрно переданъ у Веклейна.

С. Соболевскій.

СОДЕРЖАНІЕ

ТРИСТА-ТРИДЦАТЬ-ПЯТОЙ ЧАСТИ

ЖУРНАЛА

МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ

(май и іюнь 1901 года).

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

СТРАН.

Министерскія распоряженія.

ОТДѢЛЪ НАУКЪ.

СТРАН.

Критика и библіографія.

ОТДѢЛЪ ПЕДАГОГІИ.

Наша учебная литература.

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ.

ОТДѢЛЪ КЛАССИЧЕСКОЙ ФИЛОЛОГІИ.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Наша учебная литература.

Современная лѣтопись.

Отдѣлъ классической филологіи.

Редакторъ **Э. Радловъ.**

(*Вышла 1-го іюня*).

ЖУРНАЛЪ

МИНИСТЕРСТВА

НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ

съ 1867 года

заключаетъ въ себѣ, кромѣ правительственныхъ распоряженій, отдѣлы педагогіи и наукъ, критики и библіографіи, и современную лѣтопись учебнаго дѣла у насъ и за границей.

Подписка принимается только на годъ,—въ Редакціи (по Троицкой улицѣ, домъ № 11) ежедневно отъ 8 до 10 часовъ утра. Иногородные также адресуютъ исключительно въ Редакцію.

Подписная цѣна за двѣнадцать книжекъ Журнала безъ пересылки или доставки двѣнадцать рублей, съ доставкою въ С.-Петербургѣ двѣнадцать рублей семьдесятъ-пять копѣекъ, съ пересылкой въ другіе города четырнадцать рублей двадцать-пять копѣекъ, за границу—шестнадцать руб. Книжки выходятъ въ началѣ каждаго мѣсяца. Сверхъ того, желающіе могутъ, по предварительномъ сношеніи съ Редакціею, пріобрѣтать въ Редакціи находящіеся для продажи экземпляры Журнала и отдѣльныхъ его книжекъ за прежніе годы, по цѣнѣ за полный экземпляръ (12 книжекъ) шесть рублей, за отдѣльныя книжки—по 50 копѣекъ за каждую—съ пересылкою въ другіе города. Полные экземпляры имѣются за 1869, 1870, 1871, 1876, 1877, 1878, 1880, 1881, 1882, 1883, 1884, 1887, 1888, 1892, 1893, 1894, 1895 и 1900 годы.